

III-й Международный
мадьярский симпозиум

3. Nemzetközi
Korai Magyar Történeti és
Régészeti Konferencia

MARTIN OPITZ KIADÓ

PÁZMÁNY PÉTER KATOLIKUS EGYETEM RÉGÉSZETTUDOMÁNYI INTÉZET

MTA BTK MAGYAR ŐSTÖRTÉNETI TÉMACSOPORT

Карта распространения памятников с аналогиями предметам субботцевского культурного круга /
Térkép a szubbotci kultúrkör leleteivel párhuzamot mutató lelőhelyek elterjedéséről

Комар, Алексей: *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei*

Ред.: Türk, Attila – Budai, Dániel. Studia

ad Archaeologiai Pazmaniensia 11. / Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 5. / Ómúltunk Tára 14.

Martin Opitz Kiadó / Budapest 2018, 422.

● – a ■ – b ● – c ● – d ● – e ▲ – f ▲ – g ▲ – h

a: памятники типа Субботцев; b: памятники салтовской КИО; c: аланские памятники Северного Кавказа; d: славянские и скандинаво-древнерусские памятники; e: памятники финно-угорского населения лесной зоны; f: памятники типа Большетиганского могильника; g: памятники угорского населения степной зоны; h: памятники сросткинской культуры (кимаков)
a: A szubbotci lelet típus lelőhelyei; b: A szaltovói kultúrkör lelőhelyei; c: Észak-kaukázusi alán lelőhelyek; d: Szláv és skandináv-rusz lelőhelyek; e: Finnugor lelőhelyek az erdős zónában; f: Bolsije Tyigani-típusú lelőhelyek; g: Ugor lelőhelyek a sztyeppei zónában; h: A szrosztki kultúra lelőhelyei (kimekek)

1: Бирка; 2: Гнёздово; 3: Бучак; 4: Новотроицкое; 5: Кудеярова гора; 6: Супруты; 7: Железницы; 8: Архангельское; 9: Кицевка; 10: Верхний Салтов; 11: Воробьевка; 12: Маяки; 13: Сидорово; 14: Скалистое; 15: Сентинский; 16: Камунта; 17: Кобан; 18: Тарское; 19: Дзивгис; 20: Даргавс; 21: Дуба-Юрт; 22: Коби; 23: Агач-Кала; 24: Лядинский; 25: Елизавет-Михайловский; 26: Крюково-Кужновский; 27: Пановский; 28: Танкеевка; 29: Измери; 30: Алексеевское; 31: Большие Тиганы; 32: Игимский; 33: Варни; 34: Полом; 35: Редикор; 36: Самара; 37: Просвет; 38: Луговское; 39: Переметное; 40: Филипповка; 41: Ишимбай; 42: Каранаево; 43: Уелги; 44: Синеглазово; 45: Эмба; 46: Боброво; 47: Кызыл-Кайин; 48: Зевакино

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia

A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai

Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Volume 12

Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont

Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok

Volume 6

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai
Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont
Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
nemzetközi szerkesztőbizottság /
International Advisory Board

Heinrich Härke
Eberhard Karls Universität (Tübingen, D)

Oleksiy V. Komar
Institute of Archaeology of NUAS (Kiev, Ua)

Abdulkarim Maamoun
Damascus University (Damascus, Syr)

Denys Pringle
Cardiff University (Cardiff, UK)

Dmitry A. Stashenkov
Samara Regional Historical Museum (Samara, Ru)

MTA BTK MŐT
sorozatszerkesztők

Fodor Pál
MTA BTK
főigazgató

Vásáry István
MTA BTK
MŐT elnök

III-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ
МАДЬЯРСКИЙ СИМПОЗИУМ

Будапешт, 6–10 июня 2016 г.

3. NEMZETKÖZI KORAI MAGYAR
TÖRTÉNETI ÉS RÉGÉSZETI
KONFERENCIA

Budapest, 2016. június 6–10.

Редакторы / Szerkesztők

TÜRK ATTILA – АЛЕКСАНДР С. ЗЕЛЕНКОВ

Pázmány Péter Katolikus Egyetem
Bölcsészet- és Társadalomtudományi Kar
Régészettudományi Intézet

Martin Opitz Kiadó

BUDAPEST 2018

Magyar Tudományos Akadémia
Bölcsészettudományi Kutatóközpont
Magyar Őstörténeti Témacsoport

PÁZMÁNY PÉTER
KATOLIKUS EGYETEM

PKA
Nemzeti Kulturális Alap

A kötet a

Magyar Tudományos Akadémia
Bölcsészettudományi
Kutatóközpont

támogatásával valósult meg

Книга издана при поддержке

Венгерского национального культурного фонда в рамках научного проекта Árpád-ház Program IV.2.
(Az Árpád-ház elődeinek keleti kapcsolatrendszerére)

Исследование подготовлено при поддержке программы TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001

„National Excellence Program”, OTKA/NKFIH 106369, и в рамках проекта KAP19-14016-1.2-BTK и KAP18-51021-1.8-BTK,

Перевод и редакция книги при поддержке Гранта ВАН им. Яноша Бойяи.

A kutatás a TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001 „Nemzeti Kiválóság Program”, OTKA/NKFIH 106369. és a KAP19-14016-1.2-BTK és KAP18-51021-1.8-BTK program keretében valósult meg.

A kötet fordítása és szerkesztése az MTA Bolyai János Kutatási Ösztöndíj támogatásával készült.

Передняя и задняя обложки / Első és hátsó borítókép

Шумящие подвески из погребения 2 кургана 26 (2004) Филипповки; Накладка из погребения 1/2 Субботцев и накладки из могильников Синеглазово и Уелги; Юлиан и Герард. Скульптура работы Антала Кароя
Csörgős csüngő a filippovkai 26. kurgán 2. sírjából (2004); Övveret a szubbotci 1/2. sírből és veretek a szinyeglazovói és az ujelgi temetőből; Julianus és Gerhardus barát szobra, Antal Károly munkája

Технические редакторы / Munkatársak

Balogh-Bodor Tekla – Budai Dániel – Füredi Ágnes – Földesi Anna – Harangi Flórián – Jancsik Balázs

© авторы / szerzők

© Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar, Régészettudományi Intézet

© Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport

© Martin Opitz Kiadó

ISBN 978-963-9987-35-7

HU-ISSN 2064-8162

Все права защищены, включая воспроизведение, публичную демонстрацию, использование в радио- и телепередачах
всей книги или её отдельных частей.

Minden jog fenntartva. Jelen könyvet, illetve annak részeit tilos reprodukálni, adatrögzítő rendszerben tárolni,
bármilyen formában vagy eszközzel – elektronikus úton vagy más módon – közölni a kiadó engedélye nélkül.

Перевод / Fordítás: Türk Attila – Budai Dániel – Mordovin Maxim

Корректор венгерского текста / Magyar nyelvi lektorálás: Bertók Krisztina

Дизайн обложки и графика / Borítóterv: auri grafika

Дизайн рисунков перед главами / Bevezető képek a fejezetek előtt: Petkes Zsolt

Издатели / Kiadja:

Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport

Типография / Nyomda: Pauker Nyomdaipari Kft.

СОДЕРЖАНИЕ – TARTALOM

KÖSZÖNTŐ / ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО (FODOR PÁL / Пал Фодор)	9
--	---

СИБИРЬ И ЗАУРАЛЬЕ – SZIBÉRIA ÉS AZ URÁLONTÚL

НАТАЛЬЯ П. МАТВЕЕВА / NATALJA P. MATVEJEVA

Саргатская и гороховская культуры: исторические судьбы. Ранний железный век западносибирской лесостепи по археологическим данным	15
A szargatkai és gorohovói kultúra történeti interpretációja. A korai vaskor Nyugat-Szibéria erdős sztyeppi területén a régészeti adatok alapján	15

АЛЕКСАНДР С. ЗЕЛЕНКОВ / ALEKSZANDR SZ. ZELENKOV

Историко-культурная модель эпохи средневековья Тоболо-Иртышской провинции	35
A Tobol–Irtis régió középkorának történeti és régészeti-kulturális modellje	35

СЕРГЕЙ Г. БОТАЛОВ / SZERGEJ G. BOTALOV

Новые материалы исследований погребального комплекса Уелги	47
Újabb leletek az ujelgi temetőből	47

ИВАН В. ГРУДОЧКО / IVAN V. GRUDOSKO

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология)	63
Az uráli és kazah sztyeppék 'bajszos' kurgánjai (tipológia és kronológia)	63

ПРИУРАЛЬЕ – AZ URÁL NYUGATI ELŐTERE

ВЛАДИМИР А. ИВАНОВ / VLAGYIMIR A. IVANOV

Археологическое источниковедение древних угров-мадьяр в Урало-Повольжье или как соотносится эмпирика с метапостроениями	93
A korai magyarok Volga–Urál-vidéki régészeti hagyatékának kutatása, avagy az empíria és a fantazmagória viszonyáról	93

НАТАЛЬЯ Б. КРЫЛАСОВА – АНДРЕЙ М. БЕЛАВИН / NATALJA B. KRILASZOVA – ANDREJ M. BELAVIN

Поясные сумочки из Предуралья и их распространение в Европе	103
Az Urál nyugati előterének tarsolyleletei és európai elterjedésük	103

ЮЛИЯ А. ПОДОСЁНОВА / JULIJA A. PODOSZJONOVA

«Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья	121
Ezüstből készült 'korai magyar' jellegű középkori díszítmények az Urál nyugati előterének Perm környéki területeiről	121

НАТАЛЬЯ Г. БРЮХОВА / NATALJA G. BRJUHOVA

Следы трепанаций на черепках эпохи великого переселения народов в Пермском Предуралье	137
Koronyatrepanációk nyomai az Urál nyugati előterének Perm környéki területein feltárt népvándorlás kori temetőkben	137

СТЕПНОЙ МИР – A SZTYEPP VILÁGA

АРМАН А. БИСЕМБАЕВ / ARMAN A. BISZEMBAJEV	
К вопросу о древнененгерских памятниках в Западном Казахстане	149
A nyugat-kazahsztáni korai magyar leletek kérdéséről	149
ЛЮДМИЛА А. КРАЕВА – ИРИНА В. МАТЮШКО / LJUDMILA A. KRAJEVA – IRINA V. MATJUSKO	
Древнененгерские комплексы из раскопок в Оренбуржье	173
Korai magyar leletegyüttesek az Orenburgi területen végzett ásításokról	173
ИРИНА В. МАТЮШКО / IRINA V. MATJUSKO	
Печенежские погребения в приуральских степях	191
Besenyő temetkezések az Urál nyugati előterének sztyeppi területeiről	191
АЙБОЛАТ К. КУШКУМБАЕВ / AJBOLAT K. KUSKUMBAJEV	
<i>«По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них...»</i>	
К вопросу о восточных мадьярах	199
<i>„Az ősök szájhagyománya nyomán úgy tudják, hogy azok a magyarok tőlük származnak...”</i>	
A keleti magyarok kérdéséhez	199
ЯРОСЛАВ В. ПИЛИПЧУК / JAROSZLAV V. PILIPCSUK	
Від кочівницького вождіства до європейського королівства. До питання про вплив давніх тюрків на угорців	229
A nomád fejedelemségtől az európai királyságig. Az ótörökök magyarokra gyakorolt hatásának kérdéséhez	229

ПОВОЛЖЬЕ – A VOLGA MENTÉN

СВЕТЛАНА И. ВАЛИУЛИНА – АНДРЕЙ В. ПЯТАЕВ – ЕЛЕНА В. ВОРОНИНА – АННА Г. ИВАНОВА / SZVETLANA I. VALIULINA – ANDREJ V. PJATAJEV – JELENA V. VORONYINA – ANNA G. IVANOVA	
Больше-Тиганский могильник: современное состояние исследований, новые методы и подходы	243
A Bolsije Tyigani-i temető: a kutatás jelenlegi állása, új módszerek és megközelítések	243
ДМИТРИЙ А. СТАШЕНКОВ / DMITRIJ A. SZTASENKOV	
О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье	255
Észrevételek a szamarai Volga-vidékről származó magyar jellegű leletek elkülönítésének néhány kérdéséhez	255
АННА Ф. КОЧКИНА / ANNA F. KOCSKINA	
Ещё раз о лепной керамике Прикамско-Приуральских истоков у волжских болгар. По поводу дискуссии об этнокультурной принадлежности	265
Még egyszer a volgai bolgároknál megtalálható, Káma menti és nyugat-uráli eredetű kézzel formált kerámiáról, az etnokulturális meghatározásukról folyó vita kapcsán	265
ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ЗЕЛЕНЦОВА / OLGA VIKTOROVNA ZELENCOVA	
Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги	279
'Magyar' jellegű övdíszek Volga menti finn nyelvű népek temetőiből a Volga jobb partvidékéről	279

КАВКАЗ И ХАЗАРИЯ – A KAUKÁZUS ÉS KAZÁRIA

Константин А. Руденко / KONSZTANTYIN A. RUDENKO	
Новые материалы по культуре древних венгров в Приуралье	305
A korai magyar problematikát érintő újabb leletek az Urál nyugati előteréből.....	305
Михаил В. Цыбин / MIHAIL V. CIBIN	
Среднее Подонье в IX–X вв. Археологический контекст Воробьевского погребения	335
A Középső-Don-vidék a 9–10. században. A vorobjovkai sír régészeti kontextusa.....	335
Дмитрий С. Коробов / DMITRIJ SZ. KOROVOV	
Аш-тигоры на пути к государственности – эволюция системы расселения северокавказских алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э.	347
Az as-tigorok az államiség felé vezető úton. A Kaukázus északi előterében, a Kiszlovodszk-medencében élő alánok településhálózatának fejlődése a Kr. u. I. évezredben.....	347
Андрей М. Голубев / ANDREJ M. GOLUBJEV	
Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики.....	367
A Felső-Donyec menti szaltovói leletanyag kronológiája a magyar problematika tükrében	367

СТЕПЬ, КИЕВ И СЛАВЯНСКИЙ МИР – A SZTYEPP, KIJEV ÉS A SZLÁV VILÁG HATÁRÁN

Николай П. Тельнов / NYIKOLAJ P. TYELNOV	
К вопросу о присутствии венгров в IX веке в Нижнем Поднестровье.....	403
A magyarság 9. századi Alsó-Dnyeszter menti jelenlétének kérdéséhez.....	403
Светлана С. Рябцева – Роман А. Рабинович / SZVETLANA SZ. RJABCEVA – ROMAN A. RABINOVICS	
Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения).....	429
A Prut–Dnyeszter régió 9–10. századi magyar jellegű hagyatéka (A fémművesség és az ötvösművészet tárgyai)	429
Игорь А. Прохненко / IGOR A. PROHNENKO	
Средневековые городища Закарпатья в аспекте описанного Анонимом угро-славянского конфликта	465
Kárpátalja középkori földvárjai az Anonymus által leírt magyar–szláv konfliktus aspektusában.....	465
Агнеш Фюреди – Аттила Тюрк – Берталан Загорхиди-Цигань / FÜREDI ÁGNES – TÜRK ATTILA – ZÁGORHIDI-CZIGÁNY BERTALAN	
Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI–XIII веков: археологические наблюдения о связях Венгрии с Русью во время раннего периода династии Арпадов	483
Balta alakú amulettek a Kárpát-medence 11–13. századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről	483
АВТОРЫ СБОРНИКА / A KÖTET SZERZŐI.....	
515	
ФОТОГРАФИИ С КОНФЕРЕНЦИИ / A KONFERENCIA KÉPEI.....	
517	

KÖSZÖNTŐ

*Mélyen tisztelt Kollégák, kedves Vendégeink,
Hölgyeim és Uraim!*

A Magyar Tudományos Akadémia BTK nevében sok szeretettel köszöntöm Önöket Budapesten a 3. Nemzetközi Korai Magyar Régészeti Konferencián! Köszönöm, hogy elfogadták meghívásunkat, és eljöttek, hogy előadásaikkal hozzájáruljanak a magyar őstörténet mind eredményesebb kutatásához! Fontosnak tartom hangsúlyozni, hogy ez a konferencia a magyar történelem és régészettudomány hagyományosan jó kelet-európai kapcsolatrendszerének erősítését és megújítását is szolgálja.

A Magyar Tudományos Akadémia BTK és a Pázmány Péter Katolikus Egyetem, jelen rendezvény szervezői, egyformán komolyan gondolják és fontosnak tartják a „keleti nyitás” gondolatát: vagyis kelet-európai tudományos és intézményi kapcsolatrendszerünk kiszélesítését és modern tartalommal való megtöltését. Ebben értelemszerűen kiemelkedő szerepet játszik a magyarság őstörténetének kutatása.

Amint Önök is tudják, történelme során a magyar népnél, amely a 9. század legvégén költözött be a Kárpát-medencébe, mindig fontos szerepet játszott keleti származásának tudata és annak igénye, hogy őseinek eredetét megismerje. A 13. századtól napjainkig számos keleti expedíció, tudományos kutatás és publikáció bizonyítja ezt. Nincs ez másként napjainkban sem. A magyar nemzet és a magyar tudományos élet várja az új eredményeket, melyek felmutatásában az elmúlt évtizedben a régészet tudománya hozta a legjelentősebb előrelépést. Az elmúlt évtizedben elsősorban az egykori etelközi szállásterülethez köthető lelőhelyek száma nőtt meg öröndetes mértékben Ukrajnában, és ennek is köszönhetően, ukrán kezdeményezésre indult el ez a konferenciasorozat 2011-ben. Második állomása a 2013-ban Oroszországban, az Urál vidékén, az utóbbi évek egyik kiemelkedő lelőhelyén, az Ujelgi tó partján megrendezett konferencia volt. A magyar tudomány nevében ezért mindkét ország kutatóinak a legmelegebb köszönetemet fejezem ki.

Szeretném elmondani Önöknek, hogy a téma kutatására a Magyar Tudományos Akadémia

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Глубокоуважаемые Коллеги, Дорогие Гости,
Дамы и Господа!*

От имени Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук с огромной радостью приветствую Вас в Будапеште, на третьем международном мадьярском археологическом симпозиуме! Благодарю, что приняли наши приглашения и пришли, чтобы своими докладами приобщиться к более результативному исследованию древней истории венгров. Считаю важным подчеркнуть, что эта конференция служит укреплению и обновлению традиционно хороших восточноевропейских связей венгерской, украинской и российской археологической и исторической наук.

Центр гуманитарных исследований Венгерской академии наук и Католический университет им. Петера Пазмания, организующие эту конференцию, считают одинаково важным концепцию «восточного открытия», т.е. расширение и наполнение современным контентом нашей восточноевропейской сети научных и институциональных связей. В этом, конечно, особенную роль играет исследование древней истории венгров.

Как Вам всем известно, у венгерского народа, переселившегося в Карпатский бассейн в конце IX века, за всю свою историю, всегда играло важную роль осознание своих восточных корней так же, как и спрос на познание происхождения своих предков. Это доказывает множество экспедиций, научных исследований и публикаций, начиная с XIII века до наших дней. Не изменилось это и в наше время. Венгерский народ и венгерская научная жизнь находится в ожидании всё новых и новых результатов, самый серьёзный прогресс в котором за прошедшее десятилетие принесла как раз археология. В первую очередь выросло число известных памятников на территории Украины, которые можно связать с Этелькузой; и, благодаря этому, по украинской инициативе, в 2011 году началась серия таких конференций. Второй остановкой в 2013 году был симпозиум в России, на Урале, на одном из самых выдающихся памятников последних лет,

Bölcészettudományi Kutatóközpontjában 2012-ben új kutatócsoportot hoztunk létre, az ún. Magyar Őstörténeti Témacsoportot. 2013-ban a Pázmány Péter Katolikus Egyetem Régészeti Tanszéke felvette speciális képzési tervébe a magyar őstörténet szakirányt, amelynek keretében a szakterület kutatásához elengedhetetlenül fontos orosz nyelvi képzést is kapnak a hallgatók. A két intézmény 2013-ban együttműködési szerződést kötött és közös erőfeszítéssel újabb kutatásokat valósított meg. 2016 augusztusában immár 4. alkalommal indítunk közös régészeti expedíciót az Urál térségébe, ezúttal az egykori Magna Hungaria területét magába foglaló Baskíria és Tatárföld vidékére. 2017 tavaszára pedig moldáv kollégák segítségével szervezünk közös ásatást a Dnyeszter menti Moldáv Köztársaság területén az egyik legfontosabb etelközi lelőhely további kutatására. Mindez a 2015-ben tartott kisinyovi közös konferenciánkon kiformalódott új együttműködés eredményeként valósul meg. A Magyar Tudományos Akadémia BTK Régészeti Intézet a modern archeogenetikai vizsgálatokat koordinálja. Mindeközben számos közös magyar őstörténeti szakpublikációval és konferenciával gazdagítottuk a kutatást. Emellett számos magas színvonalú, gazdagon illusztrált, tudományos népszerűsítő munkát adtunk közre a közérdeklődést kielégítése érdekében. Ha esetleg Önök is úgy gondolják, nagy örömmel vállalkoznánk Önökkel együtt e nálunk nagy sikert aratott kötetek orosz nyelvű kiadására is.

Ezt azért is tartom fontosnak, mivel újra és újra alá kell húznunk a tény, hogy a magyarság korai, Kárpát-medencei beköltözése előtti történetének kutatása nem pusztán magyar belügy, hanem nemzetközileg releváns tudományos kérdés. A magyarok elődei szerepet játszottak Kelet-Európa kora középkori történelmében az Uráltól a Kárpátokig terjedő régióban. Így napjainkban a moldáv, az orosz és az ukrán, sőt talán részben már a kazak történeti kutatás számára is megkerülhetetlen kérdéssé vált a magyarok korai története.

Önök közül sokan nem első alkalommal járnak nálunk Magyarországon, sőt van Önök között olyan, aki a történelem szeszélyei folytán éppen ebben az országban született. Sokan Önök közül már számos fontos tudományos közleményt publikáltak a magyar kérdéssel kapcsolatban, van olyan is, aki monográfiát szentelt a kérdésnek. Többen Önök kö-

na az ozero Uelgi. В связи с этим, от имени венгерской науки высказываю глубочайшую благодарность исследователям обеих стран.

Хотелось бы сообщить Вам, что для исследования данной темы, в рамках Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук в 2012 году была создана отдельная научно-исследовательская группа, так называемая «Тематическая группа истории древних венгров». В 2013 году Кафедра археологии Католического университета им. Петера Пазмания создала специальный курс, в рамках которого суденты изучают необходимый для такого рода исследований русский язык. Две упомянутые институции в 2013 году подписали договор о сотрудничестве, и общими силами провели новые исследования. В августе 2016 года уже в четвертый раз посылаем совместную археологическую экспедицию на Урал, в этот раз на территорию Башкирии и Татарстана, где когда-то располагалась *Magna Hungaria*. А весной 2017 года с помощью молдавских коллег организовали совместные раскопки в Приднестровской Республике, чтобы исследовать один из важнейших памятников Этелькузы. Все это результат нового сотрудничества сформулированного на Кишиневской конференции 2015 года. Современнейшие археогенетические исследования координирует наш Институт археологии Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук. Параллельно всему этому мы обогатили науку множеством научных публикаций и конференций на древневенгерскую тему. Кроме этого, опубликовали и серию высококачественных, богато иллюстрированных, научно-популярных работ для удовлетворения общественных запросов. Если есть такой спрос и с Вашей стороны, мы с радостью – вместе с Вами – подготовим русскоязычные издания этих книг, которые у нас стали очень популярными.

Считаю это важным и из-за того, что – подчеркивая опять и опять – исследование ранней истории венгров, особенно до их переселения в Карпатский бассейн не только внутреннее дело Венгрии, а и международно значимый научный вопрос. Предки венгров участвовали в раннесредневековой истории Восточной Европы от Урала до Карпат. Так, в наши дни, ранняя

zül magyar vonatkozású régészeti feltárásokat szerveztek Kelet-Európában, és ezeken a közös munka lehetőségét biztosították a magyar szakembereknek, és helyismeretükkel segítették kollégáink eredményes helyszíni munkáját. Többen Önök közül évtizedek óta raktárakban lappangó, még ismeretlen magyar vonatkozású régészeti leletanyagok közlésében játszanak elévülhetetlen szerepet. Sokan Önök közül előmozdították intézményi együttműködési szerződések létrehozását, sőt nemrégiben, mintegy 30 év szünet után, magyar régészhallgató vehetett részt ismét részképzésen az Urál térségében. Jelen konferencia résztvevői tehát már számos közös eredményt tudnak felmutatni.

Amint látják, a magyar diákok, régészhallgatók ismét egyre nagyobb számban sajátítják el a magyar őstörténet kutatásához elengedhetetlenül szükséges orosz nyelvet. Jelen konferencia sikeréhez és a tudományos kutatások eredményességéhez alapvető fontosságú egymás pontos megértése. Ezért biztosítunk tolmácsolást az előadásokhoz, így kívánjuk elérni, hogy az ismeretek mindenkihez hiánytalanul lejuszanak. Hálásan köszönjük, hogy előre elkészítették és megküldték előadásaik szövegét, illetve magukkal hozták a konferencia kötetébe szánt dolgozataikat.

Végül kérem Önöket, hogy bár különböző országokból és térségekből érkeztek, a konferencia során egységes tudományos teamként működjenek együtt. Kérem, hogy eredményeik bemutatása és megvitatása mellett bátran vessék fel tudományos ötleteiket és terveiket a jövőre vonatkozóan, hogy miként lehetne a legeredményesebben kutatni azt a teljes kelet-európai történeti háttérrel, amelynek elválaszthatatlan része a magyarság eredete is.

Kedves Kollégák, Isten hozta Önöket Budapesten, jó munkát kívánok, és érezzék jól magukat nálunk! Őszintén kívánom, hogy néhány év múlva legfrissebb eredményeikkel ismét visszatérjenek hozzánk, és hogy ennek eredményeként elmondhassuk majd, hogy a magyarság eredetének kutatása hozzájárult a magyar–moldáv–oros–kazak tudományos kapcsolatok erősítéséhez, ami a magyar tudománypolitika fontos célja! A közös munka, mint általában, egymás jobb megismeréséhez és megértéséhez vezet, ami békét hozhat nekünk és népeinknek.

история венгров стала значимым вопросом для молдавских, российских, украинских, и, в некоторой степени, для казахстанских исторических исследований.

Среди Вас многие уже не в первый раз приезжают к нам, более того, среди Вас есть и такой, кто по капризу судьбы родился как раз в этой стране. Многие из Вас уже опубликовали множество выдающихся научных работ, в связи с мадьярской тематикой, и кто-то даже написал целую монографию по этому вопросу. Многие из Вас организовывали раскопки в Восточной Европе, также связанные с мадьярами, предоставляя возможность сотрудничества венгерским коллегам, и помогая их результативной работе хорошим знанием места. Многие из Вас играют выдающуюся роль в публикации археологических материалов венгерского характера, которые десятилетиями пылились забытыми в фондах. Многие из Вас продвинули подписания договоров о сотрудничестве, и, даже, не так давно, после тридцатилетнего перерыва, первый венгерский студент снова мог поехать на стажировку на Урал. Все это означает, что участники этой конференции уже сейчас могут предоставить множество совместных достижений.

Как видите, венгерские студенты-археологи снова изучают необходимый для исследования древней истории венгров русский язык. Для успеха нашей конференции и научных исследований нам необходимо особенно четко понимать друг-друга. Поэтому мы предоставляем ко всем докладам переводчиков, таким образом пытаюсь передать всем Вам полный набор наших общих знаний. Очень благодарим, что вы заранее подготовили и прислали тексты Ваших докладов, а также принесли с собой научные работы для сборника.

И, подходя к концу, попрошу Вас работать как единая научная группа, несмотря на то, что Вы прибыли из разных стран. Прошу Вас, не только предоставлять свои результаты, но и смело формулировать новые научные идеи и планы на будущее, и как можно наиболее успешно исследовать весь тот исторический фон Восточной Европы, с которым неотрывно связано в том числе и происхождение венгров.

Még egyszer szívből köszönöm, hogy eljöttek hozzánk, és munkájukhoz-munkánkhoz sok sikert kívánok! Őszintén remélem, hogy a konferencia és a kísérő programok elnyerik tetszésüket, és szívesen jönnek majd hozzánk a későbbiekben is. Mi mindenestre örömmel és szeretettel várjuk vissza Önöket. Köszönöm megtisztelő figyelmüket!

Dr. Fodor Pál
főigazgató
MTA BTK

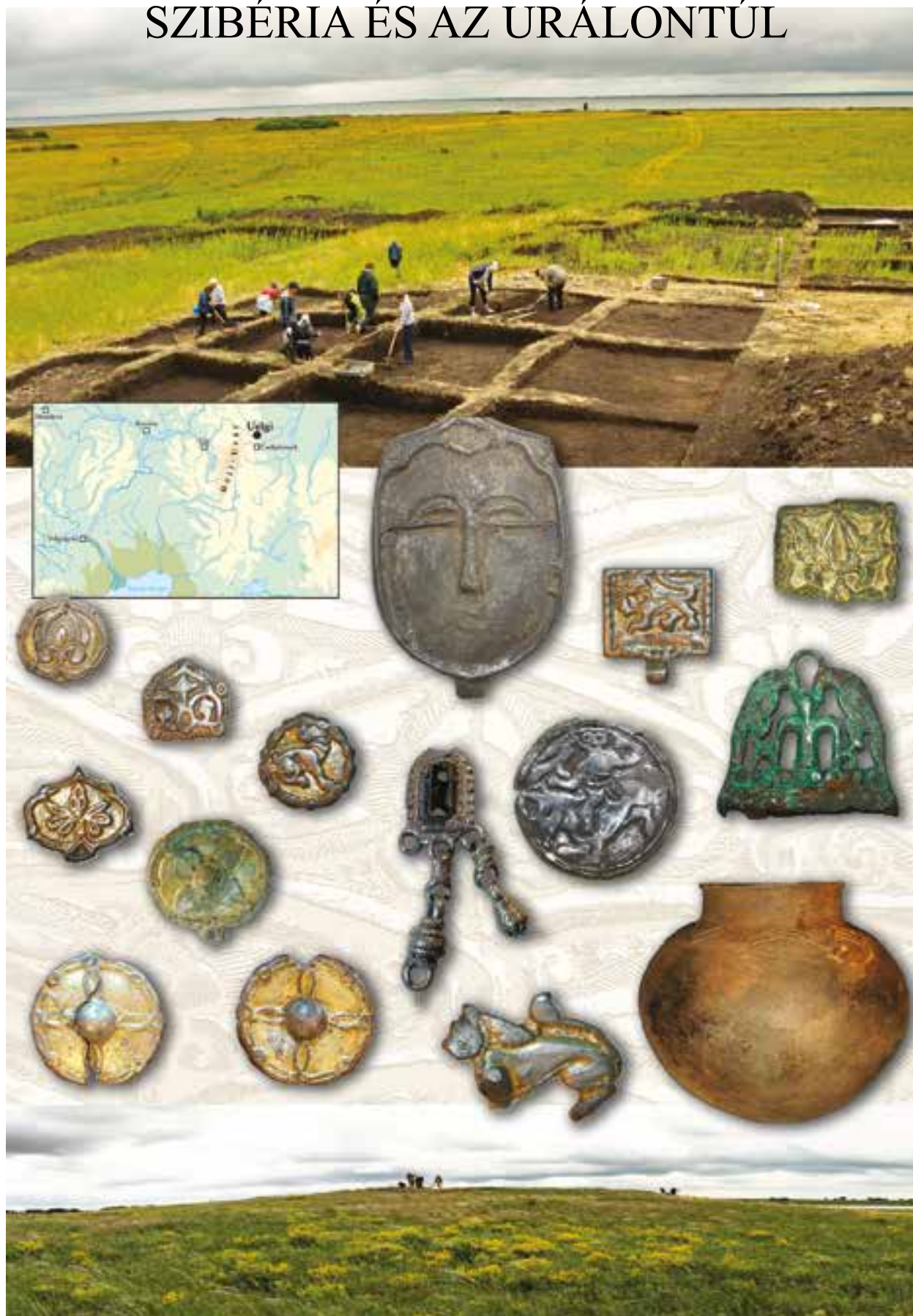
Дорогие коллеги, еще раз, приветствую Вас в Будапеште, желаю успешной работы, и хорошо провести у нас время! Искренне желаю, чтобы через несколько лет Вы вернулись к нам с Вашими новыми достижениями, и, чтобы в результате могли бы рассказать, что исследования происхождения венгров способствовало укреплению венгерско-молдавско-русско-украинско-казахских научных связей, которые являются важнейшей целью венгерской научной политики. Совместная работа, как обычно, ведет к улучшению познания друг-друга, что, в тоже время, может принести мир нам и нашим народам.

Еще раз сердечно благодарю, что приехали к нам, и желаю успехов в Вашей-нашей работе. Искренне надеюсь, что конференция и сопутствующие программы придутся Вам по нраву, и Вы с охотой вернетесь к нам и в будущем. Мы в любом случае с радостью и любовью ждем вас назад. Благодарю Вас за внимание!

Д-р Пал Фодор
Генеральный директор
ЦГИ ВАН

СИБИРЬ И ЗАУРАЛЬЕ

•
SZIBÉRIA ÉS AZ URÁLONTÚL

САРГАТСКАЯ И ГОРОХОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА МАТВЕЕВА*

Ключевые слова: *ранний железный век, саргатская и гороховская культура, Западно-Сибирская равнина, лесостепь, угры-прамадьяры*

Kulcsszavak: *kora vaskor, szargatkai és gorohovói kultúra, Nyugat-szibériai-alföld, erdős sztyepp, a magyarok elődei*

Наталья Петровна Матвеева

Саргатская и гороховская культуры: исторические судьбы. Ранний железный век западносибирской лесостепи по археологическим данным

Исходя из лингвистической концепции о разделении обских и лесостепных угро-язычных групп в середине I тыс. до н.э., автор считает правомерной дискуссию о вероятной прамадьярской принадлежности населения гороховской и саргатской культур раннего железного века западносибирской лесостепи. На основе широкого круга источников, полученных в 1980–2000-е годы, проводится ревизия специфики археологических памятников, краниологических и одонтологических данных в аспекте поиска этноотличительных признаков. Дана характеристика, экономики, системы расселения, образа жизни, особенностей домостроительства, ведущих традиций могильных конструкций и мемориальных сооружений, верований, социальной структуры саргатского населения, внешнего облика людей по предметам искусства и данным реконструкции лица по черепу. Показана многокомпонентность культуры, асинхронные субстратные и суперстратные ее составляющие, указывающие на полиэтничность общества с доминирующими восточно-иранскими чертами, так что о крупном гомогенном прамадьярском этносе говорить не приходится. Однако, существенные расовые отличия в составе населения и существование локальных вариантов погребального обряда и орнаментики оставляют вопрос о возможном проживании на территории саргатского раннегосударственного объединения прамадьярских групп открытым.

Natalja Petrovna Matvejeva

A szargatkai és gorohovói kultúra történeti interpretációja. A korai vaskor Nyugat-Szibéria erdős sztyeppi területén a régészeti adatok alapján

Abból a nyelvészeti koncepcióból kiindulva, hogy az Ob menti és erdős sztyeppi ugorok a Kr. e. I. évezred közepén szétváltak, a szerző elismeri, hogy van létjogosultsága az arról a feltevésről szóló vitának, amely szerint a későbbiekben nyugat felé elvándorló magyarok elődei a szargatkai és gorohovói kultúrát alkotó nyugat-szibériai erdős sztyeppi területeken élt kora vaskori népességgel éltek együtt. Az 1980–2000-es évek közötti új kutatási eredmények alapján azonban revízió alá kell venni az etnikumjelző tulajdonságokat meghatározó régészeti, valamint koponya- és fogvizsgálati szempontokat. Jelen írás ismerteti a szargatkai népesség gazdaságáról, életmódjáról, házipítési szokásairól, sírépítési módjairól, illetve egyéb kultikus hagyományairól, hiedelemvilágáról, társadalmáról, valamint a művészeti tárgyak és az arcreekonstrukciók alapján az akkor élt emberek külsejéről rendelkezésre álló adatokat. Ennek a kultúrának összetettsége az alapnépesség és a különböző időszakokban beköltözött népelemek polietnikus társadalmában mutatkozik meg, amelyben a kelet-iráni elemek domináltak. Így tehát homogén ősmagyar etnikai egységről a szargatkai kultúra kapcsán nem beszélhetünk, ugyanakkor e kultúra népességén belül megfigyelhetőek lényeges etnikai különbségek, valamint a temetkezési szokások és az ornamentika különböző helyi variánsai miatt nem zárható ki az sem, hogy a magyarok elődeinek egy csoportja a korai államiság jellemzőit mutató szargatkai kultúra területén élt.

* Тюменский государственный университет, Россия 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. nataliamatveeva1703@yandex.ru

Вопрос об отношении к этногенезу мадьяр населения саргатской культуры раннего железного века, занимавшего почти всю лесостепь Западной Сибири и исчезнувшего на рубеже Средневековья, постоянно дебатруется в науке. Он был поставлен в повестку дня благодаря обширному ареалу данной культуры и существенным отличиям от соседних народов скифо-сибирского мира, что предполагало проживание на его периферии не ирано-язычного населения.

Поскольку имеются этнографические данные в пользу исчезнувших групп южных и западных манси,¹ то многие специалисты предполагали довольно обширную зону расселения в прошлом родственных им угро-язычных народов. В соответствии с наиболее распространенной концепцией изначального (примордиалистского) формирования народов, археологи усматривали следы обитания угорских этносов в культурах Предуралья, Южного Урала и Зауралья в самые древние времена вплоть до эпохи бронзы.² Но принимая во внимание резонные возражения Н. И. Егорова о неправомерности употребления лингвистического таксона и политонима исторических хроник «угры» в качестве экзоэтнонима, слишком поспешном конструировании угро-язычных этносов во многих работах,³ а также опираясь на гипотезу разделения обских и лесостепных языковых групп в середине I тыс. до н.э.,⁴ будем конкретно говорить о прамадьярском этносе.

Не вдаваясь в обсуждение лингвистической стороны проблемы происхождения мадьяр, отметим, что на исторической сцене они появляются в развитом средневековье среди тюркских народов, поэтому пребывание их на начальной

стадии этногенеза может локализоваться только в степной зоне Южного Урала и прилегающей к нему части Западной Сибири во второй половине I тыс. до н.э. или в первой половине I тыс. н.э. Этот ареал мы называем степным расширительно, включая в него всю южную часть современной лесостепи, поскольку доказаны многократные импульсы аридизации в раннем железном веке и раннем средневековье, сделавшие этот регион территорией господства кочевников,⁵ а также ввиду множества археологических свидетельств пребывания кочевников в данном регионе⁶.

Историографически прамадьярская интерпретация памятников лесостепной Западной Сибири восходит к историко-культурным построениям Н. Н. Бортвина,⁷ В. Н. Чернецова,⁸ затем она была поддержана К. В. Сальниковым.⁹ Следующее поколение исследователей также ее развивало.¹⁰ Позднее эта идея детализирована Р. Д. Голдиной и др.¹¹ В целом эта точка зрения обусловлена гипотезой начала мадьярского этногенеза в ходе Великого переселения народов где-то на севере степной зоны.

В ходе интенсивного изучения раннего железного века западносибирской лесостепи в 1980–2000-е годы получила дополнительную аргументацию точка зрения, высказанная К. Ф. Смирновым,¹² полиэтничности западносибирских насельников. При этом довольно аргументированно и согласованно, каждый на собственной источниковой базе, исследователи пишут о процессе консолидации в единый политический организм автохтонных лесостепных насельников и сакских, сарматских переселенцев, образовавших аристократическое

¹ Соколова 1982, 9.

² Вереш 1985, 115. На историографии прамадьярской проблемы мы здесь не останавливаемся, рассматривая только археологические материалы непосредственно предшествующего мадьярскому этногенезу периода.

³ Егоров 2013, 50, 53.

⁴ Хайду 1985, 195–196.

⁵ Матвеева–Рябогина 2003, 35; Матвеева 2016, 197.

⁶ Коруякова–Ермакнов 2007, 292–294.

⁷ Бортвин 1930, 16.

⁸ Чернецов 1953, 223. На тот момент памятники гороховской и саргатской культур не различали.

⁹ Сальников 1966, 122.

¹⁰ Могильников 1972, 133; Генинг 1972, 278; Соколова 1975, 188; Халикова 1976, 155; Вереш 1978, 108, 1985, 116.

¹¹ Голдина 1996, 76.

¹² Смирнов 1964, 287.

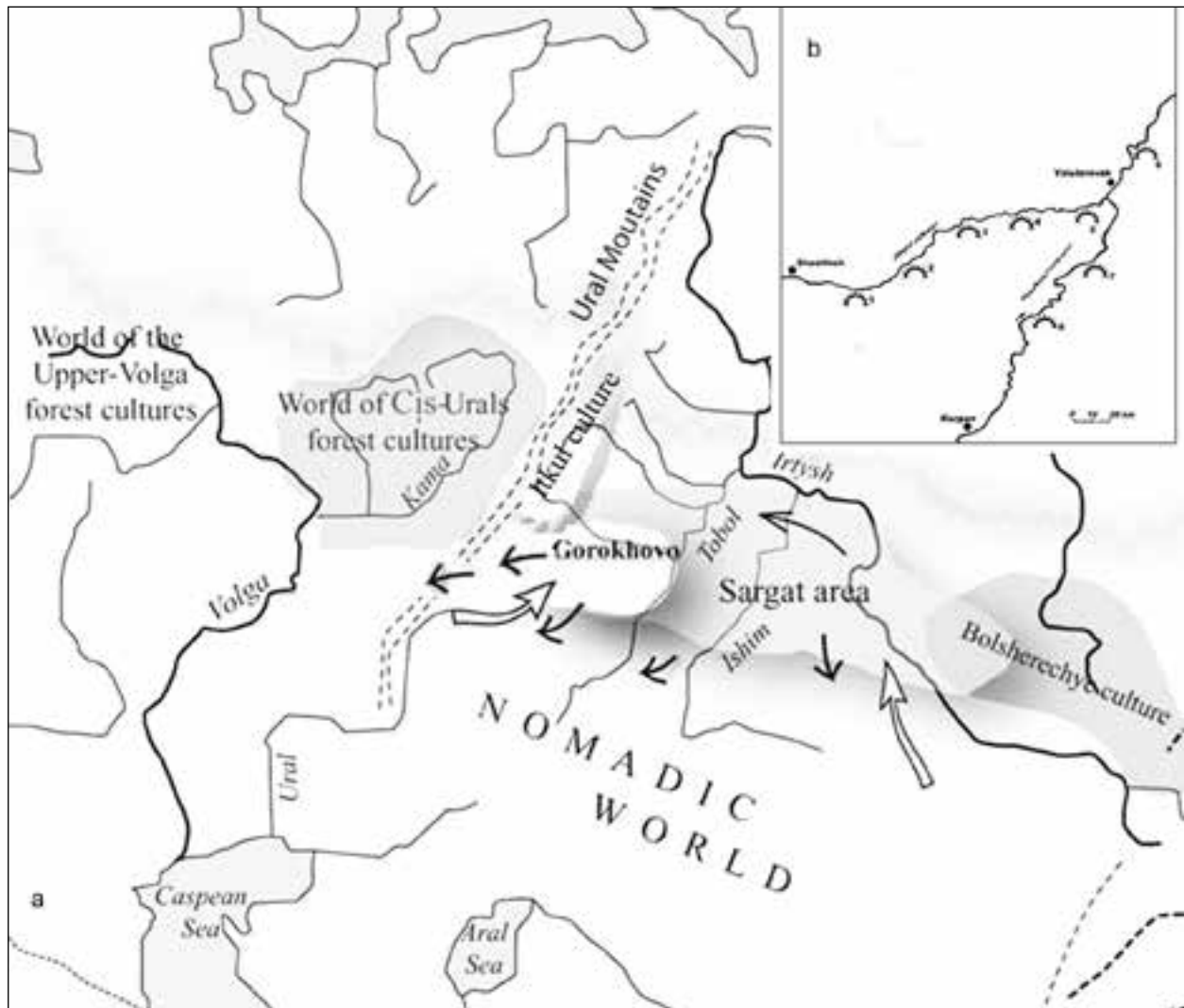

Рис. 1. Схема локализации памятников гороховской и саргатской культур (а) и схема ядер расселения саргатской культуры в Притоболье (б)

1. kép. A gorohovói és szargatkai kultúrák lelőhelyeinek elterjedési térképe (a), illetve a szargatkai kultúra elterjedési területének központi magja a Tobol mentén (b)

сословие и доминировавших в социуме.¹³ Причем в оценке местного компонента и кроются основные разногласия, так как объективных свидетельств для суждений крайне мало, поскольку из-за недостаточной изученности нет антропологических данных, сведений о погребальном обряде и мировоззрении обществ предшествующей стадии (первой половины I тыс. до н.э.).

Вместе с тем упрочилась идея о гипотетической угорской принадлежности другого населения – носителей гороховской культуры, занимавших территории в пограничье саргатской культуры и сарматского мира (рис. 1а), в связи с дополнительной серией аргументов культурного и антропологического характера.¹⁴

Рассмотрим, какие стороны жизни саргатского населения на сегодня достоверно охарактери-

¹³ Корякова 1988, 169; Корякова 1994, 11; Матвеева 1993, 161–162; Матвеева 2000, 224; Матющенко 1991, 15; Матющенко–Татаурова 1997, 86.

¹⁴ Сальников 1966, 124; Матвеева 1998, 14–15.

зованы и какие последствия для возможностей ее этнической интерпретации это влечет.

Установлено комплексное многоотраслевое хозяйство с преобладанием в зависимости от условий полукочевого и полуседлого скотоводства с высокой долей лошади в стаде. Земледелие отсутствовало. Ведущим типом построек являются многокамерные дома-усадыбы в технике заплота со стационарным полом, нишами, длинными крытыми коридорами между помещениями (*рис. 2*), адаптированные к холодным зимам, свидетельствующие о круглогодичном проживании в лесостепи.¹⁵ Генетически усадебная застройка восходит к ирменским, саргаринским и амирабадским жилищам эпохи поздней бронзы,¹⁶ наследники культурных традиций которых приняли участие в формировании саргатского населения. Помимо того, выявлены еще четыре типа построек, восходящих к предшествующим домостроительным традициям, в том числе с архаическим периодам истории региона, а также инновация в виде срубных наземных жилищ.¹⁷

Анализ остаточных схем расселения показал наличие стандартизованных ячеек с центрами первого и второго порядков в виде городищ, расположенных через 30–40 км вдоль крупных рек.¹⁸ Заселение городищ прерывалось и возобновлялось многократно, что сопровождалось использованием прилегающей обширной территории через сеть сезонных поселков (*рис. 1б*). Наличие ядер расселения дает возможность интерпретировать их как политико-экономические центры освоения и закрепления территории.¹⁹

Установлена стандартизация керамики²⁰ и единообразная эволюция инвентаря,²¹ свидетельствующая о внутри территориальном обмене. Велась активная караванная торговля по северным ответвлениям среднеазиатских путей, в том числе доказано функционирование торгов-

ли в системе Великого шелкового пути с III в. до н.э.²² Имело место интенсивное хозяйственное взаимодействие с соседними группами населения, реализующее локальную специализацию, в частности, импорт металлических изделий иткульского очага со Среднего Урала, экспорт пушнины, кедрового ореха, бобровой струи и других лесных товаров и, вероятно, рабов из таежной зоны в страны Средней Азии в обмен на престижные товары.

Выявлена многокомпонентность погребальных традиций, сосуществование курганного и грунтового способов ингумации. Можно констатировать сочетание захоронений автохтонного происхождения в лодке, в берестяном коробе, в неглубоких простых ямах, с заимствованными из иранской кочево среды деревянными «домами мертвых» в котлованах глубоких ям (с канавками и заплечиками, нишами), с установленными в них погребальными ложами и инвентарем (*рис. 3*). В элитарной части традиции присутствовало строительство надмогильных пирамидальных бревенчатых сооружений, окруженных рвами, завершавшееся их ритуальным сожжением на позднем этапе ее развития. Для всех групп населения зафиксированы поминальные жертвоприношения животных, особенно лошади с оставлением шкуры с головой и ногами у коновязей, а для знати высокого ранга – еще и людей.

У саргатского населения реконструируется кочевнический костюм из штанов, рубахи и кафтана с мягкими головными уборами и сапогами без каблуков, металлические и бусинные украшения головы, рук, ног, груди и пояса, расшивка краев одежды, восходящие по структуре, форме и размещению к андроновскому декору. Обязательным было ношение пояса и серег, не только женщинами, но и мужчинами (*рис. 4*). Установлено ранжирование костюма для разных социальных групп, в том числе готовые наборы

¹⁵ МАТВЕЕВА 2006, 64.

¹⁶ МОЛОДИН и др. 2004, 262; ЗДАНОВИЧ 1983, 74; ИТИНА 1977, 149.

¹⁷ БЕРЛИНА 2010, 11.

¹⁸ КОРЯКОВА 1988, 34.

¹⁹ МАТВЕЕВА–ЛАРИНА–БЕРЛИНА–ЧИКУНОВА 2005, 98; МАТВЕЕВА 2006, 60.

²⁰ КОБЕЛЕВА 2009, 25.

²¹ КОРЯКОВА 1988, 87.

²² МАТВЕЕВА 1997, 75–76.

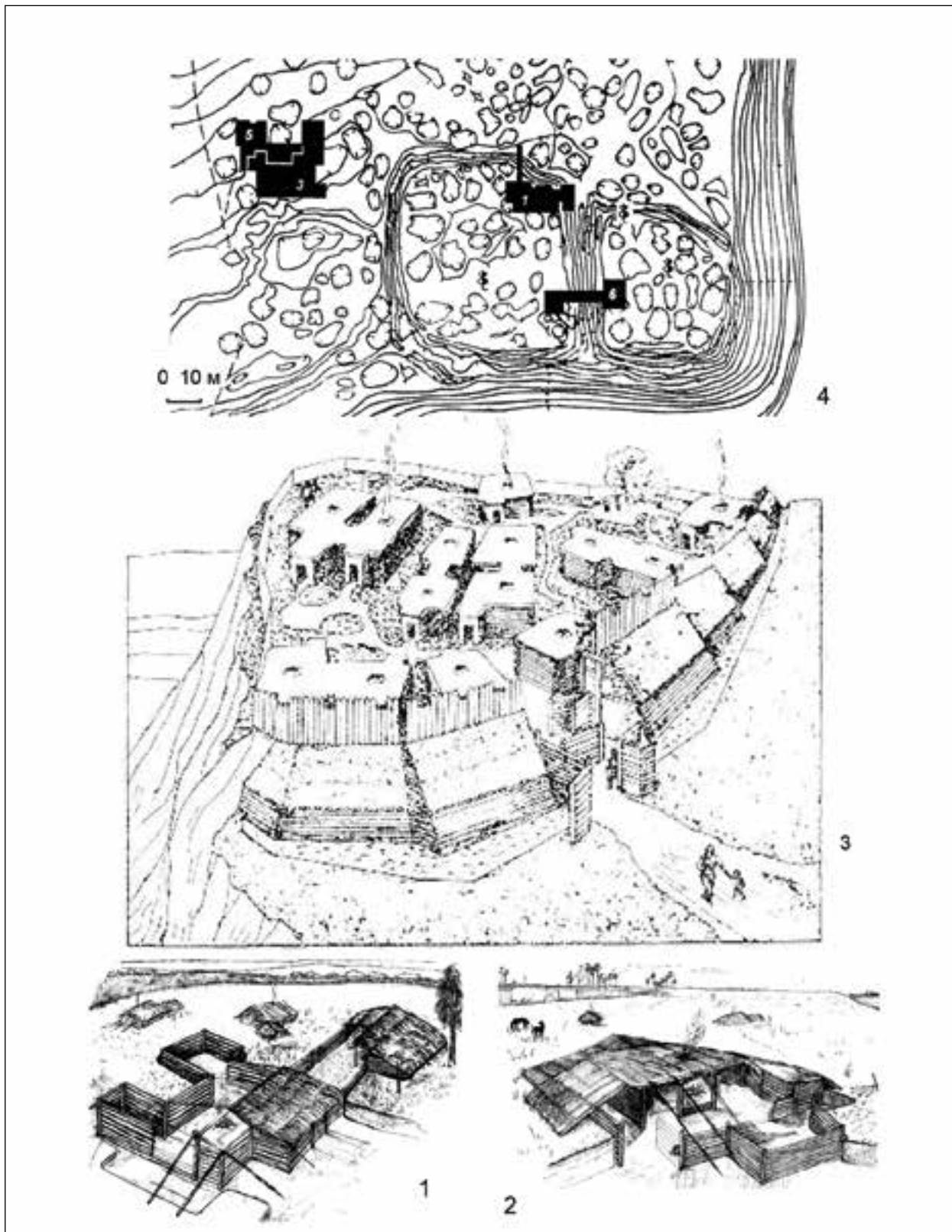

Рис. 2. План и жилища Рафайловского городища (1–2, 4), реконструкция городища Актау (3) (по М. К. Хабдулиной) саргатской культуры

2. kép. A rafajlovói erődített település szerkezete és házrekonstrukciói (1–2, 4) és a szargatkai kultúrához tartozó aktaui erődített település rekonstrukciója (3) (M. K. Habdulina alapján)

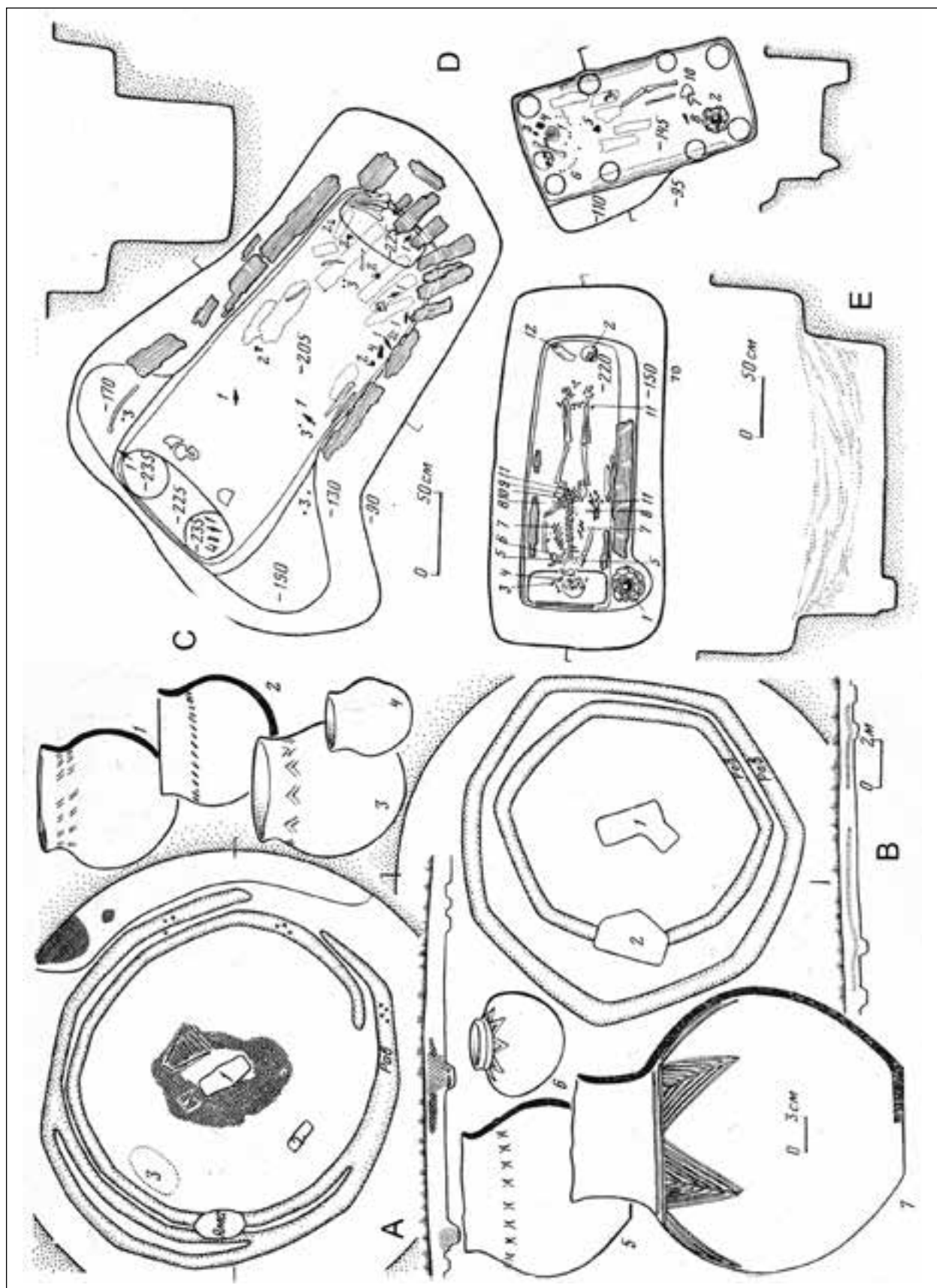

Рис. 3. Устройство курганов и могил, керамика саргатской культуры. Тютринский могильник
 3. kép. A szargatkai kultúra kurgánjainak és temetkezéseinek szerkezete, valamint jellegzetes kerámiája a tyutrinai temető alapján

Рис. 4. Костюм рядового (1) и аристократического сословий (2–3) и населения саргатской культуры
 4. kép. A kultúrára jellemző köznépi (1) és előkelő (2–3) viseletek rekonstrukciója

одежды из шерсти, шелка, полотна, золотного шитья, привозные из Китая и Кангюя, Ферганы, Хорезма и т.д.²³ Совпадение в составе саргатского костюма с сакским и джетыясарским весьма значительное,²⁴ оно распространяется на характер украшения и вышивки, высокие прически с гребнями и заколками, футляры и сумочки для туалетных принадлежностей. Во-первых, это свидетельствует об общем этнокультурном родстве, а во-вторых, о поступлении готовых парадных одежд через Восточное Приаралье к саргатцам.

Рисунки туч, растений, полей, природных стихий, хороводов на керамике, как нам уже приходилось отмечать, восходят к кругу древне-индоевропейских культур, являются общими с катакомбной, срубной, андроновской, скифской и другими археологическими культурами, то же можно сказать и о господствующей резной технике и технике налепа. Они были пережиточными с эпохи бронзы и не были обусловлены хозяйственной практикой. Гребенчато-ямочный компонент в саргатской культуре незначителен и зафиксирован только на подтаежных террито-

²³ Матвеева 2000, 215, 219.

²⁴ См. например Левина–Елкина 1995, 35, 36, 43.

риях, где обитатели лесостепи контактировали с иным окружением или включили его в свой состав, например, группы кашинской культуры на севере и северо-западе своего ареала.²⁵

Культ коня проявляется в захоронениях целых туш, чучел, головы в могилах, на перекрытиях и во рвах. Он характерен для индоиранцев, а впоследствии – иранских народов, например, осетин. У них существовал обычай поклонения конской голове, и черепа коней были выставлены в поселке и у каждого дома на шестах, на заборе, над дверью. Общим моментом культа коня на Кавказе является участие его не только в похоронах, но и в жертвоприношении в честь бога солнца во время зимнего солнцеворота.²⁶ Проявления культа барана зафиксированы у саргатцев в виде захоронения овцы в могиле с человеком, изображения рогатых фигур на сосудах, головок барана – в художественной бронзе. С культом бога Амышы, покровителя овцеводства в нартском эпосе, связан обычай хоронить человека с овцой.²⁷ У иранцев считалось, что если человек когда-либо зарезал барана для богов, то на том свете баран подойдет к мосту, ведущему на небо и перевезет человека на себе.²⁸

На основе анализа погребальных сооружений и остатков обрядовых действий, семантики золотых облачений саргатской аристократии можно постулировать культ солнца и огня с элементами митраизма. Так квадратная форма гробниц связана с почитанием четырех сторон света, прослежено символическое тождество ритуального очага для священного огня квадратной формы с погребальной горячей постройкой.²⁹ Курильницы, как принадлежность культовой практики, отражали поклонение вечному священному огню – первооснове мира, они заимствованы у саков, у которых занимают в склепах место алтаря в доме, находят аналогии в обстановке сасанидских изображений жрецов у алтаря огня.³⁰ В

орнаментах, наборах погребального инвентаря распространены числовые сочетания, кратные трем, пяти, семи, восходящие к индоевропейской символике.

Местными по происхождению, вероятно, являются изображения утки, соболя, волка, зайца, дополняющие общие для скифо-сарматского искусства образы кошачьего хищника, оленя, сцен охоты и терзания.

Становление саргатской культуры протекало не одновременно и угасание ее растянулось на полвека – век. По результатам анализа выборки примерно из 120 радиоуглеродных дат, диапазон существования саргатской культуры установлен в рамках начала V в. до н.э. – первой половины IV в. н.э.³¹ Новые данные по периоду становления раннего железного века в западносибирской лесостепи представлены только иткульскими, баитовскими, красноозерскими материалами. Кроме того, из могильников Прыговского-2 и Улановки были получены комплексы вещей сакского типа, датирующиеся VII в. до н.э. и указывающие на формирование местной культуры под влиянием вторжения кочевников в лесостепь.³² То есть, VIII–VI вв. до н.э. явно остаются предшествующими саргатской эпохе.

Большинство свидетельств активной эксплуатации лесостепи саргатским населением приходится на IV в. до н.э. – I в. н.э. Предполагаем, что в начальный период саргатское население сосуществовало с носителями гороховской и баитовской культур, и постепенно вытесняло их, частью ассимилируя, частью изгоняя военной силой. В период II–III вв. н.э. началось ослабление саргатского населения, утрата им части своих территорий. Но разрозненные элементы саргатской культуры еще доживают в первой половине IV в. н.э. на северо-западе лесостепи.

Гипотетическая структура саргатского общества представлена автором по результатам

²⁵ МАТВЕЕВА 1994, 127–128.

²⁶ КУФТИН 1950, 201–203.

²⁷ МИФЫ 1994, 73.

²⁸ ЛИТВИНСКИЙ 1981, 108.

²⁹ ЛЕЛЕКОВ 1976, 8.

³⁰ БОЛЕЛОВ 1993, 208.

³¹ МАТВЕЕВА 2017, 18.

³² КОРЯКОВА–ШАРАПОВА–КОВРИГИН 2010, 71.

построения и интерпретации моделей, полученных статистическим путем из базы почти в 1000 погребальных памятников в специальной работе.³³ Общество состояло из трех сословий: два основных – рядовые и аристократия, делились еще и на ранги согласно заслугам, профессиям и имущественному положению, всего следует предполагать не менее 9 – 10 разрядов. Четко прослежено возникновение с III в. до н.э. военной дружины, поскольку стабильные периоды сменялись конфликтами (рис. 5). Зависимое население было незначительно и, видимо, связано с домашним рабством.

Различие размеров поселений свидетельствует о дифференциации их функций. В обществах с административным контролем существует иерархическая система расселения на всей занимаемой территории, со сложной системой экономических связей, остаточные схемы гнездования показывают связи центрального места с тремя – шестью ближайшими зависимыми.³⁴ В нашем случае линейный, даже после деления на центры первого и второго порядка, принцип расположения саргатских городищ вдоль крупных рек указывает на централизацию управления в масштабах локальных районов: Притобольского, Пришимского, Прииртышского, Барабинского. Периодическая централизация управления могла иметь место в случае крупных войн.³⁵ Вероятно, такие эпизоды возвышения княжеской власти маркируют единичные «царские» курганы высотой 8–10 м (Ханский бугор, Большой Красногорский, Магомет-куль и др.).

Социальная дифференциация осуществлялась по функционально-ролевому признаку (производственная, культовая, управленческая, военная), выражены были вертикальные иерархические структуры, связанные с распределением материальных благ и осуществлением сакрализованных связей с небесным и загробным мирами, публичной властью.³⁶ Расположение курганов цепочками, а могил в виде круга

Рис. 5. Костюм и снаряжение знатного воина (Сидоровка)
5. kép. Előkelő harcos viseletének és felszerelésének rekonstrukciója (Sidorovka)

интерпретированы, как отражение большесемейных связей, связанных с утверждением частной собственности на скот и продукты труда, а также закреплением земель в пользование.

Этническое развитие определялось взаимодействием пришлых и автохтонных лесостеп-

³³ МАТВЕЕВА 2000, 121–191.

³⁴ ХАГГЕТ 1968, 153.

³⁵ МАТВЕЕВА 2000, 289.

³⁶ МАТВЕЕВА 2000, 160–190.

Рис. 6. Реконструкция лиц людей из могильника Старо-Лыбаевский-4 (саргатская культура) по черепу, выполнена Т. С. Балуевой

6. kép. T. Sz. Balujeva arcreekonstrukciói a szargatkai kultúra Szтаро-Libajevo-4 temetőjéből származó koponyák alapján

ных этнических групп. Прослежено несколько волн миграций из сакской и сарматской среды, затем из приаральского региона, гуннские и кулайские проникновения. Они провоцировали постоянную напряженность, разрешались периодами интенсивных военных стычек и переделов земельных угодий и прочих сфер влияния, например, в меховой и караванной торговле.³⁷

Внешний облик саргатского населения известен по трем скульптурным изображениям с Рафайловского³⁸ и Вознесенского городищ, последнее – мужское в башлыке или капюшоне³⁹ (рис. 7). У рафайловской скульптурки у мужчины показаны выступающий нос, борода, длинная

коса сзади, у женщины волосы зачесаны вверх и заколоты на макушке в цилиндрический убор, аналогии которому находим в сцене «Отдых под деревом» на поясной застежке из Сибирской коллекции Петра I, а также в пазырыкской культуре. Найдено профильное изображение человека с внешностью сакского типа: крупные глаза, выступающий нос с горбинкой, коса сзади на бронзовой пряжке⁴⁰ (Могильников 1992, табл. 124, 39). Лица этих персонажей принадлежат к разным антропологическим типам: мужчины – европеоидному, женщина – монголоидному, что свидетельствует о расовых различиях саргатцев (рис. 6).

³⁷ МАТВЕЕВА 2000, 160–190; КОРЯКОВА–ЕРИМАКНОВ 2007, 296.

³⁸ МАТВЕЕВА 1990, 115–116.

³⁹ СОБОЛЕВ 1978, 189.

⁴⁰ МОГИЛЬНИКОВ 1992, 474.

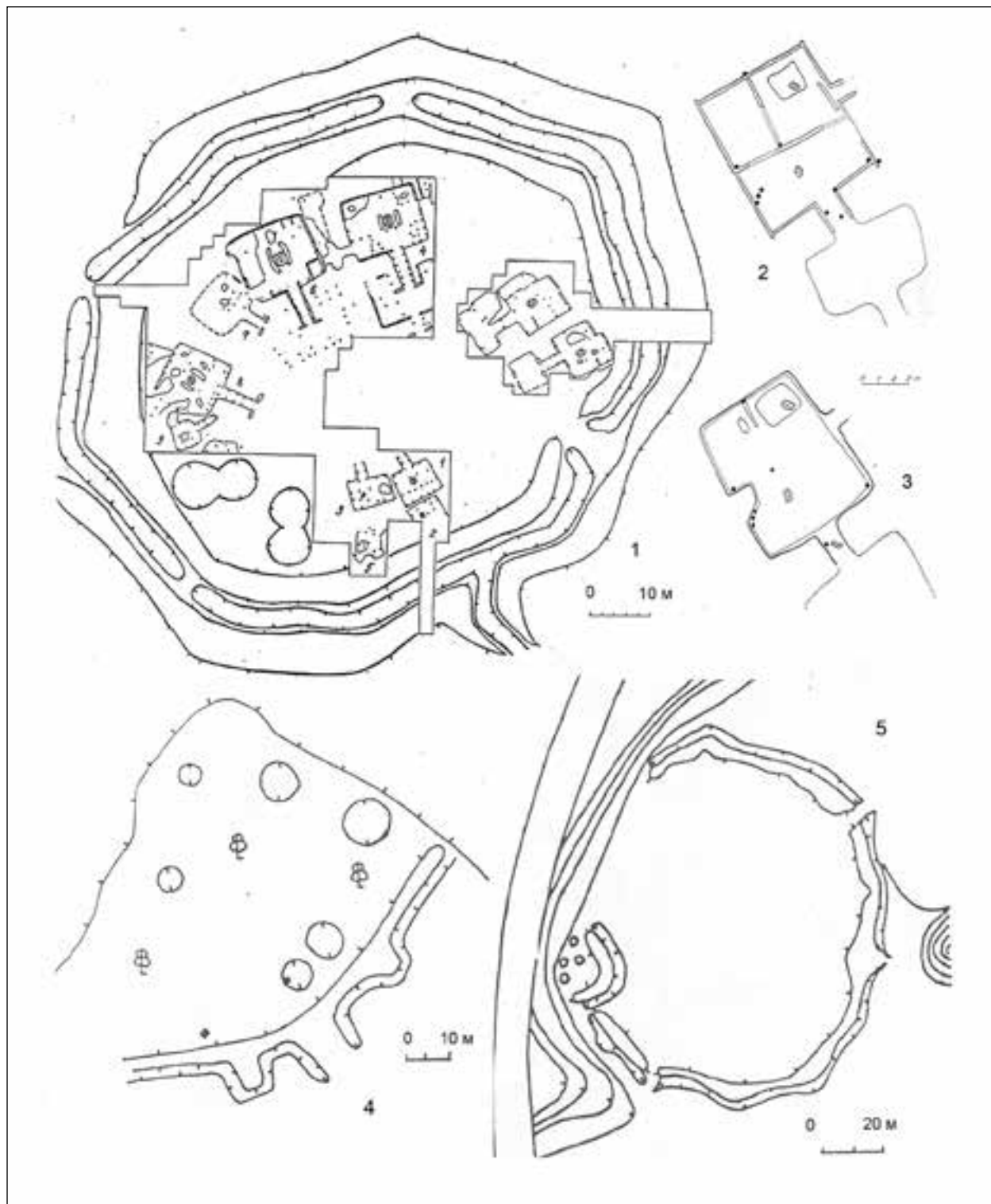

Рис. 7. Планы жилищ и городищ гороховской культуры.
1: Гороховское; 2–3: С Воробьевского городища; 4: Матайкул; 5: Мурзинское
7. kép. A gorohovói kultúrára jellemző házak és települések alaprajzai.
1: Gorohovo; 2–3: Vorobjevo; 4: Matajkul; 5: Murzina

Однотологические аргументы в пользу сакского происхождения ряда саргатских популяций выдвинуты Г. В. Рыкушиной.⁴¹ А. Н. Багашевым на основе краниологических изысканий установлено наличие двух основных расовых групп в саргатских популяциях: одна – европеоидная брахикранная с широким уплощенным лицом с некоторыми монголоидными особенностями, генетически связанная с сакским населением Приаралья, другая – чисто европеоидная мезокранная с узким средневысоким лицом, характерная для савромато-сарматского мира.⁴² Кроме того, антропологи констатируют неоднократные миграционные волны с юга, в том числе приток центрально-азиатских монголоидов. Реконструкции лица по черепам саргатских людей выполнены Т. С. Балуевой по материалам поздних могильников Старо-Лыбаевского-4, Исаковки (рис. 5).

Саргатский субстрат – один из главных в последующей бакальской культуре. Ее обряд – ингумация вытянуто на спине головой на север в неглубоких ямах под курганами с вещами в изголовье. Соседние захоронения образуют широтные ряды, а курганы над ними – сомкнутые цепочки. На погребенной почве около могил имеются следы тризны в виде сосудов, костей от ног и голов лошади. Керамика унаследовала технологические приемы, базовые формы горшковидных и бомбовидных сосудов, обедненный резной декор в виде наколов, резной елочки, наклонных линий, решетки, а также зашпилов. Все эти черты восходят к традициям рядового сословия предшествующей эпохи.

Изучение могильников раннего средневековья Козлов Мыс-2, Устюг-1, Ревда-5, Ипкульский позволяет утверждать существенную культурную, а также генетическую преемственность саргатского и бакальского населения,⁴³ поэтому

ранее высказывавшийся тезис о запустении лесостепи из-за оттока саргатцев на запад следует признать не состоятельным.

Относительно участия саргатских групп в этногенезе приуральских народов отметим следующее. Так Р. Д. Голдина объясняла культурогенез населения Среднего Урала в IV–V вв. на основании появления в погребальном обряде Бродовского и Верх-Саинского могильников курганных насыпей, узких могил, ровиков, а также демографических пропорций, свойственных милитаризованным обществам, включением в местную среду саргатских переселенцев, отступивших из лесостепи под давлением гуннов.⁴⁴ Вместе с тем в этих памятниках отсутствовали типично саргатские керамика, ориентировки покойных и расположение могил, инвентарь, что предполагало возможность и других объяснений, а именно, миграции потомков саргатцев в более позднее, раннебакальское время.⁴⁵

Еще одна общность зауральского заселения является носителями гороховской культуры. Она занимала степную зону Среднего Притоболья от р. Исети на севере до р. Уй на юге (рис. 1). К. Ф. Смирнов считал, что в V в. до н.э. группы савроматов продвинулись в Зауралье и вошли в состав гороховской культуры, население которой было одной из групп лесостепных угро-язычных этносов, подвергшихся сильному иранскому влиянию.⁴⁶ С чем согласился и В. А. Могильников, объяснявший этими событиями перемещение гороховцев на север и северо-восток до среднего течения р. Исети.⁴⁷ Но затем, уже с IV в. до н.э. под давлением саргатских групп с востока началось движение гороховских объединений на запад и юго-запад.⁴⁸ Эпизодически их группы проникали в Приаралье, Оренбургский край и Приуралье.⁴⁹ Некоторые исследователи, начиная со К. Ф. Смирнова и К. В. Сальникова,

⁴¹ Рыкушина 1995, 294.

⁴² Багашев 1997, 64.

⁴³ Матвеева 2016, 128; Пошехонова–Зубова–Слепцова 2016, 118.

⁴⁴ Голдина 2004, 268–269.

⁴⁵ Матвеева–Зеленков 2016, 249.

⁴⁶ Смирнов 1964, 273–275.

⁴⁷ Могильников 1992, 309.

⁴⁸ Мошкова 1974, 36, 47.

⁴⁹ Мошкова 1989, 162; Левина 1996, 195–196; Савельев 2007, 190.

Д. А. Мачинского, В. П. Шилова, Л. С. Клейна, рассматривают гороховскую культуру как геродотовских исседонов,⁵⁰ другие, не отождествляя с известными народами, как западную часть «саргатской общности», вследствие двухвекового взаимодействия разного населения в Притоболье.⁵¹ В III в. до н.э. гороховская культура прекращает свое существование.

Доказано, что именно из Зауралья гороховское население последовательными группами отступило на Южный Урал и вошло в политический союз сарматов,⁵² а частично проникло на р. Белую и в Месягутовскую лесостепь, оставив древности гафурийского и айского типа.⁵³ С археологическими фактами о миграции восточно-уральского населения на запад согласуется вывод Т. Тота, который усматривал наиболее древний комплекс антропологических признаков, сопоставимых с мадьярами, в материалах прохоровской культуры.⁵⁴

Гороховское население принадлежало в европеоидной расе, типу, сходному с савроматским, но имело небольшие монголоидные признаки в виде уплощенного в горизонтальной плоскости лица, было близко сарматам Оренбуржья и саргатским племенам Притоболья, а также носителям южно-таежной кашинской культуры.⁵⁵ Причем, как считает А. Н. Багашев, особенности оренбургской группы сарматов состоят именно во включении расового компонента, наиболее четко представленного в гороховской культуре,⁵⁶ что является антропологическим подтверждением миграции ее носителей на Южный Урал. Кроме того, высокая величина индекса ISC, индикатора финно-угорских народов, у населения могильника Алтынасар-4, формировавшегося с участием групп приуральско-западносибирского региона, генетически связанных с финно-

уграми,⁵⁷ а также специфические находки в виде литых подвесок с изображением медведя, сосудов с ручками в виде медведей в слоях городищ периода Джетыасар-1, некрополей Алтынасар-4, Косасар-2, Томпакасар, кувшины и горшки ручной лепки в курганах Косасар-2 с пропорциями, характерными для Зауралья⁵⁸ могут подтверждать брачные и хозяйственные контакты гороховцев с населением Нижней Сьр-Дарьи.

Гороховское население длительно (VII–III вв. до н.э.), находясь в контакте с савроматами и саргатскими насельниками, сохраняло оригинальные традиции, которые восходят к межовской культуре бронзового века и общеуральским корням, но носят следы явного ирано-язычного влияния. Они имели маленькие городища, окруженные стенами с системой башен, совпадающие по функциям, размерам и форме с чирик-рабатскими крепостями, и только сезонные поселения, что указывает на их зимовки в Приаралье. Отличала их от соседей планировка двухкамерных жилищ, состоявших из передней хозяйственной зоны и жилого помещения, сочлененных по одной оси; отопительные устройства с симметричными Г-образными канавками, образующими земляной стол (*рис. 7*); серая керамика с блестящей поверхностью за счет обильной примеси талька (*рис. 8*), изготовленная на основе горлового начина.⁵⁹ Погребальные памятники также имеют некоторые отличия от саргатских. Элитные курганы представляют собой площадки окруженные рвами со следами горения в них, многослойными насыпями, создававшимися в несколько приемов, обожженными перекрытиями и облицовкой могил (*рис. 9*). Отличие от саргатской культуры заключается в преимущественной одномогильности курганов, расположении следов тризны и поминок под

⁵⁰ Мошкова 1989, 161.

⁵¹ Корякова 1993, 23; Могильников 1992, 311; Савельев 2007, 186.

⁵² Смирнов 1964, 287.

⁵³ Генинг 1971, 52; Савельев 2007, 181.

⁵⁴ Тóтн 1989, 194.

⁵⁵ Багашев 1996, 24, 27.

⁵⁶ Багашев 1997, 74.

⁵⁷ Рыкушина 1995, 248, 294.

⁵⁸ Левина 1996, 195, 246, рис. 165–166.

⁵⁹ Матвеева 2017а, 103.

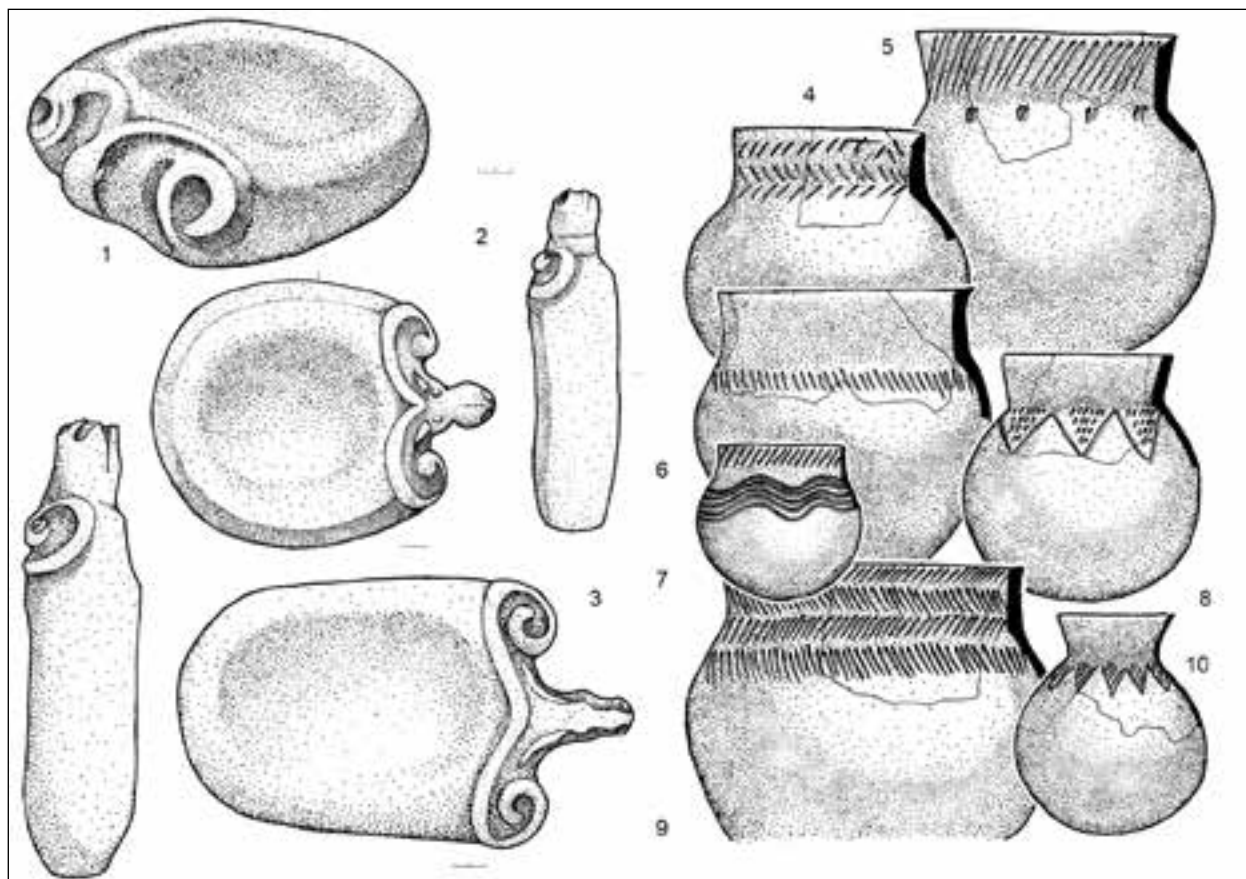

Рис. 8. Каменные жертвенники (1–3) и керамика (4–10) гороховской культуры
 8. kép. A gorovohói kultúrára jellemző áldozatbemutató kövek (1–3) és kerámiatípusok (4–10)

восточными полами насыпей.⁶⁰ Известен грунтовый могильник Куртугуз-1 в горной местности с такими чертами, как сочетание наземного и подземного способов захоронения, обертывание тела в бересту, жертвенная пища из мяса диких животных. Любопытно совпадение традиций гороховских общин, таких, как расплющивание зеркал, срезание с одежды колокольчиков с зафиксированными у обских угров.

Для ареала гороховской культуры характерны находки на поверхности распаханых курганов каменных плит в виде лежащего барана,⁶¹ как отличительной черты духовной культуры (рис. 8. 1–3), что соответствует высокой доле

мелкого рогатого скота в стаде и особой важности его при жертвоприношении, в том числе известна находка бляхи с выгравированной головой барана.

Как видим, оригинальность во всех сферах быта и религиозных верований, а также длительное сохранение отличных от соседей черт культуры, были присущи гороховскому населению на протяжении как минимум пяти веков.

Итак, саргатская археологическая культура сформировалась на базе южных лесостепных компонентов, вероятно, розановского (западно-ирменского) и алексеевско-саргаринского⁶² с участием кочевых казахстанских групп (Берлик-

⁶⁰ Могильников 1992, 287.

⁶¹ Ченченкова 2004, 320.

⁶² Полосьмак 1987, 93, 96.

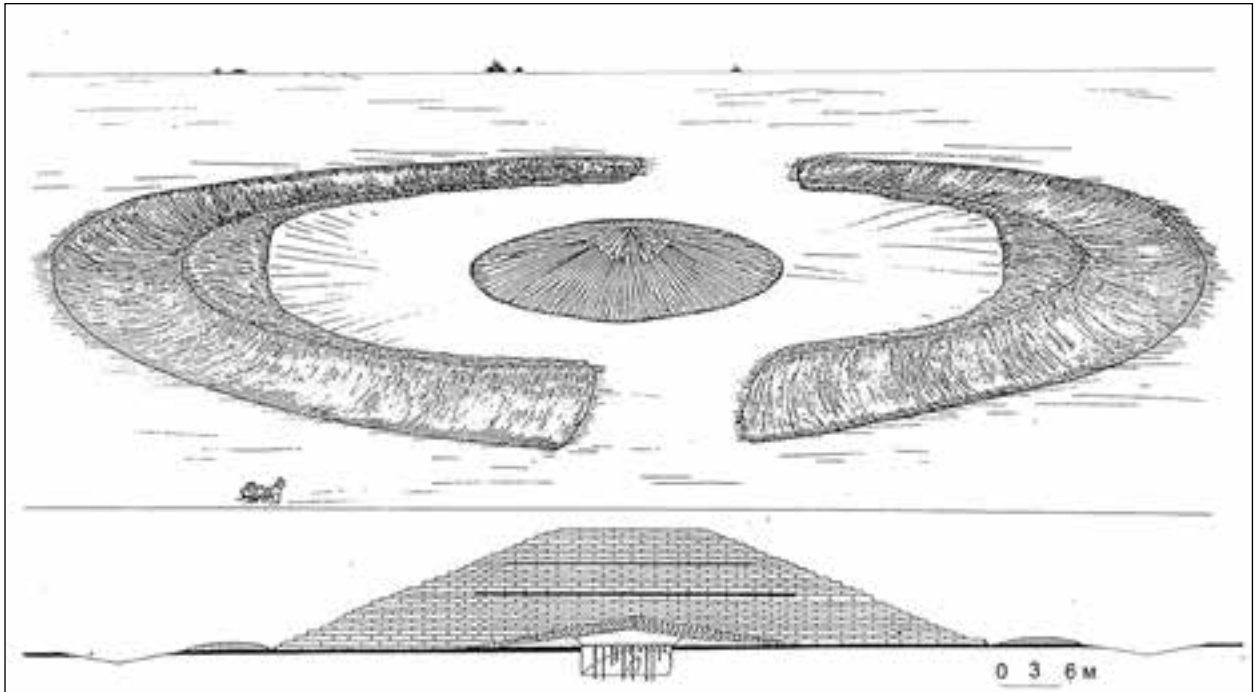

Рис. 9. Реконструкция гороховского погребального сооружения (Царев курган)
 9. kép. A gorovohói kultúra temetkezési építményének szerkezeti rekonstrukciója (Carjov kurgán)

ская? Тасмолинская?).⁶³ Локальные варианты сложились не одновременно и прекратили свое существование асинхронно, что предполагает воздействие разнородных внешних факторов. Относительно единообразное изменение культуры во времени и пространстве может свидетельствовать о консолидации населения в единую надэтническую общность (протогосударство, «кочевая империя»).

В культуре саргатских племен сочетаются оседлый и кочевой уклады жизни. К первому принадлежат: дома-усадьбы, развитая фортификация и ремесла; ко второму – закрепление пастбищ могильниками семейно-родственных групп, сезонные поселения, всаднический характер элитарных погребений, круглодонная посуда, производство войлочных ковров. Это указывает на многокомпонентность, в том числе этническую, населения.

Признаки оседлости восходят к местной поздней бронзе, кочевому укладу – к сако-сарматскому миру. Автохтонное население могло быть, вероятно, одной из реликтовых ветвей индоиранцев,⁶⁴ позднее дополнившейся включением в ее состав обособленных диахронных, но сходных по происхождению иранских компонентов, составивших субкультуру знати. Видимо, осознание носителей единого хозяйственно-культурного типа, как особой этнической общности, отражалось в локальной специфике материальной и духовной культуры; доминирование одних групп (родов) над другими, вероятно, было основой организации власти.⁶⁵ Таким образом, саргатская культура – это либо метаэтнос, объединивший восточно-иранские этносы и потомков индо-иранцев,⁶⁶ либо конгломерат прамадырских и иранских групп в рамках ранней государственной организации («кочевой

⁶³ В деталях этот процесс не изучен.

⁶⁴ Лелеков 1980, 123.

⁶⁵ Масанов 1991, 29–30.

⁶⁶ Матвеева 1998, 13.

империи»). Сохранялась самостоятельность родов и племен разного происхождения и статуса, выраженная в различиях Притобольского, Пришимского, Прииртышского и Барабинского вариантов культуры. Этническую интерпретацию им пока дать затруднительно, так как костюм и характер верований, искусство мало изучены.

Наиболее ясно сформулировал устоявшееся представление об исторических судьбах населения саргатской культуры В. А. Могильников, который писал, что в лесостепи происходит запустение из-за оттока значительной части кочевников на запад с Гуннской Ордой, а потом туда продвигаются таежные племена из таежного Приобья⁶⁷. В настоящее время мы можем его скорректировать следующим образом. В заключительный период саргатской культуры II – начала IV вв. н.э., вследствие инвазий кулайских таежных мигрантов и южных групп гуннского круга, нарушилась относительная централизация социально-экономической жизни и начался новый культурогенез на основе нескольких субстратных и суперстратных составляющих. В первой половине IV в. н.э. в основном ареале уже шло формирование основ нескольких культурных образований раннего Средневековья: бакальской культуры, южного варианта карымской, памятников кушнаренковского типа.

Как мы показали, ни культурные традиции, ни мировоззрение, ни расовые характеристики саргатского населения не позволяют на сегодняшний день усматривать в нем гомогенный крупный прамадьярский этнос. Однако, это не означает, что отдельные древневенгерские языковые группы не могли находиться в составе саргатской политии, расселяясь локальной группой в лесостепной зоне или в составе сарматских объединений на севере степи. На эту роль больше всего подходит население гороховской культуры.

По нашему мнению, правомернее размещать прамадьяр в составе кочевого населения культур конца раннего железного века в Южном Приуралье и Зауралье. В период раннего средневековья прамадьяры должны были занимать только западную часть прежнего ареала. Судя по заимствованной от соседей лексике, они должны были проживать среди скотоводов, знавших земледелие и свиноводство,⁶⁸ а в Зауралье эти отрасли не документированы. Скорее всего, они были сдвинуты с места гуннами, огурами, аварами и раскололись на несколько групп, входили в полиэтничные объединения Южного Урала, Приаралья и прилегающих территорий. Конкретные реалии миграций раннесредневекового населения еще предстоит установить.

⁶⁷ Могильников 1992, 311.

⁶⁸ Егоров 2013, 60.

ЛИТЕРАТУРА

- БАГАШЕВ 1996: Багашев, А. Н.: Материалы по краниологии населения гороховской культуры. В: *Тюменский исторический сборник*. Отв. ред.: Коновалов, В. В. Тюмень 1996, 20–28.
- БАГАШЕВ 1997: Багашев, А. Н.: Этногенетические связи саргатских племен. В: *Второй международный конгресс этнографов и антропологов 1*. Отв. ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1997, 63–64.
- БЕРЛИНА 2010: Берлина, С. В.: *Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры)*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тюмень 2010.
- БОЛЕЛОВ 1993: Болелов, С. Б.: Керамические курильницы из склепов могильников Алтынасар-4. В: *Низовья Сырдарьи в древности. Склепы 2/1*. Ред.: Вайнберг, Б. И. Москва 1993, 199–223.
- БОРТВИН 1930: Бортвин, Н. Н.: Доисторическое прошлое Курганского округа. В: *Сборник материалов по изучению курганского округа Уральской области 1*. Ред.: Бортвин, Н. Н. Курган 1930, 3–17.
- ВЕРЕШ 1978: Вереш, П.: Этнокультурное развитие угорских народов. В: *Этнокультурная история населения Западной Сибири*. Ред.: Матющенко, В. И. – Томилов, Н. А. Томск 1978, 102–113.
- ВЕРЕШ 1985: Вереш, П.: Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа. В: *Урало-алтаистика*. Ред.: Убрятова, Е. И. Новосибирск 1985, 113–119.
- ГЕНИНГ 1971: Генинг, В. Ф.: Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение. В: *Археология и этнография Башкирии 4*. Ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1971, 44–54.
- ГЕНИНГ 1972: Генинг, В. Ф.: Южное Приуралье в III–VII вв. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 221–295.
- ГОЛДИНА 1996: Голдина, Р. Д.: Взгляд на памятники Великого переселения народов в Прикамье. В: *XII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов*. Ред.: Обыденнов, М. Ф. Уфа 1996, 75–77.
- ГОЛДИНА 2004: Голдина, Р. Д.: *Древняя и средневековая история удмуртского народа*. Ижевск 2004.
- ЕГОРОВ 2013: Егоров, Н. И.: Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей Урало-Поволжья: финно-угры или огуры? В: *II Международный мадьярский симпозиум. Сб. статей*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск–Шадринск 2013, 47–70.
- ЗДАНОВИЧ 1983: Зданович, С. Я.: Поселения и жилища саргаринской культуры. В: *Поселения и жилища древних племен Южного Урала*. Ред.: Иванов, В. А. Уфа 1983, 59–76.
- ИТИНА 1977: Итина, М. А.: *История степных племен Южного Приуралья*. Москва 1977, 240.
- КОБЕЛЕВА 2009: Кобелева, Л. С.: *Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал)*. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск 2009.
- КОРЯКОВА 1988: Корякова, Л. Н.: *Ранний железный век Урала и Западной Сибири*. Свердловск 1988.
- КОРЯКОВА 1993: Корякова, Л. Н.: *Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века*. Доклад дисс. докт. ист. наук. Новосибирск 1993.
- КОРЯКОВА 1994: Корякова, Л. Н.: Заметки к вопросу об угорском этногенезе в свете взаимодействия археологических культур Зауралья и Западной Сибири. В: *Проблемы истории, филологии, культуры 1*. Отв. ред.: Абрамзон, М. Г. Магнитогорск 1994, 6–15.
- КОРЯКОВА–ШАРАПОВА–КОВРИГИН 2010: Корякова, Л. Н. – Шарапова, С. В. – Ковригин, А. А.: Прыговский-2 могильник: кочевники и лесостепь. *Уральский исторический вестник* 2010:2, 62–71.
- КУФТИН 1950: Куфтин, Б. А.: *Материалы к археологии Колхиды*. Том 2. Тбилиси 1950.
- ЛЕВИНА 1996: Левина, Л. М.: *Этнокультурная история Восточного Приуралья*. Москва 1996.

- ЛЕВИНА–ЕЛКИНА 1995: Левина, Л. М. – Елкина, А. К.: Одежда, ткани и кожа из джетыасарских могильников. В: *Низовья Сырдарьи в древности. Джетыасарская культура 2/5*. Отв. ред.: Левина, Л. М. Москва 1995, 31–104.
- ЛЕЛЕКОВ 1976: Лелеков, Л. А.: Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. В: *История и культура Средней Азии*. Отв. ред.: Гафуров, Б. Г. – Литвинский, Б. А. Москва 1976, 7–18.
- ЛЕЛЕКОВ 1980: Лелеков, Л. А.: Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры. В: *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Отв. ред.: Мартынов, А. И. Кемерово 1980, 118–125.
- ЛИТВИНСКИЙ 1981: Литвинский, Б. А.: Семантика древних верований и обрядов памирцев. В: *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: история и культура*. Отв. ред.: Литвинский, Б. А. Москва 1981, 90–121.
- МАСАНОВ 1991: Масанов, Н. Э.: *Специфика общественного развития кочевников-казахов в доэволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма*. Москва 1991.
- МАТВЕЕВА 1990: Матвеева, Н. П.: Глиняная пластика саргатской культуры. В: *Первобытное искусство. Семантика древних образов*. Отв. ред.: Васильевский, Р. С. Новосибирск 1990, 114–117.
- МАТВЕЕВА 1993: Матвеева, Н. П.: *Саргатская культура на Среднем Тоболе*. Новосибирск 1993.
- МАТВЕЕВА 1994: Матвеева, Н. П.: *Ранний железный век Приишимья*. Новосибирск 1994.
- МАТВЕЕВА 1997: Матвеева, Н. П.: О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке. *Российская археология* 1997:3, 63–77.
- МАТВЕЕВА 1998: Матвеева, Н. П.: Еще раз о проблеме прародины венгров. В: *Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию Д. Н. Анучина 2*. Отв. ред.: Томилов, Н. А. Омск–Санкт-Петербург 1998, 13–15.
- МАТВЕЕВА 2000: Матвеева, Н. П.: *Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке*. Новосибирск 2000.
- МАТВЕЕВА 2016: Матвеева, Н. П.: *Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза в лесостепной и подтаежной зоне)*. Тюмень 2016.
- МАТВЕЕВА 2017: Матвеева, Н. П.: Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь). *Российская археология* 2017:1, 3–20.
- МАТВЕЕВА 2017а: Матвеева, Н. П.: Гороховская культура: на периферии мира уральских кочевников. В: *Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы международной конференции*. Отв. ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург 2017, 101–106.
- МАТВЕЕВА–ЗЕЛЕНКОВ 2016: Матвеева, Н. П. – Зеленков, А. С.: К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье. В: *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы научной конференции*. Отв. ред.: Черных, Е. М. Ижевск 2016, 246–251.
- МАТВЕЕВА–ЛАРИНА–БЕРЛИНА–ЧИКУНОВА 2005: Матвеева, Н. П. – Ларина, Н. С. – Берлина, С. В. – Чикунова, И. Ю.: *Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири*. Новосибирск 2005.
- МАТВЕЕВА–РЯБОГИНА 2003: Матвеева, Н. П. – Рябогина, Н. Е.: Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке. *Археология, антропология и этнография Евразии* 2003:4, 30–35.
- МАТЮЩЕНКО 1991: Матющенко, В. И.: Об отношении саргатского населения к так называемому «скифо-сибирскому культурно-историческому единству». В: *Проблемы изучения саргатской культуры*. Отв. ред.: Труфанов, А. Я. Омск 1991, 14–16.
- МАТЮЩЕНКО–ТАТАУРОВА 1997: Матющенко, В. И. – Татаурова, Л. В.: *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск 1997.

- Мифы 1994: *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах 1*. Ред.: Токарев, С. А. Москва 1994.
- Могильников 1972: Могильников, В. А.: К вопросу о саргатской культуре. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 66–86.
- Могильников 1992: Могильников, В. А.: Лесостепь Зауралья и Западной Сибири. В: *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Отв. ред.: Мошкова, М. Г. Москва 1992, 274–311.
- Молодин и др. 2004: Молодин, В. И. – Парцингер, Г. – Гаркуша, Ю. Н. – Шнеевайс, Й. – Гришин, А. Е. – Новикова, О. И. – Чемфкина, М. А. – Ефремова, Н. С. – Марченко, Ж. В. – Овчаренко, А. П. – Рыбина, Е. В. – Мыльникова, Л. Н. – Васильев, С. К. – Бенеке, Н. – Манштейн, А. К. – Дядьков, П. Г. – Кулик, Н. А.: *Чича-городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск 2004.
- Мошкова 1974: Мошкова, М. Г.: *Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры*. Москва 1974.
- Мошкова 1989: Мошкова, М. Г.: История изучения савромато-сарматских племен. В: *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Отв. ред.: Мелюкова, А. И. Москва 1989, 158–164.
- Полосьяк 1987: Полосьяк, Н. В.: *Бараба в эпоху раннего железа*. Новосибирск 1987.
- Пошехонова–Зубова–Слепцова 2016: Пошехонова, О. Е. – Зубова, А. В. – Слепцова, А. В.: Красниология и одонтология раннесредневекового населения по материалам могильника Устюг-1. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2016:4, 110–122.
- Рыкушина 1995: Рыкушина, Г. В.: Одонтологическая характеристика населения джетысарского времени. В: *Низовья Сырдарьи в древности. Джетысарская культура 2/5*. Отв. ред.: Левина, Л. М. Москва 1995, 290–303.
- Савельев 2007: Савельев, Н. С.: *Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа*. Уфа, 2007.
- Сальников 1966: Сальников, К. В.: Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время. *Советская этнография* 1966:5, 118–124.
- Смирнов 1964: Смирнов, К. Ф.: *Савроматы*. Москва 1964.
- Соболев 1978: Соболев, В. И.: Вознесенское городище – памятник середины II тыс. н.э. В: *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Отв. ред.: Молодин, В. И. Новосибирск 1978, 179–190.
- Соколова 1975: Соколова, З. П.: К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. В: *Этногенез и этническая история народов Севера*. Отв. ред.: Гурвич, И. С. Москва 1975, 186–210.
- Соколова 1982: Соколова, З. П.: Обские угры. В: *Этническая история народов Севера*. Отв. ред.: Симченко, Ю. Б. Москва 1982, 8–47.
- ХАГГЕТ 1968: Хаггет, П.: *Пространственный анализ в экономической географии*. Москва 1968.
- Хайду 1985: Хайду, П.: *Уральские языки и народы*. Москва 1985.
- Халикова 1976: Халикова, Е. А.: Зауральские истоки культуры протовенгров. В: *Этнокультурные связи Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа*. Отв. ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1976, 52–53.
- ЧЕНЧЕНКОВА 2004: Ченченкова, О. П.: *Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э.* Екатеринбург 2004.
- ЧЕРНЕЦОВ 1953: Чернецов, В. Н.: Древняя история Нижнего Приобья. В: Чернецов, В. Н. – Мошинская, В. И. – Талицкая, И. А.: *Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР* 35 (1953) 65–78.
- KORYAKOVA–EPIMAKHOV 2007: Koryakova, L. – Epimakhov, A.: *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge 2007.

- МАТВЕЕВА 2006: Matveeva, N. P.: *An Early iron age population settlement system in Western Siberia. In: Sessions generales et posters. Acts of 14 UISPP Congress. Liege, Belgium. Section 16. Asian and Oceanic Prehistory.* BAR International Series. 1523. Liege 2006, 59–65.
- МАТВЕЕВА 2016: Matveeva, N. P.: Burials dating to the Migration period in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 44:4 (2016) 122–130.
- ТÓТН 1989: Tóth, T.: Some main problems in the anthropology of North Caspian Protohungarians. In: *Материалы VI междунар. конгресса финно-угроведов* 1. Москва 1989, 193–199.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОЙ ПРОВИНЦИИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЗЕЛЕНКОВ*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха средневековья, потчевашская, кушнаренковская и бакальская археологические культуры*

Kulcsszavak: *Nyugat-Szibéria, középkor, potcsevasi, kusnarenkovói és bakalszkojei régészeti kultúrák*

Александр Сергеевич Зеленков

Историко-культурная модель эпохи средневековья Тоболо-Иртышской провинции¹

В статье рассматриваются проблемы историко-культурной модели Западной Сибири, в частности, лесостепного и подтаежного регионов рр. Тобол и Иртыш в эпоху средневековья. Отмечается спорадический и обрывочный характер процессов формирования знаний и накопления источников о потчевашской, бакальской и кушнаренковской археологических культурах, что привело к противоречивому представлению о составе комплексов, типологии и периодизации средневековья Тоболо-Иртышья. Автором предлагается ввести дополнительный археологический таксон – «круг культур», с целью создания более динамичной и гибкой структуры историко-культурной модели эпохи Средневековья.

Alekszandr Szergejevics Zelenkov

A Tobol–Irtis régió középkorának történeti és régészeti-kulturális modellje

A tanulmány Nyugat-Szibéria középkorának történeti és régészeti-kulturális modelljeit tekinti át, különösen a Tobol és Irtis folyók erdős sztyeppi és átmeneti tajgai övének régióiban. A potcsevasi, bakalszkojei és kusnarenkovói régészeti kultúrákról rendelkezésre álló ismeretek formálódásának és a források bővülésének szórványos és töredékes jellege miatt a Tobol–Irtis régió középkori leletgyűjtéseinek összetételével, tipológiájával és periodizációjával kapcsolatban egymásnak ellentmondó elképzelések fogalmazódtak meg. A szerző a 'kulturkör' szó használatának bevezetését javasolja kiegészítő régészeti klasszifikációs fogalomként, azzal a céllal, hogy egy dinamikusabb és rugalmasabb középkori történeti és régészeti-kulturális modellt lehessen felállítani.

Лесостепное и подтаежное Тоболо-Иртышье, находясь на пересечении западного и восточного миров, в перспективе обладает стержневым материалом, историко-культурный потенциал которого способен реконструировать самые спорные стороны культурогенеза в динамике исторических событий. Сегодня средневековая археология Зауралья представлена спорадическими исследованиями, разобщенными мнениями и идеями, осложняющими представление о

целостности историко-культурной модели региона (табл. 1).

Ее основы были заложены во второй половине XX века фундаментальными работами В. Н. Чернецова, В. А. Могильникова, В. Ф. Генинга по Нижнему Приобью, Прииртышью и Приишимью (рис. 1). В стремлении исследователей объяснить «тысячелетнюю историю» Западной Сибири знания о живой культуре сибирских народов переносились на археоло-

* Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, qvimen@hotmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18–59–23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический, палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

Табл. 1. Основные вопросы изучения средневековой археологии Зауралья
1. táblázat. Az Urál keleti oldalának középkori régészeti kutatásának alapvető kérdései

	Хронология	Этническая интерпретация	Археологическая интерпретация	Исследователи	Основные проблемы
бакальская	IV–XIII вв.	татары	культура	Сальников 1954; Овчинникова 1987	не обоснована верхняя хронологическая граница, не прослежена динамика изменения культуры в ретроспективе
юдинская	X–XIII вв.	манси	культура	Викторова 1968	не обоснована нижняя хронологическая граница
молчановская	VII–IX вв.	манси	этап, керамический тип	Чернецов 1957; Могильников 1986	не обоснованный статус
макушинская	IX–XIII вв.	манси	керамический тип, культура	Викторова 1961	необоснованный статус, хронология
потчевашская	VII–IX вв.	восточные ханты	"Культура; Зеленогорский этап"	Могильников 1986; Могильников–Конилов 1981; Конилов 2007; Генинг и др. 1970; Молодин и др. 1991	не обоснованы этапы
карымская	IV–VI вв.	северные ханты	этап нижнеобской культуры, культура, южный вариант нижнеобской культуры	Чернецов 1957; Федорова–Зыков 1994	не обоснован статус в Притоболье
кушнаренковская	VI–VIII вв.	протомадьяры	керамический тип, культура	Матвеева 2007; Боталов 2008, 2016	не обоснован статус в Зауралье

гический материал, создавая возможность реконструкции механизмов поведения древнего общества и развития его культуры. Исходя из этого, археологическая культура представлялась моделью древнего этноса. Эта актуальная для советской археологии концепция была перенесена в формуле – «эпоха средневековья Западной Сибири – конечный этап развития сибирских народов».² Однако, несмотря на полувековую историю полевых исследований и оформление историко-культурной модели под единым полем базовых понятий (этнической и эволюционной направленности), на современном этапе развития археология региона нуждается в совершенно ином взгляде, позволяющем решить проблемы

состава комплексов, формирующих представления о той или иной археологической культуре.

Объективно, существующая сегодня историко-культурная модель средневековья не учитывает все природные, этнические и экологические условия широчайшего по географическим рамкам региона Тоболо-Иртышья ввиду локального характера представлений и ощущений исследователя о развитии материальной культуры. Часто модели Нижнего Приобья переносились на материалы лесостепного и подтаежного Притоболья и Прииртышья без учета внутренних культурных процессов и последствий внешнего воздействия на формирование бакальской, потчевашской и кушнаренковской культур.

² Косарев 1991; Могильников 1987.

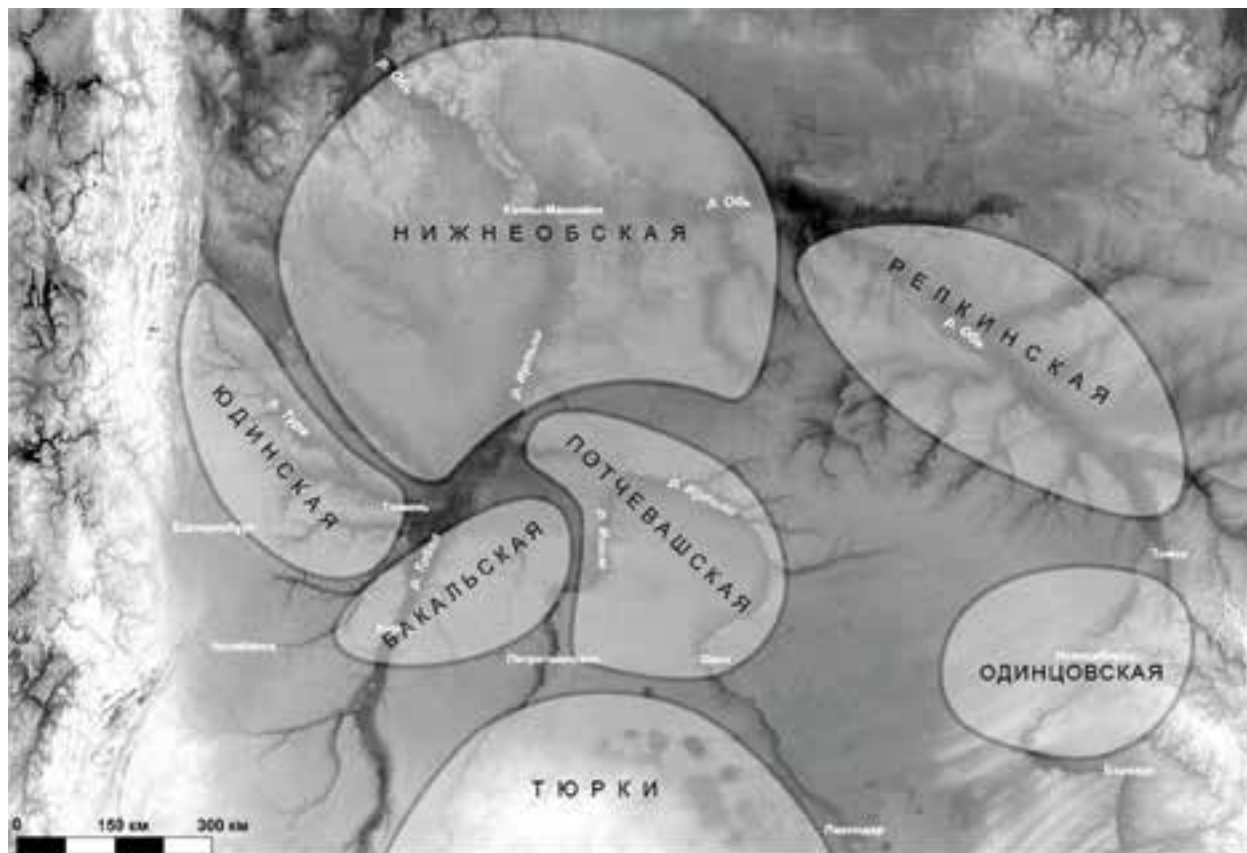

Рис. 1. Карта-схема средневековых археологических культур Зауралья к концу 1980-х гг.

1. kép. Az Urál keleti oldalának kora középkori régészeti kultúráinak elterjedési térképe az 1980-as évek végéig rendelkezésre álló ismeretek alapján

Ввиду того, что данные археологические культуры были выделены и описаны исходя из разного взгляда исследователей на процессы культурогенеза в Западной Сибири, их довольно сложно рассматривать в едином ключе, следуя только хронологической последовательности, как это принято для историографических жанров. Поэтому мы условно разделили их на дискретные и аналоговые модели культурогенеза, которые характеризуют археологические культуры а) в поэтапном развитии и б) в плавном развитии соответственно.

Потчевашская культура в виде дискретной модели культурогенеза раннего средневековья впервые описана коллективом уральских археологов во главе с В. Ф. Генингом. В 1960-х

разведками и раскопками в южнотаежном Пришимье и Прииртышье исследован круг памятников с потчевашским слоем. Городища Большой Лог,³ Горносталевское,⁴ Логиновское⁵ составили основу выделения сперановского и горносталевского этапов потчевашской культуры (V–VIII вв. н.э.).

Сперановский этап (III–VI вв. н.э.) выделен на базе многочисленных исследований городища Большой Лог,⁶ верифицированных В. Ф. Генингом. В среднем слое данного поселения была найдена керамика с общими орнаментальными характеристиками (гребенчатый, прочерченный и фигурный, ямочный орнаменты), которую В.Ф. Генинг разделил на два типа по форме: I – с высокой шейкой и шаровидным туловом;

³ Генинг–Голдина 1967.

⁴ Генинг и др. 1970.

⁵ Генинг–Евдокимов 1969.

⁶ Чернецов–Мошинская 1951; Генинг–Голдина 1967.

II – чашевидные сосуды со слабопрофилированной шейкой.⁷

Горносталевский этап (VI–VIII вв. н.э.), сформированный на основе исследований Логиновского городища⁸ и Лихачевского могильника,⁹ заполнил недостающие звенья потчевашской культуры, в частности, типологии посуды и вещевого комплекса. По сравнению с выделенной В. И. Мошинской¹⁰ культурой, авторы существенно скорректировали ее хронологию.¹¹ Классификация по особенностям форм керамики с перечисленных комплексов существенно не отличалась от среднего слоя городища Большой Лог, за исключением III класса массивной чашевидной и слабопрофилированной посуды с простыми ямочными вдавлениями и нарезками.

Видимо, В. Ф. Генинг и его соавторы, не обнаружив существенного различия в керамике сперановского и горносталевского этапов, пришли к спорному выводу, что маркером сперановского времени может считаться большая площадь поселений и жилищ.¹² Сегодня сложно оценивать данную гипотезу в связи с неполной публикацией поселения Большой Лог. Поэтому считаем, что интерпретация площадок и жилищ нуждается в уточнении, так как они могли быть оставлены более ранним населением, учитывая широкий хронологический период обитания, начиная с эпохи бронзы. Также неточно дана интерпретация окружающих основные жилища Логиновского городища округлых ямок от опор столбовых конструкций, которые, вероятно, связаны с бакальской группой керамики (группа III по В. Ф. Генингу).

Попытались применить дискретную модель уральских археологов В. И. Молодин и его ученики к материалам Барабинской лесостепи с городищ Бурундуково-4, Преображенка-1, Туруновка-1. Данные сооружения датированы VIII–IX вв. по

железному наконечнику стрелы Преображенки-1 IX–X вв.¹³ и по аналогиям керамике из известных памятников потчевашской культуры, а также отдельным сосудам из погребений тюркских могильников Преображенка-3 и Сопка-2. Ими выделены три типа сосудов по форме «горловины»: I – сосуды с высокой прямой шейкой, резко переходящей в раздутое тулово; II – сосуды с вогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово; III – чашевидные сосуды с загнутым внутрь и плавным переходом от горловины к тулову. Для характеристики особенностей типов представлена попытка определения закономерностей в использовании населением данных городищ техник орнаментации и способов оформления венчиков. Использована описательная статистика и на основе долей от общей выборки для гребенчатой, прорезанной, фигурной, ямочно-жемчужной и резной техник, прямой, скошенной во внешнюю сторону, округлой, скошенной внутрь и заостренной форм венчика.¹⁴

Выбранные признаки классификации керамики потчевашской культуры в вышеперечисленных исследованиях не могут считаться удачными, так как интуитивно выделенные чаши и горшки характеризуют сорт и функциональное назначение посуды. Использование описательной статистики на базе процентного соотношения неравнозначных выборок без учета сочетаний композиций орнамента и форм, стратиграфического и планиграфического анализов, привело к грубым заключениям и расплывчатой классификации «сперановской» и «горносталевской» посуды. Из опубликованного В. А. Могильниковым материала из раскопок Сперановского городища керамика ближе к последним этапам кулайской культуры. Л. А. Чиндина также считает, что среднеиртышская культура¹⁵ своими материалами ближе к саровским комплексам.

⁷ Генинг и др. 1970, 217–218.

⁸ Генинг–Евдокимов 1969.

⁹ Генинг–Зданович 1986, 119–133.

¹⁰ Мошинская 1953.

¹¹ Чагаева 1970, 229–237.

¹² Генинг и др. 1970, 222.

¹³ Елагин–Молодин 1991, 123.

¹⁴ Елагин–Молодин 1991, 119–122.

¹⁵ Чиндина 1984, 118.

Иной взгляд на место потчевашских комплексов в системе средневековых древностей Западной Сибири дан в работах специалистов по нижнеобским древностям. Разработанная В. Н. Чернецовым¹⁶ дискретная модель материальной культуры Нижнего Приобья была дополнена екатеринбургскими учеными систематическими исследованиями археологических микрорайонов Барсова гора и Сайгатино¹⁷ и апробирована на материалах южнотаежного и лесостепного Тоболо-Иртышья.

В данной модели культурного развития В. Н. Федоровой и соавторами прослежена эволюция керамики на основании стратиграфии и планиграфии многослойных поселений археологического микрорайона Барсова гора. Однако классификация посуды для каждого отдельного этапа сконструирована исходя из разных признаков. Так для карымской посуды¹⁸ основным признаком является фигурно-штамповая, желобчатая, гребенчатая техники орнаментации. Для кучиминского этапа¹⁹ керамика сгруппирована по хронологическому принципу, где отдельные виды можно отнести сразу к карымскому и зеленогорскому этапам.

Прилагаемые в качестве дополнительной аргументации хронологии археологических этапов сургутского Приобья вещи из погребальных комплексов Приишимья, Притоболья и Прииртышья вырваны из рассматриваемого таежного контекста. Поэтому довольно спорно звучит предложение о включении комплексов потчевашской культуры в один из этапов культуры Нижнего Приобья. Хотя ее памятники располагаются на южной окраине масштабной нижнеобской культуры, окруженные не менее значимыми синкретичными молчановскими и протокушнаренковскими типами материалов. Вероятно, это объясняется статичным культур-

ным пластом таежной полосы Нижнего Приобья, экстремальная природно-климатическая ситуация которой ограничивала поведение и развитие культуры.²⁰ Однако, лесостепь и южно-таежная полоса Тоболо-Иртышья, мягкие по своему климату и близлежащие к евразийской степи, являлись площадкой более динамичных процессов культурогенеза в каждой археологической эпохе. Поэтому зафиксированные многочисленные факты одновременного залегания разных наборов бакальской, карымской (южно-таежные памятники), кушнаренковско-караякуповской, молчановской, потчевашской керамики в рамках как отдельных погребений, так и поселенческих комплексов, позволяют усомниться в возможности перенесения дискретной модели Нижнего Приобья на южнотаежные и лесостепные территории.

Стоит признать, что наиболее актуальная на сегодня аналоговая модель потчевашской культуры, охарактеризованная в обобщающих трудах В. А. Могильникова и Б. А. Коникова. В целом, описания основаны на хорошо опубликованных материалах Логиновского городища, Лихачевского и Окуневского могильников. Обширность картины и конструкция ареала культуры достигнута всесторонним описанием имеющихся комплексов и конкретными предложениями по интерпретации модели. Однако и она не без недостатков.

В. А. Могильников по итогам обширнейших археологических работ, представленных в основном, археологическими разведками и раскопками (Сперановское,²¹ Новоникольское городища,²² Окунево-III²³ могильник и др.) суммировал накопленные знания и материалы в обобщенном труде, который до сих пор является фундаментом средневековой археологии Западной Сибири.²⁴ В его работе потчевашская

¹⁶ Чернецов 1958.

¹⁷ Федорова и др. 1991.

¹⁸ Зыков 2012, 54–61.

¹⁹ Зыков 2012, 81–84.

²⁰ Косарев 1991, 15, 27–28.

²¹ Могильников 1967, 151–152.

²² Могильников 1964, 242–247.

²³ Могильников–Конилов 1983, 162–182.

²⁴ Могильников 1987, 184–185.

культура представлена в виде монолитного образования с особым путем развития, что было достигнуто эмоционально-описательным путем группировки материала. Так, например, погребальный обряд разделен на разряды: ингумация и кремация, имеющие варианты в виде грунтовых и подкурганых захоронений.²⁵ Керамика разбита на четыре группы по профилировке разреза, тогда как орнаментация описана в общем, заостряя внимание на специфическом желобчатом орнаменте. Хотя в приведенных иллюстрациях посуды видим присутствие иных групп: бакальской, нижеобской. При историко-культурной интерпретации В. А. Могильниковым отмечается двухкомпонентность потчевашской культуры на основе саргатской (северо-западная ориентировка, ингумация, курганный обряд, вытянутые верхние части сосудов) и среднеиртышской культур (трупосожжение).²⁶ Этническая атрибуция определена как угро-самодийская.²⁷

Б. А. Конилов позднее дополнил представления о потчевашской культуре. При обсуждении погребального обряда он соглашается с классификацией В. А. Могильникова,²⁸ хотя не рассматривает синхронные материалы Лихачевского, Перейминского и Усть-Тары-7²⁹ некрополей, содержащих близкую по формам и орнаментации посуду. Им построена классификация артефактов, включая керамику потчевашской культуры. Она делится на категории, отделы, классы и типы.³⁰ Главный критерий группировки потчевашской керамики – морфология. Так выделены два типа посуды: горшки и чаши; три варианта горшков: с высокой, средней и низкой шейкой. Особое внимание акцентируется на объединяю-

щей все типы и варианты посуды орнаментации желобчатым, гребенчатым и ямочно-жемчужной узорами.³¹ В целом, автор соглашается с мнением А. П. Зыкова, что потчевашская керамика близка зеленогорской и кучиминской, но ведет ее происхождение от кулайской культуры.³² Этническая интерпретация дана как южнохантыйская.³³

В данной модели потчевашской культуры остались не верифицированы причины и разнообразие типов погребальной обрядности. В том числе, не разработаны критерии выделения потчевашской керамической традиции с попыткой синхронизации и сравнения с культурами и памятниками соседних территорий Томско-Нарымского и Верхнего Приобья, Притоболья.

Не менее дискуссионной выглядит бакальская культура (IV–XIII вв.). Самая главная проблема, по нашему мнению, состоит в укорененном в историографии стереотипе о тысячелетнем существовании данной культуры у населения Тоболо-Ишимья и положении, что на ее основе сформировался татарский этнос в XIII–XIV вв. н.э.³⁴ Однако сегодня имеется небольшое количество датированных памятников с бакальской керамикой, но они все укладываются в период IV–VII вв. н.э., чему не противоречат радиоуглеродные датировки³⁵ и редкие находки деталей поясной гарнитуры с поселенческих комплексов, в частности, Усть-Терсюкского городища,³⁶ и таких некрополей, как Козловский и Устюг-1.³⁷

Решающим аргументом, на который опирается данная идея, является консервативность бакальской гончарной традиции.³⁸ Т. Н. Рафикова, используя статистические программы, не

²⁵ Могильников 1987, 186.

²⁶ Могильников 1987, 192–193.

²⁷ Конилов 2007, 193.

²⁸ Конилов 2007, 89.

²⁹ Скандаков–Данченко 1999.

³⁰ Конилов 2007, 91.

³¹ Конилов 2007, 92.

³² Конилов 2007, 93.

³³ Конилов 2007, 252.

³⁴ Могильников 1990; Маслоуженко–Рябинина 2007, 169–173; Маслоуженко 2008, 61–73; Рафикова 2010, 95–99.

³⁵ Матвеева и др. 2008, 174–175; Боталов и др. 2013, 14–38.

³⁶ Рафикова 2010а, 154.

³⁷ Матвеева 2016, 177–192.

³⁸ Рафикова 2010а, 159.

нашла существенных различий внутри исследуемых выборок с Коловского, Красногорского, Усть-Терсюкского, Царева городищ. Во-первых, рассматривались не отдельные сосуды, а группы, охарактеризованные суммами признаков, что уже на первом этапе искусственно объединяет рассматриваемую посуду и дает завышенные коэффициенты сходства. Во-вторых, использованный кластерный анализ считается довольно слабым методом ввиду разнообразия настроек матриц расстояния и сходства при анализе имеющейся выборки. Поэтому необходимо использовать иные инструменты, например, дискриминантный анализ, для проверки полученной классификации. В-третьих, как и все лесостепные и степные гончарные традиции IV–VII вв. н.э. (харинская, турбаслинская и позднегляденовская), бакальская керамика обладает довольно скудным орнаментом и простой композицией, поэтому необходимо рассматривать более детально морфологию.

В середине 50-х годов XX века появились первые находки посуды нехарактерной ни для одной другой известной в ту пору культуры средневековья Приуралья. Специфичность морфологии и орнаментации керамических комплексов кушнаренковской и караякуповской культур привела к широчайшей дискуссии о происхождении данных комплексов. Их первооткрыватели В. Ф. Генинг³⁹ и Г. И. Матвеева⁴⁰ предложили искать корни данным комплексам в лесостепи и таежной полосе Западной Сибири. Сегодня обломки сосудов, напоминающие «классические» приуральские экземпляры, часто находят совместно с бакальскими, нижеобскими и саргатскими черепками в многослойных поселенческих памятниках и отдельных погребениях. По первой версии истоки кушнаренковской и караякуповской культур следует искать в материалах Нижнего Приобья и Прииртышья конца раннего

железного века и средневековья. Несмотря на ограниченное количество потчевашских и карымских погребений, они неоднократно использовались в общей западносибирской выборке,⁴¹ показывая высокое типологическое сходство с кушнаренковскими и караякуповскими.⁴² По второй версии, именно бакальская культура была субстратом⁴³ кушнаренковско-караякуповских памятников. По третьей версии кушнаренковские материалы имеют синкретичную основу из целого круга археологических культур: кашинская, бакальская, карымская.⁴⁴ Обращаем внимание на широту территории и разнообразие в качестве и количестве источников, которые приводятся в качестве аналогий. Пока же, керамика, которая приводится многими учеными как «кушнаренковская»,⁴⁵ разительно отличается от приуральских экземпляров. Она обладает менее выраженным и запоминающимся орнаментом, цвет поверхности черепка контрастирует с тем, что можно увидеть, например, на городище Уфа-2.⁴⁶ Поэтому до момента, пока не будут обнаружены закрытые комплексы кушнаренковской и караякуповской культур на территории Зауралья, говорить о единстве мнений об их происхождении не приходится, либо необходимо встроить материалы из поселенческих слоев, как более низкие уровни классификации внутри наиболее близкой ей археологической культуры. В данном случае мы согласны с мнением В. Ф. Генинга о связи кушнаренковской с потчевашской культурой Прииртышья и Приишимья.

Как кажется, сегодня исследователями недооценивается роль трассовых секвенций из постсарматского и гуннского, тюркского и кимако-кыпчакского миров. Вероятно, именно политическая и военная силы кочевых объединений были решающим фактором в формировании облика материальной культуры бакальского, кушнаренковского и потчевашского типов Западной

³⁹ ГЕНИНГ 1977, 90–136.

⁴⁰ МАТВЕЕВА 1968; МАТВЕЕВА 2007.

⁴¹ ИВАНОВ 1999, 66–68.

⁴² ИВАНОВ 2015, 201–219.

⁴³ БОТАЛОВ 2016, 468.

⁴⁴ МАТВЕЕВА 2007а.

⁴⁵ БОТАЛОВ И ДР. 2013, 14–38.

⁴⁶ МАЖИТОВ И ДР. 2011, 53–55.

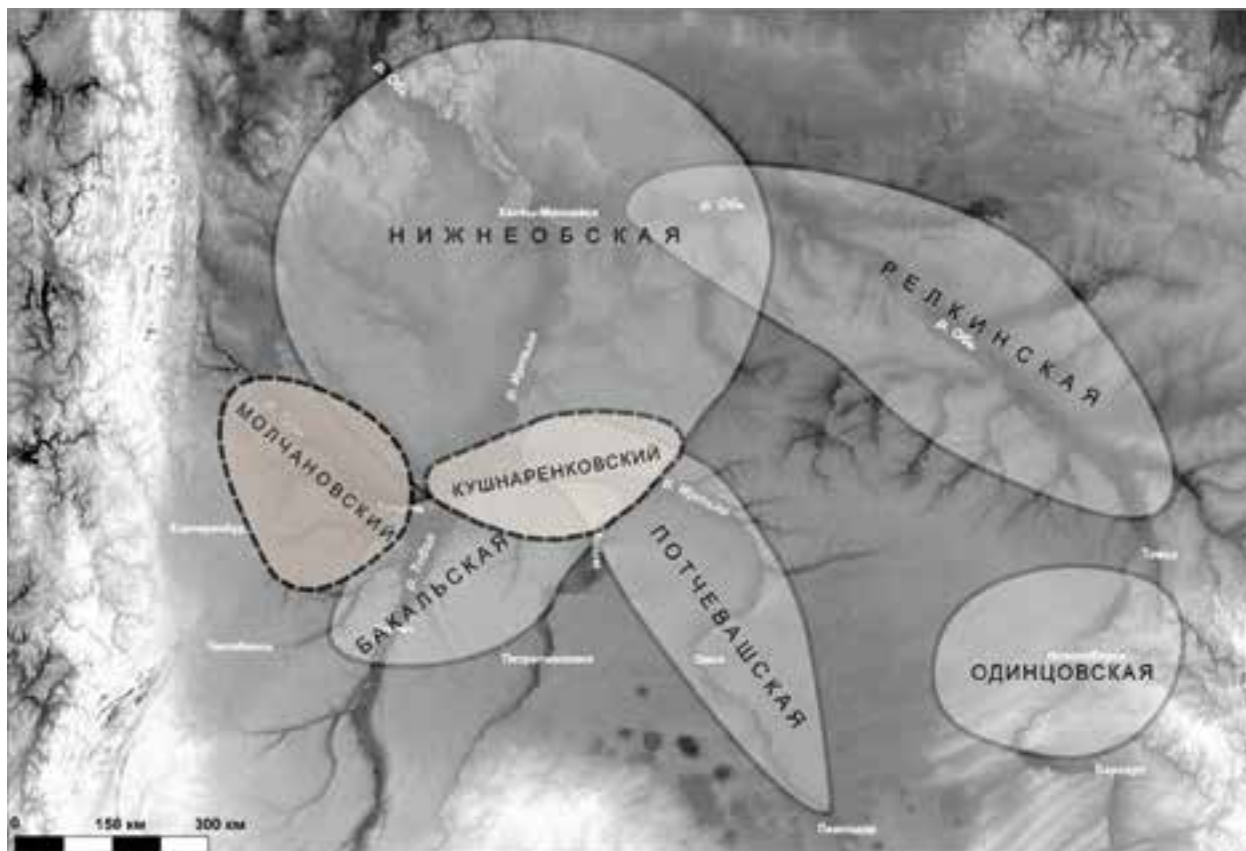

Рис. 2. Карта-схема средневековых (IV–VII вв. н.э.) археологических культур Зауралья в настоящее время
 2. kép. Az Urál keleti oldalának kora középkori (Kr. u. 4–7. század) régészeti kultúráinak elterjedési térképe napjainkban

Сибири, как было замечено В. А. Могильниковым.⁴⁷ Их гетерогенный характер по ряду территориальных, хронологических и культурных признаков дает возможность рассматривать комплексы средневекового Тоболо-Иртышья в рамках культурных объединений⁴⁸ или кругов⁴⁹ (рис. 2; 3), связанных общими процессами трассовых и локальных секвенций.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам. Причинами противоречий, существующих сегодня в историко-культурной модели Зауралья, являются: спорадическое изучение средневековых памятников, разные предпочтения исследователей к выбору историографической традиции, ошибки и методические просчеты в классификациях. Главным фактором к смене взгляда на специфичность средневеко-

вых материалов должно стать обнаружение и исследование гетерогенных памятников, которые стерли, казалось бы, четкие границы археологических культур. Переход на новый уровень исследований также кроется в выработке единого метода описания источников, или набора методов, которые могли бы быть проверяемы. В современных условиях средневековая археология Зауралья должна решить проблему детализации историко-культурной модели за счет включения дополнительных элементов археологической типологии, которые позволят более тонко определять место того или иного артефакта в сложной и динамичной исторической картине прошлого. Это в дальнейшем позволит верифицировать средневековые горизонты в многослойных комплексах, создать объединяющую хронологиче-

⁴⁷ Могильников 1990.

⁴⁸ Clark 2015, 490.

⁴⁹ Клейн 1991, 394.

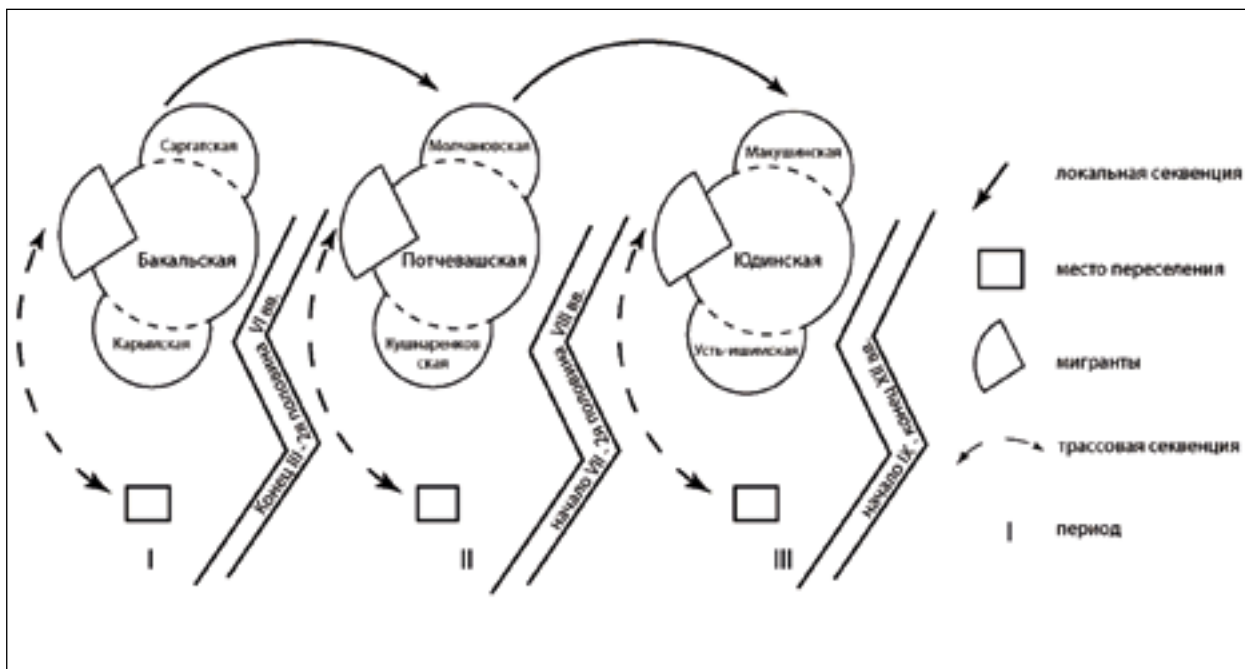

Рис. 3. Археологическая модель средневекового Зауралья
 3. kép. Az Urálon túl középkori régészeti kultúráinak modellje

скую шкалу для Тоболо-Иртышской провинции и синхронизировать ее с соседними регионами. Решение данных проблем невозможно без анализа методологических и методических оснований археологов прошлого поколения и осознания современного теоретического фундамента, или

исследовательской стратегии. Представляется, именно она играет важнейшую роль в мышлении археолога – объединяет разного уровня археологические категории в сеть исторически обусловленной вещевой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов и др. 2013: Боталов, С. Г. – Гущина, Е. В. – Кайдалов, А. И. – Сечко, Е. А.: К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта. В: *II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 14–38.
- Боталов 2016: Боталов, С. Г.: Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)*. Ред.: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Берсенева, Н. А. – Иванова, Н. О. Челябинск 2016, 468–542.
- Генинг 1977: Генинг, В. Ф.: Памятники у села Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.). В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1977, 90–136.
- Генинг–Голдина 1967: Генинг, В. Ф. – Голдина, Р. Д.: Поселение Большой Лог у г. Омска. В: *V Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов и сообщений*. Ред.: Безносиков, Я. Н. – Буров, Г. М. – Канивец, В. И. Сыктывкар 1967, 145–148.
- Генинг–Евдокимов 1969: Генинг, В. Ф. – Евдокимов, В. В.: Логиновское городище. В: *Вопросы археологии Урала* 8. Ред.: Генинг, В. Ф. Свердловск 1969, 102–127.
- Генинг–Зданович 1986: Генинг, В. Ф. – Зданович, С. Я.: Лихачевский могильник на р. Ишим – Памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1986, 119–133.
- Генинг и др. 1970: Генинг, В. Ф. – Корякова, Л. Н. – Овчинникова, Б. Б. – Фёдорова, Н. В.: Памятники железного века в Омском Прииртышье. В: *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Отв. ред.: Матюшенко, В. И. Томск 1970, 203–228.
- Елагин–Молодин 1991: Елагин, В. С. – Молодин, В. И.: *Бараба в начале I тысячелетия н.э.* Новосибирск 1991.
- Зыков 2012: Зыков, А. П.: *Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время*. Екатеринбург 2012.
- Иванов 1999: Иванов, В. А.: *Древние угро-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- Иванов 2015: Иванов, В. А.: Угры Предуралья: продолжение темы. *Поволжская археология* 2015:4, 201–219.
- Клейн 1991: Клейн, Л. С.: *Археологическая типология*. Ленинград 1991.
- Конииков 2007: Конииков, Б. А.: *Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье*. Омск 2007.
- Косарев 1991: Косарев, М. Ф.: *Древняя история Западной Сибири*. Москва 1991.
- Мажитов и др. 2011: Мажитов, Н. А. – Сунгатов, Ф. А. – Султанова, А. Н. – Махаметдинов, В. И. – Сунгатов, А. Ф.: *Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2009 года*. Уфа, 2011.
- Маслюженко 2008: Маслюженко, Д. Н.: Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболе в период раннего Средневековья. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 61–73.
- Маслюженко–Рябинина 2007: Маслюженко, Д. Н. – Рябинина, Е. А.: К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте. В: *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной)*. Ред.: Вохминцев, М. П. Курган 2007, 169–173.
- Матвеева 1968: Матвеева, Г. И.: Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой. В: *Археология и Этнография Башкирии*. Т. III. Ред.: Мажитов, Н. А. Уфа 1968, 113–125.
- Матвеева 2007: Матвеева, Г. И.: О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология Евразийских степей*. Т. II. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдииков, А. Г. Казань 2007, 75–86.

- МАТВЕЕВА 2007а: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири*. Тюмень 2007, 63–75.
- МАТВЕЕВА 2016: Матвеева, Н. П.: *Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников)*. Тюмень 2016.
- МАТВЕЕВА и др. 2008: Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В. – Рафикова, Т. Н.: *Коловское городище*. Новосибирск 2008.
- МОГИЛЬНИКОВ 1964: Могильников, В. А.: Новоникольское IV городище. *Советская археология* 1964:1, 242–247.
- МОГИЛЬНИКОВ 1967: Могильников, В. А.: Исследования в лесостепном Прииртышье. *Археологические открытия* 1966 года. Москва 1967, 151–152.
- МОГИЛЬНИКОВ 1987: Могильников, В. А.: Лесостепное Зауралье (бакальская культура). В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Отв. ред.: Седов, В. В. Археология СССР Москва 1987, 179–183.
- МОГИЛЬНИКОВ 1990: Могильников, В. А.: *Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века. Автореферат диссертации*. Москва 1990.
- МОГИЛЬНИКОВ–КОНИКОВ 1983: Могильников, В. А. – Конилов, Б. А.: Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье. *Советская археология* 1983:2, 162–182.
- МОШИНСКАЯ 1953: Мошинская, В. И.: Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре). В: Чернецов, В. Н. – Мошинская, В. И. – Талицкая, И. А.: *Древняя история Нижнего Приобья*. Материалы и исследования по археологии СССР 35 (1953) 189–220.
- РАФИКОВА 2010: Рафикова, Т. Н.: К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища). В: *Сулеймановские чтения (тринадцатые): Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф.* Отв. ред.: Лабунец, Н. В. Тюмень 2010, 95–99.
- РАФИКОВА 2010а: Рафикова, Т. Н.: *Бакальская культура лесостепного и подтаежного тоболо-ишимья: дисс. канд. ист. наук*. Тюмень 2010.
- СКАНДАКОВ–ДАНЧЕНКО 1999: Скандаков, И. Е. – Данченко, Е. М.: Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье. В: *Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн.* Отв. ред.: Рыженко, В. Г. Омск 3 (1999) 160–186.
- ФЕДОРОВА и др. 1991: Фёдорова, Н. В. – Зыков, А. П. – Морозов, В. М. – Терехова, Л. М.: Сургутское Приобье в эпоху средневековья. В: *Вопросы археологии Урала* 20. Отв. ред.: Ковалева, В. Т. Екатеринбург 1991, 126–145.
- ЧАГАЕВА 1970: Чагаева, А. С.: О хронологии Чувашского мыса. В: *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Отв. ред.: Матющенко, В. И. Томск 1970, 229–237.
- ЧЕРНЕЦОВ 1958: Чернецов, В. Н.: Нижнее Приобье в I тыс. н.э. В: Смирнов, А. П. – Мошинская, В. И. – Чернецов, В. Н. – Золотарёва, И. М.: *Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР* 58 (1958) 136–245.
- ЧЕРНЕЦОВ–МОШИНСКАЯ 1951: Чернецов, В. Н. – Мошинская, В. И.: Городище Большой Лог. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 37 (1951) 78–87.
- ЧИНДИНА 1984: Чиндина, Л. А.: *Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа*. Томск 1984.
- CLARK 2015: Clark, D.: *Analytical archaeology*. London 2015.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ БОТАЛОВ*

Ключевые слова: *Уелги, погребальный комплекс, средневековая археология, археологические комплексы*

Kulcsszavak: *Ujelgi, temetkezőhely, középkori régészet, régészeti leletegyüttesek*

Szergej Gennagyjevics Botalov

Новые материалы исследований погребального комплекса Уелги

Статья посвящена исследованию погребального комплекса Уелги. На сегодняшний день полностью исследованы курганы №№ 8, 9, 32, 51, где в общей сложности выявлено до 30 погребений. Из них четыре оказались относительно неразграбленными (курган № 9, погребение 7; курган № 32, погребения 1, 3, 11). Обнаруженные наиболее ранние комплексы, датируемые в пределах IX-го века, имеют местную кушнареновско-караякуповскую основу. Этот факт позволяет предполагать, что формирование последующей массы синкретического уелгинского населения рубежа IX–X и X–XI вв. осуществлялось именно на этой автохтонной платформе.

Szergej Gennagyjevics Botalov

Újabb leletek az ujelgi temetőből

A cikk az ujelgi temetkezőhely kutatásának újabb eredményeit foglalja össze. Ezen a lelőhelyen eddig a 8., 9., 32. és 51. kurgánt sikerült teljes mértékben feltárni, ami összesen 30 sír előkerülését jelentette. Ezek közül 4 volt bolygatatlan (9. kurgán 7. sír; 32. kurgán 1., 3. és 11. sír). A legkorábbi leletegyüttesek a 9. századra keltezhetőek, és helyi kusnarenkovói–karajakupovói előzményekkel bírnak. Ez a tény lehetővé teszi annak feltételezésnek a megfogalmazását, hogy az az összetett népesség, amely a lelőhelyet a 9–10. és a 10–11. században használta, az említett kusnarenkovói–karajakupovói ‘őslakos’ népesség alapjain jött létre.

В полевых сезонах 2014–2015 годов продолжались исследования погребального комплекса Уелги. Линия раскопа продвинулась до средней части могильника и вышла в своеобразную ложбину, которая разделяет памятник на две части – северную и южную (рис. 1–2).¹

Здесь сосредотачивалось в общей сложности пять курганов №№ VIII (8) – X (10), XXXII (32), LI (51) (рис. 3).

Два последних фактически не фиксировались визуально. В этой связи им были присвоены дополнительные номера.

На эту ситуационную особенность месторасположения средневековых курганов когда-то указывал Нияз Абдулхакович Мажитов, как характерную черту месторасположения именно средневековых насыпей, прежде всего не на вершинах возвышенностей, а в седловинах.

* Южно-Уральский государственный университет; 454080 Челябинск, проспект Ленина, 76; Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН. г. Челябинск, пр. Ленина, 87, grig@csc.ac.ru

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

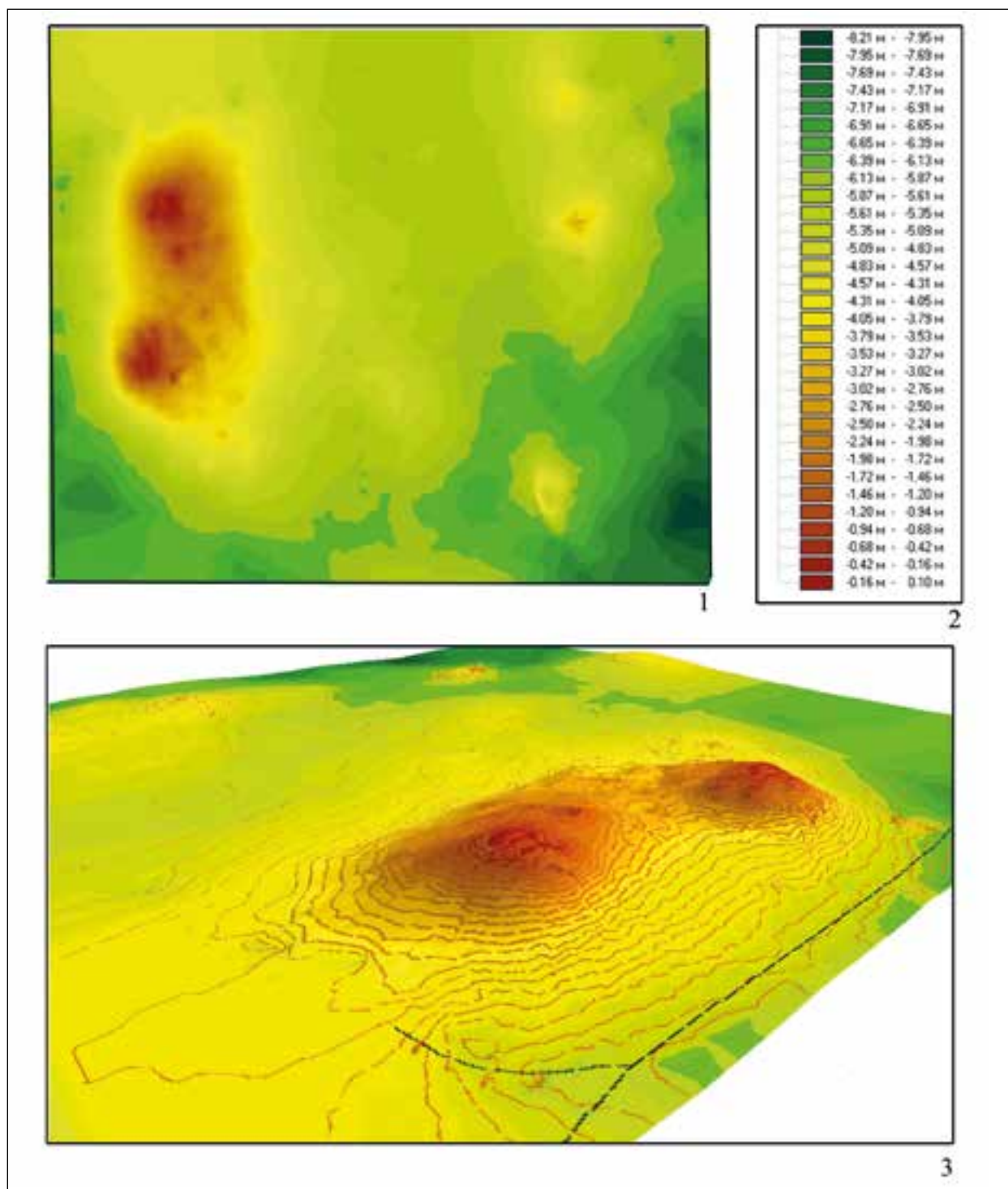

Рис. 1. Могильник Уелги. 1: Матрица высот; 2: Шкала относительных отметок; 3: 3D модель (вид с северо-запада)

1. kép. Az ujelgi temető. 1: Domborzati modell; 2: Magassági skála; 3: 3D terepmodell északnyugatról nézve

Рис. 2. Могильник Уелги. Вид с Запада
2. kép. Az ujelgi temető látképe nyugati irányból

Погребальный комплекс Уелги при своей длительности сооружения с IX по XI вв. охватывает обширную площадь вершин возвышенностей уральского пенеплена, его подножия и седловины. В этой связи для нас было интересно проверить наблюдения мэтра Н. А. Мажитова на примере Уелгов. Если бы они оказались верными, то здесь, в седловине, должны были быть найдены самые первые погребения, когда-либо совершённые на площадке некрополя.

На сегодняшний день полностью исследованными оказались курганы №№ 8, 9, 32, 51, где в общей сложности выявлено до 30 погребений. Из них три оказались относительно неразграбленными (курган № 9, погребение 7; курган № 32, погребения 1, 3, 11), что, к сожалению, ещё раз подтверждает уелгинскую статистику соотношения целых и неразграбленных комплексов.

С момента раскопок кургана № 9 (в полевом сезоне 2013) наблюдалась особенность в культурно-хронологической характеристике рассматриваемого микрорайона некрополя. Преобладающее число фрагментов и развалов керамических сосудов принадлежит керамике кушнаренковского и караякуповского круга. Бронзовая фурнитура становится в основном монометаллической (стилистическая группа 1 по Боталову и Грудочко)² (рис. 4–5).

Результаты раскопок последующих годов усилили эту намеченную динамику. Коротко обозначим результаты этих исследований.

Курган № 32 могильника Уелги исследованы в 2014–2015 гг. Насыпь практически не читалась визуально. В планиграфии курган округлый, немного растянут по линии З–В. Было зафиксировано 15 погребений и несколько ям. Культурный

² Боталов–Грудочко 2011, 79–99.

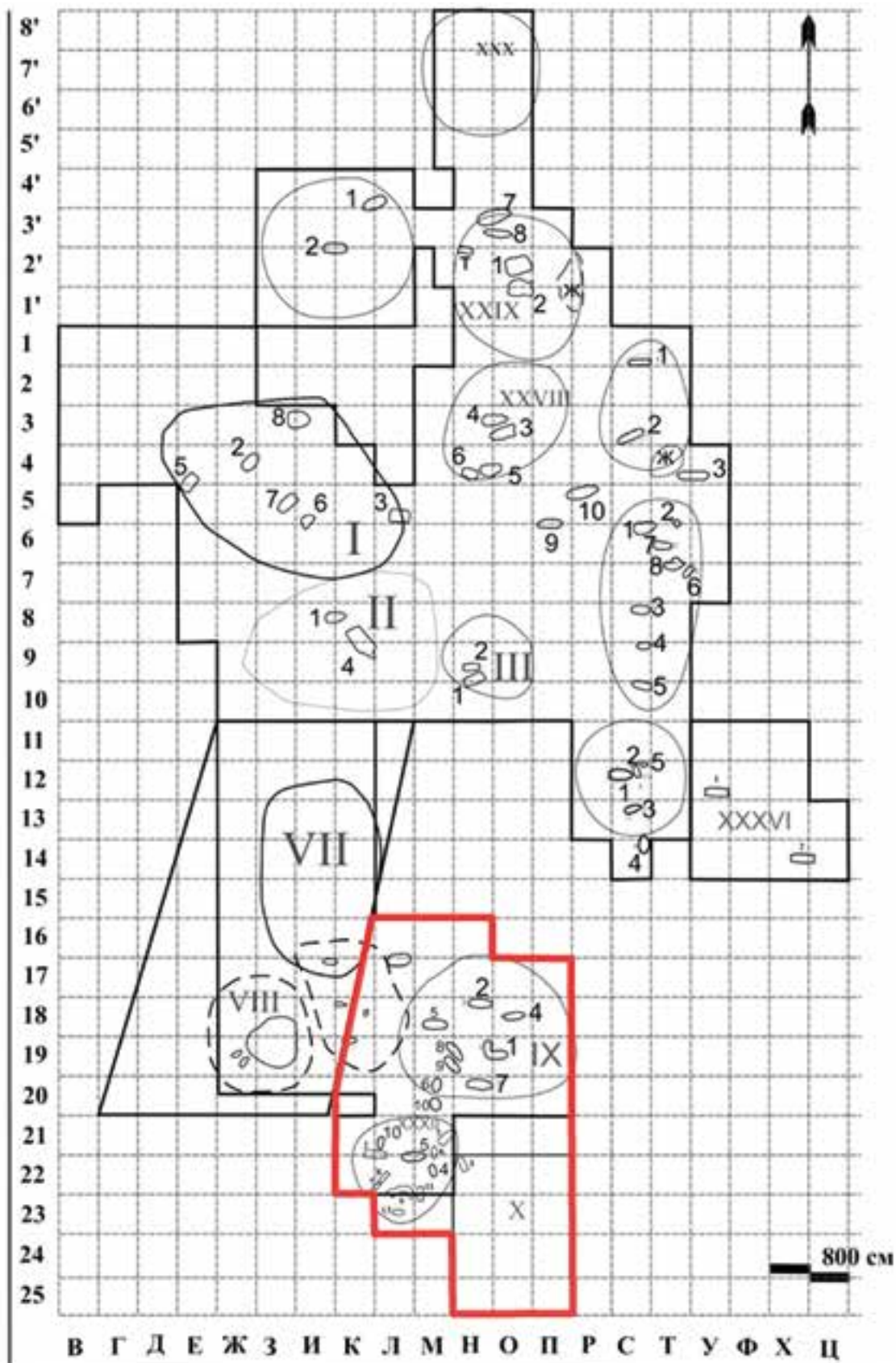

Рис. 3. Могильник Уелги. План раскопов
3. kép. Az ujelgi temető ásatási térképe

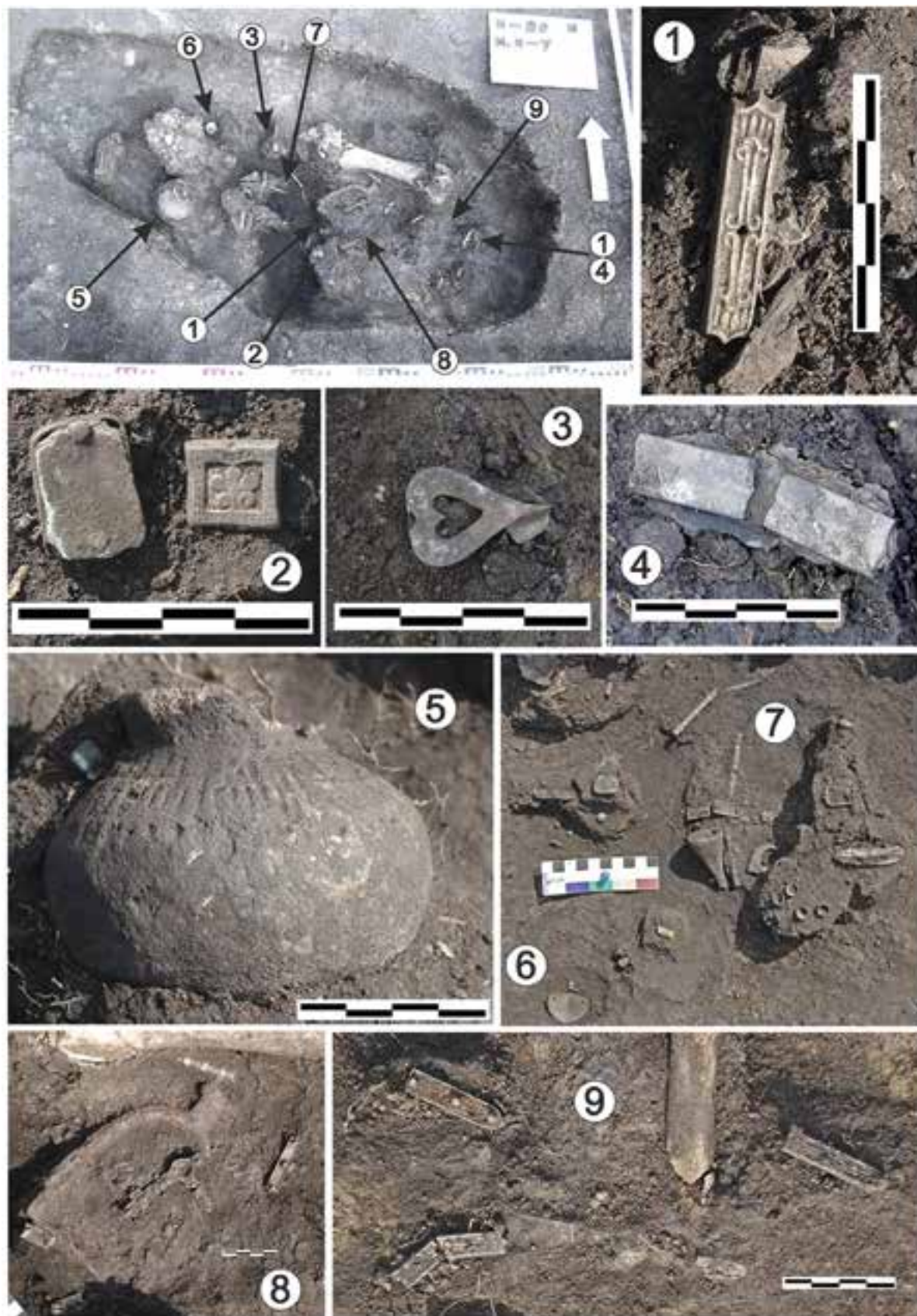

Рис. 4. Могильник Уелги. Курган 9, погребение 7
4. kép. Ujelgi temető 9. kurgán 7. sír

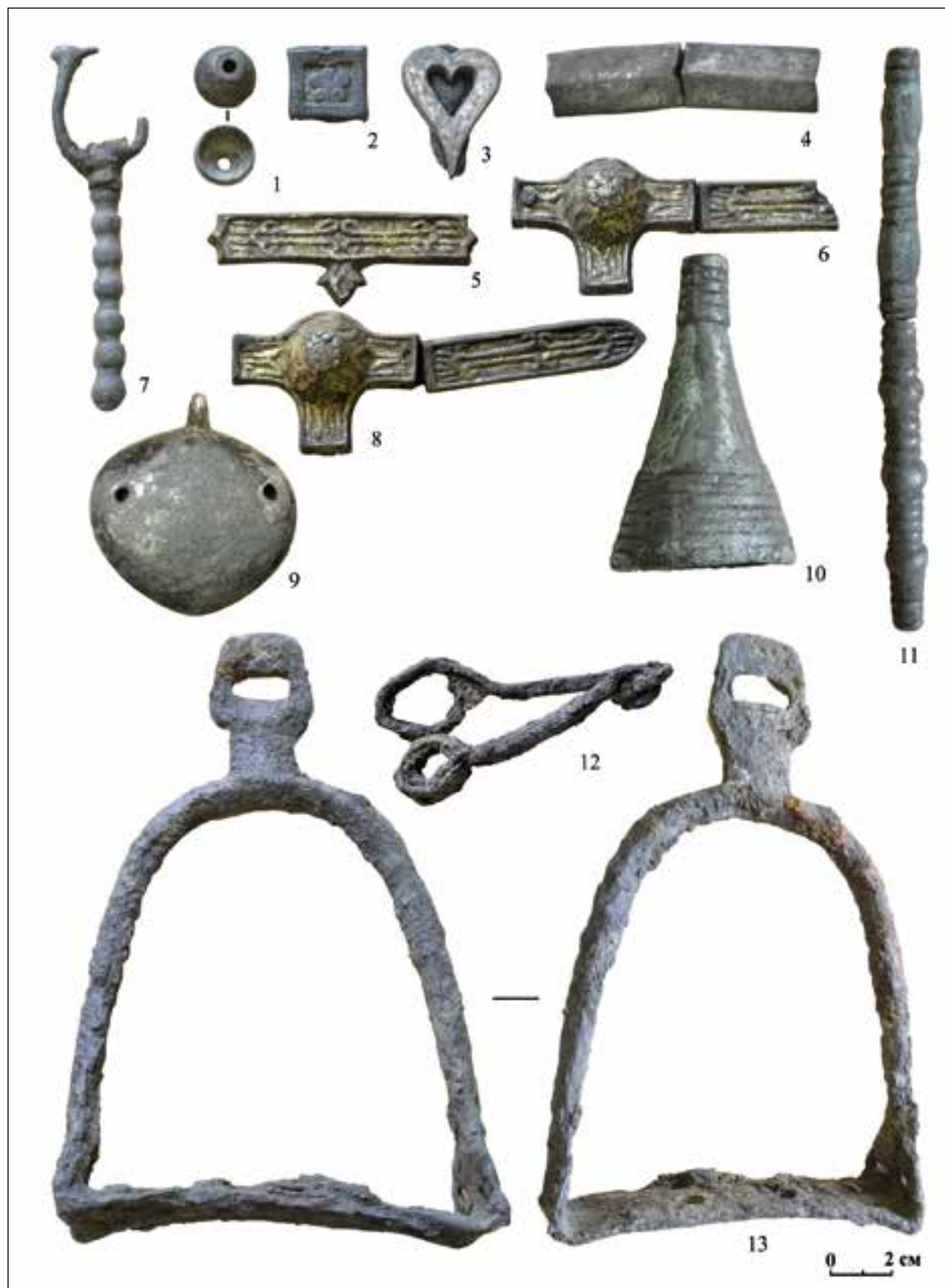

Рис. 5. Могильник Уелги. Курган 9, погребение 7
 5. kép. Ujelgi temető 9. kurgán 7. sír

Рис. 6. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 1
6. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 1. sír

слой на ранних горизонтах являлся прокаленным с сохранением в нескольких местах угольных плах толщиной до 15 см.

Возле подобной плахи было обнаружено погребение 1 в центральной части кургана, являющееся впускным. Женщина 50–55 лет. Нижние конечности отсутствовали, вероятно, после ограбления. На голове у погребенной была шапочка с украшением в виде 32 билунницевидных накладок, а также ожерельем на шее с бубенчиками и пастовыми бусами (рис. 6–8).

В южной части кургана обнаружено детское погребение №11 глубиной до 45 см. Заполнение ямы – плотный суглинок. Ребенок до 6 лет (?). Ориентировка костяка на запад. Из украшений – серьга, пояс из шести накладок, трех тренчиков и одного кольца (?), а также браслет, нож и развал сосуда у ног (рис. 9–11).

В северо-восточной части кургана обнаружено неразграбленное погребение коня (могильная

яма № 3). При генеральной зачистке контуры погребения определены не были, поскольку у могильной ямы была попытка ограбления (грабительский слой глубиной до 40 см). Глубокое и на дне – до 83 см. Череп лошади размещен значительно выше (глубины до 50 см). Таким образом, костяк уложен как бы под углом. По периметру туловища, а также у черепа и задних конечностей найдены различного типа накладные бляхи, одно стремя, фрагменты подпружных ремней, в зубах закусены удила, скрепленные псалиями (рис. 10; 12–15).

Самым значительным по своим размерам оказался курган № 10, диаметр его достигает 22 м, высота более 1 м. Исследования его начались в 2014 году и будут, надеюсь, закончены в полевом сезоне этого года (рис. 16). Предварительно можно сообщить, что керамические материалы, сопровождающие раскопки этого кургана, относятся исключительно с караякуповской

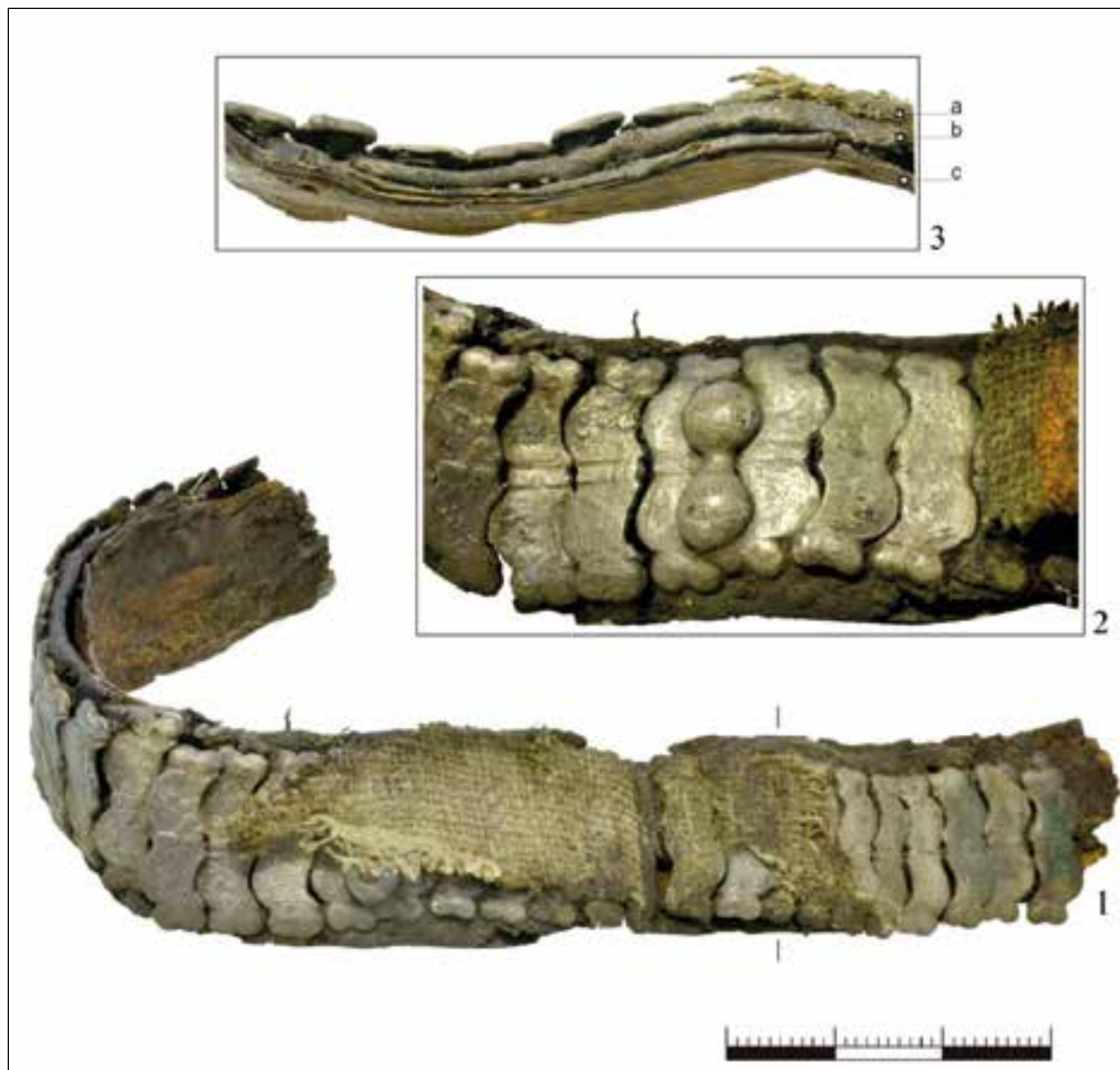

Рис. 7. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 1 (диадема, бронза, кожа, ткань)

7. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 1. sír (veretes fejdísz, bronz, bőr, szövet)

Рис. 9. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 11 ►
9. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 11. sír

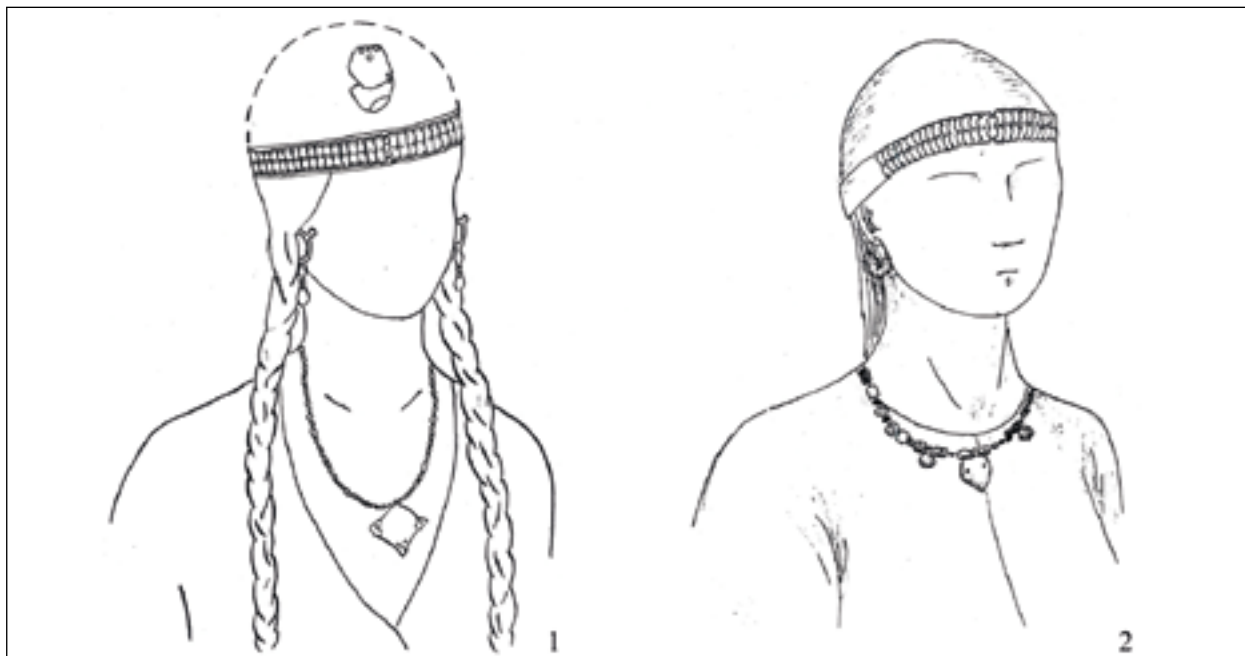

Рис. 8. Реконструкции женских головных уборов с диадемами. 1: Лагеревские, курган 42 (по Н. А. Мажитову);
2: Уелги, курган 32 (по И. В. Грудочко, А. В. Парунину, С. Р. Газизовой)

8. kép. Veretekkel díszített fejdíszek rekonstrukciói. 1: Lagerevo 42. kurgán (N. A. Mazsitov alapján); 2: Ujelgi 32. kurgán
(I. V. Grudocsko, A. V. Parunyin és Sz. R. Gazizova alapján)

Рис. 10. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 11. 1–2: Реконструкция (по И. В. Грудочко, А. В. Парунину, С. Р. Газизовой); 3: Фото фрагмента раскопа

10. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 11. sír. 1–2: Rekonstrukció (I. V. Grudocsko, A. V. Parumyin és Sz. R. Gazizova alapján); 3: Részletfotó az ásatásról

Рис. 11. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 11 (бронза, железо, кожа)
 11. k p. Ujelgi temet  32. kurg n 11. s r (bronz, vas, b r)

посудой с определёнными орнаментальными традициями постбакальского облика. Металлический инвентарь состоит из бронзовой гарнитуры (якорковидные накладки с перехватом (постгеральдинского стиля), лунницовидные и билунницовидные накладки с одним или двумя сферическими отросками на концах; накладки в виде вихревого сюжета, плоская серьга с отроском на боковой части дужки). В целом эти материалы выглядят более архаичными по сравнению со всей существующей на сегодняшний день уелгинской коллекцией и могут быть отнесены к IX в. (рис. 17).

Прямыми аналогиями в этой связи являются вещевые комплексы IX–X вв. из Ямаши-Тасуских, Бекешевских и Лагеревских курганов из раскопок Н. А. Мажитова³, Наровчатовского и Граултринского могильников, исследованных автором.⁴

В связи с вышесказанным, и возвращаясь к наблюдениям Н. А. Мажитова, следует заметить, что, оказавшийся наиболее ранний курган № 10 занимает наиболее центральное положение в седловине уелгинского могильника. Это указывает, скорее всего, на тот факт, что первый участок погребального использования уелгинского поля находился именно здесь.

Обнаруженные наиболее ранние комплексы, датирующихся в пределах IX-го века, имеют местную кушнареновско-караякуповскую основу. С одной стороны, этот факт позволяет предполагать, что формирование последующей массы синкретического уелгинского населения рубежа IX–X и X–XI вв. осуществлялось именно на этой автохтонной платформе. Такой позиции, как известно ранее, придерживалось большинство урало-поволжских исследователей. Однако выявленные в уелгинских комплексах, как,

³ Мажитов 1981, 30–83.

⁴ Боталов 2000, 326–332.

*Рис. 12. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 3
12. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 3. sír*

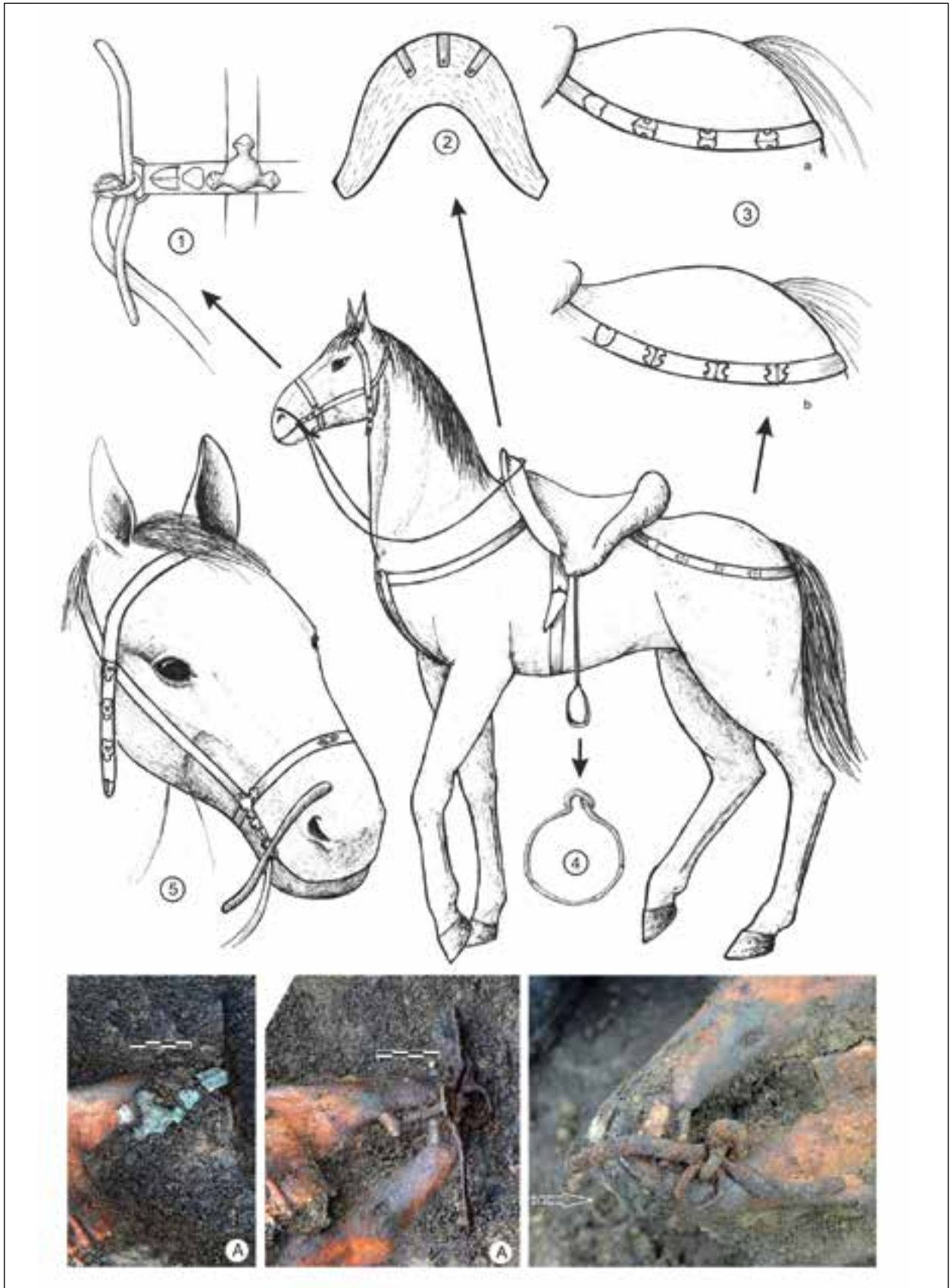

Рис. 13. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 3, реконструкция (по И. В. Грудоцко, А. В. Парунину, С. Р. Газизовой)
 13. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 3. sír; rekonstrukció (I. V. Grudocsko, A. V. Parunyn és Sz. R. Gazizova alapján)

*Рис. 14. Могильник Уелги. Курган 32, погребение 3 (фрагмент)
14. kép. Ujelgi temető 32. kurgán 3. sír (részletfotó)*

впрочем, в комплексах рядом расположенного могильника Граултры, а также в ряде могильников Башкортостана, исследованных Н. А. Мажитовым, устойчиво датирующихся в рамках IX века, обнаруживают в своих материалах достаточно локализованную стилистику ременной гарнитуры и украшений, условно называемую в кругу специалистов, как «уральскую». Она существенным образом отличается от типично мадьярской, сроскткинской «алтайского» и «пермского» стиля. Однако, если две последние стилистические группы появляются на Уелгах в рамках X века в результате достаточно понятных причин, связанных с притоком алтайского

(кыпчако-кыргызского) и лесного юдинского (угорского) населения, то появление типично карпатских материалов в комплексах, скорее всего, X века в уелгинском арсенале, пока остаётся не совсем понятным.

Возможны лишь некоторые предположения, либо в будущем мы обнаружим некоторые артефакты, позволяющие говорить об этапах генезиса материалов уральского стиля в раннемадьярский, либо, что более вероятно, мы имеем дело с некоторым обратным эпизодическим движением венгров Карпатской котловины на Восток, на земли Великой Прародины.

*Рис. 16. Могильник Уелги. Курган 10
16. kép. Ujelgi temető 10. kurgán* ►

Рис. 15. Могильник Уелги. Курган 10 (бронза)
15. kép. Bronzveretek az ujelgi temető 10. kurgánjából

Рис. 17. Могильник Уелги. Курган 10 (бронза)
 17. kép. Bronztárgyak az ujelgi temető 10. kurgánjából

ЛИТЕРАТУРА

- Боталов 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и Средневековье. В: *Древняя история Южного Зауралья*. Отв. ред.: Иванова, И. О. Челябинск 2000, 207–430.
- Боталов–Грудочко 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово. В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України 7*. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 79–99.
- Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VII–XII вв.* Москва 1981.

КУРГАНЫ С «УСАМИ» УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ (ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГРУДОЧКО*

Ключевые слова: курганы с «усами», раннее средневековье, кочевники, степь, погребальные комплексы, керамика, вооружение, полихромный стиль, радиоуглеродная хронология
Kulcsszavak: 'bajszos' kurgánok, kora középkor, nomádok, sztyepp, temetkezőhelyek, kerámia, fegyver, polikróm stílus, radiokarbon keltezés

Иван Валерьевич Грудочко

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология)¹

В работе обсуждается типология и хронология курганов с «усами» урало-казахстанских степей. Разнообразие архитектурных форм показывает, что данные памятники часто строились вблизи объектов более ранних эпох, что повлияло на их первичную культурно-хронологическую идентификацию в рамках эпохи ранних кочевников. На современном этапе становится более очевидным, что от этой версии следует отказаться. Полученные в последнее десятилетие данные радиоуглеродного анализа в сочетании с типологическими датировками предметного комплекса позволяют относить курганы с «усами» к V–VII вв. н.э. Вместе с немногочисленными погребальными комплексами (Боровое, Кара-Агач, Канаттас и др.) они составляют культурно-хронологический горизонт, сменивший в конце IV – начале V вв. гунно-сарматский. Примерно ко второй половине VII в. относится финал традиций курганов с «усами», связанный с перемещением новых групп населения с востока.

Ivan Valerjevics Grudocsko

Az uráli és kazah sztyeppék 'bajszos' kurgánjai (tipológia és kronológia)

A cikkben a szerző az uráli-kazak sztyeppéről ismert 'bajszos' kurgánok tipológiáját és kronológiáját tekinti át. Az egyes kurgánok különböző kivitelezési formái arra utalnak, hogy ezeket a síremlékeket gyakran korábbi időszakból származó emlékekhez közel építették fel, emiatt ezeket a lelőhelyeket kezdetben a korai nomádok idejére keltezték. A kutatás mai állása szerint azonban már egyértelmű, hogy ezt a verziót el kell vetnünk. Az elmúlt évtized radiokarbon adatai és a tárgytipusok tipokronológiai elemzésének összevetése alapján a 'bajszos' kurgánokat a Kr. u. 5–7. századra keltezhetjük. A kisszámú temetkezőhely (Borovoje, Kara-Agacs, Kanattasz, stb.) önálló kulturális-időrendi horizontot alkot, amely a Kr. u. 4. század vége – 5. század eleje környékén felváltotta a hun-szarmata horizontot. Körülbelül a 7. század második felében szűnt meg a 'bajszos' kurgánokba történő temetkezés szokása, amely egy kelet felől érkező új népesség beköltözésével hozható összefüggésbe.

Курганы с «усами» являются интереснейшими памятниками раннего средневековья урало-казахстанских степей. Их открытие и начало изучения относится к первой половине XX в. На сегодняшний день исследовано около 50 памятников, однако до сих пор не утихают дискуссии

по поводу времени их сооружения, сформировавшие две основные версии: раннекочевнической или раннесредневековой. По моему мнению, решение данной проблемы сводится к анализу двух ключевых аспектов (типологии и хронологии), чему посвящена эта работа.

* Южно-Уральский государственный университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, grudochkoivan@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Курганы с «усами» распространены на огромной территории, которая в общих чертах включает Южное Зауралье, Сары-Арку (Восточная и Центральная Сары-Арка, Кокшетау и Улытау), Восточный Казахстан, Южный Казахстан и Семиречье (рис. 1. В). Среди указанных территорий наиболее насыщено Казахское нагорье, образующее водораздельное поднятие, с которого радиально расходятся водотоки Нуринского, Иртышского, Балхашского, Сарысуйского бассейнов. Здесь сконцентрирована значительная часть известных и исследованных памятников. Западной известна тургайско-улытауская группа, занимающая западную часть Сары-Арки с хребтом Улытау и прилегающим на западе бассейном р. Тургай.² Памятники расположены преимущественно в верхних притоках этой реки. Зауральские памятники локализуются, в основном, в бассейне реки Ирғиз на восточных склонах Мугоджар и урало-тобольском водоразделе. Таким образом, большая часть курганов с «усами» концентрируется в урало-казахстанских степях и в ландшафтном отношении занимают степную и полупустынную зоны.

Вопрос о хронологической принадлежности этих памятников стал актуальным еще в самом начале исследований. П. С. Рыков предложил связывать их со скифо-сарматскими.³ В начале их специального изучения в Центральном Казахстане А. Х. Маргулан высказал мысль о принадлежности курганов с «усами» ко второй половине I тыс. н. э.⁴ М. П. Грязнов, публикуя материалы 20-х – 30-х гг. XX в., предложил связывать их с культурой ранних кочевников.⁵ Позже его поддержал М. К. Кадырбаев. Исследователь выделил тасмолинскую культуру ранних кочевников (VII–III вв. до н. э.) и включил туда

курганы с «усами».⁶ В 1997 году А. З. Бейсеновым была защищена диссертация, где, вслед за М. П. Грязновым и М. К. Кадырбаевым, курганы с «усами» рассмотрены в контексте культуры ранних кочевников.⁷

Параллельно, во второй половине, особенно в последней четверти XX и начале XXI вв., курганы с «усами» активно исследуются на территории Южного Урала (Н. А. Мажитов, С. Г. Боталов, И. Э. Любчанский, А. Д. Таиров, В. П. Костюков и др.). С. Г. Боталовым в 1996 году был предложен кардинальный пересмотр хронологической позиции всех курганов с «усами», которые были датированы эпохой раннего средневековья.⁸ Позже выходит несколько статей И. Э. Любчанского, где обсуждается хронологическая принадлежность отдельных типов курганов с «усами».⁹ В 2006 году увидела свет коллективная монография челябинских исследователей, посвященная всем доступным на сегодняшний день курганам с «усами», где конструктивно обоснована их принадлежность к поздней древности – раннему средневековью.¹⁰

Таким образом, с 1990-х гг. формируется две основные точки зрения о времени бытования курганов с «усами»: раннекочевническая (тасмолинская) и раннесредневековая. На современном этапе казахстанские специалисты (А. З. Бейсенов, М. К. Хабдулина, И. А. Кукушкин, А. Н. Свиридов и др.) отстаивают идею о сооружении курганов с «усами» в эпоху ранних кочевников.¹¹ Так, комплекс Шедерты датирован VII–VI вв. до н. э., несмотря на нетипичность для Тасмолы найденного в нем сосуда.¹² В работе И. А. Кукушкина, посвященной семантическому аспекту происхождения курганов с «усами» связывается с тасмолинской культурой.¹³ В статье

² Усманова 1987; Чиндин 1989; Бейсенов и др. 2017.

³ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 10.

⁴ Маргулан 1949, 11.

⁵ Грязнов 1956, 10.

⁶ Маргулан и др. 1966, 303–402.

⁷ Бейсенов 1996; Бейсенов 1997.

⁸ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 13.

⁹ Любчанский 1998, 306–307.

¹⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

¹¹ Хабдулина 2007.

¹² Пересветов 2001, 283.

¹³ Кукушкин 2004, 33.

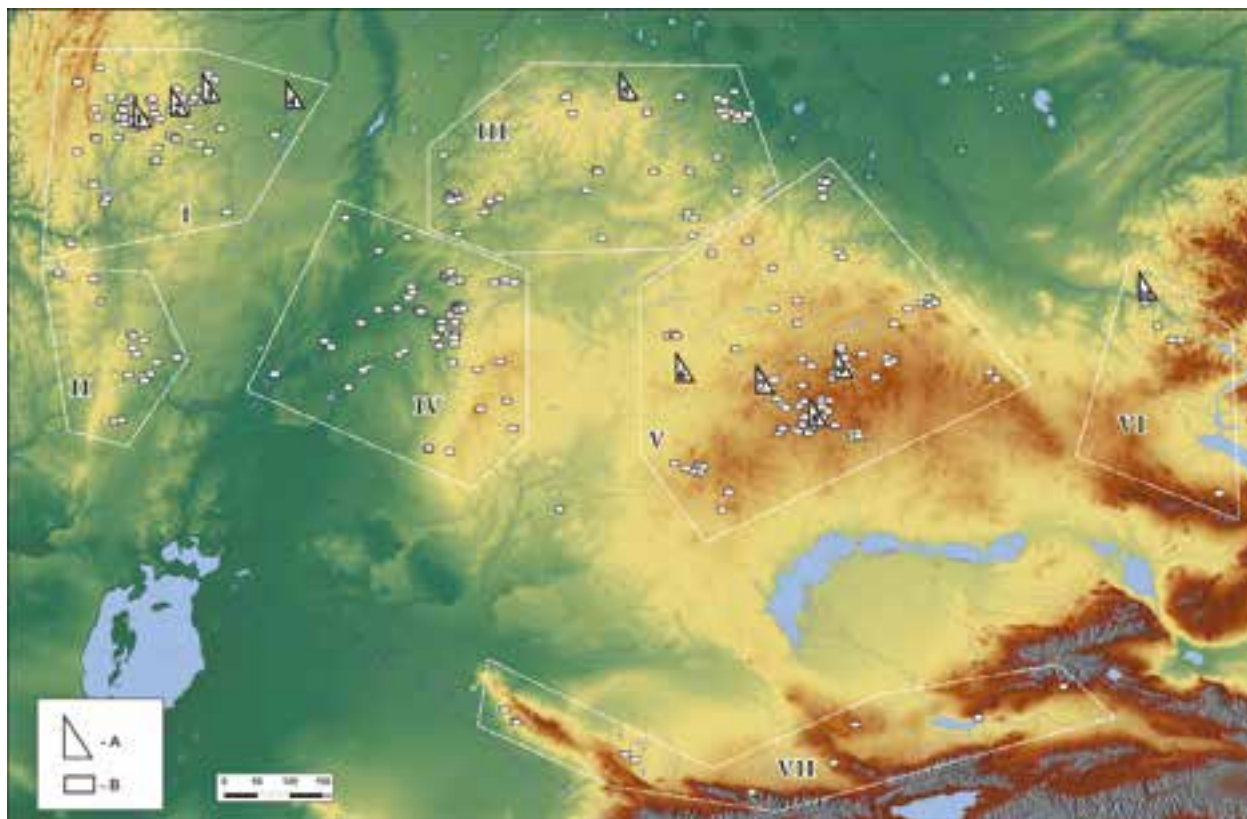

Рис. 1. Карта курганов с «усами» урало-казахстанских степей. А: Погребальные памятники; В: Курганы с «усами». Районирование курганов с «усами». I: Южное Зауралье (урало-тобольский водораздел); II: Южное Зауралье (Мугоджары); III: Северный Казахстан (Кокшетауская возвышенность и р. Ишим); IV: Западная Сары-Арка (Улытау и бассейн р. Тургай); V: Центральный Казахстан (Восточная Сары-Арка); VI: Восточный Казахстан и Северный Тарбагатай; VII: Южный Казахстан и Семиречье; Погребальные памятники V–VI вв. 1: Аркаим; 2: Каменный Амбар-5 (курганы 5, 6); 3: Городищенское IX (курган 5); 4: Халвай; 5: Боровое (Щучье); 6: Кара-Агач; 7: Енбекшил (курган 2); 8: Канаттас (курган 19); 9: Назар; 10: Зевакино (курган 1) (по Арсланова 1975; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960; БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013; БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013; БЕРНШТАМ 1951; БОТАЛОВ 2009; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006; ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003; ГРЯЗНОВ 1956; ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ 2013; КАДЫРБАЕВ 1959а; КОСТЮКОВ 1995; ЛЮБЧАНСКИЙ 1998; МАМЕДОВ 2015; МАРГУЛАН И ДР. 1966; ЛОМАН И ДР. 2004; ОРАЗБАЕВ 1969; СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007; ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998; УСМАНОВА 1987; ЧИНДИН 1989; ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015; SAS.Planet [космоснимки])

1. kép. Térkép az uráli és kazah sztyeppen található bajszos kurgánokról. A: síremlékek; B: 'bajszos' kurgánok. A 'bajszos' kurgánok területi felosztása. I: Az Urálon túl déli része (az Urál és Tobol folyó vízválasztó területe); II: Az Urálon túl déli része (Mugodzsari); III: Észak-Kazahsztán (a Koksetau-fennsík és az Isim folyó); IV: A Szári Arka-fennsík nyugati része (Ulitaу és a Turgaj folyó völgye); V: Kazahsztán központi területei (a Szári Arka-fennsík keleti része); VI: Kelet-Kazahsztán és Észak-Tarbagataj; VII: Dél-Kazahsztán és a Hétfolyóköz; 5–6. századi síremlékek. 1: Arkaim; 2: Kamennij Ambar-5 (5. és 6. kurgán); 3: Gorogviszenszkoje IX (5. kurgán); 4: Halvaj; 5: Borovoje (Szsucsje); 6: Kara-Agacs; 7: Jenbeksil (2. kurgán); 8: Kanattasz (19. kurgán); 9: Nazar; 10: Zevakino (1. kurgán) (Арсланова 1975; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960; БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013; БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013; БЕРНШТАМ 1951; БОТАЛОВ 2009; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006; ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003; ГРЯЗНОВ 1956; ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ 2013; КАДЫРБАЕВ 1959а; КОСТЮКОВ 1995; ЛЮБЧАНСКИЙ 1998; МАМЕДОВ 2015; МАРГУЛАН И ДР. 1966; ЛОМАН И ДР. 2004; ОРАЗБАЕВ 1969; СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007; ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998; УСМАНОВА 1987; ЧИНДИН 1989; ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015; SAS.Planet [úrfotók])

Ж. Н. Токтарбаевой освещена история изучения памятников ранних кочевников Центрально-го Казахстана, в числе которых есть курганы с

«усами». ¹⁴ В публикации нового памятника Кырыкунгир автор У. У. Умиткалиев также относит его к тасмолинской культуре. ¹⁵ Тасмолинская

¹⁴ ТОКТАРБАЕВА 2013.

¹⁵ УМИТКАЛИЕВ 2015, 109.

принадлежность курганов с «усами» кратко отстаивается в работе Л. Н. Ермоленко, Ж. К. Курманкулова, А. Д. Касеновой.¹⁶ В этой статье публикуются новые находки изваяний сакской эпохи. Одно из них обнаружено «возле кургана с «усами» № 2 в северо-западной части могильника Атасу». Другое лежало «возле выкладки, от которой отходит одна из гряд курганов с «усами».¹⁷ На основании датировки изваяний VII–V вв. до н. э. исследователи делают вывод, что факт их нахождения возле курганов с «усами» является доказательством в пользу возведения самих сооружений в раннем железном веке.¹⁸

На фоне дискуссии о тасмолинской или раннесредневековой принадлежности стали появляться первые результаты радиоуглеродного датирования, которые укладывались в раннесредневековую эпоху. Эти данные опубликованы в нескольких статьях С. Г. Боталова и обобщены в недавно вышедшем Атласе «Западный тюркский каганат», где курганы с «усами» помещены в раздел памятников середины – третьей четверти I тыс. н. э.¹⁹

Сторонник раннекочевнической версии А. З. Бейсенов в своих работах констатирует факт совпадения географии курганов с «усами» с ареалом погребальных памятников тасмолинской культуры.²⁰ В то же время автор высказывает мысль о необходимости разработки вопросов хронологии этих памятников по Центральному Казахстану: «настоятельной проблемой для данной категории памятников

является определение их культурно-хронологической принадлежности».²¹ В публикации нового кургана с «усами» Назар, где в малом (собственно, кургане с «усами») был обнаружен кинжал гуннского времени, А. З. Бейсенов по-прежнему допускает возможность впускного характера этой находки, которое, однако, по его словам, требует доказательств. «В другом случае мы в перспективе должны будем констатировать факт некоего «гуннского феномена» в степях Центрального Казахстана.²² Существует также высказанная М. К. Кадырбаевым версия о «длинной» датировке курганов с «усами» – почти в тысячу лет, которую допускает М. К. Хабдулина.²³

Таким образом, вопрос о хронологической принадлежности этих памятников остается открытым. Одной из причин разногласий является неоднозначная трактовка предметного комплекса, который с точки зрения типологии обладает датируемыми возможностями. Сторонники тасмолинской «версии» считают, что предметы I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами», а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались вблизи и на раннекочевнических памятниках. Кроме того, обе стороны констатируют малочисленность хорошо датированных находок. Для решения этой проблемы необходимо, по нашему мнению, еще раз обратиться к вопросам типологии, которые напрямую связаны с культурно-хронологической идентификацией этих памятников.

Типология

В 1966 году М. К. Кадырбаев на основе обобщенного им материала предложил первую типологию курганов с «усами» (рис. 2). В ее основе лежал тезис о целостности всех составных эле-

ментов комплекса, включающий: погребальное сооружение (в большом кургане), поминальное (малый курган) и «усы». Классической разновидностью он считал тип I, в котором различа-

¹⁶ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015.

¹⁷ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015, 26, 29.

¹⁸ Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015, 31.

¹⁹ Боталов 2009а; Боталов 2013, 71; Западный тюркский каганат 2013, 665.

²⁰ Бейсенов 2015, 527.

²¹ Бейсенов 2015б, 28.

²² Бейсенов 2016, 89.

²³ Кадырбаев 1959, 97; Хабдулина 2007, 189.

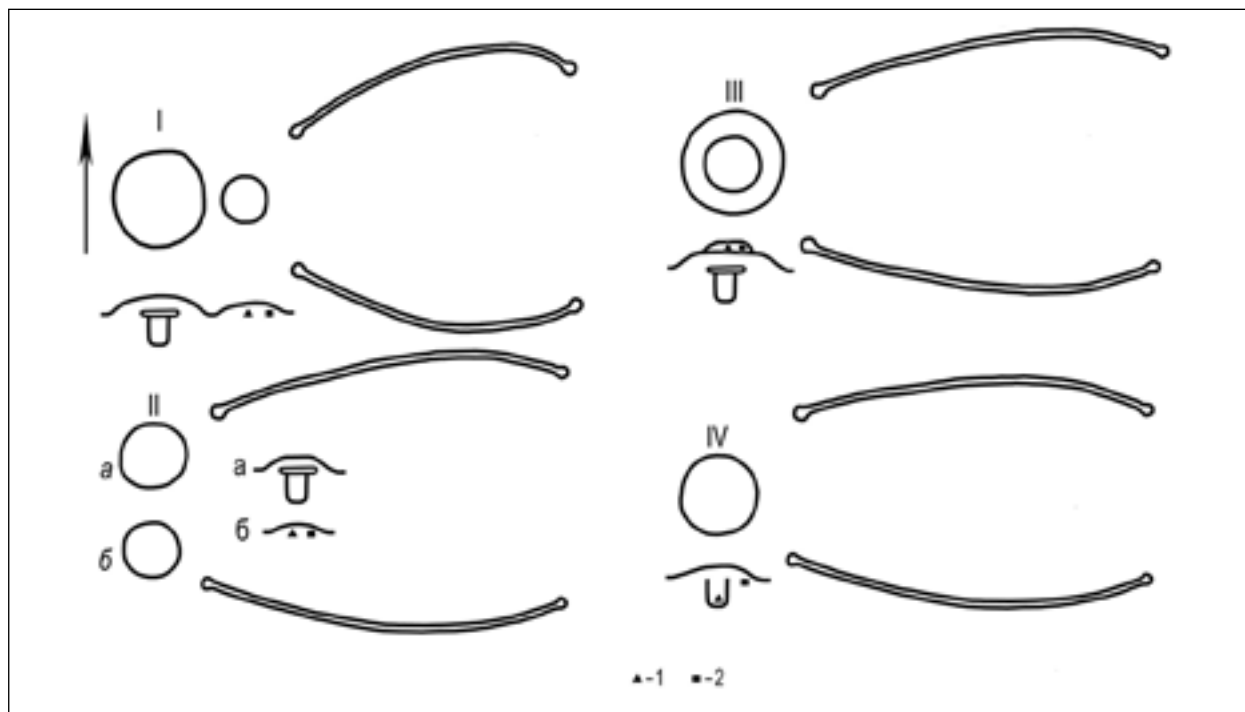

Рис. 2. Типология курганов с «усами» М. К. Кадырбаева
 1: Скелет или отдельные кости лошади; 2: Глиняный сосуд (по МАРГУЛАН и др. 1966)
 2. kép. M. K. Kadirbajev tipológiája a 'bajszos' kurgánokról
 1: Egész lócsontváz vagy szórvány lócsontok; 2: Kerámiaedény (МАРГУЛАН и др. 1966)

ется большой и малый курган, выполняющие функции цельного погребально-поминального комплекса. Остальные типы являются линиями развития типа I. М. К. Кадырбаев подчеркивал, что «рассмотрение в отдельности какого-либо элемента ведет к неверному пониманию комплекса в целом».²⁴ На этом тезисе была основана тасмолинская принадлежность курганов с «усами». Однако дальнейшие исследования и анализ материала показали, что этот комплекс имеет все-таки автономное положение относительно больших погребальных сооружений.

Эту мысль позже выскажет С. С. Сорокин в работе, посвященной околочурганным сооружениям ранних кочевников. В частности, он указал на одновременность поминального и погребального актов в кургане с «усами». В качестве примера он приводит знаменитый комплекс из могильника Тасмола, где погребение сакского

времени является ранним погребальным актом, а сосуд на древней поверхности свидетельствует о более позднем поминальном акте. Причем оба события трактуются исследователем как единокультурные, т. е. не имеющие большого хронологического разрыва между собой.²⁵

Воспользовавшись этим предположением, А. З. Бейсенов скорректировал схему М. К. Кадырбаева: «Недостаточной стороной определения М. К. Кадырбаева являлась неразработанность проблемы, касающейся простой разновидности курганов с каменными грядами, состоящей только из одного центрального сооружения».²⁶ В своей схеме исследователь выделяет три типа, соответствующие планиграфическим особенностям головных курганов (рис. 3). Ведущим типом А. З. Бейсенов обозначил тип 1 – с одной насыпью: «Именно указанная разновидность сооружений является собственно курга-

²⁴ МАРГУЛАН и др. 1966, 309.

²⁵ СОРОКИН 1981, 24–25.

²⁶ БЕЙСЕНОВ 1996, 35.

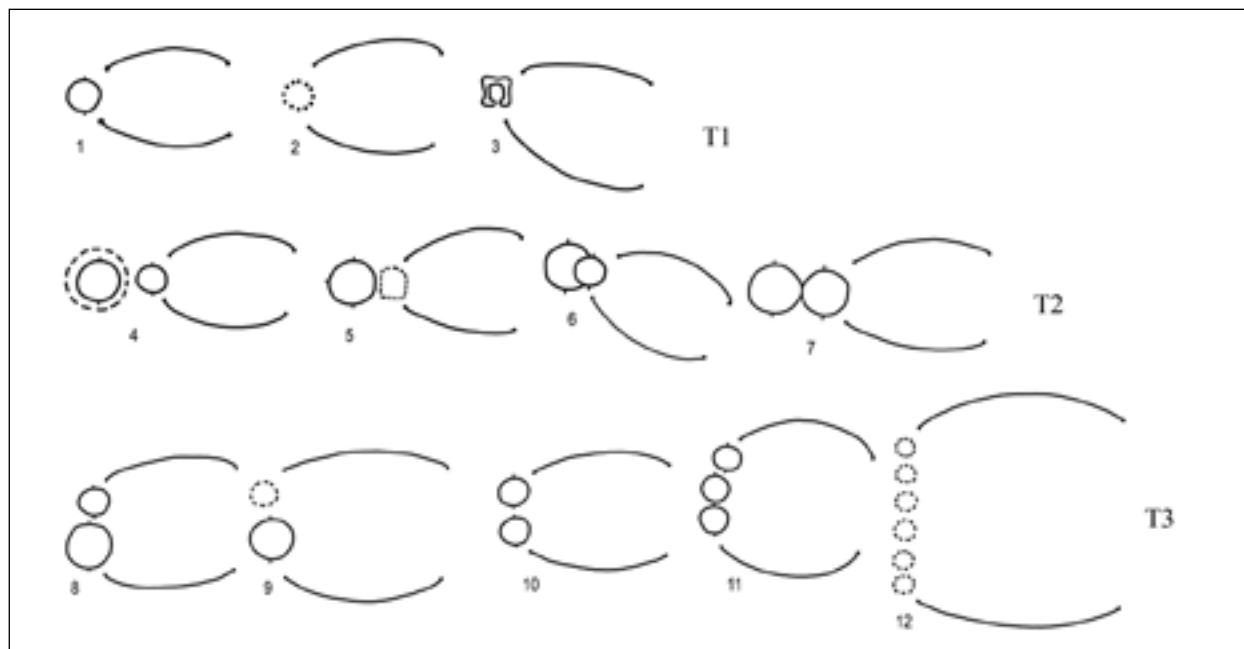

Рис. 3. Типология курганов с «усами» А. З. Бейсенова (по Бейсенов 1996)

3. kép. A. Z. Bejszenov tipológiája a 'bajszos' kurgánokról (Бейсенов 1996)

ном с каменными грядами».²⁷ Тип 1 приобретает форму типа 2, когда пристроен к погребальному сооружению с востока. Тип 3 назван промежуточным между типами 1 и 2.²⁸ Главным позитивным моментом работы А. З. Бейсенова является вывод о том, что определяющим фактором типовых различий является «автономность расположения собственно системы кургана с «усами» или привязка этого комплекса к обыкновенному погребальному сооружению».²⁹ Однако, это не ставило под сомнение тасмолинскую культурную принадлежность курганов с «усами», а все раннесредневековые комплексы определены как впускные.

Отказ от тасмолинской версии позволил южно-уральским исследователям иначе взглянуть на типовые различия. Единодушным стало мнение о существовании ведущих курганов с «усами» только 1 и 3 типов, выделенных

А. З. Бейсеновым. Под сомнение была поставлена реальность типа 2, поскольку эта форма появилась в результате пристройки кургана с «усами» к насыпи более ранней эпохи. Очевидные факты двойной стратиграфии или разнокультурной и одновременной планиграфии проявляются не только для пристроенного комплекса типа 2, но и для ряда памятников с одной насыпью.³⁰

Таким образом, опыт типологии курганов с «усами»³¹ показывает, что главными признаками типовых различий являются планиграфия центрального сооружения, относительная хронология составляющих его элементов и их функции (погребальная, поминальная). С 1990-х гг. единодушным стало мнение о том, что простейшей формой кургана с «усами» является комплекс с одной центральной насыпью.³² Реже встречается разновидность с двумя или более насыпями, сооруженные одновременно. В то же время, осо-

²⁷ Бейсенов 1996, 39.

²⁸ Бейсенов 1996, 40.

²⁹ Бейсенов 1996, 40.

³⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 91.

³¹ Маргулан и др. 1966, 307–309; Бейсенов 1996, 35–40; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 14–21; Боталов 2000, 292; Боталов 2009, 366.

³² Бейсенов 1996, 40; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 20, 21.

бенно в Центральном Казахстане, существовала устойчивая традиция возведения комплекса с «усами» на площадках ранних могильников и их пристройки к ранним сооружениям (тип 2 А. З. Бейсенова). Известны также случаи переиспользования ранних насыпей и включение этой насыпи в ансамбль центрального сооружения.

Эти обстоятельства создавали и до сих пор создают ряд трудностей, влияющих в конечном итоге на культурно-хронологическую интерпретацию курганов с «усами» (в плане продолжающейся дискуссии о тасмолинской или раннесредневековой принадлежности). Таким образом, главной задачей типологии является идентификация всего комплекса кургана с «усами», включающий его обрядовые традиции, и выявление инокультурных элементов.

Основываясь на выводах челябинских исследователей, нам кажется, что типология должна быть основана на двух взаимодополняющих друг друга аспектах. Первый – количество и расположение курганов центрального сооружения. Второй – установление факта участия (или отсутствие такового) ранней насыпи в ансамбле кургана с «усами». Что касается наличия человеческих захоронений, то они, ввиду их исключительности,³³ должны быть рассмотрены индивидуально, с учетом возможности их отнесения как к кургану с «усами», так и к сооружению ранней эпохи. Сам факт погребения не является типобразующим признаком. В предлагаемой схеме планиграфию комплекса обозначают римские цифры, а индексы «а», «б», «в» отражают участие объекта ранней эпохи (рис. 4).

Тип Ia демонстрирует типичную картину жертвенно-поминальных традиций курганов с «усами», главными чертами которых являются каменная архитектура насыпи, отсутствие человеческих погребений, установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки костров, кости животных (как правило,

лошади). Типологическая близость керамики, узкие радиоуглеродные даты (речь о которых пойдет ниже), согласующиеся с типологической датировкой предметного комплекса в пределах V–VII вв., позволяют идентифицировать простейший тип курганов – тип Ia. Именно этот тип следует считать индикатором историко-культурного комплекса курганы с «усами», к чему единогласно пришли исследователи на современном этапе.

Единовременные комплексы с двумя и тремя насыпями составляют типы IIa и IIIa. При том, что подкурганный обряд имеет такой же характер, что и в предыдущем типе, они отличаются количеством насыпей. Особенно показателен исследованный на современном уровне комплекс Солончанка I, который демонстрирует сходство обряда всех трех насыпей, планиграфическую цельность комплекса и отсутствие инокультурного материала.³⁴

Тип Ib и IIb характеризуется тем, что комплексы сооружены на погребальных курганах более ранней эпохи, при этом подкурганный обряд на древнем горизонте совпадает с обычным обрядом курганов с «усами» (Тасмола, Кайнсай, Кара-Бие, Толагай, Карамурун, Большое Чебачье, Джанайдар).³⁵ В качестве показательного примера необходимо отметить комплекс Тасмола (курган 19), который, исходя из описаний раскопок,³⁶ сооружен на насыпи более ранней эпохи, в которой первоначально было совершено раннесакское захоронение. Необходимо сказать, что именно эта группа памятников привлекается сторонниками тасмолинской концепции в качестве эпонимных, определяющих датировку всех курганов с «усами».

Такую же ситуацию, но в более стандартизированной планиграфической форме демонстрирует тип Iv. Весь ансамбль представляет собой большой курган ранней эпохи, к которому с восточной стороны пристроен комплекс с «усами». В целом они приведены и проанализированы

³³ Бейсенов 1996, 39.

³⁴ Любчанский–Таиров 1999.

³⁵ Грязнов 1956, 9–10, рис. 1. 2; Кадырбаев 1958, 96–99, табл. 1–2, рис. 1; Кадырбаев 1959а, 169–173, рис. 7; Маргулан и др. 1966, 355–357, рис. 48–49; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 56–57, рис. 38; Оразбаев 1969.

³⁶ Кадырбаев 1962, 71–77.

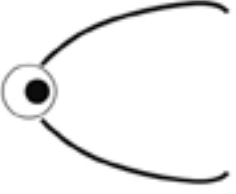

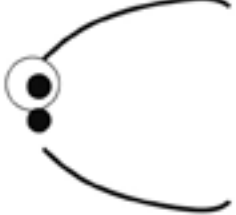

	а	б	в
I			
II			
III	 		

Рис. 4. Типология курганов с «усами». Планиграфия и относительная хронология

4. kép. A 'bajszos' kurgánok tipológiája. Alaprajz és relatív időrend

в монографии южноуральских исследователей.³⁷ Здесь хотелось бы остановиться на новых и недавно введенных материалах двух центрально-казахстанских комплексов – 37 воинов и Назар. Первый в основном исследован еще в 1952.³⁸ Он состоит из кургана с «усами», большого кургана с кольцевой оградой и ряда 37 выкладок с северной стороны (рис. 5. I). Недавно исследования возобновлены А. З. Бейсеновым, который раскопал одну из северных выкладок с дромосной могилой (рис. 5. II).³⁹ Из нее получена радиоуглеродная дата, определяющая вероятное время совершения погребения в пределах VIII–V вв. до н. э. Известен также сосуд, относящийся к комплексу с «усами», точная локализация которого, судя по первой публикации М. К. Кадырбаева, не ясна (рис. 5. III).⁴⁰ Сам сосуд имеет типологическое сходство с керамическим материалом других курганов с «усами»⁴¹ и не имеет аналогов в более раннее время. Вполне вероятно, что кольцевая ограда большого кургана была разобрана и на этом месте сооружен головной курган комплекса с «усами». То есть, имеющиеся данные позволяют говорить, как минимум, о двух хронологических горизонтах. К наиболее раннему следует относить цепочку северных выкладок (или часть выкладок) и большой курган. Ко второму – курган с «усами» и керамический сосуд.

В комплексе Назар также прекрасно прослеживается факт одновременной и разнокультурной ситуации. Он состоит из большого (раннего) кургана, окруженного кольцевой каменной оградкой. Разрыв кольцевой оградки фиксируется в восточной части – там, где помещен малый курган с «усами». На общем плане до раскопок малый курган немного перекрывает восточную полу насыпи большого кургана, что указывает на относительную последовательность этих сооружений.⁴² В малом кургане, на древней поверх-

ности обнаружена донная часть лепного сосуда и кинжал, тяготеющий к гуннскому времени IV–V вв. н. э. В большом кургане открыто дромосное погребальное сооружение, отнесенное к раннесакскому периоду VIII–VI вв. до н. э.⁴³ Еще два кургана того же времени (Назар-2) находились в 3 км к востоку. Их ранняя дата подтверждается наличием аналогичных дромосных конструкций, бронзовым наконечником стрелы и радиоуглеродными датами.⁴⁴ Но в насыпь одного из этих курганов было впущено погребение V в. с мечом и колчаном из железных ромбических наконечников стрел.⁴⁵ Таким образом, здесь довольно уверенно прослеживается раннесакский горизонт, в рамках которого оставлены все большие курганы с дромосными погребениями. И поздний – впускное погребение V в. и курган с «усами».

Обсуждая специфическую особенность подтипов «б» и «в», т. е. разновременных, необходимо еще раз подчеркнуть, что курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую были пристроены с восточной стороны. При этом, надо полагать, насыпь ранней эпохи входила в архитектурный ансамбль средневекового кургана с «усами», что, в конечном счете, повлияло на неверную культурно-хронологическую идентификацию памятников. Эта традиция имеет региональную особенность и хорошо проявляется в Центральном и Восточном Казахстане. Менее заметна эта традиция в западных районах – Тургай и Зауралье, где курганы с «усами» в большинстве случаев имеют автономную локализацию.

Таким образом, все типы курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими признаками, которые заключались в одноразовом наземном

³⁷ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 76–91.

³⁸ Кадырбаев 1958, 99.

³⁹ Бейсенов 2015а.

⁴⁰ Кадырбаев 1958, 99.

⁴¹ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 122, 125–127, рис. 68, 7–13.

⁴² Бейсенов 2016, 85, 90, 91, рис. 2–3.

⁴³ Бейсенов 2016, 86, 88.

⁴⁴ Бейсенов 2016, 87, табл. 3.

⁴⁵ Бейсенов–Китов 2013; Бейсенов 2016, 86.

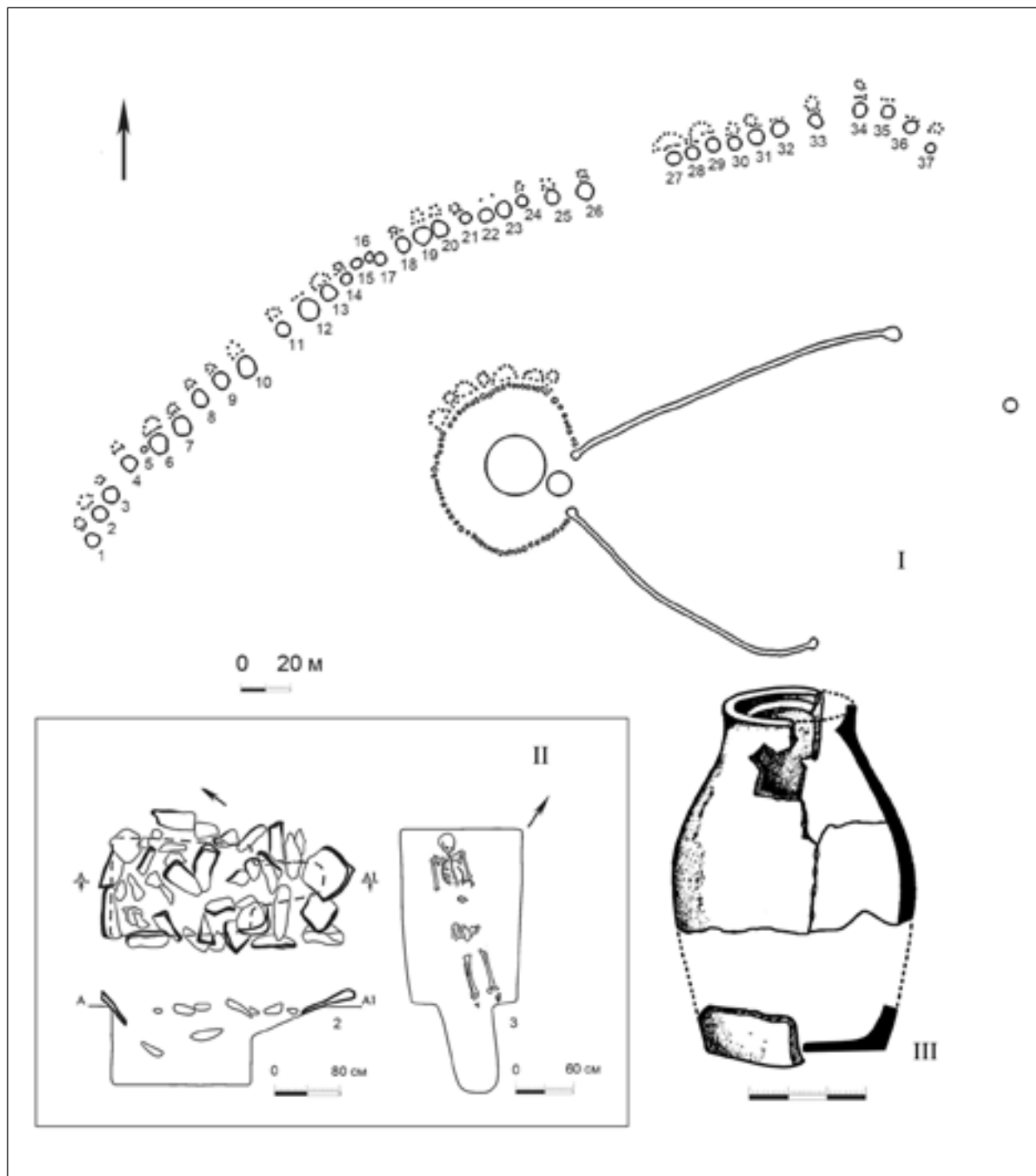

Рис. 5. Курган с «усами» 37 воинов (Корпетай). I: Общий план ансамбля; II: Могильная яма из кургана 11; III: Сосуд из кургана с «усами» (по Бейсенов 2015б; Кадырбаев 1958)

5. kép. 'Bajszos' kurgán 37 harcos sírjával (Korpetaj). I: a leletegyüttes áttekintő térképe; II: A 11. kurgán sírgödre; III: Kerámialelet a 'bajszos' kurgánból (Бейсенов 2015б; Кадырбаев 1958)

жертвенно-поминальным акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения (Канаттас, Зевакино).

Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями.

ХРОНОЛОГИЯ

Неоднозначная трактовка предметного комплекса, а также его малое количество привело к неоднозначному пониманию культурной и хронологической принадлежности курганов с «усами». Поэтому привлечение иных способов установления хронологии, прежде всего радиоуглеродного датирования, для этой категории памятников особенно актуально. База по радиоуглеродной хронологии (по Южному Зауралью) начала формироваться в последнее десятилетие⁴⁶ и на сегодняшний день насчитывает семь

дат, происходящих из шести памятников: Городищенское IX, Суходол, Сарбулат, Рымникский, Кайнсай, Селенташ (*табл. 1*).

Одним из критериев отбора стало использование материала из центральной насыпи комплекса, а в одном случае уголь получен с площадки западного окончания северной гряды комплекса Городищенский IX. Судя по планиграфии и материалам раскопок, выбранные объекты напрямую указывают на время строительства комплексов курган с «усами» (*рис. 6*).

Таблица 1. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами»
1. táblázat. A 'bajszos' kurgánok radiokarbonos kronológiája

Памятник	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенцион. дата	Калиброванная дата	
					68,20%	95,40%
Сарбулат	курган 2	Ki-15634	керамика	1540±80	420–590AD (68.2%)	350–660AD (95.4%)
Суходол	курган 5	Le-8303	кость	1550±100	410–610AD (68.2%)	250–300AD (2.5%) 320–670AD (92.9%)
Кайнсай	курган 14	Ki-15635	керамика	1470±80	430–450AD (2.7%)	400–690AD (95.4%)
					470–490AD (4.2%)	
					530–660AD (61.2%)	
Городищенское IX	курган 1Б	SPb-535	уголь	1460±50	560–645AD (68.2%)	430–490AD (6.8%) 530–670AD (88.6%)
Рымникский		SPb-957	кость	1560±65	420–560AD (68.2%)	380–640AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	Ki-17075	керамика	1760±150	80–420AD (68.2%)	100BC – 650AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	SPb-958	керамика	1530±30	430–490AD (30.8%)	420–600AD (95.4%)
					530–580AD (37.4%)	
		комбинированная дата		1539±29	430–490AD (41.7%) 530–570AD (26.5%)	420–590AD (95.4%)

* вычислена комбинированная дата

Sum All

68.2% probability

420AD (26.4%) 500AD

510AD (41.8%) 620AD

95.4% probability

380AD (95.4%) 670AD

⁴⁶ Боталов 2009а; Боталов 2013, 71; Западный тюркский каганат 2013, 665; Грудочко–Епимахов 2015.

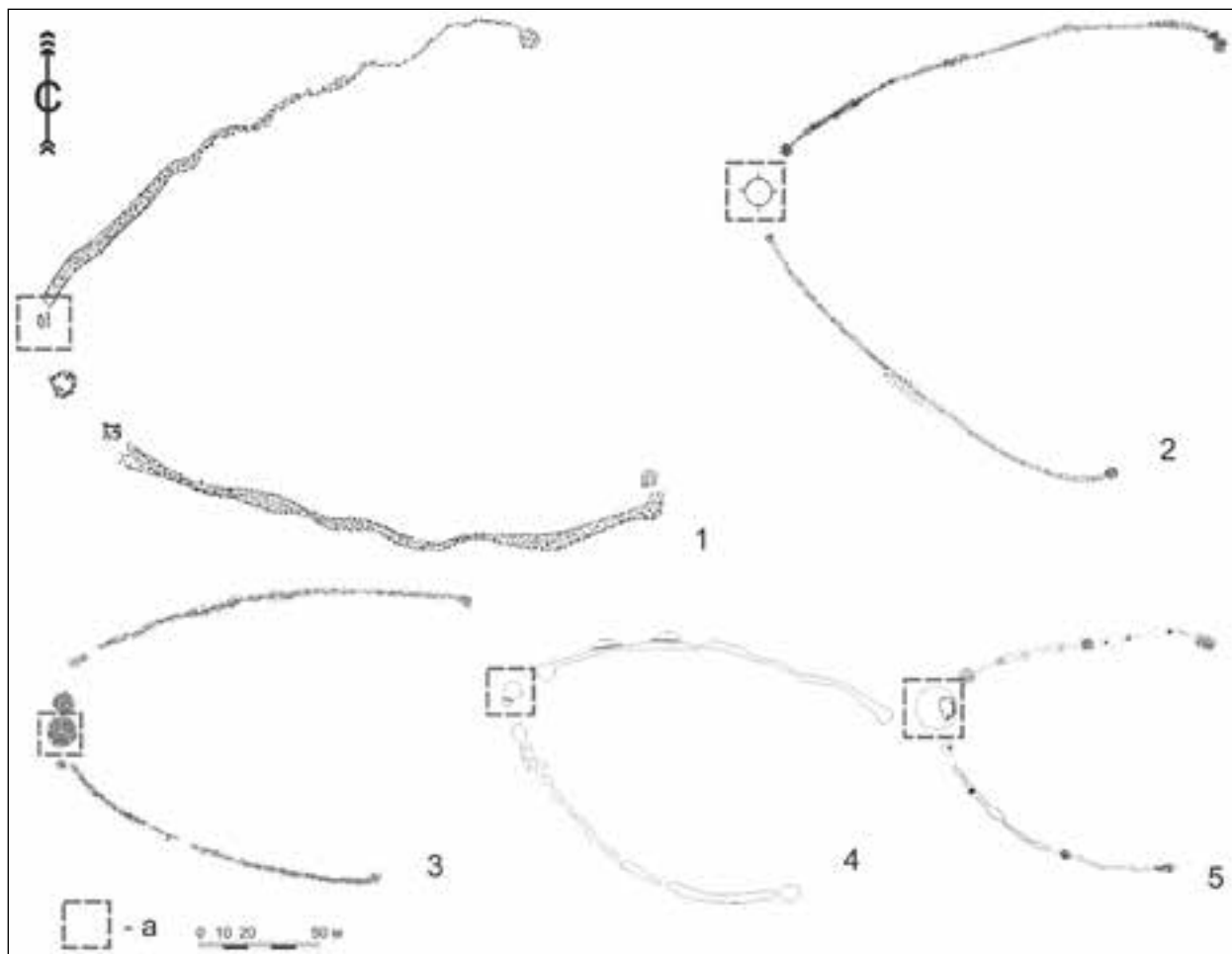

Рис. 6. Курганы с «усами» Южного Урала, датированные радиоуглеродным методом. а: объекты, из которых получены пробы. 1: Городищенское IX; 2: Суходол, курган 5; 3: Сарбулат-1; 4: Рымникский; 5: Кайнсай, курган 14.

6. kép. Radiokarbonos keltezéssel datált dél-uráli 'bajszos' kurgánok. а: Objektumok, amelyekből mintát vettek. 1: Gorogyscsenszkoje IX; 2: Szuhodol 5. kurgán; 3: Szarbulat-1; 4: Rimnyikszkij; 5: Kajnszaj, 14. kurgán

Суммирование вероятностей формирует следующие интервалы. При вероятности 68.2% – 420–620 гг. н.э. (с разрывом), при вероятности 95.4% – 380–670 гг. н.э. Причиной достаточно широких хронологических рамок является особенность калибровочной кривой (так называемое «плато») на участке около 1500BP. Вместе с тем, второй вариант интервала позволяет утверждать с высокой (95.4%) степенью достоверности, что интересующие нас события произошли в промежутке от последних десятилетий IV в. н.э. до второй половины VII в. н.э.⁴⁷

Несколько комплексов дают возможность сравнить данные радиоуглеродного датирования с составом инвентаря. Железные наконечники стрел с ромбической формой боевой головки из центральной насыпи комплекса Городищенский IX датируются не ранее V в. н. э. Причем наличие плоского наконечника указывает на круг аналогий шиповского горизонта,⁴⁸ и, очевидно, позволяет говорить о второй половине V–VI вв. н.э. Время сооружения начала северной гряды по результатам радиоуглеродного анализа соответствует этому значению и исключает более раннюю датировку.

⁴⁷ Грудочко–Епимахов 2015, 536.

⁴⁸ Засецкая 1994, 184, 186–187.

Дата комплекса Кайнсай определена в интервале V–VII вв., а наличие кушнаренковской керамики позволяет сузить нижнюю дату до середины VI в. (подробнее о кушнаренковской керамике будет сказано ниже).

Комплекс Селенташ первоначально был определен в категорию селенташского типа памятников, затем, в 2009 году по аэрофотоснимкам 1976 года на могильнике были зафиксированы два «уса», уничтоженные ко времени раскопок 1988 года. Обнаруженные гряды предлагалось относить к курганам 5 и 6⁴⁹, которые, по работам С. Г. Боталова, задавали основные признаки селенташского типа памятников и связаны, в свою очередь, с традициями курганов с «усами».⁵⁰ После знакомства с отчетом и сравнения аэрофото- и космоснимков необходимо констатировать, что гряды расположены примерно в 130 м к западу от интересующих нас объектов.⁵¹ Впрочем, не исключается существование когда-то «усов» и на курганах 5 и 6, поскольку ко времени осуществления аэрофотосъемки площадка памятника уже была распахана.⁵² Основные признаки этого сооружения хорошо соотносятся с обычными курганами с «усами»: отсутствие погребений, близкое расположение двух насыпей по линии север-юг, наличие вкопанных сосудов в каждой насыпи. К тому же, в 6,5 км к востоку, на том же берегу находится упомянутый могильник Кайнсай, а на другом берегу реки, в 600 м к югу, расположен могильник Крутой Овраг⁵³, тоже содержащий несколько селенташских комплексов и сильно поврежденный распашкой.

Для Селенташа проба ¹⁴C получена с южного кургана 6,⁵⁴ а в северном кургане 5 находилось два сосуда, один из которых кушнаренковский, определяющий датировку не ранее середины VI в.

Кушнаренковская керамика из курганов с «усами» (рис. 7) позволяет выделить более дробные хронологические рамки. Наиболее раннюю позицию занимает фрагмент из северного кургана 5 комплекса Селенташ. Наличие ряда оттисков штампа в виде полулунниц («гусеничек») между резными горизонтальными линиями, а также слегка расширяющаяся кверху прямая шейка имеет признаки первого этапа кушнаренковской керамики (по Е. П. Казакову). Фрагмент из Кайнсая характеризуется отсутствием полулунного штампа, наличием горизонтальных линий и двойного зигзага в нижней части орнамента и отогнутой наружу шейкой, т. е. признаками второго (маняжского) этапа кушнаренковской керамики (по Е. П. Казакову). Абсолютные рамки раннего этапа определяются Е. П. Казаковым второй половиной VI – первой третью VII вв. а второго – второй третью VII–VIII вв.⁵⁵ Г. И. Матвеева удревняет нижнюю границу до начала VI в., распределяя два этапа на VI и VII вв., кушнаренковский и маняжский соответственно.⁵⁶ Основной круг аналогий раннего этапа представлен в погребениях Бирского могильника (№№ 78, 104, 107, 165, 176, 195), наиболее древним из которых является № 78 с хоботковидной пряжкой, серьгой харинского типа и № 107 с аналогичной пряжкой.⁵⁷ В № 165 Бирска и во II Береговском кургане похожая керамика сочеталась с шиповской и раннегеральдической гарнитурой,⁵⁸ в связи с чем первый этап должен быть датирован преимущественно VI в. и, по-видимому, доходить до начала VII в. Керамика второго этапа происходит из погребений Маняжского могильника (раскоп I, погр. 22; раскоп II, погр. 9), Новотурбаслинского (курган 10, п. 1), Кушнаренковского (погр. 9), которые по геральдическим деталям датируются VII в.⁵⁹

⁴⁹ Боталов 2009а, 128.

⁵⁰ Боталов 1996; Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 102–109; Боталов 2009, 395–409, 472–473.

⁵¹ Боталов 1989.

⁵² Для уточнения данного факта необходим повторный осмотр площадки памятника, запланированный во время подготовки настоящей статьи.

⁵³ Боталов 1996, 148–150.

⁵⁴ Приведена нумерация курганов по отчету об археологических исследованиях (Боталов 1989).

⁵⁵ Казаков 2013, 174.

⁵⁶ Матвеева 2007, 76–77.

⁵⁷ Матвеева 2007, 76.

⁵⁸ Мажитов 1968, 124, табл. 5. 24, 25, 30, 34; Горбунов 1984, 57, рис. 2.

⁵⁹ Матвеева 2007, 76, 82, рис. 3; Мажитов 1981, 10, 14, рис. 4. 11–19, рис. 6. 16, 17.

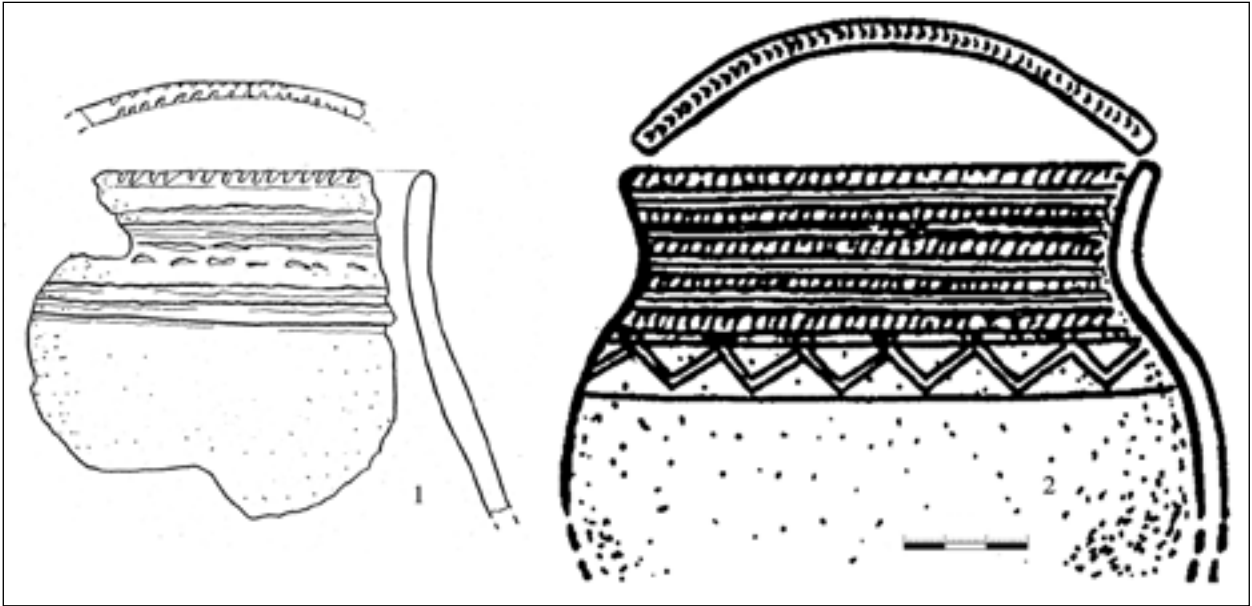

Рис. 7. Керамика кушнаренковского типа из курганов с «усами» Южного Зауралья. 1: Селенташ, курган 5; 2: Кайнсая, курган 14 (по Боталов 1989; Боталов–Таиров–Любчанский 2006)

7. kép. Kusnarenkovói típusú kerámia az urálintúli 'bajszos' kurgánokból. 1: Szelentas, 5. kurgán; 2: Kajnszaj, 14. kurgán (Боталов 1989; Боталов–Таиров–Любчанский 2006)

Таким образом, предпочтительная дата селенташского образца (рис. 7. 1) может быть очерчена VI в., в том числе на основании данных ^{14}C с верхней границей до 590 г. (95,4%). Керамика из Кайнсая (рис. 7. 2) на основании типологического сходства с манянской группой может быть помещена в рамки VII в., чему не противоречит радиоуглеродное значение (1470 ± 80).

Комплексы Суходол и Сарбулат,⁶⁰ демонстрирующие типичный для большинства курганов с «усами» обряд – установка сосуда в северо-восточном секторе, кости животных, наличие кострища (в Сарбулате), при отсутствии датированного инвентаря, имеют близкие радиоуглеродные даты, не противоречащие общей колонке радиоуглеродных значений.

Такую же хронологическую позицию занимает комплекс Рымникский. К сожалению, курган вовсе не содержал никаких вещей, но в архитектуре имеет такую редкую деталь как грунтовые гряды, что позволяет нам обратить-

ся к Солончанке I, содержащий в центральных насыпях (южном и северном кургане) богатый инвентарь (пряжки, украшения, наконечники стрел и др.), определяющий общую датировку в пределах V в. н. э. Наличие такой функциональной детали как пряжки с хоботковидным язычком (рис. 8. 2–4) достоверно предшествуют шиповскому горизонту, ограничиваясь в своей верхней дате не позднее второй половины V в. Уздечное украшение из северного кургана (рис. 8. 5) соотносится с новогригорьевским и занимает относительно позднюю позицию,⁶¹ так же, как и овалы украшения (рис. 8. 7–8), аналогичные деталям кинжала из погребения Борового в Северном Казахстане.⁶² Последние имеют азиатское происхождение, а дата боровского комплекса определяется V – началом VI в.⁶³ По нашему мнению, нижняя дата последнего должна быть ограничена примерно серединой V в. Колчаный набор, основу которого составляют ромбические трехлопастные железные на-

⁶⁰ Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 39, 40, 59–62; Боталов 2009а, 131, 133, рис. 2–3.

⁶¹ Засецкая 1994, 162, 165; Любчанский–Таиров 1999, 29.

⁶² Бернштам 1951, 219.

⁶³ Засецкая и др. 2007, 89, 90.

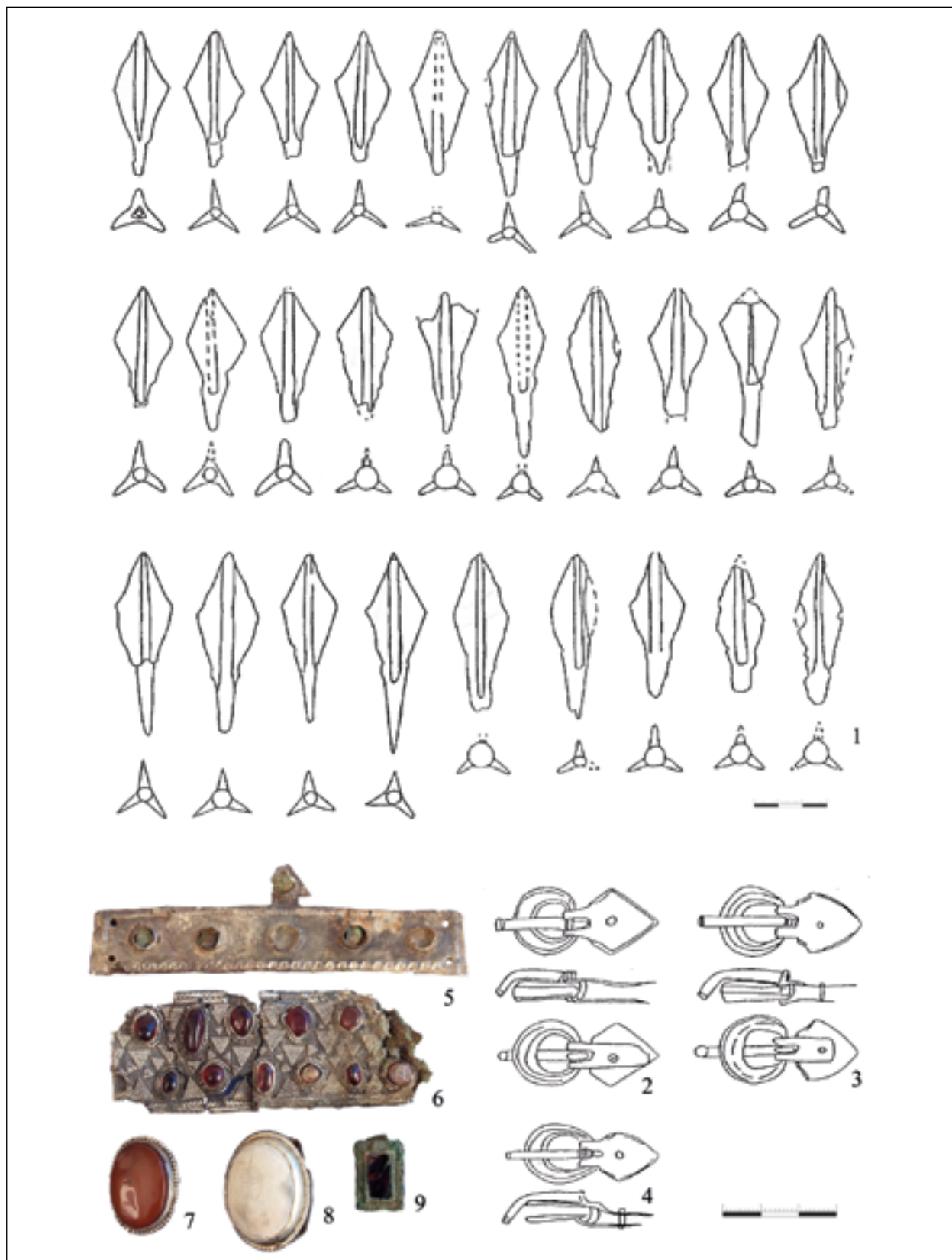

Рис. 8. Предметный комплекс кургана с «усами» Солончанка I. 1: Наконечники стрел; 2–4: пряжки; 5–9: Украшения (по Любчанский–Тайров 1999; фото: С. М. Арканов)

8. kép. A Szoloncsanka I. 'bajzos' kurgán mellékletei. 1: Nyílhegyek; 2–4: Csatok; 5–9: Díszítmények (Любчанский–Тайров 1999; фото: Sz. M. Arkanov)

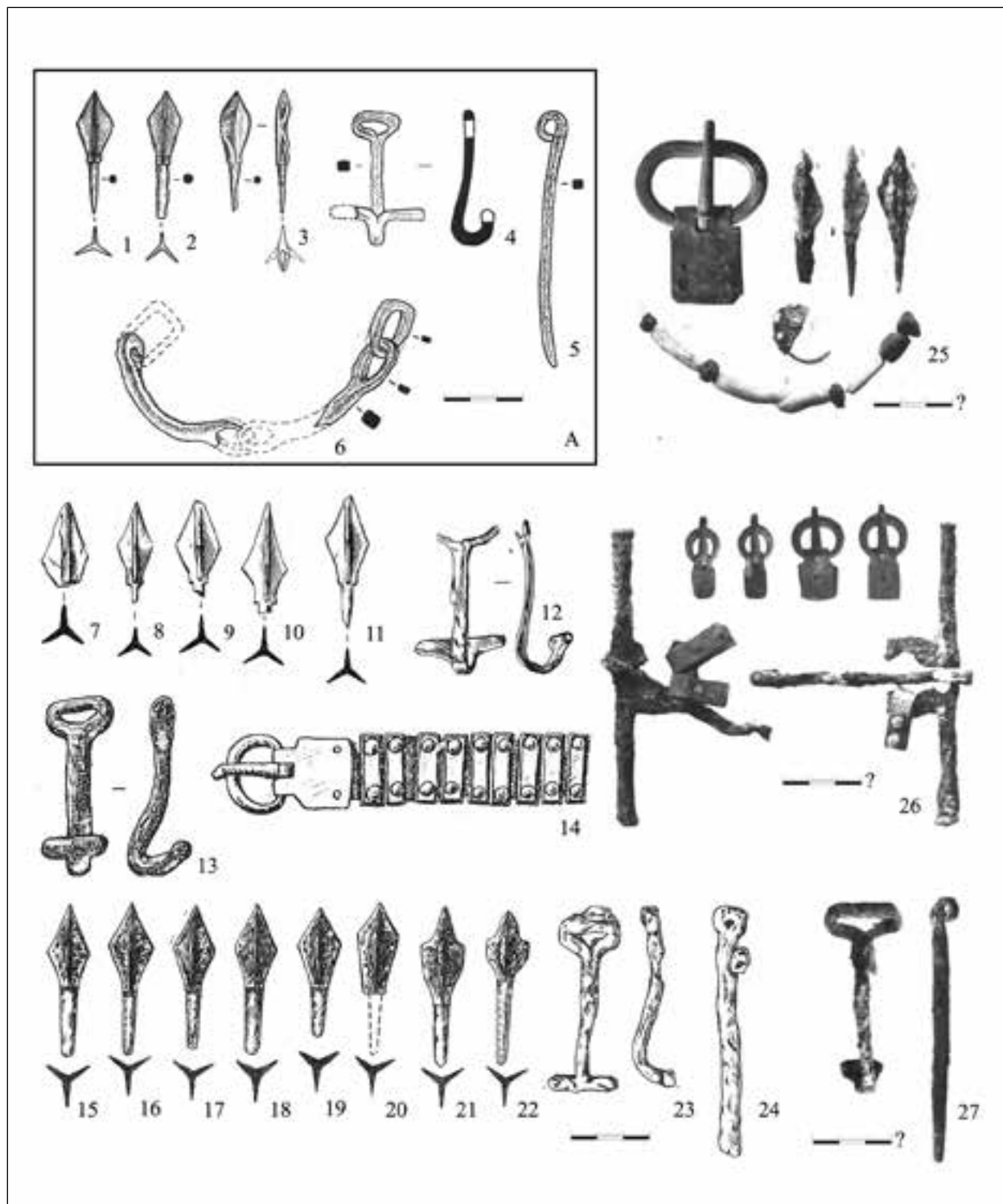

Рис. 9. Предметный комплекс кургана с «усами» Султантемировский (А) и его аналогии. 1–6: Султантемировский; 7–12: Новогригорьевка; 13–14: Кубей; 15–24: Кызыл-Адыр; 25–27: Мертвые Соли (по СУНГАТОВ 2003; ЗАСЕЦКАЯ 1994; НЕФЕДОВ 1899)

9. kép. A szultantyemirovszkiji 'bajszos' kurgán mellékletei (A) és azok párhuzamai. 1–6: Szultantyemirovszkij; 7–12: Novogrigorjevka; 13–14: Kubej; 15–24: Kizil-Adir; 25–27: Mjortvije Szoli (СУНГАТОВ 2003; ЗАСЕЦКАЯ 1994; НЕФЕДОВ 1899)

конечники (рис. 8. 1), оформляется не ранее V в. и имеет аналогии в ряде памятников гуннской эпохи⁶⁴ и джетысарских погребениях конца V – первой половины VI в.⁶⁵ Таким образом, дата Солончанки I в целом может быть помещена в рамки V в., с вероятным уточнением до второй четверти V в.⁶⁶

Довольно определенную позицию занимает предметный комплекс из памятника Султантемировский. В составе колчанного набора присутствовали аналогичные солончанским ромбические наконечники стрел (21 экз.) (рис. 9. 1–3), а также железный колчаный крюк и стержень с загнутым концом (рис. 9. 4, 5).⁶⁷ Колчанные крюки с поперечной планкой получил развитие в V в. и в сочетании с ромбическими наконечниками прослеживается по серии памятников того же времени (рис. 9).⁶⁸ Необходимо отметить, что в приуральских Мертвых Солях и Кызыл-Адыре такие крюки сочетается с другим функциональным предметом – железным стержнем (рис. 9. 23–27).⁶⁹ Ранее V в. крюки с поперечной планкой и ромбические трехлопастные наконечники стрел

в урало-казахстанских степях и западней не встречаются, зато хорошо представлены в булан-кобинских комплексах Алтая, в Туве, Забайкалье в первой половине I тыс. н. э.⁷⁰ Исчезновение поперечной планки фиксируется уже на кызыл-ташском (и, по-видимому, на кудыргинском) этапе⁷¹ и впоследствии вовсе исчезает, что наблюдается, например, в памятниках Среднего Поволжья VII–VIII вв.⁷²

Таким образом, данные радиоуглеродной хронологии, а также предметный комплекс южноуральских курганов с «усами» (Городищенское IX, Кайнсай, Селенташ, Солончанка I, Султантемировский) позволяют очертить период их сооружения временем от последних десятилетий IV до второй половины VII вв. н. э. Ряд предметов отражает определенные новации в материальной культуре и военном деле. По-видимому, появление курганов с «усами» связано с продвижением нового населения из восточных территорий, освоившее урало-казахстанские степи предварительно с конца IV – начала V вв. н. э. Дальнейшие исследования, возможно, позволят скорректировать и уточнить предложенные рамки.

⁶⁴ ЗАСЕЦКАЯ 1994, 163, 165, 181, 183, 184, 186, 187, 188, 190.

⁶⁵ ЛЕВИНА 1996, 199, 287, рис. 92. 19, 21, 35, 37, 44, 46, 47, 50, 51, 56–68, 9, 163–166, рис. 28.

⁶⁶ КОМАР 2013, 105.

⁶⁷ СУНГАТОВ 2003, 217, 223, рис. 5.

⁶⁸ ЗАСЕЦКАЯ 1994, 165, 188, 192.

⁶⁹ НЕФЕДОВ 1899, 29; ЗАСЕЦКАЯ 1994, 188.

⁷⁰ ТИШКИН–МАТРЕНИН 2012, 131, 132.

⁷¹ ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011, 25, рис. 4.

⁷² БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998, 119–120, рис. 26. 20–25.

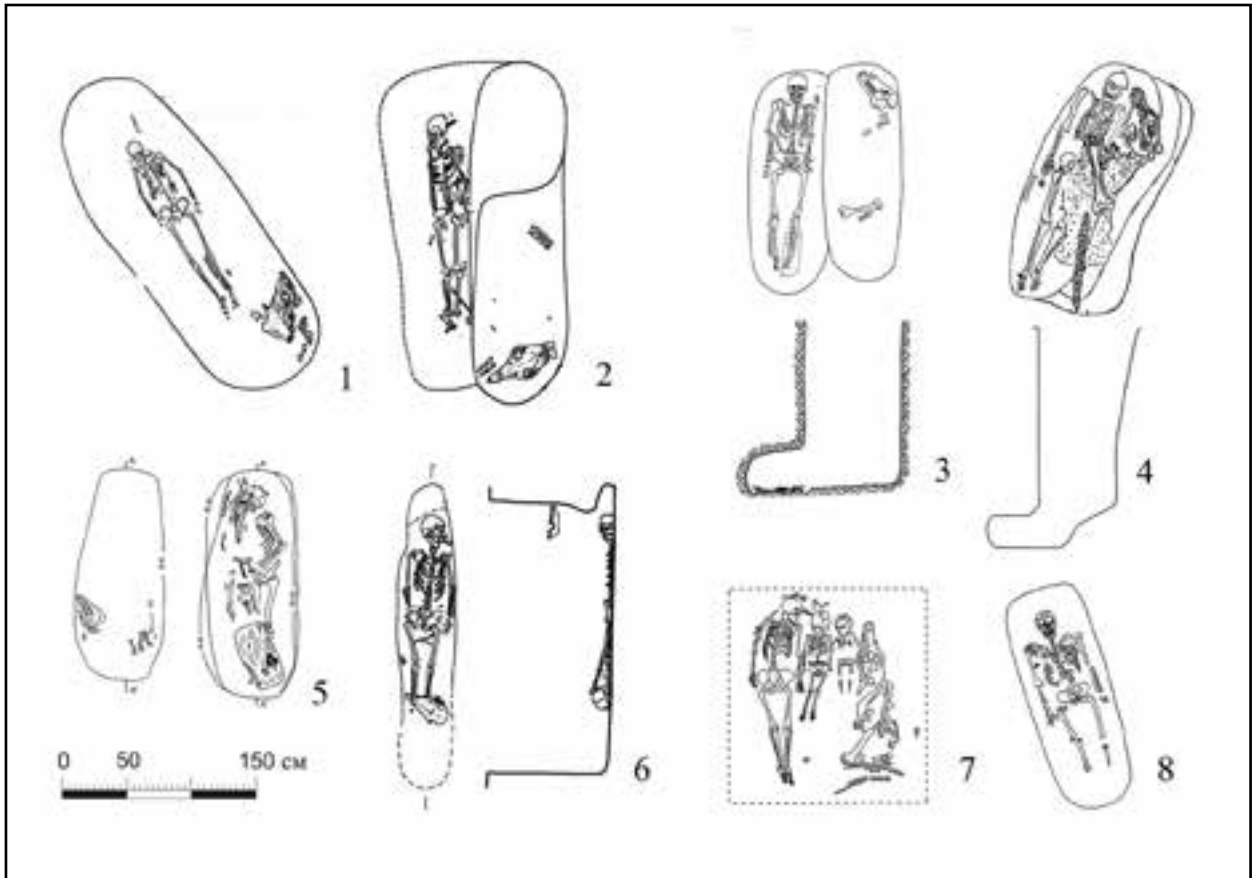
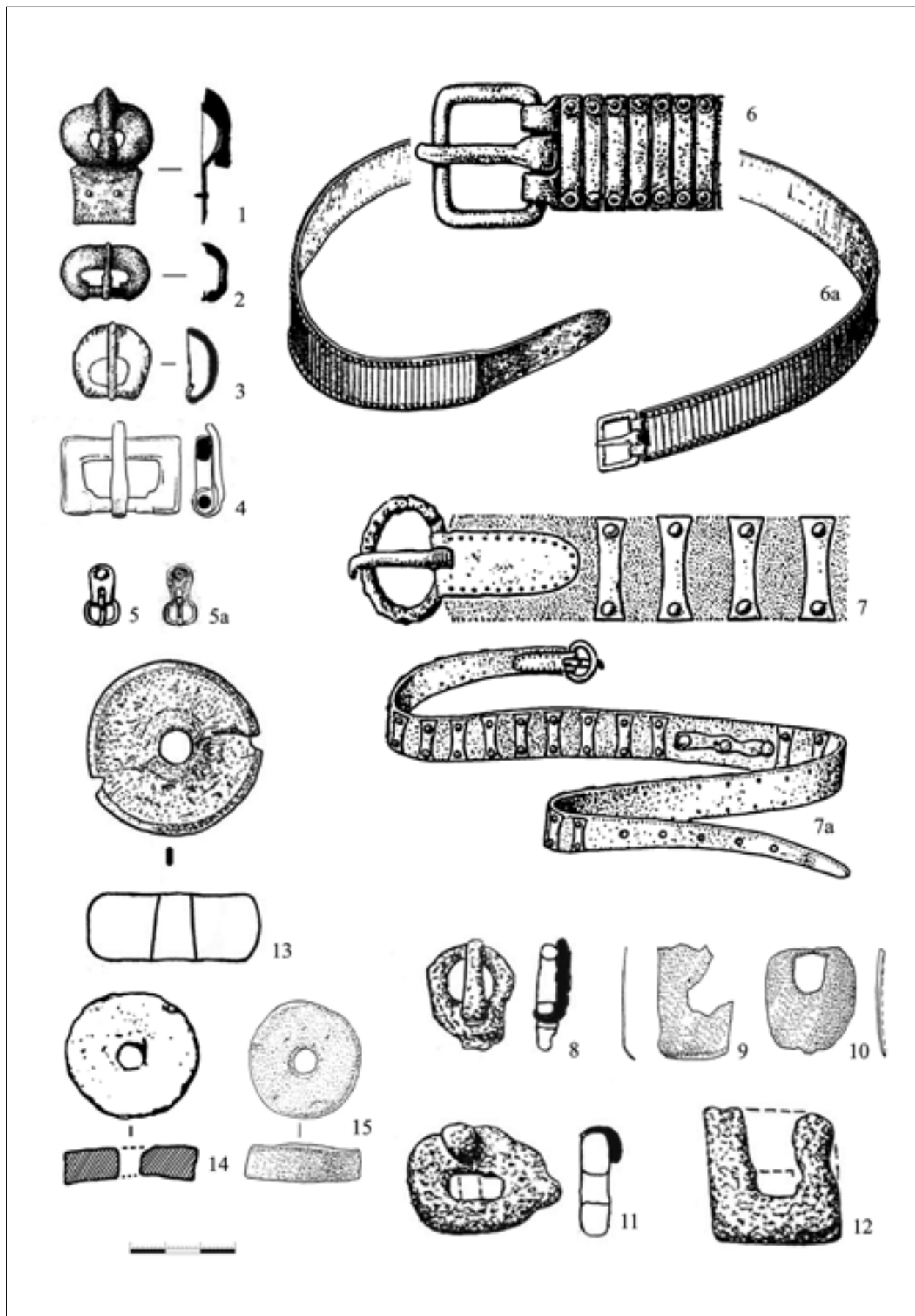

Рис. 10. Погребальные памятники V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Каменный Амбар, курган 5; 2: Каменный Амбар, курган 6; 3: Енбекшил, курган 2; 4: Городищенское IX курган 5; 5: Халвай; 6: Аркаим; 7: Канаттас, курган 19; 8: Назар (по Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Костюков 1995; Шевнина–Логвин 2015)

10. kép. 5–6. századi temetkezések az uráli és kazah sztyeppről. 1: Kamennij Ambar, 5. kurgán; 2: Kamennij Ambar, 6. kurgán; 3: Jenbeksil, 2. kurgán; 4: Gorogyiscsenszkoje IX. 5. kurgán; 5: Halvaj; 6: Arkaim; 7: Kanattasz, 19. kurgán; 8: Nazar (Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Костюков 1995; Шевнина–Логвин 2015)

Рис. 11. Инвентарь из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1, 2: Каменный Амбар, курган 6; 3, 8, 11, 12: Аркаим; 5, 6, 14: Канаттас, курган 19; 7: Зевакино, курган 1; 13: Городищенское IX, курган 5; 9, 10, 15: Енбекшил, курган 2; 5/5а: варианты прорисовок пряжки из кургана 19 могильника Канаттас; 6а: реконструкция пояса (Канаттас, курган 19); 7а: реконструкция пояса (Зевакино, курган 1) (по Bóna 1991; Археологическая карта Казахстана 1960; Бейсенов–Веселовская 2013; Бернштам 1951; Боталов 2009; Кадырбаев 1959а)

11. kép. 5–6. századi temetkezések mellékletei az uráli és kazah sztyeppről. 1, 2: Kamennij Ambar, 6. kurgán; 3, 8, 11, 12: Arkaim; 5, 6, 14: Kanattasz, 19. kurgán; 7: Zevakino, 1. kurgán; 13: Gorogyiscsenszkoje IX, 5. kurgán; 9, 10, 15: Jenbeksil, 2. kurgán; 5/5a: A kanattaszi 19. kurgánból előkerült csatról készült rajzvázlatok; 6a: A kanattaszi 19. kurgánból előkerült öv rekonstrukciója; 7a: A zevakinói 1. kurgánból előkerült öv rekonstrukciója (Bóna 1991; Археологическая карта Казахстана 1960; Бейсенов–Веселовская 2013; Бернштам 1951; Боталов 2009; Кадырбаев 1959б)

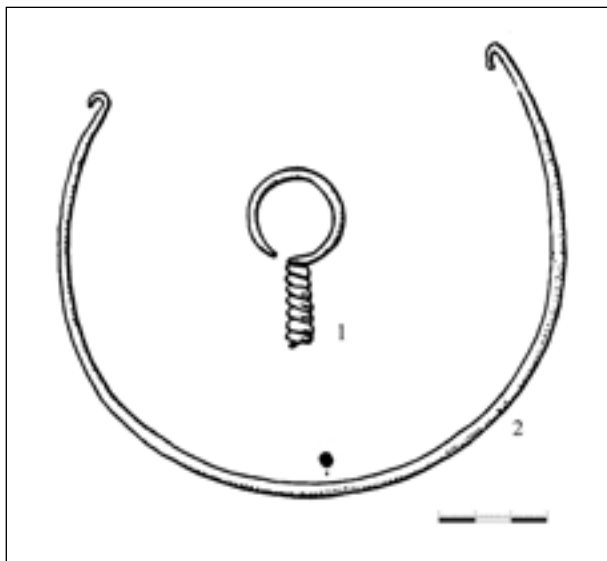

Рис. 12. Украшения из Зевакино (курган 1).
1. Серьга; 2. Гривна (по BONA 1991; Арсланова 1975)

12. kép. Ékszerek a zevakinói 1. kurgánból.
1: Fülbevaló; 2: Torques (BONA 1991; Арсланова 1975)

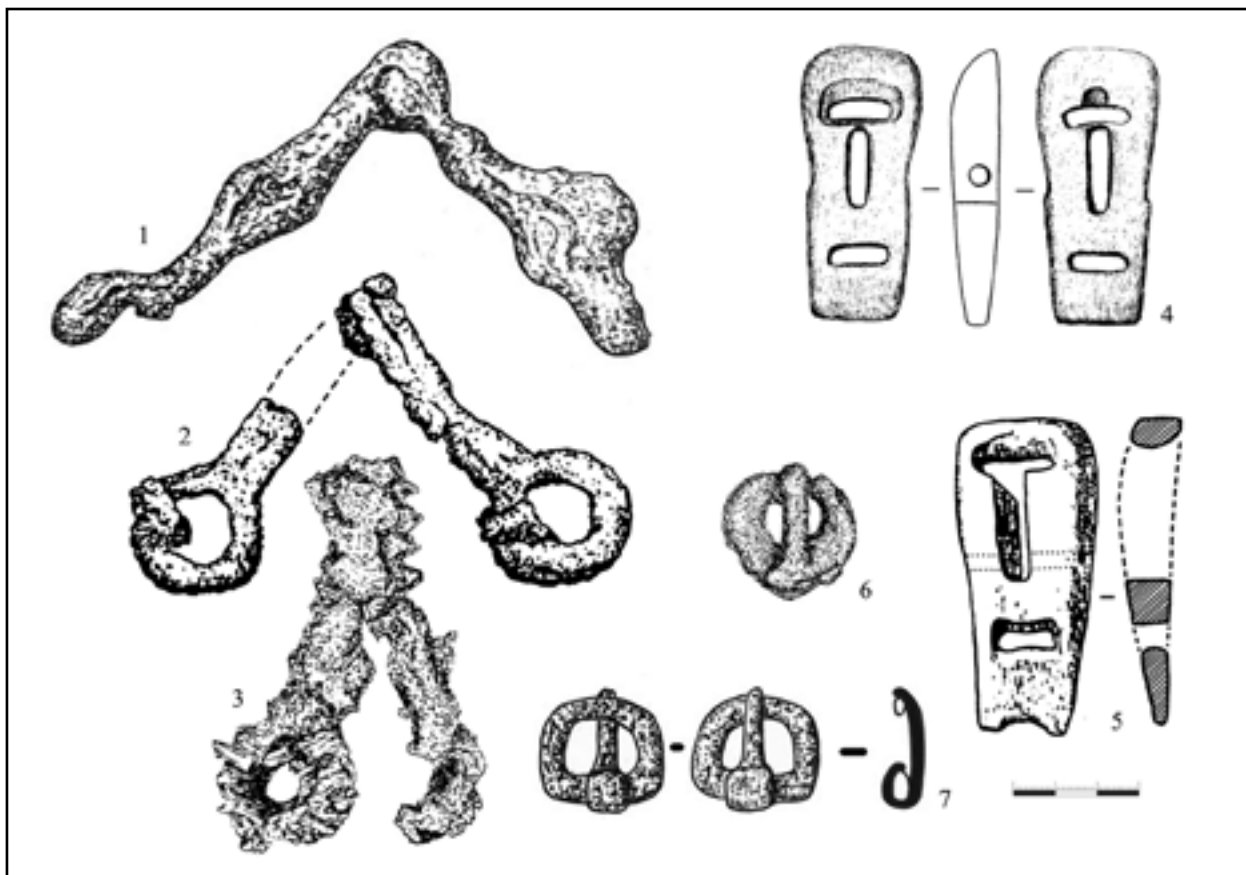

Рис. 13. Предметы конской упряжи из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Аркаим;
2, 5: Канатмас (курган 19); 3, 4, 6: Халвай; 7: Городищенское IX (курган 5)
(по Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Шевнина–Логвин 2015)

13. kép. 5–6. századi temetkezésekből származó lószerszámok az uráli és kazah sztyeppről. 1: Arkaim; 2, 5: Kanattasz
19. kurgán; 3, 4, 6: Halvaj; 7: Gorogyiscsenszkoje IX. 5. kurgán (Боталов 2009; Кадырбаев 1959а; Шевнина–Логвин 2015)

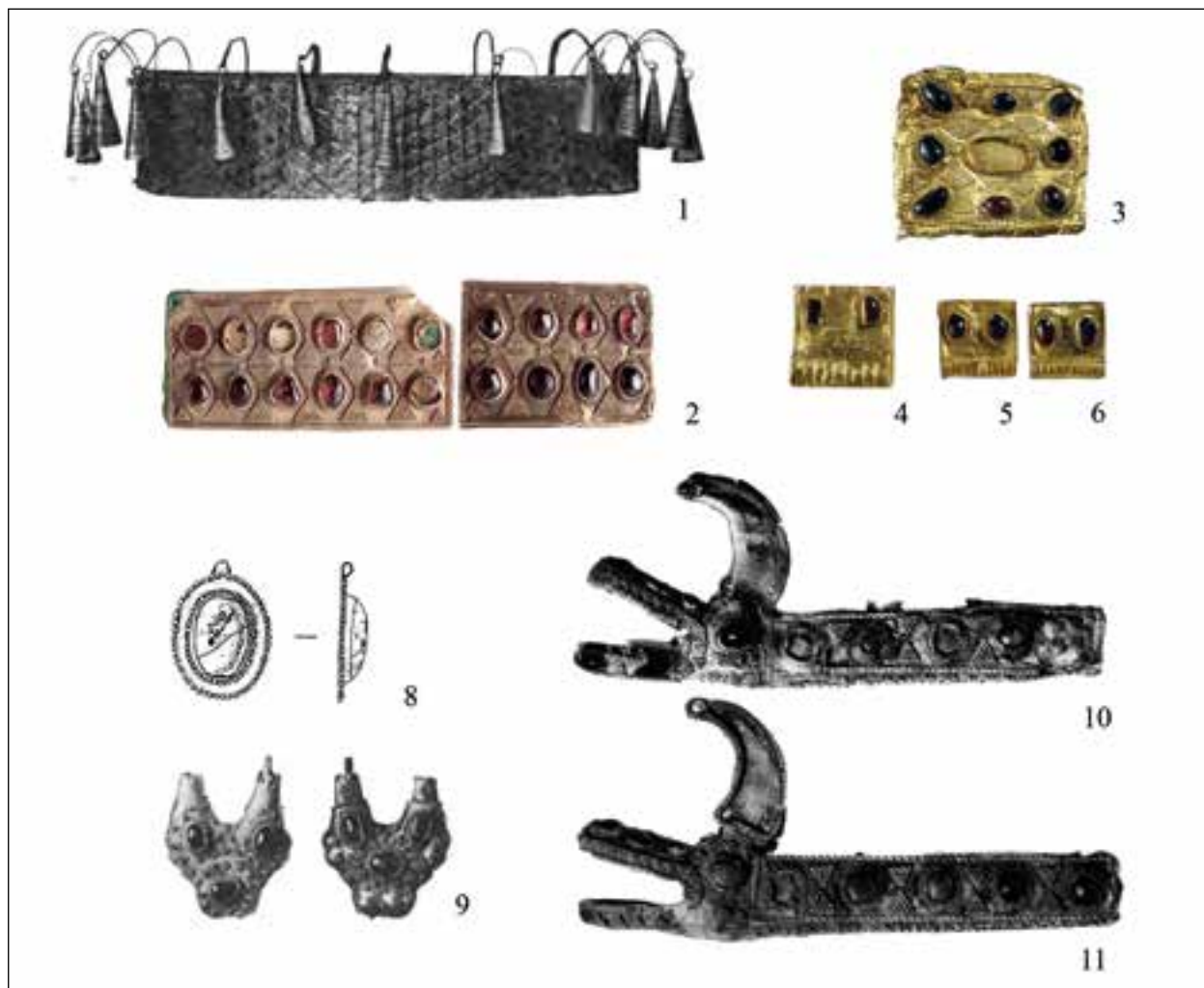

Рис. 14. Украшения в полихромном стиле из погребальных памятников V – начала VI вв. Центрального и Северного Казахстана (без масштаба). 1, 9–11: Кара-Агач; 2: Канаттас, курган 19; 3–6: Боровое (Щучье); 8: Енбекшил, курган 2 (по ЗАСЕЦКАЯ 1975; КОЗЫРЕВ 1905; САМАШЕВ 2013; СКАЛОН 1962)

14. kép. 5. századi és 6. század eleji temetkezésekből származó polikróm stílusú díszítmények Kazahsztán központi és északi területeiről (méretarány nélkül). 1, 9–11: Kara-Agacs; 2: Kanattasz, 19. kurgán; 3–6: Borovoje (Scsucyje); 8: Jenbeksil, 2. kurgán (ЗАСЕЦКАЯ 1975; КОЗЫРЕВ 1905; САМАШЕВ 2013; СКАЛОН 1962)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Погребальные комплексы, связанные с интересующим нас населением, составляют немногочисленную серию, но вместе с тем, расположены в ареале курганов с «усами» (рис. 1. А). В Зауралье известно пять погребений,⁷³ в Центральном Казахстане – четыре,⁷⁴ по одному – в Восточном и Северном Казахстане.⁷⁵

Данные погребальные традиции характеризуются тем, что захоронения не образуют могильников, они расположены одиночно, либо, в двух случаях, впущены в насыпь ранней эпохи. Их объединяет северная ориентировка, в трех случаях зафиксированы подбойные конструкции (рис. 10). Новацией обряда можно считать погребение шкуры лошади на приступке или рядом с

⁷³ Костюков 1995; Боталов 2009а, 129, 132, 135, рис. 5; Шевнина–Логвин 2015, 152–163.

⁷⁴ Козырев 1905; Кадырбаев 1959а, 179–182; Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013.

⁷⁵ Бернштам 1951; Арсланова 1975, 117–118.

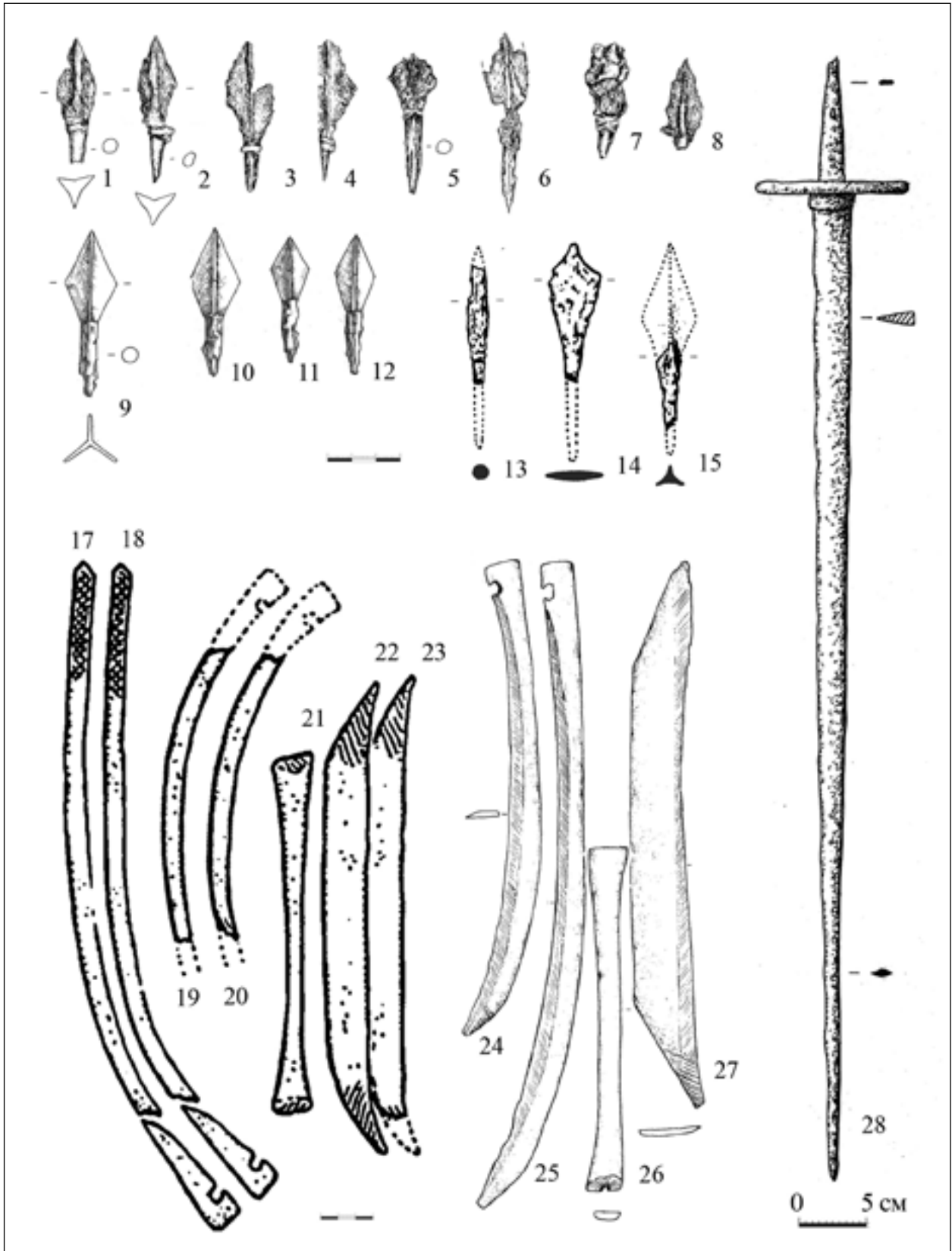

Рис. 15. Предметы вооружения из погребальных памятников V–VI вв. урало-казахстанских степей. 1–8, 24–27: Халвай; 13–23: Зевакино, курган 1; 9–12, 28: Назар (по Bóna 1991; Арсланова 1975; Бейсенов–Китов 2013)
 15. kép. 5–6. századi temetkezésekből származó tárgyak az uráli és kazah sztyeppéről. 1–8, 24–27: Halvaj; 13–23: Zevakino, 1. kurgán); 9–12, 28: Nazar (Bóna 1991; Арсланова 1975; Бейсенов–Китов 2013)

погребенным. Обычно она фиксируется по наличию черепа, костей конечностей и хвостовых частей. В впускном погребении Назар костей лошади не было. В Кара-Агаче А. А. Козырев констатирует «неполный костяк лошади». ⁷⁶

Предметный комплекс представлен стандартными для эпохи поясными наборами, украшениями, предметами конской упряжи, вооружением (рис. 11–15). Наиболее раннюю позицию занимают украшения зевакинского погребения, которые, судя по одинцовским аналогиям, датируются второй половиной IV – первой половиной V вв. (рис. 12).⁷⁷ Предметы конской упряжи представлены пряжками, двусоставными удилами (рис. 13). Показательны две костяные пряжки (Канатгас и Халвай) (рис. 13. 4, 5), которые наряду с указанными воинскими новациями также распространяются в V в.⁷⁸ Такими же рамками следует датировать Канатгас и Кара-Агач, некоторые вещи из которых находят аналогии в Шамси с верхней датой в начале VI в.⁷⁹ и покровским комплексом начала – первой половины VI в.⁸⁰ По-видимому, новшеством можно считать использование прямоугольнорамчатых поясных пряжек (рис. 11. 4, 6). Позднее датируется Каменный Амбар с пряжками предгеральдического облика – в рамках VI в., возможно, ближе к середине VI в. (рис. 11. 1, 2).

В целом, обсуждая соотношение погребальных памятников и курганов с «усами», можно говорить о хронологической синхронности и схожести материальной культуры. Не случайно, что полихромные украшения «гуннской эпохи» в урало-казахстанских степях обнаруживаются как в курганах с «усами», так и в обычных погребениях. Локализация последних совпадает с географией курганов с «усами», а в двух случаях захоронения совершены под центральными насыпями комплексов с «усами» (Канатгас, Зевакино). Конечно, первое, что бросается в

глаза, это явное количественное несоответствие погребений и курганов с «усами», их разбросанность и одиночность. Вместе с тем, такие же признаки отчасти характеризуют манеру оставлений самих курганов с «усами», которые часто не образуют курганных групп («могильников») и в большинстве расположены одиночно. «Случайность» погребений в данном случае не должна смущать и ассоциироваться с неблагоприятной ситуацией в степи или промежуточным характером в движении кочевников на запад. Напротив, стабильная обстановка обеспечивала кочевникам свободную жизнедеятельность, при которой была возможность так же свободно выбирать места захоронений или мероприятий, связанных с постройками курганов с «усами». Нельзя также исключать другие формы погребений, которые не могут быть зафиксированы археологически. Что касается функции курганов с «усами», то создается впечатление, что они не были связаны с погребальной практикой (с исключениями) и в целом должны рассматриваться как ритуальные комплексы иного назначения. Также, благодаря большому количеству этих памятников можно более определенно представить демографическую насыщенность региона в V–VII вв. н.э.

Культурно-хронологический горизонт, который маркируют курганы с «усами» в урало-казахстанских степях, сменяет гунно-сарматский примерно в конце IV – начале V вв. и явно отличается от последнего по ряду признаков. Вероятно, именно курганы с «усами» маркируют огурскую эпоху в урало-казахстанских степях. Финал горизонта, видимо, относится ко второй половине VII в. н. э. и, очевидно, прослеживается по исчезновению погребений с северной ориентировкой и появлению нового населения, практикующее западную (Нуринское, Ащитасты, Бобровский) и восточную (Жарлы, Егиз-Койтас, Чиликты) ориентировки погребенных.⁸¹

⁷⁶ КОЗЫРЕВ 1905, 32.

⁷⁷ АРСЛАНОВА 1975, 124, 126; КАЗАКОВ 1996, 170; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 121.

⁷⁸ ДАШЕВСКАЯ 1995, 57, 61, рис. 3. 8.

⁷⁹ ЗАСЕЦКАЯ и др. 2007, 85.

⁸⁰ КОМАР 2000, 44.

⁸¹ БОТАЛОВ 2009, 411, 414; ХАСЕНОВА 2015.

ЛИТЕРАТУРА

- АРСЛАНОВА 1975: Арсланова, Ф. Х.: Курганы с «усами» Восточного Казахстана. В: *Древности Казахстана*. Алма-Ата 1975, 116–129.
- АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960: *Археологическая карта Казахстана*. Реестр. сост.: Агеева, Е. И. – Акишев, К. А. – Кушаев, Г. А. – Максимова, А. Г. – Сенигова, Т. Н. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1960.
- БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Zubov, С. Э.: *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара 1998.
- БЕЙСЕНОВ 1996: Бейсенов, А. З.: Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана. Известия министерства науки Академии Наук Республики Казахстан. *Серия: общественные науки* 1996:2, 31–40.
- БЕЙСЕНОВ 1997: Бейсенов, А. З.: *Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (VII–I вв. до н. э.)*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Алматы 1997.
- БЕЙСЕНОВ 2015: Бейсенов, А. З.: Изучение памятников I тыс. до н. э. Центрального Казахстана. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 521–533.
- БЕЙСЕНОВ 2015а: Бейсенов, А. З.: Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов». *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»* 2015: 1, 6–12.
- БЕЙСЕНОВ 2015б: Бейсенов, А. З.: Центральный Казахстан в раннем железном веке. В: *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015:6/2, 22–31.
- БЕЙСЕНОВ 2016: Бейсенов, А. З.: Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник* 2016:1, 84–93.
- БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013: Бейсенов, А. З. – Веселовская, Е. В.: Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 446–461.
- БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013: Бейсенов, А. З. – Китов, Е. П.: Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 462–467.
- БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017: Бейсенов, А. З. – Логвин, А. В. – Базарбаева, Г. А. – Грудочко, И. В. – Сеитов, А. М.: Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки. В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана 2*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г. Алматы 2017, 38–49.
- БЕРНШТАМ 1951: Бернштам, А. Н.: Находки у оз. Борового в Казахстане. В: *Сборник музея антропологии и этнографии* 13. Отв. ред.: Толстов, С. П. 1951, 216–229.
- БОТАЛОВ 1989: Боталов, С. Г.: *Исследования могильников Крутой Овраг и Селенташ в зоне сооружения Андреевского водохранилища в Брединском районе Челябинской области*. Челябинск 1989.
- БОТАЛОВ 1996: Боталов, С. Г.: Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. В: *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: труды музея-заповедника Аркаим*. Науч. ред.: Зданович, Г. Б. – Таиров, А. Д. Челябинск 1996, 148–158.
- БОТАЛОВ 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и средневековье. В: *Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье*. Отв. ред.: Иванова, Н. О. Челябинск 2000.

- БОТАЛОВ 2009: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2008.
- БОТАЛОВ 2009а: Боталов, С. Г.: Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. – Иванова, Н. О. Челябинск 2009, 128–138.
- БОТАЛОВ 2013: Боталов, С. Г.: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 32–87.
- БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Любчанский, И. Э.: *Курганы с «усаами» урало-казахстанских степей*. Челябинск 2006.
- ГОРБУНОВ 1984: Горбунов, В. С.: Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии. В: *Памятники кочевников Южного Урала: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Иванов, В. А. Уфа 1984, 55–59.
- ГРУДОЧКО–ЕПИМАХОВ 2015: Грудочко, И. В. – Епимахов, А. В.: Хронология курганов с «усаами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 534–541.
- ГРЯЗНОВ 1956: Грязнов, М. П.: Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. *Краткие сообщения Института истории и материальной культуры* 61 (1956) 8–16.
- ДАШЕВСКАЯ 1995: Дашевская, О. Д.: Погребение гуннского времени на городище Беляус. В: *Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи*. Отв. ред.: Могильников, В. А. Москва 1995, 56–61.
- ЕРМОЛЕНКО–КУРМАНКУЛОВ–КАСЕНОВА 2015: Ермоленко, Л. Н. – Курманкулов, Ж. К. – Касенова, А. Д.: Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. *Вестник Кемеровского государственного университета* 2015: 1, 26–32.
- ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГНАТ 2013: Голден, П. – Осава, Т. – Ташагыл, А. – Баяр, Д. – Боталов, С. – Яценко, С. – Кубарев, В. – Кубарев, Г. – Тотев, Б. – Комар, А. – Бабаяров, Г. – Табалдиев, К. – Самашев, З. – Новоженев, В. – Базылхан, Н.: *Западный тюркский каганат. Атлас*. Рук. проекта: Досымбаева, А. – Жолдасбеков, М. Астана 2013.
- ЗАСЕЦКАЯ 1975: Засецкая, И. П.: *Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа*. Ленинград 1975.
- ЗАСЕЦКАЯ 1994: Засецкая, И. П.: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 1994.
- ЗАСЕЦКАЯ И ДР. 2007: Засецкая, И. П. – Казанский, М. М. – Ахмедов, И. Р. – Минасян, Р. С.: *Морской Чулек: Погребение знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 2007.
- ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003: Зданович, Г. Б. – Батанина, И. М. – Левит, Н. В. – Батанин, С. А.: *Археологический атлас Челябинской области. Степь-лесостепь. Кизильский район 1*. Челябинск 2003, 256.
- КАДЫРБАЕВ 1958: Кадырбаев, М. К.: О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии* 1958:1, 95–104.
- КАДЫРБАЕВ 1959: Кадырбаев, М. К.: Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 1959:7, 89–97.
- КАДЫРБАЕВ 1959а: Кадырбаев, М. К.: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. *Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР* 1959:7, 162–203.
- КАДЫРБАЕВ 1962: Кадырбаев, М. К.: Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии* 1962:1, 70–83.

- КАЗАКОВ 1996: Казаков, А. А.: К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья). В: *Погребальный обряд древних племен Алтая. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Кирюшин, Ю. Ф. – Кунгуров, А. Л. Барнаул 1996, 166–177.
- КАЗАКОВ 2013: Казаков, Е. П.: Мадыяры и волжские болгары: этапы взаимодействия. В: *II-й Международный мадыярский симпозиум: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 173–181.
- КОЗЫРЕВ 1905: Козырев, А. А.: Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. *Известия Императорской археологической комиссии* 16. Санкт-Петербург 1905, 27–36.
- КОМАР 2000: Комар, А. В.: Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. В: *Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник научных статей* 1. Гл. ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2000, 19–53.
- КОМАР 2013: Комар, А. В.: Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени. В: *Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 88–109.
- КОСТЮКОВ 1995: Костюков, В. П.: Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5. В: *Курганы кочевников Южного Урала*. Отв. ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1995, 151–160.
- КУКУШКИН 2004: Кукушкин, И. А.: Курганы с «усами»: семантический аспект. В: *Новые исследования по археологии Казахстана: труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15»*. Алматы 2004, 33–37.
- ЛЕВИНА 1996: Левина, Л. М.: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н. э.* Москва 1996.
- ЛОМАН И ДР. 2004: Ломан, В. Г. – Бейсенов, А. З. – Евдокимов, В. В. – Толеуов, Т. С.: *Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области*. Алматы 2004.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 1998: Любчанский, И. Э.: Хронологические аспекты комплексов «курганов с усам» евразийских степей. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы II международной археологической конференции*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 303–310.
- ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999: Любчанский, И. Э. – Таиров, А. Д.: Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 5–62.
- МАЖИТОВ 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры*. Москва 1968.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАМЕДОВ 2015: Мамедов, А. М.: Комплексы курганов с «усами» Западного Казахстана. В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кималя Акишевича Акишева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2015, 160–165.
- МАРГУЛАН 1949: Маргулан, А. Х.: Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года. *Известия АН КазССР, серия археологическая* 67 (1949: 2), 3–36.
- МАРГУЛАН И ДР. 1966: Маргулан, А. Х. – Акишев, К. А. – Кадырбаев, М. К. – Оразбаев, А. М.: *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата 1966.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Г. И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнареновского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса* 2. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдииков, А. Г. Казань 2007, 75–86.

- НЕФЕДОВ 1899: Нефедов, Ф. Д.: Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, проведенных летом 1887 и 1888 гг. В: *Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом* 3. Санкт-Петербург 1899, 1–41.
- ОРАЗБАЕВ 1969: Оразбаев, А. М.: Курган «с усам» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. В: *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. Алма-Ата 1969, 175–189.
- ПЕРЕСВЕТОВ 2001: Пересветов, Г. Ю.: Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области). В: *Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции*. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Отв. ред: Тишкин, А. А. Барнаул 2001, 283–285.
- САМАШЕВ 2013: Самашев, З.: *История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье. Казахское искусство: в 5-ти томах*. Алматы 2013.
- СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007: *Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область*. Алматы 2007.
- СКАЛОН 1962: Скалон, К. М.: *Изображение дракона в искусстве IV–V веков. Сообщения Государственного Эрмитажа* 22. Ленинград 1962, 40–43.
- СОРОКИН 1981: Сорокин, С. С.: К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии. В: *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 22. Под ред. Пиотровского, Б. Б. Ленинград 1981, 23–39.
- СУНГАТОВ 2003: Сунгатов, Ф. А.: Султантемировский I курган с «усами». В: *Уфимский археологический вестник* 4. Отв. ред.: Яминов, А. Ф. Уфа 2003, 216–224.
- ТИШКИН–МАТРЕНИН 2012: Тишкин, А. А. – Матренин, С. С.: Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология* 2011:7, 25–133.
- ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011: Тишкин, А. А. – Серегин, Н. Н.: Предметный комплекс кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации. В: *Теория и практика археологических исследований* 6. Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2011, 14–32.
- ТОКТАРБАЕВА 2013: Токтарбаева, Ж. Н.: Вклад Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в исследование раннего железного века. *История и археология* 2013:2 (2013). Доступ: <http://history.snauka.ru/2013/06/766> (дата обращения: 20.04.2016).
- ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998: Толеубаев, А. Т. – Бейсенов, А. З. – Омаров, Г. К.: Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатая. В: *Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: сб. ст. посвящ. памяти А. М. Оразбаева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 1998, 218–224.
- УМИТКАЛИЕВ 2015: Умиткалиев, У. У.: Курганы с «усами» как место проведения древних традиционных обрядов и обычаев. В: *Великий Шелковый путь и Казахское ханство на рубеже тысячелетий: Сборник материалов Международной историко-археологической конференции*. Отв. ред.: Сурыков, Е. Б. Тараз 2015, 109–113.
- УСМАНОВА 1987: Усманова, Э. Р.: Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 99–105.
- ХАБДУЛИНА 2007: Хабдулина, М. К.: Тасмолинская археологическая культура: современное состояние. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 2007:2 (7) 181–194.
- ХАСЕНОВА 2015: Хасенова, Б. М.: Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 в Тургае. В: *Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Костанай–Алматы 2015, 212–222.

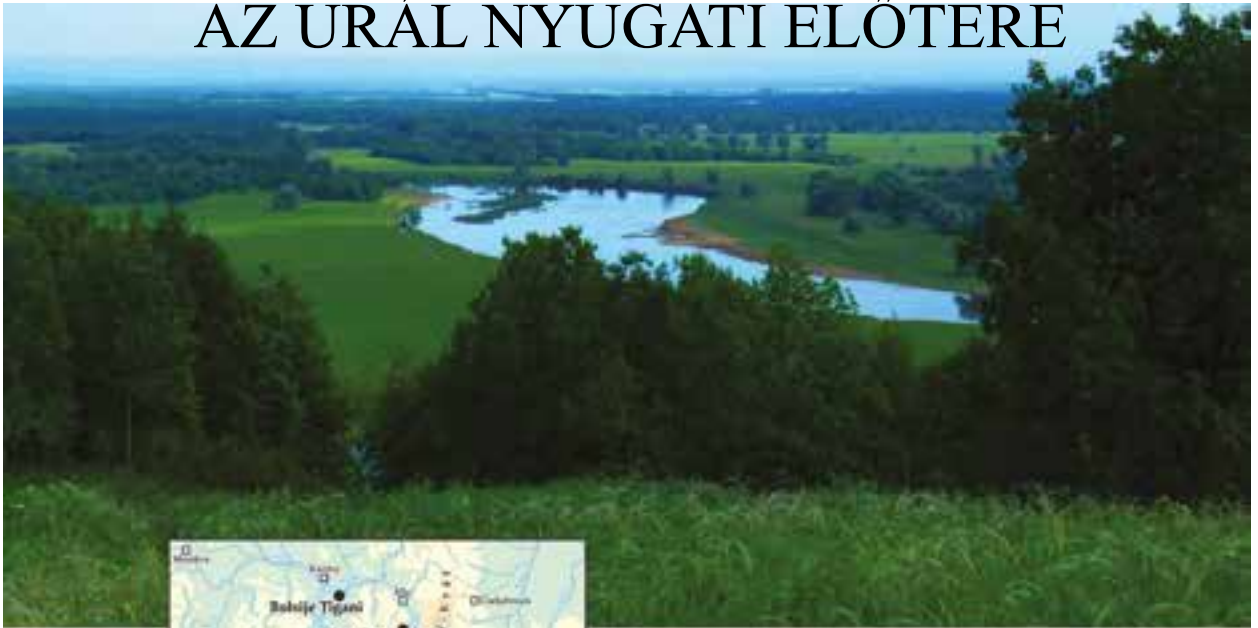
Чиндин 1989: Чиндин, А. Ю.: Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской области. В: *Кадырбаевские чтения (сборник материалов конференции)*. Алма-Ата 1989, 234–237.

ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015: Шевнина, И. В. – Логвин, А. В.: Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. В: *Материалы и исследования по археологии Казахстана 7*. Отв. ред.: Самашев, З. Астана 2015.

BÓNA 1991: Bóna, I.: *Das Hunnenreich*. Budapest 1991.

ПРИУРАЛЪЕ

AZ URÁL NYUGATI ELŐTERE

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНИХ УГРОВ-МАДЬЯР В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ ИЛИ КАК СООТНОСИТСЯ ЭМПИРИКА С МЕТАПОСТРОЕНИЯМИ

Владимир Александрович Иванов*

Ключевые слова: *Magna Hungaria*, кушнаренковская и караякуповская культуры, угры, мадьяры, бакальская общность

Kulcsszavak: *Magna Hungaria*, *kusnarenkovói és karajakupovói kultúra*, *ugorok*, *magyarok*, *bakalszkojei kulturális egység*

Владимир Александрович Иванов

Археологическое источниковедение древних угров-мадьяр в Урало-Поволжье или как соотносится эмпирика с метапостроениями

В статье анализируется соотношение дискурсов о пребывании древних угров-мадьяр (венгров) в Урало-Поволжском регионе с теми эмпирическими данными, на которых базируется эта проблема. По мнению автора, между содержанием предлагаемых дискурсов и археологическими источниками существует разрыв: дискурсы строятся вне контекста археологического источниковедения. И как следствие – сама по себе проблема (археологическое содержание «Великой Венгрии – Magna Hungaria» на Урале) приобретает уже гротескные черты: «древние венгры» оказываются везде, где их хотят найти (и находят) современные уральские археологи. Соответственно, археологическое содержание Magna Hungaria и ее географические границы приобретают все менее определенные очертания.

Vlagyimir Alekszandrovics Ivanov

A korai magyarok Volga–Urál-vidéki régészeti hagyatékának kutatása, avagy az empiria és a fantazmagória viszonyáról

A tanulmány a korai ugorok (magyarok) Volga–Urál-vidéki jelenlétéről folytatott különböző viták és a korai magyar problematika alapját képező egzakt adatok viszonyát vizsgálja. A szerző véleménye szerint az említett viták tartalma és a régészeti adatok nincsenek átfedésben egymással, az egyes elméletek ugyanis nem veszik figyelembe a régészeti források által nyújtott kereteket. Ennek következtében a korai magyar problematika (illetve az uráli őshaza, Magna Hungaria régészeti vonatkozása) egészen groteszk kontextusba kerül: a kortárs uráli régészek mindenhol 'korai magyarokat' vizionálnak, ahol meg szeretnék őket találni (és meg is találják). Emiatt viszont Magna Hungaria régészeti tartalma és földrajzi határainak leírása egyre homályosabb lesz.

В течение уже более 100 лет российские и венгерские ученые – историки, археологи, лингвисты – периодически обращаются к проблеме поиска и историко-географической идентификации прародины древних венгров-мадьяр в Восточной Европе. Основные аспекты проблемы: хронологические рамки, географические границы и археологическое содержание Древней Вен-

грии – *Magna Hungaria*, впервые обозначенной в европейских письменных источниках XIII в.

Первые попытки обнаружить археологические следы пребывания древних венгров на востоке Европы, предпринятые основоположниками венгерской научной археологии Е. Зичи и Б. Поштой в конце XIX в., закончились неудачей: прямых прототипов венгерским древно-

* Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 450076 г. Уфа, ул. Октябрьской революции 3а, ivanov-sanych@inbox.ru

стям в российских музеях они не нашли.¹ Более того, сама концепция местонахождения *Magna Hungaria* на территории России была отвергнута основоположниками российской археологии.²

В течение 20-го столетия проблема поиска *Magna Hungaria* на востоке Европы периодически становилась объектом усиленного внимания советских и венгерских исследователей. Для советских археологов стимулом к этому выступали вновь открываемые археологические культуры (главным образом на территории Урало-Поволжья), не обнаруживающие прямой генетической связи с предшествующими культурами эпохи раннего железного века – бахмутинская, именьковская. Опираясь на сведения средневековых нарративистов XII–XIII вв. Венгерского Анонима и Юлиана, они трактовали эти новые археологические культуры как древневенгерские.³

Венгерские археологи в своей мотивации исходили из задачи поиска истоков венгерской культуры конца IX–X вв. н.э. («периода обретения родины на Дунае», по современному определению – «арпадского периода») в археологических культурах эпохи раннего средневековья Восточной Европы. Идеологическим и методическим обоснованием поиска в указанном направлении служили монографическая статья венгерского историка и политика Э. Мольнара, посвященная начальным этапам истории венгерского народа⁴ и соответствующий раздел шестой главы официального академического издания «Очерки истории СССР. III–IX вв.», прямо озаглавленный «Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях» Н. Я. Мерперта.⁵

Десятилетие 1960-х гг. какого-либо прорыва в решение проблемы *Magna Hungaria* в восточной Европе не принесло. Археологические памятники венгров «периода обретения родины», основная масса которых были открыты и исследованы в первой половине XX в., обнаруживали гораздо больше морфологических различий,

нежели сходства с синхронными памятниками культур Восточной Европы – салтово-маяцкой, раннебулгарской. Единственным связующим звеном между ними оказывались некоторые типы убранства костюма, вооружения и конской сбруи. И к началу 1970-х гг. дискуссия о локализации и археологическом содержании *Magna Hungaria* зашла в тупик и начала угасать. В немалой степени этому способствовала и кратковременная дискуссия среди лингвистов, показавшая несостоятельность теории «башкиро-мадьярского этнокультурного родства».

Ситуация резко изменилась к середине 1970-х гг. в связи с открытием и исследованием Е. А. Халиковой Больше-Тиганского могильника на востоке современного Татарстана. Признаки погребального обряда и многие типы вещевого комплекса этого памятника нашли свои ближайшие аналогии в венгерских могильниках «периода обретения родины/арпадского периода», типа Сегед-Боярхалом, Хенцида, Орошхаза II, Тисаэслар-Башхалом II, Ракамаз и др. Но самое примечательное заключалось в том, что Е. А. Халикова установила морфологическую близость Больше-Тиганского могильника с могильниками кара-якуповской культуры VIII–IX вв. на территории Башкирии, которую Н. А. Мажитов в то время уже интерпретировал как древнебашкирскую.⁶

В дискуссии по поводу пребывания древних венгров в Урало-Поволжье, развернувшейся на Международном финно-угорском конгрессе в Будапеште в сентябре 1975 г., отчетливо обозначились три позиции по этому вопросу. Первая – Е. А. Халиковой, отстаивавшей идею идентификации *Magna Hungaria* с ареалом кара-якуповской культуры; вторая – В. Ф. Генинга, интерпретировавшего «кушнаренковцев» и «кара-якуповцев» как угро-самодийцев (но не венгров), третья – И. Фодора, связывавшего Больше-Тиганский могильник с теми венгра-

¹ MESTERHÁZY 2001, 323.

² Спицын 1914, 107–108.

³ Шмидт 1929, 26; Ахмеров 1952, 48; Мажитов 1959, 150–151; Степанов 1964, 144–146.

⁴ Мольнар 1955.

⁵ Мерперт 1958, 674–683.

⁶ Халикова 1976, 149–152.

ми, которые остались между Волгой и Уралом (в *Magna Hungaria*) после переселения основной массы венгров на Дунай.⁷

Я не ставлю перед собой задачи давать здесь полную историографию проблемы *Magna Hungaria* в Приуралье. До 1990-х годов она приведена у Е. А. Халиковой и в одной из моих работ.⁸ Вполне подробно она изложена в статьях А. В. Комара⁹ и Я. В. Пилипчука.¹⁰ Не говоря уже о специально ей посвященной монографии Б. Б. Овчинниковой и Г. Дьёни.¹¹ Свою задачу я вижу в том, чтобы показать ситуацию, сложившуюся вокруг источниковедческой составляющей данной проблемы, в настоящее время приближающуюся к гротеску.

Первое, что бросается в глаза, это параллелизм в восприятии и трактовке *Magna Hungaria*, как историко-географического понятия, археологами, историками-источниковедами и лингвистами. С археологической точки зрения, территория *Magna Hungaria* идентична ареалу распространения памятников кушнаренковской, караякуповской, неволинской и ломоватовской культур в Предуралье. Следует подчеркнуть, что никто из археологов не считает, что это была «венгерская прародина», поскольку все эти культуры в регионе появились уже в сложившемся виде. Причем, если «кушнаренковцы» и «кара-якуповцы» представляли собой, по сути, одну этническую группу зауральско-западносибирских угров (о чем свидетельствует высокий – более 60% – коэффициент типологического сходства кушнаренковских и караякуповских могильников), то «неволинцы» и «ломоватовцы» – другую, отличающуюся от первых по тем же признакам погребального обряда.¹² Кто из них был более близким предком венгров «арпадского периода» – вопрос, который еще пред-

стоит решить, поскольку и «кара-якуповцы», и «ломоватовцы» по своей погребальной обрядности обнаруживают одинаково высокое сходство с «арпадскими венграми».¹³

Историки-источниковеды, в своих исследованиях дистанцирующиеся от выводов археологов, *Magna Hungaria*, тем не менее, локализируют там же, то есть, между Волгой и Уральскими горами.¹⁴

Отношение лингвистов к проблеме «урало-поволжских венгров» также неоднозначное. Одни из них полностью и категорически отрицают даже самую возможность пребывания древних венгров между Волгой и Уралом.¹⁵ Другие вполне согласны с венгерским присутствием в этнической карте Предуралья эпохи средневековья. Здесь считаю необходимым привести цитату из В. В. Напольских – одного из самых серьезных критиков «угорской проблемы» в регионе: «*В то же время успехи отечественной археологии позволяют – даже при минимальной лингвистической поддержке – строить выглядящую на сегодня вполне адекватной и учитывающей все имеющиеся данные модель генезиса венгров и угров в целом* (выделено мной – В. И.), *основные элементы которой – поздняя угорская прародина, археологическим аналогом которой являются, видимо, андронидные культуры юго-запада Западной Сибири и Южного Зауралья второй половины II – начала I тыс. до н.э.; выделение степной группировки угров – протовенгров, отражающееся в сложении в VI в. до н.э. саргатской (саргатско-гороховской) культурно-исторической общности, распространившейся от Барабинской низменности до предгорий Урала; продвижение протовенгров-постсаргатцев в Предуралье и Прикамье, отразившееся, в частности, в сложении кушнаренковской (VI–VII вв. н.э.) и караяку-*

⁷ CONGRESSUS 1975.

⁸ Халикова 1976, 141–142; Иванов 1999, 6–18.

⁹ Комар 2011, 39–50.

¹⁰ Пилипчук 2015, 287–299; Пилипчук 2015а, 121–127.

¹¹ Овчинникова–Дьёни 2008.

¹² Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 92, табл. 22.

¹³ Белавин–Иванов–Крыласова 2009, 117, рис. 21.

¹⁴ Зимони 2000; Пилипчук 2015а, 128.

¹⁵ Вереш 1995, 36.

повской (VIII–IX вв. н.э.) культур в бассейне реки Белой и нижнем Прикамье и т.д.». ¹⁶

На этом фоне, казалось бы, сама логика научного познания определяет «дорожную карту» дальнейших историко-археологических исследований проблемы *Magna Hungaria* в плане объединения усилий с целью вывода этого историко-географического понятия из бесконечного состояния гипотезы и превращения его в исторический факт. К сожалению, ситуация развивается в обратном направлении. И как это ни парадоксально, причина кроется в расширении источниковой базы по угорской археологии Урало-Поволжья и активизации внимания археологов и некоторых историков современной формации к проблеме.

В первом десятилетии текущего столетия проблема древних венгров на Южном Урале получила новый импульс, обусловленный усилением внимания исследователей к памятникам бакальской культуры в Зауралье и Западной Сибири. По инициативе С. Г. Боталова в 2007 г. был проведен первый «Научный семинар по проблемам бакальской культуры», на котором «были фактически оконтурены все вопросы, связанные с бакальской проблематикой». ¹⁷ Вопросы, действительно, оказались только «оконтурены», поскольку, во-первых, выяснилось, что и на эпонимном для данной культуры Большом Бакальском городище, и на других бакальских поселениях – Усть-Терсюкском, Коловском, Рафайловском, Носиловском и др. городищах – керамики кушнаренковского и караякуповского типов («кушнаренковско-караякуповского круга») очень мало, от 4% до 22%. ¹⁸ Во-вторых, эта керамика по своей морфологии не является «классической кушнаренковской или караякуповской», а, действительно, только относится к «кушнаренковско-караякуповскому кругу». В-третьих, основным районом локализации и концентрации памятников кушнаренковской и

караякуповской культур по-прежнему остается бассейн р. Белая в Предуралье, за пределами которого (Волго-Вятское междуречье, Сытва, Средняя Волга) кушнаренковская и караякуповская керамика встречается в весьма малом количестве ¹⁹ (рис. 1).

Данное обстоятельство должно было бы насторожить исследователей особенно в контексте формирования протомадьяр («кушнаренковцев» и «караякуповцев») в недрах «Бакальского историко-культурного горизонта (IV–VI вв. н.э.)». Этого не произошло. Напротив, С. Г. Боталов и его ученик и соавтор И. В. Грудочко рисуют масштабную (на площади более 750 тыс. км²) картину движения «протомадьяр» одновременно и на запад, в бассейн рр. Белой и Камы, и на юг, в степи Южного Зауралья. Там, в степях, они взаимодействуют с кочевниками Западнотюркского каганата, после чего происходит отток «позднекушнаренковско-караякуповского населения» опять в Зауралье и Предуралье. ²⁰

В развернутом виде С. Г. Боталов излагает свою концепцию этнокультурных процессов вокруг Урала в I тыс. н.э. в авторском разделе фундаментальной коллективной монографии «Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)», опубликованной в 2016 г. С характерной для него масштабностью мышления и широтой кругозора автор для обоснования своей концепции привлекает весь известный археологический материал, не обращая при этом внимания ни на его источниковедческую проработанность, ни на его информационный потенциал. Поэтому многие положения этногенетической концепции С. Г. Боталова выглядят умозрительными.

Нужно отметить, что исследователь внимательно следит за течениями и методическими новациями в модернистской и постмодернистской археологии, вносит свою лепту в их разви-

¹⁶ Напольских 2005, 26.

¹⁷ Проблемы 2008, 4.

¹⁸ Боталов и др 2008, 16; Рафикова–Матвеева–Берлина 2008, 84–113; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008, 165–186; Гущина–Боталов 2016.

¹⁹ Иванов 2008; Пастушенко 2008; Руденко 2013.

²⁰ Боталов–Грудочко 2011, 89, рис. 16, 96–97.

тие. В данном случае он отказывается от такого традиционного для позитивистской археологии инструментария, как *археологическая культура*, и вводит понятие «Историко-культурные Горизонты (ИКГ)».²¹

Что это такое, С. Г. Боталов не поясняет, ограничиваясь только ремаркой о том, что понятие ИКГ наиболее адекватно и корректно отражает *«историко-культурное синкретическое многообразие облика населения лесостепных районов Зауралья эпохи раннего железного века и средневековья»*.²²

В принципе, предложенное автором определение ИКГ по смыслу совпадает с понятием «культурно-хронологический горизонт (КХГ)», данным Н. С. Савельевым и Л. Т. Яблонским для той же, фактически, территории Южного Урала: «Под культурно-хронологическим горизонтом (англ. – cultural horizon), далее – КХГ, мы понимаем географический регион, который значительно превышает размеры культурно-исторической области и практически не имеет географических пределов».²³ Самое интересное следует далее – авторы раскрывают источниковедческое содержание КХГ, состоящее, по их мнению, в следующем: «Специфика горизонта состоит в том, что на определенном хронологическом этапе (фазе) получают широкое распространение археологические артефакты или их комплексы, признаки духовной культуры (в т.ч. признаки погребального обряда и декоративно-прикладного искусства), которые и маркируют данный горизонт (англ. – horizon makers) или маркеры горизонта». Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать выделенные С. Г. Боталовым ИКГ в контексте, предложенном Н. С. Савельевым и Л. Т. Яблонским. По крайней мере, как более понятным.

По данным радиоуглеродного анализа С. Г. Боталов выделяет в Зауралье шесть ИКГ, из которых к нашей теме непосредственно от-

носятся два: бакальский (IV–VIII вв. н.э.) и петрогромско-юдинский (IX–XIV вв.). В материалах бакальского ИКГ исследователь находит свидетельства зарождения керамики кушнаренковско-караякуповского типа («кушнаренковско-караякуповской керамической традиции»).

В принципе, мне этот тезис весьма импонирует, поскольку снимает с повестки дня бесконечные и не имеющие серьезного подтверждения утверждения некоторых археологов о тюрко-башкирской этнической принадлежности «кушнаренковцев» и «караякуповцев». Но на данном уровне развития источниковой базы по археологии лесостепного Зауралья эпохи средневековья он звучит излишне прямолинейно. Самая элементарная статистика показывает, что в Зауралье сейчас на всех памятниках бакальского ИКГ выделено 175 сосудов «кушнаренковско-караякуповского типа». Это менее чем в два раза больше, чем известных в Предуралье сосудов только из погребений (101 сосуд) и более чем в полтора раза меньше, чем выделенных там же сосудов, по степени своей сохранности пригодных для анализа метрических параметров форм, с поселений.²⁴ Так же, как и в Зауралье, на поселениях Предуралья кушнаренковская и караякуповская керамика стратиграфически не расчленяется. Зато кушнаренковские и караякуповские сосуды, как с поселений, так и из могильников, четко дифференцируются по своим метрическим параметрам и орнаментике.²⁵ А кроме того, обнаруживают высокий коэффициент встречаемости в погребениях с хорошо датированными вещами конца VI – первой половины VIII вв. (кушнаренковские сосуды) и середины VIII–IX вв. (караякуповские сосуды).²⁶ Следовательно, если исходить из имеющейся хронологии зауральских и предуральских памятников с керамикой кушнаренковского и караякуповского типов, то картина получается совершенно четкая: на рубеже V–VI вв.

²¹ Правописание мною сохранено: Боталов 2016, 468.

²² Боталов 2016, 468.

²³ Савельев–Яблонский 2014, 478.

²⁴ Иванов 2009, 182–192.

²⁵ Иванов 2009, 190–196.

²⁶ Иванов 1999, 44, рис. 3.

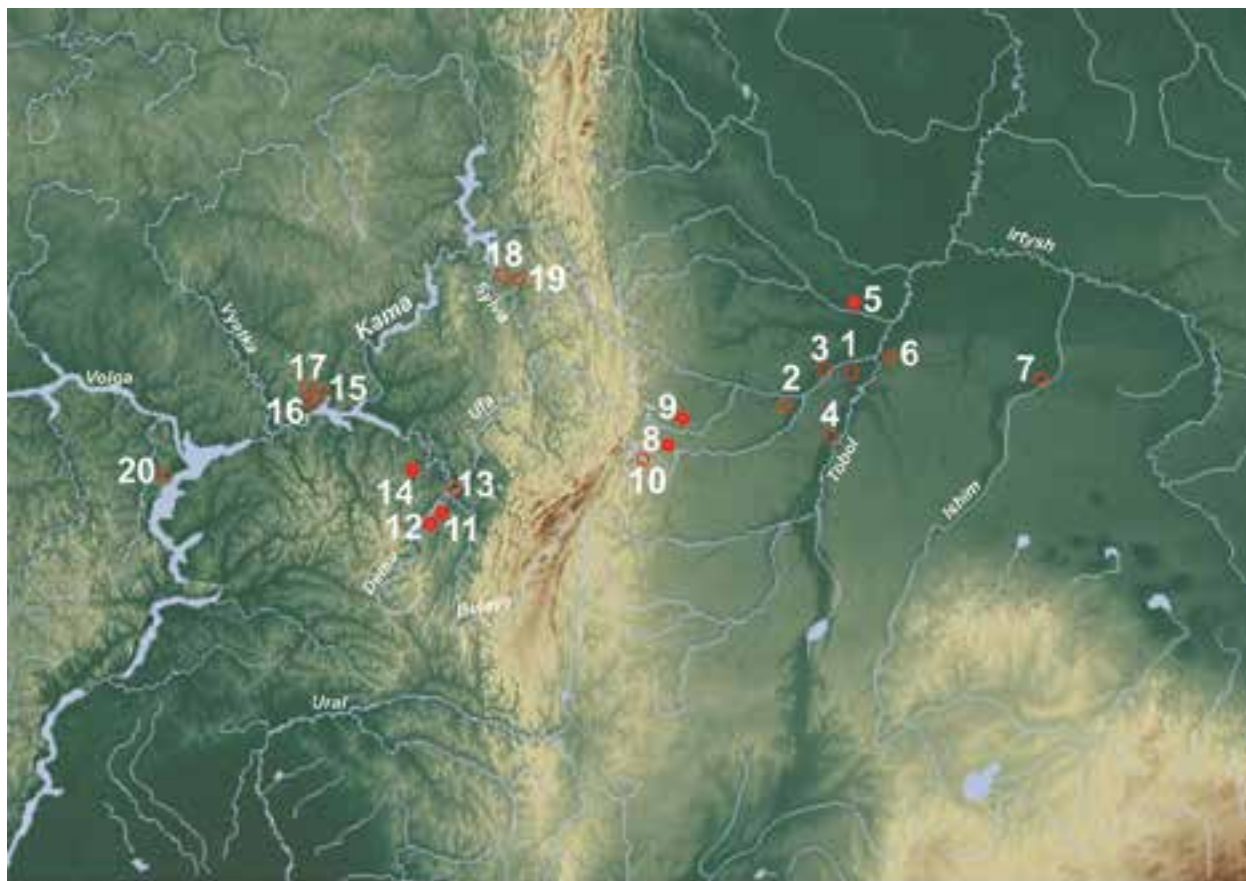

Рис. 1. Карта поселений, с керамикой кушнаренковского и караякуповского типов
 ● абсолютно преобладает ○ составляет не больше 20%

1. kép. A kusznarenkovói és karajakupovói típusú kerámia telepleleteinek elterjedési térképe
 ● abszolút domináns ○ részaránya 20% alatti

в Зауралье формируется бакальская культура (КИО)²⁷, в керамическом комплексе которой присутствуют немногочисленная группа сосудов «кушнаренковско-караякуповской керамической традиции».²⁸ Вот именно для нее, а не для предуральской, может быть применена предлагаемая С. Г. Боталовым двойная аббревиатура – «кушнаренковско-караякуповский тип».²⁹ Вообще складывается впечатление, что исследователь в своих построениях отдает явное предпочтение не эмпирическому, а дискурсивному подходу

к источникам (в данном случае – к археологическому материалу). Все-таки морфологические различия кушнаренковской и караякуповской керамики, в том виде, в каком она стала достоянием археологии, очевидны.³⁰ Поэтому, используя эти типы керамики как маркеры угорско-мадьярской миграции из-за Урала в Предуралье, С. Г. Боталов кушнаренковский и караякуповский «миграционные этапы» вначале различал по их характеру и содержанию.³¹ Делает это он с совершенно благой целью – показать, что

²⁷ Матвеева–Берлина–Рафикова 2008, 170.

²⁸ Считать их полностью кушнаренковскими или караякуповскими не приходится, поскольку по своим морфологическим признакам они отличаются от одноименных предуральских.

²⁹ Боталов 2016, 502.

³⁰ Иванов 2009, 190–196.

³¹ Боталов 2008, 559.

угорско-мадьярский (древне-венгерский) ареал³² на территории Урало-Поволжья был ограничен как в пространстве, так и во времени. И в этом контексте предположение Д. А. Сташенкова о том, что мадьярские кочевья доходили до Самарской Луки уже в V в. н.э. – явно поспешное.³³ Тем более, что опубликованные погребения угров-мадьяр на Самарской Луке – сел. Ош-Пандо-Нерь, Подгорское I – никаких материалов, указывающих на столь раннюю дату достижения древними венграми этой территории, не дают.³⁴ Что же касается «угро-мадьярских» культур Предуралья – кушнаренковской, караякуповской, неволинской – то они известны нам с совершенно четко оформленными морфологическими признаками (погребальный обряд, керамика), с местными предуральскими культурами ничего общего не имеющими. И в Зауралье, если судить по облику и частоте встречаемости на памятниках керамики «кушнаренковско-караякуповской традиции», ее создатели, действительно, обитали недолго, в пределах одного столетия – VI в. н.э.³⁵ Кем они там были, «протовенграми» или какой-то группой угорских племен в составе обширной бакальской КИО (угорской), по имеющемуся материалу понять невозможно. Как они в этнокультурном плане соотносились

с «классическими» приуральскими «кушнаренковцами» и «караякуповцами» – тем более.³⁶

Совершенно очевидно, что только эмпирические лакуны побудили С. Г. Боталова ввести в дискурс о кушнаренковско-караякуповском культурогенезе следующие тезисы: о типологическом сходстве кушнаренковской керамики с имендьяшевской (а через нее, естественно, с бакальской);³⁷ о синхронности кушнаренковской и караякуповской керамики и о необходимости пересмотра кушнаренковско-караякуповской хронологии³⁸; наконец, о некоей вторичности рассматриваемых типов сосудов в бахмутинских и турбаслинских комплексах Предуралья (на поселениях составляют меньшинство, стратиграфически не расчленимое с бахмутинским и турбаслинским материалом).³⁹

Последний тезис опять-таки неточен: стратиграфия городища Уфа-II⁴⁰ убедительно показывает, что бахмутинская, имендьяшевская, турбаслинская, кушнаренковская и караякуповская керамика на разных горизонтах культурного слоя памятника последовательно сменяют одна другую.⁴¹ А отсутствие подобной стратиграфии на других поселениях бахмутинской и турбаслинской культур элементарно объясняется незначительной мощностью культурного слоя этих памятников – 20–40 см.⁴²

³² Древних мадьяр-венгров исследователь видит (и совершенно справедливо) в носителях караякуповской культуры. Боталов 2008, 559.

³³ Сташенков 2016, 12; Тюрк 2016, 4.

³⁴ Лифанов–Седова 2003.

³⁵ Матвеева 2007, 74.

³⁶ Впрочем, как они соотносились с «бакальцами» и что в их культуре, кроме отдельных элементов орнамента на сосудах – горизонтального зигзага, на кушнаренковских сосудах встречающегося очень редко (6,5%), на караякуповских – еще реже (Иванов 2009, 184) – есть еще бакальского, из многословного дискурса С. Г. Боталова понять тоже невозможно.

³⁷ Боталов 2016, 492.

³⁸ Здесь необходимо отметить, что автор либо забыл, либо проигнорировал мою, теперь уже давнюю, публикацию о датировке кушнаренковских и караякуповских комплексах (Иванов 1999, 43–47). Во всяком случае, он никак на нее не отреагировал – типично постмодернистский подход: Боталов 2016, 502.

³⁹ Боталов 2016, 493.

⁴⁰ Мощность культурного слоя которого до 2-х м, а время существования, как поселения, до 1000 лет.

⁴¹ Иванов 2012, 410–411.

⁴² Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское поселения: Мажитов 1962, 151; Генинг 1977, 116.

ЛИТЕРАТУРА

- CONGRESSUS 1980: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus 9.–15. Septembres 1975. Pars II. Budapest 1980.
- MESTERHÁZY 2003: Mesterházy, K.: The archaeological research of the conquest period. In: *Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium*. Ed.: Visy, Zs. Budapest 2003, 321–325.
- АХМЕРОВ 1952: Ахмеров, Р. Б.: Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. *Советская этнография* 1952:3, 36–49.
- БЕЛАВИН–ИВАНОВ–КРЫЛАСОВА 2009: Белавин, А. М. – Иванов, В. А. – Крыласова, Н. Б.: *Угры Предуралья в древности и средние века*. Уфа 2009.
- БОТАЛОВ 2008: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2008.
- БОТАЛОВ 2016: Боталов, С. Г.: Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза)*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 468–531.
- БОТАЛОВ–ГРУДОЧКО 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово). В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 79–99.
- БОТАЛОВ и др. 2008: Боталов, С. Г. – Тидеман, Е. В. – Лукиных, А. А. – Вохменцев, М. П.: Новые материалы исследований Большого Бакальского городища. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 6–41.
- ВЕРЕШ 1995: Вереш, П.: Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса. *Acta Ethnographica* 1995, 19–48.
- ГЕНИНГ 1977: Генинг, В. Ф.: Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.). В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Ред.: Кузеев, Р. Г. – Мажитов, Н. А. – Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1977, 90–136.
- ГУЩИНА–БОТАЛОВ 2016: Гущина, Е. В. – Боталов, С. Г.: Большое Бакальское городище. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 361–409.
- ДЬЁНИ–ОВЧИННИКОВА 2008: Дьёни, Г. – Овчинникова, Б.: *Протовенгры на Урале в трудах венгерских и российских ученых*. Екатеринбург 2008.
- ЗИМОНИ 2000: Зимони, И.: Венгры в Волжско-Камском бассейне? *Finno-Ugrica* 2000:1, 5–41.
- ИВАНОВ 2008: Иванов, А. Г.: Группы кушнареновско-караякуповского населения между Камой и Вяткой. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 147–161.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- ИВАНОВ 2009: Иванов, В. А. Ещё раз о «кушнареновско-караякуповской проблеме». В: *Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова*. Отв. ред.: Галимова, М. Ш. Казань 2009, 177–196.
- ИВАНОВ 2012: Иванов, В. А.: Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II). В: *Золотоордынская цивилизация* 5. Отв. ред.: Миргалеев, И. М. Казань 2012, 404–414.

- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- ЛИФАНОВ–СЕДОВА 2003: Лифанов, М. А. – Седова, М. С.: Средневековые угорские погребения на Самарской Луке. В: *Археология Восточноевропейской лесостепи*. Отв. ред.: Белорыбкин, Г. Н. – Ставицкий, В. В. Пенза 2003, 306–314.
- МАЖИТОВ 1959: Мажитов, Н. А.: Поселения бахмутинской культуры. В: *Башкирский археологический сборник*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. – Кузеев, Р. Г. Уфа 1959, 150–151.
- МАЖИТОВ 1962: Мажитов, Н. А.: Поселение Ново-Турбаслинское II. *Археология и этнография Башкирии* I. Ред.: Кузеев, Р. Г. – Сальников, К. В. Уфа, 1962, 151–161.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири*. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2007, 63–75.
- МАТВЕЕВА–БЕРЛИНА–РАФИКОВА 2008: Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В. – Рафикова, Т. Н.: *Коловское городище*. Новосибирск 2008.
- МОЛЬНАР 1955: Мольнар, Э.: Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 13 (1955) 137.
- НАПОЛЬСКИХ 2005: Напольских, В. В.: Йогра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия). *Антропологический форум* 2005:3, 2–30.
- МЕРПЕРТ 1958: Мерперт, Н. Я.: Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях. В: *Очерки истории СССР. III–IX вв. н.э.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1958, 674–683.
- ПАСТУШЕНКО 2008: Пастушенко, И. Ю.: Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы (керамический комплекс). В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 142–146.
- ПИЛИПЧУК 2015: Пилипчук Я. В.: Башкирсько-угорська проблема (дискурс джерел та стереотипи історіографії). В: *Український історичний збірник* 18. Ред.: Чухлиб, Т. Київ 2015, 288–299.
- ПИЛИПЧУК 2015а: Пилипчук, Я. В.: Предыстория венгров и венгеро-пермская проблема. *Гасырлар Авазы – ЭхоВеков* 2015:1/2, 121–132.
- ПРОБЛЕМЫ 2008: *Проблемы бакальской культуры: материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры, г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008.
- РАФИКОВА–МАТВЕЕВА–БЕРЛИНА 2008: Рафикова, Т. Н. – Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В.: Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища В: *Ab Origine. Проблемы генезиса культур Сибири* 2. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2008, 84–113.
- РУДЕНКО 2013: Руденко, К. А.: О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения среднего Поволжья «в эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане). В: *Теория и практика археологических исследований*. Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2013:2, 58–74.
- САВЕЛЬЕВ–ЯБЛОНСКИЙ 2014: Савельев, Н. С. – Яблонский, Л. Т.: Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала. В: *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Серия «Археология евразийских степей»* 20. Ред.: Кузьминых, С. В. – Чижевский, А. А. Казань 2014, 478–504.
- СПИЦЫН 1914: Спицын, А. А.: Венгерские вещи X века в России. *Известия Императорской Археологической Комиссии* 53. Петроград 1914, 107–110.
- СТАШЕНКОВ 2016: Сташенков, Д. А.: О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум по археологии. Тезисы*. Ред.: Тюрк, А. Budapest 2016, 12.

- СТЕПАНОВ 1964: Степанов, П. Д.: Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. В: *Археология и этнография Башкирии* II. Уфа 1964, 144–146.
- ТЮРК 2016: Тюрк, А.: Актуальные вопросы теории и практики исследования происхождения угромagyar. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум по археологии*. Тезисы. Ред.: Тюрк, А. Budapest 2016, 4.
- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- ШМИДТ 1929: Шмидт, А. В.: *Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. «Хозяйство Башкирии»*. Уфа 1929, 8–9, 26.

ПОЯСНЫЕ СУМОЧКИ ИЗ ПРЕДУРАЛЬЯ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ЕВРОПЕ

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА КРЫЛАСОВА * – АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЛАВИН **

Ключевые слова: *Восточная Европа, Пермский край, эпоха средневековья, поясные сумочки, лицевые пластины сумочек*

Kulcsszavak: *Kelet-Európa, Permi terület, középkor, tarsolyok, tarsolylemezek*

Наталья Борисовна Крыласова – Андрей Михайлович Белавин

Поясные сумочки из Предуралья и их распространение в Европе

В период IX–XI вв. на обширных пространствах Европы от Урала на Востоке до Венгрии и Скандинавии на Западе распространилась мода на поясные кошельки, которые обычно дополняли костюм знатных мужчин. Существуют основания предполагать, что эта мода зародилась на Урале. Оттуда венгры привнесли ее на новую Родину, где средневековые сумочки продолжили свое развитие – особо ценные экземпляры получили украшение в виде серебряных лицевых пластин с позолотой и чеканным орнаментом. На территории России лицевые пластины сумочек встречаются сравнительно редко. В статье рассматриваются новые находки подобных изделий на территории Предуралья, высказывается предположение об их местном производстве.

Natalja Boriszovna Krilaszoza – Andrej Mihajlovics Belavin

Az Urál nyugati előterének tarsolyleletei és európai elterjedésük

A 9–11. századi Európában hatalmas területen terjedt el a tarsolyviselés divatja, az Uráltól egészen a Kárpát-medencéig és Skandináviáig. A tarsolyok általában a rangos férfiak viseletéhez tartoztak. Megalapozott az a feltételezés, hogy ez a divat az Urál térségében alakult ki. Innen a magyarok továbbvitték magukkal új hazájukba, ahol a középkori tarsolyok tovább folytatták önálló fejlődésüket. A különösen értékes darabokat ezüstből készült, aranyozott felületű és cizellált mintákkal díszített lemezekkel ékesítették. Oroszország területén a tarsolylemezek viszonylag ritka leletnek számítanak. A tanulmányban a szerzők áttekintik az Urál nyugati előterének legújabb tarsolyleleteit, és azok helyi készítése mellett érvelnek.

Использование поясных кошельков и сумочек было широко распространенным явлением до той поры, пока в костюме не появились карманы, что произошло, согласно данным исследователей костюма, не раньше XVI–XVII веков. Необходимость хранить и носить при себе разные мелкие вещи возникла давно. Анне-Софи Греслунд приводит несколько фактов существования уже в эпоху бронзы и раннего железного века простых кожаных кошельков, стянутых сверху шнуром или ремнем.¹ В эпоху средневековья поясные кошельки и сумочки получили практически повсеместное распространение.

Стоит оговориться, что у исследователей не существует единой точки зрения на то, что следует относить к кошелькам, а что – к сумочкам. К примеру, Т. С. Варфоломеева отмечает, что слово «кошелек» в большей степени ассоциируются с вместилищами для денег, хотя, судя по источникам, они имели и множество иных названий, а слово «кошелек» и его производные обозначали разнообразные вместилища разного назначения из разных материалов и разных размеров.² В этимологических справочниках отмечается, что слово «кошелек» использовалось с первого столетия нашей эры для обозначения сумки или

* Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а, n.krylasova@mail.ru

** Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а, belavin@pspu.ru

¹ GRÄSLUND 2014.

² ВАРФОЛОМЕЕВА 1997, 105.

мешка, в которой переносились разные необходимые в обиходе вещи и предметы, а использование термина «кошелек» в его современном значении «небольшого плоского предмета для наличности» датируется 1834 г.³ По Анне-Софи Греслунд «под кошельками обычно понимают простые стянутые шнурком кожаные мешочки, в то время как сложную конструкцию с закрывающимся клапаном и металлической накладкой характеризуют как сумки».⁴ Таким образом, одни исследователи выделяют кошельки по назначению, другие – по конструкции. Суть же при этом остается одной, и, учитывая, что кошельки – это вариант сумок, мы будем использовать термин «сумочки».

О раннесредневековых поясных сумочках доподлинно ничего неизвестно, хотя это вовсе не означает, что их не было. Вероятнее всего, могли использоваться простые мешочки из органических материалов. В Западной Европе сумочки, в которых хранили огниво, предметы гигиены, нитки с иглками и прочие мелочи, обычно носили на поясе нижнего платья, поэтому на миниатюрах они не запечатлены. мода на поясные сумочки, которые носили напоказ, была заимствована в середине XII в. с Востока. На Руси, согласно выводам Т. С. Матехиной (Варфоломеевой), отмечается повсеместное распространение ношения на поясе кошелеков и сумок в XII–XV вв. и далее сокращение их использования при появлении одежды с карманами.⁵

На фоне этого как отдельное явление можно рассматривать моду на поясные сумочки, которая в IX–XI вв. охватила обширные пространства Европы от Урала на Востоке до Венгрии и Скандинавии на западе. Наиболее хорошо они известны в Пермском крае, Удмуртии, Татарстане, Марийской и Мордовской республиках, Венгрии и Швеции. Преимущественно распространение поясных сумочек происходило вдоль

Волжского торгового пути с его ответвлением по Каме. Эта речная система, по мнению исследователей, сначала служила основным путем движения финно-угров из Прикамья и с Урала на запад – в район Балтики.⁶ В конце VIII – начале IX вв. сложился устойчивый маршрут торгового и транспортного сообщения, так называемый Балтийско-Волжский путь.⁷

Рассматриваемым сумочкам посвящено множество исследований, но в большинстве из них анализируются материалы отдельных памятников или территорий. А чтобы понять основы возникновения этой моды, следует охватить всю совокупность в целом и выделить в ней импорт и местные подражания привозным образцам, сопоставив сумочки с поясами, элементами которых они являлись, определить принадлежность и функциональное назначение сумочек. Из современных публикаций особо стоит отметить статью Т. Б. Никитиной, которая содержит классификацию и детальный анализ сумочек из Ветлужско-Вятского междуречья, выводы автора позволяют по-новому оценить эту категорию материальной культуры.⁸

Исследователи разделяют эти сумочки на несколько типов, но все они объединяются несколькими общими чертами: сумочки плоские лировидной формы из двух кусков кожи, скрепленных по краям металлическими обоймочками, накладками, пластинами или полутрубицами, сравнительно небольших размеров. Отдельно выделяются сумочки, характерные преимущественно для венгров, с металлическими пластинами, которые крепились на лицевой стороне сумочки, или, судя по реконструкциям, – на клапане, закрывавшем сумочку. Параллельно существовали и сумочки иных типов, – кожаные и берестяные, в виде мешочков, стянутых по устью, «конвертов» с клапаном, сумочки с накладками или пуговицами на лицевой стороне и пр., но мы остановимся только на наиболее

³ Кошелек 2016, 1.

⁴ GRÄSLUND 2014.

⁵ МАТЕХИНА 2009, 21.

⁶ ДУБОВ 1982, 20; БЕЛАВИН 2000, 182.

⁷ ЯНИН 1956, 81; КРОПОТКИН 1968, 115; ДУБОВ 1982, 20.

⁸ НИКИТИНА 2013, 151–161.

популярных лировидных кожаных сумочках с металлическим обрамлением.

По мере накопления археологического материала, подобным сумочкам приписывалось различное происхождение – от скандинавского до болгарского. К примеру, исследователи Бирки первоначально приписывали им скандинавское происхождение, хотя считали, что форма их могла быть заимствована от венгерских ташек. Арбман, принимая во внимание бронзовые пуговицы на клапане одной из сумочек, предполагал, что они могли изготавливаться в русских поселениях скандинавов, а не в самой Швеции.⁹ По мнению Сёрлинга, они изготавливались в Бирке и распространились оттуда посредством торговли.¹⁰ Но как отмечала Анне-Софи Греслунд, находки аналогичных сумочек в Танкеевском могильнике¹¹ доказывают, что форма их была, скорее всего, перенята с Востока.¹² И. Фодор предполагал, что традиции использования подобных сумочек зародились в восточно-европейской степи и лесостепи.¹³ Сейчас уже совершенно ясно, что первые образцы таких изделий возникли в финно-угорской среде жителей Предуралья. Однако их массовое распространение произошло, вероятно, благодаря волжским булгарам.

В Прикамье с IX в. (ломоватовская культура) распространились сумочки с округлым нижним краем, плавными боковыми краями и слабо выраженной горловиной, которые Т. Б. Никитина относит к типу 2.¹⁴ Их высота и ширина различаются незначительно, размеры варьируют от 7 до 15 см. Края их чаще всего скреплялись мелкими обоймочками, реже – парой металлических пластин, повторяющих контур сумочки,

или небольшими накладками, подобными тем, что использовались в составе поясных привесок. Нередко сумочки снабжались крышкой в виде разомкнутой трубочки из сплава на медной основе. Фрагменты сумочек выявлены на Пыштайском, Запосельском и Огурдинском могильниках, но наиболее широко они представлены на Баяновском и Рождественском могильниках. На Баяновском могильнике, раскопки которого активно проводятся в последние годы, выявлены также сумочки с округлым основанием и вытянутой горловиной (тип 1 по Т. Б. Никитиной)¹⁵ (рис. 1).

По соседству с Прикамьем поясные сумочки обнаружены в 9 погребениях Качкашурского 1 могильника IX–XIII вв.¹⁶ (рис. 2. 1–2) и в поселении Иднакар¹⁷ в Удмуртии (поломско-чепецкая культура). Среди сумочек Качкашурского могильника реконструированы экземпляры и приземистых и вытянутых пропорций¹⁸ (рис. 10. 13–14). А. Г. Иванов отмечает наличие крышек из полукруглой трубочки¹⁹ (рис. 2. 1–2).

В Татарстане сумочки представлены на памятниках ранней Волжской Булгарии: Танкеевском, Тетюшском, Лебяжском, 1 Балымерском могильниках, Семеновском и Измерском селищах.²⁰ Сумочки с металлическими окантовками здесь были невелики – шириной 5–6, длиной 13–15 см, лировидной формы, с овальной нижней частью и расширяющейся в виде раструба верхней частью²¹ – тип 1 по Т. Б. Никитиной²² (рис. 2. 3–6). Наиболее хорошо известны сумочки Танкеевского могильника, где Е. П. Казаковым выделен значительный прикамско-приуральский

⁹ ARBMAN 1942, 315.

¹⁰ SÖRLING 1939, 55.

¹¹ KHALIKOVA-KAZAKOV 1977, 62.

¹² GRÄSLUND 2014.

¹³ FODOR 1982, 259–260.

¹⁴ НИКИТИНА 2013, 152.

¹⁵ НИКИТИНА 2013, 151.

¹⁶ ИВАНОВ 1991, 149.

¹⁷ ЗАЙЦЕВА 2008, 79.

¹⁸ ИВАНОВ 1991, 161.

¹⁹ ИВАНОВ 1991, 149.

²⁰ КАЗАКОВ 2001, 173.

²¹ КАЗАКОВ 1992, 144.

²² НИКИТИНА 2013, 151.

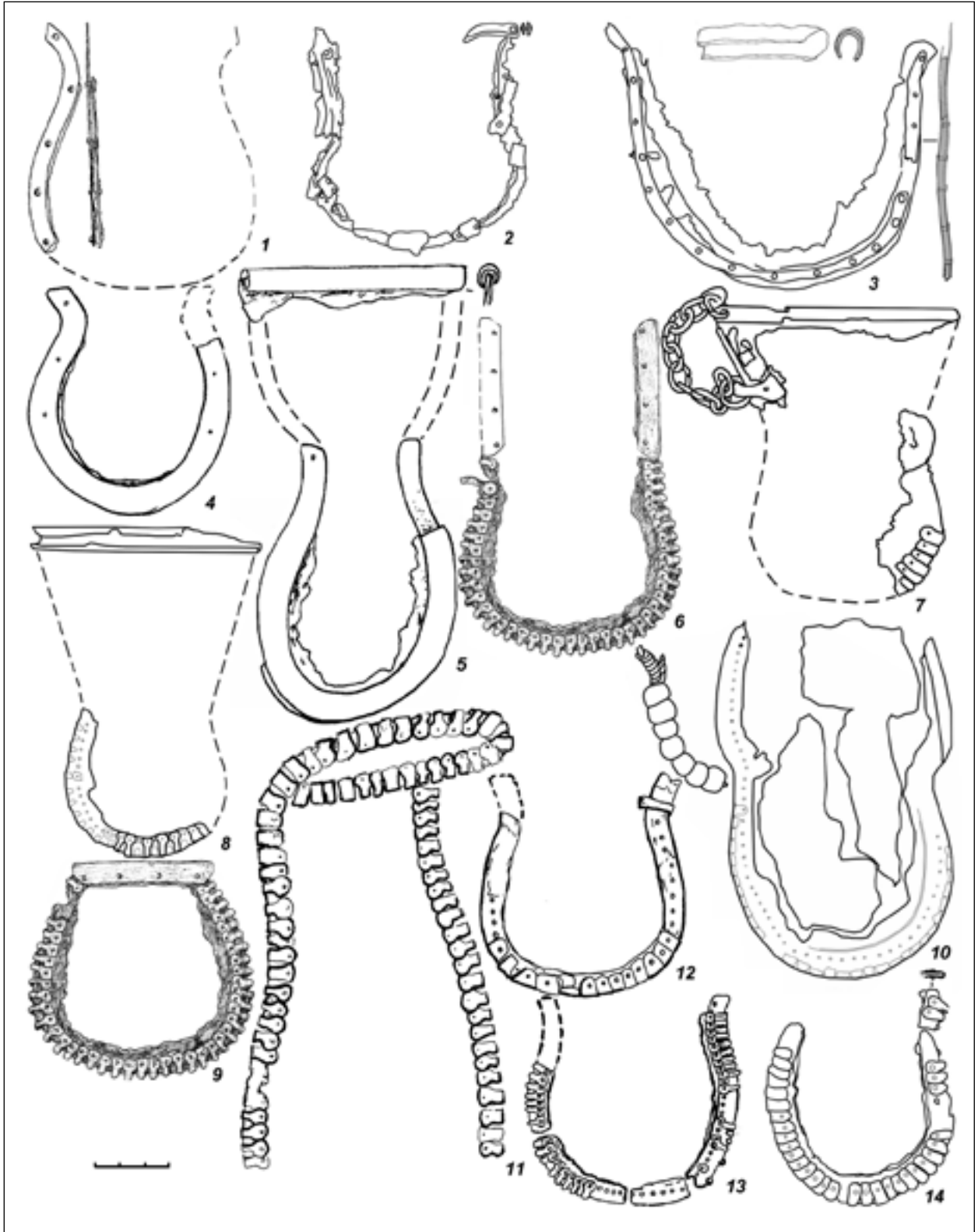

Рис. 1. Сумочки из Пермского края. 1: Рождественское городище; 2–3: п. 196, 253 Рождественского могильника; 4: п. 15 Пыштайнского могильника; 5–10: п. 73, 68, 133, 278, 67, 277 Баяновского могильника; 11–14: п. 83, 98, 24, 264-б Рождественского могильника

1. kép. Tarsolyok a Permi területről. 1: Rozsgyesztvenszki erődített település; 2–3: Rozsgyesztvenszki temető, 196. és 253. sír; 4: Pistajni temető, 15. sír; 5–10: Bajanovói temető, 73., 68., 133., 278., 67. és 277. sír; 11–14: Rozsgyesztvenszki temető, 83., 98., 24. és 264-b sír

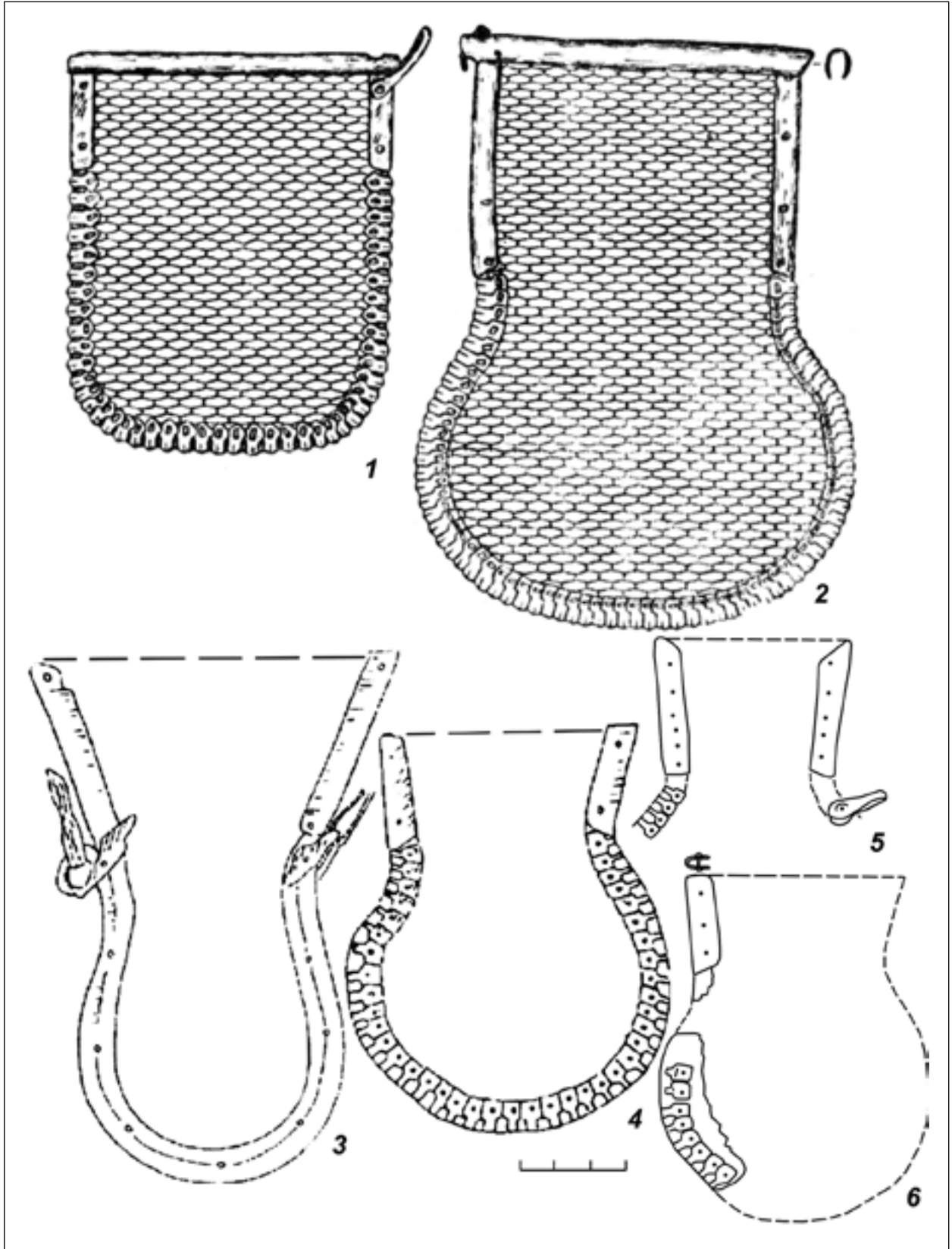

Рис. 2. Сумочки с территории Удмуртии и Татарстана. 1–2: Качкашурский могильник (по А. Г. Иванову);
3–4: Танкеевский; 5: Бальмерский могильник; 6: Лебяжеское погребение (по Е. П. Казакову)

2. kép. Tarsolyok Udmurtföld és Tatársztán területéről. 1–2: Kacskasuri temető (A. G. Ivanov nyomán); 3–4: Tankejevka-i temető;
5: Balimeri temető; 6: Lebjazsszkajai sír (E. P. Kazakov nyomán)

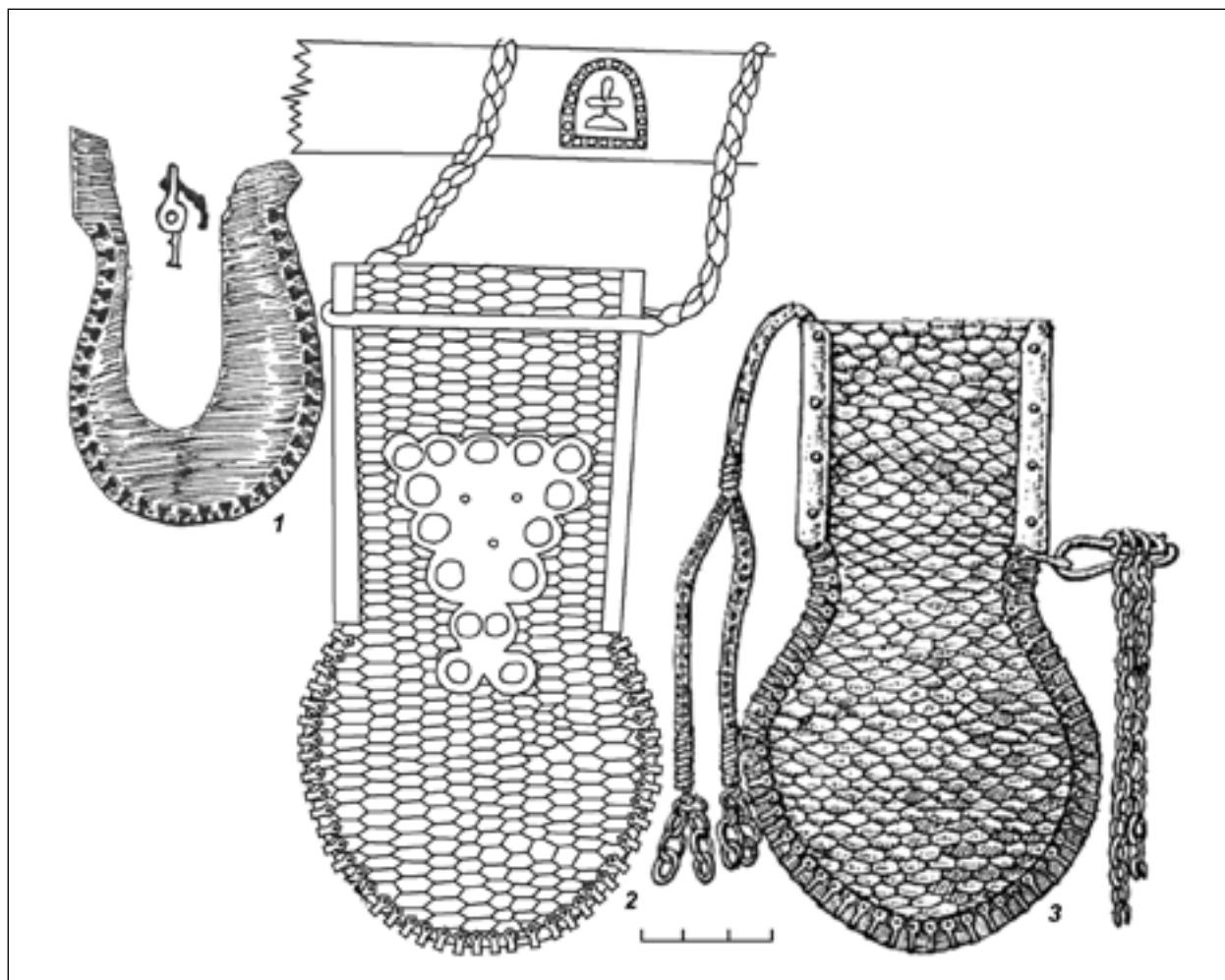

Рис. 3. Сумочки с территории Марий Эл. 1: Дубовский; 2–3: Веселовский могильники (по Т. Б. Никитиной)
3. kép. Tarsolyok Mariföldről. 1: Dubovszkiji temető; 2–3: A Veszélov-tanyán feltárt temető (Т. В. Nyikityina nyomán)

компонент, преимущественно ломатовско-поломский, о чем свидетельствует погребальный обряд, круглодонная посуда, погребальные маски, шумящие подвески, специфические культовые изделия и пр., та же ситуация прослеживается на Тетюшском могильнике.²³ Вполне вероятно, что с этим компонентом могли быть связаны и лировидные поясные сумочки. В X в., как считает Е. П. Казаков, на базе расширенного ремесленного производства они распространились из Волжской Болгарии на территорию Марийской и Мордовской республик и далее вплоть до Скандинавии.²⁴

В Ветлужско-Вятском междуречье на территории республики Марий Эл поясные сумочки найдены в погребениях и жертвенных комплексах Дубовского, Русенихинского, Юмского, «Черемисское кладбище», «Нижняя стрелка», Веселовского и Юмского могильников. Подавляющее большинство из них отнесено Т. Б. Никитиной к типу 1 – с округлой нижней частью и горловиной в форме цилиндра или раструба.²⁵ В меньшей степени представлены сумочки типа 2, подобные прикамским и венгерским, а остальные типы (всего их пять) представлены единичными находками²⁶ (рис. 3).

²³ Казаков 1992, 246.

²⁴ Казаков 2001, 173.

²⁵ Никитина 2013, 151.

²⁶ Никитина 2013, 152–156.

Рис. 4. Сумочки с территории Мордовии. 1: Лядинский; 2–5: Крюково-Кужновский могильники (по М. С. Королевой)
4. kép. Tarsolyok Mordvinföldről. 1: Ljadai temető; 2–5: Krjukovo-kuzsnovói temető (M. Sz. Koroljeva nyomán)

В бассейне Оки на территории Мордовии кожаные сумочки с металлической окантовкой встречены в погребениях Крюково-Кужновского, Лядинского, Пановского, II Старобадиковского могильников.²⁷ Среди них есть сумочки с округлым основанием и вытянутой горловиной (вариант 1 по М. С. Королевой), сумочки без четко выраженной горловины (вариант 2), в том числе

– с клапаном (вариант 3), а также сумочки без металлической окантовки, но с трубочным креплением по горлу (вариант 4)²⁸ (рис. 4).

В Швеции в могильнике Бирка, по меньшей мере, в пяти захоронениях обнаружены лировидные сумочки с удлиненной горловиной, с однослойным или двойным чеканным обрамлением (рис. 5. 1–3). Анне-Софи Греслунд, вслед за

²⁷ КОРОЛЕВА 2016, 249.

²⁸ КОРОЛЕВА 2016, 250–252.

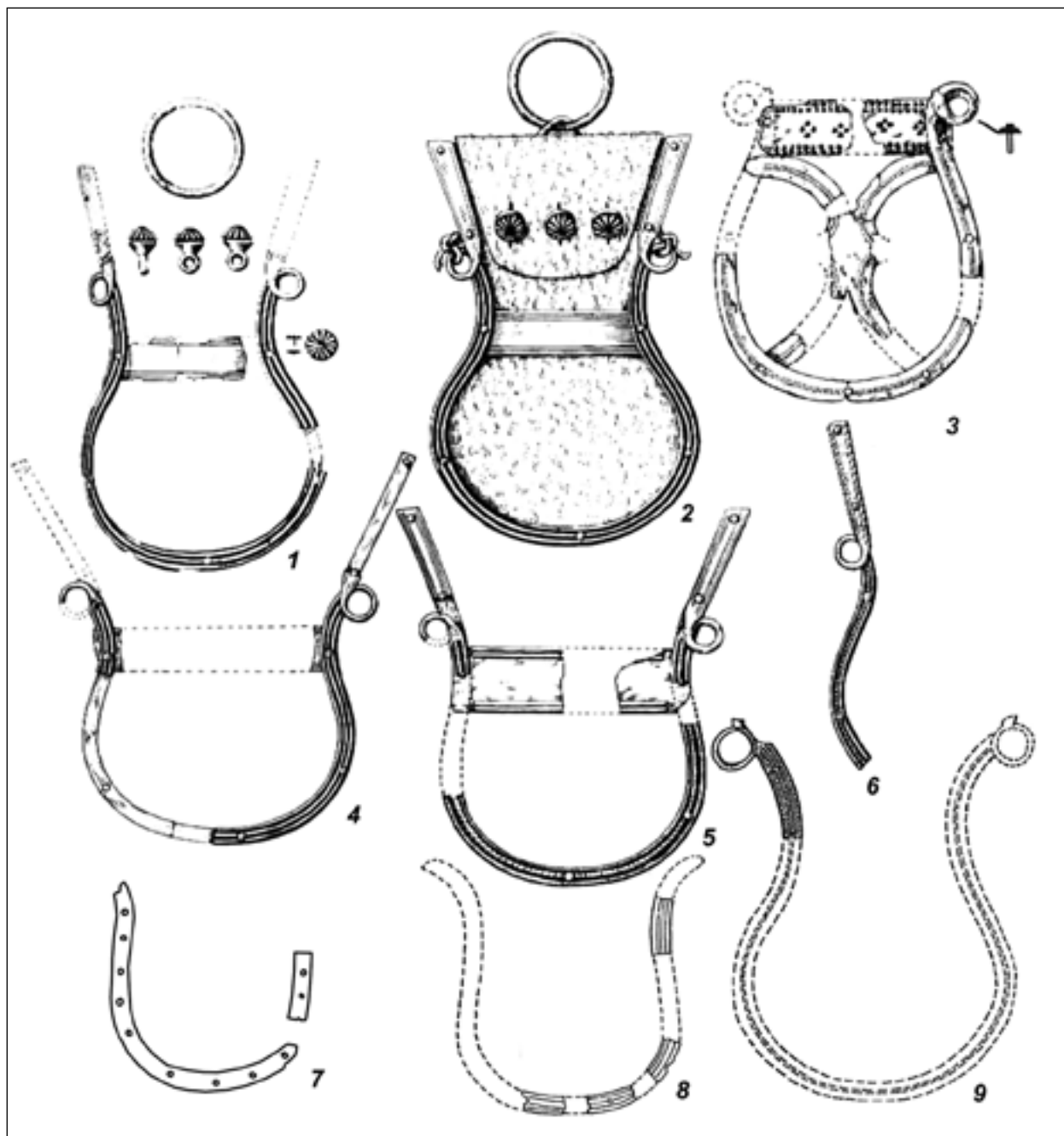

Рис. 5. Сумочки из Швеции и другие западные аналоги. 1–3: могильник Бирка; 4: о. Готланд; 5: Norra Abyggeby, Hille, Gastrikland; 6: Skane (по Э. Сёрлингу); 7: Латвия, Гробиня; 8–9: Гнездово (по ОВЧАРЕНКО–ГОНЧАР 2016)

5. kép. Tarsolyok Svédországból és egyéb nyugati párhuzamok. 1–3: Birkai temető; 4: Gotland sziget; 5: Norra Abyggeby, Hille, Gastrikland; 6: Skane (E. Sörling nyomán); 7: Grobiņa (Lettország); 8–9: Gnyozdovo (ОВЧАРЕНКО–ГОНЧАР 2016 nyomán)

Э. Сёрлингом, упоминает также единичные аналоги им на о. Готланд, в Gastrikland, в Латвии и Финляндии, в Гнездово²⁹ (рис. 5. 4–6). Справедливости ради следует отметить, что, не смотря

на форму и конструкцию, схожую с восточными образцами, сумочки из Бирки имеют отличительные особенности. В частности, как отмечал Эрик Сёрлинг, лицевые оковки сумочек декори-

²⁹ GRÄSLUND 2014.

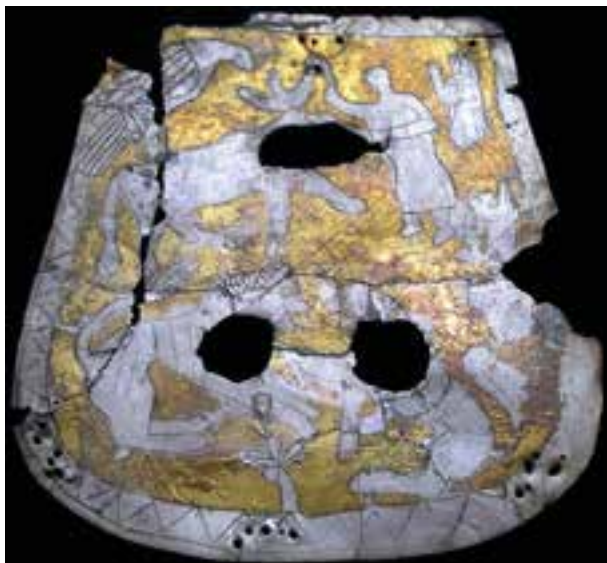

Рис. 6. Лицевая пластина сумочки. Пермский край
6. kép. Tarsolylemes (Permi terület)

рованы узором в виде параллельных рельефных ребер, идущих вдоль окантовки, иногда дополнительно украшены «бусинным» орнаментом, насечками, линией маленьких выбитых пуансоном треугольников, в верхней части лицевая окковка сужена и свёрнута в петли для подвешивания сумочки на пояс. Восточные находки, в частности из Танкеевки, он счел более грубым подражанием,³⁰ действительно, в них чаще всего использовались простые пластины без декоративной отделки. Вполне вероятно, что скандинавы самостоятельно изготавливали сумочки по восточным образцам.

Проследив распространение лировидных поясных сумочек вдоль Волжского пути, можно сделать вывод о том, что среди них преобладали сумочки с вытянутой горловиной (тип 1, по Т. Б. Никитиной), а сумочки приземистых пропорций, зародившиеся в Прикамье, представлены в меньшей степени.

Но сумочки именно такой формы были привнесены венграми в Паннонию, где они продолжили свое развитие – особо ценные экземпляры получили украшение в виде серебряных лицевых пластин с позолотой и чеканным орнамен-

Рис. 7. Фрагменты сумочки с остатками серебряной лицевой пластины. Баяновский могильник, погр. 137 (раскопки А. В. Данича)

7. kép. Tarsoly maradványai és az ezüst tarsolylemes töredékei. Bajánovói temető 137. sír (A. V. Danyics ásatása)

том. За пределами Венгрии находки сумочек с лицевыми пластинами крайне редки.

Наиболее ранняя из них, датируемая IX в., которая имела вторичное использование в качестве погребальной маски, обнаружена грабителями в Пермском крае (рис. 6). В нижней части этой пластины помещен сюжет с парой львов по бокам «дерева жизни», в верхней – местный сюжет с антропоморфной фигурой, лосем, хищной птицей и другими образами. Канон изображений и технология изготовления характерны для уральской традиции.³¹ Эта находка дает основание предполагать, что украшение сумочек лицевыми пластинами могло возникнуть еще до переселения венгров в Паннонию.

В последние годы в Прикамье обнаружены фрагменты еще двух таких изделий на Баяновском могильнике. В погребении 137 на остатках

³⁰ SÖRLING 1939, 55.

³¹ БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА 2008, 215–218; БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА 2010, 210–234; БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА–ТҮРК 2014, 457–496.

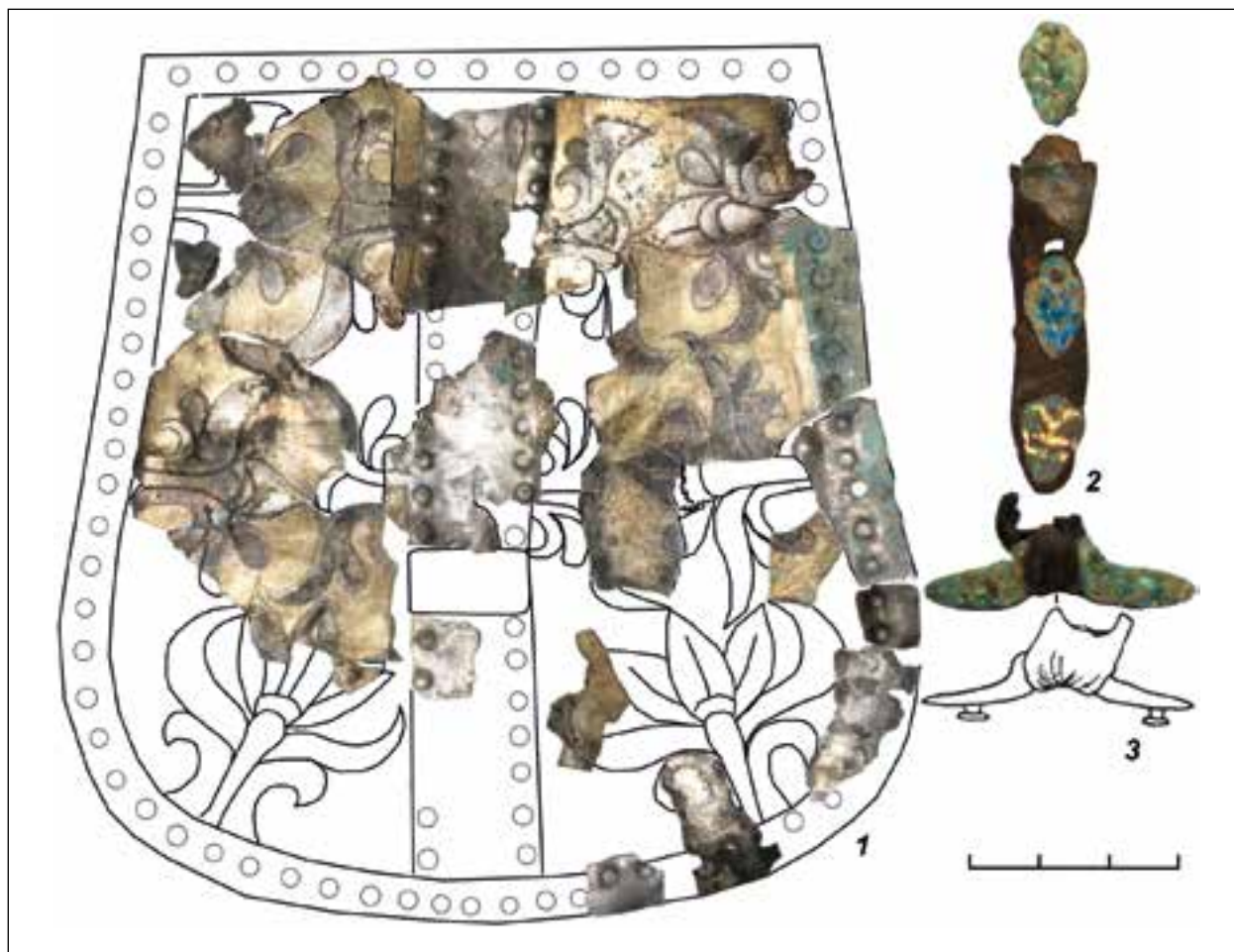

Рис. 8. Реконструкция лицевой пластины сумочки. Баяновский могильник, погр. 279 (раскопки А. В. Данича)
8. kép. A bajanóvi temető 279. sírjából előkerült tarsolylemez rekonstrukciója (A. V. Danyics ásátása)

кожаной сумочки сохранились только небольшие фрагменты серебряной фольги, на некоторых из них прослеживаются детали орнамента, нанесенного гравировкой (рис. 7). В большей степени сохранились остатки лицевой пластины сумочки из погребения 279, реконструированной при участии А. Тюрка и А. Штромаера (рис. 8. 1). Она покрыта растительным орнаментом, характерным для венгерского стиля, но нанесенным с помощью гравировки (дрожжировки), характерной для урало-венгерской техники, центральная полоса и контур пластины оформлены чеканными выпуклинами – «перлами», типичными для прикамской ювелирной техники. Фон пластины гладкий, позолоченный. Сумочка закрывалась с

помощью бронзовой скобы (рис. 8. 3), в которую продевался ремешок, украшенный бронзовыми накладками с позолотой (рис. 8. 2).

В Ветлужско-Вятском междуречье долгое время была известна только одна пластина из Веселовского могильника, ставшая энциклопедической (рис. 10), с типичным венгерским орнаментом из пальметт в плетении и парой львов по бокам «древа жизни». ³² В 2011 г. обнаружены фрагменты еще одной подобной пластины с парой львов в жертвенном комплексе Русенихинского могильника ³³ (рис. 11).

В Мордовии металлической пластиной с орнаментом были покрыты сумки из погребений 400 и 472 Крюково-Кужновского могильника,

³² ДАРКЕВИЧ 1976, 173.

³³ НИКИТИНА 2013, 152–153.

Рис. 9. Поясной набор и содержимое сумочки из погр. 279 Баяновского могильника
 9. kép. Veretes öv és a tarsoly tartalma a bajanovói 279. sírból

но, к сожалению, они не сохранились до наших дней.³⁴ В Бирке, в одном погребении, обнаружен маленький фрагмент позолоченной серебряной пластины с выгравированным растительным орнаментом, но, однако, достаточный, чтобы мож-

но было сказать, что весь клапан сумочки был покрыт металлом.³⁵

Три совершенно новых пластины представлены в каталоге эрмитажной выставки в Казани «Путешествие Ибн Фадлана». Они приобретены

³⁴ МАТЕРИАЛЫ 1952, 127, 150; КОРОЛЕВА 2016, 252.

³⁵ GRÄSLUND 2014.

Рис. 10. Лицевая пластина сумочки. Веселовский могильник, погребение 19 (по В. П. Даркевичу)

10. kép. Tarsolyelem a Veszélov-tanyán feltárt temető 19. sírjából (V. P. Darkevicics nyomán)

фондом Марджани у частных лиц, и, к сожалению, места обнаружения этих пластин не известны. Все три артефакта представляют собой серебряные пластины, наложенные на железную основу, крепившуюся на оборотной стороне клапана сумочки. В центральной части у них – прямоугольное отверстие для вставки скобы, в которую продевался ремешок, закрывающий клапан сумочки. Все пластины украшены орнаментальными фигурами, покрытыми позолотой. В одном случае – это симметричный растительный орнамент (рис. 12); во втором – пара львов со стилизованными пальметтами над ними (рис. 13); в третьем – многофигурная композиция, включающая расположенных напротив друг друга хищника из семейства кошачьих и существа, напоминающего собаку, под лапами «кошки» еще какой-то зверь (выдра?), опрокинутый на спину, в верхнем ярусе композиции с одной стороны помещен всадник, с другой – ан-

Рис. 11. Лицевая пластина сумочки. Русенихинский могильник, жертвенный комплекс (по Т. Б. Никитиной)

11. kép. Tarsolyelem a ruszenyihai temető egyik áldozati gödréből (T. B. Nyikityina nyomán)

тропоморфное существо с поднятыми руками, как бы поддерживающее или подбрасывающее фигуру в форме трилистника (рис. 14).³⁶

К. А. Руденко, подготовивший описание данных пластин, предположил, что они могли быть произведены в Хазарии.³⁷ Однако, на наш взгляд, эти пластины можно отнести к кругу «урало-венгерской» торевики, особенности которой выделены Н. В. Федоровой: если для венгерского стиля характерно обязательное наличие сложного и весьма специфического, легко узнаваемого растительного орнамента, зооморфные изображения единичны, а антропоморфные полностью отсутствуют, то для уральского типичны зооморфные и антропоморфные образы, а растительный орнамент лишь дополняет композиции; элементы композиции разрежены; изображены либо всадники, либо какие-то мифологические сюжеты с явными следами уральской изобразительной манеры. В частности, Н. В. Федорова рассматривает пять блюд и чаш, на одном из которых изображен лев, на остальных – всадники.³⁸ Урало-

³⁶ Путешествие 2016, 251–253.

³⁷ Путешествие 2016, 337–341.

³⁸ Федорова 2003, 140–143.

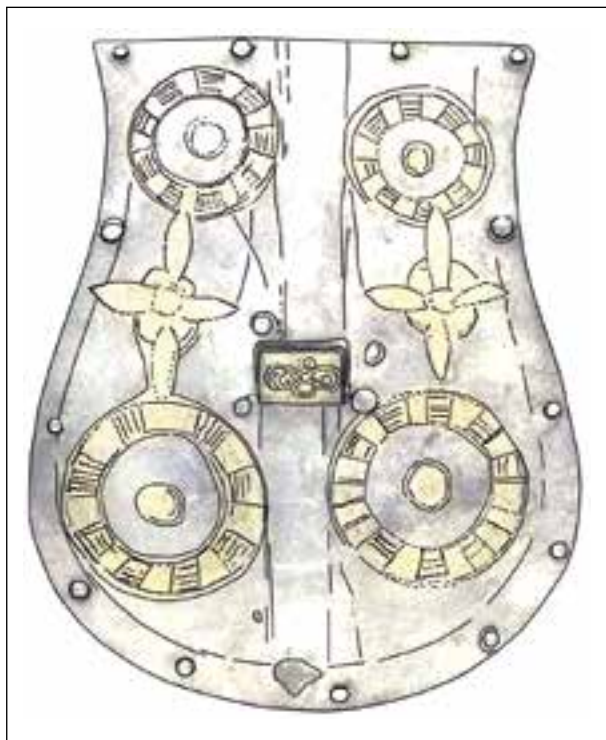

Рис. 12. Лицевая пластина сумочки
(по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 252)

12. kép. Tarsolylemez (forrás: ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 252)

Рис. 13. Лицевая пластина сумочки
(по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 251)

13. kép. Tarsolylemez (forrás: ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 251)

венгерский стиль отличается и особенностями ювелирной техники (подробнее см. статью Ю. А. Подосеновой в настоящем сборнике). Дополнительно стоит отметить то, что, либо фон, либо фигуры позолочены. К. А. Руденко отмечает, что прием золочения широко применялся венгерскими ювелирами IX–X вв., тогда же он был не менее популярен в Прикамье, в то время, как в волжско-болгарских материалах этого периода золочение практически не известно.³⁹ Как отмечает К. Г. Карачаров, расцвет урало-венгерского стиля приходится на период, близкий к рубежу IX–X веков, когда происходит разделение угорских племен. Изделия в урало-венгерском стиле несколько отличаются от изделий, приписываемых Западной Венгрии, но, тем не менее, в двух стилях улавливаются общие черты, свидетельствующие в пользу их единого происхождения.⁴⁰

Среди находок лицевых пластин сумочек, обнаруженных за пределами Венгрии, как минимум на пяти экземплярах представлена композиция с парой кошачьих хищников. Пока осторожно, по причине небольшого количества находок, можно предположить, что этот сюжет в оформлении пластин были типичен для восточноевропейских сумочек, причем, за исключением известной веселовской находки, все они изготовлены в уральских ювелирных мастерских, и датируются преимущественно X веком – то есть временем после переселения венгров в Панонию. В самой же Венгрии, где известно около трех десятков пластин, лишь на одной, найденной в могильнике Bezdéd, изображены два дракона по бокам древа жизни, привычных для иранского искусства.⁴¹

Однозначно определить функциональное назначение рассматриваемых сумочек затруд-

³⁹ ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, 337.

⁴⁰ КАРАЧАРОВ 2005, 52.

⁴¹ FODOR 1975, 259–260.

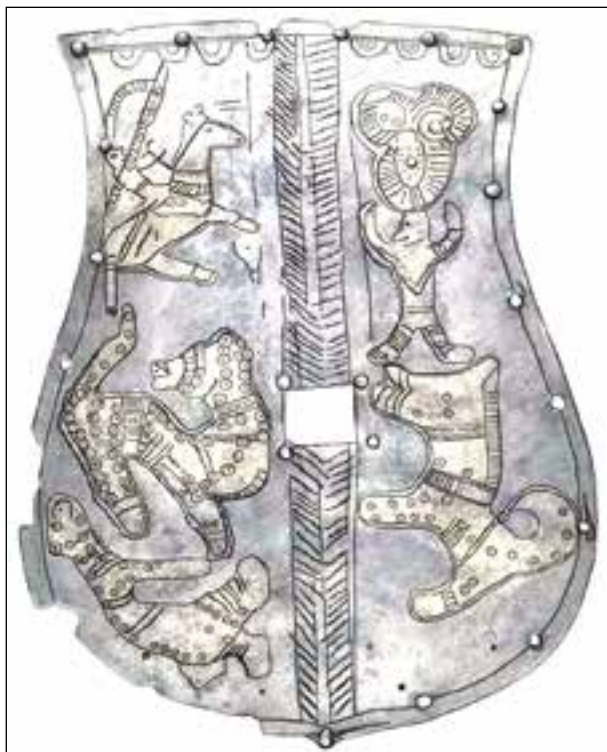

Рис. 14. Лицевая пластина сумочки
(Путешествие 2016, № 253)

14. kép. Tarsolyelemz (forrás: Путешествие 2016, № 253)

нительно, так как в большинстве случаев в них ничего не обнаружено. В тех случаях, когда в них фиксировалось содержимое, это чаще всего были детали огнива (кремни, реже кресала, железные трубицы для трута, трут в виде волокнистой массы, береста).⁴² Интересно, что в Бирке лировидные сумочки сопровождалась трубицами для трута, очевидно, не характерными для скандинавов, так как Анне-Софи Греслунд попыталась дать им иное объяснение. Желобовидные железные предметы, найденные с такими сумочками, она интерпретировала как кресала, которые могли быть прикреплены на окантовку сумки. Один предмет из погребения Vj 139 описывается подробно: «Он желобовидной фор-

мы, 5,8 см длиной, 0,8 см шириной и 0,8–0,9 см в поперечном сечении. На одном конце у него развернутая петля, в то время как другой конец отломан. Приблизительно посередине есть два маленьких отверстия, которые подошли бы для крепления на сумку».⁴³ Судя по этому описанию, предметы, безусловно, представляют собой трубицы для трута, известные в могильниках мери, муромы и мордвы V–VII вв.,⁴⁴ в могильниках Удмуртии и Пермского края конца IX–X вв., и на других территориях лесной полосы Восточной Европы.⁴⁵ Очевидно, что эти предметы проникли в Бирку вместе с сумочками, и такое устойчивое сочетание позволяет предполагать, что сумочки все же были предназначены, прежде всего, для деталей огнива.

Реже в сумочках обнаруживались монеты (хотя это вряд ли дает основание расценивать их как кошельки для наличности), предметы гигиены – гребешки, копоушки, зеркало в одном из погребений Бирки, отдельные украшения – браслеты, перстни, бубенчики, бусы.⁴⁶ В Баяновском могильнике в сумочке, на которой сохранились остатки серебряной лицевой пластины, находились деревянный гребешок (рис. 9. 3) и роговая солоничка с деревянными пробками (рис. 9. 2).⁴⁷ Это позволяет предполагать, что подобные предметы из органических материалов могли находиться в тех сумочках, которые найдены пустыми.

Интересные выводы получены при анализе сумочек из Ветлужско-Вятского междуречья. Во-первых, Т. Б. Никитина отмечает, что сумочки с вытянутой горловиной (тип 1) изготавливались из хвоста бобра, кожа на котором имела особую ячеистую структуру.⁴⁸ Подобная ячеистая поверхность кожи прослеживалась и раньше у сумочек из Удмуртии и Татарстана, и трактовалась, как кожа со специальным тиснением «булгари».⁴⁹ На форуме реконструкторов

⁴² GRÄSLUND 2014 ; НИКИТИНА 2013, 156–157; ИВАНОВ 1991, 149; КОРОЛЕВА 2016, 251–252.

⁴³ GRÄSLUND 2014, 128–136.

⁴⁴ ГОЛУБЕВА 1965, 258.

⁴⁵ КРЫЛАСОВА 2007, 181–182.

⁴⁶ GRÄSLUND 2014, 128–136; НИКИТИНА 2013, 156–157.

⁴⁷ БЕЛАВИН–ДАНИЧ–ИВАНОВ 2015, 127.

⁴⁸ НИКИТИНА 2013, 151.

⁴⁹ КАЗАКОВ 2001, 173.

нам удалось обнаружить фотографию сумочки, изготовленной на основе археологических источников,⁵⁰ где хорошо прослеживается структура кожи с хвоста бобра (*рис. 15*). Чтобы утверждать, насколько широко была распространена такая традиция, требуется проведение анализа кож сохранившихся сумочек, но вполне возможно, что именно форма кожаных пластин из хвоста бобра обусловила их небольшие размеры и вытянутую форму. Во-вторых, среди содержимого сумочек в одном из погребений могильника Нижняя Стрелка находились когти рыси, в двух сумочках из Русенихинского могильника – фрагмент истлевшей древесины и фрагмент шкуры из головной области лисы красной, фрагмент шкуры норки и человеческий волос, скрученный в жгут.⁵¹ В связи с этим, нельзя не согласиться с Т. Б. Никитиной в том, что рассматриваемые сумочки имели в большей степени культовое, а не функциональное назначение.

Все авторы подчеркивают, что в подавляющем большинстве рассматриваемые сумочки являлись элементом мужского костюма, есть лишь единичные примеры присутствия их в женских захоронениях, отличающихся богатством инвентаря и особым статусом (напр., женщины-«литейщицы»⁵²). По мнению Анне-Софи Греслунд, их можно рассматривать в качестве «сабельных сумок», в которых хранили кусок кремня и другие мелкие вещи. Такие сумки были четким показателем статуса.⁵³

Согласно выводам А. В. Козловой, уже на стадии становления Волжского торгового пути, вдоль него существовали различные неэтнические в своей основе образования, ориентированные на обслуживание торгового пути из государств Арабского Халифата через Хазарский каганат в Балтийский регион. Со временем на торговых путях сложилась особая торгово-дружинная социо-профессиональная группа, активно участвовавшая в функционировании речных и сухопутных отрезков торговых путей

Рис. 15. Реконструкция поясного кошелька из кожи с хвоста бобра (источник: <http://www.tforum.info/forum/uploads/post-2111-1329741891.jpg>) (дата обращения: 02.12.2018)

15. kép. Hódfarokból készült bőrtársoly rekonstrukciója (forrás: <http://www.tforum.info/forum/uploads/post-2111-1329741891.jpg>) (ellenőrzés dátuma: 2018. 12. 02.)

на территории от Каспийского и Черного моря до Балтики. В силу полиэтничности профессиональных военно-торговых образований, у них не сложилось единого комплекса вооружения и украшений, но, тем не менее, для них характерны четко выверенные столетиями легкие комплексы воинской одежды, предметы вооружения прогрессивных легких форм. Наборные пояса и сумки представляли собой неотъемлемую часть воинского снаряжения.⁵⁴ Среди рассмотренных А. В. Козловой украшений абсолютно доминируют украшения ремней и сумок. Они могли поставляться в готовом виде или в виде набора

⁵⁰ Режим доступа: <http://www.tforum.info/forum/index.php?showtopic=25901&hl=кошелек> (дата обращения: 17.04.2018).

⁵¹ НИКИТИНА 2013, 157.

⁵² НИКИТИНА 2013, 152.

⁵³ GRÄSLUND 2014.

⁵⁴ КОЗЛОВА 2006, 15.

металлической гарнитуры с последующим монтированием на месте, но, по мнению автора, такие случаи представляются возможными, но не массовыми.⁵⁵

Таким образом, пояса с сумочками являлись престижным элементом костюма, демонстрирующим определенный социальный статус владельца – принадлежность к элитарной части общества, в частности, к торгово-дружинной прослойке. Выводы, полученные А. В. Козловой, наводят на мысль о том, что сумочки могли изначально сопровождать готовые пояса, выступавшие предметом импорта. Это открывает новые перспективы для исследования: проследив взаимосвязь сумочек и поясных наборов, вместе с которыми они встречены, вероятно, можно будет решить вопрос о том, какие из них являлись импортными, а какие могли быть произведены на местах по привозным образцам. В частности,

сумочка из погребения 279 Баяновского могильника дополняла пояс с гарнитурой в венгерском стиле (*рис. 9. 1*). В выступлении на III Мадыарском симпозиуме О. В. Зеленцова отметила, что в проанализированных ею комплексах из Мордовии сумочки также сочетаются с «венгерскими поясами». Утверждать, что носителями таких поясов были именно представители угро-мадыарского этноса, можно только на основе сочетания в погребальной обрядности и комплексе инвентаря типичных «угорских» признаков (наличие сабли, «комплекса коня», погребального лицевого покрытия и пр.). Присутствие угорских воинов в составе наемников, охраняющих торговые пути, вполне допустимо. В других же случаях пояс с сумочкой мог являться предметом импорта, составлявшим неотъемлемую часть обмундирования представителей воинской элиты.

⁵⁵ Козлова 2006, 18–19.

ЛИТЕРАТУРА

- ARBMAN 1942: Arbman, H.: *Birka. Untersuchungen und Studien*. Bd. I. Stockholm 1942.
- BELAVIN–KRYLASOVA 2010: Belavin, A. M. – Krylasova, N. B.: Tarsolyemez Perm vidékéről (Sabretache Plate from the Perm Region). *Folia Archaeologica* 53 (2010) 210–234.
- BELAVIN–KRYLASOVA–TÜRK 2014: Belavin, A. M. – Krylasova, N. B. – Türk A.: Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkésziségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region). In: *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára*. Szerk.: Anders A. – Balogh Cs. – Türk A. Budapest 2014, 457–496.
- FODOR 1975: Fodor I.: *Verecke híres útján... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás*. Budapest 1975.
- FODOR 1982: Fodor I.: *In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest*. Budapest 1982.
- GRÄSLUND 2014: Gräslund, A-S.: Beutel und Taschen. In: *Birka II:1, Systematische Analysen der Grabefunde*. Stockholm 1984, 141–154.
- KHALIKOVA–KAZAKOV 1977: Khalikova, E. A. – Kazakov, E. P.: Le cimetière de Tankeevka. In: *Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Éd.: Erdélyi, I. *Studia Archaeologica* 6 (1977) 21–221.
- SÖRLING 1939: Sörling, E.: *Yksi kukkarot Viking age*. *Fornvännen* 34, 1939.
- БЕЛАВИН 2000: Белавин, А. М.: *Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях*. Пермь 2000.
- БЕЛАВИН–ДАНИЧ–ИВАНОВ 2015: Белавин, А. М. – Данич, А. В. – Иванов, В. А.: Древние мадьяры в Предуралье. В: *Венгры: древняя история и обретение Родины*. Отв. ред.: Фодор, И. Пермь 2015, 101–131.
- БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА 2008: Белавин, А. М. – Крыласова, Н. Б.: Редкий предмет из грабительских раскопок. В: *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической всероссийской научной конференции*. Отв. ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург 2008, 215–218.
- ВАРФОЛОМЕЕВА 1997: Варфоломеева, Т. С.: Средневековые кожаные кошельки. В: *Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции* 11. Новгород 1997, 105–114.
- ГОЛУБЕВА 1965: Голубева, Л. А.: К истории пластинчатых огнив Восточной Европы. В: *Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения*. МИА 130. Москва 1965, 257–259.
- ДАРКЕВИЧ 1976: Даркевич, В. П.: *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.* Москва 1976.
- ДУБОВ 1982: Дубов, И. В.: *Северо-восточная Русь в период раннего средневековья (IX–XII века)*. Автореферат дис. докт. ист. наук. Ленинград 1982.
- ЗАЙЦЕВА 2008: Зайцева, И. Е.: Изделия из цветных металлов и серебра. В: *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология*. Отв. ред.: Макаров, Н. А. Москва 2008, 57–142.
- ИВАНОВ 1991: Иванов, А. Г.: Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы. В: *Материалы по погребальному обряду удмуртов*. Отв. ред.: Иванова, М. Г. Ижевск 1991, 140–180.
- КАЗАКОВ 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории)*. Москва 1992.
- КАЗАКОВ 2001: Казаков, Е. П.: О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)* 2. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2001, 170–179.

- КАРАЧАРОВ 2005: Карачаров, К. Г.: Magna Hungaria: Искусство Уральской Венгрии. *Platinum* 2005:2, 52–53.
- КОЗЛОВА 2006: Козлова, А. В.: *Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий*. Автореферат дис. канд. ист. наук. Москва 2006.
- КОРОЛЕВА 2016: Королева, М. С.: Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв. *Поволжская археология* 2016:1 (15) 249–255.
- КОШЕЛЕК 2016: *Кошелек и портмоне. История и происхождение*. Доступ: <http://kosheleck.ru/page/portmone.html> (дата обращения: 02.12.2018)
- КРОПОТКИН 1968: Кропоткин, В. В.: Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX веков В: *Славяне и Русь*. Отв. ред.: Крупнов Е. И. Москва 1968, 72–79.
- КРЫЛАСОВА 2007: Крыласова, Н. Б.: *Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья*. Пермь 2007.
- МАТЕРИАЛЫ 1952: *Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. (Дневник археологических раскопок П. П. Иванова)*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. Моршанск 1952.
- МАТЕХИНА 2009: Матехина, Т. С.: *Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки*. Автореферат дис. канд. ист. наук. Москва 2009.
- НИКИТИНА 2013: Никитина, Т. Б.: Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. *Поволжская археология* 2013:2 (4) 151–161.
- ОВЧАРЕНКО–ГОНЧАР 2016: Овчаренко, А. – Гончар, А.: *Об одном из видов кошельков эпохи викингов*. Библиотека Ассоциации Гардарика: http://asgard.tgorod.ru/libri.php?cont=_purse (дата обращения: 02.12.2018)
- ПУТЕШЕСТВИЕ 2016: *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара*. Каталог выставки. Москва 2016.
- ФЕДОРОВА 2003: Федорова, Н. В.: Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций. В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 3*. Отв. ред.: Белавин, А. М. Пермь 2003, 138–154.
- ЯНИН 1956: Янин, В. Л.: *Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период*. Москва 1956.

«ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЕ» ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Юлия Александровна Подосёнова*

Ключевые слова: *Пермский край, эпоха средневековья, изделия древневенгерского происхождения, поясные наборы, погребальные лицевые покрытия, металлические лицевые покрытия сумочек*
Kulcsszavak: *Permi terület, középkor, korai magyar eredetű készítmények, övveretek, halotti szemfedők, fém tarsolydíszek*

Юлия Александровна Подосёнова

«Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. При решении вопросов, связанных с процессами «обретения» родины венграми, ученые выделяют древневенгерские признаки материальной культуры. К одним из признаков относят наличие в материалах археологических памятников изделий из металла, оформленных в «мадьярском» стиле. В статье дается обзор изделий из металла, относимых исследователями к кругу «древневенгерских» изделий из серебра и обнаруженных при исследованиях средневековых памятников Пермского Предуралья. Это детали поясных наборов, погребальные лицевые покрытия, лицевые пластины сумочек-ташек.

Julia Alekszandrovna Podoszjonova

Ezüstből készült 'korai magyar' jellegű középkori díszítmények az Urál nyugati előterének Perm környéki területeiről

A magyar honfoglalás folyamatának vizsgálatával kapcsolatos kérdések eldöntéséhez a tudósok meghatározták az anyagi műveltség korai magyarokhoz köthető jellemzőit. Ezen jegyek közül az egyik az ún. 'magyar' stílusú ötvöstárgyak jelenléte a lelőhelyek leletanyagában. A szerző a cikkben áttekintést nyújt azokról az ezüsből készült ötvöstárgyakról, amelyeket a kutatók a 'korai magyar' jellegű tárgyak közé sorolnak, és amelyek az Urál nyugati előterének Perm környéki területein található középkori lelőhelyekről származnak. Ezek közé övdíszek, halotti maszkok és tarsolylemezek tartoznak.

Многие годы различных исследователей – историков, археологов, этнографов, лингвистов – занимают вопросы: когда и откуда появились венгры, какими путями, по каким территориям, когда древневенгерский народ «обретал» свою родину, где располагались загадочные территории «Этелькёз», «Леведия» и Великая Венгрия (*Magna Hungaria*), известные нам по письменным источникам. В поисках ответа на данные вопросы учеными устанавливаются мадьярские (древневенгерские) признаки материальной культуры в памятниках, которые должны помочь найти ответ на эти вопросы. К одним

из признаков относят наличие в погребениях деталей или целого поясного набора с определенными декоративными элементами, наличие погребальных масок, наличие лицевых пластин сумочек. К настоящему времени существует множество публикаций этих материалов. При описании материала ученые часто оперируют такими определениями как: «изделия древневенгерского происхождения», «изделия венгерского стиля», «вещи, несущие «мадьярские изобразительные элементы». Возникает вопрос: что же следует понимать под «мадьярским стилем» и какие они – «изделия древневенгерского происхождения»?¹

* Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990. г. Пермь, ул. Сибирская, 24, podosenka@yandex.ru

¹ Работа выполнена при поддержке: Гранта РФФИ №16-46-590325 «Средневековая Венгрия и Урал (по материалам металлических украшений)»; Проекта Министерства образования и науки РФ №1091 «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья».

Суммируя все описания таких изделий, можно выделить следующие признаки «мадьярского» стиля:

Для поясной гарнитуры:

- оформление бордюра звеньевым орнаментом, чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях);
- перевязанный бордюр;
- изделия, где центральным элементом орнамента выступает трёх или четырёхлепестковая розетка;
- изделия, где центральным элементом орнамента может выступать расцветающий цветочный бутон («лотосовидный декор»);
- изделия, где в орнаментальных мотивах присутствуют зооморфные или антропоморфные изображения;
- орнамент в виде трилистников;
- золочение фона орнамента или всей поверхности изделия.

Для отдельных изделий таких, как подвески, предметы тореvтики, лицевые накладки сумочек и некоторых деталей поясной гарнитуры, исследователи выделяют дополнительные признаки:

- орнамент в виде пальметт;
- заполнение фона рисунка кружковым орнаментом.

К сожалению, особенности техники изготовления таких изделий исследователями упускаются. Из описаний можно выделить только следующие:

- прессование. Такое понятие употребляется для описания поясных накладок. Вероятнее всего, автор предполагал, что изделия изготавливались с помощью определенного штампа и последующим припаиванием шпенок.
- изготовление изделий с помощью литья;
- золочение фона или всей поверхности изделия способом амальгамирования;
- чеканка. Эта техническая характеристика используется в основном для предметов

торевтики и для определения особенностей нанесения кружкового орнамента.

Изделия, интерпретируемые исследователями, как изделия «древневенгерского» стиля, обнаружены и в памятниках Пермского Предуралья. Прежде всего, выделяют детали или целые поясные наборы.²

Детали поясного набора из Редикорских сборов³ исследователь Н. Феттих напрямую относил к предметам «искусства древнемадьярской группы памятников».⁴ Изделия представлены двумя типами накладок (фонд Государственного Эрмитажа, Редикорский клад, 1909 г., инвентарный номер 535/39, 535/40).⁵

Первый тип накладок представлен тремя серебряными позолоченными поясными накладками арочной формы с прямоугольной прорезью в нижней части (*рис. 1. 13–15*). Изделия декорированы растительным орнаментом (трилистниками), по краю накладок бордюр из чередующихся овалов. На тыльной стороне изделий имеются шпеньки для крепления накладок к кожаной основе. Изделия цельнолитые. Они были отлиты в двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия или модели. Разное расположение шпенок свидетельствует о том, что проколы для них были изготовлены на оборотной стороне формы индивидуально. Лицевая сторона накладок позолочена способом амальгамирования.

Второй тип представлен серебряными позолоченными поясными накладками подтреугольной формы (*рис. 1. 1–12*). Изделия декорированы растительным орнаментом (трилистниками), по краю накладок бордюр из чередующихся овалов и двойных кружков. На оборотной стороне каждой накладки располагаются по три шпенька для крепления к кожаному поясу. На шпеньках отдельных изделий имеются маленькие пластинки, которые были вырезаны из тонкого серебряного листа и насажены на шпеньки для лучшего крепления к кожаной основе пояса. Накладки были отлиты в

² Белавин–Данич–Иванов 2015, 121–128.

³ Выражаю благодарность к.и.н. Е. А. Шаблавиной за предоставленную возможность ознакомиться с предметами Редикорского клада в фондах Государственного Эрмитажа.

⁴ Феттих 1929, 73–75.

⁵ ОАК 1913, 228–230; Путешествие 2016, 361–362.

Рис. 1. Детали поясного набора Редикорского клада

1. kép. Övveretek a redikori kincslelet övkészletéből

двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия или модели. Разное расположение шпеньков свидетельствует о том, что проколы для

них были изготовлены на оборотной створке формы индивидуально. Лицевая сторона накладок позолочена способом амальгамирования.

Химический состав металла анализировался⁶ для поясных накладок второго типа. Всего из данного поясного набора было исследовано 13 изделий. В связи с тем, что на лицевой стороне накладок было зафиксировано золочение, для получения корректных данных по содержанию сплава, из которого были изготовлены собственно детали поясного набора, был проведен анализ металла как с оборотной стороны (в местах, где отсутствовало золочение), так и с лицевой стороны изделий (табл. 1).

Результаты анализа показали, что основа изделия была изготовлена из следующих сплавов: Ag–Cu–Zn и Ag–Cu–Zn–Pb. В 12 экземплярах

содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 63% до 92%; содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 5% до 25%; содержание цинка варьируется в пределах от 1% до 8,47%; содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 0,7% до 1,46%.

Один экземпляр отличается по количественным показателям элементов: медь – 48,2%, свинец – 0,2%, цинк – 1,3%, серебро – 47% (табл. 1. 1).

В пробах наблюдается высокое наличие железа, содержание которого варьируется в пределах от 1,4% до 17,5 %. При этом содержание железа в пробах с лицевой стороны не превышает 2,2%. Вероятнее всего, наличие повышенного

Таблица 1. Химический состав металла поясных деталей из Редикорского клада (РФА-анализ)

1. táblázat. A redikori kincs övvereteinek kémiai összetétele (XRF elemzés)

номер	предмет	место	Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Ta	Au
1	накладка	лицевая	1,43	4,41	0,5	0	65,7	0	27,96
		изнаночная	2,9	48,2	0,2	1,3	47,3	0,1	0
2	накладка	лицевая	1,78	7,07	0,3	0	63	0	27,85
		изнаночная	2,5	6,7	0,7	1,9	88	0,2	0
3	накладка	изнаночная	4,32	9,25	0,78	1,95	83,4	0,3	0
		лицевая	1,67	5,41	0,19	0	64,5	0	28,23
4	накладка	лицевая	2,2	6,8	0	0	51,6	0	39,4
		изнаночная	2,4	25,1	1	7,6	63,6	0,3	0
5	накладка	лицевая	1,74	8,66	0,2	0,5	62,2	0	26,7
6	накладка	лицевая	1,5	9	0,2	0,9	58,8	0	29,6
		изнаночная	5,29	10,5	1,42	3,29	79,1	0,3	0
7	накладка	лицевая	1,6	10,2	0	1	50,2	0	37
		изнаночная	1,79	19,6	0,94	8,47	68,9	0,3	0
8	накладка	изнаночная	1,42	18,92	0,9	4,76	73,7	0,3	0
9	накладка	изнаночная	7,51	7,64	1,06	4,13	79,26	0,4	0
10	накладка	изнаночная	17,1	8,18	0,8	2,46	71,2	0,26	0
		лицевая	1,44	5,58	0,2	0	57,6	0	35,18
11	накладка	лицевая	1,57	10,43	0,2	0,7	57,5	0	29,6
		изнаночная	4,82	5,94	1,03	2,61	85,6	0	0
12	накладка	лицевая	1,8	8,62	0	1,01	47,8	0	40,77
		изнаночная	2,42	18,4	1,01	4,18	73,69	0,3	0
13	накладка	лицевая	1,72	5,3	0,2	0,4	50,5	0	41,88
		изнаночная	1,4	5	0,7	1	91,9	0	0

⁶ Химический состав цветного металла деталей поясных наборов был изучен с помощью неразрушающего метода безэталонного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА); исследование проводилось при помощи портативного РФА-анализатора Bruker S1.

содержания железа в пробах связано с коррозионными процессами в изделиях.

Следующие поясные наборы, относимые исследователями к изделиям древневенгерского круга, происходят из Бояновского могильника.⁷

Первый поясной набор происходит из погребения 279, датированного автором полевых археологических работ первой половиной X века.⁸ Погребение принадлежало мужчине, умершему в возрасте 20–30 лет. Поясной набор включал пряжку, два типа накладок и наконечник ремня (рис. 2–3).

Пряжка составная из трёх частей: рамка, язычок, щиток (рис. 2; рис. 3. 1), шарнирного соединения с рамкой и язычком. Рамка лировидной формы декорирована геометрическим орнаментом. Язычок пряжки прямой, декорированный треугольником. Щиток пряжки по краю орнаментирован рядом чередующихся овалов и прямоугольников. В центре щитка – растительный орнамент. Все детали пряжки (рамка, язычок, щиток) отлиты в двустворчатых глиняных формах, изготовленных с помощью шаблонов или оттиска готового изделия. Вероятнее всего, орнамент на щитке пряжки должен был быть симметричным, но одна из его частей не пролита по сравнению с другой. Фон орнамента щитка позолочен способом амальгамирования. На оборотной стороне щитка – три шпенька для крепления изделия к кожаной основе. Один шпенок вместе с петлей шарнирного соединения был утрачен и заменен сквозным шпеньком и петлей из другого металла.

Наконечник ремня U-образной формы орнаментирован трилистниками и орнитоморфными элементами (рис. 2; рис. 3. 28). Бордюры наконечника ремня оформлены звеньевым орнаментом, чередующимися овалами и двойными кружками. Наконечник ремня цельнолитой. Он изготовлен способом литья в двустворчатой глиняной форме, изготовленной с помощью шаблона или оттиска готового изделия. Фон трилистников, орнитоморфного орнамента позолочен способом амальгамирования. На оборотной стороне на-

конечника пять шпеньков для крепления к кожаной основе. Один из шпеньков был утрачен и заменен сквозным шпеньком из другого металла.

Накладки, служившие для оформления поясного ремня представлены двумя типами. Первый тип (рис. 2; рис. 3. 2–13; 16 экземпляров) – это поясные накладки овальной формы, декорированные растительным орнаментом с петлей в нижней части для подвешивания кольца. Второй тип (рис. 2, рис. 3. 14–27; 17 экземпляров) – пятиугольные накладки, декорированные растительным орнаментом. Данные изделия имеют стилистическое сходство. Бордюры накладок этих типов оформлены чередующимися овалами. Центральная часть накладок, декорирована двумя одинаковыми растительными элементами, расположенными симметрично друг другу. Накладки цельнолитые. Вероятнее всего, литье накладок выполнялось двумя разными способами: литьем в двустворчатой форме по оттиску готового изделия и литьем по утраченной модели. Фон растительного орнамента на лицевой стороне накладок позолочен. На оборотной стороне каждой накладки располагаются по три шпенька для крепления к кожаному поясу. Разное расположение шпеньков свидетельствует о том, что проколы для них были изготовлены на оборотной створке формы индивидуально. Часто накладки имеют следы ремонта на местах утери шпеньков.

Также было проведено исследование химического состава металлического сплава, из которого были изготовлены данные предметы. Всего было исследовано 26 изделий (табл. 2). Анализ проводился как на изнаночной стороне изделий (в местах, где отсутствовало золочение), так и на лицевой стороне изделий. Результаты анализа показали, что основа изделий была изготовлена из следующих сплавов: Ag–Sn–Cu–Pb–Zn, Ag–Cu–Pb–Sn, Cu–Ag–Pb–Sn–Zn, Ag–Sn–Pb–Cu–Zn, Ag–Cu–Pb–Zn. Содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 31% до 88%; содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 2,86% до 52%; содержание цинка варьируется

⁷ Данич 2012; Данич 2015.

⁸ Данич 2012.

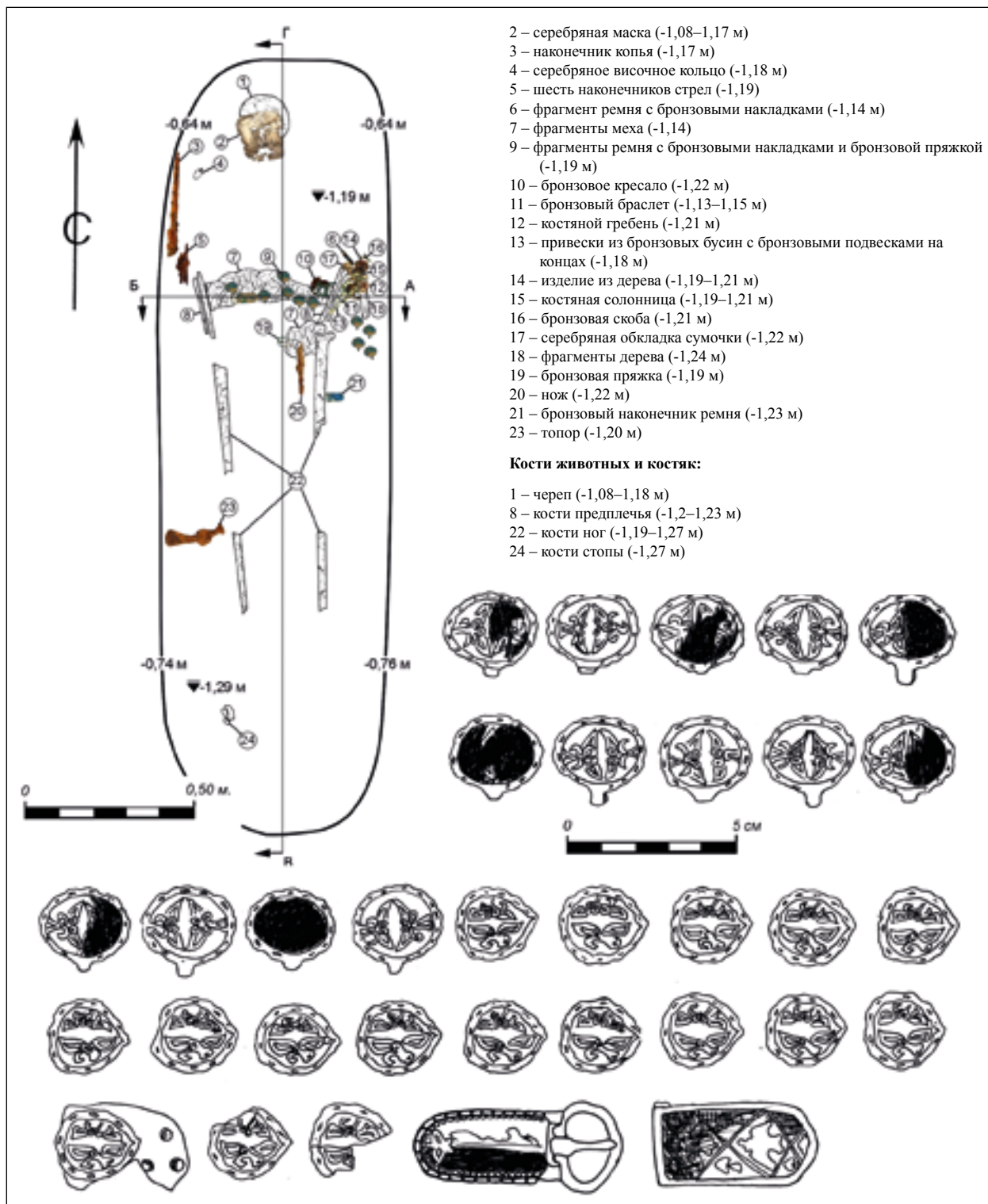

Рис. 2. Поясной набор из погребения 279 Бояновского могильника (прорисовка А. В. Данича). Погребение 279 Бояновского могильника: план, находки

2. kép. Veretes öv díszei a bojanovói temető 279. sírjából (A. V. Danyics rajza). A bojanovói temető 279. sírja: sírrajz, leletek

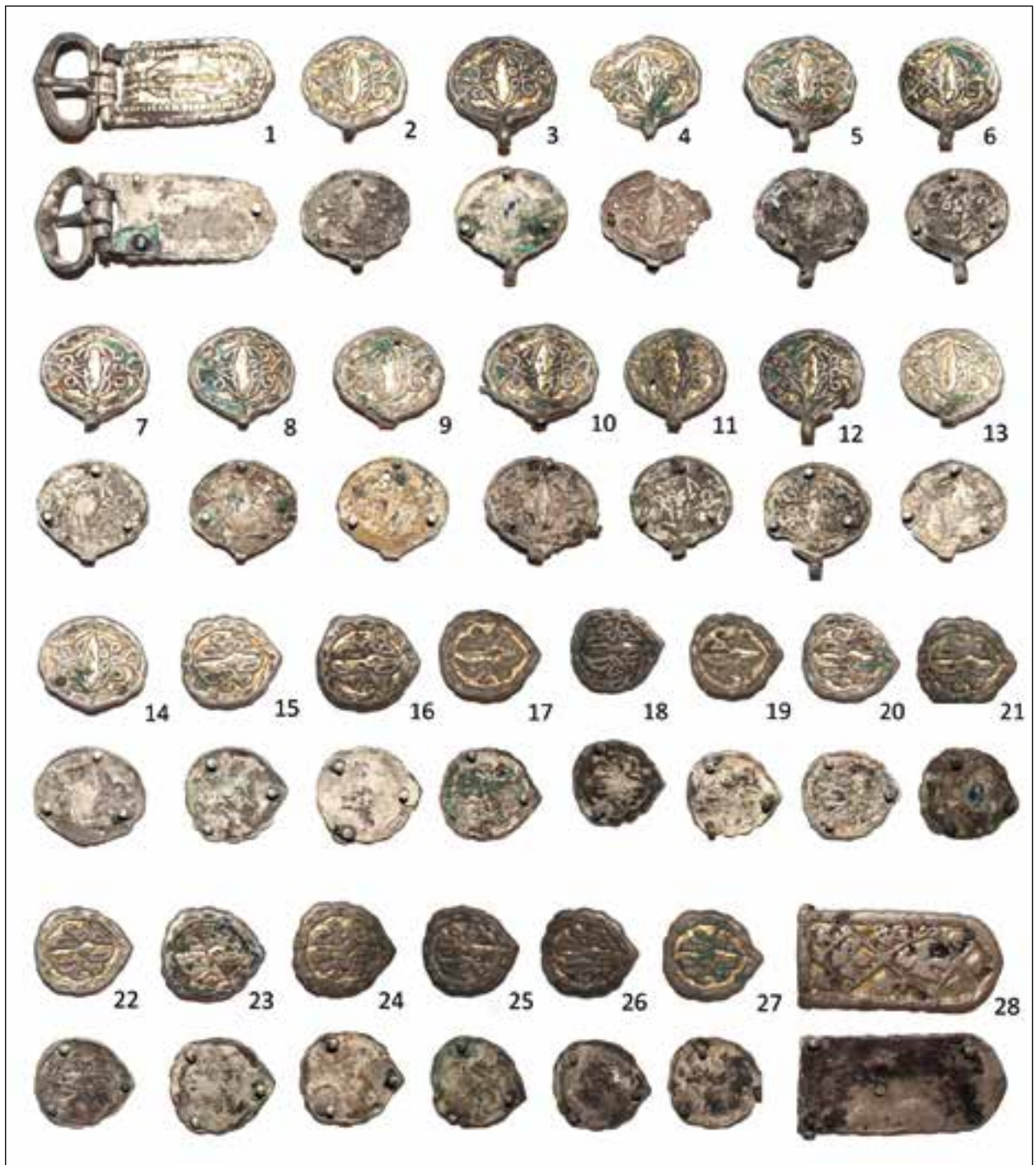

Рис. 3. Поясной набор из погребения 279 Бояновского могильника (фото)

3. kép. Veretes öv díszei a bojanovói temető 279. sírjából (fotó)

в пределах от 0,8% до 3,7%; содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 2,3% до 8%; содержание олова в сплаве варьируется от 1,27% до 14% (табл. 2).

Следующий поясной набор происходит из погребения 357 Бояновского могильника, датированного автором полевыми археологическими исследований первой половиной X века.⁹ Погре-

⁹ Данич 2015.

Таблица 2. Химический состав металла поясных деталей из погребения 279 Бояновского могильника (РФА-анализ)
 A bojanovói temető 279. sírjából származó övdíszek kémiai összetétele (XRF elemzés)

	предмет		Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Au	Sn
1	наконечник	изнаночная	0,09	35,9	3,84	0	58,9	0	1,27
		лицевая	0,32	47,6	7,65	1,89	33,2	5,67	3,67
2	накладка с ушком	изнаночная	0,69	52,4	7,97	2,24	31,9	0,27	4,53
		лицевая	0	50,4	2,5	1,81	32,9	7,55	4,84
3	накладка с ушком	изнаночная	0,35	3,23	2,46	1,46	82,2	0,57	9,73
		лицевая	0,08	5,31	2,79	0,8	62,9	20,33	7,79
4	накладка с ушком	изнаночная	0	2,99	3,93	1,64	81	1,13	9,31
		лицевая	0,25	15,36	3,56	0,43	55,9	24,5	0
5	накладка с ушком	изнаночная	0	2,86	2,94	1,64	82,7	0,1	9,76
		лицевая	0	7,15	3	1,07	68,7	12,66	7,42
6	накладка с ушком	изнаночная	0	3,34	2,51	1,3	82,6	0,52	9,73
		лицевая	0,08	4,46	2,65	0,74	65,3	18,62	8,15
7	накладка с ушком	изнаночная	0,75	3,07	2,69	1,22	83,9	0,59	7,78
		лицевая	0,57	26,1	3,16	1,76	54,7	13,5	0,21
8	накладка с ушком	изнаночная	0,49	10,5	4,34	2,17	82,5	0	0
		лицевая	0,3	36,6	3,45	2,19	45,2	5,46	6,8
9	накладка с ушком	изнаночная	0,89	10,2	5,09	2,17	72,8	0	8,85
		лицевая	0	40,6	4,18	1,28	42,8	5,13	6,01
10	накладка с ушком	изнаночная	1,73	3,51	2,9	1,54	81,9	0	8,42
		лицевая	0,26	9,83	3,77	0,84	75,6	9,7	0
11	накладка с ушком	изнаночная	1,92	5,87	2,93	1,71	79,1	0	8,47
		лицевая	2,54	29,7	2,99	1,28	42,8	15,41	5,28
12	накладка с ушком	изнаночная	1,33	3,13	2,6	1,45	84,27	0	7,22
		лицевая	0	6,06	2,9	1,56	87,8	1,68	0
13	накладка	изнаночная	0,29	10,5	3,3	1,27	76,3	0,4	7,94
		лицевая	0	7,68	2,54	1,16	79,9	8,72	0
14	накладка	изнаночная	1,05	17,9	3,49	2,49	67,95	0	7,12
		лицевая	0,1	26,4	3,58	1,66	59,3	2,36	6,6
15	накладка	изнаночная	0,31	24,2	4,43	1,34	57,12	0	12,6
		лицевая	0,08	7,8	3,06	0,79	58,2	18,8	11,27
16	накладка	изнаночная	0,3	22,6	3,8	1,3	72	0	0
		лицевая	0,57	31,3	4,44	0,88	55	7,81	0
17	накладка	изнаночная	1,78	17,3	2,86	1,5	67,41	0	9,15
		лицевая	0,68	28,3	3,84	1,87	55,86	1,63	7,82
18	накладка	изнаночная	0,78	12,16	3,86	1,4	81,8	0	0
		лицевая	0,26	37,6	3,56	1,47	36,5	14,9	5,71
19	накладка	изнаночная	0,34	7,68	4,62	1,58	71	0,45	14,33
		лицевая	0,18	40,5	3,19	1,3	42,7	3,18	8,95

	предмет		Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Au	Sn
20	накладка	изнаночная	1,07	10,4	2,37	1,47	77,4	0	7,29
		лицевая	1,11	35,3	4,38	0,66	41,8	12,28	4,47
21	накладка	изнаночная	0	46,7	8,17	2,43	38	0	4,7
		лицевая	0,75	43,8	4,44	1,37	35,7	9,45	4,49
22	накладка	изнаночная	0,29	5,62	3,36	1,36	80,3	0,57	8,5
		лицевая	0,45	18,2	7,32	0,63	55,6	17,8	0
23	накладка	изнаночная	0,29	5,19	2,42	1,3	82,4	0,57	7,83
		лицевая	0,48	30,6	3,11	1,11	55,9	8,8	0
24	накладка	изнаночная	1,63	37,6	6,99	2,27	46,1	0	5,41
		лицевая	0,1	34,3	3,17	1,86	41,1	14,61	4,86
25	накладка	изнаночная	0,77	19,2	5,04	0,99	74	0	0
		лицевая	0,83	30,3	7,35	1,95	47,3	4,92	7,35
26	пряжка	изнаночная	0,08	16,9	3,44	3,07	68,2	0	8,31
		лицевая	0,08	11,8	6,38	1,03	57,6	15,9	7,21

бение принадлежало мужчине, умершему в возрасте 18–25 лет. Поясной набор включал пряжку, наконечник ремня, три типа накладок (рис. 4–5).

Двусоставная пряжка поясного набора небольшого размера овальнорамчатая с неорнаментированным щитком овальной формы (рис. 4). Пряжка имеет шарнирное соединение составных частей. Язычок пряжки прямой. Сама основа пряжки цельнолитая. Щиток пряжки по краям был механически доработан (ошлифован). Язычок пряжки первоначально был отлит в виде стержня. Один край, накладывающийся на рамку пряжки, был механически доработан – заострен. Другой край сгибался в петельку для последующего шарнирного соединения с основной пряжки.

Наконечник ремня состоял из двух деталей: основы (внешняя часть наконечника) и подкладочной пластины (изнаночная сторона наконечника) (рис. 4; рис. 5. 15–16). Основа наконечника орнаментирована чередующимся растительным орнаментом с изображением трилистника в его центральной части. Бордюр наконечника ремня представлен прямым бортиком. Наконечник ремня был выполнен с помощью литья в двустворчатой форме по оттиску готового изделия или шаблона. После литья контуры орнамента наконечника дорабатывались острым предметом (резцом). На оборотной стороне наконечника

имеется пять шпеньков для крепления изделия к кожаной основе.

Подкладочная пластина была вырезана из тонкого листа металла. Места для шпеньков в пластине не пробивались, а вырезались по контуру.

Наладки этого поясного набора представлены тремя разными типами. Они разные по форме накладок и по центральному орнаменту, но их объединяет единое оформление бордюра одинаковым звеньевым орнаментом в виде чередующихся овалов и кружков.

Первый тип (рис. 4; рис. 5. 1–7, 19; 15 экземпляров): накладки подтреугольной формы, где центральным звеном орнамента выступает изображение трилистника. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Накладки цельнолитые. Они отливались в двустворчатых глиняных формах. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

Второй тип (рис. 4; рис. 5. 17–18; 2 экземпляра): накладки полукруглой формы с полукруглой прорезью в центральной части. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Накладки цельнолитые. Они отливались в двустворчатых глиняных формах по оттиску. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

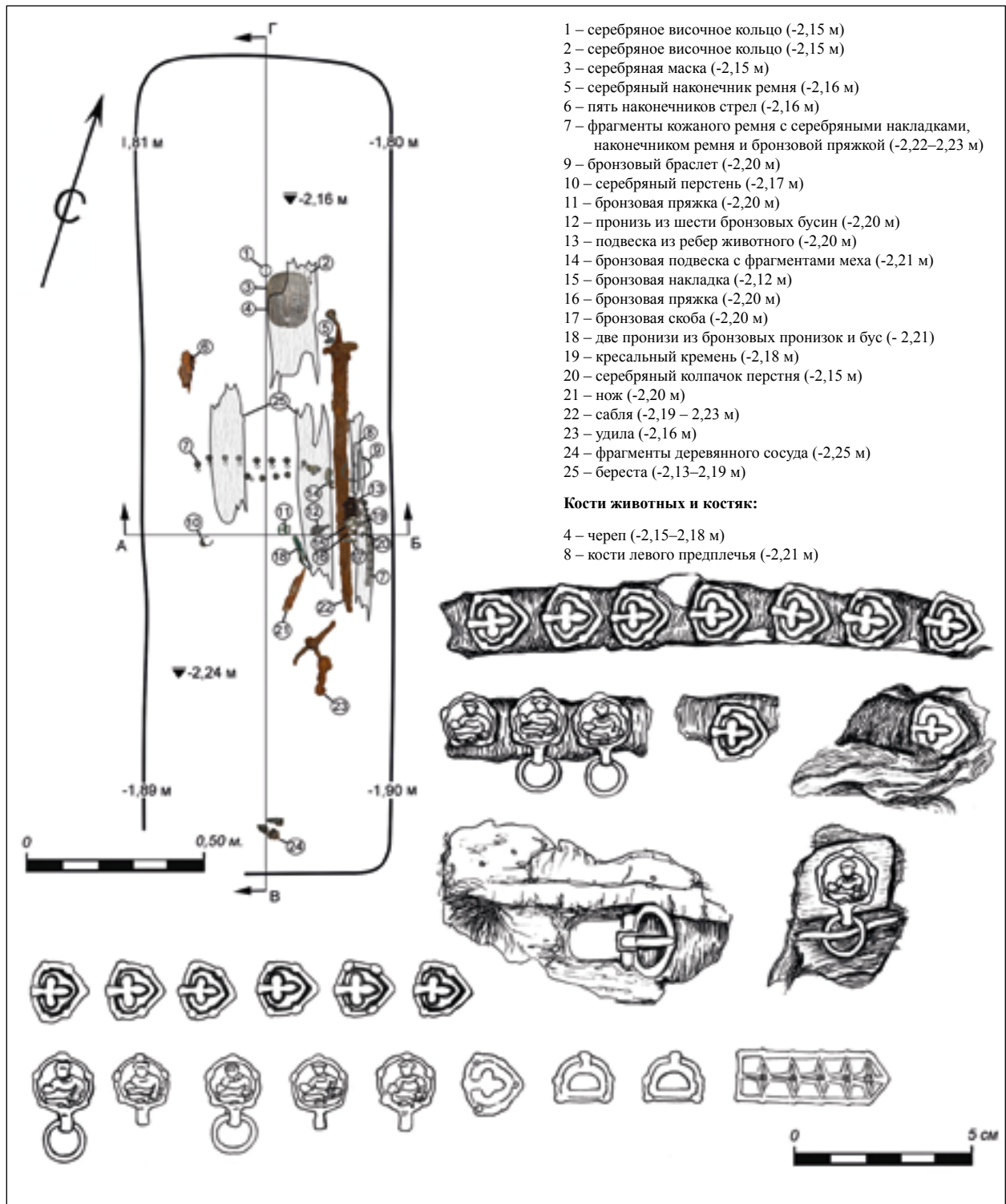

Рис. 4. Поясной набор из погребения 357 Бояновского могильника
 (прорисовка А. В. Данича). Погребение 357 Бояновского могильника: план, находки

4. kép. Veretes öv a bojanovói temető 357. sírjából (A. V. Danyics rajza). A bojanovói temető 357. sírja: sírrajz, leletek

Рис. 5. Поясной набор из погребения 357 Бояновского могильника (фото) ►
 5. kép. Veretes öv a bojanovói temető 357. sírjából (fotó)

Третий вид накладок (*рис. 4; рис. 5. 8–14; 10* экземпляров) представлен двусоставными накладками в виде фигурного щитка с петлей и подвешенного кольца. Щиток накладки декорирован антропоморфным орнаментом в виде человека, сидящего со скрещенными ногами. Основа такой двусоставной накладки (щиток и петелька для кольца) цельнолитая. Изделия были отлиты в двустворчатых глиняных формах по шаблону. Кольца изготавливались отдельно и вкладывались в литейные формы для отливки накладок. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

Необходимо отметить, что, после литья, орнамент отдельных накладок был доработан механическим путём острым предметом (резцом).

Также было проведено исследование химического состава металлического сплава, из которого были изготовлены данные предметы. Всего было исследовано 22 изделия из поясного набора (*табл. 3*). Результаты анализа показали, что основа изделия была изготовлена из сплава Ag–Cu–Zn–(Pb). Содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 89% до 94%; содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 3% до 7,4%; содержание цинка варьируется в пределах от 1% до 2,3%; содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 0,6% до 1,8% (*табл. 3*).

Другие изделия «мадьярского» круга – это погребальные лицевые покрытия – маски (*рис. 6*). Исследователи отмечают, что эти предметы погребального обряда были характерны для мадьяр и угров Западной Сибири и Предуралья.¹⁰ На территории Пермского Предуралья в погребальном обряде использовались погребальные маски разной конструкции – от наглазников и наротников до цельных масок. Были исследованы цельные погребальные маски, происходящие из Бояновского могильника и Рождественского языческого могильника.

- Все они были изготовлены по одной схеме:
- основа маски вырезалась из тонкой металлической пластины толщиной 0,15–0,18 мм;
 - с помощью выколотки обозначали нос на личине;
 - затем вырезали отверстия для глаз и рта;
 - маски декорировали.

Практически на всех погребальных масках присутствуют от двух до четырех пробивных отверстия, предназначенных для пришивания изделия к ткани (в некоторых погребениях Бояновского могильника под масками были обнаружены фрагменты шелка)

Декорирование масок производилось с помощью разных техник. Чеканным орнаментом проходили по контуру маски, обозначали края отверстий для глаз и рта. Орнамент состоял из выпуклин («перл»), оставшихся после удара чекана с круглой формой боя. Иногда вместе с чеканным орнаментом на масках можно встретить гравировку способом дрожировки, обозначающую на погребальной личине волосы, бороду, усы. В редких случаях в декорировании масок использовались и другие приемы (*рис. 6. 1, 3*). В маске-личине из Бояновского могильника¹¹ и маске-личине, обнаруженной грабителями на территории Пермского края, для обозначения бровей и усов использовался приём золочения (амальгамирования) (*рис. 6. 3*). Для обозначения в маске из Рождественского могильника глаз и рта использовали приём чернения (*рис. 6. 1*).

Было проведено исследование химического состава металлического сплава, из которого были изготовлены погребальные маски (всего проанализировано 80 экземпляров). Результаты анализа показали, что основа изделий была изготовлена из сплава Ag–Cu–(Pb), где Ag – более 90%; Cu – 4–6%; Pb – 0,5–1%.

И следующая категория находок, которую исследователи связывают с процессами обретения родины венграми – кожаные сумочки с металлическим обрамлением (*рис. 7*).¹² Необходимо вне-

¹⁰ Белавин 2015, 122.

¹¹ Белавин–Данич–Иванов 2015, 121.

¹² Стилистическое описание, вопросы распространения, происхождения смотрите в статье А. М. Белавина и Н. Б. Крыловой в настоящем сборнике.

Таблица 3. Химический состав металла поясных деталей из погребения 357 Бояновского могильника (РФА-анализ)
A bojanovói temető 357. sírjából származó övdíszek kémiai összetétele (XRF elemzés)

№	Предмет	Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Au
1	наконечник ремня	0	3,95	0,63	1,42	94	0
2	пластина	0	5,26	1,71	1,73	91,3	0
3	накладка	0	3,67	0,71	1,45	94,17	0
4	накладка	0,21	3,34	1	1,75	93,7	0
5	накладка	0	3,65	0,68	1,48	94,19	0
6	накладка	0	5,14	0,83	2,23	91,8	0
7	накладка	0	4,53	0,82	1,75	92,9	0
8	накладка	0	4,59	0,8	1,81	92,8	0
9	накладка	0	4,51	0,99	2,28	91,79	0,43
10	накладка	0,12	3,86	1,03	1,7	92,7	0,59
11	накладка	0,61	3,68	0,85	1,72	93,14	0
12	накладка	0,43	7,4	0,95	1,71	89,51	0
13	накладка (с кольцом)	0	4,59	0,81	1,36	93,24	0
14	накладка (с кольцом)	0	4,59	0,98	1,71	92,3	0,42
15	накладка (с кольцом)	0	4,1	0,59	1,19	94,12	0
16	накладка (с кольцом)	0	4,39	0,81	2	92,8	0
17	накладка (с кольцом)	0	4,46	0,81	1,43	93,3	0
18	накладка (с кольцом)	0,08	3,96	1,2	1,99	92,35	0,42
19	накладка (с кольцом)	0,1	3,95	0,69	1,66	93,6	0
20	накладка (с кольцом)	0,1	4,43	0,66	1,2	93,61	0
21	накладка (с кольцом)	0	4,3	0,72	1,4	93,58	0
22	накладка (с кольцом)	0,69	4,22	0,81	2,18	92,1	0

сти и технические характеристики в описание данных сумочек.

В настоящее время на территории Пермского Предуралья обнаружены три лицевые накладные металлические пластины от кожаных сумочек. Наиболее ранняя из них – лицевая пластина от сумочки с изображением пары львов, «древа жизни», антропоморфной фигуры, лося, хищной птицы, всадника и других образов. Исследователями она датируется IX веком. Несмотря на то, что на территории Пермского края данная лицевая пластина была обнаружена грабителями, фотографии хорошего качества позволяют нам наблюдать некоторые технические особенности её изготовления. Основа изделия была вырезана из тонкого листа металла. Все орнаментальные сюжеты были нанесены на пластину с помощью

дрожировки (разновидность способов гравировки – гравировка с зигзагообразным шагом). Позолочен только фон основных орнаментальных сюжетов. Необходимо обратить внимание и на толстый, местами отслаивающийся, слой позолоты (рис. 7. 1).

Фрагменты кожаной сумочки с лицевой пластиной зафиксированы в погребении 137 Бояновского могильника, датированного началом X века. К сожалению, сами фрагменты не позволяют реконструировать форму, орнамент лицевой пластины сумочки. Сохранился лишь фрагмент тонкого серебряного листа (0,15 мм), оставшегося от пластины. На данном фрагменте зафиксированы следы (части орнамента), нанесенные на пластину с помощью дрожировки. Анализ металла данного фрагмента лицевой

Рис. 6. Погребальные маски-личины (примеры исследованных изделий). 1: Рождественский языческий могильник; 2, 4: Бояновский могильник, 3: Изделие из грабительских раскопок
 6. kép. Halotti maszkok (néhány a vizsgált leletek közül). 1: A rozsgyesztvenszki pogány temető; 2, 4: Bojanovói temető; 3: Rablóásatásból származó lelet

пластины сумочки показал, что она изготовлена из сплава Ag–Cu (Ag – 94,2%, Cu – 4,4 %, Pb – 0,8%, Au – 0,2%, Fe– 0,4).

Лицевая пластина из погребения 279 Бояновского могильника с растительным орнаментом – пальметтами была вырезана из тонкого листа металла (0,12 – 0,14 мм). Фон пальметт позолочен. Контуры растительного орнамента нанесены с помощью дрожировки. Орнамент в виде

выпуклин (перлы), идущих в два ряда по центральной полосе изделия и по его контуру, был выполнен с помощью чеканки (рис. 7. 2). Анализ металла данной лицевой пластины сумочки показал, что лицевая пластина сумочки изготовлена из сплава Ag–Cu (Ag – 96%, Au – 0,86%, Cu – 2%, Pb – 0,91%).

Таким образом, для изделий Пермского Предуралья, относимых исследователями к из-

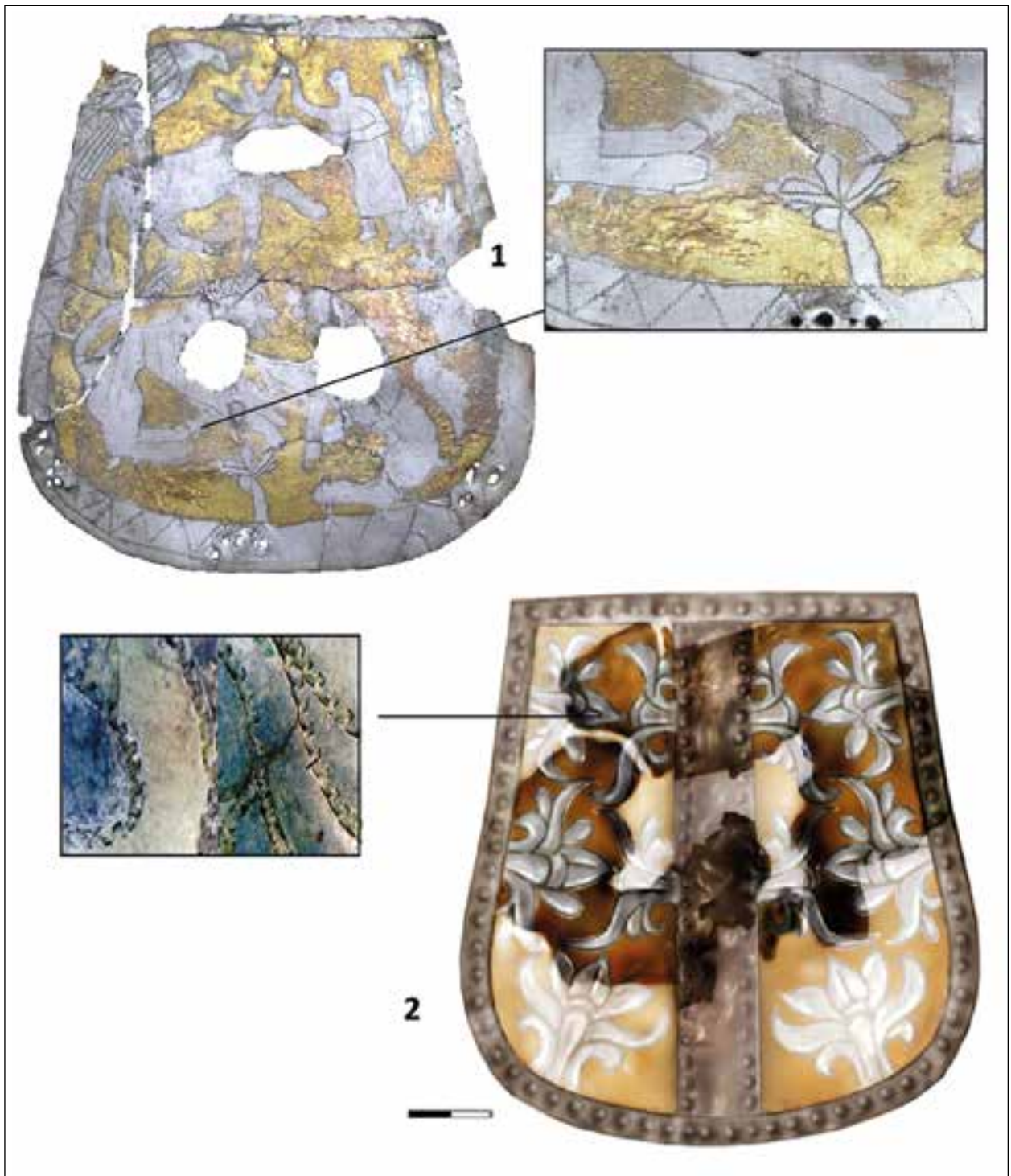

Рис. 7. Лицевые пластины сумочек. 1: Изделие из грабительских раскопок; 2: Бояновский могильник, погребение 279. Реконструкция А. Тюрка и А. Штромаера

7. kép. Tarsolyekek. 1: Rablásból származó lelet; 2: Bojanovo, 279. sír (Türk A. és Strohmayer Á. rekonstrukciója)

делиям мадыарского круга можно выделить следующие характерные стилистические и технические признаки:

— для поясной гарнитуры:литье изделий в двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия, модели или с помощью

утрачиваемой модели; золочение фона орнамента или всей лицевой поверхности изделия способом амальгамирования; декорирование деталей поясной гарнитуры растительными (трилистники), орнитоморфными и антропоморфными орнаментами; окантовка деталей поясных наборов звеньевым орнаментом (чередующимися овалами и кружками); проработка контуров орнамента резцом; изготовление изделий из сплава с высоким содержанием серебра.

- для погребальных лицевых покрытий: вырезание основы изделия из тонкого листа металла; обозначение носа на личине с помощью выколотки; вырезание из основы изделий отверстий для глаз и рта; оконтуривание чеканными выпуклинами рта и глаз на маске для погребенного; редкое декорирование изделий позолотой (амальгамированием), чернением и гравировкой (способом дрожировки); наличие на изделиях отверстий для нашивки его на тканевую основу; изготовление изделий из сплава с высоким содержанием серебра.
- для лицевых пластин сумочек: вырезание основы изделия из тонкого листа металла; нанесение основных орнаментальных сюжетов

с помощью техники гравировки (дрожировки); чеканный орнамент в виде точечных выпуклин (перлы); позолочение фона основных орнаментальных сюжетов способом амальгамирования; изготовление изделий из сплава с высоким содержанием серебра; декорирование пластин растительным орнаментом и мифологическими сюжетами.

В настоящий момент можно привести много аналогий представленным предметам, особенно деталям поясных наборов, с достаточно широкой территории. Но данные аналогии будут касаться либо внешней формы изделий, либо их стилистического оформления. Для решения вопросов о месте изготовления изделий, их связи с древневенгерской историей, распространением и изменением, а также для более четкого определения «мадьярского» или «древневенгерского» стиля и его региональных особенностей, метод внешних аналогий недостаточен. Необходимо сравнение результатов всестороннего анализа, включающего технические и технологические параллели, «похожих» по стилю или форме изделий из металла, относимых исследователями к мадьярскому кругу с территориями, участвующими в процессе «обретения родины венграми».

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин–Данич–Иванов 2015: Белавин, А. М. – Данич, А. В. – Иванов, В. А.: Древние мадьяры в Предуралье. В: *Древняя история и обретение родины*. Отв. ред.: Фодор, И. Пермь 2015, 101–131.
- Данич 2012: Данич, А. В.: Отчет о научно-исследовательской работе. Раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2012 году. В: *Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ*.
- Данич 2015: Данич, А. В.: Отчет о научно-исследовательской работе. Раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2015 году В: *Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ*.
- ОАК 1913: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1909–1910 г.* Санкт-Петербург 1913.
- ПУТЕШЕСТВИЕ 2016: *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки*. Ред.: Чебучева, Е. Москва 2016.
- ФЕТТИХ 1929: Fettich, N.: *Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler*. Prague 1929.

СЛЕДЫ ТРЕПАНАЦИЙ НА ЧЕРЕПАХ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА БРЮХОВА*

Ключевые слова: *эпоха Великого переселения народа, Пермское Предуралье, курганные могильники, трепанации, свод черепа, символические трепанации*

Kulcsszavak: *népvándorlaskor, az Urál nyugati előterének Perm környéki területe, kurgánsíros temetők, trepanáció, koponyaboltozat, szimbolikus trepanáció*

Наталья Геннадьевна Брюхова

Следы трепанаций на черепах эпохи великого переселения народов в Пермском Предуралье

В статье рассматриваются случаи повреждений на своде черепа, зафиксированные на материале из погребений курганных могильников эпохи Великого переселения народов с территории Пермского Предуралья. Курганные могильники появляются на Верхней Каме в IV веке н.э. и существуют до VII века н.э. Антропологический материал получен из погребений трёх курганных могильников: Калашиниковский V–VI вв. н.э., Чазёвский I конец VI–VII вв. н.э. и Митинский конец IV–VI вв. н.э. Из 15 исследованных черепов на 9 наблюдаются следы неоднократного вмешательства в костную структуру свода черепа. Кроме одного случая все повреждения имеют признаки заживления. Срез незажившего вмешательства в кость черепа был изучен при помощи микроскопа с целью попытки реконструкции процесса проведения операции. Все описанные костные дефекты имеют схожую морфологию и локализацию. Исходя из наблюдений, данные повреждения интерпретируются как следы прижизненных трепанаций с преобладанием случаев символических трепанаций на описываемых черепах. На черепах из погребений более поздних грунтовых могильников с территории Пермского края такие следы вмешательства в целостность костей свода черепа не обнаружены. Таким образом, с исчезновением обряда хоронить покойных под курганной насытью на данной территории исчезает и традиция трепанаций.

Natalja Gennagyjevna Brjuhova

Koponyatrepanációk nyomai az Urál nyugati előterének Perm környéki területein feltárt népvándorlás kori temetőkben

A tanulmány szerzője olyan, az Urál nyugati előterének Perm környéki területein található népvándorlás kori kurgánsíros temetőkből előkerült koponyákat vizsgált meg, amelyeket a koponyaboltozatnál trepanáltak. A kurgánsíros temetők a Kr. u. 4. században jelentek meg a Káma felső folyásvidékén, és a 7. századig voltak itt jelen. Az általunk vizsgált antropológiai anyag három kurgánsíros temető, az 5–6. századi kalasnyikovói temető, a 6. század végére és a 7. századra keltezhető csazjovói I. temető, illetve a 4. század vége és a 6. század közé datált mityinói temető sírjaiból származik. A 15 vizsgált koponyából 9 esetben figyelhető meg az, hogy a koponyaboltozat csontszerkezetét többször is megsértették. A trepanációt követő gyógyulási folyamat nyomai valamennyi esetben láthatók, egy koponyát kivéve. Ez utóbbit mikroszkóppal vizsgáltuk meg azzal a céllal, hogy megpróbáljuk rekonstruálni a trepanáció kivitelezésének folyamatát. Az összes általunk leírt csontszerkezeti sérülésnek hasonló a morfológiája és az elhelyezkedése. Megfigyeléseink alapján ezeket a trepanációkat még az adott személyek élete folyamán végezték el, az esetek többségében pedig jelképes trepanációról beszélhetünk. A Permi területen található későbbi keltezésű aknasíros temetők sírjaiból nem ismerünk olyan koponyát, melyen hasonló koponyaboltozati beavatkozás nyomai lennének megfigyelhetők. Ez alapján kijelenthetjük, hogy a kurgánsíros temetkezési szokás eltűnésével a trepanáció szokása is megszűnt ezen a területen.

* Пермский научный центр УрО РАН, Пермь, Россия, nat-bryukhova@yandex.ru

Районом исследования является территория Верхнего и Среднего Прикамья, расположенная в пределах современного Пермского края, на западном склоне Уральских гор. В эпоху Великого переселения народов на данной территории появляется новый для региона обряд захоронения под курганными насыпями. Авторы раскопок датируют курганные могильники на Верхней Каме IV–VII вв. н.э.

В начале XX в. А. В. Шмидт выделил эти памятники в особую группу — «харинский тип», по названию села в Коми-Пермяцком округе, где были обнаружены первые курганы. До сих пор вопрос об их этнокультурной интерпретации является одним из актуальных для прикамской археологии. В разные годы ученые связывали «харинцев» с тюрками, сарматами, сармато-ала-

нами, уграми, палеосибирцами и т.д.¹ Современный исследователь данной темы Д. В. Шмуратко в основе механизма возникновения харинских курганов видит позднесарматскую культурную традицию.²

На данный момент антропологический материал получен из погребений трёх курганных могильников: Калашниковский (раскопки М. Л. Перескокова в 2012 г.), Чазёвский I (раскопки В. В. Мингалёва в 2007 г.) и Митинский (раскопки В. Ф. Генинга в 1956 г. и Д. В. Шмуратко в 2014-2015 гг.) (рис. 1). На своде некоторых черепов были обнаружены дефекты, которые интерпретируются, как следы трепанаций.

Калашниковский могильник V–VI вв. н.э. расположен в Кунгурском районе Пермского края.

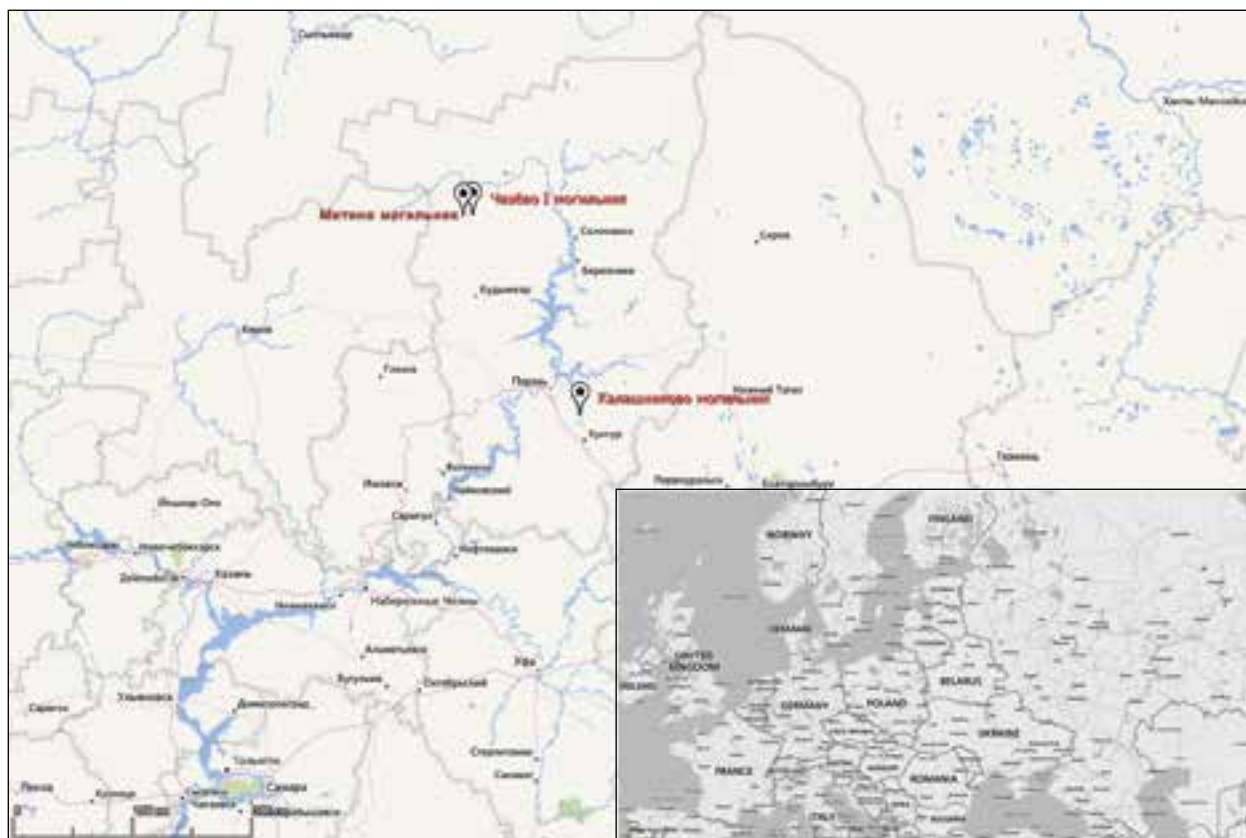

Рис. 1. Карта расположения исследуемых могильников
1. kép. Térkép a vizsgált temetőkhelyek elhelyezkedéséről

¹ ШМУРАТКО 2010, 100.

² ШМУРАТКО 2012, 29.

Во время раскопок были найдены останки двух индивидов из разграбленных погребений. Сохранность костей плохая, черепа фрагментированы, часть фрагментов отсутствует. Однако, на сохранившихся фрагментах черепов зафиксированы костные дефекты со следами заживления.

Курган №15а погребение №1. Костные останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 25–35 лет. На своде черепа обнаружены следы нескольких заживших повреждений (рис. 2а).

На лобной кости, в районе левого лобного бугра, имеется дефект круглой формы с диаметром ≈ 25 мм. Дефект представляет собой углубление с небольшим валиком по краям и тонкой костной пластинкой в середине. Наблюдается реакция заживления, следов воспалительного процесса не обнаружено.

Также на своде черепа зафиксирован обширный дефект, захватывающий обе теменные кости и часть лобной кости в районе венечного шва. Общая форма дефекта овальная. Внешний край образует костный валик, плавно спускаю-

щийся внутрь, частично переходящий в тонкую костную пластинку. Внутри дефекта имеются следы костного перестроения – реакция заживления. С эндокранной стороны заметны следы воспалительного процесса в виде небольшой порозности. Вероятно, в данном случае дефект представляет собой следы, как минимум двух вмешательств в костную целостность черепа. На правой теменной кости вал чуть более выражен и рельефен. Возможно, здесь операция проводилась позже, когда толщина черепа была больше.

Курган №13 погребение №1. Костные останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 18–25 лет. На своде черепа обнаружены следы двух заживших повреждений кости (рис. 2б).

На фрагменте левой теменной кости, возле центральной части стреловидного шва, имеется полукруглый дефект, с краями плавно спускающимися внутрь. Видна реакция заживления, диплоэ не прослеживается. Следы воспалительного процесса не наблюдаются.

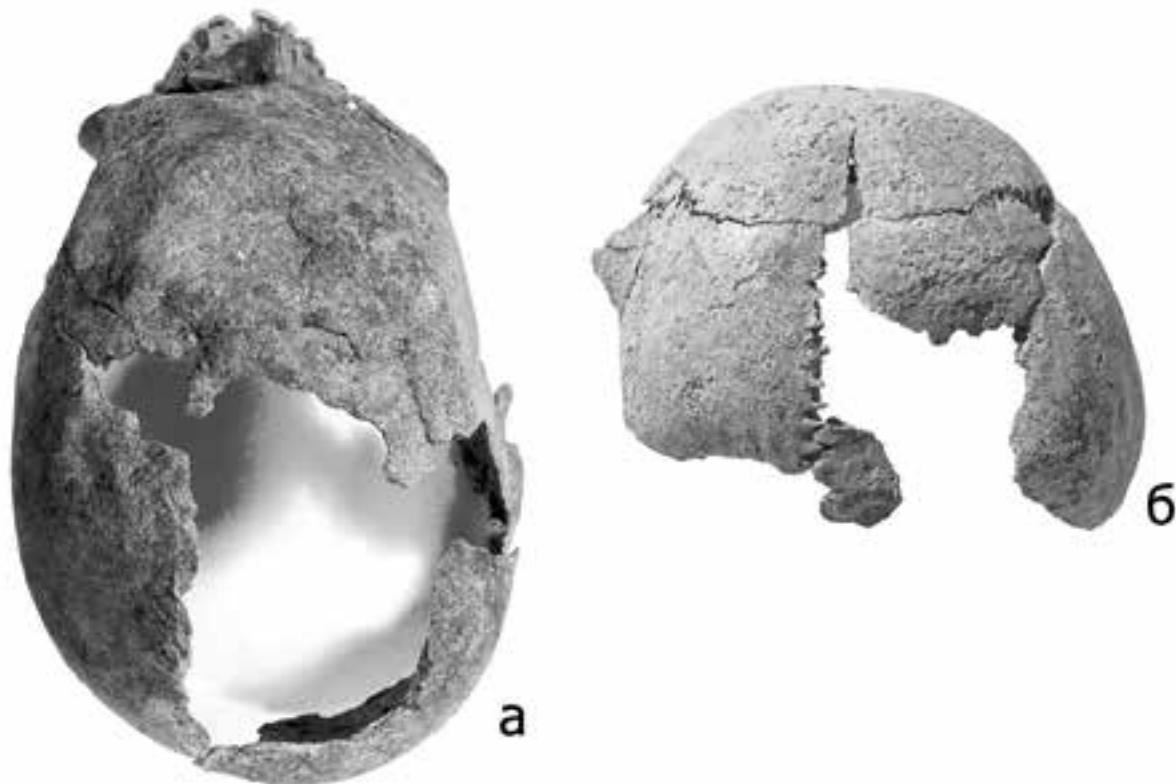

Рис. 2. Следы трепанаций на черепах из Калашиниковского могильника: а) череп из кургана №15а погребение №1; б) череп из кургана №13 погребение №1

2. kép. Trepanált koponyák a kalasnyikovói temetőből: а) koponya a 15a kurgán 1. sírjából; б) koponya a 13. kurgán 1. sírjából

На фрагментах правой теменной кости, ближе к стреловидному шву наблюдаются части краев, вероятно, когда-то овального повреждения. Края плавно спускаются внутрь дефекта. Видна выраженная реакция заживления.

Чазёвский I могильник (Шойна-ыб) VI–VII вв. н.э. находится в Косинском районе Пермского края.³ Во время раскопок в 2007 г. под руководством В. В. Мингалёва были собраны останки 8 индивидов происходящих из 7 погребений, обнаруженных в 4 курганах. Остатки черепов различной сохранности обнаружены у 4 индивидов. Наиболее полно удалось собрать две черепные коробки. Оба черепа принадлежат женщинам, умершим в зрелом возрасте. На обоих черепах обнаружены сквозные дефекты схожие по морфологии и локализации.⁴

Курган 25, погребение № 1. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 35–50 лет.

Сквозной дефект расположен на теменных костях черепа (рис. 3б). Дефект имеет 8-образную форму – это два смежных отверстия, каждое из которых имеет одинаковую овальную форму и размеры (40 × 50 мм). Внешний край образует «вал», плавно спускающийся внутрь и переходящий в тонкую костную пластинку. Внутренний край – это границы отверстия, они тонкие неровные, имеется выраженная реакция заживления, диплоэ не прослеживается. С внутренней стороны черепа не наблюдается никаких костных перестроений.

Курган 26, погребение № 1. Скелет принадлежит женщине, умершей в возрасте 30–45 лет.

Рис. 3. Следы трепанаций на черепах из Чазёвского I могильника: а) череп из кургана №26 погребение №1; б) череп из кургана №25 погребение №1

3. kép. Trepanált koponyák a csaszjovói I. temetőből: а) koponya a 26. kurgán 1. sírjából; б) koponya a 25. kurgán 1. sírjából

³ Мингалёв 2011, 56.

⁴ Брюхова 2010, 242–243.

На своде черепа обнаружены сквозные разрушения схожие с описанными у индивида из кургана 25, погребение № 1 (рис. 3а). Дефекты локализованы на правой теменной кости, представляют собой два сквозных отверстия. Отверстие (1) располагается по касательной к стреловидному шву (его центральной части). Дефект имеет правильную овальную форму (30 × 60 мм). Внешний край образует «вал», плавно спускающийся внутрь и переходящий в тонкую костную пластинку. Внутренний край – это границы отверстия (15 × 40 мм), они тонкие неровные, имеется выраженная реакция заживления, диплоэ не прослеживается. Отверстие (2) граничит внешним краем с отверстием (1), располагается в районе теменного бугра. Дефект имеет более обширные разме-

ры, чем отверстие (1). Внешняя граница имеет округлую форму (70 × 75 мм), внутренний край подтреугольной формы (50 × 50 мм). В остальном, морфологические характеристики дефекта совпадают с отверстием (1). С внутренней стороны черепа не наблюдается никаких костных перестроений.

Митинский могильник IV–VI вв. н.э. расположен в Кочевском районе Пермского края.⁵ За два года раскопок 2014–2015 гг. под руководством Д. В. Шмуратко из 12 погребений были получены кости 13 индивидов. Из них четверо детей до 14 лет, подросток 15–18 лет, 5 мужчин и 3 женщины. У пяти человек, включая подростка, обнаружены следы повреждения костей на своде черепа.

Погребение № 43. Скелет в погребении принадлежит мужчине, умершему в возрасте 20–25 лет.

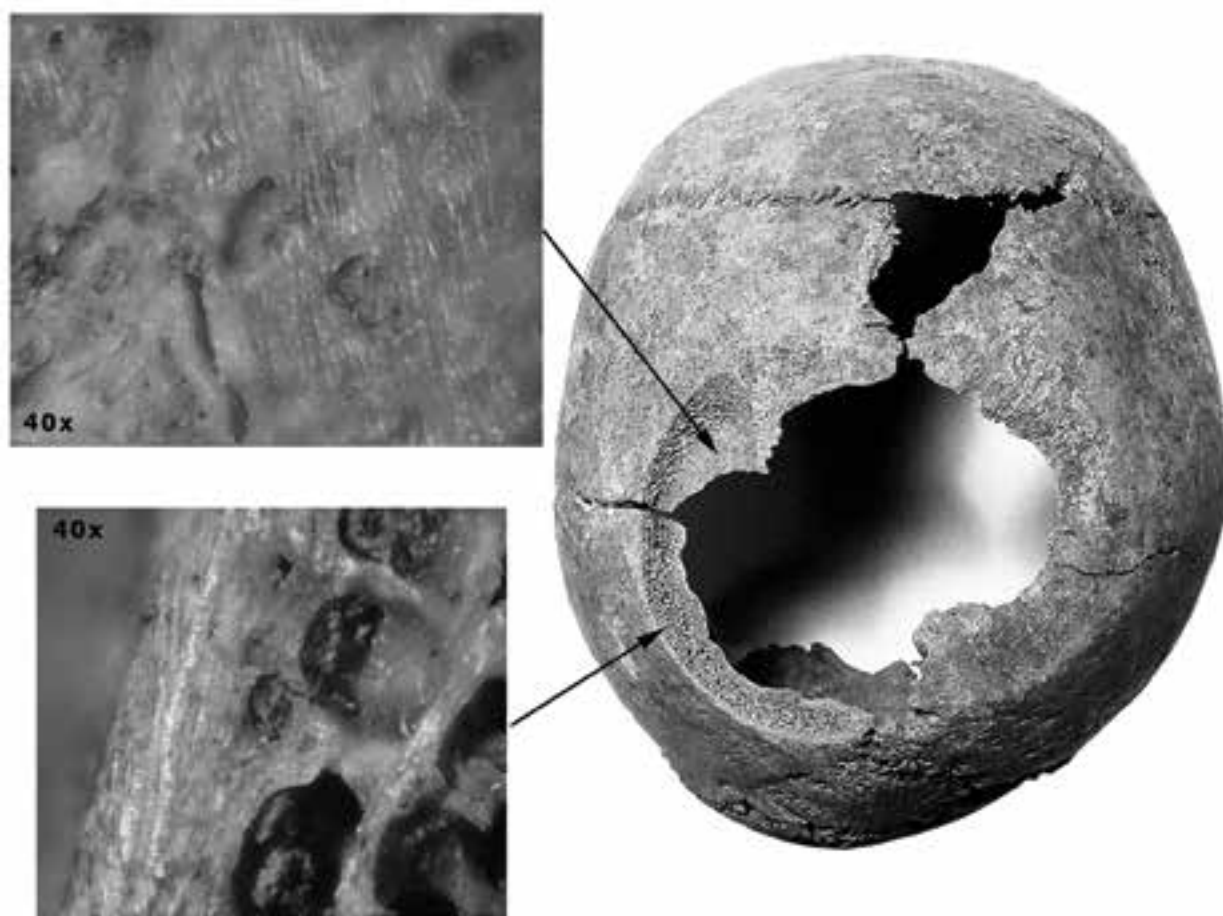

Рис. 4. Следы трепанаций на черепахе из погребения №43 Митинского могильника и микрофотографии трепанационного среза

4. kép. Trepanált koponya a mityinói temető 43. sírjából és részletfotók a trepanációs vágásról

⁵ ШМУРАТКО–БРЮХОВА 2012, 49.

Рис. 5. Следы трепанаций на черепах из Митинского могильника: а) череп из погребения №49а; б) череп из погребения №50а

5. kép. Trepanált koponyák a mityinói temetőből: а) koponya a 49a sírból; б) koponya az 50a sírből

Повреждения на своде черепа представляют собой два смежных сквозных дефекта (рис. 4). Дефект (1) имеет овальную форму (60 × 45 мм), расположен на обеих теменных костях в районе центральной части сагиттального шва. Шов делит овал повреждения практически пополам. Край отверстия, расположенный на левой теменной кости, не замкнут и открыт в смежный дефект. Остальные края отверстия сглажены, ограничены костным валиком, переходящим внутри в тонкую пластинку со следами костного перестроения. Диплоэ не прослеживается, следов воспаления нет.

Сквозной дефект (2) полуовальной формы (70 × 40 мм) с четкими краями расположен на левой теменной кости, открыт в сторону смежного с ним дефекта (1). Края отверстия ровные, диплоэ открыто, нижний компактный слой выступает перед краем на 5–15 мм. Площадка среза в части, располагающейся ближе к затылочной кости, направлена к нижней компакте под углом

≈ 105°. Чуть больше угол ≈ 110° в части, которая ближе к лобной кости. Следов заживления и воспаления нет. При наблюдении в микроскоп с 20-ти и 40-ка кратным увеличением на срезе верхней компакты видны параллельные горизонтальные линии, а в нескольких местах небольшие вертикальные риски. На поверхности нижнего компактного слоя также наблюдаются параллельные горизонтальные линии, расположенные довольно плотно.⁶ За пределами отверстия, на расстоянии ≈ 7 мм от среза, видна неглубокая линия разреза, задевающая только внешний слой кости. Линия идет параллельно краю среза, длина её составляет ≈ 20 мм.

Погребение № 49а. Кости в погребении принадлежат юному индивиду, умершему в возрасте 15–18 лет.

На правой теменной кости и частично на правой стороне лобной кости имеется овальный дефект (100×40 мм). Дефект вытянут вдоль стреловидного шва, по касательной к

⁶ Автор благодарит С. Н. Скочину ИПОС СО РАН за помощь в исследовании.

нему. Повреждение представляет собой слабо-выраженное углубление в кости, заметное при определенном освещении. Наблюдается слабая реакция заживления (рис. 5 а).

Погребение № 49б. Костные останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет.

На правой теменной кости в 10 мм от стреловидного шва, немного захватывая венечный шов, имеется овальный дефект (50×30 мм), вытянутый в переднезаднем направлении. Дефект представляет собой незначительное углубление с нечеткими краями. Во внутренних границах углубления имеются следы костных перестроений, следов воспаления нет. Со стороны эндокрана видны слабые пальцевидные вдавления.

Погребение № 49в. Кости в погребении принадлежат мужчине, умершему в возрасте 25–35 лет.

На своде черепа имеется дефект овальной формы (80×60 мм). Основная часть повреждения расположена на правой теменной кости, по касательной к стреловидному шву и частично захватывает правую сторону лобной кости. Дефект представляет собой участок истонченной кости с открытым диплоэ. С правой и задней (ближе к затылку) сторон читаются небольшие костные валики. Со стороны эндокрана костных перестроений нет.

Погребение № 50а. Скелет в погребении принадлежит женщине, умершей в зрелом возрасте.

На правой теменной кости имеется костный дефект неправильной формы (100×50 мм) вытянутый в переднезаднем направлении (рис. 5б). Внешние края дефекта сглажены, ограничены костным валиком, переходящим внутри в тонкую пластинку со следами костного перестроения. В задней части дефекта валик разделяет повреждение на две части. Вероятно, здесь мы имеем дело с двумя случаями вмешательства в целостность свода черепа. Одно из повреждений более узкой формы, располагается вдоль стреловидного шва и имеет менее выраженный валик. Второй эпизод граничит с первым, но по форме он более широкий и имеет более выраженный валик. С внутренней стороны черепа следов костных перестроений нет.

Табл. 1. Количество черепов с трепанациями

1. táblázat. A trepanált koponyák mennyisége

Могильник	общее кол-во черепов	кол-во черепов с трепанациями
Калашниковский V–VI вв. н.э.	2	2
Чазёвский I к. VI–VII вв. н.э.	4	2
Митинский к. IV–VI вв. н.э.	9	5
Итого	15	9

Таким образом, из 15 черепов различной сохранности, обнаруженных в погребениях курганных могильников с территории Пермского края на 9 наблюдаются следы вмешательства в костную структуру свода черепа (табл. 1). Количественное соотношение, говорит о распространенности таких операций у населения, оставившего данные могильники. Из-за фрагментарности черепов не во всех случаях можно достоверно определить была ли операция сквозной. Однако, судя по морфологическим особенностям повреждений, в большинстве случаев мы, вероятно, имеем дело с несквозной или символической операцией. Практически все дефекты располагаются на теменных костях, иногда с захватом лобной кости, в одном случае дефект расположен в районе левого лобного бугра.

Одной из особенностей проведенных операций можно считать неоднократность сделанных манипуляций на большинстве черепов. По половой принадлежности индивиды, с проведенными на черепе операциями, разделились поровну. Самому юному из них на момент смерти было 15–18 лет (табл. 2). Операции практически не сопровождаются воспалительным процессом, за исключением одного черепа, где с внутренней стороны отмечается порозность. Из всего количества рассмотренных повреждений только одна трепанация не имеет следов заживления и, возможно, послужила причиной смерти. Судя по следам на поверхности среза, операция проводилась путем вырезания контура и последующим выскабливанием кости до нижнего компактного слоя.

Табл. 2. Количество проведенных операций на каждом черепе и половозрастная характеристика индивидов
 2. táblázat. A beavatkozások száma koponyánként, illetve az egyének nem és kor szerinti jellemzői

Могильник	Погребение	Количество операций	Пол	Возраст
Калашниковский V–VI вв. н.э.	к. №15а п. №1	3	ж	25–35
	к. №13 п. №1	2	м	18–25
Чазёвский I к. VI–VII вв. н.э.	к. №25 п. №1	2	ж	35–50
	к. №26 п. №1	2	ж	30–45
Митинский к. IV–VI вв. н.э.	№43	2	м	20–25
	№ 49а	1	?	15–18
	№ 49б	1	м	35–50
	№ 49в	?	м	25–35
	№ 50а	2	ж	зрелый

При оценке древних хирургических технологий новосибирские ученые опытным путем установили, что инструментом при проведении трепанаций могли служить ножи.⁷ Возможно, ножи так же использовались и при проведении операций на исследуемых черепах.

По поводу распространения обряда символических трепанаций М. Б. Медникова пишет: «В эпоху Великого переселения народов поверхностное трепанирование становится «международным», надэтническим феноменом и затрагивает различные по происхождению группы населения».⁸ Автор также указывает на недооценённость «феномена символического трепанирования».⁹

Ближайший случай трепанации в данную эпоху упоминается М. С. Акимовой при анализе черепов Бирского могильника III–VII вв. н.э. с территории современной Башкирии: «На женском черепе на лобной кости имеется отверстие округлой формы. Вокруг него поверхность несколько углублена, как это бывает после лечебной трепанации».¹⁰

Все исследованные трепанированные черепа с территории Пермского края происходят из курганных могильников периода IV–VII вв. н.э. С исчезновением обряда хоронить покойных под курганной насыпью исчезает и традиция вмешательства в целостность костей свода черепа.

⁷ ЧИКИШЕВА И ДР. 2014, 135.

⁸ МЕДНИКОВА 2004, 137.

⁹ МЕДНИКОВА 2004, 134.

¹⁰ АКимова 1968, 56.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИМОВА 1968: Акимова, М. С.: *Антропология древнего населения Приуралья*. Москва 1968.
- БРЮХОВА 2010: Брюхова, Н. Г.: Следы ритуальных действий на черепах из погребений Чазёвского могильника. В: *Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. научн. конф.* Гл. ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2010, 242–245.
- МЕДНИКОВА 2004: Медникова, М. Б.: *Трепанации в древнем мире и культ головы*. Москва 2004.
- МИНГАЛЁВ 2011: Мингалёв, В. В.: Особенности внутрикурганных конструкций могильника Чазево I. В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 7*. Пермь 2011, 52–68.
- ШМУРАТКО 2010: Шмуратко, Д. В.: Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена* 2010:126, 100–107.
- ШМУРАТКО 2012: Шмуратко, Д. В.: *Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (Статистический анализ погребальных комплексов)*. Автореферат дис. канд. ист. наук. Казань 2012.
- ШМУРАТКО–БРЮХОВА 2012: Шмуратко, Д. В. – Брюхова, Н. Г.: Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 года). В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 10*. Пермь 2012, 46–63.
- ЧИКИШЕВА и др. 2014: Чикишева, Т. А. – Зубова, А. В. – Кривошапкин, А. Л. – Курбатов, В. П. – Волков, П. В. – Титов, А. Т.: Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2014:1, 130–141.

СТЕПНОЙ МИР A SZTYEP VILÁGA

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИХ ПАМЯТНИКАХ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

АРМАН АУГАНОВИЧ БИСЕМБАЕВ*

Ключевые слова: *Западный Казахстан, Южное Приуралье, древние венгры, огузы, печенеги, Тортоба, Курман, Караой, Песчаный карьер, Эмба, поясные бляшки, кушнареновско-караюкунувская культура*

Kulcsszavak: *Nyugat-Kazahsztán, az Urál nyugati előterének déli része, korai magyarok, oгуzok, besenyők, Tortoba, Kurman, Karaoj, Pészcsanij karjer, Emba, övveretek, kusnarenkovói és karajakunovói kultúra*

Арман Ауганович Бисембаев

К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане

В данной статье рассматриваются ранневенгерские памятники крупного региона Республики Казахстан – запада, граничащего с территорией Южного Приуралья Российской Федерации. Природно-географические условия большого региона являются детерминирующим фактором размещения памятников кочевого населения в раннем средневековье, в последние века I тыс. н.э. Сложившаяся на рубеже поздней бронзы – раннего железного века пастбищно-кочевая система продолжала функционировать позднее. Определенные коррективы в аспекты существования памятников того или иного населения вносили политические события яркого и динамичного периода VIII–XI вв., огузо-печенежского времени в истории Урало-Казахстанских степей.

Arman Auganovics Biszembajev

A nyugat-kazahsztáni korai magyar leletek kérdéséről

A tanulmányban a szerző a hatalmas területre kiterjedő Nyugat-Kazahsztánból származó korai magyar leleteket tekinti át, amely szomszédos azzal az Oroszországhoz tartozó területtel, amelyet az Urál nyugati előterének déli részeként ismerünk. A nyugat-kazahsztáni területek természeti és földrajzi viszonyai döntő módon befolyásolták a nomád népesség lelőhelyeinek elhelyezkedését a kora középkorban, az I. évezred utolsó századaiban. A késő bronzkor és a kora vaskor átmeneti időszakában kialakult pásztorkodó nagyállattartó életmód a továbbiakban is folytatódott. A különböző népegekhez köthető különálló közösségek az eseménydús 8–11. században, az oгуz–besenyő időszakban számos, az uráli és kazah sztyepp történelméhez kapcsolódó politikai eseményben voltak érintettek.

Территория Западного Казахстана, обширного региона, находящегося на стыке Европы и Азии, относится к районам, активно «пульсировавшим» и выплескивавшим различные объединения в западном направлении в период раннего средневековья, в последней четверти I тысячелетия. Данная ситуация связана в первую очередь с особенностями природно-географического характера рассматриваемой территории, и ее расположения в срединной части степного пояса Евразии, граничащей на севере с зоной лесостепи Оренбуржья и Башкирии, выходя на юге к пустыням Приаралья.

Крупный регион Республики Казахстан, очерченный крупной магистральной рекой – Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное, еще с раннего железного века представлял собой густозаселенный район кочевых объединений. Следует отметить, что не только размеры территории региона, но и географическое положение обусловило его центральное место в европейском и азиатском взаимовлиянии, во взаимодействии различных этнокультурных образований. Немаловажное значение имели и природно-климатические ус-

* Институт археологии им. А. Х. Маргулана Республики Казахстан. Г. Алматы, проспект Достык 44, abissembaev@mail.ru

ловия, обеспечившие развитие кочевой и земледельческой культуры Средневековья.

О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С. Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону».¹ Природно-климатические аспекты не претерпели радикальных изменений в период средневековья, поэтому хозяйственно-экономические принципы обитавших групп населения в это время во многом повторяли сложившуюся в РЖВ систему кочевания, дополнительно корректируемые военно-политической ситуацией в конкретные хронологические отрезки.

Западный Казахстан имеет наибольшее протяжение с севера на юг – около 900 км, с запада на восток – около 1200 км, занимает площадь в 729,2 тыс. км². На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) внутриматериковым морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России.

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между ними в пределах Казахстана проводится по Уральским горам (Мугоджарам), реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря–озера. Существуют природные различия между западной и восточной частями региона. К востоку от р. Эмба ландшафты резко приобретают азиатский характер, главным образом из-за смены состава биот и биомов. Данное местоположе-

ние региона предопределило его геологические, биогеографические и другие особенности.

На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны: лесостепь, степь, полупустыня. Зона пустыни, в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Северную часть рассматриваемого региона занимает небольшая по площади лесостепь без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками. Реликтовое урочище со сосредоточением колков Уркач (Оркаш) уходит глубоко в степь, в районе стыка рр. Илека, Эмбы и Ори.²

В физико-географическом аспекте поверхность Западного Казахстана очень разнообразна. Обширные низменности лежат ниже уровня океана, низкие горы сочетаются с многочисленными плато и равнинами. Наиболее широко в Западном Казахстане развиты аккумулятивные и пластовые равнины, к которым относятся Прикаспийская и Туранская низменности.³ Рельеф Западного Казахстана представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым представляя собой холмистую (возвышенно-волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части области (300–600 м), понижены западная и юго-восточная (100–200 м).

Левобережье Урала Западно-Казахстанского региона характеризуется ярко выраженной аридностью и континентальностью климата, нарастающей с севера на юг и с запада на восток. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Западный Казахстан содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Растительный покров региона отличается преобладающим степным характером. Южная

¹ Гуцалов 2004, 4.

² Чибилев 1987, 86–103.

³ Казахстан 1969, 12, 24–36, 118–120.

граница ковыльных степей проходит от верховьев Еруслана через Большой и Малой Узени, по отрогам Общего Сырта до левобережья р. Урала, оз. Челкар, к востоку прорезая водораздел Илека и Хобды в средней части. Южнее зоны ковыльных степей достаточно хорошо прослеживается зона типчаковых степей. Здесь господствует типчак, к которому примешиваются различные ковыли. В этих степях значительно сокращается мезофильное разнотравье, распространены степные кустарники.

Пустынные степи охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере, гранича с зоной типчаковых степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее обширным белополынным и чернополынным пустыням на бурых почвах.⁴

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних и средневековых кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы⁵ – основы экономики кочевых обществ.

Расположение археологических объектов кочевого населения раннего средневековья в Западном Казахстане приурочено к комфортным экологическим нишам, что подтверждается данными картографирования памятников.⁶ В первую очередь, это зона среднего и нижнего течения Урала. Насыщенную памятниками зону образуют Большой и Малый Узени в среднем и нижнем течении. Причем этот локальный микрорайон дает памятники по всем периодам эпохи средневековья, что говорит о его привлекательности для кочевого населения вне зависимости от коллизий природного или политического характера. Сходными чертами обладает Уило-Кобдинский микрорайон, на территории которого обнаружены яркие и неординарные комплексы

раннего, развитого и позднего средневековья. Новые памятники были обнаружены в результате разведочных мероприятий в 2014 году в Темиро-Эмбенском бассейне. Однако, этот микрорайон так же, как Орь-Иргизский в плане расположения памятников эпохи средневековья, пока остается «*terra incognita*», и, соответственно, важным направлением для сосредоточения усилий исследовательского поиска. Комфортным регионом, хорошо изученным к данному времени, является среднее течение Илека в районе впадения Жаксы-Каргалы.

Археологические памятники конца I тыс. н.э., являющиеся наглядной иллюстрацией бурных политических коллизий, исследовались, начиная с XIX века по настоящее время. Однако, при активном изучении территории региона и массовых раскопках во второй половине XX столетия количество памятников интересующего времени значительно уступает другим периодам. Хотя нарративные источники, отражающие события, репрезентативны и происходят из различных районов, соприкасавшихся с кочевыми объединениями, и проявлявших к ним интерес.

Период VIII–XI вв., обозначенный в среде медиевистов, как огузо-печенежский, является одной из ярких, динамичных, и, пожалуй, пока еще загадочных страниц для истории Западного Казахстана. Он связан с борьбой за доминирование в регионе, противостоянием различных кочевых группировок, в конечном итоге, достигавших пределов северопричерноморских степей и попадавших в поле зрения русских летописцев, византийских писателей и европейских хронистов.

В фонды Областного историко-краеведческого музея г. Актобе РК в разные годы поступали случайные находки, которые своим обликом вносили определенный диссонанс в стройную общепринятую концепцию исторических событий конца I тыс. н.э. Но постепенное накопление подобных материалов стало весомым аргументом, подтверждающим пребывание на территории Западного Казахстана древневенгерских племен и их значительной роли в этнополитиче-

⁴ Атлас 1982, 78–79.

⁵ Акишев 1972, 31–46.

⁶ Бисембаев 2003, 87–90.

ской истории региона. Часть этих вещей публиковалась ранее, по мере их поступления в фонды музея.⁷

В экспозиции Областного историко-краеведческого музея г. Актобе долгое время демонстрировались предметы, обнаруженные в окрестностях города, принесенные краеведом А. Н. Амировым из Песчаного карьера. Клад литых бронзовых, частично посеребренных вещей состоит из двух круглых в виде колеса со спицами и ложными шариками блях, одна из которых является литейным браком, а у второй не спилены затеки металла – облой, между половинками формы (рис. 1. 1, 3). Также бракованной является ритуальная ложечка (рис. 1. 8) и биконьковые полые подвески, которых всего восемь штук (рис. 1. 4–7). Из всех предметов следы доработки в виде подточки имеются на двух серьгах с обломанными концами (рис. 1. 2, 9; рис. 2–5).

На берегу р. Эмба, недалеко от одноименного населенного пункта, из развеянного захоронения богатый комплект предметов, состоящий из деталей поясной гарнитуры и конской сбруи, выполненных из бронзы с серебрением, а также украшений из золота и низкопробного серебра, вместе с фотографиями с места находки, был передан в фонды Областного музея водителем геодезической экспедиции Б. З. Акдаулетовым в 1989 г. Среди поступивших предметов три сходные ременные пряжки с подвижным язычком и штифтами на приемнике ремня. Одна крупная лировидной формы с прямоугольной рамкой крепления ремня и литая с фигурным вырезом на пластине крепления ремня и двумя штифтами поперек (рис. 6. 5–7, 15, 19).

В комплекте присутствуют восемь наконечников ремней (четыре различного вида по два экземпляра) – массивные литые несимметричные с «растительным» орнаментом на лицевой стороне, напоминающим арабграфичную надпись, и тремя штифтами на оборотной, простые со скругленным нижним краем, схожие по форме с рельефным рисунком и ромбическим отверстием, а также литые вытянутых пропорций со скругленным нижним краем, подтреугольным

вырезом сверху и рельефным рисунком «растительного» характера (рис. 6. 1–4, 14, 20).

Ассортимент поясных бляшек состоит из 22 штук овальной формы с прорезью, трехлепестковым орнаментом в центре и цепочкой по краю (рис. 6. 25, 26), трех квадратных с фигурной прорезью, 36 штук прямоугольной формы с восьмеркообразными выступами на торцах и сердцевидных. Три гладкие, литые, две с вырезом, две с растительным орнаментом, 16 штук с круглым отверстием и 22 гвоздеобразные с полусферической шляпкой заклепки (рис. 6. 11–13, 16, 24).

К предметам конской ременной сбруи относятся четыре бляхи-распределителя, выполненные в виде трех прямоугольников с ложными шариками, расходящимися от полусферы в центре и пластиной на штифтах с тыльной стороны, а также литая массивная круглая бляха (рис. 6. 18, 8). Все предметы со следами серебрения отлиты или проштампованы из бронзы.

Из украшений присутствует серебряный перстень с полупрозрачным светло-коричневым камнем, золотая серьга с подвижно закрепленным шариком, ожерелье из пяти золотых шариков, бронзовые и серебряные пустотелые шарики-бубенчики с петелькой для пришивания на одежду (рис. 6. 17, 21–23, 27–29; рис. 7).

Отдельные предметы из раннесредневекового погребения, развеянного в песчаных дюнах в окрестностях п. Караой (Жетыколь) Уилского района, были продемонстрированы автору местными жителями с возможностью отрисовать и сфотографировать. В данный момент они находятся в школьном музее этого поселка. По сообщениям информаторов, захоронение было представлено человеческим скелетом, лежащим вытянуто на спине, головой на запад, на одном из песчаных холмов, в 3 км южнее поселка. Рядом со скелетом находились отдельные части костяка лошади – череп и кости ног. Скелет, кроме рассматриваемых в статье вещей, сопровождал сабельный клинок, разнообразные наконечники стрел, массивная нашейная цепь с медальоном, изображено бородастое мужское лицо.

⁷ БИСЕМБАЕВ 2003а, 60–74; БИСЕМБАЕВ–ФОМЕНКО 2016, 201–204.

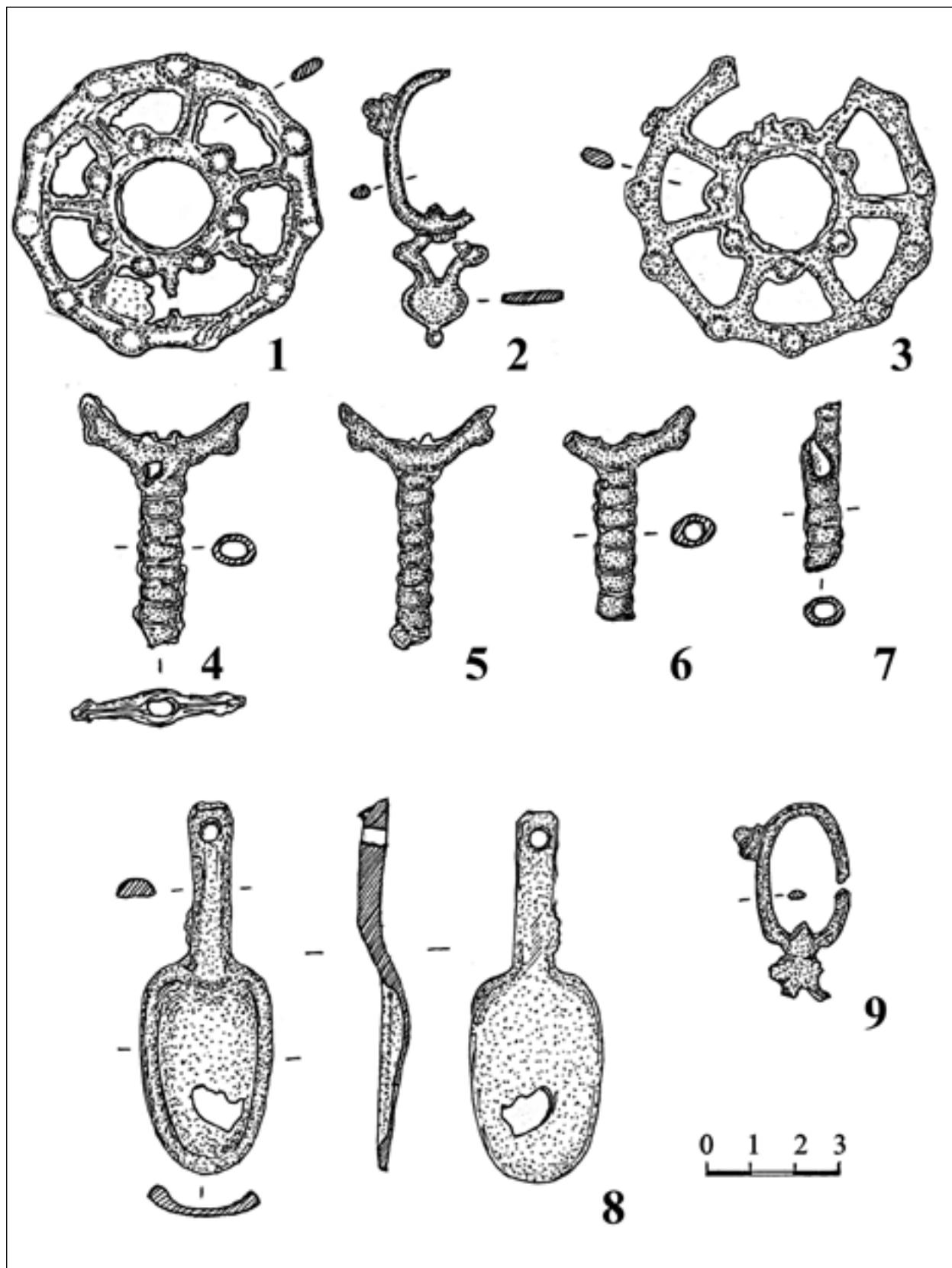

Рис. 1. Комплекс Песчаный карьер
1. kép. Leletegyüttes Peszcsanij karjer lelőhelyről

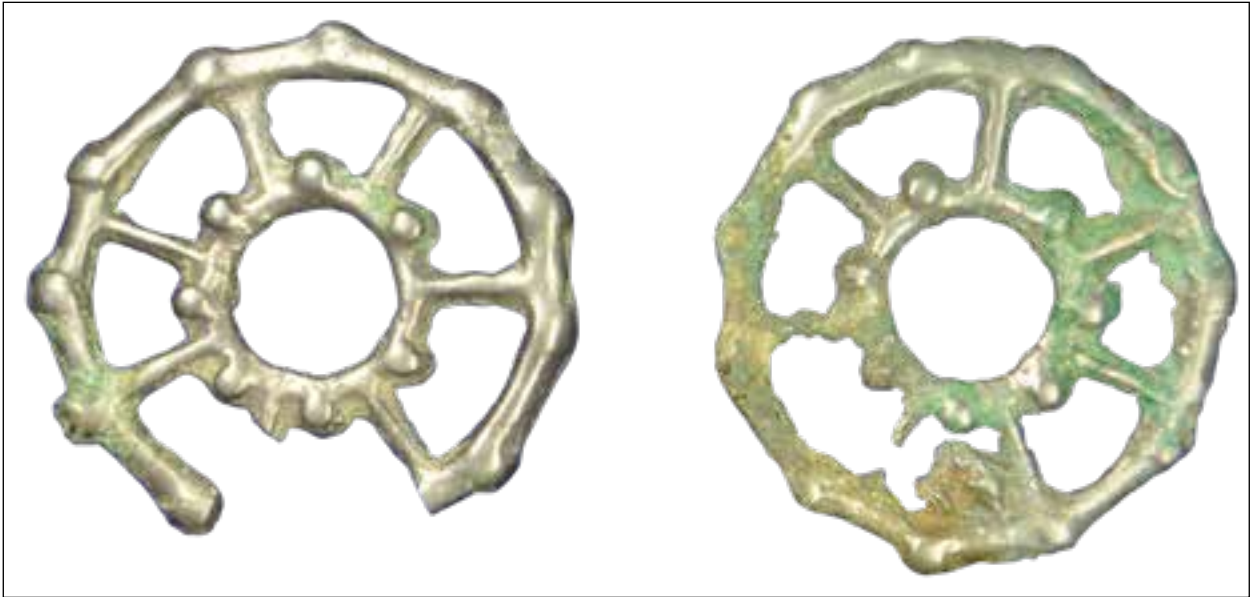

Рис. 2. Комплекс Песчаный карьер
2. kép. Pészcsanij karjeri leletek

Рис. 3. Комплекс Песчаный карьер
3. kép. Pészcsanij karjeri leletek

К сожалению, установить местонахождение указанных предметов не представляется возможным, они окончательно утеряны, в связи с многочисленной сменой руководства школы.

Оставшийся комплект представлен тремя налобными бляхами конской сбруи, близкими по форме и характеру изготовления, но не абсолютно идентичными. Объединяет эти предметы сердцевидная или даже «щитовидная» форма, выпуклое стилизованное лицо человека на внешней стороне и штифтовое соединение наружной и тыльной частей пластин. Стилизация личины выполнена за счет формы нижнего выступа – «подбородка», пробитых треугольников

– «глаз» и чеканных прямоугольников налобного ремешка. В одной из блях, в пространстве между двух пластин закреплен кусочек бронзы, по-видимому, бляхи выполняли роль колокольчиков, позвякивая при движении (рис. 8. 1–3).

В одном экземпляре бляшка конской узды, вытянутая, с приостренными торцевыми концами и боковым отростком растительного характера. Отросток доработан подточкой, штифты заклепки на тыльной стороне с небольшими пластинками, на лицевой стороне прочеканен растительный орнамент (рис. 8. 8). По два экземпляра поясных геральдических бляшек с двумя штифтами на тыльной стороне и орнаментом на

Рис. 4. Комплекс Песчаный карьер
4. kép. Pészcsanij
karjeri leletek

Рис. 5. Комплекс Песчаный карьер
5. kép. Pészcsanij karjeri leletek

лицевой; две поясные литые бляшки со штифтовым креплением, оформленные в виде двух параллельных рядов по три округлых выступа вдоль вертикальной цепочки (рис. 8. 4–6). На одной из трех практически идентичных птицевидных бляшек отломано левое крыло. Выполнены отливкой с прочеканным орнаментом и четырьмя крепежными штифтами. Все предметы изготовлены из бронзы с серебрением (рис. 8. 9).

От всего комплекса вооружения сохранился железный кованый черешковый наконечник стрелы. Боевая часть плоская, ромбовидная с упором при переходе в квадратный в сечении со спиленными гранями черешок (рис. 8. 10). Примечательной находкой являются фрагменты лепного сосуда из светло-серой глины. Тесто с примесью толченой раковины, песка и шамота, обжиг неравномерный. Один из фрагментов орнаментирован палочными вдавлениями различной толщины в виде рядов, разделенных небольшими углублениями (рис. 8. 7; рис. 9).

Металлические предметы, украшавшие сбруйные и поясные ремни, обнаруженные в песчаных массивах среднего течения р. Уил, юго-западнее, в 27 км от одноименного районного центра, недалеко от небольшого поселка

Курман (Шубарши), были переданы в 2014 г. жителем Уилского района Актюбинской области Е. Б. Мукангалиевым в фонды Областного историко-краеведческого музея. По внешним морфологическим признакам предметы делятся на несколько типов, они имеют следы окисления и механической очистки от окислов, выполненной, вероятно, автором находок. По наиболее явным внешним характеристикам можно выделить следующие предметы:

- обломок небольшого перстня из биметаллического сплава белого цвета. Щиток овальной формы, без орнамента, судя по диаметру отверстия касты, небольшого размера, вероятно, носился на мизинце (рис. 10. 7);
- семь накладных бляшек подквадратной формы, размерами $2,5 \times 2,5$ см. Бляшки различной сохранности, присутствуют обломанные части, частично деформированы. От одной сохранилась только верхняя часть. Все они не орнаментированы, имеют прямоугольную прорезь в нижней части, крепления к ремню в виде двух штифтов на тыльной стороне. Эти бляшки располагались на ремне прорезью вниз, через которую крепились подвесные части воинского пояса (рис. 10. 11, 12);
- 13 литых бляшек-лунниц с «ушками», $2,5 \times 0,8$ см. Все они не имеют орнамента, каждая с одним – двумя штифтами, расположенными на тыльной стороне ближе к центру. Одна сторона бляшек – выпуклая, другая – вогнутая, поэтому по форме они напоминают полумесяц с округлыми выступами по краям, похожими на ушки (рис. 10. 6, 9, 10, 13);
- восемь бляшек прямоугольной формы, размерами примерно $2,5 \times 1$ см, без орнамента. Большая их часть имеет дефекты и повреждения. У каждой по одному – два штифта для крепления на тыльной стороне. Присутствует вертикальная линия в центре каждой пряжки, визуально делящая ее пополам. Четыре накладные бляшки с разделительной полосой по центру похожи на предыдущие, но меньше почти в половину (рис. 10. 14–17);
- подвесная бляшка ремня восьмерковидной формы, сильно испорченная, возможно фигурная. Орнамент не читается из-за сильного окисления. В одной из частей имеется оваль-

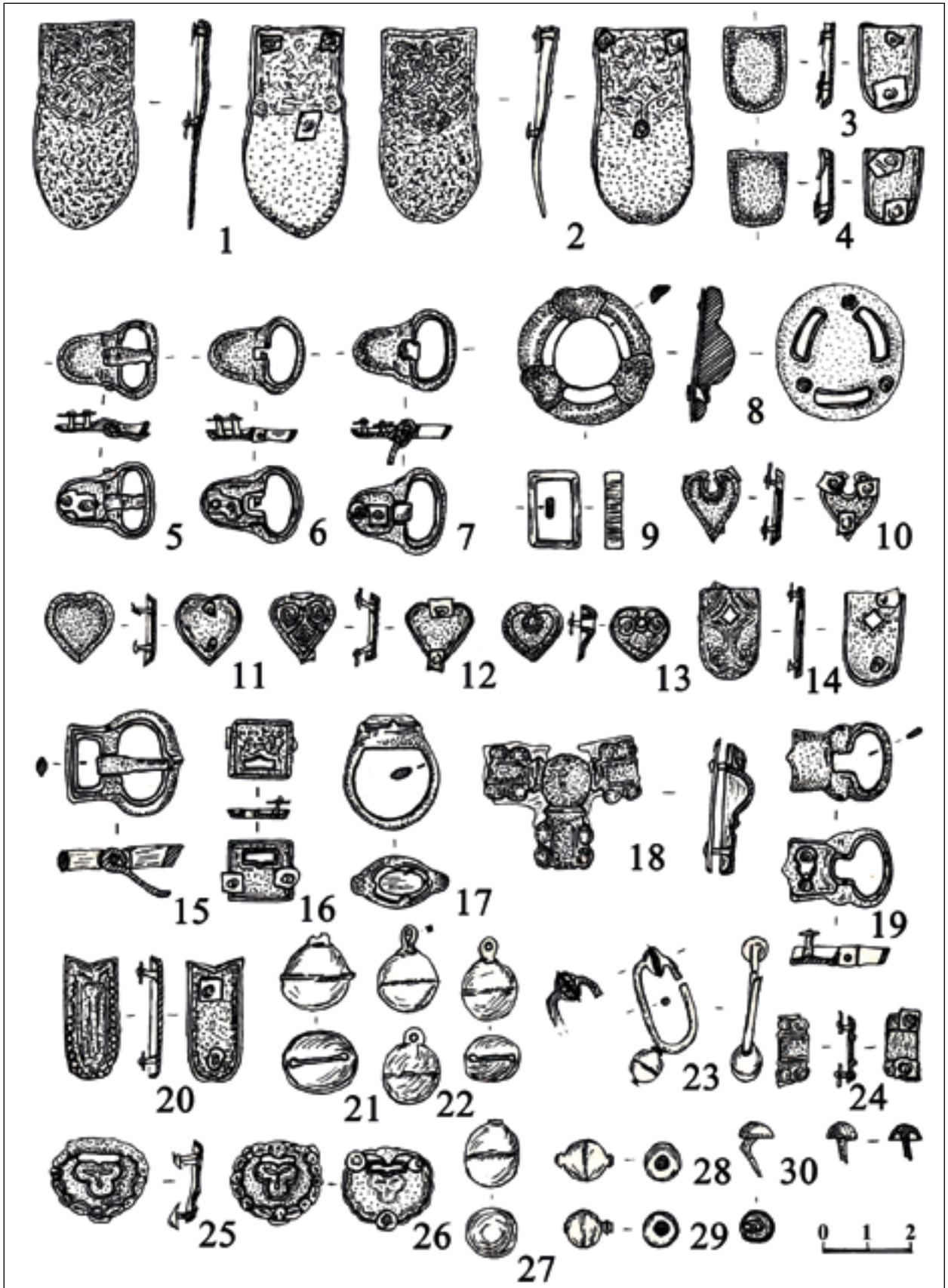

Рис. 6. Комплекс Эмба
6. кёр. Embai leletek

Рис. 7. Комплекс Караой
7. k p. Karaoji lelet

ная прорезь. Крепежные штифты расположены на тыльной стороне (рис. 10. 8);

- сердцевидная литая бляшка с растительным орнаментом. Имеет два штифта на тыльной стороне. Данная форма поясных бляшек-накладок, пожалуй, самая распространенная в огузо-печенежское время (рис. 10. 5);
- две концевые подвески – наконечники ремней подпрямоугольной формы, без орнамента, размерами 1,9 × 1,5 см, со скругленным нижним краем (рис. 10. 2, 3);
- бляшка неорнаментированная полуовальной формы. Нижняя ее часть, вероятно, обломана (рис. 10. 4);
- крупная бляха около 3,5 см в диаметре округлой формы, орнаментированная в геометрическом стиле, имеет четкие округлые линии и три подтреугольных выступа. На бляшке имеются три симметричных отверстия овальной формы, визуально делящие бляху на три части одинакового размера. Бляшка, вероятно, представляет собой тройник крепления ремней (рис. 10. 1; рис. 11–13).

Еще один археологический комплекс заслуживает внимания, исходя из канвы затронутой проблемы. В 2011 году совместная экспедиция Казахстана и Германии, работавшая в окрестностях пос. Жиренокопа, в районе нижнего течения Сары-Кобды, недалеко от впадения в Илек, при изучении межкурганного пространства крупных археологических объектов раннего железного века на могильнике Тортоба исследовала непо потревоженное захоронение, относящееся

к рассматриваемому времени. Сам комплекс находится в стадии обработки, поэтому в данной работе будут привлечены некоторые моменты.

На глубине около 80 см от дневной поверхности было расчищено погребение человека (женщина?), возрастом около 25–35 лет (предварительные консультации – А. И. Нечвалода и Е. П. Китов), лежавшего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Кости рук слегка отставлены от тела, ноги вытянуты прямо, голова наклонена вправо (рис. 16). Погребенного сопровождала трубчатая кость лошади (?) за головой, сильно коррозированный клинок (кинжал ?) вдоль правой бедренной кости и лежащие поверх тела поясной и сбруйные ремни. На запястьях находились серебряные браслеты, на руках – массивные серебряные перстни. Один со вставкой из зеленого минерала (рис. 15. 12, 13).

В комплекте погребального инвентаря в большом количестве представлены подквадратные ременные бляхи с прямоугольной прорезью для подвесного ремня и бляшки-лунницы с «ушками» идентичные вышеописанным из Курмана (рис. 15. 3, 4, 6, 16–18; рис. 19–25). Присутствуют две ажурные подвески, два богато декорированных наконечника ремня лепестковидной формы, распределитель ремня-«тройчатка», подвесной с обломанным нижним краем плоский амулет, вероятно, с антропоморфным изображением, две ажурные литые трапециевидные накладки-подвески вытянутых пропорций, большое количество мелких бляшек, состоящих из трех, соединенных перемычками полусфер (рис. 15. 1–8, 11, 14, 15), плетенная проволочная цепочка (окантовка одежды?) (рис. 17–18), сердцевидные накладки, крепление металлических украшений штифтовое с пластинками под расклепанным торцом штифта, для максимальной надежности соединения.

Таким образом, рассматриваемые комплексы представляют собой интересный блок артефактов раннего средневековья со своеобразной хроно-культурной позицией. Предметы, составляющие воинские пояса и металлические изделия конской сбруи, отлитые и штампованные из бронзы с серебрением, являются достаточно распространенной категорией инвентаря, бытовавшего в огузо-печенежский период с

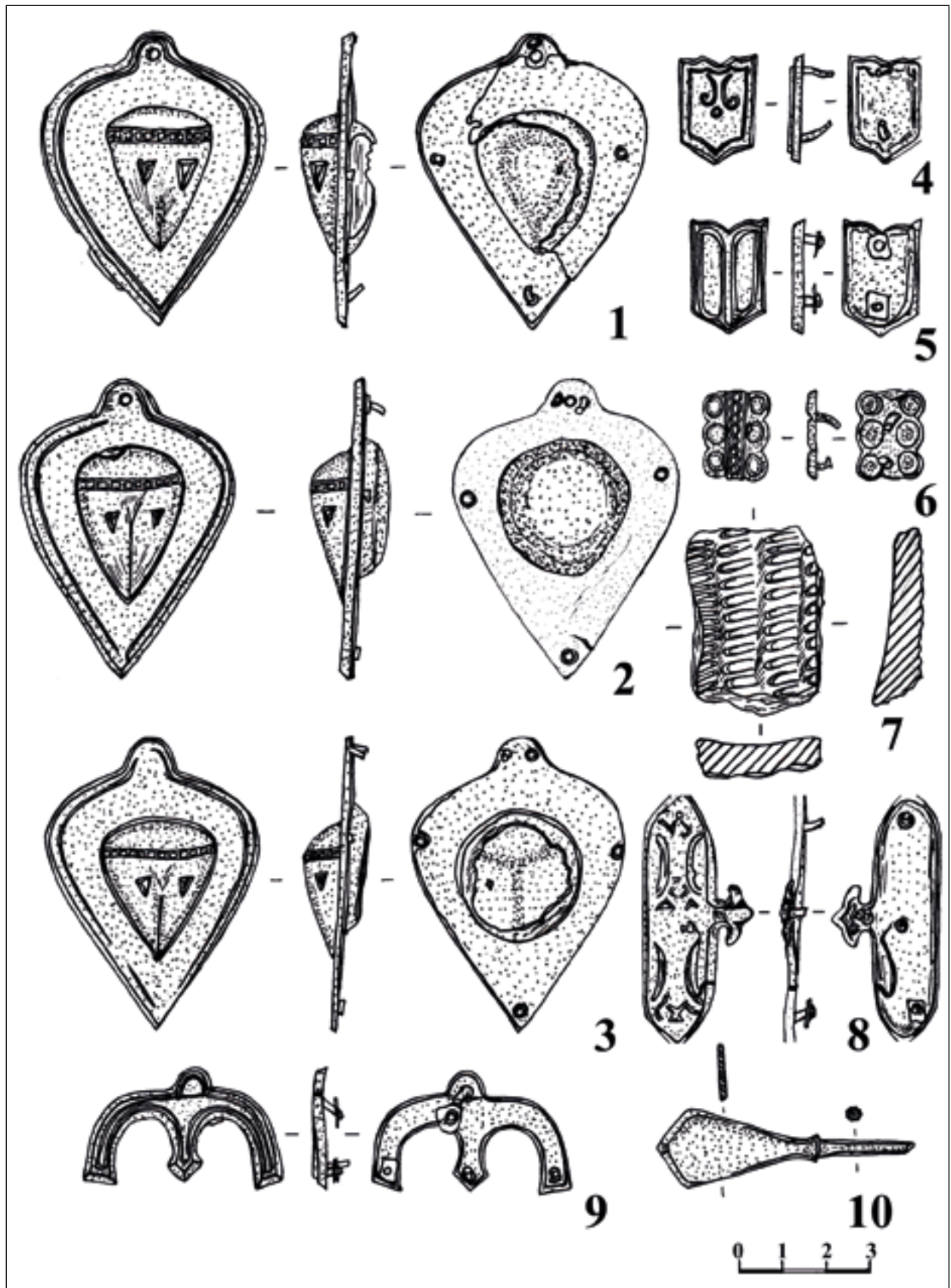

Рис. 8. Комплекс Караоï
8. kép. Karaoï leletgyűttes

Рис. 9. Комплекс Курман
9. kép. Kurmani leletegyüttes

VIII до XI вв. Но, исходя из присутствия вышеуказанных комплексов, данный хронологический отрезок для крупного региона Республики Казахстан отличался гораздо большей этнической «пестротой», важным составляющим элементом которой было наличие древневенгерских групп населения.

Наиболее близкие по форме аналогии штампованным накладкам-лунницам, бронзовым округлым пряжкам из Курманского и Тортобинского комплексов происходят из комплектов предметов бахмутинской культуры Южного Приуралья.⁸ Памятники бахмутинской культуры связываются с племенами финно-угорского круга середины – второй половины I тыс. н.э. На рубеже VIII–IX вв. часть представителей бахмутинской культуры ушла из Приуралья на запад, оставшиеся группы ассимилировались в составе древнебашкирских племен.

Сбруйные бляхи-решмы, были детально проанализированы Л. М. Гаврилиной.⁹ Подобный тип предметов конской сбруи был широко распространен от Причерноморья до Сибири. Наиболее близкие караойским бляшкам происходят из Саркела, Быково II (курган 3, погребение 5), Новоникольского (курган 7, погребение 13), Покровского. Реалистичное изображение человеческого лица прослежено на бляхе из Новоникольского. Изображение лиц на бляхах из Караоя сильно стилизовано, но очень четко выделен такой элемент украшений, как налобный ремешок в виде цепи прямоугольников. В Восточной Европе распространение сбруйных наборов с решмами приходится на X–XI вв.¹⁰ С учетом западного направления миграций средневековых кочевников, для подобных вещей Казахстана можно предположить более раннюю дату – IX–X вв. Птицевидные нашивки, маркирующие,

⁸ Мажитов 1968, 76; Мажитов 1981б, 25, 116.

⁹ Гаврилина 1993, 77–85.

¹⁰ Кирпичников 1973, 26–30.

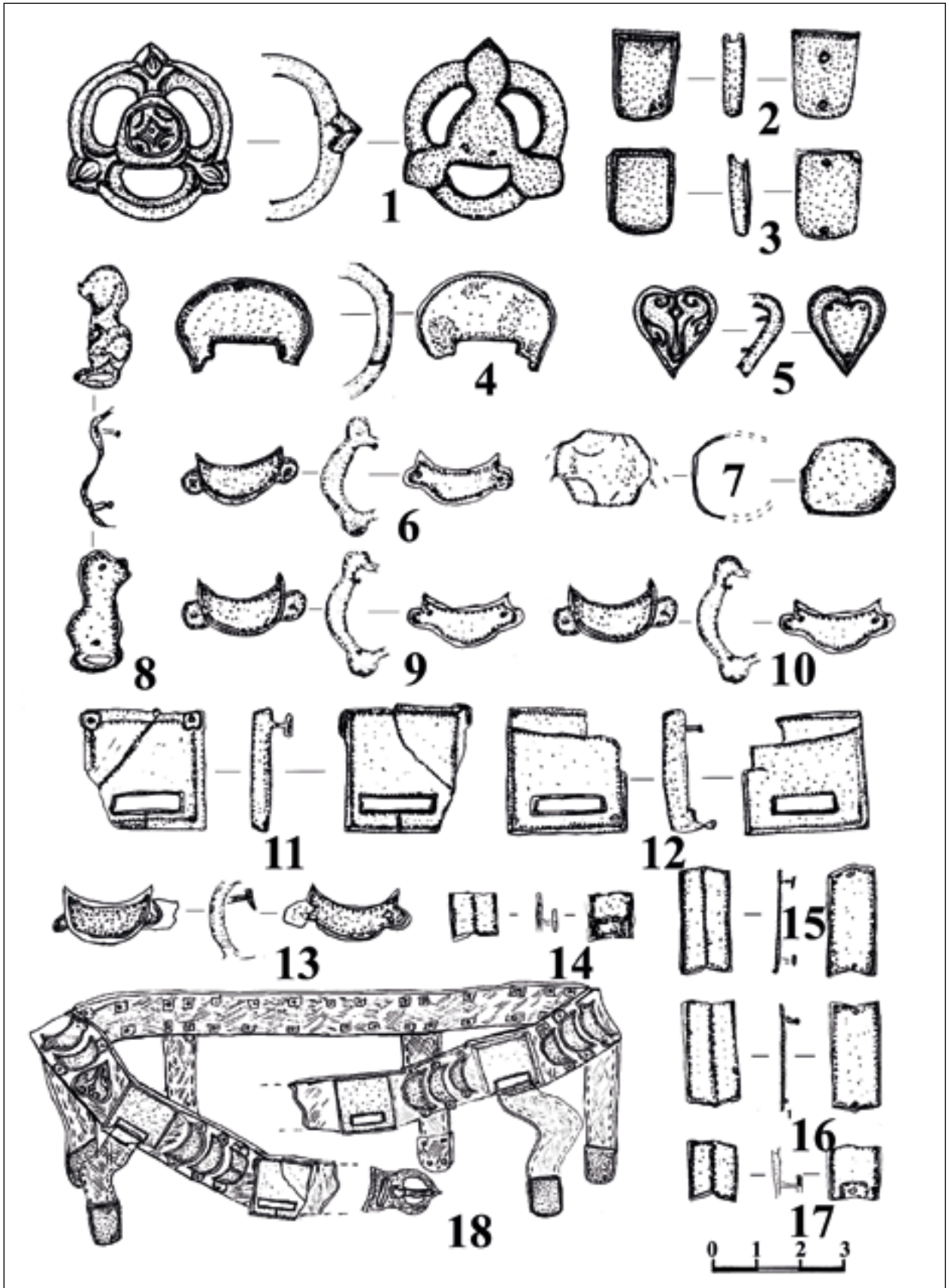

Рис. 10. Комплекс Курман
10. kép. Kurmani leletgyűjtés

Рис. 11. Комплекс Курман
11. kép. Kurmani leletek

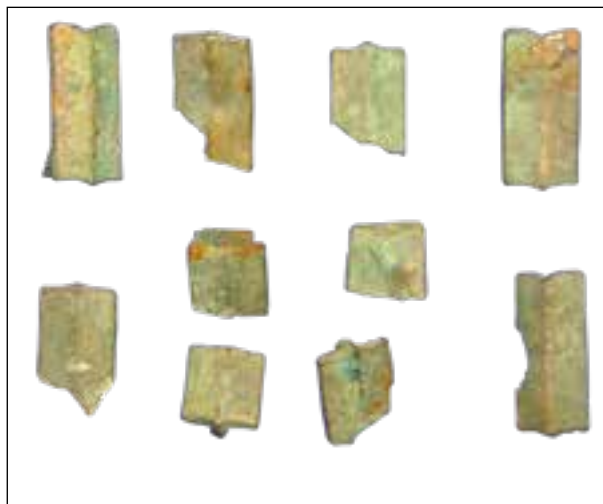

Рис. 12. Комплекс Курман
12. kép. Kurmani leletek

Рис. 13. Комплекс Курман
13. kép. Kurmani leletek

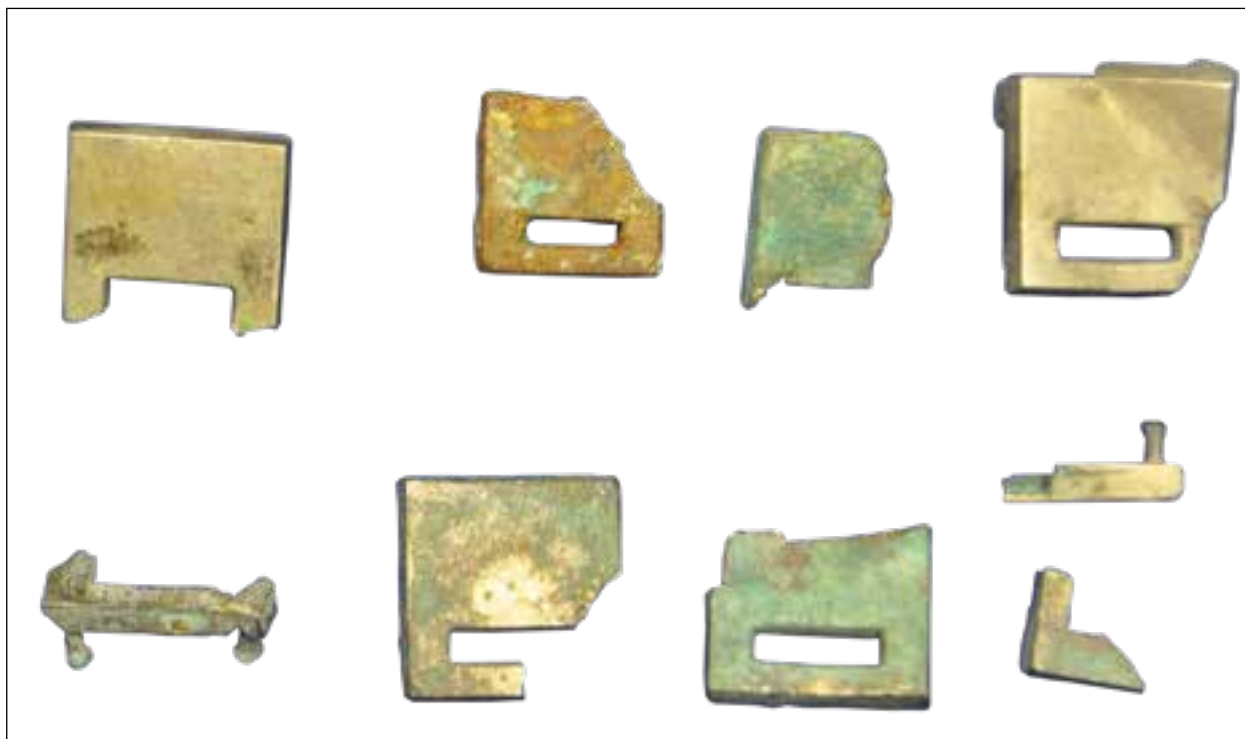

Рис. 14. Комплекс Тортоба
14. kép. Tortobai leletek

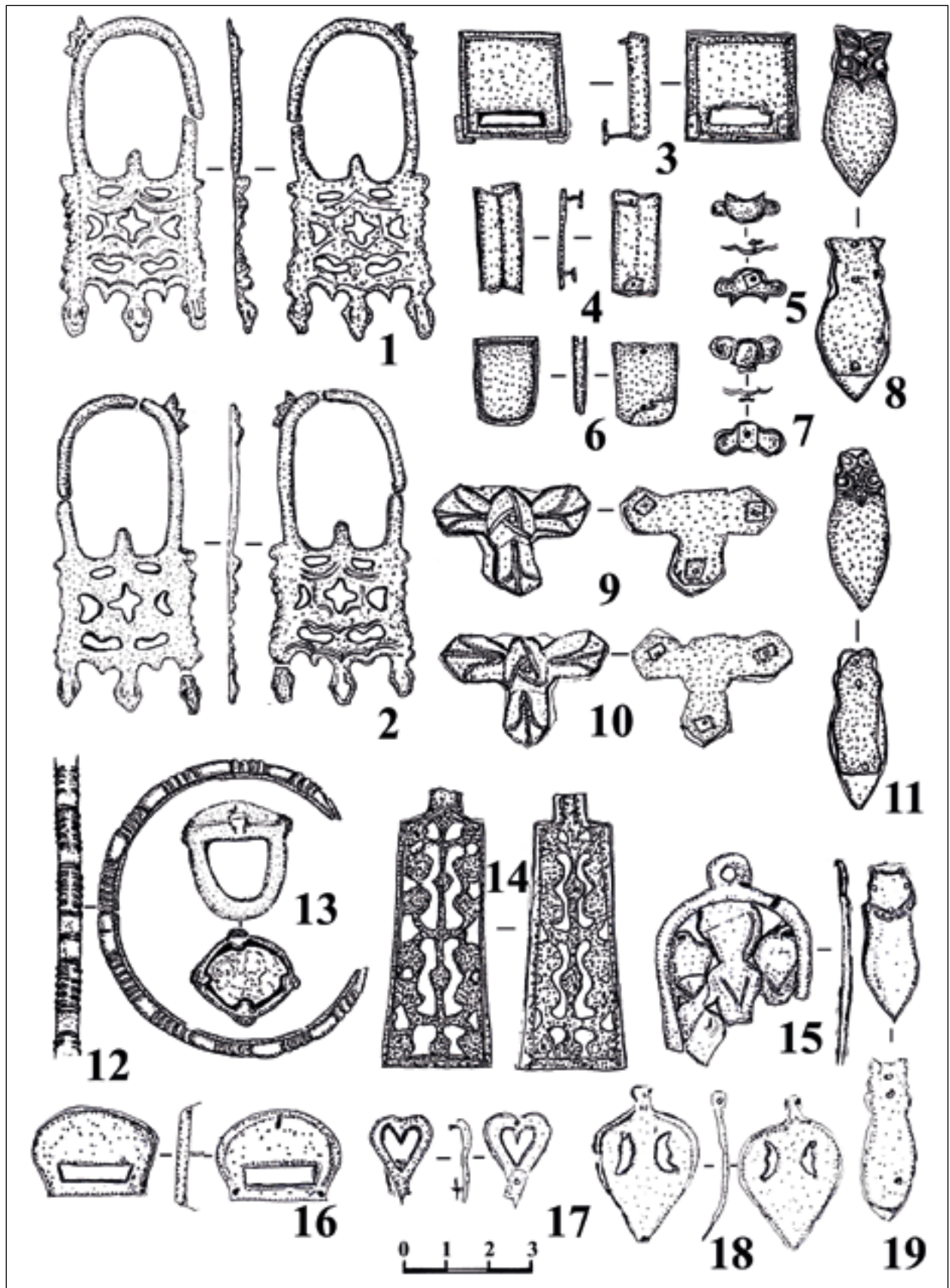

Рис. 15. Комплекс Тортоба
15. kép. Tortobai leletgyűttes

Рис. 16. Комплекс Тортоба. Погребение 2.

16. kép. Tortoba 2. sír

по мнению В. А. Кригера, огузские захоронения, своими корнями уходят в изделия сротскинской культуры.¹¹ Экземпляр из Караоя отличает то, что это не нашивка, а ременная бляшка, по форме близкая изделиям со стилизованными лошадиными мордами прикамских угров. Мелкие бляшки поясной гарнитуры были широко распространены в раннем средневековье по всей степной полосе в VIII–XI вв.

Несколько особняком в кругу кочевнических предметов стоит клад из Песчаного карьера бракованных бронзовых изделий, изготовленных, судя по отсутствию доработки и затекам между половинками литейной формы, на месте, а не завезенных из лесостепной территории. Нагрудные подвески в виде колеса с выступающими шариками абсолютно идентичны распростра-

ненным у населения бахмутинской культуры в междуречье Камы, Белой и Уфы. Сходные предметы происходят из Бирского могильника, а также встречаются у племен полемской и ломатовской культур.¹² Ритуальные ложечки также присущи указанному кругу памятников и культур. В том числе, они встречаются в более поздних караякуповских комплексах и в Больше-Тиганском могильнике.¹³ Поиск аналогий серьгам, подработанных подтачиванием в отличие от остальных предметов, приводит к тому же кругу памятников.

Богатый комплект металлических изделий из Эмбы имеет в своих составных элементах сходство с предметами VIII–IX вв. из Бекешевских, Хусаиновских I, II, Ямаши-Тауских, Лагеревских курганов, опубликованных Н. А. Мажитовым.¹⁴

¹¹ Кригер 1986, 26.

¹² Мажитов 1981, 41; Амброз 1980, 31; Розенфельдт 1987, 147–153.

¹³ Мажитов 1981a, 172; Халикова 1976, 67–78.

¹⁴ Мажитов 1981, 84–87, 90.

*Рис. 17. Комплекс Тортоба. Погребение 2.
17. кёр. Тортоба 2. сир*

*Рис. 18. Комплекс Тортоба. Погребение 2.
18. кёр. Тортоба 2. сир*

С территории Актюбинской области близкое по хронологической и культурной позиции происходит погребение из могильника Атпа, восточных отрогов Мугодзар.¹⁵ Интересные по форме исполнения фигурного выреза квадратные поясные бляшки аналогичны предметам VIII – начала IX вв., приведенным В. А. Могильниковым в таблице ХСІХ,¹⁶ из погребения 16 могильника Архиерейская Заимка релкинской культуры.

Определение хронологической позиции и культурной принадлежности анализируемых предметов из Тортобы и Курмана и поиск аналогий в кругу надежно атрибутированных поясных наборов и предметов конской сбруи, кроме Южного Приуралья, выводит на территорию Западной Сибири и Зауралья. Значительное сходство прослеживается в предметах релкинской культуры конца VII–IX вв., выделенной

Рис. 19. Комплекс Тортоба
19. kép. Tortobai leletek

Рис. 20. Комплекс Тортоба
20. kép. Tortobai leletek

¹⁵ БИСЕМБАЕВ–ГУЦАЛОВ 1996, 245–258.

¹⁶ МОГИЛЬНИКОВ 1987, 347.

Рис. 21. Комплекс Тортоба
21. кѣр. Tortobai lelet

Л. А. Чиндиной.¹⁷ Основной ареал распространения этой культуры – Средняя Обь с выходом на Северный Казахстан. Для памятников релкинской культуры характерны прямоугольные и округлые неорнаментированные бляхи-оправы с прорезями, сердцевидные бляхи с орнаментом, бронзовые геральдические пряжки с неподвижным щитком, рамчатые пряжки с рамками округлой и подпрямоугольной форм, близкие по форме и исполнению комплексу из Курмана.

Бляшки аналогичных форм, а именно, сердцевидные, прямоугольные или округлые, украшенные в растительном стиле, часто встречаются в находках усть-ишимской, юдинской культур угров и самодийцев Урала и Западной Сибири, а также в памятниках кинтусовского этапа культур Нижнего Приобья.¹⁸ Усть-ишимская культура была распространена в основном в лесной полосе Среднего Прииртышья и частично в его лесостепной зоне и связана с угорским по происхождению населением – обскими хантами.

Пожалуй, наибольшее сходство рассматриваемый комплекс Курмана демонстрирует с предметами кушнареновско-каракуповской культуры Башкирии. Сходство формы и орнамента с круглой бляхой-тройником прослеживается в материалах раскопок 2-го этапа каракуповской культуры. Это бляхи, найденные на Южном Урале, при раскопках Ишимбаевского, Лагеревского, Муракаевского, Хусаинского и др. могильников.

Они имеют идентичную курманской бляхе форму: округлые, с симметричными овальными прорезями и растительным орнаментом. Весь вышеуказанный круг аналогий Южного Приуралья, Зауралья и Западной Сибири применим по отношению к предметам поясной гарнитуры и конской сбруи из Тортобы. Близкое сходство обнаруживают ажурные вытянутой трапецевидной формы накладки-подвески с обнаруженными на Стерлитамакском могильнике.¹⁹

Таким образом, рассмотренные комплексы Караой, Курман, Эмба, Тортоба и Песчаный карьер имеют следующую хронологическую позицию – VIII–X вв. Широкий круг аналогий связывает исследуемый регион с населением лесостепной и притаежной зон, расположенных севернее и северо-восточнее районов обнаружения – в памятниках современной Башкирии, Татарстана, Западной Сибири. В связи с этим, в среде археологов, сформировались два основ-

Рис. 22. Комплекс Тортоба
22. кѣр. Tortobai lelet

¹⁷ Чиндина 1974, 136–147.

¹⁸ Могильников 1987, 168–176, 193–200.

¹⁹ Мажитов 1981, 94.

Рис. 23. Комплекс Тортоба
23. kőr. Tortobai leletek

ных направления – Приуральско-Поволжское и Зауральско-Западносибирское, связывающие происхождение древних венгров с конкретной территорией, выдвинутые и защищаемые Е. А. Халиковой и В. А. Могильниковым, которым было высказано следующее: «Регион степей между Уралом и Аральским морем, видимо, можно исключить из ареала протомадьярского этногенеза I тысячелетия н.э.»²⁰ Определенные итоги возникшей дискуссии при рассмотрении культурно-хронологической позиции Синеглазовских курганов подводил С. Г. Боталов.²¹

Другой вектор дискуссии, развернулся вокруг этнокультурной принадлежности кушнареноквско-караякуповских древностей древним башкирам или венграм. Не вдаваясь в ее подробности, следует отметить, что наиболее последовательным сторонником тюркского происхождения был Н. А. Мажитов. Другая часть исследователей караякуповскую культуру сопоставляет с уграми, предками венгров. Активным представителем этого направления и постоянным оппонентом Н. А. Мажитова является В. А. Иванов.²² Данная культура, распространенная на Южном Урале в период VIII–X вв. и выделенная после раскопок у д. Караякупово в Чишминском р-не²³ Г. И. Матвеевой, имеет многочисленные аналогии в материалах древнехантыйских и древнемансийских археологических культур бассейна рр. Тобол, Иртыш и Исеть, что позволяет связывать носителей этой культуры с уграми. Данное этнокультурное определение подтверждается высокой степенью типологического сходства погребальных памятников караякуповской культуры с могильниками древних мадьяр IX – нач. X вв. Е. А. Халикова в 1975 году выдвинула концепцию об этногенетическом родстве носителей караякуповской культуры и древних мадьяр, а территорию распространения культуры отождествляла с древней родиной венгров – Великой Венгрией (*Magna Hungaria*).²⁴ В последующее время верхнюю дату караяку-

²⁰ Халикова 1975, 37–42; Могильников 1993.

²¹ Боталов 1988, 130.

²² Иванов 1988, 53–65.

²³ Матвеева 1975, 13–22.

²⁴ Халикова 1975, 40.

Рис. 24. Комплекс Тортоба
24. kép. Tortobai leletek

повских памятников середины IX века стали отождествлять с началом миграции мадьяров на запад.

В присутствии на территории Западного Казахстана предметов с отчетливыми древнененгерскими признаками в раннем средневековье нет противоречия общей канве исторических событий. Территория региона, примыкающая к Южному Приуралью, в древности и средневековье была населена племенными группами с близкими этническими и культурными чертами. В частности, П. Т. Верешем, рассматривавшим раннее на основе этно-лингвистических данных территорию Зауралья как возможную территорию формирования древнененгерского этноса,²⁵ позднее был поставлен вопрос о формировании древнененгерского этноса на территории Северного Приуралья, но уже на основе анализа данных антропологии, лингвистики, археологии.²⁶

Согласно данным письменных источников до IX в. на территории Западного Казахстана восточнее и юго-восточнее Аральского моря обитали племена печенегов. В VIII веке печенеги обитали на средней Сырдарье, где начались их первые столкновения с племенами огузов. Именно с этой территории, по мнению С. Г. Кляшторного, они принесли этноним «кангар».²⁷ Возможно, печенеги подверглись тюркизации в период господства Западно-Тюркского каганата, что в дальнейшем отразилось в их делении на печенегов-кангар и просто печенегов.²⁸ Во второй половине I тыс. н.э. с территории Южной Сибири и Алтая в низовья Сырдарьи мигрировали племена огузов, для которых период VIII–IX вв. является важным в этнической и политической истории.

Это время интенсивного формирования огузской конфедерации, на основе которой в даль-

²⁵ ВЕРЕШ 1985, 113–114.

²⁶ ВЕРЕШ 1998, 167–170.

²⁷ КЛЯШТОРНЫЙ 1964, 161–165.

²⁸ КРИГЕР 1986, 115.

Рис. 25. Комплекс Тортоба
25. kőp. Tortobai leletek

нейшем, в конце IX – начале X вв., образовалось государство Сырдарьинских джабгу (ябгу) вокруг Аральского моря, вытеснив севернее к бассейну Урала печенегов. Восточный и Центральный Казахстан занимает кимакская конфедерация, в составе с кыпчаками. На Нижнем Поволжье приходит в упадок Хазарский каганат. Противоборствующие стороны – огузы и печенеги, были завязаны в мировой политике. Наиболее невыгодным было положение печенегов, зажатых со всех сторон сильными соседями. Огузы в борьбе с печенегами использовали временные военные союзы с Хазарским каганатом и кыпчаками. Борьба за Приаральские пастбища привела к тому, что с середины IX в. земли западнее Центрального Казахстана в нарративных источниках стали называться «Дешт-и-Огуз» (ал-Истахри).

Окончательный разгром печенегов огузами в союзе с Хазарским каганатом в конце IX в. и вытеснение их дальше из Волго-Уральского междуречья, привели к тому, что, этноним «огуз» получил распространение на всей территории Западного Казахстана. Этнический состав огузских кочевых объединений в регионе с этого момента стал еще более разнороден. В них входили этнические группы, племена и роды различного происхождения: асов, алан, остатки разбитых печенегов, по-видимому, наиболее слабая их часть в экономическом плане. Данные об этом содержатся в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного и посла Арабского халифата в Волжскую Булгарию Ахмеда ибн-Фадлана.²⁹

В составе печенегов, племенные группировки которых также отличала разнородность, находи-

²⁹ Константин Багрянородный 1989, 157; Ковалевский 1956, 130.

лись представители древнебашкирских племен и родов, таких как бурзяне, усергане, тангаура. В пользу этого факта говорят данные археологии,³⁰ легенды и предания башкир.³¹ Печенеги в начале IX вв. вытеснили из Южного Приуралья и Западного Казахстана мадьяр-протовенгров в Северное Причерноморье, которое осталось в их исторической памяти и источниках как Леведия и Ателькуза.³² Хазары пытались использовать мадьяр в качестве противовеса печенежской опасности, используя дипломатические приемы и совместные военные действия. Однако, эти попытки не имели успеха и мадьярам пришлось уйти в Причерноморье.³³

Совместные военные действия Хазарского каганата и огузов привели к дальнейшим перемещениям значительных масс населения. Печенеги под давлением огузов прорвали хазарский заслон, выйдя к концу IX в. на границы Киевской Руси и Византийской империи, заселили нижнее течение Днепра по обоим его берегам. Мадьярам-протовенграм ничего не оставалось, как перед лицом грозной опасности – старого врага и печенегов, покинуть Северное Причерноморье и двинуться в поисках свободного жизненного пространства в Паннонию. К 895 году венгры (мадьяры) в основной массе появились на берегах Дуная, завоевав местные славянские племена. Этот период в венгерской истории получил название «период обретения родины».³⁴

Археологические памятники на территории Западного Казахстана VIII–IX вв. – времени обитания печенегов, обладают большой вариативностью в чертах погребального обряда. Работа с материалами раскопок региона за последние годы и учет опубликованных по Южному Приуралью убеждают в этом. Причина данного явления, на наш взгляд, заключается в том, что печенежское объединение носило

конгломератный характер, включая в себя различные кочевнические группировки, в частности, древнебашкирские.

Вероятно, древнебашкирские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину расселения печенегов до середины IX в. по соседству с районами, контролируемые огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне – весьма распространенное явление в практике кочевых народов. В составе башкирских племенных групп, по-видимому, присутствовали в значительном численном выражении представители древневенгерского этноса, подтверждением чему служат проанализированные комплексы из Тортобы, Караоя, Эмбы, Курмана и Песчаного карьера. Тесные этноконтакты с угорским населением еще на территории Северного Приуралья – в Западной Казахстане обеспечили древнебашкирским кочевым группам возможность бесконфликтно обосноваться на Южном Урале, после прорыва огузов и установления их доминирования в регионе.

Весьма отчетливые и явные параллели с памятниками угорского (древневенгерского) мира позволяют говорить о присутствии в раннем средневековье в локальных географических микрорайонах большого западного региона Казахстана – Уило-Кобдинском, Темиро-Эмбенском, Илекском значительных групп древневенгерского населения, что в свою очередь, коррелируется с гипотезами о прародине венгров в Южном Приуралье и Западной Сибири. Таким образом, вполне реально рассматривать Западный Казахстан, как район пребывания кочевых групп древних венгров и формирования одной из составных частей древневенгерского этноса до времени их переселения на берега Дуная в конце IX в.

³⁰ Гуцалов 1993, 165.

³¹ Кузеев 1971, 23.

³² Седов 1987, 236–239.

³³ Артамонов 1962, 343–345.

³⁴ Эрдели 1986, 310–336.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1989: Константин Багрянородный: *Об управлении империей*. Пер.: Литвинова, Г. А. Москва 1989.
- КОВАЛЕВСКИЙ 1956: Ковалевский, А. П.: *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков 1956.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИШЕВ 1972: Акишев, К. А.: К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В: *Поиски и раскопки в Казахстане. Академия наук КазССР, Институт истории, этнографии и археологии*. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1972, 31–46.
- АМБРОЗ 1980: Амброз, А. К.: Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. В: *Средневековые древности евразийских степей*. Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1980, 3–56.
- АРТАМОНОВ 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.
- АТЛАС 1982: *Атлас Казахской ССР*. Москва 1982. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Т.1.
- БИСЕМБАЕВ 2003: Бисембаев, А. А.: Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана. В: *Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования. Материалы III международного симпозиума*. Отв. ред.: Чибилев, А. А. Оренбург 2003, 996.
- БИСЕМБАЕВ 2003а: Бисембаев, А. А.: Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области. *Известия НАН РК. Серия общественных наук* 2003:1, 60–74.
- БИСЕМБАЕВ–ГУЦАЛОВ 1996: Бисембаев, А. А. – Гуцалов, С. Ю.: Средневековые погребения с территории Актюбинской области. В: *Вопросы археологии Западного Казахстана*. Отв. ред.: Ткачев, В. В. Самара 1996, 247.
- БИСЕМБАЕВ–ФОМЕНКО 2016: Бисембаев, А. А. – Фоменко, А. С.: Комплекс случайных находок раннего средневековья из песчаных массивов среднего течения Уила. В: *Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения»*. Отв. ред.: Мутанов, Г. М. Алматы 2016, 201–204.
- БОТАЛОВ 1988: Боталов, С. Г.: Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов. В: *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Межвузовский сборник*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск–Уфа 1988, 126–140.
- ВЕРЕШ 1985: Вереш, П.: Некоторые аспекты этногенеза венгерского народа. В: *Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык*. Новосибирск 1985, 113–118.
- ВЕРЕШ 1998: Вереш, П. Т.: К вопросу о приуральской прародине древневенгерского этноса. В: *Приуралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Отв. ред.: Неразик, Е. Е. Москва 1998, 167–172.
- ГАВРИЛИНА 1993: Гаврилина, Л. М.: Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв. В: *Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Васильев, И. Б. Самара 1993, 77–85.
- ГУЦАЛОВ 1993: Гуцалов, С. Ю.: Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар. В: *Кочевники Урало-Казахстанских степей: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Екатеринбург 1993, 162–166.
- ГУЦАЛОВ 2004: Гуцалов, С. Ю.: *Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э.* Уральск 2004.
- ИВАНОВ 1988: Иванов, В. А.: Magna Hungaria – археологическая реальность? В: *Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей*. Отв. ред.: Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1988, 53–64.
- КАЗАХСТАН 1969: *Природные условия и естественные ресурсы СССР*. Москва 1969.

- Кирпичников 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* САИ. Е1–36. Ленинград 1973.
- Кляшторный 1964: Кляшторный, С. Г.: *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории как источник по истории Средней Азии.* Москва 1964.
- Кригер 1986: Кригер, В. А.: Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников). В: *Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Межвузовский научный сборник.* Отв. ред.: Скрипкин, А. С. Саратов 1986, 114–131.
- Кузеев 1971: Кузеев, Р. Г.: Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. и история формирования башкирской народности. В: *Археология и этнография Башкирии.* Под ред.: Кузеева, Р. Г. – Сальникова, К. В. Уфа 1971, 17–29.
- Мажитов 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура.* Москва 1968.
- Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала в VIII–XII вв.* Москва 1981.
- Мажитов 1981а: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в IX – начале X в. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 80–82.
- Мажитов 1981б: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в VI–VIII вв. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 23–28.
- Матвеева 1975: Матвеева, Г. И.: Памятники кара-якуповского типа в Приуралье. В: *Из истории среднего Поволжья и Приуралья V. Научные труды Куйбышевского пед.института.* Куйбышев 1975, 13–22.
- Могильников 1987: Могильников, В. А.: Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 163–235.
- Могильников 1993: Могильников, В. А.: К проблеме исходной территории миграции протомадьяр. В: *Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов.* Отв. ред.: Васильев, И. Б. Самара 1993, 170–172.
- Розенфельдт 1987: Розенфельдт, Р. Л.: Поломская культура. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 144–152.
- Седов 1987: Седов, В. В.: Венгры в Восточной Европе. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 236–239.
- Халикова 1975: Халикова, Е. А.: Magna Hungaria. *Вопросы истории* 1975:7, 37–42.
- Халикова 1976: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- Чибилев 1987: Чибилев, А. А.: *Река Урал.* Ленинград 1987.
- Чиндина 1974: Чиндина, Л. А.: Могильник Релка. В: *Вопросы истории Сибири* 8. Томск 1974:8, 136–147.
- Эрдели 1986: Эрдели, И.: Археология Венгрии VI–XI вв. В: *Археология Венгрии: конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Отв. ред.: Титов, В. С. – Эрдели, И. Москва 1986, 310–346.

ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ РАСКОПОК В ОРЕНБУРЖЬЕ

Людмила Анатольевна Краева* – Ирина Вячеславовна Матюшко**

Ключевые слова: *Оренбургжье, угры-мадьяры, погребения, керамика*

Kulcsszavak: *Orenburgi terület, magyarok, sírok, kerámia*

Людмила Анатольевна Краева – Ирина Вячеславовна Матюшко

Древневенгерские комплексы из раскопок в Оренбургжье¹

В статье рассматриваются археологические памятники в контексте миграции угров-мадьяр через Оренбургжье. Настоящее исследование также представляет изучение керамики в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского, основанной на бинокулярной микроскопии и экспериментальной работе.

Ljudmila Anatoljevna Krajeva – Irina Vjacseszlavovna Matjusko

Korai magyar leletgyűttesek az Orenburgi területen végzett ásatásokról

A cikkben a szerzők az Orenburgi terület régészeti lelőhelyeit tekintik át a korai magyarok vándorlásának kontextusában. A kutatásban a binokuláris mikroszkópos vizsgálatokon és kísérleti módszereken alapuló А. А. Бобринский-féle kerámiavizsgálati eljárást is alkalmazták, kulturális-történeti megközelítésből.

В настоящее время на Южном Урале ареал распространения памятников кушнаренковских и караякуповских племен был расширен в результате раскопок Н. Л. Моргуновой в Оренбургской области (рис. 1).²

В 1981 году были обнаружены развалы сосудов раннесредневековой керамики в слое балластового отложения на многослойной стоянке Турганик в Красногвардейском районе Оренбургской области (рис. 1). Район полностью расположен в подзоне северных разнотравно-типчаково ковыльных степей.³ По орнаменту и форме керамика определена как кушнаренковская и караякуповская.⁴ Технологический анализ керамики был проведен Л. А. Краевой с

помощью микроскопа марки Zeiss Stemi 2000C Stereo по методике А. А. Бобринского (приложение 1).

К настоящему времени в России доктором наук А. А. Бобринским создана научная школа, работающая в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства.

Данный подход предусматривает анализ технологии изготовления керамики по методике, основанной на микроскопическом изучении, физическом моделировании и трасологии. Историко-культурный подход позволяет реконструировать по полученной технологической информации историко-культурные процессы в среде древнего населения.

* ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет, 460000 Оренбург ул. Советская, 19 kraeva_ludmila@mail.ru

** ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет, 460000 Оренбург ул. Советская, 19, irina_dojnikova@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1389.2017/ПЧ. на выполнение научно-исследовательской работы «Историческая роль кочевников волжско-уральского региона на евразийском пространстве в эпохи от начала бронзового века до позднего средневековья (V тыс. до н.э. – XV в.)».

² МОРГУНОВА 1981; МОРГУНОВА 2010.

³ ЧИБИЛЕВ и др. 1996, 66.

⁴ МОРГУНОВА 1981.

В основе возможности перевода информации из технологической в историко-культурную лежат общие закономерности функционирования гончарных производств и способности разных навыков труда реагировать с различной скоростью на возникновение и ход процессов смешения. Субстратные навыки труда (способы формообразования и конструирования сосудов – начинов, полых тел) сохраняются неизменными в течение жизни 5–6 поколений гончаров. Изучая эти навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве исследуемого населения. Приспособительные навыки труда (приемы отбора, добычи и подготовки исходного пластичного сырья (глин и илов), составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей) изменяются достаточно быстро, в течение жизни 1–2 поколений гончаров, поэтому их изучение позволяет получить информацию об истории населения на момент совершения захоронений. Смешение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает смешение групп древнего населения в целом.⁵

Керамику эпохи раннего средневековья из Турганинской стоянки по морфологическим признакам можно разделить на 2 группы.

Первая группа представлена тонкостенной керамикой (толщина черепка 4–5 мм), однослойной в изломе со сложным орнаментом из косых насечек, горизонтальных линий и вдавлений в виде «гусеничек», «полулунниц», нанесенных специально изготовленными штампами. Керамика изготавливалась из ожелезненной «тощей» глины (глин, имеющих среднюю и сильную степень запесоченности). К этой группе относятся фрагменты от двух сосудов, изготовленных из разных рецептов формовочной массы: 1 – шамот+органический раствор (выжимка из навоза?) (образец № 1) (рис. 2); 2 – дробленая раковина+органика (образец № 2) (рис. 3).

Вторая группа представлена более грубой керамикой, толстостенной (толщина черепка 5 мм – 1 см) с простым орнаментом из косых насечек по срезу венчика, рядами ямочных вдавлений в сочетании с внутренними «жемчужинами» по срезу венчика (рис. 4–9). Керамика изготавливалась в основном из ожелезненной «жирной» глины (пластичных глин, имеющих слабую степень запесоченности). Исключение составляет лишь образец №3, на изготовление которого пошла ожелезненная «тощая» глина.

В этой группе керамики зафиксированы фрагменты от четырех сосудов, изготовленных по двум видам рецептов формовочных масс: 1 – шамот+органический раствор (выжимка из навоза?) (образцы №№ 3, 6) (рис. 4. 8–9); 2 – дробленая раковина+органический раствор (выжимка из навоза?) (образцы №№ 4–5) (рис. 5–7). В качестве органического раствора в обоих случаях, вероятно, использовалась выжимка из навоза – искусственная органическая добавка к исходному пластичному сырью, которую изготавливали путем выжимания жидкой составляющей навоза под прессом или через ткань.⁶

Анализ керамики из Турганинской стоянки (приложение 1) показал наличие неоднородных традиций в технологии и морфологии изготовления керамики, что может быть объяснено принадлежностью к разным археологическим культурам (кушнаренковская и караякуповская) и неоднородностью сложения последних.

В 2010 году в Оренбургской области археологические памятники кушнаренковской культуры были получены при раскопках II Курганного могильника у с. Имангулово-2-ое. Памятник расположен в Октябрьском районе Оренбургской области, представляющим собой степные равнины.⁷

II Курганный могильник находится у с. Имангулово-2-ое на возвышенном мысу первой надпойменной террасы р. Салмыш (рис. 1). По плану

⁵ Бобринский 1978; Бобринский 1999, 63–73.

⁶ Васильева–Салугина 1997, 16.

⁷ Чибилев и др. 1996, 66.

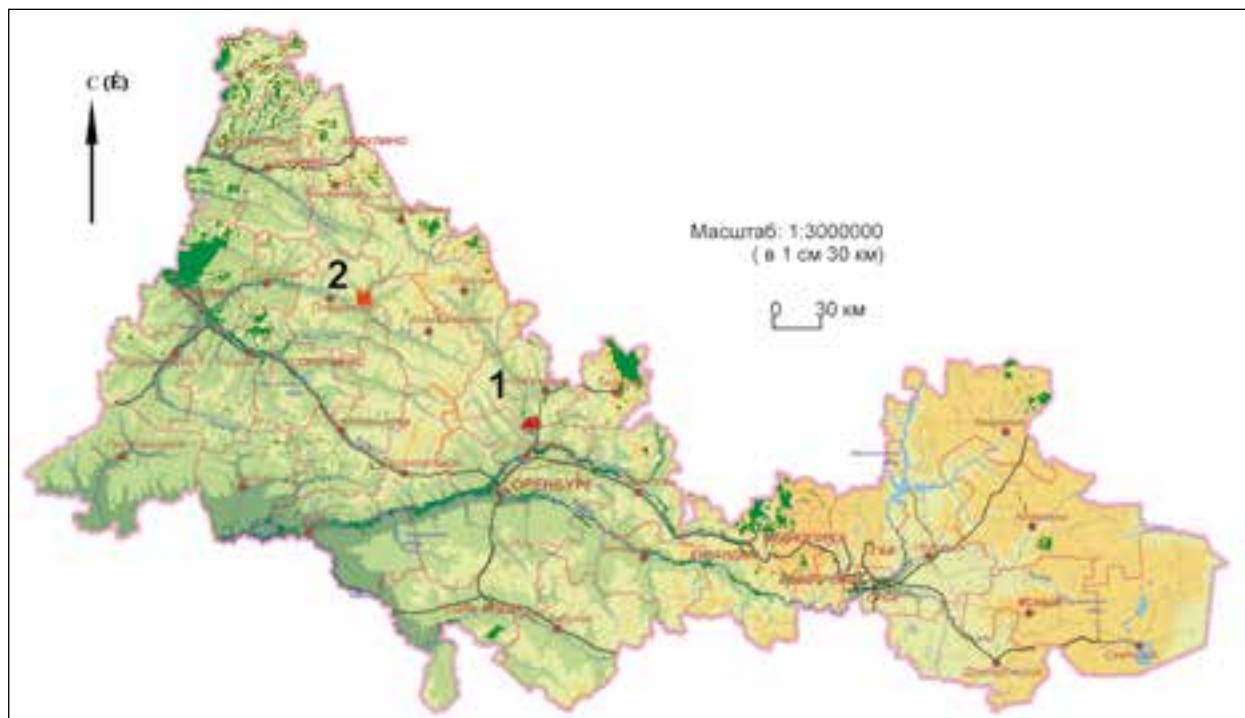

Рис. 1. Карта Оренбургской области: 1. Октябрьский район; 2. Красногвардейский район

■: стоянка Турганик; ■: II Курганный могильник у с. Имангулово

I. kép. Az Orenburgi terület közigazgatási térképe: 1. Oktyabrskojei járás; 2. Krasznogvargyejszkiji járás

■: A turganyiki telep; ■: Az imangulovói II. kurgánsíros temető

первых исследователей памятника в могильнике числилось 12 курганов,⁸ но позже были выявлены новые курганы, едва заметные на поверхности и всего их было зафиксировано 16.⁹

В курганах №№ 5 и 11, раскопанных в 2010 г., были изучены впускные погребения кушнареновской культуры.¹⁰

Курган 5 погребение 1 (впускное) (рис. 10). Насыпь кургана 5 была земляной, округлой в плане формы, поверхность кургана задернована, покрыта степной растительностью. Диаметр кургана по современной поверхности – около 14 м, высота – 0,4 м над современной поверхностью. Раскопки велись вручную методом кольцевых траншей. В кургане были обнаружены разновременные комплексы и среди них впускное раннесредневековое погребение (погребение 1), которое было зафиксировано в юго-западном секторе раскопа, в 0,5 м к юго-западу

от центрального репера, на уровне – 45 см от 0. Контуры могильной ямы не прослеживались. По профилю бровки погребение прорезалось грабительским вкопом. К комплексу погребения 1, вероятно, относились зафиксированные на уровне от – 10 см до – 20 см от 0 небольшие известняковые плиты (размеры 13 × 26 см и 12 × 6 см), в заполнении между которыми на уровне – 20 см от 0 найден фрагмент керамики размерами 3,5 × 3 см, аналогичный фрагментам сосуда из погребения 1. В погребении найдены разрозненные человеческие кости, располагавшиеся по оси запад – восток вне анатомического порядка на разных уровнях от – 40 см от 0 до – 70 см от 0. Верхний ярус скопления костей состоял из расположенных на глубине от – 40 до – 55 см от 0 отдельных ребер, позвонков и костей рук человека. Нижний ярус (от – 55 до – 63 см от 0) состоял из разрозненных ребер, позвонков, костей

⁸ МАЖИТОВ–РУТТО 1975.

⁹ МОРГУНОВА 2010, 7–10.

¹⁰ МОРГУНОВА 2010, 10–18, 29–32.

Рис. 2. Первая группа керамики из Турганикской стоянки (Образец № 1. T-2-5-108-2 [№ 34])

2. kép. A turganyiki telepről származó első kerámiatípus (1. minta. T-2-5-108-2 [№ 34])

Рис. 3. Первая группа керамики из Турганикской стоянки (Образец № 2. Без шифра)

3. kép. A turganyiki telepről származó első kerámiatípus (2. minta. Leltári szám nélkül)

рук, ног, таза, нижней челюсти и черепа. Череп находился под западной стенкой бровки север – юг в перевернутом положении, на уровне –63 см от 0, выше него располагались кости таза и крестца. Скелет принадлежал женщине 20–30 лет (антропологическое определение сделано д.и.н. А. А. Хохловым).

В западной части скопления костей в погребении к западу от нижней челюсти найдено еще два фрагмента от того же сосуда, фрагмент которого найден выше данного уровня. Все три фрагмента были от тонкостенного сосуда с прямым горлом и слабоотогнутым заостренным венчиком. Диаметр сосуда по венчику – около 9 см, толщина венчика – 5 мм. Высота сосуда не восстанавливается. Венчик орнаментирован горизонтальными параллельными линиями, прочерченными зубчатым штампом, которые чередовались с рядами горизонтальных оттисков в виде «гусеничек». По срезу венчика и его внутренней части нанесены косые вертикальные и горизонтальные оттиски также штампом в виде «гусеничек» (рис. 11. 1–3). Поверхности сосуда черно-коричневого цвета, излом черепка в основном однотонный черный, в некоторых

Рис. 4. Вторая группа керамики из Турганинской стоянки (Образец № 3. Т-2-4-70-7 [№ 35])

4. kép. A turganyiki telepről származó második kerámiatípus (3. minta. Т-2-4-70-7 [№ 35])

частях двухцветный с темно-коричневой краевой прослойкой с внешней стороны. Сосуд был изготовлен из пластичной ожелезненной глины с примесью дресвы, размеры частиц 0,2–7 мм, концентрация 1:4. Четкие следы от обработки поверхности отсутствуют, видимо, заглаживание производилось каким-то мягким материалом, вид которого не определяется.

В 10 см к югу от скопления ребер и костей руки в погребении, на уровне – 62 см от 0, была обнаружена бронзовая застежка (сюльгама).

Застежка-сюльгама была круглой формы из бронзы, с петелькой для язычка (не сохранился). Внешний диаметр застежки – 6 см, внутренний диаметр – 4 см, толщина в сечении 0,2 см. По

кругу застежка украшена имитацией перекрученной проволоки и округлыми выступами в количестве 8 штук (рис. 11. 4–5). Полной аналогией сюльгамы является сюльгама из Аятского могильника в Зауралье¹¹, а близкий тип был найден в Бирском могильнике на Южном Урале.¹² Датируются данные памятники очень широко от III до VIII в. н.э.

Еще одно впускное погребение с сосудом кушнаренковской культуры было изучено в центральной части кургана 11 II Курганного могильника Имангулово 2-ое. Оно прорезало основное сарматское погребение (рис. 12–13). Могильная яма была неглубокая овальной формы размерами 35 × 77 см и выделялась по заполнению. Внутри

¹¹ Морозов 2006, 7–22.

¹² Мажитов 1977, 190.

Рис. 5–6. Вторая группа керамики из Турганикской стоянки (Образец № 4. Т-2-2-27-4 [№ 36])

5–6. kép. A turganyiki telepről származó második kerámiatípus (4. minta. Т-2-2-27-4 [№ 36])

ямы находилась подстилка из коры с загнутыми краями, на которой располагался скелет ребенка, уложенный головой на юго-запад вытянуто на спине с руками, вытянутыми вдоль тела. Возле

шейных позвонков было зафиксировано ожерелье. Ожерелье состояло из 41 бусины разного типа: 38 экземпляров были мелкие и средние стеклянные рубленные бусины синего, зеленого и белого цвета (в диаметре 5–7 мм) (рис. 14. 1 А–В); 1 экземпляр – глиняная прямоугольная бусина размерами 0,9 × 0,5 см (рис. 14. 1 Г); 1 экземпляр – это дисковидная стеклянная бусина размером 1,4 × 1,2 см (рис. 14. 1 Д), 1 экземпляр – стеклянная бусина шаровидной формы в диаметре 0,9 см (рис. 14. 1 Е).

Возле черепа с правой стороны находилась бронзовая кольцевидная серьга. Серьга представляла собой кольцо с цельной пирамидальной привеской. Общая длина серьги – 3,2 см,

Рис. 7. Вторая группа керамики из Турганинской стоянки (Образец № 5. Т-2-2-25-4 [№ 38])

7. kép. A turgányiki telepről származó második kerámiatípus (5. minta. T-2-2-25-4 [№ 38])

диаметр кольца – 1,6 см. Кольцо несомкнутое (рис. 15. 1–2).

Справа за черепом стоял лепной керамический сосуд слабопрофилированный со слабоотгнутой наружу шейкой, шаровидным туловом и округлым дном. Высота сосуда – 8,2 см, диаметр венчика – 5,3 см, максимальный диаметр шаровидного тулова – 8 см, толщина стенок – 2 мм. Сосуд украшен характерным для кушнаренковской культуры орнаментом: мелкими косыми насечками по венчику, а по шейке и на плече сосуда располагаются орнаментальные пояски, состоящие из прочерченных горизонтальных линий и мелкой косой сетки (рис. 15. 3–4). Цвет поверхностей коричневый с редкими черными пятнами, излом однослойный – коричневый или трехслойный (средняя часть – черная, краевые слои – четкие коричневые). Сосуд изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности с примесью шамота и органики, размер частиц шамота 0,2–2 мм, концентрация 1:6/7. Четкие следы от обработки внешней поверхности отсутствуют, на внутренней поверхности фиксируются следы от заглаживания тканью.

Таким образом, по керамике изученные впускные погребения из кургана 5 и 11 во II курганном могильнике у с. Имангулово 2-ое следует связывать с кушнаренковскими племенами. По мнению В. А. Иванова отличительной особенностью «ранней» кушнаренковской керамики являются насечки по венчику и гусенички, а поздней – двойной зигзаг и отсутствие оттисков гладкого штампа и косой сетки в орнаментике.¹³

Технологический анализ керамики показал, что кушнаренковская керамика из курганов II курганного могильника у с. Имангулово 2-ое была изготовлена разными гончарами, имеющими разные традиции в отборе глин и составлении формовочных масс. Керамика из кургана 5 была изготовлена из ожелезненной пластичной глины с добавлением дресвы (дробленый камень), а сосуд из кургана 11 – из ожелезненной глины средней пластичности с добавлением шамота и органики. Отличны также техника и орнаментальные стили исследованной керамической посуды. Данные факты могут свидетельствовать о существовании разных традиций в изготовлении керамики в рамках одной археологической

¹³ ИВАНОВ 2009, 177–196.

Рис. 8–9. Вторая группа керамики из Турганинской стоянки (Образец № 6. Т-2-4-25-4 [№ 37])

8–9. kép. A turganyiki telepről származó második kerámiatípus (6. minta. Т-2-4-25-4 [№ 37])

культуры, и, следовательно, об участии в сложении данного населения разных групп населения или о принадлежности данных комплексов к разным хронологическим группам.

В целом по инвентарю, следует отметить, что полные или близкие аналогии вещам из II курганного могильника у с. Имангулово 2-ое, представлены географически и хронологиче-

ски широко.¹⁴ Морфологические же признаки керамики являются типичными для памятников кушнаренковских племен Южного Урала и Поволжья VI–VII вв. По данным И. Н. Васильевой, проводившей технологический анализ керамики из кушнаренковских и караякуповских комплексов с территории Башкирии и Поволжья, для этих культур как раз характерна значительная неоднородность приспособительных навыков труда (составление формовочной массы и др.) и отсутствие использования гончарного круга, зафиксированные при исследовании керамики из курганов у с. Имангулово 2-ое и Турганинской стоянки.¹⁵

Погребальный обряд в изученных захоронениях соответствует погребальной практике как

¹⁴ Иванов и др. 1993, 197–207; Иванов 1999, 177–196; Garam 1993, 154–157; Мажитов 1977, 74–75; Морозов 2006, 7–22.

¹⁵ Васильева 1993, 44.

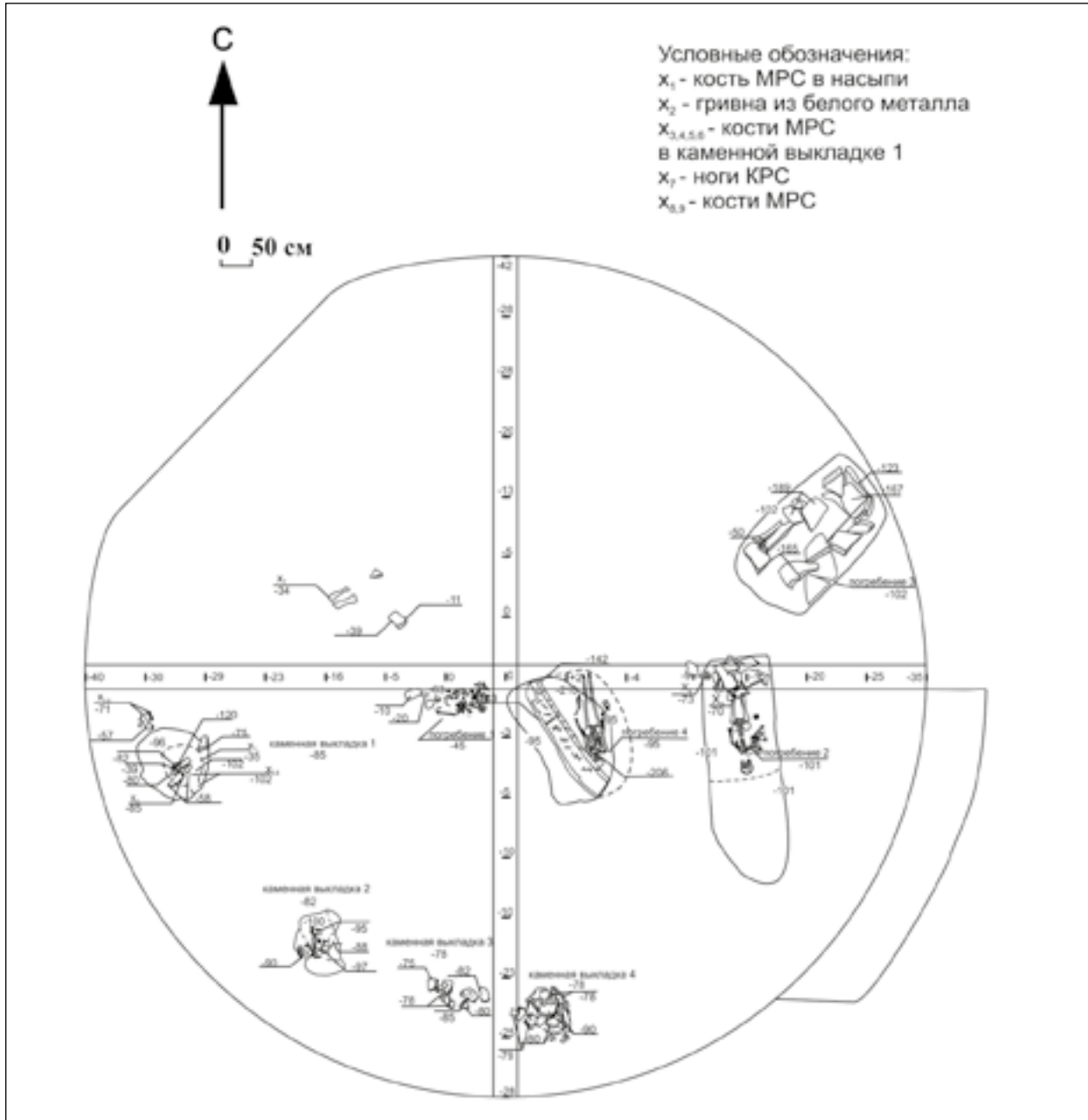

Рис. 10. II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган 5. Общий план
 10. kép. Az Imangulovo 2 falunál található II. számú kurgánsíros temető 5. kurgánja. Összesítő térkép

кушнаренковских, так и караякуповских (ориентировка погребенного) племен на Южном Урале, а также имеет аналогии с памятниками древневенгерских могильников IX–X вв. в Карпато-Дунайском бассейне (могильники «периода завоевания венграми родины»).¹⁶

Памятники кушнаренковских и караякуповских племен, исследованные в Оренбуржье, могут подтвердить гипотезу, высказанную К. Я. Гротом в конце XIX века, о маршруте миграции мадьяр с Урала на Дунай, в том числе через степи Оренбургской губернии.

¹⁶ ИВАНОВ И ДР. 1993, 197–207.

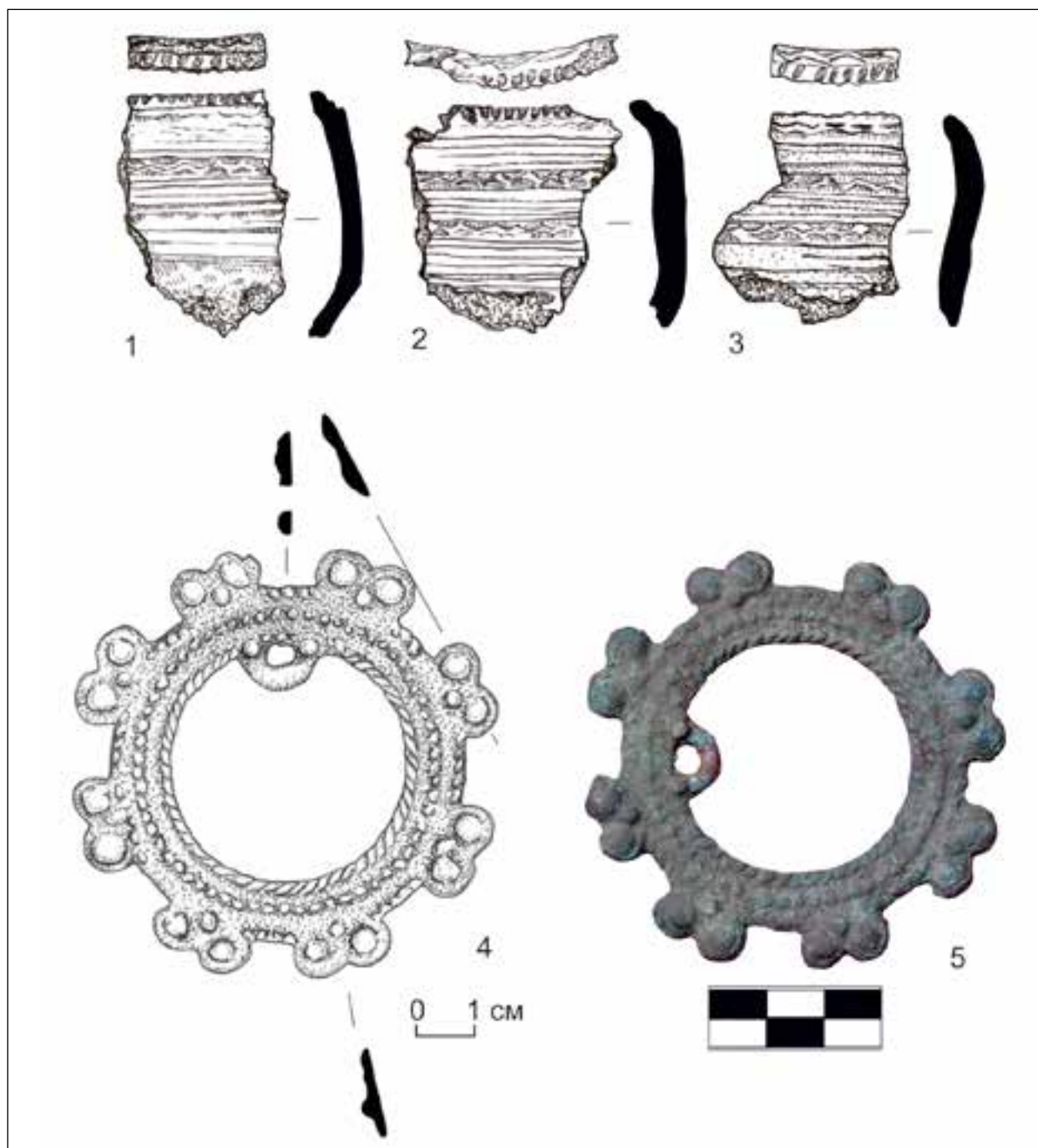

Рис. 11. II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган 5. Погребение 1. 1–3: Фрагменты сосуда; 4: Сьюльгама (1–3: Керамика; 4: Бронза)

11. kép. Az Imangulovo 2 falunál található II. számú kurgánsíros temető 5. kurgánjának 1. sírja. 1–3: Kerámiatöredékek; 4: Szjulgama (ruhakarocs) (1–3: Kerámia; 4: Bronz)

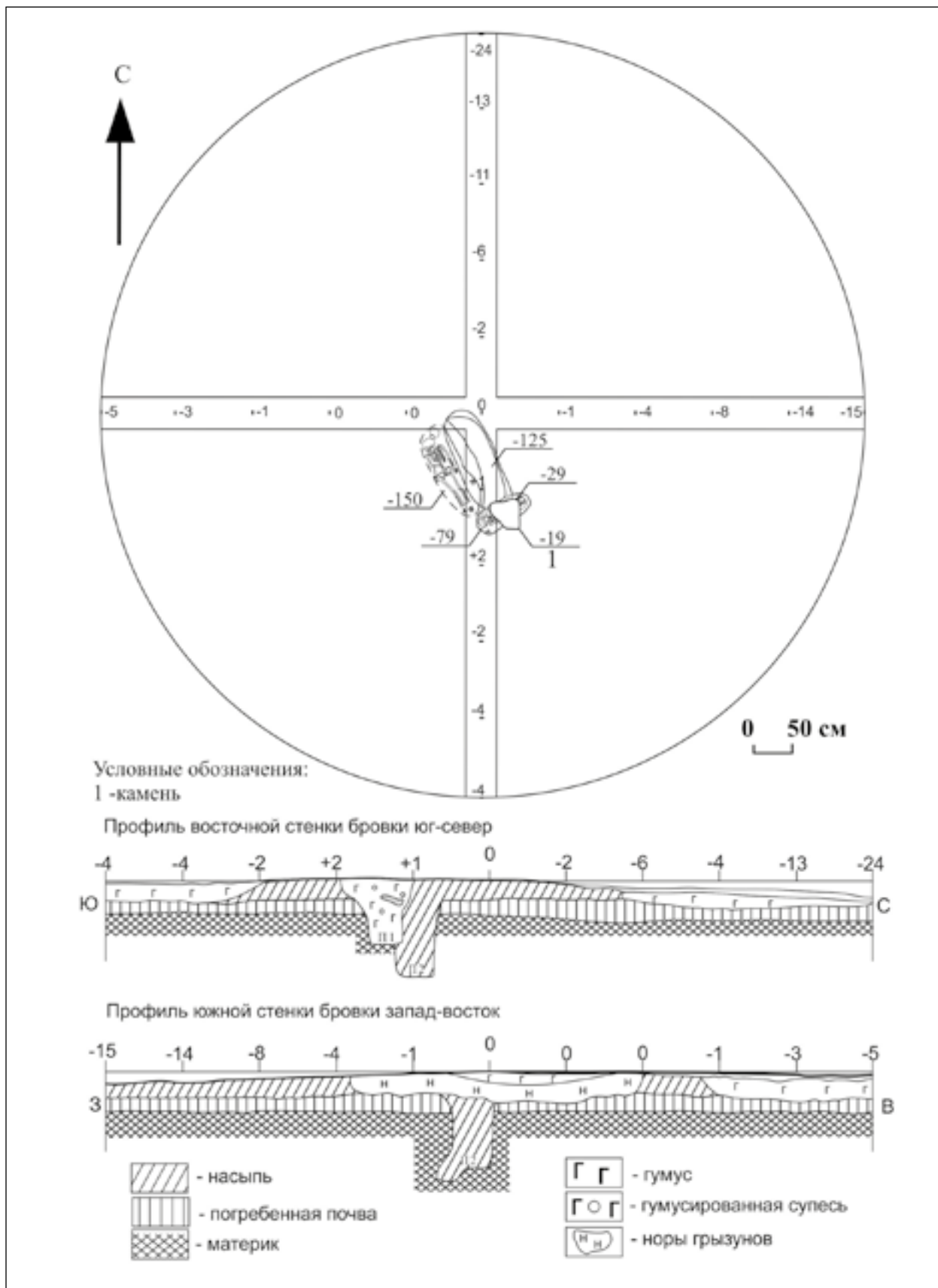

Рис. 12. II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган 11. Общій план
 12. kép. Az Imangulovo 2 falunál található II. számú kurgánsíros temető 11. kurgánja. Összesítő térkép

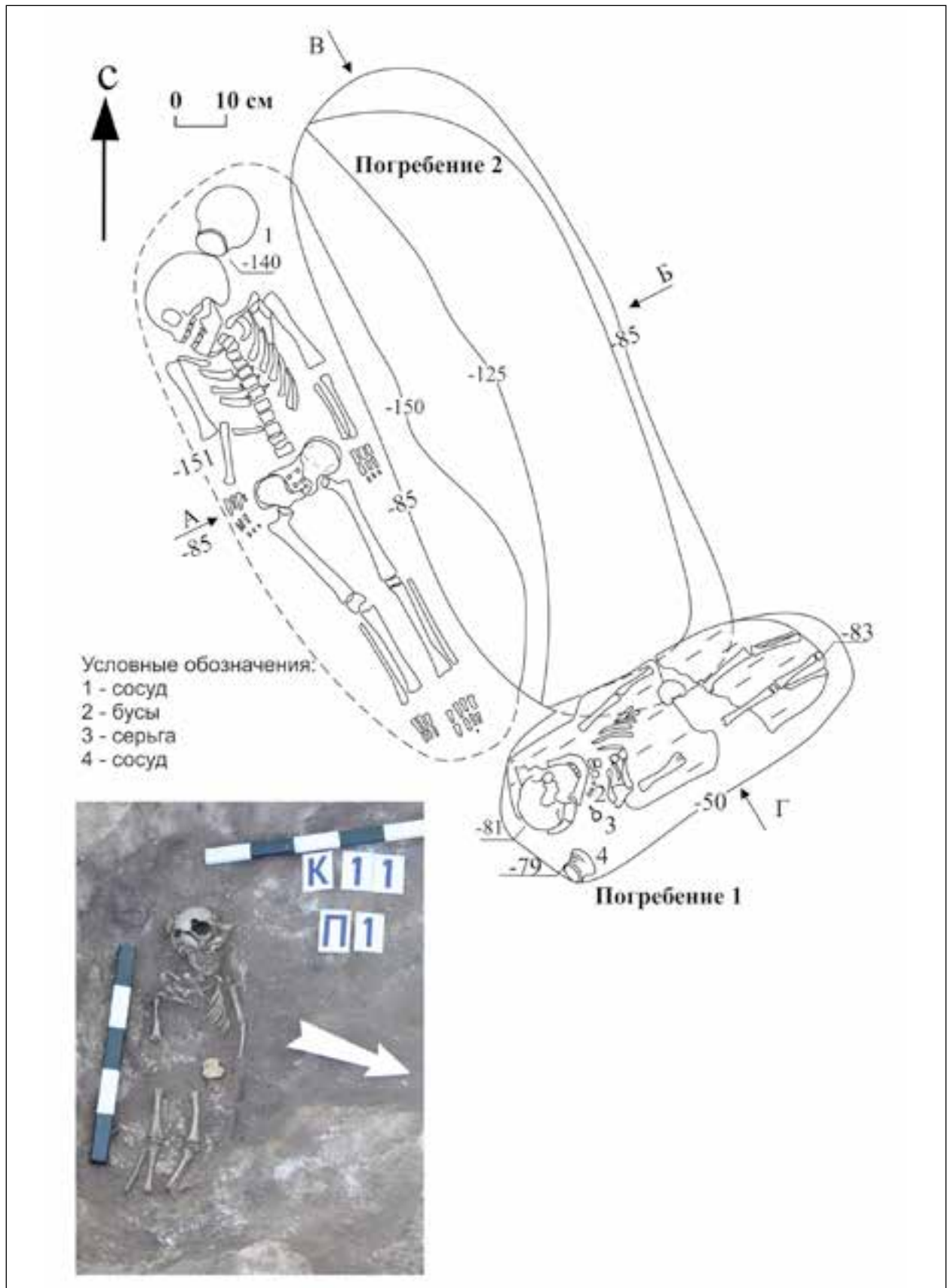

Рис. 13. II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган II. Погребение 1.
 13. kép. Az Imangulovo 2 falunál található II. számú kurgánsíros temető II. kurgánjának 1. sírja

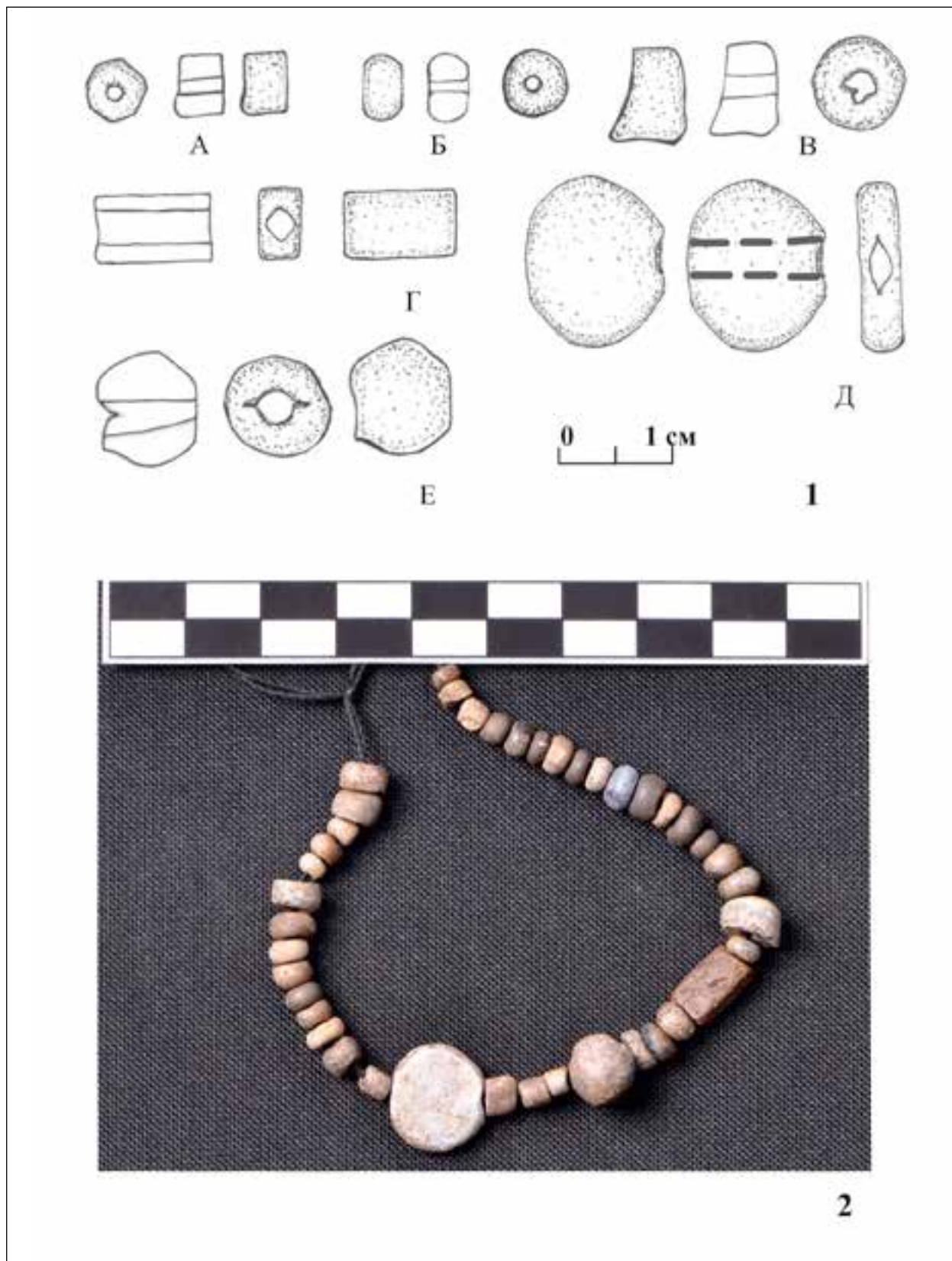

Рис. 14. II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган II. Погребение 1. 1–2: Бусины
(1 А–В, Д, Е: Стекло; 1 Г: Керамика)

14. kép. Az Imangulovo 2 falunál található II. számú kurgánsíros temető II. kurgánjának 1. sírja. 1–2: Gyöngyök
(1 А–В, Д, Е: üveg; 1 Д: kerámia)

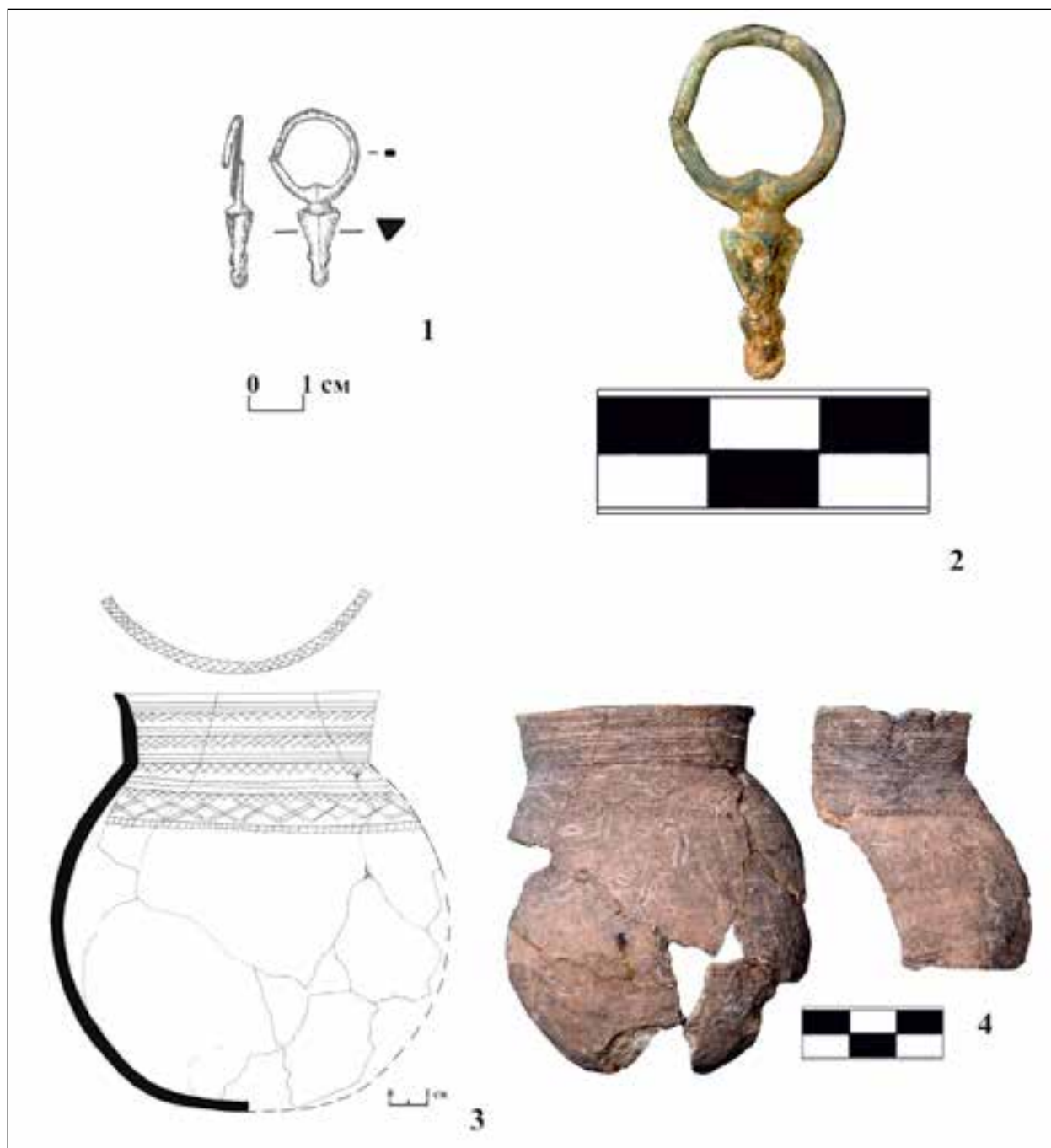

Рис. 15: II Курганный могильник у с. Имангулово 2-ое. Курган II. Погребение I. 1–2: Бронзовая серьга;
3–4: Керамический сосуд

15. kép. Az Imangulovo 2 nevű falunál található II. számú kurgánsíros temető II. kurgánjának I. sírja. 1–2: Bronz fülbevaló;
3–4: Kerámiaedény

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Технологический анализ керамики Турганикской стоянки

Образец № 1. Т-2-5-108-2 (№ 34) (рис. 2). Внешняя поверхность черная, внутренняя – коричневая с черными пятнами. Излом однослойный черный. Толщина черепка 4–5 мм. Орнамент: косые насечки по венчику, на внутренней части венчика – аналогичные насечки и оттиски гладкого штампа в виде «полулунниц». С внешней стороны по шейке сосуда – выпуклые «жемчужины», по плечу: наклонные косые насечки, четыре горизонтальные линии, прочерченные зубчатым штампом, ниже которых нанесены оттиски гладким штампом в виде «полулунниц». Обработка внешней поверхности: мягкий материал, вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов, внутренняя поверхность – заглаживание зубчатым штампом. Исходное пластичное сырье (ИПС) – оже-лезненная глина средней пластичности, среди естественных примесей: слабоокатанный цветной песок с размером частиц 0,1–0,5 мм, обломочный бурый железняк до 3 мм. Формовочная масса (ФМ): шамот+органический раствор. Шамот оже-лезненный, размеры частиц 0,2–3 мм, концентрация 1:4 (на 4 части глины – 1 часть примеси). Органический раствор фиксируется в виде налетов черных в щелевидных пустотах, черепок в середине не прокалился при вторичном обжиге в муфеле.

Образец № 2. Без шифра (рис. 3). Внешняя и внутренняя поверхности черного цвета. Излом однослойный черный. Толщина черепка – 5 мм. Орнамент: с внешней стороны по шейке сосуда – четыре ряда линий от вдавлений веревочки. По срезу венчика вдавления в виде «гусеничек». Обработка внешней поверхности: мягкий материал, вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов. Исходное пластичное сырье (ИПС) – оже-лезненная сильнозапесоченная глина, среди естественных примесей: включения слабоокатанного и окатанного цветного песка с размером частиц

0,1–1 мм. Формовочная масса (ФМ): дробленая раковина с размерами частиц до 4 мм, концентрация 1:3 и органика неясного вида.

Образец № 3. Т-2-4-70-7 (№ 35) (рис. 4). Внешняя и внутренняя поверхности светло-коричневые с редкими черными пятнами. Излом трехслойный с четкими коричневыми краевыми прослойками толщиной до 1 мм. Толщина черепка – 7–10 мм. Орнамент: с внешней стороны по шейке сосуда два ряда ямочных вдавлений в сочетании с внутренними «жемчужинами» (выпуклости с внутренней стороны). С внутренней стороны по венчику – двойной зигзаг, нанесенный мелкозубчатым штампом. Обработка внешней поверхности: мягкий материал, вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов. Исходное пластичное сырье (ИПС) – оже-лезненная глина сильно запесоченная, среди естественных примесей: слабоокатанный и окатанный цветной песок с размером частиц 0,1–1 мм, оолитовый известняк до 2 мм. Формовочная масса (ФМ): органический раствор (выжимка из навоза?) и единичные включения шамота. Шамот оже-лезненный, размеры частиц 0,2–5 мм, концентрация 1:10. Органический раствор фиксируется в виде налетов черных в щелевидных пустотах, редких измельченных остатков растительности.

Образец № 4. Т-2-2-27-4 (№ 36) (рис. 5–6). Внешняя и внутренняя поверхности светло-коричневые с редкими черными пятнами. Излом трехслойный с четкими коричневыми краевыми прослойками толщиной до 1 мм. Толщина черепка – 5–7 мм. Орнамент: с внешней стороны по плечу сосуда один ряд ямочных вдавлений, расположенных группами по три штуки, в сочетании с внутренними «жемчужинами» (выпуклости с внутренней стороны) (рис. 6), ниже ямок вдавления подтреугольной формы. По краю венчика – косые вдавления гладкого штампа. Обработка внешней поверхности: заглажи-

вание тканью. Внутренней – мягкий материал, вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов. Исходное пластичное сырье (ИПС) – ожелезненная пластичная глина, среди естественных примесей: редкие включения слабоокатанного и окатанного кварцевого песка с размером частиц 0,1–1 мм, оолитовый бурый железняк до 4 мм. Формовочная масса (ФМ): органический раствор (выжимка из навоза?) и дробленая раковина с размерами частиц до 4 мм, концентрация 1:3/4. Органический раствор фиксируется в виде налетов черных в щелевидных пустотах, редких измельченных остатков растительности.

Образец № 5. Т-2-2-25-4 (№ 38) (рис. 7). Внешняя поверхность светло-коричневая с редкими черными пятнами, внутренняя в основном черная. Излом – однослойный или двухслойный с четкими коричневыми краевыми прослойками толщиной до 0,5 мм. Толщина черепка – 5 мм. Орнамент: с внешней стороны по плечу сосуда один ряд ямочных вдавлений, расположенных группами по 2 штуки, в сочетании с внутренними «жемчужинами» (выпуклости с внутренней стороны), по срезу венчика – вдавления гладким штампом с шириной рабочей поверхности 5 мм. Обработка внешней поверхности: заглаживание тканью. Внутренней – мягкий материал, вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов. Исходное пластичное сырье (ИПС) – ожелезненная пластичная глина, среди естественных примесей: редкие включения слабоокатанного и окатанного кварцевого песка с размером частиц 0,1–1 мм, оолитовый бурый железняк до 4 мм. Формовочная масса

(ФМ): органический раствор (выжимка из навоза?) и дробленая раковина с размерами частиц до 4 мм, концентрация 1:3/4. Раковина в отличие от предыдущего образца – выщелочена, сохранились только отпечатки и пустоты без наполнения. Органический раствор фиксируется в виде черных и бурых налетов в щелевидных и аморфных пустотах, редких измельченных остатков растительности.

Образец № 6. Т-2-4-25-4 (№ 37) (рис. 8–9). Внешняя и внутренняя поверхности в основном черные. Излом однослойный черный. Толщина черепка – 8 мм. Орнамент: с внешней стороны по шейке один ряд ямочных вдавлений в сочетании с внутренними «жемчужинами» (выпуклости с внутренней стороны), по срезу венчика – наклонные вдавления, нанесенные палочкой с заостренным концом в виде коротких отрезков (рис. 9). Обработка внешней поверхности: мягкий материал (ткань?), точный вид которого определить затруднительно из-за отсутствия четких следов. Исходное пластичное сырье (ИПС) – ожелезненная пластичная глина, среди естественных примесей: единичные включения слабоокатанного и окатанного кварцевого песка с размером частиц 0,1–1 мм, оолитовый бурый железняк до 4 мм. Формовочная масса (ФМ): органический раствор (выжимка из навоза?) и шамот с размерами частиц до 4 мм, концентрация 1:3/4. Органический раствор фиксируется в виде черных и белесых налетов в щелевидных и аморфных пустотах, измельченных остатков растительности концентрация которых значительно больше, чем в предыдущих образцах (1–4 включения на см²).

ЛИТЕРАТУРА

- БОБРИНСКИЙ 1978: Бобринский, А. А.: *Гончарство Восточной Европы*. Москва 1978.
- БОБРИНСКИЙ 1999: Бобринский, А. А.: Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. В: *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Отв. ред.: Бобринский, А. А. Самара 1999, 5–109.
- ВАСИЛЬЕВА 1993: Васильева, И. Н.: *Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв.* Екатеринбург 1993.
- ВАСИЛЬЕВА–САЛУГИНА 1997: Васильева, И. Н. – Салугина, Н. П.: *Не боги горшки обжигают*. Самара 1997.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- ИВАНОВ 2009: Иванов, В. А.: Еще раз о «кушнаренковско-караякупосовской проблеме». В: *Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященных 75-летию д.и.н. Е. П. Казакова*. Отв. ред.: Галимова, М. Ш. Казань 2009, 177–196.
- ИВАНОВ И ДР. 1993: Иванов, В. А. – Пшеничнюк, А. Х. – Морозов, А. Ю. – Агеев, Б. Б. – Овсянников, В. В. – Гарустович, Г. Н. – Васильев, В. Н. – Денисов, И. В. – Яминов, А. Ф. – Вильданов, И. А.: *Археология Южного Урала*. Стерлитамак 1993.
- МАЖИТОВ 1977: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VII–XIV вв.* Москва 1977.
- МАЖИТОВ–РУТТО 1975: Мажитов, Н. А. – Рутто, Н. Г.: *Научный отчет о результатах научных исследований за 1974 год*. Архив Института Археологии РАН. Москва 1975.
- МОРГУНОВА 1981: Моргунова, Н. Л.: *Отчет о раскопках в Красногвардейском районе Оренбургской области в 1981 году (Ивановская стоянка, Турганикская стоянка)*. Архив Института Археологии РАН. Москва 1981.
- МОРГУНОВА 2010: Моргунова, Н. Л.: *Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 579 в 2010 году*. Архив Института Археологии РАН. Москва 2010.
- МОРОЗОВ 2006: Морозов, В. М.: Аятский могильник: возвращаясь к известному. В: *Пятые Берсовские чтения. Сборник научных статей*. Отв. ред.: Морозов, В. М. Екатеринбург 2006, 7–22.
- ЧИБИЛЕВ И ДР. 1996: Чибилев, А. А. – Мусихин, Г. Д. – Павлейчик, В. М. – Паршина, В. П.: *Зеленая книга Оренбургской области: Кадастр объектов Оренбургского природного наследия*. Оренбург 1996.
- GARAM 1993: Garam, É.: *Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum*. Budapest 1993.

ПЕЧЕНЕЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ПРИУРАЛЬСКИХ СТЕПЯХ

Ирина Вячеславовна Матюшко*

Ключевые слова: *номады, степь, средние века, земляные курганы, печенеги*

Kulcsszavak: *nomádok, sztyepp, középkor, földfeltöltéses kurgánok, besenyők*

Ирина Вячеславовна Матюшко

Печенежские погребения в приуральских степях¹

Погребения печенежской культуры представлены погребениями под земляными курганами. Мужские погребения обычно были в сопровождении захоронений частей коня.

Irina Vjacseszlovovna Matjusko

Besenyő temetkezések az Urál nyugati előterének sztyeppi területeiről

A besenyő kultúra temetkezései földfeltöltéses kurgánok alatt helyezkednek el. A férfiak sírjait általában részleges lovastemetkezések kísérik.

Типологическими особенностями погребально-го обряда печенегов являются земляные насыпи, захоронение частей коня (череп и ноги) на одном уровне в яме слева от костяка человека при этом ориентировка человека и коня совпадает. Данный тип захоронений в степях Приуралья представлен довольно широко, но был изучен автором в некоторых курганных могильниках (рис. 1). Все эти погребения были основными, только одно из них являлось впускным (рис. 2. 1). Как правило, они совершены в ямах простой конструкции, только в одном из них был зафиксирован подбой.

На дне ямы, слева от человека находились череп и ноги коня (реже только череп). Ноги коня были отчленены по бабки или пясть. Одна пара ног и череп коня находились рядом с черепом человека, другая пара ног коня располагалась у ног человека. При таком положении костей коня, получается, что чучело животного было, как бы растянуто в могиле вдоль погребенного

(первый и второй тип захоронения коня по А. Г. Атавину).² Череп коня был ориентирован на запад или юго-запад.

Погребенный человек находился в позе вытянуто на спине с руками, вытянутыми вдоль тела, головой был ориентирован на запад или юго-запад.

Вместе с костями коня, обычно, находились предметы конской сбруи: удила и стремяна. Стремяна были с выделенной прямоугольной петлей и узкой закругленной подножкой, характерный контур стремян – яйцевидный (тип В I) (рис. 3). Стремяна отдела В известны в Монголии и Сибири с IX века.³

Удила были зафиксированы односоставные, они состояли из одного железного четырехгранного прута с загнутыми концами, в которых были закреплены несколько утолщенные кольца диаметром около 4,7 см (рис. 3. 2). В южнорусских степях односоставные удила были распространены в комплексах IX–XI вв.⁴

* ФГБОУ ВПО Оренбургский государственный педагогический университет, 460000 Оренбург ул. Советская, 19, irina_dojnikova@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К. на выполнение научно-исследовательской работы «Археологические культуры кочевников степной зоны Волго-Уральского междуречья (IV тыс. до н.э. – XV в.)».

² Атавин 1984, 135.

³ Федоров-Давыдов 1966, 15.

⁴ Плетнева 1958, 156; Федоров-Давыдов 1966, 20.

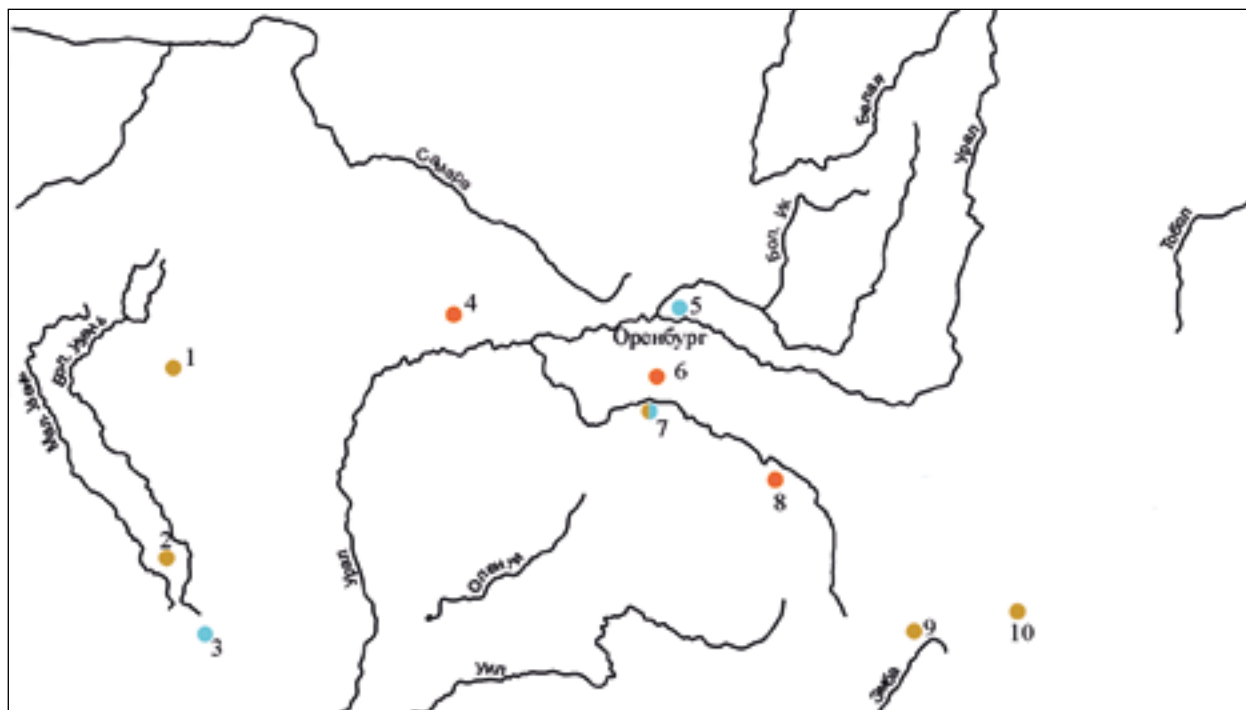

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников IX–XI вв. огузов и печенегов в степях Приуралья. Расшифровка памятников на карте. 1: Курганный могильник Солянка II; 2: Курганный могильник Кос-Оба; 3: Курганный могильник Карасу I; 4: Курганный могильник Боголюбовка; 5: Курганный могильник Нежинский; 6: Курганный могильник Увак; 7: Курганный могильник Тамар-Уткуль; 8: Курганный могильник Болгарка; 9: Курганный могильник Эмба; 10: Курганный могильник Атна II

● тип памятников печенегов ● тип памятников огузов ● неопределенный тип

1. kép. Térképábrázlat a 9–11. századi oguz és besenyő lelőhelyek elhelyezkedéséről az Urál nyugati előterének sztyeppi területén. A térképen jelölt lelőhelyek. 1: Szoljanka II kurgánsíros temető; 2: Kosz-Oba kurgánsíros temető; 3: Karaszu I kurgánsíros temető; 4: Bogoljubovka kurgánsíros temető; 5: Nyezsinszkij kurgánsíros temető; 6: Uvak kurgánsíros temető; 7: Tamar-Utkul kurgánsíros temető; 8: Bolgarka kurgánsíros temető; 9: Emba kurgánsíros temető; 10: Atpa II kurgánsíros temető

● besenyő típusú leletek ● oguz típusú leletek ● nem meghatározható típus

В одном из погребений был зафиксирован уздечный набор, который состоял из налобной бляхи, двух бляшек-нащечников и небольшой пряжки, соединявшей ремни нащечников. Бляхи и пряжка были изготовлены из бронзы, а сверху обтянуты серебряным листом (рис. 3. 1, 3).

Бляхи уздечного набора служили для соединения ремней сбруи и украшения конского оголовья. Они были изготовлены в технике штамповки. Формы блях, изготовление их из бронзы и серебра, а также приемы прикрепления их к сбруйным ремням с помощью штифтов имеют аналогии среди уздечных наборов, датирующихся IX–XI вв. н.э.⁵

Предметы вооружения в погребениях немногочисленны (рис. 4–6).

Детали лука в погребениях представлены срединными боковыми и концевыми костяными накладками. Срединные накладки были зафиксированы двух типов: овальные и прямоугольные, а концевые накладки были с характерными выемками для тетивы (рис. 5. 2–3). Овальные накладки имеют аналогии в домонгольских материалах.⁶ Прямоугольные боковые накладки и концевые с вырезом для тетивы также представлены в материалах погребений кочевников IX–XI вв. евразийских степей.⁷ В целом, обнаруженные детали луков характеризуют лук тюркского типа.⁸

⁵ Кривцова-Гракова 1928, 293–297; Федоров-Давыдов 1966, 62.

⁶ Федоров-Давыдов 1966, 25.

⁷ Гарустович-Иванов 2001, 148; Могильников 2002, 159.

⁸ Худяков 1993, 128.

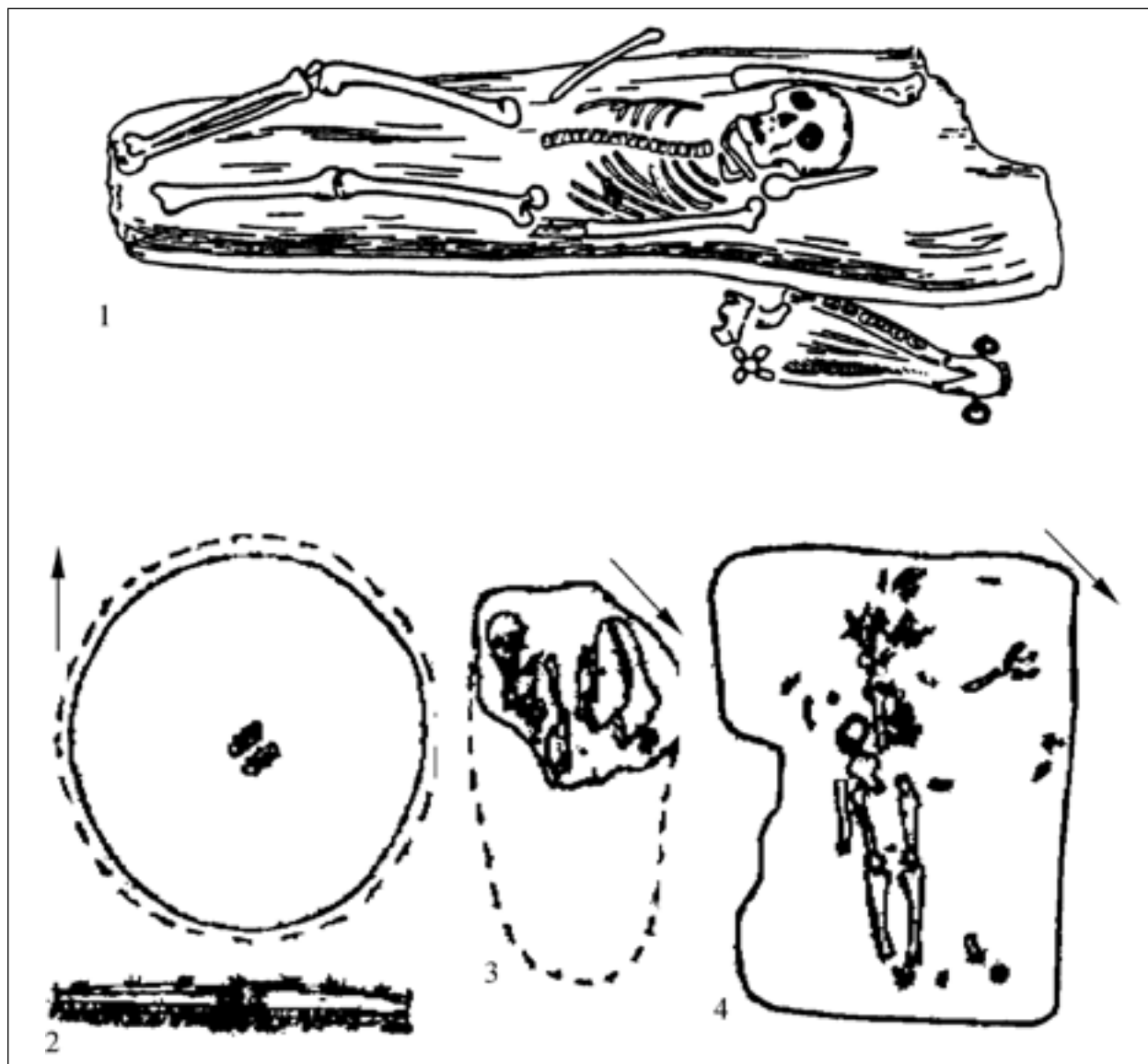

Рис. 2. Виды общих планов и планов погребений. 1: Алебастрова Гора, погребение 4; 2–4: I Курганный могильник Карасу, курган 11

2. kép. Áttekintő térképek és sírrajzok. 1: Alebasztrova Gora 4. sír; 2–4: Karaszu I. kurgánsíros temető 11. kurgán

В большинстве погребений сохранились предметы, являющиеся, вероятно, деталями костюма. В одном случае, это были огузские ажурные бронзовые птицевидные нашивки (рис. 3. 8–10), в другом – целая поясная гарнитура (рис. 5. 1).

Птицевидные нашивки в виде стилизованных спаренных фигурок птиц (тип Д II) имеют аналогии в погребениях кочевников Нижнего Поволжья IX–XI вв.⁹

В другом комплексе находился целый поясной набор, который был украшен с помощью одиннадцати бронзовых сердцевидных блях с круглой прорезью сверху и девяти полукруглых блях с прямоугольной прорезью (рис. 5. 1). Все бляхи были литые с гладкой поверхностью. Они являются характерными для поясных наборов конца IX – первой половины X вв. из могильников салтово-маяцкой культуры.¹⁰ Также на поясе

⁹ Федоров-Давыдов 1966, 67; Гарустович–Иванов 2001, 88, 94, 156, 158.

¹⁰ Иванов 2001, 159.

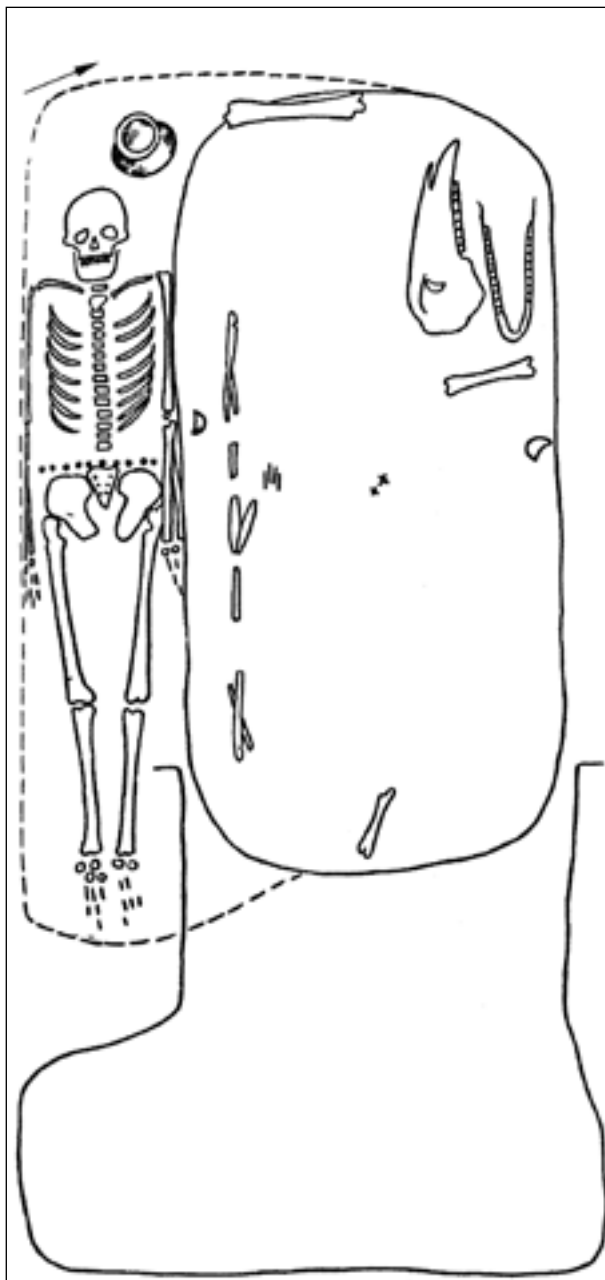

Рис. 3. Виды общих планов и планов погребений.
1–2: I Курганный могильник Тамар-Уткуль, курган 3
3. kép. Sírrajz és metszetráajz. 1–2: Tamar-Utkul I. kurgánsíros
temető 3. kurgán

была зафиксирована серебрянная овально-рамчатая пряжка с цельнолитым полуовальным щитком и подвижным язычком. Наконечник

ремня представлял собой пластину с одним прямым, а другим выпуклым концом.

В целом, следует отметить, что поясные наборы с богато украшенной гарнитурой были широко распространены в западных частях евразийской степи в IX–XI вв.¹¹

Из бытового инвентаря в погребениях данной группы был обнаружен один лепной глиняный горшок (рис. 4. 4), одно бронзовое зеркало с растительным орнаментом и один нож с волнотобразным навершием (рис. 3. 4).

Глиняный горшок был плоскостонный, лепной, диаметром по венчику 11,5 см, высотой 12,5 см. По верху венчика имеются грубые защипы. Подобные сосуды встречаются в слоях городища Саркел-Белой Вежи (X–XI вв.) и Тмутаракани (слой X – начало XI вв.). С. А. Плетнева относит их к кочевнической (очевидно, печенежской) керамике.¹²

Нож был выполнен в виде пластины длиной 18 см. Его клинообразный в сечении конец, являющийся клинком, переходит в черенок. Вершина черенка раздвоена и согнута спиралью. Подобный тип ножей получил широкое распространение в памятниках Восточной Европы: Побужья, Подунавья, Польши и Чехословакии, датированных VIII–IX вв. После X в. подобный тип ножей повсюду выходит из употребления.¹³

Вместе с ножом в комплексе было обнаружено бронзовое зеркало в обломках. Восстановимый диаметр зеркала 17 см, с тыльной стороны зеркало было украшено каким-то растительным орнаментом.

Таким образом, анализ комплексов вещей позволяет датировать погребения с частями коня, уложенными на одном уровне слева от человека, IX–XI вв. Расположение частей коня на одном уровне слева от человека является этнографическим признаком погребений печенегов.¹⁴ Для них были характерны богато украшенные уздечные и поясные наборы, удила без перегиба и глиняная посуда. Также известны печенежские погребения под земляными насыпями без

¹¹ Федоров-Давыдов 1966, 64.

¹² Федоров-Давыдов 1966, 90.

¹³ Бисембаев 2003, 104.

¹⁴ Плетнева 1958, 153–162; Гарустович–Иванов 2001, 94; Матюшко 2015.

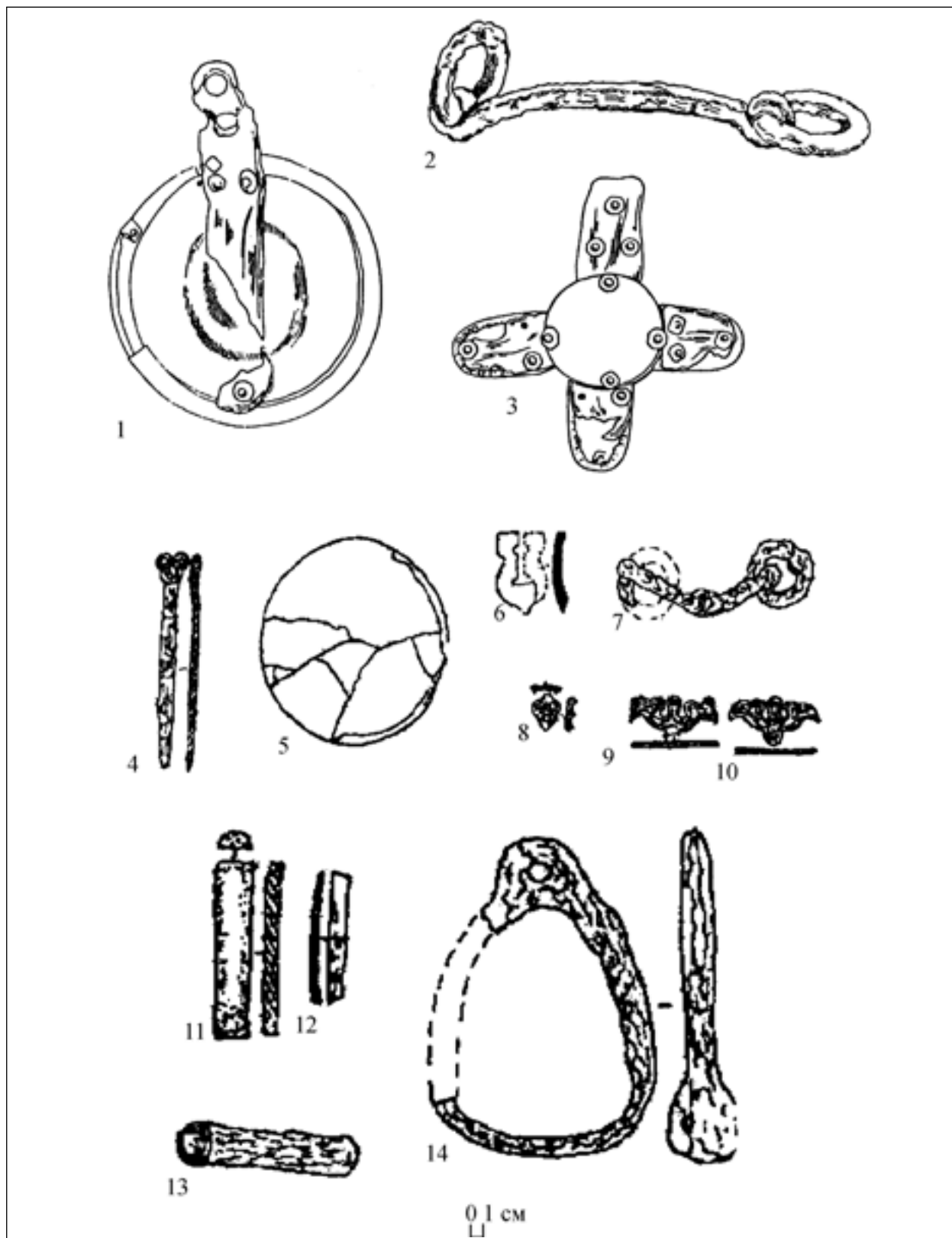

Рис. 4. Комплексы вещей из погребений. 1–3: Алебастрова Гора погребение 4; 4–10: Курганный могильник Карасу курган II, погребение 1; 11–14: I Курганный могильник Карасу курган II, погребение 2. 1, 3: Бронза с серебром; 2, 4, 6, 7, 11–14: Железо; 5, 8–10: Бронза

4. kép. Sírleletek. 1–3: Alebasztrova Gora 4. sír; 4–10: Karaszu II. kurgán 1. sír; 11–14: Karaszu II. kurgán 2. sír. 1, 3: Bronz és ezüst; 2, 4, 6, 7, 11–14: Vas; 5, 8–10: Bronz

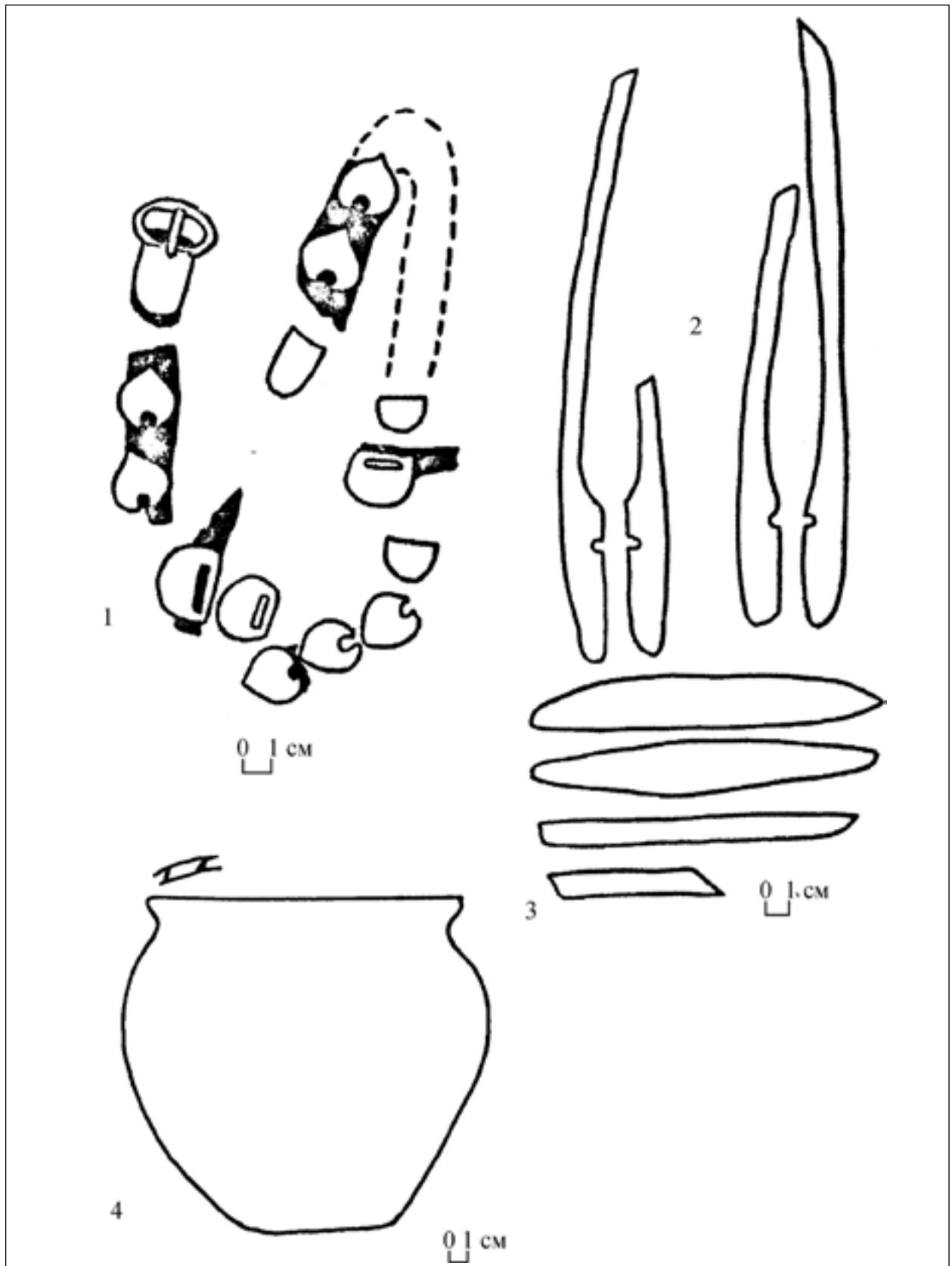

Рис. 5. Комплексы вещей из погребений. 1–4: I Курганный могильник Тамар-Уткуль курган 3. 1: Кожа с серебром; 2–3: Кость; 4: Керамика

5. kép. Sírleletek. 1–4: Tamar-Utkul 3. kurgán. 1: Bőr és ezüst; 2–3: Csont; 4: Kerámia

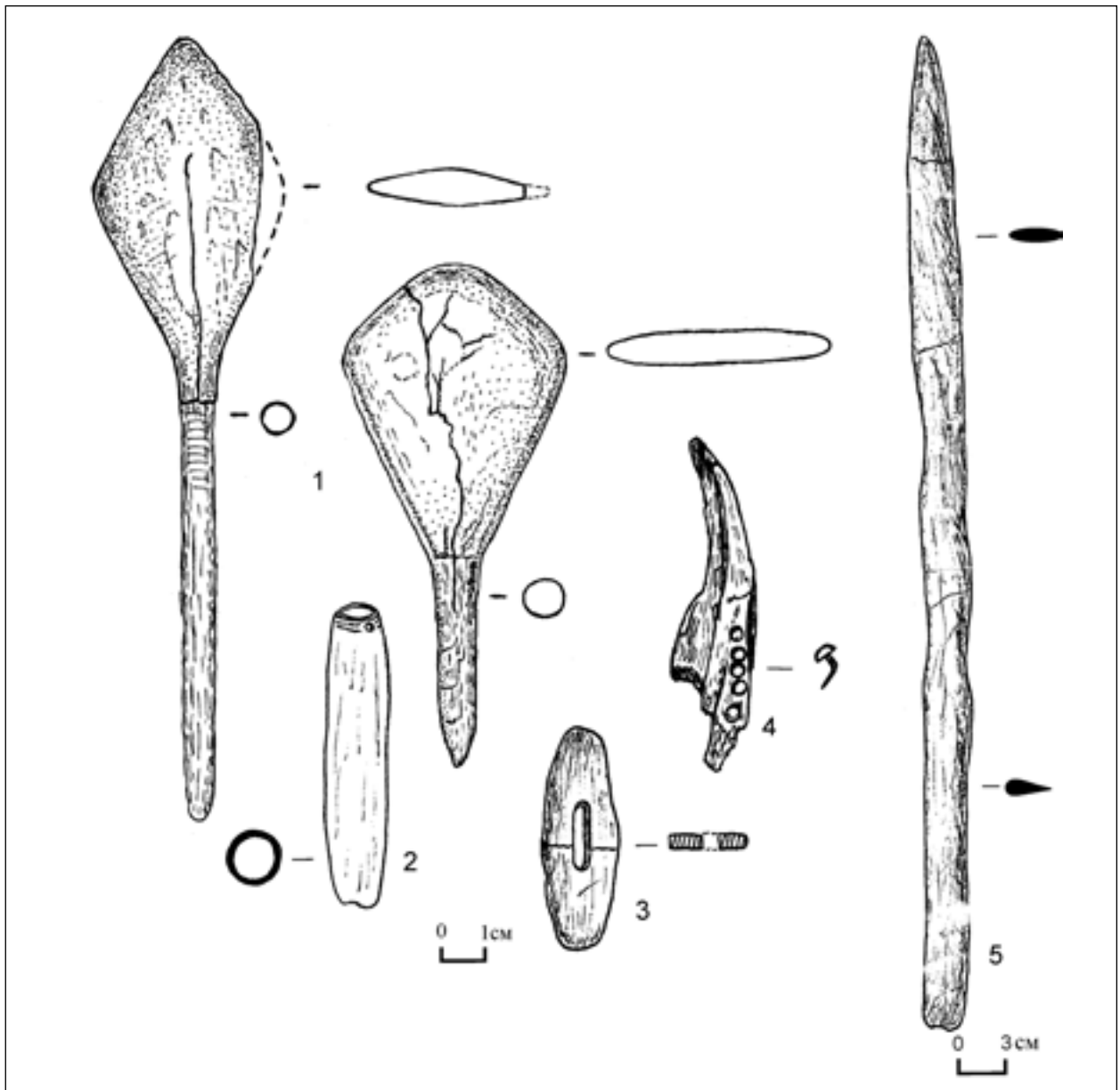

Рис. 6. Комплексы вещей из погребений. Покровский IX курганный могильник, курган 1, погребение 4.

1: Стрелы железные; 2: Рукоять ножа костяная; 3: Застежка деревянная; 4: Железный палаш;
5: Деталь деревянных ноженс железным гвоздем

6. kép. Sírleletek. Pokrovszk IX. kurgánsíros temető, 1. kurgán 4. sír. 1: Vas nyílhegyek; 2: Csontból készült késmarkolat;
3: Fából készült szíjrögzítő; 4: Vaspallos; 5: Fából készült hüvely része és vasszegecs

костей коня с вещами IX–XI вв., что, вероятно, отражает более низкое социально-имущественное положение этих погребенных людей.

Аналогичные им погребения были распространены в Нижнем Поволжье в IX–XI вв.¹⁵

¹⁵ Кригер 1985, 42–45; Мыськов 1993, 69–83; Гарустович–Иванов 2001, 131–160.

ЛИТЕРАТУРА

- АТАВИН 1984: Атавин, А. Г.: Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. *Советская археология* 1984:1, 134–143.
- БИСЕМБАЕВ 2003: Бисембаев, А. А.: *Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.)*. Уральск 2003.
- ГАРУСТОВИЧ–ИВАНОВ 2001: Гарустович, Г. Н. – Иванов, В. А.: *Огузы и печенеги в Евразийских степях*. Уфа 2001.
- ИВАНОВ 2001: Иванов, В. А.: Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке. В: *Археологические памятники Оренбуржья* 5. Отв. ред.: Моргунова, Н. Л. Оренбург 2001, 155–165.
- КРИВЦОВА-ГРАКОВА 1928: Кривцова-Гракова, О. А.: Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года. В: *Труды секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук* 4. Москва 1928, 288–298.
- КРИГЕР 1985: Кригер, В. А.: *Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва 1985.
- МАТЮШКО 2015: Матюшко, И. В.: *Погребальный обряд кочевников IX–XIV вв. Степного Приуралья*. Оренбург 2015.
- МОГИЛЬНИКОВ 2002: Могильников, В. А.: *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*. Москва 2002.
- МЫСЬКОВ 1993: Мыськов, Е. П.: Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе. В: *Древности Волго-Донских степей* 3. Отв. ред.: Мамонтов, В. И. Волгоград 1993, 69–83.
- ПЛЕТНЕВА 1958: Плетнева, С. А.: Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. В: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* I. Материалы и исследования по археологии СССР 62. Отв. ред.: Артамонов, М. И. Москва–Ленинград 1958, 151–226.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ 1966: Федоров-Давыдов, Г. А.: *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва 1966.
- ХАРЛАМОВ 2015: Харламов, П. В.: Погребение печенежского времени. В: *Археологические памятники Оренбуржья* 14. Отв. ред.: Моргунова, Н. Л. Оренбург 2015.
- ХУДЯКОВ 1993: Худяков, Ю. С.: Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии. В: *Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока*. Отв. ред.: Медведев, В. Е. – Худяков, Ю. С. Новосибирск 1993, 107–146.

«ПО ПРЕДАНИЯМ ДРЕВНИХ ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ТЕ ВЕНГРЫ ПРОИЗОШЛИ
ОТ НИХ...»

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ МАДЬЯРАХ

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев*

Ключевые слова: мадьяры, маджары, венгры, этногенез, этноним, кочевники, евразийские степи, Казахстан, Деиит-и Кыпчак, тюрки, культура, письменные и устные источники
Kulcsszavak: ősmagyarok, magyarok, etnogenezis, etnonim, nomádok, eurázsiai sztyepp, Kazahsztán, Desti Kipcak, török népek, kultúra, írott források és színhagyomány

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев

«По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них...» к вопросу о восточных мадьярах

Проблема появления союза мадьярских племен средневековья продолжает быть актуальной исторической темой в современной хунгарологии. Ранние мадьяры рубежа раннего и развитого средневековья сформировались как этнополитическая общность на обширной территории евразийских степей в соседстве с другими кочевыми народами, преимущественно тюрко-огурского происхождения: огуры, савиры, оногуры, болгары, хазары и др. Разнообразные многовековые этнокультурные контакты с тюркоязычными кочевниками сформировали не только особый военно-номадный уклад общественной жизни ранних мадьяр, колоритно выраженный в материальной и духовной культуре, но и оказали прямое воздействие на племенной состав мадьярской конфедерации. Совершенно очевидно, с точки зрения автора, что тюркские этнокультурные компоненты органично стали заметной частью формирующегося мадьярского народа. В процессе передвижения и переселения на территорию Дунайской Паннонии, как достоверно известно из источников восточной части, в Поволжско-Уральском регионе, осталась какая-то мадьяроязычная часть, что нашло подтверждение позднее. По сообщениям средневековых авторов, эта восточная группа (или группы) мадьяр компактно проживала вблизи Волжской Булгарии, вплоть до начала Западного похода Чингизидов 1236–1242 гг. В ходе монгольских завоеваний восточные мадьяры, также как и другие подчиненные народы, были включены в чингизидскую улусно-племенную систему Золотой Орды XIII–XV веков. В течение позднего средневековья восточно-мадьярское население окончательно было ассимилировано численно доминирующими здесь тюркоязычными кочевниками Деиит-и Кыпчака и вошло в состав формирующихся здесь новых этнополитических общностей – ногаев, узбеков, татар, казахов.

Ajbolat Kajrszljamovics Kuskumbajev

„Az ősök színhagyománya nyomán úgy tudják, hogy azok a magyarok tőlük származnak...” A keleti magyarok kérdéséhez

A középkori magyar törzsszövetség feltűnése továbbra is aktuális történelmi téma a modern hungarológiában. A magyarok elődeinek etnopolitikai közössége a hatalmas kiterjedésű eurázsiai sztyeppen alakult ki a korai és az érett középkor határán. Ez a folyamat további, nagyrészt ogor török eredetű nomád népek szomszédságában ment végbe, úgymint ogorok, szabirok (szavirok), onogurok bolgárok, kazárok, stb. A török nyelvű nomád népekkel fennálló több száz éves sokrétű etnokulturális kapcsolatnak köszönhetően nemcsak a katonáskodó nomád életmód alakult ki a korai magyaroknál, színesítve az anyagi és szellemi műveltséget, hanem közvetlen hatást is gyakorolt a magyar törzsszövetség törzsi rendszerére. A szerző véleménye szerint teljesen egyértelmű, hogy a török etnokulturális komponensek szerves módon váltak a formálódó magyar nép jól észrevehető jellegzetességévé. A Duna menti Pannoniába való áttelepülés

* Профессор кафедры Регионоведение факультета международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Астана); kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

folymata során, amint azt az írott források hitelesen rögzítik, a Volga–Urál térségének keleti régiójában ottmaradt valamilyen magyar nyelvű töredék, amint ez később megerősítést is nyert. A középkori szerzők értesülései nyomán a magyarságnak ez a keleti része (vagy részei) egy tömbben élt tovább Volgai Bolgária közelében, egészen a Dzsingiszidák nyugati hadjáratának (1236–1242) kezdetéig. A 13–15. században a keleti magyarok, miként a többi alávetett nép, bekerültek az Arany Horda dzsingiszida törzsi rendszerébe. A késő középkor folyamán a keleti magyar népesség véglegesen asszimilálódott a Desti Kipcsakban domináns török nyelvű népességébe. Ilyen módon bekerültek és részt vettek az ott kialakuló új etnopolitikai közösségek (nogajok, üzbégek, tatárok és kazahok) kialakulásában.

Разноаспектные вопросы происхождения этносов,¹ межэтнические взаимоотношения, взаимодействия, взаимовлияния, различные сложные, и недостаточно изученные этногенетические процессы ассимиляции и метисации в древний и средневековый период в истории народов и племен, населявших обширные просторы евразийских степей, продолжают оставаться в фокусе внимания ученых: историков, этнологов, археологов, антропологов. Давно известно и зафиксировано, что на протяжении нескольких тысяч лет, с эпохи легендарных ираноязычных саков, скифов, савроматов, сарматов, аланов, а также гуннов, тюрко- и монголоязычных народов средневековья, генеральная закономерность движения кочевников с Востока на Запад. На протяжении, по крайней мере, полутора тысячи лет явственно наблюдается указанный базовый алгоритм, радикально изменявший развитие политических и этнических процессов степной Евразии и всей ее ойкумены. Начиная свое исходное движение с какой-либо территории, региона или местности (локальной зоны), расположенной,

как правило, в глубинах центрально-азиатского историко-географического региона (Монголия, Южная Сибирь, Алтай, Джунгария, Восточный Туркестан, Казахстан) или на ее периферийных границах, кочевые народы целеустремленно шли в западном направлении Великой Степи. Этот путь неизменно проходил по землям современного Казахстана. В исторической науке за казахскими степями недвусмысленно закрепилось (отчасти справедливо) обозначение как огромного «степного коридора» соединявшего Центральную Азию с Восточной Европой, хотя именно с территории Казахстана запускались (или вернее инициировались) практически все крупные инвазии и нашествия кочевников на близлежащие и отдаленные оседло-земледельческие области. На землях Казахстана продолжительное время (от нескольких десятков до нескольких сотен лет) на рубеже древности и раннего средневековья жили сарматы, аланы, хунну, а ряд тюркских народов и племен (карлуки, печенеги, огузы, кимаки, кыпчаки и др.) вплоть до монгольского завоевания Евразии включитель-

¹ В зарубежной (европейской) литературе этот термин появился уже в XIX в., а в России в начале XX в. он использовался в значении «народ». Его научное осмысление и теоретическое определение произошло позднее и стало необходимой дефиницией любого этнологического исследования. С 40-х гг. XX в. это понятие и производные от него термины – «этническая общность», «этническая территория», «этнические признаки», «этническая граница», «этническая специфика», «этногенез» стали широко употребляться в научных формулировках этнографов. Этническими общностями стали объявлять «племя», «народность», «нацию». В 60-80-е гг. в советской научной историографии происходит уточнение применяемых терминов и «этнос» стал обозначать все этнические общности от уровня племени до нации. Тогда же произошло оформление двух направлений теории этноса представленных известными учеными – Ю. В. Бромлеем и Л. Н. Гумилевым, которые выступали с диаметрально противоположных точек зрения. Первый отстаивал дуалистическую теорию этноса, второй выдвинул пассионарную теорию этногенеза. Этот спор продолжается до сих пор. Таким образом, в специальной и популярной литературе термин «этнос» употребляется для обозначения различных уровней этнических общностей. Насколько понятие «этнос» и сопутствующий ему понятийный аппарат адекватно и полно отражает происходящие многовекторные историко-этнические процессы в кочевых обществах Евразии древности и средневековья? Этот вопрос, на мой взгляд, требует дальнейшей методологической проработки. В данной статье автор применяет понятие «этнос» наряду с близким ему по смыслу общим соответствием – «народ».

но. Это подтверждается значительным массивом исторических источников (письменные сведения, археологические данные).

Так, например, монгольские армии в середине 30-х гг. XIII столетия, накануне старта знаменитого семилетнего похода Чингизидов 1236–1242 гг., базировались на землях северо-западного Казахстана и далее продвигались на запад Евразии. Если так представить историческую картину, то казахстанская территория являлась не просто широкой проходной зоной для кочующих номадов, а стала выполнять, прежде всего, в силу своего географического расположения, функцию своеобразного «накопительно-резервуара», собирающего как людские, так и иные ресурсы. Одновременно ее можно обозначить как обширную культурно-контактную область, в которой происходило взаимодействие номадов различного этнического происхождения. Не доходя до состояния кризисно-критической массы и внутреннего взрыва, группы кочевников-аутсайдеров, не выдержав конкуренции с другими более активными и воинственными соседями, формируя «пассионарное» (дееспособное) миграционное ядро, уходили на поиск более свободных земель,² сменяя на своем пути или включая в свой состав остатки политически разрозненных слабых племен.

К представленной закономерности продвижения азиатских кочевников по стратегической линии «Восток–Запад» относится и евразийская миграция предков мажарского народа раннего средневековья. Считаю, сейчас нет весомых со-

мнений в том, что начало этногенеза (этнической истории) протомажаров-кочевников проходило в азиатской части евразийского континента или, по крайней мере, на стыке географического разделения Европы и Азии, также расположенной на территории Казахстана. Как доказывается исторической наукой, мажарские племена пройдя Волжский рубеж, в течение всего (или со второй четверти) IX в. кочевали по восточно-европейским степям³ и в конечном итоге своей миграции закрепились в Карпатском бассейне на рубеже IX–X вв., завершив тем самым цикл известного феномена «Великого Переселения народов». Выдающийся российский тюрколог-этнолог, видный представитель евразийского научного направления Л. Н. Гумилев очень точно, на мой взгляд, отметил, что мажары и сама «*Венгрия – осколок Великой Степи в сердце Европы. Поэтому венгры держались как могли, справедливо считая, что кругом их враги*».⁴

Мажары (древневенгерские племена), прибыв в причерноморские степи, уже обладали, по определению крупнейшего специалиста в области ранней этнической истории мажарского народа В. П. Шушарина, четко выраженным этническим самосознанием собственной этнической общности.⁵ Можно ли установить сейчас насколько развитым или вернее, на каком уровне этого самосознания были «первые» мажары? На этот принципиальный вопрос, мне представляется, следует ответить утвердительно.⁶ И это самосознание, судя по историческим материалам, было вполне сформировавшимся

² Эти факты массового переселения кочевых народов подтверждаются имеющимися источниками. Так, по легендарному сообщению, неоднократно цитируемому исследователями, венгерского Анонима родина мажар хоть и была «обширна», но «все же не могла прокормить и вместить множество рождавшихся там людей. Поэтому семь правителей, которых называют Хетумогер и которым стало тесно в их местах, задумали вырваться из них. Тогда эти семь правителей, посоветовавшись, постановили уйти из родной земли и занять земли, пригодные для обитания...» (Деяния Венгров 2007, 93). Хотя настоящие обстоятельства миграции могли быть иными или стали следствием совокупности неблагоприятных факторов, но в таких повествованиях о «деяниях» предков на первый план выходит ключевая первопричина.

³ М. И. Артамонов связывает появление мажар, до этого проживавших к востоку от Волги и теснимых печенегами в Причерноморских степях, с восстанием кабар в Хазарском каганате в 20-х гг. IX в. (Артамонов 1962, 339–340, 343).

⁴ Гумилев 1993, 155.

⁵ Шушарин 1997, 112–113, 118.

⁶ Такого мнения придерживается В. П. Шушарин, подчеркивающий, «что сохранение восточнее Карпат... этнических топонимов мажар, мажар – это дополнительное свидетельство о длительности и стабильности данного самоназвания у отколовшейся от основной массы части мажарского этноса, что, в свою очередь говорит о том, что мажарами во 2-ой половине IX в. называл себя весь этнос, а не только одно из его племен» (Шушарин 1997, 113). В цитированном предложении стоит согласиться с автором, что сохранение этнопонимов «мажар, мажар» свидетельствует о длительной «стабильности» этого этнонима и указывает на его долговременную устойчивость и преем-

и соответствовало распространенной опознавательно-оппозиционной антитезе: «мы» – «они». Следовательно, первичная стадия этногенеза древнемадьярского народа началась раньше в какой-то, условно, «отдаленной» области восточно-евразийских лесостепей или степей и далее продолжилась в Понто-Каспийском регионе.

Происходило ли уже тогда, в азиатский период мадьярской истории, их самоидентификация через коллективный этноним «мадьяр»? Да, так как у них в это время активно шел процесс осознания единства своей этнической целостности, этнополитической интеграции и надплеменной

консолидации, формирования общей идеологии включенных в мадьярский союз племен. В тоже время, вполне очевидно, что эндоэтноним «мадьяр», как следует из достоверных данных, был названием одного из ведущих кланов мадьярского объединения семи племен,⁷ от имени которого произошло наименование этого народа.⁸ Сам этноним «мадьяр» (*magyar*) по своей фонетической характеристике и лингвистическому объяснению и, соответственно, происхождению, относится, что вполне очевидно, к той этнокультурной и языковой среде, в которой шло складывание протомадьярской этни-

ственность. Несколько иная точка зрения сложилась у Р. Г. Кузеева, высказавшего следующие соображения: «топонимы с основой *можар*, *мажар*, известные также и на территории Башкирии, не находятся в прямой связи с этнической историей мишарей и с происхождением их этнонима. Более вероятным является предположение, что топонимы с этой основой оставлены населением угорского или финно-угорского происхождения, часть которого оказалась в составе мадьярского союза. Трудно также согласиться, с попытками связать топонимы с основой «маджар», распространенные в эпоху позднего средневековья на Северном Кавказе и в Средней Азии, с этнонимом мадьяр. Очевидно, действительно, мы в данном случае имеем дело с этнонимическими созвучиями и реальное значение многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов с основой «маджар», известных в тюрко-монгольском мире эпохи средневековья, еще предстоит раскрыть» (Кузеев 1974, 127). Полагаю, такой подход указанного автора сейчас не представляется возможным поддержать. В моей статье в дальнейшем будет показана взаимосвязь и тождественность понятий «можар», «мажар» и «маджар», т.к. они четко зафиксированы и в письменной, и в устной традиции, поэтому считать их простым «этнонимическим созвучием» не совсем корректно.

⁷ Следует обратить внимание, что кимацкий племенной союз, формировавшийся на Алтае, в восточном Казахстане и Прииртышье, по этногенетической легенде в изложении Гардизи состоял из семи племен: Ими, Имак (кимак), Татар, Байандур, Кыпчак, Ланиказ, Аджлад. Конечно, такие числовые сходства, пока мало что говорят, но их сравнительная характеристика на более широком материале имеет, на мой взгляд, потенциальную перспективу. Во всяком случае, кимацкие племена получили общее наименование по названию их основного племени йимак (*Yimäk*), ймак, йимек, йемек (кимак, кимек) (Кумекоев 1972, 39–41). Такую же закономерность можно предполагать в распространении племенного имени «Меуэрт» (греч.), мадьяр (медьер) на всю совокупность раннемадьярских племен (Ньек, Медьер, Кюрт [Дьярмат], Тарьян, Енё, Кер, Кеси) на начальном этапе этногенеза. Интересно, скорее всего, это просто совпадение, но племя Медьер занимало так же, как Имак, вторую позицию в племенном союзе. Как считает М. К. Юрасов, древненгерское сочетание «*Hetumoger*» (Хетумогер), произносимое как «Хетумодьер», дословно означает «семь мадьяр». Это слово состоит из двух частей: первая «хетю» – древненгерское числительное «семь», вторая – собственно этноним «модьер». Тут же он проводит аналогии (вслед за Ю. Неметом и В. П. Шушариным) с названием объединений тюркских племен: «десять огуров (Он-огур), девять огузов (Токуз-огуз), девять или тридцать татар», что позволяет говорить о том, что мадьяры «были связаны происхождением и культурой» с тюрками (Деянция Венгров 2007, 93, 95). С такой убедительной аргументацией, думаю, следует согласиться. Если дальше развить эту тему, то число «хетю», «*hetu*» (семь) полностью соответствует его древнетюркскому эквиваленту «*jetü*» (йети, джеті) (Древнетюркский словарь 1969, 259) с тем же числовым обозначением. В этническом составе кыпчаков западного объединения существовало племя йитоба, иетиоба, йетä, йети-оба – семь родов (Кумекоев 1990, 118–121); у башкирских кыпчаков зафиксирован род «джете уру» (Кузеев 1974, 115–116). В структуре казахов Младшего жуза есть племенное объединение жеті ру («семиродцы»). Такая традиционная система создания племенных союзов могла появиться только в ранний период истории мадьярского народа, когда они находились в непосредственной зоне воздействия потестарно-политической культуры тюркских народов восточной половины евразийского региона. Как доказывают лингвистами, большинство названий мадьярских племен суть тюркского происхождения, вместе с тем сам язык относится к угорской семье. Этот «этно-языковой феномен» истории мадьяр, пока, думаю, не нашел соответствующего разъяснения в науке.

⁸ Хотя, В. П. Шушарин, в своем комментарии к книге Константина Багрянородного, по названию племени «Мегери» («Медьер») оспаривает ранее поддерживаемое им мнение, «согласно которому племя Медьер играло ведущую роль в союзе племен во главе с Арпадом, ставшим основателем династии королей Венгрии», ссылаясь на исследование Györfy Gy. (Györfy Gy.: *István király és műve*. Budapest 1983; Györfy Gy.: *Honfoglalás és megtelepedés*. In: *Magyarország története*. Szerk.: Székely Gy. Budapest 1984, 577–650, 1624–1639). 1983 и 1984 (Константин Багрянородный 1991, 395). В то же время, как объяснить, что название именно этого древнемадьярского племени стало общим этнонимом средневековых мадьяр? Безусловна самоочевидность такого вывода

ческой общности. К этому этнокультурному окружению древних мадьяр имеют отношение большинство раннесредневековых тюркских народов западно-евразийского региона: хунгар, хазар, болгар (болгар, балкар), сувар (субар, савар, савир), авар (абар, апар), кабар (кавар), кангар и др. Этнополитический состав, язык, культура, институты власти перечисленных этносов были настолько синкретичными, что до сих пор ученым нелегко установить их этническую природу и специфику. Главным препятствием для комплексного изучения следует считать дефицит исторической информации, что обусловлено скудностью источниковой базы, недостаточностью фактических сведений. Соответствующую научно обоснованную интерпретацию истории этих народов еще предстоит осуществить.

Вопросы о том, где, когда и как предки мадьяров появились и формировались до их исторической фиксации в достоверных источниках в Восточной Европе необходимо отнести к разряду сложных и неоднозначно трактуемых проблем современного мадьяроведения. Выдвинутые научные концепции не всегда в полной мере могут ответить на поднятые проблемы и адекватно отразить имеющийся в научном сообществе и среди других слоев общества огромный интерес к ранней истории мадьярского народа. К сожалению, вплоть до IX в. отсутствуют верифицируемые письменные известия о ранних мадьярах. Тем самым следует признать, что древний азиатский период истории мадьяр продолжает оставаться в большей степени «terra incognita» как для исследователей, так и для широкой заинтересованной этим вопросом общности. Ясно обоснованных, конкретных интерпретаций, поставленных вопросов, пока в

науке нет. Это, конечно, не значит, что решение этой проблематики практически зашло в тупик. Внимательное, а где-то скрупулезное изучение известных специалистам источников может дать возможность увидеть не реализованный потенциал старых изысканий или новый вектор перспективных разработок. На какой территории и в соседстве с какими народами до IX в. проживали протомадьярские племена? Если они действительно находились в восточной части евразийских степей в смежных с тюркскими племенами районах, то почему источники об этом ничего не сообщают?

Возможно, это следует объяснить тем, что они (предки мадьяров) политически входили в стратифицированную структуру более крупных разноплеменных союзов древнетюркских народов, которые были инкорпорированы в гуннскую (огуро-булгарскую) конфедерацию, затем составляли основу сначала Первого тюркского, а впоследствии Западно-Тюркского каганатов середины VI – начала VIII вв.⁹ Среди тюркских кочевых племен средневековья и даже нового времени инородные сегменты, насильственно или добровольно включенные в племенную систему клана-доминанта (имперской политической конструкции), носили единое для внешнего наблюдателя племенное название рода-лидера (потестарного патрона), которое покрывало своим названием другие подвластные группы. Причем, зависимые рода могли сохранять свое первоначальное (настоящее) наименование для внутреннего употребления, но из-за политической конъюнктуры и подчиненного положения принимали на себя племенное имя или расширенное этнополитическое наименование завоевателей-победителей¹⁰ – основателей кочевых

⁹ Л. Н. Гумилев, давая пояснение, почему венгров в восточных источниках называли «тюрками», в примечании к тексту М. И. Артамонова «История хазар», писал, что ранние мадьяры находились в составе Западно-Тюркского каганата и вышли из-под власти тюркутов после 631 г. и, затем, вероятно, попали в сферу влияния хазар (Артамонов 1962, 338). Как отмечает Е. С. Галкина, «предки мадьяр жили в степях Зауралья и со 2-й половины VI в. по 2-ю половину VII в. находились в зависимости от Тюркского каганата. С 630-х гг. в Западном Тюркском каганате начались смуты, и он начал быстро распадаться. Примерно в это время и началось формирование мадьярского этноса из кочевых племен, расселившихся по рекам Уфа, Белая, Кама» (Галкина 2003).

¹⁰ Крупнейший специалист в области истории тюркских народов Ю. А. Зуев в одной из последних своих работ сделал необходимое пояснение по этому аспекту: «для периода становления государственности у раннесредневековых народов Центральной Азии, когда название господствующего племени (этноним) становится обозначением всего разноэтнического по составу объединения (политонимом), или по другим причинам, которые не перечислить, это явление можно отнести к числу характерных» (Зуев 2004, 33).

империй (Элей, Каганатов, Улусов, Орд, ханств). Поэтому средневековые писатели, характеризуя корпоративные объединения кочевников по господствующему, общему для всех клану, не всегда вдавались в подробное описание их внутреннего племенного состава. Поэтому отсутствие упоминаний в письменных источниках прежних этнонимов (или этниконов)¹¹ евразийских кочевников, а затем их «неожиданное воскрешение» следует понимать, как изменение этнополитической ситуации, при которой они избавились от своего подвластного состояния.

Безусловно, этнокультурные контакты и взаимоотношения мадьяров и тюрков хронологически могли занимать не одно столетие. Наличие тюркизмов в современном венгерском языке (по одним данным около или более 400 слов, по другим до 1000 терминов) подтверждает то, что они заимствовались в ходе длительных и тесных культурных взаимосвязей с тюркскими народами Евразии. В раннесредневековый период (VI–VIII вв.) в евразийской степной зоне полностью доминирующей военно-политической силой стали тюркские кочевники – выходцы с Центральной Азии. Значительная часть дотюркского населения евразийских степей, разговаривавшая на восточно-иранских языках и диалектах (сармато-аланские племена), а также какие-то мадьярские (угроязычные?) группы были глубоко тюркизированы и асси-

милированы номадами центрально-азиатского происхождения. Параллельно отмечается сильное влияние со стороны автохтонных племен на тюркских мигрантов, что видно по терминологии в сфере управления, наименованиях административно-политических должностей чиновников, религиозной жизни этнопотестарных объединений евразийских кочевников. Процесс этнокультурной и языковой тюркизации этих исконных обитателей евразийских степей не был тогда полностью завершен и продолжился в эпоху распространения кыпчакских языков XI–XIII вв.

В исторической науке Венгрии и России, начиная с XIX в., обоснованно аргументируется, что до западной миграции отправной областью обитания протомадьяр был район Южного Урала. Казалось бы, этот вывод давно доказан и не оспорим. Но есть одно существенное обстоятельство, которое следует иметь в виду. Даже если признать, что первоначальным ареалом местопребывания древних мадьяр была, так называемая, «Великая Венгрия» (*Magna Hungaria*), соотносимая специалистами с территорией современной западной и центральной частью Башкирии, то выход большой массы населения из этого района в юго-западном направлении и ее переход к кочевому образу жизни не мог произойти попутно или быстро.¹² Для овладения навыками ведения кочевого скотоводческого

¹¹ Под понятием «этникон» следует понимать наименование данного этноса (народа) представителями других этносов на их языке (или шире в их восприятии). В научной этнологической литературе встречается близкие этому понятия: «аллоэтноним», «экзогенный этноним». В последнем случае букв. «внешний» этноним, т.е. данный извне. В свою очередь «этноним» – понятие, обозначающее самоназвание этноса или «автоэтноним».

¹² На это еще обращал внимание известный российский ученый XIX в. Н. Я. Данилевский в своей рецензии на труд К. Я. Грота по ранней мадьярской истории. В этой связи он писал: «надо предположить, что угры, пустившись в свое странствование из Биармии в Лебедию, уже были кочевниками и наездниками, и, следовательно, шли путем возможным для кочевников, т.е. не лесом, а степями». Далее у него эта мысль звучит более четко: «они, т.е. угры уже в прародине (не в первой, а во второй, не в Биармии, а в Башкирии) должны были совершенно отуречиться, обашкириться, т.е. сделаться вполне кочевниками. Когда и как это могло произойти? Во времени тут недостатка нет, так как дело происходило за исторической сеной, могло происходить медленно и постепенно рядом небольших переселений из Биармии в Башкирию в течение VIII, VII, VI, V-го, одним словом скольких хотите столетий. Здесь от лесной охотничьей жизни в лесах Башкирии они постепенно могли переходить к пастушескому быту, заимствуя его, пожалуй, от небольших турецких племен, тут же мирно кочевавших, переходить, потому что жизнь кочевая легче, обеспеченнее жизни звероловной, переходить и смешиваться, причем финское ядро обрастало турецкой оболочкой во всех отношениях, в том числе и в языке». Так что «в этом втором доме они сделали наездниками без сомнения под влиянием турецких кочевых племен, Башкир ли или других каких – это все равно, но только непременно здесь – под двойным влиянием: турецких племен и топографических условий местности» (Данилевский 1883, 235–237). В XIX в. популярной была версия о северном происхождении мадьярского народа из полулегендарной страны Биармия (Бьярмия, Пермь?), локализуемой исследователями на большом пространстве северо-восточной Европы. Сейчас такой подход к древней истории мадьяр следует признать анахронизмом. Наиболее предпочтительным или приемлемым мне представляется выход на историческую

хозяйства был необходим адаптивно-аккультурационный переходный период, при котором оформились бы и утвердились основы кочевой скотоводческой экономики и культуры. Это заняло бы определенное время, как минимум четыре – пять поколений. В этой связи, достаточно очевидно, что ранние мадьяры, известные по первым письменным известиям восточных авторов, продолжительное время вели кочевой образ жизни, предположительно, в северной и западной частях современного Казахстана¹³ или в Южном Приуралье. Еще в 60-х гг. XX в. венгерский антрополог Тибор Тот, анализируя остеологический материал, пришел к выводу, «что ареалом процесса преобразования лицевого скелета угорских предков древних венгров являлся Северный Прикаспий», куда входило пространство «от низовья Волги до Мугоджара»,¹⁴ т.е. территория Западного Казахстана. Присутствие древ-

немадьярских племен в раннем средневековье в обозначенном районе не подлежит сомнению.¹⁵ Естественно сложившиеся степная и полупустынная экологические ниши жестко диктовали, обитающим здесьномадам, пространственные меридиональные кочевые маршруты по стержневому направлению Север–Юг¹⁶ и по его второстепенным географическим вариациям.

Мадьяры, вторгнувшись в причерноморские степи с востока, аттестуются в хрониках и летописях как народ, который по признакам кочевого хозяйственно-культурного типа резко не отличается от других соседних кочевников. Мусульманские историки и географы, а также византийские источники описывают мадьяр, как стандартных (типичных) степных кочевников. Обнаруженные и археологически идентифицированные раннемадьярские погребальные памятники показывают большое сходство с культурой ев-

арену древних мадьяр из восточной зоны евразийских степей, связанной с лесостепной областью Западно-Сибирской низменности. И. Маркварт размещал прародину «Ursitze» мадьяр в так называемой «южной *Ugria*», в окрестностях Ишимы и Барабинской степи (к востоку от Омска)» (MARQUART 1903, 53). Как показывают археологические и антропологические данные, именно в этом регионе происходила интенсивная метисация и дальнейшая ассимиляция древнего населения Сибири тюрками, продвигавшимися с юго-востока из Центральной Азии (Монголия, Алтай). Об этом районе как древнейшей «протомадьярской» прародине, существовавшей в гуннскую эпоху и археологически идентифицируемой, как саргатская культура (ERDELYI–BENKŐ 2005, 5–18). Но Н. Я. Данилевский абсолютно прав в том, что «отуреченные» (подвергнутые тюркизации) мадьяры находились очень длительное время «под двойным влиянием» смежных тюркских племен и природно-географических условий степной экосистемы.

¹³ В конце 80-х гг. XX в. в Актюбинской области Казахстана, недалеко от поселка Караой (Жетыкуль) Уилского района, было случайно найдено дюнное (в песках) захоронение средневекового воина и сопутствующие предметы: «стандартный набор вещей из погребений VIII–IX веков нашей эры – три налобные бляхи конской узды, птицевидные нашивки-амулеты». Археологи С. Ю. Гуцалов и А. А. Бисембаев идентифицируют и связывают это погребение и обнаруженный инвентарь с пребыванием в этом районе каких-то протомадьярских групп.

¹⁴ Тот 1968, 68–69.

¹⁵ Сравнительно-генетические исследования, проведенные недавно группой венгерских антропологов во главе А. Биро, показали, что между дальними предками казахских мадьяров, обитающих в Торгайском бассейне Казахстана и предками венгров (мадьяров), когда-то существовал генетический контакт в рамках одной популяции. Возможно, что древние мадьяры оставили в Центральной Азии свой родовой след. И именно западноказахстанский (приаральский) ареал может считаться одной из зон их обитания (BIRÓ–ZALÁN–VÖLGYI–PAMJAV 2009, 305–310, fig. 4) и важным этапом формирования древнемадьярской общности.

¹⁶ Даже в позднее средневековье и новое время (XV–XVIII вв.) среди казахов господствовал такой тип кочевания, при котором кочевые хозяйства в весенне-летний сезон двигались на север и северо-запад, а в холодный период (осень-зима) кочевали в обратном направлении, где стояли несколько месяцев. Это было обусловлено преобладанием зимних пастбищ на юге кочевого цикла, теплым климатом, хорошей продуктивностью растительного покрова, высокой кормовой производительностью природных ресурсов, наличием удобных водоемов (Тольбеков 1971, 519–520; Масанов 1995, 66; 88 и др.), близостью оседлых оазисов и т.д. Поэтому все более или менее постоянные стойбища кочевников были в этом ареале. Амплитуда и радиус кочевания в юго-западном и западном Казахстане были огромные и достигали иногда 2000–2500 км (Масанов 1995, 81–82; Цинман 1992, 49, 72). Район Приаралья и нижнего течения р. Сырдарья был зоной смыкания путей и смежных сезонных стационарных центров средневековых кочевников, имеющих здесь зимние стоянки. Природно-климатические условия, диктовавшие хозяйственно-экономические закономерности относились к числу долговременных (фундаментальных) детерминантов существования кочевого общества, которые могли меняться в силу продолжительных климатических флуктуаций, катастрофических природных (эпизоотии, джугты), демографических и политических катаклизмов – войны, междоусобицы, нападения и связанные с ними переселения и т.д.

разийских кочевников¹⁷ предшествующего и синхронного периодов. Поэтому вполне закономерно и далеко не случайно, что такой осведомленный византийский автор, как Константин Багрянородный, называет кочевников-мадяров устоявшимся корпоративным этнополитонимом – «турки» (Тоуркои),¹⁸ что ярко свидетельствует об их близости по внешнему образу жизни и является этнокультурным маркирующим признаком близости к тюркским народам евразийского историко-культурного ареала. Персидский автор Гардизи в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»)¹⁹ в интересующем контексте сообщает следующее: «*Между владениями болгар и владениями эскелей, тоже принадлежавших болгарам, находится область мадьяр. Эти мадьяры — тоже тюркское племя.*»²⁰ В компилятивном географическом трактате 982 г. «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира от востока к западу») неизвестного персоязычного автора

мадьяры (маджгари – Majghari) причислены к «разновидности тюрков [существующих] в мире».²¹ При этом, в этом сочинении, после рассказа о стране кыпчаков (§21),²² сказано сразу о мадьярах (§22).²³ Такая последовательность, видимо, не случайна и указывает на какие-то контакты или географическое соприкосновение их владений.

Есть еще один значимый момент в пользу «тюркского» происхождения – антропонимия древней мадьярской знати. Имя легендарного предка венгерских королей Юдьек, Ыдьек (Ügyek) – отец Алмоша или дед Алмоша, переводится, как «святой»,²⁴ но «может происходить из венгерского, точнее, из заимствованного тюркского слова *ügy* – *egy*».²⁵ Алмош, Альмош, Алмуц (Álmos), происходящее от венг. *alom* – сон, но, по мнению ряда специалистов, является тюркским именем (например, Алмуш, Алмыш – эльтебер волжских тюрков-булгар 922 г.). Имя

¹⁷ По словам М. И. Артамонова, «для характеристики той среды, из которой вышли мадьяры, определённый интерес представляет Стерлитамакский могильник VIII–IX вв., где обнаружены погребения воинов с характерным вооружением и конской сбруей. Представленные здесь вещи – сабли, боевые топоры, наконечники стрел, стремени и прочие, – не отличаются от вещей того же времени, распространённые у всех кочевых и полукочевых народов Евразии». В то же время «здесь находится своеобразная керамика в виде грубых круглодонных сосудов, украшенных рядами вдавленных, вовсе не свойственная аланским и тюркским погребениям и генетически восходящая к формам, характерным для местного населения с глубокой древности. Этот могильник оставлен не аланами и не тюрками, а народом финно-угорского круга, к которому принадлежали и мадьяры» (Артамонов 1962, 339).

¹⁸ Относительно давно советский тюрколог А. Н. Кононов отмечал, что термин «тюрк» («türk») это собирательное имя, обобщенное значение которого было принято на значительной территории Евразии и оно «объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения» (Кононов 1949, 47). Для Л. Н. Гумилева отнесение мадьяр к носителям «культуры, которую в VII–XI вв. называли тюркской, вполне закономерно, так как в эту эпоху термин «тюрк» ещё не имел лингвистического значения» (Артамонов 1962, 338). Византийские авторы по отношению к мадьярам впервые применили название «турки» в 902 г. Отталкиваясь от этого, В. П. Шушарин связывает использование этника «турки» по отношению к мадьярам с византийской литературной традицией, идущей от речи Арефы и военного трактата «Тактика» Льва VI Мудрого начала IX в. Лев Мудрый, сравнивая описываемую им военную организацию и тактику мадьяр с аналогичной характеристикой, представленной в трактате Маврикия VI–VII вв. о тюрках («кёктюрк»), «нашел эти описания соответствующими его сведениям о мадьярах и перенес данные Маврикия, модифицировав их, на мадьяр, обозначив последних также этником «турки» (Константин Багрянородный 1991, 286).

¹⁹ В изданном переводе этих известий у Д. А. Хвольсона интересующий нас фрагмент переведен несколько иначе: «*между землей печенегов и землей болгарских эсегель лежит первый из краев мадьярских. Мадьяры эти – тюркское племя*» (Хвольсон 1869, 25). Здесь разница лишь в том, что вместо «болгар» отмечены «печенеги», а также говорится о «первом» мадьярском крае. Комментируя «Худуд ал-Алам», В. Ф. Минорской перевел Гардизи следующим образом: «*между страной Булкар (Bulkar) и страной Асгил (Asgil), которые также из булкар, расположены границы маджгари (Majghari). Они – разновидность тюрков и их салар (salar) (имеет) 20 000 лошадей*» (Minorsky 1937, 320). Салар (иран.) – титул вождя, предводителя мадьяр.

²⁰ Бартольд 1973, 37, 58.

²¹ Minorsky 1937, 317.

²² Minorsky 1937, 317.

²³ Minorsky 1937, 317.

²⁴ Деяния венгров 2007, 82.

²⁵ Такого слова в древнетюркском языке я не нашел, но имеется понятие «ügi», «ügü» – в значении молот, растирать (Древнетюркский словарь 1969, 622–623). Московский тюрколог О. А. Мудрак в своей работе приводит похожее соответствие из уйгурского языка: «ige (~igi-), ege (~egi-) 'хозяин'» [Мудрак] работ существует только в электронном формате.

знаменитого венгерского вождя (надъфейдедем – «великий князь») эпохи «обретения родины» Арпад (Árpád) и основателя династии Арпадов (Árpádok) этимологизируется из тюркского «ágra» – «ячмень», уменьшительное – «ячменный или ячменек». Антропоним сопровителя Арпада – Күрсан (*Kursán*), также, видимо, восходит к тюркскому слову. Показанный заметный пласт тюркской по семантике антропонимии у древнемадьярской аристократии – результат мощного влияния тюркской культуры.²⁶

У Арпада, «великого архонта Турции», было четыре сына. Имя первого Таркацус (от венг. Таркачу) выводится от тюркского значения «высыпаться, выступать, возникать, происходить» или может быть обозначало «достоинство, сан». Данный термин отражен в восьми топонимах Венгрии. Имя второго сына Иелех (от венг. Юллё), идентифицируемый с упоминаемым в венгерском Анониме «дядей» Арпада, «отцом двух вождей мадьяр, пришедших в Среднее Подунавье», происходит от тюркского слова в значение «князь» (или «есть, потреблять»). В документах венгерского королевства упомянуты «два таких антропонима и шестнадцать топонимов, в которых он отражен. Имя третьего сына Иутоцус (от венг. Юташ или Ютоша) упомянуто один раз в сочинении Константина Багрянородного и происходит от тюркского слова со значением «лакомка». Есть два аналогичных ему антропонима в документах и пять в топонимии Венгрии. Имя четвертого сына Залтас, (от венг. Золтан, Зулта) фигурирует в исторических сочинениях коро-

левства Венгрии как сын Арпада. Слово происходит от арабского термина, обозначающего сан («султан»), попало в язык мадьяр при посредстве тюрков. Антропоним единожды отражен в документах и дважды в топонимии королевства Венгрии. Такие древневенгерские имена, как «Тевел» (от тюрк. «верблюд»), «Такшонь» или «Таксис» (видимо, от тюрк. «сытый»), «Таш» или «Тясис» (от тюрк. «камень»), «Тормаш» или «Термацус» (тюрк. «высыпаться, выступать, возникать, происходить» или «стоять, вставать, вышаться, существовать», или «жить»), также вероятно имеют тюркские корни.²⁷

Можно ли предполагать, что военно-политическая элита древнемадьярского общества была тюркской (тюркизированной) или тюркоязычной? Такая гипотеза, в целом, не противоречит данным независимых источников. Есть и конкретные примеры в истории соседних народов. Так, у хазар потестарно-династийной верхушкой были выходцы из западной ветви древнетюркского рода Ашина. В традициях государственности тюркских и монгольских народов средневековья правом на верховную власть обладали представители (потомки) правящего дома (семейства), например, «Золотого рода» Чингизидов или легитимизированные политические лица, связанные родством (мнимо или реально) с этой династией.

Таким образом, византийские авторы и восточные историко-географические трактаты уверенно относят мадьяров к тюркской группе народов,²⁸ обитавших в степях Восточной

²⁶ Сказочная птица Турул в венгерской мифологии является тюркским обозначением ястреба. Злой дух (чёрт) – ёрдек также по происхождению является тюркским (Петрухин 2005, 426, 429).

²⁷ Константин Багрянородный 1991, 166–167, 398; комментарии 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 36 – Это номера комментариев.

²⁸ Ярко характеризует древних мадьяр «Паннонское житие» христианского проповедника Константина Философа, написанное в конце IX в. Приблизительно около 860–861 гг. (по другим данным в 856–858 гг.) Константин отправился к хазарам через Черное море и, проходя горы Тавриды, между Херсоном и Сугдеей (Сурожем) подвергся нападению мадьярского отряда, который находился в этом районе под командованием хазарского военачальника. «Возврати же ся философ в свой путь и в первый час молитву творящу ему, нападоша на нь угри, яко и волчскы воюеще, хотяше и убити» (Бодянский 1865, 12). («Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу (т.е. глубокой ночью) он молился, напали на него угры, воя, как волки, желая убить его»). С достаточной долей уверенности можно считать, что эти воины были из древнемадьярского племени. «Куртугермат», «Кюрт» («Курт», «Qurt» – волк, древнетюрк.), т.е. клан «Волков». Аналогичные факты можно встретить в военной истории других кочевых народов. Половецкий хан Боняк, глава грозной орды «Бурчевичей» (от тюрк. Борі – волк, «бурчевичи» – «волки»), в 1097 г. накануне сражения, также глубокой ночью выехал в поле и провел обряд волхования. «Яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вой, и поча выти волчскы и волк отвыся ему (т.е. отозвался на его зов. – А. К.), и начаша волци выти мнози» (Повесть 1950, 179). Здесь видно, что у мадьяр и половцев (куманов) существовала древняя боевая традиция, связанная с поклонением и обожествлением волка-символа, приносящего удачу воинам. Эти свидетельства говорят не просто об аналогии, но и,

Европы. Недооценивать или отрицать эти единодушные свидетельства абсолютно разных источников было бы, по крайней мере, не только не объективно, но и непродуктивно.

Проблема названия и самоназвания народов (этносов), этнических групп, племен, родов, бытовавших в историческом прошлом вот уже многие десятилетия, объект разностороннего и пристального интереса различных исторических дисциплин: истории, этнологии, лингвистики. Происхождение многих этнонимов является следствием совокупности этнокультурных, этнополитических, этногеографических, языковых, социальных и многих других процессов и факторов, а также конкретно-исторических особенностей формирования этнического состава данной этнической единицы или даже целой языковой группы. В реальной действительности и историографии можно встретить самые различные названия этносов, этнических групп, представителей титульной нации страны, которые на разных языках имеют различный смысл и содержание. Например, средневековые кыпчаки в восточных (арабских и персидских) нарративных текстах, письменных источниках именовались кифджак (хифчах), в орхонских памятниках древнетюркской письменности – кыбчак, в китайских хрониках – циньча, на Руси – половцы, у византийских и западных авторов – куманы, куны, палочы и т.д. Среди ученых, занимающихся настоящей этнической (или точнее этноисторической) тематикой, иногда идут ожесточенные споры об исходном (изначальном) названии этноса, этнической группы, племени или рода, их связь между старым (древним) составом и его названием с ныне существующими

этнотерминологией, применяющейся и сохраняющейся до сих пор. Устойчивое сохранение этнонимов на протяжении длительного периода может говорить нам не только о стабильности этнического названия и содержания, но и об устойчивости общей исторической памяти самих носителей этих этнонимов о своем прошлом, предках, родоначальниках, основателей кланов и т.д.

К этой же проблематике, думаю, относится этноним средневековых мадьяр (угров, венгров), «медьер», «могёр» (*megyer, magyar*) – самоназвание, *хунгар, huniguri, hunigari* (огур, онгур, онногур, уннугуры) – восточные или степные (тюркские), славянские и западные языки. По-видимому, наиболее ранние известия о мадьярах на Востоке есть только в арабских письменных источниках. В арабоязычном сочинении «Китаб ал-алак ан-нафиса» Ибн Руста, написанном около 903 г. или чуть позже, мадьяры фигурируют под названием «ал-Маджгария» (*al-Maggariya*), в котором, отбросив арабский определенный артикль *al-* и арабский суффикс *iya*, можно узнать современное название «мадьяры». У ал-Бекри в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» дается описание страны маджар (*Maggariya*, «ал-Маджгария» или *bilad al-Maggariya*). Персидские авторы X–XI вв. также говорят о маджарах (мадьярах). В «Худуд ал-Алам» сообщается, как сказано выше, о стране «Маджари», расположенной на западе. У ал-Гардизи в «Зайн ал-ахбар» XI в. мадьяры также названы, как «Маджари» (или в мн. числе *Maggariyan*). В арабском сочинении «Нухбат ад-дахр фи аджа иб ал-барр ва-л-бахр» приведено название мадьяр в форме «*magar*».²⁹ В русских источниках позднего Средневековья и Нового

даже, может быть, культурной идентичности воинских обычаев мадьяр и тюрков. Сюжет о волке-покровителе широко был распространен в фольклорной этногенетике и символике тюрков и монголов Центральной Азии, башкир Приуралья (Кузеев 1974, 129–131). Как известно, в тотемной идеологии и военной культуре тюркских народов очень глубоко запечатлен образ волка и соответствующий волчий культ (об этом военизированном культе хищника у кочевников см.: Харитонов 2001, 7–9; Кушкумбаев 2009, 51–52).

²⁹ В этом ракурсе интересно, что такая словоформа, как «*magar*» (ма [жа] р), встречается и далее в письменных источниках среднеазиатского происхождения у авторов позднего средневековья в таком же написании «мажар». Здесь, вероятно, следует усмотреть определенную закономерность. Этноним «мадьяр-маджар» представлен как «мажар» без буквы «д», что позволяет говорить, как о произношении, так и написании этого термина в такой форме уже в ранний период. Кроме того, это дополнительно показывает, что этнонимы «мадьяр» (праформа *možer* → *modyar*), «можар», «мажар», «маджар», по смыслу являются идентичными и могут считаться только различными вариантами произношения или написания одного и того же понятия.

времени отмечена такая форма, как «Маджар/ Magar – Можар [ов Юрт], или Мажар [ов Юрт]», встречающиеся в «Книге Большому Чертежу».³⁰

К числу первых сведений о появлении мадьяр в Восточной Европе в западных источниках относится произведение «Об управлении империи» Константина Багрянородного, в котором они обозначены, как указано до этого, этно-термином «турки», но прежде, особо отмечено, что они именовались «савартами-асфалами» (допустимое прочтение названия «саварты» – «Σαβίροι», «sabīroi», вар. сабиры, савиры, сувары).³¹ В ходе войны с печенегами мадьяры разделились на две части: западную и восточную. За последними осталось старое наименование «саварты-асфалы»³² («непоколебимые сабарты»?).³³ По всей вероятности у византийского автора прежний этникон³⁴ (или коллек-

тивное название группы разнородных племен?) мадьяр был представлен в таком пассаже, что, скорее всего, здесь скрывается более раннее вхождение мадьяр в состав суварского (савирского) круга племен западных тюрков. Сувары, сабиры, савиры по-своему этносооставу также, как и другие племенные объединения евразийского этнокультурного пространства были разнородными, в структуру которых, вполне допустимо, могли входить и древние мадьяры. Но самая интересная здесь является именно восточная часть мадьярского народа, оставшаяся где-то на востоке за Итилем (Волгой). Несмотря на это, Константин Багрянородный пишет о том, что они (оставшиеся мадьяры, напомним, «саварты-асфалы») ушли в края Персии. Между тем, трудно себе представить, что часть мадьяр, после печенежского разгрома, могла пройти через земли Хазарского каганата, начиная с запад-

³⁰ Левицкий 1978, 56–60.

³¹ Как доказывает венгерский тюрколог Ю. Немет, наименование «сувар» семантически относится к группе тюркских этнонимов. Из арабских источников известны названия двух городов – Сувар и Суварин, один из которых находился в землях Волжской Булгарии, недалеко от Булгара, а другой располагался в северо-восточной части Кавказа. Производящим словом для этнонима «сувар» было «sumug, sur-: bojuu su- “слушаться” с корнем su-, suw-... Первоначальное значение этнонима сувар «племя покорных, послушных» (Немет 1999, 367). По сообщению мусульманского путешественника ал-Масуди X в., форма «sabir» являлась тюркским обозначением хазар. О. Прицак полагает, «что форма sawag (письменный вариант S'WYR.) была местной, в то время как sabir ~ savir— тюркской» (Голь-Прицак 2003, 55). В последнее время проблема происхождения «савир» вышла на иной уровень понимания, где отрицается тюркская основа этого этнонима. «В отличие от тюрков и изгилей, – подчеркивает М. В. Горелик, – имени савир нет в центрально-азиатской тюрко- или монголоязычной (как и иных языковых групп) номенклатуре. Само слово не имеет достаточно убедительной тюркской этимологии (хотя подобрать её можно легко, но разброс слишком велик). Лучшие же всего это слово этимологизируется из иранского «сау», «саурта» – «черные». Вероятно, именно в этой среде стоит искать истоки этого народа. Я полагаю, что такой средой с большой долей вероятности может оказаться огромный массив ираноязычных скотоводов, населявших восточное Приаралье в первой половине I тысячелетия н.э. и представленных джетыасарской археологической культурой. Часть этих племен была втянута в процесс «переселения народов», сначала гуннами, а несколько позже, в середине V в. н.э., огурами, западной частью тюркоязычных огузских (телесских) племен, которых жужань-авары вытеснили на запад и из среды которых вышли племенные объединения и союзы оногур, сарыогур, болгар, хазар и др.» (Горелик 2002, 27–28). Все это еще раз указывает на разнообразные и очень непростые этнические контакты древних насельников евразийских степей и много характерные этнические процессы, протекавшие в кочевых обществах.

³² Исследователи связывают термин «асфалы», «асфалой» с болгарским племенным названием «эскэл», «эсегель», «asgil»: саварт + эскел (Вашари 1998, 37), потомками которых считаются венгерские секеи (секель), которые до XV в. использовали руническое письмо. В состав левого крыла огузского племенного союза (Ок-Тугра-Огуз) – учук (ассимилированные, инкорпорированные группы, в том числе и тюркизированные сарматы), входило племя язгыр (языр). По-видимому, в основе этого этнонима лежит корень ас (яс, аз, ус, уз).

³³ Константин Багрянородный 1991, 159–161, 392.

³⁴ Скорее всего, это старый «мнимый» этникон мадьяр. Вместе с тем, это может служить свидетельством старых этнокультурных (этногенетических?) взаимосвязей предков мадьяр с савирами (суварами), известных по более ранним известиям византийских источников. В научной литературе существует версия, что савиры пришли в восточно-европейский регион откуда-то с востока (приаральские степи, Центральная Азия) или даже из отдаленной Западной Сибири. М. В. Горелик предполагает, что «венгры, прикочевав в Восточную Европу, представлялись новым соседям не своими, никому не известными прозваниями, а славными именами своих неожиданных союзников-побратимов («анта») – кабар, которое «было совершенно в традициях кочевников» (Горелик 2002, 27).

ных пределов этой державы и далее через Кавказ попасть в персидские владения в Закавказье.³⁵

В средневековой Венгрии всегда помнили о приходе первых венгров из евразийских (восточных) степей. Из устных старых преданий знали, что там осталась другая часть родственного им мадыарского населения. В гл. 38 «Об управлении империей» приведен рассказ, как я уже сказал, о причинах раздела мадыар на западных и восточных, источником которого послужили сведения, полученные от самих мадыар. *«Когда же меж турками (мадыарами – А. К.) и пачинакитами, тогда называвшимися кангар»³⁶ (Кáгуар), состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу».*³⁷ Эта информация подтверждается венгерскими источниками. К. Багрянородный продолжил повествование так: *«к вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания».*³⁸ По всей вероят-

ности, такие контакты в первой половине X в. между западными и восточными мадыарами еще были. Мадыарские информаторы византийского императора говорили об этих связях, как регулярных отношениях, осуществлявшихся из той и другой стороны. Причем «ответные послания» с востока передавались, более чем вероятно, не только устно, но и письменно.

События, связанные с разделением некогда единого мадыарского народа, произошли, вероятно, как более логично доказывается, не в причерноморском районе, а намного восточнее, в урало-казахстанских степях под напором тех же печенегов, огузов, кимаков. Если ориентироваться хронологически, то это относится к рубежу VIII – начала IX веков. Возможно, процесс разделения занимал более длительное время, чем принято считать, и начался раньше в Поволжско-Уральском междуречье (или восточнее этого региона?) и продолжался несколько лет или даже десятилетий. Чем дальше уходила на запад эта ветвь мадыар, тем менее поддерживались связи между ними и оставшимися на востоке мадыарами. Причем западные и восточные ветви мадыаров помнили долгое время, после разделения, о существовании двух ответвлений этой древней этнической общности на уровне преданий, сказаний и другой вербально переда-

³⁵ М. И. Артамонов почти полвека назад отмечал, что, вероятно, автор *«смешал мадыар с савирами, которые много раньше, не только IX, но и VIII в. действительно проникли в Закавказье и, поселившись там, стали известны под именем севордик (савардиев), причём название это распространялось и на позже появившихся в Закавказье хазар. Савиры, как мы видели, происходили из той же среды, что и мадыары и это могло послужить поводом считать тех и других частями одного народа»* (Артамонов 1962, 349). В этой связи В. П. Шушарин совершенно правильно заметил, что *«в Персии мадыароязычный этнос неизвестен, а в двух других регионах восточнее Северного Причерноморья, где локализуется мадыар ал-Джайхани, средневековые памятники зафиксировали мадыароязычное население: в 1235 и 1237 гг. в бассейне одного из левых притоков средней Волги (на территории т.н. Великой Венгрии, о расположении которой существуют различные мнения...) жило население, понимавшее язык придунайских мадыар и сохранявшее предание об общем с ними происхождении; в начале сороковых годов XV в. францисканцы безуспешно пытались обращать в католичество в верховьях Дона, мадыароязычное население»* (Шушарин 1997, 112; об этом более подробно см.: Шушарин 1997, 157–166). М. В. Горелик, анализируя эту проблему в ракурсе своего интереса, также пришел к выводу, что император, *«передавая рассказ о переселении части «савартойасфалой»... ошибочно связал это с известным ему фактом недавней истории венгров — печенежским погромом. Так что никаких венгров IX в. в Персии искать не стоит — там с VI в. жили савиры»* (Горелик 2002, 29). Эта ошибка средневекового писателя привела многих ученых к поиску мадыар в Иране.

³⁶ Кангары (кенгерсы – древнетюркских рунических памятников) – древние насельники страны Канга (Кангх), расположенной в среднем и нижнем течении р. Сырдарья со столицей Кангу-Гарбан. Кочевники-кангары объединили вокруг себя союз печенежских тюркоязычных племен и уже во главе них мигрировали в степи Восточной Европы. Сведения источника о «пачинакитах» (печенегах), «тогда называвшимися кангар», позволяет относить это известие к более раннему времени, ориентировочно к VIII–IX векам. В этот период печенеги и мадыары, видимо, еще жили рядом в азиатской части, на территории западного Казахстана. Представляется допустимым такая трактовка данного сообщения.

³⁷ Константин Багрянородный 1991, 159–161.

³⁸ Константин Багрянородный 1991, 161–163.

ваемой межпоколенной информации. Эти устные сведения (очень консервативные по своей сути) о прошлом имеют, как правило, очень существенное значение при анализе первоначального периода этногенеза народа.³⁹

Отмеченный выше российский исследователь XIX в. Д. А. Хвольсон, систематизировавший сведения о раннесредневековых мадьярах, выдвинул гипотезу, согласно которой этнонимы мадьяр (маджар) и башкир (башгард) очень близки и имеют общие истоки. Изначальной формой этого слова был термин «Баджгард», который показал определенную эволюцию:⁴⁰

Башгард	Баджгар
Башкард	Моджгар
Башкарт	Маджгар
Башкерт	Маджар
Башкирт	Мадьяр
Башкир	

В данной реконструкции, не совсем понятно, как буква «б» превратилась в «м». Его точка зрения до сих пор копируется везде и «кочует» из работы в работу, став для определенного круга исследователей «глубокой старины» фактом неоспоримым. Признавая некоторые доводы Д. А. Хвольсона и других исследователей об этнической близости мадьяр и башкир средневековья, в то же время следует указать, что эти термины никак не связаны между собой в филологическом (лингвистическом и понятийном одновременно) отношении и имеют различный смысл и несут, соответственно, разное содержание.

Слово «мадьяр» (медьер) лингвисты выводят из финно-угорского праязыка от формы мадь/медь, в значении «мужчина, человек, говорящий человек». По мнению башкирского этнографа Р. Г. Кузеева⁴¹ со ссылкой на исследование J. Lotz,

изданное в 1956 г., указывается «три слова из семейства *madyar*»: 1) *mod'er* – как страна мадьяр; 2) *mod'ar* – антропоним (имя вождя); 3) *med'er* – в этнонимическом смысле. Причем корень *mod* относится к стране или венграм вообще, а *med* является основой названия (этнонимом) племени, имя которого становится названием народности венгров.⁴² С точки зрения историка-лингвиста В. В. Напольских «самоназвание венгров *madyar* < **mazar* (равно как и древневенгерское племенное название *megyer* < **mezer*) восходит к композиту **manс-ar* / **menс-r*, первый элемент которого имеет по крайней мере праугорское происхождение – ср. манс. (юж.) *manсі*, (сев.) *man si* ‘манси’ (самоназвание), хант. (вост.) *mant'*, (сев.) *mas* ‘мось’ (название фратрии обских угров), а второй, скорее всего, восходит к тюркскому корню **ag* – ‘муж, мужчина’.⁴³ Это очень важный, на мой взгляд, и принципиальный вывод, т.к. он правильно указывает на смешанное (неоднородное) происхождение как этнотермина (самоназвания) «мадьяр», так и на сложный этнический состав средневековых мадьяр, включающий как угорские компоненты, так и тюркские этноэлементы уже на раннем этапе мадьярского этногенеза. Думается, что выявленная «дуальность» (если так можно сказать) семантического содержания этнонима «мадьяр» (древ. «медьер»), «*mod*», «*med*» (угор.) + «*ag*» (тюрк.) могла произойти только на начальном этапе мадьярской истории, так как это самоназвание мадьяры затем принесли в Европу и стали со временем известны соседним народам. Слово *ар/эр/ир*, считают тюркологи, было заимствовано тюрками из иранских (шире индоевропейских) языков на рубеже хуннской и древнетюркской эпох в середине I тыс. нашей эры, когда активно происходило языковое взаимодействие иранских

³⁹ Об этом мне уже приходилось писать (Кушкумбаев 2007, 131–137), но в настоящей работе дано более развернутое изложение затронутого аспекта.

⁴⁰ Хвольсон 1869, 114.

⁴¹ Кузеев 1974, 127.

⁴² Далее Р. Г. Кузеев продолжил мысль: «как могло происходить развитие угорской этнонимии в условиях Поволжья и Приуралья? На этот вопрос можно найти ответ в исследовании Д. Немета, который также различает формы *тодуар* и *тодуер*. Развитие обоих вариантов, по словам Д. Немета, «мы наблюдаем в древней России». Из варианта *тодуар*, который имел древневенгерскую форму *тоžer* (соответственно — *можар*, *мажар*), из варианта *тодуер* развивается *теžer* и далее *ti(š)žer* и *tišar*» (Кузеев 1974, 127).

⁴³ Напольских 2002, 246.

и тюркских языков. Причем именно к этому периоду как раз относится и появление этнонима «мадхар», «мадьяр»,⁴⁴ что позволяет, следует отметить, аргументировано относить ранних мадьяров к числу народов Евразии, этнокультурно (или этногенетически?) связанных с древнетюркским сообществом племен.

Выдвинутое положение еще раз подтверждает давние и обоснованные выводы этнографов и этнологии, что односоставных этносов (или проще говоря, чистых этнических групп) нет и не было, особенно (или в частности) на территории евразийских степей древности и средневековья. В условиях доминирования кочевого типа экономики проживавших здесь народов и соответствующего ему мобильного образа жизни с разнообразными контактами (политическими, этническими) практически невозможно было сохранить «этническую чистоту». Протекавшие этнокультурные процессы нельзя трактовать однозначно и только как однолинейное эволюционное развитие в одном направлении – мега-тенденции сложения народа на базе одного-двух этноязыковых групп. Живая этногенетическая практика может, несомненно, оказаться намного сложнее тех схем и концепций, выдвигаемых специалистами, порой сильно увлеченных собственными гипотезами и построениями и иногда такое мировоззрение (подход) вообще в своем «логическом развитии» доходит до того, что не принимает рациональные доводы других исследователей.

Возможно, я выскажу мысль несколько «банальную» и на первый взгляд, принимаемую большинством этнологов и историков с теми или иными оговорками. С моей точки зрения, по отношению к этнополитическим объединениям древних и средневековых кочевников Евразии понятие «этнос», выработанной этнологической теорией XX в., вряд ли применимо в полном смысле этого (заметим в большей степени научного) термина, т.к. существует и употребляется в исследовательской практике множество определений, бытующих в этнографической и другой

литературе. На сегодняшний день нет пока универсальных дефиниций, раскрывающих понятие этноса, которое бы устраивало всех, особенно тех, кто профессионально и целенаправленно занимается разработкой этнических аспектов (проблемой этногенеза) исторического прошлого. Одновременно следует обратить внимание на то обстоятельство, что в поликомпонентной этнономенклатурной иерархии тюркских и монгольских народов функционировало (использовалось) собственная внутренняя клановая (родоплеменная) классификация, которая надо отметить по своим принципам и таксонам не всегда совпадает с подходами этнографической науки. При этом, она также находилась под влиянием исторической динамики.

Приблизительно в начале или первой половине IX в. раннесредневековые мадьяры (венгры), как давно обоснованно считается, оторвались от своего исходного (главного?) «этноколлектива», обитавшего где-то на Востоке, или, условно говоря, ведущего базового этнического «ядра». Вопрос о восточной прародине древних мадьяр дискутируется уже много лет, начиная с XVIII–XIX вв. Выдвигались и до сих пор появляются множество гипотез, точек зрения, концепций среди исследовательского корпуса по этой неоднозначно понимаемой и интерпретируемой проблематике. В небольшом историческом экскурсе почти невозможно охватить все представленные и изложенные за два века теоретические концепции и доводы, имеющиеся в историографии по этой сложной теме. Для этого надо сделать специальное исследование, посвященное этой тематике по отдельным аспектам. Обнадёживает, что такие исследования стали появляться в последнее время именно среди венгерских (мадьярских) историков.⁴⁵

Вместе с тем, теперь можно отметить, что вопрос о восточном (можно сказать евразийском) происхождении западных мадьяр (венгров), попавших в центрально-европейскую Паннонию, не вызывает сомнений у большинства специалистов. И. А. Антонов «в своей статье» на эту

⁴⁴ ЕРЕМЕЕВ 1970, 133–134.

⁴⁵ ДЬЕНН 2007, 28.

проблему выделяет три района существования этнонима «мадьяр», включая и производные от этого названия: 1) Приуралье IX–XIII вв; 2) урало-казахстанские степи, периода существования Золотой Орды и других поздних государств XIV–XVI вв; 3) Волго-Окское междуречье XIV–XVI вв.⁴⁶ Такое районирование этнонима мадьяр в подобных хронологических пределах вполне допустимо.

Как теперь становится понятно, восточные мадьяры были исторической реальностью средневекового периода и проживали восточнее реки Волги в направлении Уральских гор (урало-казахстанских степей), что не вызывает особых возражений. Арабские и персидские авторы XI–XIII вв. сообщают, как о восточных, так и западных мадьярах и соответствующих топонимах: «Maggarī», «al-Maggarīya», «bilad Basgird wa Magar» – обозначение народа и страны, «al-Magar» – название города на Северном Кавказе, которые фиксируют их продвижение с востока на запад. Что же происходило с мадьярами (маджарами), которые продолжали оставаться на востоке в IX–XI вв.? Письменные данные этого времени очень скудны и фрагментарны по своей информированности. Тем не менее, такие отрывочные сведения в источниках встречаются, хотя и позднего происхождения.

В «Родословной туркмен»⁴⁷ хана хивинского Абу-л-Гази приведен увлекательный легендарный этногенетический рассказ о происхождении кыпчаков, в котором упоминаются наряду с другими народами и маджары, локализуемые им в районе Итиля и Дона. Когда Кыпчак вырос и стал джигитом, сообщает это древнее тюркское повествование, то «Уруссы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились [против Огуз-хана].

*Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал [его] в те края, на берега Тина и Итиля. Триста лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки – его потомки».*⁴⁸ Как следует из исторической логики этого рассказа, «маджары и башкурды», которые, надлежит вновь обратить внимание, четко разграничиваются между собой, вошли в соприкосновение или состав кыпчаков. Тем самым, маджаро-кыпчакские связи и контакты, если расширенно и обобщенно толковать эти отношения, уходят в домонгольскую эпоху. Вероятность такого объяснения ранних этнических взаимоотношений маджаров и кыпчаков, относящихся к X–XI вв., на мой взгляд, высока и реалистична. К такой интерпретации маджаро-кыпчакских взаимосвязей, в частности, склонен известный специалист в области средневековых кочевнических древностей Евразии С. Г. Боталов.⁴⁹ А Б. Е. Кумекон определенно пишет, что в VIII – начале IX вв. «в области Южного Урала кыпчаки находились в непосредственных этнополитических и этнокультурных контактах с отдельными группировками маджарских племен», а в предмонгольскую эпоху отдельные их части были инкорпорированы в кыпчакскую конфедерацию,⁵⁰ что подтверждается, по его мнению, генеалогией рода кыпчак Среднего жуза казахов.⁵¹

Страна и народ (не исключено, что какая-то их отдельная часть) восточных маджар существовали или точнее жили, вполне вероятно, независимо, в волжско-приуральском регионе, юго-восточнее Волжской Булгарии, вплоть до монгольского завоевания. Была ли у них в этот период государственность, сказать трудно. Как известно, после всемонгольского курултая, состоявшегося в 1228 г., где был избран кааном

⁴⁶ Антонов 2009, 63.

⁴⁷ Кононов 1958, 43–44.

⁴⁸ Похожая легенда о происхождении кыпчаков встречается у Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин 1952, 84) и в шежире башкирских кыпчаков (Кузеев 1974, 171), что является показателем ее историчности.

⁴⁹ Боталов 1995, 76–80.

⁵⁰ Половецко-куманско-маджарские взаимосвязи развитого средневековья, в том числе этнонимические параллели родоплеменного состава между куннами Венгрии и кыпчаками Дашт-и Кыпчака, подробно разобраны в этой специальной статье Б. Е. Кумекова. Это избавило меня от рассмотрения этого более известного и ставшего традиционным в тюркологии аспекта кыпчакско-маджарских взаимоотношений. Поэтому я отсылаю интересующихся к данной работе автора (Кумекон 2008, 29–44; а также Малышев 2003, 76–83).

⁵¹ Кумекон 2008, 33–34.

(хаганом) третий сын Чингиз-хана – Угэдэй, монгольские войска были отправлены на запад евразийских степей. Именно об этой стране мадьяр говорит автор «Тайной истории монголов» 1240 г. сообщая в § 262, что Субэдэй-бахадур был отправлен на запад (в тексте на север) покорять одиннадцать народов и стран: «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат)» и должен был, перейти через многоводные реки «Идил и Аях» (Волга и Урал). Из этих сведений становится ясно, что страна восточных мадьяр называлась по-монгольски «Мачжарат» (Madžar(at)), т.е. «мачжар» – этноним, а окончание «ат» – множественное число. Следовательно, здесь совершенно ясно имеется в виду страна и народ мадьяр. Долгое время считалось, что под этим названием подразумевается Венгерская Паннония, но дело в том, что монгольские войска, появившиеся в Волго-Уральском регионе во второй половине 20 – начале 30-х гг. XIII в. не ставили тогда военно-стратегической задачи по завоеванию далекой от этого района территории Венгерского королевства. Основная цель монгольских отрядов в этом регионе – покорение местных народов кыпчаков, башкир, мадьяр, болгар, саксинов и др. В другом параграфе этого ценного источника опять говорится о тяжелой борьбе монгольских завоевателей с этими странами: «так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а именно «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Асут, Сесут, Мачжар» и др.⁵² В этих описаниях не должно смущать то, что здесь указаны и западные земли, находившиеся далеко от Волги (например, Киев), т.к. это произведение по внутреннему художественному жанру больше тяготеет к богатырскому сказанию и в одном контексте здесь упомянуты все покоряемые народы, жившие на западе. Эти сведения косвенно подтверждаются несколько запутанной инфор-

мацией джучидского историка Абу-л-Гази о завоевании земель «маджаров и башкурдов».⁵³

То, что мадьяры оказывали упорное сопротивление монголам, сообщает и брат Юлиан (Julianus barát) – венгерский монах ордена доминиканцев, посетивший этот район проживания восточных мадьяр в 1236 г. накануне монгольского нашествия. За несколько лет до поездки Юлиана, приблизительно в 1231–1232 гг., начался поиск оставшихся на востоке мадьяр, которые «все ещё остаются в заблуждении неверия», предпринятый четырьмя монахами-доминиканцами. Как следует из письма брата Рихарда, трое из них в пути погибли, но четвертый, «священник Отто», в одной из областей отыскал людей «[говоривших] на том языке» и получил сведения от них о пути в эту страну. Вернувшись в Венгрию, он планировал подготовить новую экспедицию и еще раз совершить путешествие к восточным венграм, но умер через восемь дней после прибытия, тем не менее, успев рассказать собратия о своем открытии.⁵⁴ Розыски восточных мадьяр опирались на достоверные известия старых венгерских исторических хроник о существовании древней «старейшей» Венгрии – «*Maior*», располагавшейся на востоке, откуда пришли предки дунайских венгров.

Юлиан, как сообщает источник, был отправлен в составе группы из четырех братьев, в далекие земли на поиски именно восточных мадьяр (древних соплеменников). В одном из городов Волжской Булгарии, скорее всего, находившемся на востоке или юго-востоке этой державы, он встретил мадьярскую женщину, которая в ходе разговора показала ему путь на ее родину. Вот как это описано в самом источнике: «*В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, пятьдесят тысяч бойцов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал. Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он,*

⁵² Козин 1941, § 262, § 270.

⁵³ Абуль-Гази-Багадур-хан 1996, 99, 103.

⁵⁴ Аннинский 1940, 77.

без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль». ⁵⁵ Эта местность проживания мадьяр находилась недалеко, как следует из текста. Хотя, следует признать, что под понятием «две дневки», как справедливо отмечено в литературе, надо понимать не буквально двое суток, а гораздо больший промежуток времени, возможно, равный шести–восемью дням пути. Под рекой Этиль здесь подразумевается не Волга, а один из его притоков, возможно, река Белая, которая называлась по-башкирски «Ак-Идель». Однозначно и ясно, что, страна восточных мадьяров находилась за рекой Едиль, Атиль, Итиль (Волгой). Следуя указанным путем, Юлиан действительно обнаружил своих далеких сородичей, изъяснявшихся с ним по-венгерски (на мадьярском языке). Встреча с восточными мадьярами, в какой-то мере, оправдала его надежды. В изложении источника это выглядело так: *«Те, увидев его и узнав, что он венгр, не мало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениями старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере, и о прочем, они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский, и они его понимали и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают! Едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли*

победить их на войне, наоборот в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств». ⁵⁶ Таким образом, подтверждается информация монгольского источника об ожесточенном сопротивлении, оказанном завоевателям с востока и подчинении им восточных мадьяр. По образу жизни они были обычными кочевниками: употребляли, как видно из рассказа, в еду конское мясо и «лошадиное молоко» (кумыс). Самое главное, на это следует обратить внимание, мадьяры не возделывали землю, т.е. не были земледельцами, были хорошо вооружены и имели достаточное количество коней. Все это позволяет относить восточных мадьяр к кругу кочевых или полукочевых народов этого региона. Несомненно, мадьяры помнили об ушедших западных сородичах. Как долго длилась война монголов с мадьярами, мы точно не знаем. Из рассказа можно понять, что военные действия продолжались несколько лет, возможно около пять – шесть лет в промежутке с 1229 по 1235 гг. или более 10 лет. ⁵⁷ Добровольное (точнее вынужденное) подчинение мадьяр монголам произошло, как следует из контекста повествования, накануне приезда брата Юлиана. Военские подразделения восточных мадьяр стали неотъемлемой частью монгольской (необходимо сказать «интернациональной») армии, разверстанной по десятичной системе, и, вполне понятно, на правах военных союзников новых хозяев степи, приняли самое активное участие в военных действиях против соседних государств и народов.

Восточные мадьяры были задействованы в военных кампаниях монголов и составляли заметный военный компонент вооруженных сил

⁵⁵ Аннинский 1940, 82.

⁵⁶ Аннинский 1940, 82.

⁵⁷ Ранее я считал, что это война длилась около 10 лет, но есть и другие интерпретации. Основная военная цель монголов в волго-уральском междуречье, по версии Л. Н. Гумилева, это окончательный разгром кыпчаков (половцев), но этническим препятствием для достижения этого была «Великая Венгрия». Монголо-мадьярская война (Л. Н. Гумилев называет ее «монголо-башкирская», подразумевая под «башкирами» восточных «венгров») продолжалась 14 лет, с 1220 по 1234 годы. Восточные венгры («башкиры») в начале «выигрывали сражения», но в конечном итоге заключили с монголами «договор о дружбе и союзе» и объединились с армией завоевателей, усилив ее военный потенциал. Этот фактор, а также характеристика, данная Юлианом восточным венграм, показывают повышенный уровень пассионарности у мадьяр в сравнении с другими соседними народами. Эта полученная пассионарность результат произошедшего до этого хунно-угорского симбиоза и смешения (Гумилев 1993, 459–460). Для меня все же более вероятно, что военные действия между монголами и восточными мадьярами проходили «в начале 20-х – первой половине 30-х гг. XIII в.

Чингизидов в конце XIII в. Об этом сообщает такой авторитетный автор как Рашид ад-Дин, подробно описывая численность войск царевичей Джучидов. Персидский историк особо отмечает, что «*большая часть войск Токтая и Баяна [конец XIII – начало XIV вв.] есть потомство [насл.] этих четырех тысяч [монголов], а что прибавилось [к ним] за последнее время, то из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним*».⁵⁸ Общеизвестно, что Токта был ханом Золотой Орды в 1291–1312 гг., а Баян – потомок первого сына Джучи – Орду (Ичена, Иджана) правил на территории Казахстана и был одним из владельцев (или главой) Кок Орды – восточное крыло Улуса Джучи в это же время. Здесь также надо обратить внимание на то, что «маджарские» войска перечислены сразу за «кипчакскими». Такой порядок перечисления допускает считать какую-то близость или связь между ними. Между тем, указывает ли это на действительный военный статус воинских подразделений джучидских войск по этническим наименованиям, ответить однозначно нельзя, но их действительное присутствие в структуре вооруженных сил Золотой Орды в это время не подлежит сомнению.⁵⁹

Монголы, завоевав территорию Дашт-и Кыпчака, и прилегающую западную часть Евразии, распределили все подчиненное им кочевое население по крыльевой и улусной системе, прикрепив всех боеспособных (прежде всего мужчин) к введенной им десятичной структуре, для отбывания воинской повинности. Такая военно-организационная модель существовала долгое время и коренным образом изменила этнополитическую ситуацию в завоеванных землях так, что подвластные номады неоднократно реорганизовывались и переподчинялись завоевателями. В дальнейшем родоплеменные группы и их во-

инские подразделения по воле золотоордынских властителей постоянно дробились, особенно в XIV в., делились, перераспределялись и переселялись с запада на восток, с юга на север и обратно и т.д. Кочевые и даже оседлые подданные должны были следовать за своими улусными владельцами в любом направлении. Именно в монгольский период начинается (или возможно уже продолжается) тюркизация какой-то группы маджарского населения, т.к. совершенно очевидно, что в Улусе Джучи (Золотая Орда) основная часть населения была представлена тюркоязычными племенами как степного Дашта, так и этногруппами пришедшими в ходе монгольских завоеваний с Востока из Центральной Азии. Сами «монголы» (если быть более правильнее, выходцы с центрально-азиатской территории), как следует из источников, достаточно быстро тюркизировались в местной этнической среде, но, тем не менее, сохраняли неизменно свои племенные, родовые самоназвания и даже характерные черты материальной культуры и языка вплоть до XIV в.

В сочинении ибн Фадлаллаха ал-‘Умари указаны народы населявшие Золотую Орду среди которых упоминаются кыпчаки, черкесы, русские, асы, маджары «и живущие по соседству с ними разно племенные народы, населяющие Север». В этом произведении маджары, наряду с другими, отмечены дважды.⁶⁰ Ибн Батута, путешествуя по золотоордынским владениям, останавливался в известном городе Маджар – одном «из лучших тюркских городов». В числе выходцев из стран подвластных золотоордынским ханам и попавших в Мамлюкский Египет В. Г. Тизенгаузен отмечает имя ал-Маджари (букв.: «Маджарец»)⁶¹ Этноним «маджар» присутствует в надмогильном камне волжских болгар датированном 1311 г.⁶² Все эти разрозненные

⁵⁸ Рашид ад-Дин 1952, 275.

⁵⁹ Известный исследователь военной истории древних и средневековых кочевников Евразии М. В. Горелик в устной консультации пояснил, что воинский корпус золотоордынских войск, состоящий из маджаров, как раз находился в г. Маджар. Этот город имел стратегическое значение в XIII–XIV вв., так как прикрывал опасное для Золотой Орды северокавказское направление в период перманентного военного противостояния с государством Хулагуидов (иранские монголы).

⁶⁰ Сборник материалов 2005, 184, 173.

⁶¹ Сборник материалов 2005, 215, 20.

⁶² RÓNA-TAS 1986, 78–81.

данные позволяют считать, что маджары прочно входили в этноструктуру золотоордынского общества и занимали приметные позиции. Были ли они тюркоязычны или угрозязычны в монгольскую эпоху? Ответить сразу довольно трудно. Не исключено, что маджары стали двуязычны,⁶³ хотя процессы языковой ассимиляции и переход на тюркский (кыпчакский) язык среди кочевого населения приняли в золотоордынских улусах необратимый характер. Угрозязычное маджарское население сохранялось в западных районах (среднее Поволжье, Дон) поздней Золотой Орды до XV–XVI вв. и достоверная информация об этом есть. Их дальнейшая судьба неизвестна, т.к. источники о них ничего не говорят. Именно отсутствие упоминаний о них, по-видимому, побудило исследователей считать, что все восточные маджары «пропали» или «слились» с окружавшими их народами.⁶⁴ По данным известного казанского археолога Е. П. Казакова выделенные им чияликские памятники, локализуемые от восточных районов Татарии до западных склонов Урала, и соотносимые с населением угорской общности – «страна паскатири» в XII–XIV вв., южнее граничившая с кыпчаками. Позднее, «это население кочевало и

на территории чияликских памятников, ассимилировав здесь остатки угорского населения».⁶⁵ Под «страной паскатири» подразумевается территория «Великой Венгрии», а это значит, что продолжительные этнические контакты между восточными (волго-уральскими) маджарами и даштскими кыпчаками имели место в период развитого средневековья, а конкретно в золотоордынское время.

Этническая пестрота золотоордынского кочевого населения не вызывает особого удивления и подтверждается археологическими данными и антропологическими исследованиями последнего времени. Своеобразие «этнического котла» в Золотой Орде, очевидно, заключалось в том, что и автохтонное (ранее проживавшие этнические группы) и пришлое (мигранты) население, проходя через монгольскую улусно-удельную систему, в течение второй половины XIII–XIV вв. стали постепенно составлять более или менее единые этно (-родо) компоненты, составные части которых «склеивались» (складывались) из различных племенных групп, создавая новые кланы или группируясь вокруг общего названия. Все это привело к существенной трансформации складывавшейся этноплеменной системы.⁶⁶

⁶³ Такой прецедент в ранней истории маджар был, когда в их состав вошли три племени кабаров (Кабарои, Kiabar) тюркского происхождения, которые, «бежав, пришли и поселились вместе с турками [маджарами] в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар; сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок» (Константин Багрянородный 1991, 163). Возможность такой билингвистической ситуации (кабаро-маджарского или тюрко-венгерского двуязычия) допускается рядом языковедов, хотя есть и противники таких соображений. Кабары подняли восстания против центральной власти в Хазарском каганате в 30-х гг. IX в. (другие даты более широкие 799–843 гг.) и, потерпев поражение, ушли к венграм. Этимология этнонима «кабар» предложенная О. Прицаком восходит к общей тюркско-болгарской форме «qıabar» и его производным формам «Yowar», «Qawar» (Голь-Прицак 2003, 55). Существует значительная научная литература о кабарах (Эрдели 1983, 174–181; Lewicki 1988, 77–87; Цукерман 1998, 671–672 и др.).

⁶⁴ Этнологами такое явление известно давно: «Нередко основная часть этноса сохраняет традиционный язык, а отделившаяся этническая группа, живущая в инонациональном окружении, переходит на язык этого окружения, не теряя своего этнического самосознания» (Бромлей–Подольный 1990, 26) и самоназвания.

⁶⁵ Казаков 1997, 44, 56, рис. 10.

⁶⁶ По меткому и удачному выражению казахского историка С. М. Акимбекова «в монгольскую эпоху вступают одни народы, а выходят из нее совсем другие» (Акимбеков 2011, 35). В империи Чингизидов формирование крупной военно-организационной единицы «тумена» базировалось на основе разноплеменных групп. В то же время, на уровне «тысячи» их комплектование шло путем привлечения больших племен и родов, могущих выставить тысячные отряды, так и за счет «сотен» смешанного происхождения. По мере разрастания раннего государства до уровня мировой империи военно-политическое руководство, вследствие расширения военных кампаний на евразийском континенте и, соответственно, закономерном росте воинских континентов за счет лояльных, насильственно мобилизованных племен и народов, стало отходить от комплектования вооруженных сил по кланово-родственному принципу. Создание новых «десятков», «сотен», «тысяч» и «десятитысячных» отрядов шло за счет разноязычной массы. В перспективе такой военно-организационный «замес» привел к тому, что в армии численность монголов (выходцев с территории Центральной Азии и Монголии) не только уменьшилась, но и практически оказалась «распыленной» среди этой разнородной массы. Несмотря на все эти пертурбации и политические модернизации монгольского времени, «родовой быт» кочевников во главе с

На верхнем и среднем этажах «племенной» макроиерархии такие кланы не были кровнородственными, а объединялись на уровне (степени) мнимогенеалогического родства, посредством общего генеалогического древа. Это выражалось в наличии единого «шаджра, шежира» (родословия) для всех родовых групп, входящих условно в иерархию более высокого порядка. На низшем уровне такой этнополитической пирамиды близкородственные семьи или группы могли сохранять свое самоназвание и придерживаться традиционных привычных патрилинейно-патронимных связей внутри. Такая схема формирования племенных групп действовала и позднее в кочевой среде евразийского этнокультурного ареала.

Что же произошло с оставшимися восточными мадьярами, которых в восточных источниках стали давно называть «маджарами», в монгольский период? Могли ли они просто исчезнуть, «раствориться» и перемешаться в мощном и многочисленном «тюркском море» степного Дашт-и Кыпчака? Естественно, какая-то часть оказалась распыленной среди тюркоязычных кочевников, и, фактически, слилась с ними, также, как и та часть половецких (куманских) племен, оказавших упорное противодействие монгольским захватчикам, либо была физически истреблена, а остальная влита в структуру новых родов и кланов, утратив свое самоназвание. При всей кажущейся очевидности ассимиляционных процессов в кочевой среде этот вопрос не исследован в такой мере, чтобы можно было понять внутренний механизм и ход этого непростого явления. Другие, сохранив прежние родовые этнонимы, становятся частью (элементами) монгольской улусно-племенной системы. Так, вероятно, произошло и с мадьярами (маджара-

ми), разбросанными со временем на огромных просторах степного Дашт-и Кыпчака в бурную золотоордынскую эпоху. Свидетельство Рашид ад-Дина, цитированное выше, является ярким тому подтверждением: маджарские отряды (естественно, их кланы), распределенные между монгольскими огланами (царевичами) и военачальниками, кочуют вместе с другими номадами отдельными «элями», «уруг(к)ами» (позднее обозначение «ру» – род), составляя вместе единое улусное войско сюзерена-властителя. Это подтверждается этническим (вернее родоплеменным) составом Улуса Джучи XIV–XV вв. Известный исследователь Т. И. Султанов приводит список таких кланов (более 60), в числе которых упоминаются и маджары.⁶⁷

Списочный состав даштских племен и родов 1430–60-х гг. известен по сочинению Масуда б. Осман Кухистани, а также из традиционного перечня 92 узбекских племен «Илатийа» по «Тухфат ат-таварих-и хани», составленному позднее, в XIX в. В этом списке четко зафиксирован этноним «маджар» и, что опять же примечательно, здесь же указан и род «башгырд», но отдельно. Из дополнения к этому перечню, записанному авторитетным этнографом С. М. Абрамзоном, узнаем наличие «узбекского» рода маджар.⁶⁸ Маджарский клан находился в подчинении Шейбанидских (правильнее Шибанидских⁶⁹) огланов (царевичей), Абу-л-Хайр-хана и его преемников. В сочинении «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» изложен эпизод ожесточенного сражения в степи, в ходе которого «Шайх Мазид-бахадур из омака⁷⁰ маджар поразил двумя стрелами Бурундук-хана» казахского.⁷¹ В династической истории Шейбанидов (Шибанидов) Средней Азии «Нусрат наме» («Книга побед») приведено название рода маджар. В сочинении

«традиционными» (фактически, после окончания завоеваний, новыми) племенными лидерами показал гибкую устойчивость и, в конечном итоге, сохранился далее.

⁶⁷ Султанов 1982, 8; История Казахстана и Центральной Азии 2001, 235; Исхаков 2004, 34.

⁶⁸ Материалы по истории 2002, 232, 233.

⁶⁹ Потомков пятого сына Джучи – Шибана. У последнего было 12 сыновей, основные владения которых располагались на обширной территории средневекового Казахстана.

⁷⁰ Понятие «омак», по-русски означает то же самое, что и «племя», «род» (Материалы по истории Казахских ханств 1969, 494). В мусульманских источниках XV–XVIII вв. кочевые тюркские этноколлективы могли называться в форме «омак», «обак» или применялся равнозначный им термин «аймак» (Чингиз-наме 1992, 151).

⁷¹ Материалы по истории Казахских ханств 1969, 22.

среднеазиатского писателя Хафиз-и Таныша в числе тюрко-монгольских племен указан и клан маджар. О маджарах неоднократно говорится в книге Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар». В труде «Насаб-наме» есть также сведения о маджарах. Именно в такой огласовке «мажар» записан этот этноним.⁷² Отсутствии буквы «д» можно объяснить особенно-

поволжских степей Дашта, т.е. из центральных районов Орды. Во время набега ему удается угнать табун лошадей из 200 голов у некоего Бигазы из Кабарды. Во время погони Ер-Шобан, обращаясь к своему преследователю Бигазы, произносит речь, устрашая противника, в стихотворной форме и говорит следующее, перечисляя состав собственной дружины:

Байрақты жүре алдырған,	Есть еще батыр Коян – сердце отдал он походам,
Бастай қуып шалдырған	Зная у него в руках плещется перед народом,
Ісірібі тоқтастан	Не успеет бой начать, как повержен разом враг,
Артық туған мажардан Батыр Қоян және бар	Потому что сей храбрец из маджар отважных родом
	(пер. с каз. В. Цыбина)

стями произношения или написания этого слова у указанного автора. Более вероятно, также, что этот этноним так фонетически произносился в тюркоязычной среде даштских племен. Связь между этими двумя этнонимами и этниконами – «маджар» и «мажар», довольно прозрачна.

Маджарские группы, проживавшие в центральных и восточных улусах Золотой Орды, следует полагать, полностью были тюркизированы формирующимися кыпчакоязычными (ногаи, узбеки, казахи) этнополитическими объединениями кочевников Дашта, но сохранили, что, феноменально, древнее самоназвание.

Эти данные о роде маджар, реально существовавшем в Дашт-и Кыпчаке в эпоху поздней Золотой Орды во второй половине XV в., получили неожиданное подтверждение из устно-поэтического творчества казахских поэтов и жырау (сказителей) раннего периода (эпоха ногаев и казахов). В поэме «Ер-Шобан» («Богатырь Шобан») казахского (одновременно и ногайского) Шалкииз-жырау (годы жизни – приблизительно вторая половина XV – середина XVI вв.) приводится информация о походе этого батыра и его товарищей с дружиной на Северный Кавказ из

Кабардинец Бигазы, испугавшись этих угроз, решает немедленно повернуть назад, т.к. он понимает, исходя из завязки этого поэтического сюжета, что не сможет ничего сделать против воинственных личных обидчиков.⁷³

Как видно, здесь говорится о батыре Кояне из ногайского (тюркско-кыпчакского) рода маджар. Я хочу специально обратить внимание читателя на этом пассаже. Название рода приведено очень точно в форме «маджар» (мажар), именно в вербальной (живой) языковой (устной) практике. Исходя из этого, можно считать установленным, что это слово является обычной формой (способом) выражения или произношения этого этнонима в западно-тюркских языках (кыпчакская подгруппа), и это название отчетливо зафиксировалось в ногайском и казахском этнопонятийном глоссарии. На этом примере видно, что этнические понятия «мажар», «маджар» или «можар» абсолютно тождественны друг другу.

Маджары входили в этнономенклатуру не только кочевых узбеков, но и соседних родственных им ногаев («Мангытский Йурт», Ногайская Орда), что следует из достоверных сведений. В. В. Трепавлов в своей фундаментальной мо-

⁷² АХМЕДОВ 1985, 13, 54, 71, 130.

⁷³ ПОЭТЫ ПЯТИ ВЕКОВ 1993, 49–51.

нографии по истории Ногайской Орды приводит наименования ногайских родоплеменных объединений «элей» (улусов), среди которых упоминает «Маджар» и название этого «эля», переданного в русских официальных документах XVI–XVII веков как «Можарское р.», где «р.» обозначает родство, род.⁷⁴ Из обобщенной «Истории Казахстана», посвященной средневековому периоду, известно, что в наиболее крупный кыпчакский клан Среднего жуза казахов кара-кыпчак входили, наряду с другими родовыми группами, «маджары (мадьяр) – кыпчаки»⁷⁵ (намеренно сохраняем такой вариант написания источника), кочевавшие в Тургайских и Ишимских степях Прииртышья (северо-западный, северный Казахстан) и оказавшие заметное влияние на соседние племена Западной Сибири.⁷⁶

В этой связи, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики версия о происхождении термина «мадияр» (якобы укороченное произношение этого названия) от личного имени «Мухаммад(и)яр» или «Мамадияр». В ходе этнографической экспедиции в места проживания мадьяр-кыпчаков пришлось отдельно расспрашивать аксакалов о возможном двухсоставном наименовании первоначального предка клана «Мадияра». Обычно, в таких случаях информаторы специально поясняют, что такой-то их предок был наделен прозвищем или обладал вторым полным именем. Сами мадияры, рассказывая о своем прошлом, не знают предка (эпонима) – основателя их рода под именем «Мухаммадьяр» или «Мамадияр», как, соответственно, производный от него сокращенный вариант этого имени, и проводят самоидентификацию только через

этнотермин «мадияр». Причем они, прежде всего, строго связывают себя с понятием «мадияр», а потом сообщают о втором (макро) уровне родоплеменной иерархии – кыпчак (кара-кыпчак), куда входит это родовое подразделение.

Более поздние записи родоплеменного состава казахов, в частности, кыпчаков, сделанные выдающимся российским этнографом конца XIX в. Н. А. Аристовым, показали, что действительно у кыпчаков акмолинского округа (Акмолинская область дореволюционного Казахстана) имеется родовая группа, отмеченная в форме «мадияр».⁷⁷ Возможно, именно с рубежа XVIII–XIX вв. этнотермин маджар передается в форме «мадияр» или «мадьяр». Этот переход, на наш взгляд, легко объясним именно в тюркских языках, т.к. буква «дж», «ж» свободно и без затруднений может трансформироваться в «и» или «і». Здесь же можно отметить, что форма «(й) и ар» и «д-жар» вполне взаимно заменимы между собой. Приведенные сведения о мадиярах четко коррелируются со сведениями экспедиции Ф. Щербины, занимавшейся обследованием степных областей Казахстана начала XX в. В 11-м томе (Омский уезд, Акмолинской области) этих важных материалов точно указан административный аул № 4, состоявший полностью из мадияров-кыпчаков.⁷⁸ Один из первых казахских историков М. Тынышпаев подготовил отдельно родословные таблицы казахских родов, из которых следует, что мадияры входили и были включены в родоплеменную структуру кара-кыпчаков подразделения Булгун → Орыс⁷⁹ → Мадияр. Там же отмечено наличие мадияров в составе Токал-аргынского рода Жогары-шекты.⁸⁰ Специальные этнографи-

⁷⁴ Трепавлов 2002, 502.

⁷⁵ Род с таким названием, как «маджар (мадьяр)», отмечен в Узбекистане в окрестностях г. Самарканда. Скорее всего, он по происхождению связан с мадьярами-кыпчаками казахского Среднего жуза.

⁷⁶ История Казахстана и Центральной Азии 1997, 154; Бояршинова 1960, 75.

⁷⁷ Аристов 1896, 379.

⁷⁸ Материалы по киргизскому землепользованию 1902, 10.

⁷⁹ Довольно интересно, как трактуется имя (или эпоним) «Орыс», «Урус» среди тюркских кочевников степного Дашт-и Кыпчака в востоковедной литературе. Так, слово «урус» – это фонетический вариант этнонима русский. Такая форма легко объяснима. Тюркским языкам чуждо инициальное р-, и слово русский приобрело огласовку и форму урус, орус, орыс; в источниках встречаются также формы арус, арс (алиф с маддой); последняя произносилась, видимо, как арыс. Имя или прозвание Урус было довольно широко распространено, по крайней мере, с XII в., среди тюркских беков и Чингизидов. Согласно толкованию исследователей наших дней, именем Урус обычно нарекали «светловолосого ребенка», – пишет Т. И. Султанов (Кляшторный–Султанов 1992, 198).

⁸⁰ Тынышпаев 1925, 69–70.

ческие экспедиции, предпринятые Институтом истории, этнографии и археологии Академии наук Казахской ССР в 50–60-е гг. XX в., только подтвердили местожительство и наличие в северных регионах Казахстана и сопредельных территориях Российской Федерации мадьяр (мадиар) в составе аргынов и кыпчаков.⁸¹

Будущие казахские мадьяры (мадиары) относительно поздно вошли в основной состав казахского народа, и, скорее всего, в XV–XVII веках еще входили более или менее компактно в ногайский и узбекский этнополитические массивы. Сохранились родовые предания мадьяр о приходе в казахские степи мадьярских кланов с юга или юго-запада со стороны узбекских Шейбанидов, что не исключает их проникновения также и с запада в более раннее время. Возможно, также, что мадиары уже в XVI–XVII вв. или чуть ранее в эпоху развитого средневековья находились в тесной связи с кыпчаками (или в их составе), проживавшими на территории Казахстана или сопредельных землях. Оторвавшись от своих основных кланов мадьяры (мадиары) безболезненно включились в новые для них трибальные структуры формирующейся казахской кочевой общности кыпчаков и аргынов, стабильно сохраняя собственное самоназвание в условиях инородного окружения. Подобных примеров из истории казахского «конгломеративного» этноса привести можно не мало. Как мне представляется, родовое название «мадиар» четко зарегистрировано в клановой структуре казахов Среднего жуза кара-кыпчаков и аргы-

нов, который можно связать с существующим этнонимом «мадждар».

В этнографической и востоковедной науке уже сравнительно давно степные исторические рассказы кочевников о своем прошлом весьма успешно привлекаются в качестве реальных (альтернативных или дополнительных) источников и называются «степной устной историологией» (сокр. «СУИ»), в такой аббревиатуре термин впервые введен выдающимся казахстанским востоковедом В. П. Юдиным). Кочевники Дашт-и Кыпчака передавали этот способ хранения и трансляции исторической информации термином «қара сөз» – древний сказ, старый рассказ. Таким классическим (эталонным) памятником СУИ является хорошо знакомое среди востоковедов произведение под условным названием «Чингиз-наме», записанное Утемишем Хаджи в середине XVI в.⁸² и представляющее собой собрание устно-исторических повествований о событиях в Улусе Джучи.

В ходе этнографической экспедиции летом 2006 г. в Русско-Полянский район Омской области одна из информаторов (мадьярка достаточно преклонного возраста) сообщила весьма интересную легенду, которую она слышала давно от старшего поколения о разделении их предков. В древности, когда-то мадьяры были единым народом, они жили в большой стране. Всего было 17 мадьярских племен. После большой войны с врагами этот народ разделился на две части – западных и восточных⁸³ (такой вывод вытекает из того, что отколовшиеся мадьяры отправились в

⁸¹ Муканов 1974, 58, 186–187.

⁸² Утемиш Хаджи 1992, 64–66.

⁸³ Один из разделов книги Константина Багрянородного, в котором впервые сообщается о разделении мадьяр на две половины – восточную и западную, поразительно похож на этот сюжет. Приведем этот отрывок полностью: «Когда же меж турками [мадьярами] и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателькузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов». И далее автор продолжает, что «через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания» (Константин Багрянородный 1991, 159–163). Комментируя это, действительно, судьбоносное событие мадьярской истории, В. П. Шущарин пишет: «Эта запись говорит о наличии у мадьяр середины X в. предания об общности судеб с их отколовшейся частью. Достоверность сведений этого предания, а, следовательно, реальных основ этого компонента этнического самосознания, подтверждается свидетельствами об обитании мадьяр восточнее Карпат после начала X в., когда основная

западном направлении [күн батқан жерге кетті], где заходит солнце). При этом семь или восемь племен из них ушли очень далеко от их коренного местообитания. Судя, по ее словам, мадьяры, которые покинули родину, с тех пор стали называться нашими предками термином «көк оғыз»⁸⁴ и живут там поныне, а оставшиеся племена (10?), т.е. «наши предки», сохранили название «мадьяр». Причем интересно, что ушедшие (западные) мадьяры, по ее словам, ведут свое начало (происхождение) от них (олар бізден тарайды) – этих (её) предков.

Можно сопоставить старые венгерские исторические предания,⁸⁵ из которых становится известно, что европейские венгры «произошли» от мадьяров, находящихся на востоке.⁸⁶ Сами восточные мадьяры говорили Юлиану: «По преданиям древних они (т.е. заволжские мадьяры) знают, что те венгры (дунайские) произошли от них, но не знали, где они».⁸⁷ Такие обнаруженные тождественные параллели и мотивы, присутствующие в исторической памяти (сознании) западных и восточных мадьяр и непосредственно указывающие на вынужденный распад (деление) древнего народа, можно считать большой удачей для любого исследователя. С другой стороны, выявленные сравнительно идентичные сведения отражают происходившую настоящую

действительность, в которой совершались исторические события, послужившие основанием для этих устных преданий.

В рассматриваемом здесь сюжете, что примечательно, существует аналогичное сообщение о бытовании такой легенды у казахских мадьяров в рабочих записях популярного в Венгрии и Казахстане профессионального тюрколога⁸⁸ И. Кобыра Мандоки: «*Ал қазақтарда мадиярларға деген ерекше бауырластық сезімнің өзіндік себебі, дәлірек айтсақ, ерекше назар аударатын негізі бар. Қазақтардың ру-тайпалық құрылымында саны аз емес, шамамен 100 000 жан өздерін мажар, маджар, албетте мадиар (madzsar, vagy mazzsar, illetöleg madjar) деп атайтын ру бар. Бұл рудын шығу тегі, шежіре мәселесін зерттеу бұған дейін жүрілмеген немесе мүлде беймәлім. Бірақ Қазақ Ғылым академиясының Әдебиет және өнер институтының қолжазба қорында осы рудың арасынан жиналған бірқанша шежірелік аңыз бойынша қазақ-мажар, дәлірегі мадиярлар бір кездері батысқа қарай ауған жұрттан бөлініп қалған бөлігі екен дейді өздерін. Бұл кішкентай ғана факт немесе деректің өзі ғана кәсіби маманға көп нәрсені айтып тұрғандығы сөзсіз, бірақ осы бағыттағы зерттеуді кенейте түсуді қажет етеді*».⁸⁹

их масса пришла в Среднее Подунавье» (Шушарин 1997, 157). Б. Е. Кумеков считает, что связь между восточными и западными мадьярами не прерывалась «почти в течение трех с половиной столетий. Оставшиеся на востоке мадьяры знали о своих сородичах, ушедших далеко на запад» (Кумеков 2008, 33–34).

⁸⁴ Дословный перевод с тюркского языка – «синий или голубой огуз», но что это значит? На мой взгляд, это является свидетельством древности этого предания. По мнению М. В. Горелика, «имя «угры», «оугры» венгры заимствовали у западноогузского тюркоязычного племенного объединения «огуры», из которого вышли и болгары, и хазары; этот факт вводил и продолжает вводить в заблуждение большинство ученых, ошибочно видящих в южнорусских степях для периода до X в. за термином «огур», «огор» венгров, а не западных огузов» (Горелик 2002, 27). Указывает ли на это на связь ранних мадьяр с западными огуро-огузскими племенами? Такая интерпретация вполне логически допустима, учитывая их этнополитическую и этнокультурную близость в это время. В этом предании, что характерно понятие «көк оғыз» является эндоэтнонимом, т.е. представлением тех, которые находились с ними в одной коллективной общности или взглядом изнутри (?) на это событие.

⁸⁵ Аннинский 1940, 77.

⁸⁶ Полный эпизод и соответствующий общий контекст описан в рукописи «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом» следующим образом: «Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господ, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но, где находятся, вовсе не знали» (Аннинский 1940, 77).

⁸⁷ Аннинский 1940, 82.

⁸⁸ Мандоки 2008, 245–246.

⁸⁹ «У казахов имеются причины по-особенному родственно относиться к мадиярам и для этого есть, надо сказать, серьезное основание. В родо-племенном составе казахов существует не менее 100 000 человек, которые относят себя к роду мажар, маджар, или имеют самоназвание мадиар (madzsar, vagy mazzsar, illetöleg madjar). Происхождение

Наверное, нетрудно сделать сравнение со сведениями приведенного выше мадьяр-кыпчакского предания и материалами письменных венгерских источников, которые совпадают в своей самой существенной канве: единый когда-то народ разделился на две части – западную и восточную. Не исключено, что в случае с информацией, приведенной И. Коныром Мандоки, мы имеем другой источник устно-исторической информации, но очень похожий на ту версию предания, которая зарегистрирована у омских мадьяров. Сходство сюжетов таких сообщений, содержащихся как в средневековых источниках, так и устных преданиях, позволяет говорить о реальности не только этого исторического факта раздела народа, но и постоянстве во времени самого исторического самосознания (СУИ), как фиксатора и хранителя информации о прошедших событиях.

Более того, подобные (но отдаленные по сюжету) предания о своем происхождении сохранились среди тургайских мадьяров в легенде о двух братьях Мадияре и Кудияре, которые жили в приволжских степях и затем отправились на Запад. Один из братьев *«Мадияр благополучно добрался туда, куда шел, а Кудияра в дороге схватили, убили, а тело расчленили пополам...»*.⁹⁰ Венгерский востоковед в ходе своих изысканий неоднократно обращал внимание на одну закономерность в содержании легенд, преданий, рассказов о своем прошлом мадьяр, где неизменно говорится о разделении некогда единого мадьярского народа на две половины.⁹¹ Эти сведения, на мой взгляд, заслуживают внимания и анализа со стороны историков и этнологов, т.к. память народа о собственном прошлом иногда настолько консервативна, что сохраняет ценные и порой, как в разбираемом случае, уникальные сведения о своей истории.

Представленная на суд читателя работа, конечно, пока ставит только узловые аспекты и направления этой интересной во всех отношениях разносторонней проблематики, далее требует скрупулезного накопления и систематизации материалов, а также соответствующего детального изучения. Такое исследование должно проводиться на комплексной и системной основе, на базе привлечения всех доступных и репрезентативно-доказательных источников.

Вместе с тем, какие выводы общего концептуального порядка можно сделать из сказанного. Прежде всего, восточные мадьяры – это была значительная по численности группа степного населения, проживавшая на территории Евразии в средневековый период. Мадьяры (маджары) испытали феномен «тройной» тюркизации или, вернее, прошли три таких этапа. Это явление проходило, условно говоря, «волнообразно».

Первый этап этого процесса начался тогда, когда мадьяры жили относительно целым этноколлективом в евразийских степях на востоке в окружении (или среди) гунно-сармато-аланских и древнетюркских народов. Это продолжалось очень длительное время (400–500 лет?), приблизительно с первой половины – середины I тысячелетия н.э. и до IX века. Тогда они занимали земли Северного, Центрального и Западного Казахстана, включая сопредельные территории.

Второй этап связан с западной миграцией мадьярских племен (уход от основной этнической общности). Оставшиеся восточные мадьяры испытали «повторную» тюркизацию, но уже со стороны кыпчаков, огузов и др. в X–XIII веках. Вместе с тем, бесспорно, на этом этапе сосуществовало значительное угроззычное население.

Третий этап – завершающая фаза, маркирующая окончательную этноязыковую тюркизацию,

этого рода, исследование их родословия до сей поры не проводилось и остается неизвестным. Между тем, в фонде рукописей Института литературы и искусства Казахской Академии наук по собранным среди этого рода нескольким родословным преданиям, есть сведения о том, что казахи-маджары, точнее мадияры являются частью народа, который когда-то переселился (откочевал) на запад. Этот маленький факт или сам источник, конечно же, бесспорно, дает важную информацию специалисту-профессионалу, и это направление требует дальнейшего глубокого исследования» (перевод мой – А. К.). Как видно, Иштван Коноур Мандоки придавал этому факту огромное значение и видел перспективность такого исследовательского поиска.

⁹⁰ Бенкё 2003, 74.

⁹¹ Бенкё 2003, 93, 130.

которая происходит в золотоордынскую эпоху XIII–XV веках.

Тем самым, почти тысячелетнее соприкосновение и сожительство со степными тюрками привело к языковой и культурной ассимиляции мадьяров восточной Евразии. При этом какие-то угрозичные группы (остатки) еще жили в XV в. Именно эту часть ряд венгерских востоковедов считают «настоящими» (подлинными) мадьярами, так как главным критерием такой этноисторической идентификации является язык. Данные мадьярские группы «теряются» (?) в окружении других этносов периода позднего средневековья. Выжили те, кто был ближе к тюркским кочевым этнокультурным группам, и которые, возможно, по численности были больше, чем другие восточно-мадьярские субэтноты.

Таким образом, в более ранних текстах средневековых авторов зарегистрирован этноним «маджар», «мачжар» или «мажар», употреблявшийся вплоть до Нового времени (XVIII в.), а затем, в казахском языке возобладала такая форма как «мадиар», фактически то же самое слово, что и «маджар». Эта последняя словоформа сохраняется у современных узбеков до сих пор. Наличие в составе ногаев, казахов, узбеков, крымских татар, народов Северного Кавказа этнонима или на территории их проживания топонима «маджар» простым совпадением объяснить нельзя, также, например, как устойчивое присутствие часто встречающихся в этнономенклатуре тюркских народов Евразии таких широко распространённых этнонимов, как кыпчак, аргын, найман, кирей (-ит), конграт и др., которые есть практически у всех перечисленных народов. В тесной связи с рассматриваемым вопросом интересна и поучительна

история половцев (куманов, кунов), попавших в Венгрию в XIII в., которые долгое время (до XVIII–XIX вв.) сохраняли языковые особенности и этнокультурные черты кочевой ментальности. Мы только сейчас начинаем обращать на это серьезное внимание, обстоятельно и целенаправленно заниматься этнокультурными, этногенетическими, этноантропологическими вопросами нашей истории, в которой много еще неясностей и загадок. Изучение этой интересной и многоаспектной темы должно быть продолжено, на мой взгляд, и далее. Хочу также подчеркнуть, что в последние годы на территории Казахстана и сопредельных землях находят все больше археологических артефактов, которые свидетельствуют о существовании на территории Приуралья, Западного и Северного Казахстана, прилегающих районах Сибири не только отдельных древнемадьярских (или как чаще пишут угорских) древностей, но и указывают на устойчивое присутствие в раннем средневековье ярких материальных реликтов мадьярской культуры – неотъемлемой части колоритной кочевой цивилизации Великой Степи.

Ранний этап этнической истории венгерского народа тесно был переплетен с историей и культурой далеких предков ряда современных тюркоязычных этносов Евразии: башкир, казахов, татар, и поэтому было бы не совсем правильно пытаться сводить древние связи и контакты эпохи средневековья только к этнокультурным взаимоотношениям с одной-двумя этноисторическими общностями. Прародиной большинства тюркских народов является пространственный пояс евразийских степей, лесостепей и полупустынь, там же, убежден, находятся истоки этногенеза древних мадьяр.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- АБУЛЬ-ГАЗИ-БАГАДУР-ХАН 1996: *Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков*. Москва–Ташкент–Бишкек 1996.
- АННИНСКИЙ 1940: Аннинский С. А.: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе. В.: *«Исторический архив»*. АН СССР. 3. Отв. ред.: Модзалевский, Л. Б. Москва–Ленинград 1940, 71–112.
- ДЕЯНИЯ ВЕНГРОВ 2007: «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В. И. Матузовой, вступ. статья и комментарии М. К. Юрасова. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2007:1–2, 87–98.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991: Константин Багрянородный: *Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Изд. второе, исправ.* Москва 1991.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ 2002: *Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. 2-е изд.* Ред.: Ромодин, В. А. Бишкек 2002.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ 1969: *Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ред.: Сулейменов, Б. Алма-Ата 1969.
- МАТЕРИАЛЫ ПО КИРГИЗСКОМУ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЮ 1902: *Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. 11.* Ред.: Щербина, Ф. Омск 1902.
- ПОВЕСТЬ 1950: *Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и пер.* Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва–Ленинград 1950.
- РАШИД АД-ДИН 1952: Рашид ад-Дин: *Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1.* Пер. с пер. Л. А. Хетагурова и О. И. Смирновой. Ред. и примеч. проф. А. А. Семёнова. Москва–Ленинград 1952.
- УТЕМИШ-ХАДЖИ 1992: *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме.* Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина. Коммен. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата 1992.
- MINORSKY 1937: Minorsky, V.: *Hudud al-'Alam: The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* London 1937.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИМБЕКОВ 2011: Акимбеков, С. М.: *История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии*. Алматы 2011.
- АНТОНОВ 2009: Антонов, И. В.: К вопросу о локализации венгров (мадьяр) в Волго-Уральском регионе. В: *VIII конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Редкол.: Тишков, В. А. и др. Оренбург 2009, 63.
- АРИСТОВ 1896: Аристов, Н. А.: Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Журнал «Живая старина». *Отделение этнографии* 1896:3–4, 277–456.
- АРТАМОНОВ 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.
- АХМЕДОВ 1985: Ахмедов, Б. А.: *Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв.: (Письменные памятники)*. Ташкент 1985.
- БАРТОЛЬД 1973: Бартольд, В. В.: Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». В: *Сочинения*. 8. Москва 1973.
- БЕНКЁ 2003: Бенкё, М.: *Тургайские мадяры. (Казахстанские мадяры – кто они?)*. Будапешт 2003.

- Бодянский 1865: Бодянский, О. М.: Кирилл и Мефодий. Собрание памятников. В: *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1865, январь – март, кн. I*. Москва 1865, 1–96.
- Боталов 1995: Боталов, С. Г.: В стране маджуджей и яджуджей (мадьяры, кимаки, кыпчаки). В: *Древность Урала. Очерки истории Урала 2*. Ред.: Миненко, Н. А. Екатеринбург 1996, 76–84.
- Бояршинова 1960: Бояршинова, З. Я.: *Население Западной Сибири до начала русской колонизации*. Томск 1960.
- Бромлей–Подольный 1990: Бромлей, Ю. В. – Подольный, Р. Г.: *Человечество – это народы*. Москва 1990.
- Вашари 1998: Вашари, И.: О рунических системах письма Восточной Европы. В: *Altaica II*. Москва 1998, 32–45.
- Галкина 2003: Галкина, Е. С.: К проблеме локализации народов Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани». В: *Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН*. Москва 2003, 3–20. <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://idrisi.narod.ru/jayhani-gal.htm&num=1&strip=1&vwsrc=0> (дата обращения: 29. 05. 2018).
- Голь–Прицак 2003: Голб, Н. – Прицак, О.: *Хазарско-еврейские документы X в.* Москва 2003.
- Горелик 2002: Горелик, М. В.: Три племени кавар и савирский всадник. В: *Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы*. Ред.: Петрухин, В. Я. – Федорчук, А. М. Москва 2002, 26–31.
- Гумилев 1993: Гумилев, Л. Н.: *Древняя Русь и Великая степь*. Москва 1993.
- Данилевский 1883: Данилевский, Н. Я.: О пути Мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота. *Известия Императорского Русского Географического Общества* 19:1 (1883) 220–246.
- Древнетюркский словарь 1969: *Древнетюркский словарь*. Ред.: Наделяев, В. М. – Насилов, Д. М. – Тенишев, Э. Р. – Щербак, А. М. Ленинград 1969.
- Дьённ 2007: Дьённ, Г.: *Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: автореф. дисс. ... к.и.н.* Екатеринбург 2007.
- Еремеев 1970: Еремеев, Д. Е.: К семантике тюркской этнонимии. В: *Этнонимы*. Ред.: Никонов, В. А. Москва 1970, 133–142.
- Зуев 2004: Зуев, Ю. А.: Самое сильное племя. В: *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Даит-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы международного круглого стола*. Алматы 2004, 31–67.
- История Казахстана и Центральной Азии 1997: *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. 2*. Алматы 1997.
- История Казахстана 2001: *История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие*. Ред.: Абусеитова, М. Х. и др. Алматы 2001.
- Исхаков 2004: Исхаков, Д. М.: *Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.* Казань 2004.
- Казаков 1997: Казаков, Е. П.: Волжская Булгария и финно-угорский мир. *Finn-Ugrica* 1997:1, 34–56.
- Кляшторный–Султанов 1992: Кляшторный, С. Г. – Султанов, Т. И.: *Казахстан: летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата 1992.
- Козин 1941: Козин, С. А.: *Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niᠦᠴa tobᠰian. Юань чао би ши. 1*. Москва–Ленинград 1941.
- Кононов 1958: Кононов, А. Н.: Опыт анализа термина тюрк. *Советская этнография* 1949:1, 40–47.
- Кузеев 1974: Кузеев, Р. Г.: *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. Москва 1974.
- Кумекоев 1972: Кумекоев, Б. Е.: *Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам*. Алма-Ата 1972.

- КУМЕКОВ 1990: Кумеков, Б. Е.: Об этническом составе кыпчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам. В: *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. История и археология. 2.* Ред.: Литвинский, Б. А. – Жданко, Т. А. Москва 1990, 122–130.
- КУМЕКОВ 2008: Кумеков, Б. Е.: Казахи и венгры: общие исторические корни. В: *Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы Мандоки Қоныр Иштванға арналады]. 1944–1992.* Ред.: Әбеннова, Л. Д. Алматы 2008, 29–44.
- КУШКУМБАЕВ 2007: Кушкумбаев, А. К.: Об этнических взаимосвязях казахов и мажар (по предварительным результатам экспедиции 2006 года в Омскую область). В: *Казахи Омского Прииртышья: история и современность (сборник).* Ред.: Ахметова, Ш. К. – Томилов, Н. А. Омск 2007, 131–137.
- КУШКУМБАЕВ 2009: Кушкумбаев, А. К.: *Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование.* Кокшетау 2009.
- ЛЕВИЦКИЙ 1978: Левицкий, Т.: «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов. В: *Восточная Европа в древности и средневековье (сборник статей).* Ред.: Черепнин, Л. В. Москва 1978, 56–60.
- МАЛЫШЕВ 2003: Малышев, А. Б.: Половцы в Венгрии и Золотая Орда во второй половине XIII в. В: *Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной конференции.* Ред.: Насилов, Д. М. Москва 2003, 76–83.
- МАНДОКИ 2008: Мандоки, Қ. И.: Мадияр руы туралы қолжазба. В: *Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы Мандоки Қоныр Иштванға арналады]. 1944–1992.* Ред.: Әбеннова, Л. Д. Алматы 2008, 245–246.
- МАСАНОВ 1995: Масанов, Н. Э.: *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества.* Алматы «Социнвест». Москва 1995.
- МУДРАК: Мудрак, О. А.: *Развитие пратюркской системы фонем.* <http://altaica.narod.ru/texts/prototurk.pdf> [28.05.2018]
- МУКАНОВ 1974: Муканов, М. С.: *Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза.* Алма-Ата 1974.
- НАПОЛЬСКИХ 2002: Напольских, В. В.: Баскарт, или Великая Венгрия. В: *Христианский мир и «Великая Монгольская империя».* Ред.: Юрченко, А. Г. – Аксенов, С. В. Санкт-Петербург 2002, 240–249.
- НЕМЕТ 1999: Немет, Ю.: К вопросу об аварях. В: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки.* Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи: В 2-х книгах. Кн. 2. Москва 1999, 362–368.
- ПЕТРУХИН 2005: Петрухин, В. Я.: *Мифы финно-угров.* Москва 2005.
- ПОЭТЫ ПЯТИ ВЕКОВ 1993: Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV – начала XX в. В: *Вст. ст., сост., биогр., спр. и прим. М. М. Магауина.* Пер. с каз. Ред.: Магауин, М. М. Алма-Ата 1993.
- СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ 2005: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. В: *История Казахстана в арабских источниках.* Подгот. к нов. изд., введ., допол. и коммент. Б. Е. Кумекова и А. К. Муминова. Т. I. Алматы 2005.
- СУЛТАНОВ 1982: Султанов, Т. Н.: *Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории).* Москва 1982.
- ТОЛЫБЕКОВ 1971: Толыбеков, С. Е.: *Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ.* Алма-Ата 1971.
- ТОТ 1968: Тот, Т.: О раннем этапе этногенеза венгерского народа. *Известия АН КазССР. Сер. обществ* 1968:2, 68–71.
- ТРЕПАВЛОВ 2002: Трепавлов, В. В.: *История Ногайской Орды.* Москва 2002.
- ТЫНЫШПАЕВ 1925: Тынышпаев, М.: *Материалы к истории киргиз-казахского народа.* Ташкент 1925.

- ХАРИТОНОВ 2001: Харитонов, М. А.: *Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии*. Улан-Удэ 2001.
- ХВОЛЬСОН 1869: Хвольсон, Д. А.: *Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста*. Санкт-Петербург 1869.
- ЦИНМАН 1992: Цинман, М. З.: *Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников (научно-аналитический обзор)*. Алма-Ата 1992.
- ЦУКЕРМАН 1998: Цукерман, К.: Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. *Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии* 6 (1998) 663–688.
- ШУШАРИН 1997: Шушарин, В. П.: *Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания*. Москва 1997.
- ЭРДЕЛИ 1983: Эрдели, И.: Кабары (кавары) в Карпатском бассейне. *Советская археология* 1983:3, 174–181.
- BÍRÓ-ZALÁN-VÖLGYI-PAMJAV 2009: Bíró, A. Zs. – Zalán, A. – Völgyi, A. – Pamjav, H.: A Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary). *American Journal of Physical Anthropology* 139 (2009:3) 305–310.
- ERDÉLYI-BENKŐ 2005: Erdélyi I. – Benkő M.: A szárgátikai kultúra és a hunok. *Eleink* 2005:2, 5–18.
- LEWICKI 1988: Lewicki, T.: Kabarowie. In: *Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*. T. 2. Wrocław 1988, 77–87.
- MARQUART 1903: Marquart, J.: *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)*. Leipzig 1903.
- RÓNA-TAS 1986: Róna-Tas A.: A magyar népnév egy 1311-es volgai bolgár sírfeliraton. *Magyar Nyelv* 1986:1, 78–81.

ВІД КОЧІВНИЦЬКОГО ВОЖДІСТВА ДО ЄВРОПЕЙСЬКОГО КОРОЛІВСТВА ДО ПИТАННЯ ПРО ВПЛИВ ДАВНІХ ТЮРКІВ НА УГОРЦІВ

Ярослав Валентинович Пилипчук*

Ключові слова: тюрки, хозари, угорці, ідеологія, дуалізм верховної влади, язичництво
Kulcsszavak: török népek, kazárok, magyarok, ideológia, kettős fejedelemség, pogányság

Ярослав Валентинович Пилипчук

Від кочівницького вождіства до європейського королівства. До питання про вплив давніх тюрків на угорців

Ця стаття присвячена питанню впливу давніх тюрків на суспільство давніх угорців. Дуалізм верховної влади у угорців виник під впливом хозар. Багато соціальних практик були перейняті угорцями від болгар та хозар. Вершиницька ідеологія панувала у угорців, як і у інших кочівників. Традиційні вірування та релігійні практики угорського язичництва схожі на тюркське язичництво огузьких народів. Структура влади та ідеологія давніх угорців почала змінюватись тільки після того, як угорці вже перебували кілька десятиліть у Паннонії. Давньотюркська система лестничного спадкування влади була замінена майоратом, а християнство стало новою релігією, після періода двовір'я у X ст. Реформи Гези та Вайка (Іштвана I. Святого) сприяли перемозі етнічної самосвідомості над трайбалізмом.

Jaroslav Valentinovics Pilipcsuk

A nomád fejedelemségtől az európai királyságig. Az ótörökök magyarokra gyakorolt hatásának kérdéséhez Jelen tanulmányban a szerző az ótörök népek ősmagyar társadalomra gyakorolt hatását vizsgálta. A kettős fejedelemség a magyaroknál kazár hatásra alakult ki. A magyarok számos társadalmi gyakorlatot a bulgároktól és kazároktól vettek át. A magyaroknál a lovasnomád világkép dominált, csakúgy, mint a többi nomád nép körében. A magyarság hagyományos pogány hitvilága és vallási gyakorlata sokban hasonlít az ótörök népek pogány vallásához. A hatalom szervezete és az ősmagyarok ideológiája csak néhány évtizeddel a honfoglalás után kezdett átalakulni. A hatalom öröklésének ótörök rendszerét, a szeniorátust a primogenitúra (elsősülöttség) váltotta fel. A pogány és keresztény vallásosság 10. századra jellemző párhuzamos jelenléte után a kereszténység lett a magyarok új vallása. Géza és Vajk (I. [Szent] István) reformjai magyarban hozzájárultak az etnikai öntudat győzelméhez a törzsi összetartozás-tudat felett.

Однією з найбільш цікавих проблем історії угорців є питання про тюрко-угорські взаємини. У мові угорців багато тюркизмів, проте одною тільки філологією ці впливи не обмежуються. Дослідники традиційно пов'язують тюркський вплив з чувашизмами угорської мови та угорською етнімією як це робить В. Шушарін. Статті присвячені угорським титулам написали М. Юрасов та О. Бубенок. Порівняння міфології угорців та тюрків здійснили В. Петрухін,

Х. Корогли, Г. Дьоні та В. Батор.¹ У цьому дослідженні ми прострежимо вплив ідеології давніх тюрків на суспільство давніх угорців, а також дослідмо тюрксько-угорські паралелі у соціальній організації та міфології. Новизною даної роботи є дослідження впливу тюрків на угорців у комплексі.

Арабські та перські географи й історики відзначали дуалізм верховної влади у угорців. Гардізі згадував про 20 тис. у війську маляр.

* Отдел Евразийской степи Института востоковедения им. А. Ю. Крымского НАН Украины, г. Киев, ул. Грушевского 4. bachman@meta.ua

¹ Корогли 1988; Юрасов 2012; Петрухін 2005; Бушаков–Бубенок 2013; Дьоні 2007; Батор 2010.

Титулом головного правителя угорців названий Кенде. Джила ж названий тим, хто керує справами. Анонімний перський географ назвав правителя Джулою, про Кенде він просто не знав. Ібн Русте повідомляв, що військо угорців складається з 20 тис., а на його чолі перебуває Дж.ла. Правителем (маліком) угорців названий К.нд.а. Плутанину вносять свідчення більш пізніх авторів. Ал-Бекрі повідомляє, що царя угорців називають кнда. Тахір ал-Марвазі повідомляв, що полководця у них називали к.нд.е та цей титул позначає царя. Мухаммед Шебангараї повідомляв, що правителя угорців називають кіда. Як і у тюрків, у давніх угорців суспільство поділялось на племена та роди. На чолі конфедерації племен знаходились два лідера – військовий та духовний. Дьюла був військовим вождем, а кенде – сакральним лідером. Тільки у Гардізі та Ібн Русте указано на дуалізм верховної влади. Тахір ал-Марвазі та анонімний перський географ повідомляли про одного правителя, оскільки у часи написання їх доробків згадувався лише один правитель, оскільки до їх часу у мадяр був де-факто один верховний правитель. Гардізі ж слідував традиції закладеної Ібн Русте. Проте А. Рона-Таш вважав тезу про існування сакрального правителя не доведеною, проте не заперечував проти того, що система правління могла бути запозичена від хозар. Среди титулів він називав кюнде, джіла та карха. У той час у концепції сакрального лідера у угорців були й прибічники, наприклад К. Цегледі. А. Рона-Таш вважав, що слабкий формальний лідер та могутній восначальник зовсім не вказує, на існування сакрального лідера. В. Спіней вважає, що Арпад був дьюлою, а Курсан був кенде. П. Голден вважав кенде сакральним правителем, а справами держави та війська займався дьюла. В. Напольських вважав Курсана більш значним правителем ніж Арпад та титул кенде вище ніж дьюла.²

Костянтин Багрянородний згадував про титули угорців. Серед них був верховний архонт, вожді окремих племен – архонти, гіла та карха. Гіла це еллінізована форма титула дьюла. Сам

титул дьюли був тюркським титулом, запозиченим угорцями. За функціями, котрі виконував кенде, ця посада була аналогом хозарського кагана. Більше того, деякі імена, по суті були титулами, як наприклад Єлех, котрий відповідає давньотюркському іліг чи ілік. Цей титул перекладався як державець або правитель. Подібні імена були у гуннів (Еллак), сабірів (Ілігер), башкир (Ілек). Популярним цей титул був у мусульманських державах Караханідів та карлуків. Юла був одним з титулів печенізьких правителів, що відзначено в етнонімії печенізької конфедерації. Те, що цей титул дійсно був у печенігів, повідомляється у угорських джерелах, де супротивником угорців у 1085 р. названий Озул (сервієнт князя кунів Дьюли). Куни у цьому випадку це печеніги, а не кипчаки. З часом ім'я Дьюла стало популярним серед угорців, хоча зпочатку було титулом. Цікаво відзначити передачу імені та титулу до нащадків – угорських правителів Трансильванії. За свідченнями угорського Аноніма, Такшонь одружив свого сина Гезу на дочці Дьюли Шарольті. Після нього Трансильванією володів Дьюла-молодший, котрий як і попередній Дьюла, був з нащадків Тетеня. Дьюла-молодший, як і Коппань з Біхара та Айтонь, був суперником Іштвана за владу. У "Ілюстрованій хроніці" згаданий Кунд батько Кусіда як четвертий вождь угорців. Шимон Кезаї писав про одного Дьюлу, а у "Ілюстрованій хроніці" їх три і два з них були нащадками третього угорського капітана (вождя) Дьюли. Шимон Кезаї згадує Дьюлу як третього капітана Юла, а Кюнда він називав п'ятим капітаном. Найбільш достовірна схема спадкування влади у хроніці Аноніма. Арпад після смерті Курсана в 904 г. став єдиним правителем і ось чому дуалізм верховної влади у угорців у Центральній Європі практично не фіксувався. Костянтин Багрянородний згадує, що карха це титул. У "Звершеннях угорців" згаданий Хорка, котрий був батьком Дьюли. М. Юрасов відзначав, що Хорка це спотворена форма титула карха. Проте сам титул карха існував під час життя Костянтина Багрянородного. Кархою був Булчу,

² Гардизи 1973; Гаркави 1870; Марвази 2006, 707–709; MINORSKY 1937, гл. 22; SPINEI 2003, 33; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 322, 341; Рона-Таш 2005, 119; Агаджанов 1965; Юрасов 2012; GOLDEN 1990, 247; Напольських 1997, 65–66.

а його батько Калі також мав цей титул. Обидва вони за версією візантієць походили з роду Арпада. Версія візантійського хроніста протирічить даним угорської історичної традиції про Хорку як про сина Тетеня. Титул карха не згадувався до "Набуття батьківщини" угорцями. Відносно повноважень цього правителя нема достатніх даних, як, втім, і з кількома титулами у сусідів угорців – хозар. Ібн Фадлан вказує, що кендер-каган у хозар був заступником каган-бека, заступником кендер-кагана був джавшагир. Ймовірно, карха був заступником дьюли на випадок загибелі того у бою. Традиція сакральних правителів була характерна в першу чергу для угорських народів, у інших народів вона не зустрічалась часто. До того ж, у угорців та болгар під час контакту з християнським світом сакральний правитель зник. У Дунайській Булгарії хан Крум, а у угорців Арпад, зосередили владу у своїх руках. У Аварському каганаті, як і у хозар, каган з початку володів усією повнотою влади, проте з часом значення сакрального лідера, котрий титулувався як Йугур, зросло. Йугур навіть кинув виклик кагану, але запанувати йому не дали вторгнення франків та дунайських болгар. Наприкінці існування Аварського Каганату йугур володів провінцією.³

Соціальні трансформації у середовищі кочівників часто стимулювались впливом сусідів. Вже у іудаїзованому Хозарському Каганаті втім зберіглись певні язичницькі традиції. Так за даними Ібн Фадлана кагана ритуально душили, після чого питали скільки він бажає царювати. При завершенні певного терміну кагана вбивали щоб похилий вік правителя не впливав на стан держави. Максимальним терміном було 40 років. Хозари зберегли свою систему титулів. До певного моменту подібна ситуація була і в болгар, які зберегли титули кана, бойла, хана колобра. Навернення болгар до християнства змінило систему титулів у Дунайській Булгарії.⁴

Існування єдиного вождя вірогідно було обумовлено соціальними трансформаціями та

епохою міграції. Костянтин Багрянородний наводив історичну традицію роду Арпада. Був верховний правитель, сім вождів угорських племен, правитель племені кабарів. Візантієць приписував гілі та карсі судові функції. Про існування титула іліг він очевидно і не здогадувався. Угорський Анонім ймовірно вважав, що Хорка належав до роду Тетеня. Опис звершень Тетеня займає чимало місця в його хроніці. Костянтин Багрянородний відзначав, що влада була закріплена за родом Арпада. Це типова для кочових народів модель. Престол був переданий від Арпада до Жольта, четвертого сина. Від Жольта влада перешла до його племінника Файса, сина Юташа (Юташ третій син Термачу). Не можна сказати, що Альмош який передував Арпаду, був невдахою. Угорська історична традиція пов'язувала з ним перемогу над русами та склавами. Титул карха В. Бушаков та О. Бубенок ототожнювали з тюркським титулом калга, кенде з слов'янським князь та скандинавським конунг. К. Дерфер ототожнював титул дьюла з давньотюркським буюрук. Нам видається можливим запозичена титулу дьюла від печенізького титулу юла.⁵

Поразка від печенігів сприяла трансформаціям в угорському суспільстві. Для більш ефективного управління був необхідний єдиний вождь. Анонім повідомляв, що єдиний правитель у угорців був завжди, що, швидше за все, є неправдивою вигадкою. Угорські хроністи вказували, що Алмош та Арпад походили з найбільш знатного та шляхетного роду. Це було плем'я медьсер, котре і дало назву цілому народу. За свідченнями Костянтина Багрянородного верховного архонта угорців піднімали на щиті. В. Шушарін цілком слушно вважає цей сюжет вигадкою. Маємо згадати, що угорські хроністи не знають і воєводи Лебедії. За даними Костянтина Багрянородного Лебедія відмовився від влади і запропонував стати правителем Алмуцу (Альмошу) та Арпаду. При цьому він вказував, що

³ КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991, гл. 40; RADY 2009; SIMONIS DE KEZA 1883, 72–73; CHRONICON PICTUM 1884, 124, 126–127, 138, 140; ШУШАРИН 1997, 94–100, 104, 188–189; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 332–333; ЛУКИНА 2009, 66–74.

⁴ ИБН ФАДЛАН 1939; RADY 2009.

⁵ SPINELI 2003, 30–33; GOLDEN 1976, 37–43; СТЕПАНОВ 2011, 317–325; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991, гл. 38, 40; ШУШАРИН 1997, 93–100, 104, 189; RADY 2009; ЮРАСОВ 2012; БУШАКОВ–БУБЕНКО 2012, 67–68.

Арпаду було віддано перевагу над Альмошем, що суперечить угорській історичній традиції яка вказує Альмоша як на правителя, а Арпада називає його наступником. Дана реконструкція більше заслуговує на довіру. Посада дьюли вірогідно належала роду Тетеня. Він був запозичений від тюрк і використовувався задовго до переселення до Паннонії. Тривалий час посада верховного вождя передавалась від дядька до племінника, за традиційною тюркютською традицією. Ймовірно, Алмуш не був батьком Арпада, а його дядьком. Файс передав владу племінну Такшоню з якого власне і починається традиція передачі влади від батька до сина. Такшонь передав владу своєму сину Гезі, а від Гези влада перейшла до Вайка (Іштвана Святого). За Гези угорці вклонялись язичницьким богам та Христу. З часів правління Такшоня та Гези кланово-племінна структура угорського племінного союзу починає деформуватися і зникає у XI ст. Фактично Такшонь змінив систему спадкування влади.⁶

За часів правління Гези згадано, що Трансильванією правив дехто Дьюла. Сам Геза за Такшоня, як спадкоємець престоло, правив Біхаром. Гезу називали великим паном, а вже його син Вайк отримав титул король. Були введені пости іспанів, йобагіонов та баронів, котрі змінили традиційні титули. Вайк був коронований у 1001 р. і прийняв християнське ім'я – Іштван. Королів замість поховань кочівників почали ховати у столиці – Секешфехерварі. Необхідно зауважити, що до того серед угорців християнські проповідники створили мобільну єпископію яка переміщувалась разом з угорськими правителями. Вже у другій половині X ст. у угоців почав трансформуватись поховальний обряд. Великі могильники кочової общини розташовувались окремо від сімейних некрополів з багатим інвентарем.⁷ Від минулого у угорців залишалась толерантність до інших релігій. За правління Такшоня до Угорщини прибули ізмаеліти (му-

сульмани) Біла та Баксу. Також переселились калізи (хорезмійці). Угорських мусульман взяв під свою протекцію король.⁸ Необхідно зауважити, що Іштван Святий подолав Коппаня за допомогою німців. У 1002 р. він завоював у Дьюли Трансильванію. Король передав престол іноземцю – Петру Орсеоло (сину сестри Іштвана).⁹

Встановлення феодальних порядків та податки з боку церкви підлили масла у вогонь. Представники династії Арпада Ендре та Левенте раніше вигнані з країни повернулись і під антихристиянськими лозунгами бажали повстали. Вони казали що необхідно вбити єпископів, а церкви зруйнувати, а також вклонялись ідолам язичницьких богів. Характерною ознакою язичників були поховання з конем та зброєю і зброєю. Угорські хроністи, оповідаючи про події 1046–1067 рр. повідомляли, що вожді повсталих по язичницькому звичаю побрили голову. Шимон Кецаї повідомляв, що Вата з замка Белуш побрив голову та відпустив кудрі на три сторони за звичаєм язичників. Регіон Прюмський, описуючи угорців у X ст., казав, що волосся вони бриють до шкіри. Угорські зачіски схожі на кипчацькі зачіски. Геллерт Венецієць вказував, що угорці полюбляють слухати музик, вночі бенкетувати та не цікавляться нічим окрім коней. Для багатьох тюркських народів було характерно їздити на конях на полювання, змагатися між собою верхи та багато інших речей з конями. Угорці у надавньому минулому були кочовим народом і аскеза ченців була не для них. Захоплення музикою було рисою успадкованою з язичницького минулого. Вербальна музична традиція для переказу історичного минулого була характерна для багатьох кочових народів. Більшість угорців подібно до багатьох тюркських етносів писали не своєю мовою (наприклад турки-сельджуки використовували арабську мову та фарсі), проте між собою спілкувалися рідною мовою. Втім, в Угорщині язичництво не

⁶ ШУШАРИН 1997, 109, 187; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 321–323; RADY 2009; SIMONIS DE KEZA 1883, 77–78; CHRONICON PICTUM 1884, 134–138, 140.

⁷ BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 341–345, 350–359; БРУНО КВЕРФУРТСКИЙ 1873; РАСОВСКИЙ 2012, 39–111; ЛАНГО 2006, 190; SIMONIS DE KEZA 1883, 77.

⁸ BEREND 2001, 60–68, 74–87.

⁹ ШУШАРИН 1997, 255, 290–297; SIMONIS DE KEZA 1883, 77–82; CHRONICON PICTUM 1884, 139–152; NÉGYESI–VESZPRÉMY 2011, 88–91.

повністю перемогло, християн Бела утримав третину королівства, у 1060 р. він здобув перемогу над язичниками. Проте йому у 1061 р. довелось придушувати повстання язичників, які бажали закидати каменями єпископів, придушити кліриків, вбити пресвітерів, повісити лихварів, зруйнувати церкви, розбити колоколи.¹⁰ У XI ст. угорці позбавились такого явища як трайбалізм і називали себе *gens Hungarica*, *Mogerii*, *Hungari* (мад'яри). Сліди язичництва залишались у назві Бога – Іштен. Назва головного язичницького Бога стала позначати християнського Бога.¹¹ Одною з характерних рис угорців була їхня волелюбність. Вони намагалися не допустити встановлення автократичної влади і всі справи вирішували на нарадах. Ця традиція ними також була успадкована з язичницького минулого подібно до того як колегіально було прийнято рішення про переселення до Паннонії. Нащадки капітанів (вождів) угорських племен називались угорською *ур* (пан), *dux* латиною, греки називали їх архонтами. На перемовинах з візантійцями угорці демонстративно наголошували на своїй незалежності. Саме християнство угорців було синкретичним, а багато традицій успадковано з язичницького минулого.¹²

Свідчення про дохристиянську релігію угорців фрагментарні. Гардізі та Ібн Русте називали їх вогнепоклонниками, а ал-Бекрі ідолопоклонниками. У інших джерелах їх названо тими, хто вклоняється зорям. Пантеон богів був схожий на тюркський. Іштен був верховним Богом та був аналогом тюркського Тенгри, а Іштенаґья відповідає Умай. Блискавка називалась стрілою Іштена. Тюркському Ерклігу відповідає Ердьог, який створив блох, мух, вшів та усе погане. У Підземному світі мешкали злі духи та душі поганих людей. В Нижньому Світі знаходились змії, лягушки, ящерики. Це все хтонічні тварини. Угорці вірили, що талтош у трансї мандрує

у Верхній та Нижній світи. Люди вірили, що коли відбувалось якесь лихо, то на них гніваються духи предків. У угорців був бог війни Хадур аналогічний богу війни у скифів та сарматів. Села-ней та Сел-кірай керували вітром. Існував цілий ряд лихих надприродних істот пов'язаних з міфологією фінно-угорських народів. Необхідно зазначити, що багато слів у сфері релігії мали тюркське походження як і імен багатьох вождів – Арпад, Булчу, Юлле, Юташ, Тевеле, Лель, Таш, Тормаш.¹³

Схожі з тюрками звичаї приписували угорцям угорські джерела. Анонімом вказано, що при обранні вождя що вожді угорських племен випили кров і дали клятву триматись присяги, яку при цьому дали. Шимон Кезаї вказував, що Вербульчу присягнув і випив кров. У античній традиції подібний звичай приписували іранським народам скіфам та мідійцям. М. Юрасов вважав, що угорці могли укладати клятви пов'язані з пролиттям та питтям крові. Д. Немет вважає цей звичай конструктором Аноніма. У кипчаків існував звичай побратимства, котрий мав назву *qan kardeši* (пити кров чи пити клятву). За звичаєм, описаним Рабі Петах'я, кипчак мав вколоти себе голкою та дати скоштувати кров. Угорські хроністи у цьому контексті не вважали це дивним. Від шаманського минулого у угорців у XI ст. був звичай їсти кінське м'ясо. Такий самий звичай зафіксований у кипчаків у Мамлюцькому султанаті. У переказах кочівників сюжет пиття крові був пов'язаний з метафорою битви і також з вершницькою ідеологією. У тюрків угорцями також був запозичений звичай клястися над собакою, розрубленою на дві частини. Принесена в жертву тварина символізували долю порушника клятви. Подібний звичай існував у дунайських болгар часів хана Омуртага.¹⁴

Функцію посередників між світами належало талтошам (угорському аналогу тюркських

¹⁰ Шушарин 1997, 212–213, 290–291, 297–303; SIMONIS DE KEZA 1883, 83–86; CHRONICON PICTUM 1883, 153–159, 162–168.

¹¹ Шушарин 1997, 303–312; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 320; БАТОР 2010, 114.

¹² Шушарин 1997, 138–155; Шушарин 1961; RADY 2009; Оттон из Фрайзинга 1887; Константин Багрянородный 1991, гл. 37–40; Юрасов–Матузова 2007.

¹³ ПЕТРУХИН 2005; Шушарин 1997, 183–193, 208–209; ГОЛДЕН 2008, 311, 333; БЕКРИ 1878; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 319.

¹⁴ NEMETH 2003; КОРОГЛЫ 1988; БАТОР 2010, 114–117; ГОЛДЕН 2008, 314; SPINELI 2003, 34–39; ЕРМОЛЕНКО 2008, 204–211; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 319, 321; ХОНИАТ МИХАИЛ 2009.

камів). Вважалось, що вони відразу народжувались з зубами та волоссям. Щоб набути якостей чаклуна, вони повинні були вилізти на ритуальний стовп чи дерево, які символізували Світове дерево. Талтош захищав своє поселення та змагався з іншими талтошами. Талтоші могли перетворюватися у коня та бика, могли викликати бурі та вихор (подібно камам у тюрків). Талтоші боролись проти чаклунок-босорканей та дракона Шаркані. У угорській історичній традиції збереглась пам'ять про правителя, що бореться, наприклад святий Ласло боровся з куном. Цей мотив популярний у багатьох народів з кочівницьким стилем життя. Бубен та палка з кістки, якою били у бубен були шаманськими символами. На пальметках зображувалось Світове дерево. Особливе місце у угорців мало число сім. У світового дерева сім гілок, стільки ж князів та племен, угорці називали себе хет-медьер – сьома мад'ярами.¹⁵

П. Голден вважає, що з сосуда, описаного Петахією, люди коштували "воду життя", що знаходилась у коренях "Світового Дерева" та під "Світовою Горю". Уявлення про Світове дерево також існувало у угорців. Воно традиційно поділялось на три частини – Верхній світ, Середній світ, Нижній світ. Душа померлого потрапляла або у Верхній чи у Нижній світ у залежності від поведінки у земному житті. Небо уявлялось угорцям наметом, котрий знаходився на кроні Світового дерева у Верхньому Світі, а зірки були дирками у наметі. Вершина дерева уходить у небо, а корені у пекло. У корінців Світового дерева тече вода життя. Плоди, соки та смола дерева харчували все суще. Космічний олень уособлював Всесвіт, його роги – Світове дерево. Від руху гілок Світового дерева народжувався вітер. Світове дерево у угорців називалось по різному – Дерево без вершини, Орлине дерево, До неба сягнувшє дерево. На сьомій гілці знаходився дім Сонця та його матері, на шостій гілці дім Місяця та його матері. На цій же гілці мешкали мати вітру (села-ней), а самі вітри знаходились за сьома горами. Світове де-

рево росло у середині Космоса та своєю вершиною підтримувало небо.¹⁶

Угорці вірили у життя після смерті. На очі та рот покійника клали монети, щоб душа не відокремлювалась від тіла. Також обличчя прикривалось спеціальною маскою, щоб померлий не міг шкодити живим. Поховання угорців були багатими. Жінок ховали з ювелірними прикрасами з золота та срібла, а чоловіків з зброєю та конем. Шаблі декорувались сріблом та золотом. Також багато були прикрашені одяг та зброя. Угорці запозичили образ Сенмурва у іранців. Християнство майже не впливало на угорців до того, як вони залишили Етелькьоз. У 900 р., за свідченням Тітмара Мерзбургського, християнські церкви в Паннонії були зруйновані угорцями. Християнське населення вижило на околицях володінь угорців. Іоанн Скіліца казав про навернення Булчу та Дьюли до християнства у Костянтинополі, а Костянтин Багрянородний повідомляв про навернення тільки Булчу. Пропонується гіпотеза про навернення до християнства Термачу. Наприкінці X ст. Айтонь прийняв християнство від ромеїв. А. Боллок відзначав вплив Візантії на поширення християнства серед угорців. Свідченням поширення цієї релігії були знайдені хрести. На бляхах також знаходили зображення хреста. Однак неможливо виробити чіткі критерії християнських поховань. Християнська церква, намагаючись навернути угорців до християнства поховальний обряд залишала на волю угорських родин. Звичай класти монети до поховань був викорінений лише після правління Коломана Книжника. Релігійні погляди угорців у другій половині X ст. можна охарактеризувати як двоівір'я. Разом з хрестом знаходили зображення сонця и місяця. Відносно впливу зороастризма на угорців, то його не було взагалі, а свідчення про *majus* та *abda al-higan* свідчать на користь язичництва угорців. Проповідники прибули до Угорщини з Візантії, Німеччини та Італії. Перші місії прибували вже за Такшо-ня. Єпископ Пілігрим з Пассау в 70-х рр. X ст.

¹⁵ ПЕТРУХИН 2005; ГОЛДЕН 2008, 320–321, 331; BEREND–LASZLOVSZKY–SZAKÁCS 2007, 319–320.

¹⁶ ПЕТРУХИН 2005; БАТОР 2010, 114–115.

розвернув активну діяльність в Угорщині, багатьох угорців навернув єпископ Прунварт з Санкт-Галлена. Бруно Кверфуртський навернув Білу Угорщину. Єпископ Пілігрим казав про 5 тис. навернених угорців. Титмар Мерзебурзький вказував, що навіть хрещений Геца був похований з своїми багатствами (поховальним інвентарем). У "Житті Святого Геллерта" згадано про сім дружин Іштвана. Необхідно відзначити, що Бруно описував релігійні переконання Шарольти, як суміш християнства та язичництва. Єпископ Войцех (Адальберт) сприяв тому, що Вайк (Іштван Святий) прийняв християнство. Після навернення угорського правителя, ініціатива християнізації належала вже угорській знаті. На території Угорщини у XI ст. утворилось коло десяти єпископій та споруджувались стаціонарні церкви. Угорські язичницькі імена змінювались християнськими.¹⁷

На ідеологію угорців значною мірою впливав їх стиль життя. Стереотипи поведінки у кочівників та землеробів відрізнялись. У угорській легенді розповідалось, що мад'ярські вожді відправили розвідника, щоб дізнатись у які землі йдуть. Він дізнався що це добрі землі з хорошими травами. Розвідник у якості посла був при дворі моравського князя Святополка, котрий дізнавшись, що угорці переселяються, зрадив, вважаючи що вони стануть його селянами. Посол відправився назад до мад'яр, а той наповнив флягу водою, а в бурдюк взяв землі та трав. Мад'яри переконались, що земля на Дунаї чудова, а вода солодка. Арпад просив Бога щоб ця земля була дарована їм і весь народ тричі промовив Іштен. Мад'яри знову відправили посла з великим білим конем, з золоченим седлом та пишною уздою. Святополк вирішив, що це дарунок від підданих. Посол ж вимагав землі, води та траву за коня, Святополк сміявся і казав, що

нехай мад'яри візьмуть земель скільки бажають. Вони надіслали нового посла і вимагали, щоб він залишив куплену у нього землю. Святополк воював з ними і втонув у Дунаї. Угорський білий конь був символом могутності угорських кочівників, а слов'яни принизливо називались тоток-склаві. Угорське тот тотожне тюркському терміну тат, котрий позначав залежне населення. Угорці ж вважали себе нащадками гуннів і побудували навколо цього етногенетичний міф. Вони вигадали міф, що вождь гунів Чаба з частиною людей пішов на схід, решта гунів була оточена германцями і один з гунів покликав на допомогу Чабу. За легендою військо духів воїнів Чаби прийшло на допомогу по зоряному шляху та здолало ворогів.¹⁸

Ібн Русте вказував, що угорці мешкають у наметах, перекочовують з місця на місце у пошуках пасовиськ, мешкають між двома річками, перекочовують до річки та рибачать. Торгують у Кархі (Керчі) з ромеями продаючи саклабів.¹⁹ Анонімний перський географ повідомляв також, що угорці кочовий народ, приємної зовнішності, воюють з усіма сусідами, перемагають їх і цим жахають сусідів²⁰ Ал-Бекрі також називав їх кочівниками.²¹ Гардізі повідомляв, що вони торгують з арабами, воюють з саклабами та русами.²² Тахір ал-Марвазі вказував, що угорці перемагають саклабів та русів і продають їх у Румі, окрім кочівництва займаються землеробством.²³ Мухаммед Шебангараї також вважав їх кочівниками, також згадував перемоги над саклабами та русами, а також про місто К.р.х.²⁴

Побут угорців може бути реконструйований за археологічними даними, зокрема по Кудесевській та Утемільській чашам. На Утемільській чаші зображений вершник виїзжаючий на полювання з капелюхом типа Галерікус Унгарікус. Проте капелюх з хутра, а також тема полювання не була тільки угорською традицією. Подібні на

¹⁷ BEREND-LASZLOVSZKY-SZAKÁCS 2007, 320–341; BOLLÓK 2012, 131–143; BOLLÓK 2010, 39–57.

¹⁸ ПЕТРУХИН 2005; ШУШАРИН 1997, 220–221, 254–263; БАТОР 2010, 115.

¹⁹ ХВОЛЬСОН 1869.

²⁰ MINORSKY 1937, гл. 22.

²¹ БЕКРИ 1878.

²² ГАРДИЗИ 1973.

²³ МАРВАЗИ 1959.

²⁴ АГАДЖАНОВ 1965.

угорські капелюхи існували у башкирів та огурських народів. Полювання було розвагою угорців та інших кочівників.²⁵

На угорців мало вплив населення Хозарського каганата, однак його вплив не варто перебільшувати. Помітний вплив салтовців на конструкцію наборних поясів, проте форми та прикраси бляшок відрізняються, як і зброя. У угорців були двухлопасні стріли, колчани з залізними стрічками. Салтовський вплив помітний лише в стременах з прямою підніжкою. Одяг угорців був східного типу, а одяг з шовку виготовлявся у Візантії.²⁶ Більшість східного сасанідського срібла знайдено у землях сибірських угрів, використанню його угорцями було обмежено.²⁷

О. Комар так характеризував поховання протомаляр – проста могильна яма, витягнутий костяк з західним орієнтуванням, розташування у могилі коня у вигляді черепа та нижній частині кінцівок. Для більш ранніх поховань ж було характерним північне орієнтування похованого. Необхідно відзначити, що для кушнар'онківців та караякупівців були характерні різні риси поховального обряду. Для кушнар'онківців, на які і повинні орієнтуватися хунгарісти, характерні підкурганні поховання та кістки коня розташовані у насипу. Караякупівці ж ховали своїх померлих у безкурганих похованнях з дерев'яними гробами, а коня клали у насипи та могили. У сусідів угорці запозичували накладки на лук гунно-булгарського типу. Угорці епохи набуття Батьківщини запозичували у тюрків обряд поховання розтягнутої шкіри чи чучела коня. Західне орієнтування поховання з'являється тільки наприкінці VII ст. В IX ст. з'являються вісімко-подібні стремена. О. Комар справедливо вказує, що угорські пам'ятники у зоні салтово-маяцької культури одинарні і у багатьох випадках не утворюють групи, що робить концепцію Салтовської Лебедії неймовірною. У пам'ятниках типа Субботці є впускні підкурганні поховання, яка складається з під прямокутною могильною ями з заокругленими кутами

та з присипкою з крейди та вугілля, витягнутий на спині стан костяка з західним орієнтуванням. Кістки коня у вигляді складених у ног нижньої частини кінцівок та черепа, направлено носовими кістками у бік голови похованого. Відмінністю пам'ятників типа Субботці від угорських пам'ятників X ст. було тільки домінування підкурганних поховань. Багато речей матеріальної культури цього типу близькі караякупівським та великотиганським аналогам. Угорці були знайомі з булгарською та салтівською (хозарською) керамікою, проте не були здатні її відтворити, власне угорська кераміка зроблена грубо. Перебуваючи у Північному Надчорномор'ї угорці імпортували салтовську (хозарську) зброю та престижні предмети. Обмежено завозилась хозарська кераміка, більш поширена слов'янська кераміка. Носії типу Субботці близькі до угорців періоду Набуття Батьківщини.²⁸

Міфи угорців були схожі на міфи гунів та огурів. Необхідно відзначити, що міф про оленя був властивий і гуннам і булгарам. Йордан повідомляв про оленя, котрий привів гунів до Меотиди та Таврики. У булгар ж згадувались, два брата Куртугур та Утигур, котрі переслідували оленя і таким чином прийшли до Меотиди. У угорців ж згадувалось про оленя, якого переслідували брати Хунор та Магор. Цей сюжет був використаний у хроніці Шимона Кезаї. Повідомлялось, що після полювання на оленя вони зустріли синів та дочок Белара, а також дочок аланського князя Дула. На одній з дочок Дула одружився Хунор, а на іншій Магор. Шимон Кезаї вказував, що від них і походили гуни від яких походили угорці. Анонім сюжета з полюванням на оленя не знав, але згадував про полювання на оленя угорського вождя Борша у річки Гарама. На місці, де він вбив оленя, було засноване місто Боршвар. У угорському хронікальному зведенні XIV ст. повторювався сюжет про полювання на оленя та згадувалось про долі Хунора та Магора, а їх нащадками були гуни та угорці. Чарівний олень з'явився Гезі з Ласло Святим. У рогах

²⁵ ЛАНГО 2006, 194–195, 198–199.

²⁶ ТЮРК 2006, 185–188; TÜRK 2010, 261–306; E. NAGY ET AL. 2010, 11–26.

²⁷ ТЮРК 2013, 231–236.

²⁸ КОМАР 2011, 51–69.

оленя горіли свічки. У сибірських наскальних зображеннях був намальований олень з лучистими дисками. На думку І. Фодора, легенда про чарівного оленя була угорською традицією. Проте Г. Дьоні відзначав, що ця легенда властива не тільки угорцям, а була поширеним сюжетом у скифів, гунів, болгар. Д. Ласло вважає, що легенда про чарівного оленя була характерна для лісостепового компонента у угорському етногенезі, а легенда про Турула – для степового компонента. У сибірських угрів був міф про двох піших мисливців, які полювали на оленя. Міф про тварину, котра привела мисливців на нову Батьківщину спостерігається у огузів. Легенда про собаку, яка привела огузів на захід, зафіксована у огузів Михайло Сирійським. Ім'я Булан, котре використовувалось у хозар, було символом оленя. Пам'ять про чарівного оленя була й у скифів. Міф про чарівне зачаття зустрічався у монголів, угорців та башкирів. За даними угорської історичної традиції Емеше народила від сокола Турула, який охороняв світове дерево.²⁹ Шимон Кезаї, автори Ілюстрованої, Будської, Пожонської хронік, Янош Туроці вважали, що угорці це нащадки гунів і вважали Аттілу своїм правителем. Цією схемою історії вони виправдовували владу над Центральною Європою. Міфи створені угорськими хроністами показували зв'язок між гунами та угорцями. Історики створили туранський міф угорців і використовували міфи описані більш ранніми істориками, у яких були зафіксовані звичаї скифів та гунів.³⁰

У угорців сакралізований образ сокола Турула. На срібляних дисках у Ракамазі зображений Турул, котрий тримав у одній лапі рослину, а у іншій птахів. Він був тотемом рода Арпадів.³¹ Цікаво, що у давніх тюрків сокол називався тогрул. На одному з срібляних дисків у Ракамазі зображений Турул з двома птахами у когтях і таким чином зображувався мотив терзання здобичі. За легендою, коли на угорців напали вороги та угорці не знаходили шляху крізь гори, то Альмош покликав на допомогу Турула, котрий розсунув гори для угорців і вони перейшли їх, а ворогам він закрив шлях і засипав їх каменями.³²

Таким чином, дуалізм верховної влади у угорців пов'язаний з впливом огурських племен – хозар та болгар. Переселення угорців на землі *Pax Christiana* обумовило трансформацію їхньої політичної та соціальної організації. Арпад зосередив у своїх руках верховну владу, Такшонь відмовився від давньотюркської системи успадкування влади замінивши її майоратом. Вайк (Іштван Святий) ліквідував трайбалізм і зробив християнство державною релігією. Угорські талтоші були аналогом тюркських камів, а Іштен – аналогом Тенгрі. Також у угорців та тюрків були схожі уявлення про Світове дерево та про мотиви боротьби. Для угорців, як і для тюрків властиві тотемізм та сакралізація образу хижої тварини. Міфологія угорців являла собою суміш тюркських та угорських традицій.

²⁹ Шушарин 1997, 201–202; Петрухин 2005; Степанов 2011, 241–244, 248; Голден 2008, 115–116; Дьєни 2007, 34–43; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 321; SPINER 2003, 34–35.

³⁰ Петрухин 2005; Дьєни 2007, 34–43; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991, гл. 38, 40.

³¹ Петрухин 2005; БАТОР 2007, 34–43.

³² Петрухин 2005; Шушарин 1997, 201; Степанов 2011, 249; БАТОР 2010, 115; RADY 2009; BEREND–LASZLOVSKY–SZAKÁCS 2007, 321; SPINER 2003, 34.

ПИСЕМНІ ДЖЕРЕЛА

- БЕКРИ 1878: Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. В: *Записки Императорской Академии Наук* 32:2 (1878).
- БРУНО КВЕРФУРТСКИЙ 1873: Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II. В: *Киевские Университетские Известия* 8 (1873).
- ГАРДИЗИ 1973: Извлечение из сочинения Гардизи “Зайн ал-ахбар”. Приложение к “Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.” В: *Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению*. Москва 1973.
- ДЕЯНИЯ ВЕНГРОВ 2007: «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом. Перевод В. И. Матузовой, вступительная статья и комментарии М. К. Юрасова. In: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Санкт-Петербург 2007:1/2, 87–98.
- ИБН-ФАДЛАН 1939: *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Перевод и комментарии А. П. Ковалевского. Под ред. И. Ю. Крачковского. Москва–Ленинград 1939.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991: *Об управлении империей*. Ред.: Литаврин, Г. Г. – Новосельцев, А. П. Москва 1991.
- МАРВАЗИ 1959: Шараф Заман Тахир ал-Марвази: Естественные свойства животных. Глава о тюрках. В: *Труды сектора института востоковедения* 1. Алматы 1959.
- МАРВАЗИ 2006: Тахир Марвази. Природа животных. В: *История татар 2. Волжская Булгария и Великая Степь*. Глав. ред.: Усманов М. – Хакимов, Р. Казань 2006, 707–709.
- ОТТОН ИЗ ФРАЙЗИНГА 1887: Деяния императора Фридриха. В: *История средних веков в его писателях и исследованиях новейших ученых* 3. Санкт-Петербург 1887.
- ХОНИАТ МИХАИЛ 2009: Хониат Михаил: Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата. Из XIII огласительной беседы Михаила Хониата. В: *Причерноморье в средние века* 7. Ред.: Карпов, С. П. Москва 2009.
- CHRONICON PICTUM 1883: Chronicon pictum Vindobonense ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus. In: *Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores* 2. Lipsiae 1883, 110–245.
- MINORSKY 1937: Minorsky, V.: *Hudud al-'Alam: The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* London 1937.
- RADY 2009: Rady, M.: The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation. *Slavonic and East European Review* 87 (2009) 681–727.
- SIMONIS DE KEZA 1883: Simonis de Keza: Gesta Hungarorum. *Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores* 2. Lipsiae 1883, 52–99.

ЛИТЕРАТУРА

- АГАДЖАНОВ 1965: Агаджанов, С. Г.: Новое известие о средневековых тюрках. В: *Известия Академии Наук ТуркмССР. Серия общественных наук* 6 (1965).
- БАТОР 2010: Батор, В.: Религиоведческие исследования мифологии венгерского народа. In: *Вестник Севастопольского государственного технического университета* 103 (2010) 114–117.
- БУШАКОВ–БУБЕНОК 2013: Бушаков, В. А. – Бубенок, О. Б.: Походження мадярських етнонімів, топонімів та титулів згаданих у трактаті Костянтина Багрянородного De administrando imperio. In: *Byzantina Ucrainensia. Том 2. Рюмэйос: сборник статей к 60-летию С. Б. Сорочана*. Харьков 2013, 59–70.
- ГАРКАВИ 1870: Гаркави, А. Я.: *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины*

- VII века до конца X века). Санкт-Петербург 1870.
- ГОЛДЕН 2008: Голден, П.: Религия кыпчаков средневековой Евразии. *Степи Европы в эпоху Средневековья* 6. Донецк. Ред.: Евглевский, А. В. 2008, 309 – 340.
- ДЬЕНИ 2007: Дьени, Г.: Легенда о чудесном олене: исторические корни и интерпретации мадьярской праистории. *Известия Уральского государственного университета* 49:13 (2007) 34–43.
- ЕРМОЛЕНКО 2008: Ермоленко, Л. Н.: *Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии*. Томск 2008.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадяры Этелькеза: перспективы исследований. В: *Мадяры в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 51–69.
- КОРОГЛЫ 1988: Короглы, Х. К.: Тюркско-венгерским фольклорным связям. В: *Советская тюркология* 1988:3, 24–29.
- ЛАНГО 2006: Ланго, П.: Утемильская чаша (заметки о восточных связях венгров). В: *Взаимодействие народов в эпоху Великого переселения народов*. Ред.: Голдина, Р. Д. – Шапран, И. Г. – Лещинская, Н. А. – Макаров, Л. Д. Ижевск 2006, 192–202.
- ЛУКИНА 2009: Лукина, С. Г.: *Авары. Путь в Европу*. Ижевск 2009.
- НАПОЛЬСКИХ 1997: Напольских, В. В.: *Введение в историческую уралистику*. Ижевск 1997.
- ПЕТРУХИН 2005: Петрухин, В. Я.: *Мифы финно-угров*. Москва 2005.
- РАСОВСКИЙ 2012: Расовский, Д. А.: Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. В: *Половцы. Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии*. Ред.: Храпачевский, Р. П. Москва 2012, 39–111.
- РОНА-ТАШ 2005: Рона-Таш, А.: Хахары и мадяры. In: *Хазары*. Ред.: Петрухин, В. – Москович, В. – Федорчук, А. – Кулик, А. – Шапиро, Д. Москва–Иерусалим 2005, 111–124.
- СТЕПАНОВ 2011: Степанов, Ц.: Мифологические стратегии генеалогии власти в раннесредневековой Болгарии и Хазарии. In: *Хазарский альманах*. Ред.: Олійник, М. М. Киев–Харьков 2010–2011, 241–257.
- ТЮРК 2006: Тюрк, А.: Анализ археологических находок X в. в Карпатском бассейне и их роль в изучении венгерской предыстории. В: *Взаимодействие народов в эпоху Великого переселения народов*. Ред.: Голдина, Р. Д. – Шапран, И. Г. – Лещинская, Н. А. – Макаров, Л. Д. Ижевск 2006, 185–188.
- ТЮРК 2013: Тюрк, А.: От Урала до Карпатов. Новые результаты и перспективы в археологии Европы по поводу древних венгров. В: *II международный мадьярский симпозиум*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 231–236.
- ХВОЛЬСОН 1869: Хвольсон, Д. А.: *Известия о хозарах, болгарях, буртасах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Лондонского музея*. Санкт-Петербург 1869.
- ШУШАРИН 1961: Шушарин, В. П.: Русско-венгерские отношения в IX в. В: *Международные связи России до XVII в.* Ред.: Зимин, А. А. – Пашуто, В. Т. Москва 1961, 131–180.
- ШУШАРИН 1997: Шушарин, В. П.: *Ранний этап этнической истории венгров*. Москва 1997.
- ЮРАСОВ 2012: Юрасов, М. К.: Характер верховной власти у венгров IX века. *Мир истории* 2 (2012). URL: <http://www.historia.ru/2012/02/yurasov-02-2012.htm> (дата обращения: 24. 11. 2018.)
- BEREND 2001: Berend, N.: *At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and «pagans» in medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300*. Cambridge 2001.
- BEREND–LASZLOVSZKY–SZAKÁCS 2007: Berend, N. – Laszlovszky, J. – Szakács, B. Zs.: The kingdom of Hungary. In: *Christianisation and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Ed.: Berend, N. Cambridge 2007, 319–367.

- BOLLÓK 2010: Bollók, Á.: Pogányság és kereszténység között. A Kárpát-medence a magyar honfoglalás korában (Paganism and Christianity. The Carpathian Basin in the tenth century). In: *Keresztény gyökerek és a boldog magyar élet*. Szerk.: Rochlitz B. Budapest 2010, 39–57.
- BOLLÓK 2012: Bollók, A.: Byzantine missions among the Magyars during the later 10th century. In: *Rome, Constantinople, and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. U źródeł Europy Środkowo-wschodniej*. Vol. 2. Ed.: Salamon, M. – Wołoszyn, M. – Musin, A. – Špehar, P. Kraków–Leipzig–Rzeszów–Warszawa 2012, 131–143.
- GOLDEN 1976: Golden, P. B.: The Qazaro-Hungarian Title Personal name Eliex. In: *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1. Wiesbaden 1976, 37–43.
- GOLDEN 1990: Golden, P. B.: The Origins and Development of the Hungarians. In: *Cambridge History of Early Inner Asia*. Ed.: Sinor, D. Cambridge 1990, 243–248.
- NAGY ET AL. 2010: Nagy, K. – Bíró, A. – Bollók, A. – Költő, L. – Langó, P. – Türk, A.: Bizánci selyemruha töredéke egy fonyódi 10. századi sírból. Újabb adatok a Kárpát-medence 10. századi viselettörténetéhez. In: *Studia et experientia docent. Tanulmányok László Emőke tiszteletére*. Szerk.: Szegzárdy-Csengery K. – Szilágyi A. – E. Nagy K. Budapest 2010, 11–26.
- NÉGYESI–VESZPRÉMY 2011: Négyesi L. – Veszprémy L.: *1000–1100 évvel ezelőtt. Magyarország a Kárpát-medencében*. Szerk.: Gubcsi L. Budapest 2011.
- NÉMETH 2003: Németh, Gy.: The Origins of the tale of blood-drinking Hungarians. In: *Tolerance and Intolerance in Historical Perspective*. Eds.: Lévai, Cs. – Vese, V. Pisa 2003, 91–110.
- SPINEI 2003: Spinei, V.: *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca 2003.
- TÜRK 2010: Türk, A.: A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In: *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.)*. Szerk.: G. Tóth P. – Szabó P. Szeged 2010, 261–306.

ПОВОЛЖЬЕ

•

A VOLGA MENTE

БОЛЬШЕ-ТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ, НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА ВАЛИУЛИНА* – АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЯТАЕВ –
ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА ВОРОНИНА – АННА ГЕННАДЬЕВНА ИВАНОВА

Ключевые слова: *протовенгры, Среднее Поволжье и Прикамье, Больше-Тиганский могильник, IX–X вв., естественнонаучные методы, стекло, металл, керамика*

Kulcsszavak: *korai magyarok, Középső-Volga és Káma mente, Bolsije Tyigani-i temető, 9–10. század, természettudományos vizsgálati módszerek, üveg, fém, kerámia*

Светлана Игоревна Валиулина – Андрей Васильевич Пятаев – Елена Валентиновна Воронина – Анна Геннадьевна Иванова

Больше-Тиганский могильник: современное состояние исследований, новые методы и подходы¹

Статья представляет некоторые итоги комплексного исследования материалов Больше-Тиганского могильника IX – начала X вв. на междисциплинарной основе. Первые результаты этой работы раскрывают новые источниковые возможности уникального памятника, показывают большие перспективы такого подхода. Анализ основных материалов – металлических и стеклянных украшений, органических материалов (текстиль, войлок, кожа) и керамики позволил представить технологические характеристики изделий этих категорий, поставить вопросы о центрах производства, путях поступления, культурных связях протовенгров Среднего Поволжья и месте Больше-Тиганского могильника в системе древностей IX–X вв.

Szvetlana Igorjevna Valiulina – Andrej Vasziljevics Pjatajev – Jelena Valentyinovna Voronyina – Anna Gennagyjevna Ivanova

A Bolsije Tyigani-i temető: a kutatás jelenlegi állása, új módszerek és megközelítések

A cikk néhány új eredményt mutat be a 9. század és a 10. század eleje közé keltezhető Bolsije Tyigani-i temető interdiszciplináris kutatásából. Ennek a munkának az első eredményei új információforrásokat nyitnak ezen unikális lelőhellyel kapcsolatban, ez a megközelítés pedig nagyobb perspektívák feltárását teszi lehetővé. Az alapanyagok analízise kiterjed a fémből és üvegből készült díszítményekre, a szerves anyagokra (textil, nemez, bőr) és a kerámiára, és így lehetőséget nyújt ezen leletek készítéstechnikai jellegzetességeinek megismerésére, illetve a műhelykörzetek és kereskedelmi útvonalak körvonalazására. Betekintést engednek továbbá a Középső-Volga-vidéken élt korai magyarság kulturális kapcsolataiba és a Bolsije Tyigani-i temetőnek a 9–10. századi régészeti lelőhelyek rendszerében elfoglalt helyére.

Больше-Тиганский могильник с момента его открытия явился научной сенсацией и получил стремительную известность в силу богатства материалов, а также благодаря оперативной и тщательной их публикации Е. А. Халиковой.² Острая полемика об этнокультурной принадлеж-

ности и хронологии памятника, которая развернулась с появлением первых статей, еще одно подтверждение научной значимости открытого в 1974 г. могильника. За последние 40 с лишним лет материалы Больше-Тиганского могильника не утратили своего высокого статуса не только

* Казанский (Приволжский) федеральный университет, Кафедра истории Татарстана, археологии и этнологии, 420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18, svaliulina@inbox.ru

¹ The reported study was partially supported by RFBR, research project № 16-06-00453. Исследование выполнено по проекту РФФИ №16-06-00453.

² Халикова 1975; Халикова 1976.

в системе древностей VIII–X вв. Волго-Камья, но и в международном масштабе памятник остается самым крупным могильником протовенгров-угров на востоке Европы.

В 1980-е годы по результатам полевых исследований поздней, как считал А. Х. Халиков, грабленной части могильника, была скорректирована верхняя граница времени функционирования памятника и, соответственно, его атрибуция.³ В настоящее время практически всеми исследователями признано, что могильник использовался и в начале X в., а, следовательно, принадлежал «отколовшимся» оставшимся в Прикамье протовенграм. Поздние комплексы могильника датируются, кроме монеты 900 года, деталями поясной гарнитуры и некоторыми типами стеклянных бус, самым выразительным из которых является тип бус индивидуальной работы с глазками в овалах или петлях. Ю. Каллмер бусы глазчатые в петлях (тип В 090), как и мозаичные, в скандинавских памятниках включает в одну хронологическую группу бус, бытовавших с 960 по 1000 гг.,⁴ или с середины по последнюю треть X века.⁵ На территории Центральной и Восточной Европы эти типы бус имеют более широкий диапазон бытования, при этом сохраняя статус маркера прежде всего X в. По мнению исследователей эти бусы являются ближневосточным импортом. В Тиганах найдена только одна такая бусина. Значительно большим числом они представлены в Танкеевском могильнике IX – середины X в., 57 экземпляров их зафиксировано в Болгаре X в.⁶

В связи с определенностью верхней даты могильника более проблемной остается нижняя хронологическая грань.

Больше-Тиганский могильник выступает очень устойчивым, «самодостаточным» этнокультурным комплексом, погребальный инвентарь которого демонстрирует минимальное присутствие «чужих» вещей, и отражает слабую

вовлеченность оставившего его населения в процессы межкультурного взаимодействия в регионе. Контакты с соседями фиксируются только в двух случаях: женское мордовское погребение № 42 с характерным головным (налобным) венчиком и грубым лепным сосудом баночной формы и красноглиняный с лошением гончарный кувшинчик из погребения № 44.⁷ Этот факт противоречит процессу консолидации населения Волго-Камья, который должен был идти в период сложения государства Волжская Булгария на рубеже IX–X вв. В полной мере это взаимодействие представляет более поздний Танкеевский могильник.⁸ Таким образом, Больше-Тиганский могильник (во всяком случае, его ранняя неграбленная часть) не относится ко времени широких межкультурных контактов раннегосударственного периода. Могильник также вряд ли мог существовать в одно время с Билярским городищем, расположенным в 25 км от некрополя. То есть, в контексте древностей Волго-Камья, памятник является чрезвычайно важным в этнокультурном, этногенетическом и в хронологическом аспектах.

В этой связи показательны материалы Танкеевского могильника второй половины IX – середины X вв., характеризующие этнополитические и этнокультурные процессы в крае в первой половине X в., отражающие процесс формирования болгарского государства, на что указывают смешанные погребальные комплексы и мусульманские погребения в поздней группе могильника.⁹

В последнее время одной из основных проблем атрибуции материалов могильника, как и других памятников его круга, является определение производственной базы, обеспечившей богатство материальной культуры кочевников-протовенгров. Высокий уровень исполнения художественных изделий указывает на городской характер ремесла. В то же время, исследования погребального инвентаря лишь на

³ Халиков 1984, 130.

⁴ CALLMER 1977, 85–86, I.

⁵ CALLMER 1977, 200, pl. 18, A, 7–9, B, 12.

⁶ VALIULINA 2016, 121–124, fig. 5d, fig. 8.

⁷ CHALIKOVA–CHALIKOV 1981, Taf. XXXA. 1, Taf. XXXI. 2, 15.

⁸ КАЗАКОВ 1992.

⁹ КАЗАКОВ 1992.

основе морфологических признаков не позволяют осуществить проекцию этого материала на конкретный ремесленный центр или центры. Пробные серии анализов естественнонаучными методами стеклянных украшений, текстиля, серебряных изделий показали перспективность такого направления поиска с учетом комплексного подхода, как в подборе вещевых категорий, так и в используемых методиках, сочетающих взаимодополняющие анализы репрезентативных серий.

Методом сканирующей электронной микроскопии и рентгено-флуоресцентным анализом был установлен химический состав стеклянных украшений Больше-Тиганского, Кушнаренковского, Больше-Тарханского и Танкеевского могильников. Сравнительный анализ результатов показал своеобразие данных комплексов, обусловленное различиями в хронологии, иерархии сбыта и путях поступления, в основном, ближневосточного импорта в течение VIII–X вв., выразившееся в количественном соотношении каменных и стеклянных бус, а также в соотношении бус массового и индивидуального исполнения.¹⁰

Кроме бус была исследована еще одна категория погребального инвентаря, являющаяся продукцией двух ремесленных производств: ювелирного ремесла и стеклоделия.¹¹ Аналитическую выборку составили 15 перстней, у которых был определен состав металла основы и состав стеклянных вставок (три перстня имели сердоликовые вставки). Всего на памятнике обнаружено 25 перстней, в женских (13 экз.), мужских (9 экз.) и в неопределенных грабленных погребениях (3 экз.). В трёх комплексах перстней было несколько: по два – в погребениях № 23 и № 19, три – в погребении № 35. Все они литые имели щитки ромбической формы, круглые или овальные касты, в которых вставки стеклянные или сердоликовые крепились четырьмя цапфами. Иногда от цапф-захватов почти под прямым углом отходили четыре «шипа» (погребение № 70, погребение № 35). Большая часть

вставок была выполнена из прозрачного разного оттенка зеленого, марганцевого (от розового до темно-лилового), желтого и голубого стекла. Перстни имели очень незначительные вариации в размерах обруча около 18–20 мм в диаметре. Только перстень из мужского 24 погребения достигал диаметра 25 мм (Археологические Коллекции Университета 217/350). Вероятно, в процессе ношения не подходящие по размеру изделия владелец старался сам поправить, так обруч перстня из погребения № 23 (АКУ 217/336) имел обмотку обруча в пять оборотов, очевидно, кожаной ленточкой шириной 2 мм, серебро перстня обеспечило сохранность такой корректировки.

Рентгенофлуоресцентным анализом был определен характер металлических сплавов, легирующие элементы в их составе и химические типы стекла вставок. Было установлено, что восемь перстней были выполнены из довольно высокопробного серебра: Ag от 76,34% до 87,17%, – в четырёх перстнях концентрация соединений серебра составляла 49,13–68,27%, 3 перстня выполнены из многокомпонентного сплава на основе меди (АКУ 217/166, погребение № 7) и из оловянно-свинцовой латуни (АКУ 217/473 и АКУ 217/474, погребение № 35). Технологическую и сырьевую характеристику как металла, так и стекла, дополняют элементы-микропримеси (табл. 1; 2).

По составу стекла вставки перстней разделились на три химических типа.

Тип 1. Содовое стекло представляет синяя прозрачная вставка (табл. 1) (АКУ 217/336, погребение № 23). Состав стекла не оставляет сомнений в определении его как минерального натриевого класса $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, который характеризуют абсолютное преобладание оксида натрия над оксидом калия в составе щелочных компонентов, достаточно высокая концентрация соединений кальция и выразительное присутствие оксида алюминия. При этом низкие значения менее 1% оксидов калия и магния показывают, что стекло было сварено с использованием минерального

¹⁰ Валиулина 1996, 573; Валиулина 1996а, 135; Валиулина 2010, 278.

¹¹ VALIULINA–VORONINA–MANAPOV–PYATAEV 2014, 205.

Таблица 1: Химический состав вставок перстной Больше-Тиганского могильника (стекло)
1. táblázat. A Bolsije Tyigani-i temetőből származó fejeggyűrűk betakásának kémiai összetétele (üveg)

Шифр, № погребения	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	Co ₂ O ₃	NiO	CuO	ZnO	SrO ₂	ZrO ₂	BaO	PbO	SiO ₂
АКУ 217/400, п. 28	12,704	2,713	1,671	0,499	1,598	6,883	0,112	0,13	0,741	0	0,006	0,026	0,007	0,029	0,006	0	0	71,948
АКУ 217/431, п. 30	13,375	4,219	2,115	0,536	3,119	7,113	0,12	1,058	0,663	0	0,007	0,039	0,006	0,065	0,016	0	0	66,51
АКУ 217/474 п. 35	0,275	0,028	1,496	0	0,18	0,524	0,11	0	0,41	0	0,061	0,841	0,053	0	0	0	0	62,925
АКУ 217/219, п. 13	16,766	3,08	1,957	0,305	2,102	6,173	0,061	0,091	1,133	0	0,005	0,012	0,01	0,026	0,005	0	0	67,415
АКУ 217/616, п. 60	14,162	2,899	2,367	0,443	2,821	7,307	0,128	1,224	0,113	0,314	0,007	0,009	0,01	0,023	0,005	0	0	67,823
АКУ 217/243, п. 16	17,22	2,514	5,293	0,552	4,502	5,183	0,173	0,042	1,043	0,025	0,006	0,037	0,046	0,032	0,009	0,054	0	62,107
АКУ 217/336а, п. 23	15,376	0,94	2,558	0,162	0,816	8,156	0	0,962	1,153	0	0,008	0,11	0,01	0,066	0,013	0,061	0,534	67,874
АКУ 217/658, п. 68	13,485	3,622	2,313	0,334	2,728	7,301	0,158	1,602	0,753	0	0,007	0,029	0,004	0,064	0,014	0,043	0,022	66,553
АКУ 217/453, п. 33	14,183	5,634	1,434	0,139	2,926	5,225	0,154	1,408	0,483	0	0,008	0,007	0	0,063	0,015	0,054	0,015	67,228
АКУ 217/350, п. 24	16,109	1,814	9,3	0,482	3,723	6,732	0	0,147	1,672	0	0,007	1,309	0,011	0,054	0,007	0	0,129	57,183
АКУ 217/166, п. 7	13,31	4,775	1,598	0,173	3,736	6,093	0	1,145	0,088	0	0,019	0,027	0,018	0,072	0	0	0,025	67,541
АКУ 217/729, п. 70	57,35	0,599	0,646	0,336	31,1	2,4845	0,119	1,429	0,674	0	0,015	0,015	0,007	0,034	0	2,4845	1,429	74,293
АКУ 217/336б, п. 23	13,152	5,557	1,292	0,182	2,513	4,593	0,074	1,247	0,656	0,03	0,005	0,005	0,016	0,054	0,016	0,042	0,008	69,639

Таблица 2: Химический состав перстной
Больше-Тиганского могильника (металл)
2. táblázat. A Bolsije Tyigani-i temetőből származó
fejeggyűrűk kémiai összetétele (fém)

Шифр, № погребения	Ag	Au	Fe	Sn	Cu	Zn	Bi	Pb	Ni	As
АКУ 217/304, п. 21	76,343	0,359	0,184	3,476	16,968	0,196	0	1,044	0,067	0
АКУ 217/14, п. 1	87,098	0,373	0,265	2,393	6,054	0,469	0	1,074	0,093	0
АКУ 217/400, п. 28	76,277	0,463	0,247	4,019	13,91	0,406	0	1,251	0,104	0
АКУ 217/431, п. 30	82,625	0,237	0,212	0	10,573	1,042	0,091	1,183	0,103	0
АКУ 217/474, п. 35	0	0	1,999	0,896	80,862	12,832	0	2,062	0,177	0,179
АКУ 217/219, п. 13	85,043	0	0,365	0,574	6,375	0,843	0	2,561	0,06	0
АКУ 217, 473, п. 35	0	0	0,982	2,734	76,726	9,146	0	8,055	0,113	0,314
АКУ 217/243, п. 16	89,023	0,189	0,185	3,174	4,567	0,177	0	0,809	0,069	0
АКУ 217/336, п. 23	66,524	0,098	0,116	2,731	27,833	1,25	0	0,859	0,063	0
АКУ 217/658, п. 68	84,814	0,432	0,543	0,06	6,656	2,173	0,162	1,967	0	0
АКУ 217/453, п. 33	68,279	0,418	0,198	2,558	21,308	3,256	0	1,311	0,083	0
АКУ 217/350, п. 24	49,133	0,443	0,561	2,485	36,8	1,281	0	1,205	0,064	0
АКУ 217/166, п. 7	1,5	0,09	2,861	5,24	79,567	3,2868	0	4,598	0,088	0
АКУ 217/729, п. 70	57,35	0,599	0,646	0,336	31,1	2,4845	0,119	1,429	0,064	0,342
АКУ 217/336, п. 23	87,172	0,332	0,373	4,091	4,438	0,391	0	1,398	0	0

щелочного сырья – соды. Синий цвет стекла обеспечен соединениями железа.

Близко к первому типу подходит состав прозрачной вставки темно-желтого цвета (*табл. 1*) (АКУ 217/400, погребение № 28). Стекло отличается фактически пороговое значение оксида калия (1,598%) в разделении стекол на содовые и золистые. Однако, концентрация второго диагностирующего элемента (магния) не позволяет считать эту разницу аналитической погрешностью. По характерным признакам отношениям $MgO/K_2O = 1,7$ и $MgO/CaO = 0,4$ стекло является исламским золистым. В диагностике натриевого золистого стекла определяющее значение имеет отношение величин концентрации оксида магния к оксиду калия, если это отношение больше или равно 1,3, то стекло определяется как исламское. В настоящее время установлено, что все растительно-золистые образцы X в., имевшие отношение $MgO/CaO < 0,5$ и ещё более низкий уровень оксида магния являются египетскими или, по крайней мере, средиземноморскими.¹²

Тип 2. $Na_2O-K_2O-CaO-SiO_2$ – щелочное натриево-сваренное на золе растений-галлофитов аридного климата, представлено самым большим числом (13 экземпляров). Состав соответствует основной рецептуре ближневосточного стеклоделия. Низкие концентрации Fe_2O_3 от 0 до 1,5 %, Al_2O_3 от 0,5 до 1,5% и повышенные значения Si_2O_3 65% и выше 70% (*табл. 1*) (АКУ 217/453, погребение № 33; АКУ 217/166, погребение № 7; АКУ 217/739, погребение № 70; АКУ 217/336b, погребение № 23) указывают на использование кварца, а не песка.¹³ Состав этих образцов близок, в частности, химии стекла Нишапура.¹⁴

Тип 3 (1 экз.). $PbO-SiO_2$ (*табл. 1*) (АКУ 217/474, погребение № 35) составляет стекло вставки перстня изумрудного цвета 35 погребения (*рис. 1*). Из свинцово-кремнезёмно-

го стекла в исламском стеклоделии выполняли индивидуальные изделия – вставки перстней с декором в технике камео и двуслойные сосуды с резным декором, в таких стеклах концентрация оксида свинца составляла 50–74%, именно эта особенность состава делала возможной их обработку резьбой и гравировкой. Для достижения изумрудного цвета в таких стеклах функцию красителя выполнял оксид меди.¹⁵ Вставка больше-тиганского перстня тоже имеет следы резного декора на поверхности, однако, полусферическая форма не позволяет считать ее печатью. Стекло вставки практически тождественно составу ряда находок из Серче Лимани¹⁶ и составу двуслойного сосуда X века с изумрудно-зеленым, свинцово-кремнезёмным стеклом на поверхности, фрагмент которого недавно был обнаружен в Болгаре.¹⁷

Результаты анализа демонстрируют широкий спектр композиционных вариаций состава стекла вставок, но все варианты укладываются в рамки ближневосточного стеклоделия. Показательно, что содовое стекло в анализируемой выборке присутствует только в одном экземпляре, эта же тенденция нами отмечена ранее на бусинном материале могильника. В настоящее время установлено время перехода в конце VIII – первой половине IX вв. от производства натриево-минерально-содового к золистому стеклу. С IX века повсеместно доминирует стекло натриево-золистое (растительное). При этом отмечено производство натриево-минерально-содового стекла в Египте в X веке.¹⁸ Таким образом, химический состав стеклянных украшений выполняет и датирующую функцию в атрибуции памятника.

Вставка из стекла редкого состава $PbO-SiO_2$ украшала один из двух перстней 35 погребения, выполненных из латуни, где концентрация цинка составляет 12,832% и 9,146% (*табл. 2*) (АКУ 217/474; АКУ 217/473, погребение № 35),

¹² KATO ET AL. 2010, 20.

¹³ BRILL–STAPLETON 2012, 431.

¹⁴ BRILL 1995, 232, fig. 3.3, 3.4; ВАЛИУЛИНА 2016, 344.

¹⁵ BRILL–STAPLETON 2012, 418, 438.

¹⁶ BRILL–STAPLETON 2012, 129, №№ 7762–7765.

¹⁷ ВАЛИУЛИНА 2016, 135, fig. 13a.

¹⁸ PHELPS ET AL. 2016, 64, 67.

вставка второго перстня (АКУ 217/473, погребение № 35) утрачена. Оба перстня из 35 погребения являются, очевидно, ближневосточным импортом. Нужно отметить, что из всей коллекции только эти перстни отмечены высокой концентрацией цинка в своем составе.

Если исходить из того, что металлические перстни и стеклянные вставки в них должны были делать в одном ремесленном центре, то нужно предполагать их дальний импорт с Ближнего Востока, а если рассматривать более близкий регион производства, например, Хазарский каганат, тогда допускается, что там могли работать на ближневосточных полуфабрикатах стеклоделательные мастерские неполного производственного цикла.

Ранее был установлен химический состав 53 серебряных изделий могильника. Выборку составили образцы всех основных категорий погребального инвентаря. Результаты анализа позволили установить положительную корреляцию между химическим составом металла и категорией предмета, что отразило иерархию вещей по их семантическому статусу. Из серебра самой высокой пробы были изготовлены все наглазники, причем состав дирхема из погребения № 123 указывает, что сырьем для наглазников служило непосредственно раскованное монетное серебро. Присутствие наглазников на погребальном саване признано характерным элементом венгерского погребального обряда¹⁹ и являлось отражением особого отношения к голове, как вместилищу души. Серебряные пластины на лице должны были защитить и задобрить душу-тень, которая пребывала в голове, и оградить живых от этой души.²⁰ Показательно, что в погребении № 67 обнаружен золотой наглазник – единственный золотой предмет на памятнике.²¹ Этими же соображениями, видимо, обусловлена высокая проба серебра в нескольких серьгах и височных подвесках.

Рис. 1. Перстень. Большие-Тиганский могильник. АКУ 217/474 п. 35

1. kép. Fejesgyűrű a Bolsije Tyigani-i temetőből. 35. sír; leltári szám: АКУ 217/474

К числу изделий из высокопробного серебра (от 81,15% до 95,01%) относятся украшения сабель. Сабли были характерным и дорогим видом оружия ближнего боя легкой степной конницы раннего средневековья. Сам факт помещения сабли в могилу является знаком высокого воинского статуса.²² Поэтому не случайно это оружие имело самое дорогое убранство.

Неожиданные информативные возможности открылись в результате анализа и реконструкции фрагментов органических материалов.²³ Комплексным исследованием был определен широкий перечень текстиля, войлока, кожи, установлены детали кроя, выявлены технологические приемы изготовления и обработки материалов (например, дубление и лакирование кожи). В ряде случаев удалось конкретизировать и дополнить информацию о погребальном обряде и социальном статусе погребенных. Исследования в этом направлении в настоящее время продолжаются, полученные результаты помогут

¹⁹ Балинт 1988, 125.

²⁰ Fodor 1999, 63, fig. 4.

²¹ Халиков–Валиулина 1984, 166.

²² Балинт 1988, 122.

²³ VALIULINA 2016, 113; ; Голиков–Орфинская–Валиулина 2004.

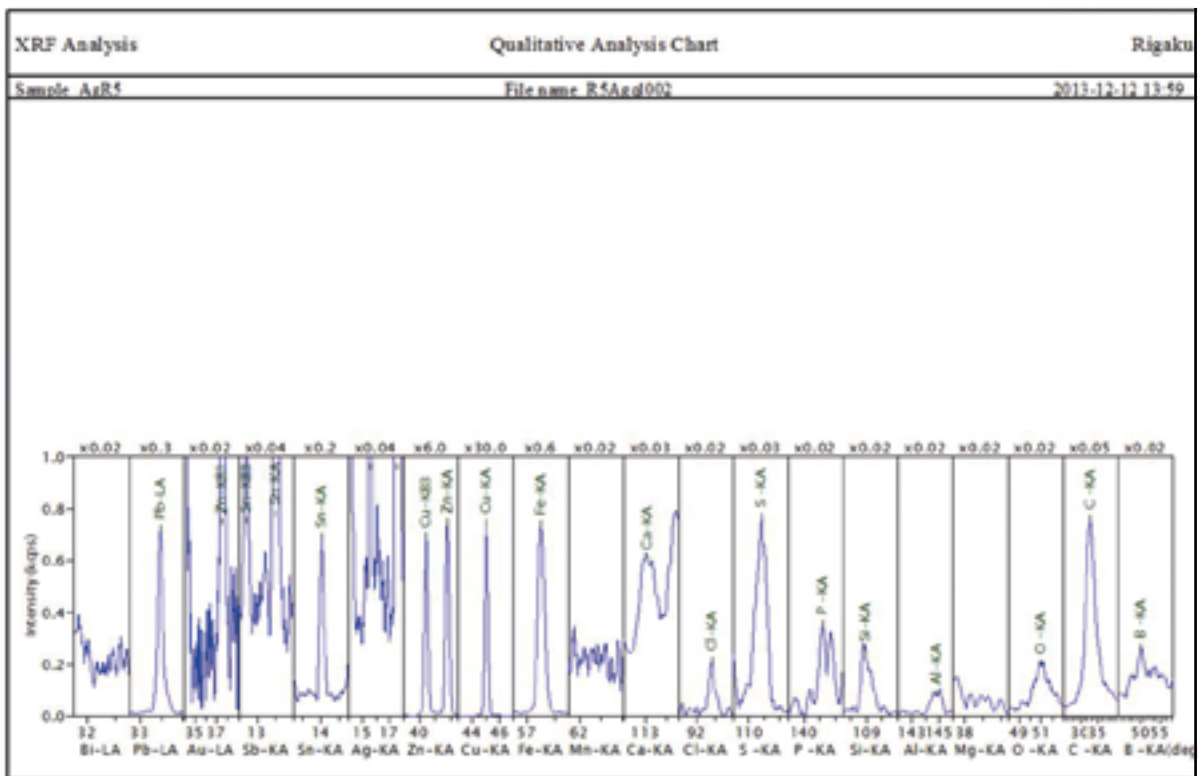
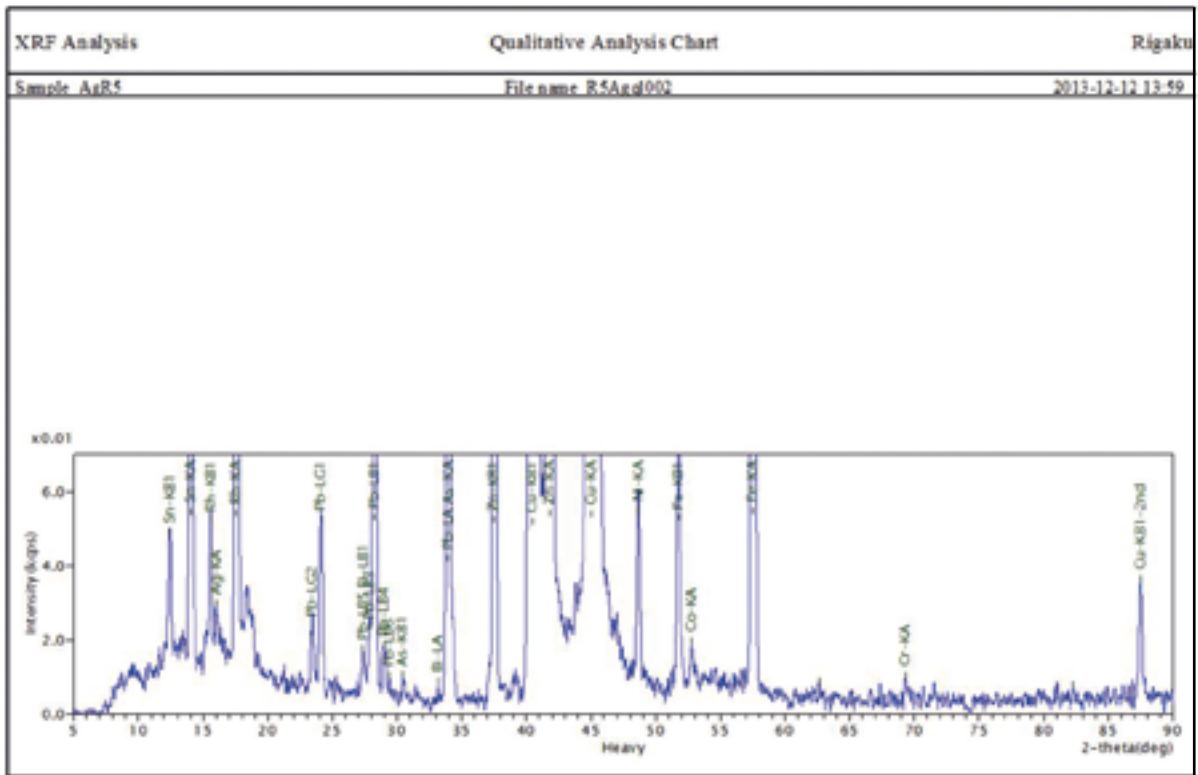

Рис. 1а. Рентгенофлуоресцентный анализ вставки перстня, зеленое стекло АКУ 217/474 п. 35
 1a kép. Röntgenfluoreszcens vizsgálat a felesgyűrű üvegbetétejéből (zöld üveg). 35. sír; leltári szám: АКУ 217/474

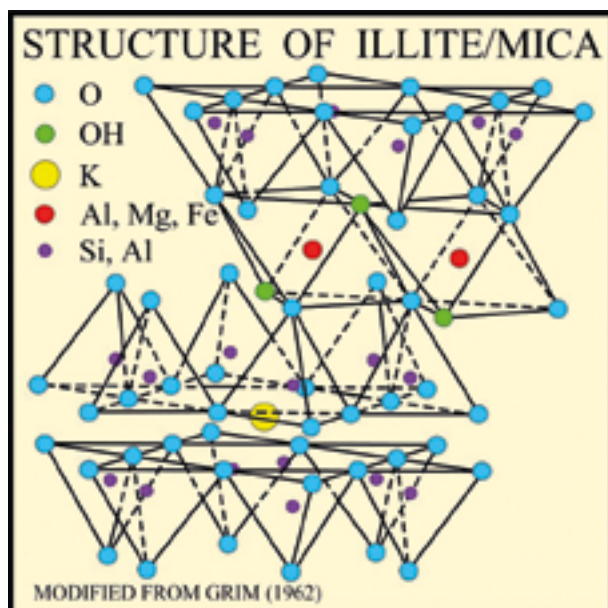

Рис. 2. Структура иллита
2. kép. Az illit szerkezete

представить реконструкцию погребального костюма, установить возможные производственные центры текстиля и пути поступления, найти этнографические аналогии, используя метод ретроспекции.

С момента открытия могильника актуальным остается исследование его погребальной керамики. С целью выяснения технологических особенностей производства глиняной посуды методом мёссбауэровской спектроскопии^{24,25} были изучены образцы керамики Больше-Тиганского могильника и сырьё окрестностей памятника. Авторами было показано использование для производства прикамско-приуральской керамики Больше-Тиганского могильника глины, обогащенной иллитом, структура которого представлена на рис. 2 с добавлением отощителей. Внешний вид образцов серой и коричневой глин микрорегиона приведен на рис. 3.

Для определения минерального состава железосодержащих компонентов были проведены мёссбауэровские измерения образцов глин (рис. 3) и сосудов. Спектры всех образцов грунтов показали две типичные формы спектра, приведенные на рисунке 4 для серых и рисунке 5 для коричневых глин соответственно. Коричневая и серая глины в окрестностях Больше-Тиганского могильника, Билярского городища XI – первой трети XIII вв., Билярского III селища 40-х годов XIII – начала XIV вв. и Торецкого городского поселения XV в. находились в непосредствен-

Рис. 3. Образцы глин микрорегиона: серая (1) и коричневая (2) соответственно
3. kép. A mikrorégió agyagmintái: szürke (1) és barna (2) agyag

²⁴ РYATAEV ET AL. 2015, 1058.

²⁵ VALIULINA ET AL. 2018.

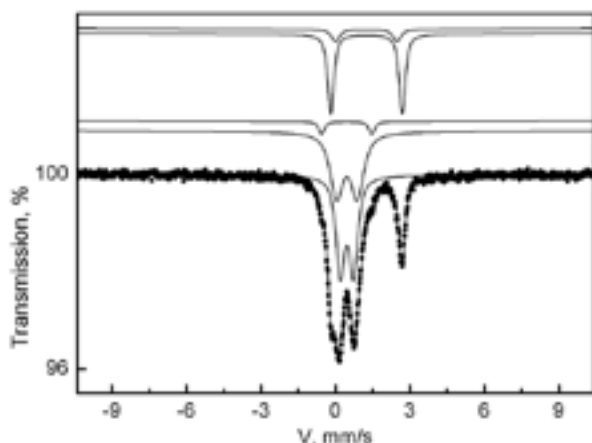

Рис. 4. Спектр пропускания серой глины, полученный при комнатной температуре

4. kép. A szürke agyag transzmissziós spektruma szobahőmérsékleten

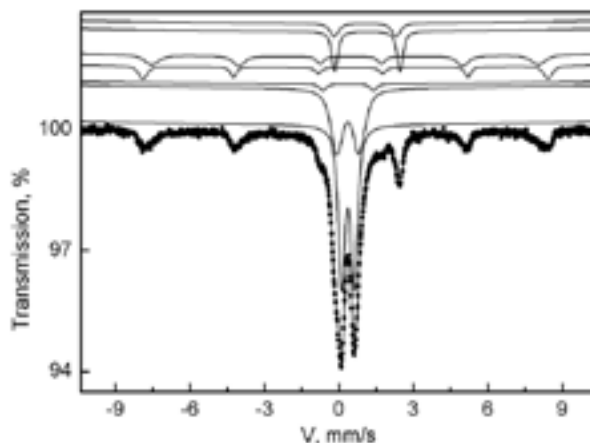

Рис. 5. Спектр пропускания коричневой глины, полученный при комнатной температуре

5. kép. A barna agyag transzmissziós spektruma szobahőmérsékleten

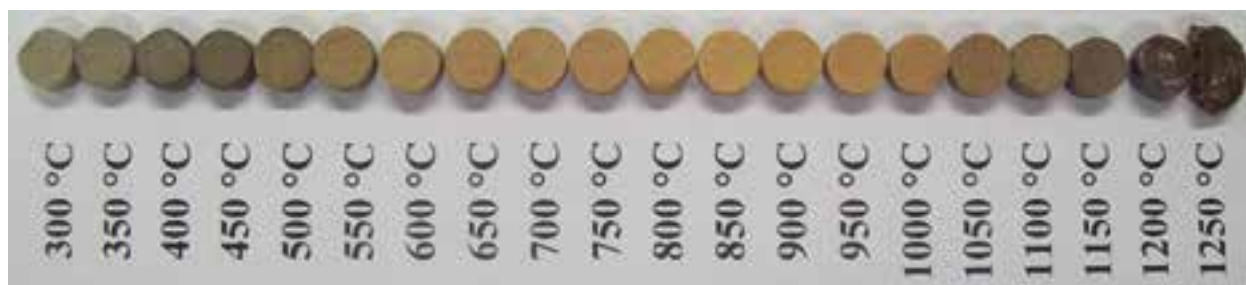

Рис. 6. Изменение цвета серой глины в процессе обжига

6. kép. A szürke agyag színváltozásai a kiégetési folyamaton

ном контакте в виде слоев, имеющих интерфейс. В связи с этим можно ожидать некоторое сходство свойств этих глин из-за общности их генезиса. Спектр образца коричневой глины, полученный при температуре 300 К, приведен на рис. 5. Параметры дублетных компонентов в спектре во многом схожи с параметрами дублетных компонентов серой глины. Однако в спектре коричневой глины присутствует составляющая, имеющая магнитное сверхтонкое расщепление. Линии секстета характеризуются большой шириной и асимметричной формой и соответствуют гематито подобным окислам, ответственным за коричневый цвет.

В настоящее время мёссбауэровскую спектроскопию применяют для решения различных задач археологии. Подобные нашему исследованию археологической керамики созвучны работам по применению мёссбауэровской спектроскопии в минералогии.^{26,27,28,29,30} В частности об изучении методом мёссбауэровской спектроскопии мусковита, иллита и продуктов его обжига сообщалось в работах.^{28,29,30} Авторы исследований показали высокую чувствительность параметров сверхтонких взаимодействий к температуре и режиму обжига керамических изделий. Опираясь на результаты работы,²⁸ представленные на рис. 7, установлено,^{24,25} что посуда

²⁶ DYAR ET AL. 2006, 83.

²⁷ RANCOURT 1998, 3.

²⁸ MURAD-WAGNER 1994, 685.

²⁹ MURAD-WAGNER 1994a, 1.

³⁰ SHABANI ET AL. 1998, 117.

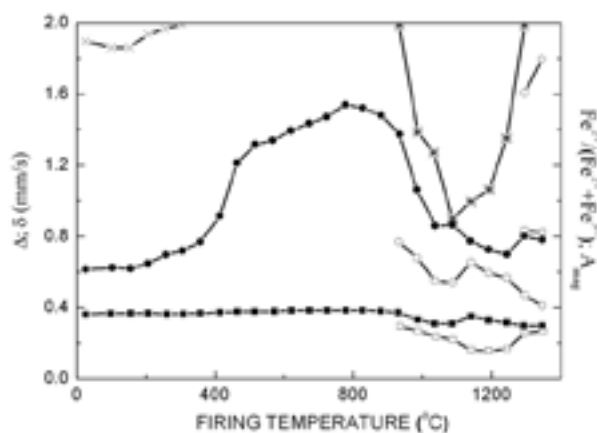

Рис. 7. Зависимость параметров спектра от температуры отжига обогащенной иллитом глины (MURAD–WAGNER 1994, fig. 3)

7. kép. Az illittel dúsított agyag összetételének paramétereit a kiégetés hőfokának függvényében (MURAD–WAGNER 1994, fig. 3)

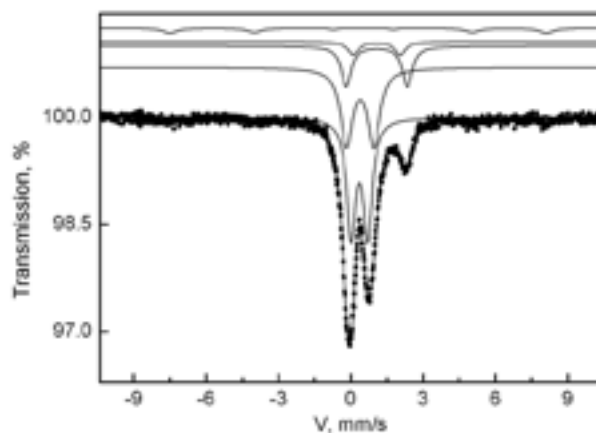

Рис. 8. Спектр пропускания АКУ 217/728 п. 70 при комнатной температуре

8. kép. A 70. sírból származó kerámia transzmissziós spektruma szobahőmérsékleten (leltári szám: АКУ 217/728)

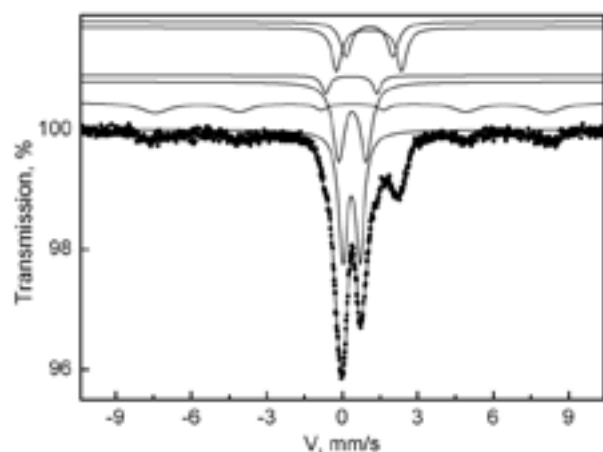

Рис. 9. Спектр пропускания АКУ 217/700 п. 78 при комнатной температуре

9. kép. A 78. sírból származó kerámia transzmissziós spektruma szobahőmérsékleten (leltári szám: АКУ 217/700)

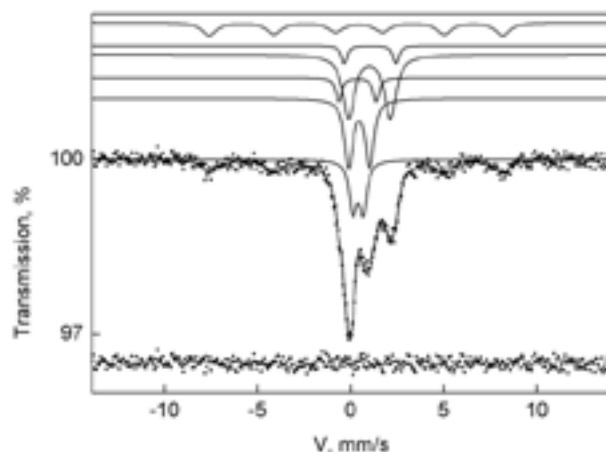

Рис. 10. Мёссбауэровский спектр образца глины из межвенцового шва бревенчатого сооружения Торецкого поселения, полученный при комнатной температуре

10. kép. A toreckojei telepről származó gerendavázis építmény tapasztásából származó agyagminta Mössbauer-spektroszkópos analízise szobahőmérsékleten

прикамско-приуральской группы в регионе Центрального Закамья, по меньшей мере, в течение семи столетий демонстрирует удивительную устойчивость этнографических и ремесленных традиций и в морфологии, сохраняя форму, пропорции, декор, и в технологии – подбор глины, добавка отощителя – толченой раковины, а также обжиг с максимальной температурой не выше 750° С в режиме дефицита кислорода (рис. 6).²⁵ Образцы керамики из погребений 70

(АКУ 217/700 п. 78) и 78 (АКУ 217/728 п. 70) являются типичными представителями этой группы. Спектры образцов АКУ 217/728 п. 70, АКУ 217/700 п. 78 приведены на рисунках 8 и 9.

Другим фактом, подтверждающим этот вывод, являются результаты мёссбауэровских исследований образца глины АКУ КРВ-3 304-11702,³¹ полученного из межвенцового шва между брев-

³¹ РYATAEV ET AL. 2016, 163.

нами сгоревшего в пожаре деревянного дома на Торецком поселении XV в., расположенном в 22 км от Больше-Тиганского могильника. Очевидно, что для замазки щелей использовалась местная глина. Во время пожара глина, которая находилась в глубине пространства между бревнами, не прогорела полностью и сохранила исходные характеристики, соответствующие ее истории. Методом мёссбауэровской спектроскопии выполнен сравнительный анализ железосодержащих компонентов образца глины из межвенцового шва бревенчатого сооружения Торецкого поселения (рис. 10) и образцов сосудов Больше-Тиганского могильника АКУ 217/728 п. 70, АКУ 217/700 п. 78. В результате установлены идентичность глины и режима

обжига больше-тиганских сосудов и образца глины из межвенцового шва бревенчатого сооружения и сосудов Торецкого поселения.

Подводя итог сказанному, нужно обратить внимание, что ещё не поставлена точка над «i» в полевых исследованиях Больше-Тиганского могильника. Для определенности в этом ключевом вопросе необходимы геофизические изыскания на площади памятника. За последнее время в Татарстане накоплен большой опыт таких разведок и отработана методика их проведения.

Настоящий краткий обзор отражает самое начало комплексного исследования уникального археологического памятника, призванного пролить свет на многие острые проблемы Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Балинт 1988: Балинт, Ч.: Археология эпохи Обретения венграми Родины (часть I). В: *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Ред.: Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1988, 112–129.
- Валиулина 1996: Валиулина, С. И.: Стекланные бусы Больше-Тиганского могильника. In: *Historia Fenno-Ugrica. Congressus Primus historiae Fennougricae* 2. Ed.: Julku, K. Oulu 1996, 573–581.
- Валиулина 1996а: Валиулина, С. И.: Химико-технологическая характеристика стекланных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников. В: *Культура евразийских степей второй половины I-го тысячелетия н.э.* Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1996, 134–147.
- Валиулина 2010: Валиулина, С. И.: Сравнительный анализ стекланных бус Больше-Тиганского и Кушнаренковского могильников. In: *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. II. Summaria acroasium in sectionibus*. Ed.: Csúcs, S. Piliscsaba 2010, 278.
- Валиулина 2016: Валиулина, С. И.: 2016. Химический состав стекла Болгара и Суvara. *Stratum plus* 2016:6, 337–357.
- Голиков–Орфинская–Валиулина 2004: Голиков, В. П. – Орфинская, О. В. – Валиулина, С. И.: Исследование органических материалов из погребений IX–X вв. Больше-Тиганского могильника. В: *Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга*. Ред.: Иванова, М. Г. Ижевск 2004, 291–298.
- Казаков 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Булгарии*. Москва 1992.
- Халиков 1984: Халиков, А. Х.: Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине). В: *Проблемы археологии степей Евразии*. Ред.: Мартынов, А. И. Кемерово 1984, 122–133.
- Халиков–Валиулина 1984: Халиков, А. Х. – Валиулина, С. И.: Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете. В: *Страницы истории Поволжья и Приуралья*. Ред.: Тагиров, И. Р. Казань 1984, 262–282.
- Халикова 1975: Халикова, Е. А.: *Magna Hungaria. Вопросы истории* 1975:7, 37–42.
- Халикова 1976: Халикова, Е. А.: Больше-Тиганский могильник. *Советская археология* 1976:2, 158–178.

- BRILL 1995: Brill, R. H.: Chemical Analyses of Some Glass Fragments from Nishapur in the Corning Museum of Glass. Appendix 3. In: *Glass of the Early Islamic Period*. Ed.: Kröger, J. N. New York 1995, 211–233.
- BRILL–STAPLETON 2012: Brill, R. H. – Stapleton, R. H.: *Chemical Analyses of Early Glasses. Corning. Reports and Essays 2000–2011:3*. New York 2012.
- CALLMER 1977: *Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800-1000 A.D.* Lund 1977.
- CHALIKOVA–CHALIKOV 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und im Ural. Das Gräberfeld von Bolschie Tigani*. Régészeti Füzetek II/21. Budapest, 1981.
- DYAR ET AL. 2006: Dyar, M. D. – Agresti, D. G. – Schaefer, M. W. – Grant, C. A. – Sklute, E. C.: Mössbauer spectroscopy of Earth and planetary materials. *Annu. Rev. Earth Planet. Sci.* 34 (2006) 83–125.
- FODOR 1999: Fodor, I.: L'héritage archeologique des hongrois conquérants (Xe siècle). In: *Les hongrois et l'Europe: conquete et integration*. Eds.: Csernus, S. – Korompay, K. Paris–Szeged 1999, 61–102.
- KATO ET AL. 2010: Kato, N. – Nakai, I. – Shindo, Y.: On-site Chemical Analysis of Raw and Waste Glass Unearthed in al-Fustat Using a Portable X-ray Fluorescence Spectrometer. In: *Artifacts of the Medieval Islamic Period Excavated in al-Fustat, Egypt*. Eds.: Kawatoko, M. – Shindo, Y. Tokyo 2010, 17–28.
- MURAD–WAGNER 1994: Murad, E. – Wagner, U.: Moessbauer study of pure illite and its firing products. *Hyperfine Interactions* 91 (1994) 685–688.
- MURAD–WAGNER 1994a: Murad, E. – Wagner, U. The Mossbauer spectrum of illite. *Clay Minerals* 29:1 (1994) 1–10.
- PHELPS ET AL. 2016: Phelps, M. – Freestone, J. C. – Gorin-Rosen, Y. – Gratuze, B.: Natron glass production and supply in the late antique and early medieval Near East: The effect of the Byzantine–Islamic transition. *Journal of Archeological Science* 2016:75, 57–71.
- ПЫАТАЕВ ET AL. 2015: Pyataev, A. V. – Valiulina, S. I. – Ivanova, A. G. – Manapov, R. A. – Voronina, E. V.: Traditional pottery raw materials of the Bilyarsk monocentric agglomeration. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Physics* 2015:79/8, 1058–1061.
- ПЫАТАЕВ ET AL. 2016: Pyataev, A. V. – Valiulina, S. I. – Ivanova, A. G. – Voronina, E. V.: Mössbauer Study of the clay from the log butt-joint of log building at the Toretskoe settlement. В: *Сборник материалов XIV Международной конференции «Мёссбауэровская спектроскопия и её применения»*. Ред.: Воронина, Е. В. и др. Казань 2016, 163.
- RANCOURT 1998: Rancourt, D. G.: Mössbauer spectroscopy in clay science. *Hyperfine interactions* 117:1–4 (1998) 3–38.
- SHABANI ET AL. 1998: Shabani, A. A. T. – Rancourt, D. G. – Lalonde, A. E.: Determination of cis and trans Fe²⁺ populations in 2M1 muscovite by Mössbauer spectroscopy. *Hyperfine Interactions* 117 (1998) 117–129.
- ВАЛИУЛИНА–ВОРОНИНА–МАНАПОВ–ПЫАТАЕВ 2014: Valiulina, S. – Voronina, E. – Manapov, R. – Pyataev, A.: Chemical Composition of the Early Hungarian Rings from Bolshie Tigany Burial. In: *40th International Symposium on Archaeometry. ISA 2014 May 19–23. Los Angeles, California. Program and Abstract Book*. Eds.: Kakoulli, I. – Walton, M. Los Angeles 2014, 205.
- ВАЛИУЛИНА 2016: Valiulina, S.: 'International Trade Relations of the Middle Volga Region in the Medieval Period through the Glass Evidence'. *Archeologia Polski* 2016:61, 113–169.
- ВАЛИУЛИНА ET AL. 2018: Valiulina, S. – Pyataev, A. – Ivanova, A. – Manapov, R. – Voronina, E.: Mössbauer Studies of Moulded Kama–Cis-Urals Ceramics. *Archaeometry* 60:6 (2018) 1237–1250.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ВЫДЕЛЕНИЕМ ПАМЯТНИКОВ МАДЬЯРСКОГО КРУГА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАШЕНКОВ*

Ключевые слова: *Археологические исследования, средневековье, Magna Hungaria, Самарское Поволжье, памятники мадьярского круга, погребения, кратковременные поселения*

Kulcsszavak: *Régészeti kutatás, középkor, Magna Hungaria, samarai Volga-vidék, magyar típusú leletek köre, temetkezések, rövid ideig használt telepek*

Дмитрий Алексеевич Сташенков

О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье¹

Статья посвящена освещению ряда вопросов, связанных с выделением комплексов мадьярского круга. На примере Самарского Поволжья показывается недостаточность материалов для категоричных выводов об этнической принадлежности выявленных в регионе археологических комплексов, связываемых с венграми. В то же время делается вывод о том, что родственное угорским группам население занимало рассматриваемую территорию на протяжении нескольких столетий.

Dmitrij Alekszejevics Sztasenkov

Észrevételek a samarai Volga-vidékről származó magyar jellegű leletek elkülönítésének néhány kérdéséhez. A cikket a szerző a magyar jellegű lelőhelyek elkülönítésének problematikájához kapcsolódó kérdések megvilágításának szenteli. A samarai Volga-vidékről előkerült, a korai magyarokkal összefüggésbe hozott régészeti leletanyagról – annak kis száma miatt – egyelőre nem lehet kategorikusan kijelenteni, hogy mely etnikumhoz tartozik. Ugyanakkor valószínűsíthetjük, hogy egy, az ugor csoportokkal rokon népességnek néhány évszázadon keresztül itt volt a szállás-területe.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МАДЬЯРСКОГО КРУГА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Письменные источники свидетельствуют о том, что в начале X века территория Среднего Поволжья к востоку от Волги была занята кочевыми группами башкортвов, которые большинством современных исследователей отождествляются с венграми.² Выделение синхронных этим источникам комплексов мадьярского круга, которые датировались бы последней четвертью I тыс н.э., по археологическим материалам стало возможным после исследования Е. А. Халиковой

Больше-Тиганского могильника на территории современного Татарстана.³ За отправную точку было принято сходство значимых признаков погребального обряда и материальной культуры с комплексом определяющих признаков памятников эпохи обретения Родины на территории современной Венгрии. Среди признаков, которые были интерпретированы исследователями как угорские, были выделены следующие: расположение костей коня в сложенном состоянии в но-

* Ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. archeo@list.ru

¹ Работа подготовлена по проекту РФФИ № 18-49-630007.

² Тюрк 2007.

³ Халикова 1976; Халикова 1976а.

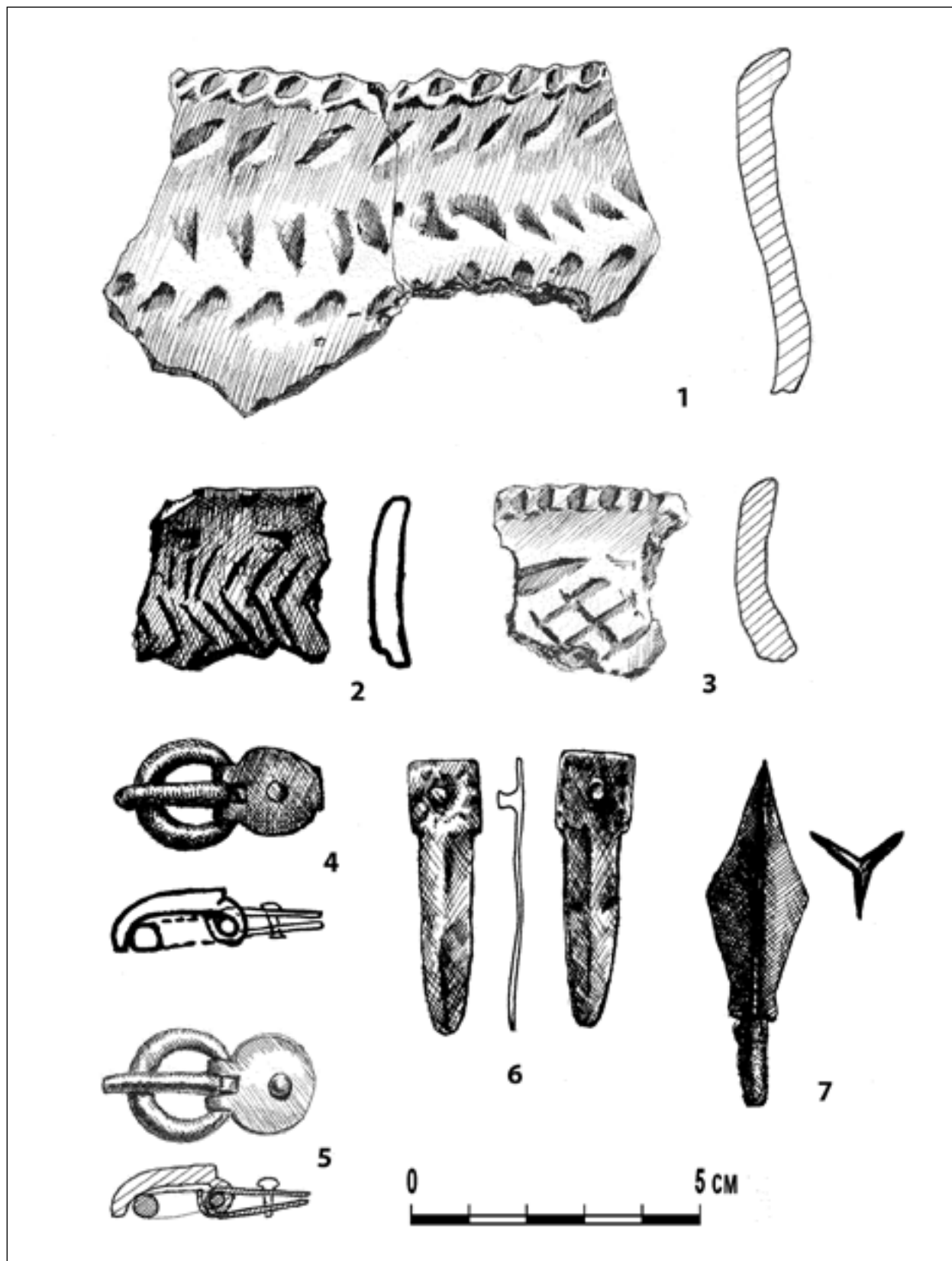

Рис. 1. Материалы первого хронологического этапа (IV–V вв. н.э.). 1–3: Фрагменты лепных сосудов; 4–5: Бронзовые пряжки; 6: Бронзовый наконечник ремня; 7: Железный наконечник стрелы. Пролетарское городище, Самарская область
 1. kép. Az első kronológiai periódusba (4–5. század) tartozó leletek. 1–3: Kézzel formált edények töredékei; 4–5: Bronzcsatok; 6: Bronzsíjvég; 7: Vasnyílhegy. Proletarij erődtített település, Szamarai terület

гах погребенного, наличие лицевых покрытий, поясных наборов с «узелковым» бордюром и декором в виде трилистника; наличие женских серег с удлиненной литой или составной многобусинной подвеской.⁴ Комплексы с подобными характеристиками были выделены в материалах Танкеевского могильника, занимающего более позднюю по отношению к Больше-Тиганскому могильнику хронологическую позицию.⁵

Стоит отметить, что если строго следовать предложенным критериям, то количество выделенных на территории Евразии к настоящему времени различными исследователями «мадьярских» комплексов значительно уменьшится. Из числа «мадьярских» придется исключить основную массу захоронений, в которых представлены только отдельные из перечисленных элементов, и тем более выпадают из числа анализируемых комплексов случайные находки. Прекрасный анализ проблемных вопросов в изучении мадьярской проблематики дал киевский исследователь А. В. Комар, который привел исчерпывающий историографический обзор.⁶

Еще более сложная ситуация с комплексами, отложившимися до IX в. Учитывая тот факт, что происхождение части населения, оставившего Больше-Тиганский и Танкеевский могильники,

исследователи связывали с кушнаренковской и караякуповской культурами, имеется возможность связать материалы этих культур с угорским населением.⁷ В свою очередь, истоки памятников кушнаренковско-караякуповского круга уходят к древностям бакальского историко-культурного горизонта IV–VI вв.⁸ и, следовательно, этот пласт памятников также можно связывать с древними уграми. Но при этнокультурных построениях необходимо учитывать тот факт, что гипотеза об угорской принадлежности кушнаренковской и караякуповской, а тем более хронологически предшествующих им бакальской и саргатской культур на сегодняшний день разделяется не всеми исследователями. Проведению кропотливой работы по сравнительному анализу материалов различных культурно-хронологических групп, начатой В. А. Ивановым еще в 1990-х гг. для комплексов кушнаренковской и караякуповской культур,⁹ препятствует отсутствие исчерпывающих публикаций материалов исследования крупных памятников, в первую очередь поселенческих. Поэтому до проведения детальной обработки массового, в первую очередь, керамического материала можно только использовать обобщающие публикации авторов, занимавшихся обработкой материалов из памятников интересующего нас круга.

ДАТИРОВКА ВЫДЕЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ МАДЬЯРСКОГО КРУГА НА МНОГОСЛОЙНЫХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Проблемы, встающие перед исследователями при анализе поселенческих материалов, вытекают из вышесказанного. Недостаточная исследованность раннесредневековых поселений в волго-уральском и западносибирском регионах, отсутствие убедительной хронологии этапов эволюции основного керамического комплекса кушнаренковской, караякуповской, бакальской и саргатской культур уже представляет собой сложно разрешимую задачу. В условиях перемешанности тонкого культурно-

го слоя памятников, представляющих собой преимущественно кратковременные стоянки, единичности условно закрытых комплексов, сопровождающихся находками хроноиндикаторов, выделение и датировка комплексов мадьярского круга, к сожалению, во многом зависит от интуиции и кругозора исследователя. Показательно, что при обработке автором материалов многослойного Пролетарского городища, на котором выделены саргатские, бакальские, кушнаренковские, караякуповские, именьковские,

⁴ Халикова 1975.

⁵ Халикова 1972.

⁶ Комар 2011.

⁷ Иванов 1999, 16.

⁸ Боталов 2012, 145.

⁹ Иванов 1999.

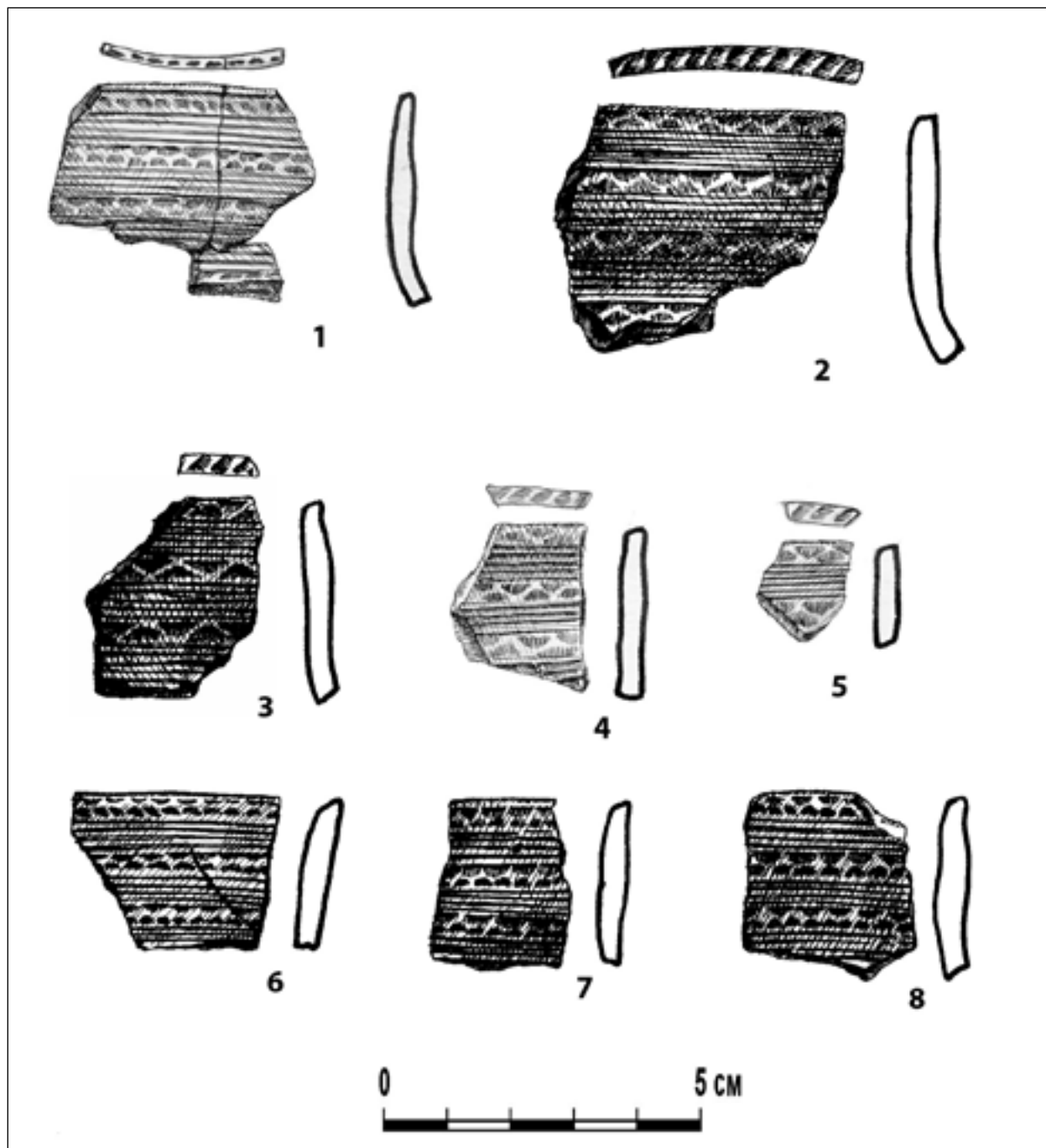

Рис. 2. Материалы второго хронологического этапа (вторая пол. VI–VIII вв.). Фрагменты лепных сосудов кушнареньковской культуры. Пролетарское городище, Самарская область

2. kép. A második kronológiai periódusba (6. század második fele – 8. század) tartozó leletek. A kusnarenkovói kultúrához tartozó kézzel formált edények töredékei. Proletarij erődtített település, Szamarai terület

киевские, салтовские, неволинские материалы, значительная часть керамических комплексов остается пока вне культурно-хронологического контекста. В настоящее время на основании анализа материалов наиболее полно изученно-

го в регионе Пролетарского городища мы можем утверждать, что древности угорского круга выявлены в слоях, которые отложились в широкий временной промежуток с рубежа IV–V вв. до конца IX столетия.

ИСХОДНЫЕ РАЙОНЫ МИГРАЦИИ МАДЬЯРСКИХ ПЛЕМЕН В ПОВОЛЖЬЕ

Для решения вопроса об исходных районах миграции мадьярских племен в Поволжье необходимо сначала определить хронологические рамки рассматриваемых событий. На сегодняшний день представляется возможным говорить, как минимум о трех этапах освоения Поволжья:

- 1) IV–V вв. н.э. Материалы этого времени представлены на Пролетарском городище в бассейне реки Большой Черемшан, на севере Самарского Поволжья. На поселении исследована постройка каркасно-столбовой конструкции, находящая ближайшие аналогии в материалах саргатской культуры. Керамический комплекс представлен круглодонной лепной керамикой с примесью дробленой раковины в составе формовочной массы, орнаментированной по шейке и краю венчика, находящей близкие параллели в комплексах саргатского и бакальского круга. Датировать выделенный комплекс IV–V вв. позволяют индивидуальные находки – ременные пряжки с хоботковидным язычком и трехлопастные наконечники стрел.
- 2) Вторая половина VI–VIII вв. Этап маркируется находками керамики кушнаренковско-караякуповского круга на Пролетарском городище и Карлинском селище на Самарской Луке. Керамический комплекс представлен тонкостенной круглодонной лепной керамикой с примесью мелкого шамота в составе формовочной массы, орнаментированной по шейке и краю венчика. Необходимо отметить, что классическая, по мнению авторов раскопок, караякуповская керамика найдена в погребении 1 кургана 37 Брусянского II могильника на Самарской Луке,¹⁰

хотя отнесение ее именно к караякуповскому кругу, на мой взгляд, недостаточно обосновано. Вероятно, к этому же или несколько более позднему времени могут относиться находки на Пролетарском городище и на памятниках Самарской Луки керамики неволинской культуры,¹¹ в которой исследователи также выделяют угорский компонент. Возможно, влияние населения, оставившего памятники неволинской культуры, будет прослежено в материалах Жигулевского грунтового могильника на Самарской Луке, исследование которого только начинается.¹²

- 3) IX – начало X вв. Этап выделяется на основе материалов из погребальных комплексов, выявленных в бассейне рек Самара и Сок, случайных находок и поселенческих материалов (Пролетарское городище, селище Власть Труда). С учетом находок начала XX в. погребальных комплексов IX в., не связанных с новинковским и праболгарским кругом древностей, на сегодняшний день известно более десяти,¹³ что позволяет говорить не об эпизодическом появлении интересующего нас кочевого населения в регионе, а о его регулярном пребывании в Среднем Поволжье.

Что касается исходных районов миграции родственных мадьярам племен в Поволжье, то для памятников первого этапа таким районом, предположительно, может являться Западная Сибирь и Зауралье; для второго этапа – территория современного Башкортостана; для третьего этапа – районы Прикамья и Приуралья. Более определенно можно будет говорить только после получения новых материалов, прежде всего из раскопок поселений в разных регионах.

¹⁰ Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998, табл. 56/5, 7.

¹¹ Багаутдинов–Никитина 2013; Лифанов 2005.

¹² Сташенков 2014.

¹³ Матвеева 1976; Багаутдинов–Богачев–Зубов 2006; Кочкина–Сташенков 2014; Сташенков–Перепелкин 1996; Сташенков–Турецкий 1999; Сташенков 2012.

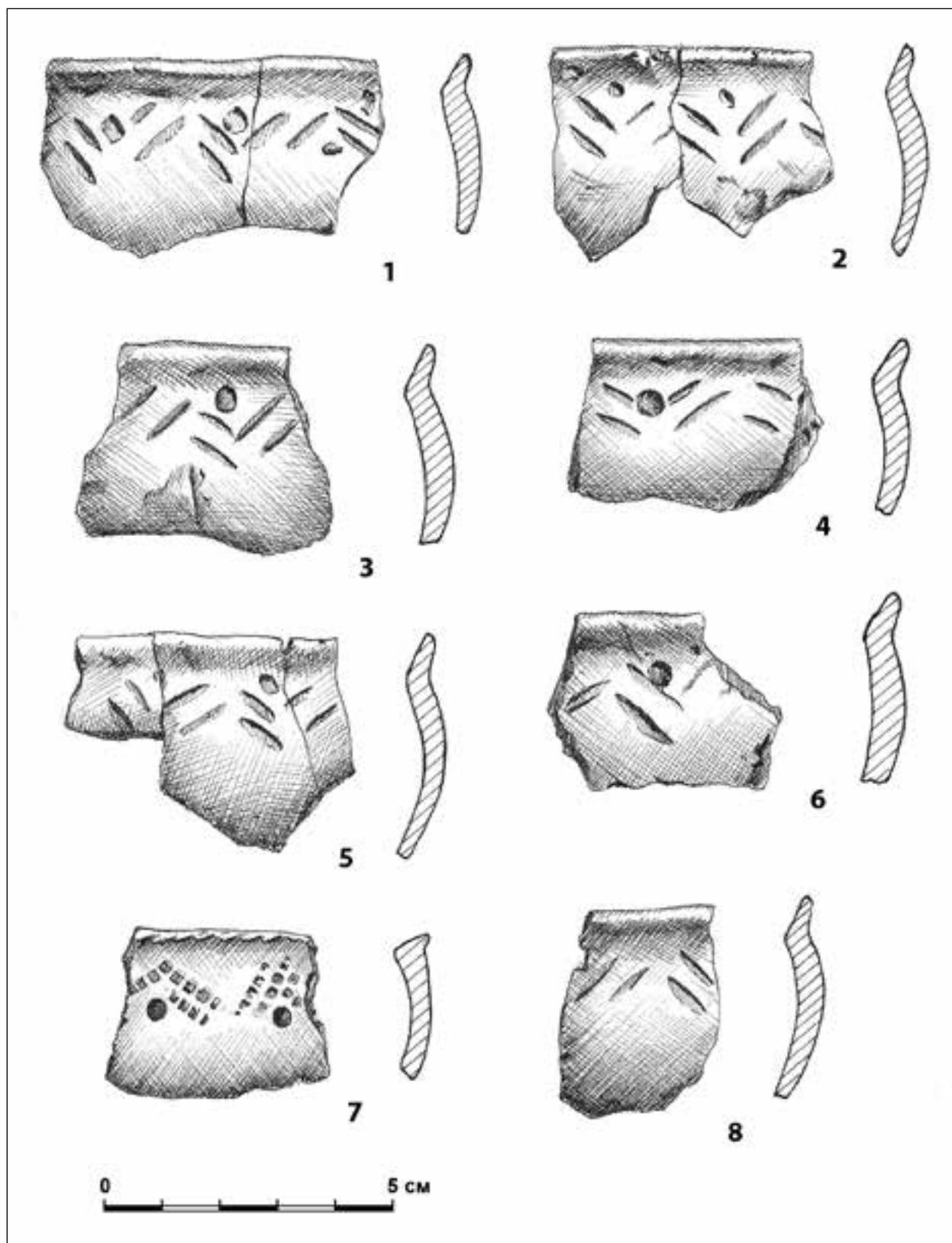

Рис. 3. Материалы третьего хронологического этапа (IX – начало X вв.). Фрагменты ленных чашевидных сосудов.
Пролетарское городище, Самарская область

3. kép. A harmadik kronológiai periódusba (9. század – 10. század eleje) tartozó leletek. Csésze alakú kézzel formált edények töredékei. Proletarij erődtített település, Szamarai terület

Причины появления памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье и их кажущейся дискретности

Выявление материалов различных хронологических периодов, в первую очередь, в бассейнах рек Самара, Сок, Большой Черемшан, на южной кромке лесостепной зоны позволяют не только связать их со сложившимися путями миграций зауральского и западносибирского подвижного населения, но и предположить, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов племен мадьярского круга в середине – второй половине I тыс. н.э. Вероятно, в богатых пищевыми ресурсами пойменных участках названных рек

находились наиболее ценимые кочевым населением летние пастбищные угодья, как это было зафиксировано уже в письменных источниках XVI–XVII вв.

Отсутствие достоверных материалов второй половины V – первой половины VI вв., VIII и X вв. можно объяснить самыми разными причинами: недостаточной исследованностью памятников, природно-климатическими изменениями, политическими событиями. По мере накопления материалов, вероятно, появятся надежные аргументы в пользу определенной гипотезы.

ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МАДЬЯРСКОГО КРУГА С ИНОКУЛЬТУРНЫМИ ГРУППАМИ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В РАЗЛИЧНЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

В настоящее время материалов для решения этого вопроса недостаточно. В IV–V вв. комплексы саргатского и бакальского кругов могли быть оставлены населением, оказавшемся в Поволжье в составе гуннских отрядов. Достоверных свидетельств о характере их взаимоотношений с позднесарматским населением, а также с населением, оставившем памятники киевского круга и ранние памятники именьковской культуры, не имеется. Стратиграфические условия Пролетарского городища, на котором встречены все известные на сегодняшний день материалы этой группы, не позволяют выделить отдельные культурно-хронологические прослойки в культурном слое небольшой (в среднем 0,3–0,5 м) мощности.

В VI–VII вв. население, пользовавшееся керамикой кушнаренковско-караякуповского круга, определенно контактировало с населением именьковской культуры. Керамика этой группы встречена совместно с именьковскими материалами. Данных о контактах этого населения с населением, оставившим памятники новинковского круга на Самарской Луке, не имеется. В хорошо изученных новинковских комплексах кушнаренковских и караякуповских материалов не выявлено.¹⁴

Население, которое в IX–X вв. осваивало пастбищные угодья в бассейне реки Самары и ее притоков, должно было контактировать с населением салтовского круга, однако ареалы памятников различных культурных типов в Самарском Поволжье перекрываются в редких случаях. Характер взаимоотношения оставившего их населения на археологических материалах пока не определен. Достоверных доказательств сосуществования салтовских и иных культурных групп на Пролетарском городище, на севере Самарского региона также пока не выявлено.

Подводя итоги, можно, принимая высказанные в начале работы допущения, сделать вывод о том, что материалы археологических памятников Самарского региона, находящие аналогии как в материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников на территории Татарстана, так и в комплексах эпохи «обретения родины» на территории Венгрии, позволяют уточнить юго-западные границы Magna Hungaria. В свете новых данных представляется весьма вероятным, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов населения мадьярского круга на протяжении длительного времени – с IV–V по IX–X вв.

¹⁴ Матвеева 1997; Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998.

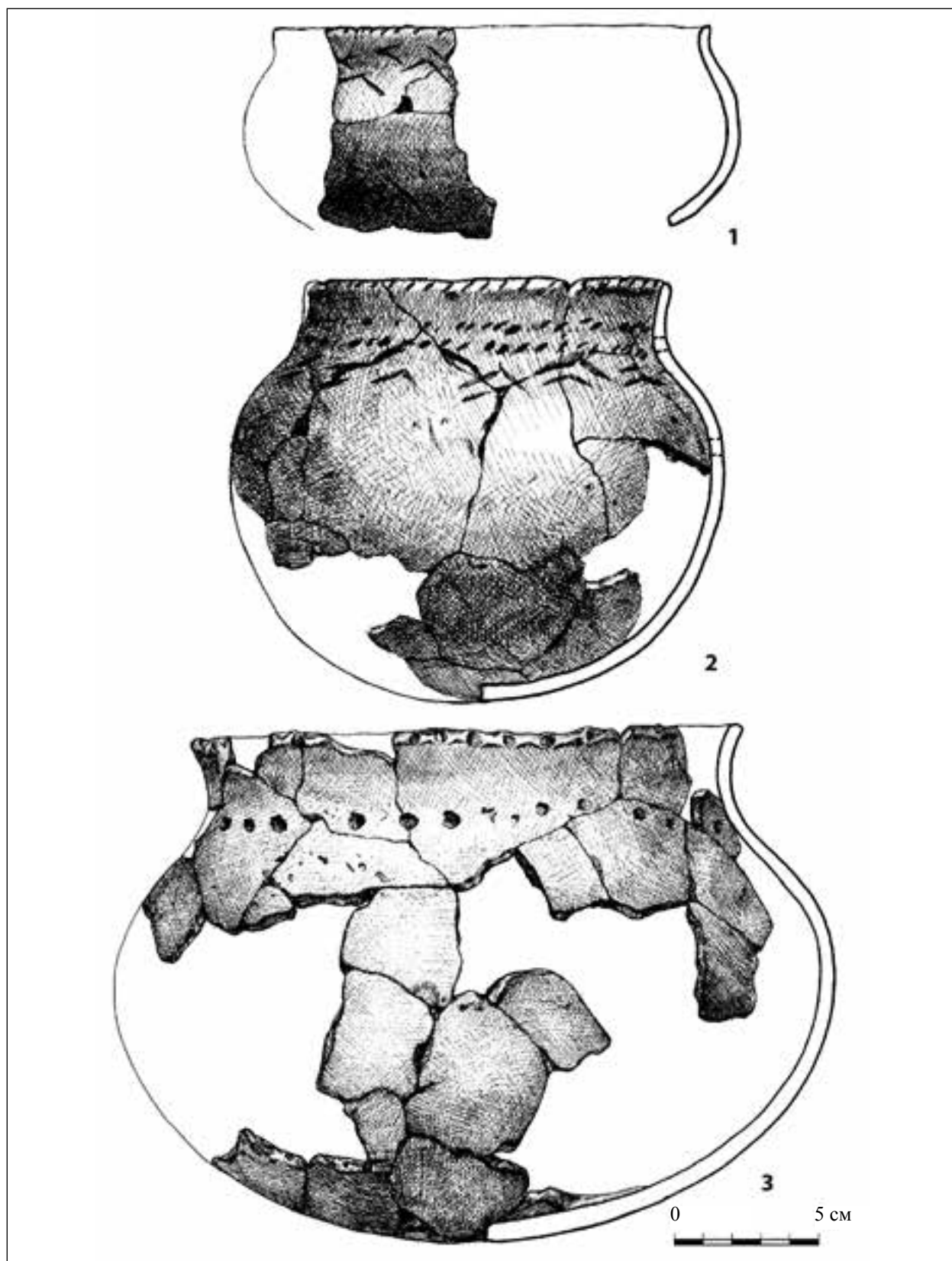

Рис. 4. Материалы третьего хронологического этапа (IX – начало X вв.). Лепные круглодонные сосуды. Пролетарское городище, Самарская область

4. kép. A harmadik kronológiai periódusba (9. század – 10. század eleje) tartozó leletek. Kézzel formált, gömbös aljú edények. Proletarij erődtített település, Szamarai terület

Можно предположить также, что оставшиеся после миграции основной части населения на Запад в первой половине IX в. небольшие коллективы кочевого населения после прохода печенегов вновь занимают свои родовые терри-

тории, которые с течением времени постепенно отодвигаются к северу.

Археологические свидетельства о пребывании населения мадьярского круга в Самарском Поволжье в предмонгольское время единичны.

ЛИТЕРАТУРА

- БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Зубов, С. Э.: *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара 1998.
- БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 2006: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Зубов, С. Э.: Средневековые комплексы могильника Просвет 1. В: *Вопросы археологии Поволжья* 4. Отв. ред.: Васильева, И. Н. Самара 2006, 400–412.
- БАГАУТДИНОВ–НИКИТИНА 2013: Багаутдинов, Р. С. – Никитина, А. В.: Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (раскоп Г. И. Матвеевой). В: *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области)*. Отв. ред.: Богачев, А. В. Самара 2013, 164–186.
- БОТАЛОВ 2012: Боталов, С. Г.: Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria». *Вестник Челябинского государственного университета. История* 2012:50, 128–146.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угро-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України* 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- КОЧКИНА–СТАШЕНКОВ 2014: Кочкина, А. Ф. – Сташенков, Д. А.: *По Самаре с археологом*. Самара 2014.
- ЛИФАНОВ 2005: Лифанов, Н. А.: Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 гг. *Краеведческие записки* 12. Ред.: Кабытов, П. С. Самара 2005, 67–80.
- МАТВЕЕВА 1976: Матвеева, Г. И.: Погребения VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева. *Очерки истории и культуры Поволжья* 1. Куйбышев 1976, 33–39.
- МАТВЕЕВА 1977: Матвеева, Г. И.: Погребение VIII–IX вв. у разъезда Немчанка. В: *Древности Волго-Камья*. Ред.: Федоров-Давыдов, Г. А. Казань 1977, 52–56.
- МАТВЕЕВА 1997: Матвеева, Г. И.: *Могильники ранних болгар на Самарской Луке*. Самара 1997.
- СТАШЕНКОВ 2012: Сташенков, Д. А.: *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара 2012.
- СТАШЕНКОВ 2013: Сташенков, Д. А.: *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара 2013.
- СТАШЕНКОВ 2014: Сташенков, Д. А.: Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовым могильнике. В: *Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2014, 82–112.
- СТАШЕНКОВ–ПЕРЕПЕЛКИН 1996: Сташенков, Д. А. – Перепелкин, С. Б.: Палимовское погребение. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1996, 199–206.
- СТАШЕНКОВ–ТУРЕЦКИЙ 1999: Сташенков, Д. А. – Турецкий, М. А.: Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.). В: *Вопросы археологии Поволжья* 1. Отв. ред.: Выборнов, А. А. Самара 1999, 289–302.

- ТЮРК 2007: Тюрк, А.: О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria). В: *Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966)*. Отв. ред.: Горбунов, В. С. и др. Уфа 2007, 346–354.
- ХАЛИКОВА 1972: Халикова, Е. А.: Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 145–160.
- ХАЛИКОВА 1975: Халикова, Е. А.: Magna Hungaria. *Вопросы истории* 1975:7, 37–42.
- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Больше-Тиганский могильник. *Советская археология* 1976:2, 158–178.
- ХАЛИКОВА 1976а: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.

ЕЩЁ РАЗ О ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКИХ ИСТОКОВ
У ВОЛЖСКИХ БОЛГАР
ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Анна Фёдоровна Кочкина*

Ключевые слова: *Волжская Болгария, Муромский городок, Красносюндюковское I городище, керамика прикамско-приуральских истоков, сравнительный анализ, технико-технологический анализ*

Kulcsszavak: *Volgai Bolgária, Muromszkij gorodok, krasznoszjungyukovszkojei I. erődített település, Káma- és Urál-vidéki eredetű kerámia, összehasonlító elemzés, készítéstechnikai elemzés*

Анна Фёдоровна Кочкина

Ещё раз о лепной керамике Прикамско-Приуральских истоков у волжских болгар. По поводу дискуссии об этнокультурной принадлежности

Одной из групп керамического комплекса памятников Волжской Болгарии X – начала XIII вв. является лепная керамика, которая по своему происхождению связана с носителями прикамско-приуральских археологических культур, что убедительно показала в своих исследованиях Т. А. Хлебникова (1984). Эти выводы были подкреплены исследованием технологии изготовления керамики Волжской Болгарии, которое было проведено И. Н. Васильевой (1993). В последние годы в контексте мадьярской (шире угорской) проблемы вновь актуализировались вопросы об этнокультурных истоках традиционных групп керамики у волжских болгар, в частности, с гребенчато-шнуровой орнаментацией (VII группы по типологии Т. А. Хлебниковой). Р. Д. Голдина (2013) в остро дискуссионной статье показала, что некоторые выводы об этнической атрибуции культур с гребенчато-шнуровой керамикой декларативны и необоснованны. В статье на материалах двух болгарских памятников домонгольского периода: Муромский городок (Самарское Поволжье) и Красносюндюковское I городище (Ульяновское Поволжье) – приводится характеристика керамики прикамско-приуральских истоков в рамках традиций болгарского гончарства, обращается внимание на различия в соотношении разных групп в керамическом комплексе каждого памятника.

Anna Fjodorovna Kocskina

Még egyszer a volgai bolgároknál megtalálható, Káma menti és nyugat-uráli eredetű kézzel formált kerámiáról, az etnokulturális meghatározásukról folyó vita kapcsán

A 10. századi és 13. századeleje közé keltezett volgai bolgár lelőhelyek egyik jellemző kerámiatípusa a kézzel formált kerámia, amelynek eredete a Káma menti és az Urál nyugati előterének régészeti kultúráihoz köthető. Ezt a korábbiakban T. A. Hlebnyikova már meggyőzően bemutatta (1984). Az ő következtetéseit I. N. Vasziljeva kutatásai is megerősítették, aki a volgai bolgár kerámia készítéstechnikájával foglalkozott (1993). Az utóbbi években a magyar (tágabb értelemben ugor) probléma kontextusában újra aktuálissá váltak a volgai bolgároknál megfigyelhető hagyományos kerámiatípusok, többek között a fésűs-zsinegdíszes motívum (T. A. Hlebnyikova tipológiája szerinti VII. csoport) etnokulturális meghatározásával kapcsolatos kérdések. R. D. Goldina hevesen vitatott cikkében (2013) bemutatta, hogy néhány, a fésűs-zsinegdíszes motívummal ellátott kerámiát használó kultúrák etnikai meghatározásáról hozott következtetés önkényes és megalapozatlan. Tanulmányunkban két, a tatárjárás előtti korszakra keltezhető bolgár lelőhely leletanyagát tekintjük át, Muromszkij gorodokot (szamarai Volga-vidék) és a krasznoszjungyukovszkojei I. erődített települést (uljanovszki Volga-vidék). A volgai bolgár fazekashagyományok kontextusában leírtuk a Káma- és Urál-vidéki eredettel rendelkező kerámia jellemzőit, és felhívtuk a figyelmet a két vizsgált lelőhelyen lévő különböző kerámiatípusok közötti eltérésekre.

* Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, Самара 443041 ул. Ленинская, 142. archo@alabin.ru

Диагностирующим признаком культуры Волжской Болгарии X – начала XIII вв. является круговая керамика ремесленного производства – разнообразные по форме сосуды преимущественно красно-коричневого цвета с лощеной поверхностью. По данным основного исследователя болгарской керамики Т. А. Хлебниковой на болгарских памятниках она составляет от 43% до 99–100% от общего количества находок керамики.¹ Меньшую часть, но не менее характерную, составляет лепная и подправленная на круге керамика. Следует заметить, что она также имеет во многом сходные черты на разных памятниках в пределах Волжской Болгарии. Особенности комплекса лепной керамики конкретного памятника отражаются, в частности, в пропорциональном соотношении разных групп.

Многолетние исследования этой керамики Волжской Болгарии X – начала XIII вв., итоги которых были подведены в работе Т. А. Хлебниковой «Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения»,² вселяли надежду, что в проблему формирования традиционных групп керамики внесена определенность. Это в полной мере относилось к лепной керамике, которая по своему происхождению связана с носителями прикаско-приуральских археологических культур.

Исследование технологии изготовления керамики волжских болгар с учетом этнокультурных групп, выделенных Т. А. Хлебниковой, было предпринято И. Н. Васильевой, ею были выявлены уровни сформированности технологических традиций изготовления разных групп керамики.³

В исследованиях последних двух десятилетий в контексте мадьярской проблемы (шире угорской) вновь были подняты вопросы об этнокультурных истоках традиционных групп керамики у волжских болгар, в частности, с гребенчато-шнуровой (веревочной) орнаментации

ей (VII группа по Т. А. Хлебниковой). В связи с рядом концептуальных публикаций по данной теме Р. Д. Голдина в остро дискуссионной статье⁴ показала, что некоторые выводы об этнической атрибуции культур с гребенчато-шнуровой керамикой декларативны и необоснованны. При попытке разобраться в переплетениях эволюционных линий средневековой керамики культур Прикамья и Приуралья, предлагаемых авторами обобщающих исследований, по ее мнению, имеется риск зайти в тупик.⁵ В этом она солидарна с Ф. Ш. Хузиным, выразившим свое мнение по поводу обоснованности выделения «постпетрогромской культуры».⁶

Эта дискуссия является своего рода поводом к тому, чтобы вновь обратиться к анализу лепной керамики болгарских памятников различных территорий.

Воспользуемся материалами Муромского городка на Самарской Луке как классического памятника развитого этапа культуры Волжской Болгарии домонгольского периода. Муромский городок представляет собой остатки одного из крупнейших городов Волжской Болгарии (рис. 1. 1). На городище вскрыто немногим более 6 тыс. кв. м, материалы еще не в полной мере опубликованы. Керамический комплекс представлен колоссальной выборкой, характерной для городских слоев домонгольской Волжской Болгарии. Краткой характеристике круговой керамики городища была посвящена статья Г. И. Матвеевой.⁷ И. Н. Васильева провела технико-технологический анализ керамики из раскопок Г. И. Матвеевой.⁸

Поскольку мы пока не располагаем полной статистикой находок разных групп керамики из раскопок Г. И. Матвеевой, то обратимся к данным последних лет собственных исследований на городище. Используются материалы раскопок XXVI и XXVIII (частично), расположенных

¹ ХЛЕБНИКОВА 1984, 78–79.

² ХЛЕБНИКОВА 1984; ; КАЗАКОВ 2007.

³ ВАСИЛЬЕВА 1993.

⁴ ГОЛДИНА 2013.

⁵ ГОЛДИНА 2013, 94–102.

⁶ ХУЗИН 2008.

⁷ МАТВЕЕВА 1988, 194–212.

⁸ ВАСИЛЬЕВА 1988, 154–193.

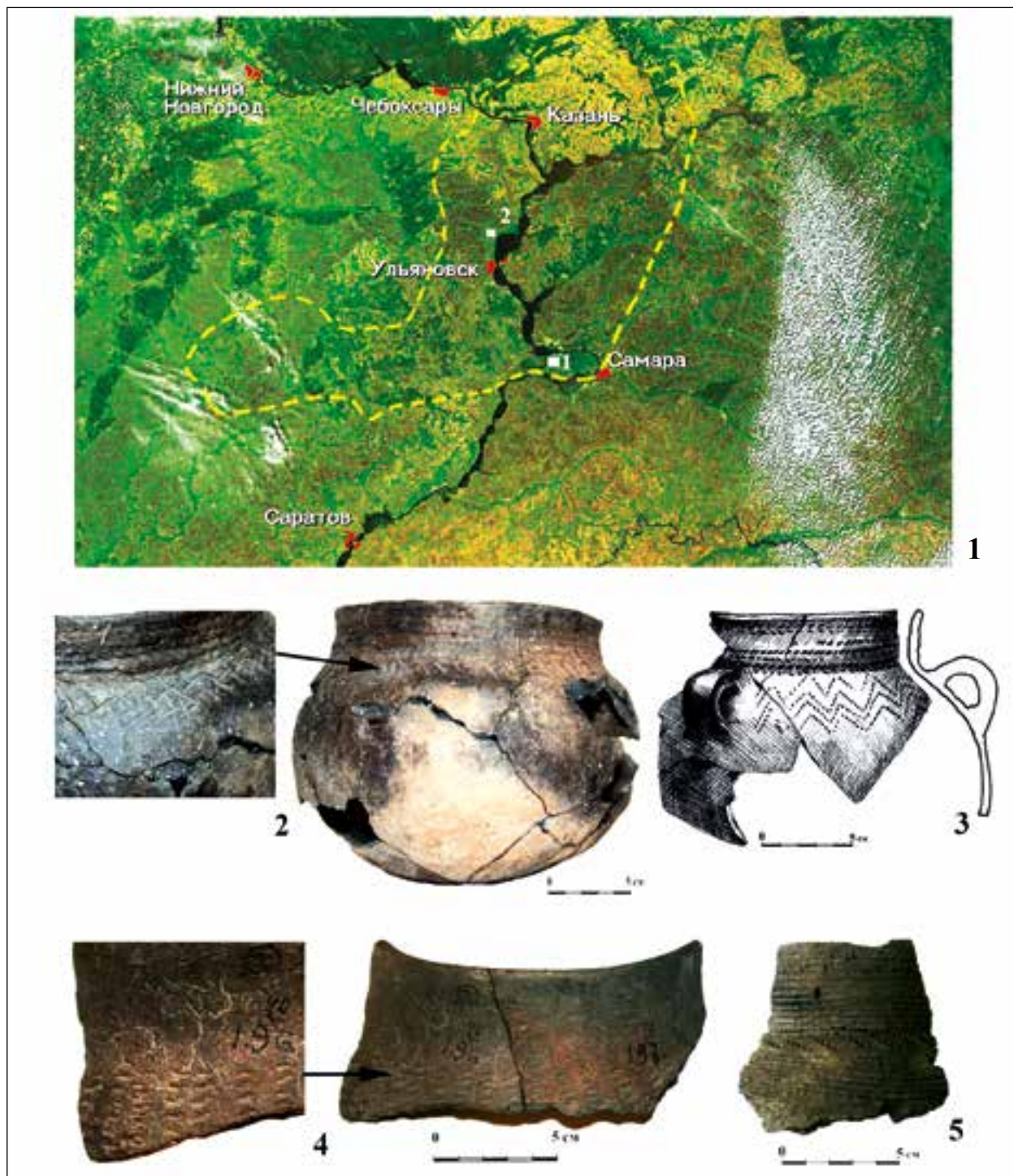

Рис. 1. 1: Карта-схема Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (границы нанесены по Г. И. Матвеевой: ВАСИЛЬЕВ–МАТВЕЕВА 1986, 166) (На карте: 1 – Муромский городок; 2 – Краснослободское I городище). 2, 3: сосуды VII группы по Т. А. Хлебниковой с гребенчато-веревочной орнаментацией (р. XXVIII, соор. 28; соор. 51); 4: Венчик сосуда VIII группы по Т. А. Хлебниковой, орнаментированный веревочным штампом (раскопки В. В. Гольмстен, 1928 г., фонды СОИКМ); 5: Венчик сосуда VIII группы, орнаментированный резными линиями и оттисками гребенчатого штампа (р. XXX, кв. 3, пл. 1)

1. kép. 1: Térkép-vázlat Volgai Bolgáriáról a 10. század és a 13. század eleje közötti időszakból (határok G. I. Matvejeva alapján, vö. ВАСИЛЬЕВ–МАТВЕЕВА 1986, 166) (Jelkulcs a térképhez: 1 – Muromszkij gorodok; 2 – Krasznoszjungyukovszkojei I. erődtített település). 2, 3: A T. A. Hlebnyikova tipológiája szerinti VII. csoportba tartozó fésűs-zsinegdíszes díszítéssel ellátott edények (р. XXVIII, соор. 28; соор. 51); 4: A T. A. Hlebnyikova tipológiája szerinti VIII. csoportba tartozó peremtípus, amelyet zsinegdíszes bepecsétléssel láttak el (V. V. Golmszten 1928-as ásatása, a Szamarai Területi Történeti és Helytörténeti Múzeum gyűjteményéből); 5: A VIII. csoportba tartozó peremtípus, melyet bevágott vonalakkal és fésűdíszes bepecsétlésekkel díszítettek (р. XXX, кв. 3, пл. 1)

в северной и восточной части так называемого «северного» города (внешний город), раскопов XXX и XXXII, расположенных в «южном» городе (табл. 1).

Как видно из таблицы, на городище абсолютно преобладает круговая керамика. Наименьший процент лепной керамики дали раскопы XXVI и XXXII. Первый примыкает к северным укреплениям города, на втором, который расположен в «южном» городе, обнаружен ров, как часть оборонительных укреплений юго-восточного района городища. Возможно, именно характер объектов, не связанных с бытовой жизнью горожан на обоих раскопах, повлиял на соотношение круговой и лепной посуды. Особо следует остановиться на качественной характеристике лепной керамики из раскопов. Как правило, она отличается фрагментарностью, причем фрагменты сильно измельчены, иногда окатаны грунтовыми водами. Реконструируемые развалы сосудов и крупные фрагменты чаще встречаются в сооружениях. В пересчете на сосуды можно привести данные по раскопу XXXII. На долю венчиков в разных группах лепной керамики приходится от 4–7% до 15% от общего количества фрагментов. Таким образом, с определенной долей вероятности из 925 фрагментов лепной и подправленной на круге керамики XXXII раскопа выделяется 135 сосудов, однако подсчеты количества сосудов по венчикам более чем условны.

Среди традиционной керамики в материалах Муромского городка преобладают несколько групп. Наиболее представительна группа лепных круглодонных сосудов горшковидной формы с прямой или слегка отогнутой шейкой, с небольшой ручкой, декорированных гребенчатым или гребенчато-веревочным (шнуровым) орнаментом, с доминирующей примесью в формовочной массе дробленой раковины (30–45%)⁹ или органики (10–15%) в большой концентрации (рис. 1. 2, 3). В редких случаях встречаются мискообразные или чашевидные сосуды. Цвет поверхности черепка от светло-буровато-серого до темно-серого.

Несколько меньше (8–20%) доля лепных горшковидных сосудов с округлым или уплощенным дном, прямой или слегка отогнутой шейкой, с небольшой ручкой, в основном неорнаментированных, редко с отпечатками гребенчатого штампа по плечикам, в составе формовочной массы фиксируется примесь мелкого и среднего шамота, иногда большой концентрации, и органики (рис. 2. 4–6). Цвет поверхности черепка от светло-коричневого до буровато-серого.

Третью представительную группу традиционной керамики на Муромском городке составляют подправленные на гончарном круге сосуды. Это горшковидные сосуды с округлым туловом, ручкой на плечике, уплощенным или плоским дном (9–33%), орнаментированные по шейке и (или) плечикам волнистыми (иногда в сочетании с горизонтальными) линиями, без видимых примесей или с примесью мелкого или среднего песка, органики (рис. 2. 1–3). Следует заметить, что на XXXII раскопе выделилась керамика с более запесоченной формовочной массой при полной идентичности формы и декора сосудов. Цвет поверхности черепка от буровато-коричневого до темно-серого.

Указанные группы керамики могут быть соотнесены с этнокультурными группами, выделенными Т. А. Хлебниковой для болгарского керамического комплекса.¹⁰ Первая описанная группа соответствует VII группе, вторая – IX группе, третья – XVII группе (по классификации Т. А. Хлебниковой).

Как уже упоминалось, в 1980-е годы И. Н. Васильева провела технико-технологический анализ керамики Муромского городка из раскопок Г. И. Матвеевой. Остановимся на результатах анализа тех материалов, которые представляют интерес в связи с рассматриваемой темой.

И. Н. Васильева проанализировала 83 образца из VII группы (прикамских истоков по Т. А. Хлебниковой). Было установлено, что на ступени отбора исходного сырья существовала одна устойчивая и массовая традиция использования ожелезненной пластичной глины, хотя

⁹ Указан процент от общего количества лепной керамики на рассматриваемых раскопах, разброс значений связан с разницей в долях каждой группы керамики на разных раскопах.

¹⁰ ХЛЕБНИКОВА 1984.

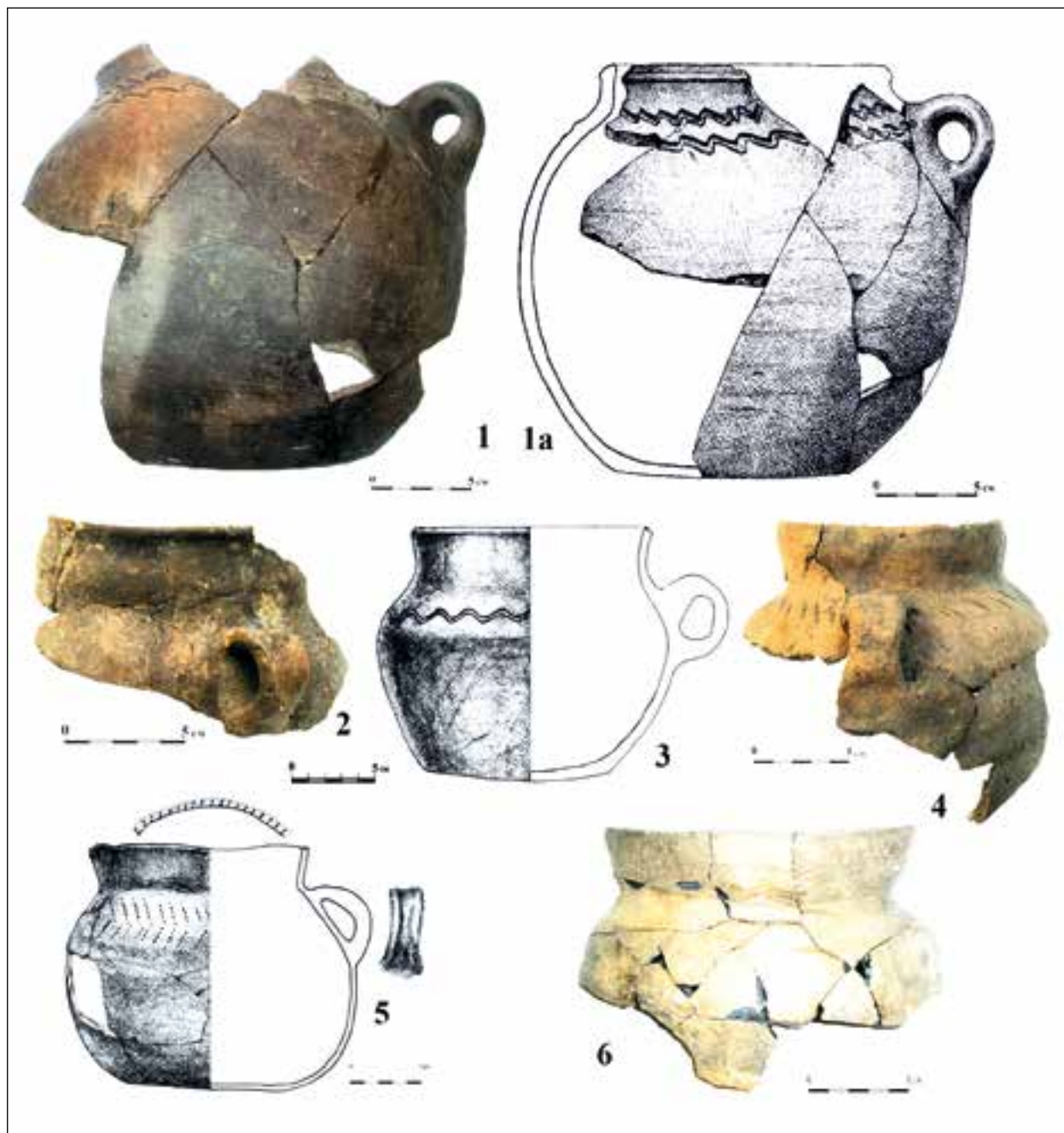

Рис. 2. Традиционная керамика. Муромский городок. 1–1а: Сосуд XVII группы по Т. А. Хлебниковой (р. XXX, сооп. 4); 4: Фрагмент сосуда XVII группы (р. XXVIII, сооп. 76); 3: Сосуд XVII группы (р. XXVIII, сооп. 31); 4–6: Сосуды IX группы по Т. А. Хлебниковой (р. XXVIII, сооп. 1; сооп. 76; р. XXXI, сооп. 1)

2. kép. Hagymányos kerámia Muromszkij gorodokból. 1–1а: A T. A. Hlebnyikova tipológiája szerinti XVII. csoportba tartozó edény (р. XXX, сооп. 4); 4: A XVII. csoportba tartozó edény töredéke (р. XXVIII, сооп. 76); 3: A XVII. csoportba tartozó edény (р. XXVIII, сооп. 31); 4–6: A IX. csoportba tartozó edények (р. XXVIII, сооп. 1; сооп. 76; р. XXXI, сооп. 1)

встречались случаи смешения разных видов глин. Выявлено несколько смешанных рецептов составления формовочных масс: 1) глина + дробленая раковина + навоз животных; 2) глина + шамот + навоз животных; 3) глина + дробленая

раковина + шамот + навоз животных; глина + дробленая раковина + песок + навоз животных. Обнаружен один способ конструирования полового тела: лоскутный налеп. Короткие спаи в месте перехода горловины в плечики и случаи не загла-

женных спаев свидетельствуют об изготовлении сосудов в два приема.¹¹ Надо подчеркнуть что особенностью этой группы керамики на Муромском городке, подмеченной И. Н. Васильевой,¹² является наличие шамота в составе добавок, причем, иногда при отсутствии дробленой раковины, что прослеживается и на наших материалах.

В качестве наиболее представительной группы традиционной керамики на Муромском городке, проанализированной И. Н. Васильевой в количестве 47 образцов, была отмечена VIII группа (приуральских истоков по Т. А. Хлебниковой) Кратко результаты можно свести к следующему. Ведущей традицией отбора исходного сырья было использование ожелезненной пластичной глины. Формовочные массы характеризуются большим разнообразием рецептов, отражающих многообразие и смешение культурных традиций: 1) глина + навоз животных; 2) глина + навоз животных + шамот; 3) глина + навоз животных + песок; 4) глина + навоз животных + дробленая раковина; 5) глина + навоз животных + шамот + шамот-сухая глина; 6) глина + навоз животных + песок + дробленая раковина; 7) глина + навоз животных + песок + шамот; 8) глина + навоз животных + дробленая раковина + шамот. Устойчивыми и массовыми были две традиции составления формовочных масс: 1) глина + навоз животных + шамот; 2) глина + навоз животных + шамот + дробленая раковина. Конструирование полого тела производилось лоскутным налепом с последующим выбиванием поверхности в два приема. Заглаживание поверхности производилось вручную кожей, пальцами, деревянным ножом. Встречается заглаживание на гончарном круге.¹³

Примечательно, что в материалах наших раскопок керамика, которую можно соотнести с VIII группой керамики (приуральских истоков по Т. А. Хлебниковой), обнаружена в единич-

ных экземплярах (рис. 1. 2–3). Такую ситуацию трудно объяснить, пока не будет проанализирована, если не вся, то большая часть традиционной керамики из раскопок Г. И. Матвеевой. Для VIII группы керамики на разных памятниках, по мнению И. Н. Васильевой, характерно преобладание различных рецептов подготовки формовочных масс.¹⁴ Для выяснения причин подобного положения необходимы дополнительные и более широкие исследования материалов.

С VIII группой Т. А. Хлебникова связывала появление в керамическом комплексе Волжской Болгарии керамики XVII группы,¹⁵ причем в какой-то степени ограничивала ее распространение Суваром, Болгаром, Рождественским селением. Тем не менее встречена она в Биляре.¹⁶ На Муромском городке, как упоминалось выше, она составляет одну из основных групп традиционной керамики.

Изучение И. Н. Васильевой 17 фрагментов керамики XVII группы из коллекции Суvara, Болгара и одного экземпляра с Муромского городка показало неоднородность в составе навыков отбора сырья и составления формовочных масс.¹⁷ Установлено, что для изготовления сосудов использовались запесоченные глины, формовочные массы составлялись с примесью жидкообразного органического материала, от которого остались отпечатки растительных остатков и пустоты с черным блестящим налетом, или навоза – на Муромском городке. Неоднородность наблюдается в составе навыков конструирования. На внутренней поверхности суварских сосудов видны небрежно заглаженные следы кольцевого наращивания лент, а для керамики Болгара можно предполагать использование спирально-жгутового налёпа. Для профилирования отдельных частей сосуда и заглаживания внутренней и частично внешней поверхности горловины использовался гончарный круг. И. Н. Васильева делает заключение, что данная группа керамики не обнаруживает

¹¹ Васильева 1988, 165–166.

¹² Васильева 1988, 173; Васильева 1988а.

¹³ Васильева 1988, 166–167, 176.

¹⁴ Васильева 1993, 67.

¹⁵ Хлебникова 1984, 201–206; Хлебникова 1988, 27–29.

¹⁶ Кокорина 2002, 83–84, рис. 10, 2, 6, 7.

¹⁷ Васильева 1988, 169–170; Васильева 1993, 77, 100–101.

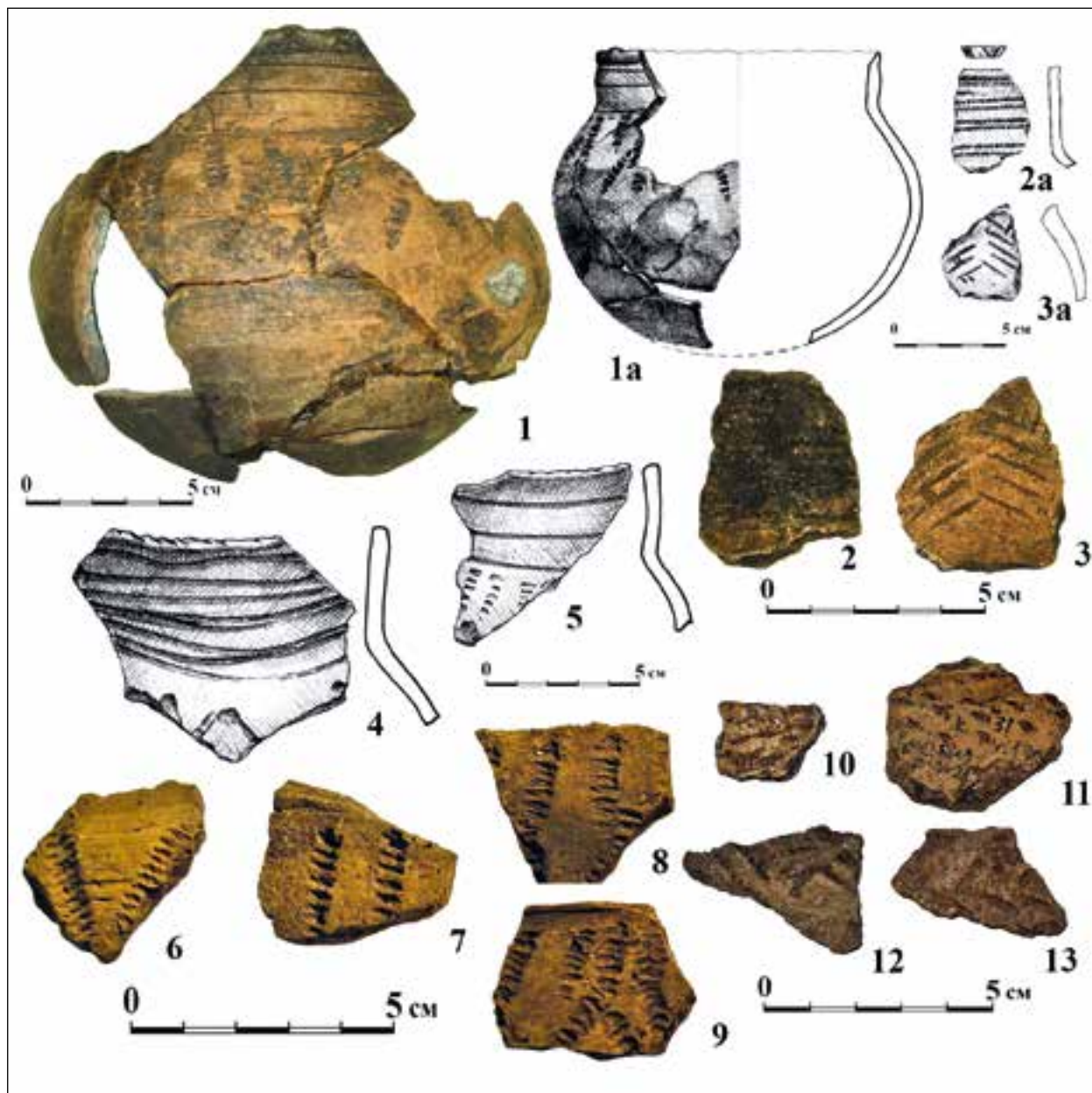

Рис. 3. Традиционная керамика. Красносундюковское I городище. 1: Сосуд VIII группы по Т. А. Хлебниковой с резной ornamentацией и оттисками веревочного штампа; 1а: прорисовка сосуда (р. III, кв. 4, пл. 3); 2–3: Венчик и стенка сосудов VII группы по Т. А. Хлебниковой; 2а, 3а: Прорисовки фрагментов (р. III, кв. 11, пл. 3; кв. 2, пл. 3); 4–5: Венчики сосудов VIII группы (р. III, кв. 6, пл. 1); 6–9: Стенки сосудов VIII группы (р. IV, раскопки Ю. А. Семькина); 11–13: Венчик и стенки сосудов VII группы (р. II, раскопки Ю. А. Семькина)

3. kép. Hagymányos kerámia a krasznoszjungyukovszkojei I. erődített településről. 1: A T. A. Hlebnyikova tipológiája szerinti VIII. csoportba tartozó edény, amelyet bevágott díszítéssel és zsinégdíszes bepecsétléssel láttak el; 1a: Az edény díszítése (р. III, кв. 4, пл. 3); 2–3: A VII. csoportba tartozó edények pereme és oldalfala; 2a, 3a: Töredékek díszítései (р. III, кв. 11, пл. 3; кв. 2, пл. 3); 4–5: A VIII. csoportba tartozó edények peremei (р. III, кв. 6, пл. 1); 6–9: A VIII. csoportba tartozó edények oldalfalai (р. IV, Ju. A. Szemikin ásatása); 11–13: A VII. csoportba tartozó edények pereme és oldalfala (р. II, Ju. A. Szemikin ásatása)

«четких связей с традициями каких-либо групп Волжской Болгарии».¹⁸ К сожалению, это обстоятельство не учитывают исследователи, безосновательно рассматривающие происхождение XVII группы керамики как результат эволюции VII группы, т.е. керамики с примесью дробленой раковины в формовочной массе.¹⁹

Иная ситуация по соотношению групп лепной (традиционных групп) керамики наблюдается на другом городище Волжской Болгарии – Красносудюковском I городище в Ульяновском Поволжье (рис. 1. 1). В результате исследований на Красносудюковском I городище в 1991 г. на площади 686 кв. м был получен обширный материал, характеризующий культуру одного из городских центров Предволжья. Было установлено, что Красносудюковское I городище занимает место в ряду наиболее ранних памятников Волжской Болгарии домонгольского периода.²⁰

Поскольку мы можем использовать количественные данные только двух раскопок (I и III), то обратимся к ним (табл. 2). Керамика ручной лепки и с применением гончарного круга для формообразования и заглаживания на этих раскопках была представлена 1449 фрагментами и частично реконструируемыми сосудами, это в целом составляет 13,1%, причем на I раскопе найдено 553 фрагмента (6,9%), на III раскопе – 896 фрагментов (19,8%).

Предварительный анализ лепной керамики из раскопок 1991 г. был представлен в первой публикации материалов.²¹ Первоначально она была разделена на группы по преобладающим примесям, которые определялись визуально. По этому признаку выделено 5 групп керамики.²²

Остановимся на тех группах керамики, которые соотносятся с теми группами, в отношении которых Т. А. Хлебникова определила прикамско-приуральские истоки (табл. 3). Они, как видно из табл. 2, являются наименее представ-

ительными на исследованной части городища (вторая и пятая). Наибольшее число традиционной керамики связано своими истоками с культурами салтово-маяцкого круга.²³

Самой малочисленной среди рассматриваемых материалов оказалась керамика с примесями дробленой раковины и органики (всего 25 фрагментов на раскопе III: пятая группа).²⁴ Керамика фрагментарна и измельчена. По форме – это горшковидные сосуды с цилиндрической горловиной, по которой нанесен веревочный орнамент, на плечиках и иногда по косо срезанному краю венчика – отпечатки гребенчатого штампа (рис. 2. 2–3, 2а–3а, 10–13). Эта группа керамики соотносится с VII этнокультурной группой по Т. А. Хлебниковой. При визуальном исследовании керамики, конечно, мелкозернистые примеси раковины могли быть не зафиксированы, однако специфичность формы, декора и фактуры черепка снижает такую возможность до минимума. Она обнаружена на II, IV раскопках 1991 г., которые исследовались под руководством Ю. А. Семькина.

Для шести образцов керамики этой группы И. Н. Васильевой был выполнен предварительный технико-технологический анализ, за что приношу ей большую благодарность. Они представлены стенками и венчиками, орнаментированными отпечатками веревочного штампа по шейке, комбинациями оттисков гребенчатого штампа по плечикам и срезу края венчика. Для изготовления всех сосудов использовано высокопластичное сырье, практически без видимого песка или с пылевидным песком, встречаются отдельные железистые включения. В двух случаях предположительно использована вторая глина, дробленая в сухом состоянии. В качестве примесей фиксируется дробленая раковина в небольшой концентрации и навоз животных или органический раствор. Раковина довольно мелкая, в одном случае ее прослеживается настолько

¹⁸ Васильева 1993, 101.

¹⁹ Кушцова–Нигаматов 2017, 39.

²⁰ Кочкина–Сташенков 1993; Семькин 1993.

²¹ Кочкина–Сташенков 1993, 193, 195–196.

²² Кочкина 2007, 57–58.

²³ Кочкина–Сташенков 1993, 193, 196.

²⁴ Кочкина 2007, 58.

мало, что нельзя исключать естественный характер. Конструирование и формообразование сосудов производилось аналогичными способами, характерными для керамики других памятников.

Вторая группа керамики может быть соотнесена с VIII этнокультурной группой по Т. А. Хлебниковой.²⁵ Керамика фрагментарна, хотя удалось реконструировать сосуд с полным профилем (рис. 2. 1, 1а). Морфологически это – горшковидные сосуды с округлым или уплощенным дном, цилиндрической горловиной, прямым венчиком или косо срезанным внутри краем. Черепки имеют цвет от коричневого цвета до темно-серого и черного, поверхность заглажена, на отдельных фрагментах – следы от правки на круге, орнаментация: прочерченные горизонтальные линии по шейке, наклонные отпечатки веревочного штампа по краю венчика, зигзагообразные линии по плечикам, выполненные оттисками веревочного штампа. В составе формовочной массы по визуально отмеченным признакам – примесь органики, песка, предположительно, мелкого шамота. Такой керамики было выявлено 116 фрагментов на двух раскопах (8,0% от общего числа лепной и подправленной на круге керамики).

Предварительный технико-технологический анализ был выполнен И. Н. Васильевой для восьми образцов. Все они представлены венчиками, орнаментированными резными линиями по шейке, отпечатками веревочного штампа по тулову и срезу края венчика. Для изготовления всех сосудов использовано тощее сырье, представляющее собой запесоченную глину, содержащую пылевидный песок, встречаются слюда, известковые и железистые включения, в одном случае прослеживается вторая глина (высокопластичная), дробленая в сухом состоянии. В качестве искусственной добавки фиксируется навоз животных и органический раствор. Сосуды изготовлены зонально по частям, прослеживаются спаи, конструирование производилось спирально-жгутовым налепом. Для заглаживания и

частично формообразования использовался гончарный круг. Обжиг производился в специальном устройстве. Различия в определении искусственных примесей визуальным способом и под бинокулярным микроскопом заключается в том, что визуальное запесоченность глины трудно отличить от искусственной примеси, добавки сухой глины в дробленном состоянии можно принять за шамот. Очевидна необходимость проведения технико-технологического анализа в большем объеме для получения объективной информации по этой группе керамики. Это, впрочем, относится ко всей коллекции памятника.

В последние годы исследования на Красноюндюковском I городище были продолжены ульяновскими археологами. Исследована площадь немногим более 100 кв. м. Материалы раскопок 2014 г. были опубликованы, правда, керамический материал охарактеризован в самом общем виде.²⁶ Керамика из раскопа VI представлена преимущественно мелкими фрагментами: круговая составляет 95,35%, лепная – 4,65%. На VII раскопе было выявлено 6540 фрагментов керамики: круговой – 5902 (90,25%), лепной и подправленной на круге – 631 (9,65%). Среди материалов имеются также фрагменты лепной круглодонной посуды с примесью раковины в составе формовочной массы с гребенчато-шнуровой (веревочной) орнаментацией (VII группа по Т. А. Хлебниковой).²⁷ По мнению исследователей, в коллекции лепной керамики встречается керамика, имеющая черты сходства с керамикой VIII этнокультурной группы.²⁸ К сожалению, у исследователей пока нет данных по количественному распределению лепной керамики по примесям в составе формовочной массы, что весьма значимо при сравнении комплексов разных памятников.

Следует заметить, что на Красноюндюковском I городище лепная и подправленная на круге керамика в целом встречается примерно в том же соотношении с круговой керамикой, что и на Муромском городке, и на других памятниках Волж-

²⁵ Кочкина 2007, 58.

²⁶ Гисматуллин и др. 2016, 54–74.

²⁷ Гисматуллин и др. 2016, 59.

²⁸ Гисматуллин и др. 2016, 59.

ской Болгарии. Однако имеются существенные отличия от комплекса традиционной керамики Муромского городка: во-первых, она представлена меньшим количеством групп, во-вторых, различается состав этих групп, также разным является количественное соотношение между группами. На Красносундюковском I городище из интересующих нас групп традиционной керамики преобладает керамика, соответствующая VIII группе по Т. А. Хлебниковой прикамско-пуральских истоков, хотя и она составляет всего 8,0% на двух раскопах. Пока на городище не обнаружена керамика, которую можно было бы связать с XVII группой керамики по Т. А. Хлебниковой. На Муромском городке преобладают те группы традиционной керамики, которые имеют свои истоки в прикамско-приуральских культурах, на их долю приходится от 45 до 75% от общего числа лепной и подправленной на круге керамики. На Красносундюковском I городище, как уже подчеркивалось выше, более 80% традиционной керамики связано своими истоками с культурами салтово-маяцкого круга, и, вероятно, кочевников Восточной Европы. Безусловно, причины такого положения связаны не только с хронологическими позициями памятников, но и различиями в спектрах связей населения каждого памятника с сопредельными регионами и своеобразными путями заселения этих двух областей Волжской Болгарии. Используя подобную модель сравнительного анализа встречаемости традиционной керамики на памятниках Волжской Болгарии с учетом морфологии, технологии, а также стратиграфических и планиграфических наблюдений распространения керамики на памятниках, можно получить более объективную картину региональных особенностей областей Волжской Болгарии и роли компонентов, формирующих эти особенности.

Разработки методических приемов обработки керамического материала в археологии приводит периодически к таким результатам, которые на долгие годы определяют направление исследований конкретных проблем. Для археологии Волж-

ской Болгарии, а, если шире, то Волго-Уралья, такими работами стали изыскания Т. А. Хлебниковой в 1960–1980-е годы. Т. А. Хлебникова всегда достаточно осторожно высказывалась относительно этнической характеристики выделенных ею групп. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. ее исследования были поддержаны И. Н. Васильевой в рамках технико-технологического подхода, разрабатываемого в те годы А. А. Бобринским.²⁹ К сожалению, не все исследователи болгарских древностей учитывают результаты этого исследования. Исследование технологии изготовления керамики не просто существенно дополняет характеристику керамики, но дает возможность изучения культурных традиций населения и механизмы их смешения в процессе адаптации людей к новым жизненным условиям в ходе миграций.

На примере краткого анализа материалов двух памятников ясно прослеживается неоднородность гончарных традиций населения этих болгарских городов, испытывающих влияние ремесленного гончарства. Сохранившиеся архаические формы традиционного гончарства в среде болгарского населения, в том числе городского, безусловно, позволяют судить и об этнокультурном составе населения домонгольской Волжской Болгарии, и о корнях этого населения, однако необходимы все же более четкие критерии для подобного рода заключений.

Необходимо подчеркнуть, что подход к изучению керамики как источника по истории древнего населения, при котором сосуды «разговаривают» на разных языках, «ходят» с одного берега реки на другой, заимствуют друг у друга способы орнаментации и пр., исчерпал себя. Подчас складывается такая ситуация, при которой невозможно сравнивать результаты исследования материалов одного круга памятников или даже одних и тех же памятников, исследованных разными авторами. Это касается и материалов, полученных на болгарских памятниках, о чем уже приходилось писать.³⁰ В настоящее время, видимо, уместно вернуться к обсуждению во-

²⁹ Бобринский 1978.

³⁰ Кочкина 2007, 56.

просов о значимых критериях для выделения групп населения, объединенных общностью гончарных традиций и их роли в формировании общеболгарской культуры.

Возвращаясь к дискуссии по угорской проблеме, отметим, что позиция оппонировавшей стороны также не позволяет конструктивно разрешить ситуацию, которая на данный момент сложилась в определении этнокультурной принадлежности ряда средневековых культур Волго-Уралья и Прикамья. Причина кроется в различных подходах к изучению источника. Попытки встраивать археологический материал в рамки заранее заданных схем порождают конструкции, искажающие реальную картину состава керамического комплекса Волжской Болгарии, как это, к сожалению, произошло и происходит не только с так называемой «постпетрогромской» керамикой, а также с другими группами керамики, которые

бездоказательно приписываются то к одной, то к другой культуре или даже этносу.

Однако появление спорных гипотез всегда стимулирует интерес к новым исследованиям старых коллекций. Необходим детальный сравнительный анализ керамики изучаемых памятников, причем выборки должны быть репрезентативными. И самое важное – сравнивать можно только те результаты, которые получены одинаковыми методами. В этой связи хотелось бы обратить внимание коллег на статью И. Н. Васильевой по проблемам древнейшей керамики Восточной Европы.³¹ В качестве познавательного примера целесообразно привести ссылку на исследование А. А. Бобринского двух памятников штрихованной керамики эпохи раннего железного века с целью уточнения их принадлежности к одной археологической культуре.³²

Таблица 1. Муромский городок (Самарская Лука). Распределение традиционной керамики

1. táblázat. A hagyományos kerámiatípusok megoszlása Muromszkij gorodokban (szamarai Volga-könyök)

Раскоп	Круговая керамика	Лепная керамика
Р. XXVI (1995–1996 гг.)	14599 (91,3%)	1391 (8,7%)
Р. XXVIII (2001, 2004, 2005 гг.)	87892 (85,8%)	12524 (14,2%)
Р. XXX (2011 г.)	33430 (87,4%)	4226 (12,6%)
Р. XXXII (2016 г.)	17657 (95,0%)	925 (5,0%)

Таблица 2. Красносундюковское I городище (Ульяновское Поволжье). Распределение круговой и лепной керамики

2. táblázat. A korongolt és kézzel formált kerámiatípus megoszlása a krasznoszjonyukovszkojei I. erődített településen (uljanovszki Volga-vidék)

	Круговая керамика	Лепная керамика
Раскоп I	7411 (93,1%)	553 (6,9%)
Раскоп III	3630 (80,2%)	896 (19,8%)

³¹ Васильева 2013, 110–119.

³² Бобринский 1978, 244–265.

Таблица 3. Красносундюковское I городище. Распределение традиционной керамики по преобладающим примесям в формовочной массе

3. táblázat. A hagyományos kerámiatípusok megoszlása a sóványításhoz használt anyagok alapján a krasznoszjonyukovszkojei I. erődtített településen

	Первая группа (примеси: крупный и средний шамот, органика, иногда песок)	Вторая группа (примеси: мелкий шамот, песок, органика)	Третья группа (примеси: органика, песок, шамот)	Четвертая группа (примеси: песок, органика, шамот)	Пятая группа (примеси: дробленая раковина, органика)	Всего
Раскоп I	94 (17,0%)	41(7,4%)	313 (56,6%)	106 (19,2%)	–	553
Раскоп III	305 (34 ,0%)	75 (8,4%)	383 (42,7%)	113 (12,6%)	25 (2,8%)	896

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский 1978: Бобринский, А. А.: *Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения*. Москва 1978.
- ВАСИЛЬЕВ–МАТВЕЕВА 1986: Васильев, И. Б. – Матвеева, Г. И.: *У истоков истории Самарского Поволжья*. Куйбышев 1986.
- ВАСИЛЬЕВА 1988: Васильева, И. Н.: Керамика Муромского городка (результаты технико-технологического анализа). В: *Проблемы изучения археологической керамики. Межвузовский сборник статей*. Отв. ред.: Бобринский, А. А. Куйбышев 1988, 154–193.
- ВАСИЛЬЕВА 1988а: Васильева, И. Н.: О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища. В: *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Отв. ред.: Федоров-Давыдов, Г. А. Москва 1988, 103–148.
- ВАСИЛЬЕВА 1993: Васильева, И. Н.: *Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв.* Екатеринбург 1993.
- ВАСИЛЬЕВА 2013: Васильева, И. Н.: Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии. *Российский археологический ежегодник* 2013:3, 110–119.
- ГИСМАТУЛИН и др. 2016: Гисматулин, М. Р. – Семькин, Ю. А. – Горбунов, Н. А. – Асылгараева, Г. Ш.: Исследования Красносундюковского I городища в 2014 г. *Поволжская археология* 2016:4, 54–74.
- ГОЛДИНА 2013: Голдина, Р. Д.: Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья. В: *II Международный Магьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 89–109.
- КАЗАКОВ 2007: Казаков, Е. П.: *Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань 2007.
- КОКОРИНА 2002: Кокорина, Н. А.: *Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.* Казань 2002.
- КОЧКИНА 2007: Кочкина, А. Ф.: Проблемы изучения региональных особенностей археологических памятников Волжской Булгарии X–XIII вв. В: *Средневековая археология евразийских степей* 2. Ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдииков, А. Г. Казань 2007, 55–62.
- КОЧКИНА–СТАШЕНКОВ 1993: Кочкина, А. Ф. – Сташенков, Д. А.: Археологические исследования на I Красносундюковском городище в 1991 г. В: *Археологические исследования в Поволжье. Межвузовский сборник статей*. Ред.: Матвеева, Г. И. Самара 1993, 183–218.

- КУПЦОВА–НИГАМАЕВ 2017: Купцова, М.С. – Нигаматов, А.З.: Угры на территории Нижнего Прикамья в домонгольский период. В: *Современные тенденции развития науки и технологий: периодический научный сборник*. № 1, часть 7. Белгород 2017, 36–39.
- МАТВЕЕВА 1988: Матвеева, Г. И.: Гончарная керамика Муромского городка. В: *Проблемы изучения археологической керамики. Межвузовский сборник статей*. Ред.: Бобринский, А. А. Куйбышев 1988, 194–212.
- СЕМЬКИН 1993: Семькин, Ю. А.: Исследование бани на I Краснослюдюковском городище. В: *Археологические исследования в Поволжье: Межвузовский сборник статей*. Ред.: Матвеева, Г. И. Самара 1993, 219–230.
- ХЛЕБНИКОВА 1984: Хлебникова, Т. А.: *Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения*. Москва 1984.
- Хлебникова 1988: Хлебникова, Т. А.: Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара. В: *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Отв. ред.: Федоров-Давыдов. Москва 1988, 7–102.
- ХУЗИН 2008: Хузин, Ф. Ш.: К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре». В: *Камский торговый путь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Ред.: Калимуллин, А. М. и др. Елабуга 2008, 11–22.

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ «ВЕНГЕРСКОГО» ОБЛИКА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ЗЕЛЕНЦОВА*

Ключевые слова: *средние века, вещи «венгерского» круга, поясные наборы, поволжские финны, мордовские могильники*

Kulcsszavak: *középkor, magyar típusú leletkör, övdíszek, Volga menti finnek, mordvin temetők*

Ольга Викторовна Зеленцова

Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги. Вот уже более 100 лет мордовские древности в среднем течении реки Цны (современная Тамбовская область) считаются перспективными для поиска прародины венгров или локализации их пути на запад. Основанием для этого является присутствие в материалах древнемордовских могильников предметов, поразительно похожих на венгерские находки из Карпатского бассейна эпохи «Обретения Родины» (X в.). Это поясные наборы с «узелковым» бордюром, мифологическими сюжетами, декором из трилистника и лотоса, выполненные из низкопробного серебра, с позолотой в оформлении орнамента; поясные сумки с металлической передней пластиной или отдельными накладками; предметы оружия – сабли, кинжалы в ножнах; сюда же можно отнести стремена с прогнутой подножкой и некоторые типы стрел. Погребения с вещами «венгерского круга» в мордовских могильниках датируются в пределах рубежа IX–X и первой половиной X вв. В данной публикации анализируются, прежде всего, поясные наборы, узнаваемые в литературе как венгерские. Наличие у погребенного пояса, оружия, сумочки и конского снаряжения считается признаками венгерских (угорских) захоронений. Однако, другие детали погребальной обрядности, характерные для угорского населения (захоронения коней, наличие лицевого покрытия или наглазников, скрепленные или сведенные ноги) в мордовских могильниках не фиксируются. «Венгерские» вещи в мордовских могильниках в первую очередь были отражением престижной воинской моды и той роли, которую цинская мордва играла на северо-восточной границе Хазарии. Но примечательно, что эти находки известны в могильниках, расположенных близко от тех путей, которые в настоящее время реконструируются как путь венгров на территорию новой родины, в то время как на внутренних территориях мордвы – на Мокше и Теше такие находки отсутствуют.

Olga Viktorovna Zelencova

'Magyar' jellegű övdíszek Volga menti finn nyelvű népek temetőiből a Volga jobb partvidékéről. A Cna folyó középső folyásvidékéről (a mai Tambovi területéről) származó mordvin régészeti leletek már több mint 100 éve fontos szerepet töltenek be a magyar őshaza, illetve a nyugat felé irányuló magyar vándorlás kutatásában. Ennek alapjául az a jelenség szolgál, hogy a korai mordvin temetők leletanyagában találunk néhány olyan tárgyat, amelyek meglepő mértékben hasonlítanak a Kárpát-medencében előkerült 10. századi honfoglalás kori leletekre. Ezek között alacsony ezüsttartalmú ötvözetekből készült övdíszeket említhetünk, amelyeket aranyozott mintájú pálcátagos bordűrrel, mitológiai jelenetekkel, hármás levélcsokkal vagy lótuszmotívummal díszítettek. Ide sorolhatunk még lemezes, illetve veretes tarsolyokat, valamint olyan fegyverzeti elemeket, mint a szablyák és a tokos török, a lószerszámok közül az ívelt talpú kengvelt és néhány nyílhegytípust. A 'magyar' jellegű mellékletekkel ellátott sírok a mordvin temetőkben a 9–10. század fordulójára és a 10. század első felére keltezhetőek. Ebben a tanulmányban elsősorban azokat az övdíszeket elemezzük, melyeket a szakirodalom magyarnak nevez. A magyar (ugor) sírokra jellemző olyan mellékletek, mint az öv, fegyver, tarsoly és különböző lószerszámok mellett azonban az ugor népességnél szintén gyakori más

* Институт археологии РАН, 117036 г. Москва, ул. Дм. Ульянова, olgazelentsova2010@yandex.ru

temetkezési szokások (pl. lovastemetkezés, halotti maszk vagy szemfedő, keresztbe tett vagy összehúzott lábak) a mordvin temetőiben ismeretlenek. A mordvin temetőkből származó 'magyar' jellegű leletek elsősorban a magas presztízzsel bíró katonai divatnak, másrészt annak a szerepnek a visszatükröződése, amelyet a Cna folyó menti mordvinok töltöttek be a Kazár Birodalom északkeleti határvidékén. Figyelemre méltó azonban, hogy ezek a 'magyar' típusú leletek olyan temetőkből ismertek, amelyek közel esnek ahhoz az útvonalhoz, amelyre a kutatók a magyarok vándorlási útvonalát jelenleg helyezik. Ezzel szemben a mordvin szállásterületek belső részein, a Moksa és Tyesa folyók völgyében ezek a tárgytípusok nincsenek jelen.

ВВЕДЕНИЕ

Еще в начале XX века венгерские ученые вслед за монахом Юлианом в поисках прародины древних мадьяр и их пути на запад смотрели на восток – в Волго-Камское междуречье, где по сведениям миссионера в XIII веке встречались люди, разговаривающие на венгерском языке.¹ При взгляде на восток в поле зрения попадают могильники древней мордвы, где встречаются вещи схожие с древностями венгров Панонии эпохи обретения родины. Так материалы мордовского Лядинского могильника в середине 30-х годов XX века привлекались А. А. Захаровым и В. В. Арндтом для локализации Леведии.² Аналогии венгерским поясным наборам в мордовских могильниках на Цне находил Н. Феттих,³ а знаменитый пояс из 505 погребения Крюковско-Кужновского могильника И. Динешем приводился в качестве единственной на то время аналогии поясу из Karancslapujtó.⁴ Традиция видеть в мордовских материалах венгерские аналогии сохранилась до XXI века – И. Эрдели, публикуя находки «венгерского стиля» из Восточной Европы, включил в каталог поясные наборы из Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского и Лядинского могильников,⁵ как вещи, связанные с венгерским кругом древностей. Находки «с подозрением на венгерские»

видит в материалах древнемордовских могильников А. Тюрк.⁶

Таким образом, вот уже почти 100 лет в мордовских могильниках Средней Цны выделяется круг вещей, которые имеют аналогии в древностях венгров периода Арпадов. Однако, статус этих предметов остается до сих пор неясным – означают ли они присутствие здесь древних мадьяр, маркируют их путь на новую Родину или характеризуют явления иного порядка, связанные с движением вещей и моды.

Для начала нам необходимо определиться с понятием находки «венгерского», «мадьярского» круга или облика. Данный термин достаточно часто фигурирует в литературе последнего десятилетия.⁷ Особенности венгерского стиля еще в начале XX века выделил Н. Феттих.⁸ И. Эрдели, характеризуя археологическую культуру древних венгров, отмечал, что из вещественного материала для могильников эпохи завоевания новой родины характерны серебряные, часто позолоченные, литые бляшки, украшающие пояс мужчины. Орнамент этих украшений «по своему узору тяготеет к пост-сасанидскому искусству с одной стороны и к салтовскому и кавказскому с другой». К этому же кругу вещей он также относил накладки на кожаные сумки с тисненым и резным орнамен-

¹ Аннинский 1940, 71–112.

² ZAKHAROV–ARENDE 1935, 74.

³ FETTICH 1937, Taf. XVII.

⁴ DIENES 1964, 28–30.

⁵ ERDÉLYI 2008, 131–141.

⁶ ТЮРК 2018, 428.

⁷ Напр. КОМАР 2011, 45; ПОДОСЕНОВА 2017, 148; BELAVIN–KRYLASOVA–PODOSENOVA 2017, 1.

⁸ FETTICH 1937.

том, круглые бляхи для украшения кос и другие вещи, при этом отмечал, что для всех украшений характерен одинаковый художественный стиль оформления.⁹

В свое время Р. С. Орловым была выделена художественная школа А, которая восходит к традициям декора среднеазиатского и степного происхождения, элементы которой характерны для венгерской торевтики.¹⁰ Для вещей, выполненных в такой стилистике, характерен специфический орнамент в виде крина или растительного побега с отогнутыми и заостренными лепестками. Отличительным элементом венгерской торевтики является поперечный перехват у основания крина или пучка листьев. Характерен бордюр по краю листа, разделка листьев штриховкой или гравированный орнамент в виде черт или завитка, оканчивающихся точкой, оформление центральной части в виде трилистника, наличие бордюра. В данной стилистике оформлены обычно ножны сабель, футляры кинжалов и детали конской узды.¹¹

«Венгерскую» или «постхазарскую» школу ременных наборных поясов выделяет В. В. Мурашева, проанализировавшая древнерусские пояса. Она отмечает такие признаки, как применение серебра в качестве материала, выпукло-рельефное сечение изделий, полусферические выступы в центре накладок, сочетание

остролистных полупальмет с многолепестковым цветком в орнаменте.¹² Название «венгерская» школа для исследователя в целом условно, т.к. этот пласт она связывает с позднехазарскими древностями, которые стали истоками и для венгерского искусства.¹³

Непосредственно с мажарскими древностями В. А. Комар связывает поясные наборы «типа Субботцев» и выделяет такие признаки как «узелковый» бордюр, «мифологические» сюжеты в орнаментации, а также декор в виде трилистника, «пламенеvidный лотос».¹⁴ Вслед за ним «лотосовидный декор», присутствие зооморфных или антропоморфных изображений, золочение фона орнамента или всего изделия, оформление бордюра звеньевым орнаментом отмечают исследователи угорских древностей в Прикамье.¹⁵

Таким образом, все исследователи отмечают определенные особенности для вещей «венгерского» стиля, которые выражаются в переработке и продолжении традиций сасанидской торевтики в оформлении изделий из цветного металла. Истоки этой традиции сложились в Приуралье и на северном Урале, на территории, где присутствовало большое количество сасанидского серебра, поступавшего сюда на протяжении нескольких веков в обмен на пушнину, и, где угорские племена имели длительный контакт с этими древностями.¹⁶

АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В течении реки Цны (левый приток р. Мокша правого притока р. Ока, территория современной Тамбовской области) известно более 15 мордовских могильников, которые суммарно датируются рубежом VII/VIII–XI вв.¹⁷ Наиболее полно еще в конце XIX – начале

XX веков раскопаны Лядинский, Томниковский, Крюковско-Кужновский, Пановский и Елизавет-Михайловский могильники. Всего на сегодняшний день на Цне исследовано около 1300 погребений древней мордвы. Именно отсюда происходят находки «венгерского круга»,

⁹ Эрдели 1972, 136–138.

¹⁰ Орлов 1983, 38.

¹¹ Орлов 1984, 32–35.

¹² Мурашева 2000, 92.

¹³ Мурашева 2000, 91.

¹⁴ Комар 2011, 65; Комар 2016, 545.

¹⁵ Подосенова 2017, 148.

¹⁶ Тюрк 2013, 236.

¹⁷ Шитов 2000, 54.

которые вводятся в научный оборот уже с начала XX века.¹⁸

Прежде всего, это поясные наборы, которые в могильниках на средней Цне присутствуют в 46 погребальных комплексах (КК.¹⁹ 55, 69, 132, 176, 187, 192, 201, 206, 217, 222, 256, 277, 305, 321, 330, 423, 444, 448, 501, 505, 519, 529, 553, 562, 570; П.: 44, 50, 52, 56; ЕМ. 496, 86, 115, Л. (Вор.) 3, 7, 20, 21, 32, 35, 36, 62, 67; Л. (Ястр.) 42, 43; КВ.: 10, 11, 30). Такая достаточно крупная выборка, а также присутствие одинаковых поясных наборов и случаев, когда в разных наборах встречаются одинаковые накладки, позволяют уточнить время и ситуацию попадания этих артефактов к мордве, а также их место в культуре поволжских финнов.

В материалах могильниках выделяется несколько типов поясных наборов, которые при небольшой вариативности имели единую схему и собирались из одинаковых накладок.

Наиболее ярким признаком поясов типа «Субботцев» является «узелковый» бордюро. Детали таких поясов орнаментированы трилистниками, лотосовидными бутонами или пальметтами с «растрепанными лепестками» по определению Маршака.²⁰ В среднецнинских могильниках найдено шесть поясов, оформленных подобными накладками (КК. 55, 69, 217; ЕМ. 115; П. 52; Л. (Ястр.), еще два пояса найдено на верхней Мокше – в могильнике «Красный Восток» (пп. 10, 30) (рис. 1. 1–3, 10–13; рис. 2. 1). При всей внешней близости оформления этих поясов, материалы показывают, что между ними имеется хронологическое различие.

Так поясной набор оформленный накладками с «узелковым» бордюром и трефовидным орнаментом (рис. 2–4) из мужской кремации

погребения 217 Крюковско-Кужновского могильника может датироваться, судя по сопровождающему инвентарю, наиболее ранним временем. Мужское погребение сопровождал женский дарственный комплекс с серебряными височными подвесками с бипирамидальным грузиком (рис. 5. 3–4) и сюлгамы с длинными завернутыми концами (рис. 6. 2), которые позволяют отнести это погребение к 9 стадии мордовских древностей, датирующейся второй половиной VIII–IX вв.²¹ Присутствие в погребении сюлгам переходных типов, когда они становятся плоскими, а концы уже не закручиваются в трубочки (рис. 6. 3) и мужской литой серьги «салтовского типа» (рис. 6. 1), которые у мордвы широко распространены в последующий период, позволяет говорить о конце IX в. Такая датировка согласуется с находкой аналогичной пряжки в составе поясного набора в погребении у с. Воробьевка (Воронежская обл.).²² Весь воробьевский пояс, помимо пряжки, относится к древностям III горизонта салтовской культуры.²³

Накладки, аналогичные найденным в погребении 217 КК, известны в составе другой знаменитой находки начала XX века – в погребении у с. Новая Николаевка Екатеринославской губернии (Днепропетровская обл. Украины),²⁴ которое также относится традиционно к кругу мадьярских древностей.

Близкие елизаветмихайловскому детали поясов известны в могильнике Синеглазово в Зауралье,²⁵ в Запосельском могильнике в Пермском Прикамье.²⁶ Несколько поясов, выполненных в этой же стилистике известны в материалах Больше-Тиганского могильника второй половины VIII – первой половины IX вв.²⁷ С боль-

¹⁸ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДВЫ 1952; Средне-Цнинская мордва 1969; Воронина 2007.

¹⁹ КК: Крюковско-Кужновский; П: Пановский; ЕМ: Елизавет-Михайловский; Л (Ястр.): Лядинский, раскопки Ястребова; Л (Вор.): Лядинский, раскопки Ворониной; КВ: Красный Восток могильники.

²⁰ МАРШАК 1971, 52.

²¹ ВИХЛЯЕВ–БЕГОВАТКИН–ЗЕЛЕНЦОВА–ШИТОВ 2008, 143–144.

²² FETICH 1937, Taf. XVI, 11.

²³ КОМАР 1999, 130.

²⁴ ХАНИНКО–ХАНИНКО 1902, табл. XIX, 682, 739, 819.

²⁵ БОТАЛОВ 2012, 141, рис. 13. 21–25.

²⁶ КРЫЛАСОВА–ЛЫЧАГИНА–БЕЛАВИН–СКОРНЯКОВА 2014, 347, рис. 235, 10.

²⁷ СНАЛКОВА–СНАЛКОВ 1981, 121, Taf. XXIII. 3–7, Taf. X. 10–13, Taf. XIIIВ. 8–9, Taf. XIII. 4–5.

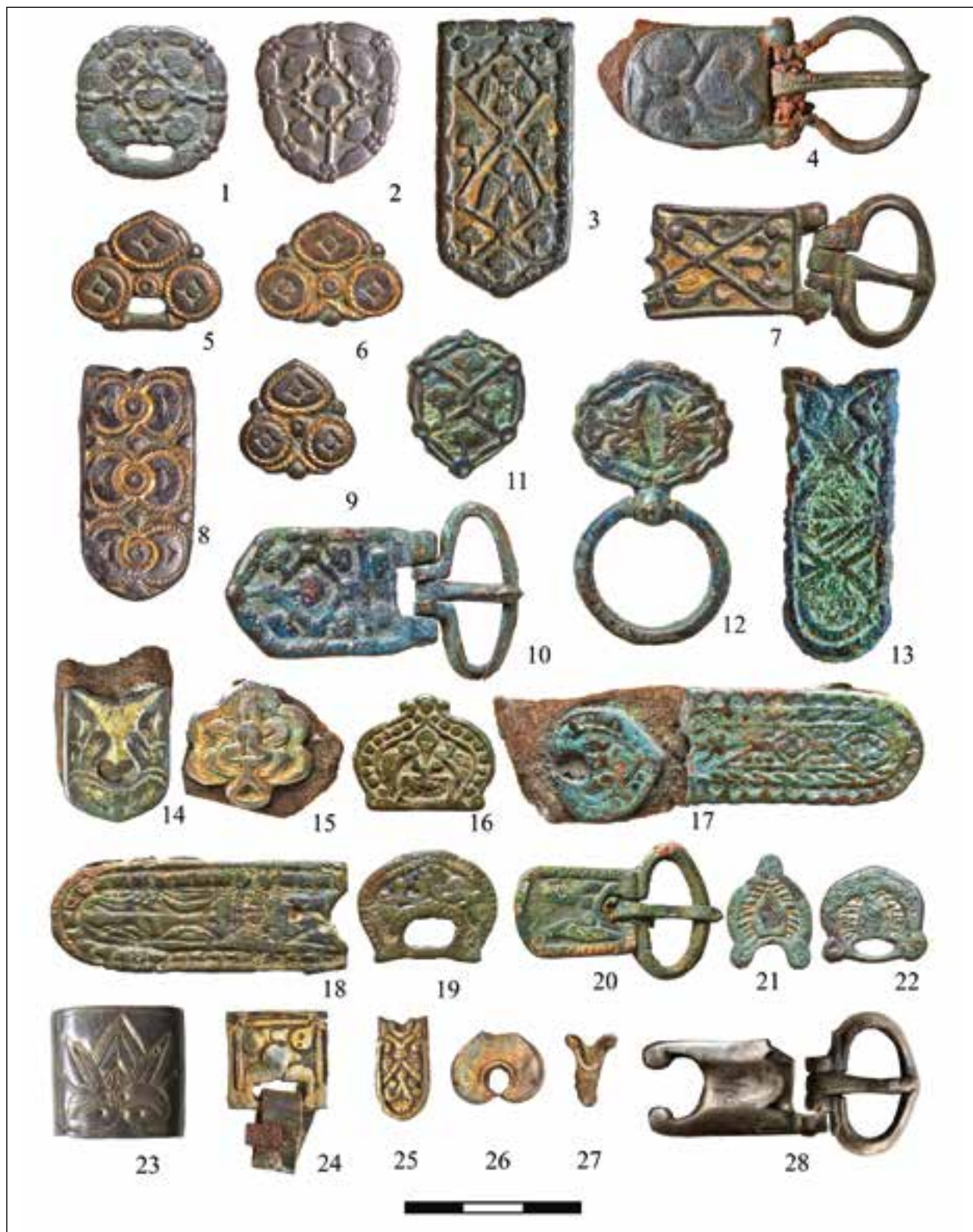

Рис. 1. Металлические детали наборных поясов из Среднецунинских могильников. 1–4: Елизавет-Михайловский могильник, п. 115; 5–9: Крюковско-Кужновский могильник, п. 256; 10–13: Крюковско-Кужновский могильник, п. 69; 14–15: Крюковско-Кужновский могильник, п. 192; 16–17: Крюковско-Кужновский могильник п. 553; 18–20: Крюковско-Кужновский могильник, п. 321; 21–22: Крюковско-Кужновский могильник, п. 187; 23–28: Крюковско-Кужновский могильник, п. 206.

1. kép. Övdíszek a Középső-Csna menti temetőkből. 1–4: Jelizavet-Mihajlovka 115. sír; 5–9: Krjukovo-Kuzsnovo 256. sír; 10–13: Krjukovo-Kuzsnovo 69. sír; 14–15: Krjukovo-Kuzsnovo 192. sír; 16–17: Krjukovo-Kuzsnovo 553. sír; 18–20: Krjukovo-Kuzsnovo 321. sír; 21–22: Krjukovo-Kuzsnovo 187. sír; 23–28: Krjukovo-Kuzsnovo 206. sír

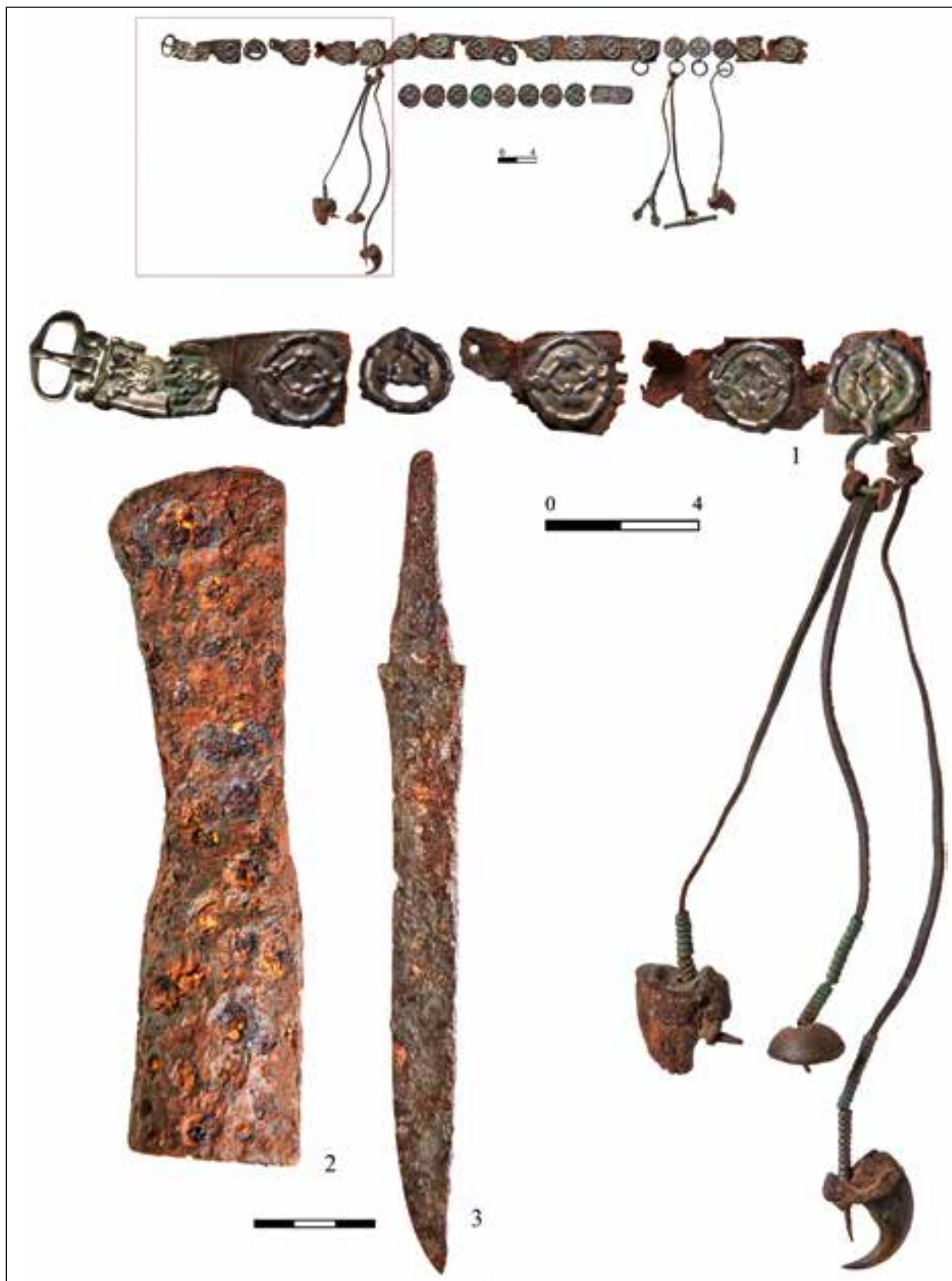

Рис. 2. Крюковско-Кужновский могильник. Погребальный инвентарь из п. 217. 1: Фрагмент пояса с пряжкой и поясной привеской; 2: Железный топор-кельт; 3: Железный нож

2. kép. A krjukovo-kuzsnovói temető 217. sírjának leletei. 1: Az öv részlete csattal és csüngővel; 2: Vas tokosbalta; 3: Vaskés

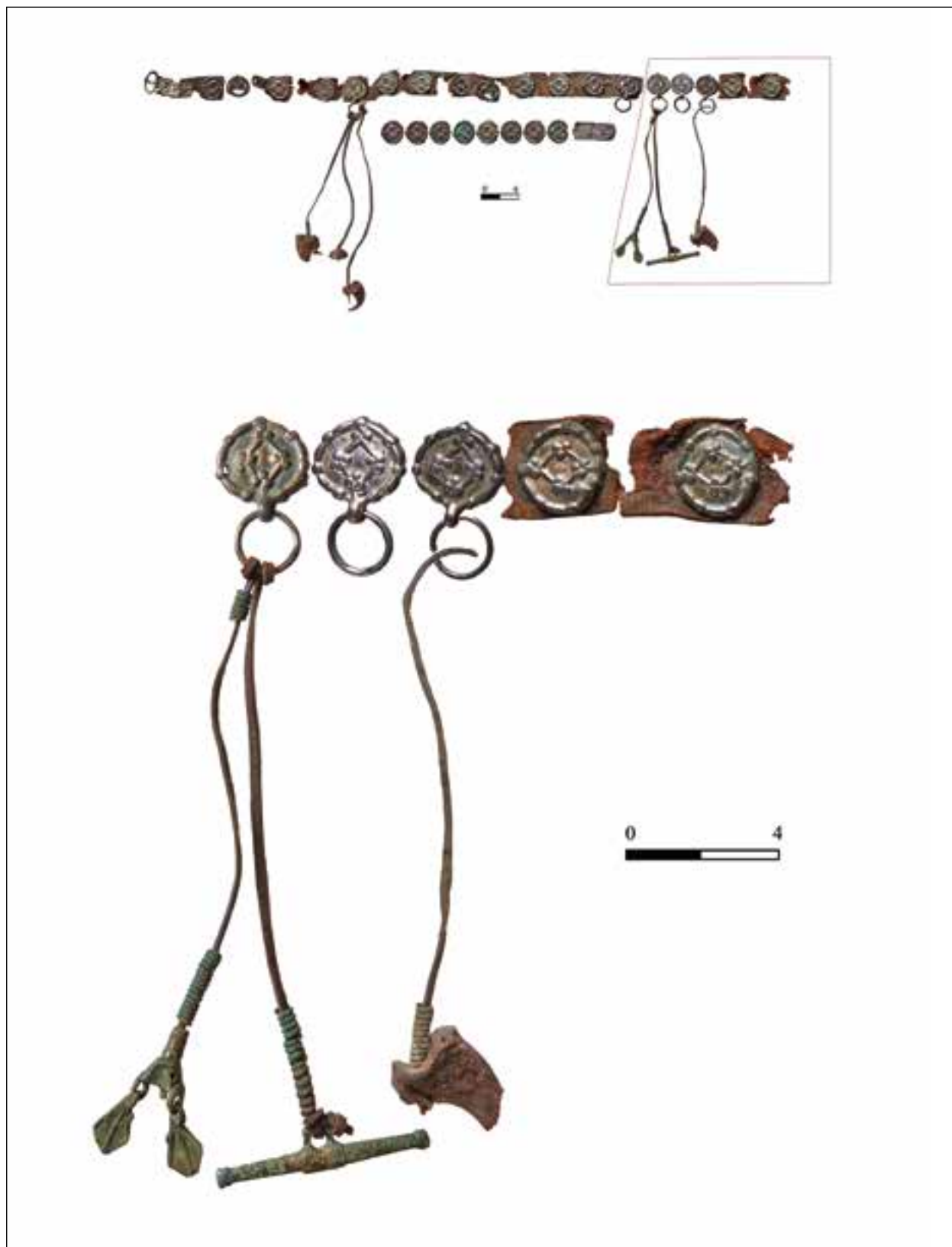

Рис. 3. Крюковско-Кужновский могильник. Поясной набор из п. 217. Фрагмент пояса с поясными подвесками
3. kép. Csüngőkkel ellátott veretes öv és részlete a krjukovo-kuzsnovói temető 217. sírjából

Рис. 4. Крюковско-Кужновский могильник. Поясной набор из п. 217. Фрагмент пояса с наконечником
4. kép. Veretes öv részlete szíjvéggel krjukovo-kuzsnovói temető 217. sírjából

шетиганскими поясами наш набор сближает и мифологический сюжет, присутствующий на наконечнике рассматриваемого крюковско-кужновского пояса (рис. 4).²⁸ Сочетание «узелкового» орнамента, трилистников и мифологического сюжета позволяет отнести этот наборный пояс, как и тиганские, к древностям «типа Суботцев».²⁹

С этим же кругом древностей соотносится пояс из погребения ювелира Елизавет-Михайловского могильника, состоящий из сердцевидных и округлых накладок, оформленных «узелковым» бордюром и лотосовидными бутонами в центральной части (рис. 1. 1–4). Накладки, оформленные в этом стиле, входят в состав по-

ясного набора из п. 69 Крюковско-Кужновского могильника (рис. 1. 10–11). Такие же найдены на узде в конском захоронении Подболотьевского могильника. Два пояса с такими накладками известны еще с начала XX века: это новониколаевский пояс³⁰ и поясной набор из Редикорского клада из Чардынского уезда Пермского края.³¹ Из Пермского Предуралья происходят еще две аналогии: это серебряная поясная накладка из Гаревой³² и наконечник пояса с орнитоморфным орнаментом из п. 279 Баяновского могильника, который аналогичен наконечнику от пояса из п. 115 ЕММ.³³ Третий такой же наконечник с сохой и соколом, изображенными в геральдической позе (рис. 1. 3), известен в материалах Бирки,

²⁸ См. СНАЛИКОВА–СНАЛИКОВ 1981, 13, 103, 114, 117, 118, 132.

²⁹ КОМАР 2016, 545.

³⁰ ХАНИНКО–ХАНИНКО 1902, табл. XIX, 645, 668, 679.

³¹ ШАБЛАВИНА 2016, илл. 274–275.

³² БЕЛАВИН–ИВАНОВ–ДАНИЧ 2015, 120, 125.

³³ ПОДОСЕЛОВА 2017, 157–158, рис. 2, 3–28.

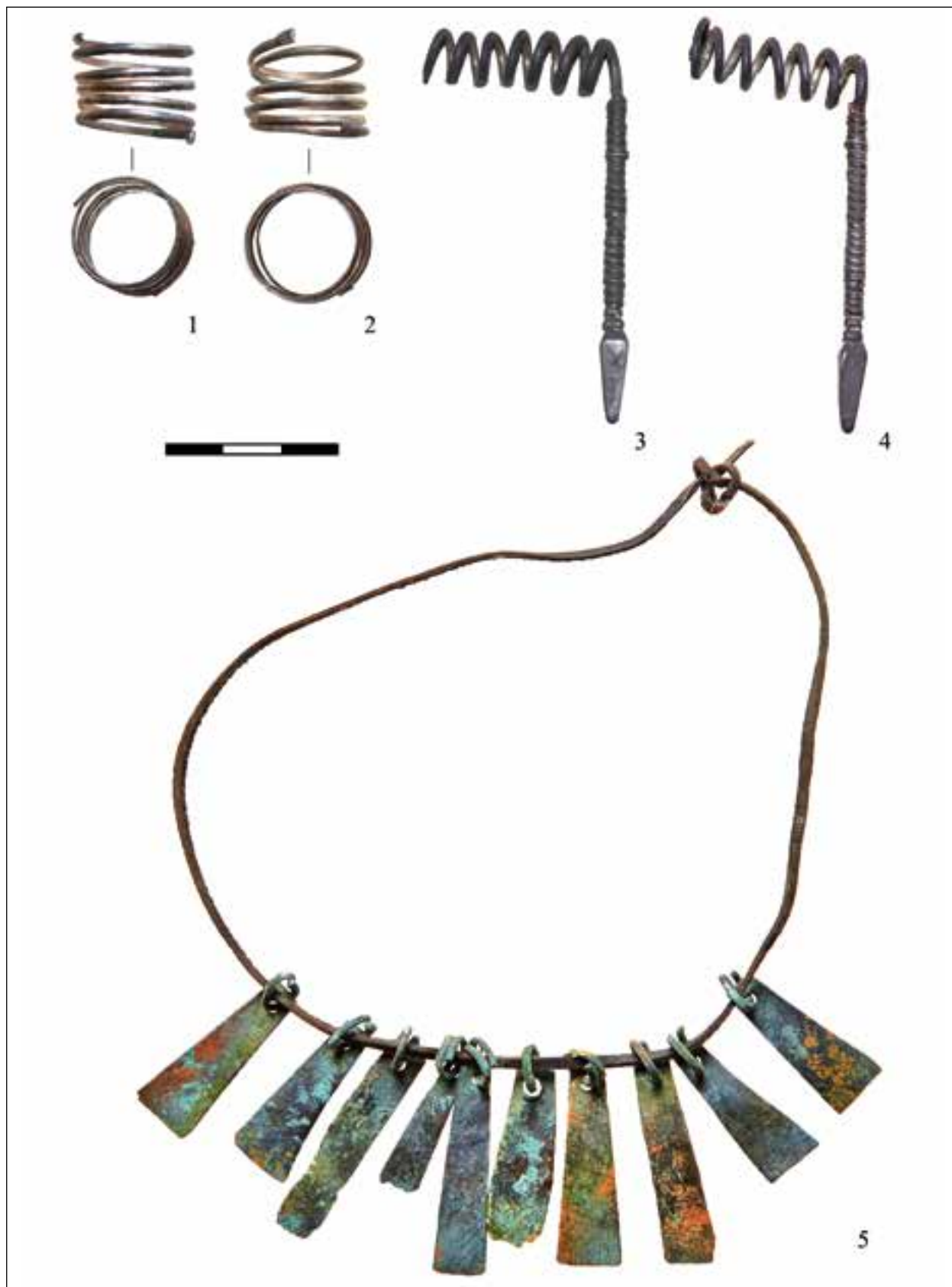

Рис. 5. Крюковско-Кужновский могильник. Погребальный инвентарь из п. 217. 1–2: Спиральные перстни; 3–4: Височные привески с бипирамидальным грузиком; 5: Ожерелье

5. kép. A krjukovo-kuzsnovói 217. sír leletei. 1–2: Spirál-alakú gyűrűk, 3–4: Halántékfüggők piramis alakú csüngővel; 5: Nyakék

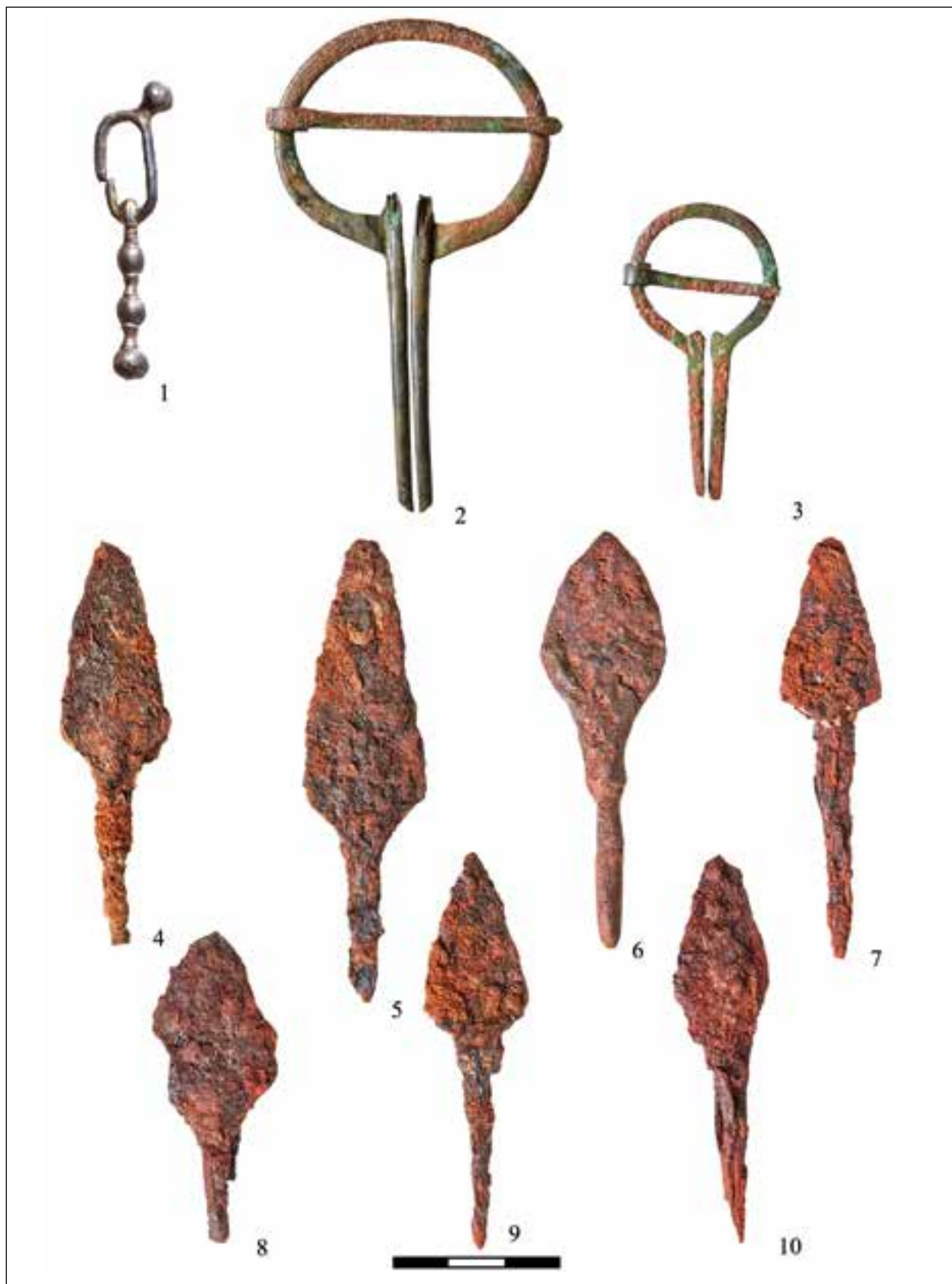

Рис. 6. Крюковско-Кужновский могильник. Погребальный инвентарь из п. 217. 1: «Салтовская» серьга; 2–3: Сюлгамы; 4–10: Железные наконечники стрел

6. kép. A krjukovo-kuzsnóvi 217. sír leletei. 1: 'szaltovói típusú' fülbevaló; 2–3: Szulgamok (mordvin női csat); 4–10: Vas nyílhegyek

где он использовался в качестве подвески.³⁴ Традиция превращения деталей поясных наборов в подвески для женских ожерелий весьма характерна как для этого могильника, так и для скандинавских древностей в целом. Исследователи Бирки связывают такие находки с Волжским путем, посредством которого эти вещи попали на территорию Скандинавии из Хазарии и Волжской Болгарии.³⁵ Возможно, они имели более дальнее происхождение, о чем свидетельствует присутствие таких подвесок и в материалах пермского Предуралья.³⁶

О каких-то общих процессах, связанных с движением людей или вещей и о нахождении Цнинских территорий в орбите таких контактов могут свидетельствовать и другие находки. Так поясной набор из п. 279 Баяновского могильника аналогичен поясу из п. 55 Крюковско-Кужновского могильника не только по типу накладок, но по составу: оба пояса собраны из сердцевидных из сердцевидных и курглых накладок с кольцом с кольцом,³⁷ крюковско-кужновский отличается только лучшей сохранностью и наличием колец на круглых накладках (рис. 1. 12). Сопоставляя эти два воинских погребения, обратим внимание на то, что они близки по составу погребального инвентаря: в обоих присутствуют наконечники копий, колчаны со стрелами, боевые топоры и поясные сумки.³⁸

Продолжение традиции оформления поясов бордюром в виде каймы из выпуклин (перлов) фиксируется еще на одной серии поясных наборов – это пояса с накладками сердцевидной и арочной форм, орнаментированных бутонами лотоса или завитками, оканчивающимися цветком (рис. 1. 16, 17, 19; рис. 7; рис. 8. 4–5; рис. 11. 9–11). В мордовских могильниках на Цне известно

11 таких наборов (КК. 305, 321, 501, 553, П. 44, Л. (Вор.) 20, 32, 35, 36, 62. 67). По большей части они происходят из воинских погребений, как, например, пояс из погребения 20 Лядинского могильника, где погребальный инвентарь включал набор оружия: боевой и втульчатый топоры, колчан со стрелами и два кинжала, один из которых в серебряных ножнах.³⁹ Аналогии таким поясам в опубликованных материалах не известны, за исключением накладки арочной формы с лепестковым цветком с территории Панонии эпохи обретения Родины.⁴⁰

К этому горизонту можно отнести и поясные наборы из гладких квадратных, арочных и сердцевидных с выемкой накладок (рис. 1–24, 26; рис. 11. 12–14). Накладки с бортиками, которые придают им массивность; в нижней части квадратных имеется прорезь, которая за небольшим исключением не несет функциональной нагрузки, а чисто декоративна. Эти пояса сосуществуют с описанными выше и встречаются в аналогичных комплексах с оружием. На Цне известно 11 таких поясов (КК. 206, 222, 277, 330, 519. ЕМ. 86, Л. [Вор.] 3, 7, Л. [Ястр.] 42, 43). В некоторых наборах в центральной части пояса расположено от 6 до 9 квадратных орнаментированных накладок (рис. 1. 24; рис. 11. 12). В погребении КК. 206 именно к этим накладкам с орнаментом в виде трилистника прикреплялись подвесные ремешки, здесь же висела подвеска с амулетами и кинжал в серебряных ножнах.⁴¹ Аналогии накладкам из п. 206 известны в Пермском Приуралье.⁴² Другой орнамент на квадратных накладках – в виде стилизованного сокола (рис. 11–12), более распространен, и в составе аналогичных поясов встречается на широких территориях от Пермского Прикамья

³⁴ ARBMAN 1940–1943, Text: 311; Tafeln: 95, 4, 4a.

³⁵ JANSSON 1986, 84–85; Пушкина 2007, 327.

³⁶ БЕЛАВИН 2000, 109, рис 50.

³⁷ БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА–ПОДОСЕЛОВА 2017, 2.

³⁸ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДВЫ 1952, 27; Данич 2016, 42.

³⁹ ВОРОНИНА 2007, 100, рис. 15–17, 58, 60–62.

⁴⁰ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 174, fig. 1; 401, fig. 1–2.

⁴¹ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДВЫ 1952, 211.

⁴² Данич 2013, 183, рис. 1, 19–21.

Рис. 7. Крюковско-Кужновский могильник. Погребение 501. Поясной набор
7. kép. Veretes öv a krjukovo-kuzsnovói 501. sírból

до Панонии.⁴³ Пояса с простыми квадратными и сердцевидными накладками имеют широкий круг аналогий,⁴⁴ но по большей части они все же тяготеют к древностям финно-угорского мира.

Говоря о датировке поясных наборов венгерского облика, необходимо отметить, что горизонт Суботцев, к которому относятся пояса радикорского типа с «узелковым» оформлением накладок, А. В. Комаром синхронизируются с поздними этапами салтовских древностей и датируется сер. IX – нач. X вв.⁴⁵ Баяновский пояс из погребения 279 датирует первой половиной X в.⁴⁶ С такими датировками, за исключением пояса из погребения КК. 217, согласуются находки из мордовских могильников. Женские наборы украшений, которые присутствуют в качестве дарственного комплекса в мужских погребениях (рис. 8. 2; рис. 9. 3, рис. 5), позволяют отнести эти захоронения к II стадии хронологии мордовских могильников Западного Поволжья, которая датируется X в.⁴⁷ Присутствие в комплексах сюлгам и височных подвесок предыдущей стадии позволяет говорить о первой половине X в.

Картографирование находок поясов «венгерского» облика показывает, что такие находки группируются в Поволжье, на территории Прикамья, в Приуралье и Южном Зауралье (рис. 12. 1). Наиболее близкие аналогии поясам из мордовских могильников происходят из Приуралья: Рождественский, Баяновский, Питерский (Степаново Плотбище) могильники; близкие накладки известны в Южном Зауралье: могильники Уелги, Синеглазово; серия подобных поясов известна в Нижнем Прикамье – в могильниках Большие Тиганы и Танкеевка. Данные поясные наборы происходят с территорий, которые связываются с угорскими племенами, и, где в современной литературе локализуется «*Magna Hungaria*».⁴⁸ С группой кочевого угорского населения, родственного караякуповцам Приуралья, перенесшего часть суботцевского культурного комплекса в Карпатскую котловину, соотносит А. В. Комар погребения «типа Суботцев», которые, по его мнению, непосредственно маркирует движение мадьяр на Запад.⁴⁹ Карты, реконструирующие путь венгров на новую Родину, показывают, что

⁴³ БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА 2008, 163, 166 и др.; ИВАНОВ 1998, 235, рис. 51. 21; БОТАЛОВ 2017, 300, рис. 14. 70; НИКИТИНА 2012, 215, рис. 109. 15; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 85.

⁴⁴ МУРАШЕВА 2000, 26–27, рис. 27.

⁴⁵ КОМАР 2011, 67–68.

⁴⁶ ПОДОСЕНОВА 2017, 149.

⁴⁷ ВИХЛЯЕВ–БЕГОВАТКИН–ЗЕЛЕНЦОВА–ШИТОВ 2008, 145–147.

⁴⁸ ФОДОР 2015, 36; БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА–ПОДОСЕНОВА 2017, 5.

⁴⁹ КОМАР 2011, 68.

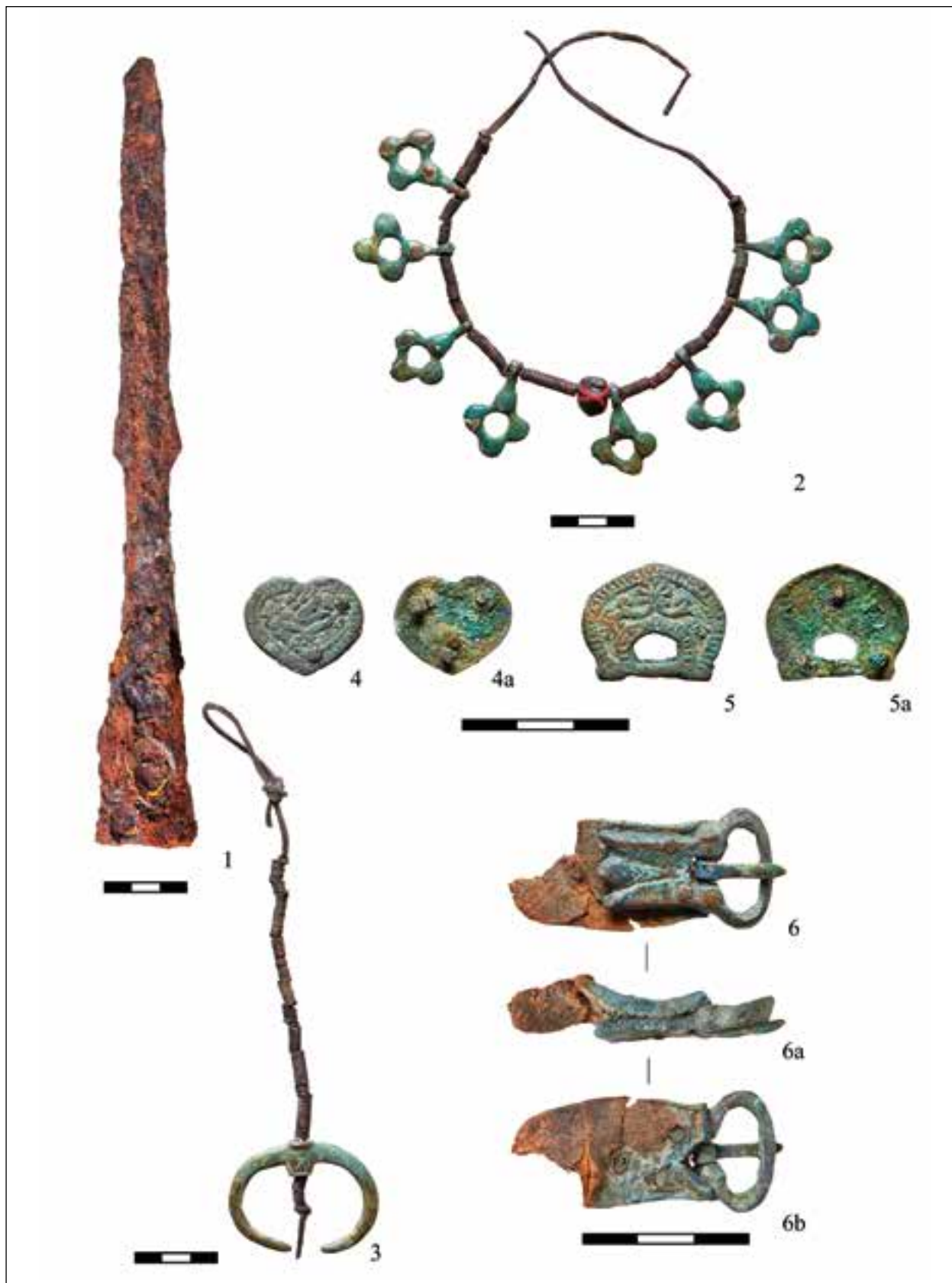

Рис. 8. Крюковско-Кужновский могильник. Погребальный инвентарь из п. 501. 1: Железный наконечник копья; 2: Ожерелье; 3: Привеска от пояса; 4–6: Детали поясного набора

8. kép. Leletek a krjukovo-kuzsnovói 501. sírból. 1: Vas kopjahegy; 2: Nyakék; 3: Övhöz tartozó csüngő; 4–6: Övdíszek

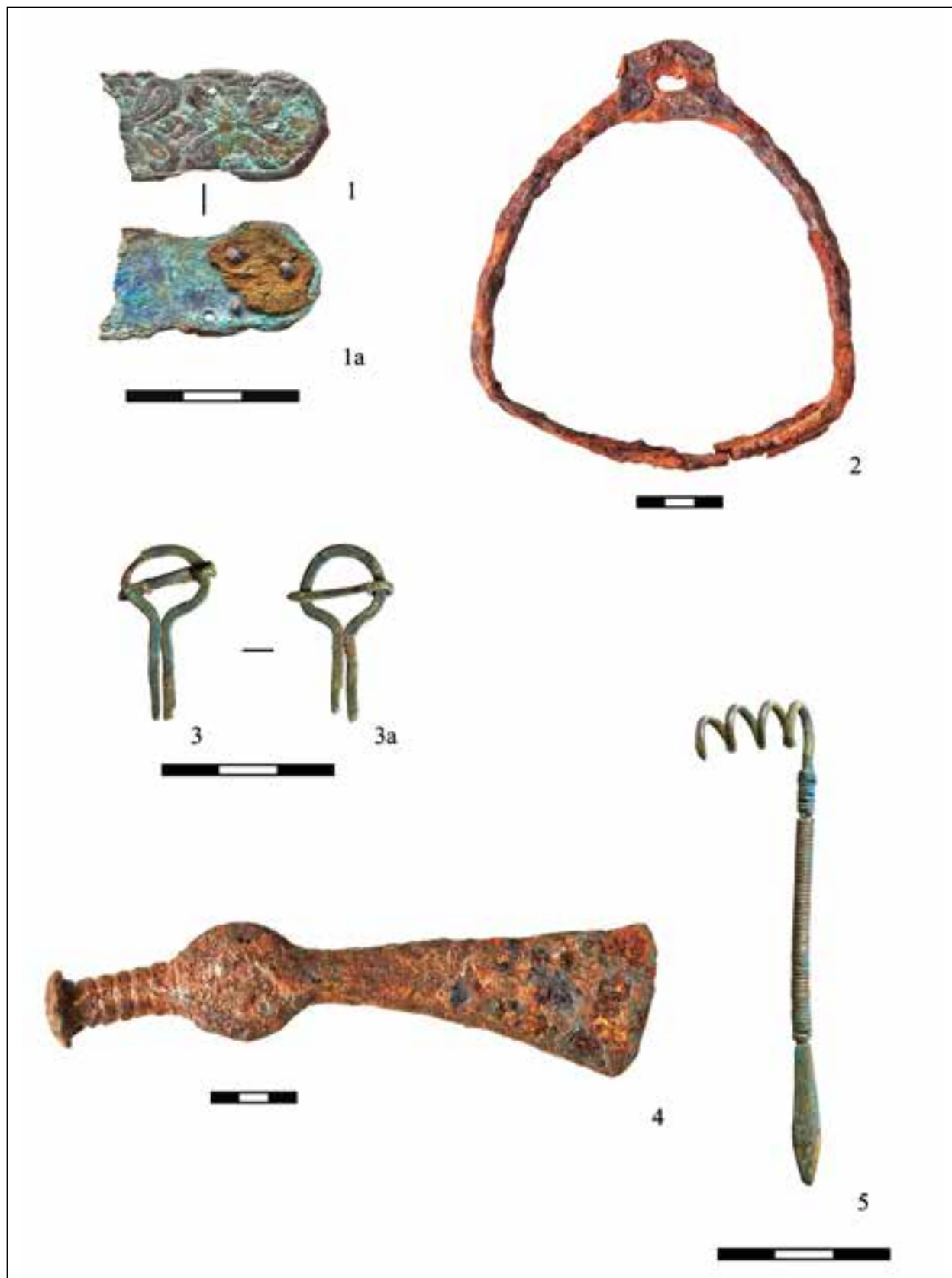

Рис. 9. Крюковско-Кужновский могильник. Погребальный инвентарь из п. 501. 1: Наконечник пояса; 2: Железное стремя; 3: Сюлгана; 4: Железный топор; 5: Височная привеска с грузиком

9. kép. Leletek a krjukovo-kuzsnovói 501. sírból. 1: Szíjvég; 2: Vaskengyel; 3: Szjulgam; 4: Vasbalta; 5: Halántékkarika függővel

Рис. 10. Крюковско-Кужновский могильник. Украшения из п. 501. 1: Ажурная круглая застежка; 2: Браслет
10. kép. Leletek a krjukovo-kuzsnovói 501. sírból.. 1: Áttört kerek ruhakapcsoló; 2: Karperec

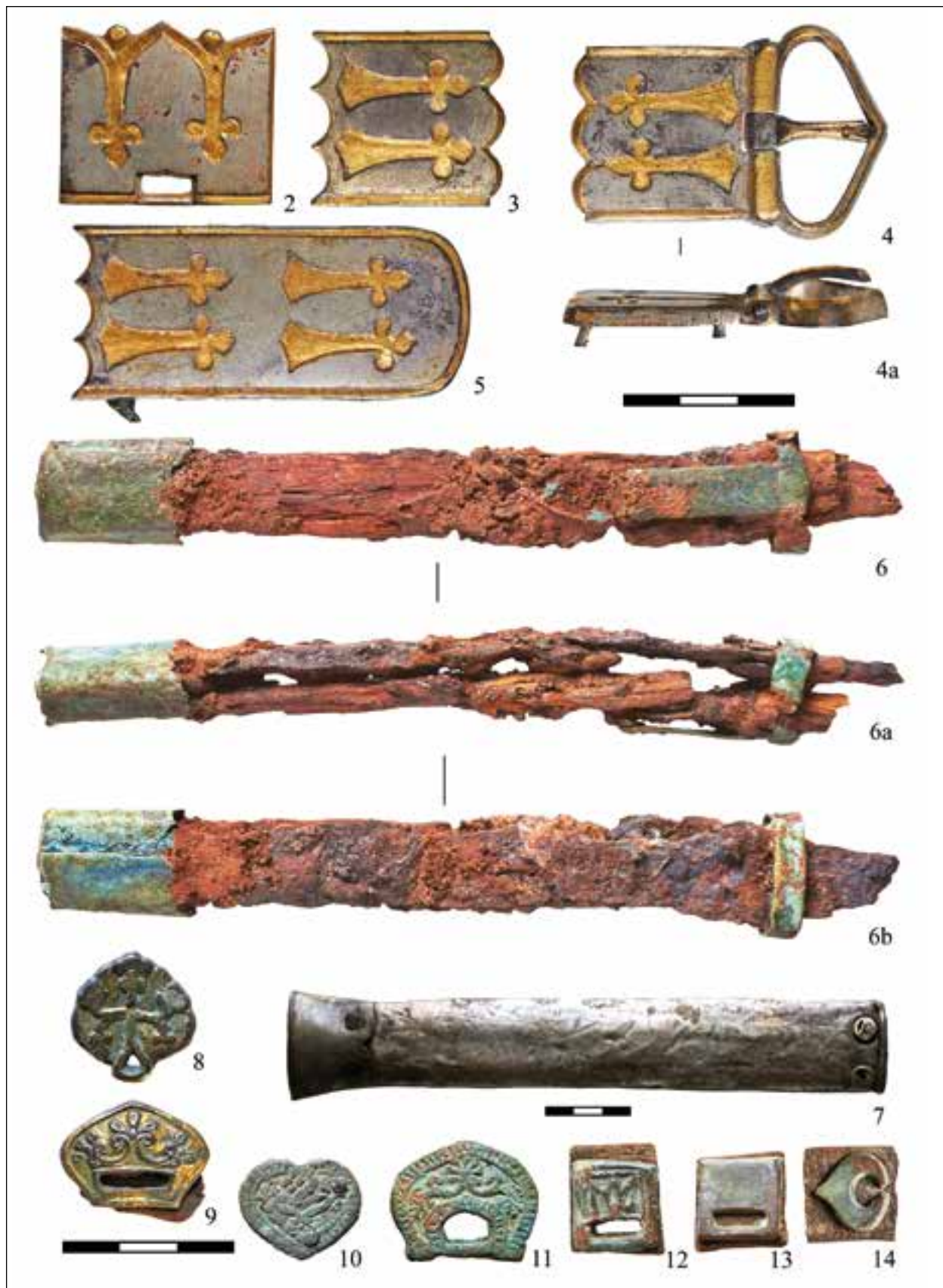
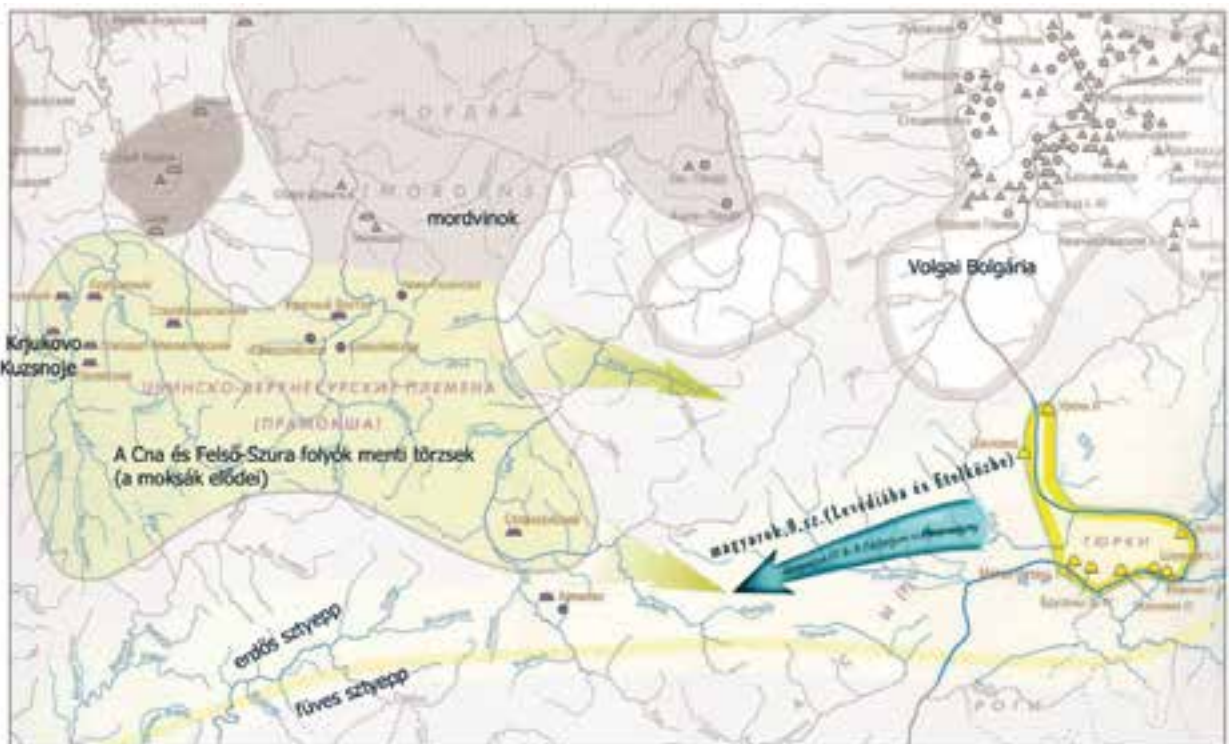

Рис. 11. Крюковско-Кужновский могильник. 1–5: n. 505; 6: n. 423; 7: n. 206; 8–9: n. 444; 10–11: n. 501; 12–14: n. 519.
 11. kép. Leletek a krjukovo-kuzsnovói temetőből. 1–5: 505. sír; 6: 423. sír; 7: 206. sír; 8–9: 444. sír; 10–11: 501. sír; 12–14: 519. sír

1

2

территории мордовских племен располагались рядом с этими путями,⁵⁰ и, конечно, присутствует соблазн связать с этим явлением выпадение поясов венгерского облика в мордовских могильниках (рис. 12. 2).

Однако, наличие пояса в погребении вряд ли может быть основанием для таких выводов. Для этого необходимо сопоставить признаки погребального обряда столь ярких древностей, как мадьярские, с признаками, которые фиксируются в рассматриваемых погребениях у цнинской мордвы (табл. 1). Основные признаки погребального обряда комплексов Субботцевского типа выделены и включают: грунтовые и подкурганые захоронения, ориентировка головой в западном секторе, сведенные (скрещенные) ноги; наличие лицевого покрытия или наглазников; захоронение коня, наличие в погребении деталей снаряжения коня, присутствие в погребении оружия, наборного пояса, сумочки.⁵¹ Все признаки погребального обряда, которые фиксируются в погребениях с поясами «мадьярского» облика в Цнинских могильниках грунтовые, в простых подпрямоугольных ямах, ориентированных в восточном секторе (6 погребений), в западном (4) либо в меридиональном (27) направлении. Вероятно, необходимо пристальнее рассмотреть погребения, где сочетаются западная ориентировка, венгерский пояс, сумочка и оружие, в том числе, колчан и стилет. Но наличие этих же признаков в погребениях с иной ориентировкой заставляет нас быть осто-

рожнее в прямых интерпретациях, тем более, что эти погребения в целом не отличаются от древнемордовских, а сумочки, как показывает их встречаемость с поясными наборами, могли приобретаться вместе и не могут выступать как этно-культурный индикатор. Все это позволяет говорить о том, что в погребениях с поясами венгерского круга присутствуют признаки только материального характера, которые и выделяют их среди остальных.

В то же время, в цнинских могильниках мордвы вещи венгерского облика найдены исключительно у мужчин и такие погребения составляют почти половину (42%) от всех мужских захоронений рассматриваемого времени. Статистический анализ говорит о том, что это наиболее хорошо вооруженная группа мужчин. В половине из них (21 из 43) имелось по 3–4 вида оружия, в то время, как например, для группы погребений с салтовскими поясами только 8 из 30 имели такое же количество оружия. В 9 погребениях найдены боевые кинжалы в футлярах (рис. 11. 6, 7), причем в пяти это серебряные футляры с орнаментом. В комплексах с поясами венгерского круга присутствуют и другие статусные вещи: серебряный с позолотой перстень-печатка (КК. 256), серебряный перстень с сердоликовой вставкой (КК. 462), серебряный браслет (КК. 217), металлические котлы, деревянные ковши и т.п. (табл. 1).

Безусловно, пояса, выполненные в венгерском стиле были дорогими вещами. Часть из

⁵⁰ TÜRK 2014, 32.

⁵¹ КОМАР 2011, 60; IVANOV 2016, 559–561; Мажитов 1981.

◀ Рис. 12. 1: Карта распространения поясов «венгерского» облика и расположения мордовских могильников. 1: Редикорский клад; 2: Огурдинский; 3: Бояновский; 4: Рождественский; 5: Запосельский; 6: Больше-Тиганский; 7: Танкеевский; 8: Армиевский; 9: «Красный Восток»; 10: Пановский; 11: Елизавет-Михайловский; 12: Крюковско-Кужновский; 13: Лядинский; 13: Подболотьевский; 15: Ново-Николаевское погребение; 16: мордовские могильники на р. Теши; 17: Мордовские могильники на р. Мокша. Красный значок: могильники с поясами венгерского облика; синий значок: могильники, где такие пояса отсутствуют. 2: Древнемордовские могильники в правобережье Волги и гипотетический путь протомадьяр на запад

12. kép. 1: A 'magyar' jellegű övveretek és a mordvin temetők földrajzi elterjedése. 1: Redikori kincs; 2: Ojuguryino; 3: Bojanovo; 4: Rozsgyvesztvenszk; 5: Zaposzjelje; 6: Bolsije Tyigani; 7: Tankejevka; 8: Armijovo; 9: 'Krasznij Vosztok'; 10: Panovo; 11: Jelizavet-Mihajlovka; 12: Krjukovo-Kuzsnovo; 13: Ljada; 13: Podbolotyje; 15: Novo-nyikolajevkai sír; 16: Mordvin temetők a Tyesa folyó völgyében; 17: Mordvin temetők a Moksa folyó völgyében. Piros jel: temetők 'magyar' jellegű övveretekkel; kék jel: temetők magyar 'jellegű övek nélkül; 2: A korai mordvin temetők a Volga jobb partján és a magyarok elődeinek feltételezett nyugati vándorútja

Таблица 1. Характеристика погребений с поясами венгерского облика из мордовских могильников. 1: Номер погребения; 2: Обряд погребения (И – ингумация, К – кремация); 3: Пол (М – мужские, Ж – женские); 4: Ориентировка; 5: Пояс; 6: Серьги (СС – салтовские серьги, ВК – височные кольца); 7: Конское снаряжение; 8: Топор (К – топор-кельт, Б – боевой топор, П – пещина); 9: Копье; 10: Стилет; 11: Стрелы; 12: Сумочка; 13: Личные украшения (П – перстень, Б – браслет, С – сюлгамы [в скобках количество экз.]); 14: Статусные вещи

1. táblázat. Mordvin temetőiben feltárt, magyar jellegű övvel ellátott temetkezések főbb jellemzői. 1: Sírszám; 2: Temetkezési rítus (И – korhasztás, К – hamvasztás); 3: Nem (М – férfi, Ж – nő); 4: Tájolás; 5: Öv; 6: Fülbevalók (СС – szaltovói típus, ВК – halántékkarika); 7: Lószerszámok; 8: Balta (К – tokosbalta, Б – harci balta, П – csákány); 9: Kopja; 10: Tőr; 11: Nyílvevesszők; 12: Tarsoly; 13: Ékszerek (П – pecsétgyűrű, Б – karperec, С – szjulgam [zárójelben a darabszámuk]); 14: Státuszjelölő tárgyak

№п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Л3	И	м	ЮЮЗ	1			К				1	П	
2	Л20	И	м	ЗЮЗ	1		1	Б		1	1	1		
3	Л32	К	м	Ю–С	1									
4	Л35	И	м	Ю	1	СС		П	1		2		Б(2)	
5	Л36	К	м	ЮВ–СЗ	1			Б	1					
6	Л40	К	м	ЮВ–СЗ	1			К	1				С(2)	
7	Л65	И	м	С–Ю	1	СС		Б–К	1		5			котел
8	Л67	И	м	Ю	1			Б	4		3			котел
9	К55	И	м	Ю	1	СС		Б	1		14	1	Б	
10	К69	И	м	ЮВ	1	СС	1	Б–К–П			8		Б–С(3)	
11	К132	К	м	С–Ю	1		1							
12	К176	И	м	ЮВ	1					1	1		Б(2)	
3	К187	И	м	В	1	СС	1	Б–К	1		1		Б(2)	котел-ковш
14	К192	К	м	В–З	1	СС		К					С	
15	К201	И	м	В	1			К		1	4		С(3)	
16	К206	И	м	ЮВ	1	СС	1	Б–К	1	2	4		Б–П–С(3)	
17	К217	К	м	В	1	СС		К	1		7	1	Б–С	сер. брасл
18	К222	И	м	СВ	1		1	Б–К	1	1	9	1	С(3)	
19	К256	И	м	Ю	1	СС	1	Б–К			5	1	С(7)	сер. перст
20	К277	И	м	ЮВ	1	ВК	1	Б		3		1	Б–П–С(5)	
21	К305	И	м	ЮВ	1	ВК		К	1		5			котел-ковш
22	К321	И	м	С	1			Б–К	1		7		Б–П	
23	К330	И	м	СЗЗ	1							1		
24	К423	И	м	В	1	СС		К		1				
25	К444	И	м	ЮВ	1	СС		К				1		
26	К448	И	м	З	1	СС		К				1	Б–П–С	котел-ковш
27	К501	И	м	В	1	ВК	1	Б	1		7	1	Б	
28	К505	К	м	С	1	ВК	1					1	С	ковш
29	К519	К	м	ЮВ–СЗ	1	СС		Б–П	1			1	П	котел
30	К529	И	м	ЮЗ	1	ВК	1	Б–П	1			1	Б(2)–П(2)	
31	К553	И	м	В	1		1	К	1		4	1	Б–С(4)	
32	К562	К	м	ЮЗ–СВ	1	ВК								
33	К570	И	м	СВ	1	СС	1	Б			8	1		
34	П44	И	м		1			Б	1		10		Б(2)–С(3)	
35	П50	И	ж	ЮВ	1		1							
36	П52	И	м	ЮВ	1			К	1		6		Б	

№п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
37	П56	И	м	В	1									
38	ЕМ496	И	м	ЮВ	1									
39	ЕМ86	К	м	С–Ю	1									
40	ЕМ115	И	м	З	1	СС	1	К		2			Б–П(2)–С(3)	
41	КВ10	И	м	ЮВ	1			К	1		1		С	
42	КВ11	И	м	ЮВ	1	СС		Б		3			С(3)	
43	КВ30	И	м	ЮВ	1		1	К	1		1		Б(2)–С	

них изготовлены из многокомпонентных сплавов с содержанием серебра в пределах 14–75%.⁵² Лицевые поверхности накладок были позолочены, сами детали поясов выполнены очень качественно (рис. 1. 5–9, 14–16, 23–27; рис. 11. 2–4, 8, 9), в отличие, например, от бронзовых, доста-

точно грубо изготовленных салтовских поясов, которые, как и височные подвески салтовского типа, формочка для изготовления которых найдена в п. погребении 570 Крюковско-кужновского могильника, могли производиться, в том числе и в мордовских землях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поясные наборы венгерского круга в мордовских могильниках, безусловно, были выражением богатства и статуса владельца. Они оказывались в «статусных» погребениях именно из-за того, что богато выглядели и подчеркивали значимость носителя и в первую очередь, были отражением престижной воинской моды, которая, вероятно, была, в том числе обусловлена и той ролью, что играли мадьяры в этот период на просторах Восточной Европы.

Погребения с богатыми поясами венгерского облика найдены в могильниках мордвы, расположенных на границе леса и степи (на средней Цне и верхней Мокше), фактически на северо-восточной границе Хазарского каганата. Именно в этих могильниках отмечается высокий процент мужчин с оружием – до 80%, в отличие, например, от мордовских могильников на «внутренних землях», расположенных на нижней Мокше и Теше, где оружие в виде

копья и топора, реже стрел, присутствует только у четвертой части мужчин, да и там, в основном, оно имеет универсальный характер, в отличие от боевых топоров, которые являются частой находкой на Цне. Отсутствуют там и пояса венгерского круга, как чуть ранее редко встречались салтовские пояса. Вероятно, цнинское население играло какую-то особую роль на приграничных территориях Хазарского государства, что и обусловило концентрацию здесь престижных и богатых изделий.

Однако, поиск венгров-воинов в мордовской среде не совсем бесперспективен. В 1981 г. А. Х. Халиковым на Верхней Суре в Армиевском могильнике раскопано грунтовое мужское погребение, ориентированное головой на запад, где на черепе обнаружена тонкая серебряная пластина, которую автор раскопок интерпретировал как наглазники.⁵³

⁵² Сапрыкина–Митоян–Никитина–Зеленцова 2011, 320.

⁵³ Халиков 1982, 106.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1940: Аннинский, С. А.: Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. В: *Исторический архив* 3. Москва–Ленинград 1940.
- БЕЛАВИН 2000: Белавин, А. М.: *Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях*. Пермь 2000.
- БЕЛАВИН–ИВАНОВ–ДАНИЧ 2015: Белавин, А. М. – Иванов, В. А. – Данич, А. В.: Древние мадьяры в Предуралье. В: Фодор, И.: *Венгры: древняя история и обретение Родины*. Пермь 2015, 101–128.
- БЕЛАВИН–КРЫЛАСОВА 2008: Белавин, А. М. – Крыласова, Н. Б.: *Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск*. Пермь 2008.
- БОТАЛОВ 2012: Боталов, С. Г.: Научные аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria». *Вестник Челябинского государственного университета* 2012:11 (265) 128–146.
- БОТАЛОВ 2017: Боталов, С. Г.: Погребальный комплекс Уелги и некоторые наблюдения на предмет угорского и мадьярского культуругенеза. In: *Hadak útján XXIV. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája*. Esztergom 2014. november 4–6. II. Főszerk.: Türk A. Budapest–Esztergom 2017, 267–333.
- ВИХЛЯЕВ–БЕГОВАТКИН–ЗЕЛЕНЦОВА–ШИТОВ 2008: Вихляев, В. И. – Беговаткин, А. А. – Зеленцова, О. В. – Шитов, В. Н.: *Хронология могильников населения I – XIV вв. Западной части Среднего Поволжья*. Саранск 2008.
- ВОРОНИНА 2007: Воронина, Р. Ф.: *Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало X века*. Москва 2007.
- ДАНИЧ 2013: Данич А. В.: Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника. *Поволжская археология* 2013:1 (3) 181–196.
- ДАНИЧ 2016: Данич, А. В.: Исследования Баяновского могильника. *Труды Камской археологической экспедиции* 11 (2016) 36–43.
- ИВАНОВ 1998: Иванов, А. Г.: *Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепца в эпоху средневековья*. Ижевск 1998.
- КОМАР 1999: Комар, А. В.: Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). *Vita Antiqua* 2 (1999) 111–136.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние Мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7 (2011) 21–78.
- КОМАР 2016: Комар, А. В.: Поясные наборы IX–X вв. с «мифологическими» сюжетами. In: *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday*. Eds.: Vida, T. et al. Budapest 2016, 545–557.
- КРЫЛАСОВА–ЛЫЧАГИНА–БЕЛАВИН–СКОРНЯКОВА 2014: Крыласова, Н. Б. – Лычагина, Е. Л. – Белавин, А. М. – Скорнякова, С. В.: *Археологические памятники Чашкинского озера*. Пермь 2014.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАРШАК 1971: Маршак, Б. И.: *Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике*. Москва 1971.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДВЫ 1952: *Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. Моршанск 1952.
- МУРАШЁВА 2000: Мурашёва, В. В.: *Древнерусские ремненные наборные украшения (X–XIII вв.)*. Москва 2000.
- НИКИТИНА 2012: Никитина, Т. Б.: *Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятсколго между-речья*. Казань 2012.
- ОРЛОВ 1983: Орлов, Р. С.: Южнорусский центр художественной металлообработки X в. *Археология* 44 (1983) 29–47.

- ОРЛОВ 1984: Орлов, Р. С.: Среднеднепровские традиции в художественной металлообработке в X–XI вв. В: *Культура и искусство средневекового города*. Отв. ред.: Русанова, И. П. Москва 1984, 32–52.
- ПОДОСЕНОВА 2017: Подосенова, Ю. А.: «Древневенгерские» поясные наборы из серебра на территории Пермского Приуралья в эпоху средневековья. *Труды Камской археологической экспедиции* 11. Средневековая археология Восточной Европы. Пермь 2017, 147–160.
- ПУШКИНА 2007: Пушкина, Т. А.: Сувениры Аустрвег. В: *У истоков русской государственности*. Отв. ред.: Носов, Е. Н. Санкт-Петербург 2007, 325–331.
- САПРЫКИНА–МИТОЯН–НИКИТИНА–ЗЕЛЕНЦОВА 2011: Сапрыкина, И. А. – Митоян, Р. А. – Никитина, Т. Б. – Зеленцова, О. В.: Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья. In: *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum*. Piliscsaba 2010. Pars VIII. Ed.: Csúcs, S. et al. Piliscsaba 2011, 312–332.
- СРЕДНЕ-ЦНИНСКАЯ МОРДВА 1969: *Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв. По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. Саранск 1969.
- ТЮРК 2013: Тюрк, А.: От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум. 13–17 августа 2013 г. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 231–237.
- ТЮРК 2018: Тюрк, А.: Восточные корни древневенгерской культуры X в. и средневековая археология Восточной Европы. В: *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Под редакцией В. С. Синики и Р. А. Рабиновича. Библиотека Stratum. Кишинев–Тирасполь 2018, 423–433.
- ФОДОР 2015: Фодор, И.: *Венгры: древняя история и обретение Родины*. Пермь 2015.
- ХАЛИКОВ 1982: Халиков, А. Х.: *Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1981 году*. Архив ИА РАН, Р-1. Казань 1982.
- ХАНЕНКО–ХАНЕНКО 1902: Ханенко, Б. – Ханенко, В.: *Древности Приднепровья V*. Киев 1902.
- ШАБЛАВИНА 2016: Шаблавина, Е. А.: В загадочной стране Вису: население Пермского Предуралья и меховая торговля в раннем средневековье. В: *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки*. Москва 2016, 348–388.
- ШИТОВ 2000: Шитов, В. Н.: Расселение древней мордвы (по материалам археологических памятников). В: *Финно-угорский мир: история и современность*. Отв. ред.: Арсентьев, Н. М. Саранск 2000, 52–60.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- ARBMAN 1940–1943: Arbman, H.: *Birka I: Die Gräber*. Stockholm–Uppsala 1940–1943.
- BELAVIN–KRYLASOVA–PODOSENOVA 2017: Belavin, A. M. – Krylasova, N. V. – Podosenova, Y. A.: Belt Sets of 'Hungarian Style' from the Perm Ural. *Global Media Journal* 15 (2017) 29:78, 1–5.
- CHALIKOVA–CHALIKOV 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und um Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti Füzetek. Ser. II. 21. Budapest 1981.
- DIENES 1964: Dienes I.: A karancslapujtői honfoglalás kori öv és mordvinföldi hasonmása. (Пояс эпохи завоевания Родины и его мордовская аналогия). *Archaeologiai Értesítő* 91 (1964) 18–40.
- ERDÉLYI 2008: Erdélyi I.: *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest 2008.
- FETTICH 1937: Fettich, N.: *Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. *Archaeologia Hungarica* 21. Budapest 1937.

- IVANOV 2016: Ivanov, V. A.: Similarities in the Funerary Rites of the Ancient Hungarians of the Conquest Period and the Ugric Peoples of the Urals: A Possible Genetic Link. In: *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of his 70th Birthday*. Eds.: Bollók, Á. et al. Budapest 2016, 557–567.
- JANSSON 1986: Jansson, I.: Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ. In: *Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Ed.: Arwidsson, G. Stockholm 1986, 77–108.
- THE ANCIENT HUNGARIANS 1996: *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue*. Eds.: Fodor, I. et al. Budapest 1996.
- TÜRK 2014: Türk A.: A Kárpátoktól keletre: a korai magyarság régészeti kutatása az utóbbi évtizedekben. In: *A honfoglalók viselete*. Szerk.: Sudár B. – Petkes Zs. Magyar Östörténet 1. Budapest 2014, 27–64.
- ZAKHAROW–ARENDT 1935: Zakharow, A. – Arendt, W.: *Studia Levedica: Régészeti adatok a magyarság IX. századi történetéhez (Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh.)*. *Archaeologia Hungarica* 16 (1935) 6–81.

КАВКАЗ И ХАЗАРИЯ

A KAUKÁZUS ÉS KAZÁRIA

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ В ПРИУРАЛЬЕ

Константин Александрович Руденко*

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, хазары, Хазария, Хазарский каганат, Урал, Волга, средневековое искусство

Kulcsszavak: régészet, Magna Hungaria, kazárok, Kazária, Kazár Kaganátus, Urál, Volga, középkori művészet

Константин Александрович Руденко

Новые материалы по культуре древних венгров в Приуралье

В статье рассматриваются редкие находки эпохи Хазарского каганата (IX – начало X вв. н.э.), связанные своим происхождением с древними уграми. Это серебряные блюда и бляхи из случайных находок в Западной Сибири и других местах. Выделяется круглая бляха с изображением всадника (охотника), на левой руке которого сидит хищная птица. Сравнение с другими изображениями всадников на серебряных чашах и блюдах, датированных IX–X вв., показало, что данный рисунок выполнен венгерским художником в IX в. Можно предположить, что на накладке изображен реальный человек, а не условный персонаж. Детали одежды и снаряжения коня имеют абсолютные археологические соответствия в материалах захоронений могильников IX–X вв. в Подонье, Южном Урале и Средней Волге. Всадники изображены еще на нескольких изделиях. Это накладки на сумочку, изготовленные, вероятно, хазарским ремесленником. На одной из них имеется изображение фантастического всадника. Учитывая другие находки, которые можно связать с Хазарией, например, костяные накладки с изображением дракона из Шиловского кургана, можно предположить, что часть художественных изделий Хазарского каганата были изготовлены ювелирами Согда.

Konsztantyin Alekszandrovics Rudenko

А корай magyar problematikát érintő újabb leletek az Urál nyugati előteréből

A cikkben a szerző azokat a Kazár Kaganátus időszakából származó ritka leleteket tekinti át (9. század – 10. század eleje), amelyek eredete a magyarok elődeivel hozható összefüggésbe. Ezen leletek közé ezüsttálak és lemezes korongok tartoznak, amelyek szórványleletként kerültek elő Nyugat-Szibériából és más területekről. Közülük kiemelkedik egy lemezes korong, amelyet egy lovas (vadász) ábrázolása díszít, akinek bal karján egy ragadozó madár ül. Összevetve ezt a különböző 9–10. századi ezüstcsészékről és -tálakról ismert lovasábrázolásokkal, arra a következtetésre juthatunk, hogy ez az ábrázolás egy 9. századi magyar mester munkája. Feltételezhetjük, hogy a korongon valós emberábrázolás látható, és nem egy képzeletbeli alak. A ruházat és a lószerszámzat elemei tökéletes régészeti párhuzamokkal bírnak a 9–10. századi Don menti, dél-uráli és Középső-Volga-vidéki sírleletek között. Lovasábrázolás még néhány további készítményen is előfordul, például feltehetően kazár mesterek által készített tarsolylemezen. Az egyiken egy mítikus lovas ábrázolása látható. Ha megvizsgáljuk a többi, Kazáriával kapcsolatba hozható tárgyat, például a silovkai kurgánból előkerült sárkányábrázolásos csontdíszt, akkor arra a feltételezésre juthatunk, hogy a Kazár Kaganátus területéről származó művészeti tárgyak egy részét szogd ötvösök készítették.

Путь венгров с востока на запад являлся одной из тех научных тем, в той или иной степени занимавших ученый мир на протяжении последних

200 лет.¹ На то были веские основания. Сведения византийских авторов, в первую очередь императора Константина Багрянородного (908–959 гг.),

* Казанский государственный институт культуры, 420059 Россия, Казань, Оренбургский тракт, 3. murziha@mail.ru

¹ Обзор сведений см. Осипенко 2010, 119–126.

относящиеся к середине X в.,² а также отчеты христианских миссионеров из Венгерского королевства, в первой трети XIII в. пытавшихся найти и обратить в католичество «восточных венгров» – мадьяр, оставшихся в восточных землях на пути на запад.³ Надо сказать, что путешествие монахов завершилась в целом удачей: они обнаружили в Волжской Булгарии людей, говоривших по-венгерски и понимавших этот язык. При этом миссионерская задача оказалась не выполненной: обратить восточных «венгров» в католичество не получилось.

С времен Константина Багрянородного маршрут мадьяр на Запад определялся несколькими местами, где они делали остановки: «Леведия» и «Этелькёз». Венгерский монах-доминиканец Юлиан, совершивший путешествие на восток в первой трети XIII в., обозначил предполагаемую точку «исхода» – так называемую Magna Hungaria (Великая или Древняя Венгрия). Однако спустя столетия локализовать первые два места по тем сведениям, которые были даны византийским императором Константином, стало затруднительно. Начиная с XIX в. и, особенно, в XX в. в исторических штудиях существовало много вариантов их размещения на географической карте Восточной Европы X в. Было только ясно, что и «Леведия» и «Этелькёз» располагались на территории Хазарии или в ее пограничье.

Предположительно пребывание мадьяр в «Леведии» относится к 700–750-м гг., а в «Этелькёзе» – к последней четверти IX в. В последнее время высказано мнение, что «Леведия» – это часть «Этелькёза» и, следовательно, начало передвижения мадьяр из Древней Венгрии к Дунаю произошло в конце VIII – начале IX вв.⁴ Отметим и тот факт, что, согласно Константину Багрянородному, часть мадьяр, после поражения от печенегов, перекочевала к востоку и стала жить в пределах персидской державы, а вторая часть обосновалась в «Этелькёзе».⁵ Великая

Венгрия имела более определенные географические пределы – часть Волжской (Великой, как ее называл монах Юлиан) Булгарии и земли к востоку от нее. Сведения арабских авторов IX–X вв. указывают на близость проживания мадьяр и болгар.⁶ Если кратко охарактеризовать обозначенный в научной литературе по данным письменных источников путь мадьяр на запад, то получится следующая картина. Первым местом их достаточно длительного обитания к западу от Уральских гор была Великая Венгрия, которая располагалась к востоку от Волги, точнее, в междуречье Волги и Урала. Время их пребывания здесь, вероятно, VII в. В первой половине VIII в. венгры перекочевывают в «Леведию». Спустя примерно 70 лет, эти племена разделились на две группы – западную и восточную, первая из которых осела, видимо, в пределах Персидского государства, а вторая в дальнейшем ушла в «Этелькузу». Если учитывать, что южными пределами Хазарии были предгорья Центрального и Восточного Предкавказья, то, скорее всего, восточные мадьяры кочевали восточнее этого региона.

Новая фаза исследований мадьярской проблемы наступила во второй половине XX в., когда ведущим источником в этой области стали археологические материалы. Советские ученые стали выявлять и изучать угорские артефакты на территории России. Одновременно с этим венгерские ученые раскопками могильников эпохи Обретения Родины⁷ существенно расширили источниковую базу по ранним этапам венгерской государственности.⁸ В поле их внимания были и достижения коллег из СССР. Ключевыми объектами в этом отношении стали для советской археологии погребальные памятники Южного Урала (на территории современной Башкирии) и Средней Волги (Татарстан). Выделенные в 1970-х гг. кушнаренковская и караякуповская археологические культуры в Предуралье, мас-

² Константин Багрянородный 1989, 159–163.

³ История 2006, 886.

⁴ Тюрк 2013, 231–237.

⁵ Константин Багрянородный 1989, 159.

⁶ Заходер 1967, 48.

⁷ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996.

⁸ Эрдели 1972, 128–144.

штабные раскопки памятников ранних булгар, прежде всего Больше-Тарханского (В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков) и Танкеевского (Е. А. Халикова и Е. П. Казаков) могильников в ТАССР и Кайбельского (Мерперт, Н. Я.) могильника в Ульяновской области, стали основой этнокультурных реконструкций в области ранней истории булгар и угро-мадьяр.⁹ Вокруг памятников данных культур в 1980-х гг. развернулась дискуссия по их интерпретации, которая в той или иной степени продолжается и по сей день.¹⁰

Особенно активно сюжет о Великой Венгрии в СССР стал разрабатываться со второй половины 1970-х гг., когда был открыт и стал активно изучаться Е. А. и А. Х. Халиковыми Больше-Тиганский могильник в Алексеевском районе ТАССР.¹¹ Эти памятники связывались либо непосредственно, либо опосредовано с предками мадьяр.¹² С 1980-х гг. стало господствовать мнение, что причинами перемещения мадьяр в VII в. н.э. были их конфликты с местным населением в районе Средней Волги (именьковская культура), проживавшим здесь в V – начале VII вв. и подвергавшимся набегам и погромам со стороны мадьяр с территории Икско-Бельского междуречья. Согласно ей, в результате этих набегов, местное население покинуло Среднее Поволжье, а занявшие его мадьяры, спустя менее чем столетие, были изгнаны отсюда откочевавшими в этот регион, приблизительно после 737 г., булгарскими племенами.¹³

В последние годы получены археологические данные, которые несколько изменили данную картину. Выяснилось, что племена кушнаренковской культуры, которые интерпретируются как угорские (раннемадьярские), по большей степени не противостояли населению именъ-

ковской культуры, а частично входили в ее состав (те из них, которые продвинулись на запад), хотя и в небольшом количестве.¹⁴ В VII – начале VIII вв. они проживали на освоенной именъковцами территории дисперсно: в камской пойме, в ряде случаев на правобережье Волги, а также на северном пограничье расселения именъковцев в удмуртском Прикамье.

По мнению И. Фодора, контакты мадьяр с тюркоязычным населением Хазарии во второй половине VII – первой половине VIII вв. происходили в Самарском Поволжье, возможно, в месте распространения памятников новинковского типа,¹⁵ которые ряд исследователей склонны рассматривать, как первую волну болгарского населения на Средней Волге (оногуры?), хотя оснований для полной идентификации новинковского населения с булгарами, пока недостаточно. В венгерской историографии существуют и иные точки зрения.¹⁶

История угров в Поволжье и Приуралье в IX–X вв. и в последующее время в советской и российской историографии 1980–2000-х гг. представлялась следующим образом. По мнению казанского археолога Е. П. Казакова, основной причиной миграции угров-мадьяр в IX в. была постоянная конфронтация с печенегами, которые «методично выбивали их из Приуралья, Леведии и Ателькузу».¹⁷ Иную точку зрения высказал уфимский исследователь В. А. Иванов, утверждавший, что причиной этого была экспансия на запад Древнехакасского государства, военные отряды которого, по его мнению, доходили до степного Зауралья.¹⁸ Однако конкретных фактов, подтверждавших эти точки зрения авторы не привели, что было отмечено в литературе.¹⁹

⁹ Казаков 2007.

¹⁰ Мажитов 2013, 84–89.

¹¹ Сналікова–Сналіков 1981.

¹² Халиков 2011, 190–193.

¹³ Халиков 2011, 199–200.

¹⁴ Руденко 2013, 58–74.

¹⁵ Фодор 2015, 38–40.

¹⁶ Дьёни 2007; Контлер 2002, 46–47.

¹⁷ Казаков 2007, 68.

¹⁸ Иванов 1994, 83.

¹⁹ Голдина 2013, 105.

Достаточно сложным остается вопрос о археологических признаках идентификации угров в Волго-Уралье. Е. П. Казаков считает, что отличительным признаком материалов угорского круга в IX – начале X вв. является округлодонная лепная посуда с примесью толченой раковины и веревочно-гребенчатой орнаментацией. Другим элементом, который исследователь связывает с угорской традицией, являются культовые погребальные маски и жертвенные комплексы из черепа и костей ног коня в языческих захоронениях Танкеевского и Большетиганского могильников.²⁰ Эти аргументы оспариваются другими исследователями.²¹

Пытаясь доказать присутствие угорского этноса в Волжской Булгарии домонгольского времени, Е. П. Казаков утверждает, что этот факт маркируется наличием на болгарских поселениях лепной и подправленной на круге керамики типа «постпетрограм», а также памятниками чияликского круга на востоке Татарстана и на территории Башкирии. Последние, по его мнению, можно рассматривать, как отдельную археологическую культуру.²²

Уфимский археолог Г. Н. Гарустович, поддерживавший гипотезу Е. П. Казакова о чияликской культуре, выделяет девять региональных групп чияликских памятников, соответствующих, по его мнению, центрам отдельных земель, часть из которых располагается в западном Приуралье, а часть в Самарском Поволжье.²³ Хронологические рамки этой культуры определяются концом X – началом XV вв. Исследователями выделен раннечияликский (мрясимовский) период конца X–XIII вв. и чияликский конца XIII – начала XV веков. На ранней стадии в погребениях, кроме вещей, встречаются кости коня (ко-

сти ног и черепа, иногда плечевая часть кости, в единичных случаях – целый остов). Особенностью этих погребений Г. Н. Гарустович считает наличие одного и единственного стремени в захоронении, седел и удила под головой или в ногах погребенного, оружия и керамики у головы. Эти признаки рассматриваются им как этнические.²⁴ Второй этап характеризуется преобладанием мусульманского обряда захоронений, причем, по степени выдержанности Е. П. Казаков считает возможным выделять два этапа. Материальная культура этого времени, по мнению авторов гипотезы, характеризуется керамикой типа постпетрограм, дисковидными бляхами, подвесками и желудевидными височными кольцами крупных размеров. Эта точка зрения вызвала возражения оппонентов.²⁵

Е. П. Казаков связывает археологические материалы чияликской культуры с упоминаемыми в письменных источниках XIII в. «паскатирах» и «паросситах»,²⁶ размещая их к востоку от болгарских земель. Н. А. Мажитов, отвергая такую интерпретацию, утверждал, что раннечияликские памятники оставлены предками буляр-байлярских и айских башкир,²⁷ и ссылался при этом на упоминаемый этноним «башкорт» и страну Баскарт. Этническая интерпретация того термина спорна и имеет разные толкования, как среди историков, так и лингвистов.²⁸ Сомнения в отождествлении паросситов с реальным этносом высказал А. Г. Юрченко, считая сюжет в сообщении францисканской миссии 1245 г., где они упоминаются, вымышленным.²⁹

Таким образом, тема угорских древностей, занимавшая научный мир в последней трети XX в.³⁰ и ставшая предметом обсуждений в археологии Урало-Поволжья, к концу первого

²⁰ Казаков 1992; Казаков 2007.

²¹ Пастушенко 2011, 144–150; Голдина 2013, 98.

²² Казаков 1978.

²³ Гарустович 1998, 9.

²⁴ Гарустович 1998, 16.

²⁵ Пастушенко 2011, 144–150.

²⁶ Путешествие 1993, 107.

²⁷ Мажитов 1981.

²⁸ Юрченко 2002а, 244–249.

²⁹ Юрченко 2002, 61.

³⁰ Руденко 2014, 514–518.

десятилетия XXI в. постепенно утратила свою остроту, поскольку археологические аргументы сторонников и противников были, по сути, исчерпаны. Привлечение новых данных, способных вдохнуть новую жизнь в эту проблему, происходит очень медленно и касается некоторых отдельно взятых проблем.³¹

Тем не менее, тезис о продвижении угорских племен в VIII–IX вв. из Предуралья на запад не вызывает сомнений, поскольку является фактом историческим, имеющим веские документальные основания, в том числе и археологические. В отношении последних можно констатировать, что прослежены явные параллели в материальной культуре венгров в Паннонии эпохи «обретения родины» и археологических памятников Волго-Камья и Башкирского Предуралья VIII–IX вв., там, где некоторые исследователи локализовали так называемую «Великую Венгрию», упоминаемую в письменных источниках XIII в., хотя в X в. осведомленные авторы, писавшие об истории мадьяр,³² ее не отмечали.

Существенным вкладом в изучение древностей этого «переходного периода», когда мадьярские племена двигались на запад, стали исследования Н. В. Федоровой и публикация ею новых материалов, хранящихся в музеях Западной Сибири.³³ В числе редких артефактов средневековой эпохи, известных в настоящее время, являются находки изделий «урало-венгерского круга», датированных преимущественно IX в. и связываемых с территорией Предуралья и Южного Урала. Правда, ареал распространения данных артефактов шире – их находят в Прикамье, на Урале и в Приобье.

Большая часть известных предметов атрибутирована и введена в научный оборот. Из них мы выделим несколько. Первый – центральный медальон серебряного блюда, разрезанного на пластины (*рис. б*).³⁴ Диаметр сохранившейся части изделия – 20,3 см. На нем изображен всадник с

птицей на правой руке. Фигура его развернута вправо. Мужчина одет в длиннополый распашной двухбортный кафтан, сапоги или чевяки. На его голове высокая шапка с отворотами. Кроме птицы на правой руке, над головой лошади изображена еще одна (эта часть рисунка практически полностью утрачена). Фон позолочен.

Второй – серебряное блюдо диаметром 18 см (*рис. 7*).³⁵ В центральном медальоне на позолоченном фоне изображен вооруженный всадник на взнузданном коне в длиннополом распашном кафтане или халате, и в сапогах.левой рукой он держит длинное древко, скорее всего, штандарт. На левом боку всадника изображена длинная сабля, прикрепленная к поясу двумя ремнями. Фигура его развернута в левую сторону. Вокруг центрального медальона идет орнамент в виде растительного побега. Фон рисунка обработан канфарником.

Третий – серебряное блюдо диаметром 17,5 см с изображением всадника в доспехах из собрания Государственного Эрмитажа (*рис. 8*).³⁶ Здесь мы видим тяжеловооруженного всадника в шлеме с чешуйчатой бармицей, доспехе, с колчаном (?). В отличие от предыдущих изображений, на данном рисунке лица всадника мы не видим, а его экипировка на других изображениях не встречается. Интересно, что из украшения конской сбруи, кроме подвесок на нагрудном и подхвостном ремнях, показан науз – декоративная кисть, подвешивавшаяся на ремне под шеей лошади.

Из числа недавно выявленных отметим несколько изделий. Первое из них – орнаментированная накладка из собрания Фонда Марджани (Москва) (ФМ, инв. №Им/м-397) диаметром 12 и высотой 0,8 см, выполненная из серебра с позолотой (*рис. 1*). Точное место находки, к сожалению, не известно. Накладка выполнена из тонкого листа металла, имеет полусферическую форму с небольшим бортиком по краю. На бор-

³¹ Руденко 2013, 58–74.

³² Константин Багрянородный 1989, 159.

³³ Федорова 2003, 16–17.

³⁴ Сокровища 2003, 57, кат. № 22.

³⁵ Сокровища 2003, 53, кат. № 19.

³⁶ Сокровища 2003, 56, кат. № 21.

тике и по краям выпуклой поверхности пробиты сквозные отверстия: три – в верхней части и одно – в нижней, самое крупное из которых около 2 мм. Все орнаментальное поле накладки занимает изображение всадника на позолоченном фоне, обработанном канфарником. Судя по обратной стороне изделия (рис. 2), заготовка его при нанесении рисунка была помещена на какую-то мягкую основу, возможно, наковальню, приспособленную для чеканки.

Изображенный на накладке наездник сидит в седле (виден край задней луки), под которым виден чепрак (рис. 3). Его ноги упираются в стремяна арочной формы (заметен ремень путилища) с прямой подножкой и прорезью для ремня, скорее, в верхней части арки. Стремяна такого типа достаточно широко распространены на памятниках IX–X вв. Восточной Европы, в том числе в Южном Приуралье и на Средней Волге, например, в Бекешевских курганах на Южном Урале,³⁷ в Больше-Тарханском³⁸ (рис. 16. 2, 3) и Танкеевском могильниках.³⁹

Лошадь (рис. 1) имеет маленькую голову, явно непропорциональную в соотношении с туловищем животного. Холка высокая, спина седлистая и мягкая, живот поджарый. По внешнему виду лошадь может быть отнесена к степным породам, например, к башкирской.⁴⁰ Глаза её изображены в виде «капельки» без зрачка. В целом, облик лошади несколько гиперболизирован и отражает, вероятно, какие-то мистические качества животного в представлении мастера и заказчика, что подтверждает и условная линия – «хорда», в нижней части рисунка лошади.

Художник показал лошадь в тот момент, когда она начинает движение, переходя от шага к рыси, двигаясь в левую сторону от зрителя. Грива её аккуратно расчесана; хвост также расче-

сан, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом. На шее и брюхе лошади художник изобразил узкую заштрихованную полоску – «хорду». Такой элемент встречен на изображениях фантастических львов на серебряной накладке на поясную сумочку из ритуального комплекса № 19 древнемарийского Веселовского могильника (рис. 11). Веселовское погребение может быть датировано по инвентарю X в.⁴¹ Узкая заштрихованная полоска имеется также на рисунке львов на блюде XI в. (?) из Салехардского музея, точнее, на большом льве из двух изображенных. Это блюдо атрибутировано как булгарское.⁴²

На шее животного имеются процарапанные миниатюрные знаки: окружности неправильной формы, треугольники и т.п.; какой-то системы в их расположении нет. Аналогичные рисунки имеются на колене, бедре и ягодице коня. Две более крупные окружности – на крупе, правую из которых пересекает прямая линия, завершающаяся треугольником острием вниз (стрела?). Нижняя часть линии упирается в ремень (рис. 1).

Ремни оголовья лошади не изображены, но показаны изогнутые S-видные псалии с окончаниями в виде «сапожков». Удилам с такими псалиями имеются археологические аналоги, например, железные удила из катакомбных погребений 106 и 115 Дмитриевского могильника IX в.⁴³ В катакомбе 106 были также обнаружены стремяна, а в тайнике – позолоченный сбруйный набор.⁴⁴ Практически аналогичные псалии встречены в Хусаиновских и Каранавских курганах IX–X вв. на Южном Урале, а также в Больше-Тиганском (погребение 12) и Больше-Тарханском (рис. 16. 1) могильниках в Татарстане.⁴⁵ При этом, в крупнейшем Танкеевском могильнике IX–X вв., оставленном булга-

³⁷ Мажитов 1981, 59, рис. 31. 23.

³⁸ Генинг–Халиков 1964, табл. IX. 10–12.

³⁹ Казаков 1992, 151.

⁴⁰ Ливанова–Ливанова 2006, 39.

⁴¹ Никитина 2012, 19, 63, 159, рис. 53. 1.

⁴² Сокровища 2003, 60–61, кат. № 24.

⁴³ Плетнева 1989, 82, рис. 38, № 106, 115.

⁴⁴ Плетнева 1989, 230.

⁴⁵ Мажитов 1981, 44, 106, рис. 22. 9; рис. 57. 14; Шаликова–Шаликов 1981, 108, Taf. X. 25; Генинг–Халиков 1964, табл. IX. 6–7.

Рис. 1. Полусферическая накладка с изображением всадника. Приуралье (?); IX в. Серебро, выколотка, чеканка, позолота. Собрание Фонда Марджани (Москва); Фонд Марджани, инв. №Им/м-397 (по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, 341, № 254)

1. kép. Lovast ábrázoló domborított díszkorong. Az Urál nyugati előtere (?); 9. század. Aranyozott ezüst, domborított, cizellált. Mardzsani Gyűjtemény (Moszkva); Leltári szám: Им/м-397. (ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, 341, № 254)

Рис. 2. Полусферическая накладка с изображением всадника. Обратная сторона. Фонд Марджани; инв. №Им/м-397.

2. kép. A lovast ábrázoló domborított díszkorong hátoldala. Mardzsani Gyűjtemény; Leltári szám: Им/м-397.

рами на Волге, удила с псалиями такого типа не встречено.⁴⁶

Художником детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. На них показаны прикрепленные подвески сердцевидной формы: четыре – на одном ремне и три – на другом. Форма подвесок фигурная, что отличает их от подвесок, которые встречаются на рисунках этого времени с изображением всадника. Там они обычно круглой формы или листовидной, что имеет археологические аналоги (катакомба 106 Дмитриевского могильника)⁴⁷ (рис. 17. 1). Датируются эти археологические аналогии 2-й половиной IX – первыми годами X вв.⁴⁸ В целом, данный элемент часто встречается, как украшение конской упряжи Западной Хазарии в низовьях Дона и Северского Донца (Дмитриевский, Верхнесалтовский могиль-

ники)⁴⁹ (рис. 17). В большей степени эти материалы датируются IX в. Этот элемент очень примечателен, поскольку присутствует не на всех изображениях всадников, как, например, на центральном медальоне блюда, датированного IX в. (рис. 6). Однако, отметим, что, как правило, в салтовских материалах присутствует еще и начальник (рис. 17. 1), который ни разу не изображался на рассматриваемых рисунках.

На данном изображении портупейные ремни, пояс на всаднике и ремни конской упряжи украшены накладками прямоугольной формы. Они показаны в виде прямоугольных элементов с округлым краем с продольным штрихом по середине. Аналогичный изобразительный мотив имеется на круглой позолоченной пластине из впускного детского захоронения (погребение 32) кургана №3 Каранаевских курганов, а

⁴⁶ КАЗАКОВ 1992, 152–154, рис. 57.

⁴⁷ ПЛЕТНЕВА 1989, 86, 87, рис. 41, рис. 42.

⁴⁸ ПЛЕТНЕВА 1989, 172.

⁴⁹ АКСЕНОВ 2005, 258, рис. 8. 3.

Рис. 3. Полусферическая накладка с изображением всадника. Деталь. Нижняя часть накладки
3. kép. A lovast ábrázoló domborított díszkorong alsó részének részletfotója

также, как и в данном случае, на нагрудном и подхвостном ремнях на лошади на упоминавшемся выше блюде из Салехардского музея⁵⁰ (рис. 6). Иконографические аналогии такому рода декору можно отметить на бордюре центрального медальона чаши с изображением льва IX–X вв. из собрания Эрмитажа.⁵¹ Есть и археологические соответствия. Прямоугольные поясные накладки известны из погребения 3 кургана №2 Бекешевского I могильника, погребения 2 Ямаши-Таусского кургана в Башкирском Предуралье.⁵² Аналогии в основном связаны с материалами IX–X вв., хотя ранние экземпляры прямоугольных накладок датируются VIII в., а поздние – началом XI в.

Интересно, что, эти же декоративные элементы были использованы при изображении перьев на хвосте птицы на рассматриваемой бляхе. Причем, этот декоративный прием существовал как художественная традиция, например, его можно увидеть на изображении человека-птицы на серебряной чаше из Большого Аникова с арабской надписью (рис. 5), которая Б. И. Маршаком была отнесена к торовтике Мавераннахра IX–X в.⁵³ Истоки этого мотива можно соотнести с лепестковым орнаментом на фергано-семиреченской группе серебряных сосудов (по В. П. Даркевичу), появившихся здесь во 2-й половине VIII в. вместе с орнаментальным мотивом в виде трех кружочков на коротком стебельке,⁵⁴ изображен-

⁵⁰ Мажитов 1981, 108, рис. 58. 25; Сокровища 2003, 57, кат. № 22.

⁵¹ Сокровища 2003, 55.

⁵² Мажитов 1981, 36, 59, рис. 17. 10–11; рис. 31. 26.

⁵³ Шедевры 1990, 12, кат. №11; Даркевич 1976, 29, табл. 29, кат. № 42.

⁵⁴ Даркевич 1976, 87, рис. 11. 1–5.

Рис. 4. Полусферическая накладка с изображением всадника. Деталь. Верхняя часть накладки
4. kép. A lovast ábrázoló domborított díszkorong felső részének részletfotója

ных на крыле птицы и на тушке зайца. Скорее всего, данный мотив содержит некое условное содержание, хотя наличие реальных накладок, как его прототипа, допустимо, например, прямоугольных накладок с ребром посередине, с окончанием «ласточкин хвост» и острием в виде широкого треугольника из погребения 9 Больше-Тиганского могильника.⁵⁵

Подводя итог анализу изображения экипировки коня на рассматриваемой бляхе, можно отметить ряд деталей. Так, художник по какой-то причине не показал ремни уздечки, кроме поводьев (как минимум здесь должны были быть нащечный и подбородочный ремни),⁵⁶ но при этом изобразил удила S-видной формы (сами по себе они без ремней держаться во рту лошади не могли). Седло плохо различимо, однако, судя по изображенной задней луке, оно вполне узнаваемо и состояло из деревянного остова: двух луков и двух боковин (лавок), обтянутых кожей. Это соответствует седлам кочевников VIII–IX вв.⁵⁷

Седло было закреплено на лошадином крупе нагрудным и подхвостным ремнями. Они украшены накладками прямоугольной формы, а также сердцевидными подвесками. Можно предположить, что накладки были металлическими; подвески могли быть выполнены и из другого материала.

Под седлом изображен нарядный чепрак, прикрепленный к задней луке, из сукна или тканной материи с окантовкой по краю. Он мог заменять потник, но по рисунку на бляхе это установить практически невозможно. Не видны также ремни подпруги, но изображено путилище и стремя.

Всадник на рассматриваемой накладке показан в фас: широкие плечи развернуты к зрителю, а голова чуть повернута влево. Взгляд направлен влево – вперед. На чуть согнутой левой руке, на специальной перчатке сидит хищная птица. Правая рука согнута в локте, кисть сжата в кулак на уровне лица. В кулаке зажаты поводья (рис. 4). Этот жест (захват поводьев) встречен также и на

⁵⁵ ЧАЛИКОВА–ЧАЛИКОВ 1981, 106, Taf. VIII. 10.

⁵⁶ ТИШКИН–ГОРБУНОВА 2004, 24–25, рис. 7.

⁵⁷ ТИШКИН–ГОРБУНОВА 2004, 42, рис. 22.

Рис. 5. Чаша. Серебро. Малое Аниково. Мавераннахр, IX–X вв. (по ДАРКЕВИЧ 1976, табл. 29)

5. kép. Ezüstsésze. Maloje Anyikovo. Transzoxánia, 9–10. század (ДАРКЕВИЧ 1976, табл. 29)

ряде других изображений всадников на чашах и блюдах «венгерского круга».

Голова всадника (рис. 1; рис. 4) непропорционально большая и составляет 1 к 2,5 по отношению к туловищу. Лицо крупное, широкое, с большими узкими, изогнутыми дугой бровями, аккуратным острым носом, большими открытыми глазами с круглыми зрачками и небольшим приоткрытым ртом (видны зубы). Уши маленькие. Бородка всадника аккуратно подстрижена, усов нет, подбородок и щеки тщательно выбриты, оставлены только бакенбарды. Волосы зачесаны назад и большей частью скрыты под головным убором в виде низкой цилиндрической шапочки, сшитой из меховых (?) полосок (ткань и кожу художник изображал гладкой поверхностью; ткань с орнаментом отмечал гравированными линиями; перья – чешуйками, волосы – вертикальными прямыми линиями, а мех – скорее всего, вертикальными линиями и мелкими волнами-чешуйками между ними). По антропологическому типу данное изображение

Рис. 6. Центральный медальон блюда с изображением всадника. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского Ямало Ненецкого Автономного округа Серебро, IX в. (по СОКРОВИЩА 2003, № 22)

6. kép. Egy ezüstpál központi medalionja lovasábrázolással. Az I. Sz. Semanovszkij Múzeum és Kiállítóközpont Gyűjteménye, Jamali–Nyenyec Autonóm Körzet. Ezüst, 9. század (СОКРОВИЩА 2003, № 22)

похоже на лицо всадника с блюда Салехардского музея (рис. 6).

На лице изображенного всадника заметны процарапанные острым предметом знаки: миниатюрные окружности, треугольники и трапеции (рис. 4). Линии неровные, угловатые, иногда прерывистые. Расположены они по кругу: треугольник и трапеция – снизу от глаз; окружности – вокруг рта (три на щеках и одна на подбородке, и еще одна на крыле носа). Такие рисунки, правда, в разных вариантах, чаще всего более сложных и разнообразных, характерны для древнего населения Зауралья.⁵⁸

Всадник одет в верхний распашной длиннополый кафтан, узкий, приталенный, с глубоким «левым» запахом (правая полá перекрывает

⁵⁸ ФЕДОРОВА 2014, 90–99.

левую) (рис. 1). Кафтан в верхней части плотно облегает тело всадника, воротника нет, при этом показаны два отворота: верхние углы бортов центрального разреза отогнуты наружу (рис. 4). Отвороты у кафтана разные: правый – треугольный остроугольный, левый – также треугольный, но с небольшим выступом, вероятно, для застегивания. Не очень ясно, как застегивался кафтан в верхней части: петель и пуговиц не видно, но, учитывая глубокий разрез, это могли быть воздушные петли по краю и небольшие кожаные пуговицы. Рукава кафтана узкие, плотно облегающие предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья пятипалая (?) перчатка. Нижняя половина кафтана не застегивалась, имела свободный запах и была, вероятно, немного расклешена. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнаментом.

Поверхность халата покрыта линиями, вероятно, имитирующими складки ткани. Также, можно предположить, что таким образом показан декор верхнего кафтана – его шелковая отделка. Как показывают материалы Мошевой балки, шелк нашивался на полотняную основу кафтана и обшивался каймами из шелка.⁵⁹ В данном случае такие каймы показаны на подоле. На значимость конструкции верхнего кафтана обратила внимание А. А. Иерусалимская. По ее мнению, «левый» запах и два отворота воротника тесно связаны с Ираном и Средней Азией, в том числе Согдом, и имеют эфталитскую традицию.⁶⁰ На подоле заметно несколько процарапанных ромбиков.

Нижняя одежда – рубаха с небольшим стоячим воротником, который мог быть сделан из кожи. Кафтан перехвачен поясом, к которому подвешена сабля в ножнах.

На ногах – остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой. На голенище сбоку показа-

на волнообразная линия. Остроносые сапожки, сшитые из одного куска кожи, встречены в могильнике Мошевая Балка VIII–IX вв.⁶¹ Голенище сапога, видимо, высокое, и, если исходить из изображения на бляхе, происходящей из неизвестного могильника бассейна р. Конды Западной Сибири (рис. 10),⁶² доходило до колена.

Рассмотренный костюм (за исключением головного убора) похож на изображение на Салехардском блюде (рис. 6). Но здесь кафтан двубортный с правым запахом, но в остальном крой аналогичный: узкие рукава, перчатка на правой руке (на рисунке на рассматриваемой бляхе – на левой).

Из экипировки нашего всадника мы видим только саблю в ножнах (рис. 3). У рукояти сабли имеется грибовидный набалдашник, ладьевидная крестовина с круглыми окончаниями. Клинок слабоизогнутый, однолезвийный, что характерно для сабель «хазарского» или «венгерского» типов. Длина клинка сабли чаще всего была 70–75 см, при общей длине 80 см.; ширина клинка у рукояти – около 3 см; острие изогнутое, что в целом характерно для клинкового оружия VIII–IX вв.⁶³ Рукоять сабли имела длину чуть больше 13 см. Форма рукояти и навершия повторяются и на другом артефакте изделий венгерского круга (рис. 7).

Почти идентичный аналог имеется в погребениях 22 и 28 Больше-Тиганского могильника, а также в погребении 52 могильника Мыдлань Шай в Удмуртии, которое по инвентарю может быть датировано IX в.⁶⁴ Крестовина сабли с круглыми окончаниями встречена на саблях из трупопожжений IX в. могильника Дюрсо, а также в Больше-Тиганском могильнике в погребениях 6, 8, 9, 12, 28, 33⁶⁵ (рис. 15). По рисунку трудно судить, как изготовлено перекрестие, но, судя по археологическим материалам, оно могло быть склепано из двух сваренных узких железных по-

⁵⁹ Иерусалимская 2012, 215, илл. 132а.

⁶⁰ Иерусалимская 2012, 222, 240.

⁶¹ Иерусалимская 2012, 232–233.

⁶² Бауло 2013, 123.

⁶³ Генинг 1962, 57; Генинг–Халиков 1964, 50.

⁶⁴ Генинг 1962, 29, табл. XIII. 5; Шаликова–Шаликов 1981, 116, 121, Taf. XVIII. 8; Taf. XXIII. 22.

⁶⁵ Дмитриев 2003, 257, табл. 90. 29, 33, 47; Шаликова–Шаликов 1981, 103, 105, 106, 108, 121, 124, Taf. V. 21, Taf. VII. 20, Taf. VIII. 7, Taf. X. 28, Taf. XXIII. 22, Taf. XXVI. 11.

Рис. 7. Блюдо с изображением всадника. Серебро, IX–X вв. Фрагмент. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского Ямало-Ненецкого Автономного округа (по Сокровища 2003, № 19)

7. kép. Lovast ábrázoló tál. Ezüst, 9–10. század. Töredékes. Az I. Sz. Semanovszkij Múzeum és Kiállítóközpont gyűjteménye, Jamali–Nyenyec Autonóm Körzet (Сокровища 2003, № 19)

лос с расширенными концами и вдето в основные рукояти.⁶⁶

Рукоять на изображении, как и на оригинальных саблях, отклонена от основной оси на 6–8°. При этом навершия были разными: так на саблях из могильника Мыдлань-Шай оно было железным в виде цилиндра (трубки), как и на саблях из захоронений Больше-Тарханского могильника.⁶⁷

Грибовидные набалдашники встречаются у палашей в салтовских могильниках второй половины VIII–IX в.⁶⁸ (рис. 17. 4). Аналогичное оформление имеется у сабель «венгерского типа» в Паннонии и Балканах начала X в.⁶⁹ Навершия из мадьярских захоронений по внешнему виду не совсем грибовидные, а скорее усеченно-конические или почти цилиндрические с закругленным торцом.⁷⁰ Встречаются в ряде случаев не цельные навершия, а обкладки рукояти из серебряных декорированных пластин и орнаментированные серебряные головки-набалдашники с небольшим расширением в верхней части с боковыми выступами.⁷¹

Ножны с арочными скобами-петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, с вырезом в виде «ласточкина хвоста». Практически такие же ножны имеются в уже упоминаемых погребениях 22 и 28 Больше-Тиганского могильника. Ножны изготавливались из дерева, а ремни портупей крепились к ним с помощью двух дуговидных скоб, расстояние между которыми было около 30 см. Причем, если по археологическим данным в Прикамье, на Средней Волге и в Подонье скобы на ножнах сабель не имели декоративных орнаментированных щитков (рис. 17. 2, 4), то на ножнах мадьярских сабель они присутствуют. Правда, исходя из анализируемого рисунка, вполне допустимы и другие варианты крепления ремня.⁷² Отметим еще одну интересную деталь. На другом изображении (рис. 7) ножны

⁶⁶ Генинг–Халиков 1964, 50.

⁶⁷ Генинг–Халиков 1964, 50.

⁶⁸ Кочевники 2012, 210, кат. № 567.

⁶⁹ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 80, № 6; Iotov 2008, 330, 331, fig. 2; fig. 3–8.

⁷⁰ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 87, № 10.

⁷¹ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 106–107, № 41–44.

⁷² THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 96, 106, № 23, 41.

Рис. 8. Блюдо с изображением всадника в доспехах. Серебро, IX в. Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского Ямало-Ненецкого Автономного округа (по Сокровища 2003, № 21)

8. kép. Páncélos lovast ábrázoló tál. Ezüst, 9. század. Az I. Sz. Semanovszkij Múzeum és Kiállítóközpont gyűjteménye, Jamali–Nyenyec Autonóm Körzet (Сокровища 2003, № 21)

сабли обтянуты тканью. Археологических подтверждений такого рода дизайна ножен пока мы не имеем.

На левой руке наездника изображена сидящая на перчатке большая хищная птица (рис. 4). Внешне она может быть сопоставлена с птицами семейства ястребиных. Это может быть степной орел (*Aquila nipalensis*) – птица длиной 60–85 см с длиной крыла 51–65 см, и весом в несколько килограмм. Интересно, что перья на изображении моделированы разным способом. Можно предположить, что это отражает их окрас: темно-бурая на шее (крупные чешуйки),

с рыжеватыми подпалинами на затылке (короткие дуговидные отрезки с краю, расположенные сверху вниз); маховые крылья черно-бурые (длинные клиновидные отрезки, заполненные короткими отрезками); рулевые перья темно-бурые с серыми поперечными полосами (вытянутые трапециевидные элементы, разделенные чуть изогнутыми парными вертикальными отрезками). Кстати, другие части птицы также декорированы по-разному, что возможно отражает их реальный цвет, например, клюв – серовато-черный, восковица (участок утолщенной кожи у основания надклювья) – желтая, то есть практически чистые цвета, которые художник на рисунке показал без каких-либо штриховок и орнаментальных элементов.

В качестве варианта интерпретации птицы можно рассматривать и ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis L.*) – крупного представителя рода ястребов, вес которых достигает килограмма и более. Использовались большие ястребы чаще всего в промысловой охоте. Вместе с тем, птица в таком контексте, безусловно, образ, имеющий символическое значение, и в данной композиции является знаком, показателем статусности, что заставляет предполагать определенное абстрагирование от образа конкретной хищной птицы и некую стилизацию. Отсюда и сходство этих персонажей на разных артефактах. Например, на композиции с всадником на Салехардском блюде, причем по внешним признакам птица (кроме оформления оперенья) также относится к ястребиным (рис. 6). Однако на последнем изделии птица показана более схематично: голова непропорционально крупная, как и длинный пышный хвост, напоминающий хвост павлина, а моделировка перьев сделана в иной стилистике.

Кроме того, отличительными чертами изображения птицы на нашей бляхе является то, что он дополнен художественно-декоративными деталями: на крыле показан изящный завиток, завершающийся тремя кружочками, смыкающийся с узкой декоративной ленточкой, пересекающей крыло сверху вниз и заполненной мелкими кружочками.

Под брюхом лошади, у передней правой ноги изображен бегущий скакками с коротким

1

2

2a

Рис. 9. Пластины из кости с изображениями. Шоловские курганы конец VII – начало VIII вв.
(по Путешествие 2016, 242–245, № 172)

9. kép. Díszített csontlemezek. Silovkai kurgánok, 7. század vége – 8. század eleje (Путешествие 2016, 242–245, № 172)

хвостом и длинными ушами заяц. Изображения зайцев на предметах воинского снаряжения встречаются на Средней Волге с VII в. В качестве примера можно привести изображения на костяных накладках из Шиловских курганов (рис. 9. 1).⁷³ Однако здесь зайцы показаны не бегущими, а лежащими на земле, с прижатыми к спине ушами (рис. 9. 2, 2а). Касаясь этого сюжета на шиловских пластинах, В. Е. Флёрова отмечала, что изображение зайца встречались в китайском и среднеазиатском искусстве VII–IX вв. (в Китае встречается и позже), но в иной иконографии.⁷⁴ Причем, несмотря на разницу во времени изготовления и период бытования, совпадения с нашим изделием интересны и значимы. Это касается, например, завязанных узлом хвостов коней, копий с флажками и т.п. Высказано аргументированное мнение, что они изготовлены согдийским мастером для заказчика из хазарской элиты.⁷⁵ Это в какой-то мере подсказывает и возможные истоки художественных сюжетов и образов, а также их трактовки на накладке, ставшей объектом нашего внимания, со всадником.

У края блях имеются рисунки полупальметт, трилистников и бутонов цветов (рис. 3, 4). Близкая полупальметта имеется на накладке сумочки из Веселовского могильника (рис. 11) и на чаше с изображением всадника со штандартом (рис. 7). Цветок напоминает рисунок на Малоаниковской чаше (рис. 5).

Отметим, что самые близкие аналогии в археологических материалах деталям данного изображения обнаруживаются в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане, основная масса захоронений в котором относятся ко второй половине IX – началу первой трети X вв.⁷⁶ Сюжет, элементы оформления и иконография обна-

руживают связь с изделиями, датированными IX–X вв., так называемого урало-венгерского круга⁷⁷ (рис. 7, 8). Имеются серебряные сосуды IX–X вв. из собрания Эрмитажа, например, утмильское блюдо,⁷⁸ близкие по деталям изображения к рассматриваемым изделиям.

Датировка бляхи из Фонда Марджани устанавливается по аналогиям с археологическими материалами, особенно могильников Южного Приуралья.⁷⁹ Достаточно подробно опубликованные погребальные комплексы позволяют сузить круг аналогий. Кроме того, есть возможность уточнить датировку, сравнив ряд категорий артефактов с материалами венгерских могильников эпохи обретения Родины.⁸⁰

Важными с точки зрения определения времени изготовления этого изделия являются детали рисунка: форма псалий, стремян, оформление навершия сабли и детали ножен. Псалии и стремяна указанных форм, помимо указанных археологических параллелей из могильников Предуралья и Среднего Поволжья, сопоставимы с многочисленными находками I тыс. н.э. из Южной Сибири и Алтая.⁸¹

Исходя из вышеприведенных данных, время создания изображения на бляхе можно определить второй половиной IX – первой третью X вв. Не противоречит этому мотив из линии с тремя точками, как и пальметты, изображенные по краям бляхи. Они встречаются на согдийской серебряной посуде IX в. школы «В», по Б. И. Маршаку.⁸² При этом, стоит отметить, что общая композиция «всадник с птицей и бегущими рядом животными» имеет широчайшее распространение и не связана напрямую с какой-то этнической и даже культурной средой. Для IX–XI вв. можно выделить несколько ареалов бытования этого сюжета: юг Европы, Средняя

⁷³ Путешествие 2016, 242–245, № 172.

⁷⁴ Флёрова 2001, 82.

⁷⁵ Флёрова 2001, 84.

⁷⁶ Казаков 1992, 76, 77.

⁷⁷ Сокровища 2003, 53, 56, кат. № 19, 21.

⁷⁸ Смирнов 1909, табл. LXXXVII, № 157; Артамонов 1962, 261.

⁷⁹ Мажитов 1993, 131–134.

⁸⁰ Балинт 1988, 121, рис. 3.

⁸¹ Кисель–Николаев 2005, 141–143; Кубарев 2005, 120, рис. 34.

⁸² Маршак 1971, 42–44.

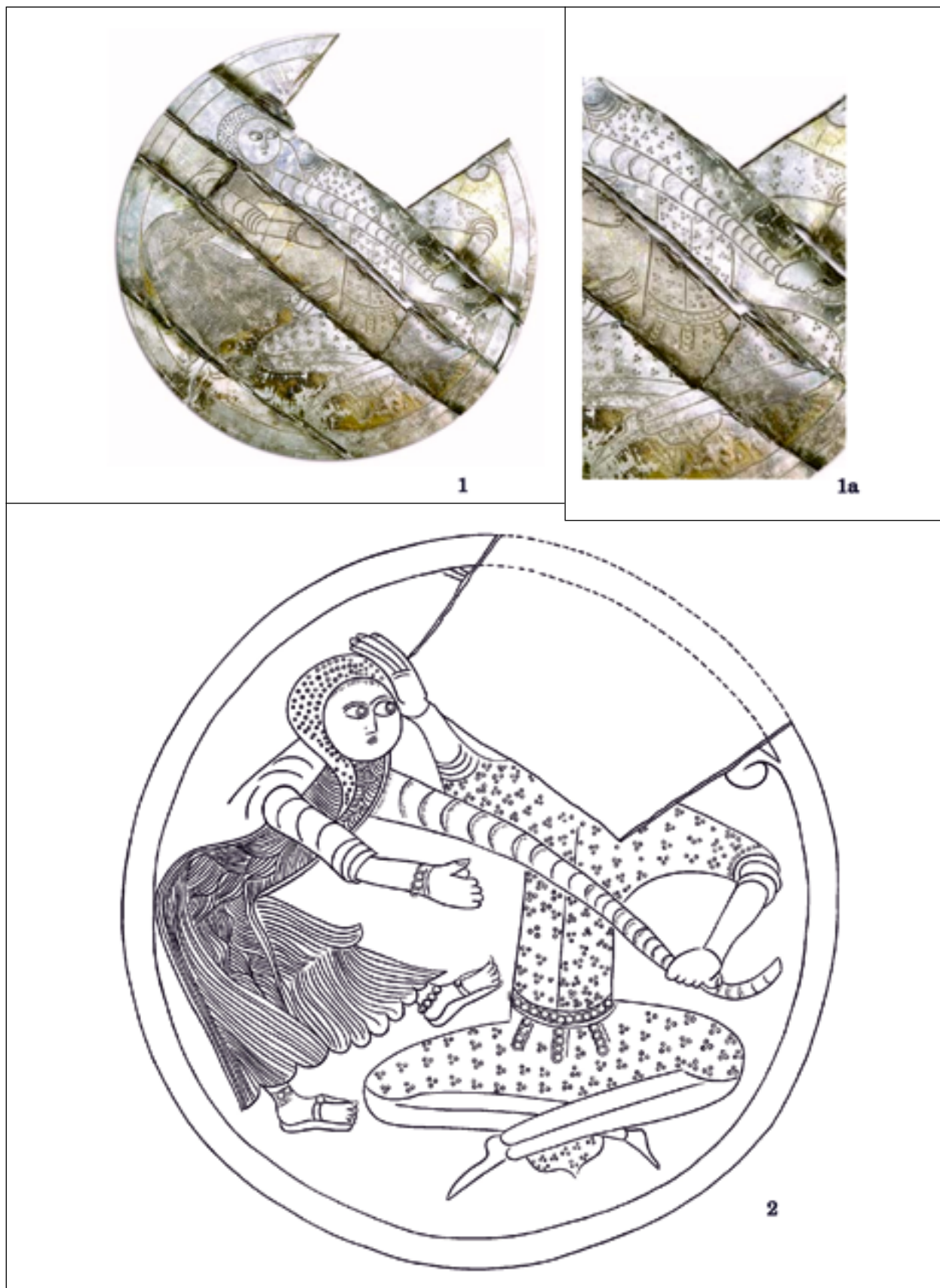

Рис. 10. Круглая подвеска с изображением двух фигур. Серебро, чеканка. Согд (?) X в. (по Бялло 2013, 123, рис. 1)
 10. kép. Két emberalakot ábrázoló kerek csüngődísz. Cizellált ezüst. Szogdia (?) 10. század. (Бялло 2013, 123, рис. 1)

Азия и Иран, Прикамье, Венгрия и Предкавказье.

Подводя итог исследованию этих артефактов, стоит обратить внимание на ряд моментов. На всех этих изделиях изображены конные мужчины в богатых одеждах с оружием. В первом случае – это сюжет царской охоты, поскольку на руке всадника изображен охотничий орел, а в другом – гарцующий всадник со штандартом (?). Объединяют их композиция рисунка, мотивы декора, например, полупальметты, а также золочение фона. Заметим, что композиция с всадником и сопутствующими ему животными, птицами, а также с сидящими на руке ловчими птицами, была весьма популярна в средневековом прикладном искусстве, как на мусульманском Востоке, так и в Византии с IX в.

Люди на изображении европеоидного типа с прямым носом с широкими крыльями, с волнистыми или прямыми волосами на голове и лице, брови длинные, глаза большие и широко открытые. Отличается одно изображение, на котором персонаж показан с раскосыми глазами и сходящимися на переносице бровями (рис. 7).

Голова, как правило, закрыта головным убором, из-под которого видна короткая челка с вьющимися (рис. 6) или зачесанными назад прямыми волосами. Уши в обоих случаях открыты; очевидно, что волосы на голове подстригали. В одном случае (рис. 1) мужчина изображен с коротко стриженной бородой, но без усов. Усов нет ни на одном рисунке. На одной бляхе изображен мужчина без головного убора (рис. 7) с выбритой головой и оставленном на макушке длинным чубом.

Головные уборы на рассмотренных рисунках двух типов. Первый – шапочка, сшитая из узких кусочков узорчатой (шелковой?) материи (рис. 1). Близкой аналогией ей могут быть шапочки вида 3 из могильника Мошечая балка (по А. А. Иерусалимской). Это круглая низкая шапочка высотой около 20 см при длине окружности в 50 см, сшитая из четырех клиньев, а сверху

покрытая согдийским шелком на холщовой основе.⁸³ Учитывая, что описанный экземпляр из Мошечой балки был сшит для мальчика-подростка, то, если предположить конструктивную близость изображения на бляхе и археологического артефакта, размеры у первого должны быть несколько крупнее.

Второй вариант головного убора – высокая шапочка с полукруглым верхом и поднятыми вверх боковыми лопастями. С опущенными лопастями шапочка могла застегиваться маленькой пуговичкой.⁸⁴ Конструктивно она близка предыдущему головному убору, только более декоративна и имеет боковые лопасти, а, возможно, и затыльник. Кроме того, она скроена так, что остается чуть открытым лоб, а над ним имеется украшение в виде трилистника.

Плечевая верхняя одежда представлена практически во всех случаях распашным двухбортным кафтаном с длинным подолом, закрывающим ноги всадника до колен и с левым запахом. Ткань для изготовления халатов, скорее всего, подразумевалась разная: плотная практически без складок (рис. 6), прошитая или стеганая (рис. 1), тонкая узорчатая, плотно облегающая тело (рис. 7). Не исключено, что в последнем случае изображен шелк, хотя отсутствие рисунка на одежде вовсе не означает, что одеяние не было обшито поверх основы шелком. Кафтан во всех случаях украшен каймами по подолу и на рукавах, что, видимо, достаточно типично для такой одежды.⁸⁵

Кафтан в двух случаях перехвачен на талии узким кожаным ремнем с накладками (тесняной или матерчатый ремень вряд ли мог быть украшен металлическими деталями). На одном рисунке показан матерчатый пояс, свернутый в несколько раз в узкий жгут из той же ткани, что и верхняя одежда (рис. 7).

Обувь представлена чувяками (башмаками) и сапожками. Последние (рис. 1) с длинным носком, высоким голенищем и мягкой подошвой без каблука. Аналогии им имеются в материалах

⁸³ Иерусалимская 2012, 187, илл. 114.

⁸⁴ Доде 2001, 15, 16.

⁸⁵ Иерусалимская 2012, 215.

Рис. 11. Накладка на поясную сумочку. Веселовский могильник; жертвенный комплекс 19. Серебро, чеканка, X в. (по Архипов 1976, 126)

11. kép. Tarsolyelemz. A Veszélov-tanya melletti temető, 19. áldozati gödör. Cizellált ezüst, 10. század (Архипов 1976, 126)

могильника Мошечья балка.⁸⁶ Боковая сторона голенища декорирована (вертикальную волнистую линию на голенище трудно интерпретировать по-другому). Можно было бы, как сапоги, рассматривать еще одно изображение (рис. 7), но здесь смущает четко очерченная линия, отделяющая ступню от голени в районе щиколотки. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с кожаными чувяками с раструбообразным верхом, мягкой подошвой, а в комплекте с ними плотняные чулки.⁸⁷ У последних показан прямой вертикальный шов, возможно, это изображение вставного клина при крое чулка. Впрочем, это не исключает и другую интерпретацию.⁸⁸ В более ранних материалах зафиксированы случаи украшения голенищ сапог расшивкой бисера. Считается, что сапоги окрашивались, чаще всего, в красный цвет.⁸⁹ Как чувяки, можно интерпретировать еще одно изображение (рис. 6). Здесь также хорошо виден низкий фигурный край чулка и украшенные фигурной вышивкой или аппликацией чулки. Отметим, что скобовидный узор края нашивки идентичен оформлению каймы чепрака лошади на этом же рисунке. Чепрак чаще всего делался из ткани.

Кони изображены с нарушением пропорций, при этом взнузданы и оседланы. Хвосты лошадей подстрижены и иногда перевязаны в нижней части (рис. 1). Грива во всех случаях аккуратно расчесана на пряди. Кроме поводьев, изображены нащечный, затылочный, наносный ремни. Если ремни оголовья не показаны, то подразумеваются, (рис. 1) поскольку имеются псалии, а без ремней их оголовья использовать невозможно. Выделяется амуниция коня всадника со штандартом (рис. 7). В этом случае отсутствует наносный ремень, нет S-видных псалий, очевидно вместо них художник изобразил кольчатые удила; кроме того, от затылочного ремня к поводьям идет декоративная привеска, показанная мелкими перлами. Для крепления седла показаны нагрудный и подхвостный ремни. Оба украшены накладками (в одном случае круглые или

⁸⁶ Иерусалимская 2012, 231, илл. 138.

⁸⁷ Доде 2001, 15; Иерусалимская 2012, 211, 230, илл. 128, илл. 137.

⁸⁸ См. реконструкция Доде: 2001, 106, илл. 2.

⁸⁹ Яценко 2006, 336.

прямоугольные), причем, к ним же прикреплены и декоративные подвески (ромбовидные или сердцевидные), что бывает не всегда (например, *рис. 6*). Само седло, вероятно, стандартное с двумя луками, с положенным под него чепраком и прикрепленными ремнями, стременами с жесткой подножкой (*рис. 16. 4*). Из оружия всадники имеют только саблю в ножнах, либо изображены без оружия, но с ловчей птицей (*рис. 6*).

По ряду деталей выделяется рисунок всадника со штандартом (*рис. 7*). Также формальное сходство имеют рассмотренные сюжеты с изображением вооруженного всадника на другой чаше (*рис. 8*).

Следующие находки относятся к другой категории изделий и стилистически отличаются от рассмотренных выше изделий. Сходство можно найти только в незначительных деталях. Речь идет о серебряных с позолотой накладках поясной небольшого размера (11,5–12,2 × 7–9,1 см) сумочки с железной подложкой. Сумочки с подобными накладками встречаются достаточно широко на памятниках IX – начала XI вв. в Прикамье, меньше и в ином конструктивном решении – на Средней Волге (у булгар),⁹⁰ оригинальных форм – в древнемарийских могильниках (*рис. 11*), в основном в Повелтлужье,⁹¹ и массово – в мадьярских могильниках IX–X вв. Паннонии.⁹²

Одна из таких накладок (*рис. 12*) особенно интересна в контексте изучения изображений на бляхе. На ней на двух половинках изображительного поля нанесены рисунки, покрытые позолотой: слева сверху – всадник с копьем на коне, под ним крупное животное, похожее на большую дикую кошку (гепарда или леопарда), внизу под ним – еще какое-то существо. Справа, сверху изображена фигура в виде трилистника, которую двумя руками поддерживает или подбрасывает антропоморфное существо, балансирующее на голове фантастического животного. Сцены демонстрации физической доблести и силы вообще характерны для хазарского искусства. Их, например, можно видеть в одном из

Рис. 12. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Приуралье (?); Собрание Фонда Марджани (Москва) (по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 253)
12. kép. Tarsolyelem. Ezüst és vas. 9. század – 10. század eleje, az Urál nyugati előtere (?); Mardzsani Gyűjtemény (Moszkva) (ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 253)

медальонов на упомянутом выше серебряном сосуде (см. *рис. 9*). Очевидно, что рисунок на пластине отражает какой-то мифологический или космологический сюжет.

Рисунки на пластине, несмотря на узнаваемые образы, достаточно необычны. Так, если взять фигуру всадника, то обнаружим, что самой реалистичной частью этого изображения является лошадь, точнее, ее экипировка: можно различить поводья, подпругу, попону и т.д. В принципе, сама лошадь вполне соответствует виду этого животного, кроме огромных ушей, отсутствующей гривы и неестественных конечностей. На спине лошади сидит без седла антропоморфное существо. На нем плотно об-

⁹⁰ Казаков 1992, 143, *рис. 53. 18–20*.

⁹¹ Никитина 2013, 151–161.

⁹² THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 126, 178, 183.

Рис. 13. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Предуралье (?); Собрание Фонда Марджани (Москва) (по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 251)

13. kép. Tarsolyelemz. Ezüst és vas. 9. század – 10. század eleje, az Urál nyugati előtere (?); Mardzsani Gyűjtemény (Moszkva) (ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 251)

тягивающая тело одежда и остроносые сапоги с коротким голенищем. У существа имеется большой колчан, имеющий точные аналоги в археологических материалах, с выступающими из него наконечниками стрел.⁹³ Однако, как ни странно, колчан изображен как бы прозрачным: контур его пересекает фигуру наездника, не закрывая ее. Тем не менее, на колчане заметен орнамент в виде кружочков, идущих сверху – вниз. При этом лука, как и другого вооружения, у всадника нет. Еще большей странностью отличается голова наездника. Она маленькая, похожая на птичью, с одним круглым глазом и небольшим

хохолком сверху. Плечи «призрачного всадника» развернуты в фас, голова – в профиль.

Правая рука, судя по ее положению, должна была бы удерживать повод, однако последний свободно провисает и, более того, перекинут через шею всадника и свешивается вниз. Этой рукой он как бы ловит упущенный повод широко раскрытой ладонью, при этом можно различить даже пальцы кисти. Левая рука поднята и согнута в локте. Она как бы придерживает (или отталкивает, или поднимает – трактовка этого положения руки может быть много) некий сигарообразный предмет с коническим окончанием, ограниченным узкой штрихованной полоской от основной части, украшенной мелкими кружочками. Вполне вероятно, что это копье гипертрофированных размеров с развевающимся флажком (бунчуком) у наконечника. На эту трактовку наводят изображения раннесредневековых воинов, например, на Сулекской писанице.⁹⁴ Вместе с тем, можно этот элемент трактовать и как змееподобное существо, которое атакует всадника. Длинное туловище и голова ромбической формы не противоречат этой версии. Атака эта могла быть внезапной, поскольку создается впечатление, что всадник пытается «пришпорить» коня (хотя при этом совершенно не помогает себе поводьями), чтобы уйти от агрессивного противника.

Интересно сравнить это изображение с другим антропоморфным персонажем на правой половине пластины. Человеческая сущность его более понятна: голова и туловище вполне соответствуют параметрам человека. Схематичное, но лицо с выступающим носом без сомнения принадлежит человеку. При этом можно различить на голове этого персонажа развевающиеся косички, а на макушке шапочку. Более того, имеются точные аналогии такой трактовке человеческой головы на сулекских рисунках и изображениях на меловых блоках с Маяцкого городища.⁹⁵ Левая рука, воздетая вверх, показана с раскрытой ладонью, а правая вообще без кисти. Фигура антропоморфа одета в кафтан поверх

⁹³ ПЛЕТНЕВА 1967, 159, рис. 43. 18.

⁹⁴ АРТАМОНОВ 1962, 210.

⁹⁵ АРТАМОНОВ 1962, 210; ПЛЕТНЕВА 2000, рис. 39.

Рис. 14. Накладка на поясную сумку. Серебро, железо, IX – начало X в. Приуралье (?); Собрание Фонда Марджани (Москва) (по ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 252)

14. kép. Tarsóylemez. Ezüst és vas. 9. század – 10. század eleje, az Urál nyugati előtere (?); Mardzsani Gyűjtemény (Moszkva) (ПУТЕШЕСТВИЕ 2016, № 252)

нижней рубахи, заправленной в штаны. У кафтана короткие рукава, имеется воротник (?); подол длиннее до середины бедер. В талии кафтан перехвачен широким поясом, судя по его ширине, из ткани. Ноги в штанах широко расставлены; нижняя часть штанов заправлена в сапоги с длинными узкими носами и голенищем до колен. При этом положение ног по отношению к туловищу выглядят неестественно: они развёрнуты в одну сторону, а корпус туловища в другую. Из числа общих аналогий трактовке антропоморфных изображений можно отметить рисунки на костяных реликвариях из памятников хазарского времени в Подонье и Подонцовье.⁹⁶

Фигура леопарда или гепарда передана очень динамично и художественно. Туловище грациозно изогнуто: спина выгнута, хвост поднят вверх,

голова повернута назад. Пропорционально и в анатомическом соответствии показаны круглые уши зверя, усы, широкий нос. Декоративные кружочки создают впечатление естественной пятнистой шкуры. Диссонируют с этим «реализмом» узкие заштрихованные полосы на туловище, шее и ногах существа. Еще большей оригинальностью обладает и расположенное напротив рассмотренного леопарда странное существо, напоминающее большую собаку или карликовую лошадь (судя по гриве), с огромной лохматой головой. При этом голова и шея этого «конька-горбунка» покрыта густой шерстью с отросшей гривой, а вот туловище и ноги имеют гладкую кожу и такой же «голый» хвост, который поднят вверх и загнут крючком, как у собаки, при этом окончание хвоста напоминает голову хищной птицы с большим клювом. Не очень понятны элементы рисунка над головой антропоморфа, изображенного с правой стороны, как и запутанная композиция справа внизу накладки.

Отметим изображения пальметт на другой накладке на сумочку (рис. 13). Здесь на поверхность нанесен симметричный рисунок: на правой и левой сторонах имеются изображения льва (внизу) и стилизованного растительного побега, состоящего из двух симметричных отростков-лепестков. Последний орнаментальный мотив сильно стилизован и упрощен, но в нем уверенно угадывается исходный мотив пальметты, как, например, в рисунке на серебряной бляхе из Каранаевских курганов на Южном Урале.⁹⁷ В данном случае побег состоит из двух частей. Первая, постепенно расширяясь, расходится в два листа, развернутых по отношению друг к другу на 180°. Каждый листок заканчивается округлым завитком. Выпуклая сторона лепестка образована длинной плавной линией, внутренняя – короткой, резко изогнутой линией. Края листочков обведены еще одной линией, пространство между которыми заштриховано. Вторая часть – бутон цветка, напоминающий лотос, примыкает ко второму лепестку. В це-

⁹⁶ Флерова 1997, 122–123, табл. X.

⁹⁷ Мажитов 1981, 108, рис. 58. 25.

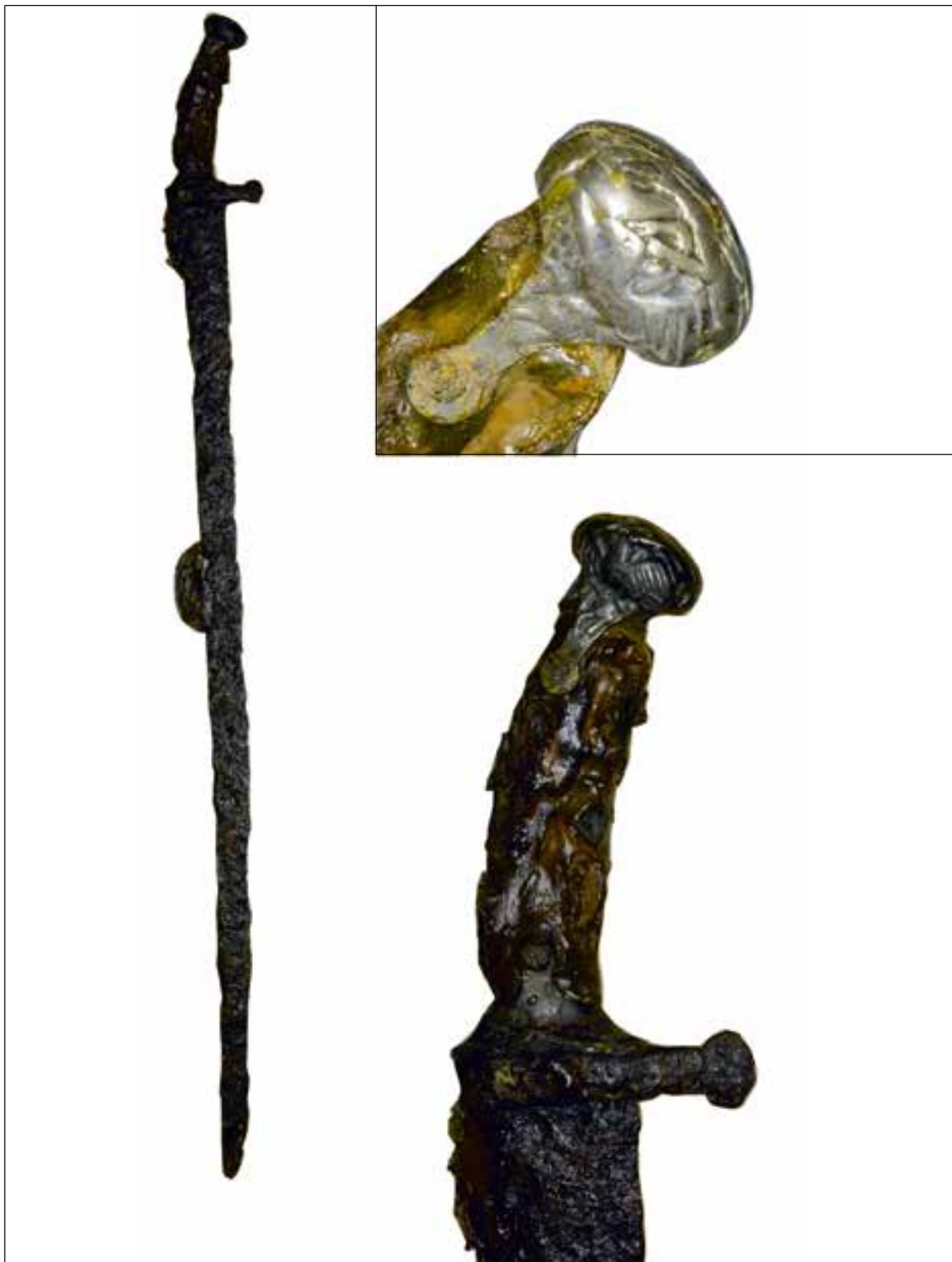

Рис. 15. Сабля из Больше-Туганского могильника. Погребение 6. IX – начало X в. Музей археологии Казанского (Приволжского) федерального университета

*15. kép. Szablya a Bolsije Tyigani-i temető 6. sírjából. 9. század – 10. század eleje.
A Kazanyi (Völga menti) Föderatív Egyetem Régészeti Múzeuma*

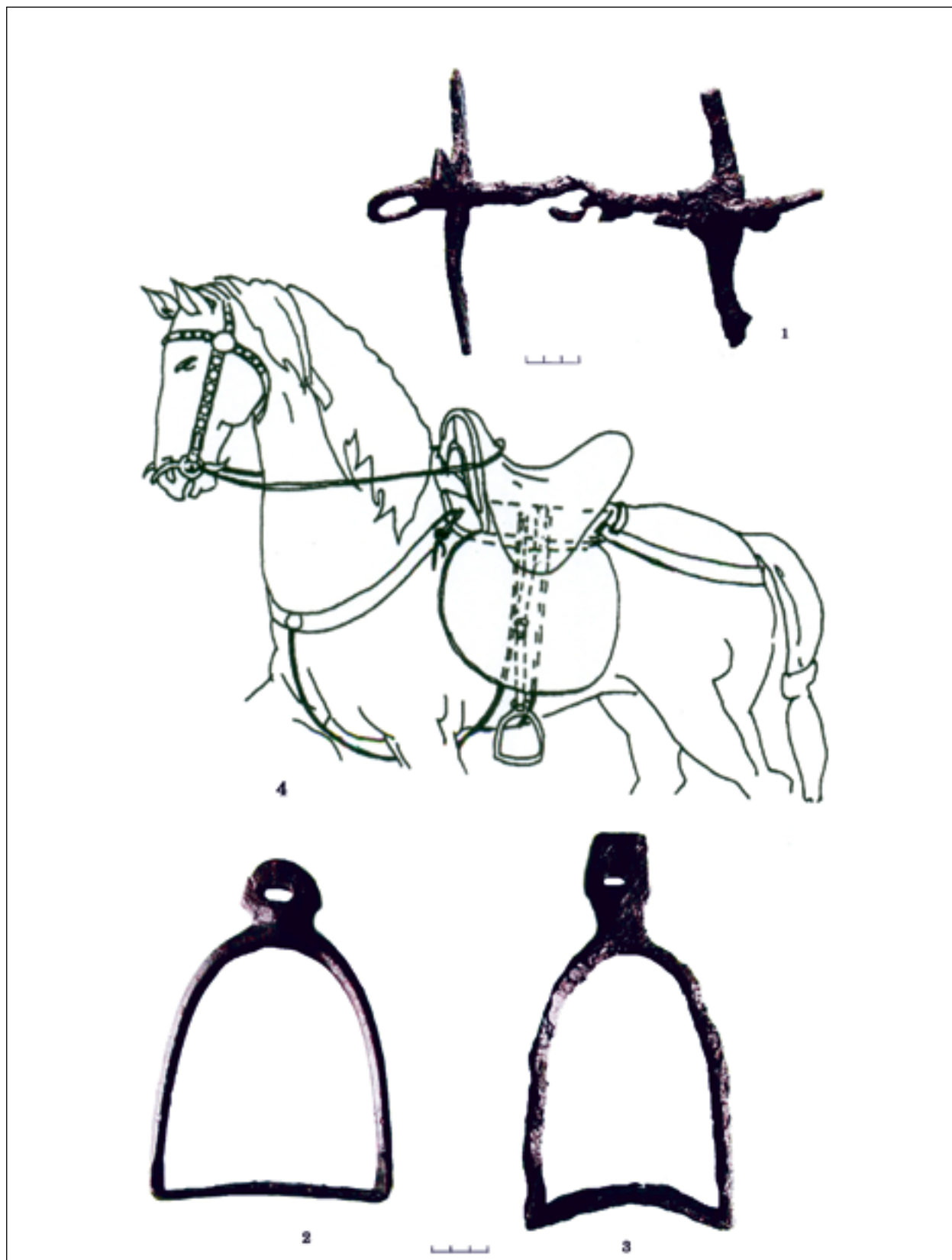

Рис. 16. Удила (1) и стремена (2–3) из Большие-Тарханского могильника. IX в. Национальный музей Республики Татарстан, №№ 14225; 12225; 4: Реконструкция конского снаряжения (по László 1988, 100, 108. kép)
 16. kép. Zabla (1) és kengyelpár (2–3) a Bolsije Tyigani-i temetőből. 9. század. A Tatar Köztársaság Nemzeti Múzeuma, leltári szám: 14225; 12225; 4: Lószerszámzat rekonstrukciója (László 1988, 100, 108. kép)

лом такие растительные мотивы, имеющие китайские истоки (период Тан), были широко распространены в тюркитике Южной Сибири, Средней Азии и Восточного Ирана во 2-й половине VIII–IX вв.⁹⁸

В этом изображении тоже заметен «согдийский след». Речь идет о стилизованных фигурах львов, выполненных по одной композиционной схеме, – плоская фигура животного в профиль с поворотом головы назад. Фигура бегущего льва показана достаточно динамично: лапы напряжены, хвост, заканчивающийся массивной кисточкой, поднят вверх, голова повернута назад. Туловище животного покрыто густой шерстью, переданной мелкими горизонтальными насечками, расположенными вертикальными полосами. Грива короткая. На морде различимы миндалевидные глаза; остальные детали не проработаны. Пасть льва раскрыта. Лапы большие, массивные. Фигуры львов и растительных побегов позолочены. В трактовке морды и кисточки хвоста эти фигуры напоминают изображение льва на чаше, найденной у д. Кудесовой Чердынского уезда (собрание ГЭ) и отнесенной Н. В. Федоровой к урало-венгерскому центру.⁹⁹

Отметим, что рисунки животных на этой пластине различаются в деталях: форма ушей, пропорции морды, грива. Можно предположить, что художник таким образом изобразил льва (слева) и львицу (справа). Точных аналогий таким рисункам найти не удалось. Скорее всего, здесь прототипами являлись восточно-иранские изделия с сюжетами сцен «терзания» с изображениями львов, или же, что более вероятно, это были согдийские изделия (школа «А», по Б. А. Маршаку), также в ряде случаев украшавшиеся такими рисунками.¹⁰⁰ В этой связи упомянем недавно опубликованную находку серебряной пластины (*рис. 10*) с согдийским сюжетом,¹⁰¹ близкой рассматриваемой накладке со всадником.

Более прост рисунок на третьей накладке (*рис. 14*). Это четыре колесообразных элемента: кольца с окружностью в центре: два малых и два больших расположенных по вертикали с правой и левой сторон плоскости накладки симметрично друг другу. Между ними помещены четырехлепестковые розетки. Рисунки позолочены. На скобе для крепления ремешка, вставленной в прямоугольную прорезь на пластине и покрытой позолотой, сохранился гравированный рисунок в виде узла. Кольца разделены вертикальными отрезками на сектора, часть из которых была заштрихована, причем количество заштрихованных участков было разным, но всегда четным: 8 и 10. Очевидная солярная символика этого изображения имеет аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры IX–X вв.¹⁰²

Интересна накладка на сумочку конца IX – рубежа IX–X вв. из Пермского края, которая использовалась как погребальная маска.¹⁰³ На ней изображена сложная сюжетная композиция, состоящая из фигур фантастических животных, лося (!), крупной хищной птицы и схематической фигуры человека на позолоченном фоне. Авторы считают, что она местного производства, исходя из того, что несколько показанных животных явно соотносится с фауной Пермского края. Обращает на себя внимание некоторая близость трактовки деталей на пермском изделии и рассмотренных артефактах. Это касается только фигур львов на одной из накладок на сумочку (*рис. 13*). Здесь похожи трактовка морды и кончиков хвостов. Но движение туловища, общее построение рисунка не имеют с нашими изделиями ничего общего. Как и то, что на хазарских накладках позолочено изображение, а на пермской – фон. Судить о пермской находке и делать какие-либо заключения затруднительно, поскольку она происходит из грабительских раскопок и ее местонахождение не известно. Другие известные накладки на сумочки из раско-

⁹⁸ МАРШАК 1971, 52, рис. 25; ДАРКЕВИЧ 1976, 72, рис. 5.

⁹⁹ СОКРОВИЩА 2003, 54–55, № 20.

¹⁰⁰ МАРШАК 1971, рис. 8, т. 29.

¹⁰¹ БАУЛО 2013, 123–128.

¹⁰² ФЛЕРОВА 2001, 35–40.

¹⁰³ КРЫЛАСОВА–БЕЛАВИН 2008, 217, рис. 1.

Рис. 17. Меч (2, 4), наконечник ножен (3) и украшения конской сбруи (1) из Верхне-Салтовского могильника; катакомба 1 (2–4) и Дмитриевского могильника, катакомба 106 (1) (по Кочевники 2012, 209–210, № 559)

17. kép. Kard (2, 4), koptató (3) és lószerszámdísz (1) a Verhnyij Szaltov-i temető 1. kamrasíkjából (2–4) és a dmitrijevkai temető 106. kamrasíkjából (1) (Кочевники 2012, 209–210, № 559)

пок пермских могильников IX – начала XI в. не имеют накладных пластин с изображениями такого плана.¹⁰⁴

Подводя итог исследованию, отметим, что приведенные примеры демонстрируют стилистически единую группу изделий с практически одной композицией: всадник на охоте с ловчей птицей. Безусловно, что рассмотренные изображения в целом являются условно-обобщенными, хотя черты индивидуальности практически на каждом из них присутствуют, то есть за показанным персонажем вероятно стоит реальный прототип. Создается впечатление, что это образ сакрального правителя, демонстрирующего свою власть и могущество над стихиями: воздухом (птица), земной твердью (фигура зайца), а также людьми (атрибуты власти: сабля и пояс), который, помимо этого, еще должен олицетворять достаток (шелковая одежда и кожаные сапоги), что подразумевает благосостояние подчиненных ему соплеменников. Кстати, аналогичную композицию, хотя выполненную

в контурной манере и более упрощенную, мы находим на небольшом зеркале из Царевского могильника в Волгоградской области (курган 27, погребение 1) из раскопок В. И. Мамонтова, датированном VIII–IX вв.¹⁰⁵

Являются ли эти изделия кратковременным творческим импульсом мастеров-ювелиров, работавших на заказ для венгерской элиты и не оставившие никаких других следов, кроме этих редких художественных изделий? Найти их следы может показаться невозможным – слишком мало количество известных сейчас изделий. Однако, если принять во внимание накладку на сумочку из Веселовского могильника (рис. 11), ряд уздечных наборов из древнемарийских могильников, например, Дубовского, то можно допустить более разнообразный ассортимент таких изделий. Изучение археологических материалов IX – начала X вв. в Волго-Уральском регионе в дальнейшем позволит дополнить этот круг изделий новыми артефактами и даст повод к продолжению исследований в этой области.

¹⁰⁴ Белавин–Крыласова 2008, 358, рис. 176.

¹⁰⁵ История 2006, цв. вклейка.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Константин Багрянородный 1989: Багрянородный, К.: *Об управлении империей*. Москва 1989.
Путешествие 1993: *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука*. Алматы 1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов 2005: Аксенов, В. С.: Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника). В.: *Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время*. Т. 4. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 245–260.
- Артамонов 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.
- Архипов 1976: Архипов, Г. А.: *Марийский край в памятниках археологии*. Йошкар-Ола 1976.
- Балинт 1988: Балинт Ч.: Археология эпохи обретения Родины (часть I). В.: *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Ред.: Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1988, 112–129.
- Бауло 2013: Бауло, А. В.: Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2013:4 (56) 123–128.
- Белавин–Крыласова 2008: Белавин, А. М. – Крыласова, Н. Б.: *Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск*. Пермь 2008.
- Гарустович 1998: Гарустович, Г. Н.: *Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. канд. дисс.* Уфа 1998.
- Генинг 1962: Генинг, В. Ф.: *Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай*. Свердловск 1962.
- Генинг–Халиков 1964: Генинг, В. Ф. – Халиков, А. Х.: *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)*. Москва 1964.
- Голдина 2013: Голдина, Р. Д.: Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья. В.: *II-й Международный Мадыарский симпозиум*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 87–110.
- Даркевич 1976: Даркевич, В. П.: *Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья*. Москва 1976.
- Дмитриев 2003: Дмитриев, А. В.: Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков. В.: *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. Ред.: Макарова, Т. И. – Плетнева, С. А. Москва 2003, 200–206.
- Доде 2001: Доде, З. В.: *Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории*. Москва 2001.
- Дьёни 2007: Дьёни, Г.: *Протовенгры на Урале в I тыс. н.э. в российской и венгерской историографии. Автореф. дис. канд ист. наук*. Екатеринбург 2007.
- Заходер 1967: Заходер, Б. Н.: *Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне*. Москва 1967.
- Иванов 1994: Иванов, В. А.: *Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала)*. Санкт-Петербург 1994.
- Иерусалимская 2012: Иерусалимская, А. А.: *Мощева Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути*. Санкт-Петербург 2012.
- История 2006: *История татар с древнейших времен. Том II. Волжская Булгария и Великая степь*. Ред.: Усманов, М. А. – Хакимов, Р. С. Казань 2006.
- Казаков 1978: Казаков, Е. П.: *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва 1978.
- Казаков 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Булгарии (Этапы этнокультурной истории)*. Москва 1992.

- КАЗАКОВ 2007: Казаков, Е. П.: *Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань 2007.
- КИСЕЛЬ–НИКОЛАЕВ 2005: Кисель, В. А. – Николаев, Н. Н.: Клад кузнеца-специалиста по конскому снаряжению из Юго-Западной Хакасии (предварительное сообщение). В.: *Снаряжение кочевников Евразии*. Ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2005, 140–144.
- КОНТЛЕР 2002: Контлер, Л.: *История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы*. Москва 2002.
- КОЧЕВНИКИ 2012: *Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки*. Науч. ред.: Пиотровский, М. Б. Санкт-Петербург 2012.
- КРЫЛАСОВА–БЕЛАВИН 2008: Крыласова, Н. Б. – Белавин, А. М.: Редкий предмет из грабительских раскопок. В.: *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы конференции*. Ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург 2008, 215–217.
- КУБАРЕВ 2005: Кубарев, Г. В.: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск 2005.
- ЛИВАНОВА–ЛИВАНОВА 2006: Ливанова, Т. К. – Ливанова, М. А.: *Все о лошади*. Москва 2006.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАЖИТОВ 1993: Мажитов, Н. А.: Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.). В.: *Хронология памятников Южного Урала*. Ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1993, 119–140.
- МАЖИТОВ 2013: Мажитов, Н. А.: Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала. В.: *II-й Международный Мадьярский симпозиум*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 84–89.
- МАРШАК 1971: Маршак, Б. И.: *Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике*. Москва 1971.
- НИКИТИНА 2012: Никитина, Т. Б.: *Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья*. Археология евразийских степей 14. Казань 2012.
- НИКИТИНА 2013: Никитина, Т. Б.: Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. *Поволжская археология* 2013:2 (4) 151–161.
- ОСИПЕНКО 2010: Осипенко, О. С.: Тема прародины венгров в трудах востоковедов второй половины XIX – начала XX в. *Ученые записки Казанского государственного университета* 152:3 (2010) 119–126.
- ПАСТУШЕНКО 2011: Пастушенко, И. Ю.: Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье». *Вестник Удмуртского университета* 2011:1, 144–150.
- ПЛЕТНЕВА 1967: Плетнева С. А.: *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. Москва 1967.
- ПЛЕТНЕВА 1989: Плетнева, С. А.: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва 1989.
- ПЛЕТНЕВА 2000: Плетнева С. А.: *Очерки хазарской археологии*. Иерусалим–Москва 2000.
- ПУТЕШЕСТВИЕ 2016: *Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки*. Москва 2016.
- РУДЕНКО 2013: Руденко, К. А.: О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане). *Теория и практика археологических исследований* 2013:2 (8) 58–74.
- РУДЕНКО 2014: Руденко, К. А.: *История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.)*. Казань 2014.
- СМИРНОВ 1909: Смирнов, И. Я.: *Восточное серебро: атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи (Издание Императорской археологической комиссии ко дню 50-летия ее деятельности)*. Санкт-Петербург 1909.
- СОКРОВИЩА 2003: *Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки*. Ред.: Федорова, Н. В. Салехард–Санкт-Петербург 2003.

- ТИШКИН–ГОРБУНОВА 2004: Тишкин, А. А. – Горбунова, Т. Г.: *Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья. Учебно-методическое пособие.* Барнаул 2004.
- ТЮРК 2013: Тюрк, А.: От Урала до Карпат. Новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров. В.: *II-й Международный Мадьярский симпозиум.* Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 231–237.
- ФЕДОРОВА 2003: Федорова, Н. В.: Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья. В.: *Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки.* Ред.: Федорова, Н. В. Салехард–Санкт-Петербург 2003, 9–18.
- ФЕДОРОВА 2014: Федорова, Н. В.: Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья. *Археология, этнография Евразии* 57 (2014:1) 90–99.
- ФЛЕРОВА 1997: Флерова, В. Е.: *Граффити Хазарии.* Москва 1997.
- ФЛЕРОВА 2001: Флерова, В. Е.: Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: о происхождении наладок седла из Шиловского кургана. В.: *Средневековые древности Евразийских степей.* Ред.: Винников, А. З. – Макарова, Т. И. Воронеж 2001, 82–86.
- ФОДОР 2015: Фодор, И.: *Венгры: древняя история и обретение родины.* Пермь 2015.
- ХАЛИКОВ 2011: Халиков, А. Х.: *Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья.* Казань 2011.
- ШЕДЕВРЫ 1990: *Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР.* Кувейт 1990.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И. Ф.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В.: *Проблемы археологии и древней истории угров.* Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- ЮРЧЕНКО 2002: Юрченко, А. Г.: *Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года.* Санкт-Петербург 2002.
- ЮРЧЕНКО 2002а: Юрченко, А. Г.: *Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года.* Санкт-Петербург 2002.
- ЯЦЕНКО 2006: Яценко, С. А.: *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы).* Москва 2006.
- CHALIKOVA–CHALIKOV 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarnan der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani).* RégFüz. Ser. II. No 21. Budapest 1981.
- ИОТОВ 2008: Iotov, V.: A note on the “hungarian sabers” of Medieval Bulgaria. In: *Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2).* Eds.: Curta, F. – Kovalev, R. Leiden–Boston 2008, 327–338.
- LÁSZLÓ 1988: László Gyula: *Árpád népe.* Budapest 1988.
- THE ANCIENT HUNGARIANS 1996: *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue.* Eds.: Fodor, I. et al. Budapest 1996.

СРЕДНЕЕ ПОДОНЬЕ В IX–X ВВ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОРОБЬЕВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

Михаил Владимирович Цыбин*

Ключевые слова: *Среднее Подонье, древние венгры, боршевская культура, салтово-маяцкая культура*
Kulcsszavak: *Középső-Don-vidék, korai magyarok, borsevői kultúra, szaltovo-majaki kultúra*

Михаил Владимирович Цыбин

Среднее Подонье в IX–X вв. Археологический контекст Воробьевского погребения

В 1895 году у слободы Воробьевки Богучарского уезда Воронежской губернии, в карьере, использовавшемся для строительства железной дороги, было обнаружено погребение человека, сопровождавшееся костями лошади. В погребении находился разнообразный инвентарь. В архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилось письмо воронежского губернатора от 29 мая 1895 г. в Императорскую археологическую комиссию, содержащее перечень вещей, найденных в погребении. В архивном деле находятся и их фотографии. В 1897 г. вещи Воробьевского погребения поступили на хранение в Императорский Российский исторический музей (сейчас – Государственный исторический музей). В настоящее время они экспонируются в этом музее. Это погребение с начала XX в. постоянно упоминается в работах исследователей по проблеме поиска прародины венгров. Рассматривается археологический контекст Воробьевского погребения. Приводятся находки вещей «мадьярского круга» в Среднем Подонье, выделяются памятники славянской боршевской и салтово-маяцкой культур, которые могли быть синхронны Воробьевскому погребению. Оценивается перспектива выявления памятников, аналогичных ему.

Mihail Vlagyimirovics Cibin

A Középső-Don-vidék a 9–10. században. A vorobjovkai sír régészeti kontextusa

1895-ben a Voronyezsi kormányzóság Bogucsari járásában található Vorobjovka falu közelében, az épülő vasúthoz szükséges homokkitermelés közben egy lovastemetkezés került elő. A sírból változatos mellékletek kerültek elő. Az Orosz Tudományos Akadémia alá tartozó Anyagi Kultúra Történetének Intézete archívumában fennmaradt a voronyezsi kormányzó 1895. május 29-i keltezésű, a Birodalmi Régészeti Bizottságnak címzett levele, melyben szerepel a sír leletanyagának tételes felsorolása. Az archívumban a tárgyak fotói is megtalálhatók. 1897-ben a leletek bekerültek a Moszkvában található Birodalmi Orosz Történeti Múzeumba (mai neve: Állami Történeti Múzeum), s jelenleg is itt vannak kiállítva. A vorobjovkai sírt a 20. század eleje óta rendszeresen megemlítik a magyar őshazakutatással foglalkozó munkákban. Ebben a tanulmányban a szerző a sír régészeti kontextusát vizsgálja, és ún. magyar típusú leleteket mutat be a Középső-Don vidékéről. Ezenkívül elkülöníti egymástól a szláv borsevői kultúra és a szaltovo-majaki kultúra lelőhelyeit, amelyek egyidősek lehetnek a vorobjovkai sírral, és értékeli a sír párhuzamaiként említhető leleteket.

В 1895 году у слободы Воробьевки Богучарского уезда Воронежской губернии, в карьере, использовавшемся для строительства железной дороги, было обнаружено погребение человека, сопровождавшееся костями лошади¹ (рис. 1).

В погребении находился разнообразный инвентарь (рис. 2–4). В архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилось письмо воронежского губернатора от 29 мая 1895 г. в Императорскую археологическую комиссию,

* Воронежский государственный университет, 394018 Россия, г. Воронеж, Университетская площадь 1, mvcibin@yandex.ru

¹ ОАК 1895, 54–55, рис. 106–110.

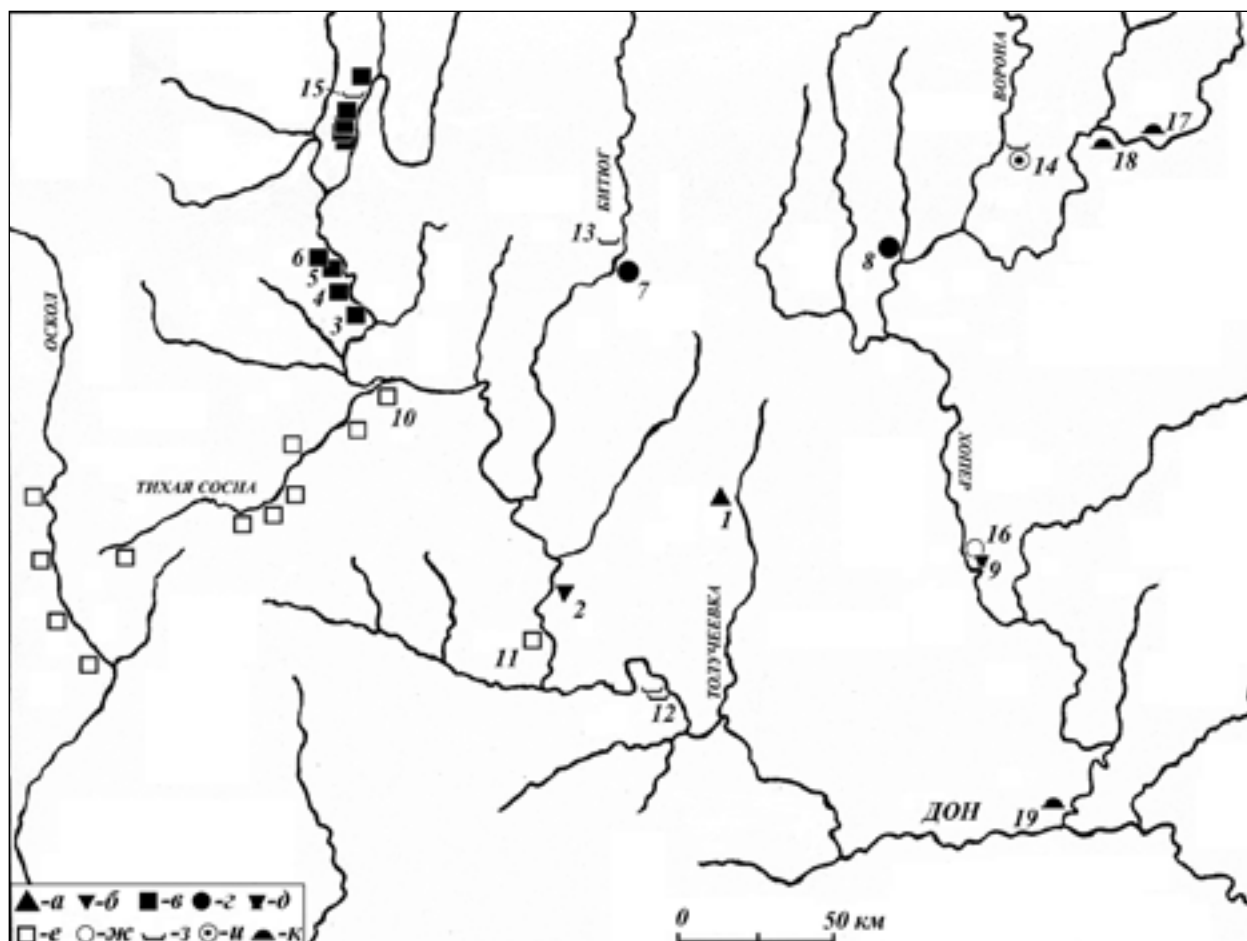

Рис. 1. Карта расположения некоторых археологических памятников IX–X вв. в Среднем Подонье

1. kép. Térkép néhány 9–10. századi Középső-Don-vidéki régészeti lelőhely elhelyezkedéséről

a: Воробьевское погребение; б: Случайная находка вещей «мадьярского круга»; в: Городище славянской боршевской культуры; г: Селище славянской боршевской культуры; д: Славянское трупосожжение; е: городище салтово-маяцкой культуры; ж: Селище салтово-маяцкой культуры; з: Ямное погребение салтово-маяцкой культуры; и: Святилище-лабиринт; к: Погребение печенежско-огузского круга

a: A vorobjovkai sír; б: A magyar típusú leletkörbe tartozó szórványlelet; в: A szláv borsevői kultúrához tartozó erődített település; г: A szláv borsevői kultúrához tartozó település; д: Szláv hamvasztásos temetkezés; е: A szaltovo–majaki kultúrához tartozó erődített település; ж: A szaltovo–majaki kultúrához tartozó erődített település; з: A szaltovo–majaki kultúrához tartozó gödörsíros temetkezés; и: Labirintus jellegű áldozóhely; к: Besenyő–oгуz típusú temetkezés

1: Воробьевское погребение; 2: Село Русская Буйловка; 3: Городище Титчиха; 4: Архангельское городище; 5: Малое Боршевское городище; 6: Большое Боршевское городище; 7: Поселение «Дрониха»; 8: Село Васильевка; 9: Хутор Ендовский; 10: Маяцкое городище; 11: Село Нижний Карабут; 12: Хутор Тихий Дон; 13: Село Старая Тойда, урочище Монастырка; 14: Село Власовка; 15: Погребение на III Чертовщком городище; 16: Хутор Ендовский; 17: Деревня Никольевка; 18: Село Лесное (Свинуха); 19: Станица Букановская

1: A vorobjovkai sír; 2: Russzkaja Bujlovka település; 3: Tyitcsiha erődített település; 4: Arhangelszkoje erődített település; 5: Maloje Borsevo erődített település; 6: Bolsoje Borsevo erődített település; 7: Dronyihа település; 8: Vasziljevka falu; 9: Jendovszkij-tanya; 10: Majaki erődített település; 11: Nyizsnyij Karabut falu; 12: Tyihij Don-tanya; 13: Monasztirka nevű dűlő Sztaraja Tojda falu közelében; 14: Vlaszovka falu; 15: Temetkezés a csertovici III. erődített településről; 16: Jendovszkij-tanya; 17: Nyikoljevka falu; 18: Lesznoje falu (Szinuha); 19: Bukanovszkaja sztanyica

содержащее перечень вещей, найденных в погребении. В архивном деле находятся и их фотографии.² В 1897 г. вещи Воробьевского погребения поступили на хранение в Императорский Рос-

сийский исторический музей (сейчас – Государственный исторический музей). В настоящее время они экспонируются в этом музее.³ Вещи из погребения неоднократно публиковались.⁴

² Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.1. 1895. Д.63. ЛЛ. 3–5.

³ Зал 8, витрина «Русь и печенеги», № хранения коллекции 105/416, описание 832.

⁴ Седов 1987, табл. С118, рис. 1–5, 6–8, 11; Комар 2011, рис. 1; ERDÉLYI 2008, fig. 43–44.

В состав погребального инвентаря входили: сабля (длина сохранившейся части – 46,5 см) (рис. 3. 6), две серебряные оковки скоб ножен (рис. 2. 1), стремя (рис. 3. 2), удила с гвоздевидными псалиями (рис. 3. 1), семь железных наконечников стрел (рис. 4. 1–7), петля от колчана (рис. 3. 4), железное кольцо (рис. 3. 3), серебряный перстень со вставкой из темного камня и четырьмя захватами (рис. 2. 8), поясной набор: серебряные пряжка (рис. 2. 3) и наконечник ремня (рис. 2. 2), девять серебряных бляшек трех типов (рис. 2. 4–6); бубенчик (рис. 2. 7), а также 22 фрагмента тонких серебряных пластин разного размера (до 7 × 6 см) и фрагмент серебряной пластины с орнаментом. В упомянутом письме воронежского губернатора, в составе погребального инвентаря, названы два наконечника копья, которые фигурируют и в научных публикациях.⁵ Но их изображений нет в архивном деле, отсутствуют они и в музейной коллекции. Скорее всего, наконечниками копий названы два наиболее крупных наконечника стрел.

Это погребение с начала XX в. постоянно упоминается в работах исследователей по проблеме поиска прародины венгров. Сводка интерпретаций этого комплекса содержится в исследованиях А. В. Комара.⁶ Одни исследователи Воробьевское погребение связывают с древними венграми (Е. А. Халикова, И. Эрдели, В. В. Седов, В. А. Иванов, Е. П. Казаков, П. П. Толочко, О. М. Приходнюк, Е. В. Круглов), другие рассматривают его как салтовское (Ч. Балинт, Л. Ковач, А. В. Комар.). Е. А. Халикова отмечала большое сходство вещей из Воробьевского погребения с вещами из Больше-Тиганского могильника (поясной набор, орнаментальное оформление петель сабли).⁷ Отметим также, не характерную для салтово-маяцкой культуры форму стремени с прогнутой подножкой, нет в погребальном

инвентаре салтовских трехлопастных стрел. Погребение датировалось IX в.⁸

Для интерпретации Воробьевского погребения целесообразно рассмотреть его археологический контекст: какие памятники в Среднем Подонье могли быть ему синхронны? Необходимость оценки «местных связей и контекста археологических находок», связываемых с древними венграми, отмечалась исследователями.⁹

Рассматриваемое погребение найдено в бассейне р. Толучеевка (левый приток р. Дон), на территории лесостепной провинции Среднерусской возвышенности (Калачский овражно-балочный южно-лесостепной район), в 30 км юго-восточнее начинается степная Среднерусская провинция (рис. 1).

На правом берегу р. Дон, южнее устья р. Воронеж, в IX–X вв. находились укрепленные поселения и курганные могильники донских славян (боршевская культура). Раскопками изучались Большое и Малое Боршевские городища, Боршевский курганный могильник, Архангельское городище (Хохольский район Воронежской области), городище Титчиха (Лискинский район Воронежской области).¹⁰ Возникновение этой группы памятников, по мнению А. З. Винникова, может относиться к VIII в.¹¹ Расстояние от Воробьевского погребения до самого южного городища Титчиха составляет около 135 км (рис. 1).

А. Н. Москаленко предполагала наличие контактов донских славян и древних венгров. Исследовательница высказала мысль о том, что первые укрепления на городище Титчиха «появились в связи с венгерской опасностью». ¹² На славянских городищах были найдены некоторые вещи «мадьярского круга». На Архангельском городище обнаружены две круглые бронзовые с позолотой бляхи с изображением «древа жизни», которое окаймлялось двойным бордюром.

⁵ Седов 1987, 237.

⁶ Комар 2011; Комар 2013.

⁷ Халикова 1976, 155.

⁸ Халикова 1976, 155; по А. В. Комару – салтовский горизонт III: Комар 2011, 68.

⁹ Тюрк 2012.

¹⁰ Последнее обобщение материалов раскопок этих памятников см. Винников 1995.

¹¹ Винников 1995, 105–109.

¹² Москаленко 1972, 196.

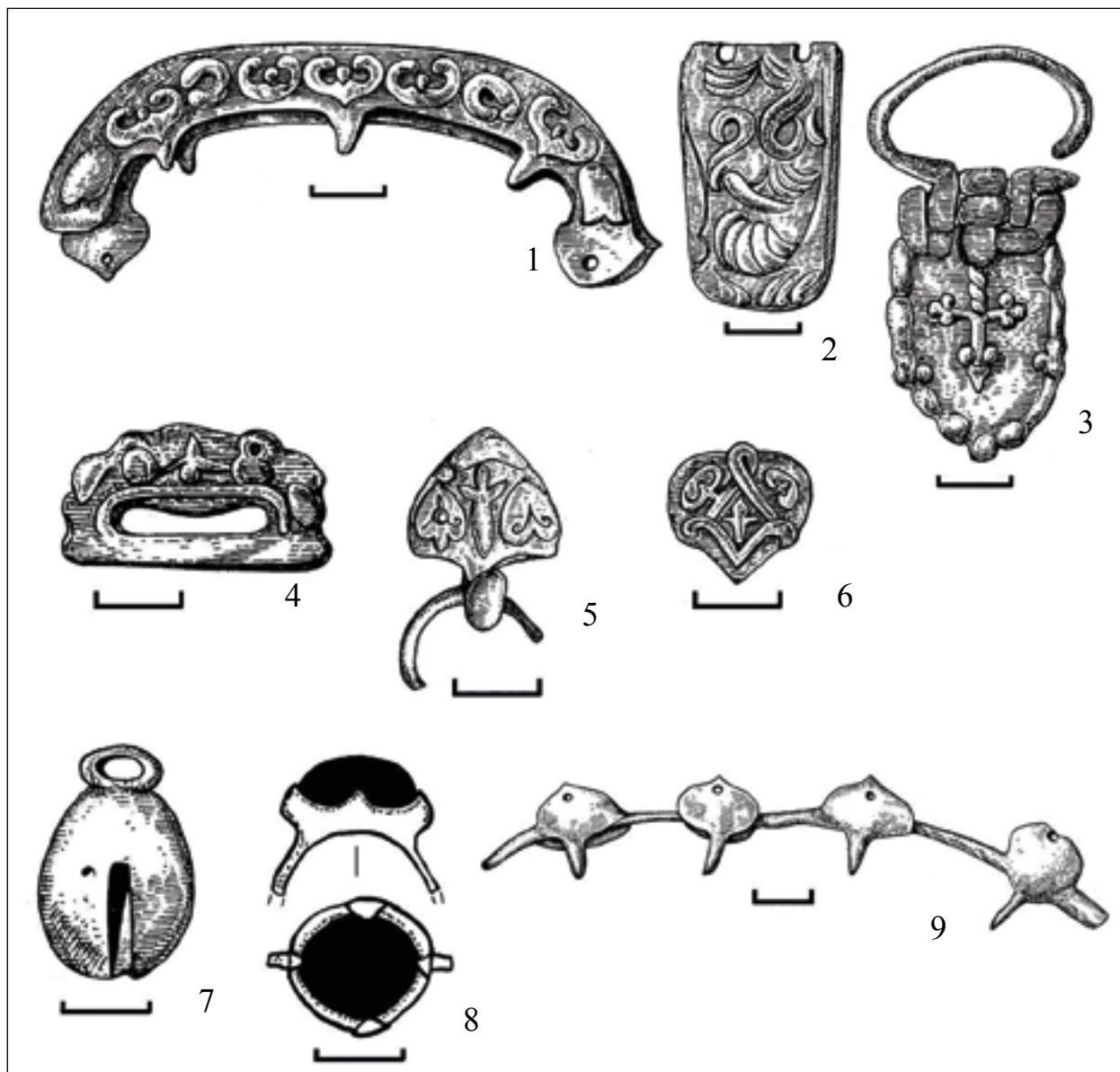

Рис. 2. Воробьевское погребение. 1–9: Инвентарь (по Седов 1987, табл. СШ, рис. 1–6, 7, 9); 3: Серебряная пряжка имеет язычок (см. первое воспроизведение: ОАК 1897, 54, рис. 106; Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4); 5: Кольцо у бляшки первоначально было целым (ОАК 1895, 55, рис. 110; Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4); 9: Серебряная «окантовка» состояла из двух частей (см. Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4). 4: 1 экземпляр; 5: 2 экземпляра; 6: 6 экземпляров

2. kép. 1–9: A vorobjovkai sír mellékletei (Седов 1987, табл. СШ, рис. 1–6, 7, 9 alapján); 3: Ezüstcsat, pecékkel (ld. az első rekonstrukcióját: ОАК 1897, 54, рис. 106; Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4); 5: A veret karikacsüngője eredetileg ép volt (ОАК 1895, 55, рис. 110; Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4); 9: Az ezüst ujjelosztó markolatveret eredetileg két részből állt (ld. Архив ИИМК. Ф.1. 1895. Д.63. Л. 4). 4: 1 példány; 5: 2 példány; 6: 6 példány

Диаметр блях 43–44 мм, толщина около 1 мм. На оборотной стороне находились штифты для крепления (сохранился один). В процессе использования в бляхах пробиты отверстия¹³ (рис 5. 1–2).

Одна из блях хранится в Воронежском областном краеведческом музее¹⁴ (рис. 5. 1а). Абсолютно аналогичные бляхи происходят из коллекции Б. И. Ханенко.¹⁵

¹³ Москаленко 1956, рис. 37; Винников 1995, рис. 22. 9–10.

¹⁴ Воронежский областной краеведческий музей, № 4693/1.

¹⁵ Последнюю публикацию см. Комар 2011, рис. 3. 10, 11.

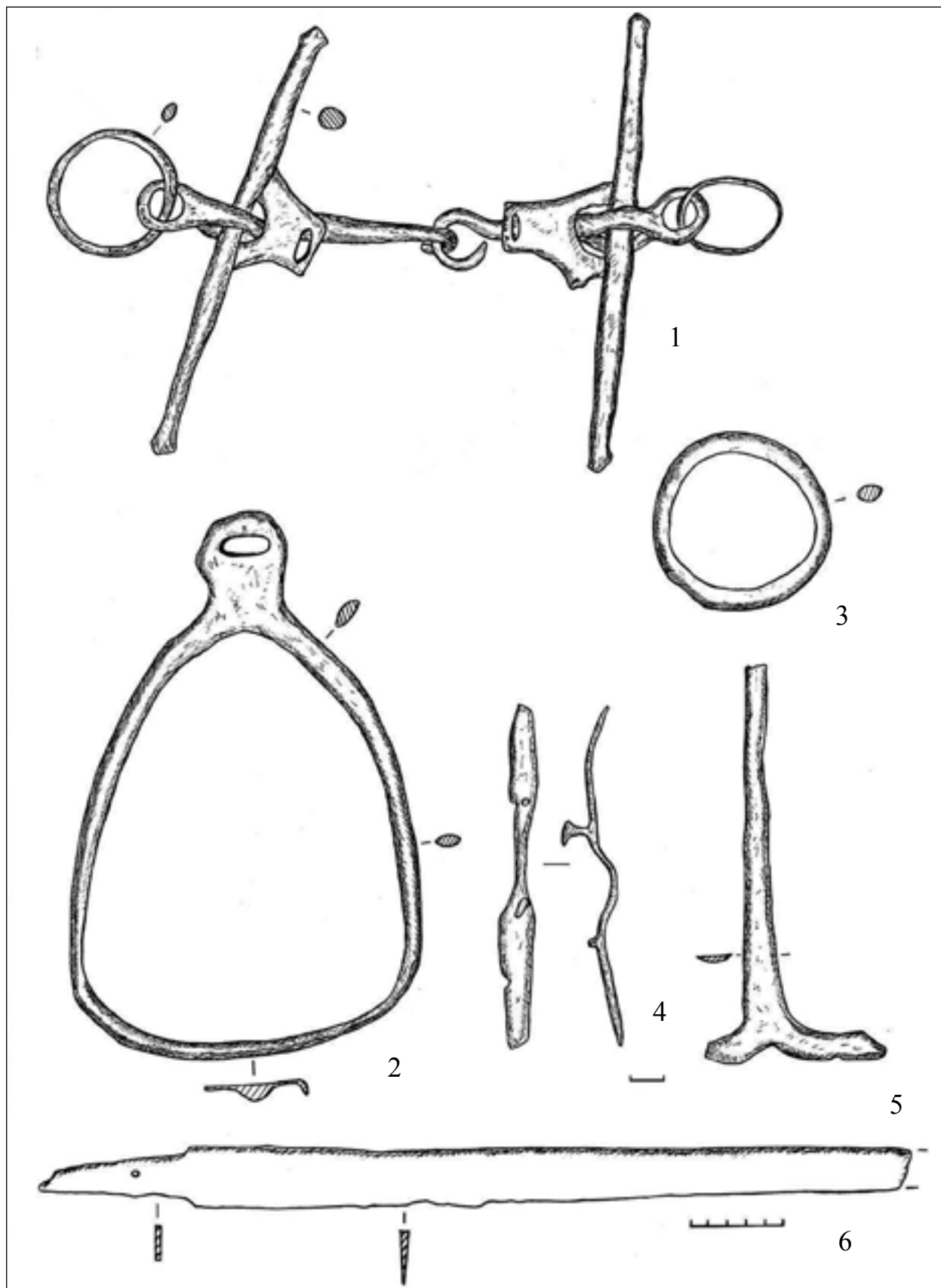

Рис. 3. Воробьевское погребение. 1–6: Инвентарь
3. кёр. 1–6: A vorobjovkai sír mellékletei

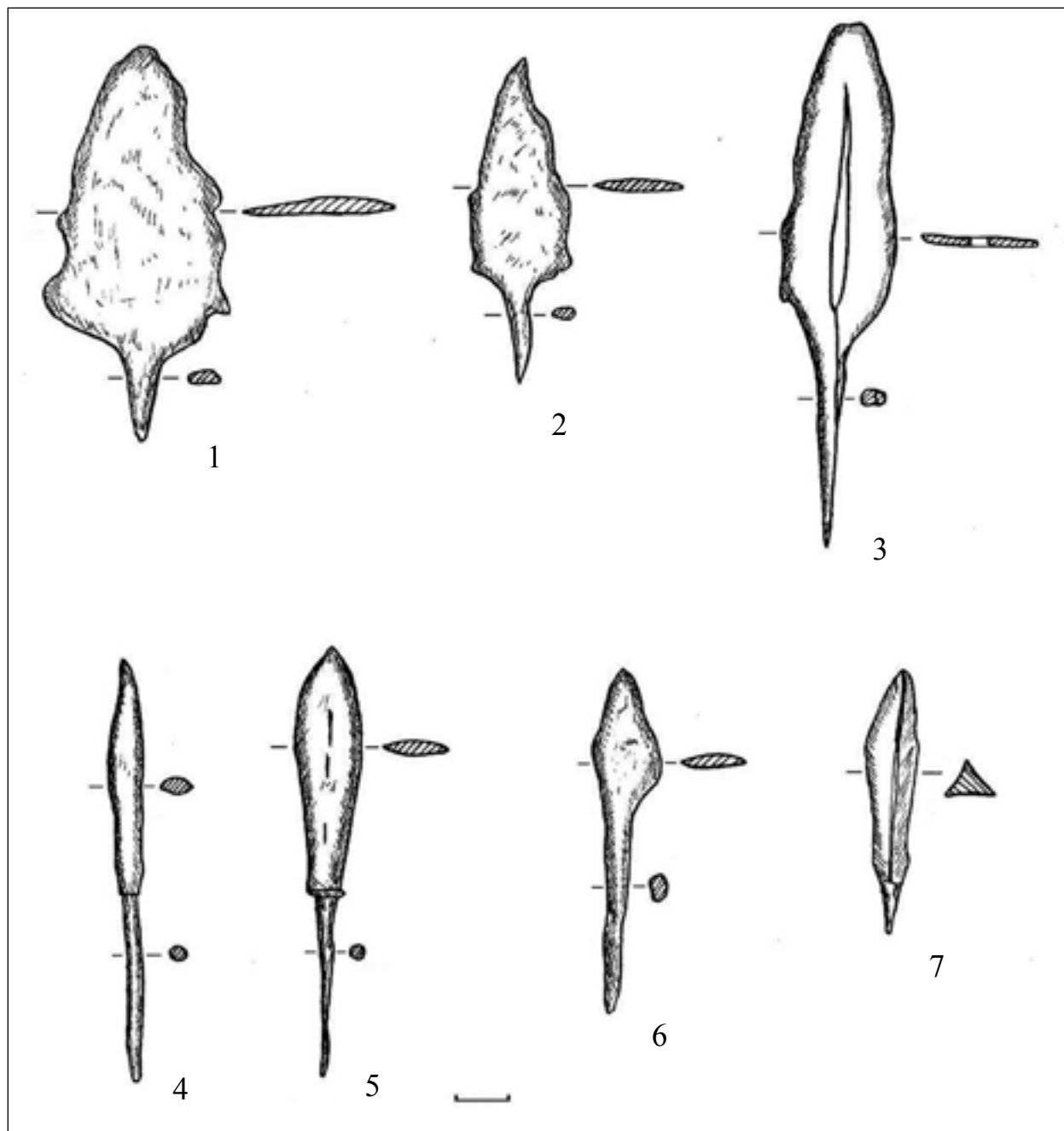

Рис. 4. Воробьевское погребение. 1–7: Инвентарь
4. kép. 1–7: A vorobjovkai sír mellékletei

На Большом Боршевском городище, в полуземлянке №5 найдена бронзовая с позолотой бляшка (рис. 5. 3). В первой публикации данная находка описывается так: «Это круглая, вернее, округлошестиугольная, выпуклая бляшка с рельефными украшениями в виде розетки по

середине, с отходящими от нее звездообразно тремя лепестками в форме сердца и выпуклой каймой по краю. Два отверстия у края являются дефектом отливки; кое-где на поверхности бляшки сохранились следы позолоты. С обратной стороны по краям имеются три стержень-

ка, с помощью которых бляшка прикреплялась к ремню». ¹⁶ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков обратили внимание на аналогии данной бляшке в венгерских памятниках. На территории Восточной Европы они отметили две аналогичные находки: в Балымерском курганном могильнике (в 20 км к югу от Болгара) и в Киеве, в районе Десятинной церкви. ¹⁷ Аналогичные бляшки с цепочкообразным бордюром (по терминологии И. Фодора) от уздечных ремней широко представлены в венгерских материалах X в. ¹⁸

Следует отметить, что вещи «мадыарского круга» выделены исследователями на славянских городищах в Доно-Днепровском междуречье: Новотроицкое городище на р. Псел (уздечная накладка-тройник и две бляшки-тройчатки), ¹⁹ городище «Кудеярова гора» на р. Сейм (поясной набор: наконечник и 13 бляшек). ²⁰ Есть версия о разгроме угро-мадыарами Новотроицкого городища и принадлежности последним кремационных погребений, выявленных на этом памятнике. ²¹

Возвращаясь к территории Среднего Подонья, необходимо отметить зафиксированный в результате археологических исследований процесс освоения донскими славянами левобережья Среднего Дона. В результате раскопок поселения Дрониха на левом берегу р. Битюг у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области были изучены три полуземлянки, в заполнении которых найдена характерная славянская лепная керамика. ²²

Славянский лепной горшок с остатками кремации найден на р. Хопер у хут. Ендовский Алексеевского района Волгоградской области. ²³ Поселение со славянской керамикой зафиксировано на р. Карачан у с. Васильевка Грибановского района Воронежской области. Необходимо иметь в виду движение славянского населения

Рис. 5. Вещи «мадыарского круга». 1–2: Архангельское городище (МОСКАЛЕНКО 1956, рис. 37);

3: Большое Боршевское городище (по ЕФИМЕНКО–ТРЕТЬЯКОВ 1948, рис. 22)

5. kép. Magyar típusú leletek. 1–2: Arhangelszkoje erődített település (МОСКАЛЕНКО 1956, рис. 37);

3: Bolsoje Borsevo erődített település (ЕФИМЕНКО–ТРЕТЬЯКОВ 1948, рис. 22)

¹⁶ ЕФИМЕНКО–ТРЕТЬЯКОВ 1948, 55, табл. IX. 11, рис. 22.

¹⁷ Публикацию бляшки из кургана 13 Балымерского могильника см. СПИЦЫН 1914, рис. 1. 2; ИЗМАЙЛОВ 2000, рис. 1. 2; ФОДОР 2000, рис. 4. 2.

¹⁸ ФОДОР 2000.

¹⁹ СУПРУНЕНКО–КУЛАКОВА–ПРИЙМАК 1999, 24–25.

²⁰ ШПИЛЕВ 2010, 254–255, рис. 8. 14–17.

²¹ ПРИЙМАК 1998, 97–98.

²² ВИННИКОВ–СИНЮК–ЦЫБИН 1995.

²³ АФАНАСЬЕВ 1985, 92, рис. 5.

на юг по течению Дона. Славянская керамика известна в Саркеле,²⁴ на Нижнем Дону и его притоках изучались славянские поселения.²⁵

На Среднем Дону южнее городища Титчи-ха расположены памятники салтово-маяцкой культуры. Одним из наиболее изученных памятников является Маяцкий археологический комплекс (городище, селище и могильник). Он изучался в 1975, 1977 гг. Советско-Венгерской, а в 1978–1982 гг. Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией.

Отметим, что расстояние от Воробьевского погребения до Маяцкого археологического комплекса составляет около 120 км (рис. 1). В материалах раскопок Маяцкого комплекса вещи «мадьярского круга» исследователями не выделены. Они встречены в катакомбных и грунтовых захоронениях у с. Верхний Салтов в Подонцовье (Волчанский район Харьковской области, Украина). По мнению В. С. Аксенова, эти находки объясняются тесными контактами алано-болгар северо-западной Хазарии с ранне-мадьярскими племенами.²⁶

И. Эрдели обратил внимание на находки у с. Русская Буйловка Павловского района Воронежской области,²⁷ хранящиеся в Воронежском областном краеведческом музее.²⁸ Село находится на левом берегу р. Дон (рис. 1). Речь идет об орнаментированных роговых пластинках. Четыре пластинки имеют щитообразную форму (рис. 6. 1–4). Одна пластина, сохранившаяся практически полностью, имела следующие размеры: высота – 3 см, ширина – 2 см, толщина – 2 мм. В пластине три отверстия для крепления (рис. 6. 1). Еще одна пластина имела размеры: высота – 2,6 см, ширина сохранившейся части – 2,1 см, толщина – 2 мм. В левом верхнем отвер-

стии сохранились остатки железного штифта (рис. 6. 2). Еще одна пластина имела прямоугольную форму. Размеры сохранившейся части – 8 × 2,8 см, толщина 2,5–3 мм. Пластина орнаментирована двумя волнистыми линиями, заключенными в прямоугольную рамку. В сохранившемся отверстии – остатки железного штифта (рис. 6. 5). Интересна частично сохранившаяся круглая пластина с изображением оленя. Диаметр пластины – 4,5 см, толщина – 2–5 мм (рис. 6. 6). Эти находки И. Эрдели предположительно связывает с древними венграми. В этой коллекции есть чумбурный блок с шарнирным соединением рамки с подвижным кольцом (рис. 6. 9).

Пластины обнаружены в районе, где известны памятники салтово-маяцкой культуры.²⁹ Отметим лишь два из них. На правом берегу Дона, несколько ниже по его течению, расположено городище у с. Нижний Карабут (Россошанский район Воронежской области).³⁰ Южнее известно селище и грунтовый могильник у хутора Тихий Дон (Богучарский район Воронежской области)³¹ (рис. 1).

Возвращаясь к Воробьевскому погребению, отметим, что между Хопром и Доном известны отдельные памятники салтово-маяцкого круга.³² Так на р. Хопер обследовалось селище у хут. Ендовский Алексеевского района Волгоградской области.³³ Г. Е. Афанасьев, обобщив сведения о памятниках салтово-маяцкого круга в левобережье Среднего Дона, пришел к выводу об «[...] освоении плодородных речных долин левых притоков Дона с юго-запада, населением Донецко-Донского междуречья».³⁴ В этом районе, как уже отмечалось выше, известны и славянские памятники.

²⁴ ПЛЕТНЕВА 2000.

²⁵ Подробнее см. ПРОКОФЬЕВ 2007.

²⁶ АКСЕНОВ 2011.

²⁷ ЭРДЕЛИ 1984, 22–23; ERDÉLYI 2008, 48. kúp.

²⁸ Воронежский областной краеведческий музей, № 4623.

²⁹ АФАНАСЬЕВ 1987, 181–183, рис. 6.

³⁰ АФАНАСЬЕВ 1987, 101–103, рис. 22, 62, 63.

³¹ ВИННИКОВ–КОВАЛЕВСКИЙ 2007.

³² АФАНАСЬЕВ 1985.

³³ АФАНАСЬЕВ 1985, рис. 2–4.

³⁴ АФАНАСЬЕВ 1985, 90.

Стоит обратить внимание на то, что памятники салтово-маяцкого круга зафиксированы в бассейне реки Ворона (правый приток реки Хопер). Речь идет о подземном святилище-лабиринте у с. Власовка Грибановского района Воронежской области.³⁵ Этот объект исследователи связывают с тюркской этнокультурной средой и датируют IX – началом X вв. В этом же районе изучено погребение, впущенное в курган эпохи бронзы. Оно интерпретируется как древнеболгарское. Предполагается его одновременность святилищу.³⁶

Нельзя не отметить факт проникновения носителей салтово-маяцкой культуры в район поселков славянского населения Среднего Дона и низовий реки Воронеж.³⁷ Об этом красноречиво свидетельствуют не только находки керамики и вещей салтовского круга на славянских памятниках, но и грунтовое ямное погребение на III Чертовицком городище раннего железного века в низовьях р. Воронеж. В составе погребального инвентаря – арабский дирхем 783 или 785 г.³⁸ В этом районе расположена группа славянских городищ и курганных могильников (*рис. 1*).

Необходимо упомянуть, что зоной активных контактов славян и населения салтовской культуры являлся район Северского Донца.³⁹

В Среднем Подонье есть немногочисленные погребения, которые исследователи интерпретируют как печенежско-огузские (Букановская, Никольевка, Свинуха). Причем, одно из них (д. Никольевка, Балашовский район Саратовской области, р. Хопер,) включено И. Эрдели в свод памятников, которые могут иметь отношение к древним венграм.⁴⁰

К северу от границ Среднего Подонья, на р. Цна, изучались мордовские могильники.

Исследователи неоднократно обращали внимание на наличие в погребальном инвентаре вещей «мадьярского круга». Р. Ф. Воронина, предполагала, что во время движения на запад одно из племен мадьяр проходило по территории среднедонецкой мордвы и вступало в контакт с местным населением.⁴¹

Несколько слов о перспективах возможного выявления погребений «мадьярского круга» в Среднем Подонье.

Для памятников типа Субботцев, связываемых с мадьярами, характерны подкурганые и бескурганые погребения.⁴² В качестве хорошо документированного примера подкурганых погребений субботцевского типа, приведем погребения в кургане у с. Дмитровка Полтавской области Украины (низовья р. Псел). В этом кургане наиболее ранние погребения относятся к периоду энеолита – бронзы.⁴³

На левом берегу Волги, на широте Воробьевского погребения, известно Луговское погребение у п. Ровное Саратовской области. Это погребение, как полагают некоторые исследователи, маркирует путь движения мадьяр на запад.⁴⁴ Оно также было впущено в курган эпохи бронзы.

На левобережье Среднего Дона, где находилось Воробьевское погребение, изучены десятки курганов эпохи бронзы, как на водоразделах, так и в поймах рек.⁴⁵ На правобережье Среднего Дона, наряду с курганами эпохи бронзы, активно изучались курганы скифского времени. Но подкурганых погребений субботцевского типа до сих пор не обнаружено, и вероятность их выявления невелика.

Стоит обратить внимание на пойменные участки рек среднедонского бассейна, на которых могли находиться грунтовые могильники

³⁵ Синюк–Березуцкий 1991.

³⁶ Синюк–Березуцкий 1991, рис. 7.

³⁷ Подробнее см. Винников 1990.

³⁸ Медведев 2009.

³⁹ Колода 2015.

⁴⁰ ERDÉLYI 2008, 49. кэр.

⁴¹ Воронина 2005, 107.

⁴² Комар 2011, 60.

⁴³ Супруненко 2007.

⁴⁴ Иванов 1999, 95, рис. 15.

⁴⁵ См. например Синюк 1983; Пряхин–Матвеев 1988.

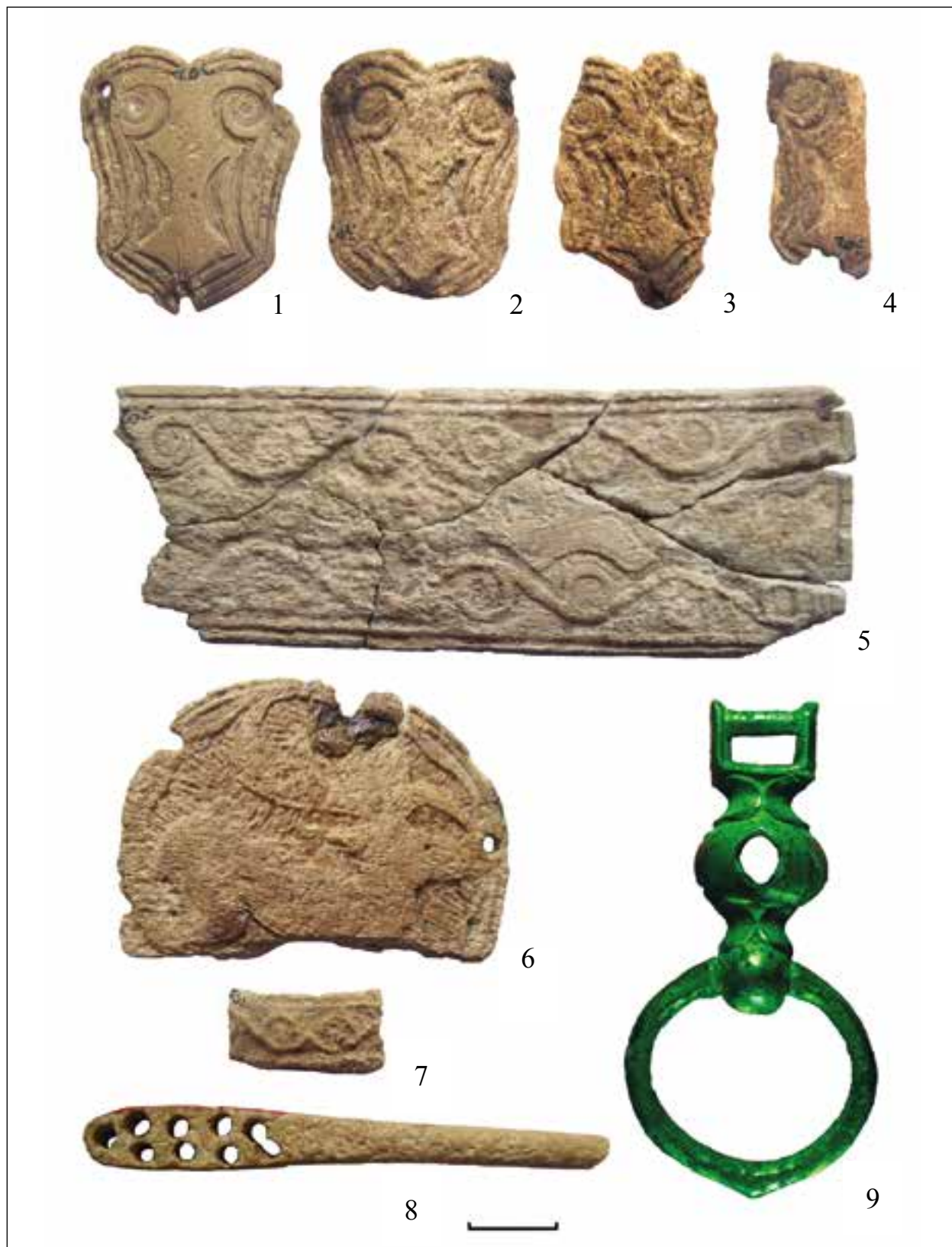

Рис. 6. Случайная находка вещей «мадьярского круга» у с. Русская Буйловка
 6. kép. Magyar típusú szórványleletek Russzkaja Bujlovka település közeléből

длительного накопления. В качестве примера приведу Таганский могильник в левобережной пойме р. Битюг у с. Лосево Павловского района Воронежской области. Этот могильник наряду с погребениями эпохи бронзы содержал погребения раннего средневековья и XIV в.⁴⁶

Как уже отмечалось выше, в IX–X вв. Среднее Подонье являлось контактной зоной разнотных культур: славян, мордвы, алан, болгар и других. В этом районе проходил сухопутный торговый путь Булгар – Киев, маршрут которого учитывал наиболее удобные ландшафтные ус-

ловия местности. Не исключено, что примерно по этой линии могла осуществляться и миграция населения с востока на запад в раннем средневековье. А. Х. Халиков, изучавший возможный маршрут пути Булгар – Киев непосредственно на местности, писал: «Знали этот путь, очевидно, и древние венгры».⁴⁷

Обратим внимание и на тот факт, что возведенная в XVII в. Белгородская оборонительная черта в Среднем Подонье проходила по линии территориального разграничения славянского и алано-болгарского миров конца I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Архив ИИМК: Архив Института истории материальной культуры РАН

- АКСЕНОВ 2011: Аксенов, В. С.: Новые материалы к вопросу о мадяро-салтовских контактах в Верхнем Подонцовье. В: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Киев 2011, 133–142.
- АФАНАСЬЕВ 1985: Афанасьев, Г. Е.: О культуре донского левобережья середины VIII – начала X в. В: *Историческая этнография*. Ред.: Итс, Р. Ф. Ленинград 1985, 85–93.
- АФАНАСЬЕВ 1987: Афанасьев, Г. Е.: *Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)*. Археологические открытия на новостройках 2. Ред.: Седов, В. В. Москва 1987.
- ВИННИКОВ 1990: Винников, А. З.: Контакты донских славян с алано-болгарским миром. *Советская археология* 1990:3, 124–137.
- ВИННИКОВ 1995: Винников, А. З.: *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века)*. Воронеж 1995.
- ВИННИКОВ–КОВАЛЕВСКИЙ 2007: Винников, А. З. – Ковалевский, В. Н.: Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон Воронежской области. *Хазарский альманах* 6 (2007) 51–64.
- ВИННИКОВ–СИНЮК–ЦЫБИН 1995: Винников, А. З. – Синюк, А. Т. – Цыбин, М. В.: Средневековые материалы с поселения «Дрониха». В: *Средневековые памятники Поволжья*. Ред.: Матвеева, Г. И. Самара 1995, 130–138.
- ВОРОНИНА 2005: Воронина, Р. Ф.: Южные и степные влияния в культуре среднеднепровской мордвы VIII–XI вв. *Краткие сообщения Института археологии* 218 (2005) 98–108.
- ЕФИМЕНКО–ТРЕТЬЯКОВ 1948: Третьяков, П. Н. – Ефименко, П. П.: *Древнерусские поселения на Дону*. Отв. ред.: Греков, Б. Д. Москва 1948.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.
- ИЗМАЙЛОВ 2000: Измайлов, И. Л.: Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение. В: *Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции*. Ред.: Хузин, Ф. Ш. 2000, 190–206.
- КОЛОДА 2015: Колода, В. В.: Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском донце: этнокультурный аспект. *Поволжская археология* 2015:4, 54–91.

⁴⁶ Матвеев–Цыбин 2004.

⁴⁷ Халиков 1992, 17.

- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяры в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Киев 2011, 21–78.
- КОМАР 2013: Комар, А. В.: Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 182–231.
- МАТВЕЕВ–ЦЫБИН 2004: Матвеев, Ю. П. – Цыбин, М. В.: *Таганский грунтовой могильник*. Воронеж 2004.
- МЕДВЕДЕВ 2009: Медведев, А. П.: Салтовское погребение на реке Воронеж. *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»* 1 (2009) 83–89.
- МОСКАЛЕНКО 1956: Москаленко, А. Н.: Раскопки на Архангельском городище в 1952–1953 гг. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 62 (1956) 84–94.
- МОСКАЛЕНКО 1972: Москаленко, А. Н.: Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Москва 1972, 189–196.
- ОАК 1895: *Отчет Археологической комиссии за 1895 год*. Санкт-Петербург 1897.
- ПЛЕТНЁВА 2000: Плетнёва, С. А.: О заселении славянами Саркела-Белой Вежи. *Археология восточноевропейской лесостепи: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья* 14 (2000) 82–98.
- ПРИЙМАК 1998: Приймак, В. В.: Ямні поховання городища Новотроїцького. *Археологія* 1998:2, 93–100.
- ПРОКОФЬЕВ 2007: Прокофьев, Р. В.: Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье. *Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона* 2 (2007) 215–239.
- ПРЯХИН–МАТВЕЕВ 1988: Пряхин, А. Д. – Матвеев, Ю. П.: *Курганы эпохи бронзы Побитюжья*. Воронеж 1988.
- СЕДОВ 1987: Седов, В. В.: Венгры в Восточной Европе. В: *Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Ред.: Седов, В. В. Москва 1987, 236–239.
- СИНЮК 1983: Синюк, А. Т.: *Курганы эпохи бронзы Среднего Дона: Павловский могильник*. Воронеж 1983.
- СИНЮК–БЕРЕЗУЦКИЙ 1991: Синюк, А. Т. – Березуцкий, В. Д.: Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт. *Советская археология* 1991:3, 250–261.
- СПИЦЫН 1914: Спицын, А. А.: Венгерские вещи X века в России. *Известия Археологической комиссии* 53 (1914) 107–110.
- СУПРУНЕНКО 2007: Супруненко, О. Б.: *Курган з угорським некрополем у пониззі Псла*. Київ–Полтава 2007.
- СУПРУНЕКО–КУЛАКОВА–ПРИЙМАК 1999: Супрунеко, А. – Кулакова, И. – Приймак, В.: Венгерское погребение с юга Полтавщины. *Finn-Ugrica* 1999:1, 23–27.
- ТЮРК 2012: Тюрк, А.: *Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр)* 2012: <http://repository.enu.kz/handle/123456789/8174> (дата обращения: 08.12.2018).
- ХАЛИКОВ 1992: Халиков, А. Х.: Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев). В: *Путь из Булгара в Киев*. Ред.: Халиков, А. Х. Казань 1992, 12–20.
- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- ФОДОР 2000: Фодор, И.: Древневенгерские аналогии накладки из раскопок Казанского Кремля. В: *Средневековая Казань: возникновение и развитие*. Ред.: Хузин, Ф. Ш. Казань 2000, 59–67.
- ШПИЛЕВ 2010: Шпилев, А. Г.: Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.). *Stratum plus* 5 (2010) 221–273.
- ЭРДЕЛИ 1984: Эрдели, И.: Венгры на Дону. В: *Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. Ред.: Плетнёва, С. А. Москва 1984, 20–25.
- ERDÉLYI 2008: Erdélyi I.: *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest 2008.

АШ-ТИГОРЫ НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАН
КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ В I ТЫС. Н.Э.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ КОРОБОВ*

Ключевые слова: аланы, Северный Кавказ, система расселения, раннее средневековье
Kulcsszavak: alánok, Észak-Kaukázus, településhálózat, kora középkor

Дмитрий Сергеевич Коробов

Аш-тигоры на пути к государственности – эволюция системы расселения северокавказских алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э.

Исследование является по сути первой попыткой детально рассмотреть эволюцию системы расселения аланского населения Кисловодской котловины на протяжении I тыс. н.э. на основе использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии (landscape archaeology). Проведенный анализ пространственного распространения поселений, связываемых с аланским населением Кисловодской котловины I тыс. н.э., и моделирование окружающих их ресурсных зон позволяет проследить переход от цепи пограничных укреплений, возникших во II–IV вв. н.э., к дисперсной системе расселения, характерной для V–VIII вв. В этот период Кисловодская котловина, скорее всего, представляла собой типичное для некоторых стран Северной Европы племенное «королевство», связываемое письменными источниками этого времени с аланским племенным образованием аш-тигоров. В последующую эпоху (X–XII вв.) происходит значительная концентрация населения в крупных поселенческих центрах, напоминающих средневековые города, что является отражением постепенного складывания государственного образования – средневековой Алании.

Dmitrij Szergejevics Korobov

Az as-tigorok az államiság felé vezető úton. A Kaukázus északi előterében, a Kiszlovodszk-medencében élő alánok településhálózatának fejlődése a Kr. u. I. évezredben

Ez a kutatás lényegében az első kísérlet arra, hogy áttekintést kapjunk a Kiszlovodszk-medencében élt alán népesség településhálózatának fejlődéséről a Kr. u. I. évezredben. A szerző ehhez alapvetően a térinformatika (GIS) és a tájrégészet módszerét alkalmazza. A Kiszlovodszk-medencében az I. évezredben élt alán népesség településhálózatának vizsgálatát célzó kutatás, illetve a térség természeti adottságainak modellezése lehetővé teszi a régészetileg dokumentálható események részletesebb leírását. Nyomon követhető az átmenet a 2–4. század között épített határ menti erődrendszer és az 5–8. századra jellemző széttagolt településhálózat között. Ebben az időszakban valószínűleg a Kiszlovodszk-medencében is az egyes észak-európai országokra jellemző törzsi 'királyság' működött. Ezt a politikai szerveződést a kortárs írott források az alán törzsek közé tartozó as-tigorokkal hozzák összefüggésbe. A következő időszakban (10–12. század) jelentős mértékben koncentrálódott a népesség a nagyobb településközpontokban, amelyek így a klasszikus középkori városokra emlékeztetnek. Ez pedig egyértelműen az Alánia néven ismert középkori állam folyamatos fejlődésére utal.

* Институт археологии РАН, 117036 г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, dkorobov@mail.ru

Предлагаемое на суд читателю исследование является по сути первой попыткой детально рассмотреть эволюцию системы расселения аланского населения Кисловодской котловины на протяжении I тыс. н.э. на основе использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии (*landscape archaeology*) – мультидисциплинарного подхода, изучающего разные аспекты взаимодействия человека и среды его обитания.¹ В последнее время появилось немало работ в этом ключе, направленных на изучение системы расселения и хозяйствования средневекового населения в разных регионах России и Украины.²

Широкие инструментальные возможности в подобных исследованиях дают географо-информационные системы и данные дистанционного зондирования, а также методы пространственного ГИС-анализа.³ Первые шаги в адаптации подобных методов в отечественной археологии были предприняты Г. Е. Афанасьевым при изучении поселений алан в Кисловодской котловине.⁴ Настоящая работа по сути продолжает заложенные основы изучения особенностей системы расселения I тысячелетия н.э. в этом микрорегионе,⁵ толчком которому послужили методические приемы 1980–1990-х гг., разрабатывавшиеся Г. Е. Афанасьевым на материалах поселений лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры.⁶

Кисловодская котловина не случайно стала полигоном для отработки подобных методов. Этот уникальный в природном отношении уголок Кавказских Минеральных Вод по праву считается наиболее изученным в археологическом отношении микрорегионом Северного Кавказа. Полевые

работы, ведущиеся более ста пятидесяти лет археологами и местными краеведами,⁷ привели к накоплению большого количества информации о памятниках Кисловодской котловины, которая была фактически удвоена в процессе работы над первой в России археолого-географической информационным системой (АГИС) «Кисловодск», выполнявшейся автором в стенах Института археологии РАН под руководством Г. Е. Афанасьева в 1996–2000 гг.⁸ На начало нашего тысячелетия в этой окруженной горами котловине на площади около 1150 кв. км стало известно более 900 археологических памятников разных эпох и культур (*рис. 1*). Первичный анализ их пространственного распределения дает общее представление об этапах заселения Кисловодской котловины от энеолита до современности.⁹

Значительная часть археологических памятников Кисловодской котловины (более трети), известных на сегодняшний день, относится к I тыс. н.э. и может быть связана с аланским населением Северного Кавказа, прежде всего, исходя из широкого распространения погребений в катакомбах Т-образного типа, являющихся, по мнению большинства исследователей, своеобразной «визитной карточкой» аланской культуры на протяжении тысячи лет – с первых веков н.э. до эпохи монгольских завоеваний.¹⁰ В последнее время это представление получает подтверждение в новейших антропологических исследованиях, в том числе в ходе изучения древнего ДНК.¹¹ Таким образом, Кисловодская котловина, как никакой другой северокавказский регион, дает прекрасные возможности для изучения системы расселения алан в Центральном Предкавказье в I тыс. н.э.

¹ ASTON 1985; ONE LAND 2001; STEUER 2001; DAVID–THOMAS 2008.

² МАКАРОВ–ЗАХАРОВ–БУЖИЛОВА 2001; МАКАРОВ–ФЕДОРИНА–ШПОЛЯНСКИЙ 2013; АЛЕШИНСКАЯ И ДР. 2008; КРЕНКЕ 2011; АФАНАСЬЕВ–ДОБРОВОЛЬСКАЯ–БОРИСОВ 2012; КОЛОДА–ГОРЬБАНЕНКО 2010.

³ КОРОБОВ 2011.

⁴ АФАНАСЬЕВ–КИСЛОВ–ЧЕРНЫШЕВ 2002; АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004, 50–88.

⁵ КОРОБОВ 2012; КОРОБОВ 2012; КОРОБОВ 2012а; КОРОБОВ 2013; КОРОБОВ 2017.

⁶ АФАНАСЬЕВ 1987; АФАНАСЬЕВ 1993.

⁷ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004, 9–49.

⁸ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004, 60–62.

⁹ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004; REINHOLD–КОРОБОВ 2007; КОРОБОВ 2013а.

¹⁰ КУЗНЕЦОВ 1962, 13–14; КУЗНЕЦОВ 1992, 37–42; АФАНАСЬЕВ 1992; КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 151–152; МАЛАШЕВ 2008, 273–275; ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009, 146–149.

¹¹ АФАНАСЬЕВ И ДР. 2014; АФАНАСЬЕВ И ДР. 2015; БЕРЕЗИНА–ФРИЗЕН–КОРОБОВ 2014; DE BARROS DAMGAARD ET AL. 2018.

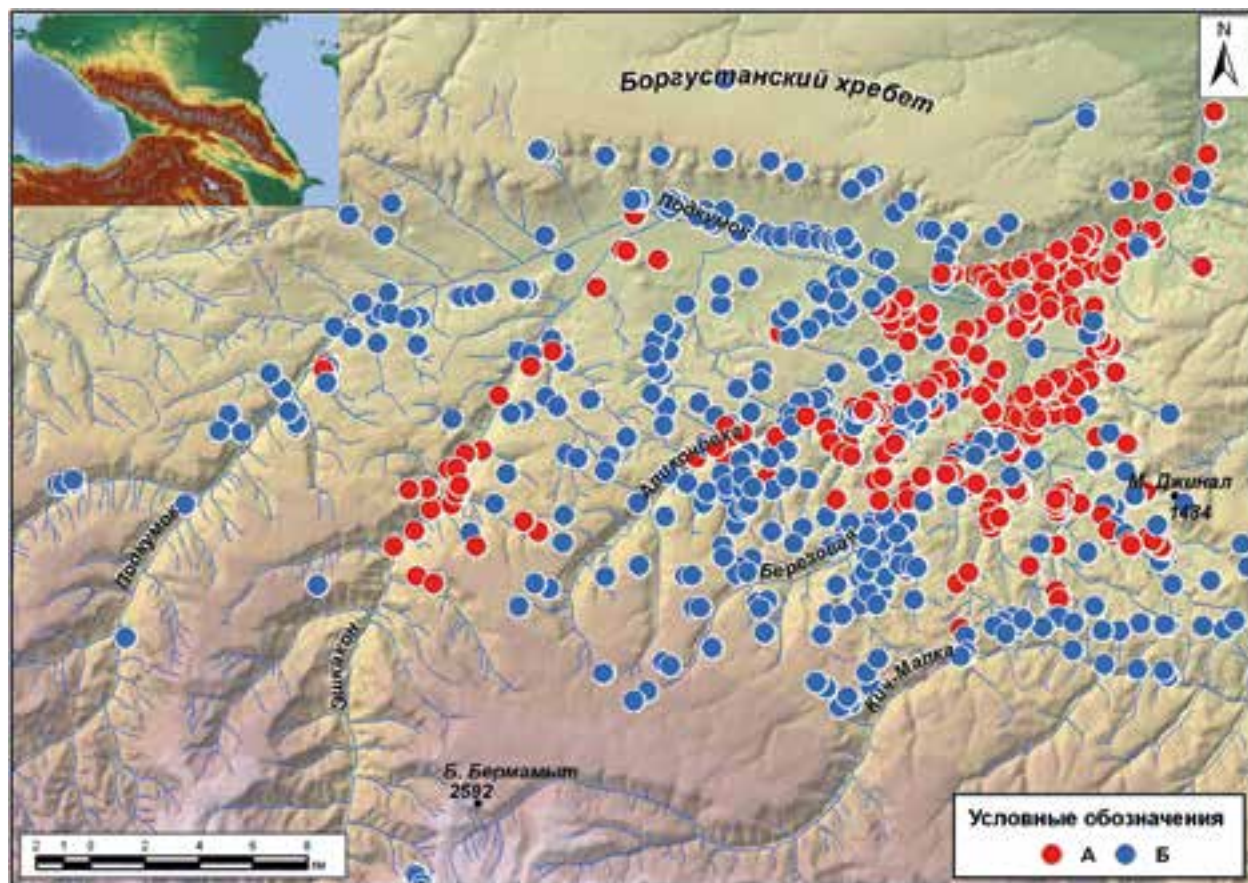

Рис. 1. Степень исследовательности археологических памятников Кисловодской котловины. А: известные к 1996 г.; Б: открытые с 1996 г.

1. kép. Térkép a Kiszlovodszk-medence régészeti lelőhelyeinek kutatottságáról. А: 1996-ig ismert lelőhelyek; Б: 1996 óta feltárt lelőhelyek

Пространственное распространение поселенческих памятников по всей территории Кисловодской котловины вплоть до высот в 1500–1800 м над уровнем моря позволяет утверждать, что все они располагались в условиях, пригодных для ведения комплексного хозяйства – скотоводства и пахотного земледелия. Этот вывод подкрепляется результатами палеоклиматического ГИС-моделирования, проведенного с помощью специального модуля, созданного коллективом географов, климатологов и археологов под руководством Г. Е. Афанасьева.¹² Однако, способы обработки земли менялись с течением времени и существенно влияли на систему расселения. Ключ к пониманию некоторых закономерностей в системе расселения обитателей Кисловодской

котловины в разные времена дали почвенно-археологические исследования, проводимые нами с 2005 г. совместно с А. В. Борисовым, результаты которых были недавно опубликованы в виде монографии.¹³

При изучении особенностей расселения населения Кисловодской котловины и использования ими окружающих ландшафтов в I тыс. н.э. опора сделана на памятники, связанные с бытовой жизнедеятельностью алан – укрепленные и неукрепленные поселения. Современные знания о них еще скромны, поэтому в качестве отправной точки для анализа предлагается разделить весь имеющийся массив данных на несколько классов согласно топографическим особенностям. Так, 153 укрепления были разделены на

¹² Афанасьев–Кислов–Чернышев 2002, 74–75; Афанасьев–Савенко–Коробов 2004, 78–80; Борисов–Коробов 2013, 25–60.

¹³ Борисов–Коробов 2013; Коробов–Borisov 2013.

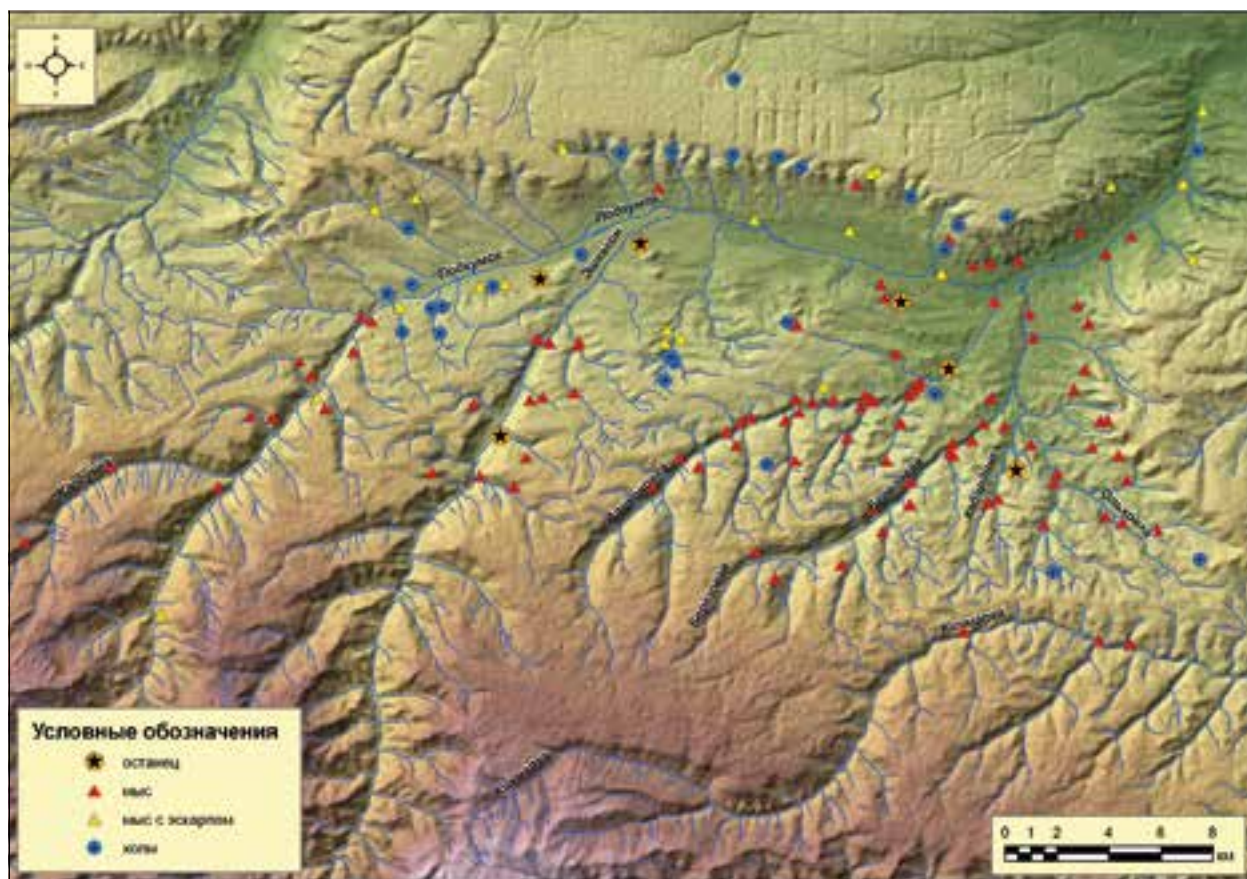

Рис. 2. Карта распространения укреплений разных типов в Кисловодской котловине в I тыс. н.э.
2. kép. A Kiszlovodszk-medence különböző típusú erődítményeinek elterjedése (Kr. u. I. évezred)

четыре класса по их расположению на останцах, скальных мысах, мысах с эскарпированными склонами и на холмах-возвышенностях (рис. 2). 131 поселение также разделено на четыре класса: поселения на мысах, плато, склонах и речных террасах (рис. 3). Однако, достоверными местами обитания, пространственно отстоящими от укреплений, может считаться лишь 29 открытых поселений, на которых присутствуют развалины архитектурных сооружений, выходы культурного слоя, обильный подъемный материал. Остальные памятники, выделенные в качестве поселений по находкам керамики на поверхности, представляют собой, скорее, ресурсную пахотную зону вокруг укреплений или места мусорного сброса с них. Таким образом, в работе используются данные со 182 укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котло-

вины I тыс. н.э. На большинстве из них проводились работы разведочного характера, и лишь два укрепления (городище Указатель и Горное Эхо) подвергались систематическим раскопкам, результаты которых опубликованы в обобщенном виде.¹⁴ Однако, авторские детальные разведки 2001–2013 гг., включающие инструментальную топоъемку, шурфовку и ограниченные раскопки на 61 памятнике (43 укрепления, 9 поселений и 9 могильников), систематический сбор подъемного материала, почвенно-археологические и геофизические обследования, позволяют составить более глубокое представление о поселениях I тыс. н.э. в Кисловодской котловине.

Проведя классификацию укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котловины и рассмотрев особенности их пространственного расположения, степень близости к

¹⁴ КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 125–129; АРЖАНЦЕВА 2007, 76–84.

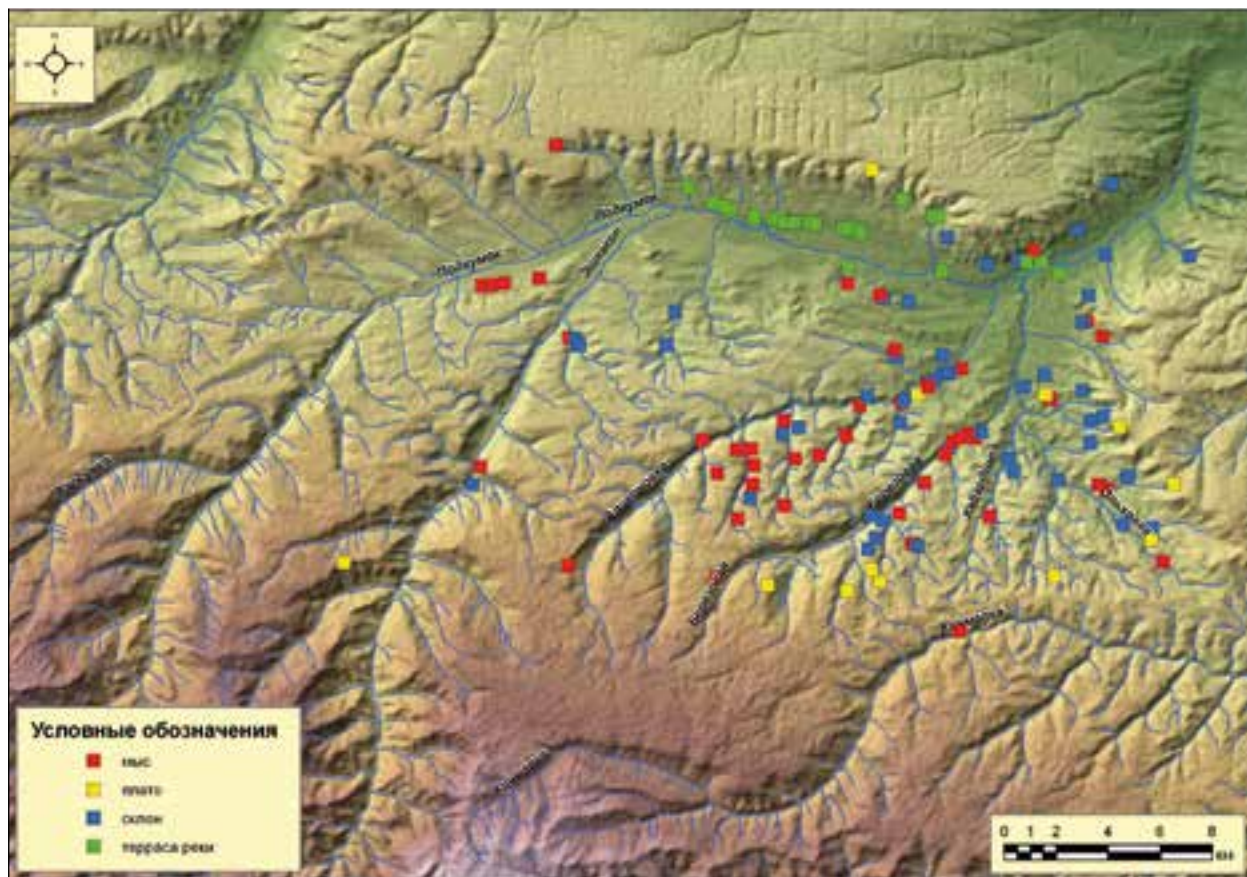

Рис. 3. Карта распространения поселений разных типов в Кисловодской котловине в I тыс. н.э.
 3. kép. A Kiszlovodszk-medence különböző típusú településeinek elterjedése (Kr. u. I. évezred)

источникам водоснабжения, уровень обзора местности с укреплений и поселений разных классов, а также соотношение в пространстве с известными грунтовыми могильниками и имеющиеся данные о керамике, индивидуальных находках и радиоуглеродных датах углей и костей животных из шурфов и подъемного материала, можно предварительно разделить весь массив поселений на две хронологические группы. К первой относятся укрепленные поселения, расположенные на мысах с эскарпированными склонами и на холмах (возвышенностях), а также неукрепленные поселения на речных террасах, где чаще встречается материал, датирующийся первой половиной I тыс. н.э. (рис. 4). Находки керамики и металлических предметов, радиоуглеродные даты, а также сопровождающие поселения погребальные памятники второй половины I тыс. н.э. более характерны для каменных крепостей на останцах и скальных мысах, а также для открытых поселений на мысах,

плато и склонах (рис. 5). Очевидно, что поселенческим памятникам этих двух хронологических периодов присущи разные особенности в системе расселения. При этом, не исключено, что в отдельных случаях жизнь на поселениях первого хронологического периода не ограничивалась рамками раннего этапа аланской культуры (II–IV вв. н.э.). Аналогично, некоторые ранне-средневековые поселения могли возникнуть раньше рассматриваемого второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.) и закончить свое существование позже обозначенных временных рамок. Тем не менее, анализируя особенности расселения населения Кисловодской котловины как системы, представляется возможным пренебречь некоторой детализацией, для которой, к тому же, порой не хватает информации в силу слабой изученности поселенческих памятников изучаемого микрорегиона.

Изучение системы расселения аланского населения Кисловодской котловины проводилось

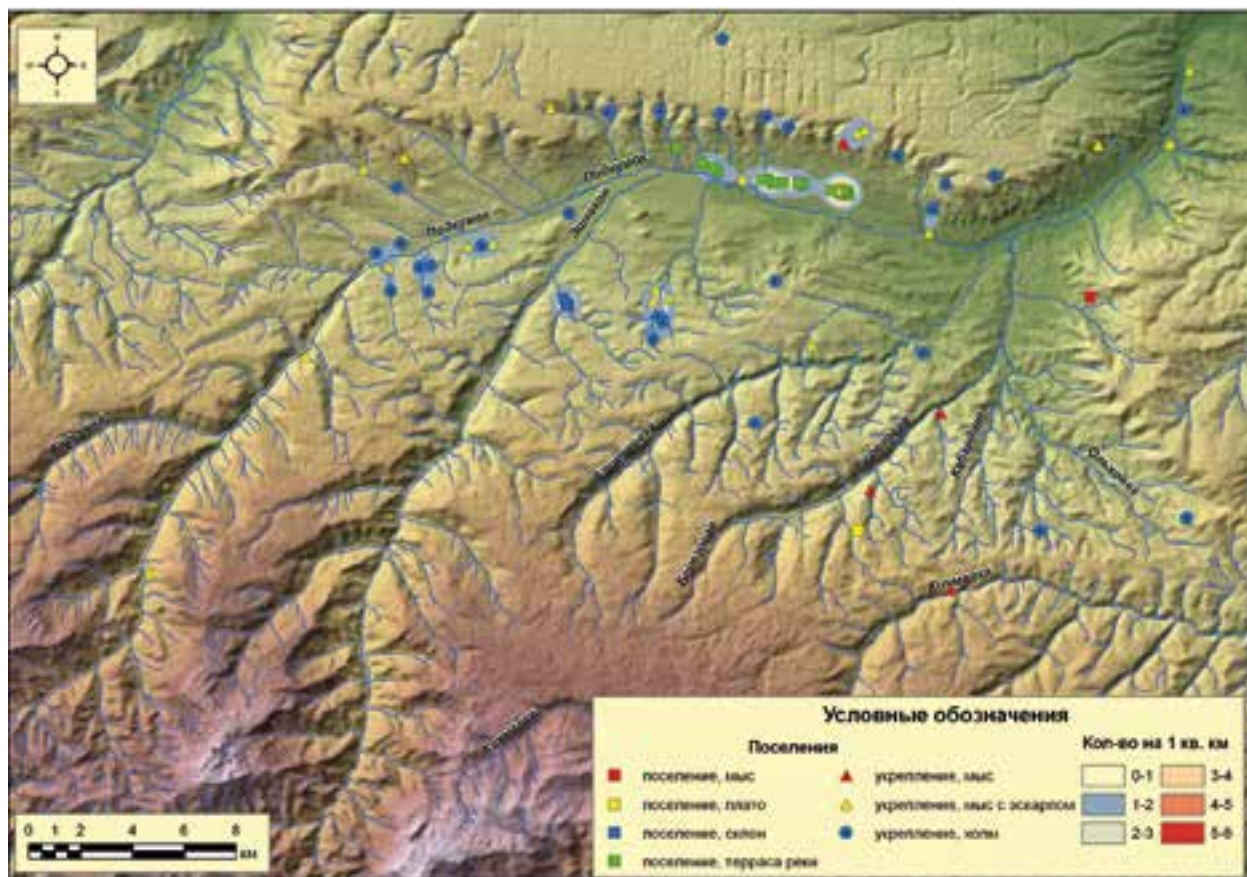

Рис. 4. Карта плотности поселений Кисловодской котловины первого хронологического периода (II–IV вв. н.э.)
4. kép. A Kiszlovodszk-medence településhálózatának sűrűsége az első kronológiai szakaszban (Kr. u. 2–4. század)

при помощи методов пространственного ГИС-анализа, который рассматривается подробнее в ряде опубликованных работ.¹⁵ Проведенный анализ пространственного распространения поселений, связываемых с аланским населением Кисловодской котловины I тыс. н.э., и моделирование окружающих их ресурсных зон позволяет сделать следующие предварительные выводы об эволюции системы расселения алан в рассматриваемый период. Первым этапом данного расселения стало появление во II–IV вв. н.э. цепочки открытых поселений, сопровождаемых немногочисленными укреплениями в виде «земляных городищ» и цепью наблюдательных постов на холмах и возвышенностях (рис. 4). В этот период поселения носили пограничный характер и, ско-

рее всего, маркировали своеобразный «лимес» – южную границу распространения раннего этапа аланской культуры, соприкасающуюся с местным сарматизированным населением «предаланской» культурной группы (памятники типа «Подкумок–Хумара» по В. Ю. Малашеву¹⁶). Некоторые из небольших городищ сопровождались участками пахотных террас, аналогичными западноевропейским линчетам, появившимися в ходе распашки с применением тяжелых пахотных орудий типа плуга. Вопрос о времени возникновения данных наделов остается дискуссионным, но степень вероятности отнесения подобных наделов к первой половине I тыс. н.э. весьма высока. В пользу данного предположения говорят находки керамики этого времени в

¹⁵ КОРОБОВ 2012; КОРОБОВ 2013.

¹⁶ ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009, 157.

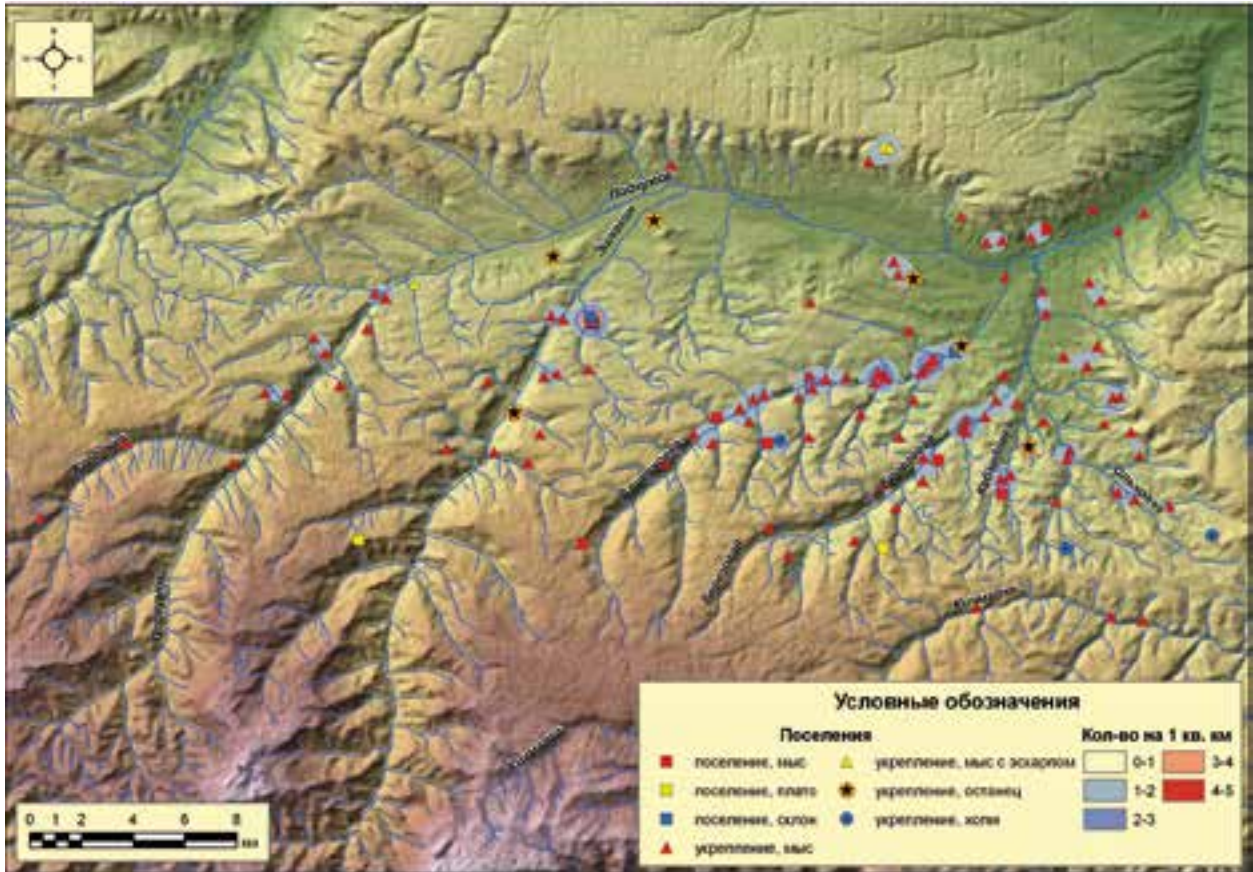

Рис. 5. Карта плотности поселений Кисловодской котловины второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.)
5. kép. A Kiszlovodszk-medence településhálózatának sűrűsége a második kronológiai szakaszban (Kr. u. 5–8. század)

почвенных разрезах, а также европейские аналогии, приводимые некоторыми авторами.¹⁷

Степень изученности поселений раннего этапа аланской культуры в Кисловодской котловине не позволяет сделать каких-либо глубоких выводов. Налицо сочетание как отдельных небольших поселений, так и их агломераций, сконцентрированных в разных местах, т.е. двух моделей расселения – концентрированной (*nucleated*), включающей в себя несколько домохозяйств – и рассеянной (*dispersed*), представляющей отдельные домохозяйства, разбросанные по территории.¹⁸ Проведенные расчеты показали, что потенциальная ресурсная зона пахотного земледелия вокруг поселений II–IV вв., которые могут быть связаны с аланским населением, способна прокормить в совокупности от 2000 до

2700 человек (рис. 6). Это население занимало ограниченную территорию на северной границе Кисловодской котловины площадью около 140–150 кв. км, что дает нам достаточно высокую плотность населения в 14–18 чел. на кв. км. На поселениях в Воровских Балках, которые нельзя однозначно связать с памятниками раннего этапа аланской культуры, могло располагаться еще 350–500 человек. Речь идет, однако, лишь о том потенциальном количестве народа, которое могло прокормиться с окрестных угодий, а не о моделировании реального числа обитателей этих поселений.

Таким образом, скорее всего, высокая концентрация укрепленных поселений первого хронологического этапа вдоль основной водной артерии микрорегиона – р. Подкумок – отражает

¹⁷ WHITTINGTON 1962, 120; BRADLEY 1978, 267; MÜLLER-WILLE 1979, 213; FOWLER 1983, 177; FRIES 1995, 134, 152.

¹⁸ ROBERTS 1996, 19–23, fig. 2.1.

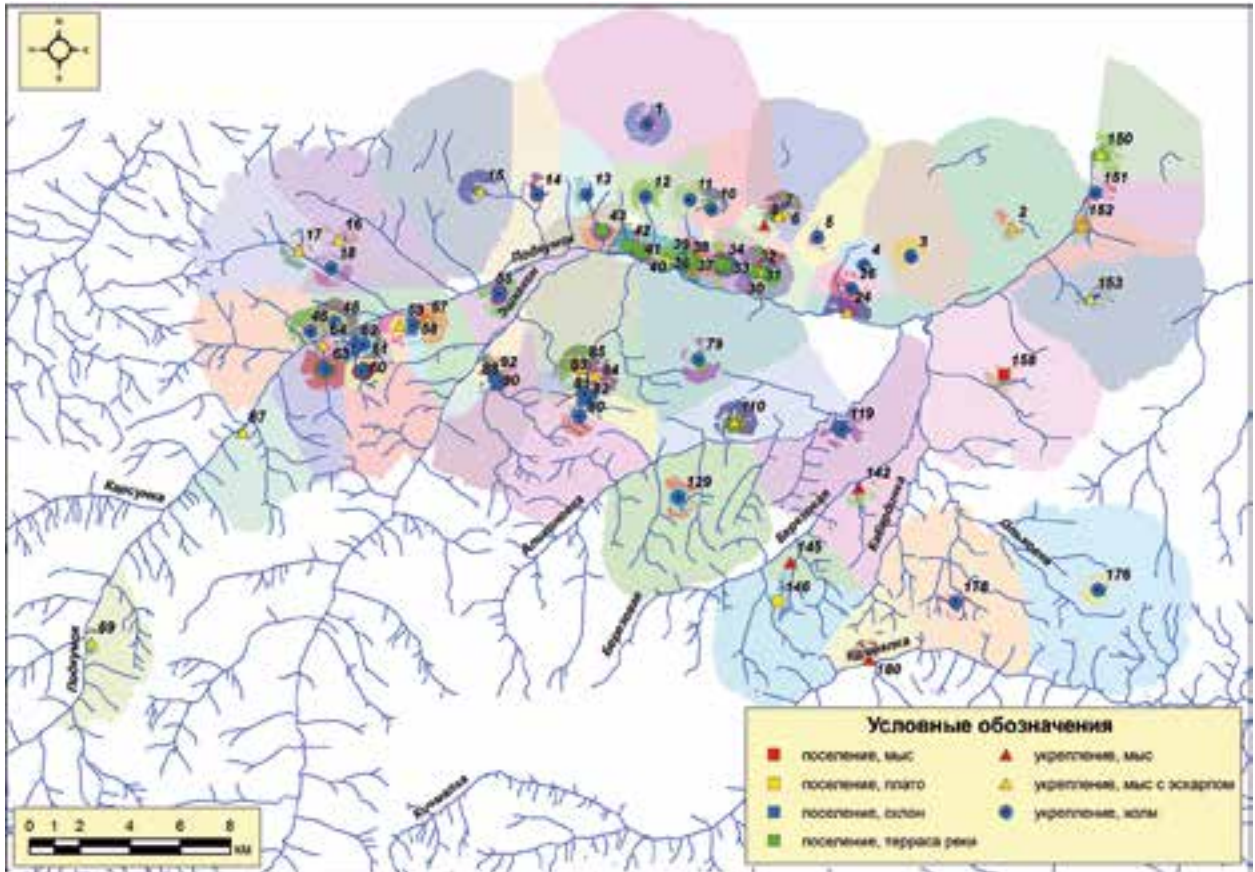

Рис. 6. Результат пространственного анализа потенциальных ресурсных зон вокруг поселений Кисловодской котловины первого хронологического периода (II–IV вв. н.э.) с выделением минимальных и максимальных потенциальных пахотных угодий

6. kép. A Kiszlovodszk-medence első kronológiai periódusából (Kr. u. 2–4. század) származó települések környezetének potenciális természeti erőforrásait vizsgáló elemzés eredménye, külön kiemelve a földművelésre minimálisan és maximálisan alkalmas területeket

ситуацию первичного освоения новой территории аланским населением во враждебном или полувраждебном окружении, когда основывается цепь пограничных поселений на северных рубежах Кисловодской котловины, призванных контролировать окрестные ресурсные зоны, пути сообщения и пограничные области с инокультурным населением. Подобная ситуация, очевидно, возникла не позднее середины III в. н.э. и продолжалась до рубежа IV–V вв., когда появляются новые поселения во внутренних территориях изучаемого микрорегиона, а система расселения претерпевает значительные изменения.

В последующий период, начиная с конца IV в. н.э., происходит широкое расселение алан по всей территории Кисловодской котловины, на которой они обитают вплоть до середи-

ны VIII в. Памятники раннего Средневековья плотно занимают практически всю территорию Кисловодской котловины, поднимаясь на высоту до 1800 м и более. Основное их количество лежит в нижнем и среднем течении Подкумка и его притоков (рис. 5). Как правило, места обитания аланского населения представляют собой небольшие (до 0,5 га) укрепленные поселения на краю скальных мысов, к которым прилегают ровные пространства с плодородными земельными участками, за которыми следуют склоны делювиальных холмов, зачастую используемые для устройства катакомбных захоронений. Имеется некоторое количество неукрепленных поселений со следами проживания в виде сохранившихся на поверхности развалов каменных построек. Отдельные поселения достигают весьма крупных размеров

– например, поселение Зубчихинское 3, имеющее площадь около 3,8 га, на котором обнаружено 47 каменных развалов от строений¹⁹ или останцовое укрепление Горное Эхо площадью в 1,3 га с предполагаемым количеством населения в 300–400 чел.²⁰ Примечательны укрепления на скальных останцах, очевидно, выполнявшие роль центральных поселений котловины в эпоху раннего Средневековья.²¹ В некоторых случаях в моделируемую зону пахотных угодий попадают участки земледелия с межевыми стенками (так называемые «кельтские поля»), обнаруженные нами в окрестностях поселений V–VIII вв. н.э. Зубчихинское 1 и 3, Кич-Малка 1, Медовое Правобережное 1, Подкумское 6. Очевидно, именно такие наделы были основной формой земельных участков аланского населения Кисловодской котловины в рассматриваемый период.²²

Таким образом, основная масса поселений этого периода представляет собой небольшие патристические поселки – места обитания семейных кланов из 1–5 семейств²³, расположенных внутри ресурсной зоны, способной прокормить данные коллективы (рис. 7). Подобная ситуация говорит о рассеянной модели расселения, предполагающей высокую степень автономности социальных коллективов и, следовательно, низкий уровень иерархии и социального развития.

Однако наблюдается постепенный процесс складывания элит и выделения политических центров. В V–VIII вв. формируется несколько центров власти, связанных скорее всего с останцовыми укреплениями (Рим-Гора, Центральное Эшкаконское, Клин-Яр, Горное Эхо, Кугульское), а также с укреплением Лермонтовская Скала 1 и поселением Зубчихинское 3 (рис. 8), где в сопровождающих укреплениях могильниках наблюдается концентрация предметов роскоши, выделение участков с элитными захоронениями родственников, использование специфических погребальных сооружений для

подчеркивания высокого социального статуса. Данные поселения являются более крупными по размерам, на них прослеживаются следы особенных архитектурных сооружений. И все же данных о поселениях по-прежнему недостаточно для более подробной характеристики картины постепенного складывания социальных элит в Кисловодской котловине – в основном, для подобного анализа используются материалы могильников.²⁴ Тем не менее, уже сейчас очевидно, что в окрестностях Кисловодска имеются раннесредневековые поселения, выглядящие неординарно на фоне остальных, и что наиболее вероятный центр политической власти в Кисловодской котловине находился на городище Горное Эхо.

Вывод об автономности многочисленных поселений V–VIII вв. подкрепляется результатами пространственного ГИС-анализа, согласно которому ресурсная зона вокруг поселений была способна прокормить в зависимости от принятой модели от 300 до 1200 семей, т.е. население, сопоставимое с количеством, которое может быть реконструировано исходя из площади поселений (600 семей) и количества видимых на поверхности построек (450 семей). Установлено, что подсчет количества населения по площади памятников, исходя из расчета в 50 чел./га наилучшим образом соотносится с числом построек, наблюдаемом на них, и примерно в трети случаев (32 из 114) сопоставим с количеством домохозяйств, рассчитанном по минимальным площадям пахотных угодий вокруг поселений. Таким образом, очевидно, что за неимением более точных сведений о поселениях, мы вправе рассчитать количество обитателей Кисловодской котловины исходя из известных площадей раннесредневековых поселений и принимая в качестве нормы плотность населения около 50 чел./га. Исходя из этого, представляется возможным установить ориентировочное

¹⁹ КОРОВОВ 2012а.

²⁰ АРЖАНЦЕВА 2007, 77, 80.

²¹ КОРОВОВ 2012, 49–50.

²² КОРОВОВ 2012а, 211–213; КОРОВОВ–БОРИСОВ 2012, 58–60; КОРОВОВ–BORISOV 2013, 1097–1099; БОРИСОВ–КОРОВОВ 2013, 135–142, 167, 182–183.

²³ АФАНАСЬЕВ 1978.

²⁴ КАЗАНСКИЙ–МАСТЫКОВА 2001; МАСТЫКОВА 2008.

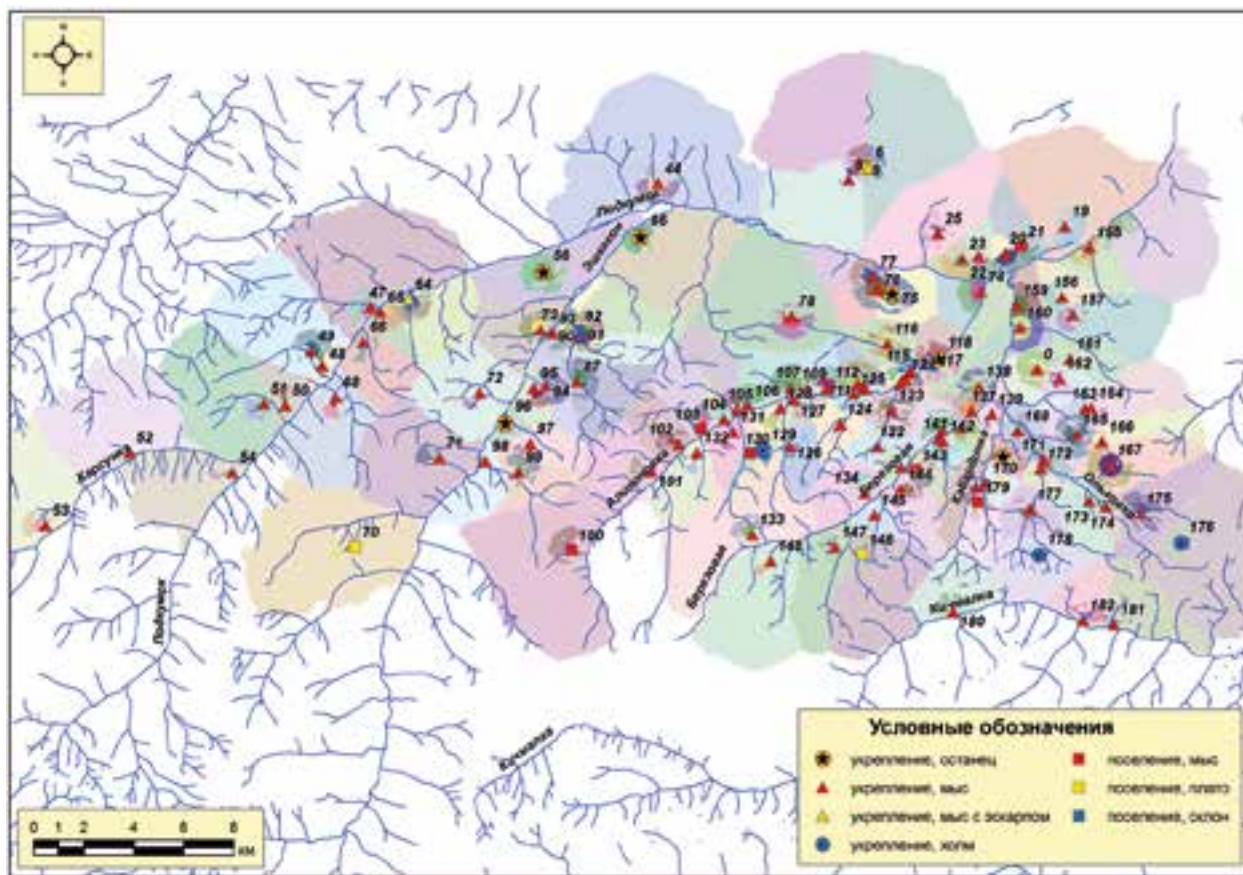

Рис. 7. Результат пространственного анализа потенциальных ресурсных зон вокруг поселений Кисловодской котловины второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.) с выделением минимальных и максимальных потенциальных пахотных угодий

7. kép. A Kislovodszk-medence második kronológiai periódusából (Kr. u. 5–8. század) származó települések környezetének potenciális természeti erőforrásait vizsgáló elemzés eredménye, külön kiemelve a földművelésre minimálisan és maximálisan alkalmas területeket

количество населения Кисловодской котловины в V–VIII вв. примерно в 600 домохозяйств, т.е. 3000–3600 человек. Плотность населения в этом случае составляет от 5,8 до 7 чел. на кв. км, что прекрасно сопоставляется с результатами расчетов франкского населения Южной Германии меровингского времени²⁵, проживавшего в сходных ландшафтных условиях. Данный вывод противоречит сделанным ранее предположениям о так называемом «демографическом взрыве», происходящем в Центральном Предкавказье в середине VI в. и приведшем к резкому увеличению ее населения.²⁶ Скорее речь должна идти об

изменившейся системе расселения, при которой относительно небольшое население равномерно занимает обширные пространства.

Подобная система расселения прослежена на Северном Кавказе в позднем Средневековье и в начале Нового времени, когда в горной зоне Центрального Предкавказья, среди балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев, были широко распространены укрепленные поселки с жилыми и боевыми башнями.²⁷ Кавказскими этнографами отмечаются малые размеры подобных поселений, как правило, состоявших из 1–5 башен и пристроенных к ним жилых и хозяйственных

²⁵ SIEGMUND 1998, 182.

²⁶ КОВАЛЕВСКАЯ 1984, 131–132.

²⁷ РОБАКИДЗЕ 1968; УМАРОВ 1969; КАЛОЕВ 1971, 131–150; КРУПНОВ 1971, 58–79; ГОЛЬДШТЕЙН 1975, 10–51; РОБАКИДЗЕ–ГЕГЕЧКОРИ 1975; ДЖАНДИЕРИ–ЛЕЖАВА 1976; МУЖУХОВЕВ 1977, 19–48; КАЛДАНИ 1986.

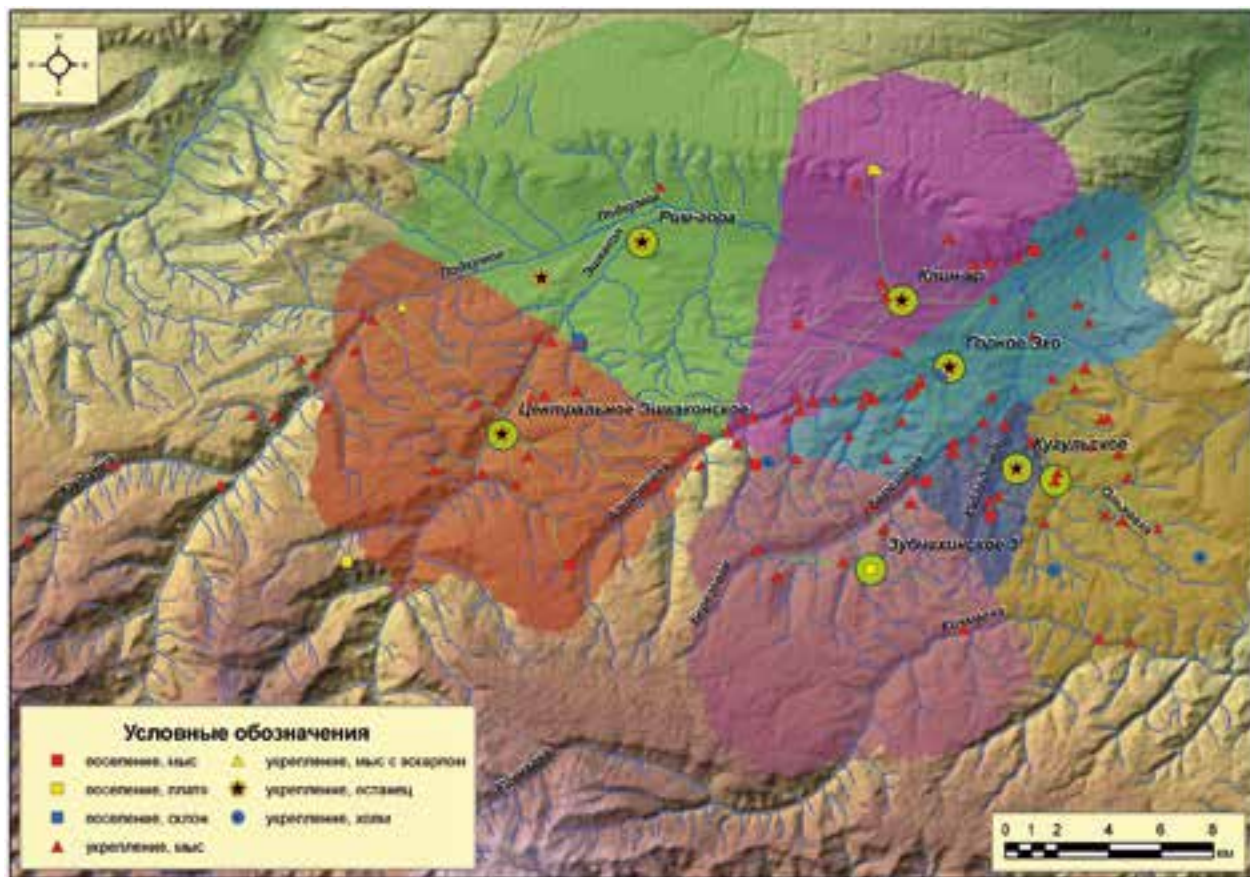

Рис. 8. Результаты анализа потенциальных территорий ответственности центральных поселений Кисловодской котловины V–VIII вв. и моделирование кратчайших путей сообщения с центральных поселений на рядовые поселения
8. kép. A Kislovodszk-medence 5–8. századi központi településeihez tartozó potenciális területek vizsgálatának eredménye és a központi településekről a periférikus településekre menő legrövidebb útvonalak modellezése

помещений, служивших местами обитания небольших патронимических коллективов.²⁸ Интересным представляется вывод о том, что широкое распространение башенных построек говорит о неразвитости социальных отношений в горских обществах.²⁹ Там, где прослеживается господство родовой аристократии и имеются зачатки феодальной власти, где складываются государственные структуры, башенное строительство ограничивается.³⁰ Напротив, оно широко распространено среди так называемых «вольных обществ», не знавших аристократического правления и имевших демократическое устройство.³¹ Таким образом, существование

укрепленных поселений в качестве основного места обитания свидетельствует об определенной неразвитости социальных отношений, однородности общества, объединенного в семейные кланы, зачастую враждовавшие друг с другом, и поэтому вынужденные проживать в укрепленных поселениях.

Если обратиться в сторону европейских аналогий, то наиболее близкую систему расселения можно наблюдать в раннесредневековой Ирландии, где также имеется значительное количество (около 60 тыс.) небольших родовых укрепленных поселков, расположенных внутри малых предгосударственных образований – так называ-

²⁸ Робакидзе 1968, 90–91; Умаров 1969, 170, 175; Робакидзе–Гегечкори 1975, 192; Мужухоев 1977, 32–36.

²⁹ Робакидзе–Гегечкори 1975, 191; Джандиери–Лежава 1976, 78, 117; Мужухоев 1977, 138–139; Калдани 1986, 20–21.

³⁰ Джандиери–Лежава 1976, 78.

³¹ Джандиери–Лежава 1976, 11.

емых «племенных королевств» (староирл. *túath* – в переводе «племя», «народ» или «клан»).³² Размеры ирландского «королевства» VI–VII в., так же как и некоторых англо-саксонских королевств этого времени, вполне сопоставимы с границами Кисловодской котловины. Так, согласно «племенному списку» (*Tribal Hidage*) Англии VII в., размеры королевства лежат в пределах 300–7000 хайдов (единиц площади, с которой способно прокормиться одно домохозяйство; в метрических единицах составляет от 80 до 120 акров или 32–48,5 га), т.е. от 100 до 3500 кв. км.³³ Однако, существует мнение, что в данном источнике под определением «хайд» скрывается не полезная площадь угодий, а количество домохозяйств, обязанных выплачивать подати королю.³⁴ В этом случае мы получаем средние размеры небольших англо-саксонских королевств VI–VII вв. в пределах 300–600 семейств (16 из 34 перечисленных в «племенном списке»), что полностью соответствует предполагаемым размерам аланского социума Кисловодской котловины в рассматриваемого времени.

Таким образом, Кисловодская котловина в эпоху раннего Средневековья, скорее всего, представляла собой типичное для некоторых стран Северной Европы племенное «королевство», связываемое письменными источниками этого времени с аланским племенным образованием аш-тигоров. Это устанавливается в ходе сопоставления анализа некоторых письменных источников, прежде всего, «Армянской географии» VII в. («Ашхарацуйц»), проведенного недавно К. Цукерманом,³⁵ с картой распространения катакомбных могильников V–VIII вв. на Северном Кавказе (рис. 9) и результатами анализа особенностей погребального обряда, позволяющего выделить аланское население Кисловодской котловины в качестве особой племенной группировки. Логика развития по-

добного племенного образования была направлена в сторону постепенного усложнения социальной структуры и укрупнения поселенческих структур.

Однако, процесс поступательного развития аланского раннесредневекового социума в Кисловодской котловине был прерван в середине VIII в., когда памятники алан исчезают из рассматриваемого района примерно на 150–200 лет. Скорее всего, население котловины перемещается на 1000 км севернее и формирует вместе с другими выходцами с Северного Кавказа цепь пограничных поселений Хазарского каганата на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.³⁶ Возвратившееся в котловину в X в. население находится уже на новой ступени социального развития – оно являлось в VIII–IX вв. составной частью крупнейшего раннесредневекового государственного образования Восточной Европы. Наступает новый этап в заселении Кисловодской котловины, связанный с формированием крупных поселенческих центров, расположенных в основном вдоль основного торгового пути по долине Подкумка (рис. 10). Таких центров всего пять (Уллу-Дорбунла, Рим-Гора, Указатель, Кольцо-Гора и Долина Очарования), но они занимают значительные площади от 10 до 130 га и сопровождаются обширными могильниками из катакомб и других погребальных сооружений.³⁷ Очевидно, что перед нами складывающиеся городские центры Аланского государства, находящиеся на основных торговых путях, важность которых уже отмечалась исследователями.³⁸

В окрестностях некоторых памятников X–XII вв. присутствуют следы земледельческой активности – многочисленные надельные в виде узких длинных террас второго типа, аналогичных пахотным террасам (англ. *strip lynchets*). Это установлено в ходе анализа аэрофотосъемки,

³² DAVIES 2005, 240; WICKHAM 2005, 51.

³³ THACKER 2005, 467–477.

³⁴ THACKER 2005, 477.

³⁵ ZUCKERMAN 2000, 531–594; ЦУКЕРМАН 2005, 65–84.

³⁶ АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001, 22–23; КОРОБОВ 2003, 98–99, 116–118.

³⁷ РУНИЧ 1970; РУНИЧ–МИХАЙЛОВ 1976; РУНИЧ–БЕРЕЗИН–САВЕНКО 1983; АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004, 120, 125; КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 125–129.

³⁸ КУЗНЕЦОВ 1992, 227–230; КУЗНЕЦОВ 1993а, 27–30.

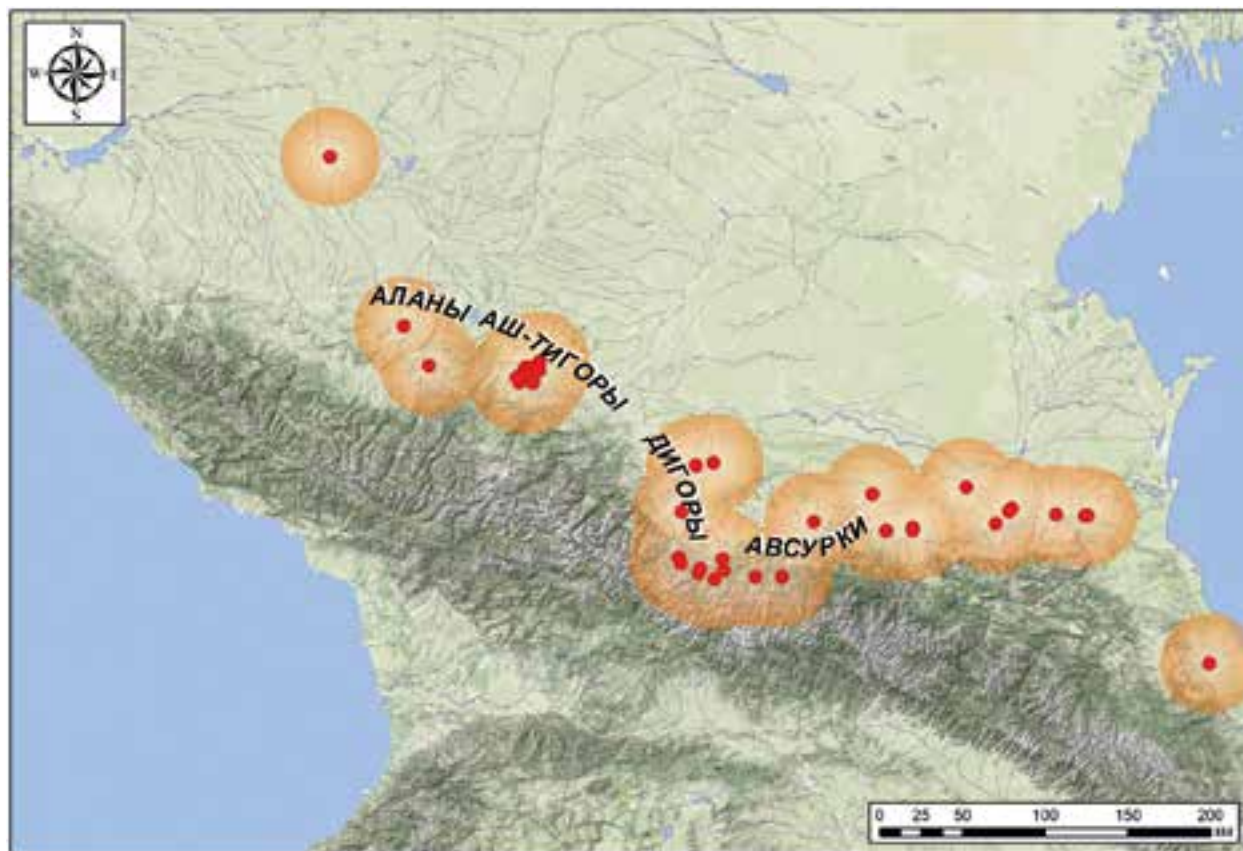

Рис. 9. Сопоставление ареала катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII вв. н.э. с расселением аланских племен по К. Цукерману (2005, рис. 1)

9. kép. Az 5. század második felétől a 8. század első feléig keltezhető kamrasíros temetők elterjedési területének összevetése az alán törzsek C. Zuckerman által rekonstruált (ЦУКЕРМАН 2005, рис. 1) elhelyezkedésével

демонстрирующего, что около 84% участков террасирования второго типа лежит в радиусе 5 км вокруг двух значительных памятников развитого Средневековья – городищ Рим-Гора и Указатель. Подобные наделы могли возникнуть при использовании тяжелого плуга с отвальным механизмом, что, по мнению большинства авторов, свидетельствует об их появлении именно в развитом Средневековье.³⁹ Косвенно в пользу данного предположения об использовании тяжелых пахотных орудий аланами в X–XII вв. свидетельствует находка чересла на городище Адиух в Карачаево-Черкесии.⁴⁰ Однако, результаты наших почвенно-археологических исследований пока не позволяют с уверенностью связать воз-

никновение пахотных террас именно с этим периодом.⁴¹

Проведенные расчеты потенциальных ресурсных зон вокруг поселенческих центров X–XII вв. позволяют предположить в них крупную концентрацию населения, которое могло насчитывать от 600 до 900 домохозяйств на каждом поселении. Близкие значения получены при моделировании количества населения, исходя из площади памятника и количества видимых на поверхности сооружений. Здесь наиболее детальные работы были проделаны на городище Уллу-Дорбунла, где в ходе дешифрирования аэрофотосъемки на площади 14 га зафиксировано около 130 развалов построек. Полученные ре-

³⁹ RAISTRICK–CHAPMAN 1929, 181; CURWEN 1946, 49, 63, 70; TAYLOR 1966, 279–280; FOWLER–EVANS 1967, 295; HEDEAGER 1992, 202; FOWLER 2002, 196–197.

⁴⁰ МИНАЕВА 1960, 270; КУЗНЕЦОВ 1971, 52–57.

⁴¹ БОРИСОВ–КОРОБОВ 2013, 126–134.

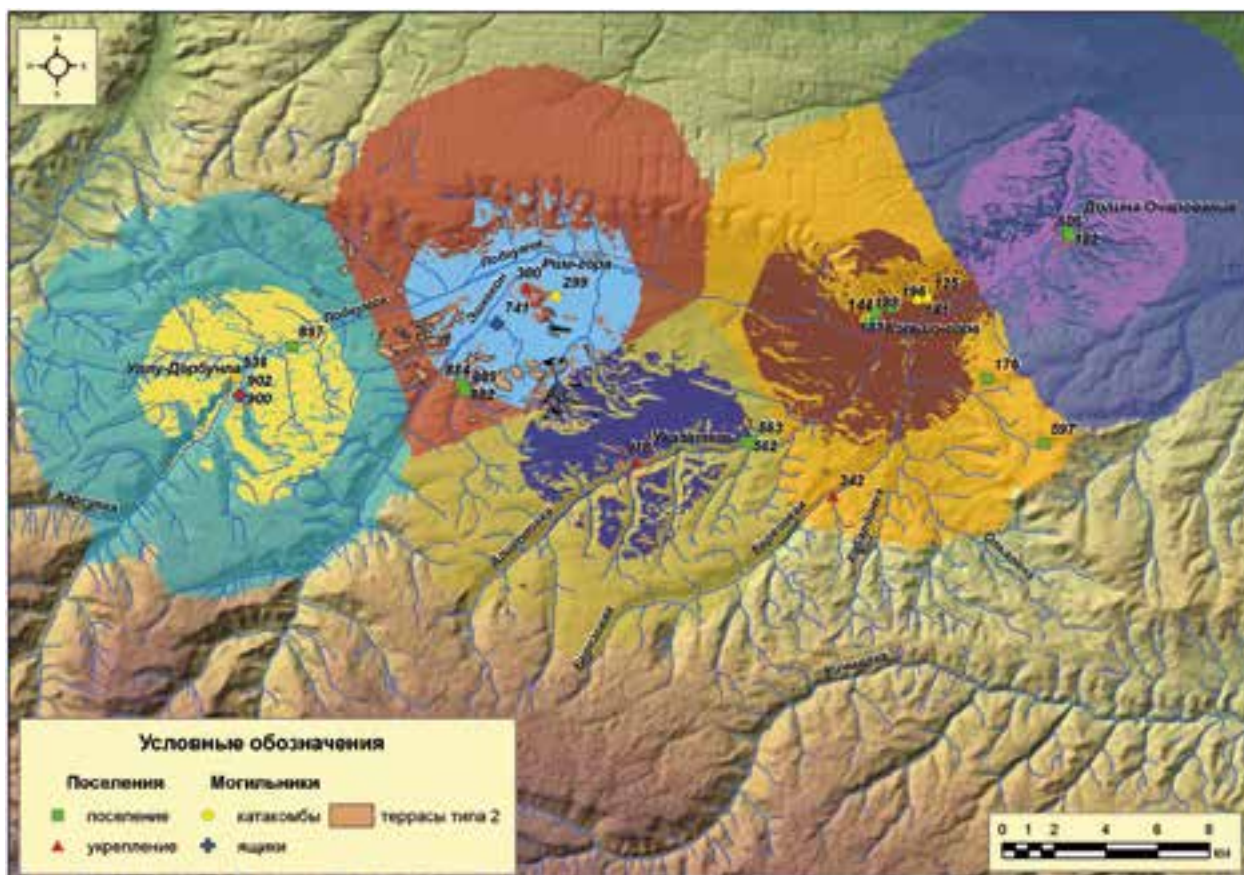

Рис. 10. Результат выделения потенциальных пахотных угодий внутри ресурсных зон поселений Кисловодской котловины X–XII вв.

10. kép. Potenciálisan földművelés alá vonható területek a Kiszlovodszk-medence 10–12. századi településeinek elérhető közelségében

зультаты были проверены в ходе полевых исследований. В итоге на топографический план городища⁴² было нанесено семь ареалов построек и шесть ареалов захоронений, очевидно, образующих патронимические кварталы с участками прилегающих к ним родовых кладбищ. Таким образом, представляется возможным реконструировать разными способами потенциальное количество обитателей городища Уллу-Дорбунла в период его расцвета, приходившегося на эпоху развитого Средневековья (X–XII вв.), в 500–1500 человек. Близкие показатели количества жителей от 740 до 1780 человек предполагаются И. А. Аржанцевой

для населения другого крупного поселения развитого Средневековья, расположенного в Карачаево-Черкесии – городища Кяфар⁴³. Данное количество населения представляется вполне обоснованным, если сравнить его с населением более крупных городских центров северокавказских алан – например, Нижнего Архыза, число обитателей которого, по мнению В. А. Кузнецова, составляло от 2 до 5 тыс. человек,⁴⁴ или с крупнейшим городищем рассматриваемого микрорегиона – Рим-Горы – с рассчитанным числом жителей в 2–2,5 тыс. человек.⁴⁵ Налицо существование в Кисловодской котловине крупных поселенческих центров X–XII вв., напоми-

⁴² Коробов 2013б, рис. 3.

⁴³ Аржанцева 2007, 85.

⁴⁴ Кузнецов 1993а, 260.

⁴⁵ Савенко 2017, 178.

нающих по своим размерам и функциональным особенностям средневековые города.⁴⁶

Таким образом, мне представляется, что направление эволюции системы расселения алан в Центральном Предкавказье на примере Кисловодской котловины в течение I тыс. н.э. идет теми же путями и, очевидно, под воздействием тех же закономерностей, что и у других европейских варварских народов, в особенности на Севере Европы, где система расселения и хозяйствования не испытала нивелирующего воздействия мощной римской цивилизации. Прослеживается тенденция в переходе от пограничной ситуации III–IV вв., когда присутствует линия открытых поселений на левом берегу Подкумка, перемежающаяся небольшими городищами и подкрепленная многочисленными сигнально-сторожевыми постами, к рассеянному освоению пространства в виде небольших укрепленных поселений V–VIII вв., очевидно, живущих на самообеспечении и мало связанных друг с другом. Социальная организация в это время напоминает небольшое племенное «королевство» с относительно малым количеством населения (порядка 600 семей), проживающего рассеяно практически по всей территории котловины и способного контролировать лишь небольшие территории в непосредственной близости от своих поселений. Очевидна неразвитость социальных отношений по сравнению с предыдущим периодом II–IV вв., который можно трактовать как предгосударственную (протогосударственную) ступень развития аланского общества⁴⁷ или обозначать более нейтральным термином «аналог раннего государства» по Л. Е. Гринину.⁴⁸

Однако, уже происходит оформление местной элиты, выразившееся в богатстве погребального инвентаря отдельных захоронений,⁴⁹ устройстве особых участков родовых кладбищ,

концентрации населения вокруг небольших центров власти. В некоторых случаях этот процесс столь очевиден (элитный участок могильника Клин-Яр 3), что позволяет авторам раскопок ставить вопрос о начале движения к ранней государственности уже с VII в.,⁵⁰ т.е. в то же время, что и у других обитателей племенных королевств Северной Европы.⁵¹ Но поступательный процесс социального развития, выразившийся в том числе и в постепенном укрупнении поселенческой структуры, прерывается в середине VIII в. массовым исходом алан из Кисловодской котловины, скорее всего, в бассейн Среднего Дона,⁵² где они занимают обширные поселения, примыкающие к регулярно устроенным крепостям на северо-восточных рубежах Хазарского каганата.⁵³

Несомненно, это вовлечение аланских племенных образований в жизнь одного из крупнейших государств Восточной Европы VIII–X вв. сыграло роль катализатора социальных процессов, происходивших в аланском обществе. Мы застаем вернувшихся в X в. в Кисловодскую котловину алан уже на новой ступени социального развития, для которой характерна значительная концентрация населения в крупных поселенческих центрах, напоминающих средневековые города, высококачественное профессиональное производство керамики в специализированных гончарных мастерских, переход к использованию тяжелого плуга в земледелии,⁵⁴ по-видимому, оставившего следы в виде новой для Кисловодской котловины системы пахотных террас наподобие европейских «открытых полей». Происходит явное увеличение количества населения по сравнению с раннесредневековым периодом при резком уменьшении числа поселенческих памятников. Налицо постепенное складывание государственного образования – средневековой

⁴⁶ Кузнецов 1992, 226–229.

⁴⁷ ARZHANTSEVA–DEORIK–MALASHEV 2000, 248.

⁴⁸ Гринин 2006; Гринин 2011, 232–287; Малашев 2014.

⁴⁹ Коровов 2003, 281.

⁵⁰ HARKE–BELINSKIJ 2012, 138.

⁵¹ HAMEROW 2002, 191–194; WICKHAM 2005, 376–379.

⁵² АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001, 22–23; Коровов 2003, 98–99.

⁵³ АФАНАСЬЕВ 1993, 141–150.

⁵⁴ Кузнецов 1971, 52–57, 122–132.

Алании, а также постепенного проникновения христианства, центр которого, по-видимому, находился западнее Кисловодской котловины, в верховьях Кубани.⁵⁵

Монгольское нашествие и, в особенности, разорительные походы Тамерлана, положили конец поступательному развитию этого государства.⁵⁶ Кисловодская котловина вновь опустела на не-

сколько сотен лет, а оставшееся население, отброшенное назад в своем социальном развитии, очевидно, вернулось к той системе расселения, которая была характерна для раннего Средневековья – дисперсному обитанию небольших родственных коллективов в укрепленных башнями родовых поселках. Однако этот процесс протекал уже вне пределов Кисловодской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕШИНСКАЯ И ДР. 2008: Алешинская, А. С. – Кочанова, М. Д. – Макаров, Н. А. – Спиридонова, Е. А.: Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований). *Российская археология* 2008:1, 35–47.
- АРЖАНЦЕВА 2007: Аржанцева, И. А.: Каменные крепости алан. *Российская археология* 2007:2, 75–88.
- АФАНАСЬЕВ 1978: Афанасьев, Г. Е.: Патронимия у алан (к постановке проблемы). В: *Социальные отношения у народов Северного Кавказа*. Ред.: Магомедов, А. Х. Орджоникидзе 1978, 4–20.
- АФАНАСЬЕВ 1987: Афанасьев, Г. Е.: *Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.* Москва 1987.
- АФАНАСЬЕВ 1992: Афанасьев, Г. Е.: Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре. В.: *Аланы и Кавказ*. Ред.: Тменов, В. Х. Владикавказ–Цхинвал 1992, 83–97.
- АФАНАСЬЕВ 1993: Афанасьев, Г. Е.: *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. Москва 1993.
- АФАНАСЬЕВ–ДОБРОВОЛЬСКАЯ–БОРИСОВ 2012: Афанасьев, Г. Е. – Добровольская, М. В. – Борисов, А. В.: Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам. В: *Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всероссийской науч. конф.* (Москва, ИА РАН, 4–6 декабря 2012 года). Ред.: Черных, Е. Н. Москва 2012, 77–83.
- АФАНАСЬЕВ И ДР. 2014: Афанасьев, Г. Е. – Добровольская, М. В. – Коробов, Д. С. – Решетова, И. К.: О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан. В: *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа*. Ред.: Коробов, Д. С. Москва 2014, 312–315.
- АФАНАСЬЕВ И ДР. 2015: Афанасьев, Г. Е. – Вень, Ш. – Тун, С. – Ван, Л. – Вэй, Л. – Добровольская, М. В. – Коробов, Д. С. – Решетова, И. К. – Ли, Х.: Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты). В: *Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции*. Ред.: Черных, Е. Н. – Добровольская, М. В. Москва 2015, 261–282.

⁵⁵ Кузнецов 1971, 228–240; Кузнецов 1992, 317–320; Кузнецов 1993.

⁵⁶ Кузнецов 1992, 329–348.

- АФАНАСЬЕВ–КИСЛОВ–ЧЕРНЫШЕВ 2002: Афанасьев, Г. Е. – Кислов, А. В. – Чернышев, А. В.: К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы). *OPUS* 1–2 (2002) 66–79.
- АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001: Афанасьев, Г. Е. – Рунич, А. П.: *Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок*. Москва 2001.
- АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004: Афанасьев, Г. Е. – Савенко, С. Н. – Коробов, Д. С.: *Древности Кисловодской котловины*. Москва 2004.
- БЕРЕЗИНА–ФРИЗЕН–КОРОБОВ 2014: Березина, Н. Я. – Фризен, С. Ю. – Коробов, Д. С.: Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина). *Вестник антропологии* 1/27 (2014) 170–178.
- БОРИСОВ–КОРОБОВ 2013: Борисов, А. В. – Коробов, Д. С.: *Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований*. Москва 2013.
- ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009: Габуев, Т. А. – Малашев, В. Ю.: *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва 2009.
- ГОЛЬДШТЕЙН 1975: Гольдштейн, А. Ф.: *Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии*. Москва 1975.
- ГРИНИН 2006: Гринин, Л. Е.: Раннее государство и его аналоги. В: *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Ред.: Гринин, Л. Е. – Бондаренко, Д. М. – Крадин, Н. Н. – Коротаев А. В. Волгоград 2006, 85–163.
- ГРИНИН 2011: Гринин, Л. Е.: *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. Москва 2011.
- ДЖАНДИЕРИ–ЛЕЖАВА 1976: Джандиери, М. И. – Лежава, Г. И.: *Народная башенная архитектура*. Москва 1976.
- КАЗАНСКИЙ–МАСТЫКОВА 2001: Казанский, М. М. – Мастыкова, А. В.: Центры власти и торговые пути в Западной Алании V–VI вв. В: *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки*. Ред.: Абрамова, М. П. – Марковин, В. И. Москва 2001, 138–161.
- КАЛДАНИ 1986: Калдани, А. М.: К вопросу о классификации башенной культуры Чечни. В: *Очерки этнографии горной Чечни*. Ред.: Робакидзе, Ал. Тбилиси 1986, 10–25.
- КАЛОЕВ 1971: Калоев, Б. А.: *Осетины (историко-этнографическое исследование)*. Москва 1971.
- КОВАЛЕВСКАЯ 1984: Ковалевская, В. Б.: *Кавказ и аланы. Века и народы*. Москва 1984.
- КОВАЛЕВСКАЯ 2005: Ковалевская, В. Б.: *Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Москва 2005.
- КОЛОДА–ГОРБАНЕНКО 2010: Колода, В. В. – Горбаненко, С. А.: *Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне*. Киев 2010.
- КОРОБОВ 2003: Коробов, Д. С.: *Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв.* Санкт-Петербург 2003.
- КОРОБОВ 2011: Коробов, Д. С.: *Основы геоинформатики в археологии: Учебное пособие*. Москва 2011.
- КОРОБОВ 2012 : Коробов, Д. С.: ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 226 (2012) 17–27.
- КОРОБОВ 2012а: Коробов, Д. С.: Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1/35 (2012) 188–215.
- КОРОБОВ 2013: Коробов, Д. С.: Компьютерное ГИС-моделирование ресурсных зон поселений по данным археологии и палеопочвоведения. В: *Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции)*. Материалы Первой Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 4–6 июня 2012 г. Ред.: Гук, Д. Ю. Санкт-Петербург 2013, 59–70.

- КОРОБОВ 2013а: Коробов, Д. С.: Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 228 (2013) 19–33.
- КОРОБОВ 2013б: Коробов, Д. С.: Уллу-Дорбунла – средневековое городище в верховьях Подкумка. В: *Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова*. Ред.: Козенкова, В. И. Москва 2013, 114–139.
- КОРОБОВ 2017: Коробов, Д. С.: *Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины)*. Москва–Санкт-Петербург 2017.
- КОРОБОВ–БОРИСОВ 2012: Коробов, Д. С. – Борисов, А. В.: О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. *Российская археология* 2012:3, 50–62.
- КРЕНКЕ 2011: Кренке, Н. А.: *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Москва 2011.
- КРУПНОВ 1971: Крупнов, Е. И.: *Средневековая Ингушетия*. Москва 1971.
- КУЗНЕЦОВ 1962: Кузнецов, В. А.: *Аланские племена Северного Кавказа*. Москва 1962.
- КУЗНЕЦОВ 1971: Кузнецов, В. А.: *Алания в X–XIII вв.* Орджоникидзе 1971.
- КУЗНЕЦОВ 1992: Кузнецов, В. А.: *Очерки истории алан*. Владикавказ 1992.
- КУЗНЕЦОВ 1993: Кузнецов, В. А.: *Алано-осетинские этюды*. Владикавказ 1993.
- КУЗНЕЦОВ 1993а: Кузнецов, В. А.: *Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа*. Ставрополь 1993.
- МАКАРОВ–ЗАХАРОВ–БУЖИЛОВА 2001: Макаров, Н. А. – Захаров, С. Д. – Бужилова, А. П.: *Средневековое расселение на Белом озере*. Москва 2001.
- МАКАРОВ–ФЕДОРИНА–ШПОЛЯНСКИЙ 2013: Макаров, Н. А. – Федорина, А. Н. – Шполянский, С. В.: Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме. *Российская археология* 2013:4, 58–74.
- МАЛАШЕВ 2008: Малашев, В. Ю.: Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени. В: *Проблемы современной археологии: Сборник памяти В. А. Башилова*. Ред.: Мошкова, М. Г. Москва 2008, 265–283.
- МАЛАШЕВ 2014: Малашев, В. Ю.: Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 234 (2014) 72–83.
- МАСТЫКОВА 2008: Мастыкова, А. В.: «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья. *Проблемы истории, филологии, культуры* 21 (2008) 149–159.
- МИНАЕВА 1960: Минаева, Т. М.: К истории земледелия на территории Ставрополя. В: *Материалы по изучению Ставропольского края* 10. Ставрополь 1960, 267–282.
- МУЖУХОЕВ 1977: Мужухоев, М. Б.: *Средневековая материальная культура горной Ингушетии*. Грозный 1977.
- РОБАКИДЗЕ 1968: Робакидзе, А. И.: Жилища и поселения горных ингушей. В: *Кавказский этнографический сборник* II. Ред.: Робакидзе, А. И. Тбилиси 1968, 41–117.
- РОБАКИДЗЕ–ГЕГЕЧКОРИ 1975: Робакидзе, А. И. – Гегечкори, Г. Г.: *Формы жилища и структура поселения горной Осетии*. Тбилиси 1975.
- РУНИЧ 1970: Рунич, А. П.: Катакомбы Рим-Горы. *Советская археология* 1970:2, 198–210.
- РУНИЧ–БЕРЕЗИН–САВЕНКО 1983: Рунич, А. П. – Березин, Я. Б. – Савенко, С. Н.: Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок. В: *Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии*. Ред.: Алексеева, Е. П. Черкесск 1983, 56–63.
- РУНИЧ–МИХАЙЛОВ 1976: Рунич, А. П. – Михайлов, Н. Н.: Городище Бургусант или Рим-Гора. В: *Материалы по изучению Ставропольского края* 14. Ставрополь 1976, 162–182.
- САВЕНКО 2017: Савенко, С. Н.: *Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э.* Пятигорск–Казань 2017.

- УМАРОВ 1969: Умаров, С. Ц.: О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. В: *Археолого-этнографический сборник* III. Ред. Виноградов, В. Б. Грозный 1969, 160–182.
- ЦУКЕРМАН 2005: Цукерман, К.: Аланы и асы в раннем Средневековье. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 218 (2005) 65–84.
- ARZHANTSEVA–DEOPIK–MALASHEV 2000: Arzhantseva, I. A. – Deopik, D. V. – Malashev, V. Y.: Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country. In: *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*. Eds.: Kazanski, M. – Soupault, V. Leiden–Boston–Köln 2000, 211–250.
- ASTON 1985: Aston, M.: *Interpreting the landscape. Landscape Archaeology and Local History*. London–New York 1985.
- DE BARROS DAMGAARD ET AL. 2018: de Barros Damgaard, P. – Marchi, N. – Rasmussen, S. – Peyrot, M. – Renaud, G. – Korneliusen, T. – Moreno-Mayar, J.-V. – Winther Pedersen, M. – Goldberg, A. – Usmanova, E. – Baimukhanov, N. – Loman, V. – Hedeager, L. – Gorm Pedersen, A. – Nielsen, K. – Afanasiev, G. – Akmatov, K. – Aldashev, A. – Alpaslan, A. – Baimbetov, G. – Bazaliiskii, V. I. – Beisenov, A. – Boldbaatar, B. – Boldgiv, B. – Dorzhu, C. – Ellingvag, S. – Erdenebaatar, D. – Dajani, R. – Dmitriev, E. – Evdokimov, V. – Frei, K. M. – Gromov, A. – Goryachev, A. – Hakonarson, H. – Hegay, T. – Khachatryan, Z. – Khaskhanov, R. – Kitov, E. – Kolbina, A. – Kubatbek, T. – Kukushkin, A. – Kukushkin, I. – Lau, N. – Margaryan, A. – Merkyte, I. – Mertz, I. V. – Mertz, V. K. – Mijiddorj, E. – Moiyesev, V. – Mukhtarova, G. – Nurmukhanbetov, B. – Orozbekova, Z. – Panyushkina, I. – Pieta, K. – Smrčka, V. – Shevnina, I. – Logvin, A. – Sjögren, K.–G. – Štolcová, T. – Tashbaeva, K. – Tkachev, A. – Tulegenov, T. – Voyakin, D. – Yepiskoposyan, L. – Undrakhbold, S. – Varfolomeev, V. – Weber, A. – Kradin, N. – Allentoft, M. E. – Orlando, L. – Nielsen, R. – Sikora, M. – Heyer, E. – Kristiansen, K. – Willerslev, E.: 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature* 557 (2018) 369–374
- BRADLEY 1978: Bradley, R.: Prehistoric Field Systems in Britain and North-West Europe – A Review of Some Recent Work. *World Archaeology* 9:3 (1978) 265–280.
- CURWEN 1946: Curwen, E. C.: *Plough and Pasture*. London 1946.
- DAVID–THOMAS 2008: David, B. – Thomas, J.: Landscape Archaeology: Introduction. In: *Handbook of Landscape Archaeology*. Eds.: David, B. – Thomas, J. Walnut Creek 2008, 27–43.
- DAVIES 2005: Davies, W.: States and non-states in the Celtic world. In: *Der frühmittelalterliche Staat – europäische Perspektiven*. Hrsg.: Pohl, W. – Wieser, V. Wien 2009, 155–170.
- FOWLER 1983: Fowler, P. J.: *The Farming of Prehistoric Britain*. Cambridge 1983.
- FOWLER 2002: Fowler, P.: *Farming in the First Millenium AD*. Cambridge 2002.
- FOWLER–EVANS 1967: Fowler, P. J. – Evans, J. G.: Plough-marks, Lynchets and Early Fields. *Antiquity* 41/164 (1967) 289–301.
- FRIES 1995: Fries, J. C.: *Vor- und frühgeschichtliche Agrartechnik auf den Britischen Inseln und dem Kontinent. Eine vergleichende Studie*. Espelkamp 1995.
- HAMEROW 2002: Hamerow, H.: *Early Medieval Settlements: The Archaeology of Rural Communities in Northwest Europe, 400–900*. Oxford 2002.
- HÄRKE–BELINSKIJ 2012: Härke, H. – Belinskij, A.: The “elite plot” in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? In: *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged* 12. Szeged 2012, 133–142.
- HEDEAGER 1992: Hedeager, L.: *Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to 700 AD*. Oxford 1992.
- KOROBOV 2012: Korobov, D.: Early Medieval Settlement in Southern Russia: Changing Directions. *Medieval Archaeology* 56 (2012) 34–59.

- KOROBOV 2012a: Korobov, D.: The Investigation of the Early Medieval System of Signalisation in the Kislovodsk Basin (South of Russia) with Help of GIS. In: *On the Road to Reconstructing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA). Proceedings of the 36th International Conference*. Budapest, April 2–6, 2008. Eds.: Jerem, E. – Redő, F. – Szeverényi, V. Budapest 2012, 339–347. (CD-ROM).
- KOROBOV–BORISOV 2013: Korobov, D. S. – Borisov, A. V.: The origins of terraced field agriculture in the Caucasus: new discoveries in the Kislovodsk basin. *Antiquity* 87/338 (2013) 1086–1103.
- MÜLLER-WILLE 1979: Müller-Wille, M.: Flursysteme der Bronze- und Eisenzeit in der Nordseegebieten. Zum Stand der Forschung über „celtic fields“. In: *Untersuchungen zur eisenzeitlichen und frühmittelalterlichen Flur in Mitteleuropa und ihrer Nutzung* 1. Hrsg.: Beck, H. – Denecke, D. – Jankuhn, H. Göttingen 1979, 196–239.
- ONE LAND 2001: *One Land, Many Landscapes. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists: Fifth Annual Meeting in Bournemouth, 1999*. Eds.: Darvill, T. – Gojda, M. Oxford 2001.
- RAISTRICK–CHAPMAN 1929: Raistrick, A. – Chapman, S. E.: The Lynchets Groups of Upper Wharfedale, Yorkshire. *Antiquity* 3/10 (1929) 165–181.
- REINHOLD–KOROBOV 2007: Reinhold, S. – Korobov, D. S.: The Kislovodsk basin in the North Caucasian piedmonts – archaeology and GIS studies in a mountain cultural landscape. *Preistoria Alpina* 42 (2007) 183–207.
- ROBERTS 1996: Roberts, B. K.: *Landscapes of Settlement. Prehistory to the present*. London–New York 1996.
- SIEGMUND 1998: Siegmund, F.: Social structure and relations. In: *Franks and Alamanni in the Merovingian Period. An ethnographic perspectives*. Ed.: Wood, I. San Marino 1998, 177–199.
- STEUER 2001: Steuer, H.: Landschaftsarchäologie. In: *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* 17 (2001) 630–634.
- TAYLOR 1966: Taylor, C. C.: Strip lynchets. *Antiquity* 40/160 (1966) 277–284.
- THACKER 2005: Thacker, A.: England in the seventh century. In: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1, c. 500 – c. 700. Ed.: Fouracre, P. Cambridge 2005, 462–495.
- WHITTINGTON 1962: Whittington, G.: The Distribution of Strip Lynchets. In: *Transactions and Papers (Institute of British Geographers)* 31 (1962) 115–130.
- WICKHAM 2005: Wickham, C.: *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400–800*. Oxford 2005.
- ZUCKERMAN 2000: Zuckerman, C.: À propos du Livre des cérémonies, II, 48. *Travaux et Mémoires* 13 (2000) 531–594.

ХРОНОЛОГИЯ САЛТОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Андрей Михайлович ГОЛУБЕВ*

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, ременная гарнитура, Верхнее Подонцовье, кабары, угорские племена, продолжение салтовской материальной культуры в угорской среде
Kulcsszavak: szaltovo–majaki kultúra, övgarnitúra, Felső-Donyec-vidék, kabarok, magyar törzsek, a szaltovói anyagi kultúra továbbélése magyar közegben

Андрей Михайлович Голубев

Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики в работе рассматривается хронология памятников салтовской культуры Верхнего Подонцовья на основе трех составляющих материальной культуры – ременной гарнитуры, клинкового оружия и конского снаряжения. Также обосновывается концепция переселения «разноэтничного» по составу (носители трех разных погребальных традиций), но единого по социальному, родовому (сословному) статусу (белые роды), населения Верхнего Подонцовья в северо-восточном направлении – районы проживания угорских племен Поволжья-Прикамья. Данная миграция перекрыла торговые пути по Дону и Волге и способствовала переориентации русов на Днепр.

Andrej Mihajlovics Golubjev

A Felső-Donyec menti szaltovói leletanyag kronológiája a magyar problematika tükrében

A tanulmány a szaltovói kultúra Felső-Donyec-vidéki lelőhelyeinek kronológiáját tekinti át az anyagi kultúra három eleme, az övgarnitúrák, a vágófegyverek és a lószerszámzat alapján. A szerző egy összetétele alapján heterogén (3 különböző temetkezési szokás jellemző rájuk), társadalmi és törzsi (nemzetségi) tekintetben azonban egységes népesség vándorlása mellett érvel, amely a Felső-Donyec térségéből északkelet felé, a Volga–Káma-vidék ugorok által lakott területére irányult. Ez a vándorlás elzárta a Don és Volga menti kereskedelmi utakat és hozzájárult ahhoz, hogy a ruszok figyelme a Dnyeper felé irányult.

Рамки существования салтово-маяцкой культуры (далее СМК) определяются датами событий, зафиксированных в письменных источниках, а разработки по хронологии материальной культуры опираются практически на единую её категорию – поясную гарнитуру.¹ Термин СМК, стал общеупотребительным по отношению к археологическим памятникам определенного периода существования Хазарского каганата. Вопрос правомерности использования данного термина уже поднимался не один раз.² Но мы вынужде-

ны вернуться к нему вновь. На фоне интереса современных ученых к пред и раннесалтовскому времени³ наиболее разработанной выглядит только нижняя хронологическая граница СМК, которая привязывается к поражению хазар 737 г. в войне против арабов. Также полностью очевидно, что вопросы периодизации и хронологии СМК невозможно решить без учета «венгерской проблематики». Интерес к данной теме ознаменовался проведением I, II и III-го Международных Мадьярский симпозиумов 2011 г. в Украине,

* Заместитель директора ДП ОАСУ «Слободская археологическая служба» ДП НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины, ptahx@ukr.net

¹ Плетнева 1981, 1989; Комар 1999, 2001, 2006, 2010, 2011; Гавритухин 2005.

² Афанасьев 2001 и приведенная литература по вопросу.

³ Комар 1999, 2001, 2006, 2010; Гавритухин 2005.

2013 г. в России и в 2016 г. в Венгрии. По нашему мнению, археологическую составляющую пути мадьяр на новую родину в Панонию наиболее полно аргументировано в работах супругов Халиковых, В. А. Иванова и А. В. Комара.⁴ Влияние салтовских и мадьярских ювелирных традиций в орнаментах и формах изделий поясной гарнитуры качественно проанализированы А. А. Беликом.⁵ Однако, к сожалению, мы можем констатировать, что анализ письменных источников на данный момент времени остался на уровне XIX в., проведенного еще К. Я. Гротом.⁶ Безусловно, важным шагом является выделение А. В. Комаром памятников субботцевского типа, характеристика материальной культуры и погребального обряда древних венгров. Однако такое раннее, в 836 г., появление угров в Северном Причерноморье⁷ выглядит спорным. Исследователь воспользовался собственными разработками в хронологии СМК. На наш взгляд, четвертый горизонт штучно подтягивается к саркельским поясам,⁸ которые без сомнения являются хазарскими и прекрасно датированы. Однако орнамент на всех элементах поясной гарнитуры не имеет стилистического сходства с материалами Верхнего Подонцовья, что требует дополнительных пояснений. Пояснений также требует минимальные влияния одна на другую материальных культур СМК и памятников субботцевского типа, если допускать их сосуществование или соседство. Даже керамический материал из памятников субботцевского типа находит аналогии среди сосудов из Танкеевского могильника.⁹ Таким образом, хронология СМК классического и завершающего этапа существования наименее аргументирована и разработки в данном направлении являются актуальными.

В работе рассматривается хронология только памятников Верхнего Подонцовья, где находится эпонимный катакомбный Верхнесалтовский могильник, однако большинство погребальных памятников региона представлено кремациями (рис. 1). Самый южный катакомбный могильник находится в Старом Салтове, а территория ниже по течению р. Северский Донец до г. Балаклеи заполнена кремационными могильниками. Большинство из них расположено на правом берегу р. Северский Донец в дубовых лесах. В регионе представлено три обрядово-погребальных традиции (кремация, катакомбная и ямная ингумация). Материальная культура у этих погребально-обрядовых групп населения едина. Мы умышленно будем избегать этнических определений, поскольку считаем, что погребальный обряд отражает только религиозные представления населения, которые открыты внешним влияниям, эволюционируют во времени и пространстве, изменяются в зависимости от изменения образа жизни (полуоседлость, интенсивное кочевание), как и элементы материальной культуры. С применением стратиграфического, формально-типологического и корреляционного методов в совокупности рассматриваются только три категории материальной культуры СМК: ременная гарнитура, клинковое оружие и конское снаряжение (удила и стремяна) с учетом нумизматического материала. Не рассматривается железная поясная гарнитура и крюки из цветных металлов, которые отнесены Г. В. Кубаревым к саадачным поясам.¹⁰ Наиболее в полном виде подобные пояса в памятниках времени существования Хазарского каганата представлены в погребении 248 Дюрсо¹¹ и разрушенном комплексе из Сухой Гомольши.¹²

⁴ СНАЛКОВА—СНАЛКОВ 1981; ИВАНОВ 1999; КОМАР 2011.

⁵ БЕЛИК 2002.

⁶ ГРОТ 1881, 149–327.

⁷ КОМАР 2011, 69.

⁸ МАКАРОВА—ПЛЕТНЕВА 1983.

⁹ КОМАР 2011, 66, 67.

¹⁰ КУБАРЕВ 1998.

¹¹ ДМИТРИЕВ 2003, табл. 86. 16, 17, 26.

¹² КОЛОДА 2012, илл. 8. 16, илл. 10. 4, 5, илл. 11. 1, 6.

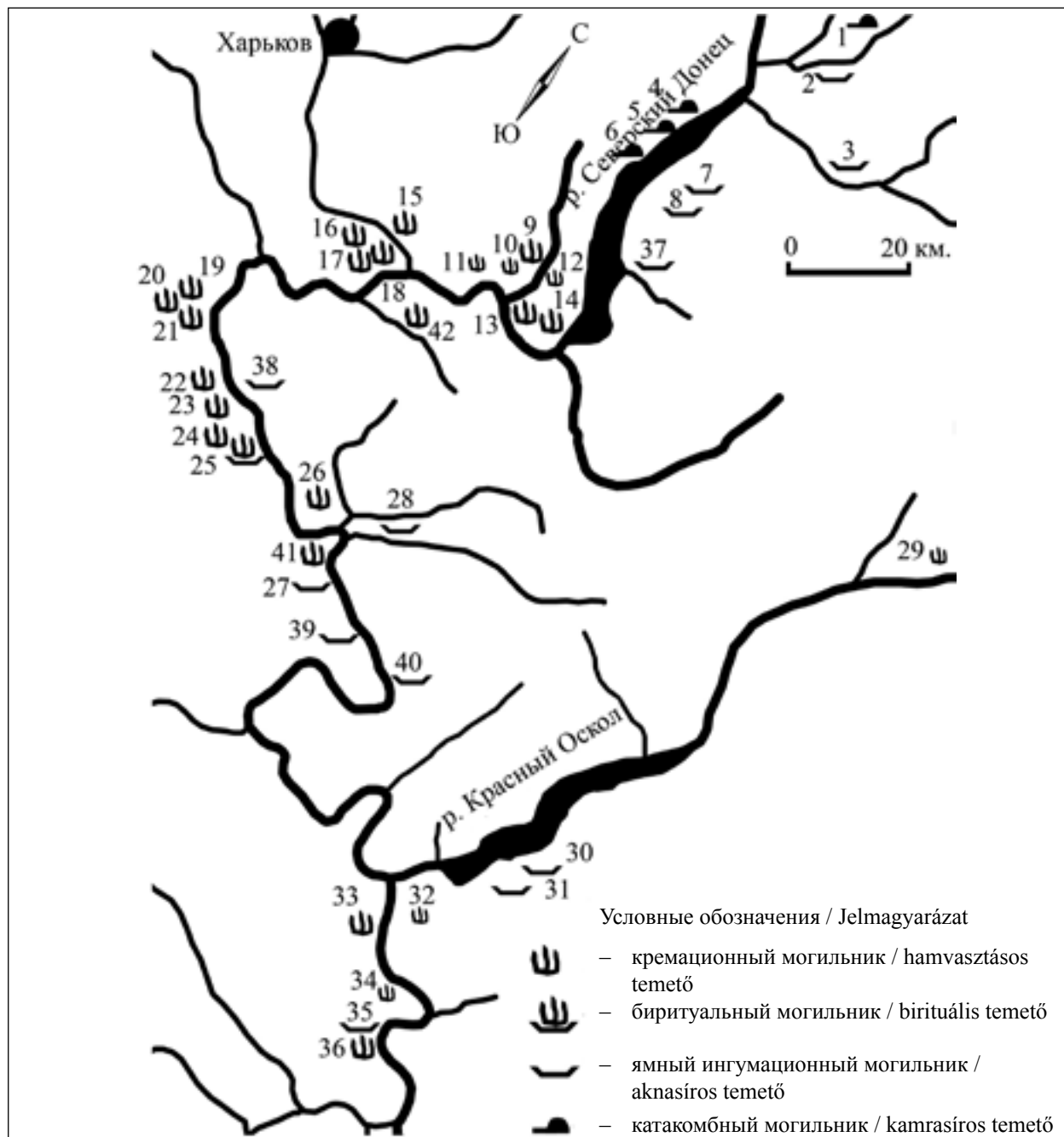

Рис. 1. Погребальные памятники СМК в Верхнем и Среднем Подонцовье. 1: Дмитровка; 2: Ржевка; 3: Бочковое; 4: Рубежное; 5: Верхний Салтов; 6: Старый Салтов; 7: Нетайловка; 8: Петровское; 9: Кочеток (Сороков яр); 10: Бабчанка; 11: Кочеток (интернат); 12: Пятницкое; 13: Куцевка; 14: Печенеги; 15: Новая Покровка; 16: Старая Покровка; 17: Эшхар; 18: Эшхар (дом отдыха); 19: Яр Плоский; 20: Балка Сухая Гомольша; 21: Сухая Гомольша; 22: Нижний Бишкин; 23: Геевка; 24: Копанка; 25: Красная Горка; 26: Лысый Горб; 27: Червоня Гусаровка; 28: Балаклея; 29: Тополи; 30: Пески Радковские; 31: Рубцы; 32: Бондариха; 33: Государев Яр; 34: Татьянавка; 35: Сидорово; 36: Маяки; 37: Мартовя; 38: Черкасский Бишкин (Сердюково-2); 39: Залиман; 40: Лысогорка; 41: Байрак; 42: Мохнач

1. kép. A szaltovo–majaki kultúrához tartozó sírleletek a Donyec felső és középső folyásvidékéről. 1: Dmitrovka; 2: Rzsveka; 3: Bocskovoje; 4: Rubezsnoje; 5: Verhnyij Szaltov; 6: Sztarij Szaltov; 7: Nyetajlovka; 8: Petrovszkoje; 9: Kocsetok (Szorokov jar); 10: Babcsanka; 11: Kocsetok (internátus); 12: Pjatynyickoje; 13: Kicevka; 14: Pecsényegi; 15: Novaja Pokrovka; 16: Sztaraja Pokrovka; 17: Eszhar; 18: Eszhar (üdülő); 19: Jar Ploszkij; 20: Balka Szuhaaja Gomolsa; 21: Szuhaaja Gomolsa; 22: Nyizsnyij Biskin; 23: Gejovka; 24: Kopanka; 25: Krasznaja Gorka; 26: Liszij Gorb; 27: Cservonaja Guszarovka; 28: Balakleja; 29: Topoli; 30: Peszki Radkovszkije; 31: Rubci; 32: Bondariha; 33: Goszudarjev Jar; 34: Tatyjanovka; 35: Szidorovo; 36: Majaki; 37: Martovaja; 38: Cserkaszkij Biskin (Szergyukovo-2); 39: Zaliman; 40: Liszogorka; 41: Bajrak; 42: Mohnacs

Источниками являются доступный и опубликованный погребальный инвентарь из погребений следующих могильников:¹³ Дмитриевского,¹⁴ Рубежанского,¹⁵ Верхнесалтовского,¹⁶ Нижнеолубянского,¹⁷ Нетайловского,¹⁸ Старосалтовского,¹⁹ Пятницкого, Мохначанского,²⁰ Кочетокского, Бабчанского, Кицевского,²¹ Новопокровского, Тополи,²² Сухогомольшанского,²³ Балкосухогомольшанского,²⁴ Нижнебишкинского,²⁵ Красногорского,²⁶ Лысогорского.²⁷

Для обозначения растительного орнамента на элементах ременной гарнитуры термин «лотосовидный» стал общеупотребительным. Н. А. Фонякова разделила на три этапа развитие классического лотосовидного орнамента в рамках второй половины VIII–IX вв. и подвела итог под его «Восточным» происхождением.²⁸ Однако А. В. Комар из четырех раннесалтовских орнаментальных композиций три связывает с крымско-византийским происхождением.²⁹ Мы не исключаем как византийские так и «Вос-

точные», в широком понимании, влияния на салтовский орнамент, однако его корни и развитие видятся совсем иными. Нами используется классический термин «лотосовидный», но не в силу смысловой нагрузки, а по традиции. Для дальнейшего более легкого восприятия материала выходим из положения, что «лотосовидный» орнамент к лотосу никакого отношения не имеет. Для обозначения наиболее раннего растительного орнамента использована терминология Б. Иванова и О. Пелевиной – стиль перевязанной пальметты.³⁰ Впервые в Восточной Европе он фиксируется в комплексах келегейского типа: М. Перещепина,³¹ Ясиново³² (рис. 2. А 13, 14); Новых Санжарах³³ и др. При этом, в наиболее раннем комплексе из Перещепины сразу в двух видах: расширенном – на двух чашах и сагайдаке³⁴ (рис. 2, А 14), и сокращенном – на обратной стороне перекрестия меча и бляшке.³⁵ Позднее этот орнамент в обоих видах представлен в Вознесенке,³⁶ Романовской 1884 г.,³⁷ крымских

¹³ Рисунки взяты из отчетов, статей и публикаций при первой ссылке на них.

¹⁴ ПЛЕТНЕВА 1989.

¹⁵ АКСЕНОВ 2001а.

¹⁶ ПОКРОВСКИЙ 1905; МЕРПЕРТ 1955; БЕРЕЗОВЕЦ 1962; ШРАМКО 1962; ПЛЕТНЕВА 1967; БАБЕНКО 1905, 1911, 1913, 1914; БОРОДУЛИН–ПАРХОМЕНКО 1987; АКСЬОНОВ 2007; 2007а; 2014; АКСЕНОВ 1998; 2001; 2001б; 2005б; 2010а; 2010б; 2011б; 2011г; 2012; 2013; 2013а; 2014; 2014а; 2015; 2016; 2016а; АКСЕНОВ–ЛАПТЕВ 2009; 2011; АКСЕНОВ, ХОРУЖАЯ 2008; КОЛОДА 2004; ЗАКНАРОВА–ARENDELT 1935.

¹⁷ ТОЛМАЧЕВА 2000.

¹⁸ БЕРЕЗОВЕЦ 1962а; ПАРХОМЕНКО 1983; ЖИРОНКИНА–КРЫГАНОВ–ЦИТКОВСКАЯ 1997; КРЫГАНОВ 2001, 2012; КРЫГАНОВ–КОНОВАЛОВ 2004; АКСЕНОВ–ХОРУЖАЯ 2005; АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2005; АКСЕНОВ–КРЫГАНОВ 2009; АКСЕНОВ 2009; 2010; АКСЕНОВ 2011; 20011а; 2011б, 2011в; 2012а; 2012б; 2014а.

¹⁹ АКСЕНОВ 1999.

²⁰ МИХЕЕВ 1985; КОЛОДА 2006; 2015.

²¹ ДЕГТЯРЬ 1984; СВИСТУН 2012; ЛАПТЦЕВ–АКСЬОНОВ 2012; ГОЛУБЕВ 2017в.

²² КУХАРЕНКО 1951.

²³ АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2006.

²⁴ КОЛОДА 2012; ГОЛУБЕВ 2017; АКСЬОНОВ 2005.

²⁵ ГОЛУБЕВ 2017б.

²⁶ МИХЕЕВ 1988; 1990; 1993; КРЫГАНОВ 1989; МИХЕЕВ–КОЛОДА–ЛЮБИЧЕВ 1991, 1992; АКСЕНОВ 2003; АКСЕНОВ 2005а; АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2006, 2009.

²⁷ АКСЕНОВ–ВОЛОВИК 1999.

²⁸ ФОНЯКОВА 1986.

²⁹ КОМАР 2001, 111.

³⁰ ИВАНОВ–ПЕЛЕВИНА 2001.

³¹ ЗАЛЕССКАЯ и др. 1997, кат. 55, 62, 70, 72, 87.

³² АЙБАБИН 1985, рис. 3–5.

³³ КОМАР–ХАРДАСВ 2011, рис. 4; КОМАР–ХАРДАСВ 2012, рис. 14, 2, 3.

³⁴ ЗАЛЕССКАЯ и др. 1997, кат. 70, 72, 87.

³⁵ ЗАЛЕССКАЯ и др. 1997, кат. 55, 62.

³⁶ ГРИНЧЕНКО 1950, табл. III, 13, 16, 23; табл. V, 1, 2, 5–10.

³⁷ СЕМЕНОВ 1985, рис. 5.

погребениях (рис. 2, А 10–12),³⁸ Новинковском могильнике³⁹ и др. Данную линию эволюции стиля перевязанной пальметты достаточно точно проанализировано А. И. Айбабиным.⁴⁰ Дальнейшее развитие (или деградацию) данного стиля можно наблюдать на ранних (рис. 2, А 5–9) и классических (рис. 2 А, 1–4) салтовских материалах. Таким образом, считаем, что растительный «лотосовидный» орнамент является продуктом эволюции (деградации) стиля перевязанной пальметты. Композиционную серию последнего можно разделить на четыре хронологические ступени: I (рис. 2. А 13, 14), II (рис. 2. А 10–12), III (рис. 2. А 5–9) и IV – «лотосовидный орнамент» (рис. 2. А 1–4). На IV ступени наблюдается возвращение к лотосовидным формам ступени I, а техника нанесения орнамента углублениями (рис. 2. В IV) заимствована от формы завитков ступени II. В салтовских памятниках Верхнего Подонцовья материалы ступеней I и II отсутствуют (за исключением кат. 52 Дмитровки (рис. 3, 5. 108), которые являются явными анахронизмами).

В погребальных памятниках Верхнего Подонцовья кроме материалов III ступени (рис. 3. 6–56, 115), присутствуют и элементы ременной гарнитуры с иной синхронной композицией – геометрической (рис. 3. 57–107, 109–114, 119), которая выделена А. В. Комаром.⁴¹ Материалы ременной гарнитуры с геометрической композицией и III ступени широко представлены в погребениях всех обрядовых групп Верхнего Подонцовья (рис. 3). Формы изделий, шарнирные трехчастные конструкции пряжек (рис. 3. 6, 29, 39), выющиеся южные виноградные конфигурации орнамента (рис. 3. 9, 30–32, 42, 43, 55); капли и формы подвесных элементов бляшек (рис. 3. 15, 16, 20, 27, 28) справедливо связываются с масштабным византийским влиянием, также и с аварским вектором на культуру Хазарского каганата и зависимого от него населения.⁴² Воз-

можно с этим же влиянием связаны и зооморфные сюжеты из катакомб 52 и 143 Дмитровки, катакомбы 3 Старого Салтова и погребения 139 Нетайловки (рис. 3. 116–118). Византийское влияние наиболее полно можно наблюдать на уникальном поясном наборе из Фотовижского клада из Сумской области (рис. 3. 1–4), изготовление которого связано с раннесалтовской средой.⁴³ Также нужно отметить, что трех лепестковая форма листьев, как округлых, так и вытянутых пропорций, уже присутствует на изделиях поясной гарнитуры III ступени (рис. 3. 8, 27, 28, 40, 41, 52, 54), что не позволяет согласиться с А. В. Комаром, который считает, что данный орнаментальный мотив возникает в предпоследнем горизонте существования СМК.⁴⁴

При рассмотрении материалов IV ступени морфологическим признаком групп нами выбрано композицию орнамента. Все элементы ременной гарнитуры изготовлены путем литья или прессовки из цветных металлов (бронза, серебро). Присутствуют две техники исполнения орнамента – простая (рис. 2. В I) и сложная (рис. 2. В, II–V) в нескольких вариантах: рельефная сложная (рис. 2. В II) иногда с гравировкой мелких деталей; рельефная простая (рис. 2. В III), которая выделяет переход стебля в листок; бутон с углублением (рис. 2. В IV); гравированное и (или) прорезное отверстие бутона (рис. 2. В V). Среди разнообразия форм бляшек ременной гарнитуры особенно выделяется поясная. Внутри нее мы выделили безфункциональные бляшки, указав технику исполнения и выделив три группы морфологических признаков, которые наиболее точно иллюстрируют эволюцию композиции: Λ – основа с крестовидным (+) или Ψ-подобным размещением бутонов; тире подобная (–) основа композиции с симметричным размещением бутонов (Ш); V – подобная основа с Υ-подобным размещением бутонов (рис. 2. D). Данные признаки распространяются

³⁸ Баранов 1990, рис. 45. 3; рис. 56, 14–17.

³⁹ Матвеева 1997, рис. 69. 12.

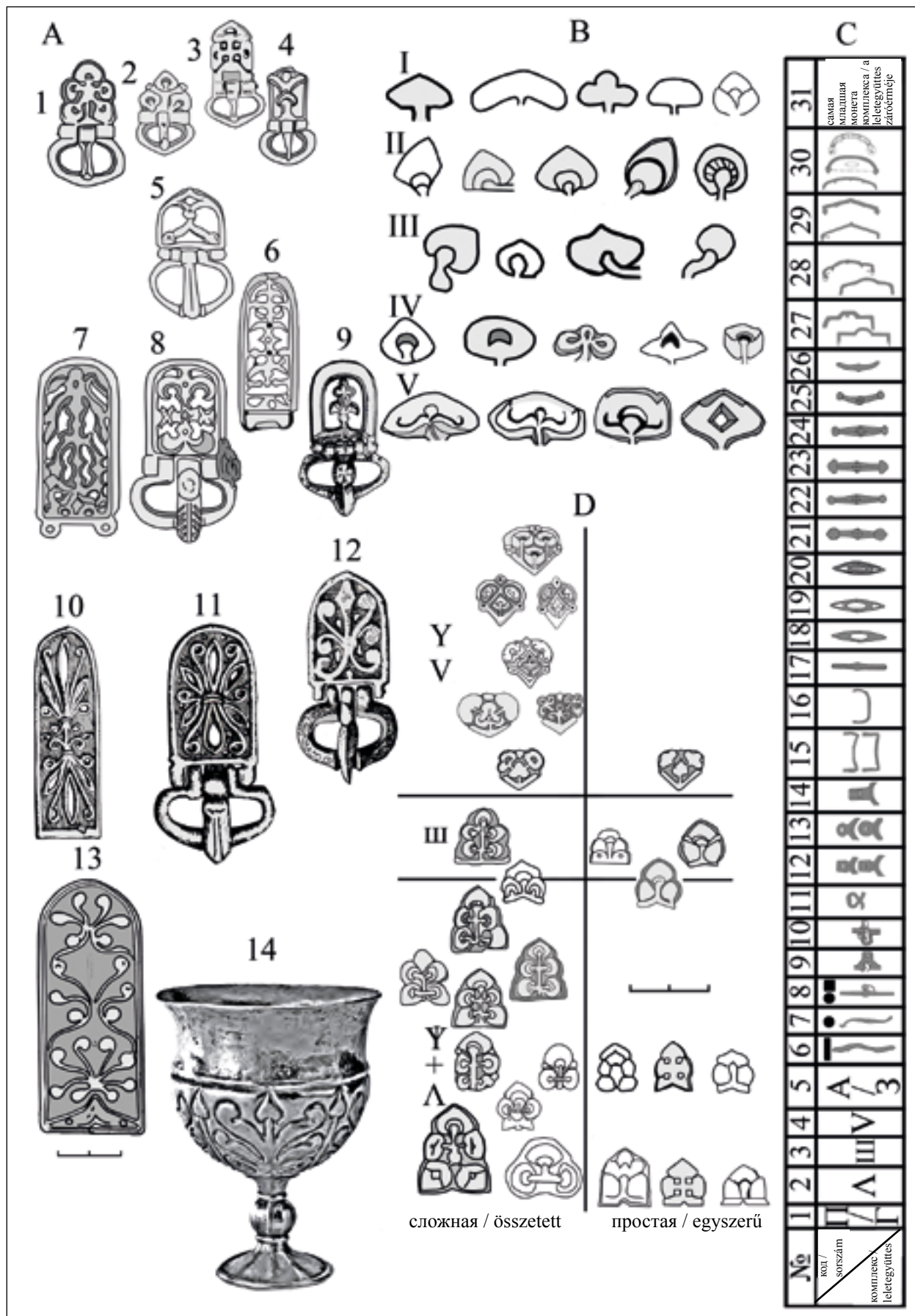
⁴⁰ Айбабин 1982, 178–184.

⁴¹ Комар 2001, 111.

⁴² Комар 2001; Комар–Стрельник 2011, 161.

⁴³ Гавритухин–Обломский 1996, 137–138.

⁴⁴ Комар 1999, 130.

на весь массив ременной гарнитуры, однако имеют вариации в зависимости от категории изделия. «Лотосовидный» орнамент продолжает предыдущие традиции, а именно использование двух композиций в расширенном и укороченном виде. Расширенную композицию мы условно назвали пяти сегментной, хотя в реальности сегментов иногда бывает более пяти, и указали сложность техники исполнения. Элементы ременной гарнитуры с пяти сегментной композицией также представлены во всех погребениях обрядовых групп населения региона (рис. 4. 41–152), а в наибольшем количестве в Верхнесалтовском могильнике. Сокращенную композицию также условно названо трех сегментной. Хотя в данном случае у большинства изделий также присутствуют еще по два мелких отростка от центрального бутона. В изделиях с трех сегментной композицией использовалась сложная (рис. 5. 32–211) и простая (рис. 6. 10–241) техника исполнения. Кроме классического «лотосовидного» орнамента в погребальных памятниках СМК Верхнего Подонцовья на элементах ременной гарнитуры фиксируется наличие еще одного стиля – антропо-зооморфного. Композиции с изображением людей и животных присутствуют на бляшках разных типов, ременных окончаниях и пряжках (рис. 4. 20–40).

Подчеркнем, что наименования композиций условны и введены в оборот исключительно для удобства работы с материалом.

Стремена и удила, как в комплектах, так и отдельно, находились во многих погребениях Верхнего Подонцовья и сопутствующих им комплексах (табл. 1). Клинковое оружие в регионе представлено в своем большинстве саблями. Клинки, их фрагменты, металлические элементы эфеса и ножен в количестве более чем 70 единиц обнаружены в погребениях и культовых слоях могильников. Исключением является меч из катакомбы 52 Дмитровка (в исследовании учтен только тип его крестовины, который идентичен сабельным), коленчатый нож из Тополь и оковка П-подобной лопасти, вероятно от ножен аналогичного ножа, из погребения 218 Сухой Гомольши.

Сейчас мы имеем определения почти всех монет из салтовских погребальных памятников Верхнего Подонцовья,⁴⁵ что освобождает нас от необходимости кропотливого анализа монет из комплексов. Однако обратим внимание на то что с учетом неточных данных относительно нумизматических находок из дореволюционных раскопок,⁴⁶ а именно отнесение дирхемов из катакомб к саманидскому чекану, на данное время можно объяснить или досадной ошибкой, или недостаточным уровнем знания «Восточной» нумизматики у исследователей салтовских древностей в начале XX в. Также отметим, что данные нумизматические памятники, как и их изображения не сохранились, а опубликованные материалы не выявляют монет более поздних чем начало IX в.

⁴⁵ ИЧЕНСКАЯ 1983; ХОРУЖАЯ 2009; ЛАПТЕВ 2013; АКСЕНОВ 2015.

⁴⁶ ИЧЕНСКАЯ 1983.

Рис. 2. Композиционная серия стиля перевязанной пальметты, элементы орнамента, их техника исполнения и морфологические признаки исследованного материала

A. Композиционная серия орнамента стиля перевязанной пальметты. 1: Верхний Салтов кат. 40; 2: Красная Горка п. 77/к. 3; 3: Дмитровка кат. 33; 4: Нетайловка п. 435; 5: Сухая Гомольша п. 135; 6: Старый Салтов кат. 7; 7–8: Нетайловка п. 491; 9: Кривая Лука XXVII к. 5; 10: Керчь; 11: Тенень 1929 г.; 12: Скалистое скл. 303; 13: Ясиново; 14: Малая Перецепина); B. Элементы орнамента и техника их исполнения (I. простая; II–V. сложная); C. Кодирование морфологических признаков классифицированного материала корреляционной таблицы;

D. Морфологические признаки композиции орнамента с указанием техники исполнения

2. kép. Az összefonódó palmattás stílus tipológiai sorozata, a díszítés elemei, valamint azok készítésechnikája és a vizsgált leletanyag morfológiai jellemzői

A. Az összefonódó palmattás stílus kompozíciós sorozata. 1: Verhnyij Szaltov 40. kamrasír; 2: Krasznaja Gorka, 3. kurgán 77. sír; 3: Dmitrovka 33. kamrasír; 4: Nyetajlovka 435. sír; 5: Szuhaja Gomolsa 135. sír; 6: Sztarij Szaltov 7. kamrasír; 7–8: Nyetajlovka 491. sír; 9: Krivaja Luka XXVII, 5. kurgán; 10: Kerics; 11: Tyepszeny, az 1929-ben feltárt sír; 12: Szkalisztoje 303. sziklasír; 13: Jaszinovo; 14: Malaja Perescsepina; B. A díszítés elemei és készítésechnikája (I. egyszerű; II–V. összetett); C. A korrelációs táblázatban szereplő osztályozott leletanyag morfológiai jellemzőinek kódolása; D. A bemutatott készítésechnikákkal készült díszítések morfológiai jellemzői

Комплекс / №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31					
65. Новая Покровка к. 1						■			■			■			■		■	■																		
66. Новая Покровка к. 2						■			■			■			■		■	■																		
67. С. Гомольща к. I						■			■								■	■																		
68. Нетайловка п. 164-Б	■																																757 г.			
69. С. Гомольща к. IV						■			■			■			■																					
70. Нетайловка п. 23		■					■	■	■																											
71. Б. С. Гомольща 2013 п. 1	■	■																																754 г.		
72. Нетайловка п. 413								■	■			■			■																					
73. Ст. Салтов кат. 12																	■	■																		
74. Ст. Салтов кат. 14																																			741 г.	
75. К. Горка п. 216 / к. 19								■		■		■			■																					
76. Дмитровка кат. 5								■					■		■		■	■																		
77. Дмитровка кат. 52								■				■			■		■	■																		
78. Дмитровка кат. 17																	■																			
79. Нетайловка п. 491									■			■			■																					
80. Нетайловка п. 380									■																											
81. Нетайловка п. 340																																				712 г.
82. Нетайловка п. 250																																			711 г.	
83. Нетайловка п. 391																																				
84. Нетайловка п. 21																																				
85. Тополы																																				
Комплекс / №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31					

767

ступень IV / IV. szakasz

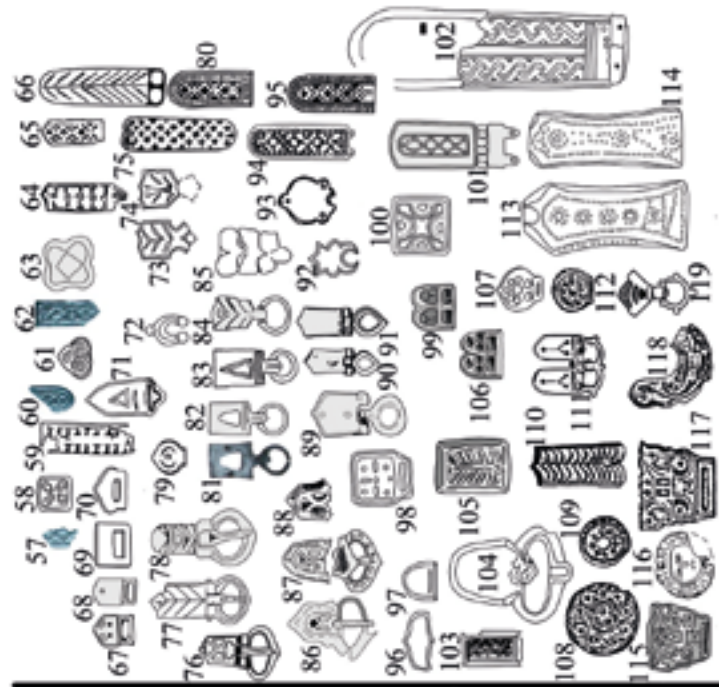
ступень III и г/к / III. szakasz és g/s

750

725

ступень III / III. szakasz

геометрическая композиция (г/к) / geometrikus stílus (g/s)

Данное положение подтверждается полным отсутствием в салтовских погребениях Верхнего Подонцовья, которые исследованы после Второй Мировой войны и до настоящего времени не только саманидских, а вообще монет, которые чеканены после первой четверти IX в. Все монеты региона саманидского чекана (или подражания им) происходят исключительно из не погребальных салтовских памятников, которые имеют роменские культурные наслоения. Наиболее поздними монетами именно из салтовских комплексов Верхнего Подонцовья являются дирхемы, которые чеканились при халифе Аббасиде Харуне-аль-Рашиде (786–809 гг.). Таким образом, можно констатировать, что в первой четверти IX в. поступление монет в регион прекращается полностью, или же такие поступления имели эпизодический незначительный

объем и пока не зафиксированы. Также нужно отметить, что датировка амфорного материала в рамках VIII–IX вв., происходящего из салтовских поселенческих и погребальных памятников, существенно не изменилась с сер. XX в.⁴⁷ Неразработанность более узкой хронологии этой категории находок, пока делает невозможным использование данного источника в качестве полноценного хронологического репера.

Уровень изученности и большое количество погребений, насыщенных инвентарем, в том числе и с монетами, дает возможность построить внутреннюю хронологию СМК на материалах именно Верхнего Подонцовья. Для этого мы внесли в корреляционную таблицу (таб. I) в закодированном виде (рис. 2. С) отмеченные морфологические признаки каждой категории погребального инвентаря, который исследуется,

⁴⁷ Яковсон 1951, 331–339.

Рис. 3. III композиционная ступень стиля перевязанной пальметты и геометрическая композиция. 1–4: Фотовиж; 5, 108–110, 112, 117: Дмитровка кат. 52; 6, 10, 17–18: Нетайловка п. 491; 7, 9, 105: Дмитровка кат. 79; 8, 31: Верхний Салтов; 11: Нетайловка п. 498; 12: Нетайловка п. 340; 13: Нетайловка п. 380; 14: Нетайловка п. 373; 15: Нетайловка п. 381; 16, 28: Нетайловка п. 164-Б; 19: Тополи; 20, 33: Нетайловка п. 413; 21–23, 26: Кицевка; 24–25: Кицевка к. 2/2015; 27: Нетайловка п. 250; 29: Сухая Гомольша п. 135; 30: Старый Салтов кат. 22; 32, 49: Нетайловка п. 265; 34, 44, 98: Старый Салтов кат. 7; 35–36, 39: Старый Салтов кат. 21; 37: Нетайловка п. 134; 38, 68, 101: Нетайловка п. 215; 40, 52: Верхний Салтов кат. 13 ВСМ-III; 41: Дмитровка кат. 118; 42: Верхний Салтов кат. 26 ВСМ-IV; 43: Старый Салтов кат. 12; 45, 65–66, 69–70, 111: Верхний Салтов; 46: Дмитровка кат. 119; 47: Дмитровка кат. 22; 48, 80, 88: Дмитровка кат. 3; 50–51, 119: Дмитровка кат. 142; 53, 57, 60, 62: Верхний Салтов кат. 22 ВСМ-I; 54, 67, 89: Старый Салтов кат. 16; 55, 58: Старый Салтов кат. 19; 56: Красная Горка п. 236; 59, 79: Дмитровка кат. 11; 61, 91: Дмитровка кат. 106; 63: Старый Салтов кат. 14; 64: Дмитровка кат. 124; 71, 78, 116: Старый Салтов кат. 3; 72, 77, 82: Рубежное кат. 3; 73–74: Верхний Салтов кат. 55 ВСМ-IV; 75, 99: Дмитровка кат. 55; 76: Дмитровка кат. 51; 81: Верхний Салтов кат. 67 ВСМ-I; 83: Балка Сухая Гомольша п. 1/2013. 84: Сухая Гомольша п. 143; 85: Сухая Гомольша п. 176; 86: Дмитровка кат. 10; 87, 106: Дмитровка кат. 54; 90: Дмитровка кат. 70; 92: Дмитровка кат. 86; 93: Красная Горка п. 144; 94: Нетайловка п. 132; 95: Дмитровка кат. 5; 96–97, 100, 102–104: Старый Салтов кат. 15; 107: Верхний Салтов кат. 109 ВСМ-IV; 113–114: Старый Салтов кат. 5; 115: Дмитровка кат. 143; 118: Нетайловка п. 139

3. kép. Az összefonódó palmettás stílus III. szakasza és a geometrikus kompozíció. 1–4: Fotovízs; 5, 108–110, 112, 117: Dimitrovka 52. kamrasír; 6, 10, 17–18: Nyetajlovka 491. sír; 7, 9, 105: Dimitrovka 79. kamrasír; 8, 31: Verhnyij Szaltov; 11: Nyetajlovka 498. sír; 12: Nyetajlovka 340. sír; 13: Nyetajlovka 380. sír; 14: Nyetajlovka 373. sír; 15: Nyetajlovka 381. sír; 16, 28: Nyetajlovka 164-B sír; 19: Topoli; 20; 33: Nyetajlovka 413. sír; 21–23, 26: Kicevka; 24–25: Kicevka 2015/2. kurgán; 27: Nyetajlovka 250. sír; 29: Szuhaja Gomolsa 135. sír; 30: Sztarij Szaltov 22. kamrasír; 32, 49: Nyetajlovka 265. sír; 34, 44, 98: Sztarij Szaltov 7. kamrasír; 35–36, 39: Sztarij Szaltov 21. kamrasír; 37: Nyetajlovka 134. sír; 38, 68, 101: Nyetajlovka 215. sír; 40, 52: Verhnyij Szaltov III. temető, 13. kamrasír; 41: Dimitrovka 118. kamrasír; 42: Verhnyij Szaltov IV. temető, 26. kamrasír; 43: Sztarij Szaltov 12. kamrasír; 45, 65–66, 69, 70, 111: Verhnyij Szaltov; 46: Dimitrovka, 119. kamrasír; 47: Dimitrovka 22. kamrasír; 48, 80, 88: Dimitrovka 3. kamrasír; 50–51, 119: Dimitrovka 142. kamrasír; 53, 57, 60, 62: Verhnyij Szaltov I. temető, 22. kamrasír; 54, 67, 89: Sztarij Szaltov 16. kamrasír; 55, 58: Sztarij Szaltov 19. kamrasír; 56: Krasznaja Gorka 236. sír; 59, 79: Dimitrovka 11. kamrasír; 61, 91: Dimitrovka 106. kamrasír; 63: Sztarij Szaltov 14. kamrasír; 64: Dimitrovka 124. kamrasír; 71, 78, 116: Sztarij Szaltov 3. kamrasír; 72, 77, 82: Rubezsnoje, 3. kamrasír; 73–74: Verhnyij Szaltov IV. temető, 55. kamrasír; 75, 99: Dimitrovka 55. kamrasír; 76: Dimitrovka 51. kamrasír; 81: Verhnyij Szaltov I. temető, 67. kamrasír; 83: Balka Szuhaja Gomolsa, 2013/1. sír; 84: Szuhaja Gomolsa 143. sír; 85: Szuhaja Gomolsa 176. sír; 86: Dimitrovka 10. kamrasír; 87, 106: Dimitrovka 54. kamrasír; 90: Dimitrovka 70. kamrasír; 92: Dimitrovka 86. kamrasír; 93: Krasznaja Gorka 144. sír; 94: Nyetajlovka 132. sír; 95: Dimitrovka 5. kamrasír; 96–97, 100, 102–104: Sztarij Szaltov 15. kamrasír; 107: Verhnyij Szaltov IV. temető, 109. kamrasír; 113–114: Sztarij Szaltov 5. kamrasír; 115: Dimitrovka 143. kamrasír; 118: Nyetajlovka 139. sír

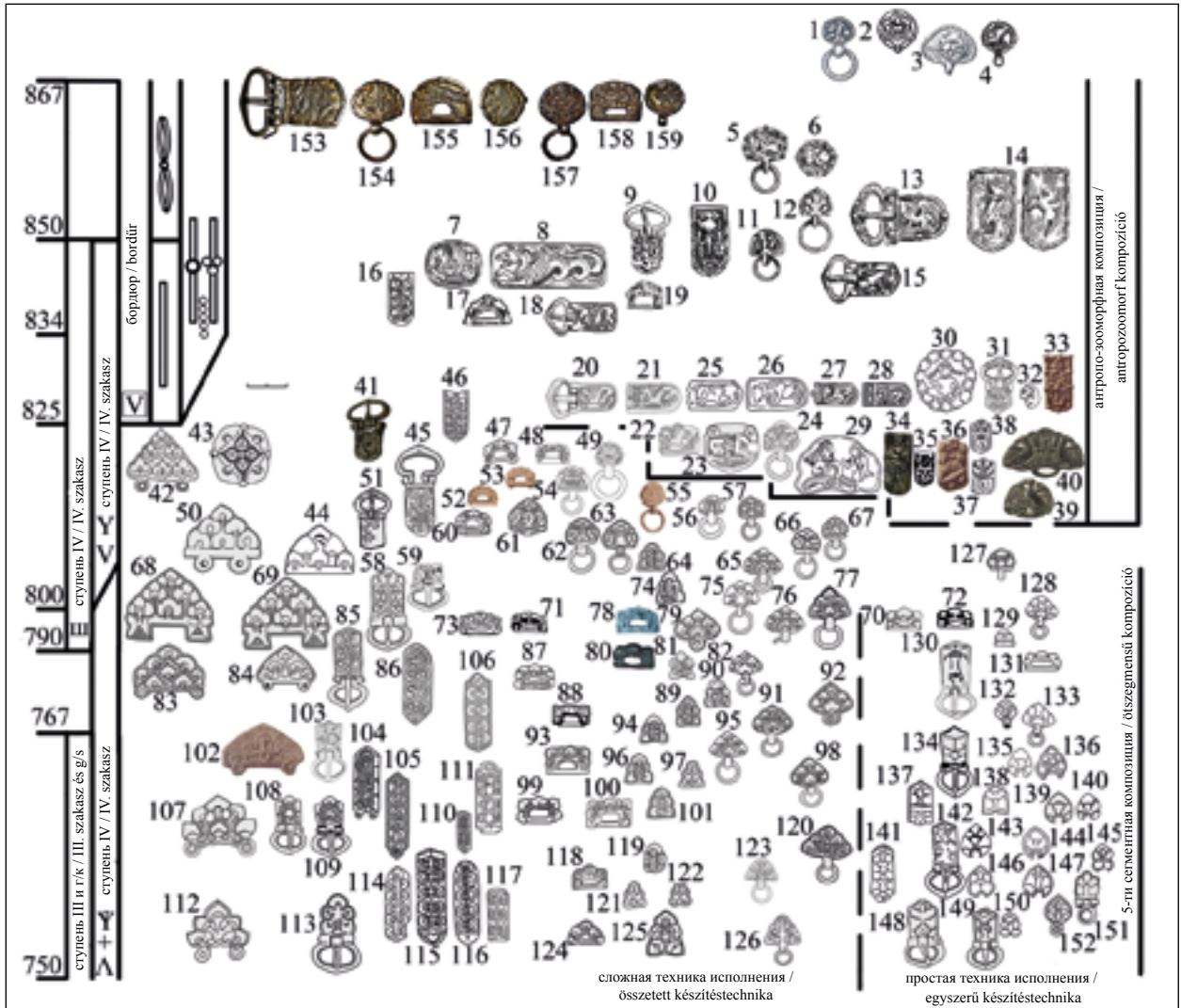

Рис. 4. IV композиционная ступень стиля перевязанной пальметты: пятисегментная и антропо-зооморфная композиция.

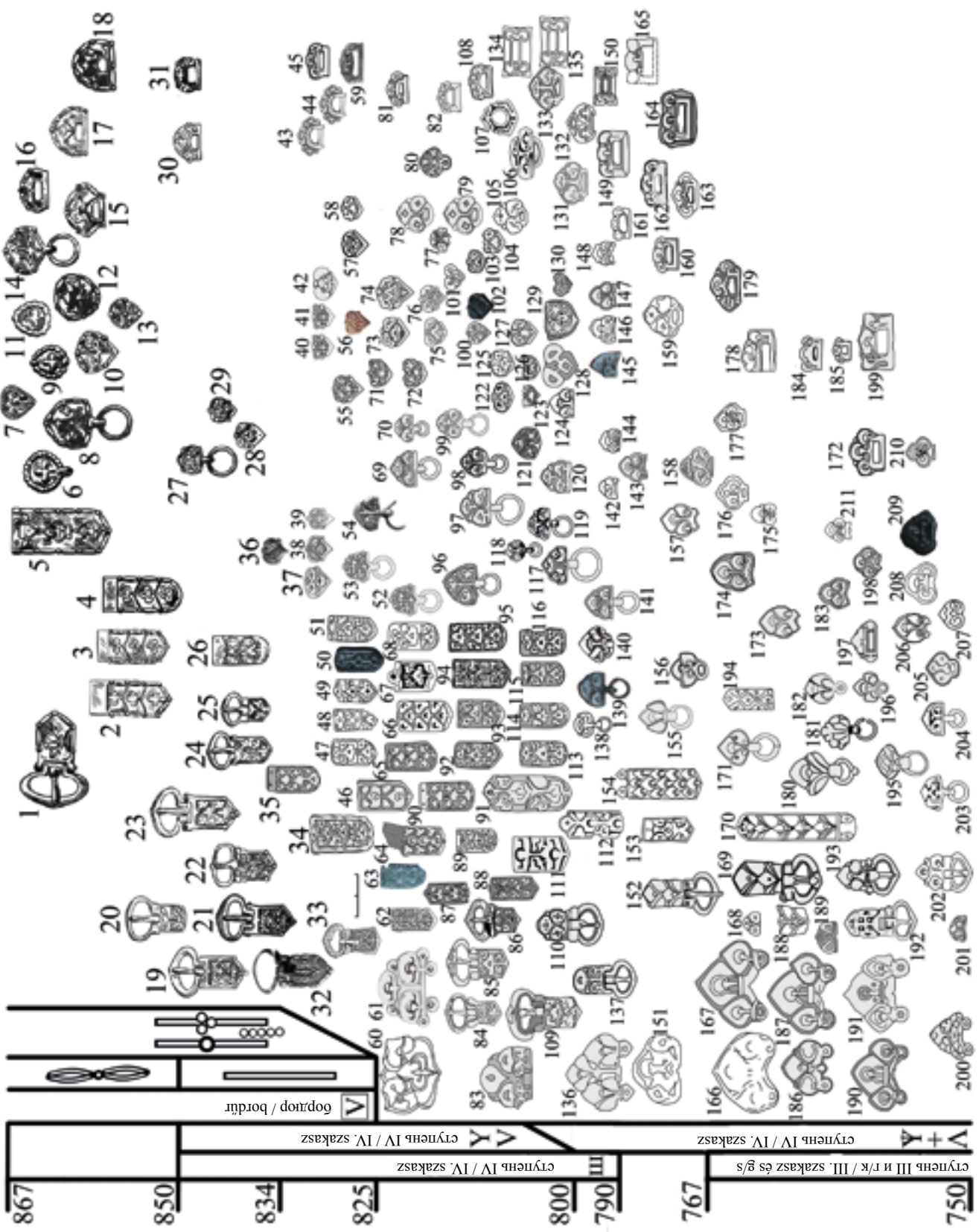
1: Супрутский клад; 2: Уелги (насыпи курганов 1–2); 3: о. Оланд; 4: Бирка; 5–6: Большие Тиганы п. 6–8; 12: Большие Тиганы п. 24; 9, 19: Большие Тиганы п. 19; 10, 15, 17: Большие Тиганы п. 48; 11–13: Большие Тиганы п. 13; 14: Большие Тиганы п. 23; 16, 18: Большие Тиганы п. 3; 20–24, 32, 43: Нижний Бишкун п. 2; 25, 127: Верхний Салтов кат. 92 ВСМ-IV; 26: Верхний Салтов кат. 5 ВСМ-IV; 27, 37–38, 44–46, 50, 70, 82, 84, 111, 129, 138: Верхний Салтов; 28, 72, 73: Дмитровка кат. 51; 29, 30: Верхний Салтов кат. 40 ВСМ-I; 31: погребение на селище Нетайловка-2; 33, 52, 53, 55: Верхний Салтов кат. 33 ВСМ-1902 г.; 34, 41, 56: Кочеток (Сороков яр) п. 1/2015 р.; 35: Дмитровка кат. 148; 36: Верхний Салтов кат. 25 ВСМ-1902 г.; 39: Верхний Салтов кат. 3 ВСМ-1911 р.; 40: Верхний Салтов кат. 10 ВСМ-1911 г.; 42: Нетайловка п. 2; 47, 57: Верхний Салтов кат. 71 ВСМ-IV; 48, 54: Кочеток (Сороков яр) п. 2/2015 р.; 49: Бабчанка п. 1/2015; 51: Дмитровка кат. 169; 58, 92: Верхний Салтов кат. 97 ВСМ-IV; 59: Дмитровка кат. 22; 60: Верхний Салтов кат. 99, п. 2 ВСМ-IV; 61–62: Верхний Салтов кат. 56 ВСМ-IV; 63: Верхний Салтов кат. 46 ВСМ-IV; 64, 76, 100: Верхний Салтов кат. 93, п. 1 ВСМ-IV; 65, 81, 85–87: Верхний Салтов кат. 11 ВСМ-1947 г.; 66: Верхний Салтов кат. 117 ВСМ-IV; 67: Верхний Салтов кат. 96, п. 2 ВСМ-IV; 68–69: Верхний Салтов конь 3 ВСМ-I; 71, 88: Дмитровка кат. 87; 74, 77: Верхний Салтов кат. 99, п. 1 ВСМ-IV; 75: Красная Горка п. 293/к. 34; 78, 135: Верхний Салтов кат. 22 ВСМ-I; 79, 96: Верхний Салтов кат. 96, п. 4 ВСМ-IV; 80: Верхний Салтов кат. 67 ВСМ-IV; 83: Нетайловка п. 431; 89, 91, 93: Верхний Салтов кат. 44 ВСМ-IV; 90, 94: Верхний Салтов кат. 93, тайник ВСМ-IV; 95: Нетайловка п. 349; 97: Верхний Салтов кат. 22 ВСМ-IV; 98: Нетайловка п. 377; 99: Нетайловка п. 52; 101, 106: Верхний Салтов кат. 107 ВСМ-IV; 102: Верхний Салтов конь ВСМ-1902 р.; 103: Кицевка компл. 1/2015; 104, 134: Дмитровка кат. 101; 105, 109: Дмитровка кат. 106; 107, 139: Нетайловка п. 389; 108, 133: Дмитровка кат. 92; 110, 121: Верхний Салтов кат. 25 ВСМ-IV; 112: Нетайловка п. 444; 113, 120, 125: Верхний Салтов кат. 40 ВСМ-IV; 114, 149: Нетайловка п. 435; 115, 143: Нетайловка п. 472; 116: Нетайловка п. 53; 117, 126: Верхний Салтов кат. 26 ВСМ-IV; 118: Красная Горка п. 77 к. 3; 119: Верхний Салтов кат. 68 ВСМ-IV; 122: Верхний Салтов кат. 24 ВСМ-IV; 123: Нетайловка п. 23; 124, 147, 152: Нетайловка п. 482; 128: Красная Горка п. 265; 130: Дмитровка кат. 45; 131, 141: Дмитровка кат. 165; 132: Дмитровка кат. 72; 136: Верхний Салтов конь 1 ВСМ-I; 137: Дмитровка кат. 21; 140: Нетайловка п. 221; 142: Дмитровка кат. 142; 144: Старый Салтов кат. 12; 145: Нетайловка п. 406; 146: Пятницкое; 148: Верхний Салтов кат. 102 ВСМ-IV; 150: Дмитровка кат. 157; 151: Дмитровка кат. 115; 153–156: Субботцы п. 2; 157–159: Катериновка п. 1, к. 32.

и учли самую младшую монету из комплекса в последней графе (рис. 2. С, 31). Для категорииременная гарнитура композиционной серии стиля перевязанной пальметты: ступень III – перевязанная пальметта и геометрическая композиция (П/Г) (рис. 2. С, 1); ступень IV («лотосовидный» орнамент) разделена на три группы: Λ – основа с крестовидным (+) или Ψ-подобным размещением бутонов (рис. 2. С, 2), тире подобная (–) основа композиции с симметричным размещением бутонов (Ш) (рис. 2. С, 3), V-подобная основа с Y-подобным размещением бутонов (рис. 2. С, 4); антропо-зооморфная композиция (А/З) (рис. 2. С, 5). Нужно отметить, что сперва в таблицу были внесены данные, которые учитывали более дробное разделение по композициям с учетом техники нанесения орнамента, однако информативность данного шага оказалась низкой. Для категории удила с псалиями учтены их отдельные элементы: S-видные или ровные плоские (прямоугольные) в сечении (рис. 2. С, 6), S-видные псалии круглые в сечении (рис. 2. С, 7), гвоздевидные псалии кру-

глые или квадратные в сечении (рис. 2. С, 8); петли псалий для закрепления ремней оголовья – пластинчатые (рис. 2. С, 9) и П-образные (рис. 2. С, 10). Для категории стремена также внесены их отдельные элементы: не сомкнутая петля (рис. 2. С, 11); прямоугольных или трапециевидных очертаний петля, которая отделена от корпуса перехватом (рис. 2. С, 12); петля округлых очертаний (рис. 2. С, 13); прямоугольная петля, которая не имеет перехвата (рис. 2. С, 14). Отметим, что приведенные признаки имеют и технологические отличия. Так, не сомкнутая петля у стремян – это свидетельство более упрощенного (дешевого) способа их изготовления. Другие способы изготовления (рис. 2. С, 12–14) технологически более сложные, поскольку петля цельная и при ее изготовлении кузнец тратил больше времени.⁴⁸ Подножка: прямая или вогнутая (рис. 2. С, 15), выгнутая (рис. 2. С, 16). Для определения данного признака не всегда достаточно информации, поскольку в погребениях имеются умышленно деформированные изделия и не всегда удается определить, была ли поднож-

⁴⁸ АМБРОЗ 1973, 82–85.

4. kép. Az összefonódó palmettás stílus IV. fokozata: ötosztatú, illetve ember- és állatalakos kompozíció. 1: Szupruti (kincslelet); 2: Ujelgi (az 1–2. kurgán betöltéséből); 3: Áland-szigetek; 4: Birka; 5–6: Bolsije Tyigani 6. sír; 7–8, 12 : Bolsije Tyigani 24. sír; 9, 19: Bolsije Tyigani 19 sír; 10, 15, 17: Bolsije Tyigani 48. sír; 11–13 Bolsije Tyigani 13. sír; 14: Bolsije Tyigani 23. sír; 16, 18: Bolsije Tyigani 3. sír; 20–24, 32, 43: Nyizsnyij Biskin, 2. sír; 25, 127: Verhnyij Szaltov IV. temető, 92. kamrasír; 26: Verhnyij Szaltov IV. temető, 5. kamrasír; 27, 37–38, 44–46, 50, 70, 82, 84, 111, 129, 138: Verhnyij Szaltov; 28, 72, 73: Dmitrovka 51. kamrasír; 29, 30: Verhnyij Szaltov I. temető, 40. kamrasír; 31: a Nyetajlovka-2 nevű telepen talált sír; 33, 52–53, 55: Verhnyij Szaltov 1902. évi ásatás, 33. kamrasír; 34, 41, 56: Kocsetok (Szorokov jar) 2015/1. sír; 35: Dmitrovka 148. kamrasír; 36: Verhnyij Szaltov 1902. évi ásatás, 25. kamrasír; 39: Verhnyij Szaltov 1911. évi ásatás, 3. kamrasír; 40: Verhnyij Szaltov 1911. évi ásatás, 10. kamrasír; 42: Nyetajlovka 2. sír; 47, 57: Verhnyij Szaltov IV. temető, 71. kamrasír; 48, 54: Kocsetok (Szorokov jar) 2015/2. sír; 49: Babcsanka 2015/1. sír; 51: Dmitrovka 169. kamrasír; 58, 92: Verhnyij Szaltov IV. temető, 97. kamrasír; 59: Dmitrovka 22. kamrasír; 60: Verhnyij Szaltov IV. temető, 99. kamrasír 2. temetkezés; 61–62: Verhnyij Szaltov IV. temető, 56. kamrasír; 63: Verhnyij Szaltov IV. temető, 46. kamrasír; 64, 76, 100: Verhnyij Szaltov IV. temető, 93. kamrasír 1. temetkezés; 65, 81, 85–87: Verhnyij Szaltov 1947. évi ásatás, 11. kamrasír; 66: Verhnyij Szaltov IV. temető, 117. kamrasír; 67: Verhnyij Szaltov IV. temető, 96. kamrasír 2. temetkezés; 68–69: Verhnyij Szaltov I. temető, 3. ló; 71, 88: Dmitrovka 87. kamrasír; 74, 77: Verhnyij Szaltov IV. temető, 99. kamrasír 1. temetkezés; 75: Krasznaja Gorka 34. kurgán 293. sír; 78, 135: Verhnyij Szaltov I. temető, 22. kamrasír; 79, 96: Verhnyij Szaltov IV. temető, 96. kamrasír, 4. sír; 80: Verhnyij Szaltov IV. temető, 67. kamrasír; 83: Nyetajlovka 431. sír; 89, 91, 93: Verhnyij Szaltov IV. temető, 44. kamrasír; 90, 94: Verhnyij Szaltov IV. temető, 93. kamrasír; tajnyik; 95: Nyetajlovka 349. sír; 97: Verhnyij Szaltov IV. temető, 22. kamrasír; 98: Nyetajlovka 377. sír; 99: Nyetajlovka 52. sír; 101, 106: Verhnyij Szaltov IV. temető, 107. kamrasír; 102: Verhnyij Szaltov 1902. évi ásatás, ló; 103: Kicevka 2015/1. objektum; 104, 134: Dmitrovka 101. kamrasír; 105, 109: Dmitrovka 106. kamrasír; 107, 139: Nyetajlovka 389. sír; 108, 133: Dmitrovka 92. kamrasír; 110, 121: Verhnyij Szaltov IV. temető, 25. kamrasír; 112: Nyetajlovka 444. sír; 113, 120, 125: Verhnyij Szaltov IV. temető, 40. kamrasír; 114, 149: Nyetajlovka 435. sír; 115, 143: Nyetajlovka 472. sír; 116: Nyetajlovka 53. sír; 117, 126: Verhnyij Szaltov IV. temető, 26. kamrasír; 118: Krasznaja Gorka 3. kurgán 77. sír; 119: Verhnyij Szaltov IV. temető, 68. kamrasír; 122: Verhnyij Szaltov IV. temető, 24. kamrasír; 123: Nyetajlovka 23. sír; 124, 147, 152: Nyetajlovka 482. sír; 128: Krasznaja Gorka 265. sír; 130: Dmitrovka 45. kamrasír; 131, 141: Dmitrovka 165. kamrasír; 132: Dmitrovka 72. kamrasír; 136: Verhnyij Szaltov I. temető, 1. ló; 137: Dmitrovka 21. kamrasír; 140: Nyetajlovka 221. sír; 142: Dmitrovka 142. kamrasír; 144: Sztarij Szaltov 12. kamrasír; 145: Nyetajlovka 406. sír; 146: Pjatyickoje; 148: Verhnyij Szaltov IV. temető, 102. kamrasír; 150: Dmitrovka 157. kamrasír; 151: Dmitrovka 115. kamrasír; 153–156: Szubbotci 2. sír; 157–159: Katyerinovka 32. kurgán 1. sír

867
850
834
825
800
790
767
750

стунь IV / IV. szakasz
стунь IV / IV. szakasz
стунь IV / IV. szakasz
стунь III и г/к / III. szakasz és g/s

гопронд / bordtű

Рис. 5. IV композиционная ступень стиля перевязанной пальметты: трехсегментная композиция со сложной техникой исполнения орнамента. 1, 5, 10, 14, 15: Большие Тиганы п. 28; 2, 23: Большие Тиганы п. 24; 3, 17, 19, 20, 30: Большие Тиганы п. 6; 4, 6, 9, 16: Большие Тиганы п. 16; 7, 13, 28: Большие Тиганы п. 48; 8, 12, 18: Большие Тиганы п. 22; 11: Большие Тиганы п. 44; 21, 27, 29, 31: Большие Тиганы п. 14; 22: Большие Тиганы п. 13; 24: Большие Тиганы п. 37; 25: Большие Тиганы п. 29; 26: Большие Тиганы п. 3; 32, 36, 54, 59: Воробьевка; 33, 43, 53: Нетайловка п. 71; 34, 74, 93: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 56; 35, 51, 58, 80: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 99 п. 2; 37, 42, 61, 67, 78: Нижний Бишкин п. 2; 38, 66: Кочеток (Сороков яр) п. 1/2015; 39: Бабчанка п. 1/2015; 40, 52, 62: Нетайловка п. 60; 41, 44: Нетайловка п. 2; 45, 57, 94, 98, 110: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 37; 46, 178, 183: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 97; 47, 68, 85, 125, 159, 166: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 93; 48: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 21; 49, 70, 81, 95, 100, 105, 112, 153, 160–161, 175, 186, 197, 203–204: Верхний Салтов ВСМ-IV; 50: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 67; 55: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 70; 56: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 33/1902; 60, 64, 79: Нетайловка п. 2; 63: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 13; 65, 72: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 71; 69: Нетайловка п. 371; 71, 92: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 44; 73: Нижний Бишкин п. 1; 75, 82, 99: погребение на селище Нетайловка-2; 76: Кочеток (Сороков яр) п. 2/2015; 77, 86, 88: Дмитровка кат. 126; 83, 158, 189, 191: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 22; 84: Нетайловка п. 223; 87, 118, 123: Дмитровка кат. 169; 89, 101, 168: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 26; 90, 116, 133: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 96 п. 4; 91, 97, 109, 120, 199: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 118; 95: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 76 п. 2; 96, 129, 164, 174: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 76 п. 1; 102: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 66; 103–104, 108, 122, 126: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 96 п. 2; 106–107, 111, 165: Кочеток (Сороков яр) п. 3/2015; 113: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 119 осмертный дар; 114, 149: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 99 п. 1; 115: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 96 п. 3; 117: Нетайловка п. 376; 119, 185: Дмитровка кат. 51; 121: Дмитровка кат. 148; 124, 140: Куцевка; 127: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 117; 128: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 27; 130: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 18; 131: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 107; 132, 201: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 25; 134, 146: Красная Горка п. 293/к. 34; 135, 144: Красная Горка п. 265; 136, 154: Пятницкое; 137: Красная Горка п. 93/к. 6; 138, 142: Дмитровка кат. 21; 139, 145: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 65; 141, 143: Нетайловка п. 361; 147: Нетайловка п. 377; 148, 163: Дмитровка кат. 92; 150: Дмитровка кат. 111; 151, 194: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 24; 152: Дмитровка кат. 143; 155: Нетайловка п. 501; 156: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 55; 157, 169, 180: Нетайловка п. 472; 162: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 105; 167, 187: Верхний Салтов ВСМ-I конь 3; 170–171: Нетайловка п. 343; 172: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 40; 173: Нетайловка п. 344; 176: Старый Салтов кат. 12; 177: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 84; 179, 206: Нетайловка п. 492; 181: Дмитровка кат. 101; 182, 196: Нетайловка п. 389; 184: Дмитровка кат. 155; 188: Сухая Гомолья п. 252; 190: Верхний Салтов ВСМ-I конь 1; 192: Дмитровка кат. 33; 193: Дмитровка кат. 118; 195: Нетайловка п. 410; 198: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 68; 200: Нетайловка п. 444; 202, 205: Красная Горка п. 77/к. 3; 207: Дмитровка кат. 7; 208: Старый Салтов кат. 21; 209: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 64; 210: Нетайловка п. 345; 211: Нетайловка п. 23

5. kép. Az összefonódó palmettás stílus IV. szakasza: összetett készítéstechnikai eljárással készült díszítéssel ellátott háromszlatú kompozíciók. 1, 5, 10, 14, 15: Bolsije Tyigani 28. sír; 2, 23: Bolsije Tyigani 24. sír; 3, 17, 19, 20, 30: Bolsije Tyigani 6. sír; 4, 6, 9, 16: Bolsije Tyigani 16. sír; 7, 13, 28: Bolsije Tyigani 48. sír; 8, 12, 18: Bolsije Tyigani 22. sír; 11: Bolsije Tyigani 44. sír; 21, 27, 29, 31: Bolsije Tyigani 14. sír; 22: Bolsije Tyigani 13. sír; 24: Bolsije Tyigani 37. sír; 25: Bolsije Tyigani 29. sír; 26: Bolsije Tyigani 3. sír; 32, 36, 54, 59: Vorobjovka; 33, 43, 53: Nyetajlovka 71. sír; 34, 74, 93: Verhnyij Szaltov IV. temető 56. kamrasír; 35, 51, 58, 80: Verhnyij Szaltov IV. temető 99. kamrasír 2. temetkezés; 37, 42, 61, 67, 78: Nyizsnyij Biskin 2. sír; 38, 66: Kocsetok (Szorokov jar) 2015/1. sír; 39: Babcsanka 2015/1. sír; 40, 52, 62: Nyetajlovka 60. sír; 41, 44: Nyetajlovka 22. sír; 45, 57, 94, 98, 110: Verhnyij Szaltov IV. temető 37. kamrasír; 46, 178, 183: Verhnyij Szaltov IV. temető 97. kamrasír; 47, 68, 85, 125, 159, 166: Verhnyij Szaltov IV. temető 93. kamrasír; 48: Verhnyij Szaltov IV. temető 21. kamrasír; 49, 70, 81, 95, 100, 105, 112, 153, 160–161, 175, 186, 197, 203–204: Verhnyij Szaltov IV. temető; 50: Verhnyij Szaltov I. temető 67. kamrasír; 55: Verhnyij Szaltov IV. temető 70. kamrasír; 56: Verhnyij Szaltov I. temető 1902/33. kamrasír; 60, 64, 79: Nyetajlovka 2. sír; 63: Verhnyij Szaltov I. temető 13. kamrasír; 65, 72: Verhnyij Szaltov IV. temető 71. kamrasír; 69: Nyetajlovka 371. sír; 71, 92: Verhnyij Szaltov IV. temető 44. kamrasír; 73: Nyizsnyij Biskin 1. sír; 75, 82, 99: a Nyetajlovka-2 nevű telepen talált sír; 76: Kocsetok (Szorokov jar) 2015/2. sír; 77, 86, 88: Dmitrovka 126. kamrasír; 83, 158, 189, 191: Verhnyij Szaltov IV. temető 22. kamrasír; 84: Nyetajlovka 223. sír; 87, 118, 123: Dmitrovka 169. kamrasír; 89, 101, 168: Verhnyij Szaltov IV. temető 26. kamrasír; 90, 116, 133: Verhnyij Szaltov IV. temető 96. kamrasír 4. temetkezés; 91, 97, 109, 120, 199: Verhnyij Szaltov IV. temető 118. kamrasír; 95: Verhnyij Szaltov IV. temető 76. kamrasír 2. temetkezés; 96, 129, 164, 174: Verhnyij Szaltov IV. temető 76. kamrasír 1. temetkezés; 102: Verhnyij Szaltov I. temető 66. kamrasír; 103–104, 108, 122, 126: Verhnyij Szaltov IV. temető 96. kamrasír 2. temetkezés; 106–107, 111, 165: Kocsetok (Szorokov jar) 2015/3. sír; 113: Verhnyij Szaltov IV. temető 119. kamrasír; posztmortális melléklet; 114, 149: Verhnyij Szaltov IV. temető 99. kamrasír 1. temetkezés; 115: Verhnyij Szaltov IV. temető 96. kamrasír 3. temetkezés; 117: Nyetajlovka 376. sír; 119, 185: Dmitrovka 51. kamrasír; 121: Dmitrovka 148. kamrasír; 124, 140: Kicevka; 127: Verhnyij Szaltov IV. temető 117. kamrasír; 128: Verhnyij Szaltov IV. temető 27. kamrasír; 130: Verhnyij Szaltov IV. temető 18. kamrasír; 131: Verhnyij Szaltov IV. temető 107. kamrasír; 132, 201: Verhnyij Szaltov IV. temető 25. kamrasír; 134, 146: Krasznaja Gorka 34. kurgán 293. sír; 135, 144: Krasznaja Gorka 265. sír; 136, 154: Pjatnyickoje; 137: Krasznaja Gorka 6. kurgán 93. sír; 138, 142: Dmitrovka 21. kamrasír; 139, 145: Verhnyij Szaltov I. temető 65. kamrasír; 141, 143: Nyetajlovka 361. sír; 147: Nyetajlovka 377. sír; 148, 163: Dmitrovka 92. kamrasír; 150: Dmitrovka 111. kamrasír; 151, 194: Verhnyij Szaltov IV. temető 24. kamrasír; 152: Dmitrovka 143. kamrasír; 155: Nyetajlovka 501. sír; 156: Verhnyij Szaltov IV. temető 55. kamrasír; 157, 169, 180: Nyetajlovka 472. sír; 162: Verhnyij Szaltov IV. temető 105. kamrasír; 167, 187: Verhnyij Szaltov I. temető 3. ló; 170, 171: Nyetajlovka 343. sír; 172: Verhnyij Szaltov IV. temető 40. kamrasír; 173: Nyetajlovka 344. sír; 176: Sztarij Szaltov 12. kamrasír; 177: Verhnyij Szaltov IV. temető 84. kamrasír; 179, 206: Nyetajlovka 492. sír; 181: Dmitrovka 101. kamrasír; 182, 196: Nyetajlovka 389. sír; 184: Dmitrovka 155. kamrasír; 188: Szuhaja Gomolsa 252. sír; 190: Verhnyij Szaltov I. temető 1. ló; 192: Dmitrovka 33. kamrasír; 193: Dmitrovka 118. kamrasír; 195: Nyetajlovka 410. sír; 198: Verhnyij Szaltov IV. temető 68. kamrasír; 200: Nyetajlovka 444. sír; 202, 205: Krasznaja Gorka 3. kurgán 77. sír; 207: Dmitrovka 7. kamrasír; 208: Sztarij Szaltov 21. kamrasír; 209: Verhnyij Szaltov I. temető 64. kamrasír; 210: Nyetajlovka 345. sír; 211: Nyetajlovka 23. sír

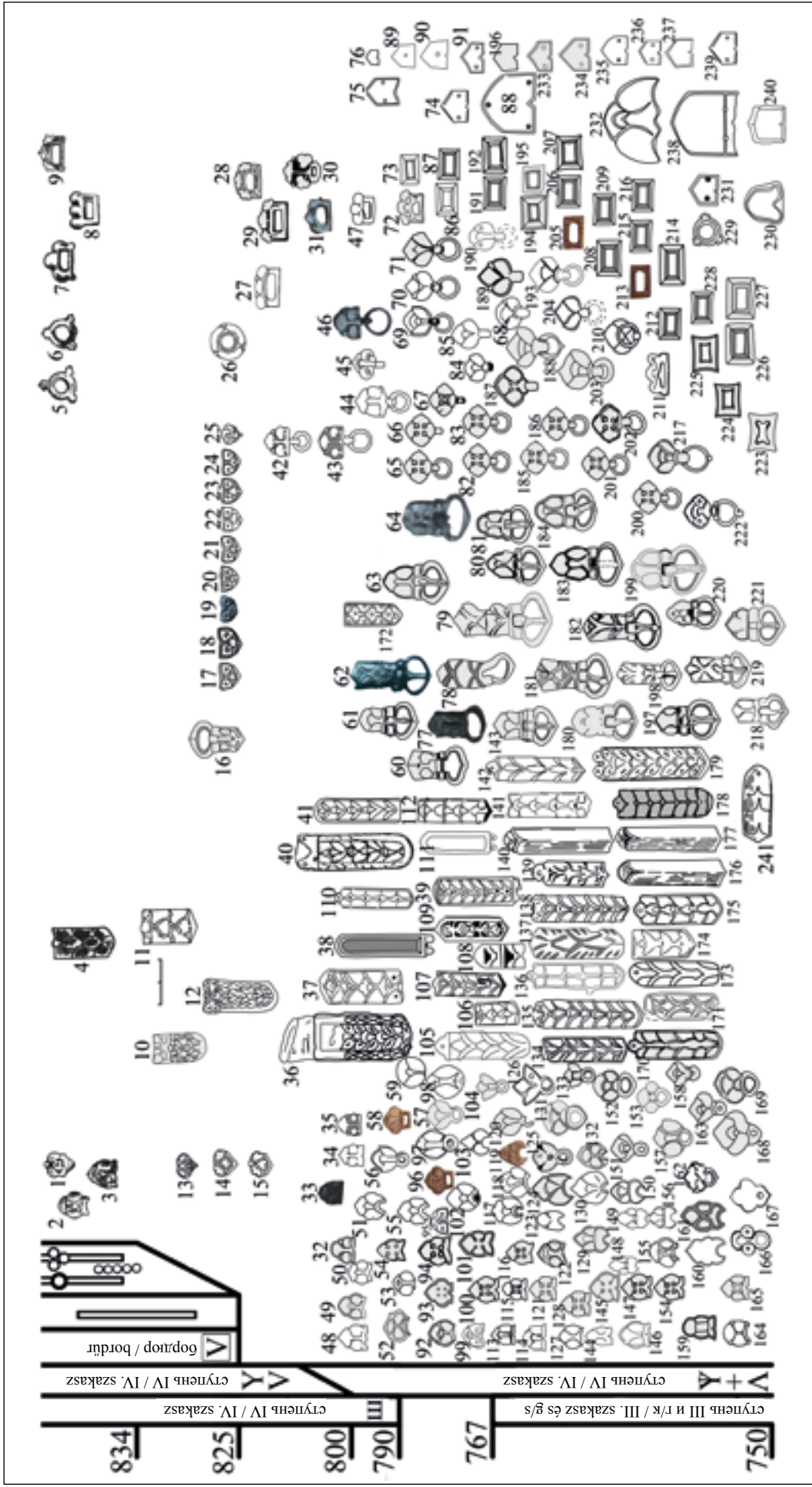

Рис. 6. IV композиционная ступень стиля перевязанной пальметты: трехсегментная композиция с простой техникой исполнения орнамента. 1–2: Большие Тиганы п. 3; 3–4, 6–7: Большие Тиганы п. 22; 5, 8: Большие Тиганы п. 40; 9: Большие Тиганы п. 13; 10: погребение на селище Нетайловка-2; 11, 26–27: Бабчанка п. 1/2013; 12: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 78; 13, 25, 67, 147, 212: Дмитровка кат. 51; 14: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 92; 15, 21, 23: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 99 п. 2; 16: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 96 п. 2; 17, 40: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 99 п. 1; 18: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 76 п. 2; 19, 33, 46, 77: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 67; 20: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 44; 22: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 93 п. 2; 24: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 119 посмертный дар; 28: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 98; 29–30, 229: Дмитровка кат. 124; 31, 64: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 65; 32, 42, 45, 56, 82, 99, 110, 114, 116, 141–142, 156, 160, 166–167, 198, 211, 218–219, 221: Верхний Салтов ВСМ-IV; 34, 185, 215: Дмитровка кат. 81; 35, 43, 112: Дмитровка кат. 87; 36: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 76 п. 1; 37: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 93 п. 1; 38, 70, 86, 103, 113, 197: Дмитровка кат. 108; 39, 92, 126, 155, 181, 184, 227: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 55; 41: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 84; 44, 48, 72, 108: Дмитровка кат. 121; 47, 50, 109: Дмитровка кат. 92; 49, 129, 131, 136: Нетайловка п. 501; 51, 63, 224: Дмитровка кат. 115; 52, 132, 157, 194: Старый Салтов кат. 11; 53, 123, 149: Дмитровка кат. 21; 54, 60, 69: Дмитровка кат. 165; 55, 80, 84, 177: Дмитровка кат. 72; 57, 153, 195: Нетайловка п. 23; 58, 96, 119, 205, 213: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 23/1902 р. 59, 76: Дмитровка кат. 54; 61, 65–66, 115, 128, 206, 208: Дмитровка кат. 164; 62, 193: Верхний Салтов ВСМ-I кат. 22; 68, 118, 178: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 109; 71, 139, 207: Дмитровка кат. 157; 73, 97: Старый Салтов кат. 1; 74: Нетайловка п. 431; 75: Нетайловка п. 361; 78, 152: Сухая Гомольша п. 273; 79: Дмитровка кат. 23; 81, 117: Дмитровка кат. 55; 83, 100, 143, 209: Дмитровка кат. 80; 85: Сухая Гомольша п. 186; 87, 101, 159, 187, 189: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 30; 88: Верхний Салтов ВСМ-I конь 1; 89–90: Нетайловка п. 486; 91: Нетайловка п. 343; 93, 174: Красная Горка п. 77/к. 3; 94, 95, 106, 170, 192, 202: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 106; 98: Красная Горка п. 245/к. 17; 101, 125, 176: Дмитровка кат. 162; 102, 140: Дмитровка кат. 119; 104, 111, 144, 148, 180, 214: Красная Горка п. 150/к. 13; 105, 146, 190: Красная Горка п. 209/к. 10; 107, 127, 191, 201, 220: Дмитровка кат. 111; 120: Сухая Гомольша п. 29; 121: Дмитровка кат. 101; 122, 169, 175, 226: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 102; 124: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 115; 130, 203: Нетайловка п. 52; 133: Дмитровка кат. 118; 134, 217: Нетайловка п. 406; 135, 161: Дмитровка кат. 143; 137: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 116; 138: Нетайловка п. 492; 145: Лысый Горб п. 2; 150: Нетайловка п. 410; 151, 158, 163, 168, 196: Дмитровка кат. 173; 154, 186, 216: Красная Горка п. 93/к. 6; 164: Балка Сухая Гомольша п. 1/2013; 165, 200, 228: Красная Горка п. 145; 171, 240: Старый Салтов кат. 21; 172: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 25; 173: Нетайловка п. 53; 179: Нетайловка п. 522; 182: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 105; 183, 223: Дмитровка кат. 70; 188: Нетайловка п. 389; 199: Старый Салтов кат. 16; 204: Верхний Салтов ВСМ-IV кат. 69; 210, 235: Нетайловка п. 221; 222: Дмитровка кат. 155; 225: Дмитровка кат. 106; 230: Старый Салтов кат. 7; 231: Верхний Салтов ВСМ-I конь 3; 232, 238: Красная Горка п. 289/к. 28; 233–234: Нетайловка п. 500; 236: Нетайловка п. 345; 237: Нетайловка п. 391; 239: Нетайловка п. 413; 241: Дмитровка кат. 142

6. kép. Az összefonódó palmettás stílus IV. szakasza: egyszerű készítéstechnikai eljárással készült díszítéssel ellátott háromszögletű kompozíciók. 1–2: Bolsije Tyigani 3. sír; 3–4, 6–7: Bolsije Tyigani 22. sír; 5, 8: Bolsije Tyigani 40. sír; 9: Bolsije Tyigani 13. sír; 10: a Nyetajlovka-2 nevű telepen talált sír; 11, 26, 27: Babcsanka 2013/I. sír; 12: Verhnyij Szaltov IV. temető 78. kamrasír; 13, 25, 67, 147, 212: Dmitrovka 51. kamrasír; 14: Verhnyij Szaltov IV. temető 92. kamrasír; 15, 21, 23: Verhnyij Szaltov IV. temető 99. kamrasír 2. temetkezés; 16: Verhnyij Szaltov IV. temető 96. kamrasír 2. temetkezés; 17, 40: Verhnyij Szaltov IV. temető 99. kamrasír 1. temetkezés; 18: Verhnyij Szaltov IV. temető 76. kamrasír 2. temetkezés; 19, 33, 46, 77: Verhnyij Szaltov IV. temető 67. kamrasír; 20: Verhnyij Szaltov IV. temető 44. kamrasír; 22: Verhnyij Szaltov IV. temető 93. kamrasír 2. temetkezés; 24: Verhnyij Szaltov IV. temető 119. kamrasír posztmortális melléklet; 28: Verhnyij Szaltov IV. temető 98. kamrasír; 29, 30, 229: Dmitrovka 124. kamrasír; 31, 64: Verhnyij Szaltov IV. temető 65. kamrasír; 32, 42, 45, 56, 82, 99, 110, 114, 116, 141–142, 156, 160, 166–167, 198, 211, 218–219, 221: Verhnyij Szaltov IV. temető; 34, 185, 215: Dmitrovka 81. kamrasír; 35, 43, 112: Dmitrovka 87. kamrasír; 36: Verhnyij Szaltov IV. temető 76. kamrasír 1. temetkezés; 37: Verhnyij Szaltov IV. temető 93. kamrasír 1. temetkezés; 38, 70, 86, 103, 113, 197: Dmitrovka 108. kamrasír; 39, 92, 126, 155, 181, 184, 227: Verhnyij Szaltov IV. temető 55. kamrasír; 41: Verhnyij Szaltov IV. temető 84. kamrasír; 44, 48, 72, 108: Dmitrovka 121. kamrasír; 47, 50, 109: Dmitrovka 92. kamrasír; 49, 129, 131, 136: Nyetajlovka 501. sír; 51, 63, 224: Dmitrovka 115. kamrasír; 52, 132, 157, 194: Sztarij Szaltov II. kamrasír; 53, 123, 149: Dmitrovka 21. kamrasír; 54, 60, 69: Dmitrovka 165. kamrasír; 55, 80, 84, 177: Dmitrovka 72. kamrasír; 57, 153, 195: Nyetajlovka 23. sír; 58, 96, 119, 205, 213: Verhnyij Szaltov IV. temető 1902/23. kamrasír; 59, 76: Dmitrovka 54. kamrasír; 61, 65–66, 115, 128, 206, 208: Dmitrovka 164. kamrasír; 62, 193: Verhnyij Szaltov I. temető 22. kamrasír; 68, 118, 178: Verhnyij Szaltov IV. temető 109. kamrasír; 71, 139, 207: Dmitrovka 157. kamrasír; 73, 97: Sztarij Szaltov I. kamrasír; 74: Nyetajlovka 431. sír; 75: Nyetajlovka 361. sír; 78, 152: Szuhaia Gomolsa 273. sír; 79: Dmitrovka 23. kamrasír; 81, 117: Dmitrovka 55. kamrasír; 83, 100, 143, 209: Dmitrovka 80. kamrasír; 85: Szuhaia Gomolsa 186. sír; 87, 101, 159, 187, 189: Verhnyij Szaltov IV. temető 30. kamrasír; 88: Verhnyij Szaltov I. temető 1. ló; 89–90: Nyetajlovka 486. sír; 91: Nyetajlovka 343. sír; 93, 174: Krasznaja Gorka 3. kurgán 77. sír; 94, 95, 106, 170, 192, 202: Verhnyij Szaltov IV. temető 106. kamrasír; 98: Krasznaja Gorka 17. kurgán 245. sír; 101, 125, 176: Dmitrovka, 162. kamrasír; 102, 140: Dmitrovka 119. kamrasír; 104, 111, 144, 148, 180, 214: Krasznaja Gorka 13. kurgán 150. sír; 105, 146, 190: Krasznaja Gorka 10. kurgán 209. sír; 107, 127, 191, 201, 220: Dmitrovka 111. kamrasír; 120: Szuhaia Gomolsa 29. sír; 121: Dmitrovka 101. kamrasír; 122, 169, 175, 226: Verhnyij Szaltov IV. temető 102. kamrasír; 124: Verhnyij Szaltov IV. temető 115. kamrasír; 130, 203: Nyetajlovka 52. sír; 133: Dmitrovka 118. kamrasír; 134, 217: Nyetajlovka 406. sír; 135, 161: Dmitrovka 143. kamrasír; 137: Verhnyij Szaltov IV. temető 116. kamrasír; 138: Nyetajlovka 492. sír; 145: Liszij Gorb 2. sír; 150: Nyetajlovka 410. sír; 151, 158, 163, 168, 196: Dmitrovka 173. kamrasír; 154, 186, 216: Krasznaja Gorka 6. kurgán 93. sír; 164: Balca Szuhaia Gomolsa 2013/I. sír; 165, 200, 228: Krasznaja Gorka 145. sír; 171, 240: Sztarij Szaltov 21. kamrasír; 172: Verhnyij Szaltov IV. temető 25. kamrasír; 173: Nyetajlovka 53. sír; 179: Nyetajlovka 522. sír; 182: Verhnyij Szaltov IV. temető 105. kamrasír; 183, 223: Dmitrovka 70. kamrasír; 188: Nyetajlovka 389. sír; 199: Sztarij Szaltov 16. kamrasír; 204: Verhnyij Szaltov IV. temető 69. kamrasír; 210, 235: Nyetajlovka 221. sír; 222: Dmitrovka 155. kamrasír; 225: Dmitrovka 106. kamrasír; 230: Sztarij Szaltov 7. kamrasír; 231: Verhnyij Szaltov I. temető 3. ló; 232, 238: Krasznaja Gorka 28. kurgán 289. sír; 233–234: Nyetajlovka 500. sír; 236: Nyetajlovka 345. sír; 237: Nyetajlovka 391. sír; 239: Nyetajlovka 413. sír; 241: Dmitrovka 142. kamrasír

ка вогнутой в первичном виде или это результат погребального обряда, либо подножка сперва была выгнутой или прямой. Более информативным в таком случае являются боковые стороны в месте перехода корпуса в подножку, поскольку они иногда остаются в неповрежденном состоянии. Однако это помогает установить только ее выгнутое первичное состояние. Сабли из памятников СМК региона являются немонолитными, конструктивно сложными изделиями, то есть состоят из отдельно изготовленных частей, которые соединены между собой в конкретном образце, кроме этого присутствует принадлежность клинка – ножны. В совокупности все составляющие представляют собой комплект. Все сабли коленчатые. Мы выделяем четыре основные части данного оружия. Первая – полотно (с клинком (полосой)) и хвостовиком для рукояти (черен) с отверстием (отверстиями). Вторая – эфес, в который входит перекрестие, щечки обкладок рукояти с их элементами – заклепка (заклепки) и навершие. Третья (принадлежность) – ножны, с их гарнитурой – стаканом и креплениями системы подвески – лопасти с их оковками, скобами для ремней портупей и манжет. Четвертая – специальная обойма, которая размещена на хвостовике между перекрестием и полосой для создания колена между эфесом и клинком, предоставляющая широкие возможности для существенного упрощения придания клинку желаемого баланса без механической обработки полотна. Акцентируем, что все исследованное нами однолезвийное длинноклинковое оружие Верхнего Подонцовья относится именно к саблям. При измерении количественных признаков в собственной системе измерений⁴⁹ удалось установить математическую аксиому для коленчатого оружия. Она сводится к тому, что если острие клинка находится ниже уровня продольной оси эфеса, то оружие является палашом, то есть клинок не выгнут (если и выгнут, то такое оружие не пригодно к применению, так как это является следствием повреждения). И наоборот, если острие клинка находится на одном уровне или над уровнем продольной оси

эфеса оружие является саблей, поскольку только в таком случае клинок выгнут. Собственно, для этого при измерении сабель и была применена система координат. Только она позволила выявлять угловые характеристики оружия (между продольными осями эфеса и полосы). У средневековых образцов коленчатого оружия колено размещено всегда исключительно между эфесом и клинком, что является характерной особенностью, которая отличает ее от аналогов античного времени – махайры и фалькаты, колено у которых наиболее часто размещено в первой половине или посредине клинка, считая от острия.

В данной работе рассмотрены элементы эфеса и формы лопастей подвеса ножен, которые являются наиболее подвижными в хронологическом плане изделиями. По признаку стилистической (морфологической) нагрузки выделяются два отдела перекрестий: простые (рис. 2. С, 17, 26) и усложненные (рис. 2. С, 21–25); по признаку пропорции перекрестия два типа: сплюсненные (рис. 2. С, 17, 21–24) и С-видные (рис. 2. С, 25, 26); по признаку способа изготовления три подтипа: цельные цельно кованые (рис. 2. С, 18), цельно кованые с двумя отверстиями по бокам от прорези для хвостовика (рис. 2. С, 19), спаянные (рис. 2. С, 20). Варианты перекрестий выделены на основе стилистического признака – декор окончаний перекрестия: без стилистической нагрузки окончаний (рис. 2. С, 17, 26), луковичные дисковые (рис. 2. С, 21), дисковые круглые или овальные (рис. 2. С, 22), дисковые трех лепестковые (рис. 2. С, 23), шаровидные (рис. 2. С, 24, 25). Оковки лопастей, за их формой разделяются на четыре типа: Д-подобные (рис. 2. С, 27), ДС-подобные (рис. 2. С, 28), V-подобные (рис. 2. С, 29), С-подобные (рис. 2. С, 30). Варианты по стилистическому признаку наличия декора – орнамент, гладкость или присутствие шипов не учитываются из-за низкой информативности.

В таблицу внесены морфологические признаки классифицированных элементов материальной культуры. При этом отбирались исключительно одиночные или четко страти-

⁴⁹ Голубев–Голубева 2012.

графически разделенные погребения, которые максимально насыщены инвентарем (табл. 1). В таблице не отображены комплексы, которые из классифицированных элементов материальной культуры имеют только бляшки ременной гарнитуры, а именно: (П/Г) – п. 132, 134, 139, 215, 265, 373, 381, 498 Нетайловки; кат. 3, 5, 7, 15, 19, 22 Ст. Салтова, 13 ВСМ III, 3 Рубежного и 3, 11, 54, 79 Дмитровки, п. 144, 236 К. Горки и 135, 143, 176 С. Гомольши; (объединение П/Г и Л) – кат. 118, 142 Дмитровки, 16, 21 Ст. Салтова, 55, 109 ВСМ IV; (Л) – п. 52, 53, 221, 344, 345, 349, 389, 391, 486, 492, 500 Нетайловки, 29, 186, 273 С. Гомольши и 245/к. 17 К. Горки, кат. 33, 51 п.2, 72, 80, 162 Дмитровки, 1, 11 Ст. Салтова та 23/1902, 40, 69102, 106 ВСМ IV; (объединение Л та Ш) – кат. 21, 111 Дмитровки и 11/1947, 76 п. 1 ВСМ IV, п. 361, 377, 501 Нетайловки и 93/к. 6 К. Горки; (Ш) – п. 265 К. Горки и 371, 376 Нетайловки; (объединение Ш и V) – п. 71 Нетайловки и кат. 37, 91, п. 1 ВСМ IV; (V) – кат. 19, 46, 56, 71, 76 п. 2, 93 п. 3, 96 п. 2, 99 п. 2 ВСМ IV и 169 Дмитровки, п. 1 Н. Бишкина, 2015 Бабчанки, 2/2015 Кочетка и 22, 223 Нетайловки. Проведенный анализ дает возможность решить вопросы периодизации категорий материальной культуры, появления и исчезновения СМК в Верхнем Подонцовье.

Наиболее плодотворно тема пред и ранне-салтовской хронологии разработана А. В Комаром на широком круге источников с территории практически всей Восточной Европы.⁵⁰ Ранне-салтовская проблема также поднята при рассмотрении памятников новинковского типа.⁵¹ В данном типе памятников в достаточном количестве присутствуют материалы ременной гарнитуры ступени II. Каждую из ступеней I и II композиционной серии перевязанной пальметты также можно разделить на две группы. Хотя данная процедура не входит в тему нашей статьи, все же в стилистических признаках изделий

II ступени мы выделяем две условные группы: «традиционную» (рис. 2. 10, 11) и «внешнего влияния» (рис. 2. 12). Первая группа присутствует преимущественно в Восточной Европе в материалах погребений Крыма, Северного Кавказа и Среднего Поволжья. Вторая группа, помимо Восточной Европы, представлена и у авар⁵² и у болгар,⁵³ что может свидетельствовать о том, что этот стиль является византийской интерпретацией перевязанной пальметты, поскольку Византия выступает связующим звеном. В материалах Верхнего Подонцовья изделия II ступени не пересекаются в погребальных комплексах с материалами ступени III и тем более IV. Наличие гончарной керамики в погребениях новинковского типа и лепных сосудов, которые подражают гончарным⁵⁴ не может выступать критерием отнесения погребения к салтовскому времени, поскольку СМК в Подонцовье появляется уже с гончарной керамикой. То есть население принесло с собой гончарные традиции в уже сформированном виде, и они формировались вне региона. Таким образом, появление «салтовского» населения в Верхнем Подонцовье действительно возможно привязать к поражению после серии походов Мервана против Хазар и северокавказских народов 735–743 гг.⁵⁵ Соответственно, хронологию памятников новинковского типа целесообразно ограничить первой половиной VIII в. Подтверждается это тем, что в погребениях данного типа наличествует пересечение только ступеней II и III. Появление композиции ступени III целесообразно привязать к началу второй четверти VIII в., что не противоречит не нумизматическим находкам из погребений Верхнего Подонцовья, не монетам из Столбища. Использование ременной гарнитуры III ступени частично совпадает уже с IV, что позволяет ограничить ее бытование началом последней трети VIII в. (рис. 3). Появление композиции IV ступени мы привязали к середине VIII в., что не

⁵⁰ Комар 1999, 2001, 2006.

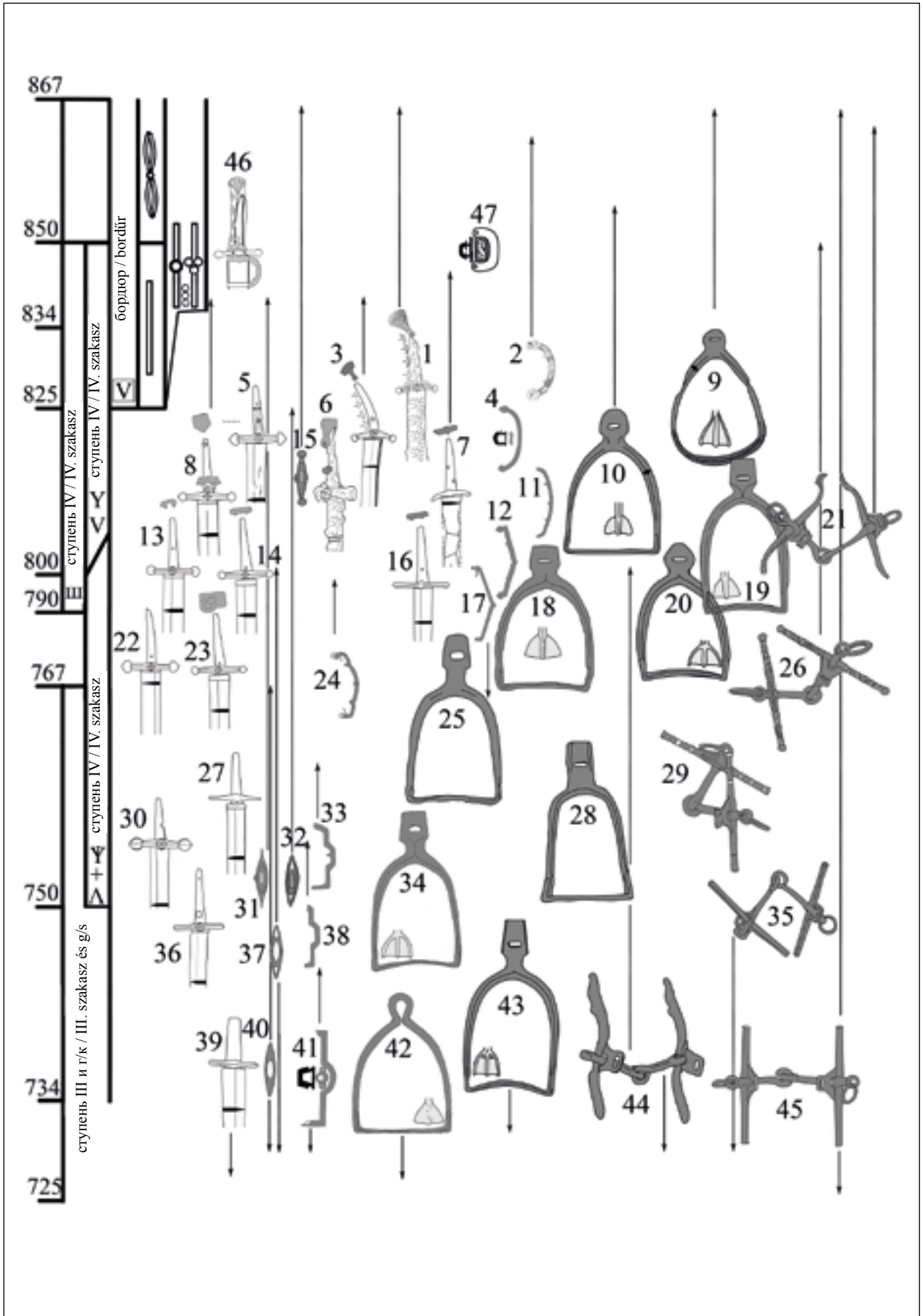
⁵¹ Лифанов 2005; Комар 2010.

⁵² Гавритухин 2001, рис. 11–13, рис. 16–17.

⁵³ Тотев–Пелевина 2005.

⁵⁴ Лифанов 2005, 30, 31.

⁵⁵ Новосельцев 1990, 183–189.

противоречит нумизматическим находкам из региона и за его пределами.⁵⁶ Изделия ременной гарнитуры А группы (пяти и трех сегментов) ступени IV характеризуются доминированием двухчастных конструкций пряжек и использованием всех техник исполнения орнамента, однако наиболее распространенными являются четыре из них (рис. 2. В, I–IV). Выющиеся мотивы пяти сегментной композиции (рис. 4. 81, 83, 85–87, 99, 103–105, 108, 109) продолжают традиции, которые появились в предыдущее время (рис. 3. 30–32), но на новой орнаментальной основе. В трехсегментной композиции отмечается доминирование простой техники исполнения орнамента (рис. 2. В, I; рис. 6). Дальнейшая эволюция «лотосовидного» орнамента направлена на разворот композиции «в низ» – появление III-группы. Данная группа выступает связующим звеном между предыдущей и последующей композицией, она частично синхронна им обеим. Наиболее поздние изделия III группы характеризуются использованием техники гравировки (рис. 2. В, V). V группа характеризуется своеобразным «ренессансом ступеней II и III». В частности, он проявился возрождением трехчастных конструкций пряжек (рис. 4. 31, 41, 45, 51; 5, 32, 33, 84–86, 109) и использованием трехлепестковых бутонов (рис. 4, 47, 54, 57, 127; 5, 33, 35, 40, 41, 43, 44, 52, 53, 62, 63, 77, 85, 86, 88, 90, 96, 129; 6, 12, 14, 16, 28–30). Возрождаются изображения животных и людей (рис. 4, 20–40) и использова-

ние бордюров, которые окантовывают края изделий (рис. 4. 20–28, 32, 41; рис. 5, 33, 46). При этом разновидности бордюров развиваются. Появляется шаровидный (рис. 4. 38), точка-тире (рис. 4. 33; рис. 5. 34, 36, 38, 39) и три пирамидально размещенные точки-тире (рис. 5. 32, 37). Доминирующей техникой исполнения орнамента становится сложная (рис. 1. В, V). Наиболее консервативной является пятисегментная композиция и бляшки с кольцом обеих композиций, однако отмечается эволюция формы в сторону круга (рис. 4. 49).

Две серии салтовского клинкового оружия (рис. 7. 30, 23, 22, 14, 13, 8, 6, 5, 3, 1) и (рис. 7. 39, 36, 27, 16, 7) являются продолжением колеччатых палашей и сабель комплексов келегейского типа⁵⁷ и следующей стадией их эволюции. Выделение двух серий опирается на семантическую нагрузку исполнения элементов эфеса, а также конфигурацию окончаний перекрестий.⁵⁸ Крестовины сабель эволюционируют в зависимости от способа изготовления – от цельных цельно кованых (рис. 7. 27, 39, 40) к цельно кованым с двумя отверстиями по бокам от прорези для хвостовика (рис. 7. 36, 37) и к спаянным (рис. 7. 31, 32, 30, 22, 23, 16, 15–13, 8–5, 3, 1); изменялись пропорции перекрестий – от вытянутых из келегейских комплексов к сплюснутым (рис. 7. 39, 36, 30, 27, 23, 22, 16, 14, 13, 8, 6, 5, 1) и С-видным (рис. 7. 7, 3); декор окончаний – от массивных луковичных окончаний к

⁵⁶ КРУГЛОВ, 1992 182.

⁵⁷ ГОЛУБЕВ 2015, 70–74.

⁵⁸ ГОЛУБЕВ–ГОЛУБЕВА 2012.

Рис. 7. Сабли, стрелена, удила. 1–2: Верхний Салтов кат. 1/1911; 3–4, 15: Бабчанка к. 1/2013; 5, 30, 36: Кицевка; 6: Верхний Салтов кат. 1901–1902 г.; 7: Мохнач-Т п. 4; 8, 12, 19, 21, 24: Красная Горка п. 254; 9: Мохнач-Т п. 2; 10: Мохнач-Т п. 3; 11: Сухая Гомольша п. 175; 13, 17, 33: Сухая Гомольша п. 252; 14: Красная Горка п. 101; 16, 26: Красная Горка п. 162; 18, 45: Красная Горка п. 282; 20, 22, 29: Красная Горка п. 266; 23: Лысый Горб п. 1; 25: Красная Горка п. 209/к. 10; 27, 41: Тополи; 28: Дмитровка кат. 5; 31: Пятницкое; 32: Балка Сухая Гомольша компл. 1/2002; 34: Нетайловка п. 21; 35: Красная Горка п. 216/к. 19; 37: Красная Горка компл. XV; 38: Дмитровка кат. 109; 39–40: Новая Покровка компл. 2; 42: Нетайловка п. 23; 43: Красная Горка п. 289/к. 28; 44: Красная Горка п. 189 7. kép. Szablyák, kengyelek, zablák. 1–2: Verhnyij Szaltov 1911/1. kamrasír; 3–4, 15: Babcsanka 2013/1. kurgán; 5, 30, 36: Kicevka; 6: Verhnyij Szaltov, az 1901–1902-ben feltárt kamrasír; 7: Mohnacs-T 4. sír; 8, 12, 19, 21, 24: Krasznaja Gorka 254. sír; 9: Mohnacs-T 2. sír; 10: Mohnacs-T 3. sír; 11: Szuhaja Gomolsa 175. sír; 13, 17, 33: Szuhaja Gomolsa 252. sír; 14: Krasznaja Gorka 101. sír; 16, 26: Krasznaja Gorka 162. sír; 18, 45: Krasznaja Gorka 282. sír; 20, 22, 29: Krasznaja Gorka 266. sír; 23: Liszj Gorb 1. sír; 25: Krasznaja Gorka 10. kurgán 209. sír; 27, 41: Topoli; 28: Dmitrovka 5. kamrasír; 31: Pjatnyickoje; 32: Balka Szuhaja Gomolsa 2002/1. objektum; 34: Nyetajlovka 21. sír; 35: Krasznaja Gorka 19. kurgán 216. sír; 37: Szuhaja Gomolsa XV. objektum; 38: Dmitrovka 109. kamrasír; 39–40: Novaja Pokrovka 2. objektum; 42: Nyetajlovka 23. sír; 43: Krasznaja Gorka 28. kurgán 289. sír; 44: Krasznaja Gorka 189. sír

дисковым луковичным (рис. 7. 30, 22), дисковым круглым или овальным (рис. 7. 23, 14, 13, 8, 6), дисковым трех лепестковым (рис. 7. 5) и к шаровидным (рис. 7. 3, 1). Навершия рукоятей эволюционируют от вытянутых пропорций, тоже еще комплексов келегейского типа, к сплюснутым (рис. 7. 23, 16, 7) и грушевидным (рис. 7. 8, 6, 3, 1). Пропорции стаканов ножен таким же путем изменяются от вытянутых к сплюснутым и трапециевидным или под овальным. Лопаста для подвеса ножен от Р-образных VII в. к Д-подобным (рис. 7. 41, 38, 33), ДС-подобным (рис. 7. 24), V-образным (рис. 7. 17, 12) и С-видным (рис. 7. 11, 4, 2). Также мы смогли выявить систему крепления ремней портупей к лопастям ножен. Они пропускались сквозь специальную железную скобу (рис. 7. 41, 4), которая крепилась с внутренней стороны лопастей. Расстояние между шайбами, которые иногда бывают S-видными (рис. 7. 4), и шипами по обеим сторонам скоб равняется толщине лопастей.⁵⁹

Удила с S-видными или ровными псалиями плоскими (прямоугольными) в сечении (рис. 7. 44) известны еще в предшествующее время и доживают до конца VIII в., S-видные псалии круглые в разрезе (рис. 7. 21) фиксируются в материалах комплексов не ранее конца VIII начала IX в. Гвоздевидные псалии, круглые или квадратные в сечении (рис. 7. 45, 35, 29, 26) характерны как для предсалтовского, так и салтовского и более позднего времени. Пластинчатые петли псалий для закрепления ремней оголовья являются доминирующей формой на протяжении существования культуры в регионе. П-подобные ж не характерны и вероятно доживают до середины VIII в. (рис. 7. 35). Стремена с несомкнутой петлей (рис. 7. 42) выглядят уже анахронизмом. Петли прямоугольных или трапециевидных очертаний, которые отделены от корпуса перехватом (рис. 7. 43, 34, 25, 19), характерны практически для всего периода существования культуры, хотя наблюдается эволюция в сторону сращивания петли с корпусом (рис. 7. 28, 18). Петли округлых очертаний

(рис. 7. 20, 10, 9) характерны для IX в. Вогнутые и прямые подножки (рис. 7. 42, 43, 34, 28, 25, 20–18, 10) были присущи стременам на протяжении всего времени существования культуры в регионе. Выгнутая подножка (рис. 7. 9), вероятно, вновь начинает применяться в первой четверти IX в.

Развитие и продолжение СМК мы можем наблюдать на примере наиболее полно исследованного и опубликованного Больше-Тиганского могильника.⁶⁰ В погребениях этого памятника проявляется смешение черт салтовской и местной материальных культур, поскольку в отличие от региона Подонцовья переселение произошло в заселенный регион. При этом салтовская, как и в Подонцовье при ее появлении, проявляется в динамическом развитии. В комплексах присутствует ременная гарнитура V группы СМК (рис. 4. 16; рис. 5. 27–29; рис. 6. 1) и даже материалы Λ (рис. 6. 2–8), однако, как анахронизм в составе саадачного пояса местного типа. Продолжение также получают: трехчастные конструкции пряжек (рис. 4. 9, 13, 15, 18; рис. 5. 1, 19, 21–24); использование в орнаменте трехлепесткового бутона (рис. 5. 2–4, 6–15, 17, 18–25, 30, 31; рис. 6. 9); антропо-зооморфные сюжеты «ренессанса» СМК (рис. 4. 9, 11, 18, 19); использование бордюров аналогичных салтовским (рис. 4. 7–10, 12–14; рис. 5. 1, 4–9, 11–13, 15, 18, 19, 21–23). Салтовское влияние ощущается и в вооружении, в частности оно проявляется на саблях, а именно в конструкции и внешнем виде эфеса, формах и орнаментах наверший и оковок лопастей ножен, даже система крепления ремня к лопасти ножен аналогична салтовской (рис. 7. 46, 47). Использование салтовских сюжетов в развитом виде прослеживается в материалах, которые происходят уже из венгерских погребений Северного Причерноморья (рис. 4. 153–158). Деградиацию антропо-зооморфного стиля и его распространение можно наблюдать на изделиях из Бирки (рис. 4. 4), могильника Уелги (рис. 4. 2), о. Оланд (рис. 4. 3) и Супрутского клада (рис. 4. 1), тезаврация которого возможно произошла в на-

⁵⁹ Голубев 2017а, рис. 1. 9.

⁶⁰ CHALIКOWA–CHALIКOW 1981.

чале X в.⁶¹ Специфический «узелковый мадьярский» бордюры на изделиях ременной гарнитуры (рис. 4. 1–6, 153–156, 159; рис. 5. 10, 14–17), на наш взгляд, является продуктом эволюции еще салтовского бордюра точка с углублением тире, с применением гравировки (рис. 5. 46, 76).

Исследователями традиционно путь венгров на новую родину и присоединение к ним кабар реконструируется по главам 38–40 сочинения «Об управлении империей», составленного византийским императором Константином Багрянородным.⁶² Археологические материалы дают возможность предположить, что каждая из глав создана на основе разновременных источников о перемещении кочевых народов, которые могли угрожать Византии. Между тем, безусловным событием, засвидетельствованным источником является только факт присоединения к уграм кабар. Установление времени и места данного события являются наиболее спорными. Ключевыми датами раннего появления венгров в Центральной Европе является их участие в болгаро-византийском конфликте 837/38 г. и в Восточной Европе – в Крыму в 861 г. Данные события вместе с эпизодом появления посольства народа Рос, проанализированы еще К. Я. Гротом.⁶³ В частности, отмечено, что описываемые события болгаро-византийского конфликта записаны автором второй половины X в. В данном случае спорным является не сам факт конфликта и его даты, что косвенно подтверждается «Бертинскими анналами», а участие в нем собственно венгров. Само название угры присуще более поздним источникам. Наименование тюрки до IX в. использовалось собственно по отношению к тюркам или хазарам.⁶⁴ Потом тюрки фигурируют, как синоним при упоминаниях мадьяр. Важным являет-

ся установление факта того, что письменные источники Западной Европы и Византии делили венгерскую орду на две части: тюрков (кабары, как часть хазар) и собственно угров. Кроме этого, само название кабары носит смысловые оттенки «важный, пышный, гордый»,⁶⁵ что соответствует «белым, благородным». Вполне очевидно, что только благодаря археологическому материалу можно выявить указанные императором Константином три загадочных рода (племени) кабар. Как мы отмечали еще в начале работы, только исключительно на памятниках СМК Верхнего Подонцовья фиксируются три обрядово-погребальные традиции (кремация, катакомбная и ямная ингумации). Уже с самого начала существования культуры в регионе прослеживается смешение населения. В Красной Горке на одном могильнике исследованы 121 кремация и 191 ингумация.⁶⁶ Следы кремаций прослеживаются также и в катакомбах Верхнесалтовского могильника: в центре камеры катакомбы 18 овальное пятно золы с человеческими зубами, рядом бляшки от пояса;⁶⁷ в катакомбе 56 между двух костяков находилось эллипсоидное в плане пятно угля, в котором выявлены фрагменты обожженных костей черепа и рук.⁶⁸ Кроме этого, на территории могильника выявлено два комплекса поврежденных стремян и удила. В один из них, кроме конской сбруи, входили развал горшка, нож, бляшки и бубенцы.⁶⁹ Возможно ранние раскопки Верхнесалтовского могильника сплошной площадью выявили большее число подобных фактов. Влиянием со стороны кремационников на погребальные традиции катакомбного обряда также можно считать факты умышленного повреждения клинкового оружия зафиксированного в материалах раскопок начала XX в.⁷⁰ Также в верхне

⁶¹ Мурашева 2008, 5.

⁶² Гаркавец 2005, 747–749.

⁶³ Грот 1881, 199–203, 225–235.

⁶⁴ Комар 2008, 288–289; 2011, 28.

⁶⁵ Комар 2011, 28, 34, 36.

⁶⁶ Михеев 2004, 76.

⁶⁷ Колода 2004, 214.

⁶⁸ Аксенов 2001б, 67.

⁶⁹ Березовец 1962а, 33.

⁷⁰ Покровский 1905, 462.

салтовском некрополе присутствуют погребения женщин в катакомбах, как в вытянутом, так и в скорченном положении. На 2014 год только на ВСМ-IV между 110 катакомб выявлено 8 ямных погребений.⁷¹ Скорченное ямное и катакомбное погребения зафиксированы на ямном ингумационном могильнике Бочково-е.⁷² Вопрос биритуальности большинства кремационных могильников остается открытым, поскольку кроме Красногорского могильника ни один из них не исследован полностью, включая и Сухогомольшанский.⁷³ Открытие кремаций в глубоких прямоугольных ямах на Кочетокском (Сороков яр) могильнике⁷⁴ ставит вопрос о возможности присутствия кремаций и в Нетайловке. Кроме того, сопроводительный инвентарь погребений из катакомбных могильников Верхнего Подонцовья более богатый и разнообразный, в отличие от выявляемого на Дону. То же самое касается ямных погребений в сравнении с соседними регионами. Также в стороне не остались кремации. Носители данного обряда в значительном числе присутствуют в Среднем Подонцовье (рис. 1. 32–34, 36). Находки так называемых вещевых «кладов», в состав которых помимо бытового инвентаря входит и конское снаряжение, зафиксированы во рву городища возле с. Сидорова,⁷⁵ что может свидетельствовать о наличии кремационного могильника и возле этого памятника. В то же время, отнесение многих погребений к мусульманским без опоры на письменные источники,⁷⁶ является предположением и объяснимо вариациями обряда трупоположения. Бросается в глаза минимальное наличие вооружения при преобладании в инвентаре комплексов инструментов труда (инвентарь для обработки земли, сбора урожая и его переработки, ремес-

ленные инструменты) во всех кремациях Среднего Подонцовья, в частности, на могильнике Государев яр.⁷⁷ Таким образом, наблюдается стратификация населения Каганата по территориальному принципу, которая отражается в «богатстве» инвентарем комплексов среди однотипных по обряду погребальных памятников. Более привилегированным и консолидированным на фоне других регионов выглядит именно Верхнее Подонцовье.⁷⁸ С учетом приведенных выше фактов, с большой долей вероятности можно утверждать, что кабарями стало именовать себя именно данное население. Название кабары при этом выступает не как этническое, оно подчеркивает исключительно социальное, родовое (сословное) положение (белые роды).

Проведенный анализ позволяет установить хронологические позиции выделенных композиций групп ременной гарнитуры СМК в Верхнем Подонцовье. Так мы определяем хронологические рамки бытования ременной гарнитуры:

III ступень и геометрическая композиция укладывается в начало второй четверти – начало последней трети VIII в. (рис. 3);

IV ступень в рамках середины VIII – середины IX в. (рис. 4; рис. 5; рис. 6):

Λ группа с крестовидным (+) или Ψ-подобным расположением бутонов – середина VIII – начало IX в.;

V группа с Y-подобным расположением бутонов – начало – середина IX в.;

Ш группа с симметричным расположением бутонов – конец VIII – первая треть IX в., однако более позднюю позицию изделий этой группы определяет техника орнамента (рис. 2. B, V);

Антропо-зооморфная композиция – с начала второй четверти IX в. – нач. X в.

⁷¹ Аксенов 2014, 262; 2014а.

⁷² Лаптев 2014.

⁷³ Голубев 2017, 74.

⁷⁴ Свистун–Квитковский 2013.

⁷⁵ Кравченко 2012, 16, рис. 10.

⁷⁶ Кравченко 2005.

⁷⁷ Голубев 2017а.

⁷⁸ Ямы (тайники) с инструментами труда и конским снаряжением (без вооружения) присутствуют и на территории Верхнего Подонцовья – селище Мохнач-II (Колода 2015; 2015а), но до выявления кремационных человеческих костей конечная интерпретация данных комплексов выглядит спорной.

Уточнение хронологических позиций V группы и антропо-зооморфной композиции устанавливается по наличию бордюра, его разновидности (рис. 4, бордюр) и наличием конского снаряжения и оружия (рис. 7) в комплексе. Уменьшение всех элементов поясной гарнитуры IV ступени по сравнению с III-й, возможно, объясняется уменьшением ширины самого пояса. В свою очередь, мы объясняем это снижением веса комплекта вооружения, который подвешивался к поясу. Речь идет об отказе от использования коленчатого ножа и переходе на обычный нож, появлении спаянных перекрестий на саблях, которые тоже облегчили общий вес оружия. В предшествующее время использование коленчатых ножей и сплюснутых цельнокованных перекрестий с луковичными окончаниями фиксируется в материалах раскопок из Северного Кавказа.⁷⁹ Кроме того, наблюдается явная тенденция к уменьшению размеров наконечников стрел, а соответственно и снижение веса футляра для стрел. Снижение веса военного снаряжения привело к уменьшению ширины поясов, что привело к уменьшению размера бляшек поясной гарнитуры, что, в свою очередь, по нашему мнению, привело к «сжатию» стиля «перевязанной пальметты», то есть к появлению «лотосовидного» орнамента.

Абсолютными датами существования СМК в Верхнем Подонцовье, вероятно, можно считать 737–838 гг. 737 г. – начало культуры как результат поражения от арабов. При этом комплекс из Тополь, вероятно, маркирует путь миграции группы населения с кремационным обрядом погребения из региона Кавказского побережья Черного моря. 838 г. – конец культуры, фиксация письменными источниками поражения восстания кабар (возможно это та самая часть кабар, которая участвовала в болгаро-византийском конфликте и по словам Константина Багрянородного была уничтожена). Постройка Саркела

между 835–840 гг.⁸⁰ и выпуск собственной монеты, в том числе 840 г. чеканки,⁸¹ были военной и политической акциями центральной власти в ответ на кризис государства. Миграции внутри Каганата в конце 30-х годов VIII в. кардинально не коснулись только носителей обряда типа Соколовской балки. Единство материальной культуры СМК Верхнего и Среднего Подонцовья дают весомые аргументы предполагать, что население последнего региона было в зависимости от населения первого. В начале второй трети IX в. произошла масштабная миграция всего населения из Среднего и Верхнего Подонцовья в регион Поволжья–Прикамья. Данная миграция перекрыла торговые пути по Дону и Волге, что объясняет, как посольство русов оказалось в 839 г. в Ингельгейме при дворе императора Людовика I Благочестивого, также, очевидно, что постройка Саркела была завершена до 838 г. Маркерами пути движения салтовского населения в северо-восточном направлении выступают следующие комплексы: Воробьевское погребение (рис. 5. 32, 36, 54), Алексеевский клад⁸² (вероятно кремационное погребение), погребения возле разъезда Немчанка и на 116 км,⁸³ в погребальном инвентаре которых присутствуют бляшки поясной гарнитуры V группы. Первый этап процесса сращивания мадьяр и салтовского населения (первая стадия формирования современного венгерского народа) можно наблюдать в материалах Больше-Тиганского могильника. Миграция в обратном направлении – на Запад, началась не позднее 861 г., когда мадьяры уже фиксируются в Крыму. Таким образом, хронологию памятников Суббоцевского типа можно ограничить 861–895 гг. Саму миграцию также можно рассматривать как продолжение гражданской войны в Каганате. Безусловно, значительное число болгарского населения и какая-то часть угорского и «кабарского» не приняла участие в данном событии. Те, кто остался, вошли в состав населения будущей

⁷⁹ САХАНЕВ 1914, 108, 109, 119, табл. III. 1, 2, табл. IV, 19, табл. III. 2.

⁸⁰ СОРОЧАН 2011.

⁸¹ БЫКОВ 1971.

⁸² АФАНАСЬЕВ 1993, рис. 10–13.

⁸³ ИВАНОВ 1999, 93–95, рис. 14. 16, 22.

Волжской Болгарии. Очевидно, что, после миграции «угро-кабар» на Запад, Волжских болгар вернули в состав Каганата.

Исчезновение СМК в Подонцовье и появление салтовского населения в Поволжье имело далеко идущие последствия. Вероятно, синхронно с исчезновением СМК прекращает свое существование волынцевская культура на Левобережье Днепра. Перекрытие торговли по Дону и Волге способствовало переориентации русов на неконтролируемый путь по Днепру (походы на Амастриду и Константинополь в 860 г., прекращение походов вплоть до ухода мадьяр в Панонию и достижения договоренностей с печенегами).

В конце работы хотелось бы отметить, что построение более узкой хронологии СМК лежит в плоскости исследования иных категорий материальной культуры и ременной гарнитуры по типам изделий при отображении их места и функции на поясе с учетом композиционной группы. Поскольку, СМК является определенным этапом существования культуры Хазарского каганата, также встает очевидный вопрос о выделении и названии постсалтовского культурного типа памятников и вообще характеристики черт материальной культуры каганата последнего этапа его существования.

ЛИТЕРАТУРА

- АЙБАБИН 1982: Айбабин, А. И.: Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму. В: *Древности эпохи переселения народов V–VIII вв.* Ред.: Амброз, А. К. – Эрдели, И. Ф. Москва 1982, 165–192.
- АЙБАБИН 1985: Айбабин, А. И.: Погребение хазарского воина. *Советская археология* 1985:3, 191–205.
- АКСЕНОВ 1998: Аксенов, В. С.: Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника. В: *Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр.* Ред.: Козак, Д. Н. Київ 1998, 49–50.
- АКСЕНОВ 1999: Аксенов, В. С.: Старосалтовский катакомбный могильник. In: *Vita Antiqua* 2. Ред.: Гладких, М. И. Київ 1999, 137–149.
- АКСЕНОВ 2001: Аксенов, В. С.: Исследования Верхнесалтовского IV катакомбного могильника. В: *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* Ред.: Гаврилюк, Н. О. Київ 2001, 65–67.
- АКСЕНОВ 2001а: Аксенов, В. С.: Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце. *Донская археология* 1–2. Ред.: Максименко, В. Е. Ростов-на-Дону 2001, 62–78.
- АКСЕНОВ 2001б: Аксенов, В. С.: Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника. *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* Ред.: Гаврилюк, Н. О. Київ 2001, 3–5.
- АКСЕНОВ 2003: Аксенов, В. С.: Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка. In: *Vita Antiqua* 5–6. Ред.: Гладких, М. И. Київ 2003, 179–191.
- АКСЬОНОВ 2005: Аксьонов, В. С.: Нові випадкові знахідки комплексів воїніввершників салтівського часу на Харківщині. В: *Археологічний літопис Лівобережної України* 1–2. Ред.: Супрененко, О. Б. Полтава 2005, 61–71.
- АКСЕНОВ 2005а: Аксенов, В. С.: Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца. *Хазарский альманах* 4. Ред.: Михеев, В. К. Киев–Харьков 2005, 182–198.
- АКСЕНОВ 2005б: Аксенов, В. С.: Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника). *Стени Европы в эпоху средневековья* 4. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 245–260.
- АКСЬОНОВ 2007: Аксьонов, В. С.: Скляний посуд з алано-болгарських поховань хазарського часу басейну Сіверського Дінця. *Хазарський альманах* 6. Ред.: Михеев, В. К. Киев–Харьков 2007, 7–25.
- АКСЬОНОВ 2007а: Аксьонов, В. С.: Нові поховання Верхньо-Салтівського могильника. В: *Харьковский археологический сборник* 2. Ред.: Вербицкая, И. В. Харьков 2007, 21–29.

- АКСЕНОВ 2009: Аксенов, В. С.: Исследование раннесредневековых захоронений близь села Металловка в 2006 году. *Стени Европы в эпоху средневековья* 7. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2009, 231–258.
- АКСЕНОВ 2010: Аксенов, В. С.: Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии. *Древности* 9. Ред.: Кадеев, В. И. Харьков 2010, 166–177.
- АКСЕНОВ 2010а: Аксенов, В. С.: Новые материалы к распространению христианства среди аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонечья. В: *Верхнедонской археологический сборник* 5. Ред.: Бессуднов, А. Н. Липецк 2010, 112–122.
- АКСЕНОВ 2010б: Аксенов, В. С.: Исследования катакомбного могильника у с. Верхний Салтов. В: *Археологічні дослідження в Україні 2009*. Ред.: Болтрик, Ю. В. Київ 2010, 12–16.
- АКСЕНОВ 2011: Аксенов, В. С.: Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры. *Хазарский альманах* 9. Ред.: Олійник, М. М. Харьков 2010–2011, 22–44.
- АКСЕНОВ 2011а: Аксенов, В. С.: Исследования Нетайловского могильника салтовской культуры. В: *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Ред.: Козак, Д. Н. Київ–Полтава 2011, 14–15.
- АКСЕНОВ 2011б: Аксенов, В. С.: Новые материалы к вопросу о мадяро-салтовских контактах в Верхнем Подонцовье. В: *Археологія і давня історія України* 7. Ред.: Моця, О. П. Київ 2011, 133–143.
- АКСЬОНОВ 2011в: Аксьонов, В. С.: Похороня 472 Нетайлівського могильника салтівської культури. *Археологія* 2011:1, 90–96.
- АКСЕНОВ 2011г: Аксенов, В. С.: Об одном из вариантов погребального обряда аланского населения салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья. В: *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2011, 26–36.
- АКСЕНОВ 2012: Аксенов, В. С.: Раннесредневековый могильник у с. Верхний Салтов. В: *Археологічні дослідження в Україні 2011*. Ред.: Козак, Д. Н. Київ 2012, 425–427.
- АКСЕНОВ 2012а: Аксенов, В. С.: Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов). В: *Стени Европы в эпоху средневековья* 9. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2012, 207–242.
- АКСЕНОВ 2012б: Аксенов, В. С.: Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника). *Древности* 11. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2012, 172–187.
- АКСЕНОВ 2013: Аксенов, В. С.: К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры. *Древности* 12. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2013, 193–210.
- АКСЕНОВ 2013а: Аксенов, В. С.: К вопросу о повторном проникновении в катакомбные захоронения салтовской культуры Подонцовья (по материалам Верхнесалтовского могильника). *Хазарський альманах* 11. Ред.: Бубенок, О. Б. Харків 2012–2013, 20–44.
- АКСЬОНОВ 2014: Аксьонов, В. С.: Роботи на катакомбному могильнику біля с. Верхній Салтів. В: *Археологічні дослідження в Україні 2013*. Ред.: Козак, Д. Н. Київ 2014, 242–244.
- АКСЕНОВ 2014: Аксенов, В. С.: Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца. *Хазарський альманах* 12. Ред.: Бубенок, О. Б. Київ–Харків 2014, 4–33.
- АКСЕНОВ 2014а: Аксенов, В. С.: Полевые заметки: к вопросу о постпогребальной обрядности аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья. В: *Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани* 2. Ред.: Деревянко, А. П. Казань 2014, 262–266.
- АКСЕНОВ 2015: Аксенов, В. С.: Богатое катакомбное захоронение Верхне-Салтовского IV могильника. *Древности* 13. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2015, 288–305.
- АКСЕНОВ 2016: Аксенов, В. С.: Катакомба №13 Верхнесалтовского III могильника: к вопросу о начальной дате возникновения памятника. В: *Верхньосалтівське городище. Одне життя у контексті великих досліджень. Пам'яті Н. В. Чернігової*. Ред.: Аксьонов, В. С. Харків 2016, 90–99.

- АКСЕНОВ 2016а: Аксенов, В. С.: Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений верхне-салтовского могильника: типология и хронология. *Хазарский альманах* 14. Ред.: Бубенок, О. Б. Москва 2016 15–37.
- АКСЕНОВ–ВОЛОВИК 1999: Аксенов, В. С. – Воловик, С. И.: Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье. *Донская археология* 3–4. Ред.: Максименко, В. Е. Ростов-на-Дону 1999, 34–40.
- АКСЕНОВ–КРЫГАНОВ 2009: Аксенов, В. С. – Крыганов, А. В.: Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка-2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах. В: *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»* 1. Ред.: Винников, А. З. – Лылова, М. И. Воронеж 2009, 23–37.
- АКСЕНОВ–ЛАПТЕВ 2009: Аксенов, В. С. – Лаптев, А. А.: К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов). *Древности* 8. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2009, 242–258.
- АКСЕНОВ–ЛАПТЕВ 2011: Аксенов, В. С. – Лаптев, А. А.: Работы на Верхне-Салтовском IV могильнике. В: *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Ред.: Козак, Д. Н. Київ–Полтава 2011, 16–17.
- АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2005: Аксенов, В. С. – Михеев, В. К.: Исследования Нетайловского могильника в 2002–2004 гг. экспедицией Международного Соломонова Университета. В: *Культурна спадщина Слобожанщини* 5. Ред.: Зінухов, О. М. Харків 2005, 134–156.
- АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2006: Аксенов, В. С. – Михеев, В. К.: Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Могильник Сухая Гомольша. *Хазарский альманах* 5. Ред.: Михеев, В. К. Киев–Харьков 2006.
- АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 2009: Аксенов, В. С. – Михеев, В. К.: Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры. В: *Степи Європи в епоху середньовіччя* 7. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2009, 387–406.
- АКСЕНОВ–ХОРУЖАЯ 2005: Аксенов, В. С. – Хоружая, М. В.: Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.). *Хазарский альманах* 4. Ред.: Михеев, В. К. Киев–Харьков 2005, 199–215.
- АКСЕНОВ–ХОРУЖАЯ 2008: Аксенов, В. С. – Хоружая, М. В.: К вопросу о количестве катакомбных могильников у с. Верхний Салтов. В: *Проблеми археології Восточної Європи. К 85-літтю Б. А. Шрамко*. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2008, 19–27.
- АМБРОЗ 1973: Амброз, А. К.: Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.). *Советская археология* 1973:4, 81–98.
- АФАНАСЬЕВ 1993: Афанасьев, Г. Е.: *Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. Москва 1993.
- АФАНАСЬЕВ 2001: Афанасьев, Г. Е.: А где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? *Российская археология* 2001:2, 43–55.
- БАБЕНКО 1905: Бабенко, В. А.: Дневники раскопок Верхне Салтовского могильника. В: *Сборник Харьковского историко-филологического общества* 16. Харьков 1905, 553–577.
- БАБЕНКО 1911: Бабенко, В. А.: Продолжение тех же раскопок. В: *Труды XIV археологического съезда* 3. Москва 1911, 238–254.
- БАБЕНКО 1913: Бабенко, В. А.: Археологические исследования памятников древней культуры в сл. Верхнем Салтове. *Оттиск из «Волчанского земского листа»* 20. Волчанск 1913.
- БАБЕНКО 1914: Бабенко, В. А.: Древние памятники Хозарской культуры в сел. Верхнем Салтове. В: *Труды XV археологического съезда* 1. Москва 1914, 446–464.
- БАРАНОВ 1990: Баранов, И. А.: *Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев 1990.
- БЕЛІК 2002: Белік, О. О.: Поясні набори із салтівських пам'яток як індикатор салтово-мадярських контактів. *Археологія* 2002:2, 109–114.

- БЕРЕЗОВЕЦ 1962: Березовец, Д. Т.: *Отчет о раскопках катакомбного могильника*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1959-61/66 – 58 арк. Харьков.
- БЕРЕЗОВЕЦ 1962а: Березовец, Д. Т.: *Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Нетайловка*. Науковий архів Інституту археології НАН України – 1959-61/6а – 94 арк. Харьков.
- БОРОДУЛИН–ПАРХОМЕНКО 1987: Бородулин, В. Г. – Пархоменко, О. В.: *Отчет о раскопках Верхнесалтовского и Рубежанского катакомбных могильников, расположенных на территории Волчанского района Харьковской области*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1987/136 – 107 арк. Харьков.
- БЫКОВ 1971: Быков, А. А.: О хазарском чекане VIII–IX вв. (Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов). *Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа* 12. Ленинград 1971, 26–36.
- ГАВРИТУХИН 2001: Гавритухин, И. О.: Хронология «среднеаварского» периода. *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2001, 45–162.
- ГАВРИТУХИН 2005: Гавритухин, И. О.: Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры). В: *Хазары*. Ред.: Петрухин, В. Я. Иерусалим–Москва 2005, 378–426.
- ГАВРИТУХИН–ОБЛОМСКИЙ 1996: Гавритухин, И. О. – Обломский, А. М.: Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. *Раннеславянский мир* 3. Москва 1996.
- ГАРКАВЕЦ 2005: Гаркавец, А. Н.: *Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов*. Алма-Аты 2005.
- ГОЛУБЕВ 2015: Голубев, А. М.: Еволюція клинкової зброї кочівників раннього середньовіччя. *Археологія* 2015:4, 62–76.
- ГОЛУБЕВ 2017: Голубев, А. М.: Два нових салтово-маяцьких кремаційних могильники навколо с. Суха Гомільша на Харківщині. *Археологія* 2017:1, 74–79.
- ГОЛУБЕВ 2017а: Голубев, А. М.: Салтово-маяцький кремаційний могильник «Государів яр» у Середньому Подонців'ї. *Археологія* 2017:2, 57 – 64.
- ГОЛУБЕВ 2017б: Голубев, А. М.: Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Нижній Бишкін у Верхньому Подонців'ї. *Археологія* 2017:4, 85–90.
- ГОЛУБЕВ 2017в: Голубев, А. М.: Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Бабчанка на Харківщині. В: *В. К. Міхеєв. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження*. Ред.: Аксьонов, В. С. Харків 2017, 30–41.
- ГОЛУБЕВ–ГОЛУБЕВА 2012: Голубев, А. М. – Голубева, І. В.: Однолезова зброя з довгим клинком кочовиків VII–VIII ст. *Археологія* 2012:4, 42–54.
- ГРИНЧЕНКО 1950: Грінченко, В. А.: Пам'ятка VIII ст. Коло с. Вознесенки на Запоріжжі. *Археологія* 1950:3, 36–63.
- ГРОТ 1881: Грот, В. Я.: Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X в. В: *Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета* 9. Санкт-Петербург.
- ДЕГТЯРЬ 1984: Дегтярь, А. К.: Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце. *Советская археология* 1984:2, 239–243.
- ДМИТРИЕВ 2003: Дмитриев, А. В.: Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. В: *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII века*. Ред.: Макарова, Т. И. – Плетнева, С. А. Москва 2003, 200–206.
- ЖИРОНКИНА–КРЫГАНОВ–ЦИТКОВСКАЯ 1997: Жиронкина, О. Ю. – Крыганов, А. В. – Цитковская, Ю. И.: Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника. *Древности* 3. Ред.: Кадеев, В. И. Харьков 1997, 165–167.
- ЗАЛЕСКАЯ И ДР. 1997: Залеская, В. Н. – Львова, З. А. – Маршак, Б. И. – Соколова, И. В. – Фоянова, Н. А.: *Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад*. Санкт-Петербург 1997.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.

- ИВАНОВ–ПЕЛЕВИНА 2001: Иванов, Б. – Пелевина, О.: Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии. *Российская археология* 2001:3, 88–97.
- ИЧЕНСКАЯ 1983: Иченская, О. В.: Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника. В: *Вопросы хронологии и периодизации памятников Украины*. Киев 1983, 140–148.
- КОЛОДА 2004: Колода, В. В.: Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. *Хазарский альманах* 3. Ред.: Михеев, В. К. Киев–Харьков 2004, 182–198.
- КОЛОДА 2006: Колода, В. В.: Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г. В: *Археологічні дослідження в Україні* 8. Ред.: Козак, Д. Н. Київ–Запоріжжя 2006, 213–216.
- КОЛОДА 2012: Колода, В. В.: Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши. В: *Салтовомаяцькая археологічна культура: проблеми та дослідження* 2. Ред.: Свістун, Г. Є. Харків 2012, 30–36.
- КОЛОДА 2015: Колода, В. В.: Новий могильник салтівської культури на Харківщині. В: *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Ред.: Супруненко, О. Б. Київ 2015, 97–110.
- КОЛОДА 2015а: Колода, В. В.: Унікальний жилищно-хозяйственный комплекс салтовской культуры на селище Мохнач-П. *Хазарский альманах* 13. Ред.: Бубенок, О. Б. Москва 2015, 111–129.
- КОМАР 1999: Комар, А. В.: Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). In: *Vita Antiqua* 2. Ред.: Гладких, М. И. Київ 1999, 111–136.
- КОМАР 2001: Комар, А. В.: Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма)* 2. Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2001, 103–117.
- КОМАР 2006: Комар, А. В.: Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2006, 7–244.
- КОМАР 2008: Комар, А. В.: Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе. В: *Дньєслово: збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя*. Ред.: Івакін, Г. Ю. Київ 2008, 288–300.
- КОМАР 2010: Комар, А. В.: К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2010, 169–206.
- КОМАР 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Археологія і давня історія України* 7. Ред.: Моця, О. П. Київ 2011, 21–78.
- КОМАР–СТРЕЛЬНИК 2011: Комар, А. В. – Стрельник, М. А.: «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж. In: *Stratum plus* 2011:5, 143–164.
- КОМАР–ХАРДАЄВ 2011: Комар, О. В. – Хардаев, В. М.: Колекція Зачепилівського («Новосанжарського») комплексу 1928 р.: втрачене і збережене. В: *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Ред.: Супруненко, О. Б. Київ–Полтава 2011, 101–115.
- КОМАР–ХАРДАЄВ 2012: Комар, А. В. – Хардаев, В. М.: Зачепиловский («Новосанжарский») комплекс рубежа VII–VIII вв. В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 9. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2012, 243–296.
- КРИГАНОВ 2012: Криганов, А. В.: *Військова справа кочівників Північного Причорномор'я кінця IV – початку XIII століть*. Суми 2012.
- КРУГЛОВ 1992: Круглов, Е. В.: Хазарские погребения в бассейне реки Иловли. *Советская археология* 1992:4, 176 – 183.
- КУБАРЕВ 1998: Кубарев, Г. В.: К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая. В: *Древности Алтая (известия лаборатории археологии)* 3. Ред.: Соенов, В. И. Горно-Алтайск 1998, 190–197.

- КУХАРЕНКО 1951: Кухаренко, Ю. В.: О некоторых археологических находках на Харьковщине. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 41 (1951) 99–108.
- КРАВЧЕНКО 2005: Кравченко, Э. Е.: Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время. *Степи Европы в эпоху средневековья* 4. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 153–186.
- КРАВЧЕНКО 2012: Кравченко, Э. Е.: Исследования линии укреплений археологического комплекса у с. Сидорово в 2012 г. В: *Святогірський альманах. Збірка наукових праць*. Ред.: Добров, П. В. Донецьк 2012, 12–25.
- КРЫГАНОВ 1989: Крыганов, А. В.: Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). В: *Проблемы археологии Поднепровья*. Ред.: Тощев, Г. Н. Днепропетровск 1989, 98—114.
- КРЫГАНОВ 2001: Крыганов, А. В.: Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города. *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2001, 347–358.
- КРЫГАНОВ–КОНОВАЛОВ 2004: Крыганов, А. В. – Коновалов, С. В.: *Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника и археологических разведках вокруг него в 2003*. Науковий архів Інституту археології НАН України 2003/32 – 52 арк. Харьков.
- ЛАПТЕВ 2013: Лаптев, А.: Монеты в салтовских памятниках Верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовый могильники). В: *I Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика – 2011»*. Киев 2013, 114–124.
- ЛАПТЕВ 2014: Лаптев, А. А.: *Отчет об археологических исследованиях Бочковского могильника салтовской культуры (Волчанский район Харьковской области) в 2014 году*. Науковий архів Харківського історичного музею, 65 арк.
- ЛАПТЄВ–АКСЬОНОВ 2012: Лаптев, О. О. – Аксьонов, В. С.: Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині. *Археологія* 2012:4, 95–109.
- ЛИФАНОВ 2005: Лифанов, Н. А.: К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа. *Степи Европы в эпоху средневековья* 5. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 25–40.
- МАКАРОВА–ПЛЕТНЕВА 1983: Макарова, Т. И. – Плетнева, С. А.: Пояс знатного воина из Саркела. *Советская археология* 1983:2, 62–77.
- МАТВЕЕВА 1997: Матвеева, Г. И.: *Могильники ранних болгар на Самарской Луке*. Самара 1997.
- МЕРПЕРТ 1955: Мерперт, Н. Я.: Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. *Советская археология* 23 (1955) 131–168.
- МИХЕЕВ 1985: Михеев, В. К.: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков 1985.
- МИХЕЕВ 1988: Михеев, В. К.: *Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского университета за 1987 год*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1987/100 – 56 арк. Харьков.
- МИХЕЕВ 1990: Михеев, В. К.: *Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции ХГУ в 1989 году*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1989/194 – 31 арк. Харьков.
- МИХЕЕВ 1993: Михеев, В. К.: *Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1992 г.* Науковий архів Інституту археології НАН України 1992/211 – 123 арк. Харьков.
- МИХЕЕВ 2004: Михеев, В. К.: Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий. *Хазарський альманах* 3. Ред.: Михеев, В. К. Харків 2004, 74–93.
- МИХЕЕВ–КОЛОДА–ЛЮБИЧЕВ 1991: Михеев, В. К. – Колода, В. В. – Любичев, М. В.: *Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции ХГУ за 1990 год*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1990/226. – 204 арк. Харків.

- МИХЕЕВ–КОЛОДА–ЛЮБИЧЕВ 1992: Михеев, В. К. – Колода, В. В. – Любичев, М. В.: *Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГУ за 1991 год*. Науковий архів Інституту археології НАН України 1991/46 – 51 арк. Харків.
- МУРАШЕВА 2008: Мурашева, В. В.: Супрутский клад. Из раскопок 1968 г. *Труды ГИМ* 175. Москва 2008, 1–47.
- НОВОСЕЛЬЦЕВ 1990: Новосельцев, А. П.: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Москва 1990.
- ПАРХОМЕНКО 1983: Пархоменко, О. В.: Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. *Археологія* 43 (1983) 75–87.
- ПОКРОВСКИЙ 1905: Покровский, А. М.: Верхне-Салтовский могильник. В: *Труды XII археологического съезда* 1. Москва 1905, 465–491.
- ПЛЕТНЕВА 1967: Плетнева, С. А.: От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. *Материалы и исследования по археологии СССР* 142. Москва 1967.
- ПЛЕТНЕВА 1981: Плетнева, С. А.: Салтово-маяцкая культура. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А.: Москва 1981, 62–82.
- ПЛЕТНЕВА 1989: Плетнева, С. А.: *На славянохазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва 1989.
- САХАНЕВ 1914: Саханев, В. В.: Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. *Известия Археологической комиссии* 56. Санкт-Петербург 1914, 75–219.
- СВИСТУН 2012: Свистун, Г. Е.: Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация). В: *Салтово-маяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження* 2. Ред.: Свистун, Г. Е. Харків 2012, 79–84.
- СВИСТУН–КВИТКОВСКИЙ 2013: Свистун, Г. Е. – Квитковский, В. И.: Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике. В: *Салтово-маяцкая археологічна культура: проблеми та дослідження* 3. Ред.: Свистун, Г. Е. Харків 2013, 118–121.
- СЕМЕНОВ 1985: Семенов, А. И.: Художественный металл Романовского погребения на Дону. В: *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Ред.: Луконин, В. Г. Ленинград 1985, 90–101.
- СОРОЧАН 2011: Сорочан, С. Б.: К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму. В: *Древности* 10. Ред.: Посохов, С. И. Харьков 2011, 350–352.
- ТОТЕВ–ПЕЛЕВИНА 2005: Тотев, Б. – Пелевина, О.: Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар. В: *Античная древность и средние века* 36. Екатеринбург 2005, 85–103.
- ТОЛМАЧОВА 2000: Толмачова, М. М.: *Технологія виготовлення салтівських шабель*. <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html>.
- ХОРУЖАЯ 2009: Хоружая, М. В.: Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года). В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 7. Ред.: Евлевский, А. В. Донецк 2009, 259–294.
- ШРАМКО 1962: Шрамко, Б. А.: *Древности Серерского Донца*. Харьков 1962.
- ФОНЯКОВА 1986: Фонякова, Н. А.: Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. *Советская археология* 1986:3, 36–47.
- ЯКОБСОН 1951: Якобсон, А. Л.: Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации). *Советская археология* 15 (1951) 325–344.
- CHALIKOWA–CHALIKOW 1981: Chalikowa, E. A. – Chalikow, A. H.: *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Budapest 1981.
- ZAKHAROW–ARENDT 1935: Zakharow, A. – Arendt, W.: *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh.* Budapest 1935.

СТЕПЬ, КИЕВ И СЛАВЯНСКИЙ МИР

A SZTYEPP, KIJEV ÉS A SZLÁV VILÁG HATÁRÁN

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ ВЕНГРОВ В IX ВЕКЕ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ТЕЛЬНОВ*

Ключевые слова: *Нижнее Поднестровье, Слободзейский курган, средневековые погребения, салтовомаяцкая культура, памятники Субботцевского типа, древние венгры*

Kulcsszavak: *a Dnyeszter alsó folyása, szlobodzejai kurgán, középkori sírok, szaltovo–majaki kultúra, szubbotci típusú leletek, a magyarok elődei*

Николай Петрович Тельнов

К вопросу о присутствии венгров в IX веке в Нижнем Поднестровье

Исследование средневековых погребений Слободзейского кургана, который является первым раскопанным могильником IX века в Нижнем Поднестровье, позволяет нам изучить закрытые комплексы, которые могут относиться к древневенгерскому культурному кругу. Дальнейшее изучение кочевнических древностей конца VIII–IX вв. в регионе позволит исследователям проверить эту точку зрения и приблизиться к решению венгерской проблемы или более объективно изучить другие аспекты истории IX века в Нижнем Поднестровье.

Nyikolaj Petrovics Tyelnov

A magyarság 9. századi Alsó-Dnyeszter menti jelenlétének kérdéséhez

Az Alsó-Dnyeszter mentén feltárt szlobodzejai kurgán középkori sírjai alkotják az első 9. századi temetőt ebben a régióban. A zárt leletegyüttesek elemzése nyomán a sírok a korai magyar kultúrkörhöz köthetők. A térség 8. század végi – 9. századi nomád emlékeinek további kutatása fogja lehetővé tenni a kutatók számára ennek az elképzelésnek a megerősítését és a magyarság eredetkérdésének jobb megértését. A nomád emlékek további kutatása egyúttal az Alsó-Dnyeszter mente 9. századi történetének más szempontok szerinti objektívebb vizsgálatát is lehetővé teszi.

Вопросы истории проживания венгров в IX веке в Северном Причерноморье имеют обширную историографию.¹ Некоторые из них до сих пор рассматриваются на уровне гипотетических доказательств, другие обосновываются письменными свидетельствами, но полного единства во взглядах ученых нет. Довольно аргументированно на основании письменных источников выделяется последний регион проживания венгров восточнее Карпат перед их переселением в Придунайскую низменность. По письменным источникам эта область известна как Этелькуза, даже у некоторых древних авторов даны ее координаты или границы.² Но между современными исследователями в этом вопросе единства нет,

так как одни, вслед за Константином Багрянородным, считают, что Этелькуза располагалась на пространстве между пятью реками, крайними из которых на востоке была река Днепр, а на западе Сирет, другие полагают, что она включала территорию от Днепра до Дуная, третьи – от Днепра до Днестра и т.д. Для нас важным является то, что во всех этих суждениях о размерах и границах Этелькузы Нижнее Поднестровье включается в эту область. Является ли оно, по представлению исследователей, центральным регионом в Этелькузе или пограничным западным или восточным, но в состав Этелькузы оно, по их мнению, входило. Поэтому, если исходить из этих убеждений, что Нижнее Поднестровье

* Центр археологии, Института культурного наследия АН РМ, Штефан чел Маре 1, Кишинев, MD-2001, Республика Молдова, telnov_nikolai@mail.ru

¹ Шушарин 1997.

² Константин Багрянородный 1991, 160–163.

входило в зону проживания венгров в IX в., то должны быть надежные свидетельства их присутствия в этой местности. Со свидетельствами, как раз проблемы.

В этой связи следует сначала кратко остановиться на сообщениях письменных источников, которые позволяют предположить о пребывании венгров в обозначенном нами районе. Сразу следует оговориться, что конкретного наименования Нижнего Поднепровья в них нет, но, исходя из имеющихся данных, можно заключить, что в IX веке, этот регион входил в область проживания венгров.

О несомненном присутствии венгров в Северном Причерноморье уже в первой половине IX века можно судить по двум таким источникам, как «Продолжение Георгия Амартола» и «Бертинским анналам». В первом византийском источнике IX в. рассказывается о конфликте между Византией и Болгарией, примерно, в 837 г., из-за попытки византийцев эвакуировать плененных болгарами жителей Македонии, расселенных на левом берегу Дуная, недалеко от его дельты. Болгарам понадобилась срочная помощь, и они позвали венгров, которые незамедлительно прибыли в зону конфликта. Для того чтобы оперативно принять участие в конфликте, венгры должны были находиться близко от места описываемых событий. Этим регионом могло быть Нижнее Поднепровье, куда легко и быстро можно было вести подать, и откуда срочно могла прийти помощь. Во втором источнике, франкской хронике «Бертинские анналы», сообщается о посольстве народа рос 839 г. к императору Людовику, перенаправленному византийским императором Феофилом. Феофил опасался отправить посольство назад той же дорогой, которой оно прибыло в Константинополь из-за того, что оно могло попасть в опасность от «варварских и свирепых народов», в которых подавляющее большинство исследователей видят все тех же венгров. Это известие часто

трактуются, как прямое указание, что венгры неожиданно преградили обратную дорогу русскому посольству во время пребывания последнего в Константинополе.³ А. В. Комар в этой связи полагает, что «*в то же время, не лишено оснований другое предположение, что именно участие мадьяр в византийско-болгарском конфликте около 837 г. действительно могло вызвать реальные опасения византийского двора за судьбу посольства на обратном пути*».⁴

Для нас, в этом случае, важно то, что путь посольства, скорее всего, пролегал через Нижнее Поднепровье, где в это время уже располагались венгры.

Можно также отметить эпизод, который случился с Константином Философом зимой или весной 861 года в Крыму, когда произошла его встреча с венграми,⁵ которые, надо полагать, находились в это время и в Крыму и Этелькузе и, соответственно, в Нижнем Поднепровье.

О том, что Нижнеднепровский регион был заселен венграми в IX веке косвенно свидетельствует восточный автор Ибн Русте, сообщающий, что венгры продают пленных на невольничьих рынках византийских владений в Крыму.⁶ Исходя из сообщений этого автора, можно предположить, что до византийских владений в Крым можно было добраться берегом, в том числе из междуречья Днестра и Днепра.

По свидетельству Константина Багрянородного, территория, на которой венгры проживали перед уходом на Средний Дунай, называлась Ателькузу. Полагают, что само это слово, Этелькез, в переводе с венгерского обозначает «Междуречье». При этом автор трактата «Об управлении империей» называет пять рек, между которыми проживали венгры перед переселением. Это Варух, в котором, по мнению исследователей, следует видеть печенежское название Днепра, Куву – печенежское название Южного Буга, Трулл – тюркское название Днестра, Брут – Прут и Сирет.⁷

³ Новосельцев 1990, 206; Цукерман 1998, 664–666.

⁴ Комар 2011, 29.

⁵ Комар 2011, 32–33.

⁶ Шушарин 1997, 106.

⁷ Константин Багрянородный 1991, 161–163.

Таким образом, из приведенного наименования рек, упомянутых Константином Багрянородным в описании местности Ателькузу, следует, что она располагалась от низовьев Днестра до низовьев Сирета, куда, соответственно, входило и Нижнее Поднестровье.

Следовательно, исходя из имеющихся данных письменных источников, можно заключить, что Нижнее Поднестровье в IX в. входило в регион проживания венгров перед их переселением на свою новую родину в Среднее Подунавье. Вывод этот не новый. К такому заключению приходили исследователи и ранее, по-разному определяя роль Нижнего Поднестровья в венгерской истории IX в.

К сожалению, письменные источники позволяли только в общем констатировать то, что в IX веке, находясь в Северном Причерноморье, венгры могли проживать в Нижнем Поднестровье. Дальше этого все свои построения исследователи конструировали по большей части, исходя из предположений и интуиции. Новых письменных источников не прибавлялось, а археологические отсутствовали, или почти отсутствовали. Впрочем, это касалось не только Нижнего Поднестровья, но и всего Северного Причерноморья.

Но именно археологические источники могут подтвердить или уточнить письменные сообщения древних авторов и предоставить новые материалы, позволяющие судить о культурных, этнических, экономических, политических, религиозных аспектах жизни древних обществ.

В этом плане особую актуальность приобретают материалы раннесредневекового могильника, который располагался на левом берегу Днестра у г. Слободзей⁸ (рис. 1).

Левобережье Нижнего Поднестровья обладает своеобразной природной спецификой, которая играла заметную роль в жизни обитавшего здесь в древности населения. Являясь продолжением украинской степи, этот район был более всего пригоден для проживания древних скотоводов и особенно скотоводов-кочевников. Широкая пойма Днестра, пойменные леса, луга, мягкий климат способствовали постоянному за-

Рис. 1. Географическое положение кургана у г. Слободзея
1. kép. A szlobodzejai kurgán földrajzi elhelyezkedése

селению региона от эпохи энеолита до позднего средневековья.

Курганная насыпь Слободзейского могильника диаметром 44 м и высотой 1,6 м размещена на коренном берегу реки Днестр. Его раскопки были произведены в 1994 году, в результате чего были выявлены 43 погребения, относящиеся к четырем культурно-хронологическим горизонтам. К первым трем были отнесены погребения от энеолита до средней бронзы. Четвертый был представлен 26 захоронениями раннесредневековых кочевников, составивших самую многочисленную группу в раскопанном кургане (рис. 2). Подавляющая часть из них была сконцентрирована в южной зоне кургана, 16 из которых располагались в юго-западном секторе, а четыре в юго-восточном. Еще пять погребений располагались в северо-западном секторе кургана и одно в северо-восточном. Погребения

⁸ ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ГЕЛЬНОВ 2008.

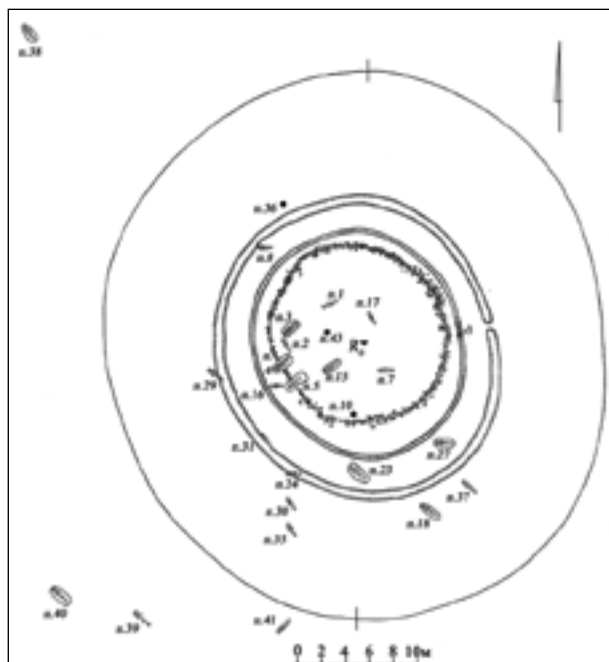

Рис. 2. Позднекочевнический горизонт кургана у г. Слободзея
2. k p. A szlobodzejai kurg n k s  nom d horizontja

размещены три относительно компактными группами, которые между собой разделены свободными от могил участками. С определенными оговорками можно предполагать, что в каждой из них хоронились члены отдельной большой семьи. Ямы были прямоугольной в плане формы со скругленными углами, имели, как правило, ровные, вертикальные стены и достигали различной глубины. На могильнике было исследовано два кенотафа. Все погребения одиночные. Умерших хоронили, как правило, на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Из 24 четко зафиксированных средневековых захоронений, 23 имели западную ориентировку с заметными сезонными отклонениями. Подобная ситуация для рассматриваемого периода характерна для степного варианта салтово-маяцкой культуры и ранних болгар на Волге.⁹ Следует отметить, что 21 погребение в той или иной степени подверглось разрушению в древности,

что позволяет предположить проведение обряда обезвреживания погребенных.¹⁰

В трех погребениях прослежено наличие тлена от подстилки, по одному разу отмечены угольно-меловая подсыпка, угли под черепом, крупные камни рядом со скелетом. В двух погребальных комплексах зафиксировано наличие заупокойной пищи из костей мелкого рогатого скота, в обоих случаях расположенной в районе черепа. Все эти черты находят прямые аналогии у болгар на Волге, а также в донских и дунайских болгарских погребениях.¹¹

Обращает на себя внимание сопровождение погребений людей костями коня и сбруей. Кости коня, череп и конечности, отчлененные по первый или второй сустав, встречены в трех погребениях. В четырех погребениях были выявлены удила и стремяна. С. А. Плетнева утверждает, что погребения с останками коня, головой и ногами, совершенно не характерны для болгар.¹²

В 14 из 26 исследованных раннесредневековых погребений выявлен сопровождающий инвентарь, представленный орудиями труда и предметами быта, предметами вооружения и конского снаряжения, поясным набором и поясными пряжками, украшениями, предметами туалета и амулетами, а также керамической посудой.

Из орудий труда и предметов быта в шести погребениях обнаружены ножи двух видов с пластинчатой и черенковой рукоятью (рис. 3. 4; рис. 5. 1; рис. 5. 4; рис. 7. 10; рис. 8. 3; рис. 9. 9).

Кресала калачевидной формы в количестве пяти штук происходят из трех погребений (рис. 3. 8, 10; рис. 4. 11; рис. 10. 10).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, остатками луков и колчаным крючком.

Железные наконечники стрел плоские, ромбовидной формы и черешковые, которые представлены в количестве 16 штук в пяти погребениях (рис. 4. 4–8; рис. 7. 19–20; рис. 10. 2–5). Широ-

⁹ Плетнева 1967, 92; Плетнева 1981а, 78.

¹⁰ Флеров 1993, 56.

¹¹ Плетнева 1981а, 78.

¹² Плетнева 1981а, 78.

Рис. 3. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 17; 2–4: Инвентарь погребения 17; 5: Погребение 10; 6: Фрагмент лепного сосуда из погребения 10; 7–13: Погребение 16.

3. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 17. sír; 2–4: A 17. sír melléklete; 5: 10. sír; 6: A 10. sírből származó kézzel formált kerámia töredéke; 7–13: 16. sír

кое распространение подобные наконечники получают в IX в.¹³

Остатки луков, зафиксированные по костяным накладкам, обнаружены в трех погребениях

(рис. 5. 2–5; рис. 6. 8–9; рис. 10. 6–7). Анализ накладок позволяет выделить «древнетюркский» и так называемый «салтовский» луки. «Тюркские» луки имеют широкую датировку в рамках VIII–IX вв.¹⁴ «Салтовский» тип лука наибольшее распространение получил с середины IX в.¹⁵

Крючок для крепления колчана обнаружен в погребении 18 (рис. 4. 2). Ближайшие аналогии он находит в Старосалтовском¹⁶ и Дмитриевском могильниках.¹⁷

Предметы конского снаряжения характеризуются железными удилами, обнаруженными в четырех погребениях, которые из-за сильной коррозии не поддаются восстановлению. Кроме этого, в двух погребениях выявлены стремена двух типов (рис. 4. 9–10; рис. 8. 6–7).

Первый тип имеет овальную форму с трапециевидным ушком и подпрямоугольной прорезью для крепления. Подобные стремена имеют широкий круг аналогий. Известны они в салтовских древностях и в караякуповской культуре Южного Урала.¹⁸

Второй тип стремян имеет прямоугельно-овальную форму, так называемого «арочного» типа. Подобные стремена характерны как для кочевого, так и переходящего к оседлому образу жизни обществу алан, авар, венгров, черных болгар и особой популярностью пользовались у хазар.¹⁹ Об этом свидетельствуют многочисленные находки стремян арочного типа на памятниках салтовской культуры.²⁰

В погребении 18 встречен поясной набор, от которого сохранилась пряжка, прорезные бляшки основного ремня и бляшки от подвесных ремней (рис. 5. б). Поясные наборы являются специфическим воинским атрибутом и были широко распространены среди кочевых и оседлых народов в эпоху раннего средневековья от Дуная до Сибири.²¹ Отдельные детали гарни-

¹³ ПЛЕТНЕВА 1967, 161.

¹⁴ КРУГЛОВ 2005, 73–143.

¹⁵ ПЛЕТНЕВА 1981, 74, рис. 36. 6.

¹⁶ АКСЕНОВ 1999.

¹⁷ ПЛЕТНЕВА 1989, 72, рис. 33.

¹⁸ ПЛЕТНЕВА 1958, 156–159; МАЖИТОВ 1981, 171, рис. 55. 62–63.

¹⁹ КИРПИЧНИКОВ 1973, 49.

²⁰ ЛЯПУШКИН 1958, 119, рис. 15; ПЛЕТНЕВА 1989, 90, рис. 44.

²¹ КОМАР 2005, 183–184.

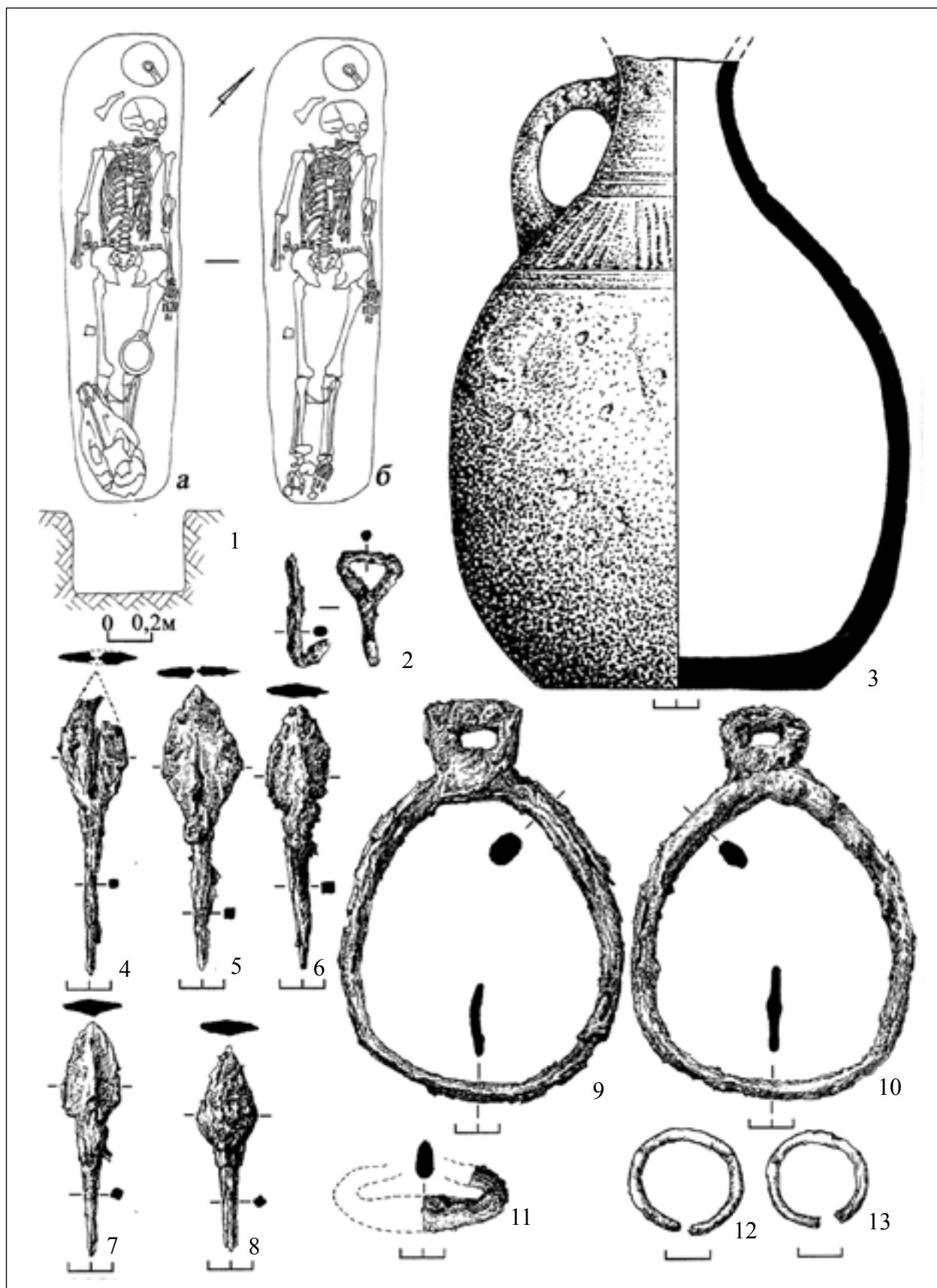

Рис. 4. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 18; 2–13: Инвентарь погребения 18.
4. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 18. sír; 2–13: A 18. sír melléklete

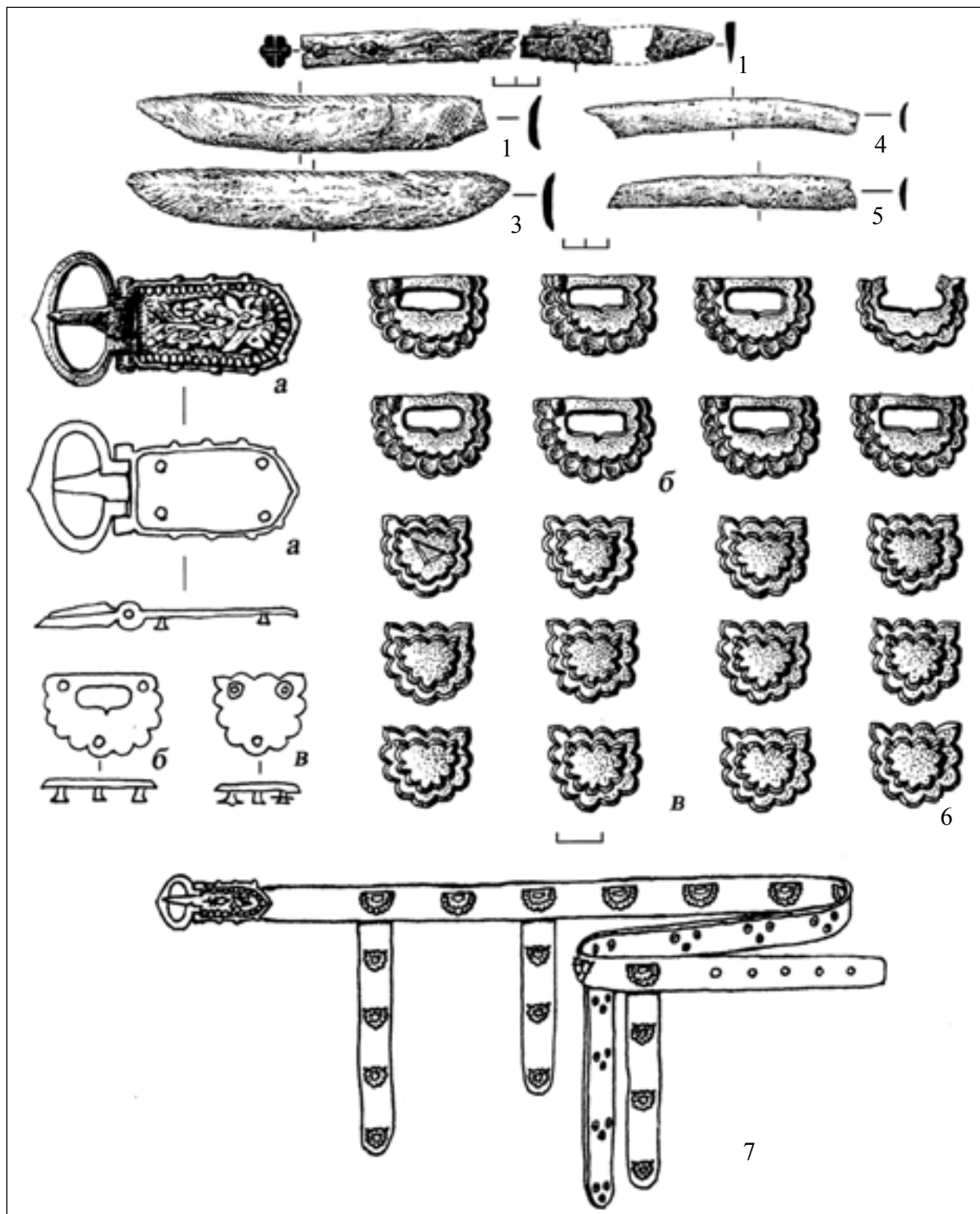

Рис. 5. Курган у г. Слободзея. 1–6: Инвентарь погребения 18; 7: Реконструкция пояса из погребения 18
 5. kép. A szlobodzejai kurgán. 1–6: A 18. sír melléklete; 7: A 18. sírból előkerült öv rekonstrukciója

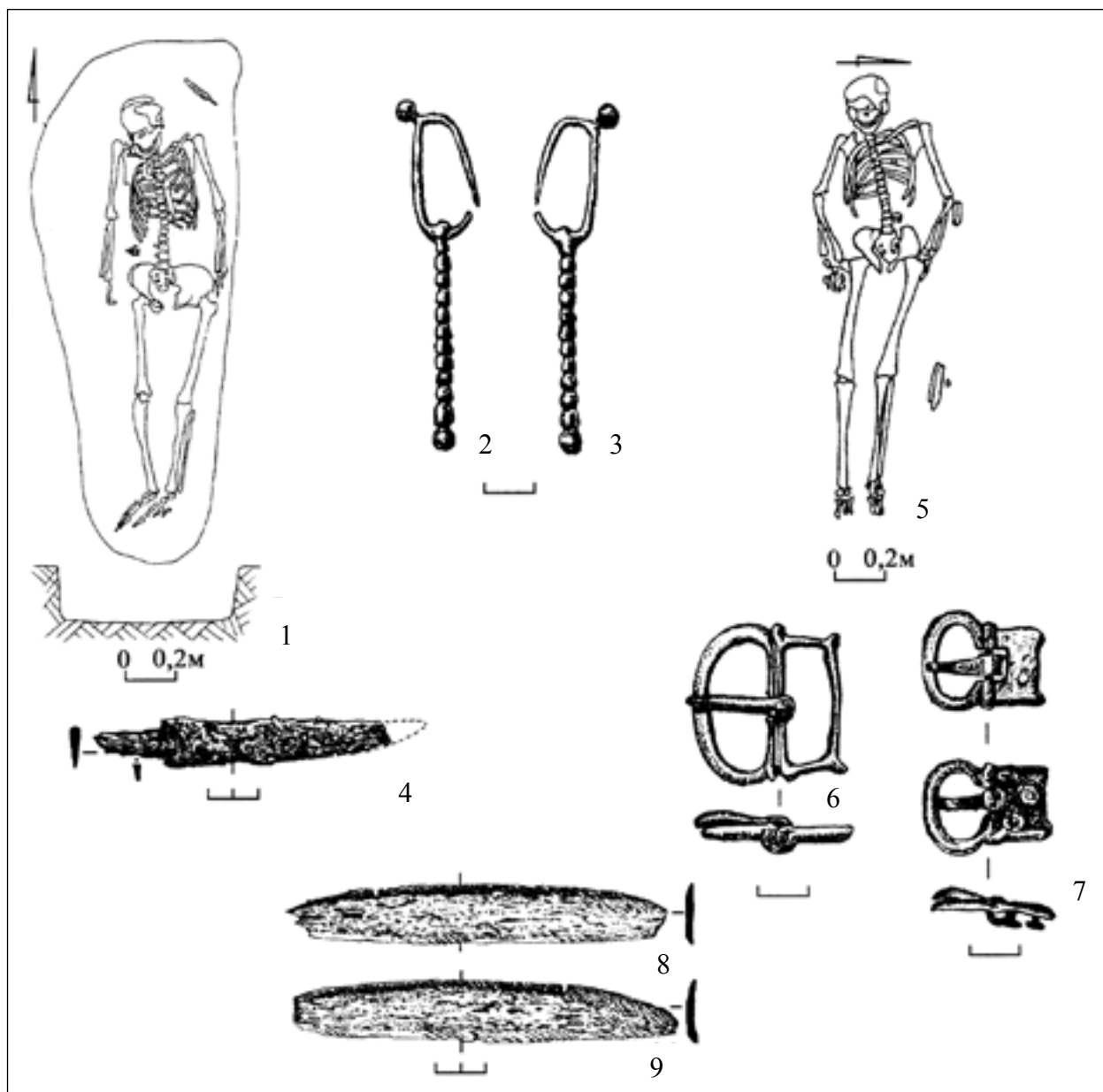

Рис. 6. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 23; 2–4: Инвентарь погребения 23; 5: Погребение 24; 6–9: Инвентарь погребения 24

6. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 23. sír; 2–4: A 23. sír mellélete; 5: 24. sír; 6–9: A 24. sír mellélete

туры позволяют отнести этот поясной набор к концу VIII – первой половине IX в.²²

В погребении 24 были обнаружены две пряжки ремной гарнитуры (рис. 6. 6–7). Первая овальная бронзовая пряжка с прямоугольно-рамочным щитком находит ближайшие анало-

гии в могильниках салтово-маяцкой культуры, которые датируются VIII–IX вв.²³ Вторая бронзовая литая овальная миниатюрная пряжка с прямоугольным щитком также находит ближайшие аналогии среди кочевнических древностей VIII–IX вв.²⁴

²² Ковалевская 1979, 35–36.

²³ Ковалевская 1979, 35–36.

²⁴ Мошкова–Максименко 1974, табл. XXIX. 5.

Украшения представлены серьгами, стеклянными бусами и бронзовым браслетом. Серьги обнаружены в десяти погребениях и относились к трем типам (*рис. 3. 2–3; рис. 4. 12–13; рис. 6. 2–3; рис. 7. 2–3, 9, 13–14; рис. 8. 7; 9. 3*). К первому принадлежали литые серебряные серьги, с удлиненной неподвижной подвеской, состоящей из 12 шариков, выявленные в погребении 23. Кольцо овальной формы без замка, снабженное в верхней части литым шариком. Встречаются во всем ареале салтово-маяцкой культуры и датируются второй половиной VIII – началом IX в.,²⁵ и также на Южном Урале в регионе караякуповской культуры. Ко второму типу относятся составные серьги, представленные двумя экземплярами из погребения 29 и одним из погребения 37. Серьги из погребения 29 с удлиненной подвеской, состоящей из двух полых шариков, разделенных конусовидной полый трубочкой. Изготовлены из серебра, покрытого тонким слоем позолоты, выполненным амальгамным способом. Ближайшие аналогии находят среди салтово-маяцких древностей и датируются серединой IX в. Серьга из погребения 37 с удлиненной подвижной подвеской, на которую нанизаны три полых шарика, разделенных небольшими пронизиями. Она изготовлена из серебра, покрытого тонким слоем позолоты, выполненным амальгамным способом. Имеет аналогии среди салтово-маяцкой культуры и датируется в пределах конца VIII – первой половины IX вв.²⁶ К третьему типу относятся кольцеобразные проволочные серьги с несомкнутыми концами из бронзовой, серебряной и серебряной позолоченной проволоки, круглой в сечении. Обнаружены в семи погребениях в количестве девяти штук. Подобный тип серег широко распространен в средневековых кочевнических древностях и не имеет узкой датировки.²⁷

Стеклянные бусы, выявленные в погребении 29, пяти-четырёх и двухсоставные зонные с металлической прокладкой из тонкого золотого листа (*рис. 7. 4*). Они известны на большинстве памятников салтово-маяцкой культуры.

Бронзовый браслет из погребения 37 (*рис. 9. 4*), овальной формы с уплощенными трапециевидными несомкнутыми концами, по ряду характерных признаков близок к подобным изделиям из Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры²⁸ и алано-болгарского могильника близ станицы Старокорсунской на Кубани, который датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв.²⁹

К предметам туалета относится бронзовая копоушка «коромыслообразной» формы с петлей из погребения 37 (*рис. 9. 8*). Подобные копоушки характерны для могильников салтово-маяцкой культуры и датируются концом VIII – первой половиной IX вв.³⁰

Амулеты из погребения 37 состояли из трех подвесок из кости трапециевидной и овальной формы со сквозными отверстиями (*рис. 9. 5–7*), а также раковины-подвески из створки морского моллюска. Подобные изделия известны на памятниках салтово-маяцкой культуры и характерны для конца VIII–IX вв.³¹

Астрагалы по три штуки найдены в погребениях 30 и 35 и четыре в погребении 38. Все они изготовлены из костей мелкого рогатого скота (*рис. 7. 6–8; рис. 8. 2; рис. 7. 15–18*).

Керамическая посуда присутствовала в пяти погребениях. Она делится на столовую и кухонную. К столовой относится нижняя часть корпуса гончарного сосуда из погребения 38 (*рис. 7. 12*) и одноручный гончарный кувшин с удлиненным овальным корпусом и широким плоским дном из погребения 18 (*рис. 4. 3*). Нижнюю часть сосуда из погребения 38 можно отнести к крымским импортам, для которых характерно изготовление

²⁵ Плетнева 1981, 150, *рис. 37. 3*; Мажитов 1981, 172, *рис. 56. 2*.

²⁶ Сташенков 1998, 219, *рис. 5. 6*.

²⁷ Федоров-Давыдов 1966, 39; Балагури-Фодор 1998, 175.

²⁸ Плетнева 1989, 144, *рис. 60*.

²⁹ Каминский 1987, 190, *рис. 3. 17*.

³⁰ Плетнева 1967, 141, *рис. 36*; Михеев 1986, 170–171, *рис. 6*.

³¹ Плетнева 1967, 14, *рис. 36*; Плетнева 1989, 96–98, *рис. 49*.

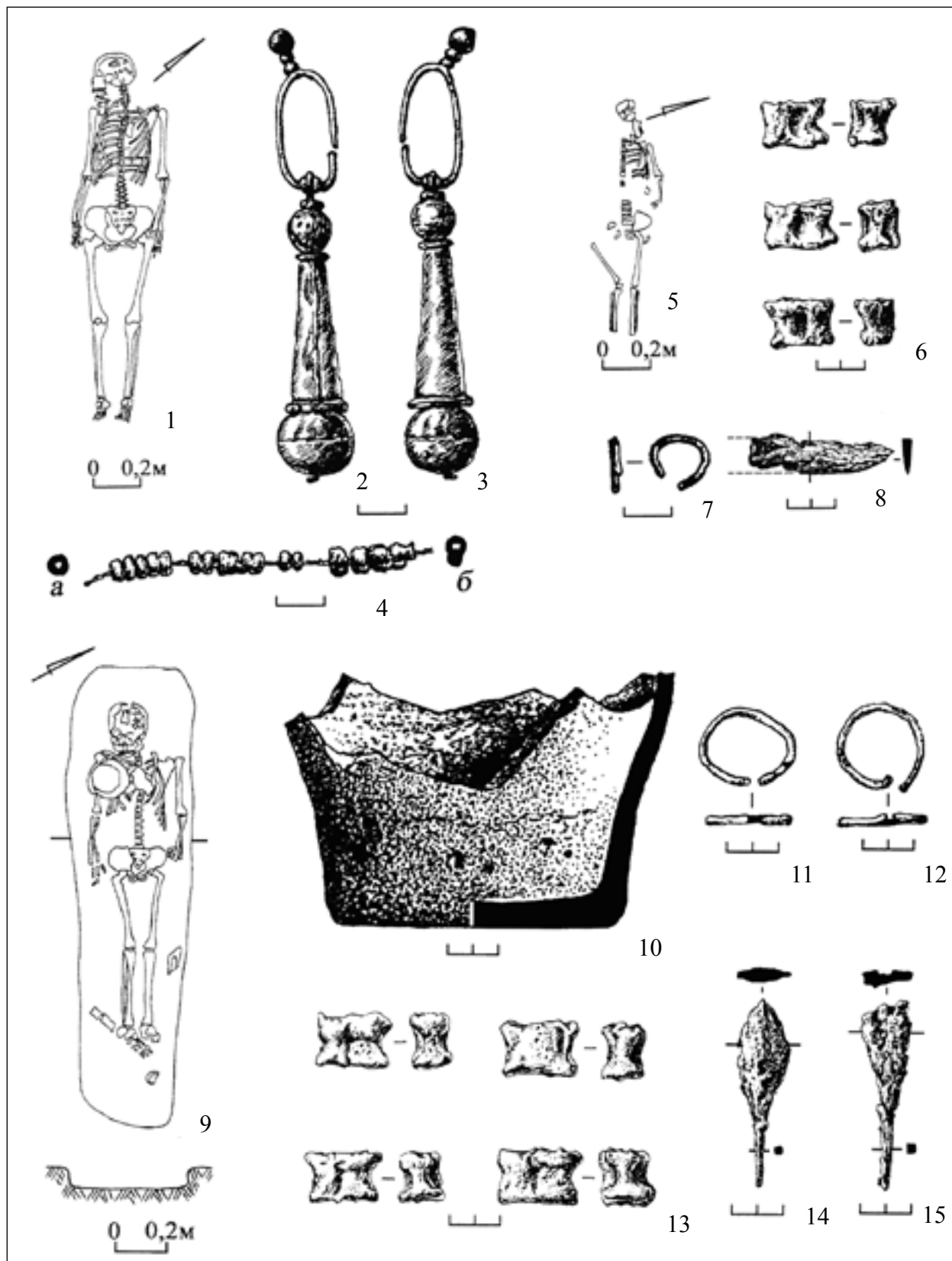

Рис. 7. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 29; 2-4: Инвентарь погребения 29; 5: Погребение 30; 6-8: Инвентарь погребения 30; 9: Погребение 38; 10-15: Инвентарь погребения 38

7. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 29. sír; 2-4: A 29. sír mellélete; 5: 30. sír; 6-8: A 30. sír mellélete; 9: 38. sír; 10-15: A 38. sír mellélete

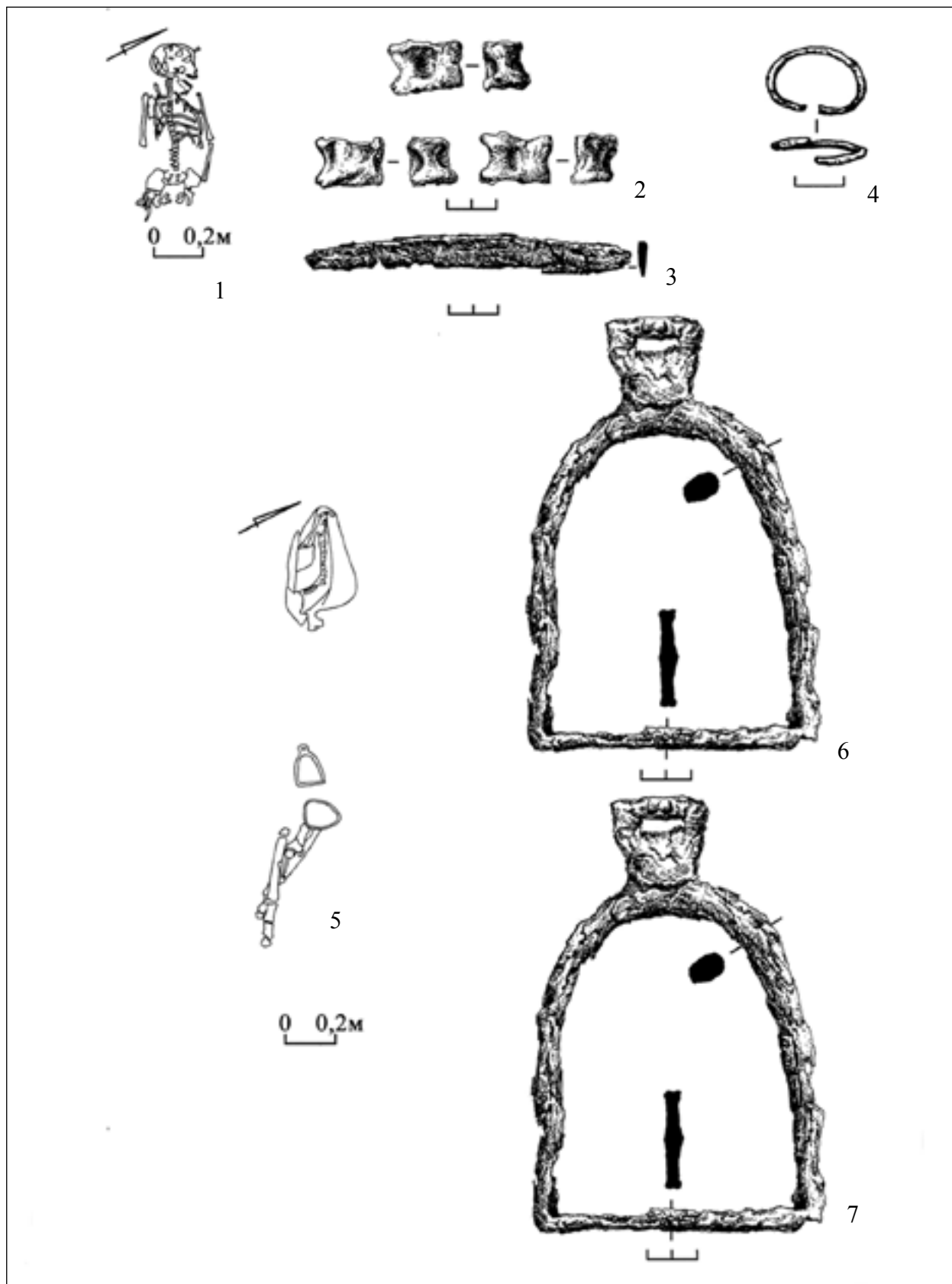

Рис. 8. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 35; 2–4: Инвентарь погребения 35; 5: Погребение 36; 6–7: Инвентарь погребения 36

8. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 35. sír; 2–4: A 35. sír melléklete; 5: 36. sír; 6–7: A 36. sír melléklete

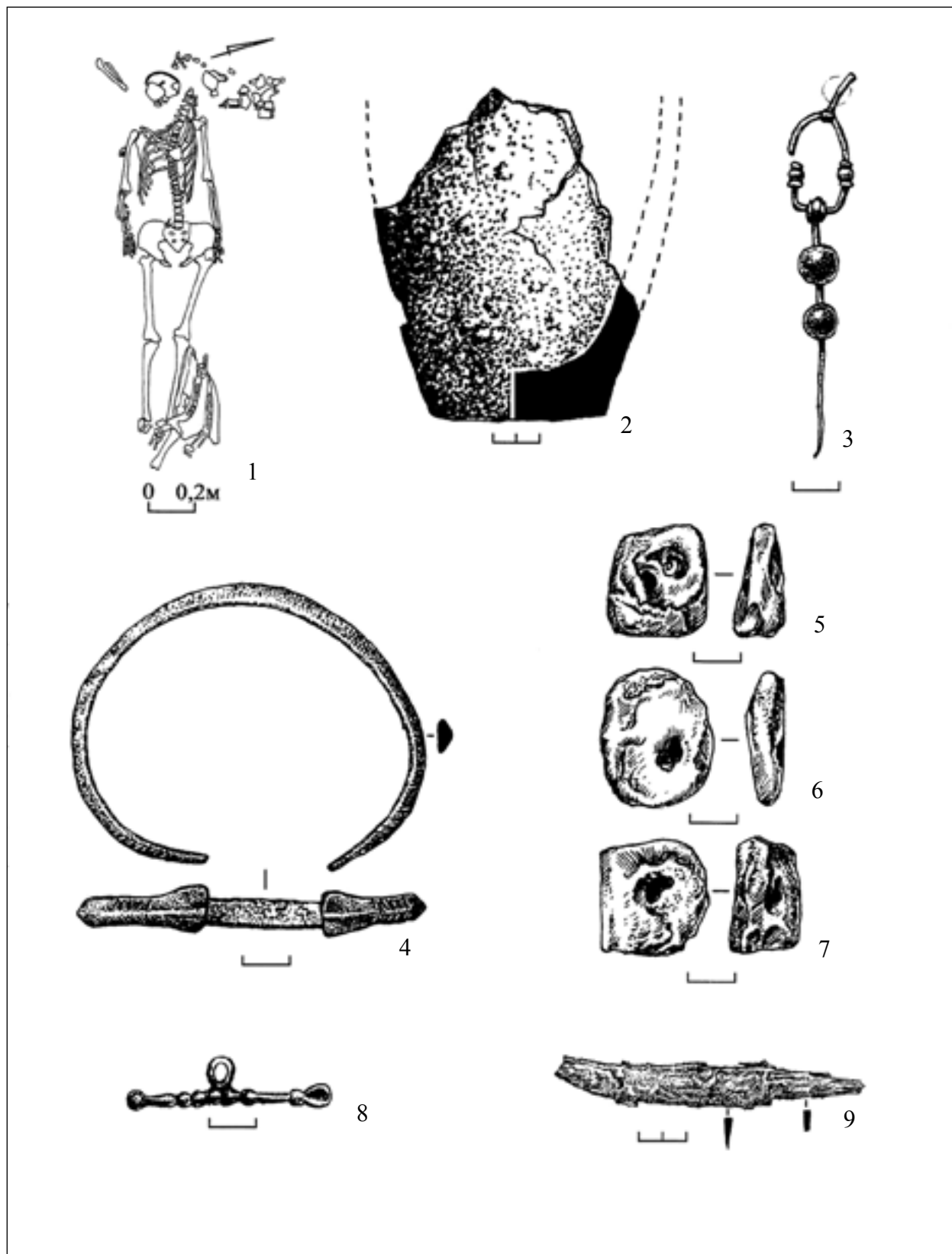

Рис. 9. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 37; 2–9: Инвентарь погребения 37
9. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 37. sír; 2–9: A 37. sír melléklete

из тщательно отмученного теста амфорного типа, качественный обжиг, светло-желтый или оранжевый цвет. Исследователи считают, что появление этих изделий на территориях, отделенных от Крыма, относится ко второй половине VIII – первой половине IX вв.³²

У сосуда из погребения 18 венчик был отбит в древности. Он был серого цвета, орнаментирован по плечикам лощеными вертикальными полосами. Подобные кувшины встречаются в Подонье, Подонцовье и Крыму. А. В. Комар видит ему аналогии по форме в волжско-болгарских древностях Танкеевского могильника.³³ Также он может происходить из Дунайско-Днестровского междуречья с таких поселений, как Орловка, Богатое и Суворово.³⁴

Кухонная посуда представлена горшками – одним целым экземпляром из погребения 40 (рис. 10. 9) и придонными частями из погребений 10 (рис. 3. 6) и 37 (рис. 9. 2). Два горшка из погребения 37 и 40 изготовлены из грубого керамического теста лепным способом, а горшок из погребения 10, возможно, изготовлен на медленно вращающемся гончарном круге, или подправлен на нем. Вся эта посуда относится к восточнославянской керамике типа Луки-Райковецкой, памятники которой широко распространены в Днестровско-Прутском междуречье в VIII–IX вв.

Анализ погребального обряда Слободзийского могильника позволил выделить ряд устойчивых признаков, характерных для кочевнических раннесредневековых погребальных древностей, таких, как простая форма ям, западная ориентировка с сезонными отклонениями, а также ритуальное разрушение могил с целью проведения обряда обезвреживания.

Подобные черты были широко распространены на могильниках, связываемых исследователями с древними болгарами и известны в пределах от Волжской Болгарии до Подонья и

до Дунайской Болгарии периода Первого Болгарского царства до принятия христианства.³⁵

Изучение погребального инвентаря Слободзейского могильника выявило в нем определенное количество предметов собственно салтовского круга, таких, к примеру, как женские серьги из погребений 29 и 37, браслет из погребения 37, стремяна из погребения 36, бронзовая копоушка из погребения 37. Все это сближает могильник со степным болгарским вариантом салтово-маяцкой культуры.

Некоторые исследователи справедливо полагают, что простая могильная яма и вытянутое на спине положение костяка с западной ориентировкой для раннего средневековья является одним из самых распространенных обрядов. Более показательны, по их мнению, расположение в могиле костей коня в виде сложенных у ног погребенного нижних частей конечностей и черепа, обращенного носовыми костями в сторону головы погребенного, являющиеся особенностью могил венгров X в. Карпатской котловины,³⁶ а также памятников типа Больше-Тиганского и Танкеевского могильников Татарстана.³⁷

Именно это мы можем наблюдать в погребениях 18 и 37 Слободзейского могильника.

Погребальный инвентарь Слободзейского могильника также, кроме аналогий в салтово-маяцких древностях, имеет аналогии в приуральских и прикамских памятниках. Так стремяна погребения 18 находят аналогии в караякуповских древностях. Преобладание срединных накладок лука, наличие плоских ромбовидных наконечников стрел и отсутствие трехгранных «салтовских», женские серьги с длинной литой подвеской, имитирующей многобусинную, мужские серьги-колечки тоже характерны для приуральских и прикамских памятников.

Поэтому Слободзейский средневековый могильник имеет, как общие черты с ямными

³² АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 1998, 345, 353.

³³ КОМАР 2011, 66.

³⁴ КОЗЛОВ 2015, 162, 166–167.

³⁵ ФЛЕРОВ 1993, 56.

³⁶ БАЛИНТ 1972, 176–188.

³⁷ КАЗАКОВ 1984, 99–110.

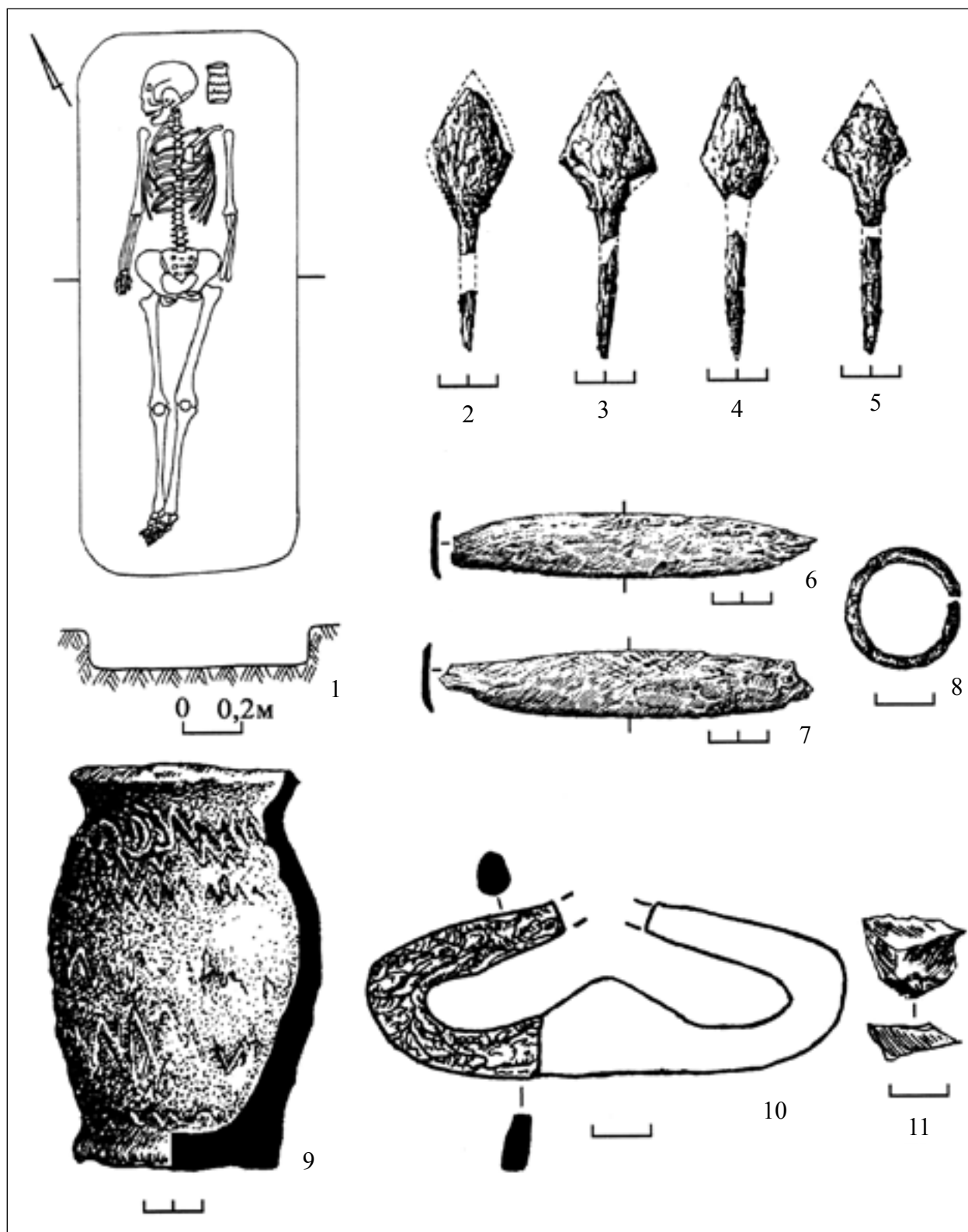

Рис. 10. Курган у г. Слободзея. 1: Погребение 40; 2–11: Инвентарь погребения 40
10. kép. A szlobodzejai kurgán. 1: 40. sír; 2–11: A 40. sír melléklete

болгарскими могильниками, так и некоторое своеобразие.

В этой связи особого внимания заслуживает мнение А. В. Комара, который из синхронных кочевнических древностей Северного Причерноморья выделяет памятники типа Субботцев, куда он включает и Слободзейский могильник.³⁸ Им в общих чертах предложен процесс генезиса памятников Субботцевского типа. Он также подчеркивает, что «*происхождение и особенности культурных контактов носителей памятников типа Субботцев с окружающими народами идеально совпадают с письменными свидетельствами об этапах переселения мадьяр, тогда как хронология комплексов соответствует периоду пребывания мадьяр в Северном Причерноморье (836–895 гг.)*». По его мнению, эти факты позволяют уверенно выделить в качестве археологической культуры древних венгров Этелькеза памятники Субботцевского типа, связав дальнейшие перспективы исследования проблемы именно с изучением памятников данного культурного круга.³⁹ Подобного же мнения о Субботцевском типе и Слободзейском могильнике придерживается А. Тюрк.⁴⁰

Учитывая все это, хотелось бы кратко остановиться на контактах и связях населения, оставившего Слободзейский могильник, с другими этносами, которые прямо или косвенно прослеживаются по исследованным материалам.

Наличие вещей салтовского круга проявляется довольно ясно и наглядно. В этой связи особая сложность возникает в отношении изучения формирования, развития, датировки и этнического состава балкано-дунайской культуры, которую раньше считали идентичной салтовской, затем ее вариантом, а сейчас особой культурой. Взгляды, особенно на этническую составляющую этой культуры, расходятся и часто являются противоположными. Одни считают ее южнославянской, другие тюрко-болгарской, третьи отводят значительную роль в ней волошскому элементу.

Окончательно не решены вопросы датировки. По нашему мнению, она окончательно оформилась к началу X века. Период начала функционирования памятников Субботцевского типа приходится на IX век, когда в регионе и в большей степени на правом берегу Днестра была распространена восточнославянская культура типа Луки-Райковецкой. В рассматриваемом регионе памятники этой культуры выявлены на всей территории Днестровско-Прутского междуречья от верховий Днестра и Прута до побережья Черного моря.⁴¹ Самый южный из них исследован на правом берегу Днестровского лимана возле села Шабо.⁴² В западном направлении памятники этой культуры достигали Карпат.

Проблемы славяно-венгерских отношений в IX в. интересуют исследователей уже более ста лет. Историки выясняли различные аспекты этих отношений, но, как уже было сказано выше, без археологических источников и их всестороннего анализа в комплексе с другими источниками сложно ждать прогресса в этом направлении.

Материалы Слободзейского могильника дают прямые свидетельства о связях оставившего его населения с восточными славянами, которые проживали буквально рядом на противоположном берегу Днестра. Этим свидетельством является восточнославянская керамика типа Луки-Райковецкой, выявленная в трех погребениях Слободзейского могильника, которая по своим технико-типологическим особенностям относится ко второй половине IX в. Как она попала сюда можно только догадываться. Отношения между венграми и славянами, скорее всего, складывались по-разному. Очевидно, они могли быть и враждебными, и дружественными. В этой связи интересно отметить косвенное тому подтверждение. В рассматриваемом регионе памятники культуры типа Луки-Райковецкой в VIII – первой половине IX вв. были представлены исключительно неукрепленными поселениями, но, примерно во второй половине IX в. появ-

³⁸ КОМАР 2011, 56–69.

³⁹ КОМАР 2011, 56–69.

⁴⁰ ТЮРК 2012, 22–26.

⁴¹ ТЕЛЬНОВ 1999, 142–263.

⁴² СМИЛЕНКО–КОЗЛОВ 1985, 119–136.

ляются мысовые городища, при исследовании которых зафиксированы следы пожара и разрушения. Так наиболее близким к Слободзейскому могильнику является городище Калфа, расположенное на правом берегу Днестра, в 30 километрах выше по течению. Здесь прослежено два строительных периода. Первый из них датируется VIII–IX вв. с восточнославянской керамикой типа Луки-Райковецкой.⁴³ К этому времени относятся две укрепленные линии, ограничивающие городище, состоящие из рвов и валов и деревянно-земляных конструкций. Укрепления были сожжены во второй половине IX века. Из десяти исследованных жилищ, относящихся к культуре типа Луки-Райковецкой, некоторые также носили следы пожара.⁴⁴ Такая же картина наблюдается на городище Речула, расположенном в центральной части Молдавии. Мысовое городище, состоящее из трех укрепленных площадок, было сожжено во второй половине IX в., в период развития поздней фазы культуры типа Луки-Райковецкой.⁴⁵

Таким образом, можно полагать, что мысовые славянские городища во второй половине IX в. в регионе появились в связи с венгерской опасностью.

О нападениях венгров на славян в это же время сообщается в сочинениях восточных авторов, таких как Ибн Русте,⁴⁶ Гардази и ал-Марвази.⁴⁷

На рассматриваемой территории встречаются отдельные находки венгерских вещей, в том числе на славянских памятниках.⁴⁸ В таком случае, можно полагать, что если отношения между венграми и славянами не всегда были враждебными, то они могли быть, если не дружественными, то приемлемыми для соседского или совместного проживания. Учитывая то, что по данным Константина Багрянородного венгры расселились в IX веке до Сирета, то очевидно, что их поселения могли размещаться не только на левобережье Днестра, но и в Днестровско-

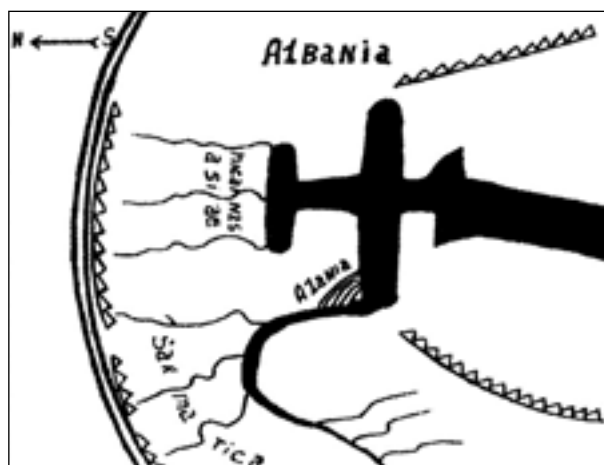

Рис. 11. Фрагмент овальной карты испанского монаха Беата Лиеванского (776 г.) (по БУБЕНОК 1997)

11. kép. Lièbanai Beatus spanyol szerzetes 776-ban készített ovális világtérképének részlete (БУБЕНОК 1997)

Прутском и Сиретском междуречье, в зоне плотного расположения славянских поселений. На наш взгляд именно здесь происходили самые важные и интенсивные контакты мадьяр с восточнославянским населением до переселения их на свою новую родину. Полагаем, что именно здесь связи мадьяр со славянами уже оказали определенное влияние на венгерский язык, его словарный состав, на сельскохозяйственную и культурную лексику, обогатились славянскими заимствованиями. Именно эти контакты способствовали также переходу мадьяр к полуседлому образу жизни и более эффективной экономике. Все это подготовило их при переходе на новую родину к более тесным контактам с местными славянами и к формированию венгерского раннефеодального государства.

По данным венгерских исследователей в венгерском языке также имеется небольшая группа слов аланского происхождения, связанных с земледелием и торговой деятельностью.⁴⁹ В этой связи некоторые венгерские ученые

⁴³ ЧЕБОТАРЕНКО 1973, 42–44.

⁴⁴ ЧЕБОТАРЕНКО 1973, 45–67, 68–79.

⁴⁵ ВЛАСЕНКО 1990, 212–229.

⁴⁶ ШУШАРИН 1997, 105–106.

⁴⁷ НОВОСЕЛЬЦЕВ 1965, 389–391.

⁴⁸ РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–230.

⁴⁹ БАРТА 1972, 126.

уделяли большое внимание проблемам северокавказских контактов. Другие, отрицая это, относили контакты аланского населения и древних венгров ко времени их совместного проживания в рамках салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата.⁵⁰

Однако из последних исследований выясняется, что ираноязычное население в Восточной Европе существовало на протяжении всего средневековья. Данные письменных источников и археологии позволяют предполагать, что во второй половине I тыс. н.э. в степной и лесостепной зонах Восточной Европы сосуществовали славянские и ираноязычные общности.⁵¹

Исследователи обращают внимание на приведенные Константином Багрянородным названия рек в местности печенегов, ранее заселенной венграми: Варух, Куву, Трулл, Брут, Сирет. Из них первые три топонима являются тюркскими эквивалентами названий Днепра, Буга и Днестра, а два последних Прут и Сирет иранского и древнего индоевропейского происхождения.⁵² По справедливому мнению О. Б. Бубенка, это может свидетельствовать о том, что по берегам этих рек долгое время могло сохраняться прежнее аборигенное население.⁵³

По данным Ю. А. Кулаковского на этих землях уже в античное время находилось аланское население.⁵⁴ Очевидно, что не случайно в античных источниках река Прут была названа не иначе как «река аланов».⁵⁵ Определенный интерес представляет карта Беата (*рис. 11*), на которой Алания в VIII в. была изображена к северу от устья Дуная.⁵⁶ Интересна в этой связи информация Николая Мистика о том, что аланы, печенеги, русы и венгры могли нападать на Дунайскую Болгарию.⁵⁷ Исходя из этого, можно предпо-

ложить, что перечисленные народы в IX – начале X вв. находились в районе Северо-Западного Причерноморья. Все это позволяет заключить, что в Днестровско-Дунайском регионе в IX в. проживали аланы. Поселения аланов-ясов существовали в Северо-Западном Причерноморье в первой половине II тысячелетия н.э.⁵⁸ Свидетельством этому в настоящее время является наименование г. Яссы, носившего название Ясский торг в средние века.

Европейские источники сообщают, что в конце IX в. завоевывать Паннонию венграм помогали их аланские союзники. Известно также, что эти аланы были переселены венграми для охраны некоторых территорий.⁵⁹ Исходя из этого, можно предположить, что вместе с венграми в Паннонию могла уйти часть тех алан, которые проживали в Северо-Западном Причерноморье.

Археологические источники также могут свидетельствовать о проживании алан в Днестровско-Дунайском междуречье. Так возникновение балкано-дунайской культуры IX–X вв. традиционно связывают с алано-болгарским населением Дунайской Болгарии. На этапах ее формирования выделяются аланские поселения со специфической керамикой. Примером может служить поселение Богатое, расположенное на западном берегу оз. Катлабух в Подунавье.⁶⁰ Законодателями моды в гончарстве и гончарных технологиях были именно аланы (*рис. 12; 13*).

Особый интерес представляют находки, которые ранее были практически неизвестны в рассматриваемом регионе. Так на Северном Кавказе в средневековых аланских погребениях и на поселениях выявлены амулеты и нашивки всадников, изучению которых посвящены ра-

⁵⁰ Фодор 2008, 37–52.

⁵¹ БУБЕНОК 1997, 117.

⁵² КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991, 394.

⁵³ БУБЕНОК 1997, 89.

⁵⁴ КУЛАКОВСКИЙ 1899, 9–49.

⁵⁵ АБАЕВ 1958, 486.

⁵⁶ БУБЕНОК 1997, 16–17, 89.

⁵⁷ БУБЕНОК 1997, 117.

⁵⁸ КУЛАКОВСКИЙ 1899, 66–71.

⁵⁹ БУБЕНОК 1997, 90.

⁶⁰ КОЗЛОВ 2015, 162, 166–167.

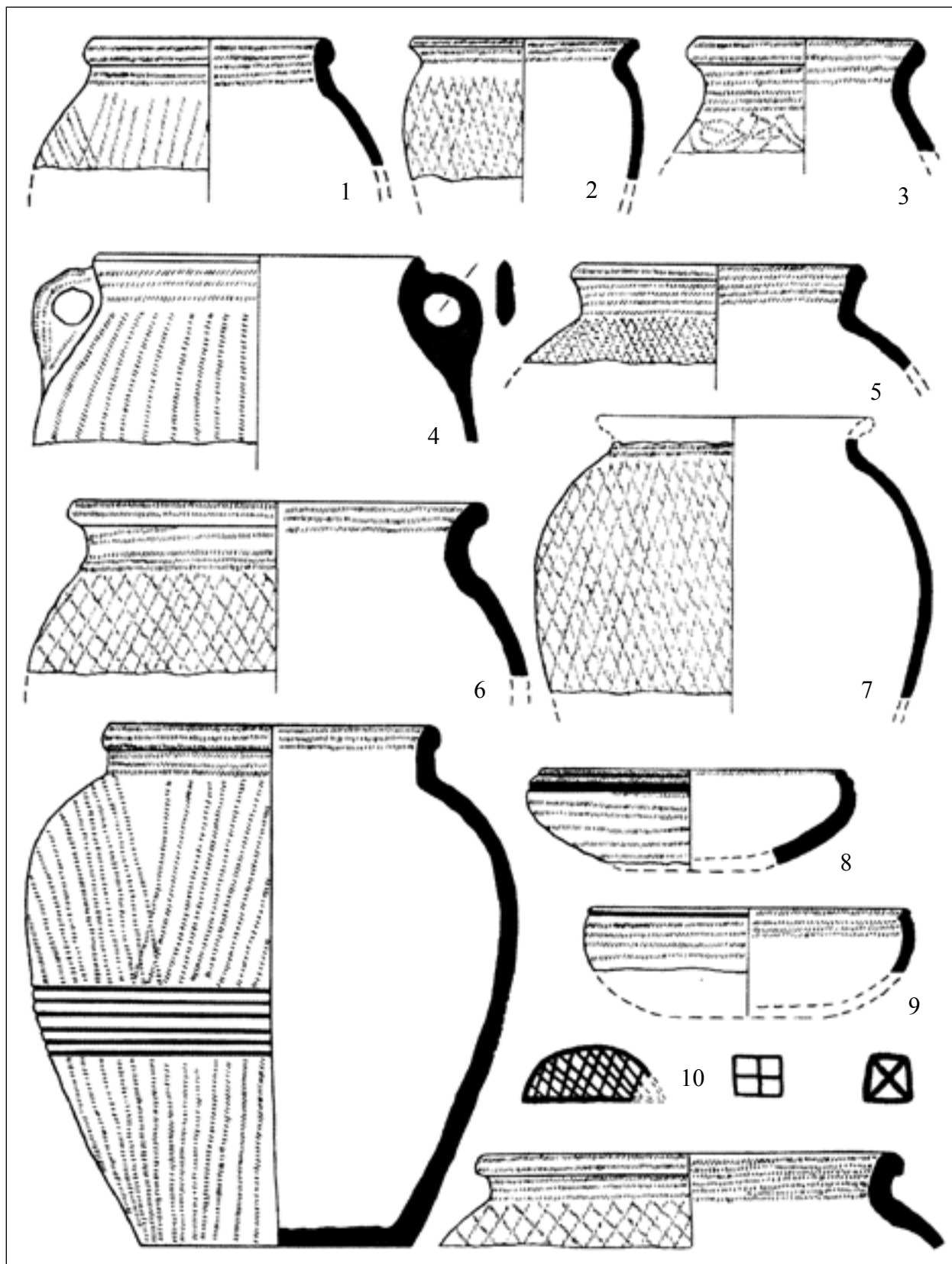

Рис. 12. 1–10: Керамика II группы из жилища 2 поселения Богатое I (по Козлов 2015, рис. 81)
 12. kép. 1–10: A II csoportba tartozó kerámia a Bogatoje I. település 2. számú lakóházából (Козлов 2015, рис. 81)

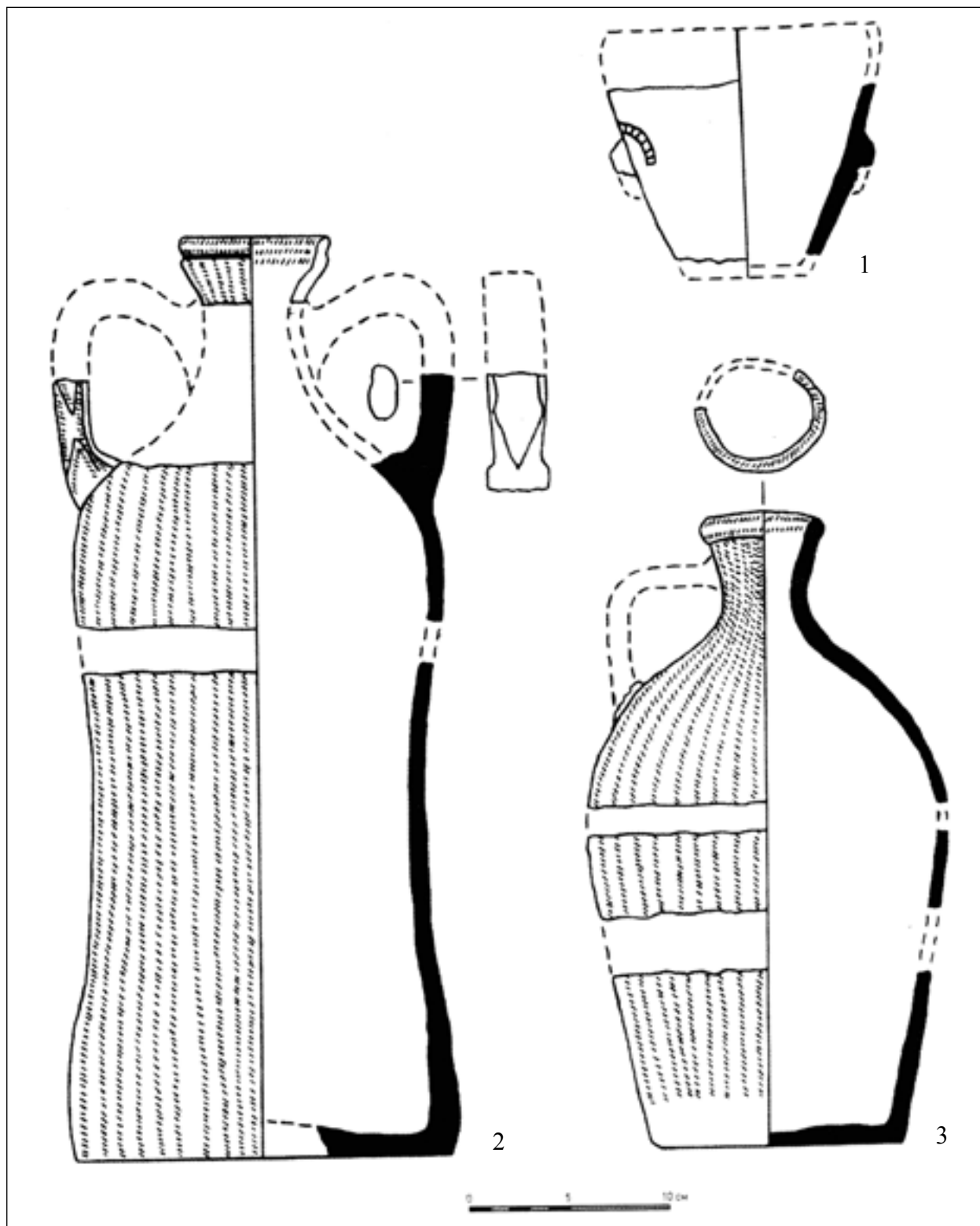

Рис. 13. 1–3: Керамика I группы поселения Орловка VI (по Козлов 2015, рис. 81)
13. kép. 1–3: Az I. csoportba tartozó kerámia Orlovka VI. településről (Kozlov 2015, рис. 81)

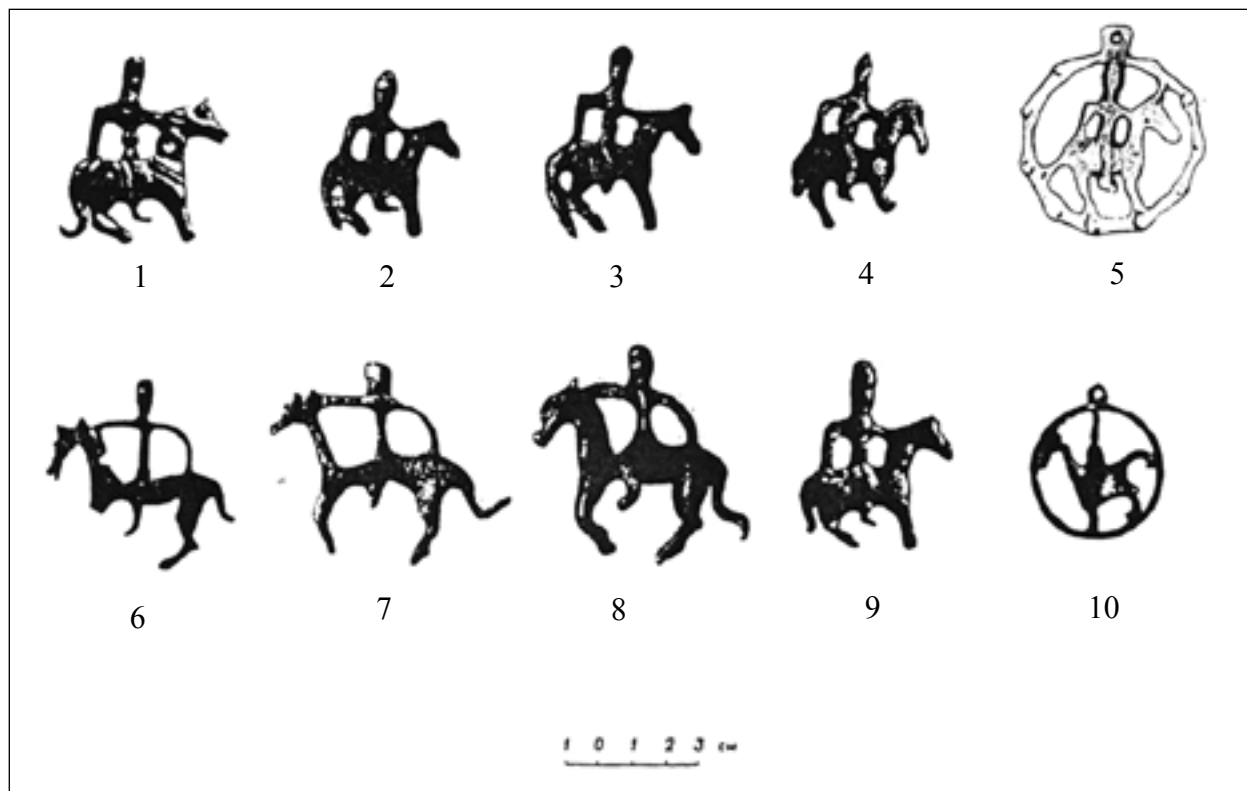

Рис. 14. 1–10: Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа (по Афанасьев 1973).
 1: Могильник близ Кисловодска. Катакомба 1; 2: Могильник близ Кисловодска. Катакомба 32; 3: Аул Зилги;
 4: Чегемское ущелье; 5: с. Первомайское; 6: могильник близ Кисловодска. Катакомба 21; 7: Песчанки; 8: с. Гоуст;
 9, 10: Верхне-Салтовский могильник

14. kép. 1–10: Bronzból készült lovasfigurák észak-kaukázusi alán sírokból (Афанасьев 1973). 1: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 1. kamrasír; 2: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 32. kamrasír; 3: Aul Zilgi; 4: Csegemszkoje uscelje; 5: Pervomajszkoje; 6: Kiszlovodszkhoz közeli temető, 21. kamrasír; 7: Peszsanski; 8: Gouszt; 9, 10: Verhnyij Szaltov-i temető

боты Г. Е. Афанасьева⁶¹ и В. Б. Ковалевской⁶² (рис. 14). Их аланская принадлежность твердо доказана и никем не оспаривается. В последнее время подобные находки все чаще стали появляться в Днестровско-Прутском междуречье⁶³ (рис. 15; рис. 16). Имеются и другие находки, которые принадлежат к аланскому кругу вещей.⁶⁴

Все это позволяет заключить, что интенсивные контакты венгров с аланским населением перед переселением их в Паннонию происходили в рассматриваемом регионе. Поэтому искать места контактов венгров с аланами не обязательно на Северном Кавказе, на что указывают имеющиеся источники.

Таким образом, если исходить из того, что памятники Субботцевского типа, к которым исследователи относят Слободзейский могильник, принадлежат венграм, то Нижнее Поднестровье является тем регионом, где венгры вступили в самый тесный контакт со славянами до своего переселения в Паннонскую низменность. Именно здесь, становясь полуоседлыми скотоводами, они могли позаимствовать от славян земледельческие способы ведения хозяйства, типы земледельческих орудий и славянскую сельскохозяйственную терминологию.

Именно здесь они могли вступить в более тесный контакт с аланами, а также перенять от них

⁶¹ Афанасьев 1973, 36–39.

⁶² Ковалевская 1978, 111–120.

⁶³ Postică–Tentiuș 2014, 45–72.

⁶⁴ Хохлов 2000, 200–205.

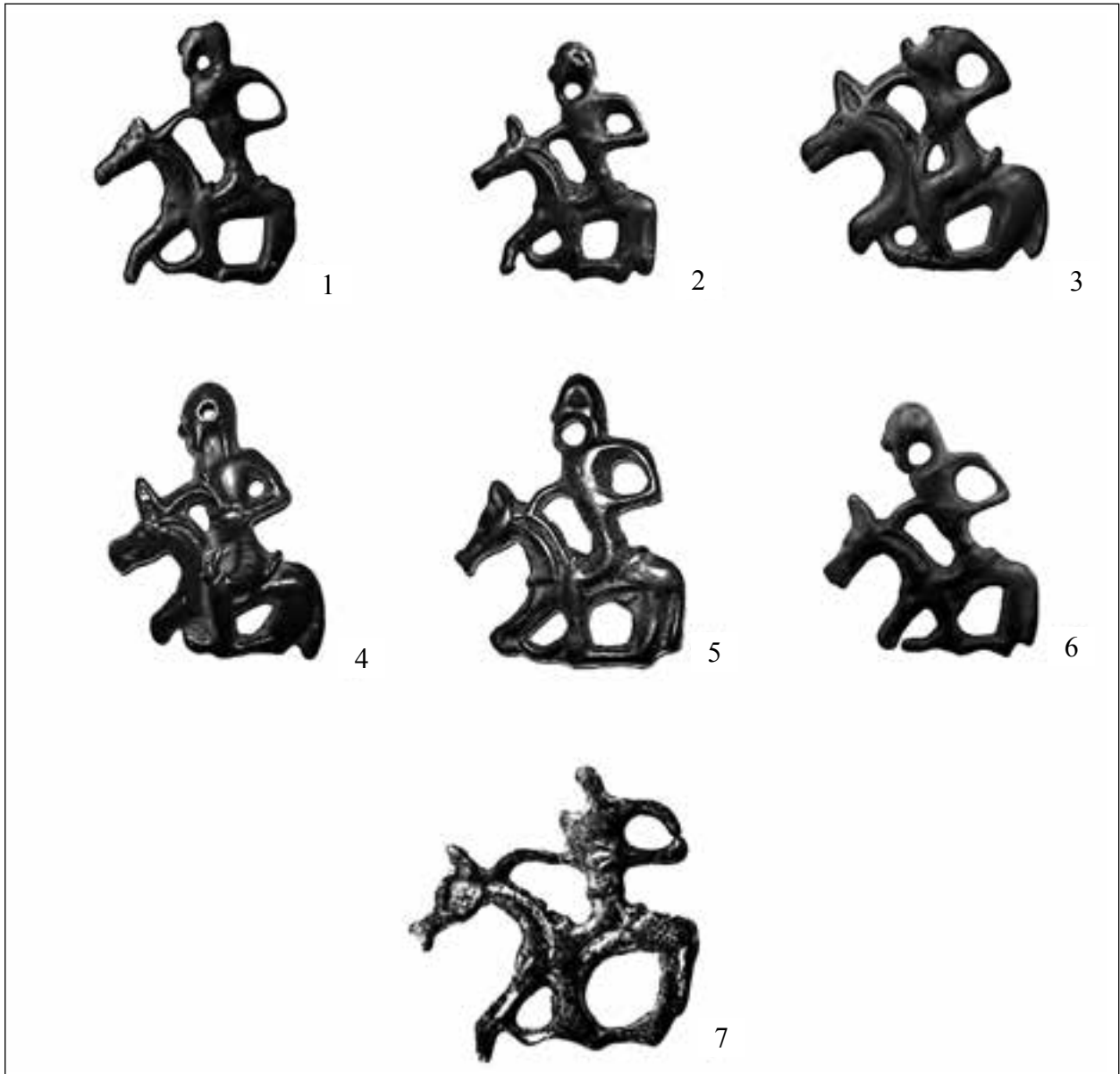

Рис. 15. Бронзовые фигурки всадников из Молдавии (по POSTICA–TENTIUC 2014). Тип I из поселений. 1: Ханска; 2: Лукашовка; 3: Пэхэрничень; 4, 7: Бричаны; 5: Еничой; 6: Местонахождение неизвестно
 15. kép. Bronzból készült lovasfigurák Moldovából (POSTICA–TENTIUC 2014). I. típus (telepleletek). 1: Hansca; 2: Lucășeuca; 3: Pohorniceni; 4, 7: Briceni; 5: Enicioi; 6: Ismeretlen lelőhely

определенные способы ведения земледельческого хозяйства и получить лингвистические заимствования в области земледельческой техники.

Учитывая справедливое мнение Антала Барга, высказанное более сорока лет назад, о том, что «без учета и понимания крупных изменений, которые оказали влияние на венгерские

племена еще на восточноевропейской равнине, нет возможности понять конкретные проявления неравномерности развития венгерской истории»,⁶⁵ важно продолжить изучение истории обретения новой Родины венграми.

Принимая во внимание суждение П. П. Толочко о том, что из салтовской культуры трудно

⁶⁵ БАРГА 1972, 127.

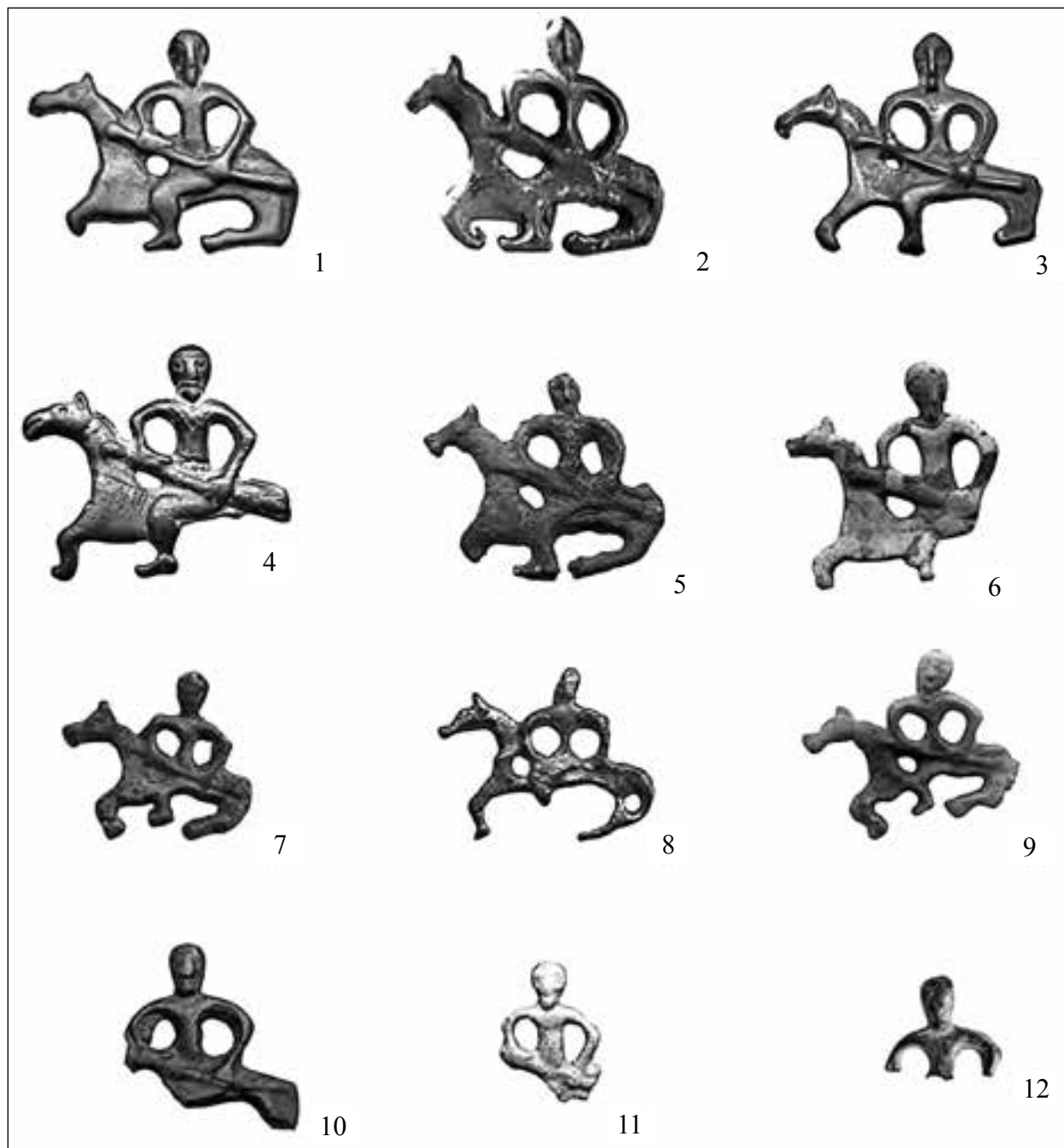

Рис. 16. Бронзовые фигурки всадников из Молдавии (по POSTICA–TENTIUS 2014). Тип II. 1: Ханска; 2: Каракушень Ной; 3: Капачила; 4: Попешть де сус; 5, 11: Татарэука веке; 6: Дезгинджа; 7: Пэхэрничень; 8: Фурчень; 9: Окница; 10: Инундень; 12: Бэлинць

16. kép. Bronzból készült lovasfigurák Moldovából (POSTICA–TENTIUS 2014). II. típus. 1: Hansca; 2: Caracuşenii Noi; 3: Kapacsila; 4: Popeştii de Sus; 5, 11: Tătărăuca Veche; 6: Dezghingea; 7: Pohorniceni; 8: Furceni; 9: Ocniţa; 10: Inundeni; 12: Belinc

вычленив венгерскую,⁶⁶ можно все же отметить, что с выделением памятников Субботцевского типа, наметилась положительная тенденция в решении этой проблемы. Осталось только найти новые памятники. Полагаем, что поиски могильников, в том числе курганных, IX в. следует проводить в Нижнем Поднепровье. Думаем, что они, с большой вероятностью будут бескур-

ганными, ярким свидетельством чего являются ранние могильники в Паннонии.⁶⁷ По случайности Слободзейский могильник разместился на кургане, что подтверждается несколькими погребениями рядом с насыпью и отсутствием подобных могильников в сотнях раскопанных курганов в регионе.

ПИСМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Константин Багрянородный 1991: Константин Багрянородный: *Об управлении империей*. Москва 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ 1958: Абаев, В. И.: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Ленинград 1958.
- АКСЕНОВ 1999: Аксенов, В. С.: Старосалтовский катакомбный могильник. *Vita Antiqua* 1999:2, 137–149.
- АКСЕНОВ–МИХЕЕВ 1998: Аксенов, В. С. – Михеев, В. К.: Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца. В: *Культура Евразийских степей в I тыс. н.э. (вопросы хронологии)*. Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 344–357.
- АФАНАСЬЕВ 1973: Афанасьев, Г. Е.: Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 36 (1973) 36–39.
- БАЛАГУРИ–ФОДОР 1998: Балагури, Э. А. – Фодор, И.: Раскопки могильника периода обретения венграми новой Отчизны в с. Чома, Береговского района, Закарпатской области. *Carpatica–Карпатика* 5. Ужгород 1998, 166–169.
- БАЛИНТ 1972: Балинт, Ч.: Погребения с конями у венгров в IX–X вв. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 176–188.
- БАРТА 1972: Барта, А.: Истоки венгерской культуры X в. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 118–127.
- БУБЕНОК 1997: Бубенок, О. Б.: *Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XII вв.)*. Киев 1997.
- ВЛАСЕНКО 1990: Власенко, И. Г.: Исследования городища Речула. *Археологические исследования в Молдавии в 1985 г.* Кишинев 1990, 212–229.
- КАЗАКОВ 1984: Казаков, Е. П.: О культе коня в средневековых памятниках Евразии. В: *Западная Сибирь в эпоху средневековья*. Ред.: Чиндина, Л. А. Томск 1984, 99–110.
- КАМИНСКИЙ 1987: Каминский, В. Н.: Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани. *Советская археология* 1987:4, 187–205.

⁶⁶ Толочко 1999, 33.

⁶⁷ Эрдели 1972, 128–144.

- Кирпичников 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* В: Свод археологических источников Е 1–36. Ред.: Каргер, М. К. Ленинград 1973.
- Ковалевская 1978: Ковалевская, В. Б.: Изображение коня и всадника на средневековых амулетах северного Кавказа. В: *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Ред.: Козенкова, В. И. – Краснов, Ю. А. – Розенфельдт, И. Г. Москва 1978, 111–120.
- Ковалевская 1979: Ковалевская, В. Б.: *Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки*. В: Свод археологических источников Е 1–2. Ред.: Каменецкий, И. С. Москва–Ленинград 1979.
- Козлов 2015: Козлов, В. И.: *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков: балкано-дунайская культура*. Казань–Санкт-Петербург–Кишинев 2015.
- Комар 2005: Комар, А. В.: Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. В: *Сугдейский сборник 2*. Ред.: Куковильская, Н. М. Киев–Судак 2005, 160–188.
- Комар 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяри в Середньому Подніпров'ї*. Археологія і давня історія України 7. Ред.: Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- Круглов 2005: Круглов, Е. В.: Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. В: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья 4. Ред.: Евглевский, А. В. Донецк 2005, 73–143.
- Кулаковский 1899: Кулаковский, Ю. А.: *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*. Киев 1899.
- Ляпушкин 1958: Ляпушкин, И. И.: Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. В: *Материалы и исследования по археологии СССР 62*. Ред.: Артамонов, М. И. Москва 1958, 85–150.
- Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в IX – начале X в. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 80–82, 170–172.
- Михеев 1986: Михеев, В. К.: Сухогомольшанский могильник. *Советская археология* 1986:3, 158–173.
- Мошкова–Максименко 1974: Мошкова, М. Г. – Максименко, В. Е.: Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. В: *Археологические памятники нижнего Подонья 2*. Ред.: Мошкова, М. Г. – Шелов, Д. Б. Москва 1974, 5–80.
- Новосельцев 1965: Новосельцев, А. П.: Восточные источники о восточных славянах и Руси I–IX вв. В: *Древнерусское государство и его международное значение*. Ред.: Пашуто, В. Т. – Черепнин, Л. В. Москва 1965, 355–419.
- Новосельцев 1990: Новосельцев, А. П.: *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. Москва 1990.
- Плетнева 1958: Плетнева, С. А.: *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*. Материалы и исследования по археологии СССР 62. Москва 1958, 151–226.
- Плетнева 1967: Плетнева, С. А.: *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. Материалы и исследования по археологии СССР 142. Москва 1967.
- Плетнева 1981: Плетнева, С. А.: Салтово-маяцкая культура. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 62–75.
- Плетнева 1981а: Плетнева, С. А.: Ранние болгары на Волге. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 77–79.
- Плетнева 1989: Плетнева, С. А.: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. Москва 1989.
- Рябцева–Рабинович 2007: Рябцева, С. – Рабинович, Р.: К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică, serie nouă*. 3/1–2 (2007) 195–230.
- Смиленко–Козлов 1985: Смиленко, А. Т. – Козлов, В. И.: Славянское поселение конца I тысячелетия н.э. у с. Шабо на Днестровском лимане. В: *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Ред.: Бырня, П. П. Кишинев 1985, 119–136.

- СТАШЕНКОВ 1998: Сташенков, Д. А.: Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы). В: *Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 213–231.
- ТЕЛЬНОВ 1999: Тельнов, Н. П.: Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. *Stratum plus* 5. Ред.: Рабинович, Р. А. – Тельнов, Н. П. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест 1999, 142–263.
- ТОЛОЧКО 1999: Толочко, П. П.: *Кочевые народы степей и Киевская Русь.* Киев 1999.
- ТЮРК 2012: Тюрк, А.: Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр). В: *IX Евразийский научный форум «Наследие Л. Н. Гумилева и современная Евразийская интеграция».* Ред.: Садыков, Е. Б. Астана 2012, 22–26.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ 1966: Федоров-Давыдов, Г. А.: *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* Москва 1966.
- ФЛЕРОВ 1993: Флеров, В. С.: *Погребальные обряды на севере Хазарского Каганата.* Волгоград 1993.
- ФОДОР 2008: Фодор, И.: Древние венгры и Северный Кавказ. В: *Hungaro-Russica III. История и культура Евразийской степи.* Ред.: Васильев, Д. Д. Москва 2008, 37–52.
- ХОХЛОВ 2000: Хохлов, В. А.: Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхея (Требужен). В: *Археологические вести* 7. Ред.: Носов, Е. Н. Санкт-Петербург 2000, 200–205.
- ЦУКЕРМАН 1998: Цукерман, К.: Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 6. Симферополь 1998, 663–688.
- ЧЕБОТАРЕНКО 1973: Чеботаренко, Г. Ф.: *Калфа – городище VIII–X вв. на Днестре.* Кишинев 1973.
- ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008: Щербакова, Т. А. – Тащи, Е. Ф. – Тельнов, Н. П.: *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея).* Кишинев 2008.
- ШУШАРИН 1997: Шушарин, В. П.: *Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания.* Москва 1997.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В: *Проблемы археологии и древней истории угров.* Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- POSTICĂ–TENTIUC 2014: Postică, G. – Tentiuc, J.: Amulete-călăreți de bronz din perioada medievală timpurie în spațiul Carpato-Nistrean. *Tyragetia. Arheologie Istorie Antică, seria noua.* Vol. 8:1 (23) 2014, 45–72.

ДРЕВНОСТИ ВЕНГЕРСКОГО КРУГА IX–X ВВ. ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА (ПРЕДМЕТЫ ТОРЕВТИКИ И ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ)

СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА РЯБЦЕВА* – РОМАН АРОНОВИЧ РАБИНОВИЧ**

Ключевые слова: *Пруто-Днестровский регион, украшения, поясные наборы, венгерское присутствие, культура Бьело Брдо*

Kulcsszavak: *Prut–Dnyeszter régió, ékszerek, veretes övek, magyar jelenlét, Bijelo Brdo-kultúra*

Светлана Станиславовна Рябцева – Роман Аронович Рабинович

Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (Предметы торевтики и ювелирные украшения)

Данные письменных источников дают возможность делать предположения о роли венгров на территориях от Днестра до Карпат в IX–X вв. В данной статье анализируются наиболее выразительные украшения и другие металлические изделия, которые также могут свидетельствовать о венгерском присутствии в регионе. Некоторые изделия (например, каплевидные подвески, характерные для венгерского женского костюма), вероятно, являются индикаторами присутствия венгерского населения, проживавшего в регионе. Пояс из Слободзейского кургана принадлежал, по всей видимости, именно венгру, захороненному в Приднестровской степи по дороге на новую родину. В Пруто-Днестровском регионе к типичным для венгерских древностей могут быть отнесены изделия со специфической венгерской пальметтой – наконечник ножен сабли (Екимауцы), бляшка (Тарасова). Среди находок, которые могут быть представлены, в том числе и у венгров, присутствуют предметы ременной и сумочной гарнитуры, бубенчики, «салтовские» перстни и серьги. Серьги «волынско-го» типа, а также дротовые и витые браслеты и витые гривны в контексте их находки на одном памятнике (городище Екимауцы) могут рассматриваться как аналогичные комплексам находок культуры Бьело Брдо.

Szvetlana Sztanyiszlavovna Rjabceva – Roman Aronovics Rabinovics

A Prut–Dnyeszter régió 9–10. századi magyar jellegű hagyatéka (A fémművesség és az ötvösművészet tárgyai)

Az írott források adatai lehetővé teszik, hogy hipotéziseket állítsunk fel a magyaroknak a Dnyesztertől a Kárpátokig terjedő területeken a 9–10. században betöltött szerepéről. A szerzők ebben a tanulmányban azokat a legjellegzetesebb díszítményeket és egyéb, fémből készült tárgyakat vizsgálják meg, amelyek szintén arra utalnak, hogy a magyarok egykor ebben a régióban tartózkodtak. Néhány tárgytípus (pl. a magyar női viseletre jellemző csepp alakú csüngő) indikátorként jelezheti az egykor itt élt magyar népességet. A szlobodzejai kurgánból előkerült öv minden valószínűség szerint egy olyan magyar sírjából származik, aki az új haza felé történő vándorlás közben, a Dnyeszter-melléki sztyeppen halt meg és itt temették el. A Prut–Dnyeszter régióból olyan leletek is ismertek, amelyeket a tipikus magyar palmetta motívummal díszítettek. Ilyen pl. az Echimăuți-ből előkerült szablyakoptató és a taraszovai veret. Azon leletek között, melyek a magyaroknál is előfordulhatnak, ismertek továbbá veretes övek és tarsolyok, csörgők, valamint 'szaltovói' típusú fejesgyűrűk és fülbevalók is. Az echimăuți erődített településről előkerült volhíniai típusú fülbevalókat, illetve a huzal- és fonott karpereceket, fonott nyakpereceket ebben a közös leletkontextusban akár a Bijelo Brdo-kultúra leleteinek párhuzamaként is értelmezhetjük.

* Институт культурного наследия АН Молдовы, MD-2029, г. Кишинев, Республика Молдова, ул. Штефан чел Маре, 1, sveta_earing@mail.ru

** Университет «Высшая антропологическая школа» MD-2029, г. Кишинев, Республика Молдова, ул. Йорга, 5, romanescu@mail.ru

Нам уже приходилось отмечать особенности культурно-исторического развития Пруто-Днестровских земель в IX–XI вв., обусловленные географическим положением региона – месте пересечения периферий и влияния соседних культурно-исторических миров. На местное славянское население (носителей древностей лука-райковецкой культуры IX в.) активно воздействовали (иногда в результате непосредственного переселения сюда) балкано-дунайский, западнославянский и, назовем его условно, кочевнический (носители салтово-маяцкой культуры, венгры) культурные миры.¹

На основании анализа данных письменных источников мы можем ставить вопрос о возможной и даже существенной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в период IX–X вв. С 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в., а, особенно на рубеже этих столетий, венгры могли оказывать влияние политического характера на Карпато-Днестровский регион. Возможно, эта территория входила в Ателькузу – место пребывания мадьярских племен накануне обретения родины. Этот факт оказал существенное влияние на взаимоотношения местного населения с соседями – Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Именно венгерский фактор сыграл решающую роль в том, что уличи и тиверцы оказались подчиненными Киевской Руси не ранее середины 30-х гг. X в., хотя попытки овладеть их территорией со стороны Киева предпринимались еще в 885 г.²

Прежде чем рассмотреть различные категории предметов из цветных металлов, найденные в Пруто-Днестровском регионе, о которых можно рассуждать в свете проблемы именно венгерской атрибуции, отметим следующее. Выделение именно венгерских находок является достаточно сложной задачей. Среди кочевнических древностей Восточной Европы IX–X вв. подчас достаточно трудно выделить именно венгерские материалы. Даже те артефакты, кото-

рые, казалось, бесспорно, могут отождествляться с венграми, де-факто могли принадлежать и другим этническим группам. Но эти группы могут обладать схожими материальной культурой и воинской субкультурой. Причем, не обязательна даже их принадлежность к кочевому или полукочевому населению. Оседлое население в зоне контактов широко воспринимало в качестве престижных культурных образцов многие элементы воинской субкультуры, в частности, снаряжения всадника и коня. Кроме того, и венгры, так же, как и другие группы населения Центральной и Восточной Европы, использовали украшения инокультурного – византийского, великоморавского и поствеликоморавского облика.³

На территории Подунавья в ювелирном уборе и наборе предметов, связанных с декорировкой костюма обретших родину венгров, происходит синтез нескольких традиций. Здесь можно выделить ряд основных пластов древностей: «местный» – позднекестхейский (дротовые браслеты и перстни, серьги со спиральной подвеской и др.), «подунайско-византийский» (в том числе и изделия с зернью и литые подражания им); «привнесенные» – собственно венгерский и в широком смысле «восточноевропейский», в первую очередь, «салтоидный».⁴

В Центральной и Юго-Восточной Европе венгерские древности присутствуют в составе так называемой культуры Бьело Брдо. Данное многоэтническое образование представлено в Венгрии, южной и юго-западной Словакии, западной Румынии, северной и северо-западной Сербии (Воеводина и Срем), северной и северо-западной Боснии, северо-восточной Словении, северной Хорватии (регион между Сурой, Савой, Дравой и Дунаем), восточной и юго-восточной Австрии. Время его существования охватывает период со второй половины, второй трети X – до последней четверти XI века, а в отдельных местах до начала XII века.⁵ Это название определяет некую совокупность материалов и используется по тра-

¹ См. РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2009, 292–304, там же историография; РАБИНОВИЧ 2018.

² РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–205.

³ LANGÓ–PATAI–HORVÁTH 2015, 367–380.

⁴ HAMPEL 1905; VÁNA 1954, 51–104; ЭРДЕЛИ 1972, 139.

⁵ БАЛИНТ 1979, 97–143; ДЕМО 2009.

диции, так как не предложено альтернативного варианта наименования.⁶ По мнению Э. Галла, можно говорить о специфической венгерской культуре на исходе заключительного этапа обретения родины, среди носителей которой были не только этнические венгры. В частности, он отмечает: «Археологический инвентарь “венгерских заводчателей” не может рассматриваться как отражение этнической специфики. Скорее, речь идет о макрорегиональной культуре, которая характеризовала Карпатский бассейн и не принадлежала населению с гомогенной этнической идентичностью».⁷

В нашей работе мы рассмотрим наиболее выразительные предметы, происходящие с территории Карпато-Днестровских земель, которые могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической дружинной субкультуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказала влияние венгерская традиция.

Оговоримся сразу, что эти две группы древностей зачастую четко разграничить весьма сложно. Так, наборные пояса, в том числе отра-

жавшие влияние венгерской моды, были весьма популярны у различных этнических объединений на обширной территории от Урала до Балкан. Пояса близкого облика представлены у хазар, венгров, болгар, удмуртов, мари, мордвы, встречаются и в древнерусских памятниках.⁸

В тоже время каплевидные подвески, аналогичные найденным в Карпато-Днестровском регионе в Ханска (Республика Молдова) и Дэнешть-Васлуй (Румынская Молдова), относятся именно к наиболее характерным предметам декорирования женского венгерского костюма⁹ (рис. 2. 59, 63). При этом, считается, что специфичные для костюма женские украшения, как правило, не являлись предметом дальней торговли и могли распространяться только с их носительницами.¹⁰

Для того, чтобы уточнить культурно-историческую принадлежность предметов цветной металлообработки, найденных в Карпато-Днестровском регионе, мы произведем их сравнение с материалами, известными из памятников Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы.

ПРЕДМЕТЫ РЕМЕННОЙ И СУМОЧНОЙ ГАРНИТУРЫ

Рассмотрение вещей, которые могли бы свидетельствовать о венгерском присутствии в Пруто-Днестровском регионе, начнем с поясной и сумочной гарнитуры. На рассматриваемой территории было найдено несколько поясных наборов, а также целый ряд отдельных бляшек и накладок. На восточной ее окраине – на левобережье Днестра, поясной набор найден в раннесредневековом могильнике у г. Слободзея.¹¹ Слободзейский курган служил усыпальницей в различные исторические эпохи, но самой многочисленной группой погребений являются кочевнические захоронения IX в.

Поясной набор был обнаружен в мужском погребении № 18, сопровождавшемся захоронением коня. Поверх берцовых костей захороненного располагались череп и нижние конечности лошади, неподалеку найдены стремяна и остатки уздечки (?). Возле черепа человека размещались одноручный гончарный кувшин, две кольцевидные серебряные позолоченные проволочные серьги и остатки жертвенной пищи (кости овцы). На левой плечевой кости погребенного – пять наконечников стрел, на кисти – крючок для крепления колчана. В области груди были найдены накладки на лук, в поясничной области

⁶ Приносим глубокую благодарность научному сотруднику Института культурного наследия АН Молдовы доктору В. Ярмульскому за помощь в получении издания недоступного в библиотеках Республики Молдова. GIESLER 1981, 4.

⁷ Галл и др. 2011, 229.

⁸ ФОНЯКОВА 1998, 635–641; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996; FETTSCH 1937; DIENES 1976, 79–113; СТАНИЛОВ 1993, 152–163; МУРАШЕВА 2000, 75; КАЗАКОВ 2000, 87–99.

⁹ VAÑA 1954, 73, tab. VI; SPINEI 1999, 38.

¹⁰ ПЕТРУХИН, 1983, 174; ГАВРИТУХИН–КАЗАНСКИЙ 2006, 304.

¹¹ ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008, 4.

– остатки кожаного ремня с серебряной поясной гарнитурой, с правой стороны – железный нож и кожаный мешочек с железным кресалом и остатками ткани. Сохранился тридцатисантиметровый обрывок ремня шириной 1,7 см. К ремню на расстоянии 1,8 см друг от друга крепились литые прорезные бляшки щитовидной формы с прямым гладким верхним и фестончатым полукруглым краем (13 экз.). В центре бляшек расположен гладкий щиток с фестончатым оформлением и щелевидной прорезью (рис. 1. 2–7). К поясу крепились дополнительные кожаные ремешки с аналогичными бляшками с фестончатым краем со всех сторон, но без прорези (14 экз.) (рис. 1. 8–15; рис 5. 15). Щиток поясной пряжки декорирован по краю выступами и ложным жемчужником, а в центре – достаточно сложным растительным узором (рис. 1. 1; рис 5. 14). Поясная бляшка, по форме близкая к слободзейским, но несколько более грубая и отлитая из бронзы, найдена у села Бучумены (Унгенский р-н Республики Молдова). Вместе с ней обнаружены бронзовый поясной наконечник и перстень «салтовского типа» с крупной вставкой¹² (рис. 1. 20–21).

Наиболее близкой аналогией поясному набору из Слободзейского кургана являются детали пояса из кладя Рэдукэнень (Румынская Молдова), который может быть отнесен к IX – первой половине X в.¹³ В кладя находились поясная пряжка и 9 серебряных поясных бляшек листовидной формы (без прорезей), у которых наружный край и контур внутреннего щитка оформлены фестонами, а щиток декорирован углубленным стилизованным узором (рис. 1. 16–18). Кроме того, имеется одна бляшка с петелькой (рис. 1. 19). В кладя находились достаточно ранние монеты – дирхемы середины VIII в. и начала IX в., а также целая подборка лунниц и гроздевидных украшений (рис. 2. 21, 27, 52–58).

Поясные бляшки щитовидной формы с фестончатым краем встречаются достаточно редко (причем их отличительной чертой можно считать именно углубленные относительно поверхности изделия фестоны). Подобный способ оформления краев бляшек известен уже на ряде изделий позднеаварского периода.¹⁴

Бликие аналогии деталям поясного набора из Слободзеи происходят из Больше-Тиганского могильника¹⁵ и случайной находки из коллекции Сатановых, ныне хранящейся в Государственном Историческом Музее.¹⁶ Подобный специфический бордюры представлен на ряде щитков пряжек и поясных накладок с территории Украины, например, Орджоникидзе.¹⁷ По всей видимости, ременные наборы с рассмотренным специфическим декором являются составной частью круга древностей, маркирующих продвижение венгров по территории Восточной Европы.

Известные памятники, связанные с присутствием венгров в Восточной Европе, единичны. По мнению исследователей, археологическим свидетельством пребывания венгров в Волго-Уральском регионе являются материалы Танкеевского и Больше-Тиганского могильников, откуда происходят поясные и уздечные наборы, погребальные маски. Одиночные подкурганые погребения известны в Саратовском и Самарском Поволжье, на юге и западе Украины. Памятники, связываемые с пребыванием венгров на территории Украины, с недавнего времени выделяются в Субботцевский тип, возможно, генетически связанный с караякуповскими древностями Приуралья.¹⁸

По мнению А. В. Комара, венграм принадлежали отдельные подкурганые и бескурганые захоронения второй половины IX века с западной ориентировкой костяков в сопровождении костей и уздечки коня, снаряжения всадника, наборных поясов, гончарной или серебряной посуды (Суббо-

¹² Национальный музей истории Молдовы, акт № 59.

¹³ TEODOR 1980, 403–423.

¹⁴ GALUŠKA 2013, 81–82, obr. 54, 55.

¹⁵ CHALIKOVA–CHALIKOV 1981, 131, Taf. XXIII.

¹⁶ Приносим глубокую благодарность научному сотруднику Института истории Академии наук Венгрии доктору Агтле Тюрку за ценные консультации и помощь с литературой.

¹⁷ ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ 2008, 214.

¹⁸ КОМАР 2011, 21–78.

тица, Манвеловка, Твердохлебы, Бабичи, Нововоронцовка, Коробчино, Катериновка, Дмитровка). Из специфического инвентаря в Манвеловке были найдены лицевые маски, а в Дмитровке лицевые покрытия с нашивками на глаза и рот в виде золотых пластинок. При этом исследователь выделяет целую группу декоративных элементов оформления предметов торевтики, представленную на предметах из этой группы памятников и имеющую продолжение в культуре венгров. А. В. Комар отнес к кругу древностей, маркирующих присутствие венгров на территории Ателькузы, впускные захоронения из Слободзейского кургана, территориально весьма отдаленного от других Субботцевских памятников.¹⁹

В отличие от киевского коллеги, по мнению которого, этот памятник, исследованный на Левобережье Днестра, как бы маркирует западную границу Ателькузы, мы считаем, что о венгерских древностях и венгерском присутствии можно также вести речь применительно к территории Пруро-Днестровского региона.²⁰

В Пруро-Днестровском междуречье был найден еще один набор поясных бляшек на Екимауцком городище (Резинский район, Республика Молдова) в 1951 г. при раскопках богатого комплекса ювелирной мастерской. Оттуда же происходят сердоликовые и пастовые бусы, медные и серебряные украшения, набор кузнечных и ювелирных инструментов, заготовки и отходы производства.²¹ Поясной набор состоит из 40 литых бронзовых сердцевидных бляшек с небольшим выступом, декорированных врезным волотообразным узором (*рис. 1. 28–33*). Бляшки представлены в двух разновидностях: одни – более широкие, другие – узкие и удлинённые (относятся, соответственно, к типам XXVIII Б1 и 2, по типологии В. В. Мурашовой).²² Узкие наклад-

ки крепились, по всей видимости, на свисающей части пояса острой частью вниз (*рис. 1. 31–33; рис. 5. 10–12*).

Бляшки, близкие к екимауцким, известны на территории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы и демонстрируют сложение единого стиля в оформлении поясов. Сходные экземпляры происходят из Карош, Хомокмедь, Ладаньбене-Бенепуста и других мест в Венгрии²³ (*рис. 1. 37, 38, 40–43*). Но наиболее близкие к екимауцким находки известны из Нижнего Подунавья и с Балкан – Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Преслава, Надарово, Шуменского округа (Болгария)²⁴ (*рис. 1. 48–51*). На территории Восточной Европы сходные бляшки, но отличающиеся отсутствием каплевидного выступа и некоторыми графическими дополнениями в орнаменте, найдены в Гнездове, Тимерево и Владимирских курганах, Лядинском, Томниковском могильниках и «Черемисском кладбище».²⁵ Схожие накладки известны как в древнерусских материалах X–XI вв., так и в Прикамье, Волжской Булгарии, у марийцев, черемисов и мордвы²⁶ (*рис. 1. 45*).

Несколько отличающиеся от других восточноевропейских, бляшки пояса из Екимауц, по всей видимости, могут быть отнесены к изделиям подунайской ремесленной традиции, представленной находками из Венгрии, Румынии и Болгарии. Наибольшую близость к бляшкам Екимауцкого пояса демонстрируют накладки из Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Надарова и Пет Могила (Болгария) (*рис. 1. 46–51*). Причем, находки на территории Болгарии, например, в упомянутом местонахождении из Надарова, не только поясных бляшек, но и шаблонов, другого инструментария для их изготовления, а также бракованных экземпляров, свидетельствует

¹⁹ КОМАР 2011, 65–67; КОМАР 2015, 859–870.

²⁰ РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007, 195–230.

²¹ ФЕДОРОВ 1953, 104–126.

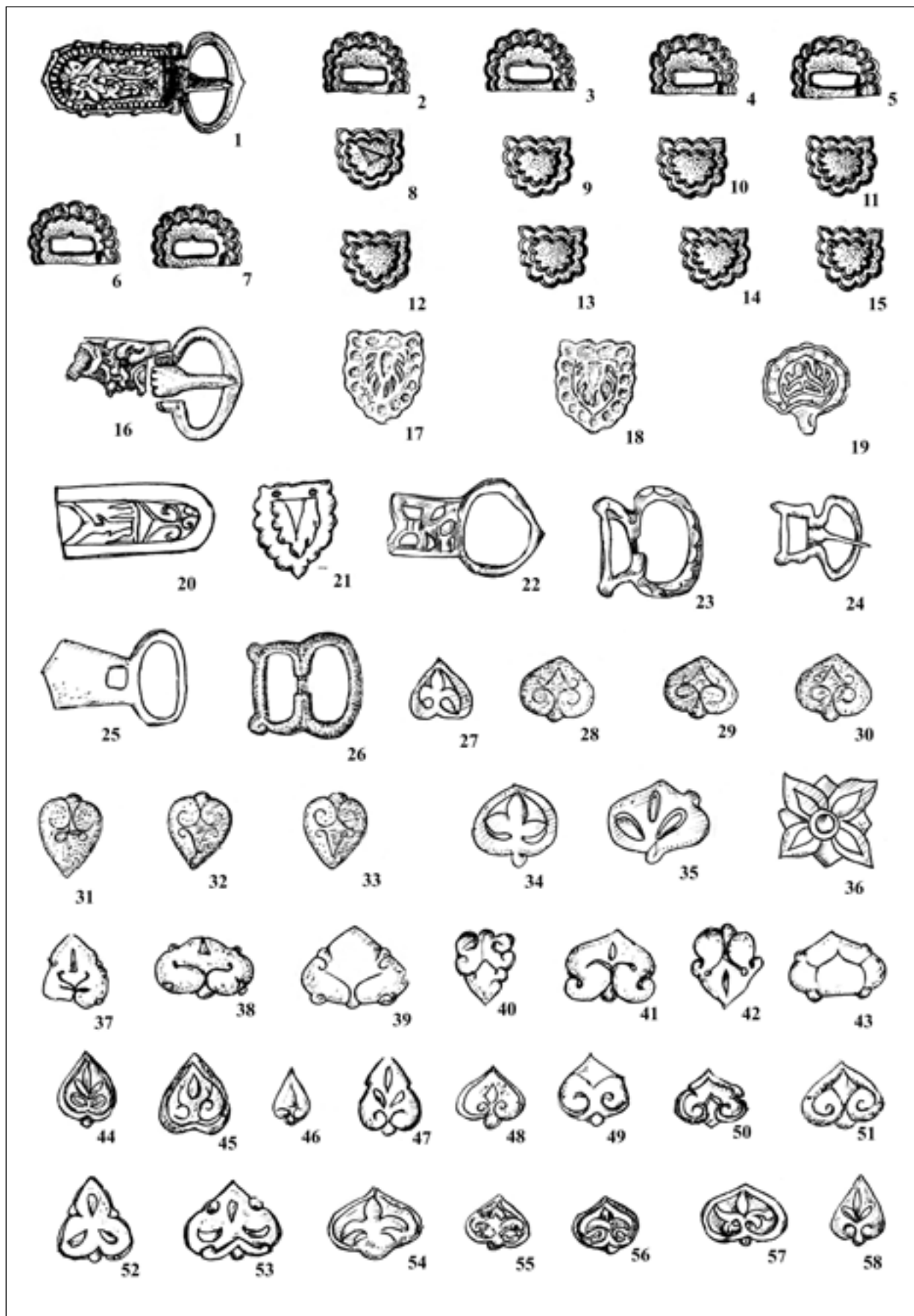
²² МУРАШЕВА 2000, 45.

²³ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 84, fig. 10, 312, fig. 1, 339, fig. 6; FETICH 1937, Taf. XXXV, Taf. LXIV, Taf. CXXX; ISTVÁNOVITS 2003, 505, tab. 3; SZÓKE 1954, 119–139, fig. 6.

²⁴ DIACONU–VILCEANU 1972, 155; DUMITRIU 2001, Taf. 46; ДОНЧЕВА 2004, 212–227; ПЛЕТНЕВ 2004, 228–240; СТАНИЛОВ 1993, 152–163.

²⁵ МУРАШЕВА 2000, 45.

²⁶ FETICH 1937, Taf. XXVII; МУРАШЕВА 2000, 45, 46.

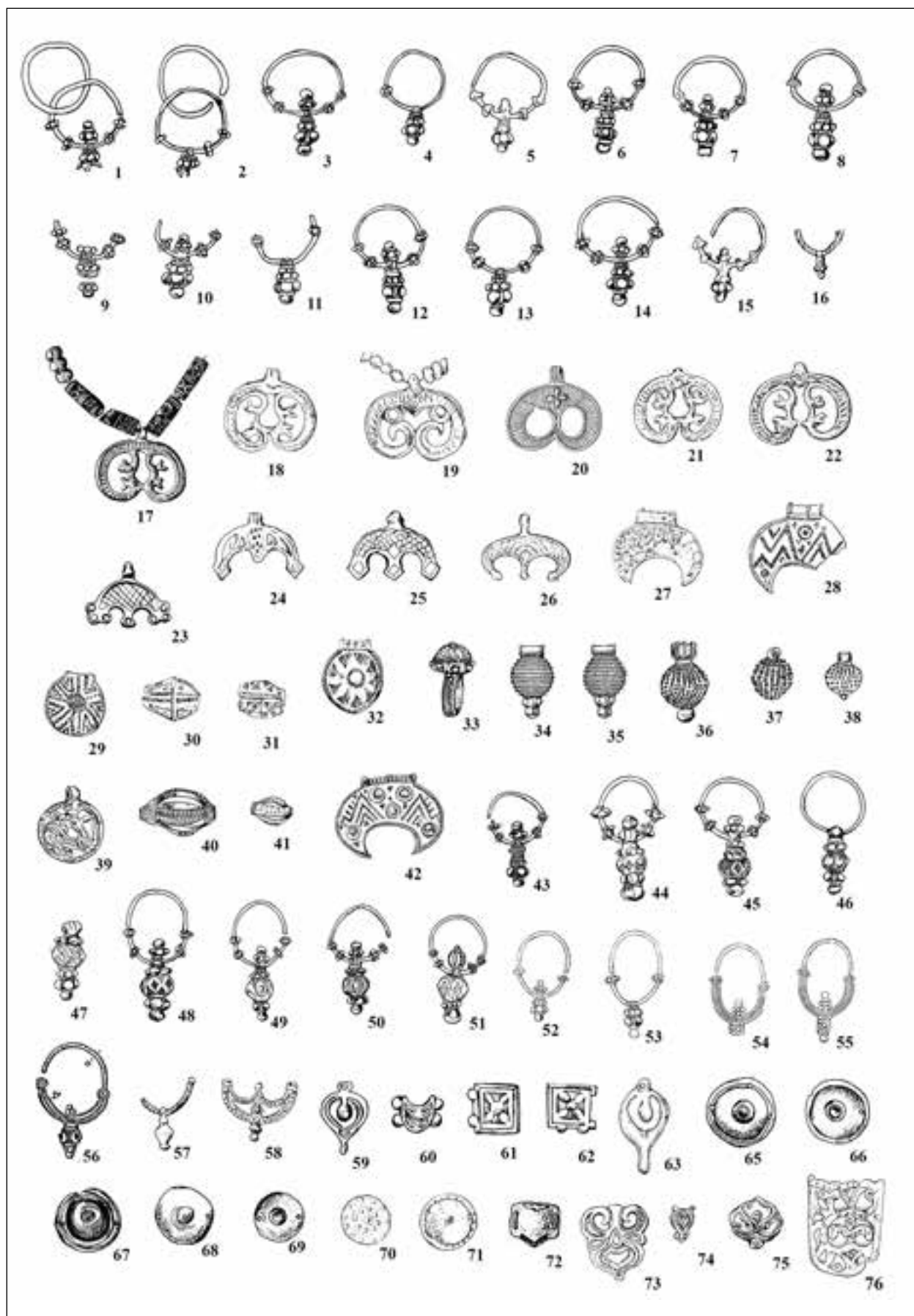

◀ Рис. 1. Детали поясных и сумочных наборов второй половины IX – начала XI вв. Масштабы разные. 1–15: Слободзея (Республика Молдова); 16–19: Рэдукэнь (Румыния); 20–21: Бучулены; 22–36: Екиматуцы (Республика Молдова); 37–38, 40: Хомокмедь (Венгрия); 39, 47: Преслав (Болгария); 41–42: Карош (Венгрия); 43: Ладаньбене-Бенепуста; 44, 46, 51, 55–56, 58: Надарова (Болгария); 45: Гнездо (Россия); 48, 49: Пет могила (Болгария); 50: Пэкуяллуй Соаре (Румыния); 52, 54: Шестовица (Украина); 53: Киев; 57: Надьёс (Венгрия) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

1. kép. Övdíszek és tarsolyveretek a 9. század második fele és a 11. század eleje közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–15: Szlobodzeja (Moldova); 16–19: Răducăneni (România); 20–21: Bucsuleni; 22–36: Echimăuți (Moldova); 37–38, 40: Homokmégy (Magyarország); 39, 47: Preszlav (Bulgária); 41–42: Karos (Magyarország); 43: Ladánybene-Benepuszt; 44, 46, 51, 55–56, 58: Nadarova (Bulgária); 45: Gnyezdovo (Oroszország); 48, 49: Pet mogila (Bulgária); 50: Păcuilul lui Soare (România); 52, 54: Sesztovica (Ukrajna); 53: Kijev; 57: Nagyősz (Magyarország) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

Рис. 2. Изделия из цветных металлов второй половины IX – начала XI вв. Масштабы разные. 1–16, 22, 26, 28–32, 76: Екиматуцы (Республика Молдова); 17, 20: Чакайовце (Словакия); 18: Прушанки (Чехия); 19: Нитра (Словакия); 21, 27, 52–58: Рэдукэнь (Румыния); 23: Левый Градец (Чехия); 24: Чимбруд (Румыния); 25: Княжся Гора (Украина); 33: Германарие; 34–35: Джурджулешти; 37–51: Алчедар; 59–67, 72: Ханска; 68–69: Лимбарь-Кэпрэрия (Республика Молдова); 70: Добеуш (Румыния); 71, 73–75: Тарасова (Молдова) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014) ▶

2. kép. Színesfémű tárgyak a 9. század második fele és a 11. század eleje közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–16, 22, 26, 28–32, 76: Echimăuți (Moldova); 17, 20: Csekej (Szlovákia); 18: Prušánky (Csehország); 19: Nyitra (Szlovákia); 21, 27, 52–58: Răducăneni (România); 23: Levý Hradec (Csehország); 24: Ciumbrud (România); 25: Knyazsaja Gora (Ukrajna); 33: Germanarie (Moldova); 34–35: Giurgiulești; 37–51: Alcedar; 59–67, 72: Hansca; 68–69: Лимбарь-Кэпрэрия; 70: Добеуш (România); 71, 73–75: Tarasova (Moldova) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

о том, что мы имеем дело со следами функционирования производственного комплекса.²⁷

Помимо набора однотипных бляшек с волотообразным орнаментом на Екимауцах было найдено несколько бляшек с криновидным и листовидным узором, а также геометризованная накладка-розетка, предназначенная для декорировки сумки или кошелька²⁸ (рис. 1. 34–36). Данное изделие имеет широкий круг аналогий в Венгрии, встречаются такие накладки и в Восточной Европе (например, в Чернигове)²⁹ (рис. 4. 3). Миниатюрная бляшка с криновидным узором из Екимауц, вероятно, могла относиться к декору сумки (маленькими бляшками украшали ремешки-застежки) (рис. 1. 11). На городище было найдено несколько пряжек от ременных гарнитур, в том числе миниатюрная, которая могла принадлежать к декору тонкого внутреннего ремешка, служившего для застегивания наборного пояса, или же ремешка, при помощи которого застегивалась сумочка (рис. 1. 22–26; рис. 5. 4–5).

Наборные пояса и сумочки-ташки, а также кошельки зачастую находятся в одних комплексах. Наиболее распространены такие находки на территории Венгрии, но известны и в Восточной Европе. Подобный комплект представлен, например, в кургане Ц–160 Гнездовского некрополя. На погребенном, завернутом в шерстяной плащ, была надета шерстяная рубаха или кафтан с шелковой отделкой, перепоясанная наборным поясом.³⁰ Сохранился кожаный ремень длиной около 168 см, декорированный 66 бляшками трех видов. С правой стороны от погребенного были открыты металлические детали гарнитуры поясной сумочки.³¹ Декор пояса и сумки из Гнездова выполнены в едином стиле, эти вещи могли рассматриваться как комплект. Гнездовская находка дает некоторое представление о том, как мог выглядеть набор из Екимауц.

Поясной набор из Екимауц происходит из контекста славянского поселения конца IX –

начала XI вв., в котором также содержатся вещи, выполненные в венгерской традиции: наконечник ножен и перекрестие сабли, витые гривны и дрововые браслеты, близкие к типичным для памятников культуры Бьело Брдо.³² Принимая во внимание многочисленные аналогии, пояс из Екимауц может быть отнесен ко второй половине X – началу XI вв. По ряду морфологических и декоративных элементов он тяготеет к группе изделий, выполненных мастерами-ювелирами Карпато-Балканского региона.

На поселении у села Тарасова была найдена поясная бляшка листовидной формы, по характеру декора полностью вписывающаяся в круг венгерских древностей (рис. 2. 75). Характерная пальметта, нанесенная на это изделие, встречена в декоре наконечника ножен с городища Екимауцы (рис. 2. 76; рис. 5. 3).

В Пруто-Днестровском междуречье достаточно большое количество деталей наборных ремней, имеющих аналогии, в том числе, в венгерских древностях, было найдено на поселении Ханска (рис. 2. 60–62, 65–67, 72). Три накладки были обнаружены при раскопках жилища № 72, а еще одна в культурном слое, они, возможно, относятся к одному набору. Их объединяет наличие по бокам бляшек полукруглых выступов, а также специфический объемный листовидный декор (рис. 2. 60–62).

Бляшки из Ханска двух типов. Одна бляшка-лунница с выступами с двух сторон и листовидным орнаментом в виде двух пар сопоставленных друг с другом листьев, расположенных друг над другом (рис. 2. 60). Подобные бляшки встречаются в IX–X вв. в Прикамье, Поволжье и на Алтае. Пояс с такими накладками представлен в богатом женском захоронении №7 Больше-Тиганского могильника в Прикамье.³³ В Южно-Уральском регионе пояса с бляшками-лунницами взаимно встречаются с другими предметами, имеющими венгерские аналогии. Среди материалов Хусаи-

²⁷ Плетнев 2004, 238; Бонев–Дончева 2011.

²⁸ Рябцева–Рабинович 2007, 195–230, рис. 1.

²⁹ Тюрк 2013, 225, рис. 4.

³⁰ Щербакова 2010, 82–93.

³¹ Мурашева 2000, 72.

³² Рябцева 2006, 143–168.

³³ Халикова 1976, 169, рис. 10.

динского кургана № 1, датируемых IX в., аналогии в древностях Венгрии X в. находят не только лунницевидные бляшки, но и стремена грушевидной формы с широким плоским ушком.³⁴ Бляшками-лунницами украшены кожаные ремешки и остатки погребального покрывала, обнаруженного в богатом мужском, предположительно, венгерском, погребении у с. Субботица на Ингуле. Всего в этом захоронении было найдено 59 небольших бронзовых позолоченных бляшечек. В расположенном неподалеку женском погребении бляшки сходной формы, но несколько более крупные и совершенно гладкие, использованы для декорирования конской сбруи.³⁵

В Венгрии такие бляшки происходят из могильников Тисаэзлар-Басхалом и Бана, где датируются IX – началом X вв.³⁶ В Басхалом подобными бляшками был декорирован свисающий вниз конец ремня.³⁷ В Болгарии аналогичные бляшки происходят из Дебрене Добричского округа. Здесь были найдены 21 отдельная бляшка и пояс с двумя ремнями, украшенными сердцевидными бляшками с листовидным узором.³⁸ Гладкие бляшки без листовидных мотивов известны из коллекции Исторического музея г. Шумена, из с. Окрош, Преславца, Пет Могила Варненского округа. Болгарские находки датируются в пределах IX – середины XI в.³⁹ Причем, В. Йотов связывает появление лунницевидных бляшек на территории Болгарии с венгерским влиянием.⁴⁰

Кроме того, на поселении Ханска были найдены квадратные бляшки с выступами с одной стороны (рис. 2. 61, 62). Они декорированы выпуклым орнаментом в виде четырехлепестковой

розетки, весьма характерным для произведений венгерской торевтики. В Венгрии круглые и многоугольные бляшки с трех- и четырехлепестковой розеткой многочисленны, происходят из Бекешчаба, Карош II, Артанд-Надьфаркашдомб, Хенцида, Будапешта и других мест.⁴¹ Как правило, эти накладки принадлежат к декору конской сбруи. Венгерские находки датируются в пределах X в., восточноевропейские – не позднее середины X в.⁴²

Поясные пряжки, находимые на территории Карпато-Днестровского региона, делятся на две группы: щитковые и бесщитковые. К находкам, которые могли принадлежать, в том числе, и к наборным поясам, относятся целая серия пряжек с Екимауц и бронзовая лировидная пряжка из Ханска-Кэпрэрия⁴³ (рис. 1. 22–26; рис. 5. 4–5). Образцы щитковых пряжек с пятиугольным щитком из раннеболгарских и хазарских древностей относятся в основном к VIII–IX вв.⁴⁴ В Подунавье подобные пряжки распространены в конце IX–XI вв. Характерны изделия с гладкими или орнаментированными щитками, в том числе, и для венгерских памятников (Карош I, Ракамаз, Кенезлё, Башхалом).⁴⁵ Встречаются они в Болгарии (Преслав, Разградский окр.) и Румынской Добрудже (крепостях Исакача и Пэкуюл луй Соаре).⁴⁶ Лировидные пряжки – один из наиболее распространенных типов поясных застежек X–XI вв., как в Восточной, так и Юго-Восточной и Центральной Европе. Встречаются такие застежки также в венгерских древностях.⁴⁷ В Болгарии лировидные пряжки известны в Преславе, Кюлевче,⁴⁸ в Румынии – в Тыргшоре, Диногетии, Пэкуюл луй Соаре, Исаке.⁴⁹

³⁴ МАЖИТОВ 1977, 22, 27, рис. 3.

³⁵ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 103, рис. 1. 4.

³⁶ KISS–BARTHA 1970, 224, fig. 5. 8.

³⁷ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 186, fig. 1.

³⁸ ЙОТОВ 1993, 124, табл. II.

³⁹ СТАНИЛОВ 1993, 152, 157, обр. 2.

⁴⁰ ЙОТОВ 1993, 123, 128.

⁴¹ RÉVÉSZ 1994, 308–359; RÉVÉSZ 1997, 422, 423, Abb. 3. 4; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 98, 170, 213, 214, 235, 304, 404.

⁴² ХАЛИКОВА 1972, 163; ИЗМАЙЛОВ 2000, 70–86; КАЗАКОВ 1972, 163; АМБРОСИАНИ–АНДРОЩУК 2006, 5.

⁴³ TENTIUS 1996, 257, fig. 14. 28.

⁴⁴ КОВАЛЕВСКАЯ 1979, 37; ХАЛИКОВА 1976, 163.

⁴⁵ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 118, 123, 156, 187.

⁴⁶ СТАНИЛОВ 1995, 112, обр. 2; ДОНЧЕВА 2004, 212; DIACONU–VILCEANU 1972.

⁴⁷ RÉVÉSZ 1987, 257–285.

⁴⁸ СТАНИЛОВ 1995, 111.

⁴⁹ DINOGETIA 1967, 295, fig. 173; TEODOR 1981, 109; DUMITRIU 2001, Taf. 68, Taf. 72, Taf. 84; DIACONU–VILCEANU 1972, 155.

ДЕТАЛИ ДЕКОРИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

К предметам, которые могли появиться, в том числе, и под венгерским влиянием, относятся круглые полусферические нашивки и накладки, найденные при раскопках археологического комплекса у с. Ханска (поселение Ханска, могильники Кэпрэрия и Лимбарь) (рис. 2. 65–67). На венгерские аналоги этим бляшкам указывал в свое время исследователь памятника И. Г. Хынку.⁵⁰ Подобные бляшки происходят из Старого Орхея (СО-245, инв. № 266) и Тарасова⁵¹ (рис. 2. 71). Такие же изделия известны из Дэнешть, Добешть и Молешть в Румынии⁵² (рис. 2. 70). Целые подборки аналогичных бляшек, в том числе накладки и нашивки, происходят из крепостей Диногеция и Пэкуюл луй Соаре на Дунае, находят подобные изделия и на территории Болгарии (Преслав, Плиска, крепость Скала, с. Окорош и др.).⁵³

Многие виды предметов из цветных металлов характеризуются полифункциональностью своего назначения. В венгерских древностях выпуклые круглые бляшки использовали и для декорирования костюма (рис. 4. 4), и для украшения конской сбруи. Однако система креплений и размеры изделий в этих случаях отличались. Например, целая серия круглых выпуклых ременных бляшек с каймой и жемчужником по краю происходит из погребения №1 в Бане; подобные бляшки входят в состав уздечной гарнитуры из Кишкунфеледьхаза.⁵⁴ Круглые одежные бляшки были найдены в погребении 207 в Пюшпёкладань-Оперьешвёлдь, круглые обувные бляшки происходят из Буй-Дьептелек, Чонград-Вендельхалом, Кечкемет, Ракамаз-Дьепифёльд, Секешфехервар, Сентеш, Хенцида, Чонград.⁵⁵

Встречаются подобные бляшки и на территории Восточной Европы. В качестве деталей декора одежды или пояса подобные накладки использованы в костюме погребенного в одном из Гнездовских курганов.⁵⁶ Сходные литые бляшки принадлежат к комплексу декора конской узды, найденной, предположительно, в захоронении X – начала XI вв. у с. Котовка Екатеринославской губернии.⁵⁷ Целая серия круглых бляшечек для декорирования обуви происходит из женского, по всей видимости, венгерского захоронения в Судовой Вишне Украины.⁵⁸

На поселении у села Тарасова была обнаружена ажурная серебряная криновидная накладка без следов крепежа (рис. 2. 73). Практически идентичная, но несколько более грубо выполненная бронзовая криновидная накладка, происходит из крепости Диногеция на Дунае.⁵⁹ Среди материалов Диногеции и в целом Карпато-Дунайского региона эта накладка была уникальна. Авторы публикации связали ее появление, равно как и большинство ременных украшений из этого памятника, с древностями печенегов.⁶⁰ В тоже время форма и декор у накладок из Тарасова и Диногеции близки к представленным на бляшке, найденной в Венгрии, в захоронении, открытом между Береттёуифалу и Фельдеш.⁶¹ Однако у венгерской бляшки нет элемента ажурности, она более объемная и тщательно проработана резцом. Возможно, находки с территории Молдовы, Румынии и Венгрии объединены общностью прототипов.

Одной из наиболее специфических черт венгерского женского костюма X – первой половины XI вв. являются каплевидные подвески.

⁵⁰ ХЫНКУ 1965.

⁵¹ РЯБЦЕВА–ЧОКАНУ 2009, 166, рис. 1.

⁵² TEODOR 1968, fig. 25; TEODOR 1985, 64, fig. 10. 21; SPINEI 1994, 440, fig. 6. 10.

⁵³ DINOGEȚIA 1967, 293, fig. 172; TOTEV 1976, 52; ДИМИТРОВ 1995, 61.

⁵⁴ KISS–BARTHA 1970, pl. XXV, 23–39; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 3.

⁵⁵ CSALLÁNY 1979, 284–294, Abb. 17–30; БАЛИНТ 1979, 117; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 143, 245, 306.

⁵⁶ КИРПИЧНИКОВ 1973, 22, рис. 7.

⁵⁷ КИРПИЧНИКОВ 1973, 28, табл. X. 2.

⁵⁸ РАТИЧ 1971, 162–168.

⁵⁹ DINOGEȚIA 1967, 297, Fig. 171/7; DIN ISTORIA 1971, 309, fig. 105. 9.

⁶⁰ DINOGEȚIA 1967, 297.

⁶¹ THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 35, fig. 9–11.

На территории Пруто-Днестровского региона литая подвеска с шариком-утолщением в центре была найдена в 1974 г. при раскопках поселения Ханска (инв. № 39). Сходные подвески известны из Дэнешть-Васлуй, Диногоции, Тимишоары, Лападяу Ноу (Румыния)⁶² (рис. 2. 59, 63). На территории Трансильвании находят целые серии украшений с каплевидными подвесками. Изделия состоят из круглых накладок с выпуклостью в центре и каплевидных подвесок. Набор из 11 бронзовых подвесок происходит из Молдовенешть, а из восьми подвесок – из Арада⁶³ (рис. 4. 1). В данном случае мы имеем дело не с отдельными находками, а с погребальным инвентарем захоронений, относимых к кругу венгерских памятников.

В венгерских древностях каплевидные и листовидные подвески являются очень частыми находками, они происходят, например, из Чонград, Кечкемет, Демкохедь, Тольна Санто, Демкохеть I, Детта, Каба, Марошхедь, Ухть, Токайского клада, Банкеч, Сегед, Секешфехервар, Ракамаз, Буй, Будапешта и других мест.⁶⁴ Представлены подобные изделия и в материалах середины X – начала XI вв. в Воеводине, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Далмации, Австрии, Словакии (рис. 4. 2).⁶⁵

Каплевидные подвески входили в состав ожерелий или служили для украшения разнообразных накладок: ромбических, листовидных, круглых, розетковидных, подпрямоугольных. Подобными накладками декорировали головные

венчики, воротники и нагрудную часть одежды, пояса, украшения кос.⁶⁶ В системе декора ворота женского одеяния иногда прослеживаются два ряда накладок. Возможно, накладки без подвесок располагались в затылочной части одежды, а в нагрудной крепились изделия с разнообразными вариантами цельных или ажурных листовидных подвесок. Подвески зачастую декорировались литыми изображениями крина или розетки.

Крестопорезные бубенчики были найдены в Пруто-Днестровском регионе на ряде памятников: в Бранештском могильнике, на городище Екимауцы,⁶⁷ поселении Тарасова⁶⁸ (рис. 3. 3; рис. 5, 7–8). В Карпато-Балканском регионе серии таких бубенчиков происходят из Бырлада,⁶⁹ Диногоции,⁷⁰ Пэкуюл луй Соаре,⁷¹ Чулници.⁷²

Аналогичные бубенчики на территории Древней Руси представлены в Приладожских курганах с сожжениями и во владимирских курганах X–XI вв.⁷³ Среди бубенчиков, найденных в Новгороде, этот тип наиболее древний. В слоях середины X – середины XII вв. было обнаружено 22 экземпляра подобных изделий.⁷⁴ Крестопорезные бубенчики X–XI вв., как правило, служили предметом декорирования костюма.⁷⁵ Однако, в ряде комплексов того же времени бубенчики входили в состав убора коня (например, Котовка, Исаева, Подболотье, Чернигов, Гороховатка).⁷⁶

Возможно, часть крестопорезных бубенчиков, находимых в Карпато-Днестровском регионе, также относится к предметам декора конской

⁶² DUMITRIU 2001, Taf. 58, Taf. 68; Teodor 1985, 64, fig. 10. 13; RADULESCU-GÁLL 2001, 163, Abb. 8; PINTÉR-DRAGOĂ-ȚIPLIC 2006, 139, pl. XVII.

⁶³ POPESCU 1970, cat. 59; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 301; DEMO 1983, 286; OȚA ET AL. 2006, 105.

⁶⁴ VÁNA 1954, tab. VI; CSALLÁNY 1979, Taf. XXXVI, Taf. XXXVIII; БАЛИНТ 1979, 117; SPINEI 1999, 38, fig. 6; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 143, 146, 167, 242, 249, 251, 263; GIESLER 1981, 90, Abb. 13.

⁶⁵ DEMO 1983, 275–293; RADIĆEVIĆ-ŠPENAR 2015, 150, fig. 6.

⁶⁶ ХАЛИКОВА 1976а, 147; LANGÓ-TÜRK 2003, 7–19.

⁶⁷ Кишинев, Музей истории Молдовы инв. №МА 1183/478, 479-С.

⁶⁸ ФЕДОРОВ-ЧЕБОТАРЕНКО-ВЕЛИКАНОВА 1984, 19, рис. 8; РЯБЦЕВА 2005, 168, 158, рис. 5- 4; РЯБЦЕВА-ЧОКАНУ 2009, 166.

⁶⁹ TEODOR 1978, 40, fig. 42. 24–28; SPINEI 1994, 458, fig. 24. 7–10.

⁷⁰ DUMITRIU 2001, Taf. 57.

⁷¹ DIACONU-VILCEANU 1972, 140, fig. 56. 1.

⁷² IONIȚA 2005, 195, fig. 23.

⁷³ МАЛЬМ-ФЕХНЕР 1967, 133, 134.

⁷⁴ СЕДОВА 1981, 156, рис. 62. 1–5.

⁷⁵ МАЛЬМ-ФЕХНЕР 1967, 133, 134.

⁷⁶ КИРПИЧНИКОВ 1973, 28.

узды. В частности, в могильнике Чиулници они были обнаружены в погребении с конем.⁷⁷ На территории Молдовы подобные бубенчики в качестве элемента декора конской сбруи были найдены в погребении № 9 одного из «Быковских курганов». В кургане же у с Зернешты подобный бубенчик был найден у руки погребенного.⁷⁸ Однако и в последнем случае захоронение также сопровождалось останками коня. Данные погребения принадлежали кочевникам. В захоронениях культуры Бьело Брдо находки крестопрорезных бубенчиков также не редкость. Они происходят из Бьело Брдо, Вуковар, Велики Буковак, Птуй, а также из других памятников Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины.⁷⁹ В могильнике Вуковар, где было найдено семь экземпляров бубенчиков, документировано их использование в качестве подвесок к ожерельям и деталей декорирования одежды.

Витая гривна была найдена в одном из трупосожжений Алчедарского курганного могильника конца IX – первой половины X вв. На Екимауцком городище бронзовые гривны представлены шестью экземплярами витых из трех дровот украшений с петельками на концах. Кроме того, было найдено две дровотые гривны с замкнутыми концами⁸⁰ (рис. 3. 7). Одна находка дровотой витой гривны с петлями на концах была сделана в культурном слое Бранештского могильника.⁸¹

Подобные украшения характерны для древнерусских памятников X–XI вв.⁸² Кроме того, такие гривны типичны для материалов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и для регионов, входивших в зону распространения Бьело Брдо. Их находят в Венгрии, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Словении, Словакии, Румынии

(Кискемет, Каба, Бьело Брдо, Птуй, Вуковар, Нитра, Алба Юлия, Орадя, Молдовенешть и др.).⁸³

Бронзовый дровотый браслет с несомкнутыми концами найден в Алчедарском некрополе. Браслеты, находимые на Екимауцком городище, представлены несколькими типами. Известно семь экземпляров простых дровотых браслетов со слегка суженными концами, в ряде случаев, украшенных нарезкой. Подобные украшения характерны для древностей Восточной Европы X–XIV вв. Одним экземпляром на Екимауцах представлен бронзовый витой из трех дровот браслет. Концы браслета вплетены друг в друга. Витые браслеты распространяются на территории Восточной Европы несколько позже, чем дровотые, с начала XI в.⁸⁴ (рис. 3. 8–10; рис. 5. 16–19).

Также как и в случае с гривнами, типы браслетов, аналогичные найденным в Алчедаре и Екимауцах, представлены в Центральной и Юго-Восточной Европе в древностях, связанных с культурой Бьело Брдо: Вац-Хеткаполна (Vác-Hétkápolna), Сэкешфехэрвар-Демкохедь (Székesfehérvár-Demkóhegy) (Венгрия), Варшанд (Várşand, Румыния), Вуковар (Vukovar, Хорватия).⁸⁵ Зачастую подобные браслеты взаимно встречаются с упомянутыми витыми гривнами, а в контексте памятников культуры Бьело Брдо и с типичными вещами венгерского круга (например, с каплевидными подвесками в захоронении 32 могильника Вуковар-Лиева Бара).⁸⁶

В 1951 г. на Екимауцком городище был обнаружен фрагмент бронзового дровотого браслета, оканчивающегося рельефным изображением змеиной головки⁸⁷ (рис. 3. 6). В Карпато-Дунайском регионе змеиноголовый браслет

⁷⁷ ИОНЦА 2005, 123, 124.

⁷⁸ КЕТРАРУ 1969, 51.

⁷⁹ VAŃA 1954, 71, tab. V. 48–52; ДЕМО 2009, 483.

⁸⁰ Кишинев, Музей истории Молдовы, инв. № КП 1183/345–350.

⁸¹ ФЕДОРОВ–ЧЕБОТАРЕНКО–ВЕЛИКАНОВА 1984, 49, 50.

⁸² ФЕХНЕР 1967, 70–71.

⁸³ VAŃA 1954, 57, tab. I. 1–2; ČAPLOVIĆ 1954, 46, tab. XII. 1; ДЕМО 2009, 33, 53, 151, 165, 198, 268, 287, 303, 309, 327, 347, 349, 371, 375, 376, 377, 379, 385; ОТА ET AL. 2006, 104, 106.

⁸⁴ СЕДОВА 1981, 94–95.

⁸⁵ НАМРЕЛ 1905, 610, no. 2, pl. 411. 2; VAŃA 1954, 57, pl. I. 6, 65; ДЕМО 2009, 53, 61, 131, 165, 327, 359; ОТА ET AL. 2006, 117–120.

⁸⁶ ДЕМО 2009, 53.

⁸⁷ Кишинев, Музей истории Молдовы 0/7485–227.

представлен, например, на городище Диногетия.⁸⁸ Находят змеиноголовые украшения на территории Сербии, Болгарии, Венгрии, Македонии.⁸⁹ Сочетание витой гривны, дровяного и змеиноконечного браслетов демонстрируют материалы того же могильника Вуковар в Хорватии.⁹⁰ В целом, змеиноголовые браслеты – это один из характерных типов украшений культуры Бьело Брдо,⁹¹ датирующийся в пределах 970–1050/1060 гг.

Наиболее распространенным типом браслетов, представленных в Бранештском могильнике, являются простые бронзовые украшения, выкованные из квадратного в сечении дрота с несомкнутыми заостренными концами (две находки в культурном слое и одна в погребении 43 и две – в могиле 74). Кроме того, в погребении 40 был найден бронзовый петлеконечный браслет, свитый из сложенной в три раза проволоки. Оба эти типа браслетов широко представлены как у восточных, так и у южных и западных славян. Подобные браслеты являются практически обязательной находкой во всех некрополях Болгарии X–XIII вв.⁹²

Бронзовые перстни салтовского типа со стеклянными вставками были найдены на Екиманском городище (4 экз.)⁹³ (рис. 3. 1б; рис. 5. б). Аналогичные перстни происходят и с городища Алчедар, один подобный перстень был найден в кочевническом погребении у с. Бучумены (Унгенский район Республики Молдова) (Кишинев, Музей истории Молдовы, акт № 59).⁹⁴ Сходные перстни есть и в кладе Рэдукэнень из Румынии⁹⁵ (рис. 3. 1з) и на городище Глинжены в Республике Молдова.⁹⁶

Перстни салтовского типа достаточно многочисленны, их находки характерны для памят-

ников, связанных с древностями хазар, болгар, венгров. Кроме простых бронзовых перстней со стеклянными вставками встречаются и роскошные серебряные украшения с полудрагоценными камнями (аметист, сердолик) и врезными благопожелательными арабскими надписями. Подобный роскошный перстень, передававшийся, по всей видимости, в качестве реликвии более столетия, был найден в захоронении венгерского короля Белы III (1172–1196).⁹⁷

Салтовские перстни с цветными вставками относятся к двум типам из пяти по классификации перстней С. А. Плетневой: к первому – с жуковиной, укрепленной крестообразно расположенными лапками, и третьему, у которого вставка фиксирована в отверстие, отлитое в дужке перстня.⁹⁸ Перстни с лапками по наблюдениям исследовательницы относятся в основном к первому периоду салтовской культуры по ее классификации, датированной в пределах конца VIII – первой половины IX вв. Для памятников середины – второй половины IX века характерны перстни третьего типа по С. А. Плетневой. Кроме регионов Подонья, Предкавказья и степи представлены они в Поволжье и Приуралье. Подобные украшения найдены в контексте болгарских и угорских могильников Прикамско-Уральского региона: Больше-Тиганском могильнике – погребения № 20 и № 28, могильнике Танкеевка – погребение № 999 (литой перстень с четырьмя лапками и каменной вставкой с надписью «Во имя Аллаха»).⁹⁹ В целом, датировка этих украшений не ограничивается IX в., они известны и из комплексов X века. Эти перстни являются одним из немногих типов салтовских украшений, которые получили распространение на Руси и в Северной Европе.

⁸⁸ DINOGETIA 1967, 291, fig. 172. 10.

⁸⁹ ГАТЕВ 1977, 39–40; СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВ 1961, 37, рис. 5. 1; МАНЕВА 1992, таб. 49–51.

⁹⁰ ДЕМО 2009, 371, fig. 42.

⁹¹ GIESLER 1981, pl. 52–53.

⁹² СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВА 1961, 38.

⁹³ Кишинев, Музей истории Молдовы, инв. № МА–КП–1183/370–373.

⁹⁴ РЯБЦЕВА 2006, 143–168.

⁹⁵ TEODOR 1980, 403–423.

⁹⁶ ГОЛЬЦЕВА–КАШУБА 1995, 59, табл. СХХVII. 2, табл. СХХХIII. 1.

⁹⁷ DEÉR 1966, fig. 52–54.

⁹⁸ ПЛЕТНЕВА 1967, 137–140.

⁹⁹ КАЗАКОВ 1985, 178–185, рис. 3.

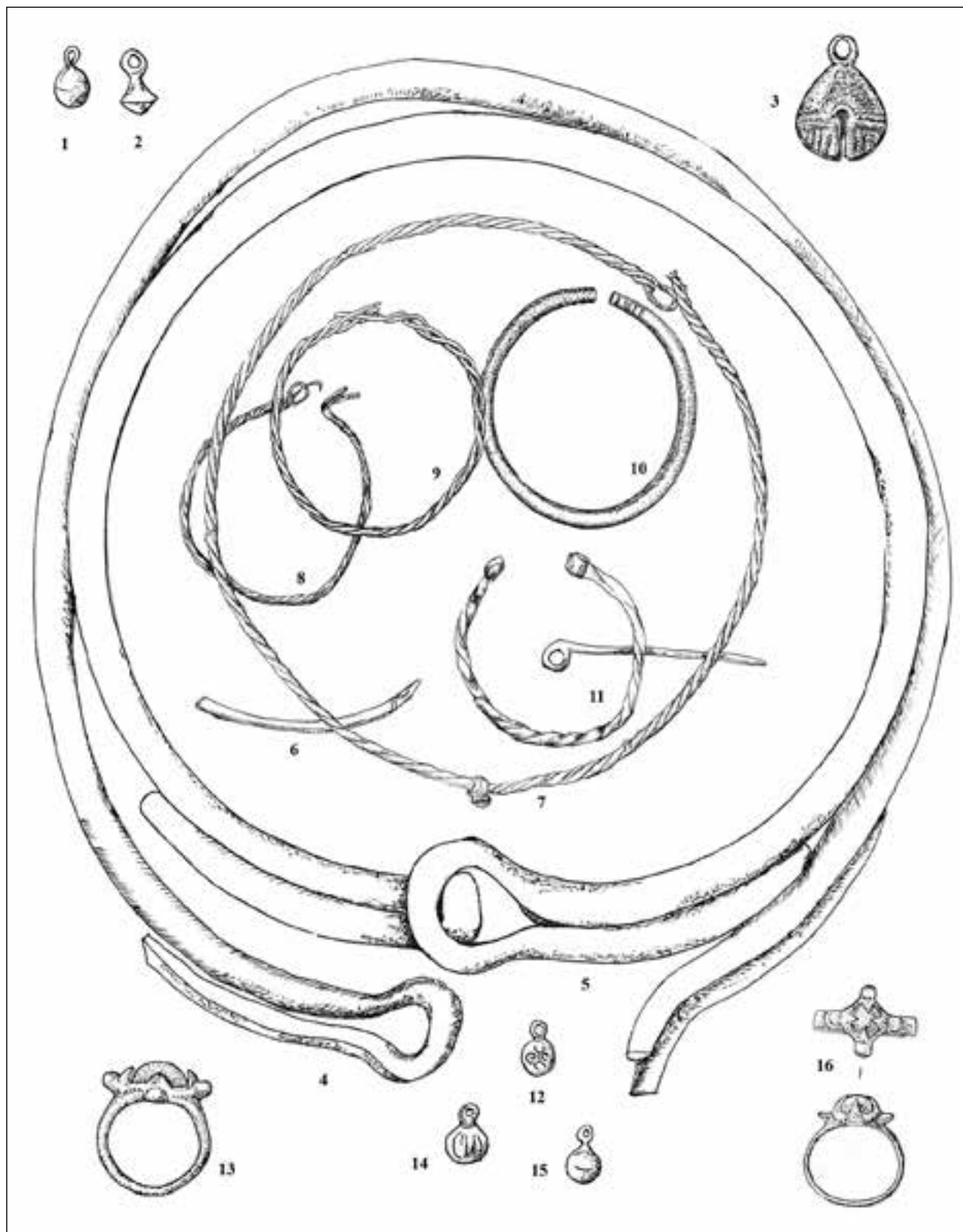

Рис. 3. Изделия цветных металлов конца IX–X вв. Масштабы разные. 1, 2, 12, 15: Ханска; 3, 6–11, 16: Екимăуцы (Республика Молдова); 4, 13: Рăдукэнь (Румыния); 5: Алчедар; 14: Ханска-Кэпрэрия (Республика Молдова) (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

3. kép. Színesféműből készült tárgyak a 9. század vége és a 10. század közötti időszakból. Különböző méretarányok. 1–2, 12, 15: Hansca; 3, 6–11, 16: Echimăuți (Moldova); 4, 13: Răducăneni (România); 5: Alcedar; 14: Ханска-Кэпрэрия (Moldova) (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

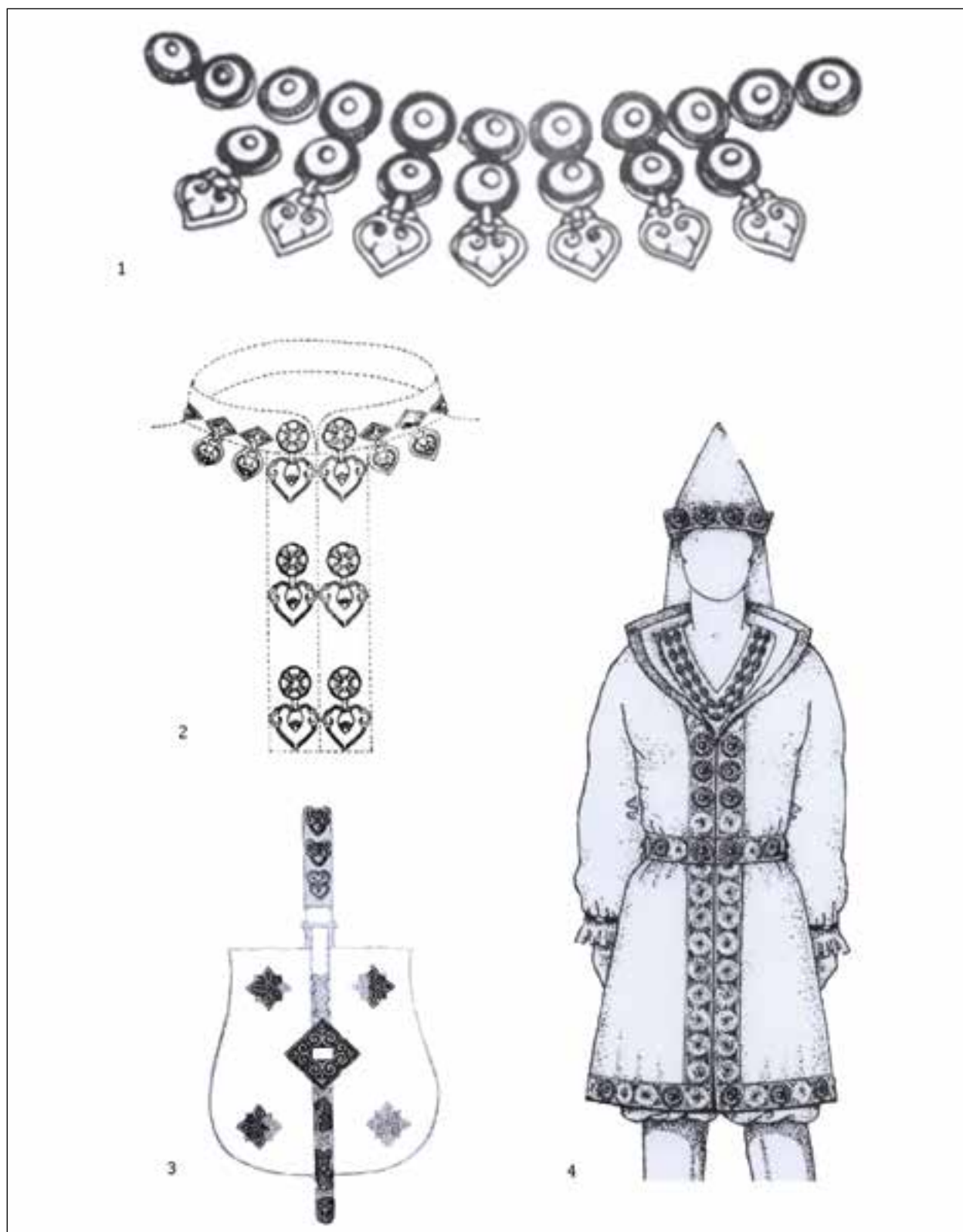

Рис. 4. Детали декорировки костюма (1–2) и реконструкция сумки-ташки (3) и женского одеяния, декорированного металлической гарнитурой (4). 1: Sárrétudvari-Hízóföld (Венгрия); 2: Mezőzombor-Bálványdomb (1: по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014; 2: по MEGAY 1963 и DEMO 1983; 3–4: DIENES 1973 и PINTÉR–DRAGOŰ–ŰIPIC 2006)

4. kép. A viseletdíszek elemei (1–2), tarsolyrekonstrukció (3) és egy fémdíszekkel ellátott női ruha rekonstrukciója (4). 1: Sárrétudvari-Hízóföld (Magyarország); 2: Mezőzombor-Bálványdomb (1: РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014; 2: MEGAY 1963 és DEMO 1983; 3–4: DIENES 1973 és PINTÉR–DRAGOŰ–ŰIPIC 2006)

Один из двух перстней, найденных в Бирке (Швеция), был обнаружен в составе женского захоронения № 515. Литой серебряный перстень с четырьмя лапками и аметистовой вставкой был подвешен к овальной фибуле и дополнительно декорирован типичной скандинавской бусиной, выполненной из свернутой рубчатой проволоки. На вставке перстня нанесена надпись: «Аллах».¹⁰⁰ На Руси эти перстни представлены в ранней группе древнерусских кладов¹⁰¹ на поселениях и в захоронениях. Наибольшее количество находок связано с Тимеревским археологическим комплексом (поселение и некрополь). Отсюда происходит более десятка подобных перстней и их фрагментов (в том числе, и экземпляры с надписями).¹⁰² На вставках, найденных в трех погребениях (курганы 120, 348, 382), прослеживаются надписи. Еще семь находок (курганы 95, 100, 265, 284, 297, 382, 459) надписей не содержат.¹⁰³ Отмечено, что подобные перстни зачастую встречаются в женских захоронениях. В погребении 120 было найдено кольцо с надписью на вставке «Благодать от Аллаха», на кольце из парного погребения № 382 читается надпись «Ибрагим сын Али». В погребении кургана № 348 (камерном) серебряный перстень с сердоликовой вставкой находился на пальце правой руки погребенной женщины (погребение совершено в сидячем положении). На вставке нанесена надпись: «Аллах». В уборе погребенной представлены также две скандинавские скорлупообразные и одна круглая фибулы. Погребение было отнесено ко второй половине X века.¹⁰⁴ В кургане 297 обнаружено парное погребение женщины 30–45 и девочки 11–13 лет. Здесь также представлены парные овальные фибулы и серебряный перстень с сердоликовой

вставкой, но одетый на фалангу пальца медвежьей лапы.¹⁰⁵

Из слоев Старой Ладоги второй половины IX и X вв. происходит простой бронзовый перстень с синей стеклянной вставкой и несколько отдельных каменных вставок из горного хрусталя и сердолика.¹⁰⁶ Несколько перстней салтовского типа и вставок к ним известны из раскопок Гнёздовского археологического комплекса.¹⁰⁷

В Новгороде одна сердоликовая вставка была найдена в слое второй половины X в. С Рюрикова городища под Новгородом происходит три сердоликовые вставки от перстней. Одна найдена в слое второй половины IX – первой половины X вв., вторая – второй половины X в., еще одна найдена в мешаном слое. Кроме того, в 2009 г. в комплексе второй половины X в. была найдена сердоликовая инталия с изображением птицы и виноградной грозди.¹⁰⁸ По мнению Т. С. Дорофеевой, сюжет, изображенный на вставке, может быть атрибутирован, как символическое изображение Святого Причастия, а сама инталия могла принадлежать христианину, принявшему православие еще до официального крещения Руси.¹⁰⁹

Таким образом, в Восточной Европе встречаются как перстни салтовского типа с резными и гладкими каменными вставками, так и отдельные вставки для перстней. Появление подобных украшений связано с восточным в широком смысле слова влиянием. Более широко были распространены салтовские перстни со стеклянными вставками. Материалы из Тимеревского могильника и некрополя Бирки демонстрируют вхождение подобных украшений в женскую субкультуру славянского и скандинавского населения. Подобные украшения, возможно, подносились в дар, а женщины, обладавшие ими,

¹⁰⁰ ARBMAN 1940, Taf. 111. 1.

¹⁰¹ КОРЗУХИНА 1954, 12.

¹⁰² ДУБОВ 1976, 82–86; ДУБОВ–СЕДЫХ 1992, 115–123; ЗОЗУЛЯ 2012, 90–98.

¹⁰³ ДУБОВ 1982, рис. 40. 11; ДУБОВ 1976, рис. 2. 11; ДУБОВ–СЕДЫХ 1992, рис. 2. 2; СЕДЫХ 2001, 180, 181; ФЕХНЕР–НЕДОШИВИНА 1987, 70–89.

¹⁰⁴ ЗОЗУЛЯ 2012, 97.

¹⁰⁵ СЕДЫХ 2001, 179, 180; ЗОЗУЛЯ 2012, 96.

¹⁰⁶ ДАВИДАН 1998, 123–132; ДАВИДАН 1986, 99–105; КИРПИЧНИКОВ–БОГУСЛАВСКИЙ 2003, 366; КИРПИЧНИКОВ 2009, 339–342, рис. 8. 9.

¹⁰⁷ ЗОЗУЛЯ 2012, 95.

¹⁰⁸ ДОРОФЕЕВА 2010, 278–283.

¹⁰⁹ ДОРОФЕЕВА 2010, 280, 282.

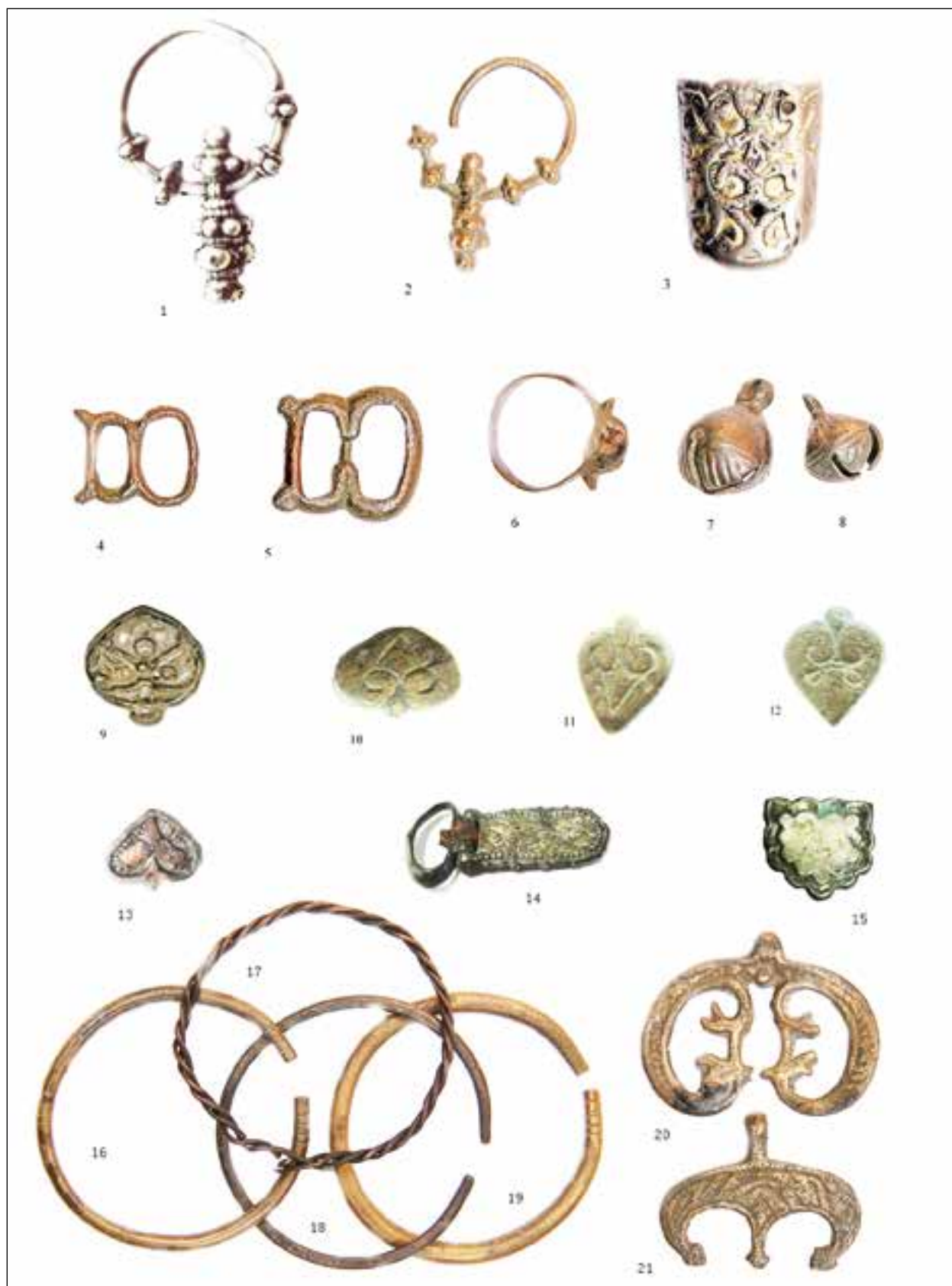

Рис. 5. Изделия из цветных металлов из Пруто-Днестровского региона. 1–13, 16–21: Екимайцы (фото авторов); 14–15: Слободзея (фото любезно предоставлено А. Тюрком)
 5. kép. Színesféműből készült díszítmények a Prut–Dnyeszter régióból. 1–13, 16–21: Echimăuți (a szerzők felvételei); 14–15: Szlobodzeja (a fotót Türk A. bocsátotta rendelkezésemre)

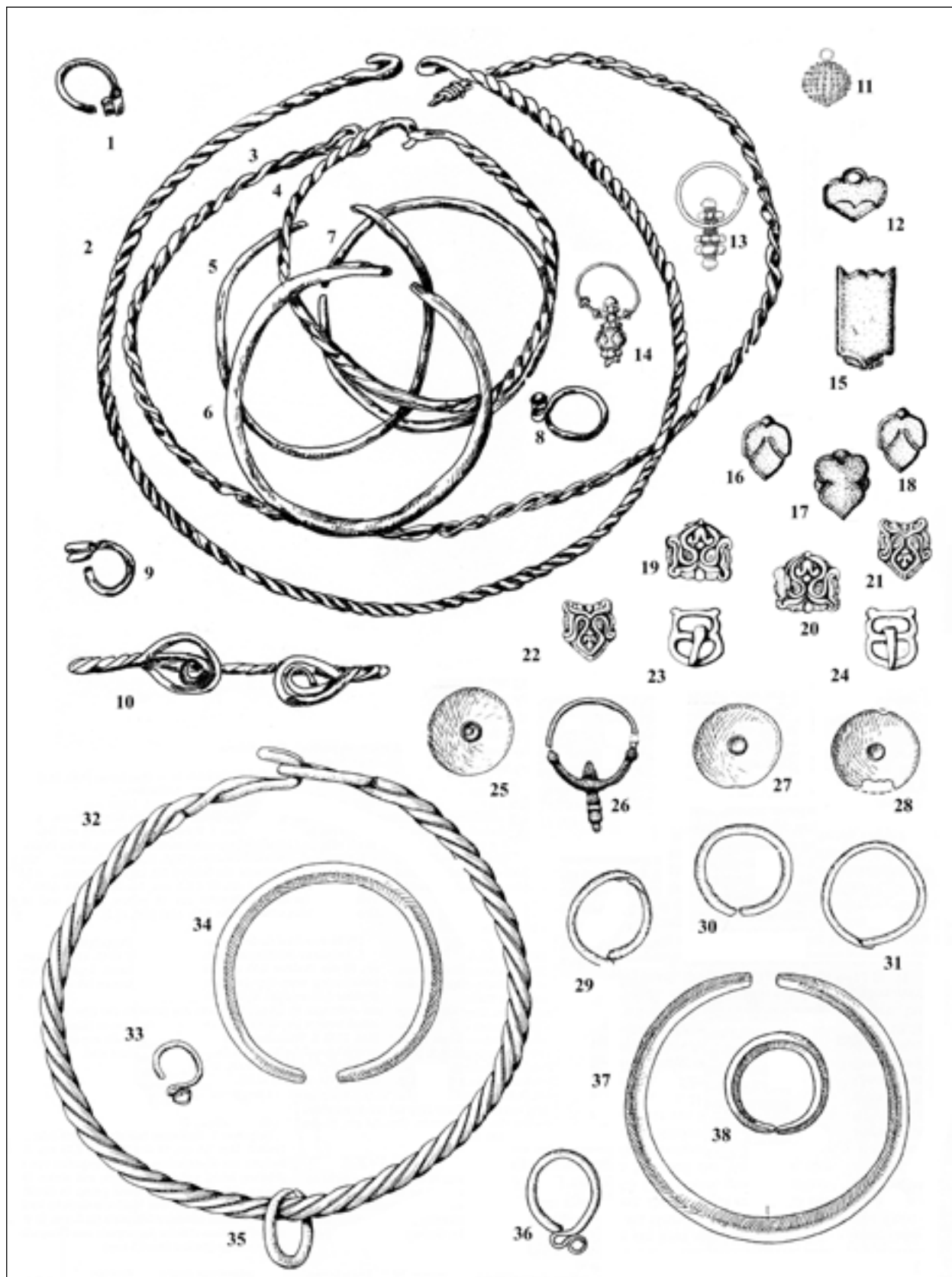

Рис. 6. Изделия цветных металлов X–XI вв. Масштабы разные. 1–10: Нитра (Словакия); 11–24: Клуж (Румыния); 25–36: Орадя-Салка (по РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

6. kép. Színesfémből készült díszítvények a 10–11. századból. Különböző méretarányok. 1–10: Nyitra (Szlovákia); 11–24: Kolozsvár (Románia); 25–36: Nagyvárad-Szalka (РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014)

могли быть представительницами смешенных семей, а их мужья были людьми с востока.¹¹⁰

Находки подобных украшений в Пруто-Днестровском регионе связаны, по всей видимости, с влиянием культурных традиций проживавшего здесь «салтоидного» и венгерского населения.

Находки украшений с зернью в Пруто-Днестровском регионе в основном приурочены к кольцевым городищам. На городище Екимауцы найдены так называемые «волынские серьги», а также полусферические подвески, лунница, зерненные бусы (рис. 2. 1–14, 28–31; рис. 5. 1–2). На Алчедаре – «волынские серьги», зерненные бусы, пуговицы, лунница, на Германарие – перстень с полусферическим щитком¹¹¹ (рис. 2. 33, 36–51). Кроме того, целая подборка декорированных зернью пуговиц была найдена в захоронении молодой девушки в Джурджулешском могильнике, а одна серьга «волынского типа» – в погребении 35 Бранештского могильника¹¹² (рис. 2. 33, 34–36). Некоторые из подобных изделий («волынские серьги», перстни с полусферическими щитками, лунницы) достаточно часто встречаются и на памятниках культуры Бьело Брдо. В этой связи нам представляется необходимым уточнить, можно ли их появление в Пруто-Днестровском регионе связывать с непосредственным венгерским присутствием, влиянием или тут необходимо говорить о каких-то иных тенденциях.

С городища Екимауцы происходит 32 экземпляра «волынских» серег. Это наиболее значимая подборка подобных украшений с поселений, исследованных на территории Восточной Европы.¹¹³ Среди материалов с Екимауц выделяется несколько пар идентичных серебряных серег. Между собой пары различаются

размерами, количеством витков сканной, проволочной или зерненной обмотки. Наличие на этом городище ювелирной мастерской, одной из специализаций которой было изготовление серег этого типа, документируется находкой набора ювелирного инструментария, среди которого представлена наковальня-волочило. Отверстия волочила совпадают с диаметром проволоки, из которой выполнены дужки серег «волынского» типа, найденных на городище. Из этого же комплекса происходят тигли, молоточки, ножницы, матрицы для тиснения. Среди серег, найденных на городище, кроме серебряных составных экземпляров есть и одна бронзовая литая серьга. Составные серьги представлены в двух вариантах: с подвеской, собранной из поясков зерни и проволоки,¹¹⁴ и подвеской, в состав которой включены тисненные бусины, декорированные зернью.¹¹⁵ Второй вариант представлен только одной парой изделий.

Восемь серег «волынского» типа были найдены в Алчедарском кладе.¹¹⁶ Из них одно украшение с полый тисненной подвеской, декорированной зернью,¹¹⁷ остальные принадлежат к типу В (рис. 2. 44–51).

Рассмотрим географию распространения этих украшений. Две пары серег типа А были обнаружены в Соб-Венелин (Венгрия), где они были найдены в составе погребального инвентаря.¹¹⁸ Одна пара подобных серег, но без зерни была найдена в Арсуре (Румыния).¹¹⁹ Однако основной ареал их распространения приурочен к Поднепровью и Волыни. На территории Руси в составе погребального инвентаря этот тип серег находят исключительно на Волыни. В погребении № 29 Пересопницкого могильника было раскопано погребение ювелира, изготовлявшего такие украшения, в том числе штампы

¹¹⁰ Чернышенко 2015, 222–226.

¹¹¹ Рябцева 2006, 143–168; Рабинович–Рябцева–Тельнов 2010, 200–214; Рябцева–Тельнов 2010, 85–300; Рябцева 2014, 140–164.

¹¹² Левицкий–Хахев–Рябцева 2000, 90–118; Федоров–Чеботаренко–Великанова 1984, 17.

¹¹³ Федоров 1953, 125.

¹¹⁴ Тип С по нашей классификации «волынских серег»: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁵ Тип В по нашей классификации: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁶ Рябцева–Тельнов 2010.

¹¹⁷ Тип А по нашей классификации: Рабинович–Рябцева 1997, 243.

¹¹⁸ Mesterházy 1994, Abb. 10–11.

¹¹⁹ Spinei 1999, 66, fig. 14.

для тиснения подвесок.¹²⁰ В 1983 г. на Волини была сделана находка двух серег «волынско-го» типа А в погребении пожилой женщины в кургане М-7 могильника в урочище Майдан у с. Берестяное.¹²¹ Подобные височные подвески были найдены в Гуцинском кладе под Черниговом и на Строчинском городище под Минском (городище на Менке) при раскопках жилища X – начала XI вв.¹²² В Гнездовском кладе 1993 г. представлено 6 «волынских» колец типа А, изготовленных из высокопробного серебра.¹²³ Причем, форма части подвесок серег «волынско-го» типа из этого клада совпала с формой штампов из захоронения ювелира в Переспонницком могильнике на Волини.¹²⁴ Недавно и в Гнездовском комплексе был обнаружен фрагмент штампа для тиснения подвески «волынской» серьги.¹²⁵

Серьги типа В распространены шире. Они встречаются на Руси, на территории Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии.¹²⁶ Литые аналоги этому типу «волынских» серег встречены в Венгрии, Югославии и Болгарии.¹²⁷ Украшения, декорированные зернью, приурочены к Карпато-Дунайскому региону (Токайский клад, погребение в Соб-Кишердьё (Szob-Kiserdő), клад Рэдукэнень, погребение в Клуже), Поднепрровью и Поднестровью (клады Копиевский, Борщевский и Алчедар; находка из Елизаветградского уезда; городища Червоне и Екимауцы; могильник Брэнешть).¹²⁸ На Бал-

канах чаще встречаются серьги без зерневого декора подвески.¹²⁹ Серьги из Винче и Троянова Моста (Югославия)¹³⁰ и из Градешников (Болгария),¹³¹ по внешнему виду близкие украшениям из Токайского клада, но не украшены зернью. Декорированная зернью серьга была найдена в Сербии, в Нише, в погребении некрополя церкви св. Пантелеймона. У этой серьги подвеска выполнена не из тисненого шарика, а из свернутых в кольца металлических полос.¹³² В Хорватии украшения с зернью были найдены в могильнике Вуковар, в Венгрии в Соб-Кишердьё (Szob-Kiserdő), погр. № 69.¹³³

На Балканах этот тип украшений встречается, в основном, в захоронениях,¹³⁴ в Венгрии – в захоронениях и в Токайском кладе,¹³⁵ в Румынии – кладе Рэдукэнень и в погребении в Клуже.¹³⁶

Украшенные зернью серьги типов А и В появляются в середине X в. Прототипами их, вероятно, являются распространенные в великоморавских древностях схожие серьги с более миниатюрными тисненными, но чаще литыми подвесками без зерневого декора (Нитра), сходные украшения происходят из Чимбруд в Румынии и целого ряда пунктов на Балканах (например, Галиче, Луковит, Болгария), на территории Древней Руси они известны из Гнездовского археологического комплекса и с городища Новотроицкое и связаны, по всей видимости, с притоком в конце IX – начале X вв. населения из Дунайского региона.¹³⁷

¹²⁰ Мельник 1901, 479–576; Корзухина 1946, 48.

¹²¹ Гупало 1996, 124, рис. 11.

¹²² Алексеев 1966, 147, 148, рис. 28. 1; Перхавко 1986, 30.

¹²³ Пушкина 1994, 171–186.

¹²⁴ Ениосова 1998, 258–267.

¹²⁵ Мурашева–Рузанова 2012, 128–137.

¹²⁶ Корзухина 1946, 50; Новикова 1990, 115; Рабинович–Рябцева 1997, 237; Váňa 1954, tab. 4; Masov 1979, 39; Гатев 1977, 34; Ёоровиць–Љубинковиць 1951, 44; Teodor 1980, 404; Dragotá 2014, 16, fig. 3.

¹²⁷ Рабинович–Рябцева 1997, 237.

¹²⁸ Демо 2009, 342; Корзухина 1954, 84; Teodor 1980, 404; Mesterházy 1994; Рябцева 2005, 98.

¹²⁹ Вьжарова 1976; Ёоровиць–Љубинковиць 1951.

¹³⁰ Ёоровиць–Љубинковиць 1951, сл. 7.

¹³¹ Masov 1979, fig. 8. 2.

¹³² Новикова 1990, 113, рис. IV.

¹³³ Демо 2009, 342–345, fig. 29.

¹³⁴ Милчев 1963, 22–37, т. 2. 3; Вьжарова 1974, 9–22; Masov 1979, 31–47, fig. 8. 1; Демо 2009, 345, fig. 29.

¹³⁵ Ёоровиць–Љубинковиць 1951, сл. 21.

¹³⁶ Teodor 1980.

¹³⁷ Рябцева 2009, 279, рис. 5; Ржавцева 2014, 170–177.

Наиболее ранние образцы серег типа С, датируемые IX–X вв., известны для территории Чехии и бывшей Югославии.¹³⁸ В остальном же ареале данных украшений они датируются в пределах X–XI вв.¹³⁹ В ареале культуры Бьело Брдо известно около 30 местонахождений серег данного типа,¹⁴⁰ встречающихся как в составе кладов, так и в погребениях. Для Польши находки серебряных, зачастую фрагментированных, серег данного типа характерны для «кладов рубленого серебра». На этой территории данные серьги представлены в составе 22 кладов (только одна находка четырех украшений была сделана на городище Любомий).¹⁴¹ На Балканах находки данного типа украшений концентрируются в погребальных памятниках на территории бывшей Югославии,¹⁴² встречаются они и в Болгарии. Так, бронзовые литые серьги данного типа были найдены в некрополях Луковит и Галиче, а серебряная зерненная в погребении № 5 некрополя Галиче.¹⁴³ Этот тип серег «волынско-го» типа находят на Руси в составе кладов,¹⁴⁴ но и на городищах,¹⁴⁵ а также в захоронениях.¹⁴⁶

Как мы видим, серьги типов В и С типичны для памятников, представленных на территории распространения культуры Бьело Брдо.¹⁴⁷ Однако, имеющиеся находки подобных изделий и в других регионах, в том числе и в Восточной Европе, не позволяют считать, что эти украше-

ния типичны именно для Бьело Брдо, или хотя бы служат индикаторами для выявления присутствия древностей данной культуры.

Практически аналогичная ситуация складывается для перстней с полусферическими щитками. Подобный перстень был обнаружен в Молдове впервые в 2008 году в результате раскопок на посадке кольцевого городища Германарие¹⁴⁸ (рис. 2. 33). Довольно большое количество сходных перстней известно с территории Древней Руси. Они найдены в погребениях в Киеве¹⁴⁹ и Плеснецке,¹⁵⁰ на городище Глибовка в Левобережной части Среднего Поднестровья,¹⁵¹ кладах Копиевка,¹⁵² Гущинском (все – Украина),¹⁵³ Любоежском кладе (Ильменское Поозерье, Россия).¹⁵⁴ В основном, это находки середины X – первой половины XI вв., только Любоежский клад относится к XII веку.

Так же, как и в случае в «волынскими» серьгами, прототипы и наиболее ранние образцы подобных украшений представлены в памятниках Великой Моравии, в частности, Микульчицы,¹⁵⁵ Бреслав-Поханско,¹⁵⁶ Старое Место «На Валах»,¹⁵⁷ Предмости.¹⁵⁸ К числу ранних, как правило, относят своеобразный вариант перстня с тремя полусферическими щитками, обнаруженный совместно с двумя парами серег типа «Темпельгоф» в женском погребении № 355 могильника Птуйский Град в Словении.¹⁵⁹ Пер-

¹³⁸ Jurič 1986, tab. IV.

¹³⁹ Рябцева 2005, 99–102.

¹⁴⁰ Mesterházy 1994, Abb. 14.

¹⁴¹ Kóčka-Krenz 1993, 84.

¹⁴² Jurič 1986, tab. IV, tab. VI.

¹⁴³ Вьжарова 1976, 207, 244; Вьжарова 1987, 298–308, рис. 4.

¹⁴⁴ Юрковецкий и Копиевский клады: Корзухина 1954, 84.

¹⁴⁵ Федоров 1953, 125.

¹⁴⁶ В пересопницких курганах: Мельник 1901; погребении 124 Киевского некрополя: Голубева 1949.

¹⁴⁷ Поровић-Љубинковић 1951, 21–55; Mesterházy 1994, Abb. 14; Giesler 1981, 91–98, Tab. 3.

¹⁴⁸ Рабинович-Рябцева-Тельнов 2010, 200–214.

¹⁴⁹ Ивакин 2005, 287–303.

¹⁵⁰ Ливох 2010, 486–492.

¹⁵¹ Маярчак 2006, 35, 36.

¹⁵² Линка-Гепшенер 1948, 182–190.

¹⁵³ Корзухина 1954, 21, 22, т. VII.

¹⁵⁴ Торопов 2009, 58–59.

¹⁵⁵ Dekan 1979, cat. 162, cat. 163; Profantová-Kavánová 2003, 334, obr. 151.

¹⁵⁶ Kalousek 1971, 142, obr. 242.

¹⁵⁷ Hruby 1955, 413, tab. 1–13.

¹⁵⁸ Dostcat. I 1966, 155, tab. XXXV. 8.

¹⁵⁹ Korošec 1950, 93, fig. 19; Јовановић 1988, 261, 5.

стни с полусферическими щитками весьма характерны для регионов Балкан и Подунавья, где встречаются как паяные, так и литые образцы. Материалом для изготовления украшений служили бронза, серебро, в ряде случаев, позолоченное, изредка – золото.¹⁶⁰ Обилие подобных украшений в данном регионе исследователи объясняют, как влиянием византийского ювелирного дела, так и наличием источников сырья, например, серебряных рудников.¹⁶¹

По данным Владислава Йовановича, на 1988 год было известно 47 перстней, происходящих из 20 местонахождений на территории Югославии. Двадцать два экземпляра найдено в Македонии в пяти местонахождениях, 17 – в Сербии в пяти памятниках, в Хорватии – четыре перстня в трех местах, в Боснии и Герцеговине – два изделия в двух памятниках, в Черногории – один перстень.¹⁶² К настоящему времени количество опубликованных украшений увеличилось, но не на порядок.¹⁶³ В Болгарии перстни с тисненными полусферическими щитками были найдены в Плиске, Средище, в крепости Ветрин и в могильнике Ловеч.¹⁶⁴

Наиболее близкие аналоги перстням с высокими щитками с цилиндриками зерновой крестообразной композицией из Германарие (Молдова) или Матичане (Сербия), Свинаревцы (Хорватия) содержатся в кладе, найденном в 1954 г. при раскопках крепости Диногетия (Румыния).¹⁶⁵ Перстень с полусферическим щитком был обнаружен в 1996 г. в некрополе Дервент в окрестностях другой византийской крепости на Дунае – Пэкуюл луй Соаре.¹⁶⁶ Вместо полос зерни к его щитку напаяны нити скани, разделяющие треу-

гольники. В нижней части тисненая полусфера щитка обрамлена двумя рядами скани. Находят подобные украшения и на территории Баната и Трансильвании. Перстень со своеобразным щитком с высоким цилиндром и низкой полусферой, декорированным крупной зернью, установленной на проволочные колечки, и витой дужкой, был найден в погребении 4 могильника Циклова Ромына (Ciclova Romana).¹⁶⁷ Прекрасный перстень со щитком, покрытым плотными концентрическими кругами, выложенными из зерни и обрамленными при переходе к цилиндрику двумя полосами скани, был обнаружен в погребении № 17 могильника Изворул Императорулуй в Алба Юлии.¹⁶⁸ Интересно представленное в материалах этого некрополя сочетание украшений с зернью (перстень, серьга «волынско-го» типа) и миниатюрного энколпиона византийско-дунайского типа.¹⁶⁹

Роскошный золотой перстень происходит из случайной находки в комитате Саболич (Венгрия).¹⁷⁰ Всего К. Мештерхази приводит данные о находках около двух десятков подобных перстней, сконцентрированных в основном в Верхнем Подунавье, междуречье Дуная и Дравы, а также в бассейне Тисы.¹⁷¹

Таким образом, рассмотренные перстни находят в Богемии, Моравии, Словакии, Венгрии, Словении, Сербии, Косово, Воеводине, Хорватии, Черногории, Албании, Македонии, Болгарии, Румынии, Молдове, Украине, России – то есть, практически повсеместно в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Появляются они, по всей видимости, вместе с целой группой украшений византийского культурного

¹⁶⁰ Јовановић 1988; PETRINEC 2009, 244.

¹⁶¹ Викић 2010, 110, 112, sl. 83. 1.

¹⁶² Јовановић 1988, 261. Приношу огромную благодарность сотруднику отделения археологии философского факультета Белградского Университета Деяну Радичевичу за помощь с литературой.

¹⁶³ См. например Викић 2010, 110–112; DEMO 2009, 522.

¹⁶⁴ ГРИГОРОВ 2007, 33, 62, обр. 69, 10.

¹⁶⁵ DINOGETIA 1967, 277, 278, fig. 167; Јовановић 1979, 75. табл. VI. 3, 4.

¹⁶⁶ DIACONU–DAMIAN 1997, 43–44; DUMITRIU 2001, 104, Taf. 14/12.

¹⁶⁷ OEA 2008, pl. 54. 33.

¹⁶⁸ CIUGUDEAN 2006, 55, 109, cat. 124; DRAGOTĂ ET AL. 2010, 107.

¹⁶⁹ GÁLL 2013, tab. 80.

¹⁷⁰ MESTERNÁZY 1991, 145–177, 7. ábra. 7.

¹⁷¹ MESTERNÁZY 1991, 10. ábra.

круга. Наиболее ранние находки представлены в Моравии и Далмации.¹⁷² Если датировка моравских образцов, как правило, ограничивается концом IX – началом X вв., то на Балканах они доживают до XII века.¹⁷³ Для перстней, представленных на памятниках культуры Бьело Брдо, исследователи определяют дату в пределах середины X – середины XI вв.¹⁷⁴ Скопление находок перстней с полусферическими щитками на территории Подунавья и Балкан может свидетельствовать как о популярности здесь этого типа украшений, сформировавшегося на базе византийской традиции цветной мелалобработки, так и наличии мастеров, изготавливавших их.

Характеризуя комплексы, в которых находят подобные перстни, необходимо подчеркнуть, взаимовстречаемость их с другими украшениями с зернью, такими как, например, кольца типа «Темпельгоф» или серьги «волынского типа». Кроме того, как для многих погребений, так и кладов, где присутствуют эти перстни, типичны наборы вещей, характеризующие полиэтничную дружинную культуру. В обиходе людей, оставивших эти памятники, встречаются предметы личного христианского благочестия, зачастую провинциально византийского круга, украшения славянского и византийского происхождения. В памятниках культуры Бьело Брдо подобные наборы дополняются специфическими категориями инвентаря. К ним относятся, кроме упомянутых выше «волинских» «гроздевидных» серег (тип «С» по нашей классификации, он же тип 17 по Гисслеру), витые гривны с замком, крючком и петлей (тип 1b по Гисслеру), гладкие и подграненные дрововые браслеты (типы 4 и 7 по Гисслеру), плетеные тонкопроволочные перстни (тип 30 по Гисслеру), перстневидные кольца с S-видными окончаниями.¹⁷⁵

Таким образом, рассмотренные нами вещи с зернью – «волинские» серьги и перстни с полусферическими щитками, могут быть рассмо-

трены в контексте венгерского присутствия в Пруто-Днестровском регионе лишь в том случае, если они найдены совместно с украшениями, типичными именно для венгерских древностей и (или) культуры Бьело Брдо.

На материалах Центральной и Юго-Восточной Европы выделяется группа древностей, типичная для венгерского костюма и ювелирного убора. К подобным изделиям относятся некоторые специфические наборные пояса и сумки-ташки, каплевидные и листовидные подвески, обувные нашивки, пластинчатые перстни с врезными надписями, своеобразные варианты узких пластинчатых браслетов, металлические биконические спиральные бусы, круглые наконечники подвески с гравированным орнаментом, металлические орнаментированные навершия шапок. Процесс выделения на памятниках Пруто-Днестровского региона специфически венгерских вещей затрудняется тем, что в памятниках Карпатской котловины, с которыми производится сравнение, встречается целый ряд ювелирных изделий, представленных и у других этнокультурных групп, и в других регионах, в том числе, в Восточной Европе. К подобным изделиям относятся, например, витые гривны, дрововые и змеиноголовые браслеты.¹⁷⁶

Вошедшие в венгерский ювелирный убор дрововые и узкие пластинчатые браслеты, а также серьги в виде простых колечек, являются и рядовыми украшениями степняков Восточной Европы в X–XI вв. Весьма широко распространены такие изделия в восточнославянских древностях. Находят их и на поселениях, в том числе в интересующем нас регионе – Екимавцы, захоронениях – Бранешты. В венгерских могилах перстневидные серьги встречаются как в женском, так и в мужском уборе.¹⁷⁷

Наследием салтовских традиций в венгерском костюме можно считать некоторые типы наборных поясов, своеобразный вариант серег с литой

¹⁷² DOSTÁL 1966, 35–37; ČREMOŠNIK 1951, 266–268; BIKIĆ 2010, 147.

¹⁷³ JOVANOVIĆ 1979, 71; PETRINEC 2009, 244, 596; BIKIĆ 2010, 111.

¹⁷⁴ GIESLER 1981, 109–113; DRAGOTĀ ET AL. 2010, 115.

¹⁷⁵ GIESLER 1981, Taf. 1–4; DRAGOTĀ ET AL. 2010, 115.

¹⁷⁶ HAMPEL 1905; VĀŇA 1954, 51–104; ЭРДЕЛИ 1972, 139.

¹⁷⁷ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 102, 109, 112.

удлиненной подвеской, состоящей из бусин – перехватов.¹⁷⁸ Вошли в венгерский убор и салтовские перстни, в основном их поздний вариант с крупной вставкой и небольшими лапками.¹⁷⁹

К вещам, имеющим подунайские истоки, в венгерском ювелирном уборе относятся разнообразные варианты «гроздевидных» серег, в том числе и «волынские» В и С типов, перстневидные кольца с S-видным завитком, тисненые пуговицы – гомбики, перстни с полусферическими зерненными щитками, пластинчатые перстни с расширенными щитками, декорированные изображениями птиц, звезд, циркулярным орнаментом.¹⁸⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, при всей сложности этнокультурной интерпретации древностей Пруро-Днестровского региона, которые могли соотноситься с раннеисторическими венграми, правомерен вопрос: что же нам удастся выделить собственно венгерского?

Пояс из Слободзейского кургана принадлежал, по всей видимости, именно венгру, захороненному в Приднестровской степи по дороге на новую родину. В Пруро-Днестровском регионе к бесспорно типичным для венгерских древностей могут быть отнесены следующие вещи: каплевидная подвеска (Ханска) и изделия со специфической венгерской пальметтой – наколочник ножен (Екимауцы), бляшка (Тарасова). Среди находок, которые могут быть представлены, в том числе и у венгров, следует упомянуть рассмотренные выше предметы ременной и сумочной гарнитуры, бубенчики, «салтовские» перстни. Серьги «волынского» типа, а также дротовые и витые браслеты, витые гривны в контексте их находки на одном памятнике (городище Екимауцы) могут рассматриваться, как аналогичные комплексам находок культуры Бело Брдо. Рассмотренные находки, хоть и не многочисленны, но достаточно выразительны.

При этом ни «гроздевидные» серьги, в том числе «волынские», встречаемые в этих памятниках, ни перстни с полусферическими щитками, ни лунницы, ни серьги с S-видными завершениями, на наш взгляд, нельзя считать специфичными именно для этой культурной общности, хоть они и выделяются в качестве типичных для региона, в котором представлены археологические памятники этой культуры.¹⁸¹ Однако именно сочетание украшений, имеющих различные культурные истоки, характерно для набора ювелирных украшений, встречающихся в памятниках Бело Брдо.

Заслуживает внимания, что они встречаются: – на всех типах памятников: сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Алчедар, Орхей, Тарасова) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладках (Рэдукэнень); – на разных в культурном отношении памятниках. Это и группа кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар в северо-восточной части региона, и памятники центральной зоны Молдовы – культурные группы Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень.

Этот факт говорит о не случайности тех или иных венгерских находок и предполагает постановку вопроса, как о степени влияния венгров, так и о непосредственном пребывании венгров в регионе.

Учитывая культурную разнородность групп памятников в Молдове, за которой стоит разное, в том числе и этническое происхождение их носителей, где выявлены элементы венгерского культурного присутствия или влияния, полагаем, что они могут отражать разные явления.

Для памятников типа Ханска (поселение Ханска, могильники Лимбарь, Кэпрэрие) можно предположить, что за венгерскими находками

¹⁷⁸ VÁNA 1954, tab. IV; CSALLÁNY 1979, Taf. XXXVI; THE ANCIENT HUNGARIANS 1996, 350; БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 112.

¹⁷⁹ БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988, 112.

¹⁸⁰ VÁNA 1954, 94.

¹⁸¹ VÁNA 1954, 50–95; GIESLER 1981, Taf. 1–4; MESTERHÁZY 1991, 145–177.

стоит присутствие представителей носителей венгерской материальной культуры или даже венгерского этноса. Мы отмечаем детали ремешковой гарнитуры, имеющие близкие аналогии в венгерских памятниках, находку каплевидной подвески, специфичной для венгерской женской субкультуры.

В историографии уже давно отмечается полиэтничный характер носителей культуры древностей типа Ханска, в которых ярко выражено как раз присутствие салтово-маяцкого культурного компонента, например, в гончарном производстве (многочисленные двухъярусные гончарные горны салтовской конструкции, керамика), домостроительстве (распространение тамбуров входа, очагов, как единственных отопительных устройств, юртообразных углубленных жилищ), погребальной обрядности (положение погребенных, инвентарь). По данным антропологического изучения М. С. Великановой погребенные в могильнике Лимбарь были недавними потомками переселенцев из районов салтово-маяцкой культуры, предположительно, тюрко-болгары.¹⁸²

Авторы недавно опубликованного исследования по периодизации могильников в центральной зоне Молдовы признали, что «доля участия венгерско-тюркского компонента, чье явное и не явное присутствие среди погребений Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть отмечается исследователями, в формировании этих древностей должна быть выше, чем считается сегодня».¹⁸³ Е. Ю. Зверев и К. Т. Ткачук предложили периодизацию, основанную на связи определенных черт погребальной обрядности (положение и ориентировка костяка, расположение рук) с сезонной смертностью и половозрастным распределением у погребенных в могильниках, обслуживающих поселения Ханска и Бранешть. Исследователи уверенно говорят о том, что селище Ханска долгое время (вторая половина IX–X вв., этому периоду соответствует время функционирования могильника Кэпрэрия и начало функционирова-

ния могильника Лимбарь) не имело постоянных жителей, использовалось как летник, основную массу населения составляли мужчины, проживавшие здесь только в теплое время года. Население памятника росло скачкообразно, благодаря приходу мигрантов. Лишь в конце X в. с новой волной переселенцев на Ханске появляется значительное число постоянных жителей. Авторы соотносят «сезонный» образ жизни жителей Хански с полукочевой (второй) стадией кочевания у степных народов Евразии по С. А. Плетневой.¹⁸⁴

Таким образом, находки каплевидных подвесок на памятниках типа Ханска и на поселении Дэнешть в Румынской Молдове, не обособленные на фоне ощутимого салтовского культурного влияния в регионе, скорее, свидетельствуют о непосредственном проживании здесь носителей венгерской культуры.

Но, видимо, уже другой контекст имеет присутствие находок венгерского происхождения на памятниках типа Екимауцы-Алчедар, к которым по набору вещей относится и клад Рэдукэнень.

Во-первых, можно вести речь о распространении на территории Карпато-Поднепровья дружинной субкультуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказывала влияние венгерская традиция. Из Екимауц и Рэдукэнень происходят сабля и наборные пояса, изготовленные в венгерской традиции. Пользовались такими поясами и оружием местная знать, возможно, воспринявшая их, что нельзя исключать, непосредственно от венгров, пребывавших в регионе.

Во-вторых, можно предположить, что влияние венгров не ограничилось только в сложении дружинной субкультуры. Мы неоднократно затрагивали вопрос о западнославянском происхождении памятников типа Екимауцы-Алчедар, делая вывод об этом на основании анализа самых разных категорий материальной культуры – фортификации, домостроительства,

¹⁸² Древняя культура Молдавии 1974, 127–150; Хынку 1970; Хынку 1973; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990; Рабинович 1991; Рабинович 1997; Великанова 1978; Великанова 1983.

¹⁸³ Зверев–Ткачук 2012, 147.

¹⁸⁴ Зверев–Ткачук 2012, 146–147.

керамики, оружия и ювелирного убора.¹⁸⁵ В поствеликоморавский период на памятниках Чехии и Словакии выделяются материалы, близкие к типичным для культуры Бьело Брдо, а в материалах Венгрии и Трансильвании представлены вещи славянского происхождения, в том числе и имеющие великоморавские или подунайские истоки или параллели¹⁸⁶ (рис. б). Набор вещей из Екимауц, Алчедара и Рэдукэ-нень имеет, в том числе, аналогии в памятниках культуры Бьело Брдо – Кечкемет, Токай, Ваков, Клоштар, Бьело Брдо и др.¹⁸⁷ К подобным украшениям относятся бронзовые гривны с петельками на концах, дровые и витые бронзовые браслеты (рис. 3. 7–10), гроздевидные серьги и особенно их литые подражания (рис. 2. 1–16, 43–58), лунницы и особенно литые варианты (рис. 2. 23–28), «салтовские» перстни (рис. 3. 13, 16), ромбовидные серебряные бусы (рис. 2. 30, 31), шаровидные зерненные пуговицы или подвески (рис. 2. 34–38). Это позволяет, пока крайне осторожно, высказать предположение, что данные памятники в IX–X вв. могут рассматриваться, как своеобразный восточный дериват культуры Бьело Брдо. Конечно, это вовсе не означает, что среди носителей культуры памятников Екимауцы-Алчедар были обязательно венгры. Культура Бьело Брдо сложилась в это время в результате культурного симбиоза западных славян и венгров, но среди ее древностей присутствуют памятники с самыми разными соотношениями материалов ее возможных полиэтничных носителей.¹⁸⁸

В-третьих, нельзя не заметить сосредоточенности на Екимауцах, Алчедаре предметов вооружения, прямо или опосредованно связанных с венграми: сабля и наконечники стрел.¹⁸⁹ Эрвин Галл обратил внимание на характер распространения сабель в могильниках венгерской

культуры в Трансильвании и Верхнем Потисье. Эти находки очень редки, например, в Верхнем Потисье, в среднем приходится по одной сабле на могильник. Находки сабель, по мнению этого исследователя, сосредоточены в тех местах, например, в Клуже, где венгры осуществляли политический и военный контроль над теми или иными территориями, в стратегически важных пунктах.¹⁹⁰ Если говорить о Карпато-Днестровском регионе, то мы должны предположить, что присутствие предметов венгерского вооружения, возможно, означало и присутствие какого-то венгерского военного отряда.

Хотелось бы обратить внимание на еще один важный момент в связи с «венгерской проблемой». При сложении дружинной субкультуры в регионах Восточной Европы, как правило, обязательно присутствие скандинавского компонента. И только на территории Молдовы этот скандинавский компонент отсутствует (рис. 2. 39).¹⁹¹ Венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси и, видимо, тем самым изолировали местное население и местные древности от скандинавского влияния.

Подводя итог, отметим следующее. На основании археологических данных мы можем говорить о присутствии в Пруро-Днестровском регионе некоторых элементов венгерской материальной культуры и даже ставить вопрос о непосредственном пребывании в регионе древневенгерского населения. Но анализ этих элементов осложняется тем, что такая культурная группа, как памятники типа Екимауцы-Алчедар, по нашему мнению, западнославянская по своему происхождению и явно отличается от других восточнославянских памятников. Для периода середины X – начала XI вв. по набору металлического убора она становится чрезвычайно близко древностям культуры Бьело Брдо. Поэто-

¹⁸⁵ Рабинович–Рябцева 2009; Рабинович 1997; Рябцева 2006; Рабинович–Рябцева 2006, 117–122.

¹⁸⁶ Čarповič 1954, 5–33; Harhoи–Gáll–Lakatos 2009, 225–257.

¹⁸⁷ Vaňa 1954, Tab. I, II, IV, V.

¹⁸⁸ Vaňa 1954, 51–104; Балинт 1979, 97–143.

¹⁸⁹ Чер 2013, 197–202.

¹⁹⁰ Галл и др. 2011, 236.

¹⁹¹ Единственной находкой вещи, выполненной в североевропейской традиции, но, скорее всего, на территории Древней Руси, является серебряная позолоченная подвеска «гнездовского типа», найденная недавно в составе денежно-вещевого клада на территории посада городища Алчедар. Рябцева–Тельнов 2010, 285–300.

му, в ряде случаев, сложно понять, имеем ли мы дело с некими отдельными венгерскими элементами в Пруто-Днестровском регионе или «венгерским следом» в сложении местного деривата культуры Бьело Брдо. Не будет излишним допущение, что сочетание местного западнославянского компонента и пришлого венгерского дало в регионе некое уникальное подобие культуры Бьело Брдо.

В связи с этим, хотелось бы сказать о необходимости дальнейшего исследования средневековых древностей Карпато-Днестровского региона, именно под углом зрения венгерской проблематики. При этом представляется перспективным, как дальнейшее исследование материалов, накопленных в музейных фондах, так и проведение новых археологических исследований, особенно на памятниках типа Екимауцы-Алчедар.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВ 1966: Алексеев, Л. В.: *Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв.* Москва 1966.
- АМБРОСИАНИ–АНДРОЩУК 2006: Амбросиани, Б. – Андросчук, Ф.: Вооружение и восточные контакты Бирки. В: *Русь на перехресті світів*. Ред.: Толочко, П. П. Чернігів 2006, 4–17.
- БАЛИНТ 1979: Балинт, Ч.: Венгры и т.н. Белобрдская культура. *Acta Archaeologica Carpatica* 1979:19, 97–143.
- БОКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1988: Бокий, Н. М. – Плетнева, С. А.: Захоронение воина-кочевника X в. в бассейне Ингула. *Советская археология* 1988: 2, 99–115.
- БОНЕВ–ДОНЧЕВА 2011: Бонев, С. – Дончева, С.: *Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско*. Велико Търново 2011.
- ВЕЛИКАНОВА 1978: Великанова, М. С.: Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I–II тысячелетиях. В: *Славяно-волошские связи*. Ред.: Мохов, Н. А. Кишинев 1978, 30–76.
- ВЕЛИКАНОВА 1983: Великанова, М. С.: Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье. В: *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван*. Ред.: Зеленчук, В. С. Кишинев 1983, 20–31.
- ВЪЖАРОВА 1974: Въжарова, Ж.: Селища и некрополи (края на VI–XI в.). *Археология* 1974:3, 9–22.
- ВЪЖАРОВА 1976: Въжарова, Ж.: *Славяни и прабългари*. София 1976.
- ВЪЖАРОВА 1987: Въжарова, Ж. Н.: Славяне к югу от Дуная. *Советская археология* 1987:4, 298–308.
- ГАВРИТУХИН–КАЗАНСКИЙ 2006: Гавритухин, И. О. – Казанский, М. М.: Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. *Археологические вести* 2006:13, 297–344.
- ГАЛЛ и др. 2011: Галл, Э. – Галл, С. – Времир, М. – Гергей, Б.: Погребение № 10 из могильника Клуж-Заполья и динамика завоевания венграми Трансильвании. *Stratum plus* 2011:5, 223–242.
- ГАТЕВ 1977: Гатев, П.: Накити от погребения от XI–XII в. *Археология* 19:1 (1977) 30–46.
- ГОЛУБЕВА 1949: Голубева, Л. А.: *Киевский некрополь*. В: *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов I*. Ред.: Воронин, Н. Н. Материалы и исследования по археологии СССР 11 (1949) 103–118.
- ГОЛЬЦЕВА–КАШУБА 1995: Гольцева, Н. В. – Кашуба, М. Т.: *Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепрорья. (Материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.)*. Тирасполь 1995.
- ГРИГОРОВ 2007: Григоров, В.: *Метални накити от средновековна България (VII–XI век)*. Диссертации том I. София 2007.
- ГУПАЛО 1996: Гупало, В.: Дослідження курганного могильника в урочищі Майдан біля села Берестяне. В: *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* 17 (1996) 113–129.

- ДАВИДАН 1986: Давидан, О. И.: Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX вв. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 27 (1986) 99–105.
- ДАВИДАН 1998: Давидан, О. И.: Сердоликовые изделия из Старой Ладogi. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 33 (1998) 123–132.
- ДИМИТРОВ 1995: Димитров, Я.: Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.). *Плиска–Преслав* 7 (1995) 42–69.
- ДОНЧЕВА 2004: Дончева, С.: За един вид орнаментална украса в ранносредновековна Българска металлопластика. *Преслав* 6 (2004) 212–227.
- ДОРОФЕЕВА 2010: Дорофеева, Т. С.: Инталия с Городища под Новгородом. В: *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции: Новгород, 26–28 января 2010 г.* Ред.: Янин, В. Л. Великий Новгород 2010, 278–283.
- ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА МОЛДАВИИ. Ред.: Зеленчук, В. С. Кишинев 1974.
- ДУБОВ 1976: Дубов, И. В.: Новые раскопки Тимерёвского могильника. *Краткие сообщения Института археологии* 146. Москва 1976, 82–86.
- ДУБОВ 1982: Дубов, И. В.: *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*. Ленинград 1982.
- ДУБОВ–СЕДЫХ 1992: Дубов, И. В. – Седых, В. Н.: Новые исследования Тимерёвского могильника. В: *Древности славян и финно-угров*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Рябинин, Е. А. Санкт-Петербург 1992, 115–123.
- ЕНИОСОВА 1998: Ениосова, Н. В.: Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова. В: *Труды VI международного конгресса славянской археологии* 4. Ред.: Седов, В. В. – Гринев, Н. Н. Москва 1998, 258–267.
- ЗВЕРЕВ–ТКАЧУК 2012: Зверев, Е. Ю. – Ткачук, К. Т.: К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруро-Днестровском междуречье. *Stratum plus* 2012:5, 125–148.
- ЗОЗУЛЯ 2012: Зозуля, С. С.: Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя. *Российская археология* 2012:4, 90–98.
- ИВАКИН 2005: Ивакин, Г. Ю.: Погребения X – первой половины XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.). В: *Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Ред.: Макаров, Н. А. – Чернецов, А. В. Москва 2005, 287–303.
- ИЗМАЙЛОВ 2000: Измайлов, И. С.: Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение. В: *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Носов, Е. Н. – Сакса, А. И. Санкт-Петербург 2000, 70–86.
- ЙОТОВ 1993: Йотов, В.: Находки от ремъчни украси от ранносредновековното селище до село Дебрене, Добричко. *Добруджа* 1993:10, 123–129.
- КАЗАКОВ 1972: Казаков, Е. П.: О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 161–167.
- КАЗАКОВ 1985: Казаков, Е. П.: Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным. *Советская археология* 1985:4, 178–185.
- КАЗАКОВ 2000: Казаков, Е. П.: Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI вв.). В: *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного симпозиума по вопросам археологии и истории*. Ред.: Кирпичников, А. Н. – Носов, Е. А. – Сакса, А. И. Санкт-Петербург 2000, 87–99.
- КЕТРАРУ 1969: Кетрару, Н. А.: Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г. В: *Далекое прошлое Молдавии*. Ред.: Полевой, Л. Л. Кишинев 1969, 35–54.
- КИРПИЧНИКОВ 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* В: Свод археологических источников Е1–36. Ленинград 1973.

- Кирпичников 2009: Кирпичников, А. Н.: Историческое наследие Старой Ладogi. *Археологические открытия (1991–2004 гг.). Европейская Россия*. Москва 2009, 333–348.
- Кирпичников–Богуславский 2003: Кирпичников, А. Н. – Богуславский, О. И.: Историческое наследие Старой Ладogi. В: *Культурное наследие Российского государства* 4. Ред.: Кирпичников, А. Н. Санкт-Петербург 2003, 341–368.
- Ковалевская 1979: Ковалевская, В. Б.: *Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки*. В: Свод археологических источников Е1–2. Москва 1979.
- Комар 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований. В: *Мадьяры в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України* 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.
- Комар 2015: Комар, О. В.: Новые тенденции в исследованиях археологии кочевников Юга-Восточной Европы VI–IX вв. В: *Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. I. Conference of Young Scholars on the Migration Period, Esztergom November 4–6, 2014*. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Budapest–Esztergom 2015, 859–870.
- Корзухина 1946: Корзухина, Г. Ф.: О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 1946:13, 45–52.
- Корзухина 1954: Корзухина, Г. Ф.: *Русские клады IX–XIII вв.* Москва–Ленинград 1954.
- Левицкий–Хахеу–Рябцева 2000: Левицкий, О. Г. – Хахеу, В. П. – Рябцева, С. С.: Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X–XI вв. *Stratum Plus* 2000: 5, 90–118.
- Ливох 2010: Ливох, Р.: Большие курганы летописного Плеснеца. В: *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Ред. сост.: Пескова, А. А. – Щеглова, О. А. – Мусин, А. А. Санкт-Петербург 2010, 486–492.
- Лінка-Геппенер 1948: Лінка-Геппенер, Н.: Копіївський скарб. *Археологія* 1948:2, 182–190.
- Мажитов 1977: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VII–XIV вв.* Москва 1977.
- Мальм–Фехнер 1967: Мальм, В. А. – Фехнер, М. В.: Привески-бубенчики. В: *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды Государственного исторического музея 43 (1967), 133–141.
- Манева 1992: Манева, Е.: *Средневековен накит од Македонија*. Скопје 1992.
- Маярчак 2006: Маярчак, С.: *Археологічні пам'ятки IX–XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я*. Кам'янець-Подільський 2006.
- Мельник 1901: Мельник, Е. Н.: Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898гг. В: *Труды XI АС в Киеве* 1. Ред.: Уварова, П. С. – Слуцкий, С. С. Москва 1901, 479–576.
- Милчев 1963: Милчев, А.: Раннесредневековни български накити и кръстове енкалпиони от Северозападна България. В: *Археология година V* 3. София 1963, 22–37.
- Мурашева 2000: Мурашева, В. В.: *Древнерусские ремненные наборные украшения X–XIII вв.* Москва 2000.
- Мурашева–Рузанова 2012: Мурашева, В. В. – Рузанова, С. А.: Матрица для тиснения подвесок к серьгам «волынского» типа. В: *Образы времени из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой*. Труды Государственного исторического музея 189 (2012) 128–137.
- Новикова 1990: Новикова, Е. Ю.: О серьгах «екимауцкого» типа. В: *Проблемы археологии Евразии (по материалам Государственного исторического музея)*. Труды государственного исторического музея 74 (1990) 107–114.
- Перхавко 1986: Перхавко, В. Б.: Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днестра и Немана. В: *Краткие сообщения Института археологии* 187 (1986) 28–35.
- Петрухин 1983: Петрухин, В. Я.: Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.). В: *Древнейшие государства на территории СССР*. Ред.: Пашуто, В. Т. Москва 1983, 174–181.

- ПЛЕТНЕВ 2004: Плетнев, В.: Производство на коланни гарнитури в ранносредновековна България. *Преслав 6* (2004) 228–240.
- ПЛЕТНЁВА 1967: Плетнёва, С. А.: *От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура*. Москва 1967.
- ПУШКИНА 1994: Пушкина, Т. А.: Новый Гнездовский клад. В: *Древнейшие государства Восточной Европы*. Ред.: Новосельцев, А. П. Москва 1994, 171–186.
- РАБИНОВИЧ 1990: Рабинович, Р. А.: К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка. В: *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Ред.: Дергачев, В. А. Кишинев 1990, 51–57.
- РАБИНОВИЧ 1991: Рабинович, Р. А.: Гончарный горн на поселении X–XII вв. у с. Рудь. В: *Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы*. Ред.: Кетрару, Н. А. Кишинев 1991, 99–109.
- РАБИНОВИЧ 1997: Рабинович, Р. А.: *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование)*. Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Санкт-Петербург 1997.
- РАБИНОВИЧ 2018: Рабинович, Р. А.: Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. В: *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Ред.: Синика, В. С. – Рабинович, Р. А. Кишинев–Тирасполь 2018, 465–482.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 1997: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. *Stratum+ Петербургский археологический вестник*. Ред.: Вахтина, М. Ю. – Виноградов, Ю. А. Санкт-Петербург–Кишинев 1997, 236–245.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2006: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Об источниках сырья для ремесленного производства на средневековом городище Екиматуцы в Молдове. В: *Тезисы конференции. Производственные центры: источники сырья, «дороги», ареал распространения*. Ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург 2006, 117–122.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА 2009: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С.: Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже*. Труды Государственного Эрмитажа 49 (2009) 292–304.
- РАБИНОВИЧ–РЯБЦЕВА–ТЕЛЬНОВ 2010: Рабинович, Р. А. – Рябцева, С. С. – Тельнов, Н. П.: Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В: *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран 2*. Ред.: Носов, Е. Н. – Белецкий, С. В. Москва 2010, 200–214.
- РАТИЧ 1971: Ратич, О. О.: Багате поховання рубежу X–XI ст. у Судовій Вишні. В: *Середні віки на Україні 1*. Ред.: Шевченко, Ф. П. Київ 1971, 162–168.
- РЯБЦЕВА 2005: Рябцева, С. С.: *Древнерусский ювелирный убор Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург 2005.
- РЯБЦЕВА 2006: Рябцева, С. С.: Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X–XI вв. *Revista Arheologică. Serie nouă. Volumul II*. 1–2. Chişinău 2006, 143–168.
- РЯБЦЕВА 2009: Рябцева, С. С.: Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII–XI вв. *Stratum plus* 2009:5, 257–380.
- РЯБЦЕВА 2014: Рябцева, С. С.: Перстни с полусферическими щитками и специфика престижного ювелирного убора X–XII вв. населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. *Revista Arheologică, Serie nouă, vol. X, nr. 1–2*. Chişinău 2014, 143–167.

- РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2007: Рябцева, С. С. – Рабинович, Р. А.: К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul III*. 1–2. Chişinău 2007, 195–205.
- РЯБЦЕВА–РАБИНОВИЧ 2014: Рябцева, С. С. – Рабинович, Р. А.: О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. В: *Русь в IX–XII вв. Общество, государство, история*. Ред.: Макаров, Н. А. – Леонтьев, А. Е. Москва–Вологда 2014, 269–279.
- РЯБЦЕВА–ТЕЛЬНОВ 2010: Рябцева, С. С. – Тельнов, Н. П.: Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX – начала XI вв. *Stratum plus* 2010:5, 285–300.
- РЯБЦЕВА–ЧОКАНУ 2009: Рябцева, С. С. – Чокану, М. М.: Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции). *Stratum plus* 2009:5, 171–198.
- СЕДОВА 1981: Седова, М. В.: *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.)*. Москва 1981.
- СЕДЫХ 2001: Седых, В. Н.: Новые данные по истории Великого Волжского пути. В: *Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути»*. Ред.: Хузин, Ф. Ш. Казань 2001, 173–189.
- СТАНИЛОВ 1993: Станилов, С.: Две групи старобългарски ремъчни украси от Североизточна България. *Плиска-Преслав* 6. София 1993, 152–163.
- СТАНИЛОВ 1995: Станилов, С.: Метални гарнитурни за ремъци и облекло от Дворца във Велики Преслав. *Плиска-Преслав* 7. Шумен 1995.
- СТАНЧЕВ–ЧАНГОВА–ПЕТКОВ 1961: Станчев, С. – Чангова, Й. – Петков, Х.: Некрополът в местността Стражата при Плевен. *Археология* 1961:1, 32–41.
- ТОРОПОВ 2009: Торопов, С. В.: Клады эпохи викингов и случайные находки скандинавских предметов на территории Новгородской земли: топография и состав. В: *Международная научная конференция «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность»*. Санкт-Петербург – Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009. Тезисы докладов. Санкт-Петербург 2009, 58–59.
- ТОТЕВ 1976: Тотев, Т.: Базилика при Сакалова могила. *Преслав* 2. София 1976, 38–55.
- ТЮРК 2013: Тюрк, А.: От Урала до Карпат, новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров. В: *II-й Международный Мадьярский Симпозиум. 13–17 августа 2013 г. Сборник научных трудов*. Ред.: Боталов, С. Г. – Иванова Н. О. Челябинск 2013, 231–236.
- ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ 2008: *Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв.* Ред.: Досымбаева, А. Астана 2008.
- ФЕДОРОВ 1953: Федоров, Г. Б.: Городище Екиммауцы. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 50 (1953) 104–126.
- ФЕДОРОВ–ЧЕБОТАРЕНКО–ВЕЛИКАНОВА 1984: Федоров, Г. Ф. – Чеботаренко, Г. Ф. – Великанова, М. С.: *Бранештский могильник X–XI вв.* Кишинев 1984.
- ФЕХНЕР 1967: Фехнер, М. В.: Шейные гривны. В: *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ 43 (1967) 55–74.
- ФЕХНЕР–НЕДОШИВИНА 1987: Фехнер, М. В. – Недошивина, Н. Г.: Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря. *Советская археология* 1987:2, 70–89.
- ФОНЯКОВА 1998: Фонякова, Н. А.: Художественный стиль украшения поясов из Хазарии второй половины VIII–X вв. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 6. Симферополь 1998, 635–641.
- ХАЛИКОВА 1972: Халикова, Е. А.: Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 145–160.

- ХАЛИКОВА 1976: Халикова, Е. А.: Больше-Тиганский могильник. *Советская археология* 1976:2, 158–179.
- ХАЛИКОВА 1976а: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- ХЫНКУ 1965: Хынку, И. Г.: Отчет об археологических раскопках могильников Лимбарь, Кэпрэрия, Лутэрия и поселения Лимбарь-Кэпрэрия у с. Ханска Кутузовского р-на в 1964 г. В: *Архив Музея истории Молдовы инв. № 28*. Кишинев 1965.
- ХЫНКУ 1970: Хынку, И. Г.: *Лимбарь – средневековый могильник XII–XIV веков в Молдавии*. Кишинев 1970.
- ХЫНКУ 1973: Хынку, И. Г.: Кэпрэрия – памятник культуры X–XII вв. Кишинев 1973.
- ЧЕБОТАРЕНКО 1982: Чеботаренко, Г. Ф.: *Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв.* Кишинев 1982.
- ЧЕРА 2013: Чера, С. В.: К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екиматуцы. *Stratum plus* 2013:5, 197–202.
- ЧЕРНЫШЕНКО 2015: Чернышенко, Д. Ю.: Перстни «салтовского» типа в женском костюме (по материалам Тимерёвского могильника). В: *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья 5*. Ред.: Кирпичников, А. Н. Санкт-Петербург 2015, 222–226
- ТОРОВИЋ-ЉУБИНКОВИЋ 1954: Торовић-Љубинковић, М.: Наушнице т.з. токајског типа. *Рад Војвођанских музеја*. 1954, 81–92.
- ЩЕРБАКОВА 2010: Щербакова, Е. Е.: Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове. *Российская археология* 2010:1, 82–93.
- ЩЕРБАКОВА–ТАЩИ–ТЕЛЬНОВ 2008: Щербакова, Т. А. – Тачи, Е. Ф. – Тельнов, Н. П.: *Кочевнические древности Нижнего Поднестровья*. Кишинев 2008.
- ЭРДЕЛИ 1972: Эрдели, И.: Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 128–144.
- ARBMAN 1940: Arbman, H.: *Birka I*. Uppsala 1940.
- ČAPLOVIČ 1954: Čaplovič, P.: Slovanské pohrebište v Nitre pod Zoborom. *Slovenská archeologia* 2 (1954) 5–50.
- BIKIĆ 2010: Bikić, V.: *Vizantijski nakit Srbije: modeli i nasleđe*. Београд 2010.
- CHALIKOVA–CHALIKOV 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und Ural (Das Gräberfeld von Bolshie Tigani)*. Budapest 1981.
- CIUGUDEAN 2006: Ciugudean, H.: *Habitat, religie, etnicitate: descoperiri arheologice din secolele IX–XI în Transilvania: catalog de expoziție*. Alba-Iulia 2006.
- ČREMOŠNIK 1951: Čremošnik, I.: Nalazi nakita u srednjekovnoj zbirci Zemaljskog muzeja u Sarajevu. *Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu. Nova serija* VI. Sarajevo 1951, 241–270.
- CSALLÁNY 1979: Csallány, A.: Weiblicher Haarflechteschmuck und Stiefelbeschläge aus der ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* 31 (1979) 284–294.
- DEÉR 1966: Deér, J.: *Die Heilige Krone Ungarns*. Wien 1966.
- DEKAN 1979: Dekan, J.: *Wielkie Morawy. Epoka I sztuka*. Bratysława–Wrocław 1979.
- DEMO 1983: Demo, Ž.: Bjelobrdski dvodijelni privjesci u Jugoslaviji (u povodu nalaza s lokaliteta Đelekovec-Gornji Batijan). *Podravski zbornik* 83 (1983) 271–301
- DEMO 2009: Demo, Ž.: *An Early Medieval Cemetery of the Bijelo Brdo Culture: Vukovar-Lijeva Bara (10th–11th centuries)*. Zagreb 2009.
- DIACONU–VILCEANU 1972: Diaconu, P. – Vilceanu, D.: *Păciiul lui Soare. Cetatea bizantină*. I. București 1972.

- DIENES 1973: Dienes I.: Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről (Beschlagverzierte landnahmezeitliche Tasche von Budapest–Farkasrét). *Folia Archaeologica* 24 (1973) 177–217.
- DIENES 1976: Dienes, I.: The Hungarians at the Time of the Conquest and Their Ancients. B: *Ancient cultures of the Uralic peoples*. Ed.: Hajdu P. Budapest 1976, 79–113.
- DIN ISTORIA 1971: *Din istoria Dobrogei 3. Bizantini, Romani si Bulgari la Dunarea de Jos*. Eds.: Barnea, I. – Stefanescu, S. București 1971.
- DINOGEȚIA 1967: *Dinogeția. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn I*. Ред.: Gheorghe, S. et al. București 1967.
- DOSTÁL 1966: Dostál, B.: *Slovanská Pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě*. Praha 1966.
- DRAGOTĂ 2014: Dragotă, A.: Podoabe și accesorii vestimentare din Banat, Crișana și Transilvania (secolele X–XI). B: *Interferențe etnice și culturale în milenii I a*. Eds.: Gudea, N. – Cosma, C. – Rustoiu, A. Vol. XXI. Cluj-Napoca 2014.
- DRAGOTĂ ET AL. 2010: Dragotă, A. – Gabriel, T. – Rustoiu, G. T. – Drimborean, M.: Inele realizate în tehnica filigranului și a granularii. *Apulum: Arheologie. Istorie. Etnografie* 47 (2010) 107–116.
- DUMITRIU 2001: Dumitriu, L.: *Der mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11.-15. Jahrhundert*. București 2001.
- GÁLL 2013: Gáll, E.: *Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10–11. századi temetői I–II. (10th and 11th Century Burial Sites, Stray Finds and Treasures in the Transylvanian Basin, the Partium and the Banat I–II)*. Szeged–Budapest 2013.
- GALUŠKA 2013: Galuška, L.: *Hledání původu. Od avarských bronzů ke zlatu. Search for the origin. From Avar bronze items*. Brno 2013.
- GIESLER 1981: Giesler, J.: Untersuchungen zur Chronologie der Bijelo Brdo-Kultur. Ein Beitrag zur Archäologie des 10. und 11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift* 56:1 (1981) 4–167.
- FETTICH 1937: Fettich, N.: *Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Budapest 1937.
- HAMPEL 1905: Hampel, J.: *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn III*. Braunschweig 1905.
- HARHOIU–GALL–LAKATOS 2009: Harhoiu, R. – Gall, E. – Lakatos, A.: *Gräberfeldsteile von Oradea-Salca Chețarie aus dem 5. und 10.–11. Jahrhundert*. *Archaeologiai Értesítő* 2009: 134/12, 217–258.
- HRUBY 1955: Hruby, V.: *Staré Mesto*. Praha 1955.
- IONIȚA 2005: Ionița, A.: *Spațiul Carpatii meridionali și Dunărea inferioară în secolele XI–XIII*. București 2005.
- ISTVÁNOVITS 2003: Istvánovits E.: *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékménye*. Nyíregyháza 2003.
- ЈОВАНОВИЋ 1979: Јовановић, В.: Прилог проучавању средњовековног прстења у СР Србији и СР Македонији. *Нова историјска и Археолошка истраживања средњовековног Београда и Србије*. *Годишник града Београда* 25 (1979) 67–85.
- ЈОВАНОВИЋ 1988: Јовановић, В.: Прилог проучавању Стефана Првовенчаног. In: *Студеница и византијска уметност око 1200. године. Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодњишњице сану*. Beograd 1988, 257–270.
- JURIČ 1986: Jurič, R.: *Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije*. B: *Izdanja Hrvatskog arheoloskog društva* 11:2 (1986) 245–289.
- KALOUSEK 1971: Kalousek, F.: *Břeclav-Pohansko. Velkomoravske pohřebiště u kostela*. Brno 1971.
- KISS–BARTHA 1970: Kiss, A. – Bartha, A.: Graves from the age of the Hungarian conquest at Bana. *Acta Archaeologica Hungaricae* 22 (1970) 218–260.
- KÓČKA–KRENTZ 1997: Kóčka-Krenz, H.: Bizuteria średniowieczna na ziemiach polskich jako wyznacznik chronologiczny. *Archaeologia Historica Polona* 6 (1997) 69–75.
- KOROŠEC 1950: Korošec, J.: *Staroslovansko grobišče na Ptujskem Gradu*. Ljubljana 1950.
- LANGÓ–PATAY–HORVÁTH 2015: Langó, P. – Patay-Horváth, A.: Moravian continuity and the conquering Hungarians – a case study based on grape-bunch pendants. In: “*Castellum, civitas, urbs*”: *Zentren und*

- Eliten im frühmittelalterlichen Ostmitteleuropa*. Hrsg.: Orsolya Heinrich-T. – Herold, H. – Straub, P. und Vida, T. Budapest–Leipzig–Keszthely–Rahden/Westf. 2015, 367–380.
- LANGÓ–TÜRK 2003: Langó P. – Türk A.: *Honfoglalás kori női sír Szentes-Derekegyházi oldal határrészéből (A grave of a woman at Szentes-Derekegyháza from the age of the Hungarian Conquest)*. Szentes 2003.
- MASOV 1979: Masov, S.: La nécropole médiévale près du village Gradesnica, dep.de Vraca. In: *Culture et art en Bulgarie médiévale (VIII–XIV s.)*. Ред.: Angelov, D. – Changova, I. – Georgiev, G. – Ivanov, T. – Vážharova, Zh. Sofia 1979, 31–47.
- MEGAY 1963: Megay G.: A Mezözombor-bálványdombi honfoglaláskori magyar temető (Das landnahmezeitliche ungarische Gräberfeld von Mezözombor-Bálvány-domb). *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 3 (1963) 37–54.
- MESTERHÁZY 1991: Mesterházy, K.: Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírletekben II. (Gegenstände byzantinischen Ursprungs in den ungarischen Gräberfeldern des 10.–11. Jh. II.). *Folia Archaeologica* 42 (1991) 145–177.
- MESTERHÁZY 1994: Mesterházy, K.: Az ún. tokaji kincs revíziója. (Revision des sog. Tokajer Schatzes). *Folia Archaeologica* 43 (1994) 193–242.
- OȚA 2008: Oța, S.: *Orizonturi funerare din Banatul Istoric (secolele X–XIV)*. Alba-Iulia 2008.
- OȚA ET AL. 2006: Oța, S. – Dragotă, A. – Ducman, G.: Piese din colecțiile MNIR, provenite din descoperiri de caracter funerar din Transilvania și Crișana (secolele X–XII). *Patrimonium Apulense* V–VI (2006) 75–120.
- PETRINEC 2009: Petrinec, M.: *Groblja od 8. do 11. stoljeća na području ranosrednjovjekovne Hrvatske države*. Split 2009.
- PINTER–DRAGOĂ–ȚIPLIC 2006: Pinter, Z. K. – Dragoă, A. – Țiplic I. M.: *Piese de podoabă și vestimentație la grupurile entice din Transilvania (sec. 7–12)*. Alba Iulia 2006.
- POPESCU 1970: Popescu, M.: *Podoabe Medievale in Țările Romane*. București 1970.
- PROFANTOVÁ–KAVÁNOVÁ 2003: Profantová, N. – Kavánová, B.: *Mikulčice. Pohřebiště u 6. a 12. Kostela*. Brno 2003.
- RADIČEVIĆ–ŠPEHAR 2015: Radičević, D. – Špehar, P.: Some remarks on Hungarian Conquest Period Finds in Vojvodina. *Acta Archaeologica Carpathica* 50 (2015) 137–162.
- RADULESCU–GÁLL 2001: Radulescu, A. – Gáll, E.: Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Temesvár (Timișoara)-Csókaerdő. *Acta Archaeologica Hungaricae* 52 (2001) 155–193.
- RÉVÉSZ 1987: Révész, L.: Liraförmige Schnallen im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Hungaricae* 39 (1987) 257–285.
- RÉVÉSZ 1994: Révész, L.: Mit Beschlägen geschmückte Pferdegeschirre aus den landnahmezeitlichen Frauen- und Männergräbern. *Acta Archaeologica Hungaricae* 46 (1994) 308–359.
- RÉVÉSZ 1997: Révész, L.: Ein landnahmezeitliches Frauengrab in Békéscsaba-Erzsébethely. *Acta Archaeologica Hungaricae* 49 (1997) 419–449.
- RJABCEVA 2014: Rjabceva, S.: The contact of Great Moravia with Eastern Europe. In: *Great Moravia and the beginning of Christianity*. Ed.: Kouřil, P. Brno 2014, 170–177.
- SPINEI 1994: Spinei, V.: *Moldova în secolele XI–XIV*. Chișinău 1994.
- SPINEI 1999: Spinei, V.: *Marile migrații din Estul și Sud-Estul Europei în secolele IX–XIII*. Iași 1999.
- SZÖKE 1954: Szöke, B.: Adatok a Kisalföld IX. és X. századi történetéhez (Angaben zur Geschichte der kleinen Tiefebene im 9. und 10. Jh). *Arhaeologiai Értesítő* 81 (1954) 119–139.
- TENTIUC 1996: Tentiuc, I.: *Populația din Moldova Centrală în secolele XI–XII*. Iași 1996.
- TEODOR 1968: Teodor, D.: Contribuții la cunoașterea culturii Dridu pe teritoriul Moldovei. *Studii și Cercetări de Istorie Veche* 19:2 (1968) 227–278.
- TEODOR 1978: Teodor, D.: *Teritoriul est-carpatic în veacurile V–XI*. Iași 1978.

- TEODOR 1980: Teodor, D.: Tezaurul de la Raducaneni (Iasi). *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* 31:3 (1980) 403–423.
- TEODOR 1981: Teodor, D.: *Romanitatea Carpato-Dunăreană și Bizanțul în veacurile in veacurile V–XI e.n.* Iași 1981.
- TEODOR 1985: Teodor, D.: *Autohtoni și migratori la est de Carpați în secolele VI–X e.n.* Iași 1985.
- THE ANCIENT HUNGARIANS 1996: *The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue.* Eds.: Fodor, I. et al. Budapest 1996.
- VÁŇA 1954: Váňa, Z.: Maďaři a Slované ve světle archeologických nálezů X.–XII. století. *Slovenská archeologia* 2 (1954) 51–104.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА ЗАКАРПАТЬЯ В АСПЕКТЕ ОПИСАННОГО АНОНИМОМ УГРО-СЛАВЯНСКОГО КОНФЛИКТА

Игорь Анатольевич Прохненко*

Ключевые слова: *Верхнее Потисье, угры, номады, городище, поселение, керамика*
Kulcsszavak: *Felső-Tisza-vidék, magyarok, nomádok, földvárak, település, kerámia*

Игорь Анатольевич Прохненко

Средневековые городища Закарпатья в аспекте описанного Анонимом угро-славянского конфликта. На основании сообщений средневековых авторов в историографии укоренилось утверждение о передвижении кочевых племён «чёрных угров» в конце IX в. мимо Киева, потом через Вольнь и Галичину к Верецкому перевалу, после преодоления которого они оказались в Карпато-Дунайском ареале. Согласно автору “*Gesta Hungarorum*” захват территории современного Закарпатья проходил довольно стремительно при незначительных, но успешных для венгров столкновениях, в ходе которых были взяты Ужгородский и Боржавский замки-грады. Однако, о правдивости этих свидетельств Анонима и реалиях описанного им военного конфликта можно говорить только после рассмотрения материалов упомянутых в хронике городищ. Информация о существовании укрепленного пункта рубежа I–II тыс. в Ужгороде недостоверная. Без необходимой аргументации как славянское городище IX–X вв. классифицируется территория замковой горы города, где культурные и строительные горизонты перемешаны, а время возведения фортификаций вообще не установлено. Наиболее ранние хроноиндикаторы позволяют говорить, что на замковой горе в г. Ужгород не было укреплений, тем более центра княжества, который могли бы захватить угры на рубеже IX–X вв. Предполагалась возможность функционирования городища Унг, правда тоже без необходимой доказательной базы, в Горянах. Но и тут в ходе широкомасштабных археологических исследований установлено отсутствие горизонта IX в. и каких-либо фортификационных сооружений. Соответственно, и в Горянах не обнаружены данные, свидетельствующие о возможности венгерского штурма. Второе упомянутое Анонимом городище (Боржавское), в отличие от Унга, локализовано точно. Находится оно возле современного с. Вары Береговского р-на. Но, стратиграфия вала позволила говорить о возведении укреплений Вар в XI в., что также закрыло вопрос отождествления памятника с центром славянского княжества VIII–IX вв. Как видим, и здесь опровергается информация Анонима об уничтожении городища венграми в 903 г. Некоторые исследователи считают, что, кроме приведённых, в хронике упоминается ещё один административный центр славян – Угоча (Виноградовский замок). Анализ археологических материалов в комплексе с критическим анализом базы данных письменных источников позволил утверждать, что этот памятник не существовал в период описанного Анонимом проникновения угров и поэтому ошибочно зачислен к пунктам, возведённым славянами для защиты от кочевников. Активный поиск хоть каких-то центров сопротивления венграм в воображении учёных вызвал к жизни целую серию «городищ» Закарпатья IX в. Однако, эти местонахождения вообще лишены фортификационных сооружений и культурного слоя. Классическими примерами могут быть Данилово, Александровка и Дулово. Значит, из-за отсутствия конкретных подтвержденных фактов существование княжества Лаборца и бои между венграми и славянскими дружинами в северо-восточной части Верхнего Потисья с целью захвата местных городищ можем с уверенностью определить как выдумки нотария Белы III.

Igor Anatoljevics Prohnenko

Kárpátalja középkori földvárak az Anonymus által leírt magyar–szláv konfliktus aspektusában
A középkori szerzők tudósításainak köszönhetően a történetírásban általánossá vált az a nézet, hogy a nomád ‘fekete ugorok’ a 9. század végén Kijevet érintve átvonultak Volhínia és Galícia területén, majd átkelve a Vereckei-hágón bejutottak a Kárpát-medencébe. A *Gesta Hungarorum* szerzője szerint a mai Kárpátalja területének elfoglalását egy

* Ужгородского национального университета. 88000 Україна, Закарпатська обл., м. Ужгород, пл. Народна, 3.
prohnenkoigor@ukr.net

egész sor nem túl jelentős, de a magyarok számára sikeres összezapás jellemezte, amelyek következtében Ung és Borsova vára is magyar kézre került. Anonymus állításának hitelességéről és az általa leírt hadi konfliktus valóságáról csak a krónikában említett földvárak leletanyagának elemzése után beszélhetünk. Jelenleg nem bizonyítható, hogy Ungváron az I–II. évezred fordulóján volt egy földvár. A kutatók – teljesen indokolatlanul – 9–10. századi szláv földvárat említenek az ungvári várhegyen, bár a rétegek itt teljesen összekeveredtek, az erőd építésének ideje pedig máig bizonytalan. A legkorábbi keltező értékű tárgyak 11–12. századiak, vagyis az ungvári várhegyen nem beszélhetünk sem erődítményről, sem egy fejedelem hatalmi központjáról, amelyet a magyarok a 9–10. század fordulóján elfoglalhattak volna. Egyes kutatók szerint az ungi földvár a mai Ungvár külvárosa, Gerény területén épülhetett, bár ez az állítás sem bizonyítható. A gerényi ásatások során a régészek nem találtak sem 9. századi népességre, sem erődítésre utaló nyomokat, vagyis Gerény területén sem kerültek elő a vélhető ostromra utaló jelek. A másik földvár, amelyről Anonymus említést tesz, Borsova, Unggal ellentétben pontosan lokalizálható: a Beregszászi járásban található Mezővári (mai neve: Vári) nevű település közelében. Ugyanakkor a sáncok rétegtana alapján a Mezővári határában épült földvár a II. századra datálható, ami ugyancsak kizárja, hogy itt egy szláv fejedelmi központ létezett a 8–9. században. Ez a tény ugyancsak cáfolja Anonymus állítását, miszerint az erődítményt a honfoglaló magyarok 903-ban elfoglalták és lerombolták. A kutatók szerint a már említettekén kívül a krónika alapján lokalizálható még egy szláv hatalmi központ, Ugoicsa (a nagyszőlősi vár). A régészeti leletanyag és az irott források kritikai elemzése alapján itt is elmondhatjuk, hogy az Anonymus által leírt események idején a vár még nem létezett, vagyis nem sorolható a szlávok építette, no-mád támadások elleni védelemre szolgáló erődítmények közé. A feltételezett szláv–magyar szembenállás nyomainak kutatása egy egész sor 9. századi 'földvárat' keltett életre. Viszont ezeken a lelőhelyeken nem csak erődítmények nyomait, de még kultúrréteget sem igazán sikerült feltárni. Klasszikus példa erre a jelenségre Husztsófalva (Danilovo), Ósándorfalva (Olekszandrivka) és Dulfalva (Dulovo). Így tehát konkrét bizonyítékok hiányában Laborc fejedelemségét, akárcsak a szlávok és honfoglaló magyarok közötti összezapásokat a felső-Tisza-vidéki földvárak birtoklásáért egyértelműen III. Béla jegyzőjének valótlan állításaként kezelhetjük.

На основании сообщений средневековых авторов, в частности, Анонима и Нестора, в историографии укоренилось утверждение о движении кочевых племён «чёрных угров» лесной полосой современной Украины с востока на запад в конце IX в.¹ Номады прошли мимо Киева, потом через Волынь и Галичину к Верецкому перевалу, преодолев который, оказались в Карпато-Дунайском ареале. Здесь они осели, и на рубеже X–XI вв. сформировали своё государство – Венгерское королевство.

Вопреки традиционному подходу, некоторые исследователи в последнее время начали сомневаться в переселении «чёрных угров» на «новую Родину» северным, а не обычным для кочевников южным степным маршрутом.² Несмотря на сомнительность самого факта прохождения угров на земли «новой Отчизны» северным путём, в научной литературе основная дискуссия сконцентрирована вокруг определения ха-

рактера миграции этих номадов, в частности, отношений пришлого населения со славянами (мирные связи или военный конфликт). В решение этого вопроса учёные привлекают, как правило без критического анализа, свидетельства письменных источников и вещевые материалы о передвижении угров в направлении Карпат и их проникновении в северо-восточную часть Верхнего Потисья (Закарпатье).

Согласно утверждению автора «Gesta Hungarorum», захват территории современного Закарпатья произошёл стремительно при незначительных, но успешных для венгров столкновениях, в ходе которых были взяты Ужгородский и Боржавский замки-грады: «Преодолев леса Снежных гор, прибыли на земли Гунг... ...Когда Алмош и его приближённые осмыслили услышанное, то уселись на коней и поскакали к замку Гунг, чтобы захватить его. Пока устанавливали лагерь вокруг укреплений, жупан, которого на местном

¹ ЛІТОПИС 1989; GESTA 2005.

² Моця 2011, 16.

языке называют дукой по имени Лоборц, начал убегать в направлении Земплинского замка. Воины вождя преследовали его, возле одной речки словили и повесили. С того времени речку назвали его именем – Лоборц. Воины во главе с Алмошем захватили замок Гунг и устроили четырёхдневное празднование. На четвёртый день Алмош, посоветовавшись с ближайшим окружением, принял от каждого присягу. Ещё при жизни вождем и командиром провозгласил сына Арпада... В 903 году после рождения Господа войско Арпада захватило земли, вместе с населением, между Тисой и Бодрогом до самой Угочи. Боржавский замок окружили, на третий день с боем захватили, укрепления разрушили, воинов Салана в окопах привели в замок Гунг»³ (рис. 1).

Упоминание в письменном источнике городищ – центров княжества Лаборца, позволяет рассматривать эту категорию памятников как опорную для решения кардинальных проблем средневековой истории края, связанных с угро-славянским конфликтом. В эпицентре проблемы находится вопрос доверия или недоверия сведениям «Гесты» о них. Его решение возможно лишь с привлечением данных археологии, отражающих конкретные хронологические реалии. Только после установления даты возникновения городищ, можно поставить точку в дискуссии об институте власти, по инициативе которого появились данные памятники, дать ответ на вопрос об этнокультурной атрибутике и, соответственно, понять реалии описанного Анонимом военного конфликта между пришлыми племенами угров и субстратным славянским населением.

Информация о существовании укрепленного пункта рубежа I–II тыс. н.э. в Ужгороде не достоверная.⁴ Без какой-либо аргументации, как славянское городище IX–X вв., классифицируется территория замковой горы города,⁵ где культурные прослойки перемешаны, а время возведения фортификаций вообще не установ-

лено. Отметим, что в ходе разведочных работ К. В. Берняковича, несмотря на довольно широкую предложенную исследователем датировку слоя IX–XIII вв., горизонт IX в. не зафиксирован. Об этом свидетельствует отсутствие лепной керамики и хроноиндикаторы. Наиболее ранние из них – серьга X в. (?) и монета венгерского короля Бельи II (1131–1141 гг.).⁶ Исходя из наивных на сегодня материалов, можем констатировать, что на замковой горе в г. Ужгород не было укреплений, тем более центра княжества, который бы могли захватить угры на рубеже IX–X вв.

Д. Чаплович предложил локализацию упомянутого Анонимом городища, правда, также без необходимых доказательств в Горянах.⁷ Масштабные раскопки в урочище Ротонда проводились С. И. Пеняком, а после него в 2007–2008, 2012 и 2015 годах археологической экспедицией Ужгородского национального университета (рис. 2). В результате работ выявлены материалы пяти культурных горизонтов: от неолита до нового времени (рис. 3–5), установлено отсутствие на памятнике горизонта IX в. и каких-либо фортификационных сооружений.⁸ Соответственно, в Горянах не найдены данные, свидетельствующие о штурме укреплений Унга уграми.

Второе упомянутое Анонимом городище Боржавское, другое название которого Вары (венгер. “vár” – «крепость, замок»), в отличие от Унга, локализовано точно. Находится оно в низменной местности, в 200 м на юго-восток от с. Вары Береговского района, на расстоянии 15 м до старого русла р. Боржавы и 175 м до р. Тисы. Площадь городища 0,7 га. Его подтреугольная форма определена естественной конфигурацией мысового холма, возвышающегося на 2–3 м над поймой речки. Вал сохранился на мысу (отрезок длиной 40 м, высотой до 5 м) и с напольной стороны городища, где его высота достигает 8,5 м (рис. 6). В восточной и западной частях памятника вал не прослеживается. В средней

³ GESTA 2005, 27–28.

⁴ БАЛАГУРИ 1993, 14–15.

⁵ БЕРНЯКОВИЧ 1957, 443, 19; ПЕНЯК 1980, 74–76, 96.

⁶ БЕРНЯКОВИЧ 1957, 441.

⁷ ČAPLOVIČ 1992, 170.

⁸ ПРОХНЕНКО–МОЙЖЕС 2008, 182–185; ПРОХНЕНКО–МОЙЖЕС–ЩЕРБЕЙ, 210–219.

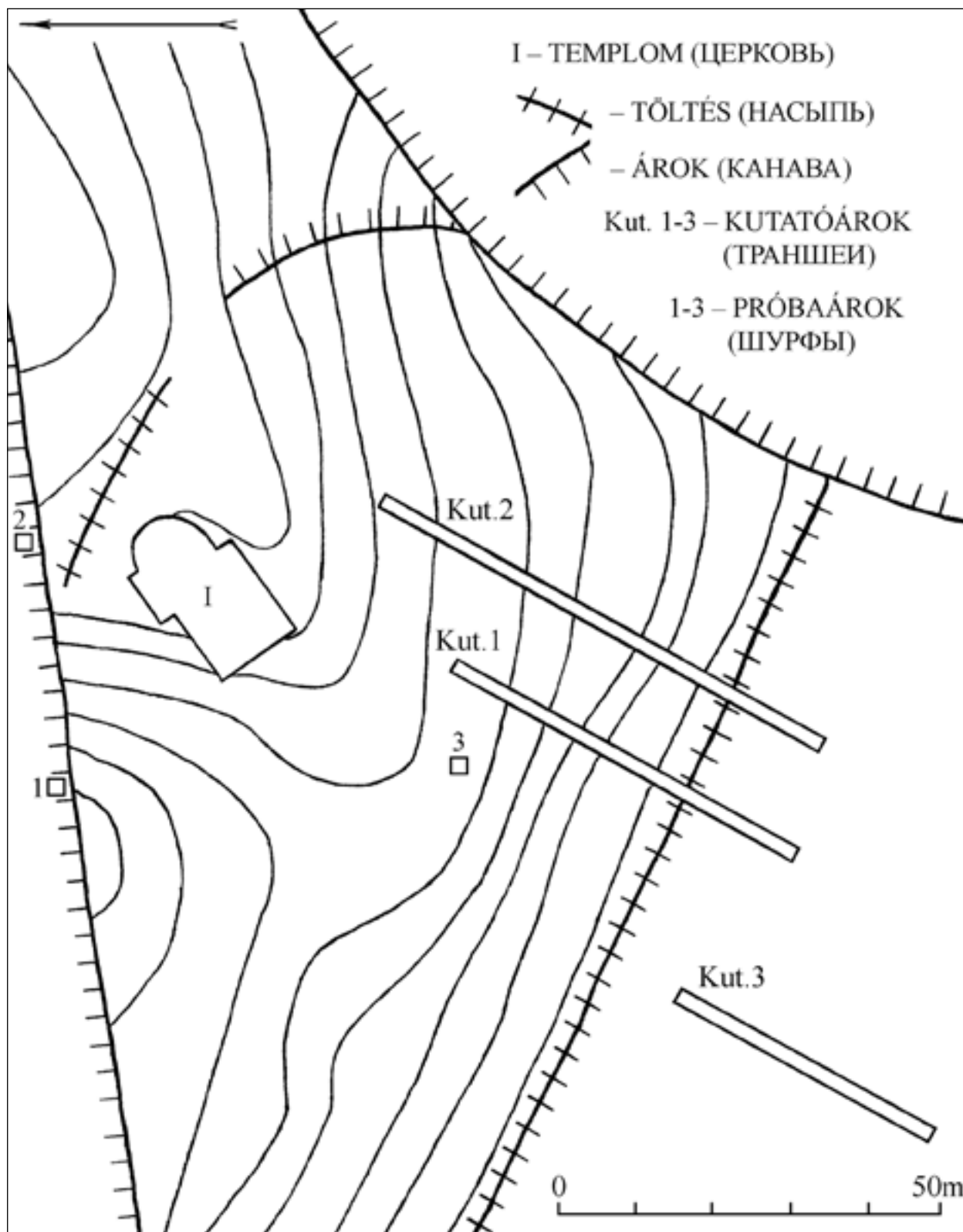

Рис. 2. Ужгород (Горяны). Ситуационный план расположения поселения в ур. Ротонда
 2. kép. Ungvár (Gerény). A rotunda körül elterülő település alaprajza

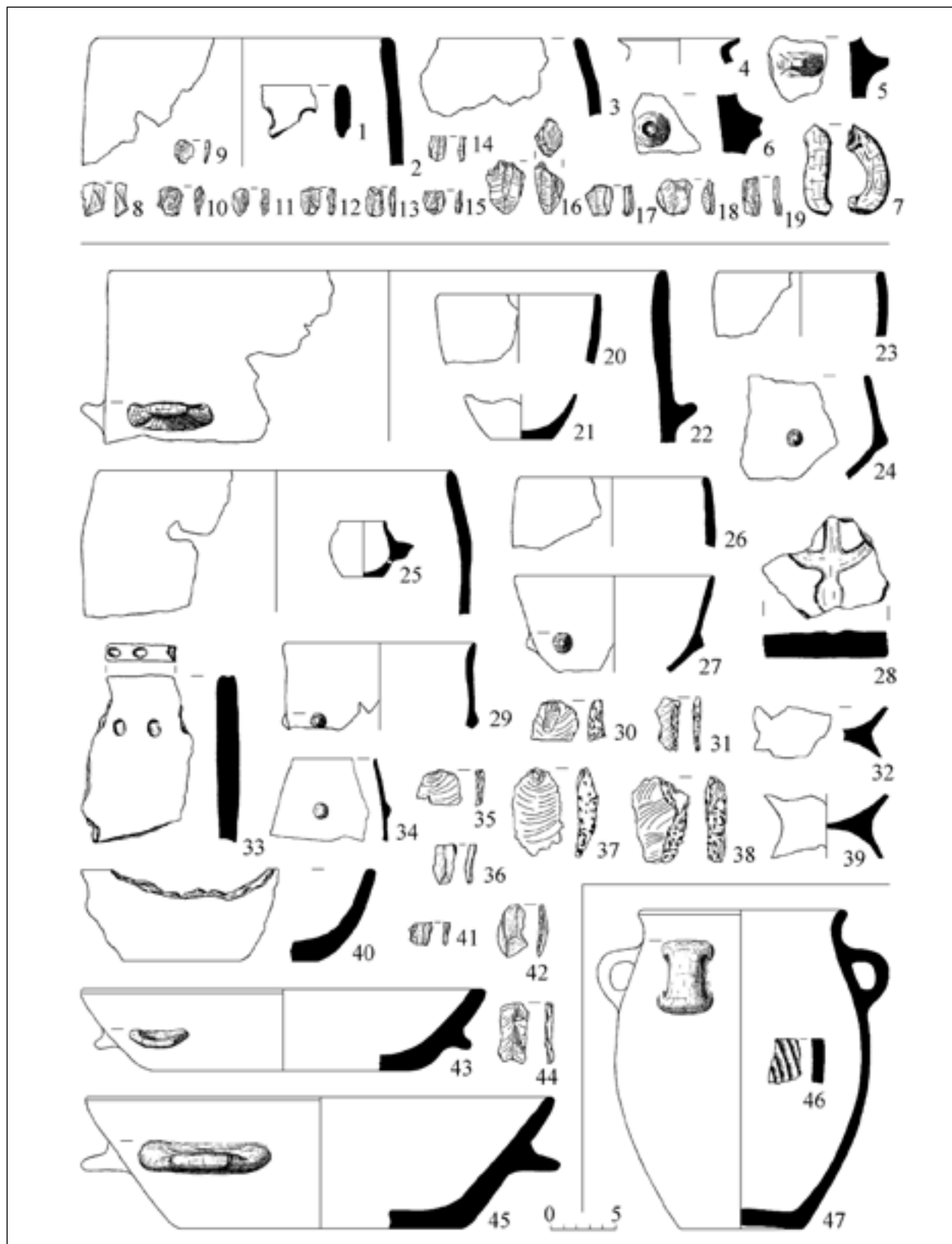

Рис. 3. Ужгород (Горяны). Ур. Ротонда. 1–45: Инвентарь неолитического горизонта;
46–47: Инвентарь гальштатского горизонта

3. kép. Ungvár (Gerény). Rotunda. 1–45: A lelőhely neolit leletanyaga; 46–47: A lelőhely vaskori (hallstatti) leletanyaga

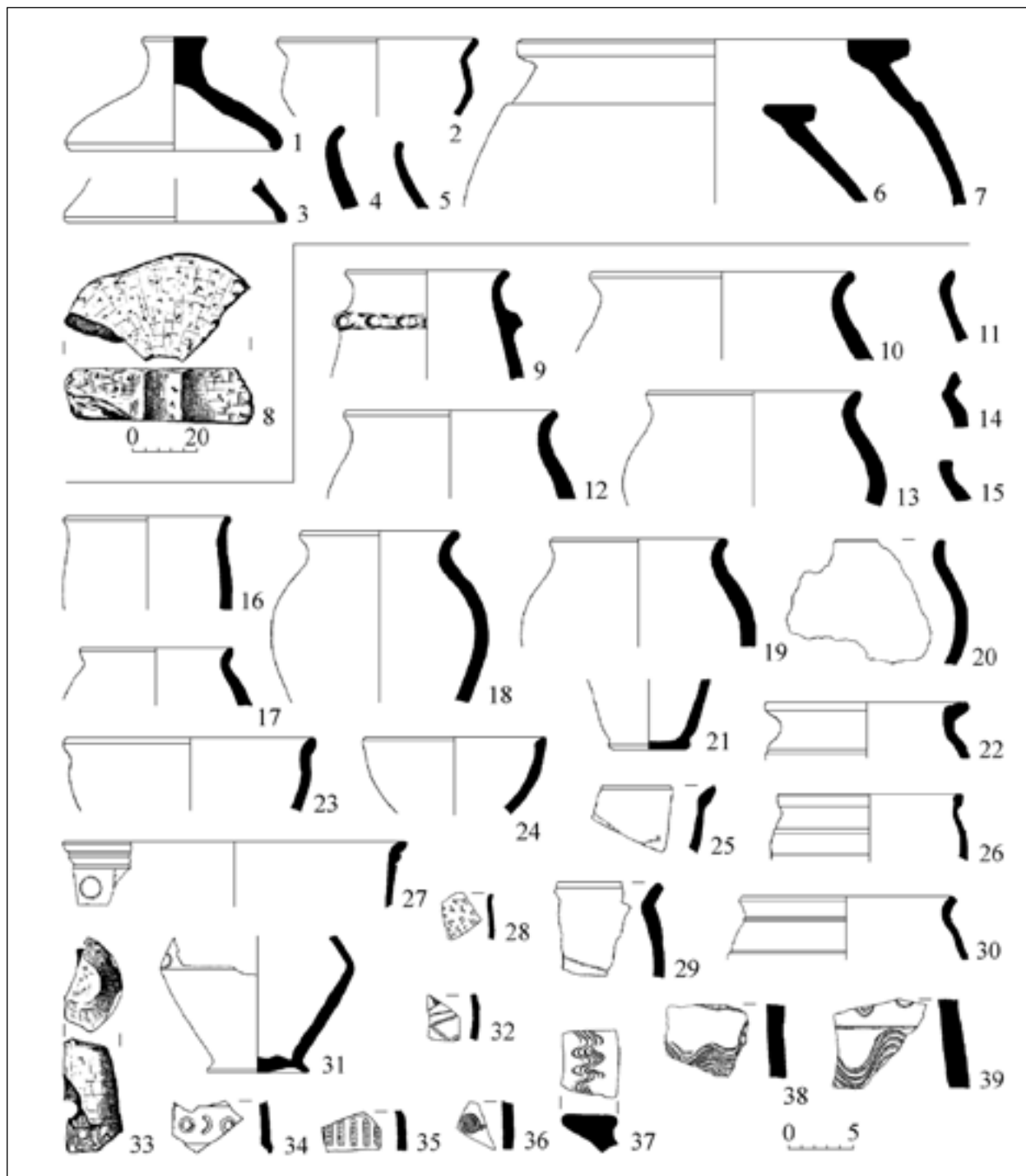

Рис. 4. Ужгород (Горяны). Ур. Ротонда. 1–39: Инвентарь горизонта позднеримского времени
 4. kép. Ungvár (Gerény). Rotunda. 1–39: A lelőhely késő szarmata kori leletanyaga

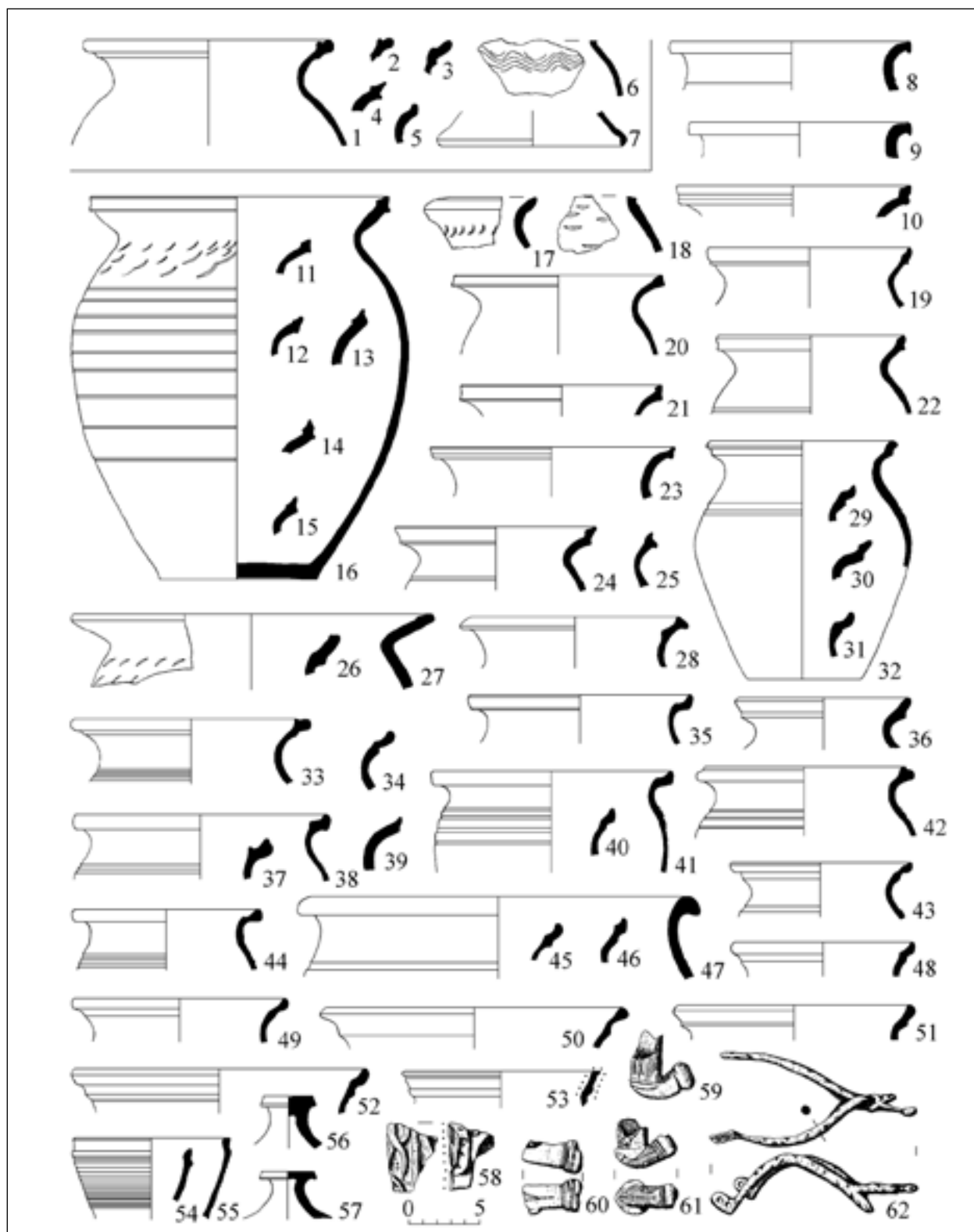

Рис. 5. Ужгород (Горяны). Ур. Ротонда. 1–62: Инвентарь горизонтов эпохи средневековья и нового времени
 5. kép. Ungvár (Gerény). Rotunda. 1–62: A lelőhely középv- és kora újkori leletanyaga

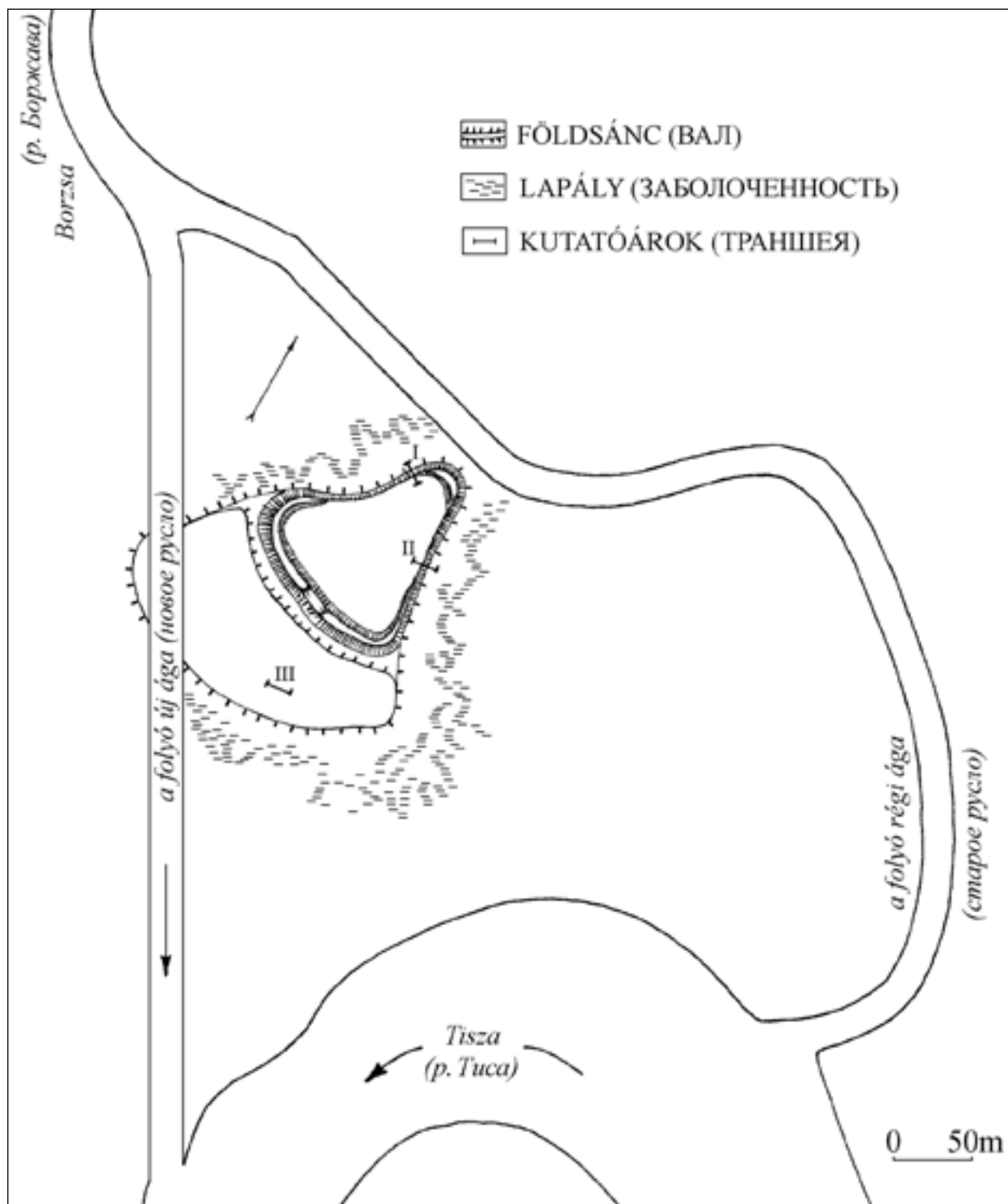

Рис. 6. Вары. Ситуационный план расположения городища Боржсава по П. Раппопрту и И. Боне с обозначением исследований 2005–2006 гг.

6. kép. Mezővári. Borsova földvár alaprajza P. Rappoport és Bóna I. nyomán, a 2005–2006 évi ásatások feltüntetésével

части напольного вала расположен въезд в виде небольшой западины на гребне насыпи (10 м ширины, 1,5 м глубины). Перед напольным отрезком вала П. А. Раппопорт и М. В. Малевская отметили присутствие заплывшего рва,⁹ (на данный момент визуально не прослеживается), земля которого использовалась для возведения насыпи. Внутренняя площадь городища и частично вал уничтожены сельским кладбищем конца XIX – первой трети XX вв. Примыкающая к пойме территория за пределами укреплений заболачивается во время дождей. К югу от городища расположено поселение, отделённое от окружающей низины склоном высотой до 2 м.

Впервые городище было осмотрено Т. Легоцким и, на основании «Гесты», зачислено им в категорию пунктов, существовавших до общепринятой даты проникновения в регион венгров, то есть, до конца IX в.¹⁰ В поле зрения археологов-профессионалов памятник попал во второй половине XX в. Но К. В. Бернякович, опять же на основании свидетельств «Gesta Hungarorum», считал возможным отнести городище к славянским древностям и определить его возникновение временем до вторжения венгров в регион.¹¹

Серия шурфовок городища была произведена экспедициями Львовского Института общественных наук АН УССР в 1961 г. во главе с М. Ю. Смишко, Ленинградского филиала Института археологии АН СССР под руководством П. А. Раппопорта в 1963 г. и Закарпатского краеведческого музея в 1964 г. С. И. Пеняком. Однако результаты работ первой экспедиции не введены в научный оборот, кроме небольшого сообщения С. И. Пеняка о нескольких шурфах в центральной части городища и собранном в незначительном количестве керамическом материале (фрагменты гончарных горшков).¹² Второй экспедицией снят план памятника, а при зачистке стенок ям на городище собрана, опять же в

ограниченном количестве, керамика X–XI вв. с преобладанием характерных для XI в. форм.¹³ Это были первые конкретные, хотя очень фрагментарные и нестратифицированные данные, свидетельствующие о важности дальнейшего изучения памятника с целью определения его датировки.

В результате проведённых С. И. Пеняком работ, исследованы примыкающее к городищу поселение траншеей 12 × 2 м и восточная часть вала траншеей 18 × 2 м. При такой значительной для данного пункта вскрытой площади опубликован фрагментарный материал без детального описания стратиграфии вала и со скудным количеством находок. С. И. Пеняк, возможно, под влиянием К. В. Берняковича, датировал памятник концом IX – началом X вв., исходя из свидетельств Анонима о приходе венгров в Тисо-Дунайскую низменность,¹⁴ что противоречило хронологии полученных материалов, которые в данной ситуации особенно важны для подтверждения или опровержения данных письменных источников.

Предложенная закарпатским учёным дата строительства городища была подвергнута критике со стороны венгерских исследователей, обвинивших С. И. Пеняка в подмене датировки Вар и попытке доказать существование в Закарпатье славянского княжества.¹⁵ Необходимо принять их замечания об отсутствии политического центра княжества VIII–IX вв. в Варах, где не обнаружен материал указанного времени. Тем не менее, в украинской научной литературе до сих пор отстаивается факт захвата городища венгерскими войсками.¹⁶

В 2005–2006 гг. археологическая экспедиция Ужгородского национального университета провела дополнительные работы в с. Вары. С целью установить время возведения вала была произведена его шуровка, а также исследовано примы-

⁹ Раппопорт–Малевская 1963, 63.

¹⁰ Леносзку 1892, 67.

¹¹ Бернякович 1957, 437.

¹² Пеняк 1980, 72.

¹³ Раппопорт 1967, 176; Раппопорт–Малевская 1963, 63, 69, рис. 5. 23–26.

¹⁴ Пеняк 1965, 49; Пеняк 1965а, 59; Пеняк 1973, 9–10; Пеняк 1980, 72–73.

¹⁵ Немет 1972, 209–210; Фодор 1992, 139.

¹⁶ Пеняк–Пеняк 1998; Тиводар 2003, 21.

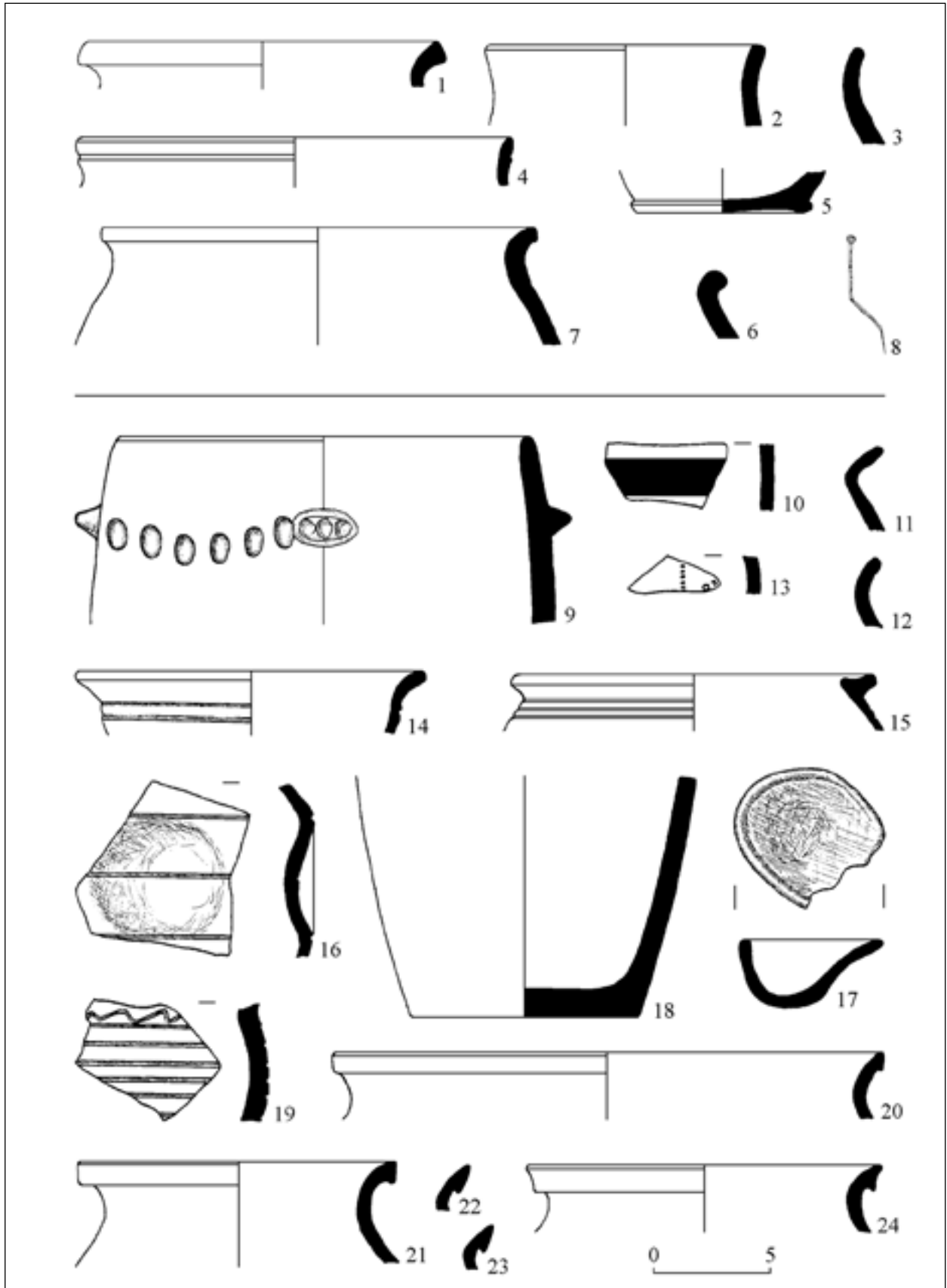

Рис. 7. Вары. Инвентарь разреза вала 2005 года (траншея I). 1–8: Горизонт I; 9–24: Горизонт II
 7. kép. Mezővári. A földsáncot 2005-ben átvágó I. kutatóárok leletanyaga. 1–8: I. réteg; 9–24: II. réteg

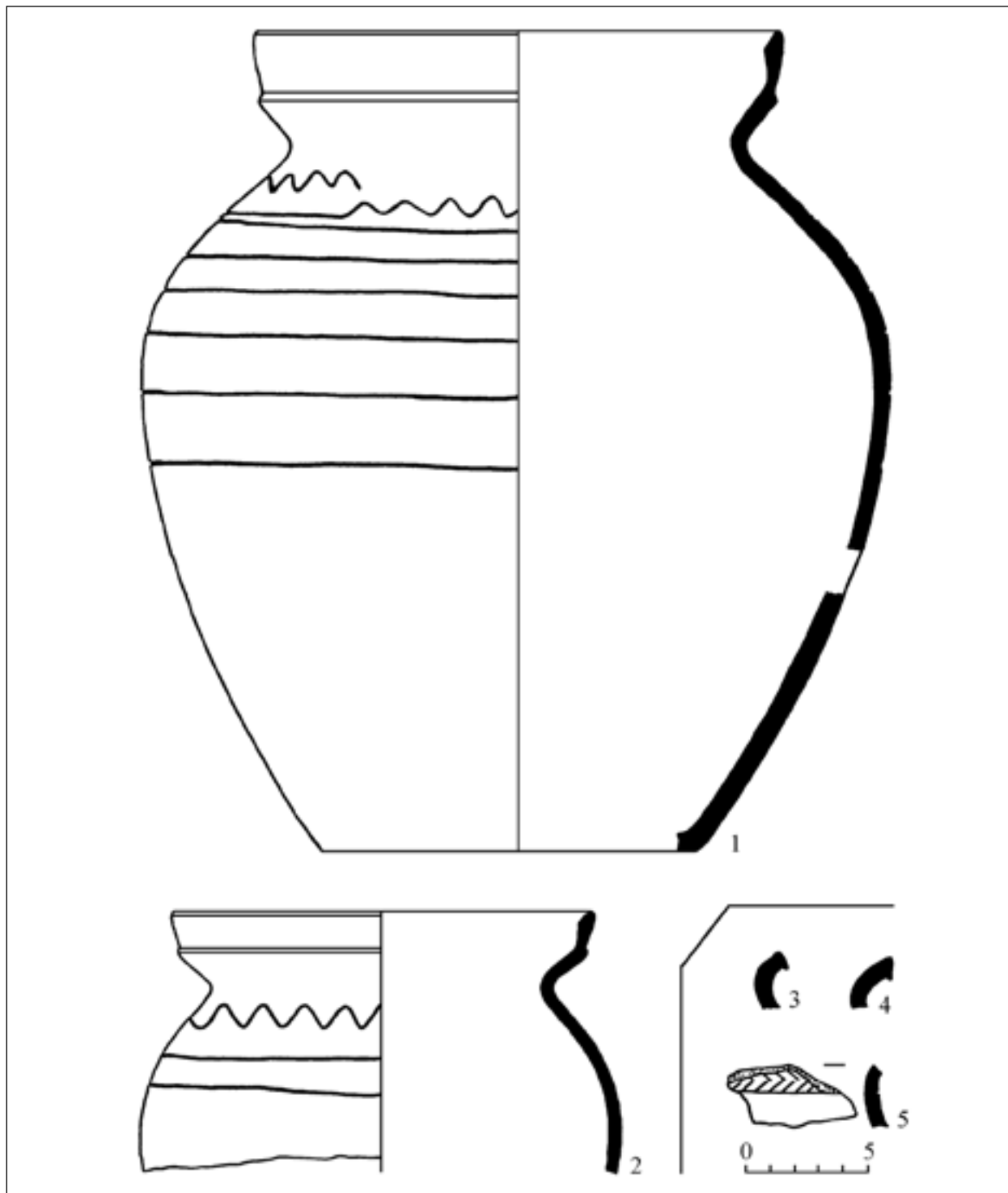

Рис. 8. Вары. Керамика разреза вала 2006 года (траншея II). 1–2: Горизонт уничтожения городища;
3–5: Заполнение насыпи

8. kép. Mezővári. Kerámia a földsáncot 2006-ban átvágó II. kutatóárokából. 1–2: A földvár pusztulási rétege;
3–5: A földsánc betöltése

кающее к городищу поселение. Стратиграфия вала и анализ керамического материала позволили определить время возведения укреплений Вар в XI в. (рис. 7–8), что закрыло вопрос отождествления памятника с центром славянского княжества VIII–IX вв.¹⁷ Следовательно, здесь опровергнута информация Анонима об уничтожении городища венграми в 903 г., так как в это время фортификации Вар ещё не существовали. Поэтому, из-за отсутствия достоверных фактов можем уверенно отнести к выдумкам слова (?) нотария Белы III о боях между венграми и славянскими дружинами в северо-восточной части Верхнего Потисья за контроль над городищами Унг и Боржава.¹⁸

Отдельные закарпатские исследователи считают, что, кроме упомянутых выше, Аноним называет ещё один административный центр славян на этой территории – Угочу (или Виноградский замок), земли которого были захвачены уграми. Соответственно, возведение Виноградского замка, как резиденции местного славянского феодала, определяется ими IX в.,¹⁹ также в современной литературе уточняется, что замок не каменный, а земляной.²⁰ Считаю некорректно оперировать свидетельством нотария о возведении Виноградского замка, так как название Угоча он использовал для обозначения определённой территории. Поэтому Анониму в конце XII в. замок Угоча был неизвестен. Наше предположение подтверждается конкретными данными, полученными археологической экспедицией Ужгородского национального университета в 2007 году. Анализ материалов Виноградского замка стал основой для установления следующей хронологической картины. Дозамковое время в урочище Канков представлено слоем эпохи поздней бронзы (культура Станово XIV–XII вв. до н.э.). Нет оснований для выделения на замковой горе

горизонта IX–XI вв., возведение фортификаций датируется серединой XIV в. (рис. 9).²¹ Отсюда следует, что Угочанские укрепления также не существовали в период, описанный Анонимом, и ошибочно зачислены к построенным славянами пунктам для обороны от кочевников.

Поиски центров сопротивления уграм производились на целом ряде «городищ» Закарпатья IX в. Например, поселения Данилово, Александровка, Дулово в научной литературе представлены в качестве укрепленных пунктов славян VIII–IX вв.,²² входивших в ареал ранних славянских государственных образований – «Славиний».²³ Однако на этих местонахождениях нет фортификационных сооружений и культурного слоя.

Подобные реконструкции исторических событий объясняются желанием учёных достичь компромисса вопреки исторической правде. Лишь при условии достоверности факта венгерского погрома городищ, имеет право на существование гипотеза об историчности личности «князя» Лаборца и, соответственно, государственности у славян Закарпатья в IX в. Однако для того, чтобы понять, что существование «княжества» в то время на этой территории было бы как минимум странным, необходимо вспомнить, что на сегодняшний день здесь не обнаружено ни одной монеты, ни одного украшения, ни одного предмета вооружения, соответствующих высоко задекларированному статусу – «княжество».

Картографирование и анализ материалов достоверных городищ всего Верхнего Потисья позволяет утверждать, что они стояли в основе организации новых районов Венгерского государства в XI–XII вв. н.э. и возведены для защиты северо-восточного пограничья.²⁴

Опровергнув существование в Закарпатье славянских городищ IX в., отметим более позднюю датировку памятников, оставленных номадами на этой территории – вторая половина

¹⁷ Прохненко 2006, 192; Прохненко 2008, 207–216.

¹⁸ Прохненко 2007.

¹⁹ Поп–Поп 1971, 76–77.

²⁰ Поп 2001, 116.

²¹ Прохненко–Гомоляк 2009, 71–97; Прохненко–Гомоляк–Мойжес 2007, 219–255.

²² Пеняк 1980, 77, 146.

²³ Тиводар 2003, 21.

²⁴ Прохненко 2005, 140.

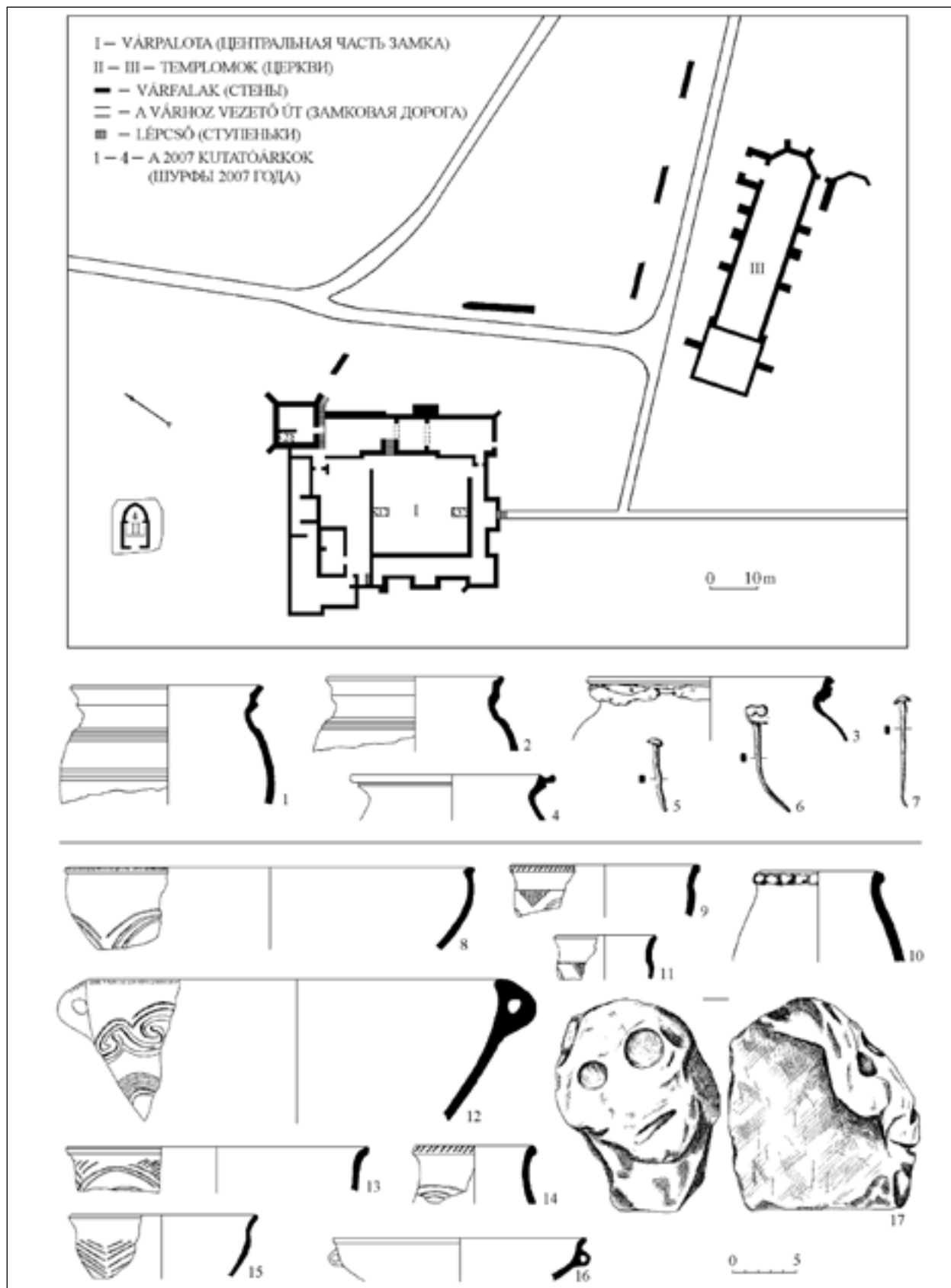

Рис. 9. Виноградово (ур. Канков). 1–16: План замка и инвентарь шурфов
 9. kép. Nagyszőlős (Kankó). 1–16: A vár alaprajza és a próbaárkok leletanyaga

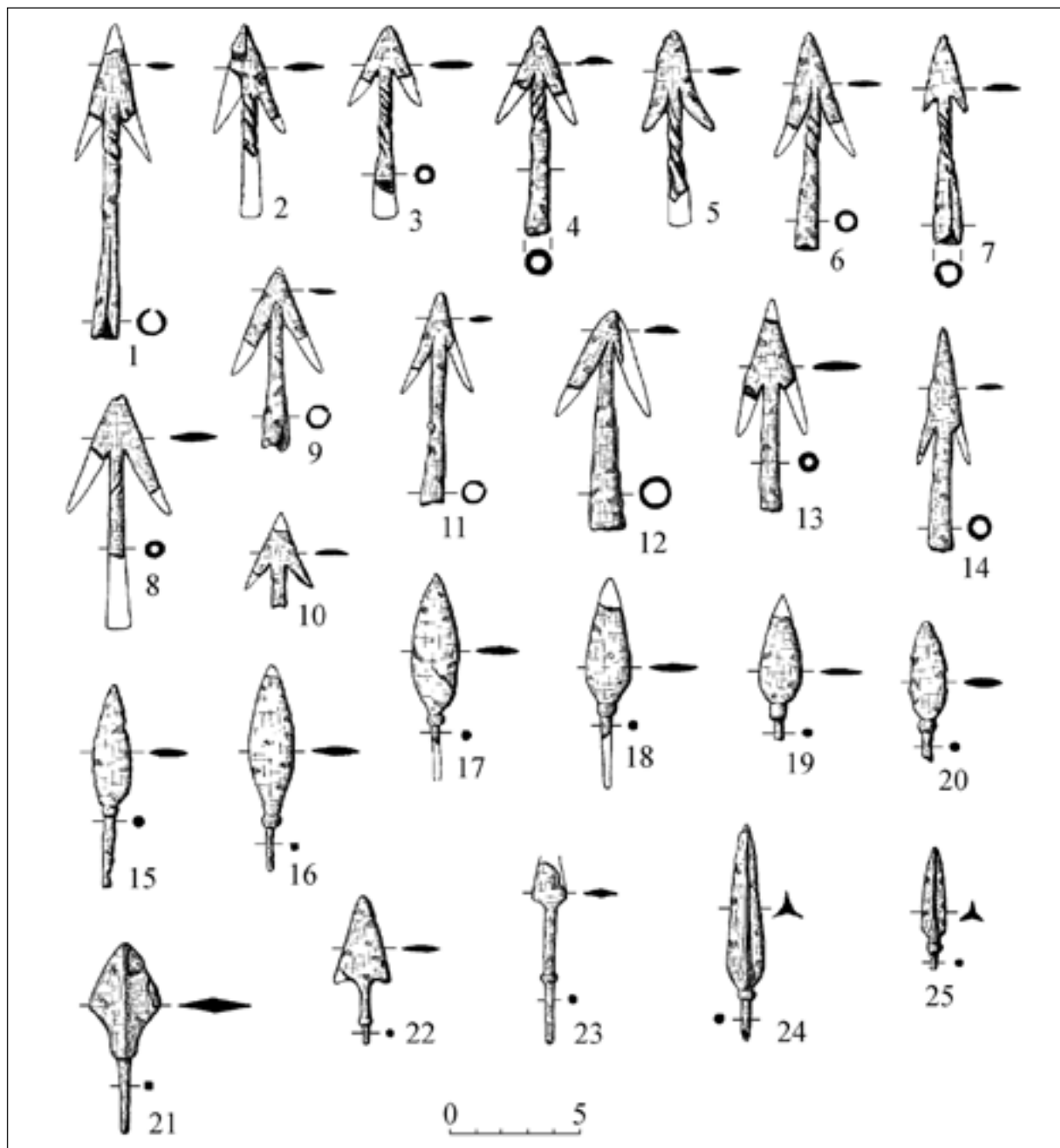

Рис. 10. Малая Копаня (ур. Челленица). 1–25: Наконечники стрел
 10. kép. Alsóveresmart (Csellénica). 1–25: Nyílhegyek

X в. К этому же времени относится захват кочевниками поселения славян на месте бывшего дакийского городища в Малой Копане. Об этом свидетельствует целая серия наконечников стрел и топоров, обнаруженные на северной периферии городища, а также шпоры, оставленные кочевниками на месте после успешного штурма (рис. 9–10).

В завершение отметим, что изучение конфликтной ситуации между пришлыми кочевниками и местным населением Закарпатья в конце X в. – тема отдельного исследования, требующая дополнительных чётко стратифицированных материалов.

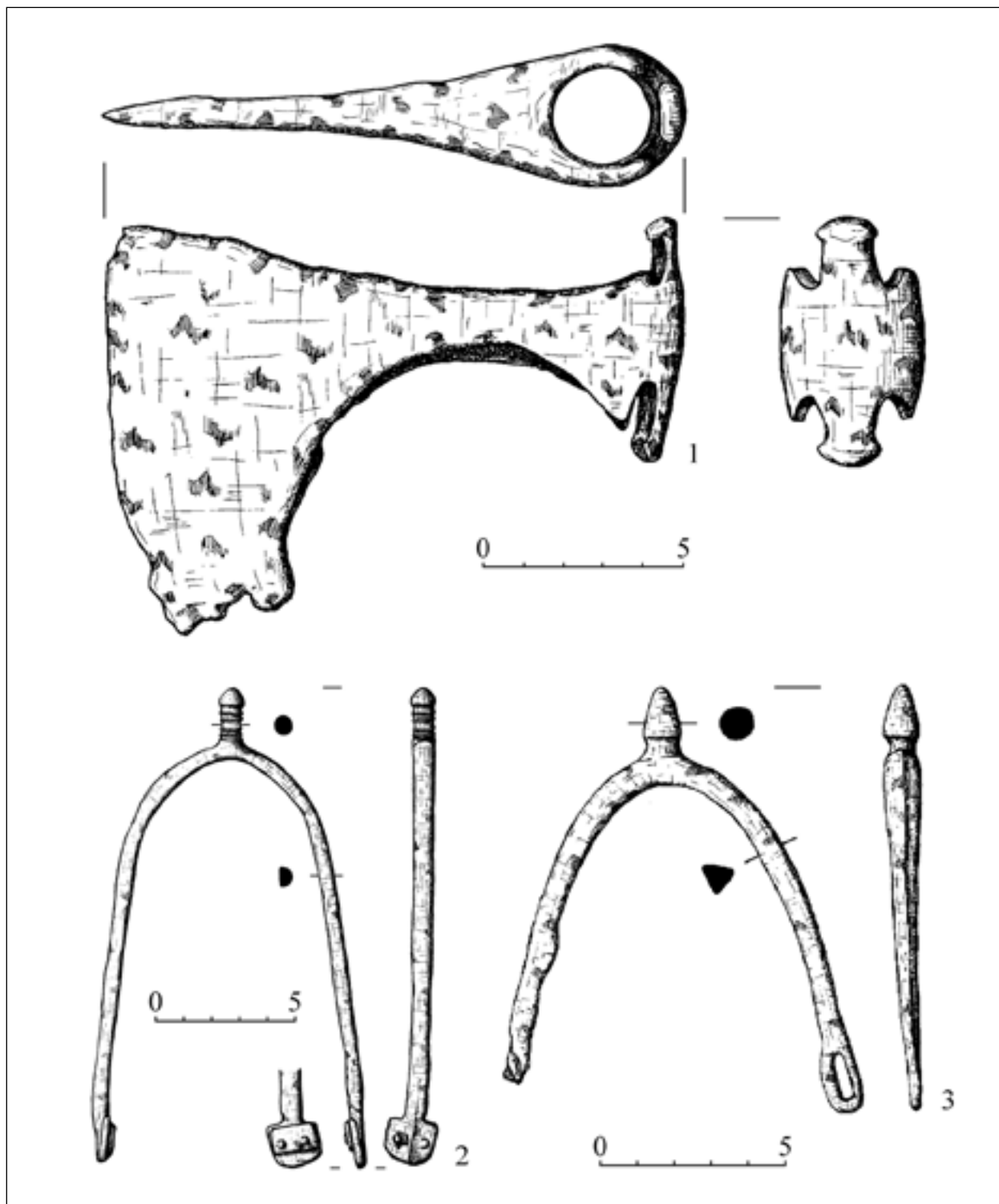

Рис. 11. Малая Копаня. 1–3: Топор (ур. Челеница) и шпоры (ур. городище)
 11. kép. Alsóveresmart. 1–3: Fejsze (Csellenica) és sarkantyúk (földvár)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ЛІТОПИС 1989: *Літопис руський. За Іпатським списком переклав Леонід Махновець*. Київ 1989.
- GESTA HUNGARORUM 2005: *Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини*. Пер.: Найпавер, К. Ужгород 2005.

ЛИТЕРАТУРА

- БАЛАГУРИ 1993: Балагурі, Е. А.: Ужгород в давнину. Нові знахідки і відкриття. В: *Історія Ужгорода*. Ужгород 1993, 3–17.
- БЕРНЯКОВИЧ 1957: Бернякович, К. В.: Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР). *Slovenska archeologia* 2 (1957) 435–455.
- МОЦЯ 2011: Моця, О. П.: Мандрівка угрів за Карпати: інформація писемних джерел та археологічні реалії. В: *Археологія і давня історія України. Мадяри в Середньому Подніпров'ї 7*. Київ 2011, 15–20.
- НЕМЕТ 1972: Немет, П.: Образование пограничной области Боржавы. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Москва 1972, 206–220.
- ПЕНЯК 1965: Пеняк, С. І.: Археологічні дослідження слов'янських пам'яток Закарпаття в 1964 році. В: *Тези доповідей та повідомлень до XIX наукової конференції*. Ужгород 1965, 49.
- ПЕНЯК 1965а: Пеняк, С. І.: Дослідження слов'янських пам'яток Закарпаття за роки Радянської влади. В: *Тези доповідей до ювілейної наукової конференції, присвяченої 20-річчю УжДУ*. Серія історична (жовтень 1965 р.). Ужгород 1965а, 59–60.
- ПЕНЯК 1973: Пеняк, С. І.: Слов'янське населення Закарпаття другої половини I тисячоліття н.е. *Археологія* 12 (1973) 3–12.
- ПЕНЯК 1980: Пеняк, С. І.: *Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст.* Київ 1980.
- ПЕНЯК–ПЕНЯК 1998: Пеняк, С. І. – Пеняк, П. С.: *Історія Закарпаття з найдавніших часів до приходу угорців в Карпатську улоговину*. Ужгород 1998.
- ПОП 2001: Поп, И. И.: *Энциклопедия Подкарпатской Руси*. Ужгород 2001.
- ПОП–ПОП 1971: Поп, И. И. – Поп, Д. И.: *В горах и долинах Закарпатья*. Москва 1971.
- ПРОХНЕНКО 2005: Прохненко, І. А.: Городища Верхнього Потисся зламу I – II тис. н.е. *Carpatica – Карпатика. Давнина і сучасність* 33 (2005) 132–156.
- ПРОХНЕНКО 2006: Прохненко, І. А.: Боржавське городище. *Carpatica – Карпатика. Давня та середньовічна історія Карпато-Дунайського ареалу* 34 (2006) 186–200.
- ПРОХНЕНКО 2007: Прохненко, І.: “Протистояння” чорних угрів і східних слов'ян у контексті історії Українських Карпат. *Військово – історичний альманах* 2:15 (2007) 30–44.
- ПРОХНЕНКО 2008: Прохненко, И. А.: Исследование городища Боржава (Вары) (с. Вариево Береговского р-на Закарпатской обл.). *Satu Mare. Studii și comunicări. Seria arheologie* 2006–2007 23 (2008) 207–216.
- ПРОХНЕНКО–ГОМОЛЯК 2009: Прохненко, І. – Гомоляк, О.: До історії замків Закарпаття. *Військово – історичний альманах* 1:18. Київ 2009, 71–97.
- ПРОХНЕНКО–ГОМОЛЯК–МОЙЖЕС 2007: Прохненко, И. А. – Гомоляк, Е. М. – Мойжес, В. В.: Результаты исследования Виноградовского и Королёвского замков в 2007 году. *Carpatica – Карпатика* 36 (2007) 219–255.
- ПРОХНЕНКО–МОЙЖЕС 2008: Прохненко, И. А. – Мойжес, В. В.: Горянское городище. *Carpatica – Карпатика* 37 (2008) 182–185.
- ПРОХНЕНКО–МОЙЖЕС–ЩЕРБЕЙ 2009: Прохненко, И. А. – Мойжес, В. В. – Щербей, К. И.: Раскопки многослойного поселения в Ужгороде – Горянах. *Карпатика. – Ужгород* 38 (2009), 210–219.

- РАППОПОРТ 1967: Раппопорт, П. А.: *Военное зодчество Западно – Русских земель X–XIV вв.* Ленинград 1967.
- РАППОПОРТ–МАЛЕВСКАЯ 1963: Раппопорт, П. А. – Малевская, М. В.: Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза. *Acta Archaeologica Carpathica* 1–2 (1963) 61–76.
- ТИВОДАР 2003: Тиводар, М. П.: Етнокультурні процеси та особливості етнічної історії Закарпаття в I тисячолітті нашої ери. Науковий вісник Ужгородського університету. *Серія історія* 9 (2003) 13–25.
- ФОДОР 1992: Фодор, И.: Вопросы изучения древневенгерских памятников Закарпатья. *Acta Hungarica* 1992:1, 138–139.
- ČAPLOVIČ 1992: Čaplovič, D.: Včasnostredoveký vývoj v oblastiach severovýchodných Karpát a v hornom Potisí. *Slovanské štúdie* 1992:2, 153–170.
- ЛЕНОЦЗКУ 1982: Lehoczky, T.: *Adatok hazánk archaeológiájához különös tekintettel Beregmegyére és környékére I–II.* Munkács 1892.

АМУЛЕТЫ-ТОПОРИКИ В МАТЕРИАЛЕ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА XI–XIII ВЕКОВ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ О СВЯЗЯХ ВЕНГРИИ С РУСЬЮ ВО ВРЕМЯ РАННЕГО ПЕРИОДА ДИНАСТИИ АРПАДОВ

АГНЕШ ФЮРЕДИ* – АТТИЛА ТЮРК** – БЕРТАЛАН ЗАГОРХИДИ-ЦИГАНЬ***

Ключевые слова: *Скандинавия, Прибалтика, Польша, Восточная Европа, Карпатский бассейн, амулеты-топорики, XI–XIII вв., контакты с Русью и Скандинавией, миниатюрные предметы.*
Kulcsszavak: *Skandinávia, Baltikum, Lengyelország, Kelet-Európa, Kárpát-medence, balta alakú amulették, 11–13. század, rusz és skandináv kapcsolatok, miniatürizált tárgyak*

Агнеш Фюреди – Аттила Тюрк – Берталан Загорхиди-Цигань

Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI–XIII веков: археологические наблюдения о связях Венгрии с Русью во время раннего периода династии Арпадов

Наше исследование показывает распространение одного из характерных для Северной и Восточной Европы предметов XI–XIII вв. – амулетов-топориков. Долгое время был известен лишь один экземпляр из Венгрии, но в последние годы их количество резко возросло, что ожидаемо, так как подобные предметы – не редкость для Центральной и Восточной Европы. Использование миниатюрных предметов, в том числе амулетов-топориков, началось в Скандинавии в раннем средневековье, но их широкое распространение с XI в. в Восточной Европе однозначно связано с Русью. Венгерские исследователи обычно предполагали, что они распространялись вместе с наемниками из Руси. В данной статье мы используем широкую базу данных и объемный корпус западноевропейской литературы для освещения нового аспекта о происхождении данного артефакта в Карпатском бассейне в XI–XIII вв.

Füredi Ágnes – Türk Attila – Zógorhidi-Czigány Bertalan

Balta alakú amulették a Kárpát-medence 11–13. századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről

A tanulmány a 11–13. századi Észak- és Kelet-Európa egy jellegzetes tárgytípusának, a balta alakú amulettéknek magyarországi leleteit, illetve azok kapcsolatrendszerét mutatja be. A lelettípusnak sokáig csak egy Kárpát-medencei példányát ismertük, az utóbbi években azonban ugrásszerűen megnőtt a hazánkban előkerült darabok száma, ami a legfrissebb kelet-európai elterjedési térképek alapján várható is volt. A miniatürizált tárgyak, köztük a balta alakú amulették használatának hagyománya valószínűleg Skandináviából indult a korai középkorban, de széles körű kelet-európai elterjedésük a 11. században egyértelműen a Rusz aktivitásához köthető. A tárgytípust a Kárpát-medence kora Árpád-kori hagyatékában a magyar kutatás eddig a Ruszból érkező zsoldosokhoz köthető importletnek tartotta. Jelen tanulmány minden eddiginél nagyobb adatbázis és nemzetközi szakirodalom alapján foglalja össze ismereteinket erről a korábban kissé egyoldalúan értékelt tárgyról. Az új darabok összefoglaló közlése mellett a dolgozat további értelmezési lehetőségeket is felvet a leletek interpretációja kapcsán.

* Католический университет им. Петера Пазмания. Аспирантура Исторического факультета (Кафедра археологии), И-2087, г. Пилишчаба, ул. Egyetem u. 1. furediagi@gmail.com

** Католический университет им. Петера Пазмания, Институт археологии И-2087, г. Пилишчаба, ул. Egyetem u. 1; ВАН ГЦ, Исследовательская Группа по древней истории мадьяр, И-1014, г. Будапешт, ул. Országház u. 30. turk.attila@btk.mta.hu

*** Католический университет им. Петера Пазмания, Институт археологии И-2087, г. Пилишчаба, ул. Egyetem u. 1.

ВВЕДЕНИЕ¹

Вплоть до последнего десятилетия считался уникальным и единственным для Карпатского бассейна амулетный предмет, имитирующий топор с дугообразным лезвием, эпохи обретения родины и раннего времени династии Арпадов, обнаруженный в пределах Саболчверешмарта, на берегу р. Тисы в 1885 г.² Венгерский археолог Иштван Фодор ссылаясь на другой подобный предмет, найденный около Хайдухадхаза,³ но который на сегодняшний день утрачен. Также им в 2014 г. был опубликован еще один амулет-топорик, который по форме и размерам подобен предмету из Саболчверешмарте.⁴ Хотя этот редкий для венгерской археологии предмет хорошо известен в Северной и Восточной Европе, Прибалтике, а также характерен для средневековой Руси и Польши. Кроме предметов, опубликованных и хранящихся в музеях, существуют экземпляры, выставляемые на нелегальном рынке художественных предметов, а также в частных коллекциях (рис. 5–7), что, к сожалению, связано с высоким ростом несанкционированных раскопок с использованием металлодетекторов. В целом характеристика доступного для археологических исследований материала следующая: амулеты-топорики чаще всего изготовлены из бронзы, но имеются экземпляры из железа, свинца, встречаются маленькие амулеты-топорики из янтаря (рис. 7). Отмечаем неизменность формы топорика при разнообразии материала, используемого при его изготовлении, что, вероятно, связано с символическим значением данного предмета для европейского

населения в эпоху великого переселения народов (рис. 1–2, 7).⁵ Число находок амулетов-топорикиков из Венгрии многократно возросло в 2014–2018 годах, в связи с развитием уровня и детализации описания карт распространения данного артефакта, в частности, с территории Балкан (рис. 21, 1). В том числе, за последние несколько десятилетий отмечается рост интереса к данной проблематике в западноевропейской литературе, что хорошо иллюстрирует опубликованная в 2010 г. работа польских коллег.⁶ Поэтому мы считаем нужным обновить карту распространения амулетов-топорикиков и суммировать наши знания по вопросу происхождения данного уникального артефакта.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТА

Хаакон Шетелиг в 1912 г., изучая материалы одной норвежской могилы (Свингесаэтер), перечислил известные в ту пору железные и бронзовые предметы, имитирующие оружие (топоры), от Ирландии до Руси.⁷ Отличительной особенностью находки из Свингесаэтера от интересующих нас предметов является литая рукоятка с полотном.⁸ В дальнейших исследованиях мало внимания было обращено на контекст данного предмета, обнаруженного в женском погребении. Этот маленький топор находился у талии умершей вместе с иголками, свинцовым веретенцем и остатками бус.⁹ Исходя из этого, исследователь предположил, что найденный топорик являлся женским орудием труда.¹⁰ Однако работа Х. Шетелига важна тем, что отражает детальный контекст предмета, позволяющий определить

¹ Исследование подготовлено с поддержкой программы TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001 „Nemzeti Kiválóság Program”, OTKA/NKFIH 106369, и в рамках МТА ВТК МОТ 28.317/2012. Статья написана с поддержкой Гранта им. Яноша Бойяи и Bolyai+ (ÚNKP-18-4-PPKE-25).

² DIENES 1961, 188–189. Дальнейшую литературу см. *Таблицу 1. 9.*

³ FODOR 2001, 25; *Таблица 1. 5.*

⁴ FODOR 2014, 613–614; *Таблица 1. 4.*

⁵ О подобных предметах сарматской эпохи см. GULYÁS 2015.

⁶ KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010a.

⁷ SHETELIG 1912.

⁸ PAULSEN 1939, 161.

⁹ SHETELIG 1912, 5–8. Он имел в виду однозначно женские орудия труда (веретено, иголка). Указывал на этнографические параллели, когда топорики использовали как орудия труда, при уборке сахарного тростника, или при шитье резать петлицу (SHETELIG 1912, 17–18, fig. 22).

¹⁰ SHETELIG 1912, 10.

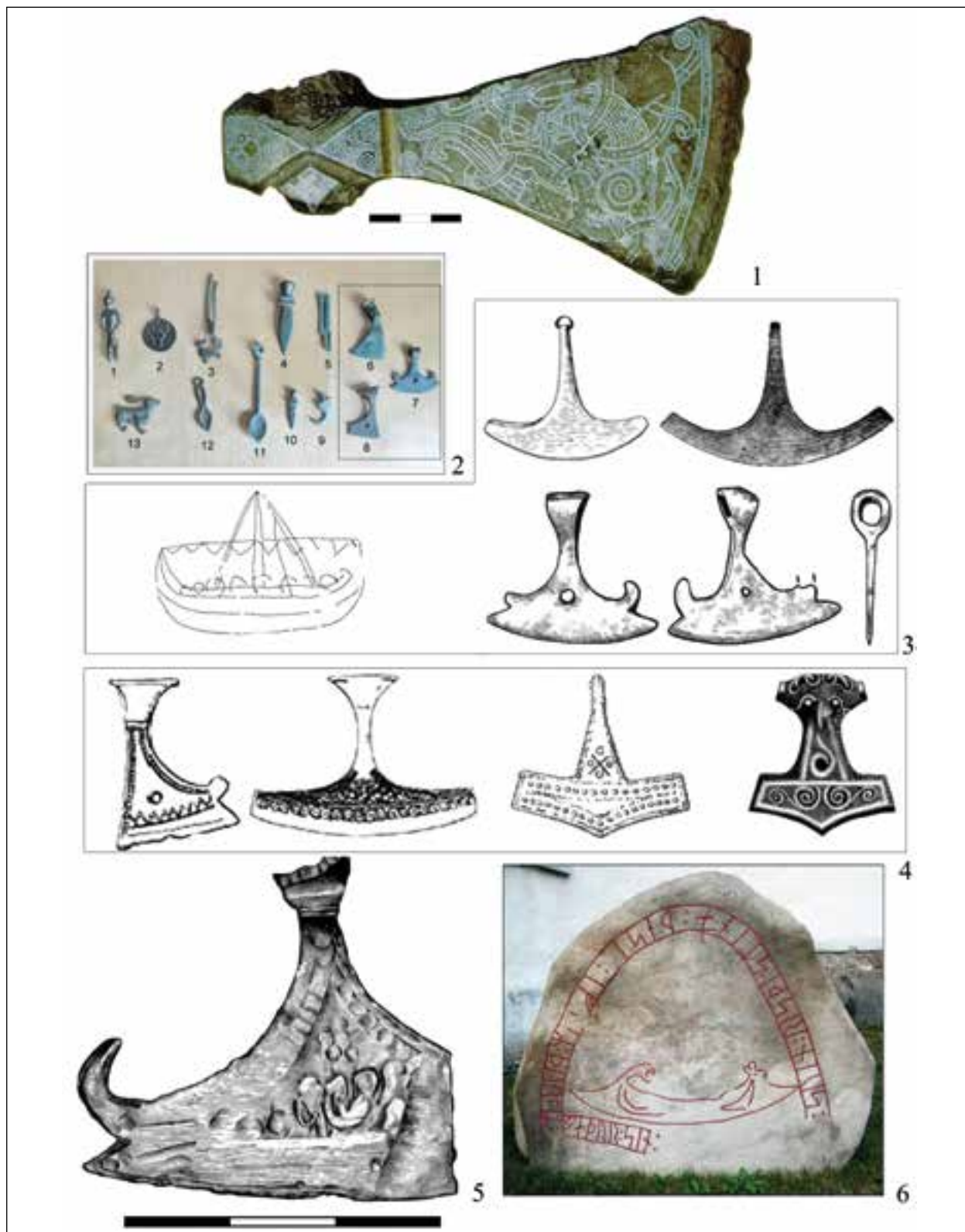

Рис. 1. 1: Украшенный викингский боевой топор; 2: Самые распространенные амулеты на Руси; 3–6: Возможные аналогии по форме между скандинавским изображением корабля, молотками Тора, и амулетами-топориками по Макарову (1992) II тира (по KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 3)

1. kép. 1: Gazdagon díszített viking harci balta; 2: A leggyakoribb amulett-típusok a Rusz területén; 3–6: Skandináv hajóábrázolás és Thor-kalapácsok, valamint Makarov (1992) II. típusú balta alakú amulettek lehetséges formái összefüggései (KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 3 nyomán)

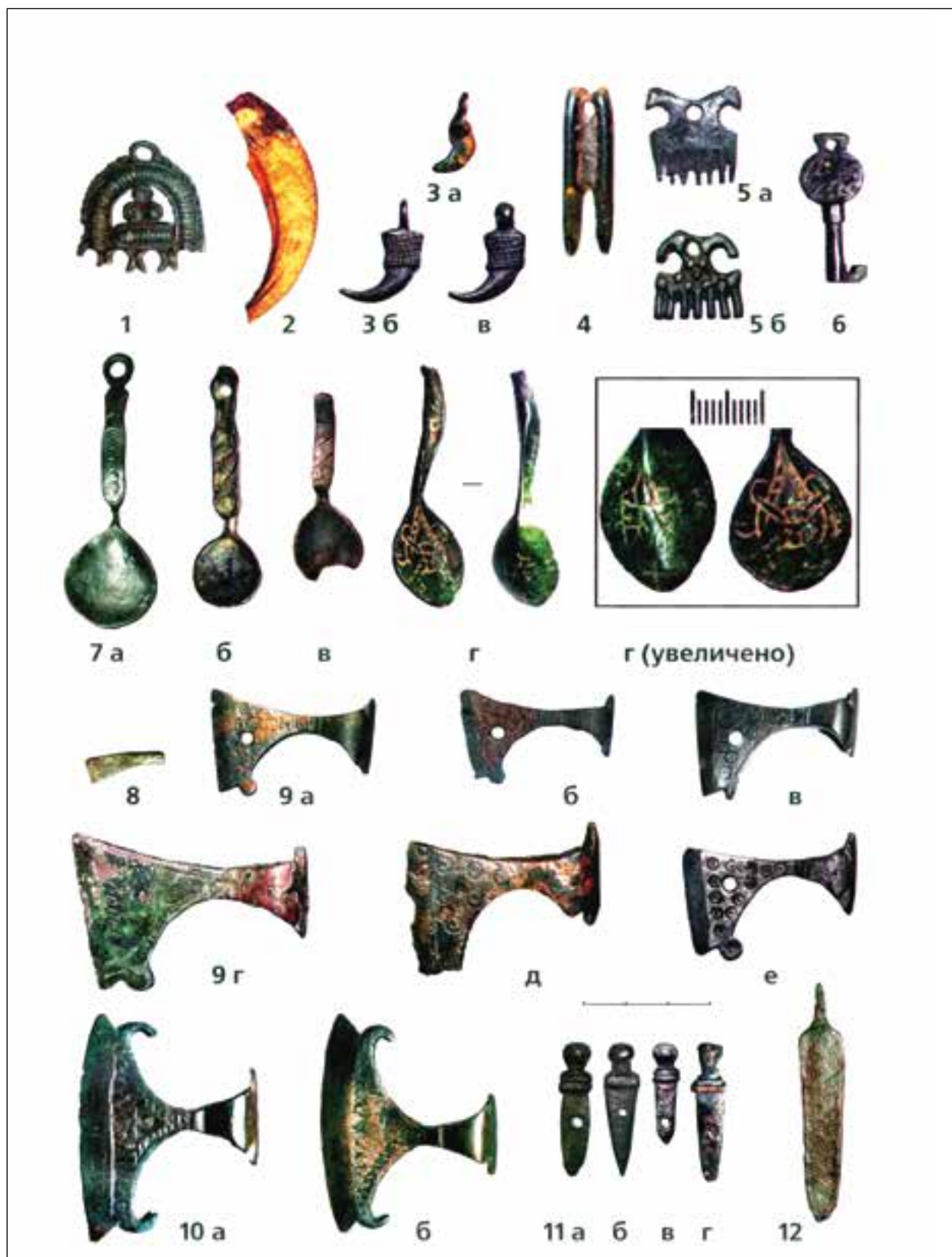

Рис. 2. Важнейшие миниатюризированные предметы средневековой Руси, считаемые амулетами
(по Коршун 2008, таб. 15)

2. kép. A középkori Rusz amuletként értelmezett legfontosabb miniatürizált tárgytipusai
(Korshun 2008, таб. 15 nyomán)

возможный круг интерпретаций амулетов-топориков и видеть в них детскую игрушку, орудие труда или ритуальный, магический предмет.¹¹

Питер Паулсен в 1939 г. предложил исчерпывающий очерк про миниатюрные бронзовые и янтарные топорики. Относительно их применения он считал, что слишком маленькие предметы не могли использоваться в качестве орудия (оружия). Также он разделил эти предметы, в основном по форме, на несколько групп: 1) топоры с литым топориком и полотном; 2) с проушиной на обухе с остатками деревянного топорика, или от тех, которые носили в висячем положении.¹²

Ян Петерсен, исследуя в 1951 г. предметы викингской эпохи, также был заинтересован в изучении данного предмета.¹³ Он ссылался прежде всего на результаты Х. Шетелига. Интересно, что он изучал миниатюрные топоры вместе с костяными иглами для шитья, наверное, под влиянием Х. Шетелига, полагавшего, что эти топоры являлись женским орудием труда.¹⁴ В итоге Я. Петерсен предложил 10 сантиметровый барьер для отделения рабочих предметов от символических или амулетов.¹⁵

Позже Инес Бейке-Фойгт в своей работе 1997 г. при отделении амулетов от орудий труда исходила из того, что символические предметы это те, которые по размеру не пригодны для работы. Однако далее она обратила внимание на то, что некоторые миниатюрные топоры, которые относительно большие (длина 6–8,8 см), простые и без украшения могли использоваться в плотничестве.¹⁶ Таким образом, не всегда размер определяет функцию предмета, как на это указывают

выводы Х. Шетелига и Я. Петерсена, а также Элсе Роедал о 10 сантиметровом барьере,¹⁷ Волосина и Панасишевица о 8 сантиметровом барьере, установленном по польским материалам.¹⁸

В 1950-е годы Анджей Надолски занимался типологией воинских топоров, но весьма кратко описал миниатюрные варианты, считая их детскими игрушками.¹⁹ Однако, одна из форм топоров соответствует V группе боевых вариантов его типологии. Они одноручные с ассиметричным лезвием, бородой, удлинённым обухом. При этом большинство амулетов-топориков схожи с группой Va, у которых имеется удлинённый обух, отсутствующий у группы Vб.²⁰

Анатолий Н. Кирпичников выработал свою типологию средневековых боевых топоров, но V группа А. Надолски соответствует IV группе в его системе.²¹ Именно эти одноручные боевые топоры с оттянутым вниз лезвием были самыми популярными у славян, а также широко известны за пределами их ойкумены. Возможно, этот предмет имеет римское происхождение, отличающийся выступающей бородкой и проушиной с удлинённым обухом.²²

Владислав П. Даркевич, исследуя размеры и специфический орнамент данного типа топоров пришел к выводу, что речь идет об амулетах, поскольку они обнаружены в составе похоронного инвентаря. Он считал, что миниатюрные подвески-топоры связаны с языческими культами славян, особенно экземпляры, из литой бронзы и характерным циркульным орнаментом, и орнаментом в виде волчьего зуба.²³ Он полагал, что маленькие концентрические кружки являются

¹¹ В этой главе мы занимаемся историографией вопроса, разными этническими или общественными интерпретациями. Теории о культурных, когнитивных интерпретациях амулетиков-топориков, или общие вопросы миниатюризации будут изложены ниже, в отдельной главе.

¹² PAULSEN 1939, 159–171; Издание переработанное и дополненное (PAULSEN 1956, 190–204).

¹³ PETERSEN 1951, 339–341.

¹⁴ Миниатюрный «топорик» IX в., найденный в Бяланде, может подтверждать такую интерпретацию. Речь идет об игле, у которой ушко похоже на топор (PETERSEN 1951, 338–339, fig. 184).

¹⁵ PETERSEN 1951, 341.

¹⁶ BEILKE-VOIGT 1995, 101.

¹⁷ ROESDAHL 1997, 141–142.

¹⁸ PANASIEWICZ–WOŁOSZYŃ 2002, 245–247.

¹⁹ NADOLSKI 1953, 390.

²⁰ NADOLSKI 1954, 45–46, tab. XVII.

²¹ Кирпичников 1966, 36–37, таб. XIII. 4–8, таб. XXI. 1–2, 8–12.

²² NIESIOŁOWSKA–WĘDZKA 1975, 167; KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010, 106.

²³ В настоящее время на долю («в процентах») меньше таких предметов известно.

солярными символами, а клинообразные элементы, зигзаги отождествляются с молнией. По его мнению, эти предметы исполняли защитную функцию от небесных явлений и принадлежали культуре Тора-Перуна-Перкунаса.²⁴

Николай А. Макаров в 1992 г. выделил два типа топорики внутри системы В. Н. Даркевича (I и II типы Макарова).²⁵ С тех пор эта типология чаще всего используется в литературе (рис. 3–4). К первой группе принадлежат топоры с оттянутым вниз (асимметричным) лезвием, полукруглым вырезом, схожие с V группой Надолски. У проушины наблюдается удлиненный обух. Они не просто имитируют по форме настоящие боевые топоры, но и орнамент на них сходен с вбитыми образцами орнамента боевых топоров, и тауширизованным орнаментом парадных оружий. По мнению Н. Макарова изначально все такие амулеты-топоры были украшены орнаментом, но у некоторых они не видны из-за коррозии металла. Например, экземпляр из Дрогичина, первоначально считали неорнаментированным, но при реконструкции появились характерные узоры в виде насечек на середине лезвия.²⁶

Ко II группе принадлежат экземпляры с широким и симметричным дугообразным лезвием с крючковатыми выступами по обеим сторонам. Чуть меньше половины экземпляров сохранили следы орнамента. Проушина и шейка похожи на экземпляры типа I. Шейка узкая, иногда наблюдаются насечки, их проушина расширяется в сторону удлиненного обуха. Н. Макаров считал последние копией боевых топоров, имея при этом малочисленные аналогии, совпадавшие лишь частично. Это обстоятельство резко отличает данную группу от первой, которая довольно четко фиксируется и широко распространена.²⁷ Амулеты-топоры, собранные Н. Макаровым, в большинстве были найдены при

раскопках городищ Руси, в меньшей степени в погребениях мальчиков и женщин. Его вывод, что эти предметы – символы воинственности или обряда инициации мальчиков в мужчины, свидетельствующие о сложении воинского сословия на данной территории. Как правило, амулеты-топоры в погребениях размещались около талии умершего вместе с другим инвентарем, например, ложкаобразными амулетами. Н. Макаров сомневался, что эти предметы можно связывать с культом Перуна, поскольку они получили распространение, когда языческие святилища уже были разрушены, в XI–XIII вв. и синхронны по времени аналогичным по форме боевым топорам.²⁸

Латышский исследователь Гунтис Земитис распространение топорики-амулетов в Восточной Европе объясняет развитыми торговыми связями с Русью (рис. 9).²⁹ К такому же выводу пришел Руна Эдберг, исследовавший сигтунский материал. Сигтуна был христианским городом и важнейшим политическим центром средневековой Европы до XIV в., имеющим значительные восточные, варяжские связи. Девять амулетов-топорики были найдены в раскопках в слое 10–12 вв., в радиусе всего 150 кв. метров. Р. Эдберг считает, что они были вывезены из Руси варяжской дружиной, и видит в них „*symbols of Russian warrior ideology on Swedish soil.*”³⁰

Польские исследователи обратили внимание на происхождение и распространение амулетов-топорики в Балтийском регионе. Васлав Панашиевич и Марцин Волосин в 2002 г. опубликовали самый полный на то время каталог этих предметов. Они тоже связывали их с русской дружиной и обрядом инициации юношей. Предметы, найденные вне пределов Руси, связывали с наемниками.³¹ В 2012 г. Володимир Савицкий и Володимир Свинцицкий опубликовали обобща-

²⁴ ДАРКЕВИЧ 1961, 94–96, 98, 101–102.

²⁵ МАКАРОВ 1992.

²⁶ Зигзаги в виде волчьего зуба, концентрические кружки, кружки с точкой в центре, реже насечки на полотне топора, на лезвие бороздки. Вообще о парадных оружиях см. PAULSEN 1939, 67–97, 87–158.

²⁷ МАКАРОВ 1992, 44–47, рис. 4–5.

²⁸ МАКАРОВ 1992, 48–51.

²⁹ ZEMĪTIS 1998, 110.

³⁰ EDBERG 1999, 251, 253; EDBERG 2008, 150–154.

³¹ PANASIEWICZ–WOŁOSZYŃ 2002, 261, 266–267.

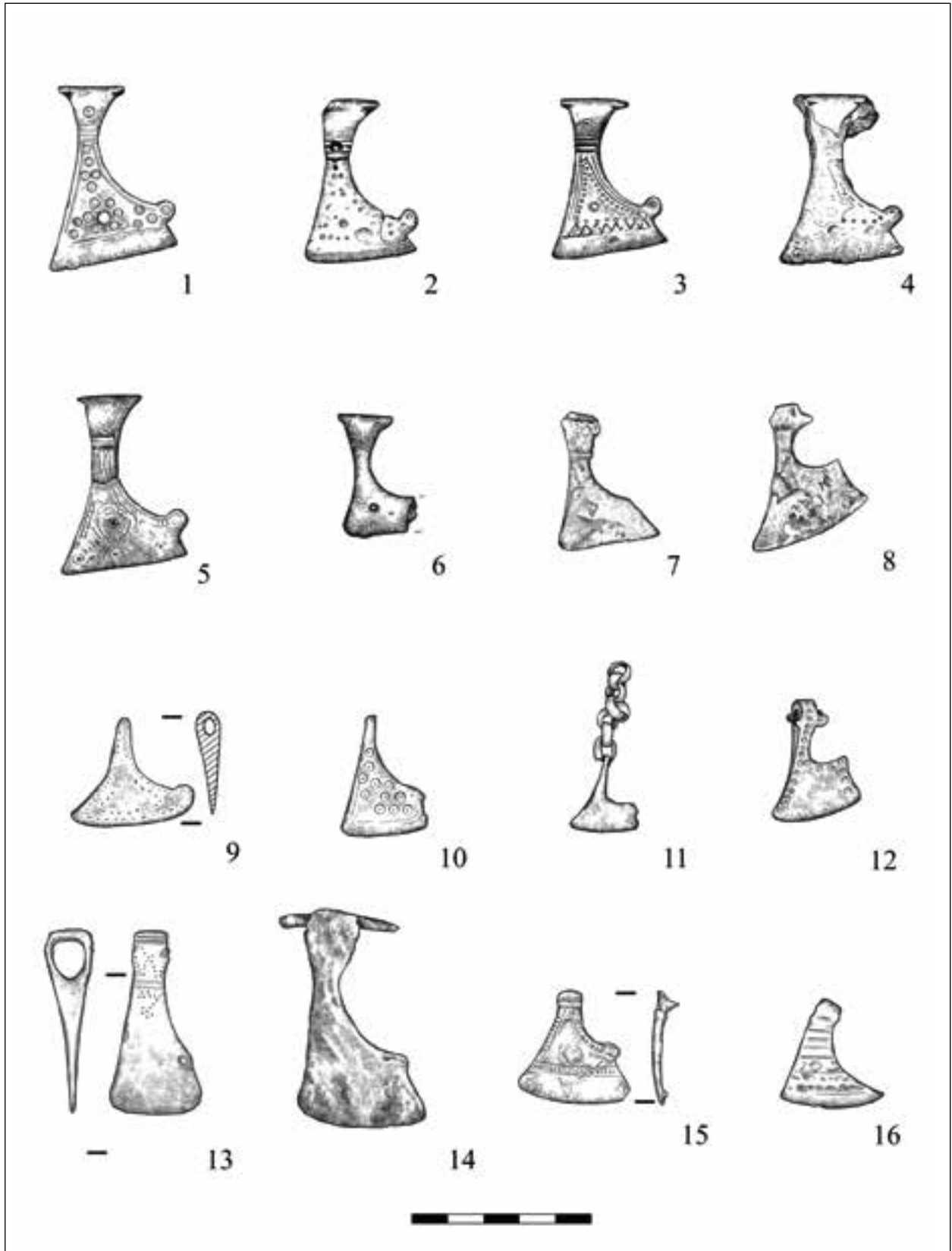

Рис. 3. 1–16: Важнейшие типологические виды средневекового топора по Макарову (1992) I типа (по KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 1)

3. kép. 1–16: A Makarov (1992) I. típusú kora középkori balta alakú amulettek legfontosabb tipológiai változatai (KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 1 nyomán)

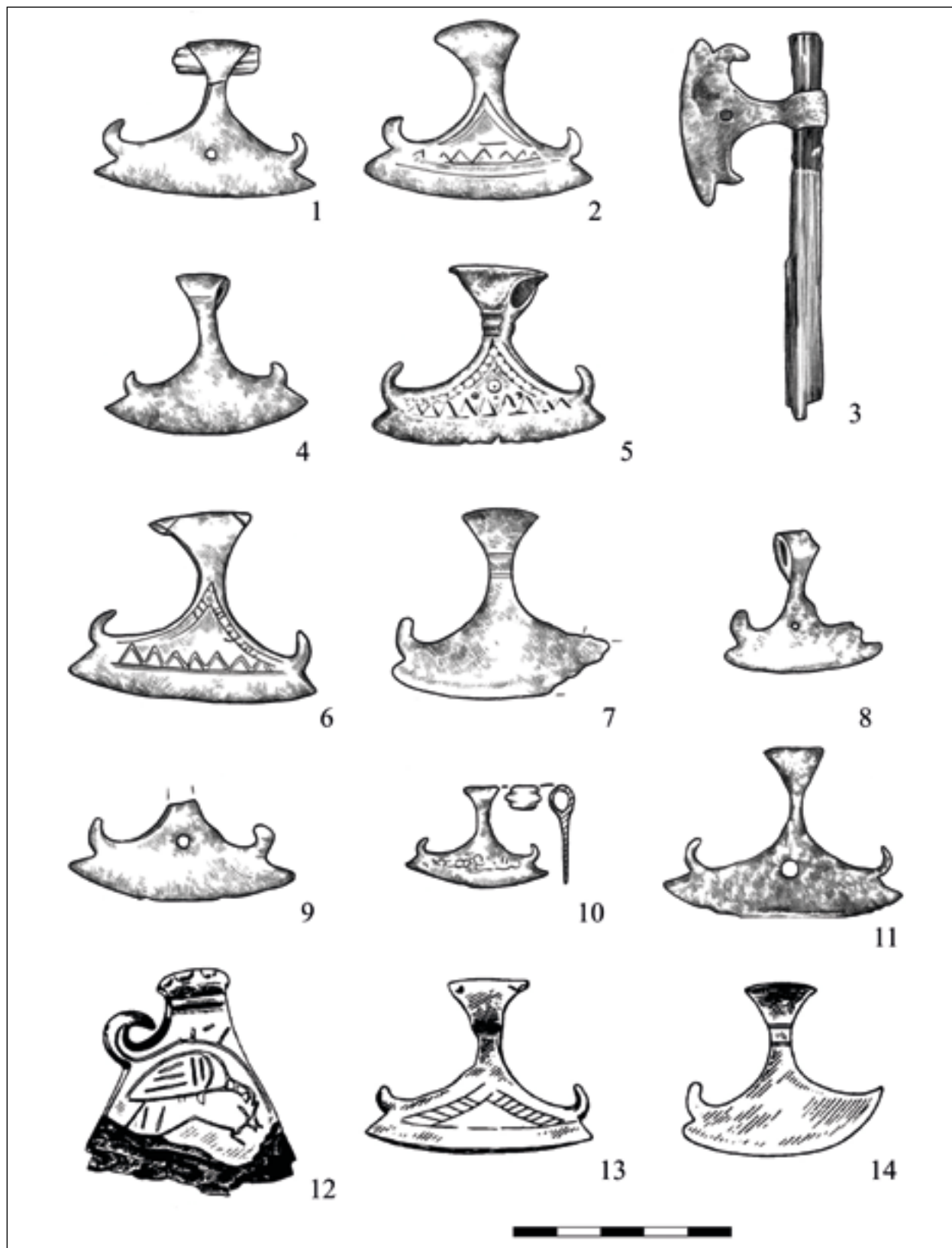

Рис. 4. 1–14: Важнейшие типологические виды средневекового топора по Макарову (1992) II Tuna (1–11: KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 2; 12–14: KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010b, Tabl. XIII. 6; 13–14: ДАРКЕВИЧ 1961, рис. 2. 8–9) 4. kép. 1–14: A Makarov (1992) II. típusú kora középkori balta alakú amulettek legfontosabb tipológiai változatai (1–11: KUCYPERA–WADYL 2011, Fig. 2; 12: KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010b, Tabl. XIII. 6; 13–14: ДАРКЕВИЧ 1961, рис. 2. 8–9 nyomán)

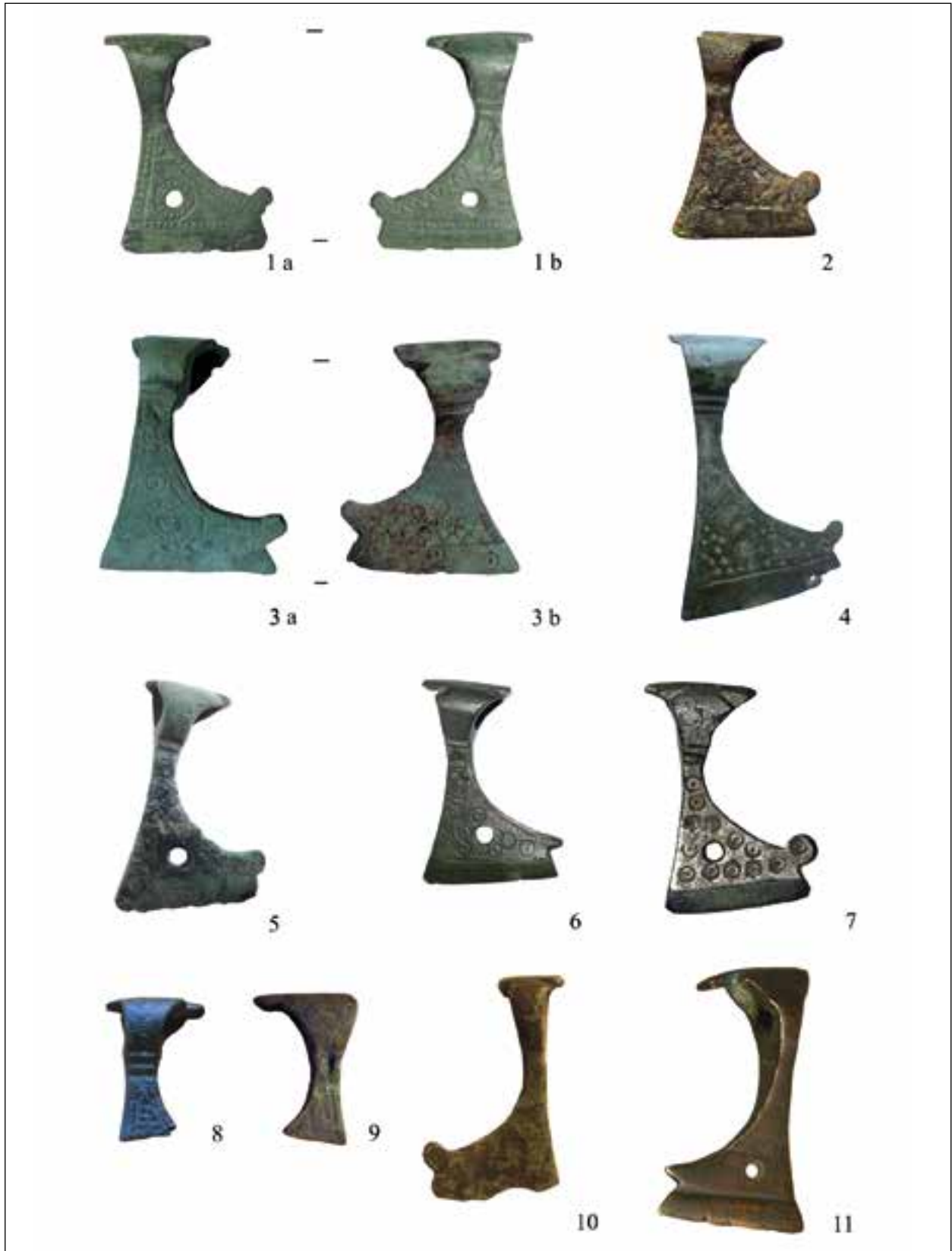

Рис. 5. 1–11: Важнейшие типологические виды раннесредневекового амулета-топорика по Макарову (1992) I тина (случайные находки, источник: www.domongol.ru)

5. kép. 1–11: A Makarov (1992) I. típusú kora középkori balta alakú amulettek legfontosabb tipológiai változatai (szórványleletek, internetes gyűjtés: www.domongol.ru)

Рис. 6. 1–11: Важнейшие типологические виды раннесредневекового амулета-топорика по Макарову (1992) II типа (2b является копией 2a) (случайные находки, источник: www.domongol.ru)

6. kép. 1–11: A Makarov II. típusú kora középkori balta alakú amulettek legfontosabb tipológiai változatai (a 2a a 2b-ről készült műtárgymásolat) (szórványleletek, internetes gyűjtés: www.domongol.ru)

Рис. 7. 1–8: Раннесредневековые амулеты-топорики в Северо-Восточной Европе из разного материала (1: железо; 2: янтарь; 3–8: свинец) (случайные находки, источник: www.domongol.ru)

7. kép. 1–8: Különböző alapanyagból (1: vas; 2: borostyán; 3–8: ólom) készült kora középkori balta alakú amulettek Északkelet-Európában (szórványleletek, internetes gyűjtés: www.domongol.ru)

ющую статью об амулетах-топориках, найденных в Западной Украине,³² а Святослав Терский в своей монографии 2014 г. также писал об этой проблематике.³³

Магдалена Фелиш в своей докторской диссертации охарактеризовала данные предметы как импортные.³⁴ Позже Марцин Волосин посвятил две статьи этой проблематике.³⁵ Он опубликовал сигтунский экземпляр (единственный пример типа II по Макарову (1992) на территории Скандинавии), объясняя его как символ варяжских наемников Византии, где топор, как оружие и символ, получил распространение с XI в. Также исследователем не исключается, что появление данного предмета связано с участием русов в подавлении восстания Вардаса Фокаса. Однако, этнический состав носителей амулетов-топориков трудно определить, так как в их ареал были включены полиэтничные политические центры средневековой Восточной Европы: Киев, Константинополь, Сигтуна, Новгород и Польша. Новизна работы М. Волосина заключается в отрицании гипотезы Н. Макарова о символической нагрузке этого предмета – воинственности в среде дружинников, считая, что амулеты-топорики – символ обряда инициации юношей, так как кроме двух памятников (Городисца и Никольское), в польских, скандинавских, русских, византийских материалах эти предметы не имеют твердой связи с мужским (военным) набором инвентаря.³⁶

Самый полный каталог миниатюрных топориков был опубликован в 2010 г. Павлом Куциперой, Петром Пранке и Славомировом Вадилым.³⁷ Авторы составили подробный каталог артефактов, включили полный историографический обзор, суммируя концепции прошлых поколений исследователей. Они охарактеризовали 154 пред-

мета из Северной и Восточной Европы, выделили типы и варианты амулетов-топориков: 1) тип I (по Макарову 1992) (*рис. 3*); 2) тип II (по Макарову 1992); 3) синкретичные экземпляры (*рис. 4*). В каталоге больше всего предметов типа I (74 шт.), 30 экземпляров принадлежат к типу II, и 29 предметов – атипичных. При составлении данного каталога с территории Карпатского бассейна была известна лишь находка из Саболчверешмарта (*рис. 21*). Павел Куципера и Славомир Вадил в 2011 г. опубликовали работу, посвященную распространению и функции топориков типа II (по Макарову 1992).³⁸ В таблице ниже (*таблица 1*) мы опубликуем предметы, обнаруженные на территории Карпатского бассейна.

ОРУДИЕ ТРУДА, ОРУЖИЕ ИЛИ ДЕТСКАЯ ИГРУШКА? ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АМУЛЕТОВ-ТОПОРИКОВ

Традиция изготовления миниатюрных предметов известна с каменного века, получившая широкое распространение в эпоху поздней бронзы, но для Северной, Центральной и Восточной Европы наиболее характерна в позднеантичной и германской культурах (*рис. 1. 1, рис. 2*). Такие предметы обычно интерпретируются как амулеты, но ввиду многообразия германской и скандинавской мифологии довольно трудно дать им точное определение.³⁹ Поэтому далее необходимо рассмотреть, какие концепции имеются относительно осмысления миниатюрных топоров XI–XIII вв.

Уже в первых сообщениях XIX в. исследователи предпринимали попытки интерпретировать данные артефакты. Небольших размеров экземпляры считались детскими игрушками⁴⁰ до работы 1912 г. Хаакона Шетелига, в которой он предложил рассматривать их как votivный предмет или женское орудие труда.⁴¹ Исследуя

³² САВИЦЬКИЙ–СВИНЦИЦЬКИЙ 2012.

³³ ТЕРСКИЙ 2014, 133, рис. 209, фото 25.

³⁴ FELIS 2005, 59–60.

³⁵ WOŁOSZYN 2006; WOŁOSZYN 2007.

³⁶ WOŁOSZYN 2006, 597, 602.

³⁷ КУЦЫПЕРА–ПРАНКЕ–ВАДЫЛ 2010.

³⁸ КУЦЫПЕРА–ВАДЫЛ 2011.

³⁹ GARDELA 2014, 45–46.

⁴⁰ SHETELIG 1912, 15.

⁴¹ См. в историографической главе (SHETELIG 1912, 15–16).

№.	Местонахождение	Контекст находки	Тип, техника, материал	Размер	Рис.	Музей, инвентарный №	Литература
1.	Buda-Alsómonostor, Kürtösi-tanya (Bács-Kiskun megye)	случайная находка из раскопок поселения XI–XIII вв. (ROSLA 2009)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 4,1 см, ш.: 2,85 см	10.	Katona József Múzeum, Kecskemét, № 2015.27.1.1.	FÜREDI ET AL. 2017.
2.	Csanádapalota-Juhász T. tanúja (Csongrád megye)	случайная находка из раскопок поселения XI–XIII вв., рядом с полуземлянкой (SZEVEÉNYI-PRISKIN-SZUKOR 2014, 36)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 2,55 см, ш.: 1,24 см	11.	Móra Ferenc Múzeum, Szeged, № 2012.32.6575.	FÜREDI ET AL. 2017.
3.	Dabas-Templom-domb (Pest megye)	случайная находка, недалеко от могильника 11–12 вв. (RÁCZ 2013; RÁCZ 2014)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 5,2 см, ш.: 3,4 см	12.	Ferenczy Múzeumi Centrum, Szentendre/Gödöllő, № 2014.11.3.	FÜREDI ET AL. 2017.
4.	Hajdúdorog-Pedagógus-földek (Kövesscs-halom) (Hajdú-Bihar megye)	случайная находка, недалеко от могильника 11 в. (FODOR 2005; FODOR 2014)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 5,5 см, ш.: 4 см	13.	Magyar Nemzeti Múzeum, Régészeti Tár, Budapest, № —	FODOR 2014, 615–616; FÜREDI ET AL. 2017.
5.	Hajdúhadház-Cégény (Hajdú-Bihar megye)	случайная находка на поверхности поселения 11–14 вв. (MESTERHÁZY 1966, 34; MESTERHÁZY 1975, 108)	По Макарову (1992) тип II. Литой, бронзовый (?)	—	—	—	FODOR 2001, 25; FODOR 2014, 616; FÜREDI ET AL. 2017.
6.	Ipolytölgyes-Málajja (Pest megye)	случайная находка на поверхности поселения XI–XIII вв. (MRT 9, 123)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 5,37 см, ш.: 3,35 см	14.	Tragor Ignác Múzeum, Vác, № 2015.5.1	FÜREDI ET AL. 2017.
7.	Kecskemét-Balló-szög (Bács-Kiskun megye)	случайная находка на поверхности поселения XI–XIII вв.	По Макарову (1992) тип II. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 1,9 см, ш.: 5,5 см	15.	Katona József Múzeum, Kecskemét, № 2015.17.1.	FÜREDI ET AL. 2017.
8.	Sály-Lator, Örsűr-vár (Borsod-Abaúj-Zemplén megye)	случайная находка из раскопок городища X–XII вв. (GÁDOR 1985; GÁDOR 1987.)	По Макарову (1992) тип II. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 2,45 см, ш.: 5,45 см	16.	Herman Ottó Múzeum, Miskolc, № 2016.29.1.	FÜREDI ET AL. 2017.
9.	Szabolcsveresmart-Tiszapart (Szabolcs-Szatmár-Bereg megye)	случайная находка у обрыва берега р. Тисы (FODOR 1996)	По Макарову (1992) тип II. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 4 см, ш.: 5,3 см	17.	Jósa András Múzeum, Nyíregyháza, № 63.391.1.	DIENES 1961, 188–189; NÉMETH 1972, 217, NÉMETH 1975, 14–15; FODOR 1981, 86; FODOR 1986, 222–223, 5. ábra 1; FODOR 1996; RÉVÉSZ 1999, 203; FODOR 2001, 25, 13. kép 1; ISTVÁNOVITS 2003, 184, 296–297, 172. tábla 5; FODOR 2014, 616; FÜREDI ET AL. 2017.
10.	Valkó-Öregszőlők (Pest megye)	случайная находка на поверхности поселения XI–XIII вв. (FÜREDI ET AL. 2017, 422)	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, орнаментированный	д.: 5 см, ш.: 3,65 см	18.	Ferenczy Múzeumi Centrum, Szentendre/Gödöllő, № 2015.20.1.3.	FÜREDI ET AL. 2017.
11.	Galgahévíz-Beke rét (Pest megye)	случайная находка на поверхности поселения XI–XIII вв.	По Макарову (1992) тип I. Литой, бронзовый, неорнаментированный	д.: 5,1 см, ш.: 3,5 см	19.	Ferenczy Múzeumi Centrum, Szentendre/Gödöllő	—

Таблица 1. Сравнительная таблица амулетов-топориков Карпатского бассейна I. táblázat. A Kárpát-medencei balta alakú amulettek összefoglaló táblázata

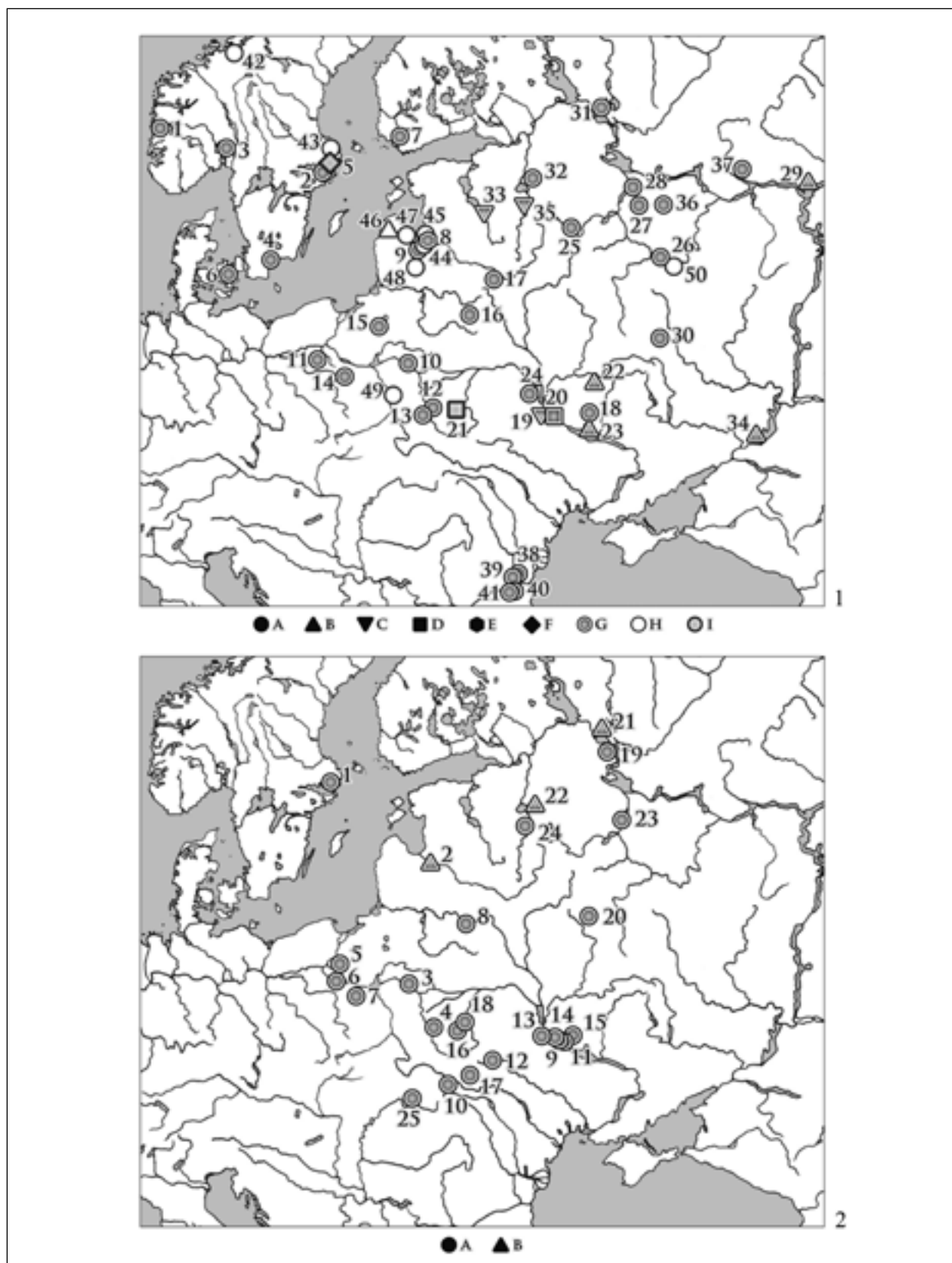

Рис. 8. 1: Распространение амулетов-топориков I типа (по KUCYPERA-PRANKE-WADYL 2010b, рис. 1);

2: Распространение амулетов-топориков II типа (по KUCYPERA-PRANKE-WADYL 2010b, рис. 2)

8. kép. 1: A Makarov I. típusú balta alakú amulettek elterjedése (KUCYPERA-PRANKE-WADYL 2010b, рис. 1 nyomán);

2: A Makarov II. típusú balta alakú amulettek elterjedése (KUCYPERA-PRANKE-WADYL 2010b, рис. 2 nyomán)

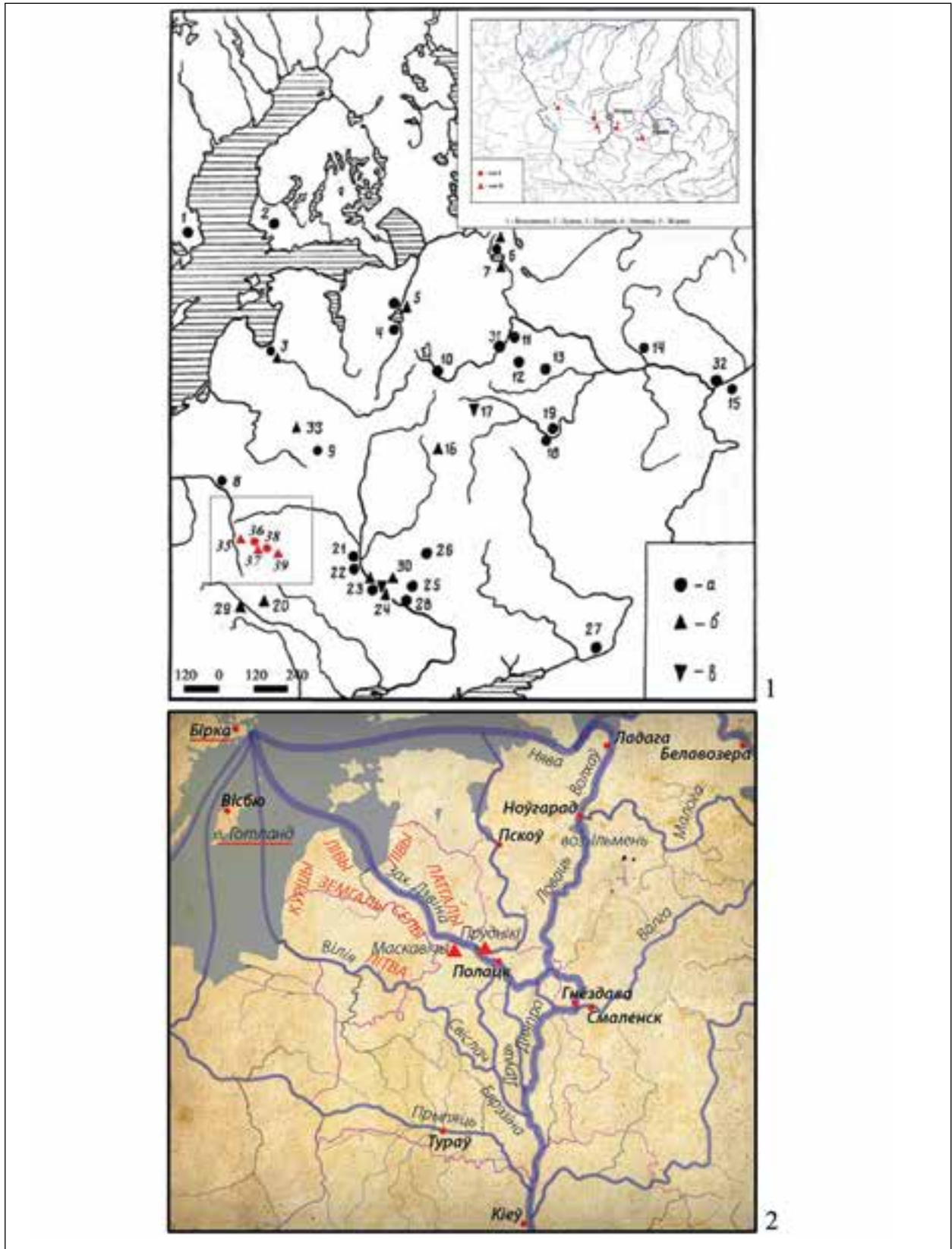

Рис. 9. 1: Распространение амулетов-топориков в Западной Украине (по Савицький–Свиницький 2012, рис. 2–3);
 2: Варяжско-древнерусские торговые пути и центры в Северо-Восточной Европе
 9. kép. 1: A balta alakú amulették elterjedése Nyugat-Ukrajnában (Савицький–Свиницький 2012, рис. 2–3 nyomán);
 2: Rusz–varég kereskedelmi útvonalak és állomások Északkelet-Európában

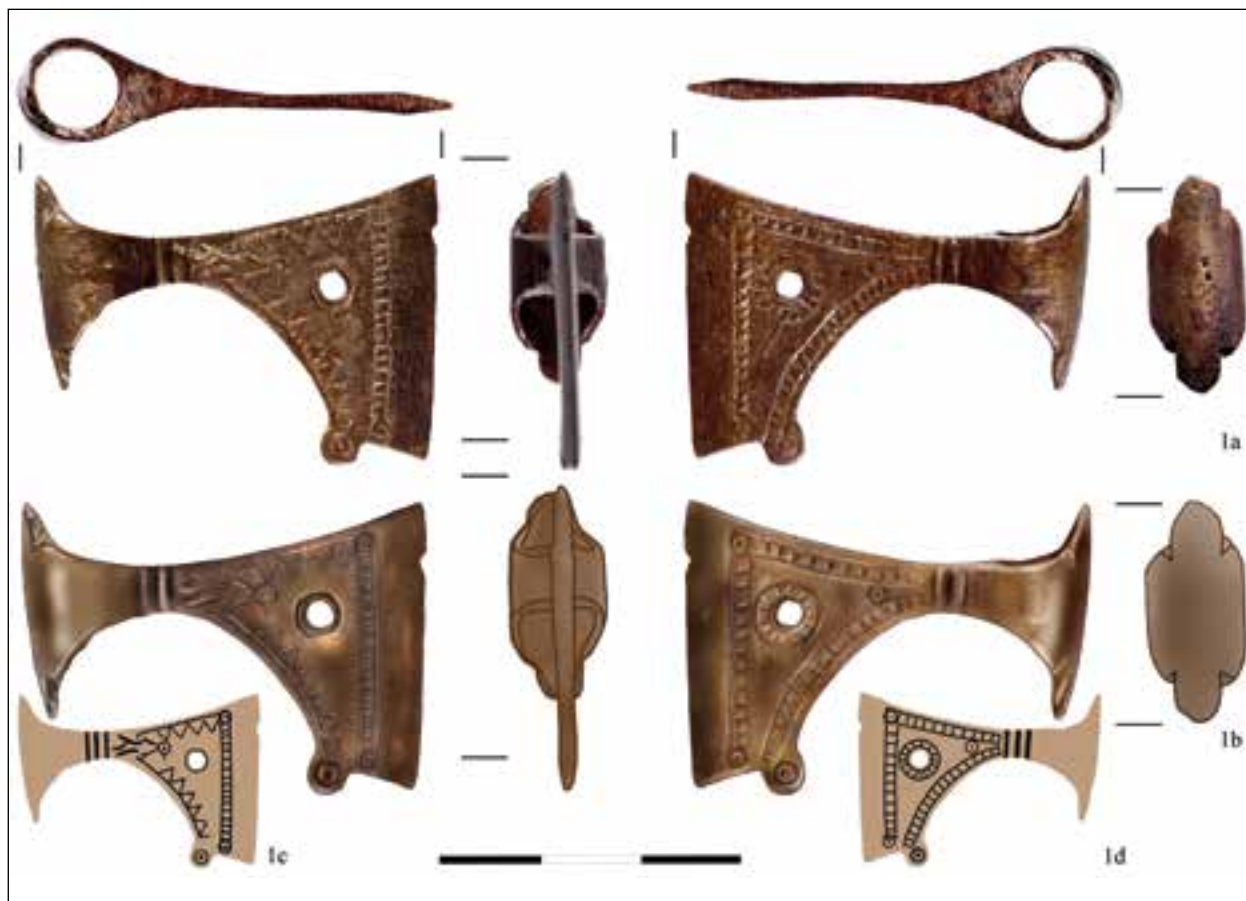

Рис. 10. 1а–1д: Бугац-Алиомоноштор, Хутор Кюртёши. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка на поверхности земли

10. kép. 1a–1d: Bugac-Alsómonostor, Kürtösi-tanya. Bronz balta alakú amulett, felszínen talált szórványlelet

топорики Тора в северных погребениях с трупосожением IX–X вв., располагавшиеся на верхней части урн, появились гипотезы подобные представлениям В. Даркевича о культе Перуна. Благодаря микроскопическим исследованиям удалось установить, что эти молоточки были изготовлены специально к моменту погребального обряда, поскольку нет следов их использования.⁴² При этом ритуальное значение миниатюрных молотков/топоров зафиксировано в песнях Эдды.⁴³ Однако, следует осторожно относиться к когнитивным интерпретациям, связывающим

эти артефакты с языческими верованиями, как уже на это обратил внимание Н. Макаров.

Основную трудность при интерпретациях составляет определение хронологии амулето-топориков. Несмотря на определенные сложности (из-за малого числа памятников), скорее всего их можно датировать XI–XIII вв.⁴⁴ Их можно обнаружить на широкой территории от Скандинавии до Руси, и этот ареал, по всей видимости, можно расширить, включив находки из Венгрии. Сари Мэнтэле в своей статье 2005 г. подчеркнула магическую роль неминиатюрных

⁴² GRÄSLUND 2008, 254.

⁴³ (Эдда, песня XI, стих 30). «Сказал тогда Трюм/ётунов конунг/Скорей принесите/молот сюда!/На колени невесте/ Мёлльнир кладите!/Пусть Вар десница/союз осенит!» По мнению Анико Балог: «Молот Тора являлся частью свадебного ритуала.» (BALOGH 1985, 313).

⁴⁴ То же можно сказать о типах имитируемых топоров. См. МАКАРОВ 1992, 48–51.

Рис. 11. 1а–1б: Чанадпалота, Хутор Юхаса Т. Фрагмент бронзового амулета-топорики. Случайная находка
 11. kép. 1а–1б: Csanádpalota-Juhász T.-tanya. Bronz balta alakú amulett töredéke, szórványlelet

топоров при обряде захоронения в памятниках эпохи финских крестовых походов. Она обратила внимание на то, что топор дольше всех предметов сохранялся в похоронном инвентаре, хотя в раннем средневековье преобладали погребения без инвентаря. Автор пришла к выводу, что топор, положенный в могилу, это не просто оружие, но и ритуальный предмет, игравший важную роль в процессе погребения.⁴⁵

Хейнрик Бек и Херберт Янкухн в 1973 г. в своей монографии о культуре топоров подчеркивали, что в разных культурах образу топора присваивали защитную и магическую функции, способствующие скорейшему выздоровлению и дающие живородящую силу.⁴⁶ По их мнению,

сложно выделить, каким топорам отводилась магическо-культурная роль, а каким социальная функция (предмет престижа), так как, вероятно, в древности они были взаимосвязаны. Поэтому для более конкретной историко-культурной оценки миниатюрных топоров следует более детально рассматривать археологических контекст, в котором обнаружена каждая отдельно взятая находка.⁴⁷

Марцин Волосин высказал мнение о том, что для средневекового времени миниатюрные предметы проблематично связывать с конкретным этносом, хотя эти предметы больше характерны для германской традиции.⁴⁸ Датская исследовательница Мириам Коктведгаард

⁴⁵ MÄNTYLÄ 2005, 307.

⁴⁶ БЕК–ЯНКУХН 1973, 567.

⁴⁷ БЕК–ЯНКУХН 1973, 562.

⁴⁸ WOŁOSZYN 2006.

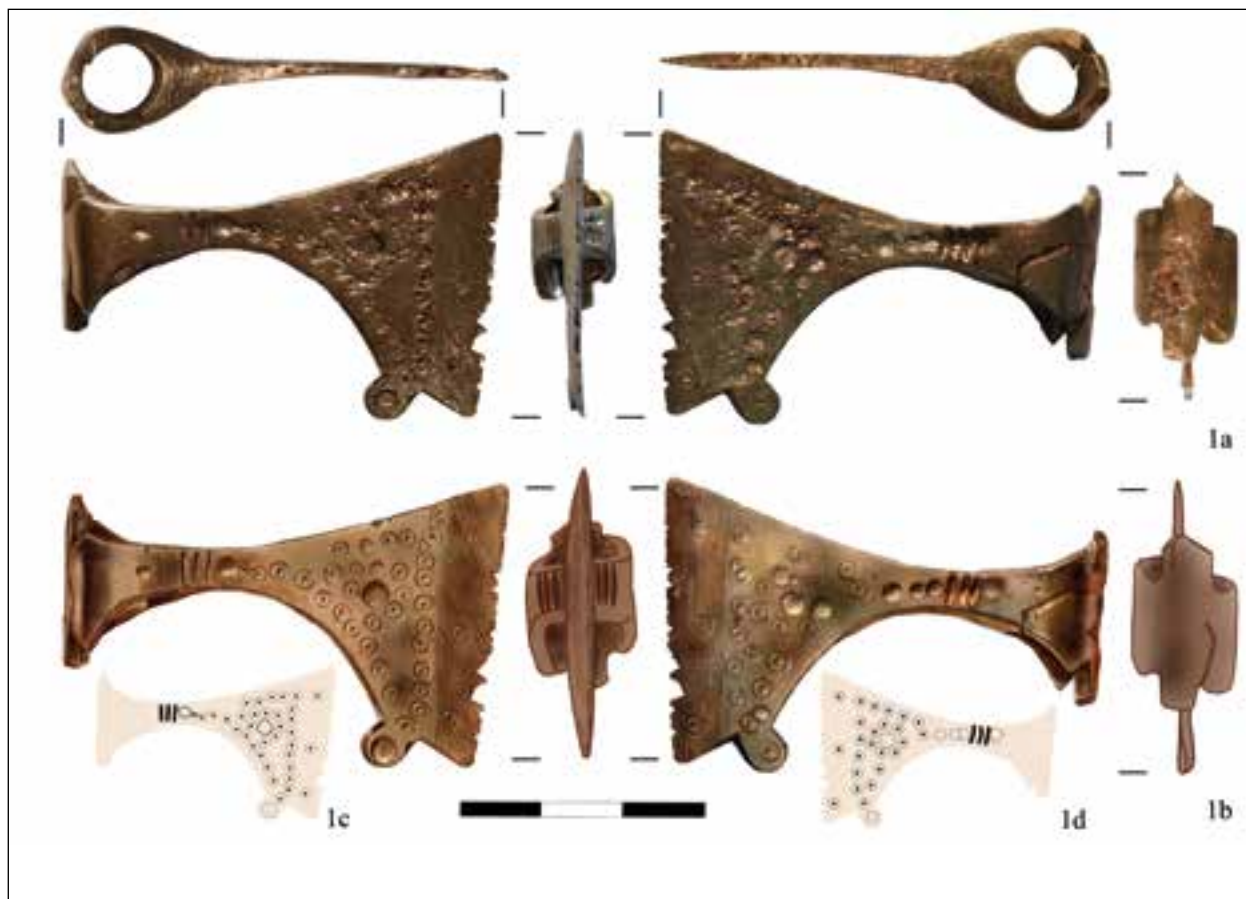

Рис. 12. 1а–1д: Дабаш. Церковный холм. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка
 12. kép. 1а–1д: Dabas-Templom-domb. Bronz balta alakú amulett, szórványlelet

Зеитен произвела попытку детального описания отличительных признаков орудия труда и миниатюрного предмета. На ее взгляд недостаточно знать размер этих вещей, необходимо учитывать форму, материал, орнамент предмета и механические следы использования, например, очень важный признак – наличие лезвия у маленьких топоров. По мнению М. Зеитен, топорообразные подвески и их варианты имели магическое значение, включая защитные и лечебные функции.⁴⁹

Куципера, Пранке и Вадил в уже упомянутой работе 2010 г. дали исчерпывающий историогра-

фический обзор, из которого следует, что разные исследователи видели в данном предмете: а) детскую игрушку; б) символ военной дружины; в) подарок молодым дружинникам по достижению зрелости; г) языческие амулеты культа Перуна. Авторами предложена новая интерпретация, опубликованная Куципером и Вадилым в 2011 г. о миниатюрных топорах II типа по Макарову (1992). Критикуя типологию Н. Макарова, исследователи считают, что миниатюрные топоры с дугообразным, симметричным лезвием имитируют боевое оружие,⁵⁰ поскольку топоров

⁴⁹ ZEITZEN 1997, 3, 16–17.

⁵⁰ МАКАРОВ 1992, 44–46. Польские авторы хорошо заметили этот недостаток, однако, их критика, что Н. А. Макаров отнес их некой несуществующей группе «Б» у Кирпичникова, не совсем соответствует действительности (КУЦИПЕРА–ВАДИЛ 2011, 125). Ведь Н. А. Макаров ссылался на группирование Кирпичникова только у группы I (тип IV), и не упоминает тип «Б», только те находки, которые могли служить образцом для типа II. С другой стороны, в материале Кирпичникова действительно есть тип «Б», предметы которого характеризуются с симметричным лезвием, удлиненным обухом, и соответствуют типу II по Макарову (1992), не считая крючки у лезвия (Кирпичников 1966, 123, Н. 450, табл. XV. 6). Правда, что в каталоге нет этого редкого типа, поскольку автор мог перечислить лишь несколько приме-

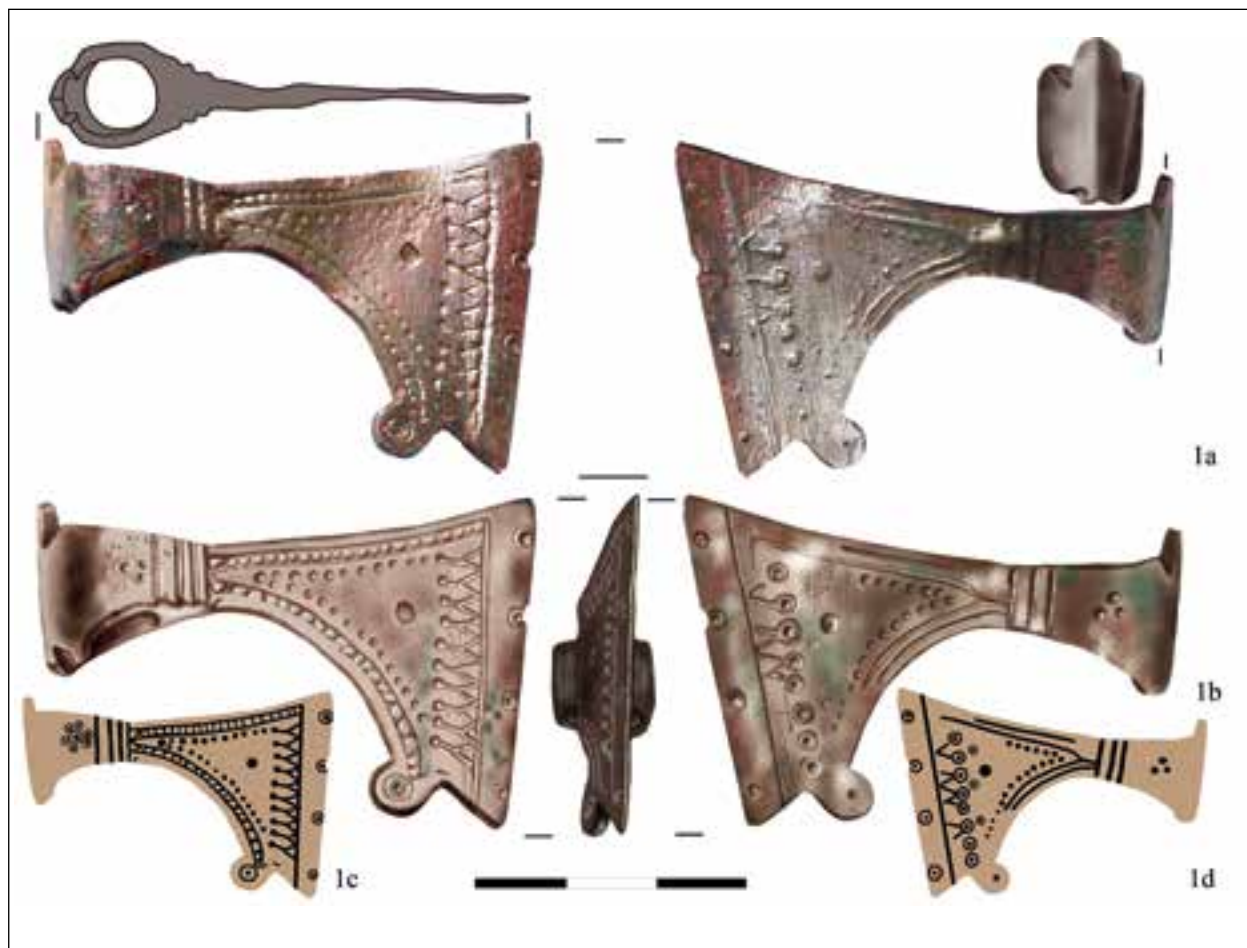

Рис. 13. 1a–1d: Хайдудорог, Земли педагогов (Холм Кёвечеш). Бронзовый амулет-топорик, случайная находка
 13. kép. 1a–1d: Hajdúdorog-Pedagógus-földek (Kövecses-halom). Bronz balta alakú amulett, szórványlelet

более крупных размеров с аналогичными формами исключительно мало (например, Муромское). По их мнению, более разумно видеть в этом предмете отдельный, оригинальный тип.⁵¹ Топор является символом бога Солнца, который в скандинавском мире отождествляется с молотком бога Тора. Культ Тора и его атрибуты перешли в христианскую традицию в виде культа Святого Олафа, поэтому Мьельнир стал символом власти христианских королей, например при правлении Олафа Харалдссона. В средние века король Святой Олаф стал патроном Нор-

вегии, его культ быстро распространился среди элиты и простых людей. Его культ был известен в Гренланде, Исландии, Шотландии, Ирландии, Франции, Германии, Новгороде, Византии.⁵² По мнению польских исследователей миниатюрные топоры похожи на молотки и кресты Тора,⁵³ что, впрочем, не исключает их связь с культом Перуна (рис. 1, 4).⁵⁴

Среди миниатюрных топоров, найденных на территориях славян, выделяется замечательный экземпляр – находка из Калуша, Польша (рис. 1, 5).⁵⁵ Войчек Чудчак занимался исследо-

ров из типов «А» и «Б» (Кирпичников 1966, 29, 33, рис. 6, табл. 8, 10–12). См. ещё PANASIEWICZ–WOŁOSZYN 2002, 258.

⁵¹ KUCYPERA–WADYL 2011, 125.

⁵² PRANKE 2009. Факт, что в Византии служили варяжские наемники, однако нет амулетов-топориков с той территории.

⁵³ KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010, 120–121.

⁵⁴ См. выше мысль Гарделлы о том, что в разных культурах по-разному осмысливали те же предметы: GARDELA 2014, 127.

⁵⁵ CHODZIAK 2004, 193.

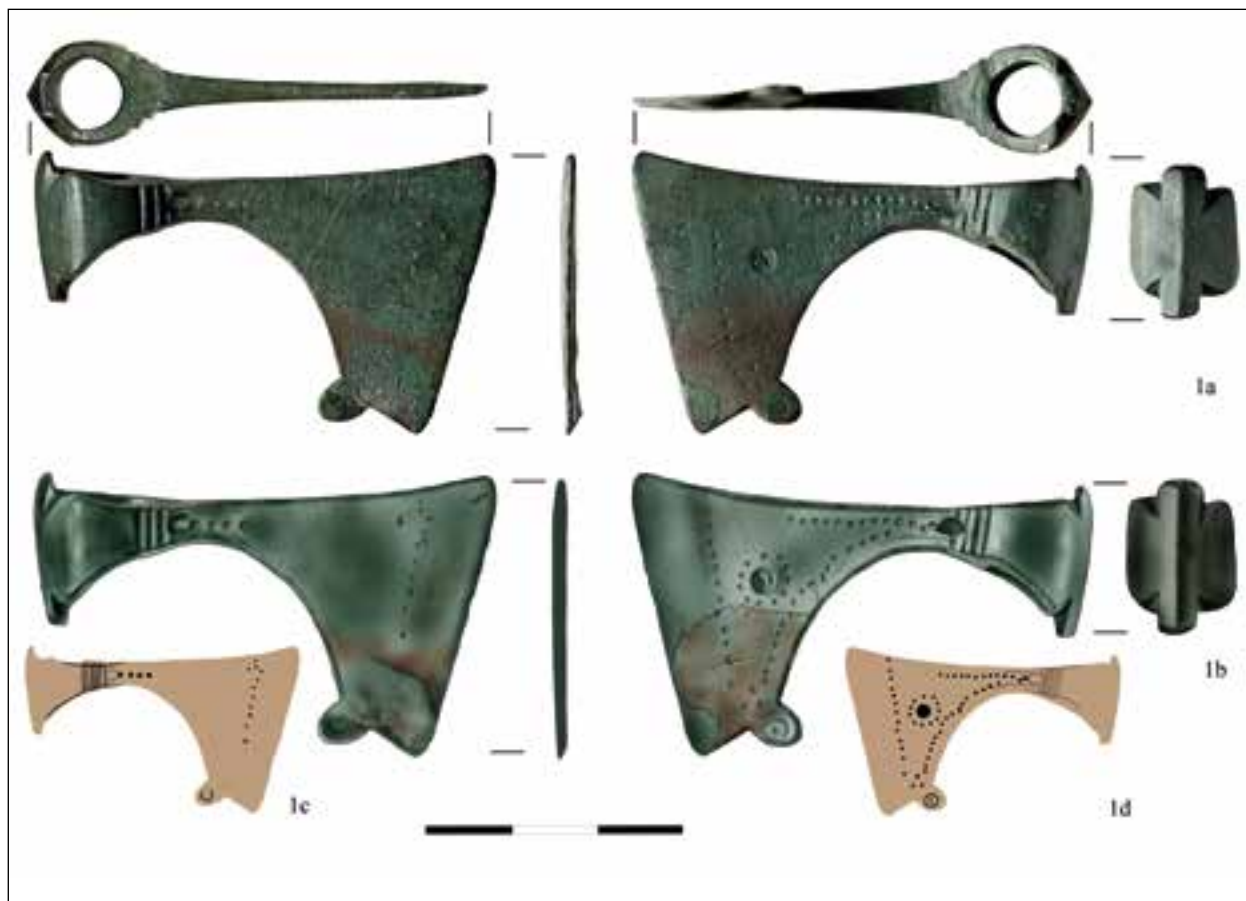

Рис. 14. 1a–1d: Ипоитjельдеш, Мал-алja. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка
14. kép. 1a–1d: Ipolytjelyes-Mál-alja. Bronz balta alakú amulett, szórványlelet

ванием этого предмета в 2004 г., затем Куципера и Вадил в 2011 г.⁵⁶ На этом топоре изображены корабль с гребцами, щитами, корабельными веревками, крючки на двух сторонах топора, которые можно интерпретировать, как изображение носа и кормы корабля. Подобное изображение корабля есть в Швеции, на руническом камне Холмби (рис. 1. б).⁵⁷ Авторы полагают, что «топоры» II типа по Макарову (1992) на самом деле символические изображения кораблей, которые занимают важное место в скандинавской мифологии. Это объяснение не исключает связь этих предметов с культом Святого Олафа, ведь его почитают и моряки как патрона. Проблема заключается в том, что на территории Сканди-

навии был обнаружен всего лишь один подобный топор – находка из Сигтуна. Больше всего экземпляров происходят с территорий Польши, России, Украины, Белоруссии и прибалтийских государств (рис. 8. 1; рис. 21).⁵⁸ Исследователи пришли к выводу, что миниатюрные топоры связаны с магической сферой, однако их функции и значения неясны.⁵⁹ С выводами польских авторов согласны и мы, принимая во внимание отсутствие контекстуальных анализов и малое количество находок *in situ*.

Относительно амулетообразных предметов Лесек Гардела отмечает, что одинаковые амулеты широко известны в Восточной, Северной и Центральной Европе могли по-разному тракто-

⁵⁶ КУЦЫПЕРА–ВАДЫЛ 2011.

⁵⁷ КУЦЫПЕРА–ВАДЫЛ 2011, 125, 4. kart.

⁵⁸ КУЦЫПЕРА–ВАДЫЛ 2011, 125–126.

⁵⁹ КУЦЫПЕРА–ВАДЫЛ 2011, 127.

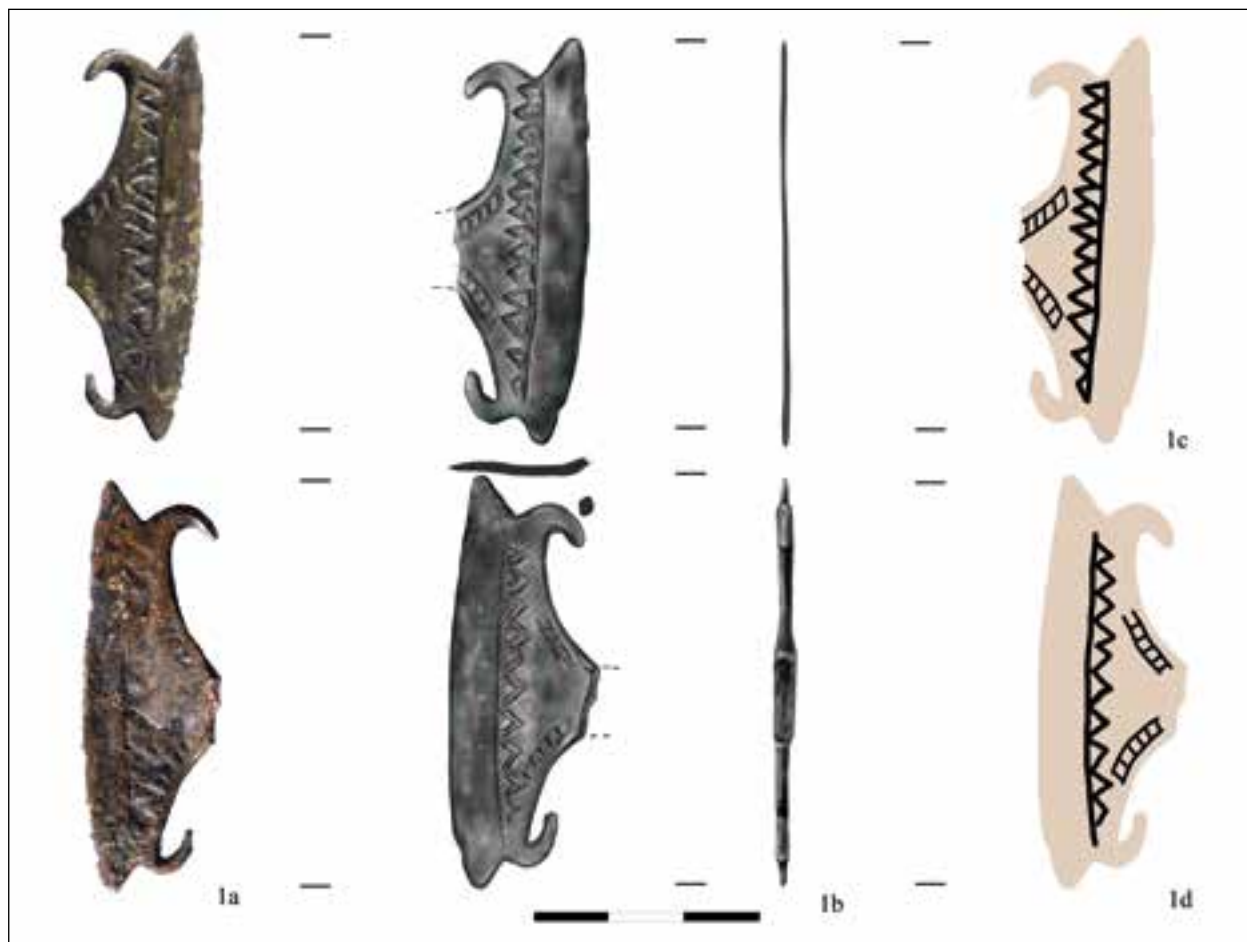

Рис. 15. 1a–1d: Кечкемет, Баллосёг. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка на поверхности земли
 15. kép. 1a–1d: Kecskemét-Ballószög. Bronz balta alakú amulett, felszínen talált szórványlelet

ваться в разных культурных средах (скандинавских, славянских, балтийских, финно-угорских, и возможно мадьярском?), либо как магический предмет, либо как орудие труда.⁶⁰

По нашему мнению, миниатюрные топоры X–XIII вв., подобно раннесредневековым языческим и христианским миниатюрным предметам, являлись «активным символом», использовавшимся в зависимости от контекста – общественного или личного. Таким образом, эти предметы можно считать амулетообразными, но, как было показано выше, нельзя исключать их повседневное использование.⁶¹

ОЦЕНКА ПРЕДМЕТА

Амулеты-топорики, найденные в Венгрии, довольно разнообразные по материалу, оформлению, размеру и орнаменту (рис. 20). Как показано предыдущими исследованиями, их морфология, особенно I типа по Макарову (1992), тождественна форме боевых топоров, распространившихся в Северной и Восточной Европе в X–XII вв.⁶² Для них характерны схематичные орнаменты в виде точек, кругов, зубчатого и сеточного орнаментов.⁶³ Форменные знаки также хорошо видны на миниатюрных предметах, на топорах

⁶⁰ GARDELA 2014, 127.

⁶¹ SHETELIG 1912; PETERSEN 1951, 339–341.

⁶² NADOLSKI 1954, 45–46, tab. XVII; Кирпичников 1966, 36–37, табл. XIII. 4–8, табл. XXI. 1–2, 8–12; МАКАРОВ 1992.

⁶³ PAULSEN 1939, 67–97, 87–158.

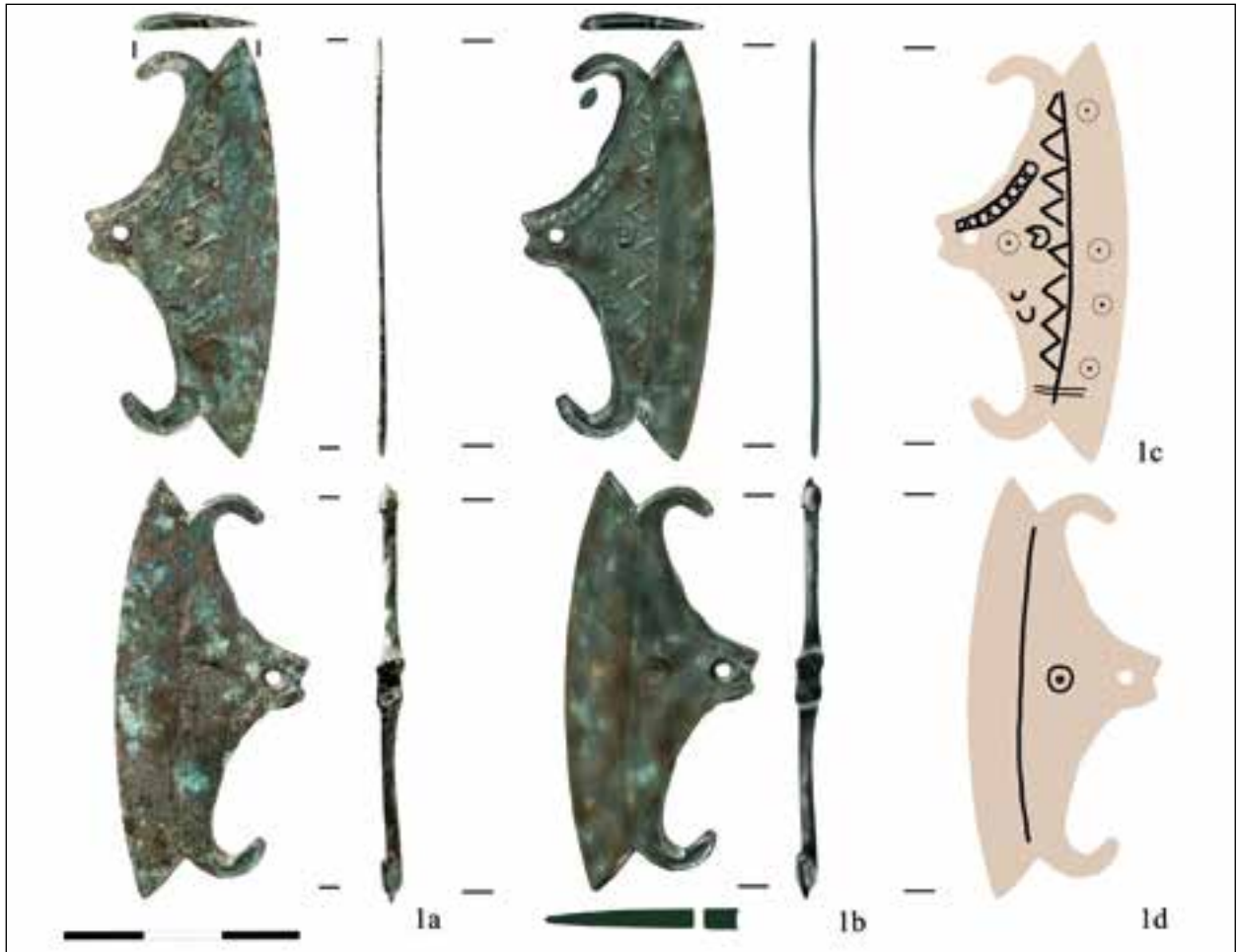

Рис. 16. 1a–1c: Шай-Латор, Эриурвар. Бронзовый амулет-топорик, 2. квадрат
16. kép. 1a–1c: Sály-Lator, Örsúrvár. Bronz balta alakú amulett, 2. szelvény

с бородатками часто встречаются «крюки», выступы, или отверстия по середине лезвия, вероятно предназначенные для подвязывания чехла ремнем на оригинальных экземплярах.⁶⁴

Для II типа топоров по Макарову (1992) много исследователей допускали влияние культа Святого Олафа.⁶⁵ Оформление, орнамент этого типа совпадает с I типом, однако среди имитируемых боевых топоров найдено мало образцов с такой же формой лезвия. Хотя Н. Макаров нашел несколько симметричных топоров с дугообразным лезвием, которые, однако, не являлись

каноничными.⁶⁶ Безусловно передававшаяся мастерами форма I типа являлась переосмыслением некой основной формы топоров. Но нельзя исключать гипотезу о связи данной формы с образами лодки или корабля (см. у польских авторов, или находку у Калдуша). Происхождение морфологически симметричного варианта амулетов-топориков (II-ого типа по Макарову) требует дальнейших исследований в будущем, но здесь мы отмечаем, что некоторые деревянные чехлы на лезвия топора очень похожи по форме (рис. 20. 6–8).

⁶⁴ Кирпичников 1966, 36–37.

⁶⁵ Суммируя KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010, 116–121; KUCYPERA–WADYL 2011, 128. Вопросы о прочих амулетах-топориках были изучены другими авторами. См. PAULSEN 1939, 187–233; PAULSEN 1956, 222–272; BECK–JAHNKHUN 1973, 566; PRANKE 2009 (с дополнительной библиографией).

⁶⁶ МАКАРОВ 1992, 44–46.

Рис. 17. 1a–1d: Сабольчверешмарт. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка
17. kép. 1a–1d: Szabolcsveresmart. Bronz balta alakú amulett, szórványlelet

При определении способа ношения обращаем внимание на многочисленные находки с фрагментами рукояток в Северной и Восточной Европе (например, рис. 4. 3).⁶⁷

Проушина оформлена, подобно миниатюрным топорам, аккуратно, однотипно. Неясно и с венгерскими находками, как их носили, с маленькими рукоятками или с помощью шнура через проушину.

В находках редкого типа молотки по всей видимости носили на ремнях, возможно в отдельной кисе. В венгерском материале наблюдается явное различие между потертостями лезвия и орнамента. Кажется, что одна сторона чаще прикасалась к одежде, а другая сторона на вид, была оформлена более изящно.

Кроме формы следует переосмыслить хронологию и распространение двух данных типов. Хотя у нас мало предметов для надежного датирования, но некоторые данные позволяют сказать, что топоры II типа появились позже, а I тип (исходя из хорошо датированного Сигтунского экземпляра)⁶⁸ распространился, скорее всего, во второй половине X в. При картографии находок бросается в глаза, что для Северной и Восточной Европы, а также Прибалтики наиболее широко были известны экземпляры I типа, II тип известен лишь в Сигтуне, в Скандинавии, но их нет на Нижнем Дунае (рис. 8).⁶⁹

Вместе с новыми находками на сегодня в Венгрии известно 11 амулетов-топориков I и II типов, обнаруженные к востоку от Дуная. Большинство

⁶⁷ KUCYPERA–WADYL 2011, fig. 2.

⁶⁸ EDBERG 1999, 251, 253; EDBERG 2008, 150–154.

⁶⁹ KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010, rys. 1–2.

Рис. 18. 1a–1d: Валько, Эрегсёлёк. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка на поверхности земли
 18. kép. 1a–1d: Valkó-Öregszőlők. Bronz balta alakú amulett, felszínen talált szórványlelet

из них случайные находки, мы более-менее хорошо знаем где их нашли, т.к. местонахождения почти в каждом случае известны и проверены. Венгерские амулеты-топорики происходят из поселений раннего времени династии Арпадов (таблица 1. 1–2, 5–7), один точно (таблица 1. 8), другой с большой вероятностью (таблица 1. 4) из городища, еще один из могильника XI–XII вв. (таблица 1. 3). На карте распространения амулетов-топориков польских исследователей видно, что на территории между Болгарией и Польшей до 2011 г. был известен лишь один экземпляр, из Сабольчверешмарта (рис. 21. 1).⁷⁰ Дальнейшие находки хорошо дополняют эту карту. Оценка продемонстрированных нами находок из Карпатского бассейна еще не завершена, но они

хронологически и географически связаны с одним из культурных элементов скандинавского, западно-славянского и балтийско-русского круга (рис. 21. 2).

К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ МАДЬЯР РАННЕГО ПЕРИОДА ДИНАСТИИ АРПАДОВ С РУСЬЮ

Историческое значение амулетов-топориков для Карпатского бассейна в их импортном происхождении. По письменным источникам относительно хорошо документированы связи между Русью и Венгрией,⁷¹ но археологические памятники могут дополнить данные сведения. Известно, что в 1020-е годы венгерский король Стефан I (Святой) пригласил наемников из Руси на западные

⁷⁰ KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010, гys. 3.

⁷¹ FONT 2002; FONT 2005; FONT 2015.

Рис. 19. 1a–1b: Гальгахевиз, Беке поле. Бронзовый амулет-топорик, случайная находка на поверхности земли
 19. kép. 1a-1b: Galgahévíz-Beke rét. Bronz balta alakú amulett, felszínen talált szórványelet

окраины Венгрии, а его сын Имре принял титул *dux Ruizorum*.⁷² Иштван Фодор полагал, что данный факт может позволить установить место жительства русов в Карпатском бассейне (в его приграничных зонах).⁷³ Однако принимая во внимание широкое распространение этого типа предметов в Восточной и Северной Европе, ныне уже не выдерживает критики данное мнение, основанное на стереотипе о древнерусском происхождении данного артефакта. Таким образом, находки амулетов-топориков в Карпатском бассейне не обязательно объясняется присутствием варяжских/русских наемников. Данный предмет не может интерпретироваться даже в Восточной и Северной Европе как специфиче-

ский дружинный знак. Это наблюдение касается не только материала из Руси, но и найденных в Карпатском бассейне. Аналогичным образом не связан географический ареал ныне известных десяти амулетов-топориков и топонимами *Орос*, и *Ороси*.⁷⁴ Они не показывают приграничную зону (по-венгерски *gyepő*), нет новых находок около Вамошороси или вблизи восточных границ. Это обстоятельство еще больше заметно у западных границ и в Паннонии. Известная по письменным и археологическим источникам территория Оросвара также сомнительно связана с военными, пришедшими с Руси,⁷⁵ так как в исследованном здесь могильнике X–XI века не обнаружено ни оружия, ни «специфических»

⁷² Это свидетельствует о контактах с Русью, даже если титул обозначил начальника гвардии. См. FODOR 2001, 25.

⁷³ FODOR 2001, 25.

⁷⁴ NÉMETH 1975, 15; FODOR 1996, 173; FODOR 2014, 616.

⁷⁵ KRISTÓ-SZÓKE 1994, см. и FODOR 2001, 25.

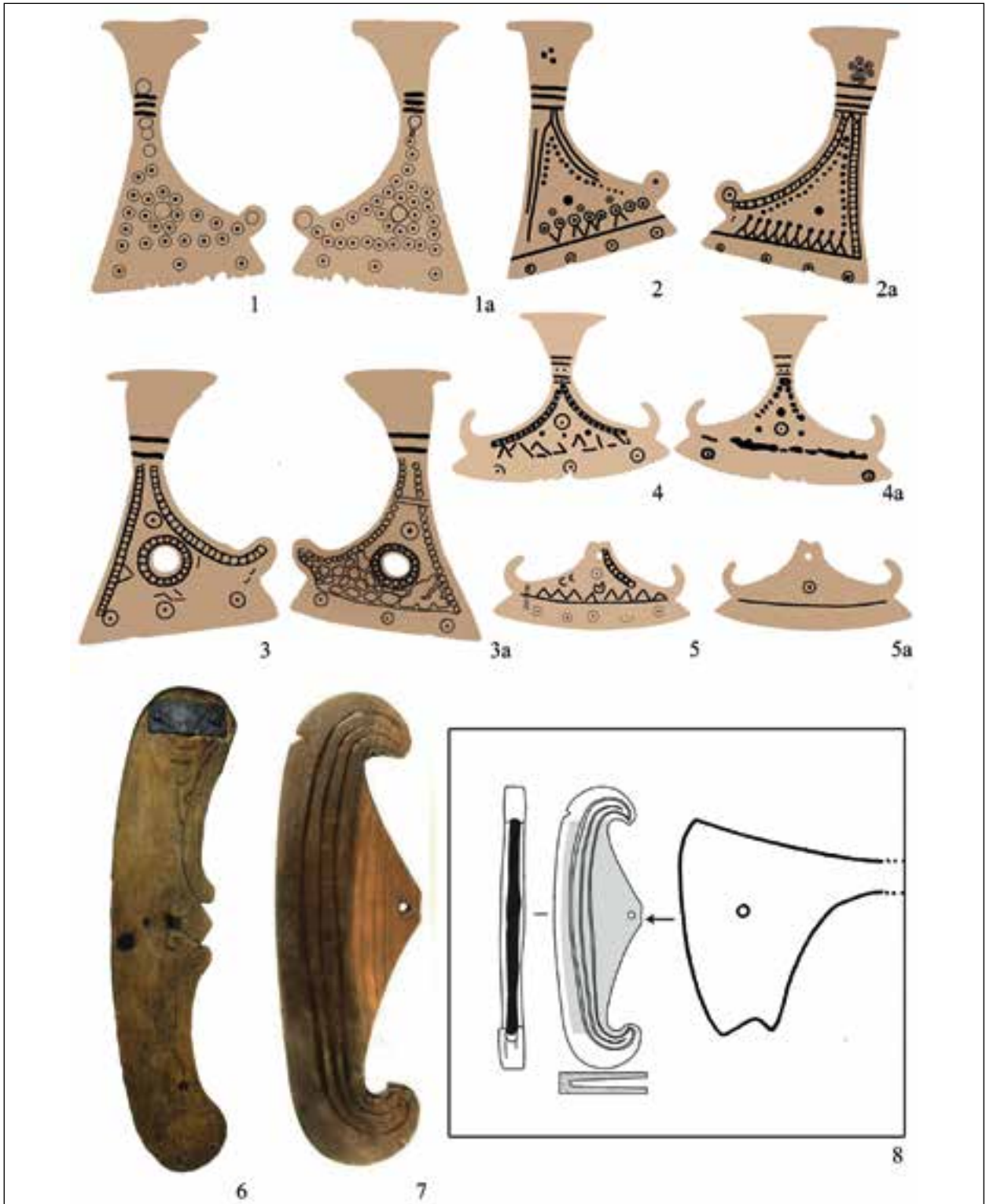

Рис. 20. 1–5: Орнаменты амулетов-топори́ков, найденных в Карпатском бассейне. 1a–b: Дабаши, Церковный холм; 2a–b: Хайдудорог, Земли педагогов (Кёвечеш-холм); 3a–b: Валько, Эрегсёлёк; 4a–b: Сабольчверешмарт; 5a–b: Шай-Латор, Эриурвар; 6: Чехол на лезвия топора, Сигтуна (KITZLER ÁHFELDT 2011, fig. 18–19); 7–8: Чехол на лезвия топора, Великий Новгород (КАИНОВ–СИИГХ 2016, рис. 2)

20. kép. 1–5: A Kárpát-medencei balta alakú amulettek díszítő motívumainak összefoglalása. 1a–b: Dabas-Templom-domb; 2a–b: Hajdúdorog-Pedagógus-földek (Kövecses-halom); 3a–b: Valkó-Öregszőlők; 4a–b: Szabolcsveresmart; 5a–b: Sály-Lator, Órsúrvár; ; 6: Balta élvédő, Sigtuna (KITZLER ÁHFELDT 2011, fig. 18–19); 7–8: Balta élvédő, Velikij Novgorod (КАИНОВ–СИИГХ 2016, рис. 2)

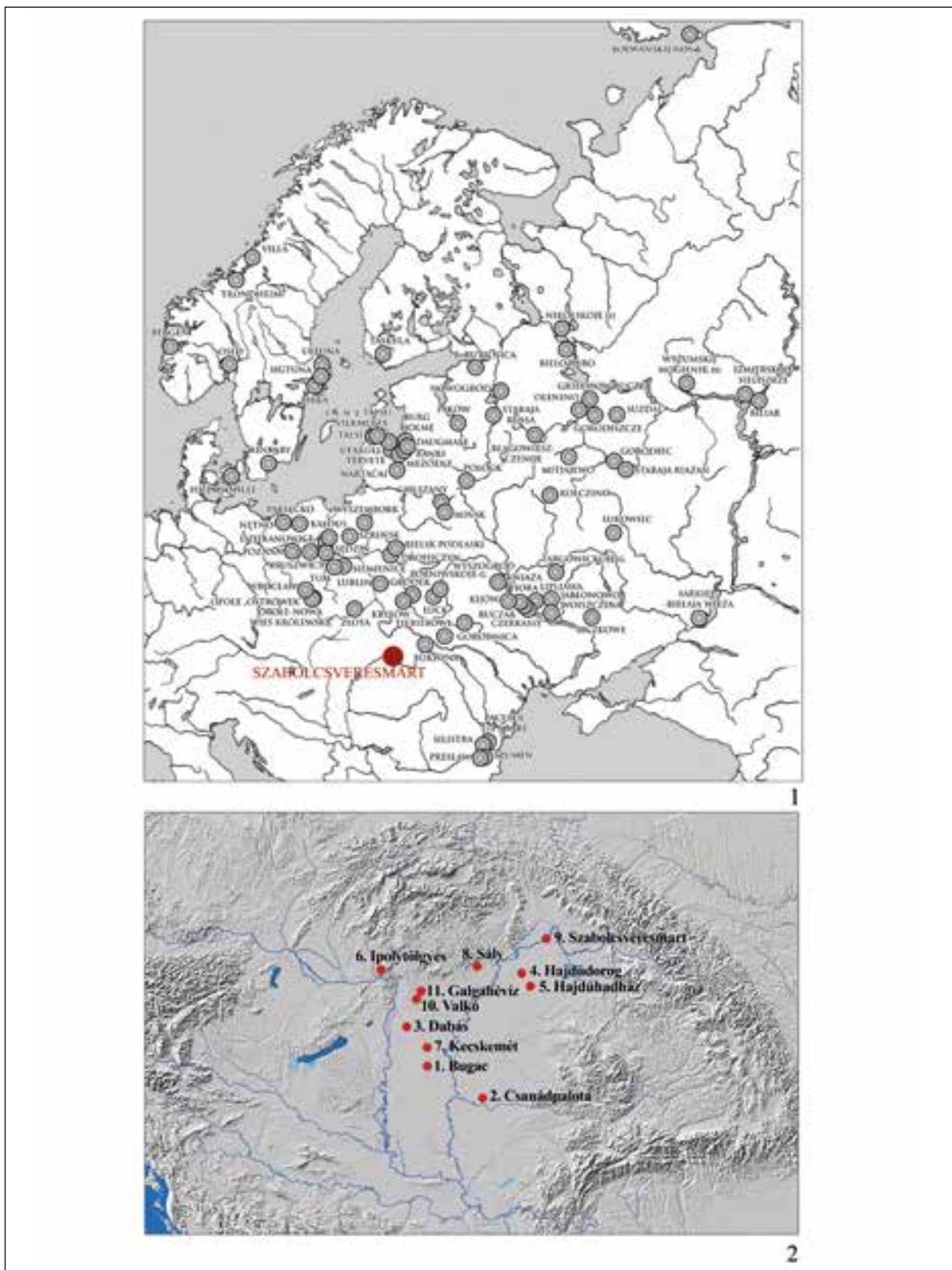

Рис. 21. 1: Распространение амулетов-топориков северо-восточного европейского типа (по KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010b, рис. 3); 2: Места находок амулетов-топориков в Карпатском бассейне
 21. кър. 1: Az szak- s kelet-eurpai balta alak amulettek elterjedsi trkepe (KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010b, рис. 3 nyomn);
 2: A Krpt-medencei balta alak amulettek elterjedsi trkepe

импортных вещей,⁷⁶ как, например, в погребении «А» могильника Сзешфехервар-Радиотелепа.⁷⁷

Амулеты-топорики пока не нашли нигде в этих местах. Нет новых находок и в северо-восточном регионе, большинство из них известны в Венгерской Низменности, между Дунаем и Тисой. У двух находок из Южной Низменности предполагалось их возможное происхождение с Руси, или какая-то связь с производственными традициями Руси. Возможное русское происхождение топора из Доросла, исследованное Иштваном Фодором.⁷⁸ Подобная трактовка возможна для бляшек кэмпэцкого могильника,⁷⁹ которые часто используются в русскоязычной литературе как параллели известного Гулбичинского кургана.⁸⁰

Следует подчеркнуть, что существуют исследования о венгерских элементах в материальной культуре Руси (например, колчаны, луки,⁸¹ седла с бляхами⁸² и т. пр.), то есть речь идет о взаимосвязях, ведь известно, что на Руси тоже были венгерские наемники.⁸³ К сожалению, поскольку археологический контекст находок амулетов-топорикиков нами показанных в большинстве случаев неясны, пока они мало могут помочь в объяснении этой исторической проблематики. Ныне известные материалы, тем не менее, требуют новых подходов и трактовок.

ИТОГИ

Амулеты-топорики, найденные в Карпатском бассейне, как по форме, так и по обстоятельствам находок, хорошо вписываются в их северо- и восточноевропейский ареал. Как польские и скандинавские амулеты-топорики, так и венгерские – в свете новых данных – не являются этническими маркерами варягов-русов, хотя сам факт их присутствия в Венгрии хорошо подтверждено источниками.⁸⁴ В Венгрии безусловно существовали контакты с Русью, а также с государствами Северной Европы, но они носили прежде всего торговый характер. Объясняя значение амулетов-топорикиков, важно подчеркнуть, что подобно другим амулетообразным предметам их использование невозможно объяснить, исходя из одной культурной среды, даже тогда, когда они первоначально были символами некой определенной культуры. Судя по распространению, миниатюрные топоры были использованы скандинавами, балтийцами, западными славянами. Наверное, они имели определенное значение для их изготовителей, могли распространяться торговыми или иными путями, и приобрели собственное значение в тех культурах, где они появились.⁸⁵

⁷⁶ ТОМКА 2000; HORVÁTH–MERVA–ТОМКА 2012; HORVÁTH 2014.

⁷⁷ KOVÁCS 1995.

⁷⁸ FODOR 1981a.

⁷⁹ KÜRTI 1994, 2. kép.

⁸⁰ КАИНОВ 2012, 104.

⁸¹ MIKHAILOV–КАИНОВ 2011.

⁸² МУРАШЕВА 2008.

⁸³ GYÓNI 2017.

⁸⁴ Недавно к такому выводу пришел историк Чете Катона в работе: *Vikings in Hungary? The theory of The Varangian-Rus bodyguard of the first Hungarian rulers, Viking and Medieval Scandinavia* (Brepolis), под печатью. Он изучал не только письменные, но и археологические источники о скандинаво-варяжских связях, писал и об амулетах-топорикиках. Авторы выражают благодарность Чете Катона за предоставление рукописи.

⁸⁵ GARDELA 2014, 126–127.

ЛІТЕРАТУРА

- BALOGH 1985: *Edda – Óészaki mitológiai és hősi énekek*. Ford.: Tandori D. Szerk.: Balogh A. Budapest 1985.
- BECK–JANKUHN 1973: Beck, H. – Jankuhn, H.: Axtkult. In: *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Begründet von Johannes Hoops. Zweite völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage*. Band. 1. Hrsg.: Beck, H. – Jankuhn, H. – Ranke, K. – Wenskus, R. Berlin–New York 1973, 562–568.
- BEILKE-VOIGT 1995: Beilke-Voigt, I.: Der Sitte der Miniatur gerätebeigabe bei den Germanen der späten Kaiserzeit. *Offa* 51 (1995) 101–142.
- CHUDZIAK 2004: Chudziak, W.: Niektóre okoliczności przepływu rzeczy idei we wczesnym średnowieczu. Intstryktywne przykłady chełmskie. In: *Wędrowki rzeczy i idei w średniowieczu*. Spotknaia Bytomskie 5. Red.: Możdzioch, S. Wrocław 2004, 183–197.
- DIENES 1961: Dienes I.: Felső-Szabolcs a honfoglalás korában. In: *A kisérdai vár története*. Szerk.: Éri I. Kisérd 1961, 95–196, 199–204.
- EDBERG 1999: Edberg, R.: Krigaramuletter från Rus’i Sigtunas svarta jord. *Fornvännen. Journal os Swedisch Antiquarian Research* 94 (1999) 245–253.
- EDBERG 2008: Edberg, R.: Nya fynd av miniatyryxor. In: *På väg mot paradiset: arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museum 33. Red.: Wikström, A. Sigtuna 2008, 150–154.
- FELIS 2005: Felis, M.: *Miniaturowe toporki z X–XIII wieku na ziemiach polskich w kontekście podobnych znalezisk z Europy północnej i wschodniej*. mps pracy magi-sterskiej w IP UAM, Poznań. Doktori értekezés – IP UAM, Poznań 2005.
- FODOR 1981: Fodor I.: A magyarság baltikumi és skandináviai kapcsolatai a IX–XI. században (a régészeti leletek alapján) (Verbindungen der Ungarn mit dem Baltikum und Skandinavien zwischen dem 9. und 11. Jahrhundert [Aufgrund der Bodenfunde]). *Szolnok Megyei Múzeumi Évkönyv* 1981, 85–89.
- FODOR 1981a: Fodor I.: Honfoglalás kori sír Doroszlón (Ungarisches Grab von Doroszló aus dem 10. Jh.). *Communicationes Archaeologicae Hungariae* 1981, 149–164.
- FODOR 1986: Fodor, I.: On the Contacts of Hungarians with the Baltic Area in the 9th–11th Centuries (From an Archaeologist’s Point of View). *Hungarian Studies* 2 (1986) 217–226.
- FODOR 1996: Fodor I.: Szabolcsveresmart. In: „*Őseinket felhozád...*” *A honfoglaló magyarság. Kiállítási katalógus*. Főszerk.: Fodor I. Budapest 1996, 172–174.
- FODOR 2001: Fodor I.: Az államalapítás korának hadserege. *A Makói Múzeum Füzetei* 98. Szerk.: Halmágyi P. Makó 2001, 17–39.
- FODOR 2005: Fodor I.: Árpád-kori templom körüli temetők Hajdúdorog határában. (Előzetes közlemény) (Churchyards from the Árpadian Period [11th–13th centuries] at Hajdúdorog. [Preliminary report]). In: „... a halál árnyékának völgyében járok.” *A középkori templom körüli temetők feltárása*. Opuscula Hungarica 6. Szerk.: Ritoók Á. – Simonyi E. Budapest 2005, 197–212.
- FODOR 2014: Fodor I.: Előzetes beszámoló a hajdúdorogi Kövecses-halmon végzett ásatásról (Preliminary report on the excavation at Hajdúdorog-Kövecses-halom). In: *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára (Avarum solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday)*. Opitz Archaeologica 6 – MTA BTK MÖT Kiadványok 2. Szerk.: Anders A. – Balogh Cs. – Türk A. Budapest 2014, 613–626.
- FONT 2002: Font M.: Magyarország és a Kijevi Rusz az első ezredfordulón (The Kingdom of Hungary and the Kievan Rus at the first Millenium). *Történelmi Szemle* 44 (2002) 1–10.
- FONT 2005: Font M.: *Árpád-házi királyok és a Rurikida fejedelmek*. Szegedi Középkortörténeti Könyvtár 21. Szeged 2005.
- FONT 2015: Font M.: A Kijevi Rusz és a Magyar Királyság a 11. században és a 12. század elején (Szent Istvántól Kálmánig). In: *Régmúlt idők elbeszélése: a Kijevi Rusz első krónikája*. Ford.: Ferincz I. Szerk.: Balogh L. – Kovács Sz. Magyar Őstörténeti Könyvtár 30. Budapest 2015, 303–316.

- GARDELA 2014: Gardela, L.: *Scandinavian Amulets in Viking Age Poland*. Collectio Archaeologica Ressoiviensis 33. Rzeszów 2014.
- GÁDOR 1985: Gádor J.: A Sály-latori nemzetségfői központ kutatása. In: *Középkori régészetünk újabb eredményei és időszerű feladatai*. Szerk.: Fodor I. – Selmeczi L. Budapest 1985, 115–128.
- GÁDOR 1987: Gádor J.: Észrevételek az égett sáncok kérdéséhez a sály-latori vörös sánc ásatási eredményei alapján. *Soproni Szemle* 41 (1987) 59–62.
- GRÄSLUND 2008: Gräslund, A. S.: The material culture of Old Norse religion. In: *The Viking World*. Eds.: Brink, S. – Price, N. New York 2008, 249–256.
- GULYÁS 2015: Gulyás Gy.: A balta alakú csüngők a szarmata leletanyagban (Axe-shaped pendants among Sarmatian finds). In: *Hadak útján. Anépvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája, Esztergom 2014. november 4–6. – Conference of young scholars on the Migration Period, Esztergom, November 4–6. 2014*. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. Archaeological Studies of PPCU Department of Archaeology – A PPKE BTK Régészeti Tanszékének kiadványai 3.1. – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.1. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Esztergom 2015, 129–163.
- GYÓNI 2017: Gyóni G.: Egy Ugrin nevű személy a 11. századi Novgorodban (Угрин из Новгорода [11 в.]). In: – *Conference of young scholars on the Migration Period, Esztergom, November 4–6. 2014*. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. Archaeological Studies of PPCU Department of Archaeology – A PPKE BTK Régészeti Tanszékének kiadványai 3.2. – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Esztergom, 2017, 379–388.
- HORVÁTH 2014: Horváth C.: Oroszvár-Wiesenacker-dűlő. In: *Győr és Moson Megyék honfoglalás és kora Árpád-kori temetői és sírleletei*. Szeged 2014, 138–181.
- HORVÁTH–MERVA–TOMKA 2012: Horváth C. – Merva Sz. – Tomka P.: Oroszvár (Rusovce, Sl.) 10–11. századi temetője (10th–11th century cemetery of Oroszvár [Rušovce, Slovakia]). In: *Sötét idők rejtélyei. 6–11. századi régészeti emlékek a Kárpát-medencében és környékén. TO 3*. Szerk.: Liska A. – Szatmári I. Békéscsaba 2012, 375–404.
- ISTVÁNOVITS 2003 Istvánovits E.: *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékanyaga. — Das landnahme- und arpadenzeitliche Nachlassmaterial des Rétköz*. Régészeti gyűjtemények Nyíregyházán 2. Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori sírleletei 4. Nyíregyháza 2003.
- KITZLER ÁHFELDT 2011: Kitzler Áhfeldt, L.: Några träfynd i Sigtuna från runstenstid. In: *Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi*. Red.: Rune, E. – Wikström, A. Sigtuna 2011, 49–60.
- KOVÁCS 1995: Kovács L.: Előkelő rusz vitéz egy székesfehérvári sírban (A rádiótelepi honfoglalás kori A. sír és kardja) [Ein vornehmer Krieger in einem Grab von Székesfehérvár (Der landnahmezeitliche Grab A von Székesfehérvár-Rádiótelep und sein Schwert)]. In: *Kelet és Nyugat között. Történeti tanulmányok Kristó Gyula tiszteletére*. Szerk.: Koszta L. Szeged 1995, 291–308, 3 tábla/Tab. 1–3.
- KRISTÓ–SZÖKE 1994: Kristó Gy. – Szöke B. M.: Oroszvár. In: *Korai Magyar Történeti Lexikon (9–14. század)*. Szerk.: Kristó Gy. Budapest 1994, 510.
- KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010: Kucypera, P. – Pranke, P. – Wadyl, S.: Problem społeczno-kulturowej identyfikacji miniaturowych toporków y Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. In: *Tak więc po owocach poznać ich*. Funeralia Lednickie, Spotkanie 12. Red.: Dzieduszycki, W. – Wrześiński, J. Poznań 2010, 333–344.
- KUCYPERA–PRANKE–WADYL 2010a: Kucypera, P. – Pranke, P. – Wadyl, S.: Wczesnośredniowieczne miniaturowe toporki metalowe z Europy Środkowo-Wschodniej i Północnej. Korpus zabytków. In: *Życie codzienne przez pryzmat rzeczy, 'Kultura materialna średniowiecza w Polsce'* 1. Red.: Kucypera, P. – Wadyl, S. Toruń, 2010, 103–176.
- KUCYPERA–WADYL 2011: Kucypera, P. – Wadyl, S.: Early medieval miniature axes of Makarov's type 2 in the Baltic Sea Region (Ankstyvųjų viduramžių Makarovo 2 tipo miniatiūriniai kirviai Baltijos jūros regione). *Archaeologia Litwana* 12 (2011) 122–130.

- KÜRTI 1994: Kürti B.: Régészeti adatok a Maros-torok vidékének 10–11. századi történetéhez. (Archäologische Angaben zur Geschichte der Umgebung der Marosmündung in den 10–11-ten Jahrhunderten). In: *A kőkortól a középkorig*. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szerk.: Lőrinczy G.: Szeged 1994, 369–386.
- MÄNTYLÄ 2005: Mäntylä, S.: The Meaning of Weapons as Grave Goods: Examples from Two Southwest Finnish Crusade Period Cemeteries. *Archaeologia Baltica* 8 (2005) 302–309.
- MESTERHÁZY 1966: Mesterházy K.: A Déri Múzeum régészeti tevékenysége 1962–1965 (Leletkataszter) (The archeological activity of the Déri Museum in the years 1962–1965 [A survey of finds]). *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 1965 (1966) 19–59.
- MESTERHÁZY 1975: Mesterházy K.: Régészeti adatok Hajdú-Bihar megye területe IX–XIII. századi településtörténetéhez I. (Archäologische Angaben zur Siedlungsgeschichte des Komitates Hajdu-Bihar in den 9.–13. Jahrhunderten). *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 1973 (1975) 95–173.
- MIKHAILOV–KAINOV 2011: Mikhailov, K. A. – Kainov, S. Yu.: Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 62 (2011) 229–244.
- MRT 9: Dinnyés I. – Kövári K. – Kvassay J. – Miklós Zs. – Tettamanti S. – Torma I.: *Magyarország régészeti topográfiaja 9. Pest megye régészeti topográfiaja. A szobi és a váci járás*. Budapest 1993.
- NADOLSKI 1953: Nadolski, A.: Miniaturowy toporek z grodziska w Tumie pod Łęczycą (Une hache-d'armes en miniature de l'enceinte fortifiée de Tum près de Łęczycza). *Przegląd Archeologiczny* 9 (1953) 389–391.
- NADOLSKI 1954: Nadolski, A.: *Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku*. Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis 5. Łódź 1954.
- NÉMETH 1975: Németh P.: *Borsova határvármegye kialakulása*. Tanulmányok Kisvárdáról 5. Szerk.: Németh P. Kisvárdá 1975.
- NIESIOŁOWSKA-WĘDZKA 1975: Niesiołowska-Wędzka, A.: Siekiera. In: *Słownik Starożytności Słowiańskich, Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII* 5. Red.: Labuda, G. – Stieber, Z. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1975, 164–167.
- PANASIEWICZ–WOŁOSZYN 2002: Panasiewicz, W. – Wołoszyn, M.: Staroruskie miniaturowe toporki z Gródka, pow. Hrubieszów (The old Russian miniature axes from Gródek, powiat Hrubieszów). *Archeologia Polski* 47:1–2 (2002) 245–286.
- PAULSEN 1939: Paulsen, P.: *Axt und Kreuz bei den Nordgermanen*. Berlin 1939.
- PAULSEN 1956: Paulsen, P.: *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn 1956.
- PETERSEN 1951: Petersen, J.: *Vikingetidens Redskaper*. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo II, Hist.-Filos. Klasse No. 4. Oslo 1951.
- PRANKE 2009: Pranke, P.: Droga Olafa Haraldssona do świętości – przyczynek do badań nad zagadnieniem kultu świętego olafa w kontekście hipotez interpretacyjnych dotyczących znalezisk toporków miniaturowych (Olaf Haraldsson's path to sainthood – A contribution to studies into the cult of st olaf in the context of hypotheses concerning the interpretation of miniature axes). *Pomorania Antiqua* 22 (2009) 61–75.
- RÁCZ 2013: Rác T. Á.: Templom-domb kincsei. A középkori Dabas régészeti kutatása. (The Treasures of Templom-domb. Archeological Research into Medieval Dabas). *Magyar Régészet Online Magazin* (2013 tél). http://www.magyarregeszett.hu/wp-content/uploads/2014/01/Racz_13T.pdf
http://www.hungarianarchaeology.hu/wp-content/uploads/2014/01/eng_Racz_13T.pdf
- RÁCZ 2014: Rác T. Á.: Dabas középkori temploma és temetője (The Medieval Church and Churchyard of Dabas). In: *Múltunk a föld alatt. Újabb régészeti kutatások Pest megyében*. Szerk.: Rajna A. Szentendre 2014, 107–117, 176–177, 234–257.
- RÉVÉSZ 1999: Révész L.: *Emlékezzetek utatok kezdetére... Régészeti kalandozások a magyar honfoglalás és államalapítás korában*. Budapest 1999.
- ROESDAHL 1997: Roesdahl, E.: *Fyrkat. En jysk vikingeborg II. Oldsagerne og gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder, Serie B. 4. København 1977.

- ROSTA 2009: Rosta Sz.: Új eredmények a kunok Duna–Tisza közti szállásterületének kutatásában. (New results in the research of Cuman territory between rivers Danube and Tisza). In: *Kun-kép. A magyarországi kunok hagyatéka*. Szerk.: Rosta Sz. Kiskunfélegyháza 2009, 175–216.
- SHETELIG 1912: Shetelig, H.: En miniatyroks av bronse fra vikingetiden. *Bergens Museums Aarbok* 1911:13 (1912) 3–18.
- SZEVEÉNYI–PRISKIN–CZUKOR 2014: Szeveényi V. – Priskin A. – Czukor P.: Csanádpalota–Juhász T. tanya (M43 55. lh.) késő bronzkori erődített település feltárása: előzetes jelentés a 2011–2013. évi ásatások eredményeiről (Excavation at the Late Bronze Age Fortified Settlement of Csanádpalota–Juhász T. tanya [M43 site Nr. 55.]: the Results of the 2011–2013 Campaigns). *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve* 2014, Új folyam 1. 35–60.
- ТОМКА 2000: Tomka P.: Vármegyéink kialakulásának kezdetei a régészeti kutatások tükrében. In: *Fejezetek Győr, Moson és Sopron vármegyék közigazgatásának történetéből*. Szerk.: Horváth J. Győr 2000, 9–20.
- WOŁOSZYN 2006: Wołoszyn, M.: Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X–XII wieku. In: *Świat Słowian Wczesnego Średniowiecza*. Red.: Dowarczyk, M. – Kowalska, A. B. – Moździoch, S. – Rębkowski, M. Szczecin–Wrocław 2006, 595–614.
- WOŁOSZYN 2007: Wołoszyn, M.: Między Gniezmem, Krakowem a Kijowem. Archeologia o wczesnowśredniowiecznych relacjach polsko-ruskich i formowaniu polsko-ruskiego pogranicza. In: *U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej. Pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych (Frühzeit Ostmitteleuropas: Das polnisch-ukrainische Grenzgebiet aus archäologischer Perspektive)*. Red.: Dębiec, M – Wołoszyn, M. Rzeszów 2007, 177–206.
- ZEITZEN 1997: Zeitzen, M. K.: Amulets and amulet use in viking age Denmark. *Acta Archaeologica (København)* 68 (1997) 1–74.
- ZEMĪTIS 1998: Zemītis, G.: Christliche und heidnische Symbole aus Bergen des 9–12. Jahrhunderts in zentralletland (Daugmale, Talsi, Mežotne). In: *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts 2*. Hrsg.: Müller-Wille, M. Mainz–Stuttgart 1998, 97–113
- ДАРКЕВИЧ 1961: Даркевич, В. П.: Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. *Советская археология* 1961:4, 91–102.
- КАИНОВ 2012: Каинов, С. Ю.: Украина, Чернигов. Курган «Гульбище». В: *Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки*. Red.: Журавлев, Д. – Мурашева, В. Москва 2012, 102–107.
- КАИНОВ–СИНГХ 2016: Каинов, С. Ю. – Сингх, В. К.: Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа (Wooden sheath for an axe from Troitskiy excavation). *Новгород и Новгородская земля* 30 (2016) 196–203.
- КИРПИЧНИКОВ 1966: Кирпичников, А. Н.: *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XII вв.* Археология СССР Свод археологических источников Е1:36. Москва–Ленинград 1966.
- КОРШУН 2008: Коршун, В. Е.: *Родная старина. Обретаея утраченое*. Москва 2008.
- МАКАРОВ 1992: Макаров Н. А.: Древнерусские амулеты-топорики. *Российская археология* 1992:2 (1992) 41–56.
- МУРАШЕВА 2008: Мурашева, В. В.: *Супрутский клад. Из раскопок 1969 г.* Москва 2008.
- НЕМЕТ 1972: Немет, П.: Образование пограничной области Боржава. In: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Red.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 206–220.
- САВЦЬКИЙ–СВІНЦИЦЬКИЙ 2012: Савцький, В. – Свінцицький, В.: Давньоруські амулети-сокирки
- ТЕРСЬКИЙ 2014: Терський, С. В.: *Археологія доби Галицько-Волинської держави*. Київ 2014.

АВТОРЫ СБОРНИКА / A KÖTET SZERZŐI

Andrej Mihajlovics BELAVIN (Perm)
 Андрей Михайлович БЕЛАВИН (Пермь)
 halikov_2011@mail.ru

Arman Aуганович BISZEMBAJEV (Aktöbe, Kazahsztán)
 Арман Ауганович БИСЕМБАЕВ (Ақтөбе, Қазақстан)
 abissembaev@mail.ru

Szergej Gennagyjevics BOTALOV (Cseljabinszk)
 СЕРГЕЙ Геннадьевич БОТАЛОВ (Челябинск)
 grig@csc.ac.ru

Natalja Gennagyjevna BRJUKHOVA (Perm)
 Наталья Геннадьевна БРЮХОВА (Пермь)
 nat-bryukhova@yandex.ru

Mihail Vlagyimirovics CIBIN (Voronyezsz)
 Михаил Владимирович ЦЫБИН (Воронеж)
 mvcibin@yandex.ru

FÜREDI Ágnes (Budapest)
 Агнеш ФЮРЕДИ (Будапешт)
 furediagi@gmail.com

Andrej Mihajlovics GOLUBJEV (Harkov)
 Андрей Михайлович ГОЛУБЕВ (Харків)
 ptahx@ukr.net

Ivan Valerjevics GRUDOSKO (Cseljabinszk)
 Иван Валерьевич ГРУДОЧКО (Челябинск)
 grudochkoivan@mail.ru

Vlagyimir Alekszandrovics IVANOV (Ufa)
 Владимир Александрович ИВАНОВ (Уфа)
 ivanov-sanych@inbox.ru

Anna Gennagyjevna IVANOVA (Kazany)
 Анна Геннадьевна ИВАНОВА (Казань)
 19ivanova91@gmail.com

Anna Fjodorovna KOCKINA (Szamara)
 Анна Федоровна КОЧКИНА (Самара)
 archeo@list.ru

Dmitrij Szergejevics KOROBov (Moszkva)
 Димитрий Сергеевич КОРОБОВ (Москва)
 dkorobov@mail.ru

Ljudmila Anatoljevna KRAJEVA (Orenburg)
 Людмила Анатольевна КРАЕВА (Оренбург)
 kraeva_ludmila@mail.ru

Natalja Boriszovna KrilaszoVA (Perm)
 Наталья Борисовна КРЫЛАСОВА (Пермь)
 n.krylasova@mail.ru

Ajbolat Kajrszljamovics KUSKUMBAJEV (Asztana)
 Айболат Кайрслямович КУШКУМБАЕВ (Астана)
 kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

Irina Vjaceszlavovna MATJUSKO (Orenburg)
 Ирина Вячеславовна МАТЮШКО (Оренбург)
 irina_dojnikova@mail.ru

Natalja Petrovna MATVEJEVA (Tyumeny)
 Наталья Петровна МАТВЕЕВА (Тюмень)
 nataliamatveeva1703@yandex.ru

Jaroslav Valentinovics PILIPCSUK (Kijev)
 Ярослав Валентинович ПИЛИПЧУК (Київ)
 bachman@meta.ua

Andrej Vasziljevics PJATAJEV (Kazany)
 Андрей Васильевич ПЯТАЕВ (Казань)
 151eu@mail.ru

Julija Alekszandrovna Podoszjionova (Perm)
 Юлия Александровна ПОДОСЁНОВА (Пермь)
 podosenka@yandex.ru

Igor Anatoljevics PROHNENKO (Ungvár)
 Игорь Анатольевич ПРОХНЕНКО (Ужгород)
 prohnenkoigor@ukr.net

Roman Aronovics RABINOVICS (Kisinyov)
 Роман Аронович РАБИНОВИЧ (Chişinău)
 romanescu@mail.ru

Szvetlana Sztanyiszlavovna RЈАВСЕВА (Kisinyov)
Светлана Станиславовна РЯБЦЕВА (Chişinău)
sveta.earing@gmail.com

Konsztantyin Alekszandrovics RUDENKO (Kazany)
Константин Александрович РУДЕНКО (Казань)
murziha@mail.ru

Dmitrij Alekszejevics SZTASENKOV (Szamara)
Дмитрий Алексеевич СТАШЕНКОВ (Самара)
archo@list.ru

Türk Attila (Budapest)
Атила Тюрк (Будапешт)
turk.attila@btk.mta.hu

Nyikolaj Petrovics TУЕЛNOV (Kisinyov)
Николай Петрович ТЕЛЬНОВ (Chişinău)
telnov_nikolai@mail.ru

Szvetlana Igorjevna VALIJULINA (Kazany)
Светлана Игоревна ВАЛИЮЛИНА (Казань)
svaliulina@inbox.ru

Jelena Valentyinovna VORONYINA (Kazany)
Елена Валентиновна ВОРОНИНА (Казань)
evoronina2005@yandex.ru

Olga Viktorovna ZELENCOVA (Moszkva)
Ольга Викторовна ЗЕЛЕНЦОВА (Москва)
olgazelentsova2010@yandex.ru

Alekszandr Szergejevics ZELENKOV (Tyumeny)
Александр Сергеевич ЗЕЛЕНКОВ (Тюмень)
qvimen@hotmail.com

ZÁGORHIDI-CZIGÁNY Bertalan (Budapest)
Берталан ЗАГОРХИДИ-ЦИГАНЬ (Будапешт)
zagorhidi.czigany.bertalan@gmail.com

ФОТОГРАФИИ С КОНФЕРЕНЦИИ / A KONFERENCIA KÉREI

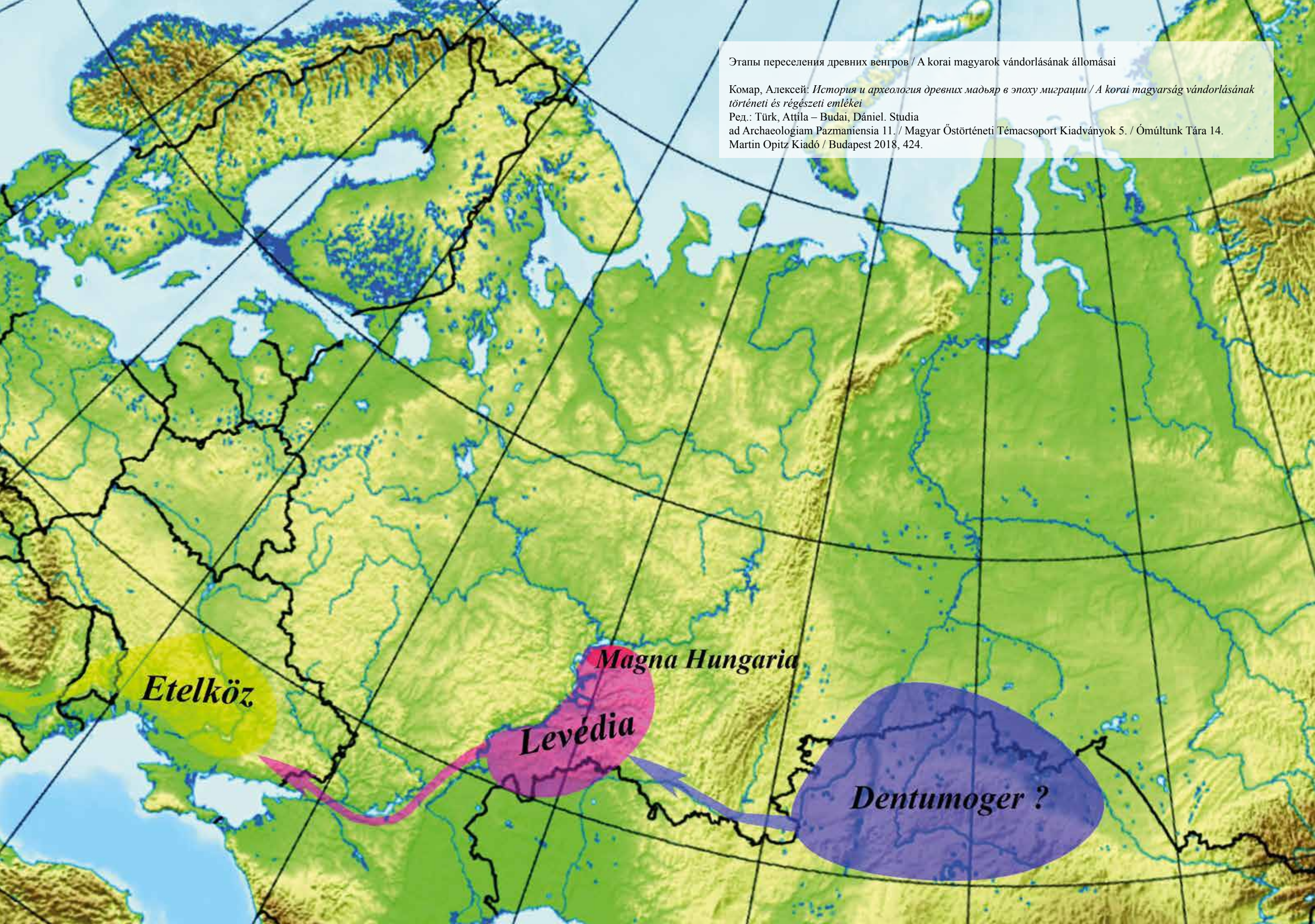

Этапы переселения древних венгров / A korai magyarok vándorlásának állomásai

Комар, Алексей: *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / A korai magyarság vándorlásának történelmi és régészeti emlékei*

Ред.: Türk, Attila – Budai, Dániel. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 11. / Magyar Őstörténelmi Témacsoport Kiadványok 5. / Ómúltunk Tára 14. Martin Opitz Kiadó / Budapest 2018, 424.

Etelköz

Magna Hungaria

Levédia

Dentumoger ?

3. Nemzetközi
Korai Magyar Történelmi
és Régészeti Konferencia

III-й Международный
мадьярский симпозиум

www.martinopitz.hu

9 789639 987357